

СИНТЕЗ ЙОГИ

Шри Ауробиндо

«„Синтез Йоги“ писалась не для того, чтобы явить путь каждому желающему. Каждое направление Йоги рассматривалось отдельно со всеми его возможностями. Также фиксировались все точки соприкосновения так, чтобы начавший со Знания мог в дальнейшем приступить к практике Карма и Бхакти- Йоги - и так со всеми путями. Предполагалось, что когда самосовершенствование будет окончено, то будет предложен метод объединения всех путей и видов Йоги, но это пока так и не было сделано».

Шри Ауробиндо

Шри Ауробиндо
СИНТЕЗ ЙОГИ

Введение
УСЛОВИЯ СИНТЕЗА

СУЩЕСТВУЮТ две неизбежности, связанные с деятельностью

Природы, которые постоянно вторгаются в высшие формы человеческой активности, независимо от того, принадлежат ли эти формы привычным областям движения духа, или же стремятся к тем исключительным сферам и свершениям, которые представляются для нас возвышенными и относятся к сферам божественного. Каждая такая форма стремится к гармонизированной сложности и целостности, которая вновь распадается на многочисленные потоки определенных усилий и устремлений лишь для того, чтобы воссоединиться еще раз в новой силе и мощи. Развитие в рамках формы есть необходимое условие реального проявления в действительности; в тоже время истина и практика, сформулированные слишком жестко, устаревают и теряют большую часть своих достоинств, если не всю ценность. Необходимо постоянное их обновление свежими струями духа, оживляющими мертвую или умирающую форму и преобразующими ее, если ей суждено достигнуть новой жизни. Постоянное возрождение есть условие материального бессмертия. Сейчас мы переживаем время родовых мук, когда все формы мышления и деятельности, содержащие в себе какую-либо полезную силу или скрытую жизнестойкость, подвергаются крайне серьезному испытанию и получают возможность возрождения. Сегодняшний мир предстает перед нами гигантским котлом Медеи, в который брошено все, искромсанное, исковерканное, подвергшееся исследованию, многократно смешанное и перемешанное для того, чтобы либо погибнуть, превратившись в частицы строительного материала для новых форм, либо воскреснуть омоложенными и преобразенными для новой жизни. Индийская Йога, по существу представляющая собой особую деятельность или формулировку определенных великих сил Природы, сама по себе раздробленная и по-разному сформулированная, потенциально является одним из этих динамических элементов будущей жизни человечества. Дитя незапамятных времен, сохранившееся до наших дней благодаря своей жизнеспособности и правдивости, сегодня она покидает тайные школы и места уединения аскетов, в которых она находила свое убежище, и ищет свое место в будущем человечества. Но прежде ей предстоит заново открыть себя, подняться до уровня первопричин своей принадлежности общей истине и той извечной цели Природы, которую она раскрывает перед нами, и, благодаря этому самопознанию и самоопределению, найти свое собственное заново обретенное единство. Перестраивая себя, она легче и мощнее впишется в преобразенную жизнь рода человеческого, который движется к самым сокровенным святилищам и к высочайшим вершинам своего бытия и индивидуальности.

При правильном подходе как сама Жизнь, так и Жизнь в Йоге являются сознательно или бессознательно Йогой, поскольку мы подразумеваем под этим термином приведенные в систему усилия, направленные на самосовершенствование путем задействования потенциальных возможностей, скрытых в человеке, и единение человеческой индивидуальности с универсальным и трансцендентным существованием, частично выраженным в человеке и в Космосе. Но вся жизнь, если мы отвлечемся от ее внешних проявлений, есть безбрежная Йога

Природы, пытающаяся осмыслить свое совершенство во все более нарастающем раскрытии своих возможностей, стремящаяся объединиться с собственной божественной реальностью. В человеке, мыслителе, впервые на этой земле она изобретает самоосознающий инструмент и необходимый план действия для быстрого достижения великой цели. Йога, по словам Свами Вивекананды, может рассматриваться как набор средств для сжатия эволюции человека до размеров одной жизни, или до нескольких лет, или даже до нескольких месяцев существования в телесной оболочке. Таким образом, данная система Йоги есть отбор или сжатие до более узких, но и более энергетически емких, форм некоторых общих методов, которые уже используются свободно, щедро, в неторопливом движении, с чрезмерно расточительным отношением к веществу и энергии, но зато в более всеобъемлющей комбинации, Великой Матерью в ее трудном восхождении к совершенству. Именно такое понимание Йоги способно создать основу для здорового и разумного объединения различных методов и направлений. В этом случае Йога воспринимается не как что-то мистическое и ненормальное, не имеющее никакого отношения к обычным процессам движения Мировой Энергии или к целям, к которым последняя стремится на путях субъективного и объективного самоосуществления. Йога раскрывается как интенсивное и необычное использование сил, которые Мировая Энергия уже проявила или постепенно создает, пусть не столь ярко выражено, но зато фундаментально.

Методы Йоги имеют такое же отношение к нормальной психологической деятельности человека, как научное использование естественной силы электричества или пара к свойствам пара и электричества. Эти методы также формируются на основе знания, обогащенного и подтвержденного систематическими экспериментами, практическим анализом и повторяющимися результатами. Вся Раджа-Йога, например, опирается на ощущение и знание того, что наши внутренние составные части, взаимодействия между ними, их функции можно разделить или разложить на составные части, заново скомбинировать и создать нечто неизведанное и прежде нереальное. Подобным образом Хатха-Йога считает, что жизненные силы и функции, которым обычно подчиняется наша жизнь и которые кажутся нам застывшими и непреложными, могут быть управляемы и их измененные действия могут привести к результатам прежде невозможным. Это кажется сверхъестественным тем людям, которые не поняли основную причину этих функций и сил. В некоторых других направлениях Йоги эта ее характерная особенность не столь очевидна, потому что эти направления более интуитивны и менее механистичны, ближе к состоянию экстаза, как Йога Преданности, или касаются божественной бесконечности сознания и бытия, как Йога Знания. Тем не менее, все они начинаются с использования основных способностей человека таким образом и во имя достижения таких целей, которые не рассматриваются в повседневной деятельности. Все методы, сгруппированные под общим названием Йога, являются особыми психологическими процессами, опирающимися на неизменные истины Природы и развивающимися из обычных функций, сил и следствий, которые всегда присутствовали, но не часто или лишь при особых условиях проявляли себя в повседневности.

Но как в физике увеличение числа научных исследований приносит вред, потому что это приводит, например, к формированию искусственной жизни, которая побеждает естественное человеческое бытие, переполняет его грузом механизмов и техники, покупая свободу и независимость человека ценой все возрастающих так называемых «удобств», так и чрезмерная увлеченность методами Йоги и их исключительными результатами может нанести ущерб. Йогин стремится отойти от повседневного существования и Теряет с ним связь. Он стремится обрести здоровье духа — ценой обеднения своей человеческой деятельности, внутреннюю свободу — ценой внешней смерти. Если он познает Бога, он теряет жизнь. Если он направляет свои усилия вовне, пытаясь завоевать жизнь, то оказывается перед лицом опасности потери Бога. В Индии

жизнь в мире оказалась несовместима с духовным ростом и совершенствованием. И хотя традиция и идеал побеждающей гармонии между внутренним влечением и внешней необходимостью остаются, их можно проиллюстрировать лишь немногими примерами. Действительно, когда человек обращает свой взор и энергию внутрь и вступает на путь Йоги, то предполагается, что он неизбежно потерян для огромного потока совместного существования и мирских усилий человечества. Эта идея настолько широко распространилась, настолько часто она подчеркивалась наиболее распространенными философиями и религиями, что сегодня бегство от реальности расценивается не только как необходимое условие, но и как основная цель Йоги. Синтез учения Йоги не может быть удовлетворительным, если он не направлен на воссоединение Бога и Природы с освобожденной и усовершенствованной человеческой жизнью. Правильное учение в своих методах не только допускает, но и покровительствует гармонии нашей внутренней и внешней деятельности в их божественном осуществлении. Ибо именно человек есть тот знак и символ высшего Бытия, сошедший в материальный мир, где низшему предоставлена возможность преобразовать себя и обрести природу высшего, а высшему открыт путь раскрыть себя в формах низшего. Бегство от жизни, которая дана для реализации этих возможностей, никогда не может являться ни обязательным условием, ни полной и конечной целью, ни мощным средством самореализации. Оно может быть лишь временной необходимостью при определенных обстоятельствах или некоторым чрезвычайным усилием, навязанным индивидууму для того, чтобы подготовить почву для движения человечества в целом. Истинная и конечная цель Йоги достигается тогда, когда сознательная Йога в человеке уподобляется подсознательной Йоге Природы, внешне совпадающей с самой жизнью. И тогда мы снова говорим, оглядывая пройденный путь и достигнутые результаты, со смыслом более точным и ясным: «Вся жизнь — Йога».

1. Перевод введения, частей I, II выполнен Н.И.Дорофеевым; частей III, IV — Т.И.Наливиной.

Синтез Йоги впервые печаталась в ежемесячном издании *Арья*, начиная с ее первого номера в августе 1914 года. Семьдесят две главы, предваренные пятью вводными главами, были опубликованы к январю 1921 года, в котором журнал прекратил публикации, оставив серию незавершенной.

Необходимо отметить, что хотя текст полон в смысле включения в него всего доступного материала. *Синтез Йоги* в целом никогда не был завершен. Не только «Йога Самосовершенствования» осталась незаконченной, но и предполагавшаяся дополнительная часть не была начата. Необходимо также иметь в виду, что только первая часть, «Йога Божественных Работ», была опубликована в окончательном варианте в течение жизни Шри Ауробиндо и тщательно отредактирована. Вторая, а тем более третья и четвертая части надо рассматривать как принадлежащие к раннему периоду.

Ниже приведены выдержки из двух писем Шри Ауробиндо, в которых он касается этой своей работы:

Синтез Йоги писалась не для того, чтобы явить путь каждому желающему. Каждое направление Йоги рассматривалось отдельно со всеми его возможностями, а также фиксировались и точки соприкосновения так, что начавший со Знания мог приступить к

практике Карма и Бхакти-Йоги также, и так со всеми путями. Предполагалось, что, когда Самосовершенствование будет окончено, будет предложен метод объединения всех путей Йоги, но это так и не было сделано.

18 мая 1936 г.

В то время, когда последние главы *Синтеза Йоги* печатались в *Арье*, термин «Надразум» еще не был найден, поэтому он не упоминается. То, что описывается там, есть активность Сверхразума при его схождении в Надразум, подъеме и трансформации работы последнего. Высший самосуществующий Сверхразум или Божественный гносис есть нечто, лежащее вовне и выше Сверхразума, Предполагалось в последних главах показать всю сложность этого вопроса и как много промежуточных уровней лежит между человеческим разумом и Сверхразумом, и как даже Сверхразум, спускаясь ниже, может быть смешан с более низкими проявлениями и превращен в уже нечто меньшее, чем конечная Истина. Но эти последние главы так и не были написаны.

13 апреля 1932 г.

В ИСТОРИИ развития Йоги в прошлом мы замечаем специализирующую и разделяющую тенденцию, которая была оправдана и принесла в свое время пользу. Мы же стремимся к синтезу тех целей и методов, которые возникли вследствие этой тенденции. Но для того, чтобы двигаться в правильном направлении, нам необходимо знать, во-первых, основной принцип и цель, лежащие в основе этого разделяющего импульса, и, далее, особенности метода каждой йогической школы. Об основополагающем принципе должно спрашивать саму Природу в ее вселенском движении, узнавая в ней не только обманчивую и иллюзорную деятельность все искажающей Майи, но и космическую энергию и работу Самого Бога в Его безграничном Бытии, формулирующего и одновременно вдохновляющегося безбрежной, бесконечной и ежеминутно избирательной Мудростью, *prajna prasrta purani* Гиты, Мудростью, от начала исходящей из Вечного. Для выбора конкретных средств мы должны пристально взглянуться в различные направления Йоги и в массе деталей и особенностей рассмотреть управляющую идею, которой они служат, и основную силу, которая рождает и питает их методы. После этого нам будет проще найти тот единственный общий принцип и ту единственную общую силу, в которые уходят корнями и по направлению к которым подсознательно движутся все ответвления нашего учения, и в которых, благодаря этому обстоятельству, возможно сознательное соединение и слияние различных йогических течений.

Поступательное самопроявление Природы в человеке, именуемое в современном языке его эволюцией, с необходимостью зависит от трех последовательных элементов: то, что уже развилось к настоящему времени, то, что находится на стадии сознательной эволюции, и то, что предстоит развить. Последний элемент уже сейчас может быть обнаружен если не постоянно, то, по крайней мере, изредка и случайно или, напротив, с регулярным повторением, в зародыше или в более развитых формах, некоторые из которых близки к границе понимания современной цивилизации. Такие редкие случаи возможны, потому что развитие Природы не сводится к равномерному механическому поступательному движению. Она постоянно достигает областей, лежащих за границей ее возможностей, даже ценой последующих прискорбных отступлений. Ей свойственны стремительные натиски, феерические мощные взрывы, непредсказуемые результаты. Иногда она страстно идет на штурм, надеясь завоевать небесное царство силой. И эти чрезмерности есть откровения того, что есть в ней божественного или, наоборот, дьявольского, но в любом случае это есть наиболее мощные средства ее движения к цели.

Телесная жизнь есть то, что Природа прочно основала и развила для нас. Она создала определенную комбинацию и гармонию двух низших, но фундаментально необходимых элементов нашей деятельности и прогресса на земле: Материи, которая, как бы слишком неземное духовное не относилось к этому факту, является основой и низшим состоянием всех наших энергий и реализаций, и Жизненной Энергии, которая есть наш способ существования в материальном теле и даже базис нашей умственной и духовной деятельности. Она успешно достигает определенной стабильности своего постоянного материального движения, которое одновременно достаточно равномерно и длительно и достаточно изменчиво и непостоянно для того, чтобы создать подходящее пристанище и инструмент постепенного проявления Бога в человеке. Именно это подразумевается в Айтарея Упанишаде, которая повествует нам о том, что божества отвергли животные формы, одна за другой предложенные им Самим Всевышним, и только лишь когда был создан человек, они воскликнули: «Это действительно сделано прекрасно!» и согласились на эту форму. Она также осуществляет работающий компромисс

между костностью материи и активной Жизнью, которая населяет ее и питается ею, и с помощью которой не только поддерживается существование жизни, но и представляется возможным полнейшее развитие ментальности. Это равновесие является основным состоянием Природы в человеке и в терминах Йоги выражается как соединение грубого тела, состоящего из материи, или пищевой оболочки, и нервной системы, или виталической оболочки [1](#).

И если, таким образом, это примитивное равновесие является фундаментом и основным способом движений более высоких, которые созерцаются вселенской силой, и если оно составляет тот сосуд, в котором Божественное пытается самораскрыться на земле, если правильно утверждение индусов, что тело есть инструмент, предоставляемый для исполнения истинного закона нашей природы, тогда любое окончательное бегство от физического существования является отказом от законченности Божественной Мудрости и самоотречением от ее цели в земном проявлении. Подобный отказ может оказаться правильной позицией для некоторых индивидуумов, в силу некоторого тайного закона их развития, но не целью, предназначенной для всего человечества. Следовательно, не может считаться интегральной та система Йоги, которая игнорирует тело или считает его уничтожение или неприятие неизменным условием высшей духовности. Скорее, совершенствование также и тела должно быть окончательным триумфом Духа, и трансформация телесной жизни в божественную должна быть последней печатью, которую Бог поставит на Своей работе над вселенной. То, что физическое предстает как помеха духовному, еще не аргумент для непринятия физического, потому что в тайном провидении наши величайшие трудности являются нашими лучшими возможностями. И в этой главной трудности — указание Природы нам, какая высшая победа должна быть одержана и какая важнейшая проблема должна быть решена в конце концов; это вовсе не предупреждение о безвыходной ловушке, которой надо избегать, или о слишком сильном враге, от которого надо спастись бегством.

В равной степени, жизненные и нервные энергии в нас присутствуют с важной целью; они также требуют божественного раскрытия своих возможностей в нашем высшем осуществлении. Всеобъемлющая мудрость Упанишад особенно подчеркивает ту большую роль, которая отводится этим элементам в схеме вселенной. «Как спицы в колесе сходятся во втулке, так и в Энергии Жизни содержится всё: и тройное знание, и Жертвоприношение, и силу сильного, и чистота мудрого. Энергия Жизни повелевает всем, что существует под тройными небесами» [2](#). Поэтому не интегральная та Йога, которая убивает эти психические энергии, вынуждает их к бесчувственной неподвижности или выкорчевывает их как источник пагубной деятельности. Их очищение, а не разрушение, их преобразование, контролирование и использование являются той целью, которая подразумевалась при создании и развитии внутри нас этих видов энергий.

Если жизнь в телесной оболочке есть то, что Природа жестко создала для нас как свой фундамент и первый инструмент, то наша ментальная жизнь есть ничто иное, как развитие ее ближайшей следующей цели и более совершенного инструмента. Это именно та возвышенная мысль, которая поглощает все ее экзальтированное внимание; это ее постоянный, за исключением периодов истощения и отступления в область успокоительной и восстанавливающей силы тьмы, поиск везде, где она только может освободиться от препятствий своей начальной виталической и физической реализаций. Потому что здесь в человеке мы имеем крайне важную отличительную особенность. Он содержит в себе не единичную ментальность, но двойную и тройную, ум вещественный и психический, чистый интеллектуальный ум, который освобождается от иллюзий тела и чувств, и божественный разум над интеллектом, который в свою очередь освобождается от несовершенных форм логически разделяющего и подверженного игре воображения интеллектуального ума. Ум в человеке впервые играет самостоятельную, хотя и неразрывную с жизнью тела роль, тогда как в растении

он полностью свернут, а в животных всегда заточен. Он принимает эту жизнь не только как первое, но как единственное условие своей деятельности и служит ее нуждам так, как будто бы это была конечная цель бытия. Но телесная жизнь в человеке это основа, но не цель, его первое условие, но не последний его решающий фактор. По справедливому представлению древних, человек по своей сути — мыслитель, Ману, ментальное существо, которое руководит жизнью и телом [3](#), а не животное, которое выполняет их приказания. Истинное бытие человека поэтому только начинается, когда интеллект отделяется от материального и мы начинаем все больше и больше жить в уме, независимом от виталических и физических наваждений и в масштабе этой свободы можем правильно воспринимать и правильно использовать жизнь тела. Потому что свобода, а не искусное подчинение есть истинное средство господства. Свободные от вынужденного принятия внешних условий, расширенные и возвышенные условия нашего физического бытия являются высоким человеческим идеалом.

Интеллектуальная жизнь, таким образом эволюционирующая в человеке, не есть, в действительности, общее достояние. В самом деле, могло бы показаться, будто бы она развита полнейшим образом только в отдельных индивидуумах и будто бы существует большое число и даже большинство, в которых она либо представляет собой небольшую и плохо организованную часть их нормальной природы, либо не развита совсем, или латентна и нелегко активизируема. Конечно, умственная жизнь не есть законченная эволюция Природы; она даже не заложена прочно в человеческое животное. Свидетельствует об этом то, что прекрасное и полное равновесие энергии и вещества, здравомыслящее, крепкое, долгоживущее человеческое тело обычно встречается только в расах или классах людей, отвергающих усилия мысли, ее нарушения, ее напряжения, или в тех, которые думают только материальным умом. Цивилизованный человек еще должен установить равновесие между полностью активным умом и телом; он еще не владеет им нормально. Действительно, похоже, что возрастающее усилие к более интенсивной умственной жизни часто создает усугубляющееся неравновесие человеческих элементов, что дает возможность некоторым ученым описать гениальность как форму сумасшествия, продукт дегенерации, патологическую болезненность Природы. Явления, которые используются для подтверждения этого преувеличения, будучи рассмотренными не порознь, но в связи со всеми другими относящимися к делу данными, указывают на другую истину. Гений является попыткой вселенской Энергии так убыстрить и интенсифицировать наши интеллектуальные силы, чтобы они были подготовлены к тем более влиятельным, непосредственным и мгновенным способностям, которые составляют игру сверхинтеллекта или божественного ума. Таким образом, это не каприз, необъяснимое явление, а совершенно естественный следующий шаг в правильном направлении ее развития. Она гармонизировала телесную жизнь с вещественным умом, она гармонизирует ее с игрой интеллектуального ума; так как они хотя и стремятся к подавлению целиком животной и жизненной энергии, но не производят или не нуждаются в производстве активных нарушений общего равновесия. И она устремляется выше в попытке достичь еще более высокого уровня. Нарушения, вносимые ее деятельностью, не столь велики, как это часто представляют. Некоторые из них являются еще плохо сформированными началами новых проявлений; другие — легко исправляемый процесс распада, зачастую плодовитый свежими направлениями, и [это] всегда небольшая цена, которую необходимо заплатить за далеко идущие последствия, которые она при этом имеет в виду.

Вероятно, мы можем, если мы рассматриваем все обстоятельства, прийти к выводу, что ментальная жизнь, отнюдь не будучи недавним приобретением человека, является кратким повторением в нем предыдущего достижения, от которого Энергия в человечестве была вынуждена прискорбно отказаться. Первобытный человек, возможно, не столько первый предок цивилизованного человека, сколько дегенеративный потомок предыдущей цивилизации. Ибо

если плоды интеллектуального достижения и распределены неравномерно, то потенциальная возможность их встречается везде. Ясно, что в отдельных случаях даже расовый тип, рассматриваемый нами как самый отсталый, негритянские племена неувядающего варварства Центральной Африки, способен, без примеси крови, без ожидания будущих поколений, на интеллектуальную культуру, если уже не на интеллектуальные достижения передовой Европы. Даже в массе людей, похоже, потребуется, при благоприятных обстоятельствах, всего несколько поколений, чтобы пройти путь, который с очевидностью надо бы измерять в терминах тысячелетий. Таким образом, человек, в силу своей привилегии ментального существа освобождается от всего груза медлительных законов эволюции, либо он уже представляет собой и при способствующих условиях и в стимулирующей атмосфере всегда может продемонстрировать высокий уровень материальной способности к активности интеллектуальной жизни. Это не умственная неспособность, а длительный отказ или уклонение от возможности и уход от пробуждающего импульса создают первобытного человека. Варварство — это промежуточный сон, а не изначальная тьма.

Более того, все направления современной мысли и современного стремления открываются взору наблюдателя как огромное сознательное усилие Природы в человеке повлиять на общий уровень интеллектуальной оснащенности, способности и дальнейшей вероятности (развития) путем обобщения возможностей, которые современная цивилизация предоставляет интеллектуальной жизни. Даже поглощенность европейского интеллекта, главного действующего лица этой тенденции, материальной Природой и видимостью существования есть необходимая часть этого усилия. Оно стремится подготовить достаточный базис в материальном бытии человека и жизненных энергиях и в его материальном окружении для полного раскрытия его психических способностей. Путем распространения образования, путем продвижения отсталых народов, путем возвышения угнетенных классов, путем умножения сберегающих труд приспособлений, путем движения к идеальным социальными экономическим условиям, путем работы Науки над улучшением здоровья, продлением жизни и крепким телосложением современного человечества, смысл и намерение этого быстрого движения переводят себя в легко понятные символы. Не всегда могут использоваться правильные или по крайней мере радикальные средства, но их цель — и это правильная предварительная цель, — крепкое индивидуальное и социальное тело и удовлетворение законных нужд и требований материального ума, достаточный покой, досуг, равные возможности, так что все человечество, а не только избранная раса, класс или индивидуум могут быть свободными, чтобы развивать эмоциональное и интеллектуальное бытие в полной мере. В настоящее время материальная и экономическая цель могут преобладать, но всегда, позади, работает или ждет в резерве более высокий и главный импульс.

Когда подготовительные условия достаточны, когда великое стремление нашло свой базис, какова будет природа этих дальнейших возможностей, которым должны служить энергии интеллектуальной жизни? Если ум является действительно высшим способом выражения Природы, тогда полное развитие рационального и одаренного воображением интеллекта и гармоничное удовлетворение эмоций и чувствительности должно быть самодостаточным. Но если, напротив, человек есть большее, чем мыслящее и эмоциональное животное, если свыше того, что эволюционирует сейчас, есть что-то, что необходимо начнет развиваться, тогда вполне может быть, что полнота умственной жизни, податливость, гибкость и широкая возможность интеллекта, требуемое богатство эмоций и восприимчивости могут быть только переходом к развитию более высокой жизни и более мощных способностей, которые еще проявятся и овладеют низшими инструментами, точно так же, как сам ум настолько овладел телом, что физическое существо не живет более для своего собственного удовлетворения, но представляет

собой фундамент и материал высшей деятельности.

Притязание на более высокую, чем умственная, жизнь является всей основой индийской философии, и приобретение и организация этой жизни есть истинная цель, которой служат методы Йоги. Ум не есть последняя стадия эволюции, не высшая цель, но, как и тело, всего лишь инструмент. В терминах Йоги он так и называется — внутренний инструмент [4](#). Индийская традиция утверждает, что то, что должно быть проявлено, не есть что-то новое для человеческого опыта, но было развито раньше и даже правило человечеством в определенные периоды его развития. В любом случае, для того, чтобы быть известным, оно в одно время должно быть частично развито. И если с тех пор Природа отступила обратно от своего достижения, причина всегда должна находиться в некоторой неосознанной гармонии, некоторой недостаточности интеллектуального и материального базиса, к которому она сейчас вернулась, некоторой сверхспециализации более высокого в ущерб более низкому существованию.

Но что тогда представляет собой это более высокое или высочайшее бытие, к которому стремится наша эволюция? Для того, чтобы ответить на вопрос, мы должны иметь дело с классом высших переживаний, классом необычных понятий, которые трудно точно определить в любом другом языке, нежели древний язык санскрит, в котором они только и были систематизированы до некоторой степени. Лишь приблизительные, термины в английском языке вызывают другие ассоциации, и их использование может привести ко многим и даже серьезным неточностям. Терминология Йоги распознает кроме статуса нашего физического и виталического бытия, называемого грубым телом и составленного из двух элементов, пищевой оболочки и виталического тела, кроме статуса нашего ментального бытия, называемого тонким телом и состоящего из одного элемента — умственной оболочки или ментального тела [5](#), третий, высший и божественный статус супраментального бытия, названный причинное тело, которое составлено из четвертой и пятой оболочек, которые описаны как оболочка знания и оболочка блаженства [6](#). Но это знание не есть систематизированный результат умственных вопрошаний и размышлений, не временное сочетание заключений и мнений в порядке наибольшей вероятности или высшего правдоподобия, но скорее чистая самосуществующая и самосияющая Истина. И это блаженство — не высшее наслаждение сердца и чувств на фоне неизбежного переживания боли и страдания, но наслаждение также самосуществующее и независимое от каких-либо объектов или событий, самонаслаждение, которое есть сама природа, сама суть трансцендентного и бесконечного бытия, как оно есть.

Соответствуют ли такие психические концепции чему-либо реальному и возможному? Вся Йога отстаивает их как конечный опыт и высшую цель. Они формируют управляющие принципы нашего наивысшего возможного состояния сознания, наши широчайшие возможные границы бытия. Это, говорим мы, гармония высших способностей, весьма приблизительно соответствующая психологическим дарам откровения, вдохновения и интуиции, однако действующая не в интуитивном уме или божественном уме, но на еще более высоком уровне, которая видит Истину прямо лицом к лицу, или, вернее, живет в сути вещей как вселенских, так и трансцендентных, и является ее формулировкой и просветленной деятельностью. И эти способности есть свет сознательного бытия, вытесняющий эгоистическое, и сам по себе космический и трансцендентный, природа которого есть Блаженство. Вот несомненно божественные и, в сравнении с тем, как создан человек в наши дни, сверхчеловеческие состояния сознания и деятельности. Троица трансцендентного бытия, самосознания и самонаслаждения [7](#) является, действительно, метафизическим изображением высшего Атмана, самоформулировкой нашему пробуждающемуся познанию Непознаваемого, представляемого ли как чистая Безличность или же как космическая Личность, проявляющая вселенную. Но в Йоге

они также рассматриваются в своих психологических аспектах как состояния субъективного существования, которому наше бодрствующее сознание сейчас чуждо, но которое живет в нас на сверхсознательном уровне и до которого, поэтому, мы всегда можем подняться.

Ибо, как указывает название, причинное тело (*karana*), в противоположность двум другим, которые являются инструментами (*karana*), это венчающее проявление является также источником и эффективной силой всего того, что в действительной эволюции предшествовало ему. Наша умственная деятельность, в действительности, есть производная, и поскольку она отделена от истины, которая неявно является ее источником, она есть деформация божественного сознания. Наши чувства и эмоции имеют такое же отношение к Блаженству, наши нервные силы и действия — к аспекту Воли и Силы, принадлежащему божественному сознанию, наше физическое бытие к чистой сути этого Блаженства и Сознания. Эволюция, которую мы наблюдаем и земной вершиной которой мы являемся, может считаться, в некотором смысле, обратным проявлением, с помощью которого эти Силы в своем единстве и своем многообразии используют, развивают и совершенствуют несовершенное вещество и деятельность Материи, Жизни и Ума так, что они могут выразить в изменчивой относительности возрастающую гармонию божественных и вечных состояний, из которых они рождены. Если это истина вселенной, то цель эволюции есть также ее причина, это то что постоянно в своих элементах и вне их освобождено. Но освобождение несомненно не совершенное, если оно — только бегство, и нет возврата к вмещающей материи и действиям — для их усиления и преобразования. Само постоянство не имело бы веской причины существовать, если бы оно не заканчивалось в этом преобразении. Но если человеческий ум может стать способным приблизиться к славе божественного Света, человеческая эмоция и чувство могут превратиться во взрыленную почву и принять ритм и движение высшего Блаженства, человеческое действие не только представляет собой, но ощущает себя движением небесной и неэгоистической Силы и физическое вещество нашей жизни имеет достаточно примеси чистоты высшего существования, достаточно объединяет гибкость и прочное постоянство, чтобы поддержать и продлить эти высшие переживания и действия, тогда весь долгий труд Природы завершится конечным оправданием и ее эволюции раскроют свое глубинное значение.

Настолько поразителен даже намек на это высшее бытие и столь поглощающая его привлекательность, что, однажды увидев, мы охотно оправдываем свое дальнейшее пренебрежение чем-либо другим для его поиска. Даже преувеличением, противоположным тому, что видит все происходящее в Уме и ментальной жизни как исключительный идеал, Ум расценивается как нестоящая деформация и высшая помеха, источник иллюзорной вселенной, отрицание Истины и то, от чего необходимо отречься и все его плоды и результаты уничтожить, если мы хотим окончательного освобождения. Но это полуистина, которая заблуждается, рассматривая только действительные ограничения Ума, и игнорирует его божественное предназначение. Высшее знание — это то, которое осознает и принимает Бога во вселенной, а также и за ее пределами, и интегральная Йога — та, которая, найдя Трансцендентное, в состоянии вернуться во вселенную и владеть ею, сохраняя силу свободно спускаться также как и восходить на великую ступень бытия. Так как если вообще существует вечная Мудрость, то область Ума также должна иметь некоторые высокие судьбу и применение. Это применение может зависеть от его места в спуске и в возвращении, и эта судьба должна быть свершением и преобразованием, а не вырыванием с корнем или уничтожением.

Мы распознаем, таким образом, эти три ступени в Природе: жизнь тела, которая есть наш базис здесь в материальном мире; ментальную жизнь, к которой мы поднимаемся и посредством которой мы придаем телесной жизни более высокий смысл и возвышаем ее до определенной законченности и полноты; божественное существование, которое является, по своей сути, целью

первых двух и обращается к ним для высвобождения их высочайших возможностей. Не считая ни одну из них вне области нашей досягаемости или несвойственными нашей природе, и не рассматривая разрушение какой-либо из них в качестве необходимого условия для высших целей, мы принимаем это освобождение и преобразование по крайней мере как часть, причем весьма существенную и важную, цели, стоящей перед Йогой.

1. annakosa и pranakosa
2. Prashna Upanishad, II. 613
3. manomayah pranasariraneta — Mundaka Upanishad II. 2. 7.
4. antahkarana
5. manah-kosa
6. vijnanakosa и anandakosa
7. Sachchidananda

ПРИРОДА, таким образом, является эволюцией или прогрессивным самопроявлением вечного и тайного существования, с тремя последовательными формами в качестве трех ступеней ее восхождения, и мы считаем условием всей нашей деятельности эти три совершенно друг от друга независимые возможности, телесную жизнь, ментальное существование и завуалированное духовное бытие, являющееся в инволюции их причиной, а в эволюции — их результатом. Сохранение и совершенствование физического, реализация ментального — вот цель Природы, которая должна стать и нашей для того, чтобы раскрыть в доведенном до совершенства теле и уме трансцендентные деяния Духа. Поскольку ментальная жизнь не отбрасывает телесную, а трудится ради ее вознесения и лучшего использования, то и духовная должна не оттолкнуть, а преобразить нашу интеллектуальную, эмоциональную, эстетическую и виталическую деятельность.

Ибо человек, венчающий земную Природу, единственное создание, в котором возможна ее полная эволюция, рождается троекратно. Ему дается жизненная форма, в которой тело есть носитель, а жизнь — динамическое средство для божественного проявления. Его активность сосредоточена в развивающемся уме, который имеет целью самосовершенствование, также как и совершенствование того сосуда, в котором оно обитает, и жизненных инструментов, которые оно использует, и которое обладает способностью пробудится посредством прогрессивной самореализации к своей собственной истинной природе как форма Духа. И он достигает кульминации в том, чем он всегда в реальности являлся, становится просветленным и прекрасным духом, предназначенным в конечном итоге излучать из себя жизнь и ум в своем раскрывшемся великолепии.

Так как это и есть замысел божественной Энергии в человечестве, то весь метод и цель нашего существования должны работать во взаимодействии этих трех элементов бытия. В качестве результата их отдельной формулировки в Природе, человеку приходится оказаться перед выбором между этими тремя видами жизни: обычным материальным существованием, жизнью ментальной активности и прогресса и неизменным духовным блаженством. Но, в процессе развития, он может сочетать эти три формы, разрешить их противоречия в гармоничном ритме, и таким образом обожествить себя, превратиться в совершенного Человека.

В обычной Природе каждая из них имеет характерный и управляющий импульс.

Характерная энергия телесной Жизни заключена не столько в развитии, сколько в настойчивости, не столько в самоувеличении, сколько в самоповторении. Действительно, в физической Природе существует движение от типа к типу, от растения к животному, от животного к человеку; потому что даже в неживой Материи действует Ум. Если же тип выделен физически, то главным непосредственным занятием земной Матери кажется сохранение его существования посредством непрерывного воспроизводства. Ибо Жизнь всегда стремится к бессмертию; но поскольку индивидуальная форма не вечна и лишь идея формы постоянна в создающем космос сознании, — так как в нем она не исчезает, — такое непрерывное воспроизведение и есть единственно возможное материальное бессмертие. Самосохранение, самоповторение, самоумножение неизбежно являются, в таком случае, господствующими инстинктами всего материального существования.

Характерной энергией чистого Ума выступает изменение, и чем сильнее он требует восхождения и организации, тем больше этот закон Ума принимает аспекты непрерывного увеличения, исправления и лучшей постановки своих целей, непрерывного перехода от

меньшего и простого к большому и более сложному совершенству. Ибо Ум, в отличие от телесной жизни, бесконечен в своей области, эластичен в своем расширении, легко принимает любую форму. Изменение, самоувеличение и самоисправление в этом случае являются его собственными инстинктами. Его вера — возможность совершенствования, его девиз — прогресс.

Характерным законом Духа выступает самосуществующее совершенство и неизменная бесконечность. Он всегда и по праву обладает бессмертием, которое является целью Жизни, и совершенством, которое является целью Ума. Достижение вечного и реализация того, что одинаково и одно и то же во всех вещах и над всеми вещами, равно блаженно во вселенной и за ее пределами, нетронуто несовершенством и ограничениями форм и деяний, в которых он пребывает, и есть слава духовной жизни.

В каждой из этих форм Природа действует как индивидуально, так и коллективно; потому что Вечное утверждает Себя равно как в единичной форме, так и в групповом существовании, независимо от того, что это — семья, клан, нация, или группировки, зависящие от менее физических принципов, или высшая группа, наше коллективное человечество. Человек также может стремиться к своему собственному благу в любой или сразу во всех этих сферах деятельности, или отождествить себя в них с сообществом и жить ради него, или, находясь на пути к истинному восприятию этого сложного космоса, гармонизировать индивидуальную реализацию с коллективной целью. И тогда как правильное отношение души со Всевышним, пока она пребывает во вселенной, не эгоистически утвердить свое отдельное бытие и не стереть себя в Неопределенном, а реализовать свое единство с Божественным и миром и объединить их в индивидуальном, то правильным отношением индивидуального с коллективным будет не эгоистично стремиться к своему материальному или ментальному прогрессу, или к духовному спасению, не обращая внимания на окружающих, не подавлять и уродовать ради блага сообщества свое собственное развитие, но собрать воедино в себе все лучшие и самые совершенные возможности, и излить их при помощи мысли, действия и всех других средств на свое окружение для того, чтобы вся раса смогла приблизиться к тому, чего уже достигли ее величайшие представители.

Из этого следует, что целью материальной жизни должно быть осуществление, прежде всего, виталической цели Природы. Вся цель материального человека — жить, пройти путь от рождения до смерти с наибольшим комфортом или удовольствием, какие только возможны на этом пути, но в первую очередь — жить. Он может подчинить эту цель, но только лишь другим инстинктам физической Природы, — воспроизведению индивидуальности и сохранению типа в семье, классе или сообществе. Собственное я, семейная, домашняя жизнь, принятый порядок и обычаи общества и нации — вот составляющие материального существования. Его колоссальное значение в системе Природы самоочевидно, соразмерно этому огромно значение типа человека, который его представляет. Он убеждает ее в надежности структуры, которую она создала, и в упорядоченном продолжении и сохранении достигнутых ею результатов.

Но в результате этой самой полезности такие люди и их жизнь приговорены к тому, чтобы быть ограниченными, иррационально консервативными и приземленными. Привычная рутина жизни, привычные установки, унаследованные или привычные формы мышления — все это их воздух насущный. Они принимают и ревностно защищают перемены, вызванные прогрессивным умом в прошлом, но с равным усердием борются против перемен, осуществляемых им в настоящее время. Ибо для материального человека живой прогрессивный мыслитель — это идеалист, мечтатель или сумасшедший. Древние Семиты, которые побивали камнями живущих пророков и превозносили их память после их смерти, были самым настоящим воплощением этого инстинктивного и неразумного принципа в Природе. В древнеиндийском

разделении на тех, кто родился один раз и на дваждырожденных, именно к этому материальному человеку применимо первое из этих двух описаний. Он осуществляет низшую деятельность Природы; он утверждает и укрепляет основу для её высших деяний; но он — не тот, для кого с легкостью раскрывается слава ее второго рождения.

Все же он приемлет ровно столько духовности, сколько было навязано его привычным идеям великими религиозными всплшками прошлого, и оставляет в своей схеме общества место, почетное, хотя не всегда действенное, для жреца или ученого теолога, которому было бы доверено снабжать его обычной и безопасной духовной пищей. Но для человека, который бы утвердил для себя свободу духовного опыта и духовной жизни, он предписывает, если вообще его принимает, не мантию жреца, а одеяние Саньясина. Пусть он познает свою опасную свободу вне общества. Таким образом, он может служить даже в качестве человеческого молниеотвода, принимающего электричество Духа и отводящего его от социальной постройки.

Тем не менее, возможно сделать материального человека и его жизнь умеренно прогрессивными путем наложения на материальный ум обычая прогресса, привычки к сознательному изменению, закреплённой идеи развития как закона жизни. Создание такими средствами прогрессивных обществ в Европе есть один из величайших триумфов Ума над Материей. Однако физическая Природа в долгу не остается: прогресс имеет тенденцию ко все большему огрубению и приобретает все более внешнюю направленность, и его попытки достичь более высокого или быстрого движения вызывают величайшее утомление, быстрое истощение, ужасные отступления.

Возможно также наделить материального человека и его жизнь умеренной духовностью через приучение его видеть в религиозном духе все стороны жизни и все ее привычные дела. Создание подобных одухотворенных сообществ на Востоке явилось одним из величайших триумфов Духа над Материей. Но все же и здесь присутствует дефект, так как это часто приводит лишь к созданию религиозного темперамента, самой внешней формы духовности. Его высшие проявления, даже самые великолепные и величественные, либо просто увеличивают количество душ, вырванных из социальной жизни, и таким образом ее обескровливают, или тревожат общество в течении некоторого времени в результате разового и мгновенного восхождения. Истина заключается в том, что ни ментальное усилие, ни духовный порыв недостаточны, взятые по отдельности, для победы над величайшим сопротивлением материальной Природы. Она требует их союза в завершенном действии, прежде чем она претерпит полное изменение в человечестве. Но, обычно, эти два великих фактора не склонны к тому, чтобы пойти на необходимые уступки друг другу.

Ментальная жизнь концентрируется на эстетической, этической и интеллектуальной деятельности. Истинная сущность менталитета идеалистична и всегда находится в поисках совершенства. Скрытое я, сиятельный Атман [8](#), всегда — мечтатель. Мечта о совершенной красоте, совершенном ведении и управлении, совершенной Истине, либо ищущая новые формы Вечного, либо оживляющая старые, есть сама душа чистой ментальности. Но она не знает, как справиться с сопротивлением Материи. В этом она затруднена и неэффективна, действует через неверный и запутанный опыт, и вынуждена либо выйти из борьбы, либо подчиниться серой действительности. Или же, изучая материальную жизнь и принимая условия борьбы, она может добиться успеха, но лишь в навязывании временно неких искусственных систем, которые бесконечная Природа либо сокрушит и отбросит, либо обезобразит до неузнаваемости или, лишив поддержки, оставит в виде мертвого идеала. Очень редки были эти озарения мечтателя в Человеке, которые бы мир с готовностью воспринял, на которые бы он оглядывался с доброй памятью и стремился бы сохранять во всей целостности.

Когда пропасть между действительной жизнью и темпераментом мыслящего слишком

велика, в качестве результата мы наблюдаем своего рода отстранение Ума от жизни для того, чтобы действовать с большей свободой в своей собственной сфере. Поэт, живущий среди своих видений, художник, погруженный в искусство, философ, разрешающий проблемы интеллекта в своем уединенном кабинете, ученый, заботящийся лишь о своих изысканиях и экспериментах, часто в прошлом являлись, и сейчас даже нередко являются Саньясинами интеллекта. Вся история человечества ведет счет той работе, что они сделали для него.

Однако это уединение оправдано особой, специфической деятельностью. Ум обретает свою полную силу и действие, лишь когда бросается в жизнь и принимает равно как ее возможности, так и ее сопротивление в качестве средств великого самосовершенствования. В борьбе с трудностями материального мира прочно формируется этическое развитие индивидуальности, проходятся великие школы поведения; во взаимодействии с фактами жизни Искусство достигает жизненности, Мысль утверждает свои абстракции, обобщения философа базируются на твердом фундаменте науки и опыта.

Однако, это соединение с жизнью может быть преследуемо ради целей индивидуального сознания, с полным безразличием к формам материального существования или усовершенствования расы. Ярче всего это безразличие проявляется в Эпикурейском учении и не совсем отсутствует у Стоиков; даже альтруизм страдает чаще ради себя нежели ради мира, которому оказывает помощь. Но и это — ограниченная реализация. Прогрессивный ум проявляется в его высшем благородстве, когда он стремится поднять всю расу на свой уровень, либо сея в пространстве образ своей мысли и свершения, либо преобразуя материальную жизнь расы в новые формы — религиозные, интеллектуальные, социальные или политические, — нацеленные на то, чтобы как можно ближе и точнее передать этот идеал истины, красоты, справедливости, праведности — все то, чем освещена собственная душа данного человека. Неудача на этом поприще значит очень мало, потому что динамична и созидательна уже сама попытка. Борьба Ума за вознесение жизни является обещанием и условием завоевания жизни тем, что выше даже Ума.

Духовное существование озабочено тем, что вечно, но это не значит, что оно совершенно чуждо временному. Для духовного человека мечта ума о совершенной красоте реализуется в вечной любви, красоте и наслаждении, которые не зависят ни от чего и постоянны за всеми объективными проявлениями; его мечта о совершенной Истине — в высшей, самосуществующей, самоочевидной и вечной Правде [9](#), которая никогда не меняется, но является тайной и объяснением всех вариаций и целью всего развития; его мечта о совершенном действии — во всемогущем и самоуправляющем Законе, который всегда присущ всем предметам и переводит себя здесь в ритм миров. То, что выступает мимолетным видением или непрерывным усилием творчества в сиятельном Я, есть вечно существующая Реальность в Я, знающем и являющимся Господом [10](#).

Но если для ментальной жизни часто трудно приспособиться к грубо сопротивляющейся материальной деятельности, то насколько труднее это должно выглядеть для духовного существования — продолжать жить в мире, который оказывается полон не Истины, а лжи и иллюзий, не Любви и Красоты, а окружающих противоречий и мерзости, не Закона Истины, но победоносного эгоизма и греха? Таким образом, духовная жизнь легко склоняется в святом и Саньясине к отходу от материального существования и отвергает его либо полностью и физически, либо в духе. Она видит в этом мире царство зла или невежества, в то время как вечное и божественное — либо далеко на небесах, либо вне мира и жизни. Она отделяет себя от этой нечистоты; она устанавливает духовную реальность в незапятнанной изоляции. Этот уход оказывает неоценимую услугу самой материальной жизни, заставляя ее уважать и даже склоняться перед тем, что является прямым отрицанием ее самых излюбленных идеалов,

низменных забот и эгоистического самодовольства.

Однако деятельность в мире столь верховной власти как духовная сила не может быть ограничена лишь этим. Духовная жизнь тоже может обратиться к материальной и использовать ее в качестве средства своей еще более великой наполненности. Отказываясь быть ослепленной дуальностями, внешними проявлениями, она может во всех проявлениях искать образ одного Господа, одной и той же вечной Истины, Красоты, Любви, Наслаждения. Ведантическая формула Я во всех вещах, всех вещей в Я и всех вещей как становлений Я является ключом к этой богатейшей и всеобъемлющей Йоге.

Но духовная жизнь, как и ментальная, таким образом может использовать это внешнее существование на благо индивидуальности с совершенным безразличием к какому-либо коллективному вознесению того чисто символического мира, который она использует. Раз Вечное всегда является одним и тем же во всех вещах и все вещи — одним и тем же для Вечного, раз точный вид действия и его результат не имеют значения по сравнению с выработкой в себе одной великой реализации, это духовное безразличие принимает независимо от окружающего мира, независимо от действия, бесстрастно, готовность прекратить свою деятельность, как только его высшая цель будет достигнута. Именно так многие поняли идеал Гиты. Или же внутренняя любовь и блаженство могут излиться на мир добрыми делами, служением, состраданием, внутренней Истиной, дающей знание, но не пытаюсь таким образом трансформировать мир, который в силу своей чужеродной природы остается полем брани дуальностей, греха и добродетели, истины и лжи, радости и страдания.

Однако, если Прогресс является одним из главных положений существования мира, а прогрессивное проявление божественного — истинным смыслом Природы, то это ограничение так же не будет иметь силы. Для духовной жизни в мире возможно, и это реальная миссия, трансформировать материальную жизнь в ее собственный образ, в образ Божественного. Таким образом, кроме великих отшельников, которые искали и достигли самоосвобождения, мы имеем великих духовных учителей, которые освобождали и других, и, превыше всего, великие динамические души, которые, чувствуя себя в мощи Духа сильнее, нежели все силы материальной жизни вместе взятые, устремлялись в мир, схватывались с ним в любовной борьбе, и старались вырвать у него согласие на его собственное преображение. Обычно усилие концентрируется на ментальной и моральной перемене в человечестве, но оно может расширяться до изменения форм нашей жизни и ее проявлений таким образом, чтобы они тоже могли принять более подходящую форму для вливаний Духа. Эти попытки были высшими вехами в прогрессивном развитии человеческих идеалов и божественной подготовки расы. Каждая из них, независимо от внешнего результата, делала Землю более приближенной к Небесам и ускоряла медлительные движения эволюционной Йоги Природы.

В Индии, в течение последнего тысячелетия и даже больше, духовная и материальная жизнь сосуществовали бок о бок, исключая при этом развитие прогрессивного ума. Духовность поставила условия для себя и Материи, отрицающие попытку общего прогресса. Она добилась у общества права свободного духовного развития для всех, кто приемлет некий отличительный символ, такой как одеяние Саньясина, признание такой жизни как цели человека и тех, кто ведет ее, достойными абсолютного поклонения; вхождения самого общества в такую религиозную форму, что его самые обычные действия должны были сопровождаться формальным напоминанием о духовном символизме жизни и ее высшем предназначении. С другой стороны, за обществом было признано право инерции и неподвижной самоконсервации. Эта уступка в основном разрушила большую ценность созданных условий. Вследствие того, что религиозная модель была зафиксирована, формальное напоминание имело склонность превратиться в рутину и потерять свой живой смысл. Непрерывные попытки изменить модель

посредством новых сект и религий заканчивались лишь новой рутинной, или модификацией старой; ибо спасительный элемент свободного и действенного ума был изгнан. Материальная жизнь, будучи переданной в руки Невежества, бесцельный и бесконечный дуализм, стали тяжким и болезненным ярмом, единственным спасением от которого была лишь борьба.

Школы Индийской Йоги сами по себе склонны к компромиссу. Индивидуальное совершенство или освобождение были провозглашены целью, различного рода уединение и отход от обычных дел — условием, отречение от жизни — кульминацией. Учитель делился своим знанием с ограниченным кругом учеников. Или же, в случае, когда осуществлялась попытка более широкого движения, все равно лишь освобождение индивидуальной души оставалось целью. Договор с неподвижным обществом большей частью соблюдался.

Польза компромисса в действительном тогда состоянии мира не может подвергаться сомнению. В то время он обезопасил в Индии общество, которое склонялось к сохранению и поклонению духовности, отдельную страну, в которой, как в крепости, высший духовный идеал мог себя сохранить в наиболее абсолютной чистоте, незамутненной осадой окружавших его сил. Но это был компромисс, а не абсолютная победа. Материальная жизнь утратила божественный импульс к росту, духовность благодаря изоляции сохранила свою высоту и чистоту, но пожертвовала полнотой своей силы и способностью служить миру. Таким образом, в божественном Провидении страна Йогов и Саньясинов была вынуждена на жесткий и неизбежный контакт с тем самым элементом, который она отвергла, элементом прогрессивного Ума, с тем, чтобы он мог исправить все, что теперь испытывало в нем необходимость.

Еще раз мы должны уяснить, что индивидуальность существует не только в самой себе, но в коллективе, и что индивидуальное совершенство и освобождение не являются полным и окончательным содержанием Божьего намерения в мире. Свободное использование свободы включает в себя также и освобождение других и всего человечества; совершенная польза нашего совершенства — это, осознав в себе божественный символ, воспроизвести, размножить и сделать его в высшей степени универсальным в других.

Таким образом, от конкретного взгляда на человеческую жизнь в ее трехкратной потенции мы пришли к тому же самому заключению, что мы получили из созерцания Природы в ее обобщенной деятельности и трех ступенях ее эволюции. И мы начали постигать конечную цель нашего синтеза Йоги.

Дух — венец космического существования; Материя — его опора; Ум — связующее звено между ними. Дух — это то, что вечно; Ум и Материя — его деяния. Дух — это то, что сокрыто и должно быть открыто; ум и тело — средства, при помощи которых он стремится раскрыть себя. Дух — это образ Господина Йоги; ум и тело — средства, которые Он предоставил для воспроизведения этого образа в феноменальном существовании. Вся Природа — это попытка последовательного откровения скрытой Истины, все более и более удачное воспроизведение божественного образа.

Однако то, что Природа имеет своей целью для масс в процессе медленной эволюции, Йога осуществляет для индивидуальности путем быстрой революции. Она действует через ускорение всех энергий, возвышение всех свойств Природы. В то время как последняя развивает духовную жизнь с трудом и постоянно должна откатываться от нее ради ее низших реализаций, сублимированная сила, концентрированный метод Йоги могут достичь непосредственно и заключать в себе совершенство ума и даже, если она захочет, совершенство тела. Природа ищет Божественное в своих собственных символах; Йога выходит за пределы Природы к Господину Природы, за границы вселенной к Трансцендентному, и может вернуться с трансцендентным светом и силой, неся в себе санкцию Всемогущего.

Но в конечном счете их цель едина. Обобщение Йоги в человечестве должно быть

последней победой Природы над ее собственными задержками и утаиваниями. И как сейчас с помощью прогрессивного разума в Науке она стремится сделать все человечество готовым для полного развития ментальной жизни, таким же образом через Йогу должна она неизбежно стремиться подготовить человечество для более высокой эволюции, второго рождения, духовного существования. И так же как ментальная жизнь использует и совершенствует материальную, так и духовная будет использовать и совершенствовать материальное и ментальное существование как инструменты божественного самовыражения. Времена, когда это будет завершено и есть легендарные Сатья или Крита [11](#) Юга, времена Истины, проявившейся в символе, великой работы, исполненной тогда, когда Природа в человечестве — просветленном, удовлетворенном и блаженном — достигает кульминации своего устремления.

Для человека это — узнать ее смысл, больше не искажая, не извращая и не пороча всемирную Матерь, и, используя ее сильнейшие средства, всегда стремиться к ее высшему идеалу.

8. Кто пребывает в Мечте, внутренне сознателен, наслаждающийся абстракциями, Сиятельный. Mandukya Upanishad, 4 (Прим. Шри Ауробиндо)

9. Verity

10. Объединенный, в котором сконцентрирована сознательная мысль, кто является всем наслаждением и тем, кто наслаждается, Мудрый... Он — Господь всего, Всезнающий, внутренний Руководитель. Mandukya Upanishad. 5, 6. (Прим. Шри Ауробиндо)

11. Satya означает Истина; Krita — заверченный, реализованный. (Прим. Шри Ауробиндо)

Глава IV

Системы Йоги

ТЕ ОТНОШЕНИЯ между различными психологическими частями человека и те многообразные возможности использования и объекты приложения усилия, на них основанные, такие, какими мы их увидели в нашем кратком обзоре природной эволюции, мы обнаружим повторенными в фундаментальных принципах и методах различных школ Йоги. И если мы стремимся объединить и гармонизировать их основные практики и их главные задачи, то мы обнаружим то, что фундамент, данный Природой, есть для нас естественный базис и условие их синтеза.

В одном отношении Йога превосходит обычное действие космической Природы и выходит за ее пределы. Ибо цель Вселенской Матери — объять Божественное в своей собственной игре и творениях и этим реализовать Его. Но в высших полетах Йоги она выходит за пределы себя и познает Божественное в Нем Самом, вознесясь над вселенной и даже отстоя отдельно от космической игры. Таким образом некоторые предполагают, что это не только высший, но также и единственно истинный или исключительно предпочтительный предмет Йоги.

В то же время именно благодаря чему-то, что она сама создала в процессе эволюции, Природа превосходит свою эволюцию. Именно индивидуальное сердце, возвышая свои высшие и чистейшие эмоции, достигает трансцендентного Блаженства или невыразимой Нирваны, это индивидуальный ум, перестраивая свои обычные функции в знание, превосходящее ментальное знание, знает свое тождество и единство с Невыразимым и погружает свое отдельное существование в это трансцендентное единство. И всегда именно индивидуальность, Я, обусловленное в своем опыте Природой и работой через ее формации, достигает Я необусловленного, свободного и трансцендентного.

На практике необходимы три концепции, прежде чем возникнет какая-либо возможность Йоги; должны быть как бы три согласные на усилии стороны, — Бог, Природа и человеческая душа, или, на более абстрактном языке — Трансцендентальное, Вселенское и Индивидуальное. Если индивидуальность и Природа предоставлены самим себе, то один привязан к другой и неспособен заметно превзойти ее медлительное шествие. Необходимо что-то трансцендентное, свободное от нее и более великое, что бы воздействовало на нас и на нее, привлекая нас наверх к Себе и получив у нее по доброй воле или силой согласие на индивидуальное восхождение.

Именно эта истина делает необходимой для каждой философии Йоги концепцию Ишвары, Господа, высшей души или верховного Я, к кому направлено усилие и кто дарит просветляющее прикосновение и силы для достижения. Так же верна дополнительная идея, так часто поддерживаемая Йогой преданности, что как Трансцендентное необходимо для индивидуального и ищется им, так индивидуальное в некотором роде необходимо Трансцендентному и ищется Им. Если Бхакта ищет и стремится к Бхагавану, то Бхагаван тоже ищет и стремится к Бхакте [12](#). Йога знания не может существовать без человека, ищущего знания, высшего предмета знания и божественного использования индивидуальностью универсальных свойств знания; не может быть Йоги преданности без человека, возлюбившего Бога, высшего объекта любви и наслаждения и божественного использования индивидуальностью универсальных свойств духовного, эмоционального и эстетического наслаждения; не может быть Йоги труда без работника-человека, высшей Воли, Владыки всех трудов и жертв, и божественного использования индивидуальностью универсальных свойств силы и действия. Как бы Монистична ни была наша интеллектуальная концепция высшей истины вещей, на практике мы вынуждены принять эту вездесущую Троицу.

Ведь контакт человеческого и индивидуального сознания с божественным и есть самая сущность Йоги. Йога — это единение того, что стало отдельным в игре космоса, со своим собственным истинным Я, со своим источником и универсальностью. Этот контакт может случиться в любой точке сложного, запутанно организованного сознания, которое мы называем своей личностью. Он может быть осуществлен физически через тело; виталически — через действие тех функций, которые определяют состояние, опыт и переживания нашего нервного бытия; через ментальность, либо посредством сердца эмоций, активной воли или понимающего ума, или же гораздо шире через общую конверсию ментального сознания во всей своей деятельности. Он может быть равно осуществлен через непосредственное пробуждение для всемирной или трансцендентной Истины и Блаженства путем конверсии центрального эго в уме. И согласно точке контакта, которую мы выбираем, соответствующим будет и тип Йоги, которую мы практикуем.

Ведь если, оставив в стороне сложности их особых процессов, мы сосредоточим наше внимание на центральном принципе главных школ Йоги, до сих пор преобладающих в Индии, мы увидим, что они размещены в порядке возрастания, который начинается с нижней ступени лестницы, тела, и восходит к непосредственному контакту между индивидуальной душой и трансцендентным и всемирным Я. Хатха-Йога выбирает тело и виталические функции в качестве инструментов совершенства и реализации; ее забота — грубое тело. Раджа-Йога выбирает ментальное бытие в его разных частях в качестве рычага для приложения силы; она сконцентрирована на тонком теле. Тройственный Путь Трудов, Любви и Знания использует некоторую часть ментального бытия, воли, сердца или интеллекта в качестве начальной точки и стремится через их конверсию прийти к освобождающей Истине, Блаженству и Бесконечности, которые являются природой духовной жизни. Его метод есть прямое общение между человеческим Пурушей в индивидуальном теле и божественным Пурушей, который пребывает в каждом теле и в то же время превышает всякой формы и имени.

Хатха-Йога нацелена на покорение жизни и тела, комбинация которых в пищевой оболочке и виталическом сосуде составляет, как мы уже знаем, грубое тело, и чье равновесие является основой всей деятельности Природы в человеке. Равновесие, установленное Природой, достаточно для нормальной эгоистичной жизни; оно недостаточно для целей Хатхайоги. Ибо оно установлено из расчета баланса виталической и динамической силы, необходимого для работы физического агрегата при нормальном ходе человеческой жизни, и в состоянии осуществить более или менее адекватно разнообразные работы, требуемые от него населяющей эту форму индивидуальной жизнью и обуславливающим его мировым окружением. Таким образом, Хатха-Йога стремится очистить Природу и установить другое равновесие, при котором физический каркас сможет выдержать направленный вовнутрь напор усиливающейся виталической или динамической силы Праны, неопределимой, почти бесконечной в своем количестве и интенсивности. В Природе равновесие основано на индивидуализации Праны ограниченного количества и силы; свыше этого количества индивидуум, вследствие личной и наследственной привычки, неспособен выдержать, использовать или контролировать. В Хатха-Йоге равновесие открывает дверь универсализации индивидуального виталического, принимая в тело, храня, используя и контролируя гораздо менее фиксированное и ограниченное действие вселенской энергии.

Главные процессы Хатха-Йоги — это asana и pranayama. С помощью многочисленных Асан, или фиксированных поз, она сначала излечивает тело от того беспокойства, которое является знаком неспособности содержать в себе, без их растраты в действии и движении, виталические силы, влитые в него из всемирного Океана Жизни, дает ему исключительное здоровье, силу и устойчивость, и стремится освободить его от привычек, которыми оно подчинено обычной

физической Природе и содержится в узких рамках ее обычных операций. В древней традиции Хатха-Йоги всегда предполагалось, что это овладение может пойти так далеко, что в значительной степени позволит достичь победы над силой гравитации. С помощью разнообразных вспомогательных, но тщательно разработанных процессов Хатхайогин стремится сохранить тело свободным от всякой нечистоты, а нервную систему незасоренной и спокойной для выполнения дыхательных упражнений, которые являются его самым важным инструментом. Они названы рганауама, контроль дыхания или виталической силы; ибо дыхание есть главная физическая функция виталических сил. Для Хатхайогина Пранаяма служит двойной цели. Во-первых, она завершает совершенство тела. Виталическое освобождается от множества обычных нужд физической Природы; крепкое здоровье, продленная молодость, часто необыкновенное долгожительство достигается при этом. С другой стороны, Пранаяма пробуждает свернутого кольцом змея Пранического динамизма в виталической оболочке и открывает Йогину область сознания, уровни переживания и опыта, сверхъестественные возможности, в которых отказано обычной человеческой жизни, одновременно в огромной степени усиливая и те нормальные силы и свойства, которыми он уже обладает. Эти преимущества могут быть и дальше усилены другими вспомогательными процессами, открытыми Хатхайогину.

Результаты Хатха-Йоги совершенно ошеломляющи для глаза и легко воздействуют на вульгарный или физический ум. И, тем не менее, в конце концов мы можем задать вопрос, а что мы приобрели в результате этой колоссальной и изнурительной работы. Объект физической Природы, сохранение простой физической жизни, ее высшее совершенство, даже в определенном смысле способность к большему наслаждению физическим бытием были вынесены на сверхъестественный уровень. Но слабостью Хатха-Йоги является то, что ее трудоемкие и сложные процессы требуют так много времени и энергии, и навязывают столь полный отрыв от обычной жизни людей, что польза от ее результатов становится для жизни либо неприменимой на практике, либо в высшей степени ограниченной. Если же в обмен на эту потерю мы обретаем иную жизнь в ином мире внутри себя, ментальном, динамическом, то эти результаты могли бы быть достигнуты посредством других систем, через Раджа-Йогу, через Тантру, с помощью гораздо менее трудоемкого метода и в менее обременительных условиях. С другой стороны, физические результаты, увеличение жизненной силы, продленная молодость, здоровье, долгожительство имеют малую ценность, если мы их должны хранить, как скупцы и скряги, отдельно от обычной жизни, ради них самих, не используемых, не включаемых в общую сумму мировой деятельности. Хатха-Йога достигает больших результатов, но за несоразмерную цену и ради незначительной цели.

Раджа-Йога ставит более высокие задачи. Она нацелена на освобождение и совершенство не телесного, но ментального бытия, на контроль эмоциональной и чувствительной жизни, господство над всем аппаратом мысли и сознания. Она концентрирует взгляд на citta, этом веществе ментального сознания, в котором возникает и происходит эта деятельность, и она стремится, так же, как Хатха-Йога со своим физическим материалом, сначала очистить и успокоить. Обычным состоянием человека является состояние беспокойства и беспорядка; царство либо в состоянии войны с самим собой, либо плохо управляемо; ибо господин, Пуруша, подчиняется своим министрам, способностям, подчинен даже своим подчиненным, инструментам чувств, эмоций, действия, удовольствия. Свараджья, самоуправление, должно заменить это подчинение. Во-первых, таким образом, необходимо помочь силам порядка победить силы беспорядка. Предварительное движение Раджа-Йоги — это тщательная самодисциплина, при помощи которой хорошие привычки ума замещают незаконные движения, потакающие низшей части нервной сущности. Практикой истины, отречением от всех форм эгоистического поиска, воздержанием от причинения вреда другим, чистотой, постоянной

медитацией и стремлением к божественному Пуруше, который является истинным господином ментального царства, устанавливается чистое, радостное, ясное состояние ума и сердца.

Но это лишь первый шаг. В последствии обычные действия ума и чувств должны быть полностью успокоены для того, чтобы душа могла стать свободной для подъема к высшим состояниям сознания и обрести опору для совершенной свободы и самогосподства. Но Раджа-Йога не забывает о том, что неспособности обычного ума происходят в своем большинстве из его подчиненности реакциям нервной системы и тела. Поэтому она заимствует из системы Хатха-Йоги ее приемы *asana* и *pranayama*, но урезает их множественные и утонченные формы в каждом случае до одного самого простого и самого непосредственно эффективного процесса, достаточного для ее конкретной цели. Таким образом она избавляется от сложности и громоздкости Хатха-Йоги, в то время как использует быструю и могущественную эффективность ее методов для контроля над телом и виталическими функциями, и для пробуждения внутреннего динамизма, полного скрытой сверхъестественной силы, классифицированного в терминологии Йоги как *kundalini*, свернутый кольцом спящий змей внутренней Энергии. Когда это выполнено, система продолжает идти к совершенному затиханию еще не полностью спокойного ума, и его вознесению к высшему уровню путем последовательных этапов концентрации ментальной силы, ведущих к Самадхи.

Через Самадхи, в которой ум обретает способность уходить от своих ограниченных действий бодрствующего состояния в более свободные и высокие состояния сознания, Раджа-Йога преследует двойную цель. Она овладевает чистым ментальным действием, свободным от помех внешнего сознания, и от него идет дальше, к высшим супраментальным уровням, на которых индивидуальная душа входит в свое истинное духовное существование. Однако, еще она приобретает способность к свободной и концентрированной передаче энергии сознания своему объекту, которую наша философия определяет как первичную космическую энергию и метод божественного воздействия на мир. С помощью этой способности Йогин, уже овладевший высшим сверхкосмическим знанием и опытом в состоянии транса, может в бодрствующем состоянии непосредственно приобрести любое знание и проявить господство над чем угодно, если это может быть полезно или необходимо для его деятельности в объектном мире. Ибо древняя система Раджа-Йоги была нацелена не только на Свараджья, самоуправление или субъективное царство, на полный контроль субъективным сознанием всех состояний и действий, принадлежащих его собственным владениям, но включала и Самраджья, внешнее царство, контроль субъективным сознанием своих внешних действий и окружающего мира.

Мы видим, что, подобно Хатха-Йоге, имеющей дело с жизнью и телом, направленной на сверхнормальное совершенство физической жизни и ее возможностей, и идущей дальше, за пределы последней, в царство ментальной жизни, Раджа-Йога, работая с умом, имея целью сверхнормальное совершенство и расширение возможностей ментальной жизни, выходит за пределы этого в царство духовного существования. Но слабость этой системы — в чрезмерном упоре на аномальные трансовые состояния. Это ограничение ведет с самого начала к определенной отчужденности от физической жизни, которая является нашим фундаментом и той сферой, куда мы должны привнести наши ментальные и духовные достижения. Особенно духовная жизнь в этой системе слишком сильно ассоциируется с состоянием Самадхи. Нашей целью является сделать духовную жизнь и ее переживания полностью активными и пригодными к использованию в бодрствующем состоянии, и даже в сочетании с обычным использованием других функций. Но в Раджа-Йоге она имеет тенденцию отхода на второй план позади нашей обычной жизни вместо того, чтобы спуститься в нее и овладеть целиком всем нашим существованием.

Тройственный Путь преданности, знания и трудов работает в области, которую Раджа-Йога

оставляет незанятой. Он отличается от Раджа-Йоги тем, что он не занимает себя чрезмерно усложнённой подготовкой всей ментальной системы в качестве условия совершенства, но опирается на определенные центральные принципы, интеллект, сердце, волю, и стремится перестроить их обычные функции, отвернув их от их привычных внешних занятий и деятельности, и сосредоточив их на Божественном. Он так же отличается тем, — и это с точки зрения интегральной Йоги кажется недостатком, — что он безразличен к ментальному и телесному совершенству и нацелен лишь на чистоту как условие божественной реализации. Вторым недостатком заключается в том, что на практике он выбирает лишь какой-то один из трех параллельных путей, и находится почти в антагонизме с другими, вместо осуществления гармонии интеллекта, сердца и воли в интегральной божественной реализации.

Путь Знания нацелен на реализацию единственного и верховного Я. Он ведет, с помощью метода интеллектуальной рефлексии, *vīcāra*, к правильному различению, *viveka*. Он изучает и выделяет всевозможные элементы нашего явного, или феноменального, бытия, и отрицающее отождествление с каждым из них ведет к их исключению и отделению в одно общее понятие в качестве составных частей Праkritи, феноменальной Природы, творений Майи, феноменального сознания. Таким образом, он способен привести к своему правильному отождествлению с чистым и уникальным Я, постоянным, нетленным, которое не определяется никаким феноменом или комбинацией феноменов. С этой позиции путь, пройденный традиционно, ведет к отторжению феноменальных миров из сознания в качестве иллюзии и к конечному погружению без возврата индивидуальной души во Всевышнего.

Но это исключительное [13](#) достижение не есть единственный или неизбежный результат Пути Знания. Ибо, если подойти к нему более широко и с менее индивидуальной целью, метод Знания может привести к активному покорению космического существования для Божественного, также как и к трансценденции. Отправным пунктом для этого является осознание высшего Я не только в себе, но и во всех других существах, и, в конце концов, осознание даже феноменальных аспектов мира как игру божественного сознания, а не что-то совершенно чуждое его истинной природе. И на основе этого осознания возможно еще большее расширение, трансформация всех форм знания, какими бы мирскими они не были, в работу божественного сознания, необходимую для восприятия единственного и уникального Объекта знания, как в себе, так и в игре его форм и символов. Такой метод с успехом может привести к вознесению всего человеческого интеллекта и восприятия на божественный уровень, к их одухотворению и рождению космического знания в человечестве.

Путь преданности нацелен на наслаждение высшей Любовью и Блаженством, и обычно использует концепцию верховного Господа в Его личности, как божественного Любовника и наслаждающегося вселенной [14](#). В этом случае мир осознается, как игра Господа, с нашей человеческой жизнью в качестве последнего этапа, проходящая через разные фазы самосокрытия и самооткровения. Принцип Бхакти-Йоги заключен в том, чтобы использовать все обычные отношения человеческой жизни, в которых присутствует эмоция, и более относить их не к преходящим мировым отношениям, а к радости Вселюбящего, Всепрекрасного и Всеблаженного [15](#). Поклонение и медитация используется лишь для подготовки и увеличения напряжения божественного взаимоотношения. И эта Йога столь всеобъемлюща в своем использовании всех эмоциональных отношений, что даже враждебность и противление Богу, рассматриваемые как напряженные, нетерпеливые и искаженные формы Любви, понимаются как возможные способы реализации и спасения. В том виде, как его обычно практикуют, этот Путь тоже ведет прочь от мирового существования к погружению, иного рода, нежели Монистическое, в Трансцендентное и Сверхкосмическое.

Но и здесь исключительный результат не является неизбежным. Йога сама осуществляет

сперва коррекцию тем, что не ограничивает игру божественной любви отношением между верховной Душой и индивидуальностью, а расширяет её до обычного чувства и взаимного обожания между самими преданными, соединенными друг с другом в одном и том же осознании высшей Любви и Блаженства. Она осуществляет и еще более глубокую коррекцию осознанием божественного объекта Любви во всех существах, не только человеческих, но и в животных, легко продолжаемую до любых форм вообще. Мы можем увидеть, как это более широкое применение Йоги Преданности может использоваться для вознесения всего спектра человеческой эмоции, чувствования и эстетического восприятия на божественный уровень, его одухотворению и утверждению космического труда, направленного на достижение любви и радости в нашем человечестве.

Путь Трудов нацелен на посвящение каждого человеческого действия верховной Воле. Он начинается с отречения от всех эгоистических целей наших работ, от всякого действия с заинтересованной целью или ради мирского результата. Этим отречением он так очищает ум и волю, что мы начинаем легко осознавать великую вселенскую Энергию как истинного исполнителя всех наших дел, и Господа этой Энергии как их правителя и руководителя, с индивидуумом в качестве всего лишь маски, предлога, инструмента или, более позитивно, сознательного центра действия и феноменального отношения. Выбор и направление действия все более и более сознательно предоставляются этой верховной Воле и этой вселенской Энергии. Для Этого наши труды, так же как и их результаты, в конце концов оставляются. Целью выступает освобождение души от ее оков, привязывающих ее к видимости и реакциям феноменальной деятельности. Карма-Йога используется, как и другие пути, для того, чтобы привести к освобождению от феноменального существования и к уходу во Всевышнее. Но и здесь исключительный результат вовсе не обязателен. Концом пути может быть равно как восприятие божественного во всех энергиях, во всех свершениях, во всех действиях, так и свободное и неэгоистическое участие души в космическом действии. Если следовать по этому пути таким образом, то он приведет к вознесению всей человеческой воли и деятельности на божественный уровень, к его одухотворению и утверждению космического труда ради свободы, силы и совершенства в человеке.

Мы можем также видеть, что с интегральной точки зрения эти три пути являются одним [путем]. Божественная Любовь естественно должна привести к совершенному знанию Возлюбленного, благодаря совершенной близости, таким образом становясь путем Знания, и к божественному служению, таким образом становясь путем Трудов. Точно так же совершенное Знание должно привести к совершенной Любви и Радости, и полному принятию работ Того, что познано; посвященные Труды — к полной любви Владыки Жертвы и глубочайшему знанию Его путей и Его бытия. Именно по этому тройственному пути с наибольшей готовностью приходим мы к абсолютному знанию, любви и служению Единому во всех существах и в Его полном проявлении.

12. Bhakta — посвященный или любящий Бога; Bhagavan — Бог, Господин Любви и Наслаждения. Третий термин троицы — Bhagavat — божественное отношение Бога. (Прим. Шри Ауробиндо)

13. В смысле — «исключения», англ. exclusive. (Прим. пер)

14. and enjoyer of the universe

15. joy of the All-Loving, the All-Beautiful and the All-Blissful

В СИЛУ самой природы основных школ Йоги, покрывающих в своих операциях какую-либо часть сложного человеческого целого и стремящихся выделить ее высшие возможности, оказывается, что синтез всех их, широко понятый и примененный, мог бы привести к значительным результатам в интегральной Йоге. Однако они настолько разнородны в своих тенденциях, столь специализированы и утончены в своих формах, столь долго утверждались во взаимной оппозиции своих идей и методов, что нам нелегко найти путь к их правильному объединению.

Неразборчивая комбинация в куче будет не синтезом, а смесью и хаосом. Опять же, последовательная практика каждой из них по очереди не будет легкой на коротком интервале нашей человеческой жизни и с нашими ограниченными энергиями, не говоря уже о бессмысленной растрате усилий в таком громоздком процессе. Правда, иногда Хатха-Йога и Раджа-Йога практикуются таким образом последовательно. И в недавнем уникальном примере, в жизни Рамакришны Парамаханса, мы видим колоссальную духовную одаренность, сначала ведущую прямо к божественной реализации, берущую силой царствие небесное, и затем переходящую от одного Йогического метода к другому, и извлекающую из них субстанцию с невероятной скоростью, всегда для того, чтобы вернуться к самой сути всего, реализации и обладанию Богом через силу любви, через расширение врожденной духовности в многообразный опыт, и через спонтанную игру интуитивного знания. Такой пример не может быть правилом. Его цель так же была особой и временной — показать в великом и решающем опыте властвующей души истину, теперь столь крайне необходимую человечеству, к которой мир, долгое время разделенный на противоборствующие секты и школы, с трудом прокладывает себе дорогу, истину того, что все секты есть формы и фрагменты одной интегральной истины, и что все учения идут своими различающимися путями к одному верховному переживанию. Знать, быть и владеть Божественным — единственно нужная вещь, и она включает в себя или ведет ко всему остальному; к этому единственному благу мы должны направляться, и, обретя его, все остальное, что Божественная Воля выбирает для нас, всякая необходимая форма и проявление будут приложены.

Тот синтез, что мы предлагаем, не может быть достигнут ни комбинированием по весу, ни последовательной практикой. Он должен быть осуществлен через отрицание форм и внешних сторон учений Йоги, и скорее опираясь на некоторые центральные принципы, общие для всех, которые включают в себя и используют, в нужном месте и пропорции, их частные принципы, и на некую центральную динамическую силу, являющуюся общей тайной их расходящихся методов и способную, таким образом, на организацию естественного отбора и комбинирования их различных энергий и разнообразных применений. Это была цель, которую мы поставили перед собой в начале, когда мы приступили к своему сравнительному изучению методов Природы и методов Йоги, и теперь мы возвращаемся к ней с возможностью предсказать некое определенное решение.

Сначала мы убедимся, что в Индии до сих пор существует замечательная система Йоги, которая по своей природе синтетична и выходит из великого центрального принципа Природы, великой динамической силы Природы; но это отдельная Йога, а не синтез других школ. Эта система есть путь Тантры. Благодаря некоторым из сторон своего развития, Тантра утратила доверие со стороны тех, кто не является Тантристом; и в особенности благодаря развитию ее пути левой руки, Вамамарга, который не удовлетворился превосходством дуализма

добродетели и греха, и, вместо замены их на спонтанную правильность действия, казалось, создал метод самопотакания, метод неограниченной социальной аморальности. Тем не менее, по своему происхождению Тантра была великой и могущественной системой, основанной на идеях, которые были по меньшей мере частично верны. Даже ее разделение на путь правой руки и путь левой руки, Дакшинамарга и Вамамарга, началось с некоего глубокого восприятия. В древнем символическом значении слов Дакшина и Вама это было разделение между путем Знания и путем Ананды, — Природа в человеке, освобождающая себя через правильное различение в силе и практике своих собственных энергий, элементов и возможностей, и Природа в человеке, освобождающая себя через радостное приятие в силе и практике своих собственных энергий, элементов и возможностей. Но оба пути пришли в конце концов к затуманиванию принципов, деформации символов и падению.

Однако, если мы и в этом случае оставим в стороне фактические методы и практики, и поищем центральный принцип, то мы сначала обнаружим, что Тантра ясно и определенно отделяет себя от Ведических методов Йоги. В некотором смысле, все школы, которые мы здесь рассмотрели, являются Ведантическими по своим принципам; их сила в знании, их метод есть знание, хотя оно не всегда является принадлежностью интеллекта, но, вместо этого, может быть знанием сердца, выраженным в любви и вере, или знанием в воле, проявляющейся через действие. Во всех господином Йоги является Пуруша, Сознательная Душа, который знает, взирает, привлекает и управляет. Но в Тантре это скорее Пракрита, Душа Природы, Энергия, Воля-в-Силе [16](#), действующая во вселенной. Именно изучением и использованием сокровенных тайн этой Воли-в-Силе, ее методов, ее Тантры Тантрический Йогин преследовал цели своего учения, — господство, совершенство, освобождение, блаженство. Вместо бегства от проявленной Природы и ее трудностей, он лицом встретил их, схватился с ними и победил. Но под конец, а такова общая тенденция Пракрити, Тантрическая Йога во многом утратила свой принцип, затерявшийся в ее громоздком аппарате, и стала чем-то вроде доктрины и оккультного механизма, еще могучего при правильном использовании, но лишившегося чистоты своего первоначального намерения.

В этой центральной Тантрической концепции мы имеем одну сторону истины, культ Энергии, Шакти, как единственно действенной силы для любого достижения. Другую крайность мы получаем в Ведантической концепции Шакти как силы Иллюзии, и в поиске безмолвного пассивного Пуруши в качестве средства освобождения от обмана, созданного активной Энергией. Но в интегральной концепции Сознательная Душа есть Господь, Душа Природы — это его действующая Энергия. Пуруша имеет природу Сат, сознательного самосуществования, чистого и бесконечного; Шакти, или Пракрити, имеет природу Чит, — это сила чистого и бесконечного самосознающего существования Пуруши. Их взаимоотношение существует между полюсами покоя и действия. Когда Энергия поглощена блаженством сознательного самосуществования, это покой; когда Пуруша самоизливается в действии своей Энергии — это действие, творение и наслаждение, или Ананда становления. Но если Ананда является творцом и вдохновителем всех становлений, то ее метод — Тапас, или сила сознания Пуруши, опирающегося на свои безграничные возможности в существовании, и создающего из него концептуальные истины или реальные Идеи, *vijñāna*, которые, исходя из всезнающего и всемогущего Самосуществования, имеют гарантию своего собственного завершения и содержат в себе природу и закон своего собственного становления на уровне ума, жизни и материи. Окончательное всемогущество Тапаса и неминуемое осуществление Идеи являются самым основанием всей Йоги. В человеке мы передаем эти понятия через Волю и Веру, — воля, которая в конце неизбежно самоэффективна, так как является субстанцией Знания, и вера, являющаяся отражением в низшем сознании Истины или реальной Идеи, еще не

реализовавшейся в проявлении. Именно эта самоопределенность Идеи подразумевается Гитой, когда она говорит: *Yo yacchraddhah sa eva sah*, «Какова бы ни была человеческая вера или уверенная Идея в нем, он становится этим».

Затем мы видим, что с психологической точки зрения — а Йога ни что иное, как практическая психология, — является концепцией Природы, с которой мы должны начать. Это самореализация Пуруши через свою Энергию. Однако движение Природы двоично, высшее и низшее, или, как мы можем по другому назвать их, божественное и небожественное. В действительности, различие может делаться лишь в практических целях; так как нет ничего небожественного, и по большому счету это так же бессмысленно, словесно, как различие между естественным и сверхъестественным, ибо всё существующее — естественно. Все вещи существуют в Природе, и все вещи существуют в Боге. Но в практических целях мы здесь имеем реальное различие. Низшая Природа, та, которую мы знаем и которой мы являемся, и которой должны оставаться до тех пор, пока вера в нас не изменится, действует через ограничение и разделение, имеет природу Неведения и достигает кульминационной точки в жизни эго; но высшая Природа, та, к которой мы стремимся, действует через единение и превосхождение ограничений, имеет природу Знания и достигает кульминационной точки в жизни божественного. Переход от низшего к высшему и есть цель Йоги; и этот переход может быть осуществлен через отрицание низшего и бегство в высшее, — обычная точка зрения, — или через трансформацию низшего и его вознесения к высшей Природе. Это и должно быть, видимо, целью интегральной Йоги.

Но в любом случае именно отталкиваясь от чего-то низшего должны мы подняться в высшее существование, и каждая из школ Йоги выбирает свою собственную отправную точку или свои собственные пути избавления. Они отбирают определенные действия низшей Пракрити и придают им Божественную направленность. Но нормальным действием Природы в нас является интегральное движение, в котором затрагиваются полностью все наши элементы, и которое влияет на все наше окружение. Вся жизнь в целом и есть Йога Природы. Йога, к которой мы стремимся, тоже должна быть интегральным движением Природы, и вся разница между Йогиним и обычным человеком будет в том, что Йогин стремиться заменить в себе интегральное действие низшей Природы, действующей в эго и посредством эго и разделения, интегральным действием высшей Природы, действующей в Боге и через Бога и единение. Если бы действительно нашей целью было лишь бегство от мира к Богу, то синтез не только не нужен, но и был бы пустой тратой времени; ибо в этом случае нашей единственной практической целью должен стать поиск одного пути из тысячи, которые ведут к Богу, по возможности самого короткого из всех, а не затягивание исследования разных путей, ведущих к той же цели. Но если наша цель есть трансформация нашего интегрального бытия в условия Божественного существования, то тогда синтез становится необходимым.

Метод, который в этом случае мы используем, заключается в том, чтобы ввести все наше сознательное бытие во взаимоотношение и контакт с Божественным, и призвать его внутрь для того, чтобы, перестроить все наше бытие в Его так, что в определенном смысле Сам Бог, реальная Личность в нас, становится Садхакой Садханы [17](#), а так же и Властелином Йоги, тем, кто использует низшую личность как центр божественного преобразования и как инструмент своего собственного совершенствования. В действительности, давление Тапаса, силы сознания в нас, пребывающего в Идее божественной Природы, на то, что мы есть в своей целостности, производит свою собственную реализацию. Божественное, всезнающее и всепреобразующее спускается в ограниченное и неясное, постепенно просветляет и наполняет энергией всю низшую природу и замещает своим собственным действием все условия низшего человеческого света и суетной тленной деятельности.

Психологически, этот метод трактует себя как постепенную сдачу, капитуляцию эго, во всем объеме и со всем своим механизмом Тому, что за пределами эго [18](#), с его обширными и бесчисленными, всегда неизбежными деяниями. Конечно, это не короткая и не легкая Садхана. Она требует колоссальной веры, абсолютного мужества и, самое главное, величайшего терпения. Ибо она включает в себя три стадии, из которых лишь последняя может быть полностью блаженна и быстра, — попытку эго войти в контакт с Божественным, обширную, полную и потому тяжелую и трудоемкую подготовку всей низшей Природы через божественную работу обрести и стать высшей Природой, и окончательное преображение. На самом же деле, божественная Мощь, часто незамеченная и завуалированная, замещает собой нашу слабость и поддерживает нас в случае ослабления наших веры, мужества и терпения. Она «заставляет слепых видеть и хромым перешагивать через холмы». Интеллект узнает о существовании Закона, который милосердно настаивает, и о помощи, приходящей в тяжелую минуту, что не дает упасть; сердце говорит о Хозяине всех вещей и Друге человека, или о вселенской Матери, поддерживающей во всех трудностях и невзгодах. Таким образом, этот путь одновременно и самый трудный из всех вообразимых, и все же, в сравнении с величием своего усилия и цели, самый легкий и надежный из всех.

Существует три замечательных особенности этого действия высшего, в то время как оно интегрально трудится над низшей природой. Во-первых, оно не действует согласно жесткой системе и последовательности, как в специализированных методах Йоги, но в некотором роде свободно, рассеянно, но постепенно все интенсивнее и целеустремленнее, в полном соответствии с темпераментом индивидуума, в котором оно действует, с полезными материалами, которые предлагает его природа, и препятствиями, которые она представляет для очищения и совершенствования. В некотором смысле, каждый человек на этом пути имеет свой собственный метод Йоги. И все же существуют определенные широкие направления работы, общие для всех, которые позволяют нам создать действительно не рутинную систему, а своего рода Шастру или научный метод синтетической Йоги.

Во-вторых, если процесс интегрален, то он принимает нашу природу такой, какая она есть в результате нашей прошлой эволюции, и без отрицания чего-либо существенного заставляет все претерпеть божественное изменение. Все в нас проходит через руки могучего Искусника [19](#) и преобразуется в ясный образ того, что оно уже сейчас смутно хотело бы из себя представлять [20](#). В этом всегда постепенном опыте мы начинаем постигать то, из чего это низшее проявление состоит, и что все в нем, каким бы деформированным, или незначительным, или гнусным ни казалось, есть более или менее искаженный или несовершенный образ некоего элемента или действия в гармонии божественной Природы. Мы начинаем понимать, что Ведические Риши имели в виду, когда говорили о прародителях людей, создававших и предоставлявших форму богам [21](#) также, как кузнец кует грубый материал в своей кузнице.

В-третьих, божественная Сила в нас использует всю жизнь как средство этой интегральной Йоги. Каждое переживание и внешний контакт с нашим мировым окружением, сколь угодно пустячный или, наоборот, сокрушительный, используется для работы, и любой внутренний опыт, даже самого отталкивающего страдания или самого унижительного падения, становится ступенью на пути к совершенству. И мы узнаем в себе, с открытыми глазами, метод Бога в мире, Его стремление к свету в темном, к мощи в слабом и падшем, к наслаждению в том, что горестно и угнетающе. Мы видим, что божественный метод одинаков в низших и в высших деяниях; только в одном он идет на ощупь и впотьмах через подсознательное в Природе, в другом он становится быстрым и самосознающим, и инструмент признает руку Мастера. Вся жизнь — это Йога Природы, стремящейся проявить Бога в себе. Йога отмечает стадию, на которой это усилие; становится способным к самоосознанию и, таким образом, к правильному

завершению в индивидууме. Это собирание и концентрация движений, разрозненных и свободно комбинирующихся в низшей эволюции.

Интегрален метод — интегрален и результат. Во-первых, интегральная реализация Божественного Бытия; не только реализация Единого в его неразделимом единстве, но так же в его множестве аспектов, которые также необходимы для полного знания его относительным сознанием; не только реализация единства в Я, но и единство в бесконечном разнообразии действий, миров и созданий.

Отсюда, также — интегральное освобождение. Не только свобода, рожденная из неразрывного контакта индивидуального бытия во всех его частях с Божественным, *saṁyujyamuktī*, посредством которого оно становится свободно даже в своем отделении, даже в двойственности; не только *salokyamuktī*, благодаря которому все сознательное существование пребывает в одном и том же статусе бытия, что и Божественное, в состоянии Сатчитананда; но так же овладение божественной природой через трансформацию нашего низшего бытия в человеческий образ божественного, *sadharmyamuktī*, и полное и окончательное освобождение всего, освобождение сознания от преходящей формы эго и его слияние с Единым Бытием, одновременно универсальным в мире и в индивидууме, и трансцендентально единым и в мире и вовне, за пределами всей вселенной.

Как следствие интегральной реализации и освобождения — совершенная гармония результатов Знания, Любви и Трудов. Ибо достигается полное освобождение от эго и отождествление в бытии с Единым во всем и за пределами всего. Но поскольку приобретающее сознание не ограничивается своими приобретениями, мы также получаем единство в Блаженстве и гармоничное Многообразие в Любви таким образом, что все взаимоотношения игры остаются доступными для нас, даже тогда, когда мы сохраняем в высотах нашего бытия вечное единство с Возлюбленным. И посредством такой широты, будучи способны к свободе в духе, которая объемлет жизнь и не зависит от ухода из жизни, наши ум и тело могут без эгоизма, пут или реакции стать проводником для божественного действия, свободно изливающегося в мир.

По своей природе божественное существование есть не только свобода, но и чистота, блаженство и совершенство. Интегральная чистота, которая дает возможность, с одной стороны, для совершенного отображения божественного Бытия в нас самих, и с другой стороны, для совершенного излияния его Истины и Закона в нас в условиях жизни и через функционирование сложного инструмента, которым мы являемся в наших внешних частях, есть условие интегральной свободы. Ее результат — интегральное блаженство, в котором сразу становится возможной Ананда всего, что в мире выглядит как символы Божественного и Ананда того, что лежит за пределами мира. И она подготавливает интегральное совершенство нашего человечества как тип Божества в условиях человеческого проявления, совершенство, основанное на некой свободной универсальности бытия, любви и радости, игры знания, и игры воли в силе и воли в неэгоистическом действии. Эта целостность тоже может быть достигнута интегральной Йогой.

Совершенство включает в себя совершенство ума и тела, таким образом высшие результаты Раджа-Йоги и Хатха-Йоги должны быть заключены в широчайшей доктрине синтеза и, в конце концов, осуществлены человечеством. Во всяком случае, полное развитие общих ментальных и физических свойств и переживаний, достигаемых человечеством посредством Йоги, должно быть включено в практику интегрального метода. И в то же время они не будут иметь никакого *raison d'être* [22](#) до тех пор, пока не будут вовлечены в интегральную ментальную и физическую жизнь. Такие ментальная и физическая жизнь по своей природе были бы претворением духовного существования в его правильные ментальный и физический эквиваленты. Таким

образом мы пришли бы к синтезу трех степеней Природы и трех видов человеческого существования, которые она развила или развивает. Мы бы включили в объем нашего освобожденного бытия и совершенных видов деятельности материальную жизнь, нашу основу, и ментальную жизнь, наш промежуточный инструмент.

Не была бы реальной или даже возможной та интегральность, к которой мы стремимся, если бы она была прикована к индивидуальности. Поскольку наше божественное совершенство объемлет реализацию нас самих в бытии, в жизни и любви через других точно так же, как и через нас самих, то расширение нашей свободы и ее результатов в других было бы неизбежным эффектом, так же как и величайшая полезность нашего освобождения и совершенства. И непрерывное стремление к подобному расширению привело бы к его усилению и в высшей степени завершенному обобщению в человечестве.

Обожествление обычной материальной жизни человека и его великого извечного усилия ментального и морального роста в индивидууме и расе при помощи такой интегрализации широко совершенного духовного существования, таким образом, было бы венцом, достойным наших индивидуальных и наших общих усилий. Подобное достижение, будучи ни чем иным, как царствием небесным внутри, воспроизведенным в царствии небесном вовне, было бы также истинным осуществлением великой мечты, исповедуемой в различных формах всеми мировыми религиями.

Широчайший синтез совершенства, возможный для мысли есть единственное усилие, полностью достойное тех, чье посвященное видение постигает тот факт, что Бог сокрыто пребывает в человечестве.

16. Nature-Soul, Energy, Will-in-Power

17. Sadhana — практика благодаря которой достигается совершенство, siddhi; sadhaka, йогин, которые через эту практику ищет siddhi (Прим. Шри Ауробиндо)

18. to the Beyond-ego1

9. Artificer

20. which it now seeks confusedly to present

21. human forefathers fashionig the gods

22. raison d'etre — разумное основание, смысл (фр).

Часть первая
ЙОГА БОЖЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Глава I. Четыре Помощи

Йогические Сиддхи, совершенство, что приходит в результате практики Йоги, лучше всего может быть достигнуто через объединенное действие четырех великих инструментов. Это, во-первых, знание истины, принципов, сил и процессов, которые управляют реализацией — *sastra*. Затем идет терпеливое и настойчивое действие в направлениях, указанных знанием, сила нашего личного усилия — *utsaha*. Здесь вмешивается третий, поднимающий наше знание и усилие во владения духовного опыта, непосредственное предложение, пример и влияние Учителя — *guru*. Последним приходит содействие Времени — *kala*; ибо во всех вещах есть цикл их действия и период божественного движения.

* * *

Высшая Шастра интегральной Йоги — это вечная Веда, тайно пребывающая в сердце каждого думающего и живущего существа. Лотос вечного знания и вечного совершенства — это закрытый бутон, свернутый внутри нас. Он распускается быстро или постепенно, лепесток за лепестком, через последовательные реализации, если однажды ум человека начинает обращаться к Вечному, раз его сердце, более не сжатое и не прикованное привязанностью к конечным видимостям и внешним формам, становится очарованным, в той или иной степени, Бесконечным. Вся жизнь, вся мысль, все энергии способностей, всякий опыт, пассивный или активный, отныне превращаются в толчки, разрушающие оболочку души, и устраняют препятствия, мешающие неизбежному расцвету. Тот, кто выбирает Бесконечное, уже выбран Бесконечным. Он получил божественное прикосновение, без которого нет пробуждения, без которого невозможно раскрытие духа; но если оно получено, то достижение гарантировано и может быть завоевано — либо быстро, в течении одной человеческой жизни, либо в результате терпеливого преследования через многие стадии цикла существования в проявленной вселенной.

Ничто не может быть преподано разуму, который уже заранее не содержится в качестве потенциального знания в разворачивающейся душе [человеческого] создания. Точно так же, все совершенство, на которое способен внешний человек, это лишь реализация вечного совершенства Духа внутри него. Мы узнаем Божественное и становимся Божественным потому, что мы уже — Оно, в нашей сокрытой природе. Всякое учение есть обнаружение, откровение; всякое становление — распрямление, развертывание. Самодостижение есть тайна; самознание и расширяющееся сознание — средство и процесс.

Обычным средством этого откровения является Слово, то, что можно услышать (*sruta*). Слово может прийти к нам изнутри; оно может прийти к нам снаружи. Но в любом случае, оно — лишь средство, подключающее сокрытое знание к работе. Внутреннее слово может быть произнесено внутренней душой в нас, всегда открытой Божественному, или же это может быть слово тайного и вселенского Учителя, пребывающего в каждом сердце. Бывают редкие случаи, когда ничего больше не нужно, ибо остальная Йога является разворачиванием под действием этого непрерывного прикосновения и руководства; лотос знания сам раскрывается изнутри, благодаря силе сияющего блеска, исходящего от Живущего в лотосе сердца. Но лишь немногим действительно великим достаточно самознания, исходящего изнутри, и нет необходимости находиться под направляющим влиянием написанной книги или живого учителя.

Обычно Слово извне, представитель Божественного, необходимо как помощник в работе

саморазворачивания, и это может быть либо слово из прошлого, либо более могущественное слово живущего Гуру. В некоторых случаях представительное слово берется лишь как своего рода предлог для того, чтобы внутренняя сила могла проснуться и проявиться; это, так сказать, уступка всемогущего и всеведущего Божественного общей применимости закона, который управляет Природой. Так, в Упанишадах о Кришне, сыне Деваки, сказано, что он воспринял слово от Риши Гора и обрел знание. Так Рамакришна, добившись, благодаря своему внутреннему усилию, основного просветления, имел нескольких учителей в разных путях Йоги, но всегда манерой и быстротой своей реализации показывал, что это было уступкой общему правилу, в соответствии с которым действенное знание должно быть получено учеником от Гуру.

Однако обычно воздействие представителя [Божественного] занимает гораздо большее место в жизни Садхака. Если Йогу направляет полученная письменная Шастра, — некое Слово из прошлого, которое воплощает собой опыт прежних Йогинов, — то ее можно практиковать как посредством одного лишь личного усилия, так и при помощи Гуру. В этом случае духовное знание достигается посредством сосредоточения на истинах, которые были преподаны, и оно становится живым и сознательным через их реализацию в личном переживании; Йога развивается дальше в процессе достижения результатов предписанных методов, преподанных Писанием или традицией, и усиливается и освещается наставлениями Мастера. Это — узкая практика, но надежная и эффективная в своих пределах, потому что она идет хорошо проторенной дорогой к давно знакомой цели.

Садхаку интегральной Йоги необходимо помнить, что ни какая письменная Шастра, сколь бы ни был значителен ее авторитет или велик ее дух, не может быть чем либо большим, чем частичным выражением вечного Знания. Он будет использовать, но никогда не свяжет себя даже самым великим Писанием. Так, если Писания глубоки, широки, всемирны, они могут оказывать на него воздействие, величайшей полезности и будут иметь неоценимое значение. Они могут быть связаны в его опыте с пробуждением к высочайшим истинам и реализацией высших переживаний. Его Йогой долгое время может руководить одно Писание, или несколько последовательно идущих, — если это не идет в разрез с великой традицией Индуизма, например Гитой, Упанишадами, Ведами. Или может быть полезной частью его развития включение в свой материал богатого разнообразного опыта истин многих Писаний, и обогащение будущего всем лучшим, что было в прошлом. Но в конце концов он должен занять положение, а лучше было бы, если бы он с самого начала и всегда был в нем, он должен жить в своей собственной душе, выше прописной Истины, — *sabdabrahmativartate* — выше всего, что он слышал и выше всего, что ему еще предстоит услышать, — *srotavyasya srutasya ca*. Ибо он не Садхака книги или многих книг; он — Садхака Бесконечного.

Другой сорт Шастры — это не Писание, а утверждение науки и методов, эффективные принципы и способы работы на пути Йоги, которые Садхака выбирает, чтобы следовать им. Каждый путь имеет свою Шастру, либо написанную, либо традиционную, передаваемую из уст в уста по длинной цепи Учителей. В Индии придают великий авторитет, высочайшее уважение обычно питают к письменному или традиционному обучению. Все направления Йоги считаются зафиксированными, и учитель, получивший Шастру через традицию и реализовавший ее на практике, ведет учеников тропами, проложенными в незапамятные времена. Часто даже можно слышать возражения против новой практики, нового Йогического учения, принятия новой доктрины, «Это не соответствует Шастрам». Но ни фактически, ни в действительной практике Йогинов не существует никакой абсолютной жесткости, железной двери, захлопнутой перед новой истиной, свежим откровением, расширенным опытом. Письменное или традиционное учение выражает знание и опыт многих столетий, систематизированный, организованный, сделанный доступным для Начинающего. Поэтому его важность и полезность колоссальны. Но

великая свобода вариаций и развития всегда открыта для практики. Даже такая высоко научная система как Раджа-Йога может практиковаться в ином русле, отличном от организованного метода Патанджали. Каждый из трех путей, trimarga [1](#), разбивается на множество троп, которые вновь сходятся у цели. Главное знание, от которого зависит Йога, фиксировано, но порядок, последовательность, средства, формы могут и даже должны варьироваться; ибо нужды и особые импульсы индивидуальной природы должны быть удовлетворены, в то время как главные истины остаются тверды и постоянны.

Интегральная и синтетическая Йога особенно нуждается в отсутствии ограничений любой письменной или традиционной Шастры; ибо заключая в себе знание, полученное из прошлого, она стремится организовать его заново для настоящего и будущего. Абсолютная свобода опыта и нового утверждения знания в новых понятиях и новых комбинациях является условием ее самоформирования. Стремясь объять всю жизнь в себе, она стоит не на позиции пилигрима, прямым путем идущего к месту назначения, но, по крайней мере, первопроходца, прокладывающего свой путь в лабиринте девственного леса. Ибо Йога уже давно расходится с жизнью, и древние системы, которые стремились охватить ее, такие, как системы наших Ведических праотцев, очень далеки от нас, выражены в понятиях, которые более недоступны, вмещены в формы, более неприменимые. С тех пор человечество продвинулось вперед по потоку вечного Времени, и те же самые проблемы должны быть рассмотрены с новых отправных точек.

При помощи этой Йоги мы не только стремимся и ищем Бесконечное, но призываем Бесконечное раскрыться в человеческой жизни. Вот почему Шастра нашей Йоги должна предоставлять бескрайнюю свободу восприимчивой человеческой душе. Свободная приспособляемость характера и типа индивидуального приятия в себя Универсального и Трансцендентного является правильным условием для полной духовной жизни в человеке. Вивекананда, указывая, что единение всех религий обязательно должно проявиться в увеличивающемся богатстве многообразия его форм, однажды сказал, что совершенное состояние этого сущностного единения наступит, когда каждый человек будет иметь свою собственную религию, когда, не будучи привязанным и ограниченным сектой или традиционной формой, он последует путем свободной самоадаптации его природы в ее взаимоотношениях со Всевышним. Точно так же можно заметить, что совершенство интегральной Йоги наступит, когда каждый человек будет способен идти своим собственным путем Йоги, преследуя развитие своей собственной природы в ее стремлении наверх к тому, что превосходит природу. Ибо свобода — это последний закон и последнее завершение.

Между тем должен быть сформирован ряд определенных общих направлений, которые могут помочь вести мысль и практику Садхака. Но они должны, насколько это только возможно, принять формы общих истин, главных формулировок принципов, самых мощных и широких направлений усилия и развития, а не фиксированной системы, которой необходимо рутинно следовать. Вся Шастра — это результат прошлого опыта и помощь будущему опыту. Она — помощник и частичный гид. Она расставляет вехи, дает имена главным путям и уже разведанным направлениям, с тем, чтобы путник мог знать, куда и каким путем он идет.

Остальное зависит от личного усилия и опыта, и от силы Руководителя.

* * *

Развитие опыта в его скорости, объеме, интенсивности и силе его результатов зависит главным образом, — как в самом начале пути, так и гораздо позднее, — от стремления и личного усилия Садхака. Процесс Йоги — это разворачивание человеческой души от

эгоистического состояния сознания, поглощенного внешними проявлениями и привлекательными видимостями вещей к более высокому состоянию, в котором Трансцендентное и Универсальное способно влиться в индивидуальную форму и трансформировать ее. Первым детерминирующим элементом Сиддхи, таким образом, является интенсивность обращения, силы, направляющей душу вовнутрь. Сила стремления сердца, сила воли, сосредоточение ума, сохранность и определенность прилагаемой энергии выступают мерой этой интенсивности. Идеальный Садхака должен быть способен выразить свое состояние в библейской фразе «Мое рвение во имя Господа поглотило меня» [2](#). Это рвение во имя Господа, *utsaha*, стремление всей природы к своим божественным результатам, *vyakulata*, влечение сердца к достижению Божественного — разрушает эго и разбивает ограничения его мелкой и узкой формы ради полного и широкого восприятия того, к чему стремится [душа], того, что, будучи вселенским, стоит выше и, будучи трансцендентным, превосходит даже самые великие и высочайшие индивидуальные я и природу.

Но это лишь одна сторона силы, работающей на совершенство. Процесс интегральной Йоги имеет три стадии, не имеющие на самом деле резких границ или обособленности, но в определенной мере следующие друг за другом. Во-первых, должно присутствовать усилие в направлении, по меньшей мере, начальной и дающей толчок самотрансцендентности и контакта с Божественным; затем, приятие того, что трансцендирует, того, с чем мы обрели общность и чему стали причастны, в нас самих — для трансформации всего нашего сознательного бытия; и наконец, использование нашего преобразованного человеческого [существа] как божественного центра в мире. До тех пор, пока контакт с Божественным в достаточно значительной степени не установлен, пока не утвердилась известная мера постоянно поддерживающегося отождествления, *saucjga*, элемент личного усилия естественно должен превалировать. Но по мере того, как этот контакт устанавливается, Садхака должен начать осознавать, что сила отличная от его собственной, сила, превосходящая его эгоистические стремления и способности, работает в нем в настоящее время, и этой Силе он постепенно учится подчинять себя и предоставлять ей заботиться о своей Йоге. В конце концов его собственная воля и сила становятся едины с высшей Силой; он соединяет их в божественной Воле и ее трансцендентной и вселенской Силе. Таким образом, он обнаруживает ее возглавляющей необходимую трансформацию его ментального, виталического и физического бытия с беспристрастной мудростью и расчетливой эффективностью, на которую неспособно озабоченное и заинтересованное эго. Именно тогда, когда это отождествление и это самослияние закончено, божественный центр мира будет готов. Очищенный, освобожденный, гибкий, просветленный, он может начать служить в качестве средства для непосредственного действия верховной Силы в более широкой Йоге человечества или сверхчеловечества, духовном прогрессе Земли или ее трансформации.

В действительности, действует всегда высшая Сила. Наше чувство личного усилия и стремления к чему-либо возникает вследствие попытки эгоистического ума отождествить себя ошибочным и несовершенным путем с деяниями божественной Силы. Он упорствует в применении к опыту сверхнормальных уровней обычных понятий ментальности, которые он применяет по отношению к нормальным переживаниям в мире. В мире мы действуем с чувством эгоизма; мы считаем всемирные силы, действующие в нас, своими собственными; мы считаем эффектом нашей личной воли, мудрости, силы, добродетели селективное, формирующее, последовательное действие Трансцендентного в рамках этого ума, жизни и тела. Просветление несет нам знание того, что эго — всего лишь инструмент; мы начинаем постигать и чувствовать то, что эти вещи являются нашими в смысле того, что они принадлежат нашему высшему и всеобъемлющему Я, единому с Трансцендентностью, а не эго, являющемуся

инструментом. Наши ограничения и искажения — это наш вклад в деятельность; истинной силой в ней является сила Божественного. Когда человеческое эго осознает то, что его воля есть инструмент, его мудрость есть невежество и ребячество, его сила — младенческие потуги, его добродетель — претенциозная нечистота, и научится доверять себя тому, что его превосходит, тогда будет достигнуто спасение. Видимая свобода и самоутверждение нашего личного бытия, к которому мы так глубоко привязаны, скрывает наиболее достойное жалости подчинение тысячам предложений, порывов, сил, которые мы сделали внешними и чуждыми нашей маленькой личности. Наше эго, хвастающее свободой, каждую секунду является рабом, игрушкой и марионеткой бесчисленных существ, сил, энергий, влияний во вселенской Природе. Самоотречение эго в Божественном является самоосуществлением; его капитуляция перед тем, что превосходит его является освобождением от оков и границ и совершенной свободой.

Но все же, в практическом развитии, каждая из этих трех стадий имеет свою необходимость и полезность, и каждой должно быть уделено свое время и свое место. Бессмысленно, не безопасно и не эффективно было бы начать с последней и высшей. Не будет, конечно же, правильно и преждевременно перескакивать с одной на другую. Ибо даже если с самого начала мы признаем в уме и сердце Всевышнее, существуют элементы природы, которые долго не дадут признанию перейти в осознание. А без осознания, без реализации наша ментальная вера не может стать динамической реальностью; это всего лишь выражение знания, а не живая истина, идея, а не сила. И даже если осознание началось, может оказаться опасным вообразить или принять слишком быстро, что мы всецело находимся в руках Всевышнего или действуем как его инструмент. Это предположение может привести к катастрофическому и пагубному искажению; оно может вызвать беспомощную инерцию или, возвеличивая движения эго Именем Божественного, оно может обезобразить и разрушить весь процесс Йоги. Существует период, более или менее длительный, внутреннего усилия и борьбы, когда личная воля должна отвергнуть темноту и искажения низшей природы и принять решительно или страстно сторону божественного Света. Ментальные энергии, эмоции сердца, виталические желания, само физическое бытие должны быть подчинены правильному отношению или подготовлены к тому, чтобы принимать и отвечать на воздействия правды. Лишь тогда, когда это действительно сделано, только тогда капитуляция низшего перед высшим может быть действенной, потому что жертва становится приемлемой.

Личная воля Садхака сперва должна овладеть эгоистическими энергиями и повернуть их к свету и правде; однажды повернув, она и дальше должна тренировать их для того, чтобы они всегда узнавали их, всегда принимали и всегда следовали им. Развиваясь, он обучается, все еще пользуясь своей личной волей, личным усилием, личными энергиями, использовать их как представителей высшей Силы и в сознательном повиновении высшему Влиянию. Развиваясь еще дальше, его воля, усилие, энергия перестают быть личными и отдельными, но станут деяниями этой высшей Силы и Влияния, работающими в индивидууме. И все же еще существует нечто вроде широкой пропасти, которая делает неизбежным неясный процесс перехода, не всегда аккуратный, подчас даже очень искажающий, между божественным Первоисточником и проявляющимся человеческим потоком. В конце этого развития, с последовательным исчезновением эгоизма, нечистоты и невежества, устраняется это последнее разделение; все в индивидууме превращается в действие божественного.

* * *

Так же, как высшей Шастрой интегральной Йоги является вечная Веда, тайно пребывающая

в сердце каждого человека, так же ее верховным Руководителем и Учителем является внутренний Руководитель, Учитель Мира, jagad-guru, тайно пребывающий внутри нас. Именно он разрушает нашу тьму блистательным светом своего знания; этот свет становится внутри нас всевозрастающей славой его собственного самооткровения. Он неуклонно и последовательно раскрывает в нас свою собственную природу свободы, блаженства, любви и силы, бессмертного бытия. Он ставит над нами свой божественный пример в качестве нашего идеала и преобразует низшее существование в отражение того, что оно созерцает. Вливая в нас свое воздействие и присутствие, он наделяет индивидуальное существо способностью отождествления с универсальным и трансцендентным.

Каков же его метод и его система? У него нет метода, и в то же время все методы принадлежат ему. Его система — это естественная организация высших процессов и движений, на которые способна природа. Применяя себя даже к самым незначительным деталям и самым малозначащим по своей видимости действиям с той же мерой заботы и тщательности, как и к величайшим, они в конце концов возносят все к Свету и все преобразовывают. Ибо в его Йоге нет ничего слишком малого для эффективного использования или слишком большого, чего невозможно было бы достичь. Как слуга и ученик Мастера не подвержен гордости или эгоизму, потому что все сделано для него [и за него] сверху, так же он не имеет права отвергать [что-либо] из-за своих личных недостатков или препятствий своей природы. Ибо сила, которая работает в нем, безлична — или сверхлична — и бесконечна.

Полное признание этого внутреннего Руководителя, Мастера Йоги, господина, света, того, кто наслаждается и принимает все жертвы и усилия, имеет высшее значение на пути интегрального совершенства. Несущественно, будет ли он увиден сначала как безличная Мудрость, Любовь и Сила, стоящие за всеми вещами, как Абсолют, проявляющийся в относительном и привлекающий его, как свое высшее Я и высшее Я всего, как Божественная Личность внутри нас и в мире, в одной из его — или ее — бесчисленных форм и имен, или же как идеал, который постигает ум. В конце концов мы осознаем то, что он есть все и больше чем все вещи, вместе взятые. Входная дверь ума к его пониманию неизбежно должна иметь различные вариации в соответствии с прошлой эволюцией и сегодняшней природой.

Этот внутренний Руководитель сначала чаще всего завалирован самой интенсивностью нашего личного усилия и занятостью эго своими целями и самим собой. По мере достижения нами ясности и по мере того, как хаос эгоистического усилия уступает место более спокойному самознанию, мы узнаем источник растущего света внутри себя. Мы узнаем его и обратившись к своему прошлому по мере того, как мы постигаем, что все наши неясные и конфликтующие движения были заранее спланированы с целями, постигать которые мы начинаем лишь теперь, то, как даже перед нашим вступлением на путь Йоги эволюция нашей жизни планомерно вела к ее поворотному пункту. Ибо теперь мы начинаем понимать смысл нашей борьбы и усилий, успехов и поражений. Наконец мы способны осознать значение наших испытаний и страданий и можем оценить помощь, оказанную нам всем тем, что причиняло боль и сопротивлялось, и полезность самих наших падений и спотыканий. Мы узнаем это божественное руководство и в дальнейшем, не ретроспективно, а немедленно, в переплавке наших мыслей трансцендентным Зрителем, наших воли и действий всеобъемлющей Силой, нашей эмоциональной жизни всепривлекательными и всепоглощающими Блаженством и Любовью. Мы узнаем это и в более личных отношениях, что с самого начала лишь слегка касались нас, и в конце овладевают нами; мы чувствуем вечное присутствие высшего Властелина, Друга, Любовника, Учителя. Мы узнаем это в сути нашего бытия по мере его развития в подобие и единство с более великим и широким существованием; ибо мы постигаем, что это чудесное развитие не есть результат наших собственных усилий; вечное Совершенство отливает нас в свой собственный образ. Тот, кто

является Господином или Ишварой Йогических философий, Руководителем сознательного существа (caitya guru или antaryamin). Абсолютом мыслителя, Непознаваемостью Агностика, всемирной Силой материалиста, верховной Душой и верховной Шакти, Тот, кто имеет разные имена и образы в разных религиях, есть Властелин нашей Йоги.

Видеть, знать, стать и реализовать Его в наших внутренних я и во всей нашей внешней природе всегда было тайной целью, а сейчас становится сознательной задачей нашего воплощенного существования. Осознавать его во всех частях своего существа, равно как и в том, что разделяющий ум видит как внешнее по отношению к нашему существу, и есть завершение индивидуального сознания. Быть в его владении и обладать им в нас самих и во всех вещах — есть условие всего владычества и господства. Наслаждаться им во всем опыте пассивности и активности, покоя и силы, единства и различия и есть то счастье, которое j'Ëva, индивидуальная душа, проявленная в мире, неосознанно ищет. Вот полное определение цели интегральной Йоги; это — переживание личным опытом той истины, которую вселенская Природа сокрыла в себе и которую она открывает в тяжелых родовых муках. Это конверсия человеческой души в божественную душу, и обычной жизни в божественную жизнь.

* * *

Самый надежный путь к этому интегральному осуществлению — это найти Владыку тайны, который пребывает внутри нас, навсегда открыть нас самих божественной Силе, которая так же является божественной Мудростью и Любовью, и вверить ей осуществление конверсии. Но эгоистическому сознанию очень трудно сделать это, особенно в начале. И, если это однажды и сделано, все равно это трудно сделать в совершенстве и в каждой части нашей природы. Сначала это трудно из-за того, что наши эгоистические привычки мысли, ощущения, чувства блокируют каналы, по которым мы можем приблизиться к необходимому восприятию. Это трудно и потом, ибо вера, самоотдача, мужество, необходимые на этом пути, не легки для души, затемненной эго. Божественная работа это не та работа, которую эгоистичный ум желает или одобряет; ибо она использует ошибки для того, чтобы достичь истины, страдание, чтобы достичь блаженства, несовершенство, чтобы достичь совершенства. Эго не видит того, куда его ведут; оно восстает против руководства, теряет уверенность, теряет мужество. Эти потери не имели бы значения; ибо божественный Руководитель внутри нас не оскорбляется нашим восстанием, не теряет мужества вследствие нехватки в нас веры и не отвращается вследствие нашей слабости; он обладает полнотой материнской любви и безграничным терпением учителя. Но, лишая это руководство нашего согласия, мы теряем сознательность и, хотя и не всю, актуальность — но, конечно, ни коим образом не возможность — его пользы. И мы не даем свое согласие потому, что нам не удастся отличить наше высшее Я от низшего, через которое он готовит свое самооткровение. Как в мире, так и в самих себе мы не можем увидеть Бога из-за его деяний и, особенно, потому что он работает в нас через нашу природу, а не через последовательность произвольных чудес. Человек требует чудес для того, чтобы иметь веру; он хочет быть ослепленным для того, чтобы смочь увидеть. И это нетерпение, это невежество может обратиться великой опасностью и бедствием, если в своем мятеже против божественного руководства мы призываем другую искажающую Силу, более удовлетворяющую наши порывы и желания, и просим ее вести нас, и даем ей Божественное Имя.

Но покуда человеку трудно поверить в нечто невидимое внутри себя, ему легко верить во что-то, что он может представить себе как нечто внешнее по отношению к нему самому. Духовный прогресс большинства людей требует внешней поддержки, предмета веры вне нас. Он

нуждается во внешнем образе Бога; или нуждается в человеческом представительстве — Инкарнации, Пророке или Гуру; или же он требует и то, и другое, и он получает их. Ибо соответственно нужде человеческой души Божественное проявляет себя как божество, как божественного человека или в простых людях, — используя этот толстый грим, который весьма успешно скрывает Божество, — в качестве средств передачи его руководства.

Духовное учение Индуизма предоставляет для этого концепции Ишта Девата, Аватара и Гуру. Под Ишта Девата, выбранным божеством, подразумевается не некая подчиненная Сила, но имя и форма трансцендентного и вселенского Божества. Почти все религии либо имеют в качестве основы, либо используют некоторое такое имя и форму Божественного. Его необходимость для человеческой души очевидна. Бог есть Все и больше, чем Все. Но как может понять человек то, что больше, чем Все? И даже Все сначала слишком трудно для него; ибо он сам в своем активном сознании является ограниченной и избирательной формацией и может открыть себя лишь тому, что находится в гармонии с его ограниченной природой. Есть вещи во Всем, которые слишком трудны для его понимания, или кажутся ужасными его чувственным эмоциям и сжимающим ощущениям. Или же он просто не в состоянии постичь [что-либо] в качестве Божественного, не может рассматривать или не может признать нечто, что слишком не вписывается в круг его невежества или пристрастных концепций. Ему необходимо постичь Бога в его собственном образе или в некой форме, которая выше его, но созвучна и гармонирует с его высшими тенденциями и досягаема для его чувств или его интеллекта. Иначе ему будет трудно войти в контакт и единение с Божественным.

И даже тогда его природа взывает к посреднику для того, чтобы он мог чувствовать Божество в чем-то совершенно близком к его собственному человеческому облику и ощущаемом в человеческом влиянии и примере. Этот призыв находит свое удовлетворение в виде Божественного, проявляющего себя в человеческом облике, в Инкарнации, Аватаре — Кришне, Христе, Будде. Если же и это ему слишком тяжело понять, Божественное проявляется через менее чудесных посредников — через Пророка или Учителя. Ибо многие, кто не может постичь или не желает принять Божественного Человека, готовы открыться высшему человеку, называя его не инкарнацией, а мировым учителем или божественным представителем.

Этого тоже недостаточно; требуется живое влияние, живой пример, сегодняшняя инструкция. Ибо лишь немногие способны сделать Учителя прошлого и его учение, прошлую Инкарнацию и ее пример и влияние живой силой в своей жизни. Вследствие этой нужды учение Индуизма привносит отношения Гуру и ученика. Гуру иногда может быть Инкарнацией или Учителем Мира; но достаточно того, что он должен представлять для ученика божественную мудрость, передать ему что-то от божественного идеала или заставить его чувствовать осознанное взаимоотношение человеческой души с Вечностью.

Садхака интегральной Йоги извлечет пользу из всех этих видов помощи в соответствии со своей природой; но ему необходимо избежать их ограничения и отбросить от себя исключительную тенденцию эгоистического ума, который кричит: «[Это] Мой Бог, моя Инкарнация, мой Пророк, мой Гуру», и противопоставляет ее всем иным реализациям в духе фанатизма или сектантства. Всякое сектантство, всякий фанатизм должны быть отмечены; ибо они несовместимы с целостностью божественной реализации.

Напротив, Садхака интегральной Йоги до тех пор не удовлетворится, пока не включит все иные имена и формы Божества в свою собственную концепцию, не увидит своего собственного Ишта Девата во всех других, не объединит всех Аватаров в единстве Того, кто нисходит в Аватара, не объединит истину, присутствующую во всех учениях, в гармонию Вечной Мудрости.

Не должен он также забывать цель этих внешних помощников, состоящую в том, чтобы разбудить его душу к Божественному внутри него. Ничто окончательно не завершено, если это

еще не завершено. Недостаточно поклоняться Кришне, Христу или Будде вовне, если отсутствует проявление и формация Будды, Христа или Кришны в нас самих. И все иные помощники равно не имеют никакой иной цели; каждый — это мост между непреобразованным состоянием человека и откровением Божественного внутри него.

* * *

Учитель интегральной Йоги будет следовать, насколько это только для него возможно, методу Учителя, находящегося внутри нас. Он будет вести ученика через природу ученика. Учение, пример, влияние — вот три инструмента Гуру. Но мудрый учитель не будет стремиться навязать себя или свое мнение пассивному приятию восприимчивого ума; он заронит внутрь лишь продуктивное и надежное — как семя, которое прорастет под действием божественного вскармливания изнутри. Он будет стремиться скорее разбудить, нежели дать инструкцию; он будет нацелен на рост качеств и переживаний через естественный процесс и свободную экспансию. Он даст метод в помощники, как полезное приспособление, а не как императивную формулу или жесткую рутину. И он будет начеку против любого превращения средств в ограничение, против механизации процесса. Все его дело заключено в том, чтобы пробудить божественный свет и включить в работу божественную силу, чьим средством и помощником, телом или каналом он сам является.

Пример гораздо сильнее, чем инструкция; но не пример внешних действий, и не пример личного характера является самым важным. Эти [примеры] имеют свое место и свое предназначение; но больше всего будет стимулировать стремление в других главный факт божественной реализации в нем, управляющей всей его жизнью, внутренним состоянием и всеми его деяниями. Это универсальный и существенный элемент; все остальное принадлежит индивидуальной личности и обстоятельствам. И именно эту динамическую реализацию Садхака должен ощущать и воспроизводить в себе сообразно своей собственной природе; ему нет необходимости стремиться к внешней имитации, которая может скорее оказаться стерилизующей, нежели приносящей правильные и естественные плоды.

Влияние более важно, чем пример. Влияние не есть внешний авторитет Учителя по отношению к ученику, но сила его контакта, его присутствия, близости его души к душе другого, проникновение в нее — даже в молчании — того, чем он является сам и [того,] чем он владеет. Это высший знак Мастера. Ибо величайший Мастер — гораздо менее Учитель нежели Присутствие, проливающее божественное сознание и составляющие его свет, силу, чистоту и блаженство на всех, кто восприимчив вокруг него.

И также будет знаком учителя интегральной Йоги то, что он не причисляет себя к Гуру в человеческом тщеславии и самоэкзальтирующем духе. Его работа, если она у него есть, это вера сверху, он сам — канал, сосуд или представитель. Он — человек, помогающий своим братьям, ребенок, ведущий детей, Свет, возжигающий другие огни, проснувшаяся Душа, пробуждающая души, в высшей точке — Сила или Присутствие Божественного, призывающее к себе другие силы Божественного.

* * *

Садхака, имеющий всех этих помощников, уверен в достижении своей цели. Даже падение будет для него лишь одним из средств восхождения, а смерть — переходом в направлении

реализации. Ибо ступив на путь, рождение и смерть становятся лишь процессами в развитии его бытия и этапами его путешествия.

Время — оставшийся помощник, необходимый для эффективности процесса. Время предстает пред человеческим усилием в виде врага или друга, как сопротивление, посредник или инструмент. Но на самом деле оно всегда является инструментом души.

Время — это поле обстоятельств и сил, встречающихся и вырабатывающих результирующую последовательность, чье течение оно измеряет. Для эго оно тиран или сопротивление, для Божественного оно инструмент. Таким образом, пока наше усилие лично, Время представляется сопротивлением, ибо оно создает для нас все препятствия сил, конфликтующих с нашими собственными. Когда божественная работа и личная скомбинированы в нашем сознании, оно предстает в качестве посредника и условия. Когда они сливаются в одно, оно предстает как слуга и инструмент.

Идеальная позиция Садхака по отношению ко Времени заключается в том, чтобы иметь беспредельное терпение, как будто обладаешь вечностью для своей реализации, но развивать энергию, которая реализуется сейчас и со всевозрастающим господством и давлением быстроты до тех пор, пока она не достигнет чудесной моментальности верховной божественной Трансформации.

1. Тройственный путь Звания, Преданности и Трудов.
2. My zeal for the Lord has eaten me up.

Вся Йога по своей природе есть новое рождение; это рождение из обычной, ментализированной материальной жизни человека в высшее духовное сознание и более великое и божественное бытие. Ни одна из Йог не может успешно практиковаться, если нет сильного пробуждения к необходимости этого большего духовного существования. Душа, призванная к этой глубокой и обширной перемене, может прийти к первоначальному толчку самыми разными путями. Она может прийти к нему через свое собственное естественное развитие, которое подсознательно привело ее к пробуждению; она может достичь его через влияние религии или увлечение философией; она может приблизиться к нему через постепенное просветление или совершить прыжок благодаря внезапному прикосновению или потрясению; она может быть подтолкнута или приведена к нему благодаря давлению внешних обстоятельств или внутренней необходимости, благодаря одному единственному слову, которое ломает печати ума, или длительному размышлению, благодаря отдаленному примеру того, кто уже прошел путь, или через контакт [с ним] и ежедневное воздействие. Призыв придет сообразно природе и обстоятельствам этого.

Но каким бы путем он ни пришел, необходимо еще решение ума и воли и, как результат, полное и действенное самопосвящение. Принятие новой духовной идеи-силы и направленности бытия вверх, просветление, превращение или конверсия, управляемая волей и стремлением сердца — это моментальное действие, которое как в семени содержит все результаты того, что должна принести Йога. Просто идея или интеллектуальный поиск чего-то высшего запредельного, не зависимо от того, как крепко бы за них ни держалась заинтересованность ума, остаются неэффективными, если только сердце не приняло это как единственно желанное, и воля как нечто единственно должное быть сделанным. Ибо истина Духа должна быть не просто продумана, но прожита, а такая жизнь требует единой однонаправленности бытия [3](#); великая перемена, которая предполагается Йогой, не может быть достигнута действием разделенной воли, или небольшой порцией энергии, или сомневающимся умом. Тот, кто ищет Божественное, должен посвятить себя Богу и только Богу.

Если перемена наступает внезапно и решительно благодаря всепобеждающему воздействию, то более не существует какого-либо существенного или продолжительного затруднения. Выбор следует непосредственно за мыслью, или одновременно с ней, и самопосвящение следует за выбором. Ноги уже встали на тропу, даже если поначалу они вроде бы ступают неуверенно, даже если сама тропа видна неясно и знание цели несовершенно. Тайный Учитель, внутренний Руководитель уже принялся за работу, хотя он, возможно, еще не продемонстрировал себя или еще не проявился в личности своего человеческого представителя. Какие бы трудности и колебания ни проистекали, они не имеют возможности перевесить силу переживания, изменившего течение жизни. Призыв, однажды решительный, остается; то, что было рождено, уже нельзя подавить. Даже если сила обстоятельств нарушит равномерное продвижение или полное практическое самопосвящение в самом начале, все же ум уже склонился в нужную сторону и упорствует в этом, и возвращается со всевозрастающим усилием к этому ведущему направлению. Существует неотвратимая настойчивость внутреннего бытия, и против нее обстоятельства в конечном итоге оказываются бессильны, и никакая слабость в природе не может оставаться препятствием надолго.

Но не всегда это начинается таким образом. Часто Садхака ведется постепенно, и существует большой разрыв между первым поворотом ума и полным согласием природы с тем, к

чему он обратился. Может быть, вначале будет только живой интеллектуальный интерес, осязаемая тяга к идее и некая несовершенная форма практики. Или, возможно, есть усилие, не поддержанное всей натурой, решение или поворот, навязанное интеллектуальным воздействием или продиктованное личным пристрастием и восхищением кем-либо, кто сам посвящен и предан Всевышнему. В подобных случаях возможна необходимость в длительной подготовке, прежде чем наступит окончательное и необратимое посвящение; и в некоторых случаях оно может не наступить. Возможно некоторое продвижение, сильное усилие, возможно даже большое очищение и богатые переживания, отличные от тех, которые являются главными или высочайшими; но жизнь будет потрачена на подготовку или, если достигнута определенная ступень, ум, толкаемый недостаточной движущей силой, может удовлетворенно успокоиться на границе доступного ему усилия. Или же здесь возможен даже откат к низшей жизни, — что на обычном языке Йоги называется отпадением от пути. Это отпадение случается в результате дефекта в самом центре. Интеллект был заинтересован, сердце привлечено, воля напряглась в усилении, но вся природа не была пленена Божественным. Она лишь неохотно согласилась с интересом, привлекательностью или усилием. Был проведен эксперимент, возможно даже, пылкий и энергичный эксперимент, но не полная самоотдача императивной потребности души или идеалу, от которого уже нельзя отречься. Но даже такая несовершенная Йога не была напрасной; ибо ни одно усилие, направленное вверх, не бывает бесполезным. Даже если оно терпит сейчас поражение или приходит лишь к некоей подготовительной стадии или предварительной реализации, оно уже определило будущее души.

Но если мы мечтаем максимально воспользоваться возможностью, предоставленной нам в этой жизни, если мы хотим адекватно ответить на призыв, который получили и достичь цели, чей проблеск уловили, не просто чуть-чуть продвинуться в ее направлении, то полная самоотдача совершенно необходима. Секрет успеха в Йоге заключается в том, чтобы воспринимать ее не как одну из существующих целей жизни, но как саму суть жизни.

* * *

А поскольку Йога в своей основе является поворотом от обычной материальной и животной жизни, которую ведут большинство людей, или от более ментального, но все же ограниченного образа жизни, практикуемого немногими, к более великой духовной жизни, к божественному пути, каждая часть наших энергий, отданная низшему существованию в духе этого существования, является противоречием нашей цели и нашему самопосвящению. С другой стороны, каждая энергия или действие, которые мы можем преобразовать из приверженности низшему и посвятить служению высшему, являются приобретениями на нашем пути, и отнимаются у тех сил, которые противодействуют нашему прогрессу. Именно трудность такого полного преобразования является источником всех преград на пути Йоги. Ибо вся наша природа и ее окружение, все наше личное и все наше вселенское я полны привычек и влияний, направленных против нашего нового духовного рождения и действуют против чистосердечности [4](#) нашего стремления. В определенном смысле мы есть не что иное как сложная масса ментальных, нервных и физических привычек, удерживаемых вместе несколькими управляющими идеями, желаниями и ассоциациями, — амальгама многих мелких самоповторяющихся сил с несколькими главными вибрациями. То, что мы намереемся сделать в нашей Йоге, это не больше не меньше как разбить всю формацию нашего прошлого и настоящего, и создать новый центр видения и новую вселенную действий в нас самих, что создаст божественное человечество или сверхчеловеческую природу.

Первое, что необходимо — это разрушить центральную веру и видение ума, которые удерживают его внимание на его развитии, удовлетворении и интересах в старом внешнем порядке вещей. Совершенно необходимо поменять эту поверхностную ориентацию на более глубокую веру и видение, которые видят лишь Божественное и стремятся только к Божественному. Вторая необходимость в том, чтобы заставить все наше низшее бытие воздать должное этой новой вере и великому видению. Вся наша природа должна совершить полную самоотдачу; она должна принести себя в каждой своей части и каждом своем движении тому, что кажется не обновленному духовно чувственному уму чрезвычайно менее реальным, нежели материальный мир и его объекты. Все наше бытие — душа, ум, чувство, сердце, воля, жизнь, тело — должно все свои энергии посвятить настолько полно и таким образом, чтобы оно стало подходящим сосудом для Божественного. Это не простая задача; ибо все в этом мире следует устоявшейся привычке, являющейся для него законом, и сопротивляется радикальному изменению. И ни одно изменение не может быть более радикально, чем революция, предпринимаемая интегральной Йогой. Все в нас должно быть постоянно призванным к главной вере, воле и видению. О каждой мысли и импульсе необходимо помнить, что, на языке Упанишад, «Это божественный Брахман, а не то, чему здесь поклоняются люди». Каждый виталический элемент необходимо убедить принять полное отречение от всего, что до сих пор представляло для него его собственное существование. Ум должен перестать быть умом и должен засверкать чем-то, находящимся за его пределами. Жизнь должна преобразиться в нечто огромное, тихое, напряженное и могучее, что более не может признавать свое старое охваченное страстями слепое узкое я или мелочные порывы и желания. Даже тело должно подчиниться мутации и более не будет шумливым животным или мешающей кучей плоти, как сейчас, но вместо этого станет сознательным слугой и сиятельным инструментом и живой формой духа.

Трудность задания естественно вела к поиску легких и ясно определенных решений; она породила и прочно закрепила тенденцию религий и школ Йоги к разделению мирской жизни и жизни внутренней. Силы этого мира и их действительная деятельность, и это чувствуется, либо совсем не принадлежат Богу, либо, по какой-то неясной и загадочной причине, являются Майей или, хуже того, темным противодействием божественной Истине. И на своей собственной противоположной стороне силы Истины и их идеальные действия видны как принадлежащие к совершенно другому уровню сознания, чем те темные, невежественные и извращенные в их импульсах и силах, на которых основана жизнь на земле. Сразу же появляется противостояние между блистающим и чистым царством Бога и темным и нечистым царством дьявола; мы чувствуем противоречие нашего пресмыкающегося земного рождения и существования возвышенной духовной Богосознательности; мы с готовностью убеждаемся в несовместимости подчинения жизни Майе с сосредоточением души в чистом существовании Брахмана. Самый легкий путь — это отвернуться от всего того, что принадлежит одному, и удалиться путем неприкрытого и крутого восхождения к другому. Таким образом возникает привлечение и, казалось бы, необходимость принципа исключительной концентрации, которая играет такую важную роль в специализированных школах Йоги; ибо путем этой концентрации мы можем достигнуть, через бескомпромиссное самоотречение от мира, полного самопосвящения Единому, на ком мы сосредотачиваемся. На нас больше не лежит обязанность подчинять все низшие действия трудному признанию новой и более высокой духовной жизни и приучать их быть ее агентами или исполнительными силами. Достаточно убить или усмирить их, и сохранить лишь несколько необходимых энергий, с одной стороны — поддерживающие тело, с другой — необходимые для общения с Божественным.

Сама цель и концепция интегральной Йоги лишает нас права принимать этот простой и требующий напряжения процесс «вертикального взлета». Надежда интегральной

трансформации запрещает нам выбирать кратчайший путь или полностью облегчаться для гонки, устраняя с пути все наши препятствия. Ибо мы намерены завоевать полностью самих себя и мир для Бога; нам предопределено отдать ему наши становления, так же как и наше бытие, а не просто принести чистый и обнаженный дух как скудное предложение далекой и таинственной Божественности в находящихся где-то небесах, или уничтожить все, чем мы являемся, во всесожжении недвижимого Абсолюта. Божественное, которому мы поклоняемся, это не только далекая сверхкосмическая Реальность, но полузавуалированное Проявление, присутствующее и близкое нам здесь во вселенной. Жизнь — это поле еще не завершенного божественного проявления: здесь, в жизни, на земле, в теле, — *ihaiya*, как настаивают Упанишады, — нам необходимо убрать завесы, скрывающие Бога; здесь мы должны сделать его трансцендентное величие, свет и любовь реальными для нашего сознания, обладать им здесь и, как только возможно, выражать его. Таким образом мы должны принять Жизнь в нашу Йогу для того, чтобы трансмутировать ее; нам запрещено уклоняться от трудностей, которые могут прибавиться к нашей борьбе с этим приятием. Наша компенсация при этом состоит в том, что хотя путь и более извилист, усилие более комплексное и неблагоприятно сложное, но после прохождения нужной точки мы приобретаем огромное преимущество. Ибо как только наш ум прочно закрепится в центральном видении, и наши воли целиком преобразованы в единое стремление, Жизнь становится нашим помощником. Полные решительности, бдительные, целиком сознательные, мы можем взять любую деталь ее форм и любой случай из ее движений в качестве пищи для жертвенного Огня внутри нас. Побеждая в борьбе, мы можем заставить саму Землю быть помощником в нашем совершенстве и можем обогатить нашу реализацию добычей, вырванной у противоборствующих нам сил.

* * *

Существует другое направление, в котором обычная практика Йоги приводит к помогающему но ограничивающему упрощению, которое отвергается Садхакой интегральной цели. Занятия Йогой сталкивают нас лицом к лицу с необычной сложностью нашего собственного бытия, стимулирующим, но и смущающим многообразием нашей личности, богатым бесконечным беспорядком Природы. Для обычного человека, который живет на своей собственной бодрствующей поверхности, невежественного в отношении глубин своего я и обширности [находящегося] за завесой, его психологическое существование крайне просто. Маленький но настойчивый набор желаний, несколько властвующих интеллектуальных и эстетических стремлений, некоторые вкусы, несколько ведущих или выдающихся идей среди огромного течения бессвязных или плохо связанных и в большинстве своем банальных мыслей, несколько более или менее насущных жизненных потребностей, чередование физического здоровья и болезни, разрозненная и несогласованная последовательность радостей и печалей, частые тревоги и превратности судьбы и редкие сильные искания и сдвиги в уме и теле, и через это во всей Природе, частично при помощи мысли и воли, частично без них или вопреки им, организующей все эти вещи в некоторой грубой практической манере, в некотором терпимом беспорядочном порядке, — является материалом его существования. Среднее человеческое существо даже сейчас является таким же грубым и неразвитым в своем внутреннем существовании, каким был вымерший примитивный человек в его внешней жизни. Но как только мы глубоко уходим внутрь себя — а Йога означает погружение во все многочисленные уровни глубин души, — мы субъективно находим себя, как человек в процессе своего роста обнаружил себя объективно, окруженными целым сложнейшим миром, который мы должны

узнать и завоевать.

Наиболее приводящее в замешательство открытие заключается в том, что любая наша часть — интеллект, воля, чувственный ум, нервное я или я желаний, сердце, тело — каждое само по себе обладает комплексной индивидуальностью и естественной формацией, не зависящей от других; оно не соглашается ни с собой, ни с другими, ни с представительным эго, которое является тенью, отбрасываемой некоторым центральным и централизующим я на наше поверхностное невежество. Мы обнаруживаем, что мы составлены не из одной, но из многих личностей, и каждая имеет свои собственные требования и отличающуюся природу. Наше бытие — это грубо скомпонованный хаос, в который мы должны ввести принцип божественного порядка. Более того, и мы обнаруживаем это внутренне не менее, чем внешне, мы не одиноки в мире; резкая отделенность нашего эго была не более чем обманом и заблуждением; мы не существуем в самих себе, мы не живем на самом деле отдельно во внутреннем уединении и одиночестве. Наш ум — это принимающая, развивающая и модифицирующая машина, в которую постоянно проходит от момента к моменту непрекращающийся внешний поток, текущая масса в корне различающихся вещей сверху, снизу, извне. Больше чем половина наших мыслей и чувств не наши собственные в том смысле, что они принимают форму вне нас; вряд ли о чем-либо вообще можно сказать, что оно действительно изначально принадлежит нашей природе. Большая часть приходит к нам от других или из окружающей среды, либо как сырой материал, либо как уже нечто сформировавшееся; но все же в наиболее большом количестве они приходят из вселенской Природы здесь, или из других миров и уровней, от их существ, сил и влияний; ибо мы переполнены и окружены другими уровнями сознания, умственными уровнями, виталическими уровнями, тонко-материальными уровнями, от которых питаются наша жизнь и действие, или [наша жизнь и действие] питают их, находятся под действием их давления, под их властью, используемые ими для проявления их форм и сил. Трудность нашего отдельного спасения в огромной степени увеличена этой сложностью и многоуровневой открытостью и зависимостью от втекающих энергий вселенной. И это все мы должны принимать во внимание, иметь с этим дело, узнать тайный состав нашей природы и ее составляющие и результирующие движения, и создать из всего этого божественный центр, истинную гармонию и просветленный порядок.

На обычных путях Йоги метод, использующийся для взаимодействия с этими нашими конфликтующими принадлежностями прям и прост. Та или иная из основных психологических сил в нас выбирается в качестве единственного средства достижения Божественного; остальные успокаиваются и становятся инертными, или оставляются без подпитки в их нынешних незначительных размерах. Бхакта, используя эмоциональные силы бытия, интенсивные действия сердца, остается твердо сосредоточенным на любви к Богу, собранной подобно единому остронаправленному языку пламени; он безразличен к действиям мысли, отбрасывает назойливость рассудка, не прислушивается к умственной жажде знания. Все знание, которое ему нужно, это его вера и вдохновение, бьющие ключом из сердца в общении с Божественным. У него нет необходимости в воле к работам, которые не являются прямым поклонением Возлюбленному или службой в храме. Человек Знания, самоограниченный намеренным выбором до силы и действия различающей мысли, находит освобождение в направленном внутрь стремлении ума. Он концентрируется на идее я, преуспевает посредством тонкой внутренней пронизательности в выделении его молчаливого присутствия среди вуалирующих активностей Природы, и через идею восприятия достигает конкретного духовного опыта. Он безразличен в игре эмоций, глух к голодному зову страсти, закрыт для действий Жизни, — чем более он благословен, тем скорее они отпадут от него и оставят его свободным, спокойным и безмолвным, вечным бездействующим [5](#). Тело — его камень преткновения, виталические

функции — его враги; если их требования могут быть сведены к минимуму — это его великая удача. Бесконечные трудности, которые возникают из окружающего мира, отбрасываются путем прочной установки против них защиты внешнего физического и внутреннего духовного одиночества; невредимый за стеной внутреннего молчания, он остается безмятежным и незатронутым миром и другими. Быть наедине с самим собой или с Божественным, идти отдельно с Богом и его преданными ему, закрепиться в едином направленном в себя стремлении ума или в страсти сердца, направленной к Богу, — вот что является тенденцией этих направлений Йоги. Проблема решена путем удаления всего кроме одной основной трудности, которая преследует только одну выбранную мотивирующую силу; в центре разделяющих призывов нашей природы властно приходит принцип исключительной концентрации, приводящий к нашему спасению.

Но для Садхака интегральной Йоги это внутреннее или внешнее одиночество могут быть только случаями или периодами в его духовном прогрессе. Принимая жизнь, он вынужден нести не только свою ношу, но с нею и огромную часть ноши мира, как продолжение своего собственного достаточно тяжелого бремени. Таким образом, в природе его Йоги значительно больше от битвы, чем в других; но это не просто личная битва, это коллективная война, проводимая на значительной территории. Ему не только надо победить в себе силы эгоистической фальши и беспорядка, но покорить их как представителей враждебных и неистощимых сил мира. Их представительный характер дает им очень большую способность сопротивления, почти бесконечное право на восстановление. Часто он обнаруживает, что даже после того, как он устойчиво победил в своей собственной личной битве, ему приходится еще и еще побеждать в этой кажущейся бесконечной войне, потому что его внутреннее существование уже настолько увеличено, что содержит не только его собственное бытие с его хорошо определенными нуждами и опытом, но находится в единении с бытием других, так как он несет в себе всю вселенную.

Ищущему интегрального осуществления не разрешено произвольно решать даже конфликт его собственных внутренних членов. Ему нужно привести в гармонию обдуманное знание с не задающей вопросов верой; он должен примирить нежную душу любви с грозной необходимостью силы; пассивность души, которая живет с чувством удовлетворения в трансцендентном спокойствии, должна быть согласована с активностью божественного подручного и божественного воина. Ему, как и всем ищущим духа, предлагается для разрешения проблема противостояния рассудка, цепляющейся хватки чувств, волнений сердца, засады желаний, препятствий физического тела; но он должен поступать по другому с их общими и внутренними конфликтами и их препятствиями его цели, так как он должен достигнуть бесконечно более сложного совершенства в обращении всей этой восстающей материи. Принимая их как инструменты божественной реализации и проявления, он вынужден преобразовать дебри их разногласий, осветить их непроницаемую тьму, переделать их отдельно и все вместе, обеспечить их собственную гармонию и гармонию с другими, — целостно, не пропуская ни песчинки, ни крупинки, ни единой вибрации, не оставляя нигде ни йоты несовершенства. Исключительная концентрация, или даже ряд концентраций такого рода, могут дать ему только временные удобства в его комплексной работе; она должна быть оставлена сразу, как только потеряет свою полезность. Всевключающая концентрация — вот то трудное достижение, в направлении которого он должен трудиться.

Сосредоточение действительно представляет собой первое условие любой Йоги, но в интегральной Йоге самой ее природой является всевещающая **б** концентрация. Отдельная сильная фиксация мысли, эмоции или воли на одной идее, предмете, состоянии, внутреннем движении или принципе, без сомнения, здесь тоже часто необходимы; но это только вспомогательный помогающий процесс. Широкое массивное открытие, гармоничное сосредоточение всего бытия во всех его частях и посредством всех его сил на Едином, кто есть Все, является большим действием этой Йоги, без которого она не может достичь своей цели. Ибо именно сознание покоится в Едином и действует во Всем, к которому мы вдохновенно стремимся; это то, что мы ищем, чтобы наложить на каждую частицу нашего бытия и на каждое движение нашей природы. Эта широкая и сосредоточенная полнота является существенным характером Садханы, и этот характер должен определять ее практику.

Но даже хотя сосредоточение всего бытия на Божественном является характером Йоги, все же наше бытие слишком сложная вещь, чтобы просто и сразу, как бы взяв в руки целый мир, мы могли настроить в нем все полностью на единую задачу. Человек в его усилиях самопревосхождения вынужден обычно воспользоваться какой-нибудь одной пружиной или неким сильным рычагом в той сложной машине, которой является его природа; эту пружину или рычаг он использует преимущественно, в отличие от других, для того, чтобы заставить машину двигаться к той цели, которую он имеет в виду. В его выборе сама Природа всегда должна быть его проводником. Но эта Природа должна быть в своем наивысшем и наиполнейшем проявлении в нем, а не в ее низшем или ограничивающем движении. В своих низших виталических действиях Природа берет как наиболее могучий рычаг желание; но отличительная черта человека состоит в том, что он есть ментальное существо, а не просто виталическое создание. И так как он может использовать его думающий ум и волю для ограничения и исправления жизненных импульсов, он также может ввести в действие более высокую сверкающую ментальность, поддерживаемую более глубокой душой в нем, психическим существом, и заменить этими более великими и чистыми мотивирующими силами доминирование виталических и чувственных сил, которые мы называем желанием. Он может полностью управлять и руководить им, и предложить его для трансформации своему божественному Владыке. Эта высшая ментальность и эта глубинная душа, психический элемент в человеке, это те два зацепляющих крючка, при помощи которых Божественное может захватить его природу.

Высший ум в человеке является чем-то другим, величественным, более чистым, обширным, более могущественным, чем рассудок или логический интеллект. Животное — это виталическое и чувственное существо; человек же, как уже было сказано, отличается от животного наличием рассудка. Но это очень поверхностный, очень несовершенный и ведущий к неправильным выводам подход. Ибо рассудок — это лишь отдельная, ограниченная, полезная и служащая орудием активность, которая происходит от чего-то гораздо более великого, чем она сама, от силы, которая пребывает в эфире более светящемся, просторном, безграничном. Истинное и главное, в отличие от нынешнего и промежуточного, значение нашего наблюдающего, ищущего аргументов, исследующего, выдвигающего суждения интеллекта состоит в том, что он готовит человеческое существо для правильного восприятия и правильного действия Света сверху, который должен постепенно заменить в нем слабый смутный свет снизу, руководящий животным. Последнее тоже имеет рудиментарный рассудок, своего рода мысли, душу, волю и интенсивные эмоции; хотя и менее развитая, его психология по сути та же самая, что и у человека. Но все эти способности в животном двигаются автоматически и жестко ограничены, почти даже полностью определяются низшим нервным бытием. Все восприятия животных, способность чувствовать, активность руководятся нервными и виталическими инстинктами, сильными желаниями, потребностями, удовлетворениями, основа которых — это жизненный

импульс и виталическое желание. Человек — тоже ограничен, но в меньшей степени, до автоматизма виталической природы. Человек может привести светлую волю, светлую мысль и светлые эмоции в сложную работу своего саморазвития; он может все больше и больше подчинять этим более сознательным и отражающим [высшее] поводырям низшую функцию желания. В той мере, в которой он таким образом может управлять и освещать свое низшее я, он является человеком и более не животным. Когда он может начать замещать желание более великой освещенной мыслью, и зрением, и волей в соприкосновении с Бесконечным, сознательно подчиняясь воле более божественной, чем его собственная, связанной с более универсальным и трансцендентным знанием, он начинает восхождение к сверхчеловеку; он на дороге, восходящей к Божественному.

И значит именно в высшем уме мысли, света и воли, или во внутреннем сердце глубочайшего чувства и эмоции мы сначала должны центрировать наше сознание, — в любом из них, или если мы способны, в обоих сразу, — и использовать это как наш рычаг для поднятия природы в целом к Божественному. Сосредоточение освещенной мысли, воли и сердца, повернутых в едином порыве к одной обширной цели нашего знания, к одному сверкающему и бесконечному источнику нашего действия, одному нерушиму объекту наших эмоций является начальной точкой Йоги. И объект нашего поиска должен быть самим источником Света, растущего в нас, источником Силы, которую мы призываем, чтобы изменить наши составляющие части. Нашим объектом должно быть само Божественное, к которому, зная или не зная об этом, что-то всегда стремится в нашей тайной природе. Это должно быть огромное, многостороннее, но единственное сосредоточение мысли на идее, восприятию, видению, пробужденном прикосновении, реализации душой Божественного. Необходимо пламенное сосредоточение сердца на Всем и Вечном и, когда однажды мы обнаружили его, глубокое поглощение и погружение в обладание и экстаз Всепрекрасного. Должна присутствовать сильная и недвижимая концентрация воли на достижении и осуществлении всего, чем является Божественное, и свободное и пластичное открытие этого всему, что оно намеревается проявить в нас. Таков тройственный путь Йоги.

* * *

Но как мы будем сосредотачиваться на том, чего еще не знаем? И тем не менее мы не узнаем Божественного, пока не достигнем сосредоточения нашего существования на нем. Сосредоточение, которое кульминирует в живой реализации и постоянном чувстве присутствия Единого в нас и во всем, что мы сознаем, есть то, что мы в Йоге подразумеваем под знанием и усилием к приобретению знания. Недостаточно посвятить себя путем чтения Писаний или путем выводов интеллектуального понимания Божественного, полученных на основе философских рассуждений; ибо в конце нашего долгого ментального труда мы можем узнать все, что было сказано о Вечном, передумать все, что только можно подумать о Бесконечном, и все же мы можем совсем не знать его. Эта интеллектуальная подготовка может, действительно, быть первой ступенью в могущественной Йоге, но это не является необходимостью: это не тот шаг, в котором все нуждаются, или который нужно стремиться сделать. Йога была бы невозможной, за исключением немногих случаев, если бы интеллектуальное выражение знания, приобретаемое путем работы умозрительного или обдумывающего Рассудка, являлось неизбежным условием или связывающим предварительным мероприятием. Все, что нужно Свету, идущему сверху, от нас для того, чтобы начать свою работу — это призыв души и достаточная точка опоры в уме. Эта опора может быть получена в результате наличия

настойчивой идеи Божественного в мысли, соответствующей воли в динамических частях, через стремление, веру, потребность в сердце. Любой из этих [методов] может быть ведущим или преобладать, если все не может двигаться в унисон или в ровном ритме. Идея может быть и должна быть вначале неадекватной; стремление может быть узким и несовершенным, вера слабо светящей или даже, — не будучи прочно основанной на скале знания, — текущей, неуверенной, легко отступающей; часто она даже может быть потушена и нуждается в новом трудном разжигании, подобно факелу на ветру. Но если однажды глубоко изнутри принято непоколебимое самопосвящение, если есть пробуждение навстречу зову души, эти неадекватные вещи могут быть пригодным инструментом для божественного намерения. Поэтому мудрые всегда не хотят ограничивать человеческие пути к Богу; они не закроют перед ним ни единого даже самого узкого входа, самой низкой и темнейшей задней двери, самой скромной калитки. Любое имя, любая форма, любой символ, любое предложение является подходящим, если в них присутствует посвящение; ибо Божественное узнаёт себя в сердце ищущего и принимает жертву.

Но чем величественнее и шире движущая идея-сила, стоящая за посвящением, тем лучше для ищущего; его достижение скорее будет более полным и обширным. Если мы пробуем себя в интегральной Йоге, лучше будет начать с идеи Божественного, которая сама по себе интегральна. Здесь должно быть стремление в сердце, достаточно широкое для реализации безо всяких ограничений. Нам следует не только избегать сектантского религиозного взгляда, но также любую одностороннюю философскую концепцию, которая старается заключить Невыразимое в ограниченную ментальную формулу. Динамическая концепция или побуждающее чувство, с которым может лучше всего сочетаться наша Йога, будет естественно идеей, чувством сознательной всеобъемлющей, но все превосходящей Бесконечности. Наш направленный ввысь взор должен быть обращен к свободному, всеильному, совершенному и блаженному Единому и Единству, в котором все существа движутся и живут, и в котором все может встретиться и стать единым. Этот Вечный будет одновременно личным и безличным в своем самооткровении и прикосании к душе. Он личен, потому что он есть сознательное Божество, бесконечная Личность, которая отбрасывает некое разбитое отражение себя в мириады божественных и небожественных личностей во вселенной. Он неличен, потому что он является нам как бесконечное Существование, Сознание и Ананда и потому, что он есть источник, основа и составляющее всех существований и всех энергий, — сам материал нашего бытия, ума и жизни и тела, наш дух и наша материя. Мысль, концентрирующаяся на нем, должна не просто понимать в интеллектуальной форме то, что он существует, или убеждаться в нем как в абстракции, логической необходимости; она должна стать видящей мыслью, способной встретить его здесь как Населяющего все, осознать его в нас самих, наблюдать и взять под контроль движение его сил. Он — одно Существование: он есть изначальный и вселенский Восторг, который составляет все вещи и превосходит их; он — одно бесконечное Сознание, которое составляет все сознания и сообщает им все их движения; он — одно неограниченное Бытие, которое поддерживает все действие и опыт; его воля ведет эволюцию вещей к их еще нереализованной, но неизбежной цели и полноте. Ему может посвятить себя сердце, приблизиться к нему как к высшему Возлюбленному, пульсировать и двигаться в нем как во вселенском счастье Любви и живом море Наслаждения. Ибо он — это тайная Радость, которая поддерживает душу во всех ее переживаниях и управляет даже заблудшим это в его суровых испытаниях и борьбе, пока вся печаль и страдание не исчезнут. Он — это Любовь и Блаженство бесконечного божественного Любовника, который ведет все вещи их собственным путем к его счастливому тождеству. На нем может неизменно обосноваться Воля, как на невидимой Власти [Z](#), которая ведет и реализует ее, и как на источнике ее мощи. В безличности эта побуждающая Власть — это самопросветленная Сила, которая заключает в себе все результаты и спокойно

работает до их достижения, в личности — всемудрого и всемогущего Хозяина Йоги, которому ничто не может помешать довести ее до конца. Это вера, с которой ищущий должен начать свой поиск и стремление; ибо во всем его усилие здесь, но больше всего — в его усилие по направлению к Невидимому — ментальный человек должен по необходимости пройти верой. Когда придет реализация, вера, божественно наполненная и завершенная, будет трансформирована в вечное пламя знания.

* * *

Во все наше стремление вверх естественно войдет сначала низший элемент нашего желания. Ибо то, что дареная освещенная воля видит как вещь, которую необходимо сделать и преследует как вершину, которую надо завоевать, что обнимает сердце в качестве единственного предмета наслаждения, то в нас, что чувствует себя ограниченным и противопоставленным и, потому что оно ограничено, требует и борется, будет искать с беспокойной страстью эгоистического желания. Эта страстно желающая жизненная сила или душа желания должна в нас быть в начале принята, но только в том случае, если она может быть переделана. Даже с самого начала ее надо научить отказываться от всех других желаний и концентрироваться на страсти к Божественному. Когда эта основная точка достигнута, она должна быть научена желать не для себя, но для Бога в мире и для Божественного в нас; ей надо зафиксироваться не на личном духовном достижении, хотя мы уверены во всех возможных духовных достижениях, но на великой работе, которая должна быть проведена в нас и других, на высоком приближающемся проявлении, которое должно быть реализацией в славе Божественного в мире, на Истине, которая должна быть найдена, должна жить и воцариться на троне навеки. Но последнее, самое трудное для нее, более трудное, чем искать с правильной целью, она должна быть научена поиску в правильной манере; ибо она должна научиться желать не по-своему, эгоистически, но Божественным образом. Она не может больше настаивать, подобно тому, как всегда настаивает сильная разделяющая воля, на своем личном способе реализации, своей собственной мечте обладания, своем личном представлении о верном и желаемом; она должна жаждать воплотить большую и более великую Волю и согласиться ждать под руководством менее заинтересованном и невежественном. Таким образом натренированное, Желание, этот великий беспокойный утомитель и изнуритель человека, причина каждого преткновения, станет подходящим для трансформации в своего божественного двойника. Ибо желание и страсть также имеют их божественные формы; существует чистый экстаз поисков души, стоящий за всеми страстными желаниями и печалью, это Воля Ананды, которая в славе пребывает во владении высшего блаженства.

Когда однажды объект концентрации обладал и был обладаем тремя инструментами власти, мыслью, сердцем и волей, — завершение полностью возможно только когда душа желаний в нас подчинена Божественному Закону, — совершенствование ума, жизни и тела может быть успешно выполнено в нашей переделанной природе. Это будет сделано не для личного удовлетворения эго, но чтобы все в целом могло составить подходящий храм для Божественного Присутствия, безошибочный инструмент для божественной работы. Ибо работа может быть истинно произведена только когда инструмент, посвященный и усовершенствованный, созрел для безличного действия [8](#), — а это будет, когда уничтожены личное желание и эгоизм, но не освобожденная личность. Даже когда уничтожено малое эго, истинная Духовная Личность может тем не менее остаться, а также Божественные воля, работа и восторг в нем, и духовное использование его совершенства и реализации. Наши труды будут божественны и сделаны

божественно; наши ум, жизнь и воля, посвященные Божественному, будут использованы для того, чтобы помочь реализации в других и в мире того, что было сначала реализовано в нас, — все что мы можем проявить в воплощенном Единстве, Любви, Свободе, Силе, Мощи, Великолепии, бессмертной Радости, которые являются целью приключений духа на земле.

Йога должна начаться с усилия или в крайнем случае с устойчивого поворота к этой полной концентрации. От нас требуется постоянная и не терпящая неудач воля посвящения всех нас Всевышнему, предложение полностью нашего бытия и нашей многоплановой природы Вечному, который является Всем. Эффективная полнота нашего сосредоточения на одной вещи, необходимая для исключения всего остального и будет мерой нашего самопосвящения Единому, который есть единственный предмет желания. Но эта исключительность в конце концов не исключает ничего, кроме фальши нашего способа видения мира и невежества воли. Ибо наше сосредоточение на Вечном будет завершено умом, когда мы постоянно будем видеть Божественное в нем самом и Божественное в самих себе, а также Божественное во всех вещах, существах и событиях. Оно будет завершено сердцем, когда все эмоции собраны в любви к Божественному, самому Божественному в нем самом и для него самого, но также любовь к Божественному во всех его существах, силах, личностях и формах во Вселенной. Оно будет завершено волей, когда мы станем чувствовать и всегда получать божественный импульс и принимать только его как нашу единственную мотивирующую силу; а это будет означать, что, уничтожив все до последнего возникающие то там, то сям импульсы эгоистической природы, мы универсализировали себя и можем принять в постоянном счастливом приятии [9](#) одно божественное действие во всех вещах. Это первая фундаментальная Сиддхи интегральной Йоги.

И это ни что иное, как то, что имелось в виду в конце, когда мы говорим об абсолютном посвящении индивидуума Божественному. Но эта всеобщая полнота посвящения может прийти только путем постоянной последовательности, когда длительный и трудный процесс переделывания желания в значительной мере закончен. Совершенное самопосвящение включает совершенную самоотдачу.

* * *

Здесь присутствуют два движения с переходной ступенью между ними, два периода этой Йоги, — один относится к процессу подчинения, другой — к его вершине и следствию. В первом индивидуум готовит себя к приятию Божественного в свои члены. В течение всего этого первого периода он должен работать посредством инструментов низшей Природы, но со всё больше и больше возрастающей помощью сверху. Но на более поздней переходной ступени этого движения наше личное и необходимо невежественное усилие постепенно уменьшается, и действует высшая Природа; вечная Шакти спускается в эту ограниченную смертную форму и последовательно овладевает ею и переделывает её. Во втором периоде это более великое движение полностью заменяет меньшее, ранее необходимое первое действие; но это может быть сделано только тогда, когда наша самоотдача будет полной. Эгоистическая личность в нас не может переделать себя собственной силой, или волей, или знанием, или какой-либо собственной своей добродетелью в природу Божественного; всё, что она может сделать — это приспособить себя к переделке и всё более и более отдаваться тому, чего она ищет и чем она хочет стать. До тех пор, пока это работает в нас, наше личное действие есть и всегда должно быть по своей природе частью низших слоев существования; оно темное или полуосвященное, ограниченное в своей области действия, мало эффективное в своей силе. Если духовная трансформация, а не простая просветляющая модификация нашей природы, вообще должна

быть совершенна, мы должны призвать Божественную Шакти совершить это чудотворное действие в индивидууме; ибо лишь она обладает необходимой для этого силой, решительной, всеумудрой и безграничной. Но полное замещение личного человеческого действия на божественное сразу целиком не возможно. Всякое вмешательство снизу, которое будет фальсифицировать истину высшего действия, должно быть прекращено или сделано бессильным, и это должно быть осуществлено посредством нашего свободного выбора. От нас требуется повторяющийся и всегда продолжающийся отказ от импульсов и фальши низшей природы и постоянная поддержка Истины по мере того, как она растет в частях нашего существа; постепенное вхождение в нашу природу и окончательное совершенство входящих формирующих Света, Чистоты и Силы нуждается, в процессе своего развития и поддержания, в нашем свободном принятии их и в нашем настойчивом отвержении всего того, что противоположно этому, низшего или несовместимого.

В первом движении самоподготовки, в период личного усилия, метод, который мы должны использовать, — это сосредоточение всего существа на Божественном, которого оно ищет и, как результат, постоянное отвержение, отбрасывание, *katharsis* всего, что не есть настоящая Истина Всевышнего. Полное посвящение всего, чем мы являемся, что мы думаем, чувствуем и делаем будет результатом этой настойчивости. Это посвящение в свою очередь должно достичь своей вершины в самоотдаче Высочайшему; ибо его венцом и знаком завершенности является всеобъемлющая абсолютная отдача всей природы. На второй ступени Йоги, промежуточной между человеческим и божественным действием, будет следовать возрастающая очищенная и бдительная пассивность, более и более просветлённый божественный ответ Божественной силе, — но никакой другой; и результатом будет растущий натиск великого и сознательного чудотворного действия сверху. На последней стадии не будет совсем никакого усилия, никакого фиксированного метода, ни определенной Садханы; место стремления и Тапасы будет занято естественным, простым, могучим и счастливым раскрытием цветка Божественного из бутона очищенной и усовершенствованной земной природы. Такова естественная последовательность действия Йоги.

Эти движения, конечно, не всегда или абсолютно жестко организованы в такой строгой последовательности. Вторая ступень частично начинается до того, как закончена первая; первая частично продолжается до тех пор, пока не усовершенствована вторая; последнее божественное действие может проявляться время от времени как обещание, до того, как оно окончательно обоснуется и станет естественным для природы. Всегда также есть что-то более высокое и великое, чем индивидуум, что ведёт его даже в его личном труде и стремлении. Часто он может становиться, или оставаться на время, полностью сознающим, даже в постоянно сознательных частях своего существа, это великое руководство, исходящее из-за завесы, и это может случиться задолго до того, как его природа будет очищена целиком и во всех своих частях от низшего непрямого контроля. Он даже может быть таким образом сознателен с самого начала; его ум и сердце, если и не другие члены, могут отвечать этому охватывающему и проникающему руководству с определенной первоначальной полнотой с первых шагов Йоги. Но постоянное, полное и однородное действие великого прямого контроля всё более и более определяет промежуточную ступень в своём процессе и приближении к завершению. Это преобладание великого божественного руководства, не личного для нас, показывает возрастающую зрелость природы для полной духовной трансформации. Это безошибочный знак того, что самопосвящение не только было принято как принцип, но воплощено в действие и силу. Всевышний наложил свою сверкающую руку на избранный человеческий сосуд своего чудотворного Света, Силы и Ананды.

3. unified single-mindedness of the being
4. whole-heartedness; точнее было бы — полносердечности
5. the eternal non-doer
6. all-receiving
7. Power
8. for a selfless action
9. can accept with a constant happy acceptance

ЖИЗНЬ, а не отдаленное безмолвное или высоко вознесенное экстатическое Потустороннее — одна только Жизнь есть единственная область нашей Йоги. Преобразование нашего поверхностного, узкого и обрывочного человеческого образа мышления, видения, чувствования и бытия в глубокое и широкое духовное сознание и в интегральное внутреннее и внешнее существование, преобразование всего нашего обычного человеческого образа жизни в божественный образ жизни — все это должно быть главной целью нашей Йоги. Средством достижения этой высшей цели является самовручение всей нашей природы Божественному. Все должно быть отдано Божественному внутри нас, универсальному Всеобщему и трансцендентному Верховному. Полное сосредоточение нашей воли, сердца и мышления на Божественном в Его единстве и разнообразии, безраздельное самопосвящение всего нашего существа одному лишь Ему — вот решающее действие, поворот эго к Тому, что бесконечно больше эго, эго самоотдача и не допускающее исключений подчинение.

Жизнь человеческого существа обычно состоит из полуфиксированной, полуменяющейся массы весьма несовершенно управляемых мыслей, восприятий, ощущений, эмоций, желаний, наслаждений, она действует большей частью по привычке и самоповторением, и лишь отчасти динамично или саморазвиваясь, но во всех случаях ее центр — поверхностное эго. В итоге всей этой активности имеет место внутренний рост, который отчасти заметен и действует в этой жизни, а отчасти представляет собой семя достижений в будущих жизнях. Этот рост сознательного существа, его расширение и возрастающее самовыражение, все более гармоническое развитие составляющих его элементов представляет собой весь смысл и всю сущность человеческой жизни. Именно для этого исполненного смысла развития сознания при помощи мысли, воли, эмоций, желаний, деятельности и опыта, ведущего в конечном счете к верховному божественному самооткрытию. Человек, ментальное существо, вселился в материальное тело. Все остальное имеет либо вспомогательное и второстепенное значение, либо являет собой случайность и бесполезно, лишь то имеет смысл, что поддерживает и помогает эволюции эго природы, эго росту или, скорее, постепенному разворачиванию и раскрытию эго высшего я и эго духа.

Задача, стоящая перед нашей Йогой, представляет собой не что иное, как ускорение достижения этой высшей цели нашего земного существования. Ее метод опережает обычный медлительный способ неторопливого и беспорядочного развития посредством эволюции Природы. Ибо естественная эволюция в лучшем случае представляет собой неопределенное, скрытое развитие, происходящее отчасти под давлением окружения, отчасти же благодаря осуществляемому на ощупь образованию и недостаточно освещенным преднамеренным усилиям, и лишь отчасти с помощью просвещенного и полуавтоматического использования благоприятных возможностей — с многочисленными ошибками, падениями и их рецидивами; большая часть этой эволюции составляется из кажущихся случайностей, обстоятельств и превратностей, скрывающих под собою, однако, тайное божественное вмешательство и руководство. В Йоге мы заменяем это беспорядочное, искривленное, уклоняющееся от оптимального направления движение быстрой, сознательной и самонаправляемой эволюцией, которой предназначается вести нас, насколько это возможно, по прямой линии к поставленной перед нами цели. В некотором смысле было бы ошибкой говорить о находящейся где-либо цели развития, которое вполне может быть бесконечным. И все же мы можем представить себе непосредственную задачу, ближайшую цель, находящуюся выше нашего нынешнего уровня, к

которой может устремиться человеческая душа. Перед человеком лежит возможность нового рождения; возможен подъем на более высокую и широкую плоскость бытия, а потом спуск с него, чтобы преобразить все его члены. Расширенное и просветленное сознание имеет возможность сделать из него освобожденный дух и совершенную силу, и если оно будет расширено за пределы индивидуума, то сможет даже создать божественное человечество, либо даже новую, сверхразумную и потому сверхчеловеческую расу. Мы делаем своей целью именно это новое рождение: весь смысл нашей Йоги составляет рост, направленный к достижению божественного сознания, интегральное преобразование к божественности не только нашей души, но и всех частей нашей природы.

* * *

Мы преследуем в Йоге цель изгнать ограниченное, поверхностно видящее эго, и возвести на его престол Бога, как властвующего Пребывающего в природе. А это значит, во-первых, что мы лишаем желание придававшегося ему ранее значения и больше не признаем удовлетворение желания руководящим побуждением человека. Духовная жизнь будет получать поддержку не от желания, но от чистого и неэгоистичного духовного восторга, свойственного самой сути существования. И не только наша виталическая природа, чье характерное отличие есть желание, но также и наше ментальное существо должно пройти через новое рождение и подвергнуться преобразующей перемене. Наше раздробленное, эгоистическое, ограниченное и невежественное мышление и наш интеллект должны исчезнуть; на их место должна устремиться всеобъемлющая и безупречная игра лишеного теней Божественного озарения, высшей точкой которого в конечном счете будет естественное, самосуществующее Истинное Сознание, свободное от идущей ошупью полуправды и спотыкающегося заблуждения. Наши приведенные в беспорядок и замешательство эгоцентрические и руководящиеся ничтожными побуждениями воля и деятельность должны прекратить свое существование и предоставить место тотальной деятельности молниеносной, могущественной, просветленно автоматической, божественно движимой и руководимой Силе. Во все наши дела должна быть внедрена и активизирована в них высшая, безличная, решительная и не испытывающая преткновений воля, находящаяся в спонтанном и нерушимом унисоне с Волей Божественного. Неудовлетворительная поверхностная игра наших ничтожных эгоистических эмоций должна быть вытеснена, и вместо нее внутри нас должно обнаружиться скрытое глубокое и обширное психическое сердце, которое ожидает позади них своего часа; все наши чувства, приводившиеся в действие этим внутренним сердцем, в котором пребывает Божественное, будут преобразены в спокойные и интенсивные движения двойной страсти божественной Любви и многоплановой Ананды. Вот определение божественного человечества или сверхразумной расы. Именно это, а не увеличенная или сублимированная сила человеческого интеллекта и деятельности, есть тип сверхчеловека, развитием которого мы призваны заняться посредством нашей Йоги.

При обычном человеческом существовании внешнее действие занимает, очевидно, три четверти нашей жизни или даже более того. Лишь исключения, — святой или пророк, выдающийся мыслитель, поэт или художник, — могут большей частью жить внутри себя; они, поистине, по крайней мере, в наиболее интимных частях своей природы, формируют себя больше посредством внутреннего мышления и чувствований, нежели посредством внешнего действия. Однако форму совершенной жизни составит не какая-либо одна из этих сторон, отделенная от другой, но, скорее, гармония внутренней и внешней жизни, сделавшейся единой во всей своей полноте и преобразенной в игру чего-то высшего, находящегося вне той или

другой стороны жизни. Йога трудов, соединение с Божественным в нашей воле и наших действиях, — а не только в знаниях и чувствованиях, — есть, в таком случае, необходимый, неопиcуемо важный элемент интегральной Йоги. Преображение наших мыслей и чувств без соответствующего преобразования души и тела наших деяний было бы уродливым результатом.

Ибо если это тотальное преобразование должно быть осуществлено, должно также иметь место посвящение Божественному наших трудов и внешних действий в такой же мере, как и посвящение ему нашего ума и сердца. Должно быть признано необходимым и постепенно осуществлено вручение наших способностей к труду в руки стоящей за нами более высокой Силы, а наше ощущение себя деятелем и работником должно исчезнуть. Все должно быть отдано для более непосредственного использования в руки божественной Воли, которая скрыта за этими наружными обличиями; ибо лишь с позволения этой Воли возможна наша деятельность. Скрытая Сила есть истинный Владыка и верховный Наблюдатель наших деяний, и лишь он один прозревает сквозь все невежество, извращенность и искажение, вносимые нашим эго, все их значение и конечную цель. Должно быть осуществлено полное преобразование нашей ограниченной и извращенной эгоистической жизни и деятельности в широкое и непосредственное изливание более высокой божественной Жизни, Воли и Энергии, которая ныне скрыто поддерживает нас. Эта более высокая Воля и Энергия должна сделаться сознательной в нас и господствовать; она не должна более оставаться, как это имеет место сейчас, лишь сверхсознательной, поддерживающей и позволяющей Силой. Должно быть достигнуто неизвращенное осуществление через нас всемогущих намерений и действия ныне скрытой всеведущей Силы и всемогущего Знания, которое превращает всю нашу преобразенную природу в свой чистый, беспрепятственный, находящийся с ним в счастливом согласии и сотрудничестве канал. Это тотальное посвящение и подчинение, и это, в результате, полное — преобразование и беспрепятственное пропускание [через канал деятельности высшей Силы], представляют собой фундаментальные средства и высшую цель интегральной Карма-Йоги.

Даже для тех, чье первое естественное движение есть посвящение, подчинение и, как результат, полное преобразование мыслящего ума и его знания, или тотальное посвящение, подчинение и преобразование сердца и его эмоций, — даже тогда посвящение трудов есть необходимый элемент этой перемены. В противном случае, хотя они и могут найти Бога в иной жизни, но они не будут способны осуществить Божественное в этой жизни; жизнь для них будет бессмысленной, небожественной, непоследовательной. Не для них истинная победа, которая послужит ключом к загадке нашего земного существования; их любовь не будет абсолютной любовью, одерживающей верх над я, их знание не будет тотальным сознанием и всеобъемлющим знанием. Можно, правда, начать лишь со знания или с Богонаправленных эмоций, или того и другого вместе, и оставить труды для заключительного периода Йоги. Но тогда будет иметь место недостаток, состоящий в том, что мы, возможно, обречены тенденцию жить исключительно внутри себя, добьемся утонченности в субъективном опыте, будучи запертыми в изолированных внутренних элементах нашего существа; там, в своем духовном уединении, мы можем обрести покой, но впоследствии обнаружить, что нам трудно победоносно изливать себя вовне и применить к жизни свои достижения в области высшей Природы. Когда мы обратимся к тому, чтобы присовокупить также и внешнее царство к завоеванным нами внутренним территориям, то мы можем найти себя слишком привыкшими к активности чисто субъективной и неэффективной на материальном плане. Будет иметь место огромная трудность в преобразении внешней жизни и тела. Либо мы обнаружим, что наша деятельность не соответствует внутреннему свету: она все еще следует старым, привычным, ошибочным путям, все еще подчиняется прежним, обычным несовершенным влияниям; Истина внутри нас продолжает оставаться изолированной мучительной пропастью от невежественного

механизма нашей внешней природы. Это частый случай, потому что при таком положении дел Свет и Энергия делаются замкнутыми и не желают выразить себя в жизни или использовать материальные средства, предназначенные для Земли и земных процессов. Это похоже на то, как если бы мы жили в ином, более широком и тонком мире, и не имели бы божественного влияния или, может быть, вообще мало какого-либо влияния, на материальную и земную жизнь.

И все же каждый должен следовать своей природе и всегда существуют трудности, с которыми должно некоторое время мириться, если мы намерены следовать по своему естественному пути Йоги. Йога есть, в конце концов и прежде всего, перемена внутреннего сознания и внутренней природы, и если баланс элементов нашего существа таков, что она должна быть осуществляема исключительно первоначально, а остальное оставлено для позднейшей работы, то нам следует принять видимое несовершенство этого процесса. Тем не менее, идеальным действием интегральной Йоги было бы действие, интегральное в своем процессе, полное и многостороннее по своему развитию. В любом случае, наша теперешняя забота касается Йоги, интегральной по своей цели и полноте действия, но начинающейся с трудов и продвигающейся вперед трудами, хотя с каждым шагом все более и более подвижной животворящей божественной любовью и все более и более озаряемой помогающим божественным знанием.

* * *

Величайшую доктрину духовного труда, когда-либо данную роду человеческому, наиболее совершенную систему Карма-Йоги, известную из прошлого, должно искать в Бхагават Гите. В этом знаменитом эпизоде Махабхараты сформулированы основные великие установки Карма-Йоги на все времена с несравненным мастерством и безошибочным видением подтвержденного опыта. Это верно, что здесь полностью разработан лишь путь, каким его видели древние; что же касается совершенного осуществления высшей тайны, то она не раскрыта, скорее на неё лишь намекают; ее скрывают, как несказуемую часть высшей мистерии. Существуют очевидные причины этой скрытности; ибо осуществление в любом случае есть дело [духовного] опыта, и никакая доктрина не может выразить его. Его невозможно описать так, чтобы оно могло быть действительно понято умом, который не имел светоносного, преображающего опыта. А для души, которая прошла через сияющие врата и пребывает в великолепии внутреннего света, всякое умственное или словесное описание в такой же мере бедно, как и излишне, неадекватно и неуместно. Все божественные совершенства мы вынуждены изображать, пользуясь неподходящими и вводящими в заблуждение терминами языка, который был выработан с целью соответствовать обычному опыту ментального человека; описанные этими терминами, божественные совершенства могут быть верно поняты лишь теми, кто их уже знают, и зная, способны придать этим убогим внешним терминам измененный, внутренний и преображенный смысл. Как в самом начале подчеркивали Ведические Риши, слова высшей мудрости понятны лишь тем, кто уже мудр. Может показаться, что Гита, которая хранит молчание в своем таинственном окончании, остановилась недалеко от того решения, которого мы ищем; она медлит у границ высшего духовного ума и не пересекает их, чтобы войти в область великолепия сверхразумного Света. И все же ее секрет динамичного, а не только статического, тождества с внутренним Присутствием, ее высшее таинство полного подчинения Божественному Руководителю, Господу и Обитателю нашей природы есть ее главная тайна. Это подчинение есть необходимое средство сверхразумной перемены и лишь посредством сверхразумного изменения становится возможным это динамическое тождество.

Каковы же в таком случае установки Карма-Йоги, сформулированные Гитой? Её ключевой принцип, её духовный метод может быть подытожен, как союз двух наибольших и высочайших состояний, или сил сознания — ровности и единства. Зерно её метода — это неограниченное принятие Божественного в нашу жизнь, так же как и в наше внутреннее я, и в наш дух. Внутренний отказ от личного желания ведет к ровности, завершает наше тотальное подчинение Божественному, способствует приносящему нам единство освобождению от разъединяющего эго. Но это должно быть единство в динамичной силе, а не только в статичном покое или в бездеятельном блаженстве. Гита обещает нам свободу духа даже посреди трудов, и обладание всеми силами Природы, если мы принимаем подчинение всего нашего бытия тому, что выше отделяющего и ограничивающего эго. Она предлагает нам интегральную динамичную активность, основанную на недвижимой пассивности; самое широкое действие, какое только возможно, непреложно основанное на недвижимом покое, есть её тайна, — свободное самовыражение, исходящее из верховного внутреннего молчания.

Все вещи есть единый и неделимый, вечный, трансцендентный и космический Брахман, который кажется разделенным в вещах и созданиях; но лишь только кажется, ибо в действительности Он всегда един и ровен во всех вещах и созданиях, а разделение — лишь поверхностный феномен. Пока мы живем в невежественном кажущемся, мы есть эго и подвластны Природе. Порабощенные видимостями, привязанные к двойственностям, принужденные метаться между добром и злом, грехом и добродетелью, горем и радостью, болью и удовольствием, счастливой и злой судьбой, успехом и неудачей, мы беспомощно следуем железному или золоченному железному ободу колеса Майи. В лучшем случае мы располагаем лишь убогой относительной свободой, которую невежественно зовем свободой воли. Но по своей сути она иллюзорна, поскольку она есть не что иное, как модификации Природы, выражающие себя через нашу личную волю; это сила Природы, овладевающая нами и неосознаваемая нами, определяющая, какова будет наша воля и как она будет проявляться. Природа, а не независимое эго, избирает, к какой цели мы будем стремиться, — либо посредством разумной воли, либо при помощи нерассуждающего побуждения, — в каждое мгновение нашего существования. Если же, напротив, мы живем в объединяющей реальности Брахмана, то в этом случае мы выходим за пределы эго и переступаем границы Природы. Ибо тогда мы возвращаемся к нашему истинному я и становимся духом; находясь в духе, мы выше побуждений Природы, выше её модификаций и сил. Достигая совершенной ровности в душе, уме и сердце, мы реализуем наше истинное я единства, принадлежащее единству — единое со всеми существами, единое также с тем, что выражает себя в них и во всем, что мы видим и испытываем. Эта ровность и это единство суть необходимое двойное основание, которое мы должны заложить для божественного бытия, божественного сознания и божественного действия. Не будучи едины со всем, мы в духовном отношении не божественны. Не будучи равными душой ко всем вещам, событиям и созданиям, мы не можем духовно видеть, не можем божественно знать, не можем быть божественно чуткими по отношению к другим. Верховная Сила, единый Вечный и Бесконечный, ровен ко всем вещам и всем существам, и поскольку он ровен к ним, он может действовать с абсолютной мудростью в согласии с истиной своих деяний и силы, и в соответствии с истиной каждой вещи и каждого создания.

Это также единственная истинная свобода, возможная для человека, — свобода, которой он не может иметь, пока не перерастет свою ментальную отделённость и не сделается сознательной душой в Природе. Единственная свободная воля во Вселенной есть единая божественная Воля, а Природа — исполнительница её; ибо эта Воля есть владыка и создатель всех остальных волей. Свободная воля человека может быть в некотором смысле реальностью, но подобно всем вещам, относящимся к формам Природы, она лишь относительно реальна. Ум

скачет в водовороте природных сил, балансирует, стараясь удержать равновесие, между несколькими возможностями, склоняется к той или другой стороне, принимает решение и имеет ощущение выбора: но он не видит, он даже смутно не осознает кроющуюся за этим Силу, которая и определяет его выбор. Он не может увидеть ее, потому что эта Сила — нечто тотальное, и для наших глаз неразличимое. В лучшем случае ум может лишь различить, с некоторым приближением к ясности и точности, некоторые из запутанного многообразия частных решений, при помощи которых эта Сила достигает своих неисчислимых целей. Частичный сам по себе, ум едет лишь на части машины, оставаясь неосведомленным о девяти десятых ее движущих сил, содержащихся во Времени и окружении, неосведомленным о ее прошлом становлении и будущем развитии; но так как он едет на машине, то думает, что управляет ею. В некотором смысле, ум здесь играет определенную роль; ибо та отчетливая склонность ума, которую мы зовем нашей волей, то жесткое закрепление этой склонности, которое представляется нам свободным выбором, есть один из самых могущественных определяющих факторов природы; но он ни в коем случае не независимый и не единственный. За этим незначительным и вспомогательным действием человеческой воли стоит нечто безбрежное, могущественное и вечное, которое следит за направлением склонности и навязывает изменение воли. Существует совокупная Истина в Природе, более великая, нежели наш индивидуальный выбор. И в этой совокупной Истине, или даже вне ее и за ней, существует нечто, определяющее все следствия; его присутствие и скрытое знание постоянно поддерживает процессы Природы, динамическое, почти автоматическое восприятие правильных отношений, меняющихся или устойчивых потребностей, неизбежных шагов развития. Существует скрытая божественная Воля, вечная и бесконечная, всеведущая и всемогущая, которая выражает себя как во всеобщности, так и в каждой отдельной из всех этих по видимости временных и конечных, бессознательных или полусознательных вещей. Это — Сила или Присутствие, подразумеваемое Гитой, когда она говорит о Господе, пребывающем в сердце каждого существа, который при помощи иллюзии Природы понуждает создания как бы оседлать некую машину.

Эта божественная Воля не есть чуждая нам Сила или Присутствие; она близка нам, и мы сами являемся ее частью; ибо ничто иное, как наше собственное высшее Я обладает ею и поддерживает ее. Но это не есть наша сознательная ментальная воля; она довольно часто отвергает то, что принимает наша сознательная воля, и принимает то, что наша сознательная воля отвергает. Ибо в то время, как это скрытое Единое знает все и всякое целое, а также каждую подробность, наш поверхностный ум знает лишь малую часть вещей. Наша ментальная воля сознательна, и то, что она знает, она знает лишь благодаря мысли; божественная Воля по отношению к нам сверхсознательна, поскольку она в своем существе сверхразумна, и она знает все, потому что она есть все. Наше высочайшее Я, которое обладает и содействует этой универсальной Силе, ни есть ни наше эго, ни наша личная Природа; это нечто трансцендентное и универсальное, по отношению к которому эти более мелкие вещи суть лишь пена и текучая поверхность. Если мы откажемся от своей сознательной воли и предоставим ей сделаться единой с волей Вечного, то тогда и только тогда мы достигнем истиной свободы; пребывая в Божественной свободе, мы не будем больше цепляться за эту закованную в кандалы так называемую «свободную волю», за эту свободу марионетки, — невежественную, относительную, иллюзорную, привязанную к заблуждениям собственных несовершенных жизненных побуждений и умственных представлений.

В нашем сознании должно быть твердо осознанно различие, главное различие между механической Природой и свободным Владыкой Природы, между Ишварой, или единой светоносной божественной Волей, и многочисленными исполнительными силами и формами вселенной.

Природа — не такая, какова она есть в своей божественной Истине, сознательная Сила Вечного, но такая, какой она кажется нам, в нашем Неведении — есть исполнительная Сила, механическая в своих действиях, у которой, в соответствии с нашим опытом относительно неё, отсутствует сознательный разум, хотя все ее деяния исполнены абсолютного разума. Не будучи властвующей сама по себе, она исполнена самосознательной Силы [10](#), которая располагает бесконечным господством и, благодаря этой Силе, приводящей ее в движение, она управляет всем и точно выполняет работу, предназначенную ей Ишварой. Не наслаждающаяся, но служащая предметом наслаждения, она несет в себе груз всех наслаждений. Природа как Пракрити есть инертно деятельная Сила, — ибо она вырабатывает действие, навязанное ей; но внутри нее обитает Единый, который знает, — некая Сущность пребывает там, которая осведомлена о всяком ее движении и процессе. Пракрити действует, заключая в себе знание, господство, блаженство Пуруши — Бытия, соединенного с нею или находящегося в ней; но она может разделять эти качества лишь посредством подчинения тому и отражения того, что ее наполняет. Пуруша обладает знанием, он неподвижен и неактивен; он содержит деятельность Пракрити в своем сознании и в своем знании, наслаждаясь ею. Он дает санкцию на труды Пракрити, и она вырабатывает то, что санкционировано им для его собственного наслаждения. Сам Пуруша не занимается осуществлением работ; он оказывает поддержку Пракрити в ее деятельности и предоставляет ей выразиться посредством энергии, движения и вырабатываемого ею результата того, что он осознает в своем знании. Это — различие, проводимое представителями Санкхья; и хотя оно не представляет собою всю подлинную истину, ни в коем случае не является высшей истиной Пуруши или Пракрити, но все же это обоснованное и не допускающее исключений практическое знание, применимое для низшей полусферы существования.

Индивидуальная душа или воплощенное в форму сознательное существо может отождествлять себя или с этим наблюдающим Пурушей, или же с этой деятельной Пракрити. Если душа отождествляет себя с Пракрити, то она не господин, получающий наслаждение и обладающий знанием, но она лишь отражает модификации и действия Пракрити. Она обретает благодаря этому отождествлению то состояние подчинения и механического действия, которое характерно для Пракрити. И, даже, вследствие полного погружения в Пракрити, душа делается бессознательной или обладающей лишь подсознанием, спящей в воплощающих ее формах, как в земле или металле, или почти спящей, как в растительной жизни. В подобном бессознательном состоянии она подчинена доминированию Тамаса — принципа, силы, образа действий, характеризующегося качеством тьмы и инертности; Саттва и Раджас также присутствуют, но они скрыты плотным слоем Тамаса. Проникая в сферу своей собственной присущей ему природы сознания, но не будучи еще истинно сознательным, так как имеет место еще слишком большое преобладание Тамаса в его природе, воплощенное существо все больше и больше подчиняется Раджасу — принципу, силе, образу действий, характеризующемуся качествами активности и страсти, приводимыми в действие желанием и инстинктом. Тогда имеет место формирование и развитие животной природы, ограниченной в отношении сознания, рудиментарной в отношении интеллекта, раджасо-тамасической в отношении виталических привычек и импульсов. Продвигаясь еще дальше от великой Бессознательности к духовному состоянию, воплощенное существо высвобождает Саттву, образ действия света, и обретает относительную свободу, господство, знание и вместе с тем ограниченное и обусловленное

чувство внутренней удовлетворенности и счастья. Человек, ментальное существо в физическом теле, должен обладать, но не обладает, за исключением немногих среди множества тел, содержащих в себе души, этой природой. Обычно он имеет в себе слишком много темной земной инертности и беспокойной невежественной животной жизненной силы, чтобы стать душой, принадлежащей свету и блаженству, или даже умом, обладающим гармонической волей и знанием. Именно здесь в человеке имеет место несовершенное, пока еще затрудненное и встречающее препятствие устремление к истинному образу Пуруши, свободного, господствующего, знающего и блаженного. Ибо все это — относительные формы в человеческой и земной практике, и ни одна из них не даёт своего единственного и абсолютного плода; все они перемешаны друг с другом, и нигде не существует чистого действия какой-либо из них. Ничто иное, как их запутанное и непостоянное взаимодействие определяет переживания эгоистического человеческого сознания, колеблющегося на изменчивых весах Природы.

Признаком погружения воплощенной души в Пракрити служит ограничение сознания в пределах эго. Явный знак этого ограниченного сознания можно увидеть в постоянной неровности ума и сердца, и в запутанном конфликте и дисгармонии, свойственным их различным реакциям на соприкосновение с жизненным опытом. Человеческие реакции постоянно колеблются между двойственностями, создаваемые подчинением души Природе и ее часто интенсивной, но узкой борьбой за власть и наслаждение — борьбой большей частью неэффективной. Душа вращается в нескончаемом круге соблазнительных и причиняющих страдание противоположностей — успеха и неудачи, счастливой и несчастливой судьбы, добра и зла, греха и добродетели, радости и горя, боли и наслаждения. Лишь когда, пробудясь от своего погружения в Пракрити, она осознает свое единство с Единым и свое единство со всеми существованиями, душа может стать свободной от этих вещей и выработать правильное отношение к обладающей исполнительной функцией мировой Природе. Тогда она становится индифферентной к низшим модификациям Природы, равнодушной к ее двойственностям, способной к власти и свободе; душа водружается над ней как возведенный на трон знающий и свидетель, исполненный мирного, интенсивного и неомраченного наслаждения своим собственным вечным существованием. Воплощенный дух продолжает проявлять свои силы в деятельности, но он более не вовлечен в неведение, больше не привязан к своим трудам; его действия больше не имеют следствий внутри него, но лишь следствия вовне, в Пракрити. Всё движение Природы становится для его опыта колебанием волн на поверхности, которые не вносят изменений в его собственный неизмеримый покой, в его широкое блаженство, в его безграничную всеобщую ровность или в его беспредельное Богосуществование [11](#).

* * *

Таковы условия наших усилий, и они указывают нам идеал, который может быть выражен в нижеследующих или в эквивалентных им формулах.

Жить в Боге, а не в эго; двигаться, имея широкую основу, не в пределах малого эгоистического сознания, но в сознании Всеобщей Души и Трансцендентного.

Быть совершенно равным во всех событиях и по отношению ко всем существам; видеть и ощущать их, как единое с собою и единое с Божественным; ощущать все в себе и все в Боге; ощущать Бога во всем, и себя во всем.

Действовать в Боге, а не в эго. И при этом, во-первых, не избирать действие, исходя из личных нужд и мерок, но повинувшись велению живой высшей Истины, которая выше нас. Затем, как только мы в достаточной степени утвердимся в духовном сознании, не действовать более в

соответствии с нашей отдельной волей и посредством отдельного собственного движения, но все больше и больше позволять действию происходить и развиваться под воздействием побуждения и руководства божественной Воли, которая превосходит нас. И наконец, высший результат, быть вознесенным в состояние тождественности в знании, силе, сознании, действии и радости существования с Божественной Шакти; ощущать динамичное движение, не подчиняющееся власти смертного желания, виталического инстинкта, побуждения или иллюзорной ментальной свободы воли, но просветленно постигаемое и выявляемое в бессмертном самовосторге и бесконечном самознании. Ибо это действие, которое приходит благодаря сознательному подчинению и слиянию естественного человека с божественным Я и с вечным Духом; именно Дух вечно превосходит эту мировую Природу и руководит ею.

* * *

Однако, посредством каких практических шагов самодисциплины мы можем приблизиться к этому достижению?

Исключение всякой эгоистической активности и устранение ее основы, эгоистического сознания, несомненно есть ключ к свершению, которого мы ищем. И поскольку на пути трудов именно действие есть тот узел, который нам прежде всего следует развязать, то мы должны постараться развязать его там, где он крепче всего завязан, — в желании и в эго; ибо в противном случае мы рассечем лишь отдельные нити, а не само сердце нашего рабства. Два узла нашего подчинения невежественной и раздробленной Природе — это желание и чувство эго. И из этих двоих желание изначально пребывает в области эмоций, ощущений и инстинктов, и оттуда воздействует на мысли и на волю; чувство эго, действительно, также живет в этих движениях, но оно пускает свои глубокие корни также в мыслящий ум и в его волю, именно там становясь полностью самосознающим. Это пара темных сил, принадлежащих преследующему нас мировому Невежеству, которое мы должны просветить и ликвидировать.

В сфере деятельности желание принимает многообразные формы, но наиболее могущественная из всех — это страстное желание или стремление виталического я к плодам своих трудов. Плод, которого мы жаждем, может быть вознаграждением в виде внутреннего наслаждения; это может быть осуществление некой излюбленной идеи или какого-либо взлелеянного желания, или удовлетворение эгоистических эмоций, либо гордость осуществления наших самых высоких надежд и амбиций. Либо это может быть внешняя награда, вознаграждение чисто материального свойства, — богатство, положение, слава, победа, благоприятная судьба или любое другое исполнение виталического или физического желания. Но все эти награды равным образом суть приманки, при помощи которых эгоизм владеет нами. Все эти виды удовлетворения постоянно вводят нас в заблуждение благодаря ощущению власти и идее свободы, в то время как в действительности нас запрягла и управляет нами или, оседлав, плетью погоняет нас некая грубая или утонченная, благодарная или низкая форма слепого Желания, которое движет миром. Поэтому первое правило деятельности, сформулированное Гитой, это делать работу, которая должна быть сделана, без желания получить плоды своего труда, *niskama karma*.

Это правило на вид очень просто, и тем не менее, сколь трудно его выполнять, соблюдая при этом нечто похожее на абсолютную искренность и дающую освобождение полноту! Большей частью в нашей деятельности мы придерживаемся этого принципа в очень незначительной степени, если вообще придерживаемся, а в случае его применения большей частью используем его, как своего рода противовес обычному принципу желания и для того,

чтобы умерить чрезмерное воздействие этого тиранического импульса. В лучшем случае, мы бываем удовлетворены, если нам удастся достичь некоего смягченного и дисциплинированного эгоизма, не слишком шокирующего наше моральное чувство, не слишком грубо ущемляющего других. И нашей частичной самодисциплине мы придаем разные названия и формы; практикой мы приучаем себя к чувству долга, к непоколебимой верности принципам, к стоической стойкости или религиозному смирению, спокойному или экстатическому повиновению Божьей воле. Но все это не то, что имеет в виду Гита, хотя эти вещи и полезны на своем месте; она нацеливает на нечто чистое, абсолютное, бескомпромиссное, на поворот, позицию, которая целиком изменяет положение души. Ее правило не сводится к контролю умом виталических побуждений, оно состоит в неодолимой неподвижности бессмертного духа.

Критерий, который она устанавливает, есть абсолютная ровность ума и сердца по отношению ко всем результатам, всем реакциям и всем событиям. Если счастливая и несчастливая судьба, уважение и оскорбление, слава и позор, победа и поражение, приятное и печальное событие оставляют нас не только непоколебимыми, но и не затронутыми, свободными в своих эмоциях, в нервных реакциях, в умственных воззрениях, если мы не отзываемся на какую бы то ни было ситуацию ни малейшим беспокойством и ни малейшей вибрацией в какой бы то ни было точке нашей природы, то это значит, что мы достигли абсолютного освобождения, о котором говорит Гита, но только в этом случае. Самая крошечная реакция служит доказательством того, что порядок несовершенен, и что некоторая часть нашего существа принимает неведение и привязанность в качестве своего закона и все еще цепляется за свою старую природу. В этом случае наше самозавоевание лишь частично завершено; оно все еще несовершенное или нереальное на некотором пространстве, в некоторой части или на мельчайшем участке территории нашей природы. И этот малейший камешек несовершенства может разрушить все здание достижения Йоги!

Существуют некоторые подобия ровности духа, которые не должны быть приняты за глубокую и безбрежную духовную ровность, которой учит Гита. Существует ровность разочарованного смирения, ровность гордости, ровность жесткости и безразличия: все эти виды ровности эгоистичны по своей природе. Они неизбежно приходят на протяжении садханы, но должны быть отвергнуты или преображены в подлинный покой. Существует также, на некотором более высоком уровне, ровность стойка, ровность благочестивого смирения или отрешенности святого, ровность состояния души, отстранившейся от мира и равнодушной к мирским делам. Эти виды ровности также недостаточны; они могут быть первыми приближениями, но самое большее, это лишь ранние фазы развития души, или несовершенные умственные приготовления к вступлению в сферу подлинного и абсолютного, самосуществующего широкого ровного духовного единства.

Ибо разумеется, столь огромный результат не может быть достигнут немедленно и без каких-либо предварительных стадий. Сначала мы должны научиться сносить удары, которые наносит нам мир, так, чтобы центральная часть нашего существа оставалась незатронутой и безмолвной, даже когда поверхностный ум, сердце или жизнь переживают сильнейшее потрясение; неподвижные там, на скале, лежащей в основании нашей жизни, мы должны отделить душу, бодрствующую позади или остающуюся неприкосновенной глубоко внутри нашего существа, от этих внешних действий нашей природы. В дальнейшем, по мере того, как мы будем распространять это спокойствие и непоколебимость обособленной души на все ее инструменты, постепенно будет становиться возможным излучать покой из сияющего центра, освещая более темные периферийные области. На протяжении этого процесса мы можем пользоваться преходящей помощью, которую нам предоставляют многочисленные второстепенные промежуточные фазы; определенный стоицизм, определенная философия

спокойствия, определенная религиозная экзальтация могут помочь нам в некотором приближении к нашей цели, либо мы можем привлечь к делу даже менее сильные и высокие, но все же полезные энергии нашей ментальной природы. В конечном счете мы должны либо отказаться от них, либо преобразить их, и вместо всего этого достичь полной ровности, совершенного самосуществующего внутреннего покоя и даже, если мы на это способны, полного, неприступного, самоуравновешенного и спонтанного блаженства во всех наших членах.

Но как мы тогда вообще будем продолжать действовать? Ибо обычно человек действует потому, что он имеет желание или ощущает умственную, виталическую или физическую нужду или необходимость; им движут потребности тела, страстное желание богатства, почестей или славы, либо стремление к личному удовлетворению ума или сердца, либо это стремление к власти или наслаждению. Или им завладевает и толкает его к действию нравственная потребность или, по крайней мере, потребность или желание добиться, чтобы его идеи, или его идеалы, или его воля, или его партия, или его страна, или его боги господствовали в мире. Если ни одно из этих желаний, или какое-либо другое желание, не будет движущей пружиной наших действий, то может показаться, будто всякая побудительная или движущая сила при этом устраняются, а сама деятельность должна неизбежным образом прекратиться. Гита возражает на это, говоря о третьей великой тайне Божественной жизни. Всякая деятельность должна осуществляться во все более и более Богонаправленном и, в конце концов, Богообладаемом сознании; наши труды должны быть жертвой, приносимой Божественному, и в конечном счете отдача всего нашего существа, нашего ума, воли, сердца, чувств, жизни и тела Единому должна сделать любовь к Богу и служение Богу нашим единственным побуждением. Это преобразование побудительной силы и самого характера трудов есть, в действительности, господствующая идея Гиты; это основа ее уникального синтеза трудов, любви и знания. В конце не желание, а сознательно ощущаемая воля Вечного остается единственным фактором, побуждающим нас к деятельности, и единственным ее инициатором.

Ровность; отвержение всякого желания плодов нашего труда; деятельность, осуществляемая как жертва верховному Господу нашей природы и всей природы — вот три первых Богонаправленных приближения на пути Карма-Йоги, описанном в Гите.

10. Эта Сила есть сознательная божественная Шакти Ишвары, трансцендентная в вселенская Мать. *(Прим. Шри Ауробиндо)*

11. Для Карма-Йоги нет необходимости принять безоговорочно всю философию Гиты. Мы можем, если хотим, рассматривать ее, как изложение психологического опыта, полезного в качестве практической основы для Йоги; в этом качестве она вполне действительна и находится в полном согласии с высоким и широким опытом. По этой причине я решил изложить ее здесь, насколько это возможно, на языке современной мысли, опуская все, что принадлежит скорее метафизике, чем психологии. *(Прим. Шри Ауробиндо)*

Глава IV

Жертва, Трехединый Путь и Господин Жертвы

ЗАКОН жертвы есть повсеместно распространенное Божественное действие, которое было дано миру в самом его начале как символ солидарности вселенной. Именно благодаря притяжению этого закона обожествляющая и спасительная сила спускается со своих высот, чтобы ограничить, исправить и постепенно ликвидировать ошибки эгоистичного и саморазделенного творения. Это опускание с высот, эта жертва Пуруши, Божественной Души, подчиняющей себя Силе и Материи с тем, чтобы получить возможность формировать и озарять их, есть семя спасения этого мира Бессознательности и Невежества. Ибо «с жертвой в качестве их постоянного спутника, — говорит Гита, — Всеобщий Отец создал этих людей». Признание закона жертвы есть практическое признание эго того, что оно не единственно в мире, а также не главное в нем. Это есть эго признание того, что даже в этом весьма фрагментарном существовании за пределами эго существует то, что не есть эго собственная эгоистическая личность, но нечто более великое и полное, божественное Всё, которое требует подчинения и служения себе. Действительно, жертва всегда предписывается, а если надо, то и навязывается вселенской Мировой Силой; она берет ее даже от тех, кто сознательно не признает этого закона, — неизбежно, потому что такова подлинная природа вещей. Наше неведение или наше ложное эгоистическое представление о жизни не могут иметь никакого значения для этой вечной основополагающей истины Природы. Ибо Истина Природы состоит в том, что эго, которое считает себя отдельным, независимым существом, претендуя на жизнь только для самого себя, не есть и не может быть независимым или отдельным, оно также не может жить только для самого себя, даже если бы и пожелало этого, но, скорее, все вещи связаны между собой благодаря скрытому Единству. Каждое существо волей-неволей непрерывно отдает из своего запаса; из умственных приобретений у Природы, или из виталического и физического имущества, приобретений и принадлежащих ему вещей выходит непрерывный поток в направлении всего того, что его окружает. А с другой стороны, оно постоянно получает нечто от своего окружения в обмен на свою добровольную или произвольную дань. Ибо лишь благодаря этому даянию и получению оно может осуществлять свой собственный рост, в то же самое время оказывая содействие совокупности всех вещей. Со временем, хотя вначале медленно и лишь отчасти, мы научаемся приносить сознательную жертву; в конце концов мы даже получаем радость, отдавая себя и то, что мы рассматриваем как принадлежащее нам, в духе любви и преданности Тому, что представляется в данный момент иным, нежели мы сами и, несомненно, есть иное, нежели наша ограниченная личность. Жертва и божественное вознаграждение нашей жертвы тогда становятся радостно принимаемыми средствами достижения нашего высшего совершенства; ибо это признается отныне как путь к осуществлению в нас вечной цели.

Однако, наиболее часто жертва приносится бессознательно, эгоистично и без знания или принятия истинного смысла великого вселенского ритуала. Именно так поступает огромное большинство земных созданий; и, когда это делается подобным образом, индивидуум получает лишь механический минимум неизбежной естественной пользы, добывается благодаря этому лишь медленного, болезненного прогресса, ограниченного и испытывающего мучения благодаря ничтожеству и страданиям эго. И лишь когда сердце, воля и знающий ум солидаризуются с этим законом и охотно следуют ему, может придти глубокая радость и счастливая плодотворность божественной жертвы. Познание этого закона умом и сердечная радость, сопровождающая его исполнение, достигают высшей степени при постижении, что мы приносим жертву нашему

собственному Я и Духу, единому всеобщему Я и Духу всего. И это подлинно так, даже когда наше самопожертвование еще предназначается нашим собратьям или меньшим Силам и Принципам, а не Всевышнему. «Не ради жены, — говорит Яджнавалкья в Упанишадах, — но ради Я дорога нам жена». Это, в низшем смысле индивидуального я, представляет собой неоспоримый факт, скрытый расцвеченными и страстными сторонами эгоистической любви; но в высшем смысле внутреннее значение этой любви не эгоистично, а божественно. Всякая истинная любовь и всякая жертва есть, в своей сущности, созданная Природой противоположность по отношению к первоначальному эгоизму и его заблуждению самоизоляции; это ее попытка совершить поворот от необходимой первоначальной фрагментации ко вновь обретаемому единству. Всякое единение между существами есть самообнаружение, слияние с тем, от чего мы были отдалены, обнаружение своего я в других.

Однако лишь божественная любовь и единство могут обладать в свете тем, чего человеческие формы этих вещей добиваются в темноте. Ибо подлинное единство — это не просто присоединение или скопление, подобное клеточкам тела, объединенным для общей пользы; это даже не эмоциональное взаимопонимание, симпатия, солидарность или сильное взаимное тяготение. Лишь тогда мы поистине объединены с теми, кто отделен от нас перегородками Природы, когда мы ликвидируем разделение и обнаруживаем себя в том, что казалось нам отличным от нас самих. Ассоциация есть виталическое и физическое объединение; свойственная ей жертва сводится к взаимной помощи и уступкам. Близость, симпатия, солидарность создают умственное, моральное и эмоциональное единство; им свойственна жертва взаимной поддержки и взаимного удовлетворения. Однако истинное единство — духовное; свойственная ему жертва есть взаимная самоотдача, слияние и взаимопроникновение внутренней субстанции. Закон жертвы достигает в Природе своей кульминации в этой полной и безоговорочной самоотдаче; он пробуждает сознание единого общего я в приносящем жертву и в принимающем ее. Эта кульминация жертвоприношения есть высшая ступень даже в человеческой любви и преданности, когда они близки к тому, чтобы стать божественными; ибо и в этом случае высочайший пик любви нацелен в небеса полной взаимной самоотдачи, а ее вершина — это восторженное слияние двух душ в одну.

Эта глубочайшая идея мирового закона есть сердце учения о трудах, данного в Гите; духовное единение с Высочайшим посредством жертвы, безоговорочная самоотдача Вечному есть сердцевина ее учения. Вульгарная концепция жертвы представляет собой закон мучительного самопожертвования, сурового самоподавления, тяжелого самоуничтожения; этот вид жертвоприношения может даже до самокалечения и самоистязания. Эти вещи могут быть временно необходимы в требующих большого напряжения усилиях человека превзойти свое природное я; если эгоизм его природы неистов и упрям, то он должен быть иногда встречен ответными крутыми внутренними репрессиями и уравнивающим насильем. Тем не менее, Гита отговаривает от какого-либо избытка насилия по отношению к самому себе; ибо внутреннее я есть истинно эволюционирующее Божество, это — Кришна, это — Божественное; оно не должно подвергаться мучениям и пыткам подобно тому, как Титаны мира мучают и пытаются его, но его должно во всё возрастающей мере лелеять, заботливо выхаживать, открывать его доступу Божественного света, силы, радости и широты. Не наше я, но шайку внутренних врагов духа должны мы привести в смятение, подвергнуть изгнанию, заклать на алтаре духовного роста; те, чьи имена — желание, гнев, неровность, жадность, привязанность к внешним огорчениям и удовольствиям, демоны-узурпаторы, являющиеся причиной заблуждений и страданий души, должны быть безжалостно отсечены. Их следует рассматривать не как часть самих себя, но как самозванцев и развратителей истинной и божественной природы нашего я; они должны быть принесены в жертву в наиболее жестком смысле этого слова, какая бы боль

при их уничтожении ни отразилась в сознании искателя совершенства.

Однако истинная сущность жертвы не самопожертвование, а самоотдача; ее цель не самоуничтожение, но самоосуществление; ее метод не самоподавление, но величайшая жизнь; не самокалечение, но преображение частей нашего человеческого естества в божественные члены; не самоистязание, но переход от малого чувства удовлетворения к величайшей Ананде. Существует лишь одна поначалу мучительная для неопытной или замутненной части нашей внешней природы вещь; это — необходимая требующаяся дисциплина, отвержение, необходимое для поглощения несовершенного эго; однако может иметь место скорая и громадная компенсация, состоящая в обнаружении подлинно величайшей или предельной полноты в других, во всех вещах, в космическом единстве, в свободе трансцендентного Я и Духа, в экстазе прикосновения Божественного. Наша жертва — это не даяние без какого-либо возмещения или плодотворного принятия с другой стороны; это взаимообмен между воплощенной душой и сознательной Природой в нас и вечным Духом. Ибо, даже хотя и не требуется никакого возмещения, все же в глубине нас есть знание, что чудесное возмещение неизбежно. Душа знает, что она отдает себя Богу не напрасно; ничего не требуя взамен, она все же получает бесконечное богатство божественной Силы и Присутствия.

И, наконец, следует рассмотреть, кому предназначаются жертва и способ жертвоприношения. Жертва может приноситься другим, либо же божественным Силам; она может быть принесена космическому Всеобщему, либо трансцендентному Всевышнему. Воздаваемое поклонение может принять любую форму — от посвящения листка или цветка, чаши воды, горсти риса, ломтя хлеба до посвящения всего, чем мы обладаем, и подчинения всего, что мы собой представляем. Кто бы ни был получающий, каким бы ни был дар, в любом случае Всевышний, Вечный, пребывающий во всех вещах, получает и принимает жертву, даже если этот дар отвергается или игнорируется непосредственным получателем. Ибо Всевышний, превосходящий вселенную, тем не менее присутствует также и здесь, пусть и скрыто, в нас, в мире и в его событиях; он присутствует здесь как вездесущий Свидетель, как Тот, кому предназначены все наши труды, как их тайный Владыка. Все наши действия, все усилия, даже все наши грехи и преткновения, страдания и борьба, — бессознательно или сознательно, знаемое и видимое нами или еще не знаемое и замаскированное, все это, в конечном итоге, управляется Единым. Все обращено к нему в его бесчисленных формах и приносится через их посредство единому Вездесущему. В какой форме и в каком духе мы приближаемся к нему, в такой же форме и в таком же духе он примет жертву.

И результаты жертвы трудов также варьируется соответственно труду, побуждению к работе и состоянию духа, стоящему за этим побуждением. Однако все другие жертвоприношения частичны, эгоистичны, замутнены, кратковременны и неполны, — даже те из них, которые приносятся Высшим Силам и Принципам, сохраняют этот характер: результат в этом случае также частичный, ограниченный, временный, смешанный в своих реакциях, пригодный лишь для достижения второстепенной или промежуточной цели. Единственная полностью приемлемая жертва есть окончательная, самая возвышенная и полная самоотдача, — это то свободное и безоговорочное, содержащее в себе преданность и знание, осуществляемое лицом к лицу подчинение Единому, который одновременно представляет собой наше имманентное Я, окружающее нас всесоставляющее Всё, Высшую Реальность, стоящую за любым проявлением, и, тайным образом, всё это вместе, скрыто присутствующую везде имманентную Трансцендентность. Ибо душе, которая целиком отдает себя Богу, Он также отдает всего себя безраздельно. Лишь тот, кто приносит в жертву всю свою природу, обретает Я. Лишь тот, кто способен отдать всё, наслаждается Божественным Всеобщим везде. Лишь высшее самозабвение достигает Всевышнего. Лишь очищение путем принесения в жертву всего, что мы собой

представляем, может дать нам право воплотить в себе Высочайшее и жить здесь в имманентном сознании трансцендентного Духа.

* * *

Предъявляемое нам требование, вкратце, в том, что нам следует превратить всю свою жизнь в сознательное жертвоприношение. Каждое мгновение и каждое движение нашей жизни должно сделаться непрерывной и исполненной преданности самоотдачей Вечному. Все наши действия, причем самые мелкие, ординарные и незначительные не в меньшей степени, чем самые великие, значительные и благородные, должны совершаться нами как акты посвящения. Наша индивидуализированная природа должна жить в едином сознании внутреннего и внешнего действия, посвященного тому Нечто, что стоит за нами более великое, нежели наше эго. Не имеет значения, каков дар и кому мы его подносим, в этом действии должно присутствовать сознание, что мы подносим его единому божественному Бытию во всех существах. Наши самые обычные и самые грубые материальные действия должны приобрести этот возвышенный характер; когда мы едим, то должны сознавать, что даем пищу этому Присутствию в нас; это должно сделаться священным предложением жертвы в храме, и мысль о простой физической потребности или самоудовлетворении должна покинуть нас. В любом возвышенном труде, в любой высокой практике, в любом трудном или благородном предприятии, осуществляется ли оно для самого себя, для других или для человеческой расы, не будет более возможным задерживаться на идее о расе, о самом себе или о других. Вещь, которую мы делаем, должна быть сознательно принесена как жертва трудов не им, но — либо через них, либо непосредственно — единому Божеству; Божественный Обитатель, который был скрыт этими низшими представлениями, не должен более оставаться скрытым, но должен всегда зримо существовать для нашей души, нашего ума и наших чувств. Труды и результаты наших трудов должны быть отданы в руки этого Единого с чувством, что это Присутствие есть Бесконечный и Высочайший, благодаря кому только и возможны все наши труды и стремления. Ибо все происходит в его бытии; для него Природа берет у нас все наши труды и стремления и приносит их на его жертвенник. Даже в тех случаях, когда сама Природа явным образом представляет собой работника, а на нашу долю выпадает лишь роль свидетелей ее трудов, осуществляемых в нас самих или поддерживаемых нами, в этих случаях также должно иметь место постоянное памятование и устойчивое сознание, что это труд, принадлежащий божественному Владыке. Само наше вдыхание и выдыхание, само биение нашего сердца могут и должны сделаться сознательными в нас в качестве живого ритма вселенского жертвоприношения.

Понятно, что эта концепция и ее эффективное осуществление должны содержать в себе три следствия, наиболее важные для достижения нашего духовного идеала. Очевидно, во-первых, что, даже если подобная практика начата без преданности, то и в этом случае она ведет прямо и неизбежно к самой высокой преданности, какая только возможна; ибо она должна естественным образом постепенно приобрести глубину самого совершенного поклонения, какое только можно себе представить, самую глубокую любовь к Богу. Это связано с растущим ощущением Божественного во всех вещах, углубляющимся общением с Божественным, сопровождающим все наши мысли, проявления воли и действия, и в каждое мгновение нашей жизни все более совершенное посвящение Божественному всей полноты нашего бытия. Таким образом элементы Йоги трудов также имеют отношение к самой сути интегрального и абсолютного Бхакти. Искатель, который включает их в свою повседневную практику, тем самым беспрестанно создает в самом себе постоянное, деятельное и эффективное представительство самого духа

самопожертвования, а из этого неизбежно должно возникнуть в высшей степени всепоглощающее поклонение Высочайшему, которому посвящено это служение. Поглощающая любовь к Божественному Присутствию, к которому он чувствует все более интимную близость, все сильнее овладевает посвятившим свои труды. И вместе с этой любовью рождается, или в ней самой содержится также и всеобщая любовь ко всем существам, живым формам и созданиям, которые представляют собой обиталище Божественного — не кратковременное нетерпеливое и жадное чувство, свойственное миру разъединенности, но устойчивая неэгоистическая любовь, которая представляет собой глубокую вибрацию единства. Во всем искатель начинает встречать единый Объект своего поклонения и служения. Путь трудов сворачивает по этой дороге жертвы навстречу стезе Преданности; но и он сам может содержать в себе преданность столь же полную, поглощающую, такую же интегральную, какой может требовать любое сердечное влечение и о какой только может помыслить любая умственная страсть.

Далее, упражнение в этой Йоге требует постоянного внутреннего памятования единого основного освобождающего знания, а постоянное деятельное воплощение его в труде усиливает это памятование. Во всем пребывает единое Я, единое Божественное есть все; все пребывает в Божественном, все есть Божественное, и нет ничего иного во вселенной, — это мысль, или эта вера, представляет собой весь фон деятельности до тех пор, пока не превращается в самую сущность сознания труженика. Памятование и саморазвивающее размышление подобного рода должны превратиться, и в конечном счете превращаются, в глубокое и непрерывное видение и всеобъемлющее осознание того, что мы с такой силой удерживаем в памяти, или о чем мы с таким постоянством размышляем. Ибо каждое мгновение это принуждает нас к постоянному обращению к Источнику всей нашей жизни, воли и деятельности, и одновременно происходит вмещение и превосхождение всех частных форм и феноменов в Том, что являет собой их причину и поддерживает их существование. Этот путь не может придти к концу без того, чтобы человек не увидел живо и ярко, по-своему столь же конкретно, как и посредством физического зрения, деятельность вселенского Духа во всем. При достижении своих высочайших вершин этот путь поднимается до постоянной жизни, мышления, волеизъявления и действия в присутствии Сверхразумного, Трансцендентного. Что бы мы ни видели и ни слышали, что бы мы ни осязали и ни ощущали, все, что мы сознаем, мы должны знать и чувствовать как то, чему мы поклоняемся и служим; все должно превратиться для нас в образ Божества, восприниматься как Его жилище, окутанное вечной Вездесущностью. При своем завершении, если и не задолго до того, этот путь трудов, благодаря общению с божественным Присутствием, Волей и Силой, превращается в путь Знания более совершенный и интегральный, нежели может измыслить любой человеческий разум, или открыть какое бы то ни было интеллектуальное исследование.

Наконец, упражнение в этой Йоге жертвоприношения вынуждает нас отказаться от всех внутренних подпорок эгоизма, выбросив их из нашего ума, воли и действий, устраняя само его семя, его присутствие, его влияние на нашу природу. Все должно делаться только для Божественного; все должно быть направлено к одному Божественному. Мы ничего не должны предпринимать для себя, как для отдельного существа: ничто не должно нами делаться для других, будь то соседи, друзья, наша семья, страна, человечество или другие существа просто потому, что они связаны с нашей личной жизнью, мышлением, чувствами, или потому, что наше эго проявляет предпочтительную заинтересованность в их благополучии. Путем такого действия и видения все наши труды и вся жизнь становятся просто ежедневным активным поклонением и служением Божественному в беспредельном храме его собственного безбрежного космического существования. Жизнь все в большей мере становится жертвой вечного в индивидууме, постоянно самопредлагаемой вечному Трансцендентному. Она предлагается в жертву на обширном жертвеннике, представляющем собой поле действия вечного и космического Духа; а

Сила, которая предлагает жертву, также есть вечная Сила, вездесущая Матерь. Посему этот путь есть путь единения и общения при помощи действия, а также духа и знания, сопутствующих действию, столь совершенный и интегральный, на какой только может надеяться наша Богонаправленная воля, и какой только может совершить сила нашей души.

Этот путь обладает всей силой интегрального и полноценного пути трудов, а из-за присущего ему закона жертвы и самоотдачи Божественному Я и Владыке ему сопутствует, с одной стороны, вся сила пути Любви и, с другой, вся сила пути Знания. При его завершении все эти три божественные Силы действуют одновременно, слито, объединённо, завершённо, усовершенствованные благодаря взаимному влиянию.

* * *

Божественное, Вечное есть Господь, которому приносятся в жертву все наши труды, и соединение с ним во всем нашем бытии и сознании, а также в принадлежащих сознанию инструментах, есть цель этой жертвы. Высота ступени жертвоприношения должна поэтому измеряться, во-первых, возрастанием в нашей природе чего-то, что приближает нас к Божественной Природе, и, во-вторых, также возрастающим переживанием Божественного, его присутствия, его проявления нам, растущей близостью этого Присутствия и единения с ним. Однако Божественное по своей сущности бесконечно, и его проявления также бесконечно многообразны. Если это так, то маловероятно, чтобы наше истинное интегральное совершенство, касающееся нашего бытия и нашей природы, могло придти лишь благодаря одному способу реализации; оно должно соединить в себе многочисленные различные стороны божественного опыта. Оно не может быть достигнуто, если мы будем заниматься исключительным развитием лишь единственной линии отождествления до тех пор, пока оно не достигнет абсолюта; следует сгармонизировать многие аспекты Бесконечного. Для полного преобразования нашей природы необходимо интегральное сознание с многообразным динамическим опытом.

Существует одно основное постижение, неизбежное на пути к интегральному знанию или многостороннему переживанию этого Бесконечного. Оно состоит в осознании Божественного в его сущностном я и истине, не изменяемо внешними формами и феноменами. В противном случае мы, вероятно, останемся запутавшимися в сетях видимостей, беспорядочно блуждая в хаотической массе космических и частных аспектов, а если же мы избежим этой неразберихи, то это будет достигнуто ценой прикованности к некоей умственной формуле, либо ценой заключения в ограниченном личном опыте. Единственная безопасная и всеогласующая истина, представляющая собой самую основу вселенной, состоит в том, что жизнь есть проявление несотворенного Я и Духа, и ключ к спрятанной тайне жизни есть правильное отношение между этим Духом и его собственными им созданными существованиями. За поверхностью жизни пребывает вечное Бытие, следящее за своими многочисленными становлениями; везде и всюду имеет место обволакивание и наполнение проявленного во времени этим непроявленным вневременным Вечным. Однако это знание не имеет для Йоги никакой ценности, если это лишь умственное и метафизическое представление, лишённое жизни и не дающее последствий; одно лишь умственное осознание недостаточно для ищущего. Ибо то, чего ищет Йога, не есть истина, принадлежащая одному лишь мышлению или уму, но это динамическая истина живого и раскрывающегося духовного опыта. В нас должна пробудиться постоянная, не покидающая нас, окутывающая нас близость, живое восприятие, истинное чувство и общение, конкретное ощущение и контакт с подлинным и бесконечным Присутствием, всегда и везде. Это

Присутствие должно оставаться с нами, как живая, наполняющая собою всё Реальность, в которой мы вместе со всеми остальными вещами существуем, движемся и действуем, и мы должны ощущать ее всегда и везде, конкретную, видимую, обитающую во всех вещах; для нас должно быть очевидно, что она представляет собой их подлинное Я, что это их непреходящая Сущность, явленная нам как их сокровенный Дух. Не просто представлять себе это Я и Дух, но видеть, чувствовать, ощущать, соприкасаться с ним всеми способами, во всех существах, и с такой же ясностью ощущать все существа пребывающими в этом Я и Духе, — вот фундаментальное переживание, которое должно включать в свою сферу всякое другое знание.

Это бесконечное и вечное Я вещей есть вездесущая Реальность, единое существование, распространенное повсюду; это единое объединяющее присутствие, а не различное в различных существах; его можно встретить, увидеть или ощутить во всей его полноте во всякой душе и во всякой форме во вселенной. Ибо его бесконечность есть бесконечность духовная и сущностная, а не просто безграничность в Пространстве или нескончаемость во Времени; Бесконечное можно ощутить в бесконечно малом атоме или в одном мгновении столь же убедительным образом, как и в промежутке времени, исчисляемом зонами, или в ошеломляющей огромности межзвездных пространств. Познание или переживание этого рода может начаться где угодно и выразиться при помощи чего угодно; ибо Бог пребывает во всем, и все есть Бог.

Этот основной опыт, тем не менее, начинается различным образом у различных натур и требует много времени, чтобы раскрыть всю Истину, которая скрыта в тысячах его аспектов. Сначала я, возможно, вижу или ощущаю вечное Присутствие в себе или как самого себя, и лишь впоследствии я могу распространить это видение и ощущение своего высшего я на все творения. Тогда я вижу мир в себе или как одно с собою. Я воспринимаю вселенную как сцену внутри своего существа; игру его процессов как движение форм, душ и сил в моем космическом духе; всюду я встречаю самого себя и никого другого. Следует обратить внимание, что я избегаю при этом заблуждения Асура, Титана, который живет в своей собственной чрезмерно разросшейся тени, принимая эго за я и дух, пытаясь навязать свою фрагментарную личность в качестве единственного доминирующего существа всему своему окружению. Ибо, обладая знанием, я уже постиг ту истину, что мое подлинное я есть не-эго; поэтому мое высшее Я всегда ощущается мною либо как безличная Беспредельность, либо как сущностная Личность, содержащая в себе, за пределами самой себя, все остальные личности, либо же то и другое вместе; но в любом случае, будь то Безличное или беспредельное Личное, либо то и другое вместе, это есть Бесконечное, превосходящее границы эго. Если я искал и сначала нашел высшее Я в той его форме, которую я называю самим собой, а не в других существах, то лишь потому, что, благодаря субъективности моего сознания, это оказалось наиболее удобным для меня способом найти и, вместе с тем, познать и реализовать его. Но если ограниченное, выполняющее роль инструмента эго не начинает поглощаться этим Я, как только последнее стало видимым, если меньшее, внешнее, сконструированное нашим умом я отказывается исчезнуть в этом величайшем, вечном и несотворенном духовном Я, то моя реализация либо не подлинная, либо она в высшей мере несовершенна. Где-то во мне находится эгоистическое препятствие; некая часть моей природы противопоставила эгоистичное и самосохраняющее отрицание всепоглощающей истине Духа.

С другой стороны, — и для некоторых это наиболее удобный путь, — я могу увидеть Божество сначала в окружающем меня мире, не в самом себе, а в других. Я встречаю там Божественное как пребывающее во всем и всеобъемлющее Бесконечное, непривязанное ко всем этим формам и силам, которые оно несет на своей поверхности. Либо, я вижу и ощущаю Его как чистое и изолированное Я и Дух, что содержит в себе все эти силы и существования, и тогда я теряю свое чувство эго в безмолвной Вездесущности, окружающей меня со всех сторон. Впоследствии именно она начинает наполнять собою и владеть моим выполняющим роль

инструмента существом, и именно от нее представляются исходящими все мои побуждения к действию, весь свет моей мысли и речь, все конструкции моего сознания и все его отношения и взаимодействия с другими формами воплощенных душ этого единого мирового Существования. Я уже более не представляю собой это маленькое личное я, но То, с чем-то принадлежащим ему самому, получившим преимущественное развитие, что поддерживает избранный вид своих деяний во вселенной.

Имеется и другое основное осознание, самое последнее из всех, которое, тем не менее, приходит иногда в виде первого, решающего откровения, или же раннего поворотного пункта в Йоге. Оно представляет собой пробуждение к невыразимо высокому трансцендентному Непознаваемому, пребывающему выше меня и выше всего этого мира, в котором я, казалось бы, совершаю свое движение, к безвременному и беспространственному состоянию или сущности, некоторым образом убеждающей и принуждающей к подчинению пребывающему во мне сущностному сознанию — единственной вещи, которая по отношению к нему переполняюще реальна. Этот опыт обычно сопровождается в такой же мере подчиняющим себе ощущением призрачной или туманной иллюзорности всех здешних вещей, или ощущением их временного, производного и лишь отчасти реального характера. По крайней мере, в течение некоторого времени все вокруг меня может казаться перемещением кинематографических теней или обладающих лишь поверхностью фигур, а моя собственная деятельность может казаться текучей формой, исходящей из некоего Источника, пока неосознанного и, возможно, недоступного пониманию, который выше или вне меня. Оставаться в этом сознании, доводить до полноты это явление или следовать этому начальному указанию на сущностный характер вещей, значит двигаться к цели растворения себя и мира в Непознаваемом, — к Мокше, Нирване. Но это не единственная линия следования; я могу, напротив, ждать до тех пор, пока посредством безмолвия безвременной незаполненной пустоты освобождения я не начну вступать в определенные отношения с этим еще не осознанным мною Источником самого меня и моей деятельности; затем пустота начинает заполняться, из нее появляется, или в нее устремляется вся многообразная Истина Божественного, все аспекты, проявления и многочисленные уровни динамического Бесконечного. Вначале это переживание навязывает уму и затем всему существу абсолютный, неизмеримый, почти ужасающий покой и безмолвие. Подавленный, покоренный и утихомиранный, освобожденный от самого себя, ум воспринимает само это Безмолвие в качестве Всевышнего. Но впоследствии идущий обнаруживает, что все содержится или заново делается для него в этом безмолвии, или через это безмолвие нисходит на него от более великого, скрытого трансцендентного Существования. Ибо это Трансцендентное, это Абсолютное — не просто покой, свойственный лишенной признаков пустоте; оно обладает своим собственным бесконечным содержанием и богатствами, по отношению к которым те [богатства], что принадлежат нам, представляют собой уменьшенные и ухудшенные значения. Если бы не существовало этого Источника всех вещей, то не могла бы существовать вселенная; все энергии, всякая деятельность и любая активность были бы иллюзией, всякое созидание и проявление было бы невозможным.

Это три основные осознания, настолько существенные, что Йогину, идущему по пути Знания, они представляются высшими и достаточными, предназначенными превзойти и заменить собою все остальные. И, однако, для интегрально ищущего, даруются ли ему остальные постижения на ранней стадии внезапно и легко, благодаря чудотворной милости, или достигаются с трудом, после длительного развития и стараний, — они не представляют собой ни единственной истины, ни достаточных и единственных ключей к интегральной истине Вечного, скорее, это лишенная содержания отправная точка, широкое основание более великого божественного Знания. Существуют другие постижения, которые абсолютно необходимы и

должны быть исчерпаны до высшего предела своих возможностей; и если некоторые из этих постижений кажутся на первый взгляд имеющими отношение лишь к Аспектам Божества, которые служат инструментами активности существования и не составляют его существа, все же, когда их доводят до конца, посредством этой активности достигая вечного Источника последней, выясняется, что они приводят к обнаружению Божественного, без которого наше Знание Истины, скрытой за вещами, осталось бы бедным и неполным. Эти, казалось бы, Инструменты, представляют собой ключ, без которого сами Основы не откроют все свои тайны. Все раскрывающиеся аспекты Божественного должны быть пойманы в широкую сеть интегральной Йоги.

* * *

Если уход от мира и его деятельности, максимальное освобождение и покой были бы единственной целью идущего, то трех основных великих постижений было бы достаточно для исполнения его духовной жизни: сосредоточившись лишь на них, он мог бы позволить всему остальному божественному или земному знанию покинуть его, а сам, необремененный, мог бы уйти в вечное Безмолвие. Однако он должен понять значение мира и его деятельности, узнать, какая божественная Истина может быть скрыта за ними и устранить внешнее противоречие между Божественной Истиной и проявленным творением, являющееся отправной точкой наибольших духовных переживаний. При этом, на любом пути приближения, какой только он может выбрать, он будет наткнуться на неизменную Двойственность, на разделение между двумя видами существования, которое кажется противоречием, а их противоречие представляется самым корнем загадки вселенной. Позже он может обнаружить и обнаруживает, что это два полюса Единого Бытия, связанные между собой двумя одновременными потоками энергии, отрицательной и положительной по отношению друг к другу, и их взаимодействие есть само условие проявления того, что пребывает внутри Бытия, а их воссоединение — средство, предназначенное для примирения несоответствий жизни и для обнаружения интегральной истины, которую он ищет.

Ибо, с одной стороны, он знает об этом Я, пребывающем всюду, об этой вечной Субстанции Духа — Брахмане, Вечном — одном и том же самосуществовании, здесь, во времени, стоящем за каждым феноменом, который он видит или ощущает, а также пребывающем вне времени за пределами вселенной. Он имеет сильное и всепревышающее переживание Я, которое не есть ни наше ограниченное эго, ни наш ум, жизнь или тело, равновеликого вселенной, но не принадлежащего к внешним феноменам, более конкретного для некоего его духовного чувства, нежели любая форма или феномен, вселенского, и все же не зависимо от чего-либо в мире или от всей вселенной в целом; если бы весь мир должен был исчезнуть, то его исчезновение не привело бы к возникновению какого-либо изменения в этом Вечном в отношении его постоянного сокровенного переживания. Он непоколебим в невыразимом Самосуществовании, которое представляет собой сущность его самого и всех вещей; он сокровенно обладает сущностным Сознанием, по отношению к которому мыслящий ум, жизненные чувства и телесные ощущения суть лишь частичные и ослабленные подобию, Сознанием, обладающим беспредельной Силой, по отношению к которой все энергии являются ее проявлениями, но которую, тем не менее, нельзя объяснить или считать суммой, силой или природой всех этих энергий вместе взятых; он чувствует, он живет в неотчуждаемом самосуществующем Блаженстве, которое не есть наша слабая мимолетная радость, счастье или удовольствие. Неизменная непреходящая бесконечность, вневременная вечность, самоосознание, которое не

есть наше воспринимающее, реагирующее и ощупывающее ментальное сознание, но скрытое за ним, пребывающее над ним, а также присутствующее в областях, находящихся ниже его, даже в том, что мы зовем Бессознательностью, единство, в котором нет возможности какого-либо другого существования, — вот четырехсторонний характер этого установившегося переживания. Кроме того, это вечное Существование Я ощущается им также, как сознательный Дух Времени, несущий поток событий, самопростирающееся духовное Пространство, содержащее в себе все вещи и существа, Духовная Субстанция, которая есть сама форма и материал всего, что кажется недуховным, временным и конечным. Ибо все временное, преходящее, имеющее протяженность, ограниченное ощущается им в своей субстанции, энергии и силе ничем иным, как Единым, Вечным и Бесконечным.

И кроме того, не только в нем или над ним существует это вечное самоосознающее Существование, это духовное Сознание, эта беспредельность самоозаренной Силы, это безвременное и бесконечное Блаженство. Существует также, столь же постоянная в его переживании, вселенная в измеримых Времени и Пространстве, некий род безграничного конечного, и в них все преходяще, ограничено, фрагментарно, множественно, невежественно, подвержено отсутствию гармонии и страданиям, смутно ищет некую нереализованную и все же присущую ему гармонию единства, бессознательно или полусознательно, или, когда даже в высшей степени сознательно, то все равно связано с первоначальным Неведением или Бессознательностью. Он не всегда находится в трансе покоя или блаженства, и даже если бы это было так, то все равно не имело бы место решение проблемы, ибо он знает, что несовершенство по-прежнему продолжало бы существовать вне его, и в то же время внутри его некоего более широкого я так, как если бы это несовершенство было вечным. Временами эти два состояния его духа кажутся ему существующими попеременно, в соответствии с состоянием его сознания; временами они существуют для него как две части его бытия, — в корне различные и подлежащие примирению, две половины — высшая и низшая, или внутренняя и внешняя части его существования. Вскоре он обнаруживает, что это разделение в его сознании обладает огромной освободительной силой, ибо благодаря ему он более не ограничен неведением и бессознательностью; неведение более не кажется ему истинной природой вещей и его самого, но всего лишь иллюзией, которая может быть преодолена, или же по крайней мере временным ошибочным самопереживанием — Майей. Соблазнительно рассматривать последнюю лишь как противоположность Божественного, как непостижимое мистериальное действие, театр масок или искажение Бесконечного, а именно так это временами неотразимо представляется его переживанию — с одной стороны светозарная истина Брахмана, с другой — темная иллюзия Майи. Однако нечто в нем самом не позволяет ему постоянно разрезать существование надвое и, при более внимательном рассмотрении, он обнаруживает, что в этом полусвете или темноте также пребывает Вечное — это Брахман, присутствующий здесь с лицом Майи.

В этом состоит начало роста духовного опыта, который все более и более открывает ему, что казавшееся темной, непостижимой Майей было все время ничем иным, как Могуществом Сознания Вечного, безвременного и беспредельного по ту сторону вселенной и в то же время простирающегося здесь под личиной светлых и темных противоположностей ради осуществления чуда проявления Божественного в Уме, Жизни и Материи. Всё Вневременное воздействует на игру, происходящую во Времени; все во Времени происходит и совершается на основе вневременного Духа. Если разделяющее переживание было освобождающим, то это объединяющее переживание динамично и эффективно. Ибо теперь идущий не только ощущает себя в своей душевной сущности частью Вечного в своем сущностном я и духе полностью единым с Вечным, но он ощущает также свою активную природу инструментом в руках всеведущего и всемогущего Сознания-Могущества. Какой бы ограниченной и относительной ни

была в нем нынешняя деятельность этого Сознания-Могущества, он способен раскрываться для все более грандиозного сознания и его мощи, и это расширение сознания, по-видимому, не имеет представимых границ. Духовный и сверхразумный уровень этого Сознания-Могущества представляется ищущему расположенным над ним и имеющим склонность вступать в контакт там, где нет помех и ограничений, и энергии этих уровней так же оказывают давление на игру во Времени, обещая величайшее нисхождение со своих высот и менее замаскированное, или больше не замаскированное проявление Вечного. Некогда находившаяся в состоянии внутреннего конфликта, но теперь примиренная двойственность Брахмана-Майи открывается ему как первый великий динамический аспект Я всех я, как Владыка существования, Господь жертвоприношения мира и жертвы, приносимой ищущим.

На другом пути приближения другая Двойственность являет себя опыту идущего. С одной стороны, он становится осведомленным о свидетельствующем воспринимающем, наблюдающем, испытывающем Сознании, которое не кажется действующим, но для которого, по-видимому, предпринимается и поддерживается всякая активность, как внутри, так и вне нас. С другой стороны, он узнаёт в то же время о исполнительной Силе или энергии Процесса, которая видится составляющей, совершающей и направляющей всякую мыслимую деятельность, созидающей мириады форм, видимых и невидимых для нас, и использующей их в качестве стабильных оснований для нескончаемого потока своей деятельности и созидания. Вступая исключительно в сознание свидетеля, ищущий становится безмолвным, незатрагиваемым, недвижимым; он видит, что до сей поры он пассивно отражал и присваивал себе действия Природы, и именно в результате этого отражения они приобретали от пребывающей в нем души-свидетеля то, что представлялось духовным значением и смыслом. Но теперь он отказался от приписывания их себе и от отражающего отождествления с ними; он сознает только свое безмолвное я и находится в стороне от всего, что пребывает в движении вокруг последнего; все действия совершаются вне его и моментально перестают быть сокровенно реальными; они выглядят теперь механическими, отделимыми, могущими прекратиться. Вступая исключительно в область кинетического движения, ищущий становится обладателем противоположного самоосознания; он представляется своему собственному восприятию множеством активностей, созданием и результатом действия сил; если имеет место активное сознание, даже некий род кинетического бытия посреди всего, то уже нигде больше нет в этом всё свободной души. Эти два различные и противоположные состояния бытия чередуются в нем, либо одновременно находятся одно против другого; одно, безмолвное, пребывает во внутренней сущности и наблюдает, но остается недвижимым и безучастным; другое, активное в некотором наружном или поверхностном я занято своими обычными действиями. Он вступил в область интенсивного разделяющего постижения великой двойственности, Души-Природы, Пуруши-Пракрити. Но по мере того, как сознание углубляется, он узнаёт, что это лишь первая фронтальная видимость. Ибо он обнаруживает, что именно благодаря молчаливой поддержке, позволению или санкции этой пребывающей в нем души-свидетеля исполнительная природа может сокровенно и упорно работать над его бытием; если душа отбирает свою санкцию, то движения Природы в их действии над ним и внутри него становятся исключительно механическим повторением, вначале интенсивным, как бы пытающимся еще усилить их власть, но впоследствии все менее динамичным и реальным. Более активно используя эту силу одобрения или отказа, он постигает, что он может, поначалу медленно и неуверенно, а впоследствии более решительно, вносить изменения в действия Природы. Со временем в этой свидетельствующей душе или за ней ему открывается присутствие Знающего и господствующей Воли в Природе, и всякая ее деятельность все в большей степени представляется выражением известного и либо активно волеизъявляемого, либо пассивно дозволяемого этим Господином ее существования. Сама Пракрити теперь

представляется чисто механической в ее точно выверенном образе действий, но на самом деле это есть сознательная Сила с обитающей в ней душой, с сознающим себя смыслом ее движений и поворотов, с обнаруживающимися в ее поступи и в ее обликах скрытой Волей и Знанием. Эта Двойственность, в аспекте разделенная, на самом деле неразделима. Где бы ни существовала Пракрити, там же пребывает и Пуруша; где бы ни находился Пуруша, там же находится и Пракрити. Даже в своем бездействии он содержит в себе всю ее силу и энергию готовыми быть приведенными в действие; даже в разгар деятельности она несет в себе всё его наблюдающее и обязывающее сознание, как единственную опору и смысл ее творческой устремленности. Ищущий еще раз на собственном опыте обнаруживает два полюса существования Единого Бытия и две линии или два потока их энергий, положительной и отрицательной по отношению друг к другу, которые осуществляют благодаря своей одновременности проявление всего, что содержится в этом бытии. При этом он также обнаруживает, что разделяющий аспект есть аспект освобождающий; ибо он избавляет его от пут, состоящих в отождествлении себя с неадекватными деяниями Природы в Неведении. Объединяющий аспект есть аспект динамичный и действенный; ибо он делает его способным достичь господства и совершенства; отвергая то, что менее божественно или кажется небожественным в Природе, он может перестроить ее формы и движения в самом себе в соответствии с более благородным образцом, с законом и ритмом более высокого существования. На определенном духовном и сверхразумном уровне Двойственность становится более совершенным Два-в-Одном, Господствующим Духом с заключенной в нем Сознательной Силой, и его потенции не признают никаких преград и способны превзойти все границы. Таким образом, эта однажды разделенная, а теперь двуединая Двойственность Пуруша-Пракрити открывается ему во всей своей истине как второй великий инструментальный аспект Души всех душ. Хозяина существования, Господина Жертвы.

На еще одном пути приближения ищущий встречает другую соответствующую, но в аспекте отличную от предыдущих Двойственность, в которой двуединый характер проявляется более непосредственно, — динамическую Двойственность Ишвара-Шакти. С одной стороны, он знает о бесконечном и самосуществующем в бытии Божестве, которое содержит все вещи в невыразимой потенциальности существования, о Я всех я, о Душе всех душ, о духовной Сущности всех сущностей, о безличном невыразимом Существовании, и в то же время о беспредельной Личности, которая олицетворяет себя здесь в бесчисленных личностях, о Владыке Знания, Властелине Сил, Господе любви, блаженства и красоты, о едином Источнике миров, самопроявляющем и самосотворяющем, о Космическом Духе, вселенском Уме, всеобщей Жизни, о сознательной и живой Реальности, поддерживающей видимость того, что мы понимаем как бессознательную и безжизненную Материю. С другой стороны, он узнаёт то же Божество в действующих сознании и силе, проявляющихся как самосознающая Сила, которая содержит в себе и несет в себе все, и занята проявлением всего этого в Пространстве и Времени вселенной. Для него очевидно, что здесь имеет место единое верховное и бесконечное Бытие, олицетворенное для нас в двух различных сторонах самого себя, лицевой и оборотной по отношению друг к другу. Все либо готовится, либо предсуществует в Божестве Бытия, исходит из него и поддерживается его Волей и Присутствием; все выявляется и приводится в движение Божеством в его силе; все осуществляет, совершает и развивает благодаря ей и в ней свою индивидуальную или космическую цель. И снова имеет место Двойственность, необходимая для проявления, созидания и осуществления возможностей того двойного потока энергии, который всегда представляется необходимым для вселенских трудов, два полюса одного Бытия, но здесь они ближе друг к другу и всегда очевидно каждый несет силы другого в своей сущности и своей динамической природе. В то же время благодаря тому, что два великих

элемента божественной Мистерии, Личное и Безличное, сплавлены здесь воедино, искатель интегральной Истины ощущает в двойственности Ишвара-Шакти свою близость к более сокровенной и высочайшей тайне божественной Трансцендентности и Проявления, нежели в любом другом переживании.

Ибо Шакти Ишвары, божественная Сознательная Сила и Вселенская Матерь, становится посредницей между вечным Единым и проявленным Множественным; с одной стороны, благодаря игре энергий, которые она приносит от Единого, Шакти проявляет множественное Божество во вселенной, осуществляя инволюцию и эволюцию бесчисленных феноменов, материалом которых служит ее проявляющая субстанция; с другой стороны, посредством вновь восходящего потока тех же самых энергий она приводит все вещи обратно к Тому, от чего они произошли, так что душа в своем эволюционном проявлении может снова и снова возвращаться к Божеству туда или здесь обретать свой божественный характер. Хотя Шакти и занята приведением в движение космического механизма, ей не присущ характер бессознательной механической Душеприказчицы, который мы находим первоначально в облике Пракрити, Природной Силы; ей также не свойственен характер Нереальности, создательницы иллюзий или полуиллюзий, который присущ нашей первоначальной точке зрения на Майю. Для переживающей души становится ясно, что она имеет дело с сознательной Силой, обладающей той же сущностью и природой, что и Всевышний, от которого она исходит. Если кажется, что она погрузила нас в Неведение и Бессознательность, преследуя осуществление плана, который мы еще не в состоянии понять, если ее силы представляются нам всеми этими двусмысленными силами вселенной, то все же сразу видно, что она работает для развития в нас Божественного Сознания, и что она располагается вверху, привлекая нас к своей высшей сущности, открывая нам все больше и больше самое существо Божественного Знания, Воли и Ананды. Даже в движениях Неведения душа ищущего знает о ее сознательном руководстве, поддерживающем его шаги и ведущем быстро или медленно, прямо или используя многочисленные окольные пути, от темноты к свету более высокого сознания, от смертности к бессмертию, от зла и страдания к высочайшему добру и счастью, о которых человеческий ум может составить себе пока лишь смутное представление. Таким образом, ее энергия одновременно освобождающая и динамичная, созидательная, действенная, — она созидает не только те вещи, которые есть, но и те, которым еще только предстоит существовать в будущем; ибо, устраняя искажение и запутанные действия его низшего сознания, состоящие из вещества Неведения, она заново перестраивает и переделывает его душу и природу в сущность и силы высшей божественной Природы.

Этой Двойственности также может сопутствовать разделяющий опыт. На одном ее полюсе ищущий может осознавать одного лишь Владыку Существования, устремляющего на него Свои силы знания, могущества и блаженства с тем, чтобы освободить его и обожествить; Шакти может представляться ему лишь безличной Силой, выразительницей этих вещей или атрибутом Ишвары. На другом полюсе он может встретить Матерь Мира, создательницу Вселенной, проявляющую богов, миры, все вещи и существования из своей духовной субстанции. Либо, даже если он видит сразу оба аспекта, то это может быть неравноценное, разделяющее видение, подчиняющее одно другому, рассматривающее Шакти лишь как средство приближения к Ишваре. В результате имеет место односторонняя тенденция или отсутствие равновесия, сила воздействия не получает полной поддержки, либо же свет откровения несовершенно динамичен. Лишь когда совершенное единство двух сторон этой Двойственности достигнуто и руководит его сознанием, он начинает открываться влиянию более широкой силы, которая избавит его целиком от имеющего здесь место запутанного столкновения Идей и Сил и поместит в область более высокой Истины, и сделает возможным для этой Истины спуститься со своих высот с тем,

чтобы она могла просветить, осенить и властно воздействовать на этот мир Неведения. Ищущий начал завладевать интегральной тайной, которая может быть охвачена во всей полноте, лишь когда он пересечет границу царящей в этом мире двойственности, в которой Знание безысходно переплетено с первоначальным Неведением, и вступит в область, в которой духовный ум исчезает в сверхразумном Гносисе. Именно благодаря этому третьему и наиболее динамичному двойному аспекту Единого ищущий начинает с наиболее интегральной полнотой вступать в область глубочайшей тайны бытия Господина Жертвы.

Ибо именно за таинством присутствия личности во внешне безличной вселенной — как и в таинстве сознания, проявляющегося из бессознательного, жизни из безжизненного, души из грубой Материи — скрыто решение загадки существования. Здесь присутствует еще одна динамичная Двойственность, более всеобъемлющая, чем это кажется на первый взгляд, и глубоко необходимая для действия медленно самораскрывающейся Силы. В своем духовном переживании ищущий может, находясь на одном полюсе Двойственности, следовать Уму в видении фундаментальной Безличности, пребывающей всюду. Душа, эволюционирующая в материальном мире, начинает с безграничной безличной Бессознательности, в которой наше внутреннее зрение все же различает скрытое присутствие бесконечного Духа; ее дальнейшее развитие связано с возникновением ненадежного сознания и личности, которые даже в своей полноте имеют вид эпизода, но эпизода, который повторяется, образуя нескончаемую серию; далее душа, благодаря опыту жизни, поднимается из области ума в область бесконечного, безличного и абсолютного Сверхсознания, в котором личность, умственное сознание и виталическое сознание кажутся совершенно исчезнувшими благодаря освобождающему уничтожению, Нирване. Находясь и на более низком уровне, он ощущает эту фундаментальную безличность как огромную освободительную силу, пребывающую повсюду. Она избавляет его знание от узости личностного ума его волю — от хватки личностного желания, его сердце — от пут мелких переменчивых эмоций, его жизнь — от узкой личностной рутины, его душу — от эго, и Она дает им возможность обрести в себе покой, ровность, широту, универсальность и бесконечность. Йога трудов, казалось бы, нуждается в Личности, которая служила бы ее опорой, едва ли не ее источником, но здесь также обнаруживается, что безличное есть наиболее непосредственная освободительная сила; именно благодаря широкой неэгоистической безличности человек может сделаться свободным тружеником и божественным творцом. Неудивительно, что неодолимое могущество этого опыта, исходящего из безличного полюса Двойственности, должно было побудить мудрецов объявить этот опыт единственным путем, а безличную Сверхсознательность — единственной истиной Вечного.

И все же для искателя, стоящего на противоположном полюсе Двойственности, характерно иное переживания, которое подтверждает интуицию, глубоко коренящуюся в сердце и в самой нашей жизненной силе, состоящую в том, что личность, как и сознание, жизнь, душа не есть недолго живущий чужак в безличной Вечности, но заключает в себе сам смысл существования. Этот прекрасный цветок космической Энергии несет в себе предвидение цели и намек на истинное побуждение работы вселенной. Когда в ищущем открывается оккультное зрение, он узнаёт об иных планах бытия, иных мирах, в которых сознание и личность занимают огромное место и имеют первостепенное значение; даже здесь, в материальном мире, для этого оккультного видения бессознательность Материи наполнена тайным всепроникающим сознанием; ее безжизненность содержит вибрации жизни, ее механизм есть средство обитающего в ней Разума, Бог и душа суть везде. Надо всем пребывает бесконечное сознательное Бытие, которое различным образом выражает себя во всех этих мирах; безличность есть только первое средство этого выражения. Она представляет собой поле действия законов и сил, ровную основу проявлений; но эти силы выражают себя через существа, во главе которых стоит

сознательный дух, представляя собой эманации Сознательного Существа, которое есть их источник. Множественная неисчислимая личность, выражающая собой эту Одну, есть истинный смысл и главная цель проявления, и если ныне личность кажется узкой, фрагментарной, ограниченной, то это лишь потому, что она не открылась своему источнику и не расцвела в свою собственную божественную истину и полноту, наполнив себя вселенским и бесконечным. Таким образом, миротворение не есть более иллюзия, случайный механизм, игра, без которой можно было обойтись, поток, не имеющий никакого результата; это — истинный динамизм сознательной и живой Вечности.

Эта крайняя противоположность точек зрения наблюдателей, находящихся на двух полюсах единого Существования, не создает существенных трудностей для искателя интегральной Йоги; ибо весь его опыт показал ему необходимость этих двойственных условий и стоящих за ними потоков Энергии, положительной и отрицательной по отношению друг к другу, для проявления того, что пребывает внутри единого Существования. Для него Личность и Безличность были двумя крыльями его духовного взлета, и он располагает предвидением достижения такой высоты, на которой их взаимоподдерживающее взаимодействие перейдет в слияние их энергий, раскроет интегральную Реальность и высвободит к деятельности изначальную силу Божественного. Не только в основных Аспектах, но и во всех трудах своей Садханы он ощущает их двойную истину и взаимно дополняющую друг друга работу. Безличное Присутствие оказало влияние на его природу со своих высот, либо проникло внутрь и овладело ею; нисходящий Свет залил его ум, жизненную энергию, каждую клетку его тела, просветил их знанием, открыл его себе самому сверху до низу, вплоть до его самых замаскированных и неожиданных для него самого движений его существа, выставляя их напоказ, очищая, уничтожая либо блестящим образом преображая всё, что составляет принадлежность Неведения. Сила влилась в него потоками или подобно океану, работала в его существе и во всех его членах, растворяла, заново создавала, изменяла и преображала их все до единого. Блаженство затопило его и продемонстрировало, что оно может сделать страдание и печаль невозможными, превратить саму боль в божественную радость. Беспредельная Любовь соединила его со всеми созданиями, либо открыла ему мир неразъединяемой близости, несказанной сладости и красоты, начала устанавливать свой закон совершенства и сопряженный с ним экстаз даже посреди дисгармонии земной жизни. Духовная Истина и Справедливость вынесли приговор добру и злу этого мира несовершенства и фальши, раскрыли высшее благо и ведущую к нему путеводную нить тончайшей гармонии, присущее ему возвышение действия, чувства и знания. Однако за всем этим и во всём этом он ощутил Божество, которое представляет собой все эти вещи, Носителя Света, Руководителя и Все-Знающего, Господа Силы, Подателя блаженства, Друга, Помощника, Отца, Мать, Партнера во вселенской игре, абсолютного Владыку его существа, Возлюбленного и Любовника его души. Все отношения, познанные человеческой личностью, присутствуют в контакте души с Божественным; но они поднимаются на сверхчеловеческие уровни и подчиняют его божественной природе.

Предметом исканий является интегральное знание, интегральная сила, весь диапазон единения со Всем и Бесконечным, стоящим за существованием. Для искателя интегральной Йоги ни единое какое-либо переживание, никакой отдельно взятый Аспект Божества, — каким бы он ни представлялся человеческому уму всеохватывающим, достаточным для его способности вмещения, легко признаваемым в качестве единственной или окончательной реальности, — не может играть роль исключительной истины Вечного. Для садхаки интегральной Йоги переживание Божественного Единства, доведенное до высшего предела, глубже постигается и более широко воспринимается посредством следования и доведения до высшей степени полноты переживания Божественной Множественности. Все, что есть

истинного в политеизме, так же как и в монотеизме, входит в сферу его исканий; но он проходит мимо поверхностного восприятия того и другого человеческим умом с тем, чтобы завладеть их потаенной истиной, пребывающей в Божественном. Он видит, что служит целью устремлений враждующих между собой сект и философий, и признает каждый аспект Реальности на присущем ему месте, но отвергает узость и ошибки этих сект и философий и идет дальше до тех пор, пока не обнаруживает Единую Истину, которая связывает их друг с другом. Упреки в антропоморфизме и человеко-поклонстве не могут остановить его, — ибо он видит в них предрассудки невежественного и самонадеянного логического интеллекта, абстрагирующего ума, который не перестает вращаться в своем собственном ограниченном круге. Если человеческие отношения, что и поныне практикуются среди людей, исполнены ничтожества, порочности и невежества, то все же они представляют собой искаженные тени чего-то присущего Божественному, и посредством обращения их к Божественному он находит то, тенью чего они являются, и спускает это вниз для проявления в жизни. Именно посредством превосхождения человеком самого себя и путем открытия им себя для высшего наполнения Божественное должно проявить себя здесь, — это неизбежно приходит в процессе духовной эволюции, и поэтому человек не оставит Божество без внимания, не сделает себя слепым к Божеству, ибо оно располагается в человеческом теле, manusim tanum asritam. Выходя за пределы ограниченной человеческой концепции Бога, садхака приходит к единому божественному Вечному, но в то же время он встретит его в обликах Богов, его космических личностей, поддерживающих течение Вселенской Игры, обнаружит его под личиной Вибхути, воплощенных вселенских Сил или Руководителей человечества, воздаст уважение и будет повиноваться ему в лице Гуру, будет поклоняться ему в Аватаре. Для него будет огромной удачей, если ему удастся встретить того, кто реализовал или становится Тем, что является предметом его поисков, — тогда он, открыв себя этому сосуду Его проявления, сможет Его познать. Ибо это есть наиболее очевидный признак растущего совершенства, обещание великого чуда постепенного Нисхождения в Материю, что представляет собой скрытый смысл материального творенья и оправдание всей земной жизни.

Так раскрывает себя искателю в процессе жертвоприношения Господин жертвы. Это раскрытие может начаться в любой момент; в любом аспекте Владыка Трудов может принять работу в нем, и все более и более оказывать давление на него и на работу с целью обнаружения своего присутствия. В конце концов все Аспекты обнаруживают себя, разъединенные, затем скомбинированные, сплавленные и, наконец, сливаются воедино. В конечном счете через все это начинает сиять высшая интегральная Реальность, которую неспособен познать Ум, представляющий собою часть Неведения, но познаваемая, ибо она сознает самое себя в свете духовного сознания и сверхразумного знания.

* * *

Это обнаружение высшей Истины или высшего Бытия, Сознания, Силы, Блаженства и Любви, безличных и личных одновременно и тем самым поднимающих обе стороны нашего собственного бытия, — ибо в нас также имеет место двоякое сочетание Личности и массы безличных принципов и сил, — есть в одно и то же время первейшая цель и условие высшего достижений жертвоприношения. Это достижение само по себе принимает форму единения нашего существа с Тем, Кто таким образом делается явным для нашего видения и переживания, и это единение имеет тройственный характер. Имеет место единение в духовной сущности, путем отождествления; через пребывание нашей души в этом высшем Бытии и Сознании;

динамическое единение через подобие или тождество природы Того и нашего, играющего роль инструмента, существа. Первое есть освобождение от Неведения и отождествление с Реальным и Вечным, moksa, sauçjya, что является характерной целью Йоги Знания. Второе, обитание души с Божественным или в Божественном, samīrua, salokuā, — напряженное упование Йоги любви и блаженства. Третье, тождественность в природе, подобие Божественному, стремление быть совершенным, как Оно совершено, sadharma, есть высокая цель Йоги могущества и совершенства, или божественных трудов и служения. Объединенная полнота всех трех, основанная на множественном Единстве самопроявляющегося Божества, есть законченный результат интегральной Йоги, цель ее триединого Пути и плод ее триединой жертвы.

Нами может быть достигнуто единение посредством отождествления, освобождение и превращение субстанции нашего бытия в высшую субстанцию Духа, нашего сознания в божественное Сознание, состояния нашей души в экстаз духовного блаженства или в покойное вечное блаженство существования. Нами может быть достигнуто светоизливающее обитание в Божественном, свободное от возможности какого-либо падения или изгнания в область низшего сознания, принадлежащего тьме и Неведению, душа свободно и твердо водворяется в свой собственный естественный мир света, радости, свободы и единства. И поскольку это не просто должно быть достигнуто в каком-то другом, запредельном существовании, но должно искаться быть открыто также и здесь, это может произойти лишь в результате нисхождения, привнесения сюда вниз Божественной Истины, установления здесь присущего душе мира света, радости, свободы и единства. Единение с высшим нашего инструментального существа, не в меньшей степени, чем единение с высшим нашей души и духа, должно превратить нашу несовершенную природу в истинное подобие и образ Божественной Природы; наше нынешнее существо должно сбросить с себя лохмотья слепых, искаженных, уродливых и диссонирующих действий Неведения и облачиться в присущее ему одеяние света, мира, блаженства, гармонии, универсальности, власти, чистоты и совершенства; оно должно превратить себя во вместилище божественного Знания, в орудие божественной Силы Воли и Силы Бытия, в канал божественной Любви, Радости и Красоты. Вот то преображение, которое должно быть осуществлено, интегральное преображение, которое должно быть осуществлено, интегральное преображение всего того, чем мы сегодня являемся или кажемся, посредством единения — Йоги — конечного бытия во Времени с Вечным и Бесконечным.

Весь этот труднодостижимый результат возможен во всей своей полноте только в том случае, если имеет место грандиозная перемена, тотальное изменение направления нашего сознания, сверхнормальное полное преображение природы. Должно иметь место возвышение всего существа, возвышение духа, скованного здесь цепями и уловленного сетью своих орудий и своего окружения, к абсолютному свободному Духу в вышине, возвышение души до некой блаженной Сверхдуши, возвышение ума до уровня некоего светоносного Сверхума, возвышение жизни до уровня некой величайшей Сверхжизни, возвышение самой нашей телесности с тем, чтобы она соединилась со своим источником в некой чистой и пластичной субстанции духа. И это не может быть единичным быстрым взлетом, но подобно вознесению жертвы, описанному в Ведах, это восхождение от вершины к вершине, когда находясь на одной из вершин, восходящий обращает взоры к много большим высотам, которые еще предстоит одолеть. В то же самое время должен иметь место также и спуск для того, чтобы закрепить внизу то, что мы уже приобрели вверху, с каждой из высот, которые мы завоевываем, мы должны возвратиться, чтобы присущие данной высоте энергию и просветление привнести в низшее смертное движение; обнаружение Света, вечно сияющего в высоте, должно соответствовать высвобождению того же самого Света, скрытого внизу в каждой части, вплоть до глубочайших пещер подсознательной Природы. И это странствие восхождения и этот спуск для работы

преобразования должны неизбежно стать битвой, длительной войной с самим собой и с противоборствующими силами вокруг нас, которая, пока она длится, вполне может показаться бесконечной. Ибо вся наша старая темная и невежественная природа будет настойчиво и упорно бороться с преобразующим Влиянием, получая поддержку в своем медлительном безволии или в своем косном сопротивлении от большинства установившихся сил окружающей Природы вселенной; силы, начала и господствующие существа Неведения не сдадут свою империю без сопротивления

Сначала может быть продолжительный, зачастую утомительный и болезненный период приготовления и очищения всего нашего существа до тех пор, пока оно не будет окончательно готово и полностью пригодно для раскрытия навстречу более великой Истине и Свету или Божественному Влиянию и Присутствию. Даже если в своей сердцевине оно уже приспособлено, готово и открыто, то и тогда еще совсем не скоро все движения нашего ума, жизни и тела, все многочисленные и противоречивые члены и элементы нашей личности согласятся или, дав согласие, будут способны перенести трудный и изнурительный процесс преобразования. И труднее всего, — даже если всё в нас желает этого, — это та борьба, которую мы должны будем вести против сил вселенной, привязанных к нынешнему неустойчивому творению, когда мы будем стремиться осуществить заключительное сверхразумное преобразование и полное изменение сознания, посредством которого в нас во всей своей полноте должна установиться Божественная Истина, а непросто то просветленное Неведение, которое они с гораздо большей готовностью допустили бы.

Именно для этого отдача и подчинение себя Тому, что находится выше нас, обеспечивающие возможность полноценной и свободной работы в нас его Энергии, необходимы и неизбежны. По мере того, как эта самоотдача совершенствуется, труды жертвоприношения становятся все более естественными и эффективными, а препятствия, создаваемые противоборствующими Силами, утрачивают значительную часть своей силы, импульса и содержания. Две внутренние перемены больше всего содействуют превращению того, что сегодня кажется трудным или неосуществимым, в вещь возможную и даже очевидную. Имеет место выход на поверхность некой потаенной сокровенной внутренней души, которая была скрыта беспокойной активностью ума, хаотическим движением виталических импульсов и мраком материального сознания, теми тремя силами, запутанную комбинацию которых мы зовем своим я в настоящее время. В результате начнется более беспрепятственный рост Божественного Присутствия в сердцевине нашего существа с его освобождающим Светом и действенной Силой, своим сиянием освещающего все сознательные и подсознательные области нашей природы. Это два знака, один, знаменующий наше полное обращение и посвящение великому Поиску, другой — заключительное принятие Божеством нашей жертвы.

12. Being — в английском языке и Существо, и Бытие, Исходя из того, что русские эквиваленты придают значению личный или, соответственно, безличный оттенок, в тексте в основном используется более безличный вариант — Бытие. Суть различия, возникающего при использовании этих терминов, подробнее всего выявляется в III части книги при рассмотрении Личного и Безличного аспектов Божества в Йоге Преданности. (*Прим. пер.*)

13. conscious Being

14. Conscious Being

Глава V

Вознесение Жертвы

1. ТРУДЫ ПОЗНАНИЯ — ПСИХИЧЕСКОЕ БЫТИЕ

ТАКОВО, следовательно, в своем основании интегральное познание Высшего и Беспредельного, которому мы предлагаем жертву, и такова природа самой жертвы в своем тройственном характере, — жертва трудов, жертва любви и обожания, жертва знания. Ибо даже когда мы говорим о жертве трудов как таковой, мы не подразумеваем предложение только нашей внешней деятельности, но всего того, что существует активного и динамичного в нас; наши внутренние движения не менее, чем внешние действия должны быть возложены на единый алтарь. Внутреннее сердце всякого труда, который приносится в жертву, является работой самодисциплины и самосовершенствования, с помощью которой мы надеемся стать сознательными и просветленными Светом, нисходящим сверху во все наши движения ума, сердца, воли, чувств, жизни и тела. Возрастающий свет божественного Сознания приблизит нас в душе и объединит посредством отождествления в нашем сокровеннейшем существе и нашей духовной субстанции с Владыкой жертвы мира, — высшим объектом существования, предложенным древней Ведантой; но это также будет иметь тенденцию сделать нас в нашем становлении едиными с Божественным посредством сходства в нашей природе, и таков мистический смысл символа жертвы в иносказательной речи провидцев Вед.

Но, если таков характер быстрой эволюции от умственного к духовному бытию, предполагаемый интегральной Йогой, то возникает вопрос, полный многочисленных затруднений, хотя и огромной динамической важности. Как нам быть, имея дело с жизнью и трудом в том виде, какими они являются теперь — с деятельностью, свойственной для нашей еще не изменившейся человеческой природы? Восхождение к более великому сознанию, овладение нашими умом, жизнью и телом благодаря использованию его сил было принято в качестве выдающейся цели Йоги: и все же жизнь здесь, а не какая-либо другая жизнь где-то ещё, предложена как непосредственная область действия Духа, — для преобразования, а не аннигиляции нашего инструментального существа и природы. Чем тогда станет теперешняя деятельность нашего существа, деятельность ума, обращенного к знанию и выражению знания, деятельность наших эмоциональной и чувствительной частей, действия внешнего поведения, творчества, производства, воля, повернутая к господству над людьми, вещами, жизнью, миром, силами Природы? Будут ли они отброшены и заменены каким-то иным способом жизни, в котором одухотворенное сознание найдет свое истинное выражение и образ? Будут ли они сохранены в своем внешнем обличье, но преобразованы внутренним духом в действии, или они будут увеличены в масштабе и высвобождены в новых формах за счет радикального изменения сознания, как это произошло на земле, когда человек принял виталическую деятельность животного для ее ментализирования, расширения и преобразования посредством вливания рассудка, мыслящей воли, очищенных эмоций и организованного интеллекта? Или часть их будет отброшена, а сохранится только то, что сможет перенести духовное изменение и, под конец, сотворение новой, в ее формах не менее, чем в ее устремлении и движущей силе, жизни единства, широты, покоя, радости, и гармонии освобожденного духа? Вот проблема, которая больше других занимала, умы тех, кто пытался преодолеть пути, ведущие от человека к Божеству в Долгом путешествии Йоги.

Предлагался любой вид решения, — начиная с полного отказа от труда и жизни, насколько это физически возможно, до принятия жизни такой, как она есть, но с новым духом,

оживляющим и поднимающим ее движения, внешне такие же, как они были, но измененные в духе, стоящем за ними, и потому также в своем внутреннем значении. Крайнее решение, утверждаемое отворачивающимся от мира аскетическим, или же обращенным во внутрь экстатическим и самоотрицающим мистиком, чуждо целям интегральной Йоги; ибо, если мы хотим реализовать Божество в мире, то мы не сможем этого сделать, оставив мировую деятельность и, саму деятельность как таковую. В не слишком возвышенной трактовке это было закреплено религиозной мыслью в древние времена, что человек должен придерживаться только той деятельности, которая по своей природе является поиском, служением или культом Божества, а также тех действий, которые имеют к этому непосредственное отношение, и, кроме того, тех, что совершенно необходимы для обычного поддержания жизни, но должны совершаться в религиозном духе и согласно предписаниям традиционной религии и Писанию. Но это слишком формальное правило для осуществления свободного духа в трудах, и, кроме того, явно не более чем временное решение для преодоления перехода от жизни в миру к жизни в Потустороннем, которая все еще остается единственной основной целью. Интегральная Йога должна скорее склониться к всеобъемлющему предписанию Гиты, что даже, освобожденной душе, живущей в Истине, всё же следует выполнять труды жизни, чтобы план эволюции вселенной под тайным божественным руководством не мог ослабнуть или пострадать. Но если любой труд будет совершаться в тех же формах и в том же направлении, как это происходит сейчас в Невежестве, то наше достижение останется только внутренним, а наша жизнь угрожает превратиться в сомнительную и двусмысленную формулу внутреннего Света, выполняющего работу внешних Сумерек, станет совершенным Духом, выражающим себя в несовершенной форме, чуждой его Божественной природе. Если в течение некоторого времени ничего лучшего не может быть сделано, — а на протяжении длительного переходного периода нечто подобное неизбежно случается, — тогда это должно оставаться до тех пор, пока вещи не станут готовыми, а дух внутри достаточно могущественным, чтобы придать свои собственные формы жизни тела и внешнего мира; но это может быть допущено только как промежуточная ступень, а не в качестве идеала нашей души или основной цели пути.

По той же причине этическое решение вопроса не может быть достаточным; ибо этические правила просто выполняют роль удил во рту диких лошадей Природы, осуществляют над ними трудный и частичный контроль, но они не имеют силы для преобразования Природы таким образом, чтобы она могла двигаться полностью свободно, осуществляя интуитивно воспринимаемые указания, исходящие из божественного самознания. В лучшем случае этический метод годен для того, чтобы установить некоторые рамки, подавить [в себе] дьявола, воздвигнуть вокруг себя стену относительной и весьма сомнительной безопасности. Этот или некий подобный механизм самозащиты может быть необходимым какое-то время как в обыденной жизни, так и в Йоге; но в Йоге он может быть только вехой в процессе изменения. Нашей целью является фундаментальное преображение и чистая широта духовной жизни и, если нам суждено достичь этого, мы должны найти более глубокое решение, более надежный сверхэтический динамический принцип. Быть духовным внутри, этичным во внешней жизни, — это обычное религиозное решение, но оно является компромиссом; одухотворение внутреннего бытия и внешней жизни, а не компромисс между жизнью и духом является той целью, которую мы ищем. Не может человеческая путаница ценностей, которая стирает различие между духовным и моральным и даже провозглашает, что мораль является единственным истинно духовным элементом в нашей природе, быть чем-либо нам полезной; ибо этика есть ментальный контроль, а ограниченный ошибающийся ум не является и не может быть свободным и вечно сияющим Духом. Равно невозможно принять доктрину, провозглашающую жизнь единственной целью, принимающую ее элементы такими, как они есть, за основные жизненные принципы, и

призывая полудуховный или псевдодуховный свет только с целью их подчистки и приукрашения. Неадекватными также являются весьма частые попытки установления мезальянса между виталическим и духовным, между внутренним мистическим опытом и внешним эстетизированным интеллектуальным и чувственным Язычеством или экзальтированным гедонизмом, опирающимся на негой удовлетворяющим себя при свете духовной санкции; ибо это также является опасным и никогда не имеющим успеха компромиссом, и столь же далеко от божественной Истины и ее интегральности, как и противоположный пуританизм. Всё это тупиковые решения неустойчивого человеческого ума, пытающегося нащупать возможность сделки между высочайшими духовными высотами и низким уровнем обыденных умственных или жизненных мотивов. Какая бы частичная истина не скрывалась за ними, она может быть принята только тогда, когда она поднята до духовного уровня, испытана высшим Сознанием Истины [15](#) и отделена от праха и ошибок Невежества.

Суммируя, можно безопасно утверждать, что любое предложенное решение может быть только временным до тех пор, пока не будет достигнуто супраментальное Сознание Истины, которое ставит на свои места все феномены вещей, раскрывает их сущности и то в них, что прямо происходит из сущности духа. В настоящее же время единственно безопасное для нас — это найти направляющий закон духовного опыта — или освободить свет внутри, который может вести нас по пути до тех пор, пока более непосредственное Сознание Истины будет достигнуто выше нас или внутри нас. Ибо всё остальное в нас, что является лишь внешним, всё, что не есть духовное чувство или зрение, — конструкции, представления или заключения интеллекта, предположения или побуждения Жизненной силы, положительные необходимости физических вещей, — является иногда полусветом, иногда лжесветом, который в лучшем случае может служить некоторое время, а в остальном либо задерживает, либо смущает нас. Направляющий закон духовного переживания может придти только с открытием человеческого сознания Божественному Сознанию; в нас должна быть сила принять работающее руководящее динамическое присутствие Божественной Шакти и отдалиться нас под ее контроль; именно эта отдача и этот контроль обеспечат руководство. Но эта-сдача не надежна, и нет абсолютной уверенности в руководстве до тех пор, пока нас осаждают формации ума, импульсы жизни и побуждения эго, которые могут легко предать нас в руки ложного переживания. Эту опасность можно отразить только, открытием скрытой сейчас на девять десятых своих частей глубочайшей внутренней души, или психического существа, которое уже присутствует, но недостаточно активно внутри нас. То есть, мы должны освободить внутренний свет; ибо свет этой глубоко внутренней души есть наше единственное освещение, пока мы движемся ещё в блокаде Неведения и Сознание Истины ещё не получило полный контроль над нашим Богонаправленным устремлением. Работа Божественной силы внутри нас в условиях перехода и свет психического существа всегда направляют нас в сторону сознательного и зрячего повиновения тому высшему побуждению И отвращают от требований и побуждений Сил Неведения, и, находясь в их окружении, создают постоянно развивающийся внутренний закон нашего действия, который существует до тех пор, Пока духовное и супраментальное не сможет утвердиться в нашей природе. В процессе перехода вполне может быть период, когда мы берем всю жизнь и все действия и предлагаем их Божественному для очищения, изменения и привнесения в них истины, или другой период, когда мы отходим назад и воздвигаем духовную стену вокруг нас, пропуская через ее ворота только те действия, которые согласны подвергнуться закону духовной трансформации, и третий, когда свободное и всеохватывающее действие, но с новыми формами, подходящими для абсолютной правды Духа, может быть вновь сделано возможным. Эти вещи, в то же время, будут, решены не умственным законом, но в свете души внутри нас и предопределяющей силой и последовательным руководством Божественной

Силы, которая тайно или явно сначала побуждает, а затем начинает ясно контролировать и приказывать, а в конце концов берет на себя все бремя Йоги.

В соответствии с тройственным характером жертвы мы можем разделить труды также в тройном порядке, труды Знания, труды Любви и труды Воли-в-Жизни и посмотреть, как это более пластичное духовное правило применяется к каждой части и влияет на переход от низшей к высшей природе.

* * *

С точки зрения Йога естественно делить деятельность человеческого ума в его поисках знания на две категории. Есть высшее супраинтеллектуальное знание, которое сосредотачивается себя на открытии Единого и Бесконечного в его трансцендентности или пытается проникнуть посредством интуиции, размышления, прямого внутреннего контакта в первичные истины, стоящие за феноменами Природы; есть низшая наука, которая распыляет себя на внешнее знание феноменов, личин Единого и Бесконечного, в которых он является нам в более внешних формах миропроявления вокруг нас. Эти две [формы знания], высшая и низшая полусферы, в форме, созданной и постигнутой людьми в невежественных пределах их ума, даже здесь сами разделились в процессе своего развития, и достаточно резко... Философия, иногда духовная или хотя бы интуитивная, иногда абстрактная и интеллектуальная, иногда интеллектуализирующая духовный опыт или поддерживающая логическим аппаратом открытия духа, всегда утверждает, что ее область — установление конечной Истины. Но даже когда она не отделяла себя на разреженных метафизических высотах от знания, принадлежащего практическому миру и преследующего эфемерные объекты, интеллектуальная Философия из-за своей привычки к абстракции редко была силой, применимой в жизни. Иногда она была мощным орудием высоких рассуждений, преследовавших ментальную Истину рада нее самой, без какого-либо дальнейшего применения или цели, иногда для тонкой гимнастики ума в туманно-яркой облачной стране слов и идей, но она ходила и занималась акробатикой вдалеке от более осязаемых фактов существования. Древняя Философия в Европе была более динамичной, но только для немногих; в Индии, в более спиритуализированных формах, влияние ее было сильно, но не влекло трансформирования жизни расы... Религия не пыталась, подобно философии, жить в одиночестве на вершинах; ее задачей скорее было завладеть виталическими частями человека, нежели даже умственными, и продвинуть их в направлении Бога; она претендовала на то, что ей удалось построить мост между духовной Истиной и виталическим и материальным существованием; она прилагала усилия, чтобы подчинить и примирить низшее с высшим, сделать жизнь приспособленной к служению Богу, Землю покорной Небу. Должно признать, что слишком часто это необходимое усилие приводило к противоположному результату, делая Небо инстанцией, санкционирующей земные желания; ибо постоянно религиозную идею превращали в предлог для поклонения и служения человеческому эго. Религия, постепенно теряя свое небольшое сверкающее ядро духовного опыта, потеряла себя в мутной массе своих все время расширяющихся двусмысленных компромиссов с жизнью: пытаясь удовлетворить мыслящий ум, ей чаще удавалось подавлять или сковывать его массой теологических догм; пытаясь уловить в свои сети человеческое сердце, она сама попадала в ловушки ханжеской эмоциональности и чувственности; прибирая к рукам виталическую природу человека с тем, чтобы доминировать над ней, она сама развратилась и стала добычей фанатизма, смертоносной ярости, свирепого и грубого подавления, прорастающей фальши, упрямой приверженности невежеству, к которым склонна виталическая природа; ее желание

обратить физическое в человеке к Богу предало ее самоприковыванию к экклезиастическому механизму, пустой церемонии и безжизненному ритуалу. Искажение наилучшего произвело наихудшее с помощью той самой странной алхимии силы жизни, которая генерирует зло из добра, хотя может генерировать и добро из зла. В то же самое время в бесполезной попытке самозащиты против этого тяготения вниз, Религия была приведена к тому, чтобы расколоть бытие надвое путем разделения знания, трудов, искусства, самой жизни на две противоположные категории, духовную и мирскую, религиозную и светскую, священную и нечестивую; но это оборонительное разделение само стало условным и искусственным, и скорей утяжелило, нежели вылечило болезнь... С другой стороны, Наука и Искусство и знание жизни, хотя вначале они служили или жили в тени Религии, пришли к освобождению себя от ограничений, стали отчужденными или враждебными, или даже отступили с безразличием, презрением или скептицизмом от того, что казалось им холодными, бесплодными и далекими или несуществующими и иллюзорными высотами нереальности, к которым стремились метафизическая Философия и Религия. Какое-то время разрыв был настолько полным, насколько это могла осуществить односторонняя нетерпимость человеческого ума, и даже грозил окончиться полным пресечением всякой попытки достичь более высокого или более духовного знания. Ибо даже в земной жизни более высокое знание есть вещь, необходимая во всём, и без него низшие науки и искания, какими бы плодотворными, богатыми, свободными, чудесными в изобилии своих результатов они ни были, легко становятся жертвой, приносимой не в надлежащем порядке и ложным богам; развращающие, ожесточающие в конце концов человеческое сердце, ограничивающие горизонты его ума, они заточают в каменную тюрьму материализма или ведут к окончательной неуверенности и разочарованию. Бесплодный агностицизм ожидает нас над сверкающим свечением полужнания, которое продолжает оставаться Неведением.

Йога, направленная к всеобъемлющей реализации Всевышнего, не будет презирать труды — или даже сны, если это является снами — Космического Духа, или отступать от прекрасного кропотливого труда и многосторонней победы, которую он предназначил себе в человеческом существе. Но ее первое условие такой широты взгляда заключается в том, что наши труды в мире тоже должны быть частью жертвы, предлагаемой Высочайшему и никому другому. Божественной Шакти и никакой другой Силе, в правильном духе и с правильным знанием, свободной душой, а не загнипнотизированным крепостным материальной Природы. Если разделение трудов должно быть произведено, то это должно быть разделением между теми, что находятся ближе всего к сердцу священного пламени и теми, которых оно едва лишь Коснулось или осветило, потому что они находятся дальше, как между топливом, горящим сильно и ярко и брёвнами, которые, если их слишком плотно уложить на алтарь, могут препятствовать жару огня своим сырым, тяжелым и рассеянным избытком. Но с другой стороны, если не принимать во внимание это разделение, вся деятельность знания, которое ищет или выражает Истину, уже сама по себе является подходящим материалом для совершенного предложения [в жертву]; ни одна разновидность его не должна быть обязательным образом исключена из широкого аппарата божественной жизни. Ментальные и физические науки, которые исследуют законы, формы и процессы вещей, те, которые имеют отношение к жизни людей и животных, социальные, политические, лингвистические и исторические, и те, которые хотят познать и контролировать труды и виды деятельности, при помощи которых человек подчиняет и использует свой мир и окружение, и благородные и прекрасные Искусства, которые одновременно являются и работой, и знанием, ибо каждое хорошо написанное и значительное стихотворение, картина, хорошо сделанная статуя или здание есть акт созидательного знания, живое открытие сознания, выражение Истины, динамичная форма ментального и виталического самовыражения или

мировыражения — всё, что ищет, всё, что находит, всё, что провозглашает или изображает, есть реализация, чего-то из игры Вечного и до этой степени может быть сделано средством Богореализации или божественного созидания. Но Йогин должен видеть, что это делается уже не как часть невежественной ментальной жизни; это может быть принято им, если только по чувству, по воспоминанию, по посвящению внутри это превращается в движение духовного сознания и становится частью его колоссального господства, осуществляемого посредством исчерпывающего просветляющего знания.

Ибо все должно делаться в качестве жертвы, все виды деятельности должны иметь Единое Божественное в качестве своего объекта и сердцевины их значения. Цель Йогина в науках ради знания должна заключаться в том, чтобы открыть и понять труды Божественной Мощи Сознания [16](#) в человеке, созданиях, вещах, силах, в ее созидательные значения, исполнение ее мистерий, символы в которые она облекает проявление. Цель Йогина в практических науках, как в ментальных и физических, так и в оккультных и психических, должна заключаться в том, чтобы ступить на путь Божественного и войти в его процессы, знать средства и способы труда, данного нам, чтобы мы могли использовать это знание для сознательного и безошибочного выражения господства, радости и самосвершения духа. Цель Йогина в Искусствах должна заключаться не в простом эстетическом, ментальном и виталическом удовлетворении, но, видя Божественное всюду, поклоняясь ему посредством раскрытия значения его трудов, выражать это Единое Божество в богах, людях, созданиях и объектах. Теория, видящая глубокую внутреннюю связь между религиозным стремлением и истиннейшим и величайшим искусством, верна в самой своей сути; но мы должны заменить смешанный и сомнительный религиозный мотив духовным устремлением, видением, интерпретацией опыта. Ибо чем шире и более всеобъемлющ взгляд, чем в большей мере он содержит в себе чувство скрытого Божественного в человечестве и во всех вещах, и поднимается за пределы поверхностной религиозности к духовной жизни, тем более светоносным, гибким, глубоким и могучим будет Искусство, возникающее из высокого мотива. Отличие Йогина от других людей в том, что он живет в более высоком и широком духовном сознании; вся его работа знания или созидания должна таки образом исходить из этого [сознания]: она не должна делаться в уме, — ибо истина и видение, которые он должен выразить, или которые оказывают давление с целью быть выраженными через него и придают форму его трудам — являются более великими, чем могущие принадлежать ментальному человеку, и совершаются не для личного удовлетворения, но ради божественной цели.

В то же самое время Йогин, который знает Всевышнего, не подвержен никакой необходимости или принуждению в этих действиях; ибо для него они не являются ни долгом, ни необходимым занятием ума, ни высоким развлечением, ни [действиями,] навязанными высшей человеческой целью. Он не привязан, не связан и не ограничен ни одним, и он не имеет никакого собственного мотива — славы, величия или личного удовлетворения в этих трудах; он может оставить их или приняться за них в соответствии с тем, что велит Божественное в нём, но ему не нужно оставлять их в поисках более высокого интегрального знания. Он будет делать эти вещи точно так, как высшая Сила действует и творит, ради определенной духовной радости созидания и выражения или для того, чтобы оказать помощь в сохранении и в правильном управлении или ведении этим миром Божьих трудов. Гита учит, что человек знания своим образом жизнь дает тем, кто не имеет еще духовного сознания, любовь и привычку ко всем трудам, а не только к тем формам деятельности, которых признаны благочестивыми, религиозными или аскетическими по своему характеру; он не должен своим примером отвлекать людей от деятельности в мире. Ибо мир должен продолжать продвигаться в своем великом стремлении вверх; люди и нации не должны быть уведены к отпадению даже от невежественной деятельности, в результате чего они пришли бы к еще большему невежеству

бездействия, или потонуть в той жалкой дезинтеграции и тенденции растворения, которая устанавливается в сообществах и народах, когда в них начинает доминировать тамасический принцип, принцип беспросветного замешательства и заблуждения, или усталости и инерции. «Ибо я тоже, — говорит Господь в Гите, — не нуждаюсь в совершении работ, так как нет ничего, что бы я не имел или должен был бы достичь; но я свершаю труды в мире; ибо, если бы я не свершал труды, все бы законы смешались, миры утонули бы в хаосе и я был бы разрушителем этих народов». Духовная жизнь не нуждается из-за своей чистоты в уничтожении интереса ко всему, кроме Невыразимого, или в вырывании под корень Науки, Искусства и Жизни. Одним из следствий интегрального духовного знания и деятельности может быть поднятие их из их ограничений, замена невежественного, ограниченного, умеренного и боязливого удовольствия свободным, сильным и возвышающим побуждением восхищения и придание им нового источника созидательной духовной силы и просветления, с помощью которых они могут быть быстрее и основательнее перенесены к их абсолютному свету в знании и к их еще не вообразимым возможностям и наиболее динамичной энергии содержания, формы и практики. Единственная необходимая вещь должна преследоваться Всегда и в первую очередь; но все остальные вещи приходят вместе с нею, как ее результат, и не столько должны быть добавлены к нам, сколько восстановлены и проделаны в свете ее я [17](#) и как части силы ее самовыражения.

Это, таким образом, есть настоящее отношение между человеческим и божественным знанием; не разделение на несопоставимые области, священную и нечестивую, есть сердце различия, но характеристика сознания, стоящего за выполнением работы. Человеческим знанием является все, что происходит от обычной ментальной сознательности, заинтересованной во внешних или верхних слоях вещей, в процессе, в феноменах ради них самих или ради некоей поверхностной пользы или ментального или виталического Удовлетворения Желания или Интеллекта. Но та же деятельность знания может стать частью Йоги, если она исходит из духовной или одухотворенной сознательности, которая ищет и находит во всем, что она обзирает или во что она проникает, присутствие безвременного Вечного и пути проявления Вечного во Времени. Очевидно, что необходимость сосредоточения, обязательного для перехода из Неведения, может сделать необходимым для ищущего собрать все его энергии и сфокусировать их на том, что поможет переходу, и временно оставить в стороне или считать второстепенным всё, что не направлено непосредственно к единой цели. Он может обнаружить, что Тот или иной вид поиска человеческого знания, с которым он привык иметь дело, посредством поверхностной силы ума всё ещё несет его, на основании этой тенденции или привычки, из глубин к поверхности или вниз с высот, на которые он взобрался или к которым уже был близок, к нижним уровням. Эти виды деятельности тогда могут быть на время остановлены или отложены до «тех пор, когда он, уверенно утвердившись в высшем сознании, сможет обратить его мощь на все ментальные области; тогда, подчиненные этому свету или поднятые в него, они превратятся благодаря трансформации его сознания в область духовного и божественного. Все, что не может быть трансформировано или отказывается быть частью божественного сознания, он оставит без колебаний, но не из-за заранее предвзятого мнения о пустоте или неспособности этого быть элементом новой внутренней жизни. Не может быть определенного ментального теста или принципа для этих вещей; поэтому он не будет следовать неизменному правилу, но будет принимать или отвергать деятельность ума в соответствии со своими чувствами, внутренним зрением или опытом до тех пор, пока великие Сила и Свет не воцарятся в нём для того, чтобы обратить свой безошибочный испытующий взгляд на все, что под ними, и выбрать или отвергнуть тот или иной материал из всего, что человеческая эволюция подготовила для божественного труда.

Как точно или какими стадиями эта прогрессия и эти изменения будут происходить,

зависит от формы, нужды и сил индивидуальной природы. В духовной области основа всегда одна, но в то же время есть бесконечное разнообразие и, во всяком случае в интегральной Йоге, редко употребляема твердость какого-либо жесткого и точного ментального правила; ибо, даже идя в одном направлении, две натуры не следуют по одним и тем же линиям, одними и теми же последовательностями шагов или одними и теми же ступенями своего прогресса. Тем не менее можно сказать, что логическая последовательность ступеней продвижения могла бы происходить в таком порядке. Первое, происходит большой поворот, в результате которого все естественные ментальные виды деятельности, свойственные индивидуальной природе, поднимаются или обращаются к некоторой более высокой точке и посвящаются душой в нас, психическим существом, жрецом жертвы, божественному служению; затем, происходит попытка возвышения бытия и опускания вниз Света и Силы, соответствующих некоей новой высоте сознания, занятой в результате его усилия к движению вверх, во всю деятельность знания. Здесь может иметь место сильная концентрация на внутреннем центральном изменении сознания и оставление большей части внешне направленной ментальной жизни или ее низведение на меньшее и подчиненное место. На разных стадиях время от времени может иметь место возврат к ней или к некоторым ее частям, чтобы посмотреть, насколько новое внутреннее психическое и духовное сознание может быть привнесено в ее движения; но принуждение темперамента или природы, которая в человеческих существах делает необходимыми тот или иной вид деятельности и заставляет его казаться почти неизбежной частью существования, уменьшатся, и постепенно не останется никакой привязанности, и нигде не будет чувствоваться низшего принуждения или низшей движущей силы. Только Божественное будет иметь значение, только Божественное будет единственной потребностью всего бытия; если и будет какое-либо принуждение к деятельности, оно будет происходить не от внедренного желания и не от силы Природы, но светлым побуждением некоей великой Силы Сознания, которая становится все больше и больше единственной мотивирующей силой всего существования. С другой стороны, возможно в любой период внутреннего духовного прогресса, чтобы человек мог испытать расширение, а не ограничение деятельности; может произойти открытие новых возможностей умственного созидания и новых областей знания чудесным прикосновением Йогической Шакти. Эстетическое чувство, сила художественного созидания в одной области или сразу во многих, талант или гений литературного выражения, способность метафизического мышления, любая способность глаза, слуха, рук или силы ума может быть разбуждена там, где она не была видима раньше. Божественное внутри может выплеснуть эти скрытые богатства из глубин, в которых они были спрятаны, или Сила свыше может излить свои энергии для того, чтобы оснастить инструментальную природу для деятельности или создания того, каналом или строителем чего она должна быть. Но, каким бы ни был метод или путь развития, избранный Господином Йога, обычной кульминацией этой стадии является рост сознания и осознания его как того, кто двигает, решает, формирует все движения ума и все виды деятельности знания.

Есть два знака трансформации ума искателя знания и трудов знания от процессов Неведения к процессу освобожденного сознания, работающего частично, а затем и полностью, в свете Духа. Сначала центральное изменение сознания и растущее непосредственное переживание, видение, чувствование Всевышнего и космического существования, Божественного в самом себе и Божественного во всех вещах; ум будет поднят в растущую поглощенность изначально и в первую очередь этим, и почувствует себя вырастающим и расширяющимся в более и более просветленные средства выражения единого фундаментального знания. Но также и центральное Сознание, в свою очередь, будет охватывать всё больше и больше внешние ментальные виды деятельности знания и превратит их в часть себя или присоединенную область; оно придаст им более верное движение и сделает всё более и более

духовный и просветлённый ум своим инструментом в этих поверхностных областях, его новых; завоеваниях, также как и в его собственной более глубокой духовной империи. И это будет вторым знаком, знаком определенной завершенности и совершенства, того, что само Божественное стало Знающим и все внутренние движения, включая и действия, которые когда-то были чисто человеческой умственной деятельностью, стали его областью знания. Будет все меньшей меньше индивидуального выбора, мнений, предпочтений, меньше и меньше интеллектуализации, умственного плетения, каторжного мозгового труда; Свет внутри увидит все, что должно быть увидено, узнает все, что должно быть узно, разовьет, создаст, организует. То будет внутренний Знающий, который в освобожденном и универсализированном уме индивидуума будет совершать работу всеобъемлющего знания.

Эти два измерения являются знаками первого выполнения, в котором действия ментальной природы подняты, одухотворены, расширены, универсализированы, освобождены, приведены к осознанию их истинной роли в качестве инструментария Божественного, создающего и развивающего свои проявления во временной вселенной. Но это не может быть всем объёмом трансформации; ибо в этих пределах интегрально ищущий может остановиться в своем подъеме или ограничить расширение своей природы. Ибо, если бы это было так, знание осталось бы продуктом работы ума, освобожденного, универсализированного, одухотворенного, но все еще, как и положено уму, сравнительно ограниченного, относительного, несовершенного в самой основе своего динамизма; он блестяще бы отражал великие конструкции Истины, но не продвинулся бы в ее владения, где Истина является аутентичной, прямой, повелевающей и изначально пребывающей. Поэтому, необходимо восхождение и от этой высоты, посредством которого одухотворенный ум превзойдет себя и превратится в супраментальную силу знания. Уже в процессе одухотворения он начнет выходить из блестящей нищеты человеческого интеллекта; он последовательно будет подниматься в чистые широкие области высшего ума, а затем в сверкающие пояса еще более великого свободного интеллекта, просветленного Светом, идущим сверху. На этом рубеже он начнет чувствовать себя более свободно, признавать с менее смешанной реакцией лучистые начала Интуиции, не просветленной, но светящейся самой по себе и истинной в самой себе, более не являющейся исключительно ментальной, и, соответственно, подверженной обильному вмешательству ошибок. Но и здесь тоже еще не конец, ибо он должен подняться дальше, в самые владения этой неискаженной Интуиции, первого прямого света из самосознания сущностного Бытия и, ещё выше, достичь того, из чего этот свет исходит. Ибо за Умом существует Надразум [18](#), Сила более изначальная и динамическая, которая поддерживает Ум, рассматривает его как уменьшенную излучаемую из себя проекцию, использует его как передаточный пояс для перехода вниз или как инструмент для созданий Неведения. Последним шагом вознесения было бы превышение и самого Надразума или его возвращение к его еще более великому источнику, его превращение в супраментальной свет Божественного Гносиса. Ибо там, в супраментальном Свете, находится местонахождение божественного Сознания Истины [19](#), которое имеет, как никакое другое сознание ниже, от начала присущую ему силу организовывать труды Истины, которая больше не покрыта тенью космической Бессознательности и Невежества. Достичь этого и принести сюда супраментальный динамизм, который может трансформировать Невежество — вот далекая, но обязательная верховная цель интегральной Йоги.

Когда свет каждой из этих высших сил направляется на человеческую деятельность знания, все различие между священным и мирским, человеческим и божественным начинают все более и более блекнуть, пока, наконец, не отменяются как бесполезные; ибо все, чего касается и во что глубоко проникает Божественный Гносис, преобразуется, и становится движением его собственных Света и Силы, свободным от мути и ограничений низшего интеллекта. Это не есть

отделение некоторых видов деятельности, но трансформация их всех изменением формирующего сознания, которая является путем освобождения, вознесением жертвы знания великим и величайшим свету и силе. Все труды ума и интеллекта сначала должны быть подняты и расширены, затем просветлены, подняты во владения высшего Интеллекта, затем переведены в труды более великой вне-ментальной Интуиции, затем снова преобразены в динамические потоки излиятий лучистой энергии Надразума, и уже такими преобразены в полный свет и верховную власть супрамантального Гносиса. Это и есть то, что несет в себе уже заранее подготовленным, но скрытым в своем семени и в напряженном замысле своего процесса эволюция сознания в мире; и не может этот процесс, эта эволюция прекратиться до тех пор, пока она не разовьет инструменты совершенного, вместо его ныне несовершенного, проявления Духа.

* * *

Если знание является широчайшей силой сознания, и функцией его является освобождать и просветлять, то любовь — является глубочайшей и наиболее сильной, и ее привилегия в том, чтобы быть ключом к наиболее глубоким и тайным аспектам Божественной Мистерии. Человек, потому что он существо ментальное, склонен к приданию наибольшей важности думающему уму и его разуму и воле, и его способу достижения и выполнения Истины и даже готов считать, что другого [способа] нет. Сердце, с его эмоциями и неподдающимися вычислению движениями, предстает взгляду его ума смутной, неточной, часто обманчивой силой, которая нуждается в контроле разумом, умственной волей и интеллектом. Но именно в сердце или за ним находится глубочайший мистический свет, который если и не является тем, что мы называем интуицией — ибо она хотя и не относится к уму, но спускается через него — всё же имеет прямое касательство к Истине и находится ближе к Божественному, чем человеческий интеллект его гордыней знания. Согласно древнему учению престол имманентного Божества, скрытого Пуруши, находится в мистическом сердце, — тайной сердечной нише, *hrdaye guhayam*, как говорят об этом Упанишады, и, согласно опыту многих Йогинов, именно из его глубин исходит голос или дыхание внутреннего оракула.

Эта двусмысленность, эти противоположные видимости глубины и слепоты создаются двойным характером человеческого эмоционального бытия. Ибо на переднем плане в человеке — сердце жизненный эмоций, сходное с аналогичным у животных, хотя и более развитое; его эмоции управляются эгоистичной страстью, слепыми инстинктивными привязанностями и всей игрой жизненных импульсов с их несовершенствами, извращениями, часто отвратительными вырождениями, — сердце осажденное и отданное во власть похоти, желаний, гнева, распалённых или жестоких требований или мелкой алчности и злобной мелочности неясной и падшей жизненной силы и униженное своим рабством до всякого и каждого импульса. Эта смесь эмоционального сердца и чувственного, голодного виталического создает в человеке ложную душу желаний; именно она является тем грубым и опасным элементом, которому разум справедливо не доверяет и которым чувствует необходимость управлять, хотя действительный контроль и даже принуждение, которые он устанавливает в отношении нашей незрелой и требовательной виталической природы, всегда остается очень ненадежным и обманчивым. Но истинная душа человека не там; она в истинном невидимом сердце, спрятанном в некой светлой нише природы; здесь, под некоей инфильтрацией божественного Света, находится наша душа, о молчаливом внутреннем существовании которой лишь немногие даже догадываются; ибо если все и имеют душу, то немногие знают о своей истинной душе, или чувствуют её прямой

непосредственный импульс. Там пребывает малая искра Божественного, которая поддерживает эту темную массу нашей природы, и вокруг которой растет психическое существо, сформированная душа или истинный Человек внутри нас. Именно по мере того, как это психическое существо растет в нем, и движения сердца отражают его предсказания и побуждения, человек все более и более осознает существование своей души, перестает быть высшим животным и, пробуждаясь к пролескам божества внутри него, признает все больше и больше сообщения более глубокой жизни и сознания, и устремление к божественным вещам. Это является одним из решающих моментов интегральной Йоги, когда это психическое существо, освобожденное, извлеченное из-за завесы вперед, может излить полный поток своих предсказаний, видений и побуждений на ум, жизнь и тело человека, и начинает подготавливать построение божественности в земной природе.

Как и с трудами знания, так и обращаясь с деяниями сердца, мы должны сделать; предварительное разделение между двумя категориями движений, теми, которые либо движимы истинной душой, или помогают ее освобождению и правлению в природе, и теми, которые обращены к удовлетворению неочищенной виталической природы. И обычно проводимые различия в этом смысле являются малополезными для глубокой или духовной цели Йоги. Такое разделение может быть произведено между религиозными эмоциями и светскими чувствами, и оно может быть установлено как правило духовной жизни, — что должны культивироваться лишь одни религиозные эмоции, а все мирские чувства и страсти должны отвергаться и выпадать из нашего существования. На практике это означало бы религиозную жизнь святого или преданного посвященного, одного вместе с Божественным или соединенного с другими только в общей любви к Богу, или, в крайнем случае, изливающего фонтаны священной, религиозной или благочестивой любви на внешний мир. Но религиозная эмоция сама весьма постоянно подвергается смятению и затемнению виталическими движениями, и она часто либо не зрела и груба, либо узка, либо фанатична или смешана с движениями, не являющимися знаками духовного совершенства. Кроме того, очевидно, что даже в своих лучших проявлениях напряженная формула святости, заключенная в жесткие иератические рамки, совершенно отлична от широкого идеала интегральной Йоги. Большие психические и эмоциональные отношения с Богом и миром, более глубокое и пластические в своей основе, более широкие и охватывающие в своих движениях, более способные принять в себя всю жизнь целиком, являются необходимыми [в ней].

Мирским умом человека была предложена более широкая формула, базой которой является этическое чувство; ибо оно делает различие между эмоциями, санкционированными этическим чувством и теми, которые являются эгоистическими и себялюбиво обычными и мирскими. Труды альтруизма, филантропии, сострадания, благожелательности, гуманитарности, служения, работа для благополучия человека и всех созданий должны быть нашим идеалом; покинуть узкий мир эгоизма и вырасти в душу самоотречения, которая живет только, или в основном, для других или ради всего человечества — путь внутренней эволюции человека согласно этой доктрине. Или, если это слишком мирское и умственное, чтобы удовлетворить все наше существо, ибо в нём присутствует более глубокая религиозная и духовная струна, которая не принимается во внимание гуманитарной формулой, под неё может быть подведена религиозно-этическая основа — и такова в действительности была ее первоначальная база. К внутреннему поклонению Божественному или Всевышнему преданностью сердца или к стремлению к Невыразимому посредством поиска высшего знания может быть добавлено поклонение через альтруистические труды или подготовка через акты любви, щедрости, служения человечеству или тем, кто нас окружает. Именно через религиозно-этическое чувство был создан закон вселенской доброй воли, или вселенского сострадания, или любви и служения ближнему,

Ведический, Буддистский и Христианский идеалы; только с помощью некоего мирского охлаждения, гасящего в нём пыл религиозного элемента, гуманитарный идеал может отделиться [от своей основы] и стать высшим уровнем в мирской системе ментальной и моральной этики. Ибо в религиозной системе этот закон трудов является средством, которое прекращает действовать, когда его объект достигнут, или отодвигается в сторону; это часть культа, с помощью которого человек обожает и ищет Божественное, или это предпоследний шаг в процессе уничтожения я при переходе в Нирвану. В мирском же идеале это становится самой целью; это становится знаком морального совершенства человеческого существа, или же условием для более счастливого состояния человека на земле, лучшего общества, более единой жизни расы. Но ничто из этого не может удовлетворить требования души, которые выявляются перед нами интегральной Йогой.

Альтруизм, филантропия, гуманитарность, служение — это цветы ментального сознания, и в лучших своих проявлениях являются умственной холодной и бледной имитацией духовного пламени всемирной Божественной Любви. Не освобождающие в действительности от чувства эго, они расширяют его и дают ему более высокое и сильное удовлетворение; бессильные на практике изменить виталическую жизнь и природу человека, они лишь изменяют и смягчают ее действие и замазывают ее неизменную эгоистическую основу. Или, если им интенсивно следуют с полной искренностью воли, это происходит из-за преувеличенного расширения одной из сторон нашей природы; в этом преувеличении не может быть никакого ключа к полной и совершенной божественной эволюции многих сторон нашего индивидуализированного существа в направлении вселенского и трансцендентного Вечного. Не может и религиозно-этический идеал быть достаточным проводником, — ибо это есть компромисс, или объединение взаимных уступок ради общей поддержки, между религиозным побуждением, которое пытается обрести более близкую связь с землёй путем восприятия наиболее высоких движений обыкновенной человеческой природы, и этическим побуждением, которое надеется поднять себя из собственной умственной отшелушенности и сухости путем некоего прикосновения религиозного горения. Создавая такое соглашение, религия принижает себя до ментального уровня и наследует врождённые несовершенства ума и его неспособность преобразить и трансформировать жизнь. Ум есть сфера двойственностей и, как ему невозможно достичь абсолютной Истины, но лишь Истин относительных и смешанных с ошибками, также ему невозможно достичь какого-либо абсолютного добра; ибо моральное добро существует как противоположность и исправление зла и имеет зло в качестве своей тени, дополнения, и почти причины своего существования. Но духовное сознание принадлежит более высокому уровню, чем ментальный, и здесь двойственности исчезают; ибо здесь ложь, которой противостояла истина, благодаря чему первая поддерживала себя посредством посягательства, узурпации и фальсификации последней, и зло, бок о бок с которым шло добро, чьим извращением или страшным заместителем было первое, должны из-за отсутствия поддержки погибнуть и исчезнуть. Интегральная Йога, отказывающаяся доверяться хрупким ментальным и моральным идеалам, в этой области делает всё ударение на три динамических процесса — развитие истинной души или психического существа с тем, чтобы оно заняло место ложной души желаний, возвышение человека до божественной любви, поднятие сознания с ментального уровня на план духовный и супраментальный, только силой которого и душа, и жизненная сила могут быть окончательно освобождены от покровов и увиливаний Неведения.

В самой природе души или психического существа — поворачиваться к Божественной Истине, как подсолнух поворачивается к солнцу; оно принимает и льнет ко всему, что есть божественного или стремящегося к божественному, и отшатывается от всего что является его извращением, или отказом от него, от всего ложного и небожественного. Но поначалу душа —

лишь искра, и тогда маленькое пламя божественного горит в центре великой тьмы; большая часть его скрыта в его внутреннем убежище и, чтобы обнаружить себя, ему нужно призвать ум, жизненную силу и физическое сознание и убедить их, чтобы они выразили это — так хорошо, как они только смогут; обычно максимум, что ему удается — это залить их внешенаправленность своим внутренним светом и изменить их темные неопределенности и грубую смесь своим очищающим совершенством. Даже тогда, когда есть уже сформированное психическое существо, способное выразить себя достаточно прямо в жизни, тем не менее у всех, кроме немногих, оно представляет собой крайне малую, часть существа — „в массе тела не больше, чем большой палец человека“, такой образ использовался древними провидцами [20](#) — и оно не всегда еще может возобладать над неясностью и невежественной малостью физического сознания, ошибочной уверенностью ума или надменностью и страстностью виталической природы. Эта душа вынуждена признавать человеческую ментальную, эмоциональную, чувственную жизнь такой, какая она есть, ее отношения, ее деятельность, ее лелеемые формы и формулы; она должна работать, чтобы освободить и увеличить божественный элемент во всей этой относительной истине, смешанной с постоянными фальсифицирующими ошибками, этой любви, превращенной в привычку животного тела или в удовлетворение виталического эго, этой жизни среднестатистического человека, с вторгающимися редкими и бледными мельканиями Божества и темными страхами демона и зверя. Безошибочная в основе своей воли, она часто вынуждена под давлением ее инструментов подчиниться ошибкам действия, неправильному положению чувств, неверному выбору личности, ошибкам в точной форме своей воли, в обстоятельствах выражения ею непогрешимого внутреннего идеала. И в то же время, есть в ней сила провидения, которая делает ее более верным проводником и руководителем, чем разум или даже чем высшее желание, и через явные ошибки и преткновения ее голос все же может вести лучше, чем строгий интеллект и обдумывающее умственное суждение. Этот голос души не есть то, что мы называем совестью — ибо последняя Представляет собой всего лишь ментальный и часто обычно ошибающийся заменитель; это же более глубокий и гораздо реже слышимый зов; но следовать ему, когда он слышится, есть мудрость: даже, лучше плутать, следуя этому зову, чем идти по видимости прямо с разумом и наставником внешней морали. Но лишь когда жизнь поворачивается в сторону Божественного, душа может истинно выйти вперед и установить свою власть над внешними членами; ибо будучи искрой Божественного, расти в пламени к Божественному и является ее истинной жизнью и самым смыслом ее существования.

На определенной стадии в Йоге, когда ум в значительной степени успокоен и больше не поддерживает себя на каждом шагу значительностью своих ментальных уверенностей, когда виталическое успокоено и покорено, и более не настаивает постоянно на своей собственной стремительной воле, желании и страсти, когда физическое в значительной степени изменено так, чтобы не хоронит внутренний огонь под своей внешенаправленностью, темнотой и инерцией, глубочайшее внутреннее бытие, спрятанное внутри и чувствуемое только вовремя своих редких влияний, способно выйти и осветить всё остальное, и принять на себя руководство Садханой. Его характерной чертой является остронаправленная ориентация на Божественное и Высочайшее, однонаправленная и в то же время пластичная в действии и движении; оно не создает негибкости направления, как это делает однонаправленный интеллект, или фанатизм правящей идеи, или импульс однонаправленной виталической силы; оно в каждый момент и с гибкой уверенностью указывает путь к Истине, автоматически отличает правильный шаг от ложного, отделяет божественное или Богонаправленное движение от цепляющейся смеси небожественного. Его действие похоже на действие прожектора, освещающего все, что должно быть изменено в природе; он содержит в себе пламя воли, настаивающей на совершенстве, на алхимической трансмутации всего внутреннего и внешнего существования. Оно видит

божественную сущность везде, но отвергает обычную маску и маскирующую форму. Оно настаивает на Истине, на воле, силе и господстве, на Радости, Любви и Красоте, но на Истине постоянного Знания, которая превосходит обычную практическую одномоментную истину Неведения, на внутренней радости, а не на обычном виталическом Удовольствии, — ибо оно предпочитает скорее очищающие страдания и скорбь, чем удовлетворения, ведущие к деградации, — на любви окрыленной и уносящей вверх, а не привязанной к столбу эгоистических страстных желаний, или по пояс увязшей в трясине, на красоте, восстановленной в ее правах священничества, призванного для интерпретации Вечного, на силе, воле и господстве как инструментах не эго, но Духа. Его воля направлена на обожествление жизни, выражение через неё высшей Истины, ее посвящение Божественному и Вечному.

Но наиболее сокровенный характер психического — это его притяжение к Божественному посредством священной любви, радости и единства. Именно божественную Любовь больше всего оно ищет, именно любовь Божества есть то, что является его вершиной, его целью, его звездой Истины, сверкающей над возникающей светящейся или все еще тёмной колыбелью новорожденного божества внутри нас. На первой долгой стадии его роста и незрелого существования оно слоняется к земным любви, привязанности, нежности, доброй воле, состраданию, щедрости, ко всей красоте, мягкости, изяществу, свету, силе и умелости, ко всему, что может помочь очистить и улучшить грубость и заурядность человеческой природы; но оно знает, как смешаны все эти человеческие движения в своих лучших проявлениях, и как в своих худших [проявлениях] они грешны и отмечены знаком эго, самообманчивой сентиментальной лжи, низшего я, извлекающего выгоду прикрываясь имитацией движений души. С момента своего выявления оно готово и желает порвать все старые связи и несовершенные эмоциональные действия, и заменить их более великой духовной Истиной любви и единства. Оно может все еще признавать человеческие формы и движения, но при условии, что они обращены к Единому. Оно принимает только те связи, которые помогают, исходящее из сердца почтение к Гуру, союз Богоискателей, духовное сострадание невежественному человеческому и животному миру и их народам, радость, счастье и удовлетворение красотой, приходящие от восприятия Божественного везде. Оно погружает природу вглубь к ее встрече с имманентным Божественным в тайном сердечном центре и, пока слышен этот зов, никакие упреки эгоизма, никакие обычные внешние призывы альтруизма или долга, или филантропии, или служения не обманут и не отвлекут его от его священного устремления и его послушания притяжению Божества внутри него. Оно поднимает существо к трансцендентному Экстазу и готово сбросить все направленное вниз тяготение мира со своих крыльев в своём подъеме к Единому Высочайшему; но оно Призывает также и вниз эти трансцендентные Любовь и Красоту, чтобы принести и трансформировать этот мир ненависти, раздора, разделения, темноты и противоречащего гармонии Неведения. Оно открывается вселенской Божественной Любви, широкому состраданию, напряженной и необъятной воле к добру, для объятий Матери Мира, охватывающей и собирающей к себе своих детей, божественной Страсти, которая погрузилась во мрак ради искупления мира от всеобщего Неведения. Оно не привлекается и не вводится в заблуждение ментальными имитациями или каким-либо виталическим злоупотреблением этих великих коренных Истин существования; оно открывает их своим отыскивающим прожектором и призывает вниз всю истину божественной Любви, чтобы излечить эти уродства, освободить ментальную, виталическую и физическую любовь от их недостатков и их извращений, и открыть им их изобильную долю близости и единства, воспаряющего экстаза и изливающегося вниз восторга.

Психическое существо принимает все настоящие истины Любви и трудов Любви на их собственных местах; но его пламя поднимается всегда вверх, и оно готово ускорить подъём с

более низких на более высокие уровни Истины, ибо оно знает, что только подъёмом к высочайшей Истине и ниспусканием этой высочайшей Истины Любовь может быть снята с креста и возведена на трон; ибо крест — это знак Божественного Спуска, прегражденного и омраченного пересекающей линией космической деформации, превращающей жизнь в состояние страдания и несчастья. Только путём восхождения к изначальной Истине может быть исправлена [эта] деформация, и все деяния любви, так же как и деяния знания и жизни, вернут себе божественное значение и станут частью интегрального духовного существования.

15. Truth-Consciousness

16. Consciousness-Puissance

17. in its self-light

18. Overmind

19. Truth-Consciousness

20. seers — дословно, видящие (*Прим. пер.*)

ИМЕННО поэтому через жертву любви, трудов и знания, с психическим существом в качестве руководителя и жреца, возносящего жертву, сама жизнь может быть преобразована в свое истинно духовное состояние. Если правильно принесенное в жертву знание является пожалуй самым большим и чистым приношением Высочайшему, то для нашего духовного совершенства от нас требуется в не меньшей мере жертва любви; эта жертва даже более напряжённая и благодатная в своём единении и может стать не менее большой и чистой. Интенсивность жертвы любви приобретает глубокую чистоту, когда во всю нашу деятельность вливается дух и сила божественной бесконечной радости, и вся атмосфера нашей жизни проникнута поглощающим обожанием Единого, Который является Всем и Высочайшим. Ибо жертва любви достигает своего полного совершенства, когда, будучи принесена Божественному Всему, она становится всеобъемлющей, вселенской и безграничной, когда, поднявшись ко Всевышнему, она перестает быть слабым, поверхностным и преходящим движением, которое люди называют любовью, и становится чистой, возвышенной и глубокой объединяющей Анандой.

Хотя правилом нашего духовного существования должна быть божественная любовь к верховному и вселенскому Божественному, это не исключает полностью все формы индивидуальной любви или узы, которые связывают души в проявленном существовании. Требуется психологическая перемена, разоблачение масок Невежества, очищение эгоистического ментального, виталического и физического движений, которые продлевают старое, несовершенное сознание; каждое движение любви, будучи одухотворенным, не должно больше зависеть от ментального предпочтения, виталической страсти или физического желания, а [должно зависеть] от узнавания души душой, — любовь, возрожденная в своей фундаментальной духовной и психической сущности, когда ум, виталическое и физическое являются орудиями проявления и элементами этого высшего единства. При этой перемене индивидуальная любовь также преобразуется путем естественного возвышения в божественную любовь к Божественному Обитателю, имманентную в уме, душе и теле, в которых присутствует Единый во всех существах.

На самом деле всякая любовь, являющаяся обожанием, имеет за собой духовную силу; даже когда ее предлагают в невежестве и ограниченному объекту, проглядывает что-то от того великолепия через убожество ритуала и незначительность результатов. Ибо любовь, которая является поклонением, одновременно является стремлением и подготовкой: она может принести даже в своих ограниченных пределах в Неведении, проблеск все еще более или менее слепой и частичной, но удивительной реализации; ибо бывают моменты, когда не мы, а Единый любит и любим в нас, и даже человеческая страсть может быть возвышена и освящена мимолётным взглядом на эту бесконечную Любовь и Любящего. Именно по этой причине не следует презирать поклонение богу, поклонение идолу, человеческий магнит или идеал; ибо это шаги, которыми человеческая раса продвигается навстречу благословенной страсти и экстазу Бесконечного, которое, хотя и ограничено, они все же представляют нашему несовершенному взору, когда нам приходится пользоваться несовершенными ступенями, которые Природа высекала для наших ног, и признать стадии нашего прогресса. Для развития нашего эмоционального существа необходимы некоторые идолы, и человек знающий не будет

торопиться в любое время разрушить образ, если он не в состоянии заменить его в сердце поклоняющегося Реальностью, которую он представляет. Более того, они обладают такой силой потому, что в них всегда есть что-то более высокое, чем их форма, и даже когда мы достигаем высшего поклонения, это остается и становится продолжением его или частью его вселенской целостности. Наше знание все еще несовершенно, любовь неполноценна, если даже зная То, что превосходит все формы и проявления, мы все еще не в состоянии признать Божественное в существе и предмете, в человеке, в подобных ему, в животных, в деревьях, в цветах, в творениях наших рук, в Силе Природы, которая тогда должна быть для нас не слепым действием материальной машины, но лицом и силой Вселенской Шапти; ибо в этих вещах также присутствует Вечное.

Предельное, невыразимое обожание, которое мы предлагаем Трансцендентному, Высочайшему [21](#), Невыразимому все еще не является полным поклонением, если оно не предлагается ему везде, где он проявляется, или даже повсюду, где он прячет свою божественность в человеке [22](#), предмете и в каждом существе. Без сомнения, существует Невежество, которое держит в плену сердце, извращает его чувства, затемняет значение его приношения; любое частичное поклонение, всякая религия, которая воздвигает ментального или физического идола, имеет тенденцию завуалировать и укрыть в себе истину определённого рода ширмой неведения и легко утрачивает [эту] истину в ее образе. Но гордыня исключительного знания тоже является ограничением и барьером. Ибо за индивидуальной любовью, заслоненная невежественной человеческой формулой, кроется тайна, которую ум не в силах постичь, тайна тела Божества, секрет мистической формы Бесконечного, к которому мы в состоянии приблизиться только через экстаз сердца и страсть чистого и возвышенного чувства, и его притяжение, являющееся зовом божественного Флейтиста, властное принуждение Все-Прекрасного [23](#), мы можем постичь — а оно может овладеть нами — только через оккультную любовь и [духовную] жажду, которые в конце концов и приводят к единению Форму и Бесформенное и отождествляют Дух и Материю. Вот то, чего ищет дух в Любви здесь в темноте Невежества, и то, что он находит, когда индивидуальная человеческая любовь преобразуется в любовь к Имманентному Божеству, воплощенному в материальной вселенной.

Как с индивидуальной, так же и с мировой Любовью; всё, что расширяет я через сочувствие, добрую волю, благожелательность и благотворительность, любовь к человечеству, любовь к существам, привлекательность всех форм и присутствий, которые окружают нас, при помощи чего ментально и эмоционально человек вырывается из первых ограничений своего эго, должно найти место в ведущей к единению божественной любви ко вселенскому Божеству. Обожание, выраженное в любви, любовь, выраженная в Ананде, — превосходящая любовь, самопоглощающий экстаз трансцендентного восторга в Трансцендентном, который ожидает нас в конце пути Преданности, — в качестве более широкого результата дает мировую любовь ко всем существам, приводит к Ананде всего сущего; под каждым покровом мы обнаруживаем Божественное, духовно обнимаем во всех формах Все-Прекрасного. Вселенский восторг в его бесконечных проявлениях течёт через нас, вбирая в свои волны каждую форму и движение, но не связанный и не останавливающийся ни в одной из них, всё время стремящийся к большему и более совершенному проявлению. Эта вселенская любовь освободительна и способна к преобразованию; ибо диссонанс форм и видимостей перестает влиять на сердце, которое почувствовало единую Истину за всеми ими и поняло их совершенное значение. Беспристрастная ровность души утратившего эгоистическое я [24](#) работника и знающего магическим прикосновением божественной Любви превращается во всеобъемлющий экстаз и блаженство, пребывающее в миллионах тел. Все вещи становятся телами и все движения играми божественного Возлюбленного в его бесконечной обители наслаждения. Даже боль изменяется,

изменяются реакции на болезненное и даже сама сущность его; формы боли исчезают, на их месте возникают формы Ананды.

Такова по сути природа изменения сознания, которое превращает само существование в славное поле Божественной Любви и Ананды. По своему существу оно начинается для ищущего, когда он переходит с обычного уровня на духовный и смотрит на мир, себя и других с новым сердцем светлого видения и чувства. Оно достигает своей высоты, когда духовный уровень становится также супраментальным, здесь также становится возможным не только почувствовать его сущность, но и реализовать его динамически как Силу для преобразования всей внутренней жизни и всего внешнего существования.

* * *

Не так уж трудно для ума рассмотреть — хотя может оказаться трудным для человеческой воли, с ее многочисленными земными связями, признать — это преобразование характера духа и природы любви из смешанной и человеческой эмоции в высшую и всеобъемлющую божественную страсть. Когда мы приходим к деяниям Любви, может наступить некоторое замешательство. Возможно, как и при некотором сильном преувеличении на пути знания, разрубить узел проблемы, избежать трудности совмещения духа Любви с несовершенством и грубостью мирового действия, уйдя от неё; для нас открыта возможность, удалившись от внешней жизни и действия, жить только обожая Божественное в безмолвии [своего] сердца. Возможно также познание только тех действий, которые сами по себе являются выражениями любви к Божественному, молитву, хвалу, символические акты поклонения, или же побочные действия, которые могут быть причислены к ним и разделять их дух, оставляя в стороне всё остальное; душа обращается к удовлетворению своих внутренних стремлений в сосредоточенной или Богонаправленной жизни святого или посвященного. Возможно также шире открыть двери жизни и претворять свою любовь к Божеству в служении окружающим и человечеству; можно заниматься благотворительностью, благодеяниями и помощью людям, зверям и любому существу, преобразовывая эти занятия духовной страстью, по меньшей мере придавать их обычной этической видимости большую силу духовного побуждения. Таково в действительности решение, чаще всего принимаемое современным религиозным умом, и мы видим, как оно успешно всесторонне осуществляется как достойное поле деятельности для Богоискателя или человека, жизнь которого основывается на божественной любви и знании. Но интегральная Йога, движущаяся к полному единению Божественного с земной жизнью, не может остановиться на такой узкой области или ограничить это единение скромными рамками этического закона филантропии и благотворительности. Вся деятельность должна стать частью Божественной жизни, наша деятельность в области знания, наша деятельность творчества, производства и созидания, наша деятельность радости, красоты и удовольствия души, наши проявления воли, стремления и силы, а не только наши деяния любви и служение благотворительности. Ее способ осуществления этих вещей не внешний и ментальный, но внутренний и духовный, и с этой целью она вносит во всю деятельность, какой бы она ни была, дух божественной любви, дух обожания и поклонения, дух радости в Божестве и в красоте Божества, так чтобы вся жизнь стала жертвоприношением деяний сердечной любви к Божественному, культом Господина своего существования.

Можно превратить жизнь в акт обожания Всевышнего духом своих дел; ибо, говорит Гита, "тот, кто приносит ко мне с любящим сердцем листок, цветок, плод или чашу воды, от того я приму и буду наслаждаться этим приношением преданности"; таким образом можно приносить

с любовью и преданностью не только посвященные внешние дары, но и все наши мысли, чувства и ощущения, вся наша внешняя деятельность, ее формы и цели могут быть такими дарами Вечному. Верно, что особое действие или форма действия имеет значение, даже великое значение, но тот дух, в котором оно совершается, является главным сущностным фактором; дух, символом и материальным выражением которого является действие, придает последнему всю его ценность и подтверждает значение. Или можно сказать, что полный акт божественной любви и поклонения содержит в себе три составные части, являющиеся выражениями единого целого, — практическое поклонение Божеству действием, символ поклонения в форме действия, выражающего некоторое видение, искание или отношение к Божеству, внутреннее обожание и стремление к единению или чувство единения в сердце, в душе и духе. Таким образом жизнь можно превратить в поклонение, — придав ей дух трансцендентной и всемирной любви, поиск единства, чувство единства; сделав каждое действие символом, выразителем Богонаправленных эмоций или отношения с Божеством; превратив все, что мы делаем, в акт поклонения, в акт общения душ, умственного понимания, покорности жизни [25](#), самоотдачи сердца.

В любом культе символ, значительный обряд или выразительная формула является не только живым и обогащающим эстетическим элементом, но и физическим средством, при помощи которого человеческое существо начинает внешне проявлять эмоции и стремления своего сердца, подтверждает их и придает им динамизм. Ибо, если без духовного стремления поклонение бессмысленно и бесполезно, то и одно стремление, без действия и формы, отделено от конкретного воплощения, и в жизни является неэффективной силой. К несчастью, судьба всех форм в человеческой жизни кристаллизироваться, чисто формально и потому бесплодно, и хотя форма и культ всегда сохраняют своё могущество для человека, который смог бы проникнуть в их смысл и значение, большинство смотрят на церемонию как на механический обряд и символ, как на безжизненный знак, и поскольку это убивает душу религии. То культ и форму в конце концов надо менять или вовсе отбросить. Есть даже такие, которые относятся ко всякому культу и форме по этой причине с подозрением и враждебно; однако немногие могут обойтись без поддержки или внешних символов, и даже некий божественный элемент в человеческой природе нуждается в них для полноты духовного удовлетворения. Символ всегда правомерен, если он верный, искренний, прекрасный и вызывающий восторг, можно даже сказать, что духовное сознание безэтического или эмоционального содержания не является полностью или, по крайней мере; интегрально, духовным. В духовной жизни действие основано на духовном сознании, постоянном и обновляющемся, выражающемся всегда в новых формах или всегда способном истечением духа восстановить истину формы, и такое самовыражение и способность превращать каждое действие в символ какой-то душевной истины лежит в самой природе его созидательного видения и импульса. Так должен искатель духовного взаимодействовать с жизнью и преобразовать ее формы, и возвеличить ее содержание.

Высшая божественная Любовь является творческой Силой и, хотя она может существовать сама в себе, безмолвная и неизменная, наслаждается во внешних формах и проявлениях и не обречена быть безгласным и бестелесным божеством. Сказано даже, что само сотворение было актом любви или, по крайней мере, создало поле, на котором Божественная Любовь может изобретать свои символы и осуществлять себя во взаимности и самоотдаче, и если это не является изначальной природой творения, то вполне может быть его конечной целью и мотивом. В настоящее время это так не кажется, потому что если даже в мире присутствует Божественная Любовь, поддерживающая всю эту эволюцию созданий, то содержание жизни и ее действия состоят из эгоистической формации, разделения, борьбы жизни и сознания за существование и выживание в на первый взгляд безразличном, немилосердном или даже

враждебном мире безжизненной и бессознательной Материи. В хаосе и мраке этой борьбы все противопоставлены друг другу, и каждый желает прежде всего утвердиться в своем собственном существовании и только во вторую очередь утвердиться в других, и весьма в малой степени для других; ибо даже человеческий альтруизм по существу эгоистичен и останется таким, пока душа не постигнет тайну божественного Единства. Усилия Йоги направлены на то, чтобы найти это Единство у его высшего источника, извлечь его изнутри и излучать его, достигая самых отдаленных уголков жизни. Вся деятельность, все творчество должно превратиться в форму, в символ культа, в обожание, в жертву; оно должно нести в себе нечто, имеющее отпечаток посвящения, восприятия и Передачи Божественного Сознания, служения Любимому, самоотдачи. Это необходимо делать где только возможно во внешнем теле и форме действия; это должно всегда происходить при внутреннем переживании и с силой, которая показывает, что это изливание души, направленное к Вечному.

Само по себе обожание в действии есть великое, полное и могущественное жертвоприношение, которое направлено в своем самоумножении к достижению открытия Единого и осуществлению Божественного излучения. Ибо преданность, осуществленная в действии, не только расширяет, наполняет и динамизирует свой путь, но одновременно привносит в самый тяжелый путь трудов в мире божественно страстный элемент радости и любви, часто отсутствующий в начале, когда только строгая духовная воля присутствует в трудном, напряженном, крутом подъеме, а сердце все еще спит или вынуждено молчать. Когда же вступает [в действие] дух божественной любви, то трудности пути уменьшаются, снижается напряжение, спокойствие и радость присутствуют даже в трудностях и борьбе. Неизбежная отдача нашей воли, трудов и деятельности Всевышнему только тогда совершенна и эффективна, когда это отдача любви. Вся жизнь, превращенная в этот культ, все действия, совершаемые с любовью к Божественному и с любовью ко вселенной и ее существам, которую мы видим и чувствуем как проявление Божественного под многочисленными масками, уже благодаря этому факту становится частью интегральной Йоги.

Внутреннее приношение сердечного обожания, его души в символе, его духа в действии является самой жизнью жертвоприношения. Чтобы это приношение было полным и всесторонним, необходимо обратить все наши эмоции к Божественному. Это самый интенсивный путь очищения человеческого сердца, более могущественный, чем какой бы то ни было этический и эстетический катарсис с его полумогуществом и поверхностным давлением. Необходимо зажечь внутренний психический огонь, в который бросить всё, наложив на это всё Божественное Имя. В этом огне все эмоции лишаются своих несовершенных элементов, все небожественные извращения сгорают, остальные освобождаются от своих недостатков, пока из пламени, дыма и благовония не поднимется дух величайшей любви и незапятнанного божественного восторга. Это божественная любовь, которая так проявляется, что, распространяясь через внутренние переживания Божественного человеком и всеми существами в активной мировой ровности, становится более могущественным и реальным инструментом совершенствования жизни, чем когда либо могла быть неэффективная ментальная идея человеческого братства. Только это, воплотившись в действие, могло бы создать гармонию в мире и истинный союз между всеми его существами; все остальное стремится к этому тщетно, до тех пор пока Божественная Любовь не проявила себя как сердце состоявшегося проявления в земной Природе.

Именно здесь проявление в нас тайного психического существа, руководителя жертвоприношения, крайне важно; ибо только это сокровенное существо может принести полную силу духа в действие, душу в символ. Только оно может обеспечить, даже пока духовное сознание не полноценно, неувядающую новизну, искренность и красоту символа и

воспрепятствовать его превращению в мертвую форму или порочную и порочащую магию; только оно может сохранить силу и значение действия. Все остальные члены нашего существа, ум, жизненная сила, физическое или телесное сознание слишком в большой степени находятся под контролем Невежества, чтобы быть надежными орудиями, и еще меньше могут руководить или быть источником безошибочного импульса. Всегда большая часть побуждения и действия этих сил находится под влиянием старого закона, обманчивых напоминаний, излюбленных низших движений Природы, и они встречаются с нежеланием, тревогой, возмущением или препятствующей инерцией голоса и силы, которые зовут и побуждают нас возвыситься и преобразить себя в высшее существо и более широкую Природу. Большей частью откликом на это является сопротивление или ограниченная, выжидательная уступка; ибо если они даже следуют призыву, они склонны — если не сознательно, то в силу автоматической привычки — внести в духовные действия свои собственные естественные недостатки и ошибки. В любой момент они готовы эгоистически использовать психические и духовные влияния, и их можно уличить в использовании силы, радости и света, которые приносятся нам, для более низкой жизненной цели. Затем также, когда тот, кто ищет, открыт для Божественной любви, трансцендентальной, вселенской или вечной, то если он пытается излить это в жизнь, он встречается с действием помрачения и искажения этих низших Природных сил. Они всегда влекут к провалам, вносят в высшее напряжение свои принижающие элементы, стремятся захватить для себя и своих интересов Силу, которая спускается сверху, и деградируют ее до возвеличенного ментального, виталического или физического инструмента осуществления желаний и эго. Вместо Божественной Любви, создающей новое небо и новую землю Истины и Света, они хотели бы держать ее узником здесь в качестве огромной поддержки и возвеличивающей силы возвышения, чтобы позолотить грязь старой земли и расцветить в розовыми и сапфирно-голубыми красками старые мутные и нереальные небеса сентиментального виталического воображения и ментальной идеализированной химеры. Если разрешить такую фальсификацию, то Высший Свет, Сила и Блаженство уходят, произойдет отпадение назад к низшему статусу; или же реализация будет привязана к половинчатости и смеси, или будет заслонена или даже поглощена низшей экзальтацией, которая не является настоящей Анандой. По этой причине Божественная Любовь, которая пребывает в сердце всего творения и является самой мощной из всех искупительных и творческих сил, менее всего выдвинулась на передний план в земной жизни, менее успешна как избавительная и творческая сила. Человеческая природа не смогла выдержать ее в ее чистоте по той самой причине, что она является самой мощной, чистой, тонкой и интенсивной из всех божественных энергий; то немного, что удалось уловить, было тут же извращено и превращено в виталическое ханжеское рвение, в беспомощный религиозный или этический сентиментализм воспринимающего всё розовым умом, или в чувственный или даже эротический мистицизм страстного запутанного жизненного импульса, компенсируя этими имитациями свою неспособность принять Мистическое Пламя, которое могло бы перестроить мир огнем своей жертвы. Только сокровенное психическое существо, сбросившее покров и явившееся в полной силе, может возглавить паломничество жертвоприношения, пройдя невредимо мимо засад и западней; оно неустанно улавливает, разоблачает и отвергает ложь ума и жизни, овладевает истиной Божественной Любви и Ананды, отделяет ее от возбуждения умственного пыла и слепого энтузиазма сбивающей с пути жизненной силы. Но все, что есть верного в своей основе в уме, жизни и физическом бытии, оно извлекает и берет с собой в дорогу, пока они не взойдут на высоты, обновившись духовно и возвысившись в своем облике.

И все же лидерство сокровенного психического существа не считается достаточным, пока ему не удалось возвыситься над этой массой несовершенной Природы до высочайших духовных

уровней, и божественная искра и пламя, спустившееся сюда, не воссоединились со своим огненным Эфиром. Ибо там больше нет все еще несовершенного и наполовину затерянного в толстых оболочках человеческого ума, жизни и тела духовного сознания, а только полное духовное сознание в своей чистоте, свободе и интенсивной широте. Там, где вечный Знающий, который становится Знающим в нас и двигателем, и пользователем всего знания, находится и вечный Все-Блаженный, который есть Обожаемый, привлекающий к себе вечную божественную часть своего бытия и радости, ушедшую в игру вселенной, бесконечный Любящий, выливающийся в многочисленности своих собственных проявленных я в счастливом единстве. Вся Красота в мире есть там красота Любимого, и все формы красоты должны быть освещены светом этой Вечной Красоты и должны подчиниться очищающей и преобразующей силе открывшегося Божественного Совершенства. Там все Блаженство и Радость Все-Блаженного, и все несовершенные формы радости, счастья или удовольствия подвержены шоку от воздействия силы их потоков или течений и либо разбиваются на куски, как непригодные вещи под влиянием их осуждающего давления, либо преобразовываются в формы Божественной Ананды. Таким образом для индивидуального сознания проявляется Сила, которая может в нём полновластно воздействовать на приуменьшения и деградации, которые являются значениями Неведения. Наконец становится возможным внести в жизнь огромную реальность и напряжённую конкретность любви и радости, которые исходят от Вечного. Или, по крайней мере, станет возможным для нашего духовного сознания подняться от ума до супраментального Света, Силы и Простора; там в свете и потенции супраментального Гносиса [пребывают] великолепие и радость силы божественного самовыражения и самоорганизации, которые в состоянии спасти и переделать даже мир Неведения в образ и выражение Истины Духа.

В супраментальном Гносисе пребывает осуществление, кульминационная высота, всеохватывающее протяжение внутреннего обожания, глубокий и интегральный союз, пламенные крылья Любви, возносящие силу и радость высшего Знания. Ибо супраментальная Любовь приносит активный экстаз, который превосходит пустой пассивный покой и тишину, являющиеся раем освобожденного Ума, но не изменяет более глубокий покой, являющийся началом супраментального безмолвия. Единение любви, которое способно вместить все различия, не уменьшаясь и не исчезая под влиянием их ограничений и видимых диссонансов, поднимается до своих полных возможностей на супраментальном уровне. Ибо там возможна гармония между интенсивным единством со всеми существами, основанном на глубоком единстве души с Божественным, и игрой отношений, которые только делают это единение более совершенным и абсолютным. Супраментализированная сила Любви может овладеть всеми существующими отношениями, не колеблясь и не опасаясь, и обратить их в Богонаправленные, свободные от грубых, смешанных и мелочных человеческих свойств и возвышенные до состояния счастливых участников божественной жизни. Ибо в самой природе супраментального переживания заложена возможность увековечить игру различий без потери и малейшего ослабления божественного союза или бесконечного единства. Для супраментализированного сознания абсолютно возможно охватить все контакты с людьми и с миром в очищенной огненной силе и с измененным значением, ибо, пребывая в нём, душа всегда признаёт Единого Вечного в качестве объекта всех эмоций и поисков любви и красоты, и может духовно использовать широкий и освобожденный призыв жизни найти и объединиться с этим Единым Божественным во всех вещах и всех существах.

К третьей и последней категории деяний жертвоприношения можно отнести всё, что непосредственно относится к Йоге трудов; ибо здесь находится поле ее осуществления и главная область. Сюда входит весь спектр наиболее видимой жизненной деятельности; сюда же относятся многообразные энергии Воли-к-Жизни, выплескивающиеся наружу, чтобы наилучшим образом использовать материальное существование. Здесь аскетическая или относящаяся к иным мирам духовность чувствует непреодолимое отрицание той Истины, которую ищет Йога трудов, и вынуждена отвернуться от земного существования, отвергая его как навеки покрытое мраком поле игры неисправимого Неведения. В то же время именно эта деятельность требуется в интегральной Йоге для духовной победы и божественного преобразования. Полностью отвергнутое наиболее аскетическими дисциплинами, признанное некоторыми только в качестве поля временного испытания или моментной, поверхностной и сомнительной игры невидимого духа, это существование полностью принимается и приветствуется ищущим интегрального совершенства как поле свершения, поле божественных трудов, поле полного самораскрытия скрытого и обитающего в нем Духа. Открытие Божественности в себе есть его первая цель, но [его цель] также полностью открыть Божественное в мире, которое скрыто позади видимого отрицания, подразумеваемого его схемами и фигурами, и наконец, полное открытие динамизма трансцендентного Вечного; ибо когда он снизойдет, этот мир и я будут в силах прорвать свои маскирующие оболочки и стать божественными, обнаружив форму и проявляя процессы, которые теперь тайно происходят в их скрытой сущности.

Эта цель интегральной Йоги должна быть принята полностью теми, кто следует ей, но признание этой цели должно содержать в себе понимание тех огромных камней преткновения, которые лежат на пути ее достижения; наоборот, нужно полностью знать причину, почему многие дисциплины не только отказываются признать ее императивный характер, как истинного значения земного существования, но даже отказываются рассматривать такую возможность. Ибо здесь в жизненной активности земной природы сама суть затруднения, которое довело Философию до высшего равнодушия и увело даже ревностное око Религии от болезненной проблемы рождения в брэнном теле к отдаленному Раю или безмолвному покою Нирваны. Путь чистого Знания сравнительно прямой и легкий для идущего ищущего, несмотря на наши ограничения смертности и пропасти Неведения; дорога чистой Любви, несмотря на встречающиеся на ней камни преткновения, страдания и испытания, может оказаться, в сравнении, легкой, как полет птицы в свободной лазури неба. Ибо Знание и Любовь в своем существе чисты и загрязняются, извращаются и деградируют, только когда вступают в двусмысленное движение жизненных сил и захвачены ими ради внешних грубых жизненных движений и настоячивых несовершенных целей. Только из-за этих сил Жизнь или, по крайней мере, какая-то доминирующая Воля-в-Жизни выглядит чем-то нечистым, проклятым и падшим в самой своей сути. Соприкасаясь с этим под его тусклой оболочкой или попав в его радужную трясину, само божественное становится обычным и грязным и с трудом может избежать возможности падения до уровня извращений и катастрофической ассимиляции демоном и Асуром. В основе этого лежит принцип тёмной и тупой инерции; всё привязано телом, его потребностями и желаниями, к тривиальному уму, мелким желаниям и эмоциям, незначительным повторениям мелких бесполезных функций, нужд, забот, занятий, болей, удовольствий, никогда не ведущих за рамки самих себя, и носит печать невежества, не знающего ни причин, ни следствий. Физический ум инерции не знает ничего божественного, кроме своих мелких земных богов; возможно, что он стремится к большему комфорту, порядку, удовольствию, но не требует возвышения и духовного освобождения. В их центре мы встречаемся с более сильной Волей жизни, обладающей большим жаром, но это ослепленный

Демон, искаженный дух, и он находит удовольствие в тех самых элементах, которые превращают жизнь в суету стремлений и жалкий беспорядок. Это душа человеческого или Титанического желания, цепляющаяся за яркие цвета, беспорядочную поэзию, жестокую трагедию или потрясающую мелодраму смеси добра и зла, радости и печали, света и тьмы, пьянящего восторга и горьких терзаний. Она любит эти вещи и хотела бы иметь их все больше и больше, и даже тогда, когда страдает и восстает против них, принимает только их и не находит удовольствия ни в чем другом; она ненавидит и восстает против более высоких вещей и в своем гневе может растоптать, разорвать и распять любую более божественную Силу, которая предложила бы сделать жизнь чистой, светлой и счастливой и стереть с ее губ огненный напиток этой возбуждающей мешанины. Есть и другая Воля-к-Жизни, готовая следовать за улучшающимся идеальным Умом и привлечена его предложениями извлечь из жизни некую гармонию, красоту, свет, лучший порядок, но это лишь меньшая часть виталической природы, и она легко побеждается ее более неистовыми или темными тупыми товарищами по несчастью; кроме того она не легко отвечает на зов более высокий, чем зов Ума, если только этот зов не изменяет себе, как это обычно происходит с Религией, снижая свои требования до условий более понятных нашей темной виталической природе. Искатель духовного начинает всё более ощущать в себе и находить вокруг себя все эти силы, и должен непрерывно бороться, чтобы освободиться от их хватки и разрушить их давно установившееся господство над ним самим и окружающим человеческим существованием. Это очень трудно; ибо власть их так сильна, выглядит столь нерушимой, что оправдывает презрительный афоризм, приравнивающий человеческую природу к собачьему хвосту, — ибо, как ни выпрямляй ее, силой или этически, при помощи религии, разума или любым другим путем, она всегда возвращается к первоначальному крючковатому изгибу Природы. И так велик напор, тиски этой более возбужденной Воли Жизни, так велика опасность ее страстей и ошибок, так хитро настойчива или упорно агрессивна и постоянна, вплоть до самых Небесных врат, ярость ее атак и надоедливое сопротивление ее препятствий, что даже святой и Йогин не могут быть уверены в сохранении своей освобождающей чистоты и натренированного самообладания против ее интриг и насилий. Все усилия выпрямить эту природную кривизну кажутся борющейся воле фатальными; бегство, уход на счастливые Небеса или спокойное растворение легко кажется единственно мудрым, начинает казаться, что единственный способ избавиться от обременительных связей, несчастного претенциозного бреда, слепого, сомнительного счастья и достижений земного существования — это найти возможность больше не рождаться.

Но должно быть и действительно имеется средство, путь к исправлению и возможность трансформации этой беспокойной виталической природы; но для этого необходимо найти причину отклонения и исправить ее в самом сердце Жизни и в самом ее принципе, ибо Жизнь также является силой Божественного, а не творением какого-то злого Случая или темного Титанического импульса, какой бы тёмной и извращённой она фактически не выглядела. В самой Жизни присутствует семя ее спасения и средство этого спасения мы должны взять из Энергии Жизни; ибо хотя Знание дает спасительный свет, а любовь имеет искупительную преобразующую силу, здесь это не может быть эффективным, если они не заручатся согласием Жизни и не сумеют использовать некоторую имеющуюся в ее центре энергию для вознесения поверженного ошибкам человека в божественной Силе Жизни. Эту трудность невозможно устранить путем разделения действия жертвоприношения; мы не можем обойти ее, решив, что мы будем совершать только труды Любви и Знания и отложим в сторону дела воли и силы, овладения и приобретения, производства и плодотворного осуществления возможностей, борьбы, победы и господства, отбрасывая от себя большую часть жизни, поскольку кажется, что сам составляющий ее материал есть желание и эго, и поэтому она приговорена быть полем

дисгармонии, обычных конфликтов и беспорядка. Ибо такое разделение в действительности невозможно; если же попытаться его сделать, то оно потерпит неудачу в своей основной цели, поскольку тогда мы были бы изолированы от тотальных энергий Мировой Силы, и важная часть интегральной Природы была бы стерилизована, как раз та единственная сила в ней, которая является необходимым инструментом для любой мировой творческой цели. Сила Жизни есть необходимый посредник, осуществляющий элемент здесь в Природе; ум нуждается в союзе с ним для того, чтобы труды разума не остались блестящими внутренними бестелесными формациями; дух нуждается в нем, чтобы его проявляющиеся возможности имели внешнюю силу и форму и нашли полное самовыражение, воплощенное в Материи. Если Жизнь откажется помочь своей посреднической энергией другим деяниям духа, или же сама будет отвергнута, то их эффективность здесь снизится до статического уединения или сверкающего бессилия; даже если что-нибудь будет сделано, то это будет только частичным свечением нашей деятельности, более субъективным, чем объективным, быть может модифицирующим существование, но не имеющим силы изменить его. Но если Жизнь принесет Духу свои силы, но не перерожденные [духовно], то результат может быть ещё хуже, так как при этом духовная активность Любви и Знания может быть низведена до ничтожных и извращённых действий, и они могут стать соучастниками ее собственных недостойных и превратных деяний. Жизнь необходима для полноты творческой духовной реализации, но это должна быть жизнь освобожденная, преображенная, вознесённая, а не обычная ментализированная человеко-животная жизнь, или демоническая, Титаническая, или даже божественная, но смешанная с небожественной. В этом заключается трудная, но неизбежная задача интегральной Йоги, что бы ни делалось другими избегающими жизни, ищущими небо дисциплинами; она не может оставить неразрешенной проблему внешней жизненной активности, должна найти в ней ее изначальную Божественность и прочно связать ее навсегда с божественностью Любви и Знания.

Не решает проблему также и временное откладывание жизненной активности и ожидание [до тех пор], пока Любовь и Знание достигнут такого развития, когда они смогут надежно завладеть Силой Жизни, чтобы осуществить ее перерождение; ибо мы видели, что они должны подняться на огромную высоту, чтобы оказаться в безопасности от виталического извращения, которое препятствует или резко ослабляет их возможность осуществить это. Если бы наше сознание могло однажды достигнуть высот супраментальной Природы, тогда действительно исчезла бы эта неспособность. Но здесь мы встречаемся с дилеммой, так как невозможно достичь супраментальных высот, имея на своих плечах груз неперерожденной Жизненной Силы, и одновременно одинаково невозможно радикально переродить Волю-в-Жизни без того, чтобы привнести вниз немеркнущий свет и неодолимую силу, которые принадлежат духовному и супраментальному уровням. Супраментальное Сознание — это, не только Знание, Блаженство, сокровенные Любовь и Единство, это также Воля, принцип Власти и Силы, и оно не может снизойти, пока элементы Воли, Власти, Силы в этой проявленной Природе не будут достаточно развиты и очищены, чтобы принять и нести его. Но Воля, Власть, Сила являются изначальным содержанием Жизненной Энергии, и в этом заключается оправдание того, что Жизнь отказывается признать главенство только Знания и Любви, — в следствие ее стремления удовлетворить нечто гораздо более бездумное, своевольное и опасное, что, однако, тоже может направиться в сторону Божественного и Абсолютного своим дерзким и пылким путем. Любовь и Мудрость не единственные аспекты Божественного, присутствует также аспект Власти. Как ум ищет Знания, как сердце стремится к Любви, так жизненная сила, оцупью или трепетно, спотыкается в поисках Власти и контроля, который дается последней. Ошибкой этического или религиозного ума является осуждение Власти как вещи, которая сама по себе не приемлема и нежелательна, так как по своей природе приводит к разложению и злу; это в корне слепое и

нерациональное предубеждение, несмотря на то, что по внешней видимости оно может быть оправдано многими примерами. Несмотря на извращения и злоупотребления, в той же мере испытываемые Знанием и Любовью, Власть божественна и находится здесь для божественного использования. Шапти, Воля, Власть — это двигатель мира, и будь то Сила Знания, или Сила Любви, или Сила Жизни, или Сила Действия, или Сила Тела, оно всегда имеет духовное начало и божественный характер. Необходимо покончить лишь с Невежественным употреблением ее зверем, человеком или Титаном и заменить [употреблением] более естественным — даже если нам это кажется сверхнормальным — действием, руководимым внутренним сознанием, которое созвучно Бесконечному и Вечному, и находится в гармонии с ними. Интегральная Йога не может отвергнуть жизненную активность и удовлетвориться только внутренними переживаниями; она обращается ко внутреннему, чтобы изменить внешнее, обращая Жизненную Силу в часть Энергии Йоги, которая соприкасается с Божественным и божественна в своём руководстве.

Вся сложность в духовном взаимодействии с жизненной активностью возникает благодаря тому, что Воля-в-Жизни для своих целей в Неведении создала своего рода ложную душу желаний и заменила ею ту искру Божественного, которая составляет истинную психику. Вся или большая часть жизненной деятельности в настоящее время активизируется или по-видимому активизируется или искажается этой душой желаний; она насквозь пронизывает своими нитями даже те [действия], которые этичны или религиозны, даже те, которые носят личину альтруизма, филантропии, самопожертвования, самоотречения. Эта душа желаний является отделённой душой эго, и все ее инстинкты направлены на отделённое самоутверждение; она всегда стремится, открыто или под более или менее светлыми масками, к собственному росту, владению, удовольствию, к покорению и владычеству. Для того, чтобы освободить Жизнь от проклятия беспокойства, дисгармонии и вырождения, необходимо предоставить истинной душе, психическому существу, ее руководящее место, и необходимо, чтобы ложная душа желаний и эго были растворены. Но это не значит, что сама Жизнь должна умолкнуть, что ей должно быть отказано в ее естественной линии свершения; ибо за этой внешней душой желаний в нас кроется внутреннее и истинное виталическое существо, которое не должно быть растворено, но выведено на поверхность и освобождено для своей истинной активности, как сила Божественной Природы. Выдвинутое положение этого истинного виталического существа под руководством истинной сокровенной души внутри нас является условием божественного совершения целей Силы Жизни. Эти цели даже останутся такими же по существу, но преобразованными в своих внутренних мотивах и по внешнему характеру. Божественная Власть Жизни также будет волей к росту, силой самоутверждения, но утверждения Божественного в нас, а не маленькой временной персоны на поверхности, — к росту истинного божественного Индивидуума, центрального существа, тайной исчезающей Личности, которая может появиться только в результате подчинения и исчезновения эго. Такова истинная цель жизни: рост, но рост духа в Природе, утверждающегося и развивающегося в уме, жизни и теле; обладание, но обладание Божественным Божественным во всех вещах, а не вещами ради них самих в результате желания эго; наслаждение, но наслаждение божественной Анандой во вселенной; борьба, победа и владычество в образе победоносной битвы с Силами Тьмы, полное духовное самоуправление и господство над внутренней и внешней Природой, победа с помощью Знания, Любви и Божественной Воли над царством Неведения.

Таковы условия и такими должны быть цели божественного осуществления трудов Жизни и их возрастающего преобразования, что является третьим элементом тройственной жертвы. Не рационализация, а супраментализация, не морализирование, а одухотворение Жизни, вот в чем цель Йоги. Ее главной целью является не взаимодействие или улаживание внешних

обстоятельств или поверхностных психологических мотивов, а изменение основ Жизни и ее действий на их скрытые божественные элементы; ибо только такое изменение основ жизни может привести к тому, что она будет непосредственно управляться тайной Божественной Властью, которая над нами, и преобразуется в проявленное выражение Божественного, и перестанет быть маскировкой и искажающей личиной вечного Деятеля. Только духовное сущностное изменение сознания, а не поверхностная манипуляция, являющаяся методом Ума и Рассудка, может изменить нынешнюю Жизнь и освободить ее от прискорбного и двусмысленного характера, который ей присущ в настоящее время.

* * *

Таким образом, интегральная Йога предполагает изменить жизнь путем ее преобразования в принципе, а не внешними манипуляциями с ее явлениями, из беспокойного и невежественного в светлое и гармоничное движение Природы. Для осуществления этой важнейшей внутренней революции и новой формации необходимы три условия; ни одно из них не является достаточным само по себе, но с помощью их объединенной тройной силы можно осуществить подъем, полностью совершить и завершить конверсию. Ибо, во-первых, жизнь как [теперь] она есть, является движением желания, и создала в нас, в качестве своего центра душу желаний, которая относит к себе все движения жизни и придает им свой собственный беспокойный оттенок и боль невежественного, полутемного, напрасного стремления: чтобы жить божественно, необходимо отказаться от желаний, заменив их более чистой и твердой мотивирующей силой, измученная душа желаний должна раствориться и ее место должны занять покой, сила, счастье истинного виталического существа, которое сейчас спрятано в нас. Затем, жизнь, какова она есть, движима или ведется частично импульсом силы жизни, частично умом, который является главным образом слугой и соучастником невежественного жизненного импульса, но отчасти также его стесненным [в действиях] и не слишком светлым и компетентным руководителем и ментором; для божественной жизни ум и жизненный импульс должны перестать быть чем либо иным, кроме как инструментами, и их место должно занять сокровенное психическое существо, которое будет указывать путь и являться свидетельством присутствия божественного руководства. Наконец, жизнь в ее нынешнем виде направлена на удовлетворение отделённого эго; эго должно исчезнуть и быть заменено истинной духовной личностью, основным центральным существом, и сама жизнь должна быть повернута в сторону осуществления Божественного в земном существовании; она должна чувствовать, как в ней просыпается Божественная Сила, и стать послушным исполнителем для достижения ее цели.

Нет ничего такого, что бы не было старым и знакомым в первом из этих трёх преобразующих внутренних движений; ибо это всегда было одним из главных объектов духовной дисциплины. Лучше всего это сформулировано в ясно изложенной доктрине Гиты, согласно которой нормальным статусом духовного бытия является полный отказ от желания плодов в качестве мотива действия, полное аннулирование самого желания, полное достижение совершенной ровности. Полная духовная ровность является единственным верным и неизменным показателем прекращения желания, — быть душевно ровным ко всему, не находится под влиянием радости и горя, приятного и неприятного, успеха или неудачи, одинаково смотреть на высокое и низкое, друга и врага, праведника и грешника, видеть во всех существах многообразное проявление Единого и во всех вещах многочисленные игры или медленную скрытую эволюцию воплощённого Духа. Здесь не преследуется цель достижения ментального покоя, отчуждения, безразличия, или инертной виталической неподвижности, или

пассивности физического сознания, согласного на неподвижность или на любое движение, хотя иногда всё перечисленное ошибочно принимают за такое духовное состояние, но наша цель — широкая всеобъемлющая неподвижная всеобщность, такая, какой обладает Свидетель Дух, стоящий за Природой. Ибо все здесь кажется мобильной организацией полуорганизованных и полубеспорядочных сил, но чувствуется, что за ними находится поддерживающий это мир, молчание, широта, не инертность, а покой, не бессилие, а всемогущая потенциальность, благодаря имеющейся в ней концентрированной, стабильной, неподвижной энергии, способной нести все движения мира. Это запредельное присутствие ровно душой ко всем вещам: находящаяся в нем энергия может быть высвобождена для любого действия, но ни одно действие не избирается посредством некоего желания внутри Духа Свидетеля; действует Истина, которая находится за пределами и представляет собой нечто большее самого действия или его видимых форм и импульсов, за пределами и больше ума, силы жизни и тела, хотя для неотложных целей она может принять ментальный, виталический или физический облик. Когда желание умирает и появляется спокойная ровная широта в сознании, тогда выходит на поверхность находящееся в нас под покровом истинное виталическое существо и обнаруживает свое спокойное, интенсивное и могущественное присутствие. Ибо такова истинная природа виталического существа, *granatama purusa*, это проекция Божественного Пуруши в жизнь, — спокойного, сильного, светлого, у которого много энергий [26](#), послушного Божественной Воле, неэгоистичного и всё же, а скорее именно поэтому, способного на все действия, достижения, высочайшие и самые большие предприятия. Также проявляется истинная Жизненная Сила, уже не как беспокойная тревожная разделенная стремящаяся поверхностная энергия, а как великая и сияющая Божественная Мощь, полная покоя, силы и блаженства, вездесущий Ангел жизни, охватывающий вселенную своими крыльями Могущества.

И все же этого преобразования в большую силу и ровность недостаточно; ибо хотя оно и открывает нам возможность осуществления Божественной жизни, но не обеспечивает ее руководством и инициативой. И здесь вмешивается присутствие освобожденного психического существа; оно не обеспечивает высшее руководство и направление, — ибо это не входит в его обязанности, — но во время перехода из невежества к божественному Знанию оно обеспечивает последовательное руководство внутренней и внешней жизнью и деятельностью; оно указывает ежеминутно метод, путь, шаги, ведущие к свершению того духовного состояния, в котором всегда присутствует высшая динамичная инициатива, направляющая деятельность обожествленной Силы Жизни. Свет, который она проливает, освещает другие части природы, которые из-за отсутствия лучшего руководства, чем их собственные смятенные и движущиеся ошупью силы, блуждали по кругам Неведения; оно сообщает уму подлинное ощущение мыслей и восприятий; жизни — безошибочное чувство движений обманчивых или вводящих в заблуждение, а также внушенных светлыми силами [27](#); нечто вроде тихого оракула изнутри раскрывает причины наших ложных шагов, вовремя предостерегает от их повторения, из опыта и интуиции извлекает закон, не жесткий, а гибкий, нашего правильного действия, правильного шага и точного импульса. Создается воля, которая больше гармонирует с разворачивающейся Истиной, чем с медленным кружением по лабиринтам блуждающей ошибки. Решительная ориентация в сторону большего Света, который должен быть, душевный инстинкт, психический такт и проникновение в истинную суть, движение и намерение вещей, приближаясь при этом все ближе и ближе к духовному видению, к знанию через внутренний контакт, внутренний взгляд и даже отождествление — все это начинает заменять поверхностную остроту ментального суждения и страстные порывы Силы Жизни. Жизненная активность выравнивается, освобождается от беспорядка, вместо искусственного или легального порядка, к которому ее принуждает интеллект, и произвольного господства желаний она признает руководство

внутреннего видения души, становится на мудрые пути Духа. Превыше всего, психическое существо возлагает на жизнь закон жертвоприношения всей ее деятельности в качестве приношения Божественному и Вечному. Жизнь становится призывом к тому, что за пределами Жизни; каждое ее самое малое действие возрастает от сознания Бесконечного.

По мере того, как возрастает внутренняя ровность, а вместе с ним ощущение того, что истинное виталическое существо находится в ожидании величайшего назначения, которому оно должно послужить, по мере того, как увеличивается психический зов во всех членах нашей природы, Тот, к которому адресуется зов, начинает проявлять себя, спускается, чтобы принять владение жизнью и ее энергиями, наполняет их высотой, близостью, широтой своего присутствия и своей цели. Во многих, если не в большинстве, он проявляет что-то от себя, даже до появления ровности и открытого психического стремления или руководства. Призыв скрытого психического элемента, угнетенного массой внешнего невежества и молящего об освобождении, напряжение ревностной медитации и поисков знания, стремление сердца, страстная воля, еще невежественная но искренняя, может сломать преграду, которая отделяет Высшую Природу от Низшей, и открыть шлюзы. Божественная Личность может чем-то немного проявить себя, или что-нибудь от Света, Мощи, Блаженства, Любви из Бесконечного. Это может быть внезапным озарением, вспышкой или кратковременным проблеском, который быстро исчезает в ожидании, пока природа подготовится, но это может также повторяться, возрастать и продолжаться. Тогда начнется длительная и большая обстоятельная работа, иногда просветлённая и интенсивная, а иногда медленная и происходящая в потёмках. Временами на передний план выходит Божественная Сила, которая ведет, принуждает, или инструктирует и просвещает; в другой же раз она удаляется на задний план и, казалось бы, оставляет существо действовать своими силами. Все невежественное, тёмное, извращенное, или просто несовершенное и низшее, что находится в существе, поднимается, быть может доводится до своей высшей точки, затем обрабатывается, исправляется, истощается, ставится перед собственными плачевными результатами, принуждается к признанию необходимости его прекращения или преобразования, или изживается из природы как беспомощное или неисправимое. Этот процесс не может быть гладким и равномерным; здесь присутствуют такие противоположности, как день и ночь, свет и тьма, спокойствие и созидание или борьба и переворот, присутствие растущего Божественного Сознания или его отсутствие, высоты надежды и пропасти отчаяния, объятия Любимого и страдания от его отсутствия, сокрушительное вторжение, непреодолимый обман, жестокое противоборство, травмирующая насмешка враждебной Силы, или помощь, утешение и общение с Богами и Божественными Посланниками. Навязывается великая и длительная революция, Океан Жизни вспенивается сильными выделениями своего нектара и своих ядов, пока все не приходит в готовность и нарастающее Нисхождение находит существо, природу, подготовленную и имеющую условия для полного управления ими и для его всеобъемлющего присутствия. Но если там также присутствуют ровность и психический свет и воля, тогда это процесс, которого невозможно избежать полностью, станет более легким и возможным: он освободится от самых больших опасностей; внутренний покой, счастье, уверенность облегчат прохождение через все трудности и испытания преобразования, и растущая Сила, получившая большие возможности благодаря полному подъему природы, быстро уменьшит и уничтожит мощь противодействующих сил. Во всем будет присутствовать надёжное руководство и защита, иногда выходящие на передний план, иногда действующие скрытно, и конечная мощь будет присутствовать уже в начале и на длительных промежуточных стадиях этого стремления. Ибо ищущий всегда будет чувствовать присутствие Божественного Руководителя и Защитника, или деяния верховной Материнской Силы; он будет знать, что все делается к лучшему, прогресс обеспечен, победа неизбежна. В

любом случае процесс одинаков и неизбежен, захватывает всю природу, всю жизнь, внутреннюю и внешнюю, чтобы выявить, воздействовать и преобразовать их силы и движения под давлением сверху более божественной Жизни, до тех пор, пока здесь всё не перейдёт во власть больших духовных сил и не станет инструментами духовного действия и божественной цели.

Во время этого процесса и на ранней его стадии становится ясным, что то, что мы знаем о себе, наше сознательное существование в настоящее время, является только представительной формацией, поверхностной активностью, изменчивым внешним результатом огромной массы скрытого существования. Наша видимая жизнь и активность этой жизни есть не более чем серия значимых выражений, но то, что она пытается выразить, не лежит на поверхности; наше существование есть нечто гораздо большее, чем это видимое на переднем плане существо, которым мы себя считаем и которое мы предлагаем окружающему миру. Это фронтальное и внешнее существо является смешанной амальгамой умственных формаций, жизненных движений, физических функций, даже при тщательном анализе составляющих частей и механизма которой невозможно обнаружить весь секрет. Мы можем его познать, только войдя в тайную протяженность нашего существования, сзади, снизу, сверху; самый тщательный и придиричивый внешний осмотр и манипуляции не позволяют нам достичь истинного понимания и полного эффективного контроля нашей жизни, ее целей, ее действий; эта неспособность на самом деле является причиной того, что ни рассудок, ни мораль, ни другая какая-либо поверхностная деятельность не в состоянии контролировать, направлять и совершенствовать жизнь человеческой расы. Ибо под нашим даже самым тёмным физическим сознанием имеется подсознательное бытие, в котором как в почве, служащей покровом и поддержкой, имеются всевозможные спрятанные семена, которые прорастают, независимо от нас, на нашей поверхности, и в которое мы постоянно бросаем свежие семена, продолжающие наше прошлое и влияющие на наше будущее, — подсознательное бытие, тёмное, незначительное в своем движении, капризное и почти фантастически субрациональное, но с огромной потенцией к земной жизни. Опять же за нашим умом, нашей жизнью, за нашим сознательным физическим имеется большая область сознания, находящегося ниже порога нашего восприятия [28](#), — имеются внутренние ментальные, внутренние виталические, внутренние более тонкие физические сферы досягаемости, которые поддерживаются сокровенным психическим существованием, являющимся связующей душой всего остального; и в этих скрытых областях также имеется масса многочисленных предсуществующих личностей, которые поставляют материал, побудительные силы, импульсы нашего развивающегося поверхностного существования. Ибо в каждом из нас здесь может быть одна центральная личность, но также и множество второстепенных личностей, созданных прошедшей историей ее проявления или ее выражениями на тех внутренних уровнях, которые теперь поддерживают ее игру в этом внешнем материальном космосе. И пока на нашей поверхности мы отрезаны от всего окружающего нас, за исключением того общения через посредство внешнего ума и чувственного контакта, который передает очень мало о нас нашему миру и от нашего мира нам, в этих внутренних областях барьер между нами и остальным существованием тонкий и легко разрушаемый; здесь мы можем сразу почувствовать — не обычным образом сделав вывод из их результатов, но почувствовать непосредственно — действие тайных мировых сил, сил ума, жизненных сил, тонкофизических сил, которые составляют мировое и индивидуальное существование; мы даже сможем, если подготовим себя к этому, завладеть этими силами мира, которые бросаются на нас и бушуют вокруг нас повсюду, и все больше контролировать их, или, по крайней мере, модифицировать их воздействия на нас и других, их формирование, само их движение. И опять же, над нашим человеческим умом находятся еще большие сферы, сверхсознательные по отношению к нему, и

от них тайно спускаются влияния, силы, прикосновения, которые являются исходными детерминантами находящихся здесь вещей и которые могли бы полностью изменить весь порядок и строение жизни в материальном мире, если бы удалось их призвать во всей их полноте. Весь этот латентный опыт и знание Божественная Сила, влияющая на нас, когда мы открываемся ей в интегральной Йоге, постепенно передает нам, она использует и вырабатывает последствия как ступени и средства преобразования всего нашего бытия и природы. С этого времени наша жизнь не является больше слабой волной, катящейся по поверхности, но становится взаимопроникающей, если не совпадающей, с космической жизнью. Наш дух, наше я поднимается не только до внутренней идентичности с неким широким космическим Я, но входит в некоторый контакт с запредельным, в то же время продолжая сознать и доминируя над активностью вселенной.

Таким образом, путем интегралирования нашего разделенного существа, Божественная Шаkti будет двигаться к своей цели в Йоге; ибо освобождение, совершенствование, господство, зависят от этой интегрализации, поскольку маленькая волна на поверхности не в состоянии контролировать свое собственное движение, а тем более осуществлять настоящий контроль над обширной жизнью, которая ее окружает. Шаkti, сила Бесконечности и Вечности снисходит в нас, работает, разбивает наши теперешние психологические формации, сокрушает все стены, расширяет, освобождает, сообщает нам все новые и новые возрастающие силы видения, восприятия идей, понятия и более новые и высокие жизненные мотивы, все больше возвышает и заново моделирует душу и ее инструменты, указывает нам на все недостатки, чтобы исправлять и уничтожать их, открывает просторы возможности большего совершенствования, за короткое время проделывает работу многих жизней или эпох, так, что в нас постоянно происходит новое рождение и открываются новые перспективы. Расширяющаяся в своей деятельности, она освобождает сознание от заточения в теле; оно способно выходить [из тела] в трансе, во сне, или даже бодрствуя, и входить в [другие] миры или другие области этого мира, действовать там и приносить обратно воспринятый там опыт. Оно распространяется, ощущая тело только как малую часть себя, оно начинает вмещать то, что раньше вмещало его; оно достигает космического сознания и простирает себя, чтобы стать соразмерным вселенной. Оно начинает сознать внутренне и непосредственно, а не только посредством внешнего наблюдения и контакта, силы, действующие в мире, чувствует их движение, различает их функции и в состоянии непосредственно оперировать ими, подобно ученому, оперирующему физическими силами, принимать их действия и результаты в наш ум, жизнь, тело, или же отвергать их, модифицировать, изменять, придавать им новую форму, создавать огромные новые силы и движения на месте старых небольших функций природы. Мы начинаем воспринимать деятельность сил мирового Ума и узнавать, как создаются наши мысли этой деятельностью, внутренне различать правильность и ошибочность наших понятий, расширять их область, увеличивать и просветлять их значение, становиться господином своего собственного ума и деятельности и становиться способными и активными для того, чтобы формировать движения Ума в окружающем нас мире. Мы начинаем познавать течения и волны мировых жизненных сил, находить истоки и закон наших чувств, эмоций, ощущений, страстей, становимся свободными принимать, отвергать, создавать заново, подниматься до более высоких уровней Жизненной Мощи. Мы начинаем также видеть ключ к загадке Материи, прослеживаем взаимодействие с ней Ума, Жизни и Сознания, всё лучше понимаем ее созидательную и результативную функцию, и наконец открываем последнюю тайну Материи, как формы не просто Энергии, но вовлеченного, заключенного, или непрочно закрепленного и ограниченного [этим] сознания, и начинаем видеть также возможность ее освобождения и свободного реагирования на высшие Силы, возможности сознательного и уже не более чем

полубессознательного [29](#) воплощения и самовыражения Духа. Все это, а также многое другое становится всё более возможным по мере того, как в нас возрастает деятельность Божественной Шаки, встречая сопротивление или попытки реагировать со стороны нашего неясного сознания, через сильную борьбу и движение, которое то прогрессирует, то регрессирует и вновь прогрессирует, что обусловлено деятельностью интенсивного преобразования полубессознательной субстанции в сознательную, [и происходит] движение к большей чистоте, истине, высоте, простору. Все это зависит от пробуждения психического в нас, от полноты нашего ответного [стремления] к ней и возрастающей самоотдачи.

Но все это может составить только более содержательную внутреннюю жизнь с большими возможностями внешней активности и является переходным достижением; полное преобразование возможно только в результате вознесения жертвы на дальнейшие высоты, и их воздействия на жизнь мощью, светом и блаженством божественного супраментального Гносиса. Ибо только тогда все силы, которые разделены и несовершенно выражены в жизни, и их активность, поднимаются до своего первоначального единства, гармонии, единственной истины, аутентичной абсолютности и полного значения. Там Знание и Воля едины, Любовь и Сила являются единым движением; противоположности, которые преследуют нас, здесь растворяются в примирённом единстве: добро достигает своего абсолюта, а зло, освободившись от своих ошибок, возвращается к добру, которое стояло за ним; грех и добродетель исчезают в божественной чистоте и безошибочном движении истины; сомнительная эфемерность удовольствия пропадает в Блаженстве, которое является игрой вечной и счастливой духовной несомненности, а боль, исчезая, ощущает прикосновение Ананды, которая была предана каким-то тёмным извращением и неспособностью воли Бессознательного принять ее. Все эти вещи, для Ума являющиеся воображением или мистерией, становятся очевидными и способными быть пережитыми по мере того, как сознание поднимается из ограниченного заключенного в теле ума Материи к свободе и полноте все более и более высоких областей сверхума; но все это может стать совершенно истинным и нормальным только тогда, когда законом природы станет супраментальное.

Поэтому оправдание Жизни, ее спасение, ее преобразование в Божественную жизнь в преобразованной земной Природе зависит от осуществления этого восхождения, и от полноты динамизма, нисходящего с этих высших уровней в земное сознание.

* * *

Природа интегральной Йоги, познанная или обусловленная таким образом, прогрессирующая благодаря этим духовным средствам, направленная на это интегральное преобразование природы, сама определяет свой ответ на вопрос, касающийся обычной активности жизни и ее места в Йоге.

Нет и не может быть какого-либо аскетического, или созерцательного, или мистического полного отказа от активности и жизни, какой-либо проповеди поглощающей медитации и бездействия, отчуждения или отрыва от Силы Жизни и ее деятельности, какого-либо отвержения проявления в Земной природе. В любое время у того, кто ищет, может возникнуть необходимость уйти в себя, погрузиться в свое внутреннее существо, отгородиться от шума и сутолоки жизни в Неведении, до тех пор, пока не произойдет некоторое внутреннее изменение или пока не будет достигнуто нечто, без чего дальнейшее успешное действие в жизни становится затруднительным или невозможным. Но такое может происходить только периодически или эпизодически, в качестве временной необходимости или подготовительного

духовного маневра; это не может быть правилом его Йоги или ее принципом.

Разделение действий человеческого существования на основе религиозного или этического подхода или на основании того и другого, сужение деятельности только до поклонения или только филантропии и милосердия не соответствует духу интегральной Йоги. Любое обычное ментальное правило или чисто ментальное приятие или отвержение чуждо цели и методу ее дисциплины. Все должно быть поднято на духовную высоту и поставлено на духовную основу; вся жизнь, а не только часть ее, должна быть подвергнута внутренней духовной перемене и внешнему преобразованию; необходимо признать все, что способствует этой перемене или допускает ее, и отвергнуть все, что не способно, не соответствует или отказывается от движения преобразования. Недопустимо быть привязанным к какой-то форме вещи или жизни, к какому-то объекту или деятельности; если потребуется, надо отказаться от всего, необходимо допустить все, что избрано Божественным в качестве его материала для божественной жизни. Но принимать или отвергать должен не ум, не открытая или завуалированная виталическая воля желания, не этическое чувство, а только настойчивость психического существа, приказ Божественного Руководителя Йоги, видение высшего Я или Духа, просветленное руководство Владыки. Путь духа — это не ментальный путь; его детерминантом или руководителем не может быть ментальный закон или ментальное сознание.

В равной мере законом или целью Йоги не может быть сочетание или компромисс между двумя видами сознания, духовным и ментальным, или духовным и виталическим, или же простое внутреннее очищение Жизни, которая внешне не изменилась. Необходимо принимать всю жизнь, но вся жизнь должна преобразиться; все должно стать частью, формой, соответствующим выражением духовного существа в супраментальной природе. Это высшее и завершающее движение духовной эволюции в материальном мире, и как переход от виталического животного к ментальному человеку полностью изменил жизнь в самой основе сознания, возможностях, значении, так этот переход от материализованного ментального существа к духовному и супраментальному существу, которое использует Материю, но не подчиняется ей, должен поднять жизнь и полностью изменить ее, из порочного несовершенного ограниченного человека сделать нечто иное в основном сознании, возможностях и значении. Все формы жизни, которые не в состоянии воспринять это изменение, должны исчезнуть, всё, что может воспринять это, уцелеет и войдет в Царство Духа. Действует Божественная Сила, которая каждый раз будет решать, что должно быть сделано и что не должно, что надо поднять временно и что постоянно, что надо прекратить временно или навсегда. Ибо, при условии, что мы не подменим это своим желанием или своим эго и для этой цели душа всегда будет бдеть, всегда начеку, готова к божественному указанию, сопротивляется небожественному заблуждению, исходящему изнутри или извне нас, эта Сила достаточна и только она одна компетентна, и [она] поведет нас к свершению путями и средствами, которые слишком велики, слишком внутренни, слишком сложны, чтобы быть понятыми умом, тем более чтобы быть руководимыми им. Этот путь крутой, трудный и опасный, но другого не существует.

Есть два правила, которые могут облегчить путь и уменьшить опасность. Надо отвергнуть все, что исходит от эго, от виталического желания, от обычного ума и его самонадеянной рассудительной некомпетентности, всё, что способствует этим проявлениям Невежества. Надо научиться слышать и следовать голосу сокровенной души, указаниям Гуру, приказам Господина, деяниям Божественной Матери. Кто придерживается стремлений и слабостей плоти, желаний и страстей виталического в его бурном невежестве, диктата своего личного ума, не приведённого в молчание и не просветлённого большим знанием, тот не в состоянии найти истинный внутренний закон и нагромождает препятствия на пути божественного свершения. Тот, кто в состоянии обнаружить и отвергнуть эти затемняющие факторы, увидеть и следовать за

истинным Руководителем изнутри и снаружи, обнаружит духовный закон и достигнет цели Йоги.

Радикальное и полное изменение сознания есть не только всё содержание, но, по мере его укрепления и прохождения через разные стадии — весь метод интегральной Йоги.

21. param bhavam

22. manusim tanum asritam

23. All-Beautiful

24. selfless

25. the life's obidience — очевидно, подразумевается покорность контролю духа над жизненной, или виталической, частью существа. (*Прим. пер.*)

26. many-energied

27. well-inspired

28. subliminal consciousness

29. the conscious and no longer the more than half-inconscient

Глава VII

Нормы Поведения и Духовная Свобода

ЗНАНИЕ, на котором исполнитель работ в Йоге должен основывать все свои действия и развитие, имеет в качестве краеугольного камня своей структуры все более и более конкретное понимание единства, живое чувство всеобъемлющего единства; он пребывает в возрастающем сознании того, что все существующее является неделимым целым: вся деятельность также является частью этого божественного неделимого целого. Его личная деятельность и ее результаты больше не являются и не кажутся отдельным движением, которое главным образом или полностью определяется эгоистической "свободной" волей индивидуума, отдельного в массе. Наша деятельность является частью неделимого космического действия; она поставлена или, вернее, становится на свое место в целом, из которого она и возникает, и ее результат зависит от сил, которые находятся выше нас. Эта мировая деятельность в своей огромной тотальности и в каждой мелкой детали является неразделимым движением Единого, который последовательно проявляет себя в космосе. Человек также все больше осознает истину о себе и о вещах, пропорционально тому, как он просыпается к осознанию этого Единого внутри себя и вне себя и к скрытому, чудесному и значительному процессу его сил в движении Природы. Это действие, это движение не ограничивается даже внутри нас и в тех, кто [находится] вокруг нас маленькой фрагментарной частью космической деятельности, которую мы ощущаем нашим поверхностным сознанием; она поддерживается огромным подспудным фоновым существованием, находящимся ниже порога восприятия нашего ума или подсознательным, и привлечено огромным трансцендентным существованием, сверхсознательным по отношению к нашей природе. Наши действия возникают, как и мы сами произошли, от универсальности, которую мы не сознаем; мы придаем ей форму своим личным темпераментом, личным умом и волей мысли или силой импульса или желания; однако настоящая истина вещей, истинный закон действия превосходит эти личные и человеческие формации. Каждая точка зрения, каждое выработанное человеком правило действия, которое игнорирует неразделимую тотальность космического движения, независимо от результатов его использования во внешней практике, является в глазах духовной Истины неправильным подходом и законом Неведения.

Даже когда нам удастся уловить хотя бы проблеск этой идеи или зафиксировать ее в своем сознании как знание ума и соответственный подход души, нам трудно в своих внешних частях и действующей природе найти соответствие между этой мировой точкой зрения и претензиями нашего личного мнения, нашей личной волей, нашими личными эмоциями и желаниями. Мы всё ещё вынуждены рассматривать это неделимое движение как если бы оно было массой безличного материала, из которого мы, эго, личность должны вылепить нечто, соответствующее нашей собственной воле и ментальной фантазии, путем личной борьбы и усилий. Таково нормальное отношение человека к своему окружению, в действительности ложное, потому что наше эго и его воля являются творениями и марионетками космических сил, и только когда мы уйдем от эго в сознание божественного Знания-Воли Вечного, которое действует в них, мы сможем путем своего рода депутации свыше стать их господином. В то же время это личное отношение является правильной позицией человека до тех пор, пока он дорожит своей личностью и еще не развил ее полностью; ибо без такой точки зрения и такого побудительного мотива он не может расти в своём эго, не может достаточно развиться и выделиться из подсознательного или полусознательного существования вселенской массы.

Однако, трудно стряхнуть с себя власть эго-сознания, которая распространяется на все привычки нашего существования, когда мы больше не испытываем необходимости в отделённой

индивидуалистической и агрессивной стадии развития, когда мы можем двигаться вперед от этой неизбежной малости ребёнка-души к единству и всеобщности, к космическому сознанию и за его пределы, к нашему трансцендентному положению духа. Необходимо ясно усвоить, не только в образе мышления, но и чувствами, ощущениями, в образе действия, что это движение, это мировое действо не является беспомощной безличной волной бытия, которое подвластно воле любого эго, в зависимости от силы этого эго и его настойчивости. Это движение космического Существа, которое является Знающим свое поле, [это] шаги Божественного, который является Господином своей собственной поступательной силы действия. Как это движение является единым и нераздельным, так и тот, который присутствует в движении, является единым, исключительным и неделимым. Он не только определяет все результаты, но все начинания, все действия и процессы зависят от движения его космической силы и только во вторую очередь и лишь по форме принадлежат созданию. Но тогда какую же должна быть духовная позиция трудящейся личности? Каково ее истинное отношение в динамической Природе к этому единому космическому Существованию и этому единому тотальному движению? Он является только центром — центром дифференциации одного личного сознания, центром детерминации одного тотального движения; его личность отражает в волне устойчивой индивидуальности единую мировую Личность, Трансцендентного, Вечного. В Неведении это отражение всегда неполное и искаженное, ибо на гребне волны, который является нашим сознательным бодрствующим я, выносятся только несовершенное и фальсифицированное подобие божественного Духа. Все наши мнения, стандарты, формации, принципы являются только попытками представить в этом разбитом, отражающем и искажающем зеркале нечто от мирового и поступательного тотального действия и его многостороннего движения к какому-то конечному самопроявлению Божественного. Наш ум представляет это по мере своих возможностей с большим приближением, которое становится все менее и менее неадекватным пропорционально тому, как мышление становится шире, светлее и мощнее; но это всегда является приближением, а даже не частично правильным представлением. Божественная Воля действует через зоны, чтобы проявлять последовательно не только в единстве космоса, не только в коллективности живущих и думающих созданий, но в душе каждого индивидуума нечто от божественного Таинства и скрытой истины Бесконечного. Поэтому в космосе, в коллективе, в индивидууме имеется укоренившийся инстинкт или вера в возможность собственного совершенства, постоянное стремление в сторону всегда растущего, более адекватного и более гармоничного саморазвития, более близкого к тайной истине вещей. Это усилие представляется конструирующему уму человека через стандарты знания, чувства, характера, эстетику и действие, — правила, идеалы, нормы и законы, которые он пробует превратить в мировые Дхармы.

* * *

Если мы предназначены быть свободными в Духе, если мы должны подчиниться только высшей Истине, мы должны отбросить идею о том, что наши ментальные или моральные законы обязательны для Бесконечного, или что может быть что-то неприкосновенное, абсолютное или вечное даже в самых высоких существующих нормах нашего поведения. Образуя все более и более высокие временные нормы, пока они необходимы, мы служим Божественному в его мировом марше; пытаться жестко создать абсолютную норму значит пытаться создать барьер против течения вод вечности. Как только привязанная к природе душа осознает эту истину, она освобождается от двойственности добра и зла. Ибо добро есть всё то, что помогает индивидууму

и миру двигаться к своей божественной полноте, а зло есть всё то, что мешает или разрушает это растущее совершенство. Но поскольку совершенствование прогрессирует, эволюционно во Времени, добро и зло также перемещающиеся величины, и время от времени меняют свои смысл и значение. То, что теперь является злом и должно быть отброшено в нынешней форме, некогда было необходимым и помогало индивидуальному и общему прогрессу. Та вещь, которую мы теперь рассматриваем как зло, вполне может стать в другой форме и другом расположении элементом будущего совершенства. И на духовном уровне мы превосходим даже это различие, ибо мы обнаруживаем цель и божественную полезность всего того, что мы называет добром и злом. Тогда нам надо отвергнуть в них фальшь и всё, что искажено, невежественно и затемнено в том, что называется добром, в не меньшей степени чем в том, что называется злом. Ибо мы должны тогда принять только истинное и божественное и не делать никакого другого различия в вечном процессе.

Тем, кто способен действовать только в жестких нормах, тем, кто может чувствовать только человеческие, но не божественные значения, эта истина может показаться опасной уступкой, которая может уничтожить саму основу морали, дезорганизовать поведение и создать только хаос. Безусловно, если нужно сделать выбор между вечной и неизменной этикой и отсутствием вообще всякой этики, то для невежественного человека результат был бы именно такой. Но даже на человеческом уровне, если мы достаточно просвещены и достаточно гибки, чтобы понять, что норма поведения может быть временной и в то же время необходимой для своего времени, и чтобы полностью ее соблюдать, пока она не будет заменена лучшей, тогда мы не теряем ничего, кроме фанатизма несовершенного и нетерпимого благочестия. Взамен этого мы приобретаем открытость и силу продолжительного морального прогресса, милосердие, возможность достижения понимания и симпатии к этому миру борющихся и спотыкающихся созданий, и благодаря этому милосердию получить больше права и силы, чтобы помочь ему на его пути. В конце, там, где кончается человеческое и начинается божественное, где ментальное исчезает в супраментальном сознании, а конечное переходит в бесконечное, всякое зло исчезает в трансцендентном божественном Добре, которое становится всеобщим на каждом плане сознания, к которому оно прикасается.

Таким образом, для нас становится понятным, что все нормы, при помощи которых мы стараемся управлять нашим поведением, являются только нашими временными, неполноценными и эволюционирующими попытками представить себе наш спотыкающийся ментальный прогресс во вселенской самореализации, к которой движется Природа. Но божественное проявление не может быть связано нашими мелкими правилами и хрупкими святынями; ибо сознание, стоящее за ним, слишком обширно для этого. Как только мы осмыслим этот факт, который достаточно разрушителен для абсолютизма нашего рассудка, мы сможем лучше разместить по своим местам относительно друг друга последовательные нормы, определяющие различные стадии роста индивидуума и коллективного движения человечества. Наиболее общие из них мы можем окинуть беглым взглядом. Ибо нам надо видеть их положение по отношению к этому другому ненормированному, духовному и супраментальному образу действия, которого добивается Йога, и к которому [она] идет путем подчинения индивидуальной воли божественной Воле и, еще более эффективно, через его возвышение, благодаря этому подчинению, до большего сознания, в котором становится возможным некое тождество с динамичным Вечным.

Существуют четыре главных стандарта человеческого поведения по возрастающей шкале. Первый — это личные нужды, предпочтения и желания; второй — закон и забота о пользе для коллектива; третий — идеальная этика; последний — высший божественный закон природы.

Человек начинает длинный путь своей эволюции, располагая только первыми двумя из этих четырех, которые должны просвещать его и руководить им; ибо они составляют закон его животного и виталического существования, а свой прогресс человек начинает как виталическое и физическое животное. Истинным смыслом пребывания человека на земле является выражение растущего образа Божественного в человечестве; эту цель преследует Природа в человеке, осознанно или неосознанно работая в нём под густым покровом ее внутренних и внешних процессов. Но материальный или животный человек не знает внутреннюю цель жизни; он знает только ее нужды и желания, и у него нет другого руководителя, указывающего на то, что от него требуется, кроме его собственного восприятия нужд и его возникающих и указующих желаний. Его первым естественным правилом поведения является прежде всего удовлетворение своих физических и виталических требований и необходимостей, и уже затем каких-либо возникающих в нем эмоциональных и ментальных желаний, воображений или динамичных представлений. Единственный уравнивающий или перевешивающий закон, который может модифицировать или противостоять этому настоящему естественному запросу, заключается в требованиях, выдвигаемых идеями, нуждами и желаниями его семьи, его общины, племени, стада или стаи, членом которой он является.

Если бы человек мог жить только для себя, — а это было бы возможно только в том случае, если бы развитие индивидуума было единственной целью Божественного в мире, — тогда не было бы необходимости включения в действие второго закона. Но всякое существование возможно только в результате взаимодействия акции и реакции целого и частей, взаимной необходимости составляющих и того, что они составляют, взаимозависимости группы и индивидуумов группы. На языке индийской философии Божественное проявляет себя всегда в двойной форме отдельного и коллективного существа, *vyasti, samasti*. Человек, стремящийся к росту своей отдельной индивидуальности, ее свободе и полноте, в состоянии удовлетворить даже свои собственные нужды и желания только вместе с другими людьми; он есть целое в самом себе и в то же время не является целым без других. Эта зависимость включает закон его личного поведения в групповой закон, который возникает в результате образования длительного группового организма с коллективным разумом и собственной жизнью, которому подчинены его собственный воплощенный ум и жизнь в качестве преходящей единицы. И в то же время в нём есть что-то бессмертное и свободное, не привязанное к этому групповому телу, которое переживёт его собственное воплощённое существование, но не сможет пережить или сковать своим законом его вечный дух.

Сам по себе этот кажущийся большим и превышающим закон является не более чем продолжением виталического и животного принципа, которым руководствуется индивидуальный элементарный человек; это закон стаи или стада. Индивидуум отождествляет свою жизнь с жизнью определенного числа других индивидуумов, с которыми он связан и общается от рождения, по выбору или обстоятельствам. И поскольку существование группы необходимо для его собственного существования и удовлетворения, то со временем, если не сразу же, забота о ее сохранении, удовлетворении ее нужд и ее коллективных понятий, желаний, жизненных привычек, без чего она не могла бы целиком сохраняться, встаёт на первое место. Удовлетворение личных идей и чувств, нужд и желаний, склонностей и привычек должно быть постоянно подчинено, в соответствии с обстановкой, а не по каким-либо моральным или альтруистическим мотивам, удовлетворению идей и чувств, нужд и желаний, склонностей и привычек не того или иного индивидуума или числа индивидуумов, но общества в целом. Эта

общественная необходимость является скрытым связующим веществом морали и человеческого этического импульса. Нет фактических данных о том, что в какие-то доисторические времена человек жил один или только со своей самкой, как некоторые животные. Все, что известно о нем, показывает, что он был общественным животным, а не изолированным телом и духом. Закон стаи всегда стоял выше его индивидуального закона саморазвития; кажется, что он всегда рождался, жил, формировался как единица в массе. Но логично и естественно, с психологической точки зрения, что закон личной необходимости и желаний является главенствующим, а общественный закон выступает как вторичная и узурпирующая сила. В человеке имеются два отчетливых господствующих импульса, индивидуалистический и общественный, личная жизнь и общественная жизнь, личный мотив поведения и общественный мотив поведения. Возможности их противостояния и попытки их согласования заложены в самых корнях человеческой цивилизации и продолжают проявляться в другом виде, когда он минует стадию виталического животного и приходит к высоко индивидуализированному ментальному и духовному прогрессу.

Существование общественного закона вне индивидуума в разные времена бывает или значительным преимуществом, или недостатком в развитии божественного в человеке. В начале это преимущество, когда человек груб и неспособен к самоконтролю и самовыявлению, так как он создает силу, отличную от его личного эгоизма, при помощи которой этот эгоизм можно убедить или заставить умерить его необузданные требования, дисциплинировать его иррациональные и часто неистовые движения, и даже добиться того, что этот эгоизм теряется иногда в большем и менее личном эгоизме. Но для зрелого духа, готового к превосхождению человеческой формулы, это недостаток, ибо это является внешней нормой, навязываемой извне, а условием ее совершенствования является его рост изнутри при все большей свободе, не в результате подавления, а путем превосхождения его усовершенствованной индивидуальности, не при помощи налагаемого на него принуждающего закона, который тренирует и дисциплинирует его члены, но при помощи души, изнутри прорывающейся через все ранее существовавшие формы, чтобы владеть в своём свете и преобразовать его члены.

В конфликте между требованиями общества и запросами индивидуума два идеальных и абсолютных решения противостоят друг другу. Существует требование группы, чтобы индивидуум подчинился более или менее полно, или потерял свое самостоятельное существование в обществе, меньшая [единица] должна быть принесена в жертву или сама предложить себя большей единице. Он должен признать нужды общества как свои собственные нужды, желания общества как свои желания; он должен жить не для себя, но для племени, клана, коммуны или нации, членом которой он является. С точки зрения индивидуума идеальным и абсолютным решением явилось бы общество, которое существовало бы не для себя, не для своих превалирующих коллективных целей, а для пользы индивидуума и его свершения, для более великой и совершенной жизни всех его членов. Представляя насколько возможно его лучшее я и помогая ему реализовать его, оно бы уважало свободу каждого из своих членов и существовало бы опираясь не на закон и силу, а на основе свободного и спонтанного согласия составляющих его личностей. Идеальное общество любого рода не существует нигде, и его было бы очень трудно создать, и еще труднее поддерживать его существование, до тех пор пока отдельный человек видит в своем эгоизме главный мотив существования. Общее, но не полное, подавление обществом индивидуума является более легким путем и той системой, которая инстинктивно принимается Природой с самого начала и поддерживается в равновесии жестким законом, принудительным обычаем и заботливым внушением всё ещё подчинённому и малоразвитому интеллекту человеческого создания.

В первобытных обществах жизнь индивидуума подчинена строгим и неизменным

коллективным обычаям и правилам; это древний и, казалось бы, вечный закон человеческой стаи, который всегда старается выдать себя за вечное веление Непреходящего, esa dharmah sanatanah. И [этот] идеал еще жив в человеческом уме; самые последние тенденции в человеческом прогрессе направлены на создание расширенного и пышного варианта этого древнего обращения коллективной жизни к порабощению человеческого духа. В этом серьезная опасность для интегрального развития более великой истины на земле и более великой жизни. Ибо стремления и свободные искания индивидуума, как бы они ни были эгоистичны, фальшивы, искажены в своей непосредственной форме, содержат в своих скрытых ячейках семя развития, необходимого для всего целого; за его поисками и неудачами стоит сила, которую необходимо сохранить и воплотить в образ божественной идеи. Эту силу необходимо просветить и воспитать, но не подавлять или впрягать в тележку общества. Индивидуализм также необходим для окончательного совершенствования, как и та сила, что стоит за духом группы; удушение индивидуума может обернуться удушением бога в человеке. И в современном балансе человечества редко присутствует реальная опасность преувеличенного индивидуализма, разрушающего общественную целостность. Имеется постоянная опасность того, что преувеличенное давление социальной массы может своим непросвещенным механическим весом подавить или лишит веры свободное развитие индивидуального духа. Ибо человек в своей индивидуальности легче может быть просвещён, сознателен и открыт для ясных благотворных влияний; человек в массе все еще тёмн, полусознателен, управляется силами вселенной, ему неподвластными и непознанными.

На эту опасность подавления и сковывания реагирует Природа индивидуума. Ее реакция может выразиться в изолированном сопротивлении, начиная с инстинктивного и зверского сопротивления преступника и кончая полным отрицанием [характерным для] одиночества и аскетизма. Реакция может выразиться в утверждении индивидуалистического течения в социальной идее, может навязать ее массовому сознанию и установить компромисс между индивидуальными и общественными требованиями. Но компромисс не является решением; он только отодвигает трудности и в конце концов увеличивает сложность проблемы и усложняет исход. Нужен новый принцип, отличный и более возвышенный, чем оба конфликтующих инстинкта, и достаточно сильный, чтобы одновременно превзойти и примирить их. Выше естественного индивидуального закона, который устанавливает в качестве единственной нормы нашего поведения удовлетворение наших индивидуальных запросов, предпочтений и желаний, и естественного общественного закона, устанавливающего в качестве высших нормы, выражающиеся в удовлетворении потребностей, предпочтений и желаний общества в целом, должно было возникнуть понятие идеального морального закона, который не сводится к удовлетворению запросов и желаний, а контролирует и даже приостанавливает или аннулирует их в интересах идеального порядка, не животного, не виталического и физического, а ментального, сотворенного в результате поисков умом света, и знания, и верного правила и движения и истинного порядка. Как только это понятие овладевает человеком, он начинает освобождаться от всепоглощающего виталического и материального ради ментальной жизни; он поднимается с первой на вторую ступень трехступенчатого восхождения Природы. Даже его запросы и желания освещаются более возвышенным светом цели и ментальных запросов, эстетические, интеллектуальные и эмоциональные стремления начинают доминировать над запросами физической и виталической природы.

Естественный закон поведения переходит из конфликта к равновесию сил, импульсов и желаний; высший этический закон движется путем развития ментальной и моральной природы, в направлении фиксированной внутренней нормы или, иначе, самоформирующегося идеала абсолютных качеств, — справедливости, добродетельности, любви, здравого рассудка, справедливой власти, красоты, света. Поэтому это по существу индивидуальная норма; это не есть творение массового ума. Думающий — это индивидуум; это он вызывает и облекает в форму то, что иначе оставалось бы подсознательным в аморфном человеческом целом. Ищущий морального тоже индивидуален; самодисциплина, не под гнетом внешнего закона, но послушание внутреннему свету, по сути своей является индивидуальным усилием. Но постулируя свою личную норму как толкование абсолютного морального идеала, мыслитель распространяет ее не только на себя, но на всех индивидуумов, до которых его мысль может прийти и проникнуть в них. И по мере того, как масса индивидуумов все больше проникается этой идеей, даже если она плохо или совсем не претворена на практике, общество также вынуждено признать новую ориентацию. Оно впитывает в себя влияние идей и пытается, без большого успеха, преобразовать свои институты в новые формы, затронутые этими новыми идеалами. Но всегда сохраняется инстинктивное желание перевести их в обязательные законы, в шаблонные формы, в механические обычаи, во внешнее социальное принуждение живых единиц [общества].

Ибо долгое время после того, как индивидуум стал частично свободным, моральным организмом, способным к сознательному росту, чувствующим внутреннюю жизнь, жаждущим духовного прогресса, общество продолжает оставаться внешним по своим методам, материальным и экономическим организмом, механическим, более заинтересованным в сохранении статуса и в самоконсервации, чем в росте и самосовершенствовании. В настоящее время самой большой победой мыслящего и прогрессивного индивидуума над инстинктивным и статичным обществом является, достигнутая им сила, приобретенная благодаря мыслительной воле [30](#), которая позволяет ему заставить общество думать, стать открытым к идее социальной справедливости, общего сочувствия и взаимного сострадания, оценивать свои институты по способности руководствоваться разумом, а не слепым обычаем, и расценивать ментальный и моральный рост своих индивидуумов как один из важных элементов, подтверждающих обоснованность его законов. В идеале, по крайней мере, общественный разум начинает становиться способным санкционировать просвещение вместо насилия, моральное развитие вместо мести или лишения свободы даже в целях наказания. Самая большая победа в будущем настанет для мыслителя, когда ему удастся убедить индивидуальную единицу и коллективное целое основывать свои жизненные отношения, союз и стабильность на свободном и гармоничном согласии и самоадаптации, формировать и управлять внешним при помощи внутренней истины, вместо того, чтобы подавлять внутренний дух тиранией внешней формы и структуры.

Но даже эта победа, уже одержанная им, относится скорее к будущим возможностям, чем к фактическим достижениям. Всегда существует дисгармония и разлад между моральным законом индивидуума и законом его нужд и желаний, между моральным законом, предлагаемым обществу, и физическими и виталическими потребностями, желаниями, обычаями, предрассудками, интересами и страстями касты, клана, религиозной секты, общества, нации. Моралист напрасно создает свою абсолютную этическую норму и призывает всех быть верными ей, не думая о последствиях. Для него не имеют значения нужды и желания индивидуума, если они расходятся с моральным законом, и социальный закон для него не существует, если он противоречит его понятию справедливости и не приемлем для его сознания. Он предлагает индивидууму такое абсолютное решение, которое не позволяет иметь желания и запросы, не

совместимые с любовью, истиной и справедливостью. Он требует от общества или нации, чтобы они считали всё, даже свою безопасность и самые насущные интересы, ничтожными в сравнении с истиной, справедливостью, гуманностью и высшим благом народа.

Ни один индивидуум не поднимается до таких высот, за исключением моментов особого напряжения, и еще нет такого общества, которое отвечало бы этому идеалу. И при современном состоянии морали и человеческого развития ни одно общество не в состоянии, а возможно, и не должно удовлетворять ему. Природа не допустит этого, Природа знает, что этому не бывать. Первая причина в том, что наши моральные идеалы сами по себе большей частью плохо развиты, невежественны и условны, являются скорее ментальными конструкциями, чем выражениями вечных истин духа. Не терпящие возражений и догматические, они теоретически обосновывают некоторые абсолютные нормы, но на практике каждая из существующих систем этики оказывается либо не работоспособной, либо не отвечающей той абсолютной норме, на которую в идеале претендует. Если наша этическая система является компромиссом или паллиативом, то она сразу же создает принцип для оправдания дальнейших стерилизующих компромиссов, которыми спешат воспользоваться общество и индивидуум. А если она бескомпромиссно требует любви, справедливости, права, то она витает в облаках выше человеческих возможностей и добивается славословия, но игнорируется на практике. Установлено даже, что она игнорирует другие элементы в человечестве, которые в одинаковой мере должны выжить, но не соответствуют формуле морали. Ибо как индивидуальный закон желая содержит в себе бесценные элементы бесконечного целого, которые должны быть защищены от тирании поглощающей социальной идеи, так и сокровенные импульсы индивидуума и коллективного человека содержат в себе бесценные элементы, которые выходят за пределы любой до сих пор придуманной этической формулы, и в то же время необходимы для полноты и гармонии будущего божественного совершенства.

Более того, абсолютная любовь, абсолютная справедливость, абсолютно здравый рассудок в их нынешнем воплощении сбитым с толку и несовершенным человечеством часто становятся конфликтующими принципами. Справедливость часто требует того, к чему любовь питает отвращение. Здравый рассудок, бесстрастно рассматривая факты в природе и человеческих отношениях в поисках удовлетворительных норм или правил, не в состоянии принять без поправок как царство абсолютной справедливости, так и царство абсолютной любви. В действительности человеческая абсолютная справедливость легко оборачивается на практике полновластной несправедливостью; ибо его ум, односторонний и негибкий по своей конструкции, выдает одностороннюю пристрастную скрупулезную схему или формулу, настаивая на ее тотальности и абсолютности, что является игнорированием более тонкой истины вещей и пластичности жизни. Все наши нормы при осуществлении либо колеблются в потоке компромиссов, либо оказываются ошибочными вследствие этой пристрастности и негибкой структуры. Человечество бросается от одной ориентации к другой; оно движется зигзагами, влекомое конфликтующими требованиями и, в целом, инстинктивно вырабатывает то, что указывает Природа, но с большими потерями и страданиями, а вовсе не то, чего оно желает или считает верным, как и не то, чего требует высочайший свет свыше от воплощённого духа.

* * *

Фактически, когда мы достигаем культа абсолютных этических качеств и создаем категорический императив идеального закона, то мы еще не приходим к концу нашего поиска и

не прикасаемся к истине, которая освобождает. Здесь, без сомнения, есть нечто, что помогает нам подняться за пределы ограничений, налагаемых физическим и виталическим человеком внутри нас, настойчивость, превосходящая индивидуальные и коллективные нужды и желания человечества, которое все еще привязано к житейской грязи Материи, в которой находятся его корни, устремление, которое помогает развиваться ментальному и моральному существу в нас: этот новый возвышающий элемент поэтому является приобретением большой важности; его действия являются значительным шагом вперед в трудной эволюции земной Природы. И за недостаточностью этих этических концепций скрывается также нечто, что прикасается к высшей Истине; здесь также проглядывает мерцание света и силы, которые являются частью пока ещё недостижимой божественной Природы. Но ментальная идея этих вещей не является этим светом, а моральная формулировка их не является этой силой. Это только представительные конструкции ума, которые не могут вместить божественный дух, который они тщетно пытаются запереть в своих категорических формулах. За пределами ментального и морального бытия в нас имеется высшее божественное бытие, духовное и супраментальное; ибо только через широкий духовный уровень, где формулы ума растворяются в белом пламени непосредственного внутреннего опыта, можем мы выйти за пределы ума и перейти от его конструкций в простор и свободу супраментальных реальностей. Только там мы можем прикоснуться к гармонии божественных сил, которые весьма искажённо представлены нашему уму или заключены в ложную формулу конфликтующими или колеблющимися элементами морального закона. Только там становится возможным объединение преобразованного виталического, физического и просветлённого ментального человека в том супраментальном духе, который является одновременно тайным источником и целью нашего ума, жизни и тела. Только там имеется какая-либо возможность абсолютной справедливости, любви и правоты — далеко не таких, какими мы себе их представляем — в единстве друг с другом в свете высшего божественного знания. Только там возможно примирение между нашими конфликтующими членами.

Другими словами, выше общественного внешнего закона и морального закона человека и за их пределами, являясь всё же объектом слабого и невежественного устремления неких их составляющих внутренних элементов, существует большая истина огромного безграничного сознания, закон божественный, к которому обе эти грубые и слепые формулировки приближаются нетвердыми шагами, пытаясь уйти от естественного закона животного к более величественному свету или мировому порядку. Эта божественная норма, поскольку бог в нас есть наш дух, движущийся к своему собственному тайному совершенству, должна стать высшим духовным законом и истиной нашей природы. Опять же, поскольку мы являемся воплощёнными в теле существами в мире и имеем совместное существование и общую природу, и в то же время являемся индивидуальными душами, способными непосредственно соприкоснуться с Трансцендентным, эта высшая истина нашего я должна иметь двоякий характер. Это должен быть закон и истина, которая открывает совершенное движение, гармонию, ритм великой одухотворенной коллективной жизни и полностью определяет наши отношения с каждым существом и всеми существами в разнообразном единстве Природы. Одновременно это должен быть закон и истина, которая открывает нам ежеминутно ритм и точные шаги непосредственного выражения Божественного в душе, уме, жизни и теле индивидуального существа [31](#). И мы на опыте обнаруживаем, что эти высший свет и сила действия в своем высшем выражении являются одновременно обязательным законом и абсолютной свободой. Это обязательный закон, потому что он управляет при помощи непреложной Истины каждым нашим внутренним и внешним движением. И в то же время, ежеминутно и при каждом движении абсолютная свобода Всевышнего управляет совершенной гибкостью нашей сознательной и

освобожденной природы.

Этический идеалист пытается открыть этот верховный закон в своих моральных данных, в несовершенных силах и факторах, относящихся к ментальной и этической формуле. И для того, чтобы поддерживать и организовать их, он выбирает основной принцип поведения по существу своему неверный и сконструированный интеллектом, утилитарностью, гедонизмом, рассудком, интуитивным сознанием или любой другой обобщенной нормой. Все такие попытки заранее обречены на провал. Наша внутренняя природа является прогрессирующим выражением вечного Духа и слишком сложной силой, чтобы быть связанной одним доминирующим ментальным или моральным принципом. Только супраментальное сознание может раскрыть для ее различных и конфликтующих сил их духовную истину и привести к гармонии все их расхождения.

Более молодые религии пытаются зафиксировать тип высшей истины поведения, создать систему и объявить закон Бога устами Аватара или пророка. Эти системы, более мощные и динамичные, чем сухая этическая идея, до сих пор большей частью являются не более чем идеалистическими восхвалениями морального принципа, освященными религиозными эмоциями и ярлыком сверхчеловеческого происхождения. Некоторые, вроде крайней Христианской этики, отвергаются Природой потому, что они безрезультатно настаивают на практически неосуществимых абсолютных правилах. Другие оказываются в конце концов эволюционными компромиссами и с течением Времени устаревают. Истинный божественный закон, в отличие от ментальных подделок, не может быть системой жестких этических предопределений, которые втискивают в свои чугунные изложницы все наши жизненные движения. Закон божественный есть правда жизни и правда духа и должен возвышать со свободной жизненной гибкостью и вдохновлять непосредственным прикосновением своего вечного света каждый шаг нашей деятельности и все сложности наших жизненных результатов. Он должен действовать не как правило или формула, но как охватывающее и проникающее сознательное присутствие, которое определяет все наши мысли, действия, чувства, импульсы воли своей неизменной силой и безошибочным знанием.

Более старые религии создали правление мудрых, афоризмы Ману и Конфуция, сложные Шастры, в которых они пытались объединить социальное правило и моральный закон с декларацией определенных вечных принципов нашей высшей природы в своего рода объединяющем сплаве. Все три [элемента] рассматривались на равных, как одинаковые выражения вечных истин, sanatana dharma. Но два элемента эволюционны и имеют временное действие, ментальные конструкции, человеческие прочтения воли Вечного; третий, привязанный и умеренный некоторыми социальными и моральными формулами, разделит участь своей формы. Или Шастра устаревает и должна быть постепенно изменена, или, наконец, отброшена, или она остается жестким препятствием для саморазвития индивидуума и расы. Шастра выдвигает коллективную и внешнюю норму; она игнорирует внутреннюю природу индивидуума, неопределимые элементы тайной духовной силы в нём. Но природу индивидуума нельзя игнорировать; ее требования неистощимы. Неограниченное потакание ее внешним импульсам приводит к анархии и разрушению, но подавление и насилие над свободой души при помощи фиксированного и механического правила приводит к стагнации или внутренней смерти. Не это насилие и внешнее принуждение, а свободное открытие его высочайшего духа и истины вечного движения — вот та высшая вещь, которую он должен открыть.

Более высокий этический закон открывается индивидуумом, его умом, волей и психическим чувством, а затем распространяется на расу. Верховный закон также должен быть открыт индивидуумом в своей душе. Только тогда, через влияние духа, а не при помощи ментальной идеи, может он распространиться на других. Моральный закон можно навязать как правило или как идеал многим людям, которые ещё не достигли такого уровня сознания или

такой тонкости ума, воли и психического чувства, при наличии которых это может стать для них реальностью и живой силой. Как идеал его можно уважать, не осуществляя на практике. В качестве правила его можно соблюдать чисто внешне, даже если внутренний смысл полностью отсутствует. Супраментальную и духовную жизнь нельзя таким образом механизировать; ее нельзя превратить в ментальный идеал или внешнее правило. Она имеет свои великие направления, но их необходимо сделать реальными, они должны являться работами активной Силы, которые ощущались бы в сознании индивидуума, и транскрипциями вечной Истины, способной преобразовать ум, жизнь и тело. И так как оно является столь реальным, эффективным, обязательным, обобщение супраментального сознания и духовной жизни есть единственная сила, которая может привести к индивидуальному и коллективному совершенству высших существ земли. Только когда мы обретаем постоянный контакт с божественным Сознанием и его абсолютной Истиной, становится возможным для какой-нибудь формы сознательного Божества, динамичного Абсолюта, возвысить наше земное существование и преобразовать его борьбу, преткновения, страдания и ложь в образ верховного Света, Силы и Ананды.

Кульминацией постоянного контакта души с Высшим является та самоотдача, которую мы называем преданием себя [32](#) божественной Воле и исчезновением отдельного эго в Едином, который есть всё. Широкая универсальность души, глубокое единство со всем является основным и неизменным условием супраментального сознания и духовной жизни. Только в этой всеобщности и единстве можно найти верховный закон божественного проявления в жизни воплощённого духа; только в этом можем мы обнаружить высшее движение и правильную игру нашей индивидуальной природы. Только в этом могут все эти низшие диссонансы прийти к победоносной гармонии истинных отношений между проявленными существами, которые являются частями одного Божества и детьми одной мировой Матери.

* * *

Всякое поведение и действие являются частью движения Силы, Силы [33](#) бесконечной и божественной по своему происхождению, тайному смыслу и воле, — даже если те формы ее, которые мы видим, кажутся бессознательными или невежественными, материальными, виталическими, ментальными, конечными, — которая работает над тем, чтобы постепенно выявить что-то от Божественного и Бесконечного в тёмной природе индивидуума и коллектива. Эта сила ведет к Свету, но всё ещё через Невежество. Сначала она ведет человека через его запросы и стремления, модифицированные и освещенные ментальным и моральным идеалом. Она готовит его [этим], чтобы повести к духовной реализации, которая превосходит эти вещи и в то же время претворяет и примиряет их во всём, что божественно верно в их духе и целях. Она преобразует нужды и желания в божественную Волю и Ананду. Она преобразует ментальные и моральные стремления в силы Истины и Совершенства, находящиеся за их пределами. Разрозненные усилия индивидуальной природы, страсти и раздоры отдельного эго она заменяет спокойным, основательным, гармоничным законом универсализированной личности внутри нас, центрального существа, духа, который является частью верховного Духа. Эта истинная Личность внутри нас, в силу своей универсальности, не ищет отдельного удовлетворения, но в своем внешнем выражении в Природе ищет только своего развития до своей настоящей высоты, своего внутреннего божественного Я, той трансцендентной духовной силы и присутствия в ней, которая едина со всем [сущим] и сочувствует каждой вещи и каждому созданию, каждой коллективной личности и силам божественного существования, и все же она превышает их и не

связана эгоизмом какого-либо существа или коллектива и не ограничена невежественным контролем их низшей природы. К этому высокому свершению направлены все наши поиски и усилия, и оно твердо гарантирует полное согласие и преобразование всех элементов нашей Природы. Чистая, тотальная и безошибочная деятельность возможна только после осуществления этого, когда мы достигнем высоты тайного Божества внутри нас.

Совершенное супраментальное действие не следует какому-то единственному принципу или ограниченному правилу. Вряд ли оно может соответствовать норме индивидуального эгоиста или какого-либо организованного группового разума. Она не будет отвечать требованиям ни положительного практического светского человека, ни формального моралиста, ни патриота, ни сентиментального филантропа, ни идеализирующего философа. Оно будет происходить в результате спонтанного истечения с высот в тотальности просветлённого и возвышенного бытия, воли, знания, а не в результате избранной, рассчитанной и стандартизированной акции, единственного, что может быть достигнуто интеллектуальным рассудком или этической волей. Единственной его целью будет выражение божественного в нас и поддержание мирового движения в направлении Пришествия [34](#), которое грядет. Это будет даже не столько цель и намерение, сколько спонтанный закон существа и интуитивное предопределение действия при помощи Света божественной Истины и ее автоматического влияния. Оно будет происходить как действие Природы, исходящее из стоящих за ней тотальной воли и знания, но воли и знания просветлённых в сознательной высшей Природе и уже не затемнённых в своей невежественной Пракрити. Это будет действие более не связанное двойственностью, но полное и обширное в беспристрастной радости существования духа. Счастливое и вдохновенное движение божественной Силы и Мудрости, руководящее нами и направляющее нас, заменит дилеммы и преткновения страдающего и невежественного эго.

Если бы можно было каким-то чудом божественного вмешательства сразу поднять человечество до этого уровня, то на земле настало бы нечто вроде Золотого Века преданий, Сатья Юга, Эра Истины или праведное существование. Ибо признаком Сатья Юги является то, что Закон спонтанен и сознателен в каждом существе и делает свое дело в полной гармонии и свободно. Единство и всеобщность, а не разделение, стало бы основой сознания расы; любовь стала бы абсолютной; равенство было бы совместимо с иерархией и отличалось бы совершенством, несмотря на различия; абсолютная справедливость была бы обеспечена, спонтанным действием существа в гармонии с истиной вещей и истиной своей и других и поэтому правильным и справедливым в своих результатах; правильный рассудок, уже не ментальный, а супраментальный, нашёл бы свое удовлетворение не в соблюдении надуманных норм, а в свободном автоматическом постижении правильных отношений и их неизбежном осуществлении в действии. Невозможными стали бы распри между индивидуумом и обществом или катастрофическая борьба между сообществами; космическое сознание, внедренное в воплощённые существа, обеспечило бы гармоничное разнообразие в единстве.

При нынешнем фактическом состоянии человечества восходить к этим высотам должен индивидуум, как пионер и предвестник. Его изолированность неизбежно придаст определённость и форму его внешней активности, которые будут в корне отличаться от сути и формы сознательно божественной коллективной деятельности. Внутреннее состояние, корни его действий будут такими же; но сами действия могут быть очень отличными от тех, которые были бы на земле, освобожденной от невежества. Тем не менее его сознание и божественный механизм его поведения, если такое слово может быть использовано в отношении такой свободной вещи, были бы такими же, как было описано, свободными от того подчинения виталической нечистоте, и желаниям, и неправильным импульсам, которое мы называем грехом, не связанными исполнением предписанных моральных формул, которое мы называем

праведностью, спонтанно уверенными, чистыми и совершенными в более великом сознании, чем умственное, руководимыми в каждом своём шаге светом и истиной Духа. Но если бы было возможно создать коллектив или группу из тех, кто достиг супраментального совершенства, то действительно могло бы образоваться какое-то божественное творение; [тогда] могла бы снизойти новая земля, которая стала бы новым небом, миром супраментального света среди существующей темноты этого земного невежества.

30 thought-will

31. Поэтому Гита дает определение "Дхарма", выражение, которое означает больше, чем религия или мораль, действие, контролируемое нашим сущностным способом само-бытия.
(Прим. Шри Ауробиндо)

32. surrender

33. a Power, a Force

34. the Manifestation

В СВЕТЕ этого постепенного проявления Духа, сначала по-видимому связанного с Неведением, затем свободного в силе и мудрости Бесконечного, мы можем лучше понять великое венчающее повеление Гиты Кармайогину, "Оставив все Дхармы, все принципы и законы и правила поведения, найди прибежище во мне одном". Все нормы и правила есть только временные конструкции, основанные на потребностях эго в его переходе от Материи к Духу. Эти временные состояния играют относительно важную роль, пока мы удовлетворяемся переходными стадиями, миримся с физическим и виталическим существованием, связаны с ментальным движением или даже достижениями уровней ментальности, в которых присутствуют проблески духовности. Но дальше уже простирается безграничный простор супраментального бесконечного сознания, и там уже нет никаких временных конструкций. Невозможно окончательно войти в духовную истину Вечного и Бесконечного, если у нас нет достаточно веры и мужества, чтобы вверить себя Господину всех вещей и Другу всех созданий и оставить навсегда наши ментальные границы и мерки. В какой-то момент мы должны без колебаний, без оглядки, без страха или сомнений броситься в океан свободного, бесконечного, Абсолютного. После Закона — Свобода; после личных, после общих, после вселенских стандартов есть что-то большее, безличная пластичность, божественная свобода, трансцендентная сила и божественный импульс. После прямого пути вверх — широкое плато на вершине.

Есть три стадии подъема, — у подножия телесная жизнь, порабощенная давлением необходимости и желания, в середине ментальное, высшее эмоциональное и психическое правило, которое стремится к более высоким интересам, вдохновениям, переживаниям, идеям, и на вершине сначала более глубокое психическое и духовное состояние, и затем супраментальное вечное сознание, в котором все наши надежды и искания находят свой собственный сокровенный смысл. В телесной жизни сначала желание и потребность, и затем практическая польза для индивидуума и общества являются определяющими соображениями, ведущей силой. В ментальной жизни управляют идеи и идеалы, идеи, которые являются полусветом и рядятся в одежды Истины, идеалы, формируемые умом в результате развивающейся, но все еще несовершенной интуиции и опыта. Как только ментальная жизнь начинает преобладать и ослабевает зверская настойчивость телесной жизни, человек как существо ментальное ощущает напор ментальной Природы, побуждающей придать жизни индивидуума форму в смысле идеи или идеала, и в конце концов даже менее определенная и более сложная жизнь общества вынуждена пройти этот тонкий процесс. В духовной жизни, или когда более высокая сила, чем Ум, проявилась и овладела природой, эти ограниченные побудительные мотивы уменьшаются, ослабевают, стремятся исчезнуть. Только духовное или супраментальное Я, Божественное Бытие, высшая и имманентная Реальность должна быть Господином внутри нас и свободно формировать наше окончательное развитие в соответствии с высочайшим, широчайшим, самым цельным, какое только возможно, выражением закона нашей природы. В конце концов эта природа действует в совершенной Истине и ее непосредственной свободе; ибо она повинуетя только лучезарной силе Вечного. Индивидууму больше не к чему стремиться, у него больше нет желаний; он стал частью безличности или всеобщей личности Вечного. Никакая другая цель, кроме проявления и игры Божественного Духа в жизни и поддержания и руководства миром, идущим к божественной цели, не может побудить его к действию. Ментальные идеи, мнения, конструкции более не имеют к нему отношения; ибо его ум впал в молчание, он только служит

каналом для Света и Истины божественного знания. Идеалы слишком узки для широты его духа; он — океан Бесконечного, которое течет через него и движет его вечно.

* * *

Тот, кто искренне хочет ступить на путь трудов, должен оставить позади себя ту стадию, на которой потребности и желания есть первый закон наших действий. Ибо какие бы желания все ещё ни тревожили его, он должен, если он поставил себе высокую цель Йоги, отбросить их от себя и предать их в руки Господа, пребывающего в нас. Верховная Мощь справится с ними на благо Садхака и на благо всех. В результате мы видим, что если однажды самоотдача совершена — но только если это делается искренне — эгоистическое потакание желанию может иногда возрождаться под постоянным воздействием прошлой природы, но только с тем, чтобы исчерпать остающуюся инерцию и научить воплощённое существо в его наименее поддающейся обучению части, в его нервной, виталической, эмоциональной природе посредством реакций, вызываемых желанием, своими печалью и беспокойствами, резко контрастирующими со спокойными периодами высшего мира или чудными движениями божественной Ананды тому, что эгоистическое желание не есть закон для души, которая ищет освобождения или стремится к своей собственной первоначальной природе бога. Впоследствии элемент желания в этих импульсах будет отброшен или настойчиво уничтожен постоянным отрицающим и трансформирующим давлением. Только чистая сила действия в них (*pravrtti*), оправданная таким же восторгом во всей деятельности и результатах, которые вызываются или навязываются сверху, сохранится в счастливой гармонии окончательного совершенства. Действовать, наслаждаться есть нормальный закон и право нервного существа; но выбирать по личному желанию свое действие и радость есть только его невежественная воля, но не право. Только высшая и вселенская Воля должна выбирать; действие должно превратиться в динамичное движение этой Воли; наслаждение должно смениться игрой чистой духовной Ананды. Любая личная воля есть либо временное явление сверху [35](#), или беззаконие невежественного Асура.

Общественный закон, вторая фаза нашего прогресса, есть средство, которому подчиняется эго, чтобы оно могло научиться дисциплине путем повиновения более широкому коллективному эго. Этот закон может быть совершенно лишен морального содержания и может отражать только потребности или практическую пользу для общества так, как каждое общество ее понимает. Или он может выражать эти потребности и эту пользу, но в измененном виде и окрашенный и дополненный высшим моральным или идеальным законом. Он дается развивающемуся, но еще не окончательно развившемуся индивидууму в форме общественного долга, семейных обязанностей, общественных или национальных требований, пока не приходит в конфликт с его растущим чувством высшей Справедливости. Но Садхака Карма-Йоги оставит и это тоже Господину трудов. После того, как он совершит самоотдачу, его социальные импульсы и суждения будут, как и его желания, использоваться только с тем, чтобы исчерпаться или, может быть до тех пор, пока они всё ещё необходимы, чтобы он мог отождествить свою низшую ментальную природу с человечеством вообще или с какой-то частью человечества в своей деятельности и надеждах и стремлениях. Но когда этот короткий промежуток времени закончится, они покинут его, и останется только прочное божественное правление. Он будет отождествлен с Божеством и с другими только через божественное сознание, а не через ментальную природу.

Ибо, даже когда он будет свободен, Садхака пребудет в мире, а быть в мире значит действовать. Не действовать без желания значит действовать на благо мира вообще, или для

определенного вида, или расы, или какого-то иного творения, которое должно появиться на земле, или кокой-то работы, которую Божественная Воля будет производить в нем. И это должно происходить либо в тех рамках, которые устанавливает окружение или та группа, в которой он родился или в которую попал, или же та, которая была выбрана для него или создана для него божественным волеизъявлением. Поэтому для нашего совершенства ничего не должно оставаться в ментальном бытии, что вступало бы в конфликт или мешало нашему сочувствию и нашему свободному отождествлению с тем видовым, групповым или каким бы то ни было коллективным выражением Божественного, которое оно должно направлять, которому оно должно помогать или служить. Но в конце концов это должно стать свободной самоидентификацией через тождество с Божественным, а не ментальной связью или моральной зависимостью союза или виталической ассоциацией, направляемой каким-либо личным, социальным, национальным, общинным или идеологическим эгоизмом. Если какой-то социальный закон и соблюдается, то не из физической необходимости или из чувства личного или общего интереса, или целесообразности, или из-за давления окружения, или из какого бы то ни было чувства долга, но только ради Господа творений и потому, что мы чувствуем или знаем, что именно Божественная Воля может сохранять социальный закон или правило или отношение в их настоящем виде как формулу для внутренней жизни, и умы людей не должны быть обеспокоены их нарушением. Если же, с другой стороны, социальный закон или правило или отношение не принимается во внимание, то это тоже делается не как уступка желанию, личной воле или личному мнению, а потому, что чувствуется присутствие более великого правила, которое выражает закон Духа, или потому, что известно, что в шестивии божественной Воли Всего [36](#) должно быть движение к изменению, выходу за пределы или уничтожению существующих законов и форм во имя более свободной более обширной жизни, необходимой для мирового прогресса.

Остаются еще моральный закон или идеал, и они, даже для тех многих, кто считает себя свободным, кажутся навечно священными и непостижимыми. Но Садхака, всегда обращающий свой взор к высотам, оставит их Ему, к кому стремятся, но не могут выразить совершенно или выражают фрагментарно все идеалы; все моральные качества — только плохая и неуклюжая пародия его естественного и безграничного совершенства. Связь с грехом и злом исчезает с уходом нервного желания, ибо она является свойством виталической страсти, импульсом или побуждением пристрастия в нас (*rajo guna*) и исчезает в результате трансформации этого Природного принципа [37](#). Но стремящийся не должен остаться в зависимости и от позолоченных или золотых цепей условной, привычной или ментально установленной или даже высокой и чистой саттвической добродетели. Ее место займет нечто более глубокое и более сущностное, чем второстепенное и неадекватное свойство, которое люди называют добродетелью. Первоначальный смысл этого слова — зрелость, и это нечто гораздо большее и глубокое, чем моральный ум и его конструкции. Завершение Карма-Йоги — это еще более высокое и глубокое состояние, которое можно было бы назвать "зрелость души" — ибо душа больше человека; свободная зрелость души, естественно наполняющая творения высшей Истины и Любви, придет на смену человеческой добродетели. Но эту высшую Истину нельзя втиснуть в мелкие доктрины практического рассудка или даже запереть в наиболее величавые сооружения более широкого формирующего понятия рассудка, навязывающего ограниченному человеческому интеллекту свои представления так, как будто они и есть чистая истина. Эта верховная Любовь совсем не обязательно будет согласовываться, а тем более уподобляться частичным и слабым, невежественным и управляемым эмоциями движениям человеческого влечения, сочувствия и жалости. Мелкие законы не могут ограничить мощное движение; частичное достижение ума не может диктовать свои условия верховной реализации души.

Сначала высшая Любовь и Истина совершают свое движение в Садхаке в соответствии с основным законом или способом существования его собственной природы. Ибо имеется определённый аспект божественной Природы, особая сила верховной Шакти, из которой его душа вошла в Игру, в действительности не ограниченная формами этого закона или способа существования, ибо душа бесконечна. Но всё же сама ее природа несет на себе эту печать, эволюционируя с наибольшей лёгкостью в этих направлениях и следуя в своих поворотах виткам спирали этого направляющего влияния. Он проявляет божественное движение Истины в соответствии с темпераментом мудреца, или подобного льву борца, или любовника и наслаждающегося, или работника и слуги, или в любой комбинации основных свойств (гун), которые могут составлять форму, данную его существу его собственной внутренней силой. Именно эту природу я, свободно играющую в его действиях, и увидят в нём люди, а не поведение, которое отмерено, очерчено, искусственно регулируется каким-либо менее важным правилом или каким-либо внешним законом.

Но есть и ещё более высокий уровень достижения, бесконечность (anantya), в которой даже это последнее ограничение превзойдено, поскольку природа полностью реализована, и границы, воздвигнутые ей, исчезают. Там душа живет без всяких границ; ибо она использует все формы и образцы в соответствии с божественной Волей, которая в ней, но она не сдерживается, она не привязана, она не заперта в какой-нибудь силе или форме, которой она пользуется. Это вершина, к которой ведет путь трудов и полная свобода души в ее действии. В действительности она там не действует; ибо все ее действия — это ритм Всевышнего, и они властно исходят только от него подобно музыке, самопроизвольно льющейся из Бесконечного.

* * *

Таким образом, полное предание нашей деятельности высшей и вселенской Воле, безусловное и безоговорочное подчинение всех деяний руководству чего-то вечного в нас, которое заменит обычную деятельность эгоистической природы, есть путь и цель Карма-Йоги. Но что есть эта божественная высшая Воля, и как она может быть распознана нашими заблуждающимися инструментами и нашим слепым заточенным интеллектом?

Обычно мы представляем себе самих себя как отдельное я во вселенной, которое направляет отдельное тело, ментальную и моральную природу, выбирает в полной свободе свои собственные самоопределяемые действия, и независимо, и, следовательно, полностью, распоряжается своей деятельностью и отвечает за неё. Обычному уму, уму, который не обдумывал и не заглядывал внутрь своего собственного строения и состава, и тяжело даже для ума, который об этом думал, но не обладает духовным видением и опытом, представить себе, как может быть что-нибудь в нас ещё более истинное, глубокое и более мощное, чем это очевидное я и его царство. Но самый первый шаг к самопознанию, как к истинному знанию явлений, — это шаг за видимую истину вещей, открытие настоящей, но замаскированной существенной и динамичной истины, которая скрывается за их внешностью.

Это эго или я не есть постоянная истина, и тем более не часть нашей сути; это только создание Природы, ментальная форма централизации мысли в воспринимающем и различающем уме, виталическая форма централизации чувства и ощущения в наших сферах жизни, форма физического сознательного восприятия, централизующего субстанцию и функцию субстанции в наших телах. Всё, что мы представляем собой внутренне, не есть эго, но есть сознание, душа или дух. Всё, что мы представляем собой внешне и поверхностно и то, что мы делаем, это не эго, а Природа. Исполнительная космическая сила придаёт нам форму и

навязывает через наш темперамент, окружение и ментальность, которую она сформировала, через наше индивидуальное соотношение космических энергий, наши действия и их результаты. На самом деле, мы не думаем, не изъявляем свою волю, не действуем, но мысли приходят к нам, воля приходит к нам, к нам приходит импульс и с нами случается действие; наше эго-чувство собирает вокруг себя, обращает на себя и соотносит с собой весь этот поток естественной деятельности. Это космическая Сила, это Природа формирует мысль, навязывает волю, придает импульс. Наше тело, ум и эго есть волна этого моря действующей силы, и не они управляют им, а оно управляет ими и направляет их. Садхака в своем движении к истине и самопознанию должен дойти до той точки, где душа открывает свои глаза видения и узнает эту истину эго и эту истину деятельности. Он отказывается от идеи ментального, виталического, физического я, которое действует или управляет деятельностью; он признает, что Пракрити, Сила космической природы, следующей своим установленным модусам, есть в нём, во всех вещах и существах один и единственный деятель.

Но что определяет и фиксирует разновидности Природы? От кого произошло и кто управляет движениями Силы? За нею стоит Сознание — или Сознательное, — и оно является господином, свидетелем, оно знает, наслаждается, поддерживает и является источником санкции для ее деятельности; это сознание есть Душа или Пуруша. Пракрити формирует наши действия; Пуруша в ней и за ней наблюдает, разрешает, несёт и поддерживает их. Пракрити формирует мысль в нашем уме; Пуруша в ней или за ней знает мысль и истину этой мысли. Пракрити определяет результат деятельности; Пуруша в ней или за ней наслаждается результатами или страдает от последствий. Пракрити формирует ум и тело, трудится над ними, развивает их; Пуруша поддерживает формирование и развитие и санкционирует каждый шаг ее деятельности. Пракрити применяет силу Воли, которая действует в вещах и людях; Пуруша приводит эту силу Воли в действие своим видением того, что должно быть сделано. Этот Пуруша есть не поверхностное эго, а безмолвное Я, источник Могущества, источник и приемник Знания, стоящий за эго. Наше ментальное я есть только фальшивое отражение этого Я, этой Мощи, этого Знания. Этот Пуруша или поддерживающее Сознание есть, следовательно, причина [всего], он принимает и поддерживает всё творение Природы, но сам не является деятелем. Пракрити, Сила Природы, стоящая впереди, и Шакти, Сила Сознания [38](#), Сила Души, стоящая за ней, — ибо они есть внутреннее и внешнее лица вселенской Матери, — отвечают за всё, что делается во вселенной. Вселенская Мать, Пракрити-Шакти является одним и единственным деятелем.

Пуруша-Пракрити, Сознание-Сила [39](#), Душа, поддерживающая Природу, — ибо они едины и неразделимы даже в своей отдельности — являются одновременно вселенской и трансцендентной Силой. Но есть нечто в индивидууме и такое, что не является ментальным эго, нечто единое по сути с этой большей реальностью: это чистое отражение или часть единого Пуруши; это Душа, Личность или воплощенное бытие, индивидуальное я, Дживатман; это Я, которое как будто ограничивает свою власть и знание так, чтобы поддержать индивидуальную игру трансцендентной и вселенской Природы. В самой глубокой реальности бесконечно Единое есть также бесконечно множественное; мы есть не только отражение или часть этого, но мы сами есть это; наша духовная индивидуальность в отличие от нашего эго не препятствует нашей всеобщности и трансцендентности. По пока наша душа или я в нас направлено на индивидуализацию в Природе и позволяет идее эго смущать себя; ему предстоит избавиться от этого невежества, познать себя как отражение, или часть, или бытие верховного и всеобщего Я и единственно центром его сознания в мировом действии. Но этот Джива Пуруша тоже не есть деятель трудов, не более чем эго или поддерживающее сознание Свидетеля и Знающего. Снова и всегда единственный деятель — это трансцендентная и вселенская Шакти. Но за ней есть

единственный Всевышний, проявляющийся через неё как двойственная сила, Пуруша-Пракрити, Ишвара-Шакти [40](#). Всевышний становится динамичным в качестве Шакти и через неё является единственным источником и Властелином творений во вселенной.

* * *

Если это есть истина трудов, первое, что должен сделать Садхака, это отвернуться от эгоистических форм деятельности и избавиться от чувства действующего я. Он должен видеть и чувствовать, что всё происходит в нём путем пластичного сознательного, или подсознательного, или иногда сверхсознательного автоматизма его ментальных и телесных инструментов, движимых силами духовной, ментальной, виталической и физической Природы. На его поверхности находится личность, которая выбирает и выражает свою волю, подчиняется и борется, пытается делать добро в Природе или властвовать над Природой, но эта личность сама есть творение Природы и как таковое подчиняется, направляется и определяется ею настолько, что не может быть свободна. Она является творением и выражением Я в ней, — она скорее есть я Природы, а не я своего Я, его природное и процессивное, а не его духовное и постоянное бытие, временно построенная персональность, а не истинная бессмертная Личность. Именно этой Личностью он должен стать. Он должен стать внутренне неподвижным, отстраниться как наблюдатель от внешней активной персональности и изучить игру космических сил в себе, отступив от всей ослепляющей поглощенности их поворотами и движениями. Так будучи безмолвным, отстранившись, изучая себя и будучи свидетелем своей природы, он осознает, что он есть индивидуальная душа, которая наблюдает за работой Природы, принимает спокойно ее результаты, и санкционирует или удерживается от санкции импульсов для ее действий. Сейчас эта душа или Пуруша не многим более чем непротестующий зритель, возможно и оказывающий влияние на действие и развитие бытия давлением своего завуалированного сознания, но большей частью делегируя свои силы или часть их внешней персональности, — фактически Природе, ибо это внешнее я является не господином, а подчинённым ей, anisa, но, как только она раскроется, она может сделать свои санкции или запреты действительными, стать хозяином действия, полновластно навязывать изменение Природы. Даже если долго, как результат установившихся связей и прошлых запасов энергии, привычное движение происходит независимо от согласия Пуруши, и даже если Природа настойчиво не принимает санкционированное движение из-за того, что у нее нет такой привычки, все же он обнаружит, что в конце концов его согласие или отказ играет главную роль, — медленно, с большим сопротивлением или быстро приспособив свои средства и тенденции, — она изменяет себя и свои труды в направлении, обозначенном его внутренним видением или волей. Таким образом он научается заменять ментальный контроль или эгоистическую волю на внутренний духовный контроль, который делает его хозяином сил Природы, которые действуют в нём, а не их бессознательным инструментом или механическим слугой. Над и вокруг него пребывает Шакти, вселенская Мать, и от неё он может получить все свои самые сокровенные душевные нужды и желания, если только он имеет истинное знание ее путей и истинно подчиняется божественной Воле в ней. Наконец, он осознает в себе и в Природе то высшее динамическое Я, которое является источником всего его видения и знания, источником санкции, источником притяжения и источником неприятия. Это частицей Господа, Всевышнего, Единого-во-всём, Ишвары-Шакти является его душа, бытием этого Бытия и силой этой Силы. Весь остальной наш прогресс зависит от нашего знания путей, в которых Господь трудов проявляет свою Волю в мире и в нас и исполняет их через трансцендентную и вселенскую Шакти.

Господь видит в своем всеведении то, что нужно сделать. Это видение есть его Воля, это есть форма творческой Силы, и то, что он видит, всеознающая Мать, единая с ним, берёт в своё динамическое я и воплощает, и исполнительная Сила Природы выполняет это в качестве механизма их всемогущего всеведения. Но это видение того, что должно быть и, следовательно, того, что следует сделать, происходит из самого бытия, выливается прямо из сознания и восторга существования Господа, спонтанно, подобно исходящему из солнца свету. Это не наша земная попытка увидеть, или наш трудный путь к истине действия и мотива, или просто требование Природы. Когда индивидуальная душа абсолютно едина в своем бытии и знании с Господом и непосредственно соприкасается с изначальной Шакти, с трансцендентной Матерью, верховная Воля также может проявиться в нас высшим божественным путем в качестве вещи, которая должна быть, и которая достигается непосредственным действием Природы. Тогда нет желания, нет ответственности, нет реакции; всё происходит в мире, покое, силе поддерживающего, обволакивающего и пребывающего Божества.

Но даже прежде, чем достигнуто это высочайшее приближение к тождеству, нечто от верховной Воли может проявиться в нас как настойчивое требование. Богом данное действие; тогда мы действуем посредством спонтанной самоопределяющей Силы, но более полное знание значения и цели возникает только потом. Или импульс к действию может появиться как вдохновение или интуиция, но скорее в сердце и теле, чем в уме; здесь появляется эффективное видение, но полное и точное знание ещё отсрочивается и наступает позже, если наступает вообще. Но божественная Воля может низойти также как сияющая единственная команда, или тотальное восприятие, или непрерывный поток восприятий того, что должно быть сделано, вливающийся в волю или в мысль, или как указание сверху, спонтанно выполняемое низшими членами. Когда Йога несовершенна, только некоторые действия могут быть произведены таким образом, или общее действие может идти таким путем, но только в периоды возвышения и просветления. Когда Йога совершенна, всё действие становится таковым. Мы действительно можем различать три стадии нарастающего прогресса, во время которых, сначала, личная воля иногда или часто вдохновляется или бывает движима верховной Волей или сознательной Силой, находящейся вне ее, затем постоянно заменена и, наконец, она сливается с этим божественным действием Силы. Первая стадия — это когда нами всё ещё управляет интеллект, сердце и чувства; они должны искать или ждать божественного вдохновения и руководства и не всегда находят или получают его. Вторая стадия — это когда человеческий интеллект все больше и больше заменяется высшим, просветлённым или интуитивным одухотворенным умом, внешнее человеческое сердце — внутренним психическим сердцем, чувства — очищенной и неэгоистичной виталической силой. Третья стадия наступает тогда, когда мы поднимаемся выше даже одухотворённого ума на супраментальные уровни.

На всех трех стадиях основной характер освобожденной деятельности одинаков, спонтанный труд Пракрити, не направленный больше через эго или для целей эго, но по воле и для наслаждения верховного Пуруши. На высшем уровне это становится Истиной абсолютного и вселенского Всевышнего, выражающейся посредством индивидуальной души и сознательно вырабатывающейся через природу, — больше не через полу-восприятие и уменьшенное и искажённое претворение спотыкающейся, невежественной и вседеформирующей энергией нашей низшей природы, а всемудрой трансцендентной и вселенской Матерью. Господь скрыл себя, свою абсолютную Мудрость и вечное Сознание в невежестве Силы Природы и выносит ее, чтобы двигать индивидуальное существо, при его соучастии в качестве эго; эта низшая деятельность Природы продолжает преобладать, часто даже вопреки человеческим наполовину тёмным несовершенным усилиям к более благородным побуждениям и более чистому самопознанию. Наши человеческие усилия в совершенствовании терпят неудачу, или

прогрессируют очень неполно в силу прошлой деятельности Природы в нас, благодаря ее предыдущим формированиям, ее укоренившимся связям; только когда более великое Знание или Сила, чем наша собственная, пробьется через преграду нашего невежества и поведёт нас, или возвысит нашу личную волю, только тогда эти усилия поведут к истинному и высшему успеху. Ибо наша человеческая воля является обманывающимся и блуждающим лучом, отделённым от верховного Могущества. Период медленного проявления из этой низшей деятельности в более высокий свет и более чистую силу является долиной теней смерти для стремящегося к совершенству; это ужасный путь, полный испытаний, страданий, скорби, неизвестности, препятствий, ужасов и провалов. Необходимо сократить и облегчить это тяжёлое испытание или пронизать его божественным восторгом веры, всё возрастающей капитуляцией ума перед знанием, которое возникает изнутри и, поверх всего, — истинное вдохновение и правильная, непоколебимая и искренняя практика. "Практикуй Йогу непоколебимо, — говорит Гита, — с сердцем, свободным от слабодушия", ибо, хотя на ранних стадиях пути мы пьём от горького яда внутренних расстройств и страданий, то в конце вкус этой чаши является сладостью нектара бессмертия и медвяного вина вечной Ананды.

35. a temporary delegation from on high

36. All-Will

37. mode of Nature

38. Conscious-Force

39. Consciousness-Force

40. Ишвара-Шакти не совсем то же, что Пуруша-Пракрити; ибо Пуруша в Пракрити — отдельные силы, а Ишвара и Шакти содержат друг друга. Ишвара есть Пуруша, который содержит Пракрити и управляет посредством силы Шакти в нём. Шакти есть Пракрити, одушевлённая Пурушей, и которая девствует по воле Ишвары, которая является ее собственной волей и чье присутствие в ее движении она всегда несет с собой. Реализация Пуруши-Пракрити необходима в первую очередь для ищущего на Пути Трудов; ибо именно разделение сознательного бытия и Энергии и подчинение бытия механизму Энергии и есть настоящая причина нашего невежества и несовершенства; путем этой реализации бытие может освободиться от механического действия природы, стать свободным и впервые получить духовный контроль над природой. Ишвара-Шакти стоит за отношением Пуруша-Пракрити и его невежественным действием и обращает его к целям эволюции. Реализация Ишвары-Шакти может дать возможность участия в высшем динамизме, божественных трудах и всеобщем единстве и гармонии бытия в духовной природе. (Прим. Шри Ауробиндо)

ПОЛНОЕ самопосвящение, полная ровность, беспощадное стирание эго, преобразующее освобождение природы от невежественных форм действия есть те ступени, благодаря которым может быть подготовлено и достигнуто подчинение всего бытия и природы Божественной Воле, — самоотдача истинная, полная и беспредельная. Первая необходимость — это полный дух самопосвящения в наших трудах; сначала это должно стать постоянной волей, затем укоренившейся во всём бытии необходимостью, в конце концов его автоматической, но живой и сознательной привычкой, самосуществующим побуждением осуществлять все действия как жертву Всевышнему и скрытой Силе, присутствующей в нас, и во всех существах, и всех творениях вселенной. Жизнь есть алтарь этой жертвы, действия это наши предложения; трансцендентная и вселенская Сила и Присутствие, все ещё скорее чувствуемые и увиденные мельком, чем узнанные и наблюдаемые нами, — это Божество, которому они предложены. Эта жертва, это самопосвящение имеют две стороны; есть сама работа и есть дух, в котором она выполняется, дух поклонения Господину Трудов во всём, что мы видим, думаем и переживаем.

Работа сама по себе сначала определяется лучшим светом, которым мы можем располагать в нашем невежестве. Это то, что мы представляем себе, как вещь, которую следует сделать. И примет ли это форму нашего чувства долга, наших чувств к нашим братьям, нашей идеи блага для других или блага для мира, или указания того человека, которого мы принимаем как Мастера, более мудрого, чем мы и являющегося для нас представителем Господа всех трудов, в которого мы верим, но которого мы ещё не знаем, принцип [остаётся] один и тот же. Необходимо наличие сути жертвы трудов, а сутью является отдача всякого желания плодов нашего труда, отречение от всякой привязанности к результату, ради которого мы тем не менее работаем. Ибо пока мы работаем с привязанностью к результату, жертва предлагается не Божеству, а нашему эго. Мы можем думать по другому, но мы вводим себя в заблуждение; мы превращаем нашу идею Божественного, наше чувство долга, наши чувства к своим братьям, нашу идею того, что хорошо для мира и для других, даже наше послушание Мастеру в прикрытие наших эгоистических удовлетворений и предпочтений и в благовидный щит против выдвигаемого требования искоренить всякое желание из нашей природы.

На этой стадии Йоги и даже на протяжении всей Йоги эта форма желания, эта форма эго является врагом, против которого мы должны всегда быть на страже с неусыпной бдительностью. Мы не должны разочаровываться, когда мы найдем его таящимся в нас и маскирующимся всеми возможными способами, но мы должны быть бдительны, чтобы обнаружить его во всех его масках и безжалостны в уничтожении его влияния. Просветляющее Слово этого движения есть решающая линия Гиты, "На действие есть у тебя право, но никогда и ни при каких условиях на его плод". Плод принадлежит только Господу всех трудов; наше единственное дело это подготовить успех истинным и старательным действием и предложить его, если он придёт, божественному Хозяину. Затем, даже если мы самоотреклись от привязанности к плоду, мы должны отречься от привязанности к работе; в любой момент мы должны быть готовыми изменить одну работу, одно направление или одно поле действия на другое, или оставить все действия, если таково ясное приказание Владыки. Иначе мы действуем не для него, а для нашего удовлетворения и удовольствия в работе, от кинетической природной потребности в действии или для реализации наших склонностей; но это всё остановки и убежища эго. Как бы они ни были необходимы для нашего обычного движения жизни, они должны быть оставлены в росте духовного сознания и замещены божественными аналогами:

Ананда, безличный и направляемый Богом восторг изгонит или вытеснит неозаренное виталическое удовлетворение и удовольствие, полное радости движение Божественной Энергии — кинетическую потребность; реализация склонностей не будет больше целью или необходимостью, вместо этого будет выполнение Божественной Воли через естественную динамическую истину в действии свободной души и озарённой природы. В конце, когда привязанность к плоду наших трудов и к самой работе удалена из сердца, также последняя цепляющаяся привязанность к идее и чувству нас самих как деятелей должна быть оставлена. Мы должны знать и чувствовать божественную Шакти над нами и в нас как истинного и единственного труженика.

* * *

Самоотречение от привязанности к действию и его плоду является началом широкого движения к абсолютной ровности в уме и душе, которая должна стать всеохватывающей, если мы собираемся стать совершенными в духе. Ибо поклонение Господу трудов требует ясного признания и радостного узнавания его в нас, во всех вещах и во всём происходящем. Ровность есть знак этого обожания; для души это та основа, на которой могут быть совершены жертва и поклонение. Господь здесь присутствует равно во всех существах, и мы не должны делать существенного различия между нами и другими, мудрым и невежественным, другом и врагом, человеком и животным, святым и грешником. Мы никого не должны ненавидеть, никого не должны презирать, ничто не должно нас отталкивать; ибо во всем мы должны видеть Единого, замаскированного или проявленного для его удовольствия. Он немного раскрыт в одном, больше в другом, или скрыт и полностью искажен в иных согласно его желанию и его знанию — что есть лучшее для того, чем он собирается стать в форме в них и что сделать в работе в их природе. Всё есть наше я, одно я, принявшее много форм. Ненависть, неприязнь, презрение и отвращение, цепляние, привязанность и предпочтение естественны, необходимы и неизбежны на определенной ступени: они служат или они помогают делать и поддерживать Природный выбор в нас. Но для Кармайогина они являются пережитком, преградой, процессом Неведения и, по мере его прогресса, они отпадают от его природы. Душа-ребёнок нуждается в них для роста; но они отпадают от взрослой [души] в божественном возрастании. В природе Бога, к которой мы должны подняться, может быть несокрушимость, даже разрушительная суровость но не ненависть, божественная ирония но не презрение, спокойный, ясновидящий и сильный отказ, но не отвращение и антипатия. Даже то, что мы должны уничтожить, мы не должны ненавидеть или отказаться признать как замаскированное и временное движение Вечного.

И так как все вещи есть единое Я в его проявлениях, мы будем иметь ровность души по отношению к уродливому и красивому, искалеченному и совершенному, благородному и грубому, приятному и неприятному, добру и злу. Здесь так же не будет ненависти, презрения или отвращения, но вместо этого — ровный взгляд, который видит все вещи в их действительном характере и их назначенном месте. Ибо мы будем знать, что все вещи выражают или маскируют, развивают или искажают, так хорошо, насколько они могут, или с неким изъяном, если так они должны, при обстоятельствах предназначенных для них, возможным для нынешнего статуса, или функции, или эволюции их природы путём, некоторую истину или факт, некоторую энергию или потенцию Божественного необходимую уже благодаря своему присутствию в постепенном проявлении как для всей целостности настоящей суммы вещей, так и для совершенства конечного результата. Эта истина есть то, что мы должны искать и раскрывать за преходящим выражением; несдерживаемые видимостями, недостатками и

искажениями выражения, мы можем тогда поклоняться Божественному незапятнанному, чистому, прекрасному и совершенному за его маски. Всё, действительно, должно быть изменено, принята не уродливость, но божественная красота, не несовершенство должно стать местом нашего пребывания, но совершенство, к которому стремились, высшее добро сделано универсальной целью, а не зло. Но то, что мы делаем, должно быть сделано с духовным пониманием и знанием, и именно божественное добро, красота, совершенство, наслаждение есть то, за чем должно следовать, а не человеческие стандарты этих вещей. Если у нас нет ровности, это знак, что Невежество все еще преследует нас, мы действительно ничего не поймём, и более чем вероятно, что мы разрушим старое несовершенство только чтобы сотворить новое: ибо мы подменяем оценками нашего человеческого ума и души желаний божественные значения.

Ровность не означает дополнительного невежества или слепоты; она не призывает и не нуждается в придании видению серости и стиранию всех оттенков. Различие остаётся, разнообразие выражения остаётся, и это разнообразие мы будем ценить, — намного более справедливо, чем когда взгляд был покрыт облаком частичной и ошибочной любви и ненависти, восхищения и презрения, сочувствия и антипатии, влечения и отвращения. Но за разнообразием мы будем всегда видеть Полного и Неизменного, который пребывает в нём, и мы будем чувствовать, знать, или, в крайнем случае, если это скрыто от нас, верить в мудрую цель и божественную необходимость конкретного проявления, кажется ли это нашим человеческим стандартам гармоничным и совершенным или грубым и незаконченным, или даже Ложным и злым.

И таким образом мы также будем обладать той же ровностью ума и души по отношению ко всем событиям, болезненным или приносящим удовольствие, поражению и успеху, чести и бесчестью, хорошей репутации и плохой репутации, удаче и невзгодам. Ибо во всём случающемся мы должны видеть волю Господина всех трудов и результатов, и новый шаг в развивающемся проявлении Божества. Он проявляет себя тем, кто имеет видящий внутренний глаз, в силах, их игре и результатах так же, как в вещах и в созданиях. Все вещи движутся к божественному событию; каждый опыт, страдание и необходимость не менее, чем радость и удовлетворение, являются необходимым связующим звеном в осуществлении вселенского движения, которое мы должны понять и поддержать. Восставать, осуждать, плакать — это импульсы наших несдержанных и невежественных инстинктов. Бунт как и всё другое имеет своё приложение в игре и даже необходим, полезен, предписан для божественного развития в своё время и на своей стадии; но движение невежественного восстания принадлежит к периоду детства души или к [её] неопытной юности. Зрелая душа не осуждает, но ищет понимания и господства, не рыдает, но принимает или усиленно трудится чтобы улучшить и совершенствовать, не восстает внутри, но старается подчиняться, выполнять и преобразовывать. Таким образом с ровной душой мы получим все вещи из рук Владыки. Неудачу мы примем так же спокойно, как и удачу, — в качестве продолжения движения в направлении того часа, когда придет божественная победа. Наши души, умы и тела останутся непотревоженными острой скорбью, страданиями и болью, если в божественном произволении они придут к нам, и не будут пересилены сильнейшей радостью и удовольствием. Таким образом высочайше сбалансированные, мы стабильно продолжим на нашем пути встречать все вещи с одинаковым спокойствием, пока мы не подготовимся к более высокому состоянию и сможем войти в верховную и вселенскую Ананду.

Эта ровность не может прийти иначе как путем длительных тяжёлых испытаний и терпеливой самодисциплины; пока сильно желание, ровность не может прийти вообще, кроме как в периоды спокойствия и усталости желания, и тогда это более похоже на инертное безразличие или временный откат желания, чем на настоящее спокойствие и позитивное духовное единство. Более того, эта дисциплина или этот рост ровности духа имеет свои необходимые эпохи и ступени. Обычно мы должны начинать с периода стойкости; ибо мы должны научиться противостоять, претерпевать и поглощать все контакты. Каждая фибра в нас должна быть научена не шарахаться от того, что причиняет боль и отталкивает, и не бежать охотно к тому, что приятно и привлекает, но принимать, встречать, выносить и покорять. Мы должны быть достаточно сильными вынести все прикосновения, не только те, которые являются естественными и личными для нас, но и те, что рождены из нашей симпатии или нашего конфликта с мирами вокруг, вверху или внизу, и с их обитателями. Мы будем спокойно выносить действия и удары, наносимые нам людьми, вещами и силами, давление Богов и оскорбления Титанов; мы должны встречать и поглощать в незамутненных морях нашего духа всё, что возможно придёт к нам на путях бесконечного опыта души. Это стоический период подготовки ровности, ее самая элементарная и всё же героическая эпоха. Но эта прочная стойкость плоти, сердца и ума должна быть усилена постоянно поддерживаемым чувством духовного подчинения божественной Воле: эта живая глина должна покоряться не только с суровой или мужественной покорностью, но со знанием или со смирением, даже в страдании, прикосновению божественной Руки, которая готовит ее совершенство. Мудрый, благоговейный или даже нежный стоицизм любящего Бога возможен, и это лучше, чем просто языческая самоуверенная выносливость, которая может привести к слишком большому затвердению Божьего сосуда: для него готовится сила, способная на мудрость и любовь; его безмятежность есть глубоко внедрённый покой, легко переходящий в блаженство. Достижение этого периода смирения и стойкости есть сила души, ровная ко всем потрясениям и контактам.

Следующим идет период высокой беспристрастности и безразличия, во время которого душа становится свободной от ликования и депрессии и избегает ловушки желания радости, как и тёмной сети острой боли печали и страданий. Все вещи, личности и силы, все мысли, чувства, ощущения и действия, свои собственные не менее чем чужие, рассматриваются сверху духом, который остаётся нетронутым и неизменным, и которого не волнуют эти вещи. Это философский период приготовления ровности, широкое и величественное движение. Но безразличие не должно превратиться в инертный отход от действия и опыта; это не должно быть антипатией, рожденной из усталости, отвращения или неприязни, бегством разочарованного и пресыщенного желания, угрюмостью расстроенного и неудовлетворенного эгоизма, силой отвращенного от его страстных целей. Эти отходы неизбежно происходят в незрелой душе и могут некоторым образом помочь прогрессу, обескураживая движимую желанием виталическую природу, но они не есть то совершенство, ради которого мы работаем. Безразличие или беспристрастие, которых мы ищем, это спокойное превосходство высоко поднятой души над контактами с вещами; она рассматривает и принимает или отвергает их, но не затрагивается [ими] в отвержении и не подчиняется [им] в приятии. Она начинает чувствовать себя рядом, родственной, единой с молчаливым Я и Духом, сомосуществующей и отделённой от работ Природы, которые она поддерживает и делает возможными, частью или слившейся с неподвижной спокойной Реальностью, которая превосходит движения и действия вселенной. Цель этого периода высокой трансценденции есть непоколебимый и непотрясаемый приятными течениями или буйными волнами и лавинами мирового движения мир души.

Если мы можем пройти через эти две ступени внутреннего изменения не задерживаясь и не застревая ни в той, ни в другой, то мы входим в великую божественную ровность, которая

способна на духовное рвение и спокойную страсть восторга, восхитительную, все понимающую и всем обладающую ровность совершенной души, интенсивность и даже широту и полноту ее бытия, обнимающего все вещи. Это высший период, и он достигается через радость полной самоотдачи Божественному и вселенской Матери. Ибо сила тогда увенчается счастливым господством, мир углубится до блаженства, обладание божественным Покоем возвышается и закладывает основу обладанию божественным движением. Но если это великое совершенство должно наступить, то беспристрастность души, смотрящей сверху вниз на поток форм, личностей, движений и сил должна быть модифицирована и изменена в новый смысл сильного и спокойного подчинения и мощной и интенсивной отдачи. Это подчинение больше не будет смиренным согласием, но радостным приятием: здесь не будет ощущения страдания, или несения нами ноши или креста; любовь, восторг и радость самоотдачи будет его блистающей тканью. И это подчинение будет не только божественной Воле, которую мы постигаем, принимаем и которой покоряемся, но божественной Мудрости в Воле, которую мы узнаём, и божественной Любви в ней, которую мы чувствуем и восторженно претерпеваем, мудрость и любовь высшего Духа и Я нас самих и всех, с которыми мы достигаем счастливого и совершенного единства. Одинокая сила, мир и тишина есть последнее слово философской ровности мудреца; но душа в ее интегральном опыте освобождает себя от этого самосозданного статуса и вступает в море верховного и всеобъемлющего экстаза безначального и бесконечного блаженства Вечного. Тогда наконец мы способны принимать все контакты с блаженной ровностью, потому что мы чувствуем в них прикосновение нерушимой Любви и Восторга, абсолютное счастье, которое всегда скрыто содержится в сердце вещей. Достижением этой кульминации во вселенском и ровном восхищении является восторг души и открытие ворот Блаженства, которое бесконечно, Радости, которая превосходит всякое понимание.

* * *

Прежде чем уничтожение желания и завоевание ровности души сможет дойти до абсолютного совершенства и дать свои плоды, должен быть завершен тот этап духовного движения, что ведёт к уничтожению чувства эго. И для действующего отречение от эгоизма действия есть самый важный элемент в этом изменении. Ибо даже когда, поднося плоды и желание плодов Господину Жертвы, мы расстались с эгоизмом раджасического желания, мы можем всё ещё сохранять эгоизм работника. Мы всё ещё подчинены чувству, что мы сами есть свершители действия, сами его источник и сами податели санкции. Это всё ещё я, которое выбирает и определяет, это всё ещё я, которое принимает ответственность и чувствует недостатки или достоинства. Полное устранение этого разделяющего чувства эго есть существенная цель нашей Йоги. Если какое-либо эго и должно остаться в нас на некоторое время, то это только та его форма, которая знает себя как форму и готова исчезнуть, как только в нас проявится или будет построен истинный центр сознания. Этот истинный центр есть блистающее формирование единого Сознания и чистый канал и инструмент единого Существования. Поддержка для индивидуального проявления и действия всеобщей Силы, он постепенно раскрывает за собой истинную Личность в нас, центральное вечное бытие, вечное бытие Всевышнего, мощь и часть трансцендентной Шакти [44](#).

Здесь также, в этом движении, которым душа постепенно освобождает себя от тёмных покровов эго, прогресс имеет известные стадии. Ибо не только плод трудов принадлежит Господу; наши труды также должны принадлежать ему; поистине он есть Господь наших действий не менее, чем наших результатов. Это мы должны видеть не только одним думающим

умом, это должно стать полностью истинным для всего нашего сознания и воли. Садхака должен не только думать и знать, но видеть и чувствовать конкретно и интенсивно, даже в момент работы, в ее начале и в ее процессе, что его работы совсем не его, но приходят через него от Верховного Существования. Он должен всегда осознавать Силу, Присутствие, Волю, которые действуют через его индивидуальную природу. Но здесь при обращении к этому есть опасность, что он может перепутать свое замаскированное и возвысившееся эго или несовершенную силу с Господом и подменить требованиями этого эго верховные предписания. Он может попасть в обычную ловушку этой низшей природы и, исказив, превратить свою предполагаемую отдачу высшей Силе в предлог для преувеличенного и неконтролируемого потворства своей собственной воле и даже своим страстям и желаниям. Требуется огромная искренность, и она должна быть наложена не только на сознательный ум, но ещё более на засознательную [45](#) нашу часть, полную скрытых движений. Ибо именно здесь, особенно в нашей засознательной виталической природе, пребывает неисправимый обманщик и актер. Садхака должен сначала далеко подвинуться в уничтожении желаний и в твёрдой ровности его души ко всем трудам и всем событиям, прежде чем он сможет полностью возложить ношу его трудов на Божество. В любой момент он должен бдительно следить за обманными трюками эго и ловушками пытающихся сбить с пути Сил Тьмы, которые всегда представляют себя как единственный источник Света и Истины и облачаются в подобию божественных форм, чтобы завладеть душой ищущего.

Сразу же он должен предпринять дальнейший шаг — перевести себя в позицию Свидетеля. В стороне от Пракрити, безличный и бесстрастный, он должен наблюдать исполняющую Природную Силу в работе внутри него и понимать ее действия; он должен учиться путем этого разделения узнавать игру ее вселенских сил, различать ее чередования света и тьмы, божественного и небожественного, и обнаруживать ее огромные грозные Силы и Существа, использующие невежественное человеческое создание. Природа работает в нас, говорит Гита, через тройное качество Пракрити, качество света и добра, качество страсти и желания и качество темноты и инертности. Ищущий должен различать, как безучастный и пронизательный свидетель всего, что происходит в этом царстве его природы, раздельное и комбинированное действие этих качеств; он должен проследить работу космических сил в нём через весь лабиринт их тонких невидимых процессов и масок, и знать каждый поворот этого лабиринта. Когда он продвинется в этом знании, он сможет стать дающим санкцию и больше не оставаться невежественным инструментом Природы. Сначала он должен заставить Природную Силу в ее действии на его инструменты подавить работу его двух низших качеств и подчинить их качеству света и добра, и затем он должен снова убедить ее предложить себя так, чтобы все три могли быть преображены высшей Силой в их божественные эквиваленты, верховный покой и тишину, божественное просветление и блаженство, вечный божественный динамизм, Тапас. Первая часть этой дисциплины и изменения в основном может быть прочно сделана волей ментального существа в нас; но ее полное исполнение и соответствующая трансформация могут быть проделаны только когда глубинная психическая душа увеличит свою способность воздействия на природу и заменит ментальное бытие в качестве ее правителя. Когда это произойдет, он будет готов совершить, не только с устремлением и намерением, и изначальным и постепенным оставлением [я 46](#), но с наиболее интенсивной действенностью динамической самоотдачи, полное самоотречение от своих трудов для Верховной Воли. Постепенно его ум несовершенного человеческого интеллекта будет замещен духовным и просветлённым умом, и он может в конце войти в супраментальный Свет Истины [47](#); он не будет тогда больше действовать из своей природы Невежества с ее тремя формами перепутанной и несовершенной активности, но из божественной природы духовного покоя, света, силы и блаженства. Он будет действовать не из

смеси невежественного ума и воли с побуждениями даже ещё более невежественного сердца эмоций и желаниями виталического существа, толчками и инстинктами плоти, но сперва из одухотворенного я и [его] природы и, в конце, из супраментального Сознания Истины [48](#) и его божественной силы сверхприроды.

Таким образом становятся возможными финальные ступени, когда вуаль Природы спадёт и ищущий окажется лицом к лицу с Владыкой всего существования, и его действия сливаются с действиями верховной Энергии, которая чиста, истинна, совершенна и блаженна навеки. Таким образом он может полностью отречься от своих работ для супраментальной Шакти, также как и от плодов его трудов, и действовать только как сознательный инструмент вечного Работника. Более не давая санкций, он скорее будет получать в свои инструменты и следовать находящемуся в ее руках божественному Наказу. Больше не трудясь (сам], он примет их исполнение через себя ее неспящей Силой. Больше не желая реализации своих собственных ментальных конструкций и удовлетворения его собственных эмоциональных желаний, он будет повиноваться и участвовать во всемогущей Воле, которая есть также всезнающее Знание и таинственная, магическая и неизмеримая Любовь, и обширное бездонное море вечного Блаженства Существования.

44. amsah sanatanah, para praktir jivabhuta

45. sublimina

46. self-abandonment

47. Truth-Light

48. Truth-Consciousness

ПРЕВЗОЙТИ природное действие низшей Пракрити неизбежно для души, если она должна стать свободной в своём я и свободной в своих трудах. Гармоническое подчинение фактической вселенской Природе — условие хорошей и совершенной работы для природных инструментов — не есть идеал для души, которая должна скорее подчиняться Богу и его Шакти, но господствовать над своей собственной природой. Как представитель или канал Верховной Воли, она должна определять своим видением и санкцией или отказом использование хранилища энергии, условий окружающей среды, ритма комбинированного движения, которые предоставляет Пракрити для работы природных инструментов ума, жизни и тела. Но над этой несовершенной Природой можно господствовать только в том случае, если она преодолена или используется сверху. И это может быть сделано только путём превосходения ее сил, качеств и форм действия; в противном случае мы беспомощно подчиняемся ее условиям, и она доминирует над нами, несвободными в духе.

Идея трёх основных форм [49](#) Природы есть творение древних Индийских мыслителей, и ее истина не сразу очевидна, потому что она является результатом длительного психологического эксперимента и глубокого внутреннего опыта. Поэтому без долгого внутреннего опыта, без личного самонаблюдения и интуитивного восприятия Природных сил ее трудно правильно ухватить или надёжно использовать. Тем не менее существуют определённые широкие показатели, которые могут помочь ищущему на Пути Трудов понять, анализировать и контролировать своим согласием или отказом комбинации его собственной природы. Эти формы называются в Индийских книгах качествами, гунами, и им даны имена *sattva*, *rajas*, *tamas*. Саттва это сила равновесия и переводится в термины качества как добро, гармония, счастье и свет; Раджас есть сила кинезиса и переводится в качество как борьба и усилие, страсть и действие; Тамас есть сила бессознательности и инерции, и переводится в качество как темнота, неспособность и бездействие. Обычно используемые для психологического самоанализа, эти определения имеют силу также в физической Природе. Каждая вещь и каждое существование в низшей Пракрити содержит их, и его процессы и динамические формы есть результат взаимодействия этих качественных сил.

Каждая форма вещей, живая или неживая, есть постоянно сохраняемое равновесие природных сил в движении, и оно подчинено бесконечному потоку помогающих, беспокоящих или разделяющих и раздробляющих контактов, приходящих от других сочетаний сил, окружающих его. Наша собственная природа ума, жизни и тела есть ничто иное, как такое формирующее сочетание и равновесие. В получении окружающих контактов и реакции на них три модуса определяют характер получающего и характер ответа. Инертный и неспособный, он может претерпевать их безо всякой ответной реакции, любого движения самозащиты или какой-либо способности ассимиляции и приспособления; это форма Тамаса, путь инерции. Отличительным клеймом Тамаса являются слепота и бессознательность, неспособность и невежество, лень, вялость, бездействие, механическая рутинность и тупость ума, сон жизни и дремота души. Его воздействие, если оно не откорректировано другими элементами, не может быть ничем, кроме распада формы или разрушения равновесия природы без какого-либо нового созидания, или нового равновесия, или силы кинетического прогресса. В сердце этого инертного бессилия лежит принцип невежества и неспособности или ленивого нежелания понимать, ухватить и управлять стимулирующим или атакующим контактом, предложением окружающих сил и их побуждением к новому опыту и переживанию.

С другой стороны, реципиент Природных контактов, затронутый и стимулированный, подстрекаемый или атакованный ее силами, может среагировать на давление или против него. Она позволяет, поощряет, принуждает его к борьбе, сопротивлению, попытке, к покорению или завладению его окружением, утверждению его воли, к борьбе, творчеству и завоеванию. Это форма Раджаса, путь страсти, действия и жажды желания. Борьба, изменение и новое творение, победа и поражение, радость и страдание, надежда и разочарование — это его дети, составляющие многоцветный дом жизни, в котором он черпает свое удовольствие. Но его знание — несовершенное или ложное знание, и оно приносит с собой невежественное усилие, ошибку, постоянное неправильное приспособление, боль привязанности, разочарованное желание, печаль потери и неудачи. Дар Раджаса — кинетическая сила, энергия, активность, мощь, которая создаёт, действует и может побеждать; но она движется в неверном свете или полусвете Неведения, и она извращена прикосновением Асура, Ракшаса и Пишача [50](#). Высокомерное невежество человеческого ума, его самоудовлетворённые извращения и самонадеянные ошибки, гордость, тщеславие и амбиция, жестокость, тирания, животный гнев и насилие, эгоизм, низость, лицемерие, вероломство и низкая подлость, похоть, жадность и прожорливость, ревность, зависть и бездонная неблагодарность, которые обезображивают земную природу, есть естественные дети этого неотъемлемого, но сильного и опасного склада Природы.

Но воплощённое существо не ограничено этими двумя формами Праkritи; есть лучший и более светлый способ иметь дело с окружающими влияниями и потоком мировых сил. Здесь возможно восприятие и реакция с ясным пониманием, равновесием и балансом. Этот путь природного существа имеет силу, которая, благодаря своему пониманию, сочувствует; она постигает, контролирует и развивает побуждение Природы и ее методы: у него есть интеллект, который проникает в ее процессы и ее значения и способен ассимилировать и применять; есть ясный ответ, который не подавлен, но приспособливает, исправляет, гармонизирует, выявляет лучшее во всех вещах. Это форма Саттвы, сторона Природы полная света и уравновешенности, направленная к добру, знанию, наслаждению и красоте, к счастью, правильному пониманию, правильному равновесию, правильному порядку: ее темперамент есть изобилие яркой чистоты знания и светящейся теплоты сочувствия и близости. Изящество и освещённость, управляемая энергия, завершённая гармония и уравновешенность всего существа есть превосходное достижение саттвической природы.

Ни одно существование не брошено целиком в единственную форму какой-либо из этих модификаций космической Силы; все три присутствуют везде и в каждом. Имеет место постоянная комбинация и разделение их сдвигающихся соотношений и взаимопроникающих влияний, часто конфликт, соревнование сил, борьба с целью доминировать над другими. Все имеют в большей или меньшей степени, даже иногда и по минимуму, который с трудом можно оценить, саттвические состояния, ясные пути и зачаточные тенденции света, чистоты и счастья, тонкую адаптацию и сочувствие с окружением, интеллект, равновесие, правильный ум, правильную волю и чувство, правильный импульс, добродетель, порядок. Все имеют их раджасические формы и импульсы, и мутные части желания, страсти и борьбы, извращения, фальши и ошибок, несбалансированную радость и печаль, агрессивный толчок к работе и страстно желающее творчество, сильные, дерзкие, пламенные или яростные реакции на давление окружения и на жизненные атаки и предложения. Всё имеет свои тамасические стадии и постоянно затемнённые части, их моменты или пункты бессознательности, их долгие привычки или их временные бесплодные мечты слабой покорности или тупого притяния, составляющая их немощность или движение усталости, небрежность и вялость, и их падения в невежество и неспособность, депрессию, страх и трусливое отступление или подчинение окружающей среде и давлению людей, событий и сил. Каждый из нас саттвичен в некоторый

направлениях его Природной энергии, или в некоторых частях своего ума или характера, в других раджасичен, тамасичен в третьих. Согласно тому, как одна или другая из форм обычно доминирует в его общем темпераменте, типе ума и образе действия, о ком-либо может быть сказано, что он саттвический, раджасический или тамасический человек; но немногие всегда только одного вида, и никто не пребывает всецело в своём виде. Мудрые не всегда или полностью мудры, умные умны только местами; святой подавляет в себе много несвятых движений, подлый не целиком зол: самый глупый имеет свои невыраженные, неиспользованные и неразвитые способности, самый робкий имеет свои моменты или пути проявления мужества, беспомощный и слабый — скрытую часть природы, полную силы. Доминирующие гуны не являются сутью типа души воплощённого существа, но только показателем формации, которую оно создало для этой жизни, или в течение его нынешнего существования и в данный момент его эволюции во Времени.

* * *

Когда Садхака однажды отступил от действия Пракрити в нём или над ним и, не вмешиваясь, не улучшая и не препятствуя, не выбирая и не решая, разрешил ее игру и анализирует и наблюдает процесс, он скоро обнаруживает, что ее формы самозависимы и работают, как работает однажды заведенная машина, посредством своей собственной структуры и движущих сил. Сила и движение вперед исходят от Пракрити, а не от существа. Тогда он осознаёт, сколь ошибочно было его впечатление, что его ум был производителем его действий; его ум был только малой его частью, творением и мотором Природы. Природа всё время действовала в своих собственных формах, передвигая взад и вперед три общих качества, как девочка может играть со своими куклами. Его это было все это время инструментом и игрушкой; его характер и интеллект, его моральные качества и ментальные силы, его творения, работы и подвиги, его злость и снисходительность, его жестокость и прощение, его любовь и его ненависть, его грех и его добродетель, его свет и его тьма, его страсть радости и его мука печали были игрой Природы, которой душа, привлечённая, завоёванная и подчинённая, оказывает на время своё пассивное содействие [51](#). И тем не менее детерминизм Природы или Силы ещё не есть всё; и в материи может звучать голос души, — но души тайной, Пуруши, а не ума или эго, поскольку они не являются независимыми сущностями, но частями Природы. Ибо санкция души необходима для игры, и внутренней молчаливой волей как господь и дающий санкцию она может определить принцип игры и вмешиваться в ее комбинации, хотя исполнение в мысли, воле, действии и импульсе должно всё же быть делом и привилегией Природы. Пуруша может указывать Природе гармонию для исполнения, но не вмешательством в ее функции, а путем сознательного взгляда и отношения, которые она превращает сразу или после больших трудностей в выражающую идею, динамический импульс и значительную форму.

Избежание действия двух низших гун очевидно необходимо, если мы превращаем нашу нынешнюю природу в силу и форму божественного сознания и инструмент его сил. Тамас затемняет и препятствует свету божественного знания проникать в тёмные и бездействующие уголки нашей природы. Тамас делает неспособными и отбирает силу, необходимую чтобы отвечать божественному импульсу и энергию, необходимую чтобы изменить, и волю, необходимую чтобы прогрессировать и делать нас пластичными для [воздействия] великой Шакти. Раджас извращает знание, делает наш рассудок сообщником фальши и подстрекателем каждого неверного движения, тревожит и искривляет нашу жизненную силу и ее импульсы, нарушает баланс и здоровье тела. Раджас захватывает все высокие идеи и возвышенные

движения и оборачивает их к ложному и эгоистическому использованию; даже божественная Истина и божественные влияния, когда они спускаются до земного уровня, не могут избежать этого злоупотребления и захвата. При Тамасическом затемнении и раджасическом препятствии преобразованию невозможны ни божественное изменение, ни божественная жизнь.

Исключительное прибежище в Саттве казалось бы может послужить путём спасения: но здесь трудность в том, что ни одно из качеств не может превалировать само по себе над двумя другими его компаньонами и соперниками. Если, рассматривая качество желанья и страсти как причину тревоги, страдания, греха и печали, мы напрягаемся и трудимся, чтобы подавить и подчинить его, Раджас никнет, но поднимается Тамас. Ибо, когда принцип активности притупляется, инерция занимает его место. Тихий мир, счастье, знание, любовь, правильное настроение могут быть привнесены принципом света, но если Раджас отсутствует или полностью подавлен, тишина в душе имеет тенденцию стать неподвижностью бездействия, а не твёрдой основой динамического изменения. Неэффективно правильно думающая, правильно делающая, добрая, умеренная и ровная, природа может стать в своих динамических частях Саттва-тамасической, нейтральной, бледно окрашенной, нетворческой, опустошённой и обессиленной. Ментальная и моральная темнота может отсутствовать, но также [пропадут] и интенсивные источники действия, а это есть тормозящее ограничение и другой вид неспособности. Ибо Тамас двойственен; он противоречит Раджасу инерцией, он противоречит Саттве узостью, темнотой и невежеством, и, если хотя бы один из них угнетён, то он вливается, чтобы занять его место.

Если мы вновь призываем Раджас, чтобы исправить эту ошибку, и приказываем ему объединиться с Саттвой, чтобы посредством их союза стремиться освободиться от тёмного принципа, мы обнаружим, что мы возвысили наше действие, но что опять присутствует подчинение раджасическому хотению, страсти, разочарованию, страданию, злости. Эти движения могут быть более возвышенные и величественные по своему масштабу, духу и действию, чем раньше, но они не есть мир, свобода, власть и самогосподство, к которым мы стараемся придти. Где бы не таились желание и эго, страсть и беспокойство затаились вместе с ними и неотделимы от них. И если мы ищем компромисс между тремя формами так, чтобы Саттва был ведущим, а остальные подчинены, всё же мы только придём к более умеренному действию игры Природы. Новое равновесие достигнуто, но духовная свобода и господство вне видимости, или ещё только отдаленная перспектива.

Радикально отличающееся движение должно отвести нас от гун и поднять нас над ними. Ошибка, которая позволяет принимать действие форм Природы, должна исчезнуть; ибо до тех пор, пока оно принимается, душа вовлечена в их операции и подчинена их закону. Форма Саттвы должна быть превзойдена, так же как Раджас и Тамас, золотая цепь должна быть порвана точно так же, как свинцовые кандалы и разукрашенные оковы из смешанного сплава. Гита предписывает для этой цели новый метод самодисциплины. Он состоит в том, чтобы отойти в себе от действия форм и наблюдать их неровный поток в качестве Свидетеля, сидящего выше волнующихся сил Природы. Он тот, кто наблюдает, но беспристрастно и безразлично, отстранённый от них на их собственном уровне, пребывая в своей изначальной позиции высоко над ними. Свидетель смотрит, как поднимаются и опадают их волны, наблюдает, но не принимает и ни на минуту не вмешивается в их течение. Сначала здесь должна быть свобода безличного Свидетеля; затем здесь может появиться контроль Владыки, Ишвары.

Изначальное преимущество этого процесса отчуждения состоит в том, что человек начинает понимать свою собственную природу и всю Природу. Отчужденный Свидетель может видеть полностью без малейшего ослепления эгоизмом игру ее форм Невежества и проследить ее во всех разветвлениях, утаиваниях и тонкостях — ибо она полна камуфляжа, маскировки, ловушек, вероломства и уловок. Наученный долгим опытом, сознающий все действия и условия как их взаимодействие, глубоко разбирающийся в их процессах, он не может больше быть побежденным их атаками, уловлен их сетями или обманут их масками. В то же время он постигает, что эго это не более чем приспособление и удерживающий узел их взаимодействия, и постигая это, он освобождается от иллюзии низшей эгоистической Природы. Он уходит от саттвического эгоизма альтруиста, святого и мыслителя; он стряхивает с себя контроль раджасического эгоизма, наложенный на его жизненные импульсы, и перестаёт быть трудящимся поставщиком пищи для заинтересованности в себе, избалованным пленником или рабом, надрывающимся на галере страсти и желания; он светом знания уничтожает тамасический эгоизм невежественного или пассивного скучного, неразумного, придерживающегося обычного круга человеческой жизни существа. Таким образом убеждённый и осознающий основной порок чувства эго во всех наших личных действиях, он больше не ищет путей самоисправления и самоосвобождения в раджасическом или саттвическом эго, но смотрит вверх, за пределы инструментов и работ Природы, только на Владыку трудов и его верховную Шакти, верховную Пракрити. Только там всё бытие чисто и свободно, и возможно правление божественной Правды.

В этой последовательности первый шаг есть определённое отчуждённое превосходство над тремя формами Природы. Душа внутренне отделена и свободна от низшей Пракрити, не вовлечена в ее кольца, безразлична и довольна, находясь выше неё. Природа продолжает действовать в тройном круге ее древних привычек, — желание, печаль и радость атакуют сердце, инструменты впадают в бездействие, темноту и усталость, свет и мир возвращаются в сердце, ум и тело; но душа неизменна и незатрагиваема этими переменами. Наблюдая и не будучи тронутой горем и желанием низших членов, улыбаясь [в ответ] на их радости и их трудности, рассматривая и не будучи побежденной неудачами, темнотой мысли, дикостью, слабостью сердца и нервов, непринуждённая и не привязанная к просветлениям ума, его облегчениям и чувству лёгкости или силы в ответ на свет и радость, она не погружает себя ни в одну из этих вещей, но неподвижно ждет указаний высшей Воли и интуиции высшего светоносного знания. Действуя всегда таким образом, она неизбежно становится свободной даже в ее динамических частях от борьбы трёх форм, и их недостаточных значимостей и сковывающих ограничений. Ибо теперь эта низшая Пракрити всё больше чувствует принуждение, исходящее от высшей Шакти. Старые привычки, за которые она цеплялась, не получают дальнейшей санкции и начинают устойчиво терять свою частоту и силу возвращения. Наконец она понимает, что призвана к высшему действию и лучшему состоянию, и, как бы то ни было медленно, как бы то ни было неохотно, и с какой бы начальной или продолжающейся противной волей и препятствующим невежеством, она подчиняется, поворачивает и готовит себя к изменению.

Статическая свобода души, больше не являющаяся только свидетелем и знающим, венчается динамической трансформацией Природы. Постоянные смешанные и неравномерные операции трёх форм, действующих друг на друга в наших трёх инструментах, прекращают своё обычное беспорядочное, беспокойное и неправильное действие и движение. Другое действие становится возможным, начинается, растёт, достигает кульминации, работа более истинно верная, более сияющая, естественная и нормальная для глубочайшего божественного взаимодействия Пуруши и Пракрити, почти сверхъестественное и сверхнормальное для нашей нынешней несовершенной

природы. Тело, обуславливающее физический ум, больше не настаивает на тамасической инерции, которая повторяет всегда одно и то же невежественное движение: оно становится пассивным полем и инструментом более великой силы и света, оно отвечает на каждое требование духовной силы, поддерживает любую разновидность и интенсивность нового божественного опыта. Наши кинетические и динамические виталические части, — наше нервное, эмоциональное, чувственное и волевое существо, — увеличиваются в силе и принимают неустанное действие и блаженную радость переживания, но учатся в то же время стоять на основе широкого самообладающего и самоуравновешивающего спокойствия, возвышенные в применении силы, божественные в промежутках покоя, ни ликующие и не возбуждённые, ни мучимые печалью и болью, никогда не подгоняемые желанием и докучливыми импульсами, ни утомлённые неспособностью и вялостью. Интеллект, мышление, понимание и отражающий ум отказываются от своих саттвических ограничений и открываются сущностному свету и миру. Бесконечное знание предлагает нам свои блистающие уровни, знание, основанное не на ментальных конструкциях, не связанное точкой зрения и мыслью или зависимое от запинаящейся неуверенной логики и слабой поддержки чувств, но самоочевидное, аутентичное, всепроникающее, всепонимающее, безграничное блаженство и мир, не зависящее от освобождения от тормозящего напряжения творящей энергии и динамического действия, не состоящее из нескольких ограниченных частичных блаженств [52](#), но самосуществующее и всевключающее, влитое в вечно расширяющиеся области и текущее через всё более широкие и более многочисленные каналы, чтобы обладать природой. Высшие сила, блаженство и знание, исходящие из источника за умом, жизнью и телом, охватывают последние, чтобы перелить их в более божественный образ.

Здесь побеждена дисгармония тройной формы нашего низшего существования, и здесь начинается более великая тройная форма божественной Природы. Здесь нет темноты Тамаса или инерции. Тамас замещен божественным миром и тихим вечным покоем, из которого освобождается, как из высшего источника спокойного сосредоточения, игра действия и знание. Здесь нет раджасического кинезиса, нет желания, нет радостного или печального устремления действия, творения и обладания, нет плодоносящего хаоса беспокойного импульса. Раджас замещается самообладающей мощью и безграничным действием силы, которое даже в своих самых безудержных напряжениях не колеблет недвижимую уравновешенность души и не напрягает обширные и глубокие небеса и сверкающие пропасти ее покоя. Здесь нет конструирующего света ума, бросаемого вокруг чтобы ухватить и связать Истину, никакой ненадёжной и неактивной успокоенности. Саттва замещена просветлением и духовным блаженством, идентичными с глубиной и бесконечным существованием души и преисполненными прямого и аутентичного знания, которое берет начало от завуалированного великолепия тайного Всеведения. Это более великое сознание, в которое должно быть преобразовано наше низшее сознание, эта природа Невежества с ее беспокойной несбалансированной деятельностью трёх форм [должна быть] изменена в эту великую сияющую сверхприроду. Сначала мы становимся свободными от трех гун, отчужденные, неволнуемые, *nistmiguṇya*; но это восстановление естественного состояния души, я, духа, свободного и наблюдающего в его недвижимом покое движение Пракрити в ее силе Неведения. Если на этой основе природа, движение Пракрити, тоже должна стать свободной, это должно произойти путем неподвижности действия в светящемся мире и тишине, в котором все действия совершаются без какой-либо сознательной реакции, участия или импульса со стороны ума или жизненного существа, без какой-либо пульсации мысли или вихревого движения виталических частей: это должно быть сделано по побуждению, по инициативе, работой безличной космической или трансцендентной Силы. Космические Ум, Жизнь, Субстанция должны

действовать, или чистая трансцендентная Сила Я [53](#) и Блаженство, отличающиеся от нашего личного бытия или его Природного вместилища. Это состояние свободы, которое может прийти в Йоге трудов через отречение от эго, желания, личной инициативы, самоотдачу существа космическому Я или универсальной Шакти; оно может прийти в Йоге знания в результате остановки мысли, тишины ума, открытия всего бытия космическому Сознанию, космическому Я, космическому Динамизму или вышей Реальности; оно может прийти в Йоге Преданности путем отдачи сердца и всей природы в руки Всеблаженного, как обожаемому Господину нашего существования. Но самое высшее изменение происходит в результате более позитивной и динамичной трансценденции: это преображение или превращение в высшее духовное состояние, *trigunatita*, при котором мы участвуем в величайшем духовном усилении; ибо три низших неровных формы переходят в ровную триединую форму вечного покоя, света и силы, спокойствия, кинезиса, просветления божественной Природы.

Эта высшая гармония не может прийти кроме как посредством остановки эгоистической воли, выбора и действия, и успокоения нашего ограниченного интеллекта. Индивидуальное эго должно прекратить стремиться и бороться, ум замолкнуть, воля желания научиться не проявлять инициативу. Наша личность должна воссоединиться со своим источником, а всякая мысль и побуждение [должны] приходиться сверху. Тайный Владыка наших действий будет медленно открываться нам, и из непоколебимой надёжности высшей Воли и Знания будет давать санкцию божественной Шакти, которая будет производить все действия в нас с чистой и возвышенной природой в качестве своего инструмента; индивидуальный центр личности будет только подпоркой ее работ здесь, их приёмником и каналом, отражателем ее силы и лучезарным участником ее света, радости и силы. Действуя, он не будет действовать, и никакая реакция низшей Пракрити не коснётся его. Превосхождение трёх форм Природы есть первое условие, а их трансформация — решающая ступень этой перемены, путем которой Путь Трудов восходит из узкой ямы нашей затемненной человеческой природы в неограниченную широту Истины и Света над нами.

49. *modes* — в некоторых местах переведено как модусы или модификации (*Прим. пер.*)

50. *Pishacha*

51. *lent its passive concurrence*

52. *felicities*

53. *Self-Power*

Глава XI

Владыка Труда

ВЛАДЫКОЙ и Движителем наших трудов является Единый, Вселенский и Верховный, Вечный и Бесконечный. Он есть трансцендентный неведомый и непознаваемый Абсолют, непередаваемый и непроявленный Невыразимый, находящийся над нами; но он является также Я всего сущего, Владыкой всех миров, превосходящим все миры, Светом и Руководителем, Всепрекрасным и Всеблагим, Возлюбленным и Любящим. Он суть Космический Дух и вся эта творческая Энергия вокруг нас; он есть Имманентный в нас. Всё, что есть, есть он, и он Больше нежели всё то, что есть, и мы сами, хоть мы этого не ведаем, есть бытие его существа, сила его силы, сознательны сознанием, полученным от его сознания; даже наше смертное существование состоит из его материи, и в нас есть бессмертный, который является искрой Света и Блаженства, существующих вечно. И неважно, посредством ли знания, трудов, любви или иными средствами узнать эту истину нашего бытия, — осознать ее, сделать действительной здесь или где бы то ни было есть цель всей Йоги.

* * *

Но путь долог и труд тяжел, прежде чем мы сможем взглянуть на него глазами, видящими истину, и ещё дольше и еще упорней должно быть наше стремление, если нам суждено перестроить самих себя в его истинный образ. Владыка труда не открывает себя сразу же тому, кто его ищет. Всегда именно его Сила действует за завесой [54](#), но она становится явной лишь когда мы отречаемся от эгоизма деятеля, и ее непосредственное движение увеличивается пропорционально тому, как это отречение становится все более и более конкретным. Лишь тогда, когда наша отдача его божественной Шакти становится абсолютной, получаем мы право жить в его абсолютном присутствии. И лишь тогда сможем мы увидеть, как наш труд совершенно естественно, полностью и просто вливается в форму Божественной Воли.

Таким образом, должны существовать стадии и градации нашего приближения к этому совершенству, как есть они на пути к любому иному совершенству на любом уровне Природы. Видение полной славы может явиться нам прежде, медленно или внезапно, однажды или часто, но всё же до того, как основание будет завершено, оно является кратким и сжатым, а не продолжительным и всеохватывающим опытом, не длительным присутствием. Обширность, бесконечное содержание Божественного Откровения приходит позже и постепенно раскрывает свою мощь и своё значение. Или, даже, устойчивое видение может быть достигнуто на вершинах нашей природы, и всё же совершенный ответ низших составляющих приходит лишь поэтапно. Первыми составляющими всякой Йоги являются вера и терпение. Жар сердца и неудержимость ищущей воли, стремящиеся взять штурмом царствие небесное, могут добиться ничтожных результатов, если они будут пренебрегать поддержкой своей горячности со стороны этих безмолвных и более спокойный помощников. И в длительной и трудной интегральной Йоге должна присутствовать цельная вера и непоколебимое терпение.

Очень трудно приобрести или выработать эту веру и твердость на крутом и узком пути Йоги из-за нетерпеливости как сердца и ума, так и стремящейся, но переменчивой воли нашей раджасической природы. Виталическая природа человека всегда жаждет плодов своего труда и, если эти плоды должны, появившись, быть отринуты или долгое время неиспользованы, он теряет веру в идеал и в руководство. Ибо его ум всегда судит по внешности вещей, поскольку это

является первой, неотъемлемой привычкой интеллектуального рассудка, которому он так безгранично доверяет. Нет для нас ничего более легкого, чем винить Бога в нашем сердце, когда мы долго страдаем или спотыкаемся в темноте, или отречься от идеала, который мы поставили перед собой. Ибо мы говорим: "Я верил в Высочайшего, и я предан страданию, греху и заблуждению". Или же: "Я поставил всю мою жизнь на идею, которой противоречат и которую разрушают самые непреложные факты. Было бы гораздо лучше оставаться таким же, как и все, кто признал свою ограниченность и ступает по твердой почве обычного опыта". В такие моменты — а они иногда бывают часты и продолжительны — всякий высший опыт оказывается забыт и сердце сосредоточено на своей собственной горечи. Именно в этих тёмных переходах можно отпасть от добра или отвернуть назад от божественного труда.

Если кто-либо шёл долго и непоколебимо по этому пути, то вера в сердце останется и под самым яростным неблагоприятным давлением; даже если она скрыта или явно подавлена, она воспользуется первой же возможностью вновь возникнуть. Ибо нечто более высокое, нежели сердце или интеллект, поддерживает ее, несмотря на самые ужасные падения и самые продолжительные неудачи. Но даже самому опытному Садхаке подобные перемены или затуманивания приносят задержку его прогресса, и являются в высшей степени опасными для новичка. Вот почему совершенно необходимо с самого начала понять и принять величайшую трудность пути и почувствовать нужду в вере, которая для интеллекта может показаться слепой, но которая всё же является более мудрой, чем наш рассуждающий ум. Ибо эта вера является поддержкой сверху; она суть сверкающая тень, отбрасываемая тайным светом, превосходящим интеллект и его информацию; она — сердце сокровитного знания, которое не во власти непосредственных видимостей. Наша вера, упорная и настойчивая, будет подтверждена в своих трудах и вознесена и преобразована в конечном счёте в самооткровение божественного знания. Мы должны всегда твердо придерживаться предписания Гиты: "Йога должна постоянно практиковаться с сердцем, свободным от падений в состояние подавленности". Мы всегда должны повторять сомневающемуся интеллекту обещание Владыки: "Непременно Я выведу тебя из греха и зла; так не предавайся печали". В конце концов, мерцания [пламени] веры прекратятся; ибо мы узрим его лик и всегда будем чувствовать Божественное Присутствие.

* * *

Господин наших трудов уважает нашу природу даже тогда, когда он преобразует ее; он всегда действует через природу, а не по прихоти или по капризу. Наша несовершенная природа заключает в себе компоненты нашего совершенства, но в зачаточном состоянии, искаженные, перепутанные, набросанные в беспорядке или в неверном и несовершенном порядке. Весь этот материал должен быть терпеливо доведен до совершенства, очищен, реорганизован, заново вылеплен и трансформирован, не изрублен, срезан, или умерщвлён или покалечен, не предан забвению путём обуздания и отрицания. Этот мир и мы, в нём живущие, являемся его творением и проявлением, и он работает с ним и с нами таким путем, который наш узкий и невежественный ум не в силах познать до тех пор, пока он не станет безмолвным и не откроется божественному знанию. В наших ошибках заключена материя истины, которая трудится над тем, чтобы открыть свое значение нашему ищущему не оцупь интеллекту. Человеческий интеллект устраняет одну ошибку — и правду с ней, — и заменяет ее другой полу-правдой, полу-ошибкой; но Божественная Мудрость продолжает сносить наши продолжающиеся ошибки до тех пор, пока мы не будем в состоянии добраться до истины, спрятанной и защищенной подо всеми ложными оболочками. Наши грехи — это ложно направленные шаги ищущей Силы,

нацеленной не на грех, а на совершенство, nato, что мы могли бы назвать божественной добродетелью. Часто они являются покровами качества, которое должно быть трансформировано и выведено из-под этого мерзкого камуфляжа: иначе, в совершенном божественном провидении вещей, их существование или продолжение не было бы допущено. Владыка наших трудов вовсе не растяпа, не безразличный свидетель и не праздный игрок, забавляющийся роскошью ненужного зла. Он мудрее нашего рассудка и мудрее нашей добродетели.

Наша природа не только ошибочна в воле и невежественна в знании, но и слаба в силе; но существует Божественная Сила, и она поведет нас, если мы поверим в нее, и она использует наши слабости и нашу силу для божественной цели. И если нас постигла неудача в достижении ближайшей цели, то это вследствие того, что он запланировал неудачу; часто наша неудача или плохой результат является верной дорогой к истинному результату, к которому не привёл бы немедленный и полный успех. Если мы страдаем, то это потому, что что-то в нас должно быть подготовлено для редкой возможности наслаждения. Если мы спотыкаемся, то это к тому, чтобы в конце концов узнать тайны более совершенной походки. И не дай бог, чтобы мы впали в бешенную горячку даже в достижении мира, чистоты и совершенства. Мир должен быть нашим достоянием, но не мир пустой и разорённой природы или умерщвлённых или изувеченных способностей, неспособных к волнению оттого, что мы сделали их неспособными к напряжению, горению и силе. Чистота должна быть нашей целью, но не чистота пустоты или бесцветной и суровой холодности. От нас требуется совершенство, но не такое совершенство, которое может существовать лишь ограничивая свой простор узкими рамками или по прихоти прекращая вечно саморасширяющееся раскручивание Бесконечного. Наша цель — изменится в божественную природу, но божественная природа не является ментальным или моральным, но духовным состоянием, которого трудно достичь, и трудно даже постичь нашим интеллектом. Владыка нашей работы и нашей Йоги знает, что должно быть сделано, и мы должны позволить ему сделать это в нас его собственными средствами и его собственным способом.

Движение Неведения в своей основе эгоистично, и для нас нет ничего более трудного, чем избавление от эгоизма, в то время как мы всё ещё признаём личность и привержены действию в полусвете и в полусиле нашей незаконченной природы. Легче лишиться эго пищи посредством отречения от импульса к действию, или же убить его, отсеки от себя всякое движение личности. Легче вознести его в самозабвение путём растворения в транс покоя или же в экстазе божественной Любви. Но ещё более трудной задачей для нас является освобождение истинной Личности и достижение божественной зрелости, которая будет являться чистым сосудом божественной силы и совершенным инструментом божественного действия. И так непреклонно следует двигаться шаг за шагом; препятствие за препятствием должны быть испробованы и полностью покорены. Только Мудрость и Сила Божества могут совершить это для нас, и совершат, если мы будем стремиться к нему всей полнотой своей веры, последуем за ним и примем его деяния с непреклонным мужеством и терпением.

Первый шаг на этом долгом пути — посвящение всех наших дел как жертвы Божеству в нас и в мире; это позиция ума и сердца, не слишком трудная для начала, но очень тяжёлая для того, чтобы сделать ее совершенно искренней и всепроникающей. Вторым шагом будет отречение от привязанности к плодам наших трудов; ибо единственно истинным, неизбежным и крайне желательным результатом принесения жертвы — и единственно необходимым — является Божественное Присутствие, Божественное Сознание и Сила в нас, и если это достигнуто, всё остальное приложится. Это трансформация эгоистической воли в нашем виталическом существе, нашей души желания и природы желания, что гораздо труднее остального. Третий шаг заключается в том, чтобы избавиться от центрального эгоизма и даже от чувства эго работника.

Это самое трудное преобразование из всех, и оно не может быть сделано совершенно без первых двух шагов; но и эти два первых шага не могут быть завершены, если третий не венчает [всё] движение и, вследствие угасания эгоизма, разрушает саму основу желаяния. Лишь тогда, когда мелкое чувство эго вырвано из природы, сможет ищущий узнать свою истинную личность, которое пребывает в высоте как часть и сила Божественного, и откинуть всякий побудительный мотив, отличный от воли Божественной Шакти.

* * *

Существуют градации в этом последнем интегрирующем движении; ибо оно не может быть осуществлено сразу же или без длительной подготовки, которая поспешно приближает его и делает в конечном счете возможным. Первое приближение, которое должно быть сделано — это перестать рассматривать себя в качестве работника и твердо уяснить то, что мы лишь инструменты космической Силы. Сперва это не одна Сила, а много космических сил, которые, как кажется, двигают нами; но они могут быть превращены в питательную среду для эго, и это представление освобождает лишь ум, а не всю природу. Даже тогда, когда мы начинаем сознавать, что всё есть проявление работы одной космической Силы и Божества, стоящего за ней, это тоже не обязательно освобождает. Если эгоизм работника исчезает, то эгоизм инструмента может его заменить или же продлить [его существование] в скрытом состоянии. Жизнь мира была полна случаев эгоизма подобного рода, и он может быть ещё более поглощающим и чудовищным, чем любой другой; та же опасность таится и в Йоге. Человек становится лидером среди людей или выдающимся в том или ином кругу, и чувствует себя полным силы, которая, как ему известно, выше и за пределами его собственной эго-Силы [55](#); он может сознавать Судьбу, творящую через него, или Волю, таинственную и непостижимую, или Свет в великом сиянии. Получаются удивительные и сверхординарные результаты его мыслей, его действий или его творческого гения. Он осуществляет колоссальное разрушение, расчищающее путь человечеству, или некую великую постройку, которая становится для него на какое-то время местом отдыха. Он является бичом и карой, или же он — светоч и врач [человечества], творец красоты или посланец знания. Или же, если его работа и ее результаты оказываются менее масштабными и имеют ограниченную область, всё равно им сопутствует сильное ощущение того, что он является инструментом и избранником для этой миссии или его труда. Люди с такой судьбой и владеющие этими силами легко верят [в это] сами и объявляют себя просто инструментами в руках Бога или Судьбы: но даже в этом объявлении мы можем увидеть то, что здесь может вкрасться или скрываться ещё больший и более преувеличенный эгоизм, чем тот, который имеют мужество принять или содержать в себе обычные люди. И часто, когда подобного рода люди говорят о Боге, то лишь для того, чтобы воздвигнуть его образ, который на самом деле ни что иное, как огромная тень их самих или их собственной природы, устойчивая Обоготворённая Суть [56](#) их собственного типа воли, мысли, качества и силы. Этот увеличенный образ их эго и есть тот Властелин, которому они служат. Слишком часто это случается в Йоге со слишком легко возвеличившимися сильными виталическими натурами или умами, когда они позволяют амбиции, гордости или желанию величия войти в их духовные поиски и испортить чистоту побуждения; увеличенное эго встает между ними и их истинной сущностью и ради своей собственной личной цели черпает силу из более великой невидимой Мощи, божественной или небожественной, действующей через них, которую они смутно или четко начинают осознавать. Интеллектуальное восприятие или виталическое ощущение Силы более великой, чем наша, и нас самих, как чего-то движимого ей, не достаточно для

освобождения от эго.

Это восприятие, это ощущение более великой Силы в нас или над нами и двигающей нас, вовсе не галлюцинация или мегаломания. Те, кто таким образом чувствуют и видят, обладают большим видением, чем обычные люди, и продвинулись на шаг вперёд за ограниченный физический интеллект, но их видение не есть полное видение или непосредственный опыт. Ибо из-за того, что они нечисты в уме и несознающи в душе, из-за того, что их пробуждение в основном лишь в области виталического, нежели в духовную субстанцию [своего] Я, они не могут быть сознательными инструментами Божества или встретить лицом к лицу Владыку, но используются через посредство их подверженной ошибкам и несовершенной природы. Самое большее, что они видят из Божественного — это Судьбу, или космическую Силу, или же они дают его имя ограниченному Божеству, или, что хуже, титанической или демонической Силе, скрывающей его. Даже некоторые основатели религий воздвигли образ Бога секты, или национального Бога, или Силы ужаса и наказания, или Нумена саттвической любви, милости и добродетели, и всё это выглядит так, будто они никогда не видели Единого и Вечного. Божественное принимает образ, создаваемый ими, и вершит свое дело в них через этого посредника, но, поскольку единая Сила ощутима и проявлена в их несовершенной природе сильнее, чем в других, мотивационный принцип эгоизма в них тоже может быть более сильным, чем в других. Возвеличенное раджасическое или саттвическое эго всё ещё владеет ими и стоит между ними и интегральной Истиной. Даже это уже что-то, начало, пусть далекое от истинного и совершенного опыта. Гораздо худшее может случиться с теми, кто разрывает что-то в человеческих узах, но не обладает чистотой и знанием, ибо они могут стать инструментами, но не Божественного; слишком часто, используя его имя, они бессознательно служат его личинам и чёрным Противникам, Силам Тьмы.

Наша природа должна стать пристанищем космической Силы, но не в низшем ее аспекте или в раджасическом или саттвическом движении; она должна служить всемирной Воле, но в свете более великого освобождающего знания. В позиции инструмента не должно быть никакого эгоизма, даже когда мы полностью сознаем величие Силы внутри нас. Каждый человек, осознанно или неосознанно, является инструментом всемирной Силы и, не считая [ощущения] внутреннего Присутствия, нет такой уж существенной разницы между двумя действиями, действием одного инструмента и другого, как то утверждает безрассудство эгоистической гордыни. Различие между знанием и невежеством является благоволением Духа; дыхание божественной Силы веет там, где он сегодня наполняет одного, а завтра другого, своим словом или могуществом. Если горшечник делает один горшок более совершенным, чем другой, то заслуга в этом не посуды, а горшечника. Подход нашего ума не должен быть: "Это моя мощь" или "Узри Божью силу во мне", а скорее: "Божественная Сила работает в этом уме и теле, и она та же самая, что трудится во всех людях и животных, в растении и в металле, в сознательных и живых вещах и в том, что выглядит бессознательным и неживым". Огромное видение Единого, творящего во всем, и всего мира как ровного инструмента божественного действия и постепенного самовыражения, если оно становится нашим полным опытом, поможет изжить раджасический эгоизм в нас, и даже саттвическое чувство эго начнёт исчезать из нашей природы.

Искоренение этой формы эго ведет прямо к истинному инструментальному действию, являющемуся сутью совершенной Карма-Йоги. Ибо покуда мы лелеем инструментальное эго, мы можем притвориться для самих себя, что мы есть сознательные инструменты Божественного, но на самом деле мы стараемся сделать Божественную Шакти инструментом наших собственных желаний или нашей эгоистической цели. И даже тогда, когда эго подчинено, но не уничтожено, мы действительно можем быть двигателями божественной Работы, но мы будем

несовершенными орудиями и искажим или испортим работу нашими ментальными ошибками, нашими виталическими искажениями или упрямыми неспособностями нашей физической природы. Если это эго исчезнет, то тогда мы сможем по настоящему стать не только чистыми инструментами, сознательно дающими согласие на каждый поворот божественной Руки, движущей нами, но сознающими нашу истинную природу, сознательными частями единого Вечного и Бесконечного, вынесенных верховной Шакти для свершения ее работ.

* * *

Существует ещё более великий шаг, который подлежит совершить после сдачи инструментального эго Божественной Шакти. Недостаточно знать ее как единую Космическую Силу, движущую нами и всеми созданиями на уровнях ума, жизни и Материи; ибо это низшая Природа и, хотя Божественное Знание, Свет, Сила здесь скрыто присутствуют и действуют в Невежестве, и могут частично разбить его завесу и проявить нечто истинно присущее им, или спустится вниз и вознести эти несовершенные низшие деяния, всё же, даже если мы осознаем Единое в одухотворённом уме, одухотворённом жизненном движении, одухотворённом сознании тела, несовершенство сохраняется в динамических частях. Возникает ошибочный ответ Высшей Силе, завеса на лице Божественного, постоянная смесь Невежества. И лишь когда мы открываемся Божественной Шакти в истине ее силы, превосходящей эту низшую Пракрити, для нас становится возможным стать совершенными инструментами ее силы и знания.

Не только освобождение, но и совершенство должно быть целью Карма-Йоги. Божественное трудится через нашу природу и в согласии с ней; если наша природа несовершенна, работа так же будет несовершенна, смешанна, неадекватна. Она даже может быть запачкана грубыми ошибками, заблуждениями, нравственными слабостями, отвлекающими воздействиями. Труд Божественного будет совершен в нас даже тогда, но сообразно нашей слабости, а не сообразно силе и чистоте источника. Если бы мы практиковали не интегральную Йогу, если бы мы искали лишь освобождения я в нас или недвижимого существования Пуруши, отделённого от Пракрити, это динамическое несовершенство могло бы не иметь значения. Спокойные, невозмутимые, неподавленные, неободрённые, отказывающиеся принять совершенство или несовершенство, недостаток или достоинство, грех или добродетель как свои, ощущающие, что это формы Природы, творящей в области своих форм, создают эту смесь, мы можем удалиться в молчание духа и, чистые, незатронутые, лишь свидетельствовать труды Пракрити. Но в интегральной реализации это может быть лишь шагом на пути, а не последним местом отдохновения. Ибо мы нацелены на божественную реализацию не только в недвижимости Духа, но также в движении Природы. И вместе это не будет возможно до тех пор, пока мы не сможем почувствовать присутствие и силу Божественного в каждом шаге, движении, форме нашей деятельности, в каждом повороте нашей воли, в каждой мысли, чувстве и порыве. Без сомнения, мы можем это чувствовать в каком-то смысле даже в природе Невежества, но это есть Божественная Сила и Присутствие под маской, уменьшение, заниженная величина. Мы требуем гораздо большего, чтобы наша природа стала силой Божественного в Истине Божественного, в Свете, в силе вечной самосознающей Воли, в широте извечного Знания.

После удаления покрыва эго [должно произойти] удаление покрыва Природы и ее низших форм, которые правят нашими умом, жизнью и телом. Коль скоро ограничения эго начинают угасать, мы видим, как это покрывало соткано, и обнаруживаем действие космической Природы в нас, и в космической Природе или за ней мы ощущаем присутствие космического Я и динамизм проникающего весь мир Ишвары. Владыка инструмента стоит за всей этой

деятельностью, и даже в самой этой деятельности присутствует его прикосновение и воздействие колоссального направляющего или управляющего Влияния. И мы служим больше не эго или силе эго; мы повинемся Владыке Мира и его эволюционному импульсу. На каждом шагу мы [как бы] говорим [выраженное] санскритским стихом: "Как мне велишь Ты, пребывающий в сердце моем, так, О Господи, я поступаю". И всё же это действие может быть двух совершенно разных видов, одно лишь просветлённое, другое трансформированное и вознесённое в великую сверхприроду. Ибо мы можем продолжать действовать поддержанные нашей природой, следующей за нами, когда мы были ею и ее иллюзией эгоизма "как бы усажены верхом на машину", но теперь с совершенным пониманием механизма и его использования для своих мировых целей Владыкой Трудов, которого мы ощущаем за ним. И, действительно, [именно] до этого состояния даже многие великие Йоги дошли на уровнях одухотворенного ума; но это вовсе не обязательно должно всегда случаться, ибо существует ещё более великая супраментальная возможность. Возможно подняться над одухотворенным умом и действовать спонтанно в живом присутствии исконной божественной Силы Истины [, принадлежащей] Высшей Матери. Наше движение едино с ее движением и сливается с ним, наша воля — одно с ее волей, наша энергия оправдана ее энергией [57](#), мы должны чувствовать ее работу через нас как Божественное проявление в высшей Силе Мудрости [58](#), и мы будем осознавать преобразованные ум, жизнь и тело лишь как каналы верховного Света и Силы за их пределами, безошибочной в ее шагах вследствие трансцендентности и тотальности своего знания. И мы должны быть не только приемниками, каналами, инструментами этого Света и Силы, но мы должны стать частью его в высочайшем вознесённом устойчивом переживании.

И уже, прежде чем мы достигнем этого последнего совершенства, мы можем обрести союз с Божественным в трудах в его чрезвычайной широте, если ещё и не в его самых сиятельных высотах; поскольку мы теперь постигаем не просто Природу или формы Природы, но начинаем осознавать, в наших физических движениях, в наших нервных и виталических реакциях, в наших ментальных действиях, Силу более великую, чем тело, ум и жизнь, которая берет под контроль наши ограниченные инструменты и управляет всеми их движениями. Более не существует ощущения нашего движения, мыслительного процесса или чувства, но ощущение ее движения, чувства и мышления в нас. Эта сила, ощущаемая нами в нас, есть универсальная Сила Божественного, которая скрыто или явно, действуя непосредственно или позволяя использовать свои силы существами в космосе, является единственной Энергией, которая одна только и существует и только одна и делает вселенское или индивидуальное действие возможным. Ибо эта сила и есть само Божественное в теле своей силы; всё является этой силой действия, силой мысли и знания, силой господства и наслаждения, силой любви. Сознющие всегда и во всём, в нас и в других, Владыку Трудов владеющим, населяющим, наслаждающимся через эту Силу, которая является им самим, становящимся через неё всем сущим и всем случающимся, мы достигнем божественного союза через труды и достигнем через эту реализацию в трудах всего того, чего другие добиваются через абсолютную преданность или через чистое знание. Но и здесь будет ещё один шаг, зовущий нас, восхождение из этого космического отождествления в тождество божественной Трансцендентности. Владыка наших трудов и нашего бытия не есть просто Божество здесь внутри нас, не просто космический Дух или своего рода вселенская Сила. Мир и Божественное не есть суть одно и то же, как могло бы полагать некоего рода пантеистическое мышление. Мир является эманацией; он зависит от того нечто, что проявлено в нём но не ограничено им: Божественное присутствует не только здесь; существует ещё и Запредельное, вечная Трансцендентность. Индивидуальное бытие в своей духовной части также не выступает формацией в космическом существовании — наше эго, наш ум, наша жизнь, наше тело являются ей; но неизменный дух, вечная душа в нас, вышел из Трансцендентности.

Трансцендент, который за пределами всего мира и всей Природы и всё же обладает миром и его природой, который снизошёл чем-то своим в него и лепит из него нечто такое, чем он ещё не стал, является Источником нашего бытия, источником наших трудов и их Владыкой. Но престол Трансцендентального Сознания пребывает в высоте абсолюта божественного Существования — и там же находятся абсолютная Сила, Истина, Блаженство Вечности — о котором наш менталитет не может сформировать никакого понятия, и даже наш самый великий духовный опыт является лишь его уменьшенным отражением в одухотворенном уме и сердце, слабой тенью, бледной производной. И есть исходящая из него своего рода золотая корона Света, Силы, Блаженства и Истины — божественное Сознание Истины [59](#), как называли ее древние мистики, Сверхразум, Гносис, с которым этот мир меньшего сознания, развивающийся в Неведении, состоит в тайном отношении, и который один поддерживает его и предохраняет его от падения в хаос распада. Силы, которые теперь мы с удовлетворением называем гносис, интуиция или просветление являются лишь слабыми отсветами того, что есть полный и пламенный источник, и между высшим человеческим интеллектом и ним расположено множество уровней восхождения сознания, высочайших ментальных или надментальных, которые нам бы пришлось покорить прежде, чем мы достигли бы его или смогли бы спустить его величие и славу сюда. И всё же, как бы это ни было трудно, это восхождение; эта победа и есть судьба и предназначение человеческого духа, и этот сиятельный спуск или принесение вниз божественной Истины является неизбежным этапом сложной эволюции земной природы; это предусмотренное достижение является его *raison d'être* [60](#), нашим кульминационным состоянием и объяснением нашего земного существования. Ибо хотя Трансцендентальное Божество уже здесь как Пурушоттама в тайном сердце нашего таинства, оно завешено множеством одеяний и масок своей волшебной мировой Йога-Майи; и лишь благодаря восхождению и победе Души здесь в теле, эти маски могут пасть и динамизм высшей Истины сможет заменить это запутанное плетение полуистины, которое становится творческой ошибкой, это необходимое Знание, превращенное его погружением в бессознательность Материи и его медленным частичным возвращением к себе, в деятельное Неведение.

Потому что здесь в мире, хотя гносис и находится тайно за существованием, то, что действует, не является гносисом, но магическим Невежеством Знания [61](#), непредсказуемой, хотя внешне явно механической Сверхразумной Майей. Таким образом, Божественное здесь на первый взгляд предстает перед нами как ровный, пассивный и безличный Свидетель Дух, неподвижный и дающий согласие Пуруша, не связанный качеством, Пространством или Временем, чья поддержка или санкция беспристрастно дана игре всего действия и энергий, которые трансцендентная Воля однажды уже разрешила и уполномочила самореализоваться в космосе. Этот Свидетель Дух, это неподвижное Я в вещах, кажется не проявляет никакой воли и ничего не определяет; и все же мы узнаём то, что сама его пассивность, его молчаливое присутствие принуждает все вещи продвигаться даже в их неведении к божественной цели и привлекает через разделение к ещё не реализованному единству. И всё же никакая высшая непогрешимая Божественная Воля кажется не присутствует в этом, а лишь широко задействованная Космическая Энергия механического исполнительного Процесса, Пракрити. Это — одна сторона космического Я; другая представлена как вселенское Божество, единое в бытии, множественное в личности и силе, которое придаёт нам, когда мы входим в сознание его вселенских сил, чувство бесконечного качества, воли, действия и мирового знания и единого, но безграничного наслаждения; потому что через него мы становимся едины со всеми

существованиями не только в их сути, но и в их игре действия, видим себя во всём и всё в нас, постигаем всё знание, мысль и чувство как движение единого Ума и Сердца, всю энергию и действия как кинетику единой властной Воли, всю Материю и форму как часть единого Тела, все личности как проекции одной Личности, все это как искажения единого и единственного реально существующего "Я" [62](#). В нём мы более не остаёмся отдельными, но теряем наше активное эго во вселенском движении, также как через Свидетеля, не имеющего качеств и вечно непривязанного и незатронутого, мы теряем своё статическое эго во вселенском покое.

И всё же здесь сохраняется противоречие между этими двумя условиями, отстранённым божественным Безмолвием и всеобъемлющим божественным Действием, которое мы можем разрешить в себе определённым способом, на определённой высокой ступени, которая для нас выглядит завершённой, но не является таковой, потому что на ней нет возможности полностью преобразовать и завладеть. Вселенский Мир, Свет, Сила, Блаженство — наши, но их действительное выражение не является выражением Сознания Истины, божественного Гносиса, но всё же, пусть и чудесно освобождённое, вознесённое и просветлённое, поддерживает лишь нынешнее самовыражение Космического Духа и не трансформирует, подобно Трансцендентальному Нисхождению, двусмысленные символы и завуалированные тайны мира Неведения. Мы сами свободны, но земное сознание остается в оковах; только дальнейшее трансцендентальное восхождение и нисхождение могут полностью устранить противоречие, преобразовать и принести освобождение.

Ибо существует ещё и третий крайне близкий и личный аспект Владыки Трудов, который является ключом к его самым засознательно сокрытым таинствам и экстазу; ибо он отделяет от тайны скрытого Трансцендентного и двусмысленного проявления космического Движения индивидуальную Силу Божественного, способную быть посредником между этими двумя и перекинуть мост для нас от одного к другому. В этом аспекте трансцендентная и вселенская личность Божественного приспособляется к нашей индивидуализированной личности и принимает личные отношения с нами, сразу же отождествившись с нами как наше верховное Я и всё же близкая и отличная как наш Владыка, Друг, Любовник, Учитель, наш Отец и наша Мать, наш Партнёр в великой мировой игре, замаскировавшийся в ней под друга и врага, помощника и противника и, во всех взаимоотношениях и во всех деяниях, влияющих на нас, направляющий наши шаги к нашему совершенству и освобождению. И именно благодаря этому более личностному проявлению нам доступна некоторая возможность полного трансцендентального переживания; ибо в нём мы встречаем Единого не просто в освобождённом спокойствии и мире, не просто с пассивным им активным подчинением в наших делах или через таинство единения со вселенским Знанием и Силой, наполняющей нас и руководящей нами, но с экстазом божественной Любви и Божественного Восторга, который возносится за пределы молчаливого Свидетеля и активной Силы Мира к определённой положительному предвидению величайшей несущей блаженство тайны [63](#). Потому что не сколько знание, ведущее к некому невыразимому Абсолюту, не сколько труды, поднимающие нас над мировым процессом к изначальному верховному Знающему и Владыке, сколько именно эта наиболее интимная для нас вещь, хотя в настоящее время и совершенно неясная, хранит для нас завернутым в свою страстную вуаль глубокий и восхитительный секрет трансцендентного Божества и некую абсолютную позитивность его совершенного Бытия, его всеконцентрирующего Блаженства, его мистической Ананды.

Но индивидуальное отношение с Божественным не всегда или не с [самого] начала приводит в силу величайшее расширение или высочайшее самопревосхождение. Сначала это Божество, близкое нам или постоянное в нас может быть полностью прочувствованно лишь в масштабе нашей личной природы и опыта, Проводник и Владыка, Руководитель и Учитель, Друг

и Любовник, или же Дух, Сила или Присутствие, составляющее и возносящее наше направленное вверх и увеличивающееся движение при помощи силы его сокровенной реальности, пребывающей в сердце или руководящей нашей природой с высоты, превышающей наш самый высокий интеллект. Именно наша личная эволюция является его заботой, личные отношения, являющиеся нашей радостью и осуществлением, перестройка нашей природы в его божественный образ, являющаяся нашим обретением себя и совершенством. Внешний мир кажется существует лишь как поле для этого роста, как источник материалов или помогающих или противоборствующих сил для его последовательных этапов. Наши работы, сделанные в этом мире, есть его работы, но даже тогда, когда они служат некоей временной вселенской задаче, их главная цель для нас будет сделать внешне динамическими наши взаимоотношения с этим вечным Божеством, или придать им внутреннюю силу. Многие ищущие не просят о большем, или видят продолжение и реализацию [для себя] этого духовного расцвета лишь на запредельных небесах; союз осуществляется и делается постоянным в вечной обители его совершенства, радости и красоты. Но этого недостаточно для ищущего интегрально; как бы оно ни было интенсивно и прекрасно, личное изолированное достижение не может быть его полной целью или всем его существованием. Должно наступить время, когда личное откроется вселенскому; сама наша индивидуальность, духовная, ментальная, виталическая, даже физическая, становится вселенской: она выглядит как сила его вселенской силы и космического духа, или же она содержит вселенную в той невыразимой бескрайности, которая приходит к индивидуальному сознанию тогда, когда оно разрывает путы и востекает вверх к Трансцендентности и во все стороны к Бесконечности.

* * *

В Йоге, проживаемой полностью на одухотворенном ментальном уровне, возможно и даже обычно для этих трёх фундаментальных аспектов божественного — Индивидуального или Постоянного, Космического и Трансцендентного — стоять порознь как отдельные реализации. Каждый сам по себе тогда выглядит достаточным для удовлетворения стремления ищущего. Только лишь с личным Божеством во внутреннем просветлённом покое сердца, он может построить свое бытие по образу Возлюбленного и подняться из падшей Природы для того, чтобы жить с ним в неких небесах Духа. Освобожденный в космической бескрайности, избавленный от эго, с личностью, уменьшенной до точки приложения вселенской Силы, спокойный, свободный, бессмертный во вселенной, неподвижный в Свидетельствующем Я, даже будучи широко раскинувшимся без ограничений в бесконечном Пространстве и Времени, он способен наслаждаться в мире свободой Безвременного. Однонаправленный к некоей невыразимой Трансцендентности, отбрасывающий в сторону свою личность, стряхивающий с себя труд и беспокойство всемирного Динамизма, он может укрыться в невыразимой Нирване, свести на нет всё сущее в нестерпимом восторге полёта в Непередаваемое.

Но ни одно из этих достижений не будет достаточным для того, кто ищет широкой завершенности интегральной Йоги. Индивидуального спасения ему не достаточно; ибо он обнаруживает себя открывающимся космическому сознанию, которое далеко превосходит своей широтой и простором узкое напряжение ограниченной индивидуальной реализации, и чей призыв невозможно проигнорировать; ведомый этим непреодолимым принуждением, он должен пробиться через все разделительные барьеры, и простереться в Природе мира, заключив в себя вселенную. Сверху тоже существует динамическая реализация, крайне нужная для него, давящая из Высшего на этот мир существ, и лишь некоторое вмещение и превосхождение [посредством]

космического сознания может высвободить в проявление здесь это ещё нерастраченное великолепие. Но и космического сознания тоже недостаточно; ибо оно тоже не есть вся Божественная реальность, не интегрально. Он должен раскрыть божественный секрет, который стоит за личностью; там, в ожидании своего принесения сюда, во Время, лежит тайна воплощения Трансцендентности. В космическом сознании в конце концов сохраняется пробел, не равное уравнение высшего Знания, которое может освободить, но не воздействовать, с Силой, казалось бы использующей ограниченное или маскирующееся поверхностным Невежеством Знание, которая может создавать, но создаёт несовершенство или совершенство преходящее, ограниченное и закрепощенное. С одной стороны здесь стоит свободный нединамический Свидетель, с другой — связанная Исполнительница действия, которой не были даны все средства к действию. Примирение этих сопутствующих друг другу противоположностей кажется припасено, отложено, отсрочено и удерживается в Непроявленном за нашими пределами. Но, опять же, просто бегство в некую абсолютную Трансцендентность оставляет личность нереализовавшейся и всемирное действие незавершённым, и не может удовлетворить интегрального искателя. Он чувствует, что Истина, которая вечна, является Силой, которая творит, равно как и выступает стабильным Существованием; она не есть просто Сила исключительно иллюзорного или невежественного проявления. Вечная Истина может проявить свои истины во Времени; она может творить в Знании, а не только в Бессознательности или Неведении. Божественное Нисхождение не меньше, чем восхождение возможно для Божества; существует перспектива привнесения вниз будущего совершенства и освобождения в настоящем. По мере расширения его знания, для него становится все более и более очевидным то, что именно для этого Владыка Трудов бросил вниз душу, заключённую в нём, сюда как искру своего огня в темноту, с тем, чтобы она могла вырасти там в источник Света вечного.

Трансцендентное, Вселенское, Индивидуальное — вот три силы, венчающие, лежащие в основе и пронизывающие всё проявление; это первая из Троиц. В разворачивании сознания также есть три фундаментальные стадии, и не одна из них не может быть пропущена, если нам суждено испытать всю Истину существования. Из индивидуального мы просыпаемся в более просторное и свободное космическое сознание; но также из всемирного с его сложной системой форм и сил мы должны проникнуть с помощью ещё более великого самопревосхождения в сознание без границ, основанное на Абсолюте. И всё же в этом восхождении мы на самом деле не устрояем, но используем и преобразуем то, что казалось бы мы оставляем; ибо существует высота, на которой все три вечно живут друг в друге, на этой высоте они блаженно соединены в узле своего гармонизированного единства. Но эта вершина располагается выше высочайшей и величайшей одухотворенной ментальности, даже если какое-то ее отражение и может быть там воспринято и пережито; ум, чтобы достигнуть ее, жить там, должен превзойти себя и быть преобразован в супраментальный гностический свет, силу и субстанцию. В этом низшем уменьшенном сознании действительно может быть попытка достичь гармонии, но она всегда будет несовершенной; координация возможна, но не одновременная слитная реализация. Восхождение из ума обязательно для любой более великой реализации. Или же должно быть, при восхождении или как его следствие, динамическое нисхождение самосуществующей Истины, которая всегда существует вознесённой в своём собственном свете над Умом, вечная, первичная по отношению к проявлению Жизни и Материи.

Ибо Ум есть Майя, sat-asat. здесь лежит область охвата истинного и ложного, существующего и несуществующего, и именно в этой двусмысленной области кажется царит Ум; но даже в его собственном царстве он поистине является уменьшенным сознанием, он не является частью исконной и верховной порождающей силы Вечного. Даже если Ум способен отобразить некий образ сущностной Истины в своей субстанции, всё равно динамическая сила и

действие Истины оказываются в нём всегда разбитыми и разделёнными. Всё, на что способен Ум, это сложить вместе по кусочкам фрагменты и получить единство; истина Ума это всего лишь полуправда или часть загадки. Ментальное знание всегда относительно, частично и неполно, и его внешнее действие и творчество получается ещё более запутанным на его стадиях, или точно лишь в узких границах и в результате несовершенного сложения фрагментов. Даже в этом уменьшенном сознании Божественное проявляется как Дух в Уме, так же как он движется как Дух в Жизни, и ещё загадочнее живет как Дух в Материи; но не здесь лежит его полное динамическое откровение, не здесь совершенные отождествления Вечного. Лишь тогда, когда мы пересекаем границу [и попадаем] в большее сиятельное сознание и самосознающую субстанцию, где божественная Истина не странник, а коренной обитатель, Владыка нашего существования откроется нам в непреходящей интегральной истине своего бытия, своих сил и своих деяний. И лишь там его дела в нас обретут непогрешимость движения [к] его неотклонимой супраментальной цели.

Но это — конец долгого и трудного пути, и Владыка трудов не ждет до тех пор для того, чтобы встретить ищущего на пути Йоги и возложить свою тайную или полувидимую Руку на него и на его внутреннюю жизнь и действия. Он уже в мире как Зачинатель и Получатель трудов за плотными покровами Бессознательного, замаскированный силой Жизни, видимый для Ума в символических божествах и образах. Возможно, именно под этой личиной впервые встречает он душу, предназначенную для пути интегральной Йоги. Или даже нося ещё более плотные покровы, он может быть постигнут нами как Идеал или воспринят ментально как абстрактная Сила Любви, Добра, Красоты или Знания; или, когда мы направляем свои шаги в сторону Пути, он может прийти к нам замаскированный под призыв Человечества или Волю вещей, ведущие к освобождению мира из объятий Тьмы, Лжи, Смерти и Страдания — великой четверки Неведения. Затем, после нашего вступления на путь, он окутывает нас своей широкой и могучей освобождающей Безличностью или пододвигается поближе к нам с лицом и фигурой личного Божества. Внутри и вокруг нас мы чувствуем Силу, которая поддерживает, защищает и лелеет; мы слышим Голос, который указывает путь; сознательная Воля большая, чем наша, руководит нами; повелительная Сила движет нашу мысль и поступки, и само наше тело; вечно расширяющееся Сознание принимает в себя наше, живой Свет Знания освещает всё внутри, или Блаженство овладевает нами; Могущественность давит сверху, конкретная, массивная и непреодолимая, и проникает и вливается в самую ткань нашей природы; там царит Мир, Свет, Блаженство, Сила, Величие. Или же существуют взаимоотношения личные, интимные как сама жизнь, сладостные как любовь, всеохватывающие как небо, глубокие как бездна вод. Друг идет бок о бок с нами; Любовник присутствует в тайне нашего сердца; Владыка Труда и Испытания указывает нам наш путь; Создатель вещей использует нас в качестве своих инструментов; мы на руках у вечной Матери. Все эти более легко воспринимаемые аспекты, в которых Невыразимое встречает нас, есть истины, а не просто помогающие символы или полезные воображаемые образы; но по мере нашего продвижения их первые несовершенные формулировки в нашем опыте стремятся к большему видению единой Истины, стоящей за ними. С каждым шагом их обычные ментальные маски спадают, и они приобретают большее, более глубокое, более интимное значение. Наконец на супраментальных границах все эти Божества соединяют свои священные формы и, не прекращая существовать, объединяются. На этом пути Божественные Аспекты обнаружили себя не только для того, чтобы быть отброшенными; они не являются временными духовными условностями или компромиссами с иллюзорным Сознанием или мечтательными образами, таинственно выброшенными на нас непередаваемым сверхсознанием Абсолюта; напротив, их сила возрастет и их абсолютность раскрывается по мере их приближения к Истине, из которой они вышли.

Ибо эта ныне сверхсознательная Трансцендентность является Силой так же, как и Существованием. Супраментальная Трансцендентность не является бессмысленным Чудом [64](#), но невыразимым, что вечно заключает в себе все сущности вещей, которые вышли из неё; она содержит их там в их высшей вечно длящейся реальности и в их собственных характерных абсолютах. Уменьшение, разделение, деградация, создающие здесь чувство неспособной удовлетворить загадки, тайна Майи, — сами уменьшаются и отпадают от нас в нашем восхождении, и божественные Силы принимают свои истинные формы и всё больше и больше выступают как выражения Истины в процессе [её] реализации здесь. Душа Божественного медленно пробуждается здесь из своей инволюции и сокрытия в материальной Бессознательности. Владыка наших дел вовсе не есть Владыка иллюзий, но высшая Реальность, вырабатывающая свои собственные самовыражающиеся реальности, медленно высвобождаемые из коконов Неведения, в которых в целях эволюционного проявления им было позволено некоторое время дремать. Ибо супраментальная Трансцендентность не есть нечто совершенно отдельное и несвязанное с нашим нынешним существованием. Она есть более великий Свет, из которого всё сущее вышло для приключения Души, проваливающейся в Бессознательность и выявляющейся из неё, и, пока длится это приключение, он, сверхсознательный, ожидает над нашими умами до тех пор, когда не сможет стать сознательным в нас. Тогда он раскроет себя и через это раскрытие покажет нам всё значение нашего собственного бытия и наших дел; ибо он раскроет Божественное, чье более полное проявление в мире освободит и завершит это скрытое значение.

В этом раскрытии Трансцендентное Божество будет становиться всё более и более известным нам в качестве верховного Существования и Совершенного Источника всего, чем мы являемся; но одновременно мы будем видеть его как Владыку трудов и творения, готового всё больше и больше изливать себя в область своего проявления. Космическое сознание и его действие более не будет казаться колоссально регулируемой Случайностью, но полем проявления; там Божественное выглядит управляющим и пронизывающим Космическим Духом, который принимает всё от Трансцендентности и развивает то, что спускается, в формы, которые сейчас тщательно замаскированы или озадачивающе полузамаскированы, но predetermined стать прозрачным откровением. Индивидуальное сознание восстановит свое истинное восприятие и действие; ибо оно есть форма Души, посланной из Всевышнего, и есть, не смотря на все внешние видимости, то ядро или туманность, в котором Божественная Материнская Сила трудится ради победного воплощения не имеющего времени и формы Божества во Времени и Материи. Это медленно откроется нашему взору и опыту как воля Владыки трудов и как их собственное высшее значение, которое одно только и даёт сотворению мира и нашему собственному действию в мире свет и значение. Осознание этого и устремление к осуществлению этого является всей ношей Пути Божественных Трудов в интегральной Йоге.

54. behind the veil

55. ego-Force

56. Deific Essence

57. absolved in her energy

58. Wisdom-Power

59. Truth-Consciousness

60. разумное основание, смысл (*фр.*)

61. Knowledge-Ignorance

62. "I"

63. to some positive divination of a greater beatific secret

64. a vacant Wonder

ПЕРЕД ищущим по пути трудов остается один вопрос, когда его поиски приходят, или кажется что приходят, к естественному концу — остаётся ли работа, и какая, для души после освобождения, и для какой цели? Ровность установилась в природе или она руководит всей природой; достигнуто радикальное освобождение от идеи эго, от понижывающего чувства эго, от всех ощущений и импульсов эго и от его самоволия и желаний. Полное самопосвящение произошло не только в мыслях и сердце, но и во всех сложностях бытия. Гармонично установлена полная чистота или превосхождение трёх гун. Душа увидела Господина своих трудов и живёт в его присутствии, или сознательно содержится в его бытии, или объединена с ним, или ощущает его в сердце или выше и выполняет его указания. Она познала свое истинное бытие и отбросила покров Неведения. Какая же работа остаётся для работника в человеке, и с каким побуждением, для какой цели, в каком духе будет она выполняться?

* * *

Существует один ответ, очень известный в Индии; не остается никакой работы, ибо остается лишь покой. Когда душа может жить в вечном присутствии Всевышнего или когда она объединена с Абсолютом, цель нашего существования в мире, если можно говорить о существовании цели, сразу исчезает. Человек, освобожденный от проклятия саморазделения и от проклятия Невежества, освобождается также и от этого другого бедствия, от проклятия труда. Тогда всякая активность являлась бы умалением верховного состояния и возвращением к Невежеству. Такой подход к жизни поддерживается идеей, основанной на ошибке виталической природы, для которой активность диктуется только одним или всеми тремя низшими мотивами, необходимостью, беспокойным инстинктом и импульсом или желанием. Если же инстинкт или импульс успокоены, желание исчерпано, то откуда быть месту для трудов? Может оставаться какая-то механическая необходимость, не более, и даже это исчезнет навсегда с отпадением тела. Но после всего, даже так, пока жизнь остаётся, действие неизбежно. Просто мышление или, при отсутствии мысли, жизнь сама по себе есть действие и причина многих последствий. Всякое существование в мире есть деяние, сила, потенция, и имеет динамический эффект на целое в силу самого своего присутствия, даже инерция праха, даже молчание недвижимого Будды на краю Нирваны. Вопрос стоит только о характере активности, инструментов, которые применяются или действуют сами по себе, и [характере] духа и знания работника. Ибо на самом деле не человек работает, а Природа работает через него для самовыражения внутренней Силы, которая исходит от Бесконечного. Единственно необходимое — знать это и жить в присутствии и бытии Господина Природы, свободными от желания и иллюзий личных импульсов. Это, а не телесное прекращение активности является истинным освобождением; ибо сразу же прекращается зависимость от работы. Человек может сидеть тихо и неподвижно бесконечно долго, и в то же время быть связанным Невежеством не меньше, чем животное или насекомое. Но если он сумеет сделать это более высокое сознание динамичным в себе, тогда все труды всех миров могут проходить через него, и всё же он будет оставаться [внутренне] неподвижным, в абсолютном покое и мире, свободным от каких-либо пут. Деятельность в мире в начале даётся нам как средство саморазвития и самоосуществления; но даже если бы мы достигли наиболее возможной божественной самозавершённости, она всё же оставалась бы средством

осуществления божественного намерения в мире и большего универсального я, частью которого является каждое существо — частью, которая снизошла вместе с ним из Трансцендентности.

В определённом смысле, когда его Йога достигает определённой кульминации, для человека перестает существовать работа; ибо у него больше нет личной необходимости трудиться, нет смысла в его работе; но нет необходимости и бежать от активности или искать убежища в блаженной инерции. Ибо теперь он действует так, как действует Божественное Существование без какой-либо связывающей необходимости и без какого-либо принуждающего невежества. Даже выполняя работу, он совсем не работает; он не проявляет личной инициативы. Это Божественная Шакти работает в нём через посредство его природы; его деятельность развивается через спонтанность высшей Силы, владеющей его орудиями, частью которой он является, с чьей волей идентична его воля, и его сила — это ее сила. Находящийся в нём дух содержит, поддерживает и наблюдает за этой деятельностью; он руководит ею в знании, но не привержен или пригвождён к работе в результате привязанности или необходимости, не связан желанием ее плодов, не поработен каким либо движением или импульсом,

Распространённой ошибкой является предположение, что активность невозможна или, по крайней мере, бессмысленна при отсутствии желания. Нам говорят, что если пропадёт желание, должна прекратиться деятельность. Но это, как и другие слишком простые обобщения, скорее привлекательно для разделяющего и определяющего ума, чем истинно. Большая часть работы во вселенной выполняется без всякого вмешательства желания; она осуществляется в результате спокойной необходимости и спонтанного закона Природы. Даже человек постоянно выполняет различную работу благодаря спонтанному импульсу, интуиции, инстинкту, или действует повинувшись естественной необходимости и закону сил без ментального планирования или побуждения сознательного виталического волевого акта или эмоционального желания. Достаточно часто его действие противоречит его намерениям или желаниям; оно исходит от него подчиняясь необходимости или принуждению, подчиняясь импульсу, повинувшись силе, действующей в нём и стремящейся к самовыражению, или сознательному поиску более высокого принципа. Желание служит дополнительной приманкой, которой Природа отвела большое место в жизни живых существ, чтобы вызвать некоторого рода раджасическое действие, необходимое для ее промежуточных целей; но оно не является ее единственным или даже главным двигателем. Оно имеет большое значение пока действует; оно помогает нам преодолеть инерцию, противоречит многим тамасическим силам, которые в противном случае препятствовали бы действию. Но ищущий, далеко прошедший по пути трудов, вышел за пределы промежуточной стадии, на которой желание является помогающим средством. Оно более не является необходимым для его активности, а скорее является ужасным препятствием и источником помех, неэффективности и поражения. Другие вынуждены подчиняться личному выбору или мотиву, но ему придется научиться действовать с безличным или вселенским умом, или же как часть или орудие бесконечной Личности. Спокойное безразличие, радостная незаинтересованность или блаженный отклик на божественную Силу, чтобы она ни предписывала, является условием эффективности его работы или предприятия какой-либо стоящей деятельности. Не желание, не привязанность должны направлять его, а Воля, действующая в божественном покое, Знание, исходящее из трансцендентного Света, радостный Импульс, являющийся силой, исходящей от верховной Ананды.

* * *

На продвинутой стадии Йоги для ищущего безразлично, в смысле какого-либо личного

предпочтения, какую деятельность он осуществляет или не осуществляет; даже его действие или бездействие не зависит от его личного выбора или желания. Всегда он движим сделать то, что соответствует Истине, или что требует Божество через его природу. Отсюда иногда делают неправильный вывод о том, что духовный человек, принимая то положение, в которое он поставлен Судьбой или Богом, или его прошлой Кармой, довольствуясь работой в той области и в том окружении семьи, клана, касты, нации, которые унаследовал от рождения и по обстоятельствам, не будет, а может быть и не должен принимать какие-либо меры чтобы превзойти их или стремиться к более высокой светской цели. Поскольку у него в действительности нет работы, поскольку он в действительности только использует работу, причём любую работу, пока он пребывает в теле чтобы достигнуть освобождения или, достигнув его, только для того, чтобы повиноваться верховной Воле и выполнять всё, что она предписывает, то для этой цели достаточно той области, которая ему представлена. Став свободным, ему остаётся только продолжать работать в той сфере, которая определена ему Судьбой и обстоятельствами до тех пор, пока не настанет великий час, когда он сможет наконец исчезнуть в Бесконечности. Добиваться какого-то определённого результата или работать ради какой-либо высокой светской цели значит впасть в иллюзию работы; это значит придерживаться ошибочного мнения, что земная жизнь имеет вразумительное направление и содержит цели, которых стоит добиваться. Великая теория Иллюзии, которая является практическим отрицанием Божественного в мире, даже когда она в принципе признает Присутствие, опять перед нами. Но Божественное присутствует в мире, — не только статически, но и динамически, не только как духовное я и присутствие, но как власть, сила, энергия, и поэтому божественная работа в мире возможна.

Нет такого узкого принципа, такой области ограниченной деятельности, которые можно было бы навязать Кармайогину в качестве правила или сферы его деятельности. Совершенно верно то, что любая работа, маленькая или большая для воображения, мелкого или широкого масштаба, может быть одинаково использована на пути к освобождению или для самодисциплины. Также верно, что после освобождения человек может пребывать в любой сфере жизни и любого вида активности и реализовать там своё существование в Божественном. В зависимости от того, как его направляет Дух, он может оставаться в той сфере, которая присуща ему от рождения и обстоятельств, или порвать эти рамки и продвинуться к неограниченной активности, которая будет подходить его возросшему сознанию и более высокому знанию. Для внешнего взгляда людей внутреннее освобождение может не повлечь за собой видимых изменений в его внешней деятельности; или наоборот внутренняя свобода и бесконечность могут отразиться во внешней динамичной работе, настолько обширной и новой, что всеобщее внимание будет поглощено этой новой силой. Если таково в нём намерение Всевышнего, освободившаяся душа может быть довольна лёгкой и ограниченной активностью в пределах старого человеческого окружения, никоим образом не стремясь изменить ее внешние проявления. Однако, она так же может быть призвана к такой работе, которая не только изменит форму и сферу своей собственной внешней жизни, но создаст новый мир или новый порядок, изменив вокруг себя всё.

* * *

Нас может преследовать постоянная идея о том, что единственной целью освобождения является обеспечить индивидуальную душу свободой от физического возрождения в нестабильной жизни мира. Если эта свобода обеспечена, то для неё уже не существует

дальнейшей работы в жизни здесь или где-то ещё, за исключением разве что той, которая требуется для продолжающих существовать потребностей тела, или неизбежной в результате нереализованных последствий прошлых жизней. Это немного, быстро исчерпывающееся или поглощающееся огнем Йоги, прекратится после того, как освободившаяся душа покинет тело. Цель избежать возрождения, которая давно зафиксирована в индийской ментальности как высшая цель души, заменила собой наслаждение за пределами раем, которое закреплялось в ментальности верующих многими религиями в качестве божественной приманки. В индийской религии также содержался этот более ранний и низший призыв, когда доминирующим кредо являлось грубое внешнее истолкование Ведических гимнов, а дуалисты в более поздней Индии также сохранили его в качестве части их высшего духовного мотива. Безусловно, освобождение от ограничений ума и тела к вечному миру, покою, безмолвию Духа обладает большей привлекательностью, чем предложение рая ментальных радостей или бесконечно продолжающихся физических удовольствий, но и это в конце концов лишь приманка; настойчивая идея усталости ума от мира, уклонения живого существа от риска рождения, играет на струнах слабости и не может служить высшим мотивом. Стремление к личному спасению, как бы высоко по форме оно ни было, является продуктом эго; оно покоится на идее нашей собственной индивидуальности и ее стремлении к личному благу или благополучию, ее страстном желании освободиться от страданий и на ее призыве к уничтожению забот становления, и делает это высшей целью нашего существования. Для полного отказа от этой основы эго необходимо подняться выше стремления к личному спасению. Если мы ищем Божественное, то это должно быть ради Божественного и не для чего иного, потому что это является высшим призывом нашего существа, глубочайшей истиной духа. Поиск освобождения, свободы души, реализации нашего истинного и высшего я, единения с Божественным, оправдан только потому, что это высший закон нашей природы, потому что он является притяжением того, что есть низшего в нас, к более высокому, потому что такова Божественная воля в нас. Это является достаточным оправданием и единственной истинной причиной; все другие мотивы являются наростами, второстепенными или случайными истинами или удобными ловушками, которые душа должна избегать, как только необходимость в них отпадает, и состояние единства со Всевышним и со всеми существами становится нашим нормальным сознанием, и блаженство этого состояния — нашей духовной атмосферой.

Часто мы видим, что это стремление к личному спасению преодолевается другим притяжением, которое также принадлежит к более высокой стороне нашей природы и которое указывает на тот существенный характер действия, которого должна придерживаться освобожденная душа. Это то, что подразумевается в великой легенде об Амитабха Будде, который повернул назад, когда его душа находилась на пороге Нирваны, и дал клятву никогда не переступить его, пока хоть одно существо пребывает в скорби и Неведении. Это то, что подчёркнуто в возвышенных стихах Бхагавата Пураны, "Я не желаю ни высшего состояния со всеми его восемью сиддхи, ни прекращения цепи рождений; дозвожь мне принять горе всех существ, которые страдают, и войти в них, чтобы освободить их от печали". Это воодушевило на замечательные строки письма Свами Вивекананду. "Я потерял всякое желание своего спасения", — писал великий Ведантист, — "пусть возрождаюсь я снова и снова, и страдаю тысячью, несчастий, чтобы я мог поклоняться единственному существующему Богу, единственному Богу, в которого я верю, тотальной сумме всех душ, — и превыше всех, мой Бог порочный, мой Бог несчастный, мой Бог бедняк всех рас, всех народов, является особым предметом моего поклонения. Ему, который является высоким и низким, святым и грешником, богом и червяком, Ему поклоняйтесь, видимому, познаваемому, реальному, вездесущему; сокрушите всех других идолов. В ком нет ни прошлой жизни, ни будущего рождения, ни смерти,

ни ухода, ни прихода, вком мы всегда пребывали и всегда будем едины, Ему поклоняйтесь; сокрушите всех других идолов".

В последних двух предложениях содержится в действительности вся суть вопроса. Истинное спасение или истинная свобода от цепи возрождения заключается не в отказе от земной жизни или в индивидуальном уходе в результате духовного самоуничтожения, подобно тому, как истинное отречение заключается не в простом физическом устранении от семьи и общества; это есть внутреннее отождествление с Божественным, в котором нет ограничений прошлой жизни и будущего рождения, но вместо этого вечное существование нерожденной Души. Тот, кто внутренне свободен даже действуя, ничего не делает, говорит Гита; ибо это Природа действует в нём под руководством Господина Природы. В равной мере, даже если он сто раз облачается в тело, он свободен от любой цепи рождений или механического колеса существования, поскольку он живет в нерожденном и бессмертном духе, а не в жизни тела. Поэтому привязанность к избежанию возрождения (рождения вновь) является одним из идолов, который, кто бы его ни придерживался, Садхакой интегральной Йоги должен быть уничтожен и отброшен. Ибо эта Йога не ограничивается реализацией индивидуальной душой Трансцендентного за пределами всего мира; она охватывает также реализацию Вселенского, "тотальную сумму всех душ", и поэтому не может ограничиться движением к личному спасению и уходу. Даже в своём превосходении космических ограничений он всё же продолжает быть единым со всем в Боге; для него остается божественная работа в мире.

* * *

Эта работа не может фиксироваться или определяться каким-либо умственным законом или человеческим стандартом; ибо его сознание ушло от человеческого закона и ограничений и перешло в божественную свободу, из под управления внешним и переходящим к самоуправлению внутренним и вечным, от связывающих форм конечного к свободному самоопределению Бесконечного. "Как бы он ни жил, и ни действовал", — говорит Гита, — "он живет и действует во Мне". Законы, которые установлены человеческим интеллектом, не могут быть применены к освобожденной душе, — такой не может быть судим по внешним критериям и испытаниям, которые предписываются их ментальными ассоциациями и предубеждениями; он находится за пределами узкой юрисдикции этих склонных ошибаться трибуналов. Не имеет значения, носит ли он одеяние аскета или живет полной жизнью главы семьи; проводит ли он свои дни в, как говорят, святых трудах, или в многосторонней мирской деятельности; посвящает ли он себя непосредственно тому, чтобы вести людей к Свету как Будда, Христос или Шанкара, или управляет царствами как Янака, или предстаёт перед людьми, как Шри Кришна, политиком или полководцем; что он ест или пьет; каковы его привычки или занятия; терпит ли он поражение или имеет успех; является ли его труд конструктивным или разрушительным; поддерживает ли он или восстанавливает старый порядок, или трудится, чтобы создать новый; общается ли он с такими, которых люди уважают, или с теми, которых людское чувство превосходства в добродетельности отвергает или порицает; оправдывают ли его современники его жизнь и поступки, или проклинаят его как сбивающего людей с пути и возбудителя религиозных, моральных или общественных ересей. Им не руководят суждения людей или законы, установленные невеждами; он послушен внутреннему голосу и движим невидимой Силой. Его истинная жизнь внутри, и ее описанием является то, что он живет, движется и действует в Боге, в Божественном, в Бесконечном.

Но если его действиями не руководит внешнее правило, то он руководствуется одним

правилом, которое не является внешним; оно диктуется не личным желанием или целью, но будет частью сознательной и в конечном счете хорошо организованной, потому что самоорганизованной, божественной деятельности в мире. Гита утверждает, что деятельность освобожденного человека должна направляться не желанием, но должна быть направлена на поддержание вселенной, ее управления, руководства, импульсов, сохранения на пути, который ей предназначен. Это предписание [обычно] трактуется в том смысле, что раз вселенная, будучи иллюзией, в которой должно пребывать большинство людей, поскольку они не способны к освобождению, то внешне он должен действовать так, чтобы сохранять в них привязанность к их обычной работе, возложенной на них общественным законом. Если бы это было так, то это было бы плохим и мелким правилом, и каждое благородное сердце отвергло бы его, чтобы лучше следовать божественной клятве Амитабха Будды, возвышенной молитве Бхагавата, страстному устремлению Вивекананды. Но если мы предпочли точку зрения, что мир является божественно управляемым движением Природы, проявляющейся в человеке в направлении Бога, и что это тот самый труд, которым, как объявляет в Гите Господь, он вечно занят, хотя не существует ничего, что бы он не имел или мог ещё иметь, тогда это великое указание приобретает глубокий и истинный смысл. Участвовать в этой божественной работе, жить для Бога в мире будет являться правилом для Кармайогина; жить для Бога в мире и поэтому действовать так, чтобы Божественное могло всё больше и больше проявлять себя, а мир двигаться вперед любым путем его таинственного паломничества и становиться ближе к божественному идеалу.

Как он будет делать это, каким путем это осуществить — не может быть решено посредством общего правила. Оно должно развиваться или определиться изнутри; решение лежит между Богом и нашим я, Верховным Я и индивидуальным я, которое является орудием этого труда; даже ещё до освобождения, именно из внутреннего я, как только мы начинаем сознавать его, исходит санкция, духовно определённый выбор. Точно также изнутри должно прийти знание работы, которую надлежит совершить. Нет такой особенной работы, закона, или формы, или внешне установленного, или неизменного вида или способа труда, который можно было бы определить как присущий освобожденному существу. Фраза, использованная в Гите для выражения этой работы, которая должна быть выполнена, в действительности истолкована в том смысле, что мы должны выполнять свой долг независимо от его результатов. Но это понимание рождено Европейской культурой, которая скорее этична, чем духовна, и скорее внешняя, чем глубоко внутренняя по своим концепциям. Не существует общего понятия долга; мы имеем только обязанности, часто конфликтующие между собой, они определяются нашим окружением, нашими общественными отношениями, нашим внешним статусом в жизни. Они имеют большую ценность в воспитании нашей незрелой моральной природы и создании стандарта, который препятствует действию эгоистических желаний. Уже было отмечено, что пока ищущий лишён внутреннего света, то ему необходимо руководствоваться тем лучшим светом, которым он располагает, при этом долг, принцип, причина — среди прочих стандартов, которые он может временно создавать и придерживаться их. Но при всём том, обязанности суть внешние вещи, не относящиеся к ткани души, и не могут служить конечной нормой действия на этом пути. Долг солдата сражаться, когда ему приказано, даже стрелять в своих знакомых и родных; но такой стандарт или подобный ему не может быть навязан освобожденному человеку. С другой стороны, любить или проявлять сострадание, повиноваться высшей истине нашего бытия, следовать повелению Божественного не есть обязанности; это закон природы, когда она поднимается к Божественному, изливание действия из состояния души, высокая реальность духа. Деятельность освобожденного исполнителя работ должна быть именно таким изливанием из души; она должна приходиться к нему или исходить из него как естественный результат его духовного единства с Божественным, а не быть сформированной путем назидательного

конструирования ментальной мысли и воли, практического рассудка или общественного мнения. В обычной жизни руководством является выработанное личностью, обществом или традицией правило, стандарт или идеал; как только начинается духовный путь, это должно быть заменено внутренним и внешним правилом или образом жизни, необходимым для нашей самодисциплины, освобождения и совершенствования, жизненным порядком, соответствующим тому пути, по которому мы идём, или к этому должно быть присоединено воздействие того, кто признан [нами] духовным пастырем и господином. Гуру, или же предписания Руководителя внутри нас. Но на последней стадии душевной бесконечности и свободы все внешние нормы заменяются или откладываются в сторону, и остается только спонтанное и интегральное подчинение Божественному, с которым мы объединены, и активность, спонтанно осуществляющая интегральную духовную истину нашего бытия и природы.

* * *

Это тот более глубокий смысл, который мы должны признать в афоризме Гиты, что действие, определяемое и руководимое природой должно быть нашим законом в трудах. Безусловно, подразумевается не поверхностный темперамент или характер, или привычные импульсы, а в буквальном смысле санскритского слова наше "собственное бытие", наша сущностная природа, божественная материя наших душ. Всё, что возникает из этого корня или вытекает из этих источников, является глубоким, необходимым, правильным; всё остальное — мнения, импульсы, привычки, желания — могут быть только поверхностными образованиями или случайными причудами существа или внушениями извне. Последние перемещаются и изменяются, но это остается неизменным. Не исполнительные формы, принятые Природой в нас, являются нашим я, или наши неизменно постоянные и выразительные формы, но духовное бытие в нас — и это включает его становление души — которое пребывает во все времена во вселенной.

Однако мы не в состоянии легко распознать этот истинный внутренний закон нашего бытия; он спрятан от нас, пока сердце и интеллект остаются неочищенными от эгоизма: до тех пор мы следуем поверхностным и непостоянным идеям, импульсам, желаниям, предложениям и внушениям всех видов от нашего окружения или вырабатываем формации нашей временной ментальной, виталической, физической личности — этого проходящего эмпирического и структурированного я, которое было создано для нас посредством взаимодействия между нашим существом и давлением низшей космической Природы. Пропорционально тому как мы очищаемся, истинное существо внутри проявляет себя более ясно; наша воля менее затрагивается внушениями извне и менее зациклена на наших поверхностных ментальных конструкциях. Когда будет отвергнут эгоизм и природа очистится, действие придёт из указания души, из глубины или высоты духа, или будет открыто руководиться Господом, который всё время тайно пребывал в наших сердцах. Высочайшее и окончательное слово Гиты для Йогина заключается в том, что он должен отказаться от всех общепринятых формул веры и действия, всех установленных и внешних правил поведения, всех конструкций внешней поверхностной Природы, Дхарм, и найти прибежище только в Божественном. Свободный от желаний и привязанностей, в единстве со всеми существами, живя в бесконечной Истине и Чистоте и действуя исходя из самых глубин его внутреннего сознания, руководимый его бессмертным, божественным и высочайшим Я, [он достигнет того, что] все его труды будут направляться внутренней Силой посредством того сущностного духа и природы в нас, которая, постигая, воюя, трудясь, любя и служа, всегда является божественной, направляться к осуществлению Бога

в мире, к выражению Вечного во Времени.

Божественная активность, вытекающая спонтанно, свободно, безошибочно из света и силы нашего духовного я в единении с Божественным, является последней стадией интегральной Йоги Трудов. Самой истинной причиной, почему мы должны искать освобождение, является не то, чтобы освободиться индивидуально от скорби мира, хотя и это освобождение так же будет дано нам, но для того, чтобы мы могли быть едины с Божественным, Всевышним, Вечным. Самая истинная причина, почему мы должны стремиться к совершенству, верховному статусу, чистоте, знанию, силе, любви, уменью, заключается не в том, чтобы мы могли лично наслаждаться божественной Природой или быть подобными богам, хотя и это наслаждение будет нашим, а в том, что это освобождение и совершенство являются божественной Волей в нас, высочайшей истиной нашего я в Природе, вечно предполагаемой целью прогрессивного выражения во вселенной. Божественная Природа, свободная, совершенная и блаженная, должна проявиться в индивидууме для того, чтобы она могла появляться в мире. Даже в Неведении индивидуум в действительности живет во вселенском и для вселенской Цели, ибо в самом преследовании целей и желаний своего эго, он вынужден Природой содействовать своим эгоистическим действием ее работе и цели в мирах; но это делается без сознательного намерения, несовершенно, и его вклад присовокупляется к ее полуразвитому и полусознательному, грубому несовершенному движению. Избавление от эго и единение с Божественным является одновременно освобождением и окончательным оформлением его индивидуальности; освобожденный, очищенный, усовершенствованный таким образом индивидуум — божественная душа — живет сознательно и полностью, как было изначально предназначено, внутри и для космического и трансцендентного Божественного и ради его Воли во вселенной.

На Пути Знания мы можем прийти к такой точке, когда мы можем выпрыгнуть из личности и вселенной, освободиться от всякого мышления, и воли, и трудов, и любого вида Природы и, будучи поглощены и вовлечены в Вечность, погрузиться в Трансцендентность; это, хотя и не обязательно для познающего Бога [65](#), может быть решением души, условием, поставленным нашим внутренним я. На Пути Преданности путем интенсивного обожания и радости мы можем достигнуть союза с верховным Вселюбящим, и вечно оставаться в экстазе его присутствия, поглощенные только им, находясь сокровенно в одном мире блаженства с ним; это тогда может стать импульсом нашего существа, его духовным выбором. Но на Пути Трудов открывается другая перспектива; ибо путешествуя по этому пути, мы можем прийти к освобождению и совершенству, приняв единый закон и силу природы с Вечным; мы отождествляемся с ним в нашей воле и динамическом я в той же мере, что и в нашем духовном статусе; естественным итогом этого союза является божественный способ совершения трудов; божественная жизнь в духовной свободе — телом его самовыражения. В Интегральной Йоге эти три линии подхода перестают быть исключительными, встречаются, сливаются или вытекают одна из другой; освободившись от завесы ума над я, мы живем в Трансцендентном, благодаря обожанию сердца вступаем в единение верховной любви и блаженства, все силы нашего бытия восходят к единой Силе, наша воля и труды отдаются единой Воле и Власти, и мы воспринимаем динамичное совершенство божественной Природы.

ИНТЕРГАЛЬНАЯ Йога содержит, в качестве жизненного и необходимого элемента своей суммарной и конечной цели, превращение всего бытия в более высокое духовное сознание и более широкое божественное существование. Наши части воли и действия, наши части знания, наше мыслящее существо, наше эмоциональное существо, наше жизненное существо, всё наше я и природа должны искать Божественное, вступить в Бесконечность, соединиться с Вечным. Но человеческая природа в настоящее время ограничена, разделена, неровна, — для человека легче всего сосредоточиться на самой сильной части его бытия и следовать определенной линии прогресса, соответствующей его природе: только редкие индивидуумы обладают необходимой силой, чтобы сразу сделать гигантский решительный бросок прямо в море Божественной Бесконечности. Поэтому некоторые должны избрать в качестве отправного пункта сосредоточение в мысли, или созерцание, или направленность ума в одну точку, чтобы найти вечную реальность Я в себе; другие в состоянии более легко уединиться в сердце, чтобы встретить там Божественное, Вечное: а еще некоторые преимущественно динамичны и активны; для таких лучше всего сосредоточиться в воле и расширить своё бытие через труды. Единые с Я и источником всего в результате отдачи своей воли ее бесконечности, руководимые в своих трудах тайным Божеством внутри или отдавшись Господу космической деятельности как владыке и движителю всех их энергий мысли, чувства, действия, становясь в результате такого расширения бытия неэгоистичными и вселенскими, они могут достигнуть трудами некоторой начальной полноты духовного состояния. Но путь, где бы он ни начинался, должен выйти в более широкое владение; в конце он должен осуществляться через тотальность цельного знания, эмоции, воли динамичного действия, совершенствования бытия и всей природы. В супраментальном сознании, на уровне супраментального существования эта интеграция становится законченной; там знание, воля, эмоция, совершенствование я и динамичной природы, каждое достигает своего собственного абсолюта, и все вместе своей совершенной гармонии и слияния друг с другом, до божественной интегральности, божественного совершенства. Ибо сверхразум есть Сознание Истины, в котором Божественная Реальность, полностью проявленная, больше не работает с инструментами Неведения; истина состояния бытия, которое абсолютно, становится динамичной в истине энергии и активности бытия, которое самосуществующе и совершенно. Каждое движение там — это движение самосознающей истины Божественного Бытия, и каждая часть находится в полной гармонии с целым. Даже самое ограниченное и конечное действие в Сознании Истины является движением Вечного и Бесконечного и участвует во внутренней абсолютности и совершенстве Вечного и Бесконечного. Восхождение к супраментальной Истине не только поднимает наше духовное и сущностное сознание до этой высоты, но также приводит к тому, что этот Свет и Истина снисходит во всё наше существо и все наши части природы. Тогда всё становится частью Божественной Истины, элементом и средством высшего союза и единства; поэтому эти восхождение и нисхождение должны быть конечной целью этой Йоги.

Единение с Божественной Реальностью нашего бытия и всего бытия является единой сущностной целью Йоги. Необходимо помнить об этом; мы должны помнить, что наша Йога предпринимается не ради приобретения сверхразума как такового, а ради Божественного; мы ищем сверхразум не ради его собственной радости и величия, а для того, чтобы сделать единение абсолютным и полным, чтобы чувствовать его, владеть им, сделать более динамичным всеми возможными путями нашего бытия, в его высшей интенсивности и наибольшей широте, и

в каждой области, на каждом повороте, в каждом закоулке и укромном уголке нашей природы. Ошибочно думать, как это делают многие, что цель супраментальной Йоги — Прийти к могущественному великолепию сверхчеловечества, божественной силе и величию, самоосуществлению увеличенной индивидуальной персональности. Это ложная и губительная концепция, — губительная потому, что легко может возбудить гордость, тщеславие и амбицию раджасического виталического ума в нас и это, если не будет превзойдено и преодолено, должно привести к духовному падению, ложная потому, что это эгоистическая концепция, а первым условием супраментального изменения является избавление от эго. Она наиболее опасна для активной и динамичной природы человека воли и труда, который может быть легко увлечён погоней за властью. Власть неизбежно приходит при супраментальном изменении, это необходимое условие для совершенного действия: но это Божественная Шакти приходит и возносит природу и жизнь, это власть Единого, действующего через духовного индивидуума; это не увеличение личной силы, не последнее завершающее свершение отделённого ментального и виталического эго. Самоосуществление есть результат Йоги, но его целью не является величие индивидуума. Единственной целью является духовное совершенство, нахождение истинного я и единения с Божественным путем принятия на себя божественного сознания и природы [67](#). Всё остальное является составляющими деталями и сопровождающими обстоятельствами. Эгоцентричные импульсы, амбиция, стремление к власти и величию, мотивы самоутверждения являются чуждыми этому великому сознанию и служили бы непреодолимыми препятствиями для любой возможности даже незначительного продвижения в направлении супраментального изменения. Необходимо потерять свое маленькое низшее я, чтобы найти более великое я. Господствующим мотивом должно быть единение с Божественным; даже обнаружение истины своего собственного бытия и всеобщего бытия, жизнь в этой истине с ее большим сознанием, совершенствование природы есть лишь естественные результаты этого движения. Будучи необходимыми условиями его полного завершения, они являются частью центральной цели только потому, что являются необходимым развитием и главным последствием.

Необходимо также помнить, что супраментальное изменение является трудной, далёкой, конечной ступенью; оно должно рассматриваться как конец отдалённой перспективы; его невозможно и не следует превращать в первоначальную цель, постоянно предусматриваемый результат или непосредственный объект. Ибо оно может попасть в разряд возможного только после длительного тяжёлого самопреодоления и самопревосхождения, в конце многих ступеней длительного испытания трудной самоэволюции природы. Нужно сперва приобрести внутреннее Йогическое сознание и заменить им наш обычный взгляд на вещи, естественные движения, жизненные мотивы; необходимо революционизировать всё нынешнее построение нашего бытия. Затем, мы должны пойти ещё глубже, открыть завуалированное психическое существо и в его свете и под его правлением подчинить психическому наши внутренние и внешние части, превратить природу ума, природу жизни, природу тела и всю нашу метальную, жизненную, психическую деятельность, состояния и движения в сознательный инструментарий души. Затем или одновременно мы должны одухотворить бытие во всей его полноте через нисхождение божественного Света, Силы, Чистоты, Знания, свободы и широты. Необходимо разрушить ограниченность личного ума, жизни и телесности, растворить эго, войти в космическое сознание, освободить я, обрести одухотворённые и универсализированные ум и сердце, жизненную силу, физическое сознание. Только тогда начинается возможным переход к супраментальному сознанию, и даже тогда предстоит сложный подъём, каждая стадия которого является отдельным трудным достижением. Йога — это быстрая и сжатая сознательная эволюция существа, однако как бы быстра она ни была, даже если она может совершить в течение одной жизни то, на что в инструментальной Природе могут потребоваться столетия и

тысячелетия, или многие сотни жизней, всё равно всякая эволюция должна происходить постепенно; даже самая большая скорость и концентрация движения не может поглотить все стадии или изменить порядок естественных процессов и приблизить конец к началу. Поспешный и невежественный ум, слишком рьяная сила легко забывают об этой необходимости; они бросаются вперед, чтобы сделать сверхразум непосредственной целью, и думают стащить его вниз вилами с его высочайшей высоты в Бесконечном. Это не только абсурдное желание, но представляет большую опасность. Ибо виталическое желание может очень легко привести в действие тёмные или неистовые виталические силы, которые дадут обещание немедленного достижения его невыполнимой цели; результатом может оказаться погружение в различные виды самообмана, стремление ко лжи и соблазнам сил тьмы, тяга к приобретению сверхнормальных сил, отстранение от Божественной [и приход] к Асурической природе, фатальное самораздувание до протиестественной, нечеловеческой и небожественной колоссальности увеличенного эго. Если существо невелико, слабо и неспособно по природе, то катастрофа будет не такого большого масштаба; но потеря равновесия, ментальное расстройство и падение в безрассудство, или виталическое расстройство с последующей моральной аберрацией или отклонением в какую-нибудь патологическую ненормальность может стать неблагоприятным последствием. В Йоге никакая ненормальность, даже если это возвышенная ненормальность, не может быть принята как способ самовыражения или духовной реализации. Даже когда кто-то получает сверхнормальный или сверхрациональный опыт, не должно быть нарушения равновесия, которое должно оставаться прочным от вершины сознания до его основания; переживающее [этот] опыт сознание должно сохранять спокойный баланс, непогрешимую ясность и порядок в своём восприятии; нечто вроде возвышенного здравого смысла, неизменную силу самокритики, правильного различения, координации и верного видения вещей; всегда должно быть здоровое восприятие фактов и высокий одухотворённый позитивизм. Путем иррационализма или инфрарационализма невозможно выйти за пределы обычной природы в высшую природу; этого можно достигнуть пройдя через рассудок к величайшему свету сверхрассудка. Этот сверхрассудок нисходит в рассудок и поднимает его на более высокие уровни, разрушая его ограничения; рассудок не теряется, а изменяется и становится своим собственным истинным неограниченны я, координирующей силой сверхприроды.

Наша ментальность также легко впадает в другую ошибку, которой следует избегать; она заключается в том, что некоторое более высокое промежуточное сознание или даже какое-нибудь сверхнормальное сознание принимается за сверхразум. Чтобы достичь сверхразума, недостаточно подняться выше обычного движения человеческого ума; недостаточно получить больший свет, большую силу, большую радость или развить способности к знанию, видению, действенной воле, которые превосходят нормальный уровень человеческого существа. Не всякий свет является светом духа, ещё в меньшей мере является он светом сверхразума; ум, жизнь, само физическое имеют свой собственный свет, пока скрытый, который может быть очень вдохновляющим, возвышающим, формирующим, мощно воздействующим. Прорыв в космическое сознание также может дать огромное увеличение сознания и мощи. Проникновение во внутреннюю ум, во внутреннее виталическое, внутреннее физическое, в любой уровень засознательного сознания может высвободить действие ненормальных или сверхнормальных сил знания, действия или переживания, которые неподготовленный ум легко может ошибочно принять за духовные откровения, вдохновения, интуиции. Проникновение вверх в более высокие уровни высшего ментального бытия может привлечь вниз много света и силы, создающих высокую активность интуитивизированного ума и жизненной силы, или же подъём в эти области может принести истинный, но всё же недостаточный свет, легко

поддающийся смешению, свет по своему источнику духовный, хотя он не всегда остается духовным в характере своей активности, когда он спускается в низшую природу. Но ничто из этого не является супраментальным светом, супраментальной мощью; он может быть видим и получен только тогда, когда мы достигнем вершин ментального бытия, вступим в надразум [68](#) и будем стоять на границах высшей, более великой полусферы духовного существования. Там неведение, бессознательность, исходное Чёрное Невежество, медленно пробуждающиеся к полужнанию, которые являются основой материальной Природы и которые окружают, проникают и мощно ограничивают все наши силы ума и жизни, разом исчезают; ибо несмешанное и неизменное Истинное сознание [69](#) является там сущностью всего бытия, его чистой духовной тканью. Вообразить, что мы достигли такого положения, когда мы всё ещё движемся в динамизме Невежества, даже если это освещенное или просветлённое Невежество, значит оставить себя открытыми для губительного заблуждения, или для прекращения эволюции существа. Ибо если таким образом мы ошибочно принимаем какое-то низшее состояние за сверхразум, это делает нас беззащитными перед всеми опасностями, которые, как мы видели, сопровождают самонадеянную эгоистическую торопливость наших требований достижения. Если же мы принимаем одно из более высоких положений за самое высшее, мы можем, даже достигнув многого, всё же не достичь более великой, более совершенной цели нашего бытия; ибо мы удовлетворяемся лишь приближением, и верховное преображение избегнет нас. Даже достижение полного внутреннего освобождения и высокого духовного сознания не есть ещё верховное преображение; ибо мы можем иметь это достижение, статус, совершенный сам по себе, по существу, и всё же наши динамичные части при их использовании в жизни могут принадлежать просвещённому одухотворённому уму и могут в результате, как всякий ум, быть дефектны, даже в его высшей силе и познании, всё ещё подвержены частичному или локальному помрачению или ограничению вследствие первоначального ограничивающего невежества.

66. Эта часть дальнейшего расширения книги, предполагавшегося автором, но оставшегося незаконченным.

67. *sadharmya mukti*

68. *overmind*

69. *Truth-consciousness*

Часть вторая
ЙОГА ИНТЕГРАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

ВСЯКИЙ духовный поиск направлен к объекту Знания, к которому люди обычно не обращают взгляд своего ума, к кому-то или чему-то Вечному, Бесконечному, Абсолютному, которое не является временными вещами или силами, о которых мы знаем, хотя он или оно может находиться в них или за ними, или быть их источником или создателем. Его целью является такое состояние знания, при помощи которого мы можем осязать, войти или познать посредством тождества это Вечное, Бесконечное и Абсолютное, сознание отличное от нашего обычного сознания идей, форм и вещей, знание, которое не является тем, что мы обычно называем знанием, но нечто самосуществующее, постоянное, бесконечное. И хотя оно может или даже по необходимости должно, поскольку человек является ментальным существом, начаться с наших обычных инструментов знания, в то же время оно необходимо должно пойти дальше их, используя сверхчувствительные и супраментальные средства и возможности, ибо находится в поиске того, что само по себе является сверхчувствительным и супраментальным и находится вне пределов досягаемости разума и чувств, несмотря на то, что через разум и чувства можно впервые увидеть его слабый проблеск или отраженное подобие.

Традиционные системы, несмотря на их другие различия, все исходят из веры или представления, что Вечное и Абсолютное может быть только, или по крайней мере может находиться только в чистом трансцендентном состоянии некосмического существования, или, иначе, несуществования. Все космическое существование, или все, что мы называем существованием, является состоянием невежества. Даже самое высокое индивидуальное совершенство, даже благословенное космическое состояние ничуть не лучше высшего невежества. Все, что является индивидуальным, все, что является космическим должно быть сурово отвергнуто искателем абсолютной Истины. Высшее неподвижное Я, или, иначе, абсолютный Нигил является единственной Истиной, единственным объектом духовного знания. Состояние знания, сознание, отличное от нынешнего временного, которое мы должны достигнуть, есть Нирвана, исчезновение эго, прекращение всякой ментальной, виталической и физической активности, вообще всякой активности, высшая озаренная неподвижность, чистое блаженство безличного спокойствия, самопогруженного и невыразимого. Средствами являются медитация, сосредоточение, исключаящее все остальное, полное растворение ума в своем объекте. Активность допускается только на первых стадиях поиска с тем, чтобы очистить ищущего и подготовить его морально и органически к тому, чтобы он мог стать пригодным сосудом для знания. Даже эта активность должна быть либо ограничена до исполнения обрядов поклонения и предписанных обязанностей жизни, строго установленных Индусской Шастрой, либо, в соответствии с Буддийской дисциплиной, должна направляться по восьмеричной тропе для высшей практики работ милосердия, которые ведут к практическому упразднению я во имя блага других. Наконец, в любой строгой и чистой Джнани-Йоге, всякая работа должна быть прекращена для полного покоя. Деятельность может подготовить спасение, но не может дать его. Любая длительная приверженность к деятельности несовместима с высшим прогрессом и может оказаться непреодолимым препятствием к достижению духовной цели. Высшее состояние покоя есть совершенная противоположность деятельности и не может быть достигнуто теми, кто продолжает работать. И даже преданность, любовь, поклонение — это дисциплины для незрелой души, в лучшем случае это лучшие методы Невежества. Ибо они предназначаются для чего-то другого, более высокого и великого, чем мы сами; но не может быть в высшем знании ничего подобного, ибо может быть или только одно Я, или вообще никакого Я, и поэтому либо нет никого, кто бы осуществлял поклонение и выражал любовь и

преданность, либо нет того, кто бы принимал все это. Даже мыслительная активность должна исчезнуть в единственном сознании тождества или небытия, и, благодаря своей неподвижности, вызвать неподвижность всей природы. Должно остаться только абсолютное Тождество или, иначе, вечный Нигил.

Эта чистая Джнани-Йога приходит через интеллект, хотя она заканчивается трансцендентацией интеллекта и его трудов. Думающий в нас отделяет себя от всех остальных частей того, чем мы феноменально являемся, отвергает сердце, отходит от жизни и чувств, отделяется от тела, чтобы достигнуть своей исключительной реализации, в том, что даже за пределами его самого и его функций. Существует истина, лежащая в основе этого, и опыт, который, по-видимому, оправдывает такой подход. Имеется Сущность, которая по своей природе покой, высшее Молчание в Бытии, которое за пределами своего собственного развития и мутаций, неподвижное и потому стоящее выше всех активностей, для которых оно является не более, чем Свидетелем. И в иерархии наших психологических функций Мысль в некотором роде ближе всего к этому Я, ближе всего по крайней мере к его аспекту всезнающего знающего, который наблюдает все действия, но может стоять на заднем плане их всех. Сердце, воля и другие силы в нас фундаментально активны, естественно направляются в сторону деятельности, находят через нее свое осуществление — хотя они могут также автоматически придти к определенной неподвижности за счет полноты удовлетворения своей активностью, или же иначе, путем обратного процесса истощения в результате постоянного разочарования и неудовлетворенности. Мысль также является активной силой, но в большей мере способна придти к покою в результате собственного сознательного выбора и воли. Мысль легче удовлетворяется просветленным интеллектуальным восприятием этого молчаливого Свидетеля Я, который выше всей нашей активности и, увидев однажды этот неподвижный Дух, готова, считая свою миссию поиска истины завершенной, успокоиться и стать неподвижной. Ибо в своем наиболее характерном движении она сама готова быть незаинтересованным свидетелем, судьей, наблюдателем вещей больше, чем заинтересованным участником и страстным работником в трудах, и может очень легко придти к духовному или философскому спокойствию и беспристрастной отчужденности. И поскольку люди являются ментальными существами, то мышление, если в действительности и не самое лучшее и высшее в них, по крайней мере самое постоянное, естественное и эффективное средство для просвещения их невежества. Вооруженное своими функциями собирания и отражения, размышления [1](#), фиксированного созерцания, сосредоточения ума на своем объекте, *sravana*, *manana*, *nididhyasana*, оно стоит на вершине нашего существа как необходимая помощь для нашего понимания того, к чему мы стремимся, и не удивительно, что оно претендует на роль руководителя в путешествии и единственного доступного проводника, или, по крайней мере, непосредственной и сокровенной двери храма.

Реально мысль является только разведчиком и первопроходцем; она может направлять, но не командовать или приводить в исполнение. Лидером путешествия, капитаном марша, первым и самым древним жрецом нашей жертвы является Воля. Воля эта не есть желание сердца или требование или предпочтение ума, которым мы часто даем это имя. Это та внутренняя, доминантная и зачастую скрытая сознательная сила нашего бытия и всего бытия, Тапас, Шакти, Шраддха, которая полновластно определяет нашу ориентацию и для которой интеллект и сердце являются более или менее слепыми и автоматическими слугами и инструментами. Я, неподвижное, находящееся в покое, свободное от вещей и событий, является поддержкой и фоном существования, молчаливым каналом или продуктом чего-то Высочайшего: оно само по себе не является единственно реальным существованием, не само по себе Всевышним. Вечное, Всевышнее — это Господь и все порождающий Дух. Пребывающий выше всякой активности и

не связанный с ней, он является источником, санкцией, материалом, эффективной силой, хозяином всех действий. Все виды активности исходят из этого высшего Я и определяются им; все являются его операциями, процессами его собственной сознательной силы, а не чего-либо отличного от Я, какой-либо иной силы, чем этот Дух. В этой активности выражается сознательная Воля Шакти Духа, движимая выразить его бытие бесконечными путями, Воля или Сила, не невежественная, но в единстве со своим собственным самосознанием и знанием всего, что она должна выразить. И благодаря этой Силе присутствуют в нас тайная духовная воля и вера души [2](#), господствующие скрытые силы нашей природы, являющиеся индивидуальным инструментом, более близко общающимся с Высшим, более верным пастырем и просветителем, если нам удалось бы найти и удержать его, потому, что он основательней и более интимно близок к Тождественному и Абсолютному, чем поверхностная активность наших мыслительных сил. Познание этой воли в себе и в мире и следование ей до ее божественных завершений, какими бы они не были, безусловно должно служить высочайшим путем и вернейшей кульминацией как познания, так и труда, для ищущего в жизни и ищущего в Йоге.

Мысль, поскольку она не является высшей или сильнейшей частью Природы, и даже не единственным или глубочайшим показателем Истины, не должна стремиться к своему исключительному удовлетворению или принимать его за признак достижения высшего Знания. Здесь она является проводником, ведущим до некоторой точки, сердца, жизни и других членов, но не может заменить их; она должна видеть не только свое конечное удовлетворение, но также конечное удовлетворение, предназначенное для этих других членов. Исключительный путь абстрактной мысли был бы оправдан только в том случае, если бы целью Высшей Воли во вселенной было не более, чем сойти в деятельность невежества, управляемую умом как ослепляющим инструментом и тюремщиком через фальшивые идеи и ощущения, и подняться в покой знания, в равной степени управляемый умом посредством правильного мышления, в качестве инструмента просветления и спасения. Однако, имеются шансы, что в мире есть цель менее абсурдная и бесцельная, импульс к Абсолютному менее сухой и абстрактный, мировая истина более обширная и объемлющая, более богатая бесконечность высоты Бесконечного. Безусловно, абстрактная логика всегда приходит, как пришли старые системы, к бесконечному пустому Отрицанию или бесконечному равно пустому Утверждению; ибо, будучи абстрактной она движется в направлении абсолютной абстракции, и это есть единственные две абстракции, которые являются абсолютно абсолютными. Но конкретная, все углубляющаяся мудрость, хранящая ожидающие нас все большие и большие богатства бесконечного опыта, а не самоуверенная абстрактная логика узкого и некомпетентного человеческого ума, может стать ключом к божественному сверхчеловеческому знанию. Сердце, воля, жизнь и даже тело в не меньшей мере, чем мысль, являются формами божественного Сознательного Бытия и показателями великой значимости. Они также имеют силы, при помощи которых душа может вернуться к своему полному самосознанию, и средства, при помощи которых она может наслаждаться им. Целью Высшей Воли вполне может быть кульминация, в которой все существо должно получить свое божественное удовлетворение, освещение глубин высотами, когда материальное Несознание обнаруживает себя как Божественное в результате прикосновения высшего Сверхсознания [3](#).

Традиционный Путь Знания следует через устранение и отвергает последовательно тело, жизнь, чувства, сердце, саму мысль с тем, чтобы слиться с безмолвным Я, или высшим Нигил, или неопределенным Абсолютом. Путь интегрального знания предполагает, что нам предназначено придти к интегральному самосовершенению, и единственное, что необходимо устранить — это наша собственная несознательность, Невежество и результаты Невежества. Устранить фальшь бытия, которая выступает как эго; тогда наше истинное существо сможет

проявиться в нас. Устранить фальшь жизни, которая выступает как обычное жизненное стремление и механический круговорот нашего телесного существования; тогда проявится наша истинная жизнь, полная могущества Божества и радости Бесконечного. Устраните фальшивость чувств с их подчинением видимостям материального и двойственным ощущениям; в нас есть большее чувство, которое тогда сможет открыться Божественному в вещах и божественно отвечать этому. Устраните фальшивость сердца с его туманными страстями и желаниями и двойственным эмоциями; в нас может открыться более глубокое сердце с его божественной любовью ко всем существам и его бесконечной страстью и острой тоской по отклику Бесконечного. Устраните фальшивость мышления с его неполноценными ментальными конструкциями, с его самонадеянными утверждениями и отрицаниями, с его ограниченными и малодоступными сосредоточениями; за этим кроется большая возможность Знания, которое может открыться для настоящей Истины Бога, души, Природы и вселенной. Интегральное самосвершение — абсолют, кульминация опыта сердца, его инстинкта любви, радости, преданности и поклонения; абсолют, кульминация для чувств, для их стремления к божественной красоте и добру, и к наслаждению формой вещей; абсолют, кульминация для жизни, ее поисков работы, божественного могущества, мастерства и совершенства; абсолют, кульминация, за пределами собственных ограничений, мысли, ее жажды истины, света, божественной мудрости и знания. Завершением всех этих вещей в нашей природе является не что-то отличное от них самих, из чего они все исторгнуты, а нечто более высокое, в чем они сразу трансцендируются [4](#) и обнаруживают свою собственную абсолютность и бесконечность, свою никем не измеренную гармонию.

За традиционным путем Знания, оправдывая его мысленный процесс уничтожения и устранения, стоит управляющий всем духовный опыт. Глубокий, интенсивный, убедительный, знакомый всем, кто перешагнул определенный предел сдерживающей умственной активности в бескрайнее внутреннее пространство, это великий опыт освобождения, сознание чего-то внутри нас, что находится за и вне мира и всех его форм, интересов, целей, событий и происшествий, спокойный, незатрагиваемый, неозабоченный, неограниченный, неподвижный, свободный взгляд наверх к чему-то, находящемуся над нами неопишимо и неохватно, во что мы можем вступить, отказавшись от нашей личности, присутствие вездесущего вечного свидетеля Пуруши, ощущение Бесконечности или Безвременности, которая смотрит вниз на нас из величественного отрицания всего нашего существования, и только оно является единственно Реальным. Этот опыт является высшим очищением нашего духовного разума, смотрящего уверенно за пределы своего собственного существования. Никто, не прошедший через это освобождение, не может полностью быть свободным от ума и его сетей, но никто не обязан навсегда застрять в этом переживании. Как бы велико оно ни было, это только захлестывающее переживание Разумом того, что за его пределами и всего, что он в состоянии воспринять. Это высший отрицательный опыт, но за этим — огромный свет бесконечного Сознания, неограниченного Знания, утверждающее абсолютное Присутствие.

Объектом духовного знания является Всевышнее, Божественное, Бесконечное и Абсолютное. Это Всевышнее имеет отношение к нашему индивидуальному бытию и имеет отношение ко вселенной, и оно трансцендирует как душу, так и вселенную. Ни мир, ни индивидуум не являются тем, чем они кажутся, ибо то представление о них, которое дают нам наши чувства, пока они не просвещены более высоким супраментальным и супрачувственным знанием, является фальшивым, несовершенным, смягченным и ошибочным представлением. И тем не менее то, чем кажется вселенная и индивидуум, все же может дать представление о том, чем они на самом деле являются, представление, которое указывает за свои пределы на стоящую за ними реальность. Истина обычно познается путем корректировки значений, которые дают

нам наш ум и чувства, и вначале путем действия высшего интеллекта, который по возможности просвещает и приводит в порядок заключения невежественного чувственного ума и ограниченного физического интеллекта; таков метод всего человеческого знания и науки. Но за пределами этого существует знание, Сознание Истины [5](#), которое превосходит наш интеллект и приводит нас к истинному свету, преломленным лучом которого является обычное человеческое знание. Там абстрактные термины чистого разума и конструкции ума исчезают или превращаются в конкретное видение души и огромную действительность духовного опыта. Это знание может обратиться к абсолютному Вечному и потерять из виду душу и вселенную; но оно может также видеть это существование из Вечного. Когда это сделано, мы обнаруживаем, что невежество ума и чувств и вся видимая тщетность человеческой жизни не являлись бесполезной экскурсией сознательного существа, ненужной ошибкой. Здесь они планировались как грубая почва для самовыражения Души, которая приходит из Безграничного, как материальная основа для ее самораскрытия и самообладания в условиях вселенной. Верно, что сами по себе они и все, что здесь есть, не имеет значения, и создавать отдельные значения для них значит жить иллюзиями, Майей; но они имеют высшее значение в Высшем, абсолютную Силу в Абсолюте, и это есть то, что предназначается им и соотносит с этой Истиной их теперешние относительные значения. Это тот все соединяющий опыт, который является основой самого глубокого интегрального и наиболее сокровенного самопознания и познания мира.

По отношению к индивидууму Всевышнее является нашим собственным истинным и высшим Я, тем, чем мы в конечном счете являемся по существу, тем, что мы представляем в своей проявленной природе. Духовное знание, движущееся к истинному Я в нас, должно отвергнуть, как отвергает традиционный путь знания, все обманчивые представления. Оно должно прийти к открытию, что тело — не есть наше Я, или основа нашего существования; это ощущающая форма Бесконечного. Переживание Материи как единственной основы мира, физического мозга, нервов, клеток и молекул как единственной истины всего в нас, громоздкая несовершенная основа материализма, является заблуждением, полуправдой [6](#), принимаемой за целое, темным дном или тенью вещей, неправильно понятых в своей светлой субстанции, цифра нуль вместо Целого. Материалистическая идея ошибочно принимает созидание за созидательную Силу, способ выражения за То, что выражено и выражает. Материя, наш физический мозг, нервы и тело — это поле и основа единственно для действия жизненной силы, которая служит для соединения Я с формой его трудов, и сохраняет их своим непосредственным динамизмом. Материальные движения являются внешней нотацией, при помощи которой душа представляет свое понимание некоторых истин Бесконечного и делает их эффективными в терминах Субстанции. Эти вещи являются языком, нотацией, иероглифами, системой символов, а не тем глубочайшим истинным смыслом вещей, на которые они лишь намекают.

Также не является нашим Я Жизнь, виталическое, энергия, которая играет в мозгу, нервах и теле; это лишь часть силы Бесконечного. Ощущение жизненной силы, использующей Материю в качестве своего орудия, фундаментом, источником и истинной суммой всех вещей, этот вибрирующий нестабильный базис витализма, является иллюзией, частичным видением, воспринимаемым как полное, приливом на соседнем пляже, неправильно принимаемым за весь океан. Виталистическая идея принимает за сущность всего нечто мощное, но внешнее. Жизненная сила — это динамизирование сознания, которое превосходит ее. Это сознание ощущается и действует, но не приобретает весомости для нашего интеллекта, пока мы не приходим к более высокому состоянию Ума [7](#), в настоящее время являющемуся для нас наивысшим. Ум здесь является творением Жизни, но в действительности это скрытое ощущение самой Жизни и того, что за ней, и более сознательная формулировка ее тайны; Ум есть выражение не Жизни, а того, менее просветленным выражением чего является сама Жизнь.

И в то же время Ум, наша ментальность, наша думающая, понимающая часть, не является нашим Я, не является Тем, ни концом и ни началом; это полусвет, посланный из Бесконечного. Восприятие Ума как создателя форм и вещей и тех форм и вещей, которые существуют только в Уме, этот тонкий слабый базис идеализма, также является иллюзией, частичным видением, принимаемым за целое, бледный, преломленный свет, идеализированный подобно пылающему телу Солнца и его великолепию. Этот идеалистический взгляд также не постигает сути бытия, даже не затрагивает ее, а только одну из низших форм Природы. Ум это сомнительная внешняя полутень сознательного существования, которое не ограничено ментальностью, но превосходит ее. Метод традиционного пути знания, устранив все это, приходит к концепции и реализации чистого сознательного существования, самоосознанного, самооблагословенного, независящего от ума, жизни и тела, и к конечному позитивному опыту, который есть Атман, Я, исходная и сущностная природа нашего существования. Здесь наконец нечто центрально верное, но торопясь придти к этому, такой метод предполагает, что нет ничего между думающим умом и Всевышним, *buddheh, parastu sah*, и, закрывая глаза в Самадхи, пытается промчаться через все, что фактически находится между ними, даже не замечая эти великие и светлые царства Духа. Быть может, он достигает своей цели, но только затем, чтобы уснуть в Бесконечном. Или, если остается бодрствующим, то пребывает в высшем переживании Всевышнего, в которое самоаннулирующийся Ум может войти, но не в высшем Всевышнего, *paratpara*. Ум может сознавать Я только в духовном утончении ментальности, и только отраженную им Сатчитананду. Высшая истина, интегральное самосознание не может быть достигнуто этим самоослепляющим скачком в Абсолют, но путем терпеливого перехода за пределы ума в Истину-Сознание, где бесконечное может быть познано, осязаемо, видимо, испытано во всей полноте своего бесконечного богатства. И здесь мы обнаруживаем Я, которым мы должны стать, не только статичный разреженный безучастный пустой Атман [8](#), но великий динамичный индивидуальный, всемирный и трансцендентный Дух. Это Я и Дух не могут быть выражены абстрактными обобщениями разума; все вдохновенные описания пророков и мистиков не в состоянии исчерпать это содержание и великолепие.

По отношению к вселенной Всевышнее есть Брахман, единственная Реальность, которая является не только духовным, материальным и сознательным содержанием всех идей, сил и форм вселенной, но их источником, поддержкой и владельцем, космическим и супракосмическим Духом. Все понятия, к которым мы можем свести вселенную, Сила и Материя, Имя и Форма, Пуруша и Пракрити, еще не есть полностью то, чем на самом деле является вселенная сама по себе, или ее природа. И как все, чем мы являемся, есть игра и форма, ментальное, психическое, виталическое и физическое выражение высшего Я, независящего от ума, жизни и тела, также и вселенная есть игра, и форма, и космическое выражение души и природы высшего существования, которое не зависит от силы и материи, не зависит от идеи, названия и формы, не зависит от фундаментальной разницы между Пурушей и Пракрити. Наше высшее Я и высшее Существование, которое стало вселенной, есть единый дух, единое Я и единое существование. Индивидуум по природе есть одно из выражений мирового бытия, по духу — эманация Трансцендентности. Ибо если он находит свое я, он находит также, что его собственное истинное я не является этой природной личностью, этой сотворенной индивидуальностью, но вселенским существованием в своих отношениях с другими и с Природой, и в своем высшем ракурсе является частью или живым фасадом высшего трансцендентного Духа.

Это высшее Существование не зависит от индивидуума или вселенной. Поэтому духовное знание может превзойти или даже устранить эти две силы Духа и придти к концепции чего-то совершенно Трансцендентного, чего-то, что является безымянным и ментально непознаваемым,

к полному Абсолюту. Традиционный путь знания устраняет индивидуальность и вселенную. Абсолют, к которому он стремится, не имеет очертаний, не поддается определению, безотносителен, ни то, ни се, *neti neti*. И все же мы можем о нем сказать, что он Един, что он Бесконечен, что это Невыразимое Блаженство, Сознание, Существование. Несмотря на непознаваемость для ума, и все же через наше индивидуальное существование и через названия и формы вселенной мы можем подойти к реализации высшего Я, которое есть Брахман, и через реализацию Я мы можем придти к определенной реализации также этого полного Абсолюта, сущностной формой которого в нашем сознании является наше истинное Я (*svaṁrūpa*). Это те механизмы, которые человеческий разум вынужден применять, если он хочет сформировать для себя какую-то концепцию трансцендентного и необусловленного Абсолюта. Система отрицания необходима для него, чтобы избавиться от своих собственных определений и ограниченного опыта; он вынужден выходить в Бесконечность через неясную Неопределенность. Ибо он обитает в закрытой тюрьме конструкций и представлений, необходимых для его активности, но не являющихся самосуществующей истиной Материи, или Жизни, или Ума, или Духа. Но если мы сумеем однажды пересечь пределы сумеречной границы Ума и войти в величайший план супраментального Знания, необходимость в этих механизмах отпадает. Сверхразум [9](#) имеет совсем другой, позитивный, непосредственный и живой опыт высшего Бесконечного. Абсолют находится за пределами персональности и бесперсональности, и в то же время он является одновременно и Неличностью, и высшей Личностью во всех личностях. Абсолют находится за пределами различия между единством и множеством, и в то же время является Единым и бесчисленным Многим во всех мирах. Он находится за пределами всех ограничений качества, и в то же время не ограничен бескачественной пустотой, но также является всеми безграничными качествами. Он является индивидуальной душой и всеми душами, и даже больше, чем всеми [душами]; он есть бесформенный Брахман и вселенная. Это космический и супракосмический дух, верховный Господь, высшее Я, верховный Пуруша и верховная Шакти, Вечно Нерожденный, который бесконечно рождается, Бесконечный, который конечен в неисчислимом, многочисленном Единстве, комплексное Элементарное, многосторонний Один, Слово Молчания Несказанного, безличная вездесущая Личность, Мистерия, прозрачный в высшем сознании для своего собственного духа, но для меньшего сознания завуалированный своим собственным чрезмерным светом и навсегда непроницаемый. Для имеющего ограниченные размеры ума это — непримиримые противоречия, но для непрерывного видения и опыта супраментальной Сознания Истины они так просто и неизбежно представляют внутреннюю природу друг друга, что даже думать о них как о противоречиях — невообразимое насилие. Стены, воздвигнутые измеряющим и разделяющим Интеллектом исчезают, и Истина появляется в своей простоте и красоте, и приводит все к своим гармонии, единству и свету. Размеры и различия остаются, но как символы для употребления, а не разделяющая тюрьма для самозабывающего Духа.

Сознание трансцендентного Абсолюта с его последствиями в индивидуальном и мировом является последним, вечным знанием. Наш разум может использовать его разными способами, может строить на его основе конфликтующие философии, может ограничивать, модифицировать, придавать особое значение или преуменьшать значение каких-либо сторон знания, черпать из него истину или ошибки; но наши интеллектуальные вариации или несовершенные заявления не имеют значения для того конечного факта, что если мы доводим свою мысль и свой опыт до конца, то в этом знании они прекращаются. Целью Йоги духовного знания не может быть ни что иное, кроме этой вечной Реальности, этого Я, этого Брахмана, этого Трансцендентного, которое находится надо всем и во всем, проявленной в то же время скрыто в индивидууме, проявленно, хотя и в скрытой форме, во вселенной.

Кульминация тропы знания не обязательно предусматривает прекращение нашего мирского существования. Ибо Высшее, с которым мы себя ассимилируем, Абсолютное и Трансцендентное, в которое мы вступаем, всегда обладает полным и конечным сознанием, которого мы ищем, и посредством него поддерживает свою игру в мире. Мы также не должны считать, что наше мирское существование кончается, раз в результате познания его цель осуществлена, и потому нам здесь уже больше нечем заняться. Ибо то, что мы сперва обретаем, освобождение и необозримое молчание, и спокойствие — это только вечная самореализация индивидуума в сущности его сознательного бытия; все еще будет оставаться на этой основе, не аннулированное молчанием, в единстве с освобождением и свободой, бесконечно продолжающееся самоосуществление Брахмана, его динамичное божественное проявление в индивидууме и благодаря его присутствию, примеру и воздействию в других и во вселенной в целом, — работа, которую Великие продолжают совершать. Наше динамичное самоосуществление не может быть достигнуто, пока мы сохраняем эгоистическое сознание, пребываем в темноте, освещенной лишь чадающей свечой ума, в путях зависимости. Наше теперешнее ограниченное сознание может служить только подготовительным полем, оно не в состоянии завершить что-либо, ибо все, что оно проявляет искажается насквозь эгоистичным невежеством и заблуждением. Истинное и божественное самоосуществление Брахмана в проявлении возможно только на основе Брахманического сознания [10](#), и потому через восприятие жизни освобожденной душой, Дживанмукта.

Это интегральное знание, ибо мы знаем, что, везде и при любых условиях, все для глаза, который видит, есть Единый, для божественного опыта все составляет единую форму Божественного. Только ум обладает свойством, для временного удобства своих мыслей и стремлений, искать возможность проведения искусственной границы резкого разделения, фикции постоянной несовместимости между различными аспектами вечного единства. Освобожденный обладатель знания живет и действует в мире не меньше, чем связанная душа и невежественный ум, а больше, совершая все действия, sarvakrt, только с истинным знанием и большей сознательной силой. И поступая так, он не теряет право на высшее единство, не теряет высшего сознания и высшего знания. Ибо Всевышний, как бы он ни был ныне скрыт от нас, присутствует здесь в мире не в меньшей степени, чем он может быть в самом полном и невыразимом самоисчезновении, самой нетерпимой Нирване [11](#).

1. meditation

2. soul-faith

3. Superconscience

4. transcend themselves

5. sense-mind

6. half-view

7. В зависимости от контекста англ. слово Mind переводится как Ум или, реже, как Разум. В большинстве случаев слово Разум является переводом англ. слова Reason. (Прим. пер.)

8. a static tenuous vacant Atman

9. Supermind

10. Brahman-consciousness

11. the most intolerant Nirvana

Я, БОЖЕСТВЕННОЕ, Высшая Реальность, Все, Трансцендентное, — Единое во всех этих аспектах является объектом Йогического знания. Обычные объекты, внешний вид жизни и материи, психология наших мыслей и действий, восприятие сил видимого мира могут составлять часть этого знания, но только постольку, поскольку это составляет часть проявления Единого. Сразу становится ясным, что знание, к которому стремится Йога, должно отличаться от того, что люди обычно понимают под этим словом. Ибо мы обычно подразумеваем под знанием интеллектуальное умение разобраться в фактах жизни, ума и материи, и в законах, которые ими управляют. Это знание, основанное на нашем чувственном восприятии и на рассуждении, исходящем из чувственного восприятия, и оно осуществляется частично ради чистого удовлетворения интеллекта, частично ради практической целесообразности и дополнительной силы, которую придает знание для обустройства нашей жизни и жизни других, для использования в человеческих целях открытых или тайных сил Природы, для помощи, или калечения, спасения и облагораживания, или угнетения и уничтожения наших собратьев. Йога, действительно, соразмерна всей жизни и может вмещать все эти субъекты и объекты. Есть даже Йога [12](#), которая может быть использована для самопотворства, также как для самопокорения, для повреждения других, так же как для их спасения. Но "вся жизнь" включает не только, и даже не главным образом ту жизнь, какую теперь ведет человечество. Йога рассматривает и считает своей единственно верной целью более высокое истинно сознательное существование, которым наше полусознательное человечество еще не обладает, и к которому может придти только путем превосходящего нынешние его способности духовного восхождения. Это более высокое сознание и более высокое существование и является специфическим и подходящим объектом Йогической дисциплины.

Это более высокое сознание, это более высокое существование не являются просвещенной или просветленной ментальностью, поддержанной большей динамической энергией или поддерживающей более чистую моральную жизнь и характер. Их превосходство над обычным человеческим сознанием выражается не в степени, но по своему роду и сущности. Происходит изменение не просто поверхности или манеры действий нашего существа, а самого его основания и динамического принципа. Йогическое знание стремится войти в тайное сознание за пределами разума, которое присутствует здесь только оккультно, скрытое в основе всего существования. Ибо только это сознание действительно знает, и только владея им мы можем обладать Богом и правильно познавать мир, его действительную природу и тайные силы. Весь этот мир, видимый или ощущаемый нами, и также все в нем, что не видимо, является просто феноменальным выражением чего-то за пределами разума и чувств. То знание, которое, на основе данных, полученных чувствами, могут дать нам чувства и интеллектуальное рассуждение, не является истинным знанием; это наука представлений. И даже представления нельзя узнать должным образом, если мы не узнаем в начале Реальность, образами которой они являются. Эта Реальность является их я, и существует единственное я всего; когда это понято, тогда можно познать истину всех вещей, а не только их видимость, как теперь.

Очевидно, что как бы много мы не анализировали физическое и осязаемое чувствами, мы не в состоянии таким путем придти к Знанию Я, или самих себя, или того, что мы называем Богом. Телескоп, микроскоп, скальпель, реторта, перегонный куб не в состоянии выйти за пределы физического, хотя могут привести ко все более тонким истинам в отношении физического. И если затем мы ограничим себя тем, что нам показывают наши чувства и их физические

помощники, и отказываемся с самого начала признавать какую-либо другую реальность или любой другой способ знания, то мы вынуждены придти к заключению, что нет ничего реального, за исключением физического, и что ни в нас, ни во вселенной нет Я, нет Бога внутри и вне, нет даже нас самих, за исключением агрегата из мозга, нервов и тела. Но к такому выводу мы вынуждены придти только потому, что мы это предположили основательно с самого начала, и поэтому вынуждены кружиться, возвращаясь к нашему первоначальному предположению.

Если же существует Я, Реальность не очевидная для чувств, то ее необходимо искать и познавать иными путями и средствами, чем физическая Наука. Интеллект не является таким средством. Безусловно, существует ряд сверхчувственных истин, к которым может придти интеллект своим собственным путем и которые он в состоянии обнаружить и констатировать в качестве интеллектуальных концепций. Например, сама идея Силы, на которой так настаивает Наука, является концепцией, истиной, к которой только интеллект может придти, идя за пределы своих данных; ибо мы не ощущаем эту мировую силу, а только ее результаты, и саму силу мы предполагаем как необходимую причину этих результатов. Точно так же интеллект, следуя определенной линии строго анализа может придти к интеллектуальной концепции и интеллектуальному убеждению Я, и это убеждение может быть очень реальным, очень светлым, очень сильным как начало других и гораздо больших вещей. Все же, сам по себе интеллектуальный анализ может привести только к классификации ясных концепций, возможно к правильной классификации истинных концепций; но это не то знание, к которому стремится Йога. Ибо само по себе оно не является эффективным знанием. Человек может прекрасно владеть им и в то же время оставаться тем же, кем он был раньше, за исключением самого факта большего интеллектуального просвещения. Изменение нашего бытия, к которому стремится Йога, может вовсе не состояться.

Правда, что интеллектуальное обдумывание и правильное различение являются важной частью Йоги знания; но их целью является скорее устранение трудностей, чем достижение окончательного и положительного результата на этом пути. Наши обычные интеллектуальные понятия являются камнем преткновения на пути знания; ибо они управляются ошибочными восприятиями чувств и основываются на понятии, что материя и тело являются реальностью, что жизнь и сила — это реальность, что страсть и эмоция, мысль и чувства — это реальность; и с этими вещами мы отождествляем себя и, благодаря тому, что мы себя отождествляем с этими вещами [13](#), мы не можем вернуться к настоящему я. Поэтому для ищущего знание необходимо убрать этот камень преткновения и обрести правильные понятия о себе и о мире; ибо как можем мы добиваться знания истинного я, если мы не имеем понятия о том, что оно собой представляет, а, наоборот, отягощены идеями полностью отличными от истины? Поэтому правильное мышление является необходимым предварительным условием, и когда устанавливается привычка правильно думать, свободная от ошибок чувств, желания, старых ассоциаций и интеллектуальных предвзятых мнений, понимание очищается и не ставит серьезных препятствий для дальнейшего процесса познания. Все же, только тогда правильное мышление становится эффективным, когда, при очистившемся понимании, за ним следуют другие операции, видение, опыт, реализация.

Каковы эти операции? Это не просто психологический самоанализ и самонаблюдение. Такой анализ, такое наблюдение, подобно процессу правильного мышления, имеют огромное значение и практически обязательны. Они даже могут, при верном использовании, привести к правильной мысли значительной силы и эффективности. Подобно интеллектуальной способности различать путем процесса размышления, они будут иметь эффект очищения; они приведут к самопознанию некоторого рода и к исправлению расстройств души и сердца, и даже расстройства понимания. Самопознание всех видов находится на прямом пути к познанию

истинного Я. В Упанишадах говорится, что Самосуществующее так установило двери души, что они открываются наружу, и большая часть людей смотрит наружу на видимость вещей; только редкая душа, которая созрела для умиротворенной мысли и стойкой мудрости, направляет свой взгляд внутрь, видит Я и достигает бессмертия. К этому повороту взгляда внутрь психологическое самонаблюдение и анализ являются великим и эффективным введением. Нам легче заглянуть внутрь себя, чем внутрь вещей, находящихся вне нас, ибо там, в вещах, находящихся вне нас, мы прежде всего оказываемся сбитыми с толку формой, и, во-вторых, у нас отсутствует естественный предварительный опыт, касающихся того в них, что не является их физической субстанцией. Очищенный или успокоенный ум может начать отражать — как и сильное сосредоточение может позволить обнаружить — Бога в мире, но это бывает редко, и достичь этого весьма трудно [14](#). И только в себе мы можем наблюдать и познавать процесс Я в его становлении, и следовать за процессом, благодаря которому оно возвращается к самобытию. Поэтому древний совет — познай себя — всегда останется первым словом, которое направляет нас в сторону настоящего [15](#) знания. Все же, психологическое самопознание является только переживанием видов Я, это не есть осознание Я в его чистом бытии.

Состояние знания, таким образом, которое предусматривает Йога, не является просто интеллектуальной концепцией или ясной способностью различения истины, также не является оно просвещенным психологическим опытом состояний нашего бытия. Это "реализация" в полном смысле слова; это значит сделать реальным для себя и внутри себя Я, трансцендентное и вселенское Божество, и это последующая невозможность рассмотрения состояний бытия иначе, как в свете этого Я и в их истинном аспекте, как поток его становления при психологических и физических условиях нашего существования в мире. Эта реализация состоит из трех последовательных движений, внутреннее видение, полное внутреннее переживание и тождество.

Это внутреннее видение, *drsti*, сила, которая так высоко ценится в древних сказаниях, сила, которая делала человека Риши или Кави, не просто мыслителем, — это своего рода свет в душе, при помощи которого невидимые вещи становятся настолько же очевидными и реальными для нее — для души, а не только для интеллекта — как и вещи, видимые физическим зрением. В физическом мире всегда существуют две формы знания, непосредственная и посредственная, *pratyaksa*, того, что существует для глаза, и *paroksa*, того, что далеко и за пределами нашей способности видеть. Когда объект находится за пределами нашей способности видеть, мы по необходимости вынуждены, чтобы получить о нем представление, прибегнуть к умозаключению, воображению, аналогии, прислушиваться к описаниям тех, кто его видел, или путем изучения изображений или других представлений о нем, если таковые имеются. Обобщив все это, мы можем действительно придти к более или менее адекватной идее или подходящему образу объекта, но мы не осознаем саму вещь; она еще не является познанной реальностью, а только концептуальным представлением реальности. Но увидев однажды своими глазами — ибо никакое другое чувство не адекватно — мы овладеваем, мы осознаем; оно надежно принадлежит нашему удовлетворенному существу, является частью нас самих в нашем знании. Точно такое же правило хорошо работает в отношении психических вещей и Я. Мы можем слушать ясные и светлые учения относительно Я от философов или учителей, или из древних писаний. Мы можем пытаться сформировать ментальное представление или концепцию о нем при помощи мысли, предположения, воображения, аналогии или любыми другими доступными средствами; мы можем прочно держать в уме это представление и закрепить его при помощи полного и исключительного сосредоточения [16](#); но мы еще пока не осознали его, мы не видели Бога. Только когда после длительного и настойчивого сосредоточения, или другими средствами, завеса ума разорвана или отдернута, только когда поток света обрушится на пробужденную ментальность, *juotirmaaya brahman*, и концепция уступает место знанию-видению, в котором Я

присутствует также реально и конкретно, как физический объект для физического зрения, который мы таким образом познали; ибо мы видели. После такого прозрения, какие бы ни были помрачения света, какие бы ни были темные периоды у души, она никогда не потеряет окончательно того, чем однажды овладела. Переживание неизбежно повторяется и будет повторяться все более часто, пока не станет постоянным; когда и как скоро — зависит он преданности и настойчивости, с какой мы движемся по пути и осаждаем своей волей или своей любовью скрытое Божество.

Это внутреннее зрение является одной из форм психологического переживания; но внутренний опыт не ограничивается этим лицезрением; видение только открывает, оно не охватывает. Также как глаз, хотя только он способен дать первое чувство понимания, нуждается в помощи опыта осязания и других чувств до того, как появляется всеохватывающее познание, видение я должно быть дополнено ощущением его всеми нашими членами. Все наше существо должно требовать Бога, а не только наш просветленный глаз знания. Ибо поскольку каждый принцип в нас является только проявлением Я, то каждый может вернуться к своей реальности и иметь переживание Я. Мы можем иметь ментальное переживание Я и охватить в качестве конкретных реальностей все те казалось бы абстрактные вещи, которые для ума составляют существование — сознание, силу, наслаждение и их многообразные формы и деяния: таким образом разум удовлетворяется Богом. Мы можем получить эмоциональный опыт Я через Любовь и через эмоциональное наслаждение, любовь и наслаждение Я в нас, Я в мировом и Я во всех, с кем мы имеем отношения: так сердце удовлетворяется Богом. Мы можем получить эстетический опыт Я в красоте, понятии наслаждения и вкусить абсолютную реальность всепрекрасного во всем, созданном либо нами, либо Природой, в его очаровании для эстетического ума и чувств; таким образом чувство удовлетворяется Богом. Мы можем даже иметь виталический, нервный опыт и практически физическое чувство Я во всей жизни и формации, и во всех проявлениях власти, силы, энергии, которые действуют через нас или других, или в мире: так жизнь и тело удовлетворяются Богом.

Все это знание и опыт являются первоначальными средствами для достижения и обладания тождеством. То, что мы видим и переживаем — это наше Я, поэтому видение и опыт не полны, если они не заканчиваются в тождестве, если мы не в состоянии Переживать всем своим существом высшее Ведантическое знание: Он это Я [17](#). Мы не только должны видеть Бога и объять Его, но стать этой Реальностью. Мы должны стать едиными с Я в его трансцендентности всякой формы и проявления путем растворения, возгонки, избавления от себя в качестве эго и всех эго принадлежностей в То, из чего они исходят, а также стать Я во всех его проявленных существованиях и становлениях, единым с ним в бесконечном существовании, сознании, покое, наслаждении, которыми оно проявляет себя в нас, и единым с ним в действии, формации, игре самовосприятия, в которые оно облачает себя в мире.

Современному уму трудно понять, как мы можем достичь большего, чем интеллектуально представить себе Я или Бога; но он может позаимствовать некую тень этого видения, опыта и становления из того внутреннего пробуждения к Природе, которое великий английский поэт сделал реальностью для европейского воображения. Читая поэмы, в которых Уордсворт выражал свое восприятие Природы, мы можем получить некоторое отдаленное представление о том, что такое реализация. Ибо, во-первых, мы видим, что он имел видение чего-то в мире, которое является самим Я всех вещей, которые оно содержит, сознательной силы и присутствия отличного от его форм, и в то же время причины этих форм, проявленной в них. Мы замечаем, что у него не только было видение этого и радость, спокойствие и универсальность, которые приносит это присутствие, но само ощущение этого, ментальное, эстетическое, жизненное, физическое; не только это ощущение и видение его в своем существе, но и в ближайшем цветке

и обыкновеннейшем человеке, и в недвижимом камне; и, наконец, что он даже иногда приобщался к этому единству, которое становилось объектом его посвящения, и одна из фаз этого приобщения сильно и проникновенно выражена в поэме "A slumber did my spirit seal" [18](#), где он описывает, как он соединился всем своим существом с землей "свершающей свой ежедневный путь с деревьями, горами и камнями". Вознося это восприятие до более глубокого Я, чем физическая Природа, мы получаем элементы Йогического знания. Но весь этот опыт является только преддверием к сверхчувственному, супраментальному восприятию Трансцендентного, которое пребывает за пределами всех Его аспектов, и конечная вершина знания может быть достигнута только путем вхождения в сверхсознательное, и слиянием там всех остальных переживаний в божественное единство с Невыразимым. Это является кульминацией всего божественного знания; это также источник всего божественного восторга и божественной жизни.

Состояние знания таким образом является целью этого пути и в действительности всех путей, когда они пройдены до конца, для чего интеллектуальное различие и осознание, и всякое сосредоточение и психологическое самопознание, все поиски сердца через любовь и путем чувств через красоту, и при помощи воли через силу и труд, и посредством души через покой и радость являются только ключами, приближениями, первыми подходами и начальными точками подъема, которыми мы должны пользоваться и следовать им, пока не будут достигнуты широкие и бесконечные уровни, и божественные двери распахнутся в бесконечный Свет.

12. Йога развивает силу, она развивает её даже тогда, когда мы не желаем или сознательно не стремимся к этому, а сила — это всегда обоюдоострое оружие, которое можно применить, чтобы повредить или уничтожить, также как помочь или спасти. Следует также заметить, что не всякое уничтожение является злом. *(Прим. Шри Ауробиндо)*

13. так у Шри Ауробиндо

14. В одном отношении, однако, это легче, ибо во внешних вещах мы не так стеснены ощущением ограниченного эго, как в нас самих; поэтому отпадает одно из препятствий на пути познания Бога. *(Прим. Шри Ауробиндо)*

15. у Шри Ауробиндо: the knowledge

16. Такова идея тройной операции Джнани-Йоги, *pravana, manana, nididhyāna*, слышать, думать или медитировать, и фиксироваться в сосредоточении. *(Прим. Шри Ауробиндо)*

17. He am I

18. Дремотой мой дух запечатан. *(Прим. пер.)*

ОПИСАНИЕ состояния знания, к которому мы стремимся, определяет средства приобретения знания, которыми мы будем пользоваться. Статус знания может быть оценен, как супраментальное восприятие, подготовленное ментальными представлениями через различные ментальные принципы в нас, и, будучи однажды достигнуто, опять отражающееся более совершенно во всех членах существа. Это есть новое видение увиденное и, таким образом, переделывание всего нашего существования в свете Божественного, Единого и Вечного, свободное от подчинения видимости вещей и внешним проявлениям нашего поверхностного бытия.

Такой переход от человеческого к божественному, от разделенного и противоречивого к Единому, от феномена к вечной истине, такое перерождение или новое рождение души неизбежно охватывает две стадии, одну подготовительную, во время которой душа и ее инструменты должны стать способными, и другую, которая предусматривает фактическое просветление и реализацию подготовленной души через ее подходящие для этого инструменты. На самом деле не существует жесткой линии разделения во Времени между этими двумя стадиями; они скорее всего необходимы друг другу и продолжаются одновременно. Ибо пропорционально тому, как душа становится способной, она все больше озаряется и поднимается до все более высоких, все более полных восприятий, и пропорционально тому, как увеличиваются эти озарения и эти восприятия, и ее инструменты становятся более способными и более подходящими для своей задачи; существуют периоды неозаренной подготовки души и периоды озаренного роста души, и кульминационные более или менее длительные моменты просветленного обладания души, моменты, проходящие как вспышка молнии, однако меняющие все духовное будущее, а также моменты, длящиеся много человеческих часов, дней, недель в постоянном свете или блеске Солнца Истины. И через все это душа, однажды повернувшись в сторону Бога, растет к постоянству и совершенству ее нового рождения и истинного существования.

Первая необходимость при подготовке заключается в очищении всех членов нашего существа; особенно, для пути знания, очищение понимания, того ключа, который откроет дверь истины; но очищенное понимание едва ли возможно без очищения других членов. Неочищенное сердце, неочищенное чувство, неочищенная витальность приводят к неправильному пониманию, нарушают его данные, искажаются выводы, затемняется видение, неправильно применяют его знание; неочищенная физическая система задерживает или прекращает его действие. Должна быть интегральная чистота. Здесь также имеется взаимозависимость; ибо очищение каждого члена нашего существа выигрывает от прояснения любого другого, прогрессирующее успокоение эмоционального сердца, например, помогает очищению понимания, тогда как, в равной степени, очищенное понимание сообщает спокойствие и свет запутанной и затемненной деятельности не чистых еще эмоций. Можно даже сказать, что хотя каждый член нашего бытия имеет свои принципы очищения, все же очищенное понимание в человеке является наиболее действенным очистителем его запутанного и неупорядоченного бытия и наиболее властно требует от других его членов правильного выполнения его функций. Знание, говорит Гита, является верховной чистотой; свет является источником всей ясности и гармонии, тогда как темнота невежества является причиной всех наших преткновений. Любовь, например, является очистителем сердца, и если свести все наши эмоции к божественной любви, сердце станет совершенным; в то же время сама любовь нуждается в очищении при помощи божественного

знания. Любовь сердца к Богу может быть слепой, узкой и невежественной, и может привести к фанатизму и обскурантизму; даже будучи чистой в других отношениях, она может ограничить наше совершенство путем отказа видеть Его иначе, кроме как в ограниченной личности, уклоняясь от истинного и бесконечного видения. Любовь сердца к людям может в равной степени привести к искажениям и преувеличениям в чувствах, действиях и знании, что должно быть исправлено и предотвращено путем очищения способности понимания.

Однако, мы должны рассмотреть глубоко и четко, что мы подразумеваем под пониманием и его очищением. Мы применяем это слово как ближайший эквивалент, который можно найти в английском языке санскритскому философскому термину *buddhi*, поэтому мы исключаем из него действие чувственного ума [19](#), которое состоит лишь в регистрации ощущений всех видов без отличия правильных от неправильных, истинных от только иллюзорных феноменов, глубоких от поверхностных. Мы исключаем ту массу запутанных концепций, которая является просто передачей этих ощущений, и которая в равной мере лишена высших принципов суждения и различения. Мы также не можем сюда включать тот постоянно скачущий поток привычной мысли, который выполняет роль понимания в уме среднего недумющего человека, но являющийся лишь постоянным повторением привычных ассоциаций, желаний, предубеждений, предрассудков, полученных или унаследованных предпочтений, даже если он постоянно обогащается свежим притоком концепций, притекающих из окружающей среды и принимаемых без испытания верховным различающим разумом. Несомненно, это некий вид понимания, который был очень полезен в развитии человека из животного; однако это только на одну ступень выше животного разума; это полуживотный разум, подчиненный привычке, желаниям и чувствам, бесполезный для поиска научного, философского или духовного знания. Мы должны выйти за его пределы; его очищение может быть выполнено только либо отказавшись от него или заставив его замолчать, либо превратив его в истинное понимание.

Под пониманием мы подразумеваем то, что одновременно воспринимает, рассуждает и различает, истинный разум человеческого существа, не подчиненный чувствам, желаниям или слепой силе привычки, но работающий с осознанием своего права на совершенство и знание. Безусловно, разум человека, каким он является в настоящее время, даже в лучшем случае не действует в этой свободной и властительной манере; но когда он не имеет успеха, это объясняется тем, что он еще смешан с более низким полуживотным действием, потому что он не чист и постоянно тормозится и его тянет вниз от его характерной деятельности. Очистившись, он не должен быть замешан в этих низших движениях, но должен отойти от объекта и наблюдать незаинтересованно, поставить его на соответствующее место в целом при помощи сравнения, противопоставления, аналогии, рассуждения исходя из правильно наблюдаемых данных, путем дедукции, индукции, заключения, сохраняя в памяти все полученные результаты, дополняя это обузданным и правильно направленным воображением, рассматривать все в свете тренированного и дисциплинированного суждения. Таково чистое интеллектуальное понимание, для которого законом и характерным действием является незаинтересованное наблюдение, суждение и аргументация.

Но термин *buddhi* также применяется в другом, более глубоком смысле. Интеллектуальное понимание это только низший *buddhi*, существует другой и более высокий *buddhi*, который является не интеллектом, а видением, не пониманием, а скорее всего стоящим выше [20](#) по знанию, и не ищет знание и получает его в зависимости от данных, которые он наблюдает, но уже владеет истиной и выдает ее в терминах откровенной и интуитивной мысли. Наибольшее приближение человеческого разума к этому сознающему истину знанию [21](#) обычно выражается тем несовершенным действием озаренного открытия, которое происходит при большом напряжении мысли, и интеллект, наэлектризованный постоянными разрядами из-за завесы,

подчиняясь более высокому энтузиазму, принимает в себя значительное влияние, исходящее из интуитивной и вдохновенной области знания. Ибо у человека есть интуитивный ум, который служит приемником и каналом для этих приливов, исходящих от супраментальной области. Но действие интуиции и вдохновения в нас несовершенно по роду, а также скачкообразно в действии; обычно оно проявляется в ответ на запрос трудящегося и борющегося сердца или интеллекта и, даже раньше, чем его дары проникают в сознание, они уже подвержены действию мысли или стремления, направленным навстречу им, и более не являются чистыми, но измененными согласно требованию сердца или интеллекта; и после того, как они проникают в сознательный ум, они немедленно подхватываются интеллектуальным пониманием и рассеиваются или разламываются, чтобы соответствовать нашему несовершенному интеллектуальному знанию, или подхватываются сердцем и переделываются, чтобы соответствовать нашим слепым или полуслепым эмоциональным стремлениям и предпочтениям, или даже попадают во власть наших низших стремлений и искажаются для неистового удовлетворения низменных желаний и страстей.

Если бы этот высший Буддхи мог действовать свободно от вмешательства этих низших членов, то он давал бы чистые формы истины; наблюдение было бы в основном или же полностью заменено видением, которое могло бы видеть без рабской зависимости от показаний чувственного ума и чувств; воображение уступило бы место самоподтвержденному вдохновению истины; аргументация — спонтанному умению распознавать отношения, и заключения, построенные на основе аргументации — интуиции, содержащей в себе эти отношения и не трудящейся что-либо построить на их основе, суждение — мысленному зрению, в свете которого выступила бы проявленная истина, без той маски, которую она теперь носит и через которую приходится проникать нашему интеллектуальному суждению; и память также вернула бы себе тот значительный смысл, который придавался ей Греками, и не оставалась бы более ничтожным копанием в запасе, приобретенном индивидуумом в его теперешней жизни, а стала бы все регистрирующим знанием, которое в тайне содержит и постоянно выдает из себя все, что для нас теперь казалось бы болезненным приобрести, но что мы на самом деле в этом смысле помним [22](#), знание, которое включает будущее [23](#) в не меньшей мере, чем прошлое. Безусловно, мы намереваемся поддерживать рост нашей восприимчивости, до достижения области сознающего истину знания, однако возможность полностью и открыто пребывать в Ней пока еще остается привилегией богов и за пределами нашего теперешнего человеческого качества.

Таким образом, теперь мы видим, что мы в точности подразумеваем под пониманием и под высшей способностью, которую мы для удобства можем назвать идеальной способностью, и которая находится во многом по отношению к развитому интеллекту в таком же положении, как интеллект по отношению к полуживотному разуму неразвитого человека. Становится также ясным, какова природа очищения, которое необходимо до того, как понимание сможет правильно выполнить свою роль в приобретении настоящего знания. Всякая Нечистота является беспорядком в работе, отходом от dharma, от справедливого и неотъемлемо правильного действия вещей, которые в этой правильной активности чисты и способствуют нашему совершенствованию, и этот отход обычно является результатом невежественной путаницы [24](#) Дхарм, когда функция отвечает требованиям тенденций, отличных от тех, которые являются для нее ее собственными.

Первой причиной нечистоты в понимании является вмешательство желания в мыслительные функции, а желание само по себе является нечистотой Воли, вовлеченной в виталическую и эмоциональную части нашего бытия. Когда виталические и эмоциональные желания затрагивают чистую Волю к знанию [25](#), то мыслительная функция становится

подчиненной им, преследует цели иные, чем ей следует, и ее представления становятся туманными и беспорядочными. Понимание должно подняться за пределы состояния, в котором сохраняется возможность осады желаниями и эмоциями и, чтобы быть полностью неуязвимым, необходимо, чтобы сами виталические части и эмоции были очищены. Воля к удовольствию является правильной для живого существа, но не выбор или погоня за удовольствием, которое должно определяться и приобретаться посредством более высоких функций; поэтому виталическое существо должно быть натренировано таким образом, чтобы принимать, какое бы достижение [26](#) или удовольствие ни приходило к нему, при правильном функционировании жизни, покорном действию божественной Воли, и избавляться от страстных желаний и привязанности. Аналогично сердце должно быть освобождено от подчинения страстным желаниям жизненного принципа и чувств, и таким образом избавить себя от фальшивых эмоций страха, гнева, ненависти, похоти и т. д., которые составляют главную нечистоту сердца. Воля к любви подходит сердцу, но и здесь также выбор и погоня за любовью должны быть преодолены или успокоены, и сердце научится любить действительно глубоко и интенсивно, но со спокойной глубиной, и установившейся и ровной, а не беспокойной и неупорядоченной, интенсивностью. Успокоение и овладение [27](#) этими членами является первым условием освобождения понимания от ошибки, невежества и искажения. Это понимание от ошибки, невежества и искажения. Это очищение означает полную ровность нервного существа и сердца; ровность поэтому, будучи первым словом на пути трудов, также является первым словом на пути знания.

Второй причиной нечистоты понимания является иллюзия чувств и вмешательство чувственного ума в мыслительные функции. Никакое знание не может быть истинным знанием, если оно подчиняет себя чувствам или пользуется ими иначе, чем как первыми указателями, данные которых должны постоянно корректироваться и превосходить. Началом Науки является исследование истин мировой силы, которые лежат в основе ее видимых деяний, какими их представляют наши чувства; начало философии — это исследование принципов вещей, которые чувства неправильно представляют нам; начало духовного знания — это отказ принимать ограничения чувственной жизни или принимать видимое и чувствуемое за что-либо большее, чем феномен Реальности.

В равной степени чувственный ум должен быть успокоен и научен предоставлять функцию мысли уму, который судит и понимает. Когда наше понимание отступает от действия чувственного ума и отвергает его вмешательство [28](#), последний отделяется от понимания, и тогда можно наблюдать его отдельное действие. В этом случае он проявляет себя как постоянно кружащееся в водовороте вихревое подводное течение привычных концепций, ассоциаций, воззрений, желаний без какой-либо настоящей последовательности, порядка или принципа света. Это постоянное повторение по кругу, неразумное и бесплодное. Обычно человеческое понимание принимает это подводное течение и пытается привести его к частичному порядку и последовательности; но, делая это, само оказывается подчиненным ему и участвует в этом беспорядке, беспокойстве, неразумном подчинении привычке и слепому бесцельному повторению, что превращает обычный человеческий разум в обманчивый, ограниченный, и даже поверхностный и бесполезный инструмент. Ничего нельзя поделать с этим неустойчивым, беспокойным, неистовым и раздражающим фактором, но только избавиться от него либо путем его отделения, а затем успокоения до полной тишины, или же сосредоточить мысль, что позволит ей самой отказаться от этого чуждого и смущающего элемента.

Третья причина нечистоты берет свое начало в самом понимании и состоит в неправильном действии воли к знанию. Эта воля естественно присуща пониманию, но здесь опять выбор и беспокойная погоня за знанием блокируют и искажают. Они приводят к пристрастности и

приверженности, в результате чего интеллект придерживается определенных идей и мнений с более или менее упрямой волей к игнорированию истины в других идеях и мнениях, придерживается некоторых фрагментов истины и избегает принимать другие части, которые необходимы для ее полноты, придерживается некоторых пристрастных знаний и отвергает все знания, которые не согласуются с личным темпераментом мышления, приобретенным мыслителем в прошлом. Средство для исправления заключается в полной ровности ума, в культивации полной интеллектуальной честности и в совершенствовании ментальной незаинтересованности. Очищенное понимание не позволит себе какого-либо страстного влечения, также как не позволит себе какого-либо пристрастия или неудовольствия по отношению к какой-либо определенной идее или истине и откажется от приверженности даже тем идеям, в которых совершенно уверено, и от того, чтобы подчеркивать их, создавая опасность нарушения баланса истины и обесценения значения других элементов полного и совершенного знания.

Очищенное таким образом понимание стало бы совершенно гибким, полным и безошибочным инструментом интеллектуальной мысли и, будучи свободным от несовершенных источников препятствий и извращений, стало бы способным обрести такое верное и полное представление истин относительно Я и вселенной, на которое только способен интеллект. Но для настоящего знания необходимо нечто большее, поскольку настоящее знание по самой нашей дефиниции является сверхинтеллектуальным. Для того, чтобы понимание не могло мешать нам воспринимать настоящее знание, мы должны достичь этого нечто большего и культивировать силу чрезвычайно трудную для активного интеллектуального мыслителя и неприятную для его наклонностей, силу интеллектуальной пассивности. Это служит двойной цели, и поэтому необходимо приобрести два разных вида пассивности.

Прежде всего, мы видели, что интеллектуальная мысль сама по себе неадекватна и не является высшим мышлением; высшим является то, что приходит через интуитивный ум из супраментальной области. До тех пор, пока над нами доминируют интеллектуальная привычка и низшие виды деятельности, интуитивный ум может лишь подсознательно посылать нам свои послания, в большей или меньшей степени подвергающиеся извращениям, прежде чем они достигают сознательного ума; или, если он работает сознательно, то с неадекватной редкостью и большим несовершенством функционирования. Чтобы усилить высшую способность знания в нас, необходимо осуществить такое же разделение между интуитивным и интеллектуальным элементами нашей мысли, как мы уже сделали в отношении понимания и чувственного ума; а это не легкая задача, ибо наши интуитивные осознания не только приходят к нам покрытые коркой интеллектуальной активности, но имеется большое количество порождений ментальной деятельности, которые выдают себя за них и подражают видимости этой высшей способности. Средством от этого прежде всего является тренировка интеллекта в том смысле, чтобы он мог распознавать истинную интуицию, отличать ее от фальшивой, и выработать привычку приходя к интеллектуальной перцепции или выводу, не придавать этому окончательного значения, а скорее всего смотреть вверх, обращаться к божественному принципу и ожидать в таком полном молчании, какое он только сможет установить, света сверху. Таким путем можно преобразовать большую часть нашего интеллектуального мышления в просветленное истинно-сознательное видение, — идеальным был бы полный переход, — или, по крайней мере, сильно увеличить частоту, чистоту и сознательную силу идеального знания, действующего за интеллектом. Последний должен научиться подчиняться и быть пассивным по отношению к этой идеальной возможности.

Но для познания Я необходимо иметь силу полной интеллектуальной пассивности, силу отказаться от всякой мысли, силу ума совсем не думать, что предписывается в одном из

отрывков Гитой. Это звучит тяжело для западного ума, для которого мысль является наивысшей вещью, и который способен ошибочно принять силу ума не думать, его полное молчание, за неспособность мыслить. Но эта сила молчания является способностью, а не неспособностью, силой, а не слабостью. Это мудрое и плодотворное молчание. Только когда ум спокоен как чистая, недвижимая вода в сосуде при совершенной чистоте и покое всего существа, и когда душа выходит за пределы в которых обитает мысль, способно Я, которое превосходит и рождает всякую деятельность и становление, Молчание, из которого рождены все слова, Абсолют, частичным отражением которого является все относительное, проявить себя в чистой сути нашего бытия. Только в полной тишине слышно Молчание; только в полном покое открывается его Бытие. Поэтому для нас имя Того — Молчание и Спокойствие.

19. the sense mind

20. Божественное Существо описывается как adhyaksa, тот, который сидя над всеми в высшем эфире, наблюдает за вещами, видит и контролирует их сверху. (Прим. Шри Ауробиндо)

21. truth-conscious knowledge

22. everything that we now seem painfully to acquire but really in this sense remember

23. В этом смысле сила предсказания была удачно названа памятью будущего. (Прим. Шри Ауробиндо)

24. samkara

25. Will-to-know

26. gain Возможно, в оригинальном тексте допущена опечатка — вместо pain. Тогда предложение приобретает более логический смысл: какие бы боль или удовольствие не приходили к нему. (Прим. пер.)

27. sama и dama

28. intermixture

ВМЕСТЕ с чистотой, и как средство ее осуществления, необходима сосредоточенность. Чистота и сосредоточенность есть в действительности два аспекта, женский и мужской, пассивный и активный, одинакового статуса бытия; чистота это то условие, при котором сосредоточенность становится полной, правильно действующей, всемогущей; при помощи сосредоточенности чистота осуществляет свою работу, а без нее она привела бы только к состоянию мирного покоя и вечного отдыха. Их противоположности также тесно связаны; ибо мы видели, что нечистота — это беспорядок Дхарм, небрежная, смешанная и взаимно запутанная активность различных частей бытия; и эта путаница исходит от отсутствия правильной сосредоточенности знания воплощенной Души над ее внутренними энергиях. Недостатком нашей природы прежде всего является инертное подчинение импульсам вещей [29](#) поступающим в ум беспорядочно и бесконтрольно, а затем случайная несовершенная сосредоточенность, возникающая прерывисто, нерегулярно, с более или менее случайным выбором, на том или ином объекте, в соответствии с тем, какой он в данный момент вызывает интерес, и не в высшей душе или оценивающем и различающем интеллекте, а в беспокойном, скачущем, слабом, переменчивом, легко утомляемом, легко отвлекаемом низшем уме, который является главным врагом нашего прогресса. При таких условиях чистота, правильная работа функций, явный, незапятнанный и светлый порядок бытия невозможен; различные труды, предоставленные случайностям окружения и внешнего влияния, неизбежно должны сталкиваться, мешать, отвлекать, искажать. В равной мере, без чистоты полная, ровная, гибкая сосредоточенность существа с правильным мышлением, правильной волей, правильным чувством или в безопасном состоянии духовного переживания невозможна. Поэтому обе должны идти вместе, каждая помогая другой одержать победу, пока мы не сможем достичь того вечного покоя, из которого может исходить какой-то частичный образ в человеческом существе вечной, всеильной и всеведущей активности.

Но на пути знания, как это практикуется в Индии, сосредоточенность применяется в особом и более ограниченном смысле. Это означает такое отдаление мысли от всякой отвлекающей активности ума и такую сосредоточенность его на идее Единого, при помощи которой душа воспаряет из феноменального в единственную Реальность. Именно при помощи мысли мы растворяем себя в феноменальном; собирая мысль обратно в себя, мы должны вернуться в реальность. Сосредоточенность обладает тремя силами, при помощи которых эта цель может быть осуществлена. Сосредоточиваясь на чем-либо, мы в состоянии узнать эту вещь, заставить ее открыть свои сокровенные тайны; мы должны использовать эту силу, чтобы познать не вещи, но единственную Вещь-в-себе. Опять же путем сосредоточенности можно собрать всю волю для приобретения того, что еще не постигнуто, все еще за пределами нас; эту силу, если она достаточно натренирована, достаточно целеустремленна, достаточно искренна, уверена в себе, верит только себе, абсолютно полна веры [30](#), мы можем использовать для приобретения любого объекта; но мы должны использовать ее не для приобретения многих объектов, которые нам предлагает мир, но для того, чтобы духовно овладеть тем единственным объектом, достойным поиска, который также является единственным предметом, достойным знания. Путем сосредоточенности всего нашего существа на своем состоянии мы можем стать тем, чем хотим; мы можем стать, например, если даже раньше представляли собой массу слабостей и страха, вместо этого массой крепости и отваги, или мы можем стать целиком чистотой, святостью и покоем, или единой вселенской душой Любви; но мы должны, как это сказано, использовать эту

силу, чтобы стать даже не этими вещами, как бы высоки они ни были по сравнению с тем, какие мы теперь, но лучше стать тем, что стоит выше всех вещей и свободными от всякой деятельности и атрибутов, чистым и абсолютным Бытием. Все остальное, всякое другое сосредоточение может представлять ценность только для подготовки, для предварительных шагов, для постепенной тренировки распущенных и саморасточающихся мысли, воли и бытия, для достижения их великой и уникальной цели.

Это использование сосредоточенности предусматривает, как и всякое другое, предварительное очищение; оно предусматривает также в конце самоотречение, прекращение [31](#) и, наконец подъем в абсолютное и трансцендентное состояние Самадхи, откуда, если оно достигает кульминации, если оно выдерживается, нет возврата, за исключением может быть одной души из многих тысяч. Ибо таким образом мы идем к "высшему состоянию Вечного, откуда души не возвращаются" в цикличную активность Природы [32](#); и к этому Самадхи стремится Йогин, который добивается освобождение от мира, в то время, когда он оставляет свое тело. Мы видим эту последовательность в дисциплине Раджа-Йоги. Ибо Раджайогин должен сперва достигнуть определенной моральной и духовной чистоты; он должен освободиться от низшей или сводящей к низшим областям активности своего ума, но затем он должен прекратить всякую его активность, и сосредоточиться на одной идее, которая ведет от активности к покою. Раджайогическая сосредоточенность состоит из нескольких стадий, той, на которой овладевают объектом, той, на которой он содержится, той, на которой ум теряется в состоянии, представляемом объектом, или к которому ведет сосредоточенность, и только последняя в Раджа-Йоге называется Самадхи, хотя это слово может иметь, согласно Гите, гораздо более широкий смысл. Но в Раджайогическом Самадхи имеются различные градации статуса — та, в которой ум, хотя и не реагирующий на внешние объекты, все еще продолжает размышлять, думать, наблюдать в мире мысли, та, в которой ум все еще способен на первичные мысле-формы [33](#), и та, на которой прекратились все выбросы ума даже внутри себя, душа поднимается за пределы мысли в тишину Непередаваемого и Невыразимого. В любой Йоге имеются многочисленные подготовительные объекты концентрации мысли, формы, устные формулы мысли, значительные имена, и все они являются опорами [34](#) для ума в этом движении, все должны быть использованы и превзойдены; самую высшую опору, согласно Упанишатам, являет мистический слог АУМ, три буквы которого представляют Брахман или Высшее Я в его трех степенях состояния, Бодрствующая Душа, Дремлющая Душа и Спящая Душа, и весь мощный звук поднимается к тому, что как за пределами состояния, так и за пределами активности [35](#). Ибо для всей Йоги знания конечной целью является Трансцендентное.

Однако, мы постигли в качестве цели интегральной Йоги нечто более сложное и менее исключительное — менее исключительно позитивное в отношении высшего состояния души, менее исключительно негативное в отношении ее божественного излучения. Мы действительно должны стремиться к Высшему, Источнику всего, Трансцендентному, не исключая и того, что оно трансцендирует, скорее как к источнику установившегося опыта и высшего состояния души, который преобразует все другие состояния и переделает наше сознание мира в форму его тайной Истины. Мы стремимся не удалить из нашего бытия всякое сознание вселенной, а осознать Бога, Истину и Я во вселенной, а также за ее пределами. Поэтому мы будем искать не только Невыразимое, но также Его проявление, как бесконечное бытие, сознание и блаженство, охватывающие вселенную и играющие в ней. Ибо эта тройная бесконечность является его высшим проявлением, и ее мы будем стремиться познать, ей принадлежать и ею стать; и поскольку мы стремимся осознать эту Троицу не только в себе, но и в космической игре, мы также станем помогать знания и участия во вселенских божественных Истине, Знании, Воле, Любви, которые являются ее вторичным проявлением, Ее божественным становлением. Мы

будем стремиться идентифицировать себя с ней, к ней мы будем стараться подняться, и, когда период усилий будет пройден, позволим, отвергнув всякий эгоизм, втянуть нас в себя в нашем бытии, и снизойти в нас и обнять нас во всем нашем становлении. И это не только средство подхода И достижения Ее высшей трансцендентности, но условие божественной жизни в проявлениях космоса, даже когда Трансцендентное обладает нами, а мы — Им.

Для того, чтобы мы могли осуществить это, термины сосредоточенность и Самадхи должны приобрести для нас более богатое и глубокое значение. Вся наша сосредоточенность это только образ божественного Тапаса, при помощи которого Я пребывает собранным в себе, при помощи которого оно проявляется внутри себя, при помощи которого оно обладает своим проявлением и поддерживает его, с чьей помощью отходит назад от всякого проявления в свое высшее единство. Существо, обитающее в своем сознании в самом себе для блаженства — это божественный Тапас; и Знание-Воля [36](#), пребывающая в силе сознания в себе, и ее проявление является сутью божественной сосредоточенности, Йогой Господина Йоги. В отношении самодифференциации Божественного, в которой мы пребываем, сосредоточенность это то средство, при помощи которого индивидуальная душа отождествляет себя с любой формой и входит в любую форму, состояние или психологическое самопроявление (bhava) Я. Использование этого средства для объединения с Божественным является условием для достижения божественного знания и принципом всей Йоги знания.

Это сосредоточение происходит при помощи Идеи, используя мысль, форму и имя как ключи, которые отдадут сосредоточенному уму Истину, скрытую за всякой мыслью, формой и именем; ибо именно через Идею ментальное существо поднимается за пределы всего выражения всего к тому, что выражено, к тому, для чего сама Идея является только инструментом. Путем сосредоточенности на Идее ментальное существование, которым мы в настоящее время являемся, ломает барьер нашей ментальности и приходит к состоянию сознания, состоянию бытия, состоянию силы сознательного бытия и блаженства сознательного бытия, которому соответствует Идея и символом, движением и ритмом которого она является. Сосредоточенность на Идее является, таким образом, только средством, ключом, открывающим для нас сверхсознательные уровни нашего существования; определенное собранное вокруг себя состояние всего нашего существования, поднятое в эту сверхсознательную истину, единство и бесконечность самосознающего, самоблагословенного существования есть цель и кульминация; и таково значение, которое мы даем термину Самадхи. Не просто состояние, оторванное от всякого сознания внешнего, оторванное даже от всякого сознания внутреннего, пребывающее в том, что существует за пределами обоих, либо как семена обоих, или трансцендентно даже по отношению к их стадии семени; но установившееся существование в Едином и Бесконечном, объединенное и отождествленное с ним, чтобы этот статус оставался, пребываем ли мы и состоянии пробуждения, в котором мы сознаем формы вещей, или же мы уходим во внутреннюю активность, которая пребывает в игре принципов вещей, игре их имен и типичных форм, или мы воспаряем к состоянию статической внутренней сущности, где мы приходим к самим принципам и к принципу всех принципов, к семени имени и формы [37](#). Ибо душа, которая пришла к полному Самадхи и обосновалась в нем (sam̃dhistha) в том смысле, который Гита придает этому слову, имеет то, что является фундаментальным для всего опыта, и не может быть выведена из этого состояния, даже при помощи сколь угодно рассеивающего и отвлекающего — для того, кто еще не достиг этой вершины, — опыта. Она может охватить все в поле своего бытия, не будучи связана чем-либо, или обманута или ограничена.

Когда мы приходим к этому положению, в сосредоточенности всего нашего существа и сознания, необходимость сосредоточения на Идее отпадает. Ибо там, в этом супраментальном состоянии, все состояние вещей перевернуто [38](#). Ум это вещь, которая пребывает в диффузии, в

последовательности; он может сосредоточиться только на чем-то одном в конкретный момент времени, а когда не сосредоточен, перебегает от одной вещи к другой в значительной степени случайным образом. Поэтому он должен сосредоточиться на одной идее, на одном объекте размышления, на одном объекте созерцания, на одном объекте воли для того, чтобы овладеть или освоить его, и это должно осуществляться при хотя бы временном исключении всех других. Но то, что за пределами ума, и во что мы пытаемся подняться, выше процесса бегущей мысли, выше разделения Идей. Божественное сосредоточено в себе, и когда оно выбрасывает идеи и проявляет активность, то не разделяется и не заключает себя в них, но содержит их и их движение в своей бесконечности; неразделенное, оно все целиком находится за каждой Идеей и каждым движением, и в то же время за всеми ими вместе. Поддержанное им, каждое из них спонтанно себя вырабатывает, не посредством отдельного акта воли, а благодаря общей силе сознания, стоящего за ним; если нам кажется, что в каждом есть концентрация божественной Воли и Знания, то это многократное и равное, но не исключительное сосредоточение, и реальностью его скорее является свободное и спонтанное творчество в самособранном единстве и бесконечности. Душа, которая поднялась к божественному Самадхи, участвует, по мере своего достижения, в этом перевернутом состоянии вещей, — истинном состоянии, ибо то, что является обратным нашей ментальности, является истиной. Именно по этой причине, как сказано в древних книгах, человек, достигший обладания Я, спонтанно, без необходимости сосредоточения мысли и усилия, достигает знания или результата, который стремится охватить его Идея или Воля.

Поэтому целью нашего сосредоточения должен быть приход к такому установившемуся божественному статусу. Первым шагом в сосредоточении всегда должно быть приучение дискурсивной мысли к установившемуся неуклонному прохождению единого курса связной мысли к единственному предмету, и он не должен при этом отвлекаться какими-либо приманками и призывами к ее вниманию. Такое сосредоточение довольно обычно в нашей повседневной жизни, но оно становится труднее, когда должно осуществляться внутренне без внешнего объекта или действия, на которое направляется мысль; но это внутреннее сосредоточение есть то, что должен осуществить искатель знания [39](#). Это также не должно быть только последовательной мыслью интеллектуального мыслителя, единственной целью которого является уяснить и интеллектуально связать между собой концепции. Это не процесс рассуждения, за исключением, быть может, начальных стадий, столь желательный для того, чтобы пребывать как можно дольше на плодотворной сущности идеи, которая, благодаря воздействию на нее воли души, должна выдать все аспекты своей истины. Таким образом, если объектом концентрации является божественная Любовь, то ум должен сосредоточиться на существе идеи Бога как Любви, таким образом, чтобы различные проявления божественной Любви должны возникать ясно, не только для мысли, но и в сердце, в бытии и видении Садхака. Мысль может возникнуть вначале, а переживание потом, но в равной степени сначала может придти переживание, а знание возникнуть из опыта. Затем необходимо все больше и больше пребывать в достигнутом состоянии и все больше овладевать им, пока оно не становится постоянным переживанием и наконец Дхармой или законом бытия.

Таков процесс сосредоточенной медитации; но более трудным является метод фиксации всего ума в сосредоточении только на существе идеи, чтобы достичь не мысли-знания или психологического переживания предмета, но самой сущности вещи, стоящей за идеей. В этом процессе мысль прекращается и переходит в поглощающее или экстатическое наблюдение предмета или, проникая в него, во внутреннее Самадхи. Если идти таким путем, то впоследствии состояние, до которого мы поднялись, должно быть спущено вниз, чтобы овладеть низшим существом, чтобы распространить свой свет, мощь и блаженство на наше обычное

сознание. Ибо иначе мы можем владеть этим, как многие делают, в возвышенном состоянии или во внутреннем Самадхи, но мы его потеряем, когда проснемся или снизойдем и войдем в контакт с миром; а это урезанное обладание не является целью интегральной Йоги.

Третий процесс заключается в том, чтобы ни сосредоточиваться вначале в напряженной медитации на одном предмете, ни напряженно наблюдать один объект мысленным видением, но вначале полностью успокоить ум. Это можно осуществить разными путями; один — это полностью отойти от ментальной активности, не участвуя в ней, а только наблюдая ее, пока, устав от постоянных несанкционированных прыжков и беготни, она не станет все больше успокаиваться, и наконец абсолютно замрет. Другой путь — это отвергнуть мысленные предложения, выбрасывать их из ума, когда бы они не возникали, и твердо держаться покоя бытия, который в действительности всегда существует за беспокойством и бунтами ума. Когда это тайное спокойствие выявляется, великое молчание спускается на все существо, и обычно вместе с ним приходит восприятие и переживание всеохватывающего молчащего Брахмана, так, что вначале кажется, что все остальное — просто форма и подобие. На основе этого покоя можно построить все остальное, пользуясь знанием и опытом уже не внешнего феномена вещей, но на основе более глубокой истины божественного проявления.

Обычно, когда эта стадия достигнута, становится ясно, что напряженная концентрация больше не нужна. Свободная концентрация воли [40](#), использующая мысль только для внушений и передачи света низшим членам, займет его место. И тогда эта Воля будет требовать от физического существа, виталического существования сердца и ума их преобразования в формы Божественного, которые выявляются в безмолвном Брахмане. Быстрее или медленнее, в зависимости от предварительной подготовки и очищения членов, они вынуждены будут, с большим или меньшим сопротивлением, подчиниться закону воли и ее мысли-внушению, так что в конце концов познание Божественного завладеет нашим сознанием на всех его уровнях, и образ Божественного формируется даже в нашем человеческом существовании, как это было сделано старыми Ведическими Садхаками. Для интегральной Йоги это самая прямая и могущественная дисциплина.

29. bahyasparsa

30. sure of itself, faithful to itself alone, absolute in faith

31. так у Шри Ауробиндо (*Прим. пер.*)

32. yato naiva nivartante tad dh̄ma paramam mama

33. thought-formations

34. avalambana

35. Мандукья Упанишада.

36. a Knowledge-Will

37. Бодрствующее, Сновидящее и Спящее состояние души. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

38. reversed

39. На элементарных стадиях внутренней полемики и суждения, vitarka и vicara, для корректировки ложных идей и достижения интеллектуальной истины. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

40. Этот вопрос будет рассмотрен подробнее, когда мы дойдем до Йоги самосовершенствования. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

Глава V

Отречение

ЕСЛИ дисциплинирование всех членов нашего существа при помощи очищения и концентрации можно описать как правую руку тела Йоги, то отречение является его левой рукой. Путем дисциплины или позитивной практики мы утверждаем в себе истину вещей, истину бытия, истину знания, истину любви, истину трудов и этим замещаем фальшь, которой прониклась и извратилась наша натура; путем отречения мы схватываем фальшь, выдираем ее с корнем и выбрасываем со своей дороги, чтобы она больше не мешала своей настойчивостью, сопротивлением и повторением счастливому и гармоничному росту нашей божественной жизни. Отречение есть необходимое орудие нашего совершенствования.

Как далеко должно зайти отречение? Какой должна быть его природа? И каким образом должно оно применяться? Существует установившаяся традиция, давно одобренная великими религиозными учениями и людьми с глубоким духовным опытом, что отречение не только должно быть полным как дисциплина, но решительным и окончательным как цель, и оно должно распространяться вплоть до отречения от самой жизни и нашего земного существования. Было много причин, которые способствовали росту этой чистой, высокой и величественной традиции. Прежде всего здесь основательная причина радикальной оппозиции между мрачной и несовершенной природой жизни в мире, каковой она сейчас является на данной стадии нашей человеческой эволюции, и природой духовной жизни; и эта оппозиция привела к полному отказу от мирского существования как лжи, безумства души, беспокойного и несчастливого сна или, в лучшем случае, порочного, обманчивого и почти бесполезного блага, или к его характеристике как царства мира, плоти и дьявола, и поэтому для души божественно руководимой и божественно влекомой является местом сурового испытания и подготовки или, в лучшем случае, игрой Всего-сущего [41](#), соревнованием противоположных намерений, от которых Он устает и уходит. Вторая причина — это жажда душой личного спасения, ухода к более далекой или самой далекой высоте беспримесного блаженства и покоя, не нарушаемого трудом и борьбой; или нежелание возвратиться от экстаза божественных объятий в низшее поле труда и служения. Но существуют другие менее значительные причины, связанные с духовным опытом, — сильное чувство и практическое доказательство больших трудностей, которые мы сознательно преувеличиваем до невозможности, сочетания жизни в труде и активности с духовным покоем и жизнью ради реализации; или радость, которую ум начинает испытывать в самом акте отречения, — так же как он в действительности начинает испытывать радость от всего, чего достигает или к чему себя приучает, — и чувство покоя и освобождения, которое приобретается в результате безразличия к миру и объектам человеческих желаний. Самыми низкими причинами являются слабость, которая уклоняется от борьбы, отвращение и разочарование души, сбитой с толку великим космическим трудом, самость, которой нет дела до тех, кто остался позади нас, раз мы лично свободны от чудовищного постоянно вертящегося колеса смерти и рождения, безразличие к воплю, который поднимается от погрязшего в трудах человечества [42](#).

Для Садхака интегральной Йоги ни одна из этих причин не имеет значения. Он не может иметь дела со слабостью и самостью, сколь бы они не казались духовными в своем облике или тенденции; божественная сила и мужество и божественное сострадание и вспомоществование являются его сущностью, они являются той самой природой Божественного, которую он принял бы как одеяние духовного света и красоты. Обороты великого колеса не вызывают в нем чувства страха или головокружения; он поднимается выше их в своей душе и познает свыше их

божественный закон и божественную цель. Трудность создания гармонии между божественной и человеческой жизнью, существования в Боге и в то же время в человеке, — это та самая трудность, которую он призван решить здесь, а не уходить от нее. Он усвоил, что радость, спокойствие и освобождение являются несовершенной вершиной, и не представляют собой действительной ценности, если они не образуют состояние, которое надежно само по себе, не враждебно душе, не зависимо от отчужденности и бездействия, но стойко во время бури, гонки и борьбы, незапятнанно радостью мира или его страданиями. Экстаз божественного объятия не оставит его, ибо он послушен импульсу божественной любви к Богу в человечестве; или если кажется, что он лишается его на время, то он знает из опыта, что это для его испытания, чтобы он мог избавиться от какого-нибудь недостатка. Личное спасение он ищет только как необходимость для человеческого осуществления и потому, что тот, кто сам связан, не может легко освободить других, — хотя для Бога нет ничего невозможного; он не жаждет рая личного счастья, а также не боится ада личных страданий. Если имеется противостояние между жизнью духовной и мирской, то это та пропасть, через которую он должен проложить мост, то противостояние, которое он должен превратить в гармонию. Если мир управляется плотью и дьяволом, то тем больше причин для того, чтобы дети Бессмертия завоевали его для Бога и Духа. Если жизнь безумие, то как много миллионов душ, которым необходимо принести свет божественного разума; если сон, то он все же представляется реальным многим видящим сны, которых необходимо привести к тому, чтобы они видели более благородные сны, или же проснулись; если это ложь, то необходимо принести обманутым правду. Также, если будет сказано, что мы можем помочь миру путем просветительного примера ухода от мира, то мы не должны принять эту догму, поскольку имеется обратный пример великих Аватаров, показывающий, что мы можем помочь не только отвергнув мирскую жизнь, но также, и еще в большей мере, путем принятия и возвышения ее. И если это спектакль Все-Сущего [43](#), то мы должны согласиться сыграть нашу роль в нем красиво и мужественно, и насладиться игрой вместе с нашим божественным Партнером.

Но, главное, тот взгляд на мир, который мы приняли, запрещает отречение от существования мира, пока мы в состоянии служить чем-либо для Бога и человека в их работе по достижению целей этого существования. Мы смотрим на мир не как на изобретение дьявола или самообман души, а как на проявление Божественного, хотя пока еще частичное, потому что оно находится в процессе прогресса и эволюции. Поэтому для нас отречение от жизни не может быть целью жизни, и отречение от мира не может быть целью, ради которой мир был создан. Мы стремимся реализовать свое единство с Богом, но для нас эта реализация связана с полным и абсолютным признанием нашего единства с человеком, и мы не можем отделить одно от другого. Пользуясь языком христиан, Сын Божий есть также и Сын Человеческий, и оба элемента необходимы для завершенного Мессианства; или, пользуясь индийской формой мысли, божественный Нарайана, одним только лучом которого является вселенная, проявляется и осуществляется в человеке; цельный человек есть Нара-Нарайана, и в этой целостности он символизирует высшую мистерию существования.

Поэтому отречение должно быть для нас только инструментом, а не целью; оно также не может быть единственным или главным инструментом, поскольку нашей целью является реализация Божественного в человеческом существе, позитивная цель, которая не может быть достигнута негативными средствами. Негативные средства могут служить только для удаления того, что стоит на пути позитивного свершения. Это должно быть отречение, и полное отречение от всего, что отличается от или противостоит божественному самосвершению, и последовательное отречение от всего, что является меньшим или частичным достижением. Мы не должны быть привязаны к нашей жизни в мире; если такая привязанность существует, мы

должны отречься от нее и отречься полностью; но мы также не должны быть привязаны к избавлению от мира, к спасению, к великому самоуничтожению; если такая привязанность существует, то от нее мы должны также отречься, и отречься полностью.

Далее, наше отречение очевидно должно быть внутренним отречением; особенно и превыше всего, отречение от привязанности и страстного желания в чувствах и сердце, от своеволия в мысли и действии, и от эгоизма в центре сознания. Ибо это есть три узла, которыми мы связаны с нашей низшей природой, и если мы сумеем полностью отречься от них, то больше ничего не может связывать нас. Поэтому привязанность и стремление должны быть полностью отвергнуты; нет ничего в мире, к чему бы мы должны быть привязаны, ни богатство, ни бедность, ни радость, ни страдания, ни жизнь, ни смерть, ни величие, ни ничтожность, ни грех, ни добродетель, ни друг, ни жена, ни дети, ни страна, ни наша работа и миссия, ни Небеса, ни Земля, ни что-либо находящееся внутри них или за их пределами. И это не значит, что нет ничего, что мы должны любить, ничего, что должно доставлять нам наслаждение; ибо привязанность — это эгоизм в любви, а не сама любовь, желание — это ограничение и неуверенность в погоне за удовольствием и удовлетворением, а не поиск божественного восторга в вещах. Мы должны иметь вселенскую любовь, спокойную и в то же время вечно интенсивную, за пределами короткого безумия самой необузданной страсти; наслаждение и восторг в вещах, корни которого уходят в восторг в Боге, не относящийся к форме вещей, но к тому, что они прячут в себе и что охватывает мир, не запутываясь в его сетях [44](#).

Самоволие в мыслях и действиях, как мы уже видели, должно быть полностью отвергнуто, если мы хотим стать совершенными на пути божественных работ; оно должно быть в равной степени отвергнуто, если мы хотим быть совершенными в божественном знании. Это самоволие означает эгоизм ума, который связан своими предпочтениями, своими привычками, своими прошлыми или настоящими формациями мысли, и взглядов, и воли, так как считает их самим собою или собственными, плетет вокруг них тонкие нити "я" и "мое" [45](#) и живет в них, как паук в своей паутине. Он терпеть не может, когда его тревожат, как паук не терпит, чтобы трогали его паутину, и чувствует себя несоответствующим и несчастным, если его переносят к свежим взглядам и формациям, как паук чувствует себя инородным в чужой паутине. Необходимо полностью изжить из ума такую привязанность. Мы не только должны отказаться от обычного подхода к миру и жизни, к которым не проснувшийся ум льнет как к их естественный элемент; но нас не должна связывать какая-либо наша собственная ментальная конструкция или интеллектуальная система мысли, или организация религиозных догм или логических заключений; мы не только должны разрубить на части тенета ума и чувств, но также бежать от ловушки мыслителя, от западни богослова и богостроителя, от сетей Слова и зависимости от Идеи. Все это находится внутри нас в ожидании того, чтобы замуровать дух формами; но мы должны всегда выходить за пределы, всегда отказываться от меньшего ради великого, от конечного ради Бесконечного; мы должны быть готовы к тому, чтобы двигаться от просветления к просветлению, от переживания к переживанию, от одного состояния души к другому, так, чтобы достичь наибольшей трансцендентности Божественного и его наибольшей универсальности. Не должны мы также быть привязанными даже к тем истинам, которыми надежно владеем, ибо они являются лишь формами и выражениями Невыразимого, который отказывается ограничиваться какой-либо формой или выражением; мы должны всегда оставаться открытыми для высшего приходящего сверху Слова, которое не привязывает себя к своему собственному смыслу, и для света Мысли, которая несет в себе свои собственные противоположности.

Но центром всего сопротивления является эгоизм, и его мы должны преследовать во всяком облике и убежище, вытаскивать его и уничтожать; ибо его облики бесконечны, и он будет

льнуть к каждому клочку возможного самоутаивания. Альтруизм и безразличие часто являются его весьма эффективными масками; под таким покровом он может смело бунтовать перед самим лицом божественных дозорных, которые уполномочены выследить и изгнать его. Здесь нам на помощь приходит формула высшего знания; мы не имеем ничего общего, с нашей основной точки зрения, с этими различиями, ибо не существует ни я, ни ты, а только одно божественное Я, равное во всех воплощениях, равное в индивидууме и в группе, и понять это, выразить это и служить этому, осуществить это — вот все, что имеет значение. Самоудовлетворение и альтруизм, наслаждение и безразличие не имеют существенного значения. Если реализация, воплощение, служение этому одному Я требует от нас акции, которая кажется другим самослужением или самоутверждением в эгоистическом смысле, или кажется эгоистическим наслаждением и самопотаканием, мы должны совершить эту акцию; мы должны руководствоваться внутренним поводом, а не мнением людей. Влияние окружающей среды срабатывает иногда очень тонко; мы предпочитаем и почти бессознательно рядимся в те одежды, которые лучше смотрятся со стороны и позволяем завуалировать свое внутреннее око; мы вынуждены рядиться в верность нищенству, или облачаться в служение, или демонстрировать внешние доказательства безразличия и отречения и незапятнанную святость, ибо этого требует от нас традиция и мнения, и потому, что так мы можем произвести лучшее впечатление на окружающих. Но все это тщета и заблуждение. Мы можем быть призваны принять это, ибо такова может быть униформа нашего служения; но в такой же степени вероятно и обратное. Человеческий взгляд со стороны не значит ничего; внутренний взгляд — все.

Из учений Гиты мы видим, какая это тонкая вещь — та свобода от эгоизма, которая требуется. Эгоизм силы, эгоизм Кшатрия гонит Арджуну биться; от битвы его отворачивает противоположный эгоизм слабости, робости, дух отвращения, ложная жалость, которая овладевает умом, нервами и чувствами, — вовсе не божественное сострадание, которое укрепляет руку и проясняет познание. Но эта слабость выступает в одеянии отречения, как добродетель: "Лучше вести жизнь нищего, чем вкусить эти запятнанные кровью удовольствия. Я не желаю править всем миром, нет, и мне не нужно царство богов". Мы можем сказать — какая глупость со стороны Учителя не поддержать это настроение, упустить этот высокий шанс, позволяющий добавить еще одну великую душу к армии Саньясинов, еще один блестящий пример для мира такого святого отречения. Но Пастырь видит иначе. Пастырь, которого не обманешь словами: "Это слабость и заблуждение и эгоизм говорят в тебе. Узри свое Я, открой глаза к знанию, очисти свою душу от эгоизма". А затем? "Борись, побеждай, наслаждайся богатым царством". Или взять другой пример из древней индийской традиции. Казалось бы, это эгоизм заставил Раму, Аватара, собрать армию и уничтожить нацию для того, чтобы получить обратно свою жену от Короля Ланки. Но было ли бы меньшим эгоизмом, если бы он облачился в равнодушие и, прикрываясь формальными терминами знания, заявил "У меня нет жены, нет врага, нет желаний; все это иллюзия чувств; я буду культивировать знание Брахмана, а Гавана пусть делает что хочет с дочерью Янаки"?

Как утверждает Гита, критерий находится внутри. Он в том, чтобы душа была свободна от стремлений и привязанностей, но также свободна от привязанности к бездействию, как и от эгоистического импульса к действию, свободна от привязанности к формам добродетели, также как от притяжения зла. Это значит избавиться от "я" и от "моё", чтобы жить в едином Я и действовать в едином Я; отвергнуть эгоизм отказа работать через индивидуальный центр мирового Существа [46](#) так же, как эгоизм служения индивидуальному уму, жизни и телу, исключая других. Жить в Я не значит пребывать только ради одного себя в Бесконечном, погруженным в него, и предавая забвению все остальное в этом океане безличного

самодовольства; но это значит жить как Я и в Я равно в этом воплощении и во всех воплощениях и за пределами всех воплощений. Таково интегральное знание.

Можно заметить, что возможности, которые мы связываем с идеей отречения, отличаются от того значения, которое ей придает общераспространенное мнение. По общераспространенному мнению оно заключается в самоотвержении, запрещении удовольствий, отказе от объектов удовольствия. Самоотвержение является необходимой дисциплиной для души человека, так как его сердце невежественно привязано; отказ от удовольствий необходим, ибо его чувство захвачено и сковано нечистой сладостью [47](#) чувственных удовлетворений; отвергать объекты удовольствий необходимо потому, что ум фиксируется на объекте и не в состоянии оторваться от него, чтобы выйти за его пределы и войти в себя. Если бы ум человека не был так невежествен, привязан, связан даже при своей беспокойной непостоянности, вводимости в заблуждение формами вещей, не было бы действительной необходимости в отречении; душа могла бы путешествовать по тропе удовольствия, от меньшего к большему, от радости к божественной радости. В настоящее время это не осуществимо. Она должна внутренне отказаться от всего, к чему привязана с тем, чтобы обрести то, чем эти вещи реально являются. Внешнее отречение не является существенным, но даже это необходимо на некоторое время; без него невозможно обойтись во многих вещах, а иногда оно полезно во всем; можно даже сказать, что полное внешнее отречение является стадией, через которую душа должна пройти в некоторый период своего развития, хотя она должна всегда избегать тех самовольных насилий и жестоких самобичеваний, которые являются оскорблением Божественного, пребывающего в нас. Но в конце концов это отречение или самоотвержение всегда является инструментом, и необходимость его применения проходит. Отречение от объекта перестает быть необходимым, когда объект более не в состоянии обольщать нас, так как то, чем наслаждается душа, больше не является объектом как таковым, а Божественным, которое он выражает; запрет на удовольствия больше не нужен, когда душа больше не ищет удовольствия, а испытывает восторг Божественного равно во всех вещах, не испытывая необходимости лично или физически обладать самой вещью; самоотвержение теряет свою область приложения, когда душа больше ничего не требует, но сознательно подчиняется воле единого Я во всех существах. Именно тогда мы освобождаемся от Закона и раскрываемся для свободы Духа.

Мы должны быть готовы к тому, чтобы оставить позади себя на пути не только то, что мы заклеили как зло, но то, что кажется нам хорошим, но не является единственно хорошим. Есть вещи, которые были полезны, помогали, которые быть может когда-то были единственно желаемым, но в то же время, когда их дело сделано, когда они достигнуты, они становятся препятствиями и даже враждебными силами, когда мы призваны идти вперед за их пределы. Существуют желанные состояния души, пребывать в которых опасно, после того как они освоены, ибо тогда мы перестаем идти вперед к более широким царствам Бога за их пределами. Нельзя цепляться даже за божественные реализации, если они не являются божественными в самой высокой сути и полноте. Мы не должны успокоиться на чем то меньшем, чем Все, чем полная трансцендентальность. И если нам удастся таким образом стать свободными духом, мы познаем все удивительное, что сотворил Бог; мы узнаем, что, отвергнув внутренне все, мы не потеряли ничего. "Отказавшись от всего этого ты придешь к наслаждению Всем". Ибо все хранится для нас и восстанавливается для нас, но после изумительного изменения и преобразования во Все-Хорошее и Все-Прекрасное, Весь-Свет и Весь-Восторг Того, кто всегда чист и бесконечен, и является таинством и чудом, нескончаемым в веках.

42. the indifference to the cry that rises up from a labouring humanity

43. the All-Existence

44. nirlipta. Божественная Ананда в вещах есть niskama и nirlipta, свободная от желаний и поэтому не привязанная. (Прим. Шри Ауробиндо)

45. "I-ness" and "my-ness"

46. the universal Being

47. clogged in the mud-honey of.

В ПРЕДЫДУЩЕЙ главе мы говорили об отречении в самом общем аспекте, так же как мы говорили о сосредоточении во всех его возможностях; то, что было сказано, поэтому относится в равной степени к пути Трудов и к пути Преданности, как и к пути Знания, ибо на всех трех необходимо сосредоточение и отречение, хотя возможно варьирование в способах и духе их применения. Но нам необходимо теперь более конкретно обратиться к фактическим шагам на пути Знания, где двойная сила сосредоточения и отречения должна помочь нашему продвижению. Практически эта дорога ведет нас к подъему обратно на самый верх большой лестницы бытия, по которой душа спустилась в материальное существование.

Главная цель Знания — это восстановление Я, нашего истинного самосуществования, и эта цель предполагает в качестве предварительного условия допущение того, что наш теперешний образ бытия не является нашим истинным самосуществованием. Без сомнения, мы отвергли быстрые решения, которые разрубает узел загадки вселенной; мы его признаем не как фикцию материальной видимости, созданную Силой, и не как нереальность, созданную Умом, и не как кучу явлений, идей и результатов идей и сенсаций, за которыми стоит великая Пустота или великий блаженный Ноль, к которому мы стремимся как к нашей истине бесконечного небытия. Мы принимаем Я как реальность, и вселенную как реальность этого Я, реальность его сознания, а не только простой материальной силы и формации, и Тем не менее или даже больше всего по этой причине — реальность. Тем не менее, хотя мир является фактом, а не фикцией, фактом божественного и вселенского, а не воображением индивидуального я, состояние нашего пребывания здесь — это состояние невежества, не настоящая истина нашего бытия. Мы неправильно себя воспринимаем, мы видим себя не такими, какие мы есть; мы живем в ложных отношениях с нашей средой, потому что мы не знаем ни мир, ни самих себя, какими являемся, у нас неправильный взгляд, основанный на временном вымысле, установившемся между Душой и Природой для удобства эволюционирующего эго. Эта фальшь является корнем общего извращения, беспорядка и страдания, которые на каждом шагу осаждают как нашу внутреннюю жизнь, так и наши отношения с окружающей средой. Наша личная жизнь и наша общественная жизнь, наше общение с собой и наше общение с нашими братьями основаны на фальши и потому являются неверными в признаваемых принципах и методах, хотя через все эти ошибки постоянно пытается пробиться растущая истина. Отсюда величайшее значение знания для человека, не то, что называется практическим знанием жизни, а основательнейшее знание своего Я и Природы [48](#), только на основе которого истинная практика жизни и может быть основана.

Ошибка происходит от неправильной идентификации. Природа создала внутри своего материального единства кажущиеся отдельными тела, которые Душа, проявленная в материальной Природе, охватывает, населяет, овладевает ими и использует; забывая себя, Душа чувствует только этот единственный узел Материи и говорит: "Я семь это тело". Она думает о себе как о теле, страдает вместе с телом, радуется с телом, рождается с телом, разлагается с телом; или так, по крайней мере, она видит свое самосуществование. Опять же, Природа создала внутри своего единства мировой жизни кажущиеся отдельными течения жизни, каждое из которых образует витки виталической субстанции [49](#) вокруг и внутри каждого тела, и Душа, проявляющаяся в виталической Природе, хватается за это течение и, сама захваченная им, немедленно оказывается пленена в этом маленьком вихревом водовороте жизни. Душа, все еще забывая себя, говорит: "Я есмь эта жизнь"; она думает о себе как о жизни, она жаждет того, что

жаждет жизнь, упивается ее радостями, кровотоцит ее ранами, устремляется или спотыкается вместе с ее движениями. Если она все еще управляется, главным образом, чувствами тела, она отождествляет свое существование с виталическим завитком и думает: "Когда этот виток кончится в результате растворения тела, вокруг которого он образовался, тогда Я больше не буду". Если она сумела ощутить течение жизни, образующее водоворот, то считает себя этим течением и говорит: "Я эта струя жизни; я овладела этим телом, я его оставлю и завладею другими телами: я есть бессмертная жизнь, вращающаяся в кругу постоянного возрождения".

И опять Природа создала внутри своего ментального единства, в мировом Уме, кажущиеся отдельными генераторы ментальности, постоянные центры генерации, распределения и реабсорбции ментальной силы и ментальной деятельности, как бы станции в системе ментального телеграфа, где послания задумываются, пишутся, посылаются, получают, расшифровываются, и эти послания и эти действия носят разный характер — чувственный, эмоциональный, предположительный, познавательный, интуитивный, и всех их Душа, проявившаяся в ментальной природе, принимает, использует для своего взгляда на мир и ей кажется, что она планирует и получает их удары, страдает или справляется с их последствиями. Природа устанавливает основания этих генераторов в материальных телах, образованных ею, использует эти тела в качестве фундаментов для своих станций, и соединяет ментальное с материальным при помощи нервной системы, наполненной движением виталических течений, посредством которой ум осознает материальный мир и, если сочтет нужным, виталический мир Природы. Иначе ум прежде всего и главным образом осознавал бы ментальный мир и только косвенно был бы знаком с материальным. Какой он есть, его внимание фиксировано на теле и материальном мире, в котором он установлен, и он ощущает остальную часть существования только туманно, косвенно или подсознательно в том ее огромном напоминании, к которому поверхностно он стал неотзывчив и которое предал забвению.

Душа отождествляет себя с ментальным генератором, или станцией, и говорит: "Я этот ум". И поскольку ум погружен в телесную жизнь, он думает: "Я ум в живом теле" или, более часто: "Я тело, которое живет и думает". Она отождествляет себя с Мыслями, эмоциями, чувствами заключенного в теле ума и воображает, что когда тело растворится, все это растворится, то и она тоже перестанет существовать. Или, если она осознает течение продолжительности ментальной личности, она думает о себе как о ментальной душе, пребывающей в теле однажды или многократно, и возвращающейся после завершения земной жизни в ментальные миры за ее пределами; продолжение существования этого ментального существа, которое ментально радуется или страдает иногда в теле, иногда на ментальном или виталическом уровне Природы, она называет своим бессмертным существованием. Или, иначе, поскольку ум — это принцип света и знания, хотя и несовершенный, и может иметь некоторое представление о том, что за его пределами, он видит возможность растворения ментального существа в том, что находится за пределами доступных ему областей, в некоей Пустоте или каком-то вечном Существовании, и говорит: "Там я, ментальная душа, перестаю существовать". Такого растворения она либо боится, либо желает, отрицает или подтверждает, в зависимости от меры привязанности к игре заключенного в теле ума и виталического, или отвращения к ней в данное время.

Сейчас все это является смесью истины и лжи. Ум, Жизнь, Материя существуют, и ментальная, виталическая и физическая индивидуализация является фактом, существующим в Природе, однако идентификация души со всем этим является ложной идентификацией. Ум, Жизнь и Материя — это мы сами, только в том смысле, что это принципы бытия, развитые истинным я, и благодаря встрече и взаимодействию Души и Природы, для того, чтобы выразить форму своего единого существования в виде Космоса. Индивидуальный ум, жизнь и тело — это игра этих принципов, которая происходит в общении Души и Природы, как средство выражения

той множественности себя, на которую вечно способно единое Существование, и которая вечно заключена в его единстве. Индивидуальный ум, жизнь и тело — это формы нас самих, поскольку мы являемся центрами множественности Единого; мировой Ум, Жизнь и Тело — это тоже формы нашего я, ибо мы есть этот Единый в нашем бытии. Но я — это более чем мировой или индивидуальный ум, жизнь и тело, и когда мы ограничиваем себя идентификацией с этими вещами, мы основываем самое знание на лжи, мы фальсифицируем наш определяющий взгляд и наш практический опыт не только нашего самобытия, но и нашего космического существования и нашей индивидуальной деятельности.

Я — это вечное абсолютное Бытие и чистое существование, из которого все это произошло. Из этого знания мы должны исходить; это знание мы должны реализовать и сделать его основой внутренней и внешней жизни индивидуума. Йога знания, исходя из этой первичной истины, постигла негативный и позитивный метод дисциплины, при помощи которой мы избавимся от этих ложных идентификаций и отойдем от них в истинное знание себя. Негативный метод — это всегда говорить: "Я не тело", чтобы опровергнуть и искоренить неверную идею "Я есть тело", сосредоточиться на этом знании и, путем отречения от привязанности души к физическому, избавиться от ощущения себя телом [50](#). Мы говорим опять "Я не жизнь" и, в результате сосредоточения на этом знании и отречения от привязанности к виталическим движениям и желаниям, избавляемся от виталического ощущения себя [51](#). Наконец, мы говорим: "Я не ум, не движение, не чувство, не мысль" и, путем сосредоточения на этом знании и отречения от ментальной деятельности, избавляемся от ощущения себя умом [52](#). Когда мы таким образом постоянно создаем пропасть между собой и теми вещами, с которыми мы себя идентифицируем, все быстрее спадают с нас завесы, и нам начинает становиться видно Я. Тогда мы говорим: "Я есть Тот, чистота, вечность, самоблаженство" и, сосредоточив наши мысли и бытие на этом, мы становимся Этим и получаем возможность наконец отречься от индивидуального существования и Космоса. Другой позитивный метод, принадлежащий скорее Раджа-Йоге, заключается в сосредоточении на мысли о Брахмане и исключении всех других идей, так что генератор ума перестает действовать в отношении нашего внешнего или различного внутреннего существования; путем прекращения ментальной деятельности также останавливается жизненная и физическая игра в вечном Самадхи, невыразимом глубочайшем транс бытия, в котором мы перейдем в абсолютное Существование.

Эта дисциплина, очевидно, является самоцентрированным и исключаяющим внутренним движением, которое избавляется от мира путем его отрицания в мыслях и закрывая глаза души для него. Но мир существует как истина в Боге, даже если индивидуальная душа закрыла на него глаза, и Я реально существует в мире, а не ложно, поддерживая все, что мы отвергли, нерушимое во всех вещах, реально включая индивидуум во вселенское, а также включая вселенную в то, что за ее пределами и выше нее. Что нам делать с этим вечным Я в этом упорно продолжающем существовать мире, который охватывает нас каждый раз, когда мы выходим из транса внутренней медитации? Аскетический Путь Знания имеет свое решение и свою дисциплину для души, которая взирает на мир. Оно заключается в том, чтобы рассматривать имманентное, всеохватывающее и всесоставляющее Я в образе эфира, в котором находятся все формы, который находится во всех формах, из которого сделаны все формы. В этом эфире космические Жизнь и Ум движутся в виде Дыхания вещей, атмосферное море в эфирном, и составляют из него все эти формы; но то, что они составляют, это только имя и форма, а не реальность; форма горшка, который мы видим, это только форма земли и идет обратно в землю, земля — форма, распадающаяся в космической Жизни, космическая жизнь — движение, которое останавливается в этом безмолвном, неизменном Эфире. Сосредоточиваясь на этом знании, отвергая все феномены и видимости, мы начинаем видеть целое как иллюзию имен и форм в

эфире, который есть Брахман; оно становится нереальным для нас; и мир становится нереальным, имманентность становится нереальной, и остается только Я, которому наш ум неправильно присвоил имя и форму мира. Таким образом, мы оправдываем то, что мы отозвали индивидуальное я в Абсолют.

Но Я все еще продолжает сохранять свой неисчезающий аспект имманентности, свой неизменный аспект божественного окружения, свой бесконечный фокус становления каждой вещью и всеми вещами; то, что мы обнаруживаем подлог и отходим от этого всего, по видимому, не влияет ни капельки ни на Я, ни на мир. Не должны ли мы также знать, что же это такое, что продолжается, стоит выше нашего признания и отвержения, и слишком велико, слишком вечно, чтобы поддаваться влиянию этого? Здесь также, должно быть, действует какая-то непобедимая реальность, и интегральность Знания требует, чтобы мы это видели и понимали; иначе может оказаться, что обманом и иллюзией окажется наше знание, а не Господин вселенной. Поэтому мы должны опять сосредоточиться и видеть и понимать также то, что так властно продолжается, и должны знать Я как ничто иное, как Высшую Душу, которая является Господином Природы, держателем космического существования, по чьей воле оно продолжается, чья воля руководит его многочисленными действиями и определяет его бесконечные циклы. И мы должны еще раз сосредоточиться, и видеть, и понимать, и должны знать Я как единое Существование, которое является и Душой всего, и Природой всего, одновременно Пуруша и Пракрити, и потому в состоянии выразить себя во всех этих формах вещей и одновременно быть всеми этими формациями. Иначе мы бы исключили то, что Я не исключает, и сделали бы самовольный выбор в нашем знании.

Старый аскетический Путь Знания признавал единство вещей и сосредоточение на всех этих аспектах единого Существования, но при этом создавал различия и иерархию. Я, которое принимает все эти формы вещей, есть Вират или мировая Душа; Я, которое создает все эти формы, есть Хираньягарбха, светящаяся или творчески восприимчивая Душа; Я, которое содержит все эти вещи, заключенные в себе, есть Пражна, сознательная Причина или первоначально определяющая Душа; за пределами всего этого Абсолютный, который допускает всю эту нереальность, но не имеет с ней дела. В То мы должны удалиться и не иметь дальнейших дел с миром, и поскольку Знание означает окончательное Знание, поэтому меньшие реализации отпадают или теряются в Том. Но с нашей точки зрения очевидно, что это практические различия, созданные умом, имеющие значение для некоторых целей, но не имеющие значения в конечном счете. Наше видение мира требует единства; вселенское Я не отличается от воспринимающего и творческого, и воспринимающее от казуального, и казуальное от Абсолюта, но это одно "Самобытие, которое стало всем, что стало", и которое есть не что иное, как Господь, который проявляет себя во всех индивидуальных существованиях, тот Господь, который есть не что иное, как единственно существующий Брахман, и который истинно есть все, что мы видим, чувствуем, живем и мыслим. Это Я, Господь, Брахман, мы должны знать, чтобы реализовать наше единство с ним и со всем тем, в чем оно проявляется, и в этом единстве мы должны жить. Ибо мы требуем от знания, чтобы оно объединяло; то знание, которое разъединяет, всегда остается неполным знанием, пригодным для некоторых практических целей; знание, которое объединяет, — это именно знание [53](#).

Поэтому наша интегральная Йога соберет эти различные дисциплины и сосредоточения, но приведет их к гармонии, по возможности соединит их путем синтеза, который устранил их взаимоисключаемость. Не уподобляясь последователю исключительно трансцендентальной Йоги, отказывающемуся от реализации Господа и Всего и отвергающему их ради безмолвного Я или непознаваемого Абсолюта, не живя только для Господа или только во Всем, подобно исключительному Теисту или последователю исключительно пантеистической Йоги, ищущий

интегральное знание не ограничивается ни в своих мыслях, ни в своей практике, ни в постижении религиозного течения или философской догмы. Он будет искать Истину существования во всей ее полноте. Он не отвергает древние дисциплины, ибо они основаны на истине, но будет придавать им ориентацию в соответствии со своей целью.

Мы должны понять, что наша главная цель в знании — это реализовать свое собственное высшее Я в большей степени, чем это Я в других, или как Господина Природы, или как Все; ибо в этом насущная необходимость для индивидуума — прийти к высшей истине его собственного бытия, привести в порядок его беспорядок, замешательства, ложные отождествления, прийти к правильному сосредоточению и чистоте, знать и стремиться к его источнику. Но мы это делаем не для того, чтобы исчезнуть в его источнике, а для того, чтобы все наше существование и все члены этого внутреннего царства смогли найти свою правильную основу, смогли бы жить в нашем высшем Я, жить только ради нашего высшего Я и подчиняться только тому закону, который исходит из нашего высшего Я и дается нашему очищенному существу без какой-либо фальсификации в передающей ментальности. И если мы правильно осуществим это, то обнаружим, что находя это высочайшее Я, мы нашли единое Я во всем, единственного Господина нашей природы и всей Природы, наше Целое, которое является Целым всей вселенной. Ибо то, что мы видим в себе, мы неизбежно должны видеть повсюду, поскольку в этом истина Его единства. Обнаружив и правильно используя Истину нашего бытия, мы неизбежно разрушаем и отбрасываем преграду между нашей индивидуальностью и вселенной, и Истина, которую мы осуществим в нашем бытии, не может не реализовать себя для нас во вселенной, которая затем станет нами. Поняв в себе "Я есть Он" из Веданты, мы не можем не понять, оглядываясь вокруг себя, тождественное знание с другой его стороны: "Ты есть То". Нам необходимо только позаботиться о знании того, как практически проходить дисциплину, чтобы мы могли успешно прийти к этому великому единению.

48. atmajnana и tattvajnana

49. form themselves into a whorl of vitality

50. the body-sense

51. the life-sense

52. the mind-sense

53. the knowledge

ПЕРВЫМ нашим шагом на пути знания, после того, как наш интеллект определил, что кажущееся не является Истиной, что я это не тело, или жизнь, или ум, поскольку это только его формы, должно быть правильное установление практических отношений нашего ума с жизнью и телом, чтобы он мог прийти к собственному правильному отношению с Я. Легче всего это сделать способом, с которым мы уже знакомы, поскольку он играл большую роль в нашем рассмотрении Йоги Трудов, и который заключается в том, чтобы создать разделение между Пракрити и Пурушей. Пуруша, душа, которая знает и управляет, был вовлечен в действия своей исполнительной сознательной силой, поэтому он ошибочно воспринимает это свое физическое создание, которое мы называем телом, в качестве самого себя; он забывает о своей природе, которая суть знающая и управляющая душа; он верит, что его ум и душа подчинены закону и деятельности тела; он забывает, что он, кроме того, нечто гораздо более великое, чем физическая форма; он забывает, что ум на самом деле больше, чем Материя, и не должен подчиняться ее помрачениям, реакциям, привычкам инерции и привычкам неспособности; он забывает, что он больше даже, чем ум, Сила, которая может поднять ментальное существо над его собственным существованием; что он Господин, Трансцендентальное, и что не подобает Господину быть рабом собственной деятельности, Трансцендентальному быть заключенным в форму, которая существует как ничтожная песчинка в его собственном бытии. От всей этой забывчивости необходимо исцелиться, для чего Пуруша должен вспомнить свою истинную природу, и прежде всего вспомнить, что тело — это только творение и только одно из творений Пракрити.

Тогда мы говорим уму: "Это творение Пракрити, это не ты и не я, отойди от этого". Если мы постараемся, то выясним, что ум обладает этой силой отвлечения и может отделиться [54](#) от тела не только в идее, но и в деятельности, сделать это физически или в виталическом. Это отвлечение мысли должно быть подкреплено определенной позицией безразличия к тому, что связано с телом; мы не должны думать существенным образом о его сне и бодрствовании, его движении или отдыхе, его боли или удовольствии, его здоровье или нездоровье, его бодрости или усталости, его комфорте или дискомфорте, или о том, что оно ест и пьет. Это не значит, что мы не должны содержать тело в порядке, насколько это возможно; не следует впадать в крайний аскетизм или в позитивное пренебрежение физической системой [55](#). Но на наш ум также не должны влиять голод и жажда, дискомфорт или недуг, и мы не должны придавать также большое значение тому, что связано с телом, как это делает физический и виталический человек, но значение лишь второстепенное и чисто практическое. И этому практическому значению не должно быть позволено принимать очертания необходимости; например, мы не должны воображать, что очищенность ума зависит от того, что мы едим или пьем, хотя на определенной стадии ограничение в еде и питье полезно для нашего внутреннего прогресса; с другой стороны мы не должны продолжать думать, что зависимость ума и даже жизни от пищи и питья есть нечто большее, чем привычка, привычные отношения, установленные Природой между этими принципами. Фактически можно сократить количество потребляемой пищи до минимума, выработав обратную привычку и новые отношения, при этом ментальная и виталическая энергия несколько не уменьшится; даже наоборот, при наличии здравомыслия ее можно развить до большей потенциальной возможности, научившись использовать скрытые источники ментальной и жизненной энергии, от которых она зависит больше, чем от той незначительной поддержки, которой является физическая пища. Однако этот вид

самодисциплины более важен в Йоге самосовершенствования, чем здесь; для нашей задачи в настоящее время главным является отречение ума от привязанности или от зависимости от телесных вещей.

Дисциплинированный таким образом, ум постепенно выработает по отношению к телу правильное отношение Пуруши. Прежде всего он познает ментального Пурушу в качестве поддерживающего тело, а не, в каком бы то ни было виде, само тело; ибо он есть совсем не физическое существование, которое он поддерживает посредством ума при помощи жизненной силы. Это станет настолько нормальным отношением всего существа к физической системе, что последняя будет ощущаться нами чем-то внешним, которое может быть снято подобно платью, которое мы носим, или инструменту, случайно оказавшемуся в наших руках. Мы даже можем прийти к ощущению, что тело в определенном смысле не существует, или существует только как какое-то частичное выражение нашей виталической силы и нашей ментальности. Эти ощущения являются сигналами того, что ум начинает занимать правильную установку по отношению к телу, что он меняет ложную точку зрения ментальности, одержимой и плененной физическими ощущениями, на точку зрения истинного знания вещей.

Во-вторых, что касается движений и ощущений тела, то ум познает Пурушу, сидящего в теле, прежде всего как свидетеля или наблюдателя за движениями, а затем как знающего и постигающего эти ощущения. Он перестанет рассматривать в мыслях или чувствовать эти движения и ощущения как свои собственные, а будет рассматривать и чувствовать их как не свои, а как операции Природы, руководимые качествами природы, и их взаимодействие друг с другом. Это отрешение может стать столь нормальным и продвинуться настолько, что наступит как бы разделение между умом и телом, и первый будет наблюдать и ощущать голод, жажду, боль, усталость, депрессию и т. п. физического существа, как если бы это были ощущения какого-то другого лица, с которым у него такая связь [56](#), что позволяет знать все, что в нем происходит. Это разделение является великим средством, большим шагом к мастерству, ибо разум начинает смотреть на эти вещи, вначале не подчиняясь им, а затем и вовсе не реагируя на них, бесстрастно, ясно понимая, но совершенно отрешаясь. Это начало освобождения ментального существа от порабощения телом; ибо знание, которое постоянно осуществляется на практике, неизбежно приносит освобождение.

Наконец, ум придет к знанию Пуруши в уме как господина Природы, для движения которой необходима его санкция. Он узнает, что тот, кто дает санкции, в состоянии отменить первоначальные указы, относящиеся к прежним привычкам Природы, и что в конце концов этих привычек не станет или они изменятся в направлении, указанном волей Пуруши; но не сразу, ибо старые указания остаются как живучие последствия прошлой Кармы Природы, пока она не будет исчерпана, и многое также зависит от силы привычки и от идеи фундаментальной необходимости, которую ум придавал ей ранее; но если это не одна из фундаментальных привычек, установленных Природой в отношениях между умом, жизнью и телом, и если ум не обновит старое разрешение или не останется желанием сохранить привычку, то в конце концов настанет перемена. Даже привычка голода или жажды может аналогично быть сведена к минимуму, запрещена и отброшена; привычка болезни аналогично уменьшена и постепенно исчезает, а тем временем сила ума, направленная на то, чтобы привести в порядок недостатки тела, путем сознательной манипуляции жизненной силой или простым ментальным указанием, необычайно увеличится. Путем аналогичного процесса можно исправить привычку, в силу которой телесная природа ассоциирует некоторые формы и степени активности с напряжением, усталостью, неумелостью, и тогда сила, свобода, быстрота, эффективность работы, ментальной или физической, которая выполняется этим телесным инструментом, удивительно возрастает, вдвое, втрое, в десятки раз.

Эта сторона метода относится к Йоге самосовершенствования; но уместно кратко сказать здесь об этих вещах потому, что этим самым мы закладываем базу того, что нужно будет сказать о самосовершенствовании, которое составляет часть интегральной Йоги, а также потому, что нам необходимо исправить лживые представления, популяризируемые материалистической Наукой. Согласно этой Науке, нормальные ментальные и физические состояния и отношения между умом и телом, фактически установившиеся в процессе нашей прошлой эволюции, являются правильными, естественными и здоровыми условиями, и все другое, все противоположное или отличное от них является или болезненным и неправильным, или галлюцинацией, самообманом и безумием. Не говоря уже о том, что этот консервативный принцип полностью игнорируется самой Наукой, когда она так старательно и успешно улучшает нормальные операции физической Природы для большего покорения ее человеком. Достаточно сказать здесь, раз и навсегда, что изменение ментального и физического состояния и отношений между умом и телом, которое повышает чистоту и свободу бытия, приносит ясную радость и покой и усиливает власть ума над собой и над физическими функциями, одним словом, приводит к большей власти человека над своей природой, очевидно, не может быть болезненным и не может считаться галлюцинацией или самообманом, поскольку приводит к очевидным и позитивным результатам. На самом деле это — волевое продвижение Природы в ее эволюции индивидуума, эволюции, которую она будет осуществлять в любом случае, но в данном случае используя человеческую волю как свой главный действующий фактор, так как ее главная цель — привести Пурушу к сознательному господству над ней.

Сказав это, мы должны добавить, что в движении по пути Знания вопрос о совершенствовании ума и тела вообще не рассматривается или рассматривается во вторую очередь Единственное, что необходимо — это подняться из Природы до своего Я любым наиболее быстрым или наиболее глубоким и эффективным возможным методом; и метод, который мы описываем, хотя не является самым быстрым, но зато самый основательный по эффективности. И здесь возникает вопрос о физическом действии или бездействии. Обычно считается, что Йогин должен воздерживаться от действия как можно больше, особенно потому, что деятельность слишком мешает, она отвлекает энергию наружу. До некоторой степени это верно; и мы должны дальше отметить, что когда ментальный Пуруша становится на позиции простого свидетеля и наблюдателя, у существа возрастает тенденция к молчанию, уединению, физическому покою и бездействию тела. До тех пор, пока это не ассоциируется с инерцией, неспособностью или нежеланием действовать, одним словом, с ростом тамасического качества — все это к лучшему. Сила, позволяющая ничего не делать, которая не имеет ничего общего с ленью, неспособностью или отвращением к действию и привязанностью к бездействию, является великой силой и великой властью; сила, позволяющая полностью отдохнуть от действия, также необходима Джнанийогину, как сила абсолютно перестать думать, как сила, позволяющая бесконечно [57](#) пребывать в одиночестве и молчании, и как сила нерушимого спокойствия. Кто не желает пройти эти стадии, тот еще не готов для пути, ведущего к высшему знанию; кто не в состоянии продвинуться в этом направлении — не готов к его обретению.

В то же время надо добавить, что этой силы достаточно; воздержание от любой физической активности не обязательно, отвращение ко всякой деятельности, ментальной или телесной, нежелательно. Тот, кто ищет интегрального знания, должен быть свободен от привязанности к действию и одинаково свободен от привязанности к бездействию. Особенно необходимо преодолеть тенденцию к просто инерции ума, виталического или тела и, если замечено, и что эта привычка природы усиливается, необходимо использовать волю Пуруши, чтобы покончить с этим. Наконец, наступает состояние, когда жизнь и тело становятся просто орудиями воли Пуруши в уме, без всякого напряжения или привязанности, без того, чтобы ввергать себя в

действие с той низшей, заинтересованной и часто лихорадочной энергией, которая свойственна природе их обыкновенного труда; они начинают работать как силы Природы, без раздражения и усилия и реакций, характерных для жизни в теле, когда она еще не является хозяином физического. Когда мы достигли этого совершенства, действие и бездействие становятся нематериальными, так как ни то, ни другое не мешает свободе души и не отвлекает ее от стремления к своему Я или от ее положения в своем Я. Но такое состояние совершенства приходит позже в Йоге, а до тех пор самым лучшим для нас является закон умеренности, установленный для нас Гитой; слишком много ментальной или физической активности не годится, ибо это отнимает много энергии и неблагоприятно влияет на духовное состояние; слишком мало также нехорошо, ибо недостаток ведет к привычке бездействия и даже к неспособности, которую потом приходится с трудом преодолевать. Все же периоды абсолютного спокойствия, уединения и прекращения работы очень желательны и должны повторяться как можно чаще для того, чтобы душа могла уйти в себя, что совершенно необходимо для знания.

Имея дело с душой, мы должны по необходимости иметь дело также с Праной или жизненной энергией. Для практических целей мы должны сделать различие между жизненной энергией, действующей в теле, физической Праной, и жизненной энергией, действующей для поддержания ментальной активности, психической Праной. Ибо мы всегда ведем двойную жизнь, ментальную и физическую, и та же жизненная энергия действует по-разному и принимает разный аспект, в зависимости от того, к какой жизни она относится. В теле она вызывает реакции голода, жажды, усталости, здоровья, болезни, физической силы и т. д., которые являются виталическим опытом физической структуры. Ибо грубое тело человека не похоже на камень или землю; оно является комбинацией двух оболочек, виталической и "пищевой" оболочки, и его жизнь является постоянным взаимодействием этих двух. Все же жизненная энергия и физическая структура — две разные вещи, и при отступлении разума от поглощающего чувства тела мы все больше ощущаем Прану и ее действие в материальном инструменте, и способны наблюдать и все больше контролировать ее действия. Практически, отрешаясь от тела, мы также отрешаемся от физической жизненной энергии, даже продолжая различать и чувствовать последнюю ближе к нам чем простой физический инструмент. Полная победа над телом приходит фактически при победе над физической жизненной энергией.

Одновременно с привязанностью к телу и его деятельности преодолевается привязанность к жизни в теле. Ибо, когда мы чувствуем, что физическое существо не является нашим я, а только одеждой или инструментом, отвращение к смерти тела, которое является таким сильным и страстным инстинктом виталического человека, неизбежно ослабевает и может быть отвергнуто. Оно должно быть отброшено, и полностью. Боязнь смерти и неприятие прекращения телесной жизни — это клеймо на человеческом существе, свидетельствующее о его животном происхождении. Это клеймо должно быть полностью стерто.

54. can stand back from

55. a positive neglect of the physical frame

56. support — выделено в оригинале (*Прим. пер.*)

57. У Шри Ауробиндо — indefinitely — неопределённо. Можно предположить, что это опечатка, и первоначальное слово infinitely — бесконечно.

НО восходящая душа должна отделиться не только от жизни в теле, но и от действия жизненной энергии в уме; она должна заставить ум сказать, как представителя Пуруши "Я не есть Жизнь; Жизнь не есть я Пуруши, это только творение, и только одно творение, Пракрита". Характеристиками Жизни являются действие и движение, стремление впитать и ассимилировать то, что является внешним по отношению к индивидууму, и принцип удовлетворения или неудовлетворения тем, что она может схватить и что может получить, который связан всепроникающим явлением притяжения и отталкивания. Эти три вещи повсюду наблюдаются в Природе, потому что Жизнь есть повсюду в Природе. Но в нас, ментальных существах, они все приобретают ментальную ценность в соответствии с умом, который постигает и принимает их. Они принимают форму действия, желания, симпатии и антипатии, удовольствия и боли. Прана повсюду в нас поддерживает не только деятельность нашего тела, но и нашего чувственного ума, нашего эмоционального ума, нашего думающего ума [58](#); и привнося свой собственный закон или Драму во все это, она смущает, она ограничивает, она нарушает гармонию в их правильных действиях и создает те нарушения в расположении и ту путаницу, которые и есть все зло нашего психологического существования. Кажется, что в этой путанице царит один закон, закон желания. Как универсальное Божественное Бытие, всеохватывающее и всем владеющее, действует, движется, наслаждается для удовлетворения божественного Восторга, так и индивидуальная жизнь действует, движется, наслаждается и страдает в основном ради удовлетворения желания. Поэтому психическая жизненная энергия предстает перед нашим опытом как своего рода ум желаний [59](#), который мы должны победить, если мы хотим вернуться к своему истинному я.

Желание есть одновременно и мотив нашей деятельности, и уровень достижений, к которым мы стремимся, и проклятие нашего существования. Если бы наш чувственный ум, эмоциональный ум, думающий ум могли действовать независимо от вторжений жизненной энергии и того, что она привносит, если бы эту энергию можно было заставить повиноваться их правильной деятельности, вместо того, чтобы она навязывала нашему существованию свое собственное бремя, все наши человеческие проблемы шли бы в полной гармонии к своему разрешению. Правильная функция жизненной энергии — делать то, что повелит божественный принцип в нас, стремиться к тому, что дано ей находящимся в нас Божественным, и наслаждаться этим, а вовсе не желать. Правильная функция чувственного ума — лежать пассивно, в собственном свете, будучи открытым контактам с Жизнью и передавать свои ощущения и gasa или правильный вкус и принцип восторга в них высшей функции; но влияние притяжений и отталкиваний, согласий и отказов, удовлетворения и неудовлетворения, способностей и неспособностей жизненной энергии в теле, во-первых, ограничивает его горизонты, и, во вторых, в этих пределах заставляет его ассоциировать себя со всеми этими нарушениями жизни в Материи. Он становится инструментом для удовольствия и боли, а не восторга существования.

Точно также и эмоциональный ум, вынужденный замечать все эти нарушения и подчиняться их эмоциональным реакциям, становится шумным полем радости и печали, любви и ненависти, гнева, страха, борьбы, стремления, отвращения, приязни, неприязни, безразличия, довольства, недовольства, надежд, разочарования, благодарности, мести и всей поразительной игры страсти, которая в мире является драмой жизни. Этот хаос мы называем своей душой. Но настоящая душа, настоящая психическая сущность, которую мы большей частью видим очень

редко, и которую только небольшая часть человечества развила в себе, есть инструмент чистой любви, радости и сияющего стремления к слиянию и единству с Богом и его созданиями. Эта психическая сущность закрыта игрой ментализированной Праны или умом желания, который мы принимаем за душу; эмоциональный ум не в состоянии отражать нашу настоящую душу, Божественное в наших сердцах, и вынужден вместо этого отражать ум желания.

Также и настоящая функция думающего ума есть наблюдать, понимать, судить с бесстрастным восторгом знания, и открываться сообщениям и озарениям, играющим на всем, что он наблюдает, и на всем, что еще скрыто от него, но должно постепенно открыться, посланиям и озарениям, которые тайно посылает нам божественный оракул, скрытый в сиянии над нашей ментальностью, иногда как бы спускающимся через интуитивный ум, иногда поднимающимся из видящего сердца. Но он не может выполнять эту функцию правильно, потому что он связан ограничениями жизненной энергии в чувствах, дисгармонией между ощущением и эмоцией и своими собственными недостатками интеллектуального предпочтения, инерции, напряжения, своеволия — тех форм, которые принимает в нем вмешательство ума желания, этой психической Праны. Как сказано в Упанишадах, все наше умственное сознание [60](#) пронизано нитями и потоками этой Праны, этой жизненной энергии, которая стремится и ограничивает, захватывает и пропускает, желает и страдает, и только через ее очищение мы можем познать и овладеть нашим истинным и вечным я.

Корень всех зол есть в, действительности, чувство эго, и место нахождения этого сознательного чувства эго есть сам ум; но правда также и то, что сознательный ум только отражает эго, которое уже возникло в подсознательном уме вещей, в немой душе камня и растения, которая присутствует во всем теле и жизни и только в конце становится сознательной и бодрствующей, а не создается сразу [чувство эго] в сознательном уме. И в этом направленном вверх процессе именно жизненная энергия стала упрямым узлом эго, именно ум желаний отказывается ослабить узел, даже когда интеллект и сердце откроют причину их недугов и были бы рады убрать его; ибо Прана в них есть Животное, которое восстает, и которое скрывает, обманывает их знание и сдерживает их волю своим отказом.

Поэтому ментальный Пуруша должен отделить себя от связи и самоотождествления с этим умом желаний. Он должен сказать "Я не эта вещь, которая борется и страдает, печалится и ликует, любит и ненавидит, надеется и недоумевает, сердится и боится, и радуется, и отчаивается, предмет виталических настроений и эмоциональных страстей. Все это лишь творения и привычки Пракрити в сенсуальном [61](#) и эмоциональном уме". Тогда ум отходит от своих эмоций и становится по отношению к ним, как с телесными движениями и переживаниями, наблюдателем или свидетелем. И здесь опять есть внутреннее расщепление. Есть эмоциональный ум, в котором эти настроения и страсти продолжают иметь место в соответствии с привычкой разновидностей Природы, и есть наблюдающий ум, который видит их, изучает и понимает, но отстранен от них. Он наблюдает их как бы в некоем действии или спектакле на ментальной сцене, где действует не он, а другие персонажи, сначала с интересом и привычными рецидивами отождествления, потом с полным спокойствием и отстраненно и, наконец, достигает не только покоя, но чистого восторга своего собственного молчаливого существования, с улыбкой над их нереальностью, как над воображаемыми радостями и печалью ребенка, который играет и забывается в игре. Затем, он осознает себя как хозяина санкции, который, отняв свою санкцию, может заставить игру прекратиться. Когда санкция отнята, происходит другое интересное явление; эмоциональный ум становится нормально спокойным и чистым, и свободным от этих реакций, и даже когда они происходят, они возникают больше не изнутри, а как будто сваливаются на него как впечатления извне, на которые его фибры все еще способны реагировать; но эта привычка реагировать отмирает, и эмоциональный ум со

временем полностью освобождается от страстей, от которых он отрекся. Надежда и страх, радость и печаль, симпатия и антипатия, притяжение и отталкивание, довольство и недовольство, радость и угнетенность, ужас и гнев, и страх, и отвращение, и стыд, и страсти любви и ненависти отпадают от освобожденного психического существа.

Что же приходит им на смену? Это может быть, если мы пожелаем, полный покой, тишина и безразличие. Но хотя это та стадия, через которую душа обычно должна пройти, это не конечная цель, которую мы поставили перед собой. Поэтому Пуруша становится также хозяином, который имеет волю, и чья воля должна сменить неправильное на правильную радость психического существования. Что он пожелает, то и исполняет Природа. То, что было материалом структуры желания и страсти, превращается в реальность чистой, равноправной и спокойно напряженной любви и радости и единства. Настоящая душа возникает и занимает место, освободившееся от ума желаний. Очистившаяся и опустевшая чаша наполняется вином божественной любви и восторга, а уже не сладко-горьким ядом страсти. Страсти, даже страсть к добру, неправильно представляют божественную природу. Страсть жалости с ее нечистыми элементами физического отвращения и эмоциональной неспособности вынести страдания других должна быть отвергнута и заменена высшим божественным состраданием, которое видит, понимает, принимает груз других и достаточно сильно, чтобы помочь и исцелить, не со своеволием и протестом против страдания в мире и невежественным обвинением закона вещей и их источника, а со светом и знанием, и как инструмент Божественного в его появлении. Также и любовь, которая желает, хватает, и волнуется от радости, и потрясена горем, должна быть отвергнута ради ровной, всеохватывающей любви, которая свободна от этих вещей и не зависит от обстоятельств, и не изменяется под воздействием взаимности или отсутствия взаимности. И таким образом все движения души должны быть преобразованы; но об этих вещах мы поговорим дальше, когда будем обсуждать Йогу самосовершенствования. Как с действием и бездействием, также обстоит дело с двойственной возможностью безразличия и покоя с одной стороны и активной радости и любви с другой. Равноправие, а не безразличие, является основой. Ровная терпеливость, беспристрастное безразличие, спокойное подчинение причинам радости и печали без какой-либо реакции печалью или радостью есть подготовка и отрицательный базис ровности; но ровность не достигнута, пока она не примет свою положительную форму любви и восторга. Чувственный ум должен найти ровную *rasa* Всепрекрасного, сердце — ровную любовь и Ананду для всех, психическая Прана — наслаждение этой *rasa*, любовь и Ананду. Это, однако, есть положительное совершенство, которое приходит с освобождением; наша первая цель на пути знания скорее освобождение, которое достигается путем отстранения от ума желаний и путем отречения от его страстей.

Ум желаний также должен быть отвергнут, отделен от инструмента-мысли, и это лучше всего сделать путем отделения Пуруши от самих мысли и мнения. Об этом нам уже приходилось говорить, когда мы обсуждали, в чем состоит цельное очищение бытия. Ибо все это движение знания, которое мы описываем, есть метод очищения и освобождения, при котором полное и окончательное самопознание становится возможным, так как последовательное самопознание само является инструментом очищения и освобождения. Метод в отношении думающего ума будет тот же, что и в отношении всего остального существа. Пуруша, используя думающий ум для освобождения от отождествления с жизнью, телом, умом желаний, — чувств и эмоций, обратится к самому думающему уму и скажет: "И это тоже не я. Я не мысль и не мыслитель, все эти идеи, мнения, соображения, стремления интеллекта, его пристрастия, предпочтения, догмы, сомнения, самоисправления — это не я; все это только действие Пракрити, которое происходит в думающем уме". Таким образом, разделение происходит между умом, который думает и имеет волю, и умом, который наблюдает, и Пуруша становится только свидетелем; он видит, он

понимает процесс и законы его мысли, но отстраняется от этого. Затем, как хозяин санкции, он отнимает свою прошлую санкцию у запутанного ментального движения и рассуждающего интеллекта и заставляет их прекратить свое назойливое приставание. Он становится свободен от подчинения думающему уму и способен к окончательной абсолютной тишине.

Для совершенства необходимо, чтобы Пуруша полностью возобновил свое положение господина своей Природы, и пожелал заменить просто ментальное скрытое движение и интеллект сознающей истину мыслью, которая освещает все сверху. Но необходимо молчание; в молчании а не в мысли мы найдем Я, мы осознаем его, не просто постигнем [62](#) выйдем из ментального Пуруши в того, который является источником ума. Но для этого ухода необходимо окончательное освобождение, освобождение от эго-чувства в уме.

58. thought-mind

59. desire-mind

60. mind-consciousness

61. sensational

62. we shall become aware of it, not merely conceive it

ФОРМИРОВАНИЕ ментального и виталического эго, привязанного к ощущению тела, было первой большой работой космической Жизни в ее поступательной эволюции; ибо это было средство, которое она нашла для создания из материи сознательного индивидуума. Растворение этого лимитирующего эго есть одно условие, необходимое средство для того, чтобы эта самая космическая Жизнь достигла своего божественного осуществления: ибо только так может сознательный индивидуум найти трансцендентное я или свою истинную Личность. Это двойное движение обычно представляют как падение и искупление, или творение и разрушение, раздувание огня и его тушение, или формирование сначала маленького временного и ненастоящего я и высвобождение из него в наше вечное величие истинного Я. Ибо человеческая мысль распадается в двух противоположных направлениях: одно, мирское и прагматичное, рассматривает реализацию и удовлетворение ментального и физического эго-чувства [63](#), индивидуального или коллективного, как цель жизни, и не идет дальше, в то время как Другое — духовное, философское или религиозное, — рассматривает победу над эго в интересах души, духа или любой другой высшей сущности как то, к чему единственно стоит стремиться прежде всего. Даже в лагере эго есть два противоположных подхода, которые делят мирскую или материалистическую теорию вселенной на две части. Одно направление этой мысли рассматривает ментальное эго как творение нашей ментальности, которое будет растворено, когда смерть тела растворит ум; единственная истина есть вечная Природа, которая действует в расе — той или другой — и следует преследовать ее цели, а не наши. Реализация расы, коллективное эго, а не индивидуальное, должно быть законом жизни. Другое направление мысли, более жизненное в своих тенденциях, сосредоточивает внимание на сознательном эго как на высшем достижении Природы, каким бы мимолетным оно ни было, облагораживает его до ранга человеческого представления Воли-к-бытию [64](#), и поднимает его величие и удовлетворение как высшую цель нашего существования. В более многочисленных системах, которые опираются на какую-либо религиозную мысль или духовную дисциплину, наблюдается соответствующее расхождение. Буддизм отрицает существование истинного я или эго, не признает универсального или трансцендентного Бытия. Адвайтин провозглашает видимую индивидуальную душу ничем иным как высшим Я или Брахманом, а ее индивидуальность объявляет иллюзией; отказ от индивидуального существования считается единственно истинным освобождением. Другие системы утверждают, в полном противоречии с этим взглядом, вечную жизнь [65](#) человеческой души; в качестве основы множественного сознания в Едином или, иначе, в качестве зависимой, но все же отдельной сущности, постоянной, реальной, неустранимой.

Среди этих разнообразных и противоречивых мнений искатель Истины должен решить для себя, что будет для него Знанием. Но если наша цель есть духовное освобождение или духовная реализация, то необходимо выйти за пределы этой маленькой формы эго. В человеческом эгоизме и его удовлетворении нет места достижению божественного и спасению. Определенное очищение от эгоизма есть условие даже для этического прогресса и подъема, для социального добра и совершенства; еще более оно необходимо для внутреннего покоя, чистоты и радости. Но если наша цель — поднять человеческое до божественной природы, необходимо гораздо более радикальное освобождение не только от эгоизма, но от эго-идеи и эго-чувства. Опыт показывает, что пропорционально той степени, в которой мы освобождаемся от ограничивающего ментального и жизненного эго, мы обретаем более широкое жизненное

пространство, большой опыт, более высокое сознание и более счастливое состояние души, даже большее знание, власть, размах. Даже цель, которую преследуют большинство мирских философий, реализация, совершенство, удовлетворение индивидуума — лучше всего обеспечивается не путем удовлетворения того же самого эго, а путем обретения свободы в высшем и большем я. В малом бытии нет счастья, говорится в Писании, только большое бытие приносит счастье. Эго по своей природе есть малость бытия; оно вызывает сокращение сознания и вследствие этого ограничение знания, обессиливающее невежество — ограничение и уменьшение силы, и, как следствие этого, неспособность и слабость — разделение единства, и как следствие этого разделения — дисгармонию и отсутствие понимания, любви и сочувствия, — торможение или раздробление, фрагментация восторга бытия, и как следствие фрагментарности — боль и печаль. Чтобы вернуть себе то, что потеряно, мы должны вырваться из миров эго. Эго должно или исчезнуть в безличности, или влиться в большее Я: оно должно влиться в широкое космическое "Я" [66](#), которое обнимает все эти меньшие я, или в трансцендентное, по отношению к которому даже это космическое я есть уменьшенный образ.

Но это космическое я духовно по сути и на практике; его не следует путать с коллективным существованием, с какой-то групповой душой, или с жизнью и телом человеческого общества, или даже всего человечества. Подчинение эго прогрессу и счастью человеческой расы теперь стало ведущей идеей в мировой мысли и этике; но это ментальный и моральный, а не духовный идеал. Ибо тот прогресс есть ряд постоянных ментальных, жизненных и физических превратностей, у него нет основательного духовного содержания, и он не дает твердого основания душе человека. Сознание коллективного человечества есть только большая, всеобъемлющая копия или сумма индивидуальных эго. Сделанное из той же субстанции, отлитое в той же форме природы, оно не имеет в себе никакого большего света, никакого вечного чувства самого себя, никакого более чистого источника покоя, радости и освобождения. Оно даже еще более истерзанное, озабоченное и тусклое, и, конечно, более неопределенное, запутанное и непрогрессирующее. Индивидуум в этом отношении представляет собою не больше, чем масса, и от него нельзя требовать, чтобы он подчинил свои более озаренные возможности этой более темной сущности. Если мы хотим иметь свет, мир, освобождение, лучший уровень существования, они должны сойти в нашу душу из чего-то более широкого, чем индивидуум, но также из чего-то более высокого, чем коллективное эго. Альтруизм, филантропия, служение человечеству сами по себе ментальные и моральные идеалы, а не законы духовной жизни. Если в духовную цель входит импульс отрицания личного я или служения человечеству или всему миру, он исходит не от эго и не от коллективного чувства расы, а от чего-то более сокровенного и глубокого, что выше обоих этих чувств; ибо он основан на чувстве Божественного во всем, и он действует не во имя эго или расы, а во имя Божественного и его цели в личности, или группе, или в Человечестве вообще. Именно этот трансцендентный Источник мы должны искать и ему служить, этому большему бытию и сознанию, по отношению к которому раса и индивидуум есть меньшие элементы его бытия.

За прагматическим импульсом, который исключительная односторонняя духовность обычно игнорирует, или отрицает, или недооценивает, на самом деле стоит истина. Она состоит в том, что если индивидуальное и универсальное — это элемент высшего и большего Бытия, то их реализация должна занимать какое-то реальное место в высшем Бытии. За ними должна быть какая-то высокая цель верховной Мудрости и Знания, какое-то вечное натяжение в верховном Восторге: они не могут быть, не были созданы напрасно. Но совершенство и удовлетворение человечества, как и совершенство и удовлетворение индивидуума, могут быть надежно осуществлены и основаны только на более вечной, хотя еще не достигнутой истине и правде вещей. Меньшие элементы какого-то большего Существования, они могут реализоваться только

когда то, элементами чего они являются, известно и принадлежит нам. Величайшим служением человечеству, самым надежным основанием для истинного прогресса, счастья и совершенства будет, если мы найдем и подготовим путь, которым индивидуум и коллективное человечество смогут подняться над эго и жить в своем истинном я, более не связанным с невежеством, бессилием, дисгармонией и печалью. Именно на пути к вечному, а не на пути существования, связанного медленной коллективной эволюцией Природы, мы лучше всего можем обеспечить даже саму эту эволюцию, коллективную, альтруистическую цель, которую наша современная мысль и идеализм поставили перед нами. Но сама по себе эта цель второстепенная; найти, познать, овладеть Божественным существованием, сознанием и природой и жить в нем во имя Божественного есть наша истинная цель и единственное совершенство, к которому мы должны стремиться.

Именно по пути духовных философий и религий, а не заземленной материалистической доктрины, должен идти тот, кто ищет высшего знания, хотя и с обогащенными целями и более широкой духовной задачей. Но как далеко следует ему идти в уничтожении эго? На древнем пути Знания мы приходим к уничтожению эго-чувства, которое присоединилось к телу, к жизни, к уму, и говорит обо всех и о каждом из них: "Это есть Я". Не только мы, как на пути Трудов, избавляемся от "я" того, кто трудится [67](#), и видим одного Господа как истинный источник всех трудов и санкцию трудов, и Его исполнительную силу Природы [68](#) или, иначе, Его верховную Шакти, как единственного агента и трудящегося, — но мы избавляемся также от чувства эго, которое принимает инструменты выражения нашего бытия за наше истинное я и дух. Но даже если бы все это было сделано, что-то еще остается; остается субстрат всего этого, общее чувство отдельного "я". Этот субстрат эго есть нечто туманное, неопределимое, неуловимое; он не присоединяется и ему не нужно присоединяться ни к чему в особенности в качестве я; он не отождествляет себя с чем-нибудь коллективным; это своего рода фундаментальная форма или сила ума, которая заставляет ментальное существо чувствовать себя, возможно, неопределимым, но все же ограниченным существом, которое не есть ум, жизнь или тело, но под которым их деятельность протекает в Природе. Другие были: определенная эго-идея и эго-чувство, опирающиеся на игру Пракрити; но это — чистая фундаментальная эго-сила [69](#), опирающаяся на сознание ментального Пуруши. И так как она как будто находится над или за игрой, а не в ней, так как она не говорит: "Я есть ум, жизнь или тело", а говорит: "Я есть существо, от которого зависит деятельность ума, жизни и тела", многие думают, что они освободились, и принимают это неуловимое Эго за Единого, Божество, истинного Пурушу или, по крайней мере, за истинную Личность в них, — принимая неопределимое за Бесконечное. Но пока это фундаментальное эго-чувство остается, полного освобождения нет. Эгоистическая жизнь, даже если она уменьшается по силе и интенсивности, может все же продолжаться достаточно хорошо благодаря этой поддержке. Если есть ошибка в отождествлении, жизнь эго может под этим предлогом приобрести чрезмерно увеличенную интенсивность и силу. Даже если нет такой ошибки, жизнь эго может быть шире, чище, более гибкой, и освобождение может быть теперь намного легче достигнуто и ближе к осуществлению, но все же еще нет определенного освобождения. Важно пойти дальше, избавиться также и от этого неопределяемого, но фундаментального эго-чувства, и вернуться к Пуруше, на которого оно опирается, чьей тенью оно является; тень должна исчезнуть и своим исчезновением открыть незатуманенную субстанцию духа.

Эта субстанция есть я человека, которое в европейской философии называют Монадой, в индийской философии — Дживой и Дживатманом [70](#), живущей сущностью, я живого существа. Этот Джива — не ментальное эго-чувство, созданное трудами Природы для своей временной цели. Это не вещь, связанная привычками, законами или процессами, подобно ментальному,

виталическому или физическому существу. Джива есть дух и я, он выше Природы. Правда, он снисходит до ее действия, отражает ее настроения и поддерживает тройное условие ума, жизни и тела, через которые она бросает их на сознание души; но сам он есть живое отражение, или душа-форма, или самотворение Духа [71](#), вселенского и трансцендентного. Единый Дух, который отразил некоторые из Его видов бытия в мире и в душе, является множественным в Дживе. Этот Дух есть самое Я нашего я, Единый и Высочайший, Всевышний, которое мы должны осознать, бесконечное существование, в которое мы должны войти. И до сих поручителя идут вместе, соглашаясь, что это есть высшая цель знания, трудов и преданности, соглашаясь, что если это должно быть достигнуто, Джива должен освободить себя от эго-чувства, которое принадлежит к низшей Природе или Майе. Но здесь они расходятся, каждый идет своим путем. Монист ступает на тропу исключительного Знания, и ставит перед нами в качестве единственного идеала полное возвращение, потерю, растворение и затухание Дживы в Верховном. Дуалист или частичный Монист поворачивает на путь Преданности и наставляет нас отказаться действительно от низшего эго и материальной жизни, но видеть как высшую судьбу духа человека, не самоуничтожение Буддиста, не саморастворение Адвайтина, не поглощение многих Одним, а вечное существование, поглощенное мыслью, любовью и наслаждением Верховного, Единого, Вселюбящего [72](#).

Для последователя интегральной Йоги не может быть колебания; как ищущий знание, он должен искать именно интегральное знание, а не что-либо привлекательное на полпути или исключительное высоко на вершине. Он должен подняться ввысь на самую вершину, но также и кружить и распространяться на всеобъемлющую ширину, не связывая себя какой-либо жесткой структурой метафизической мысли, но свободно принимать и нести в себе весь высочайший и величайший, самый полный и самый многочисленный опыт души. Если величайшая высота духовного опыта, самая вершина всей реализации, есть абсолютное единство Души с Трансцендентным, которое выше индивидуума и вселенной, самый широкий масштаб этого единства — это открытие того самого Трансцендентного как источника, опоры, вместилища, наполняющий и устанавливающий [закон] дух и субстанцию этих обеих проявляющих сил, божественной Сути и божественной Природы. Каков бы ни был путь, это должно быть для него целью. Йога Действия [73](#) также не осуществляется, не является абсолютной, победоносно завершённой, пока ищущий не чувствует и не живет в своем существенном и цельном единстве с Верховным. Он должен быть един с Божественной волей в его высшем и самом глубинном, и в его широчайшем бытии и сознании, в работе, в воле, в его силе действия, уме, теле и жизни. Иначе он только освобождается от иллюзии индивидуальной деятельности, но не от иллюзии отдельного бытия и функционирования. Как слуга и инструмент Божественного, он трудится, но вершиной его трудов и их совершенной основой или мотивом является единство с тем, чему он служит и что осуществляет. Йога преданности тоже завершается только тогда, когда любящий и Возлюбленный соединяются, и разница исчезает в экстазе божественного единства, и все же в таинстве этого соединения есть единственное существование Возлюбленного, но нет уничтожения или поглощения любящего. Именно к высшему единству стремится путь знания, призыв к абсолютному единству является побуждением на этом пути, переживание его — притягательной силой: но именно это высшее единство выбирает местом для своей манифестации в нем самую большую космическую широту. Повинуясь необходимости отойти поочередно от практического эгоизма нашей тройной природы и ее фундаментального эго-чувства, мы подходим к реализации духа, Я, господина этой индивидуальной человеческой манифестации, но наше знание не цельно, если мы не соединим это я в индивидуальном с космическим духом и не найдем их большую реальность выше, в невыразимом, но не непознаваемом Трансцендентном. Тот Джива, владеющий собой, должен отказаться от себя,

отдать себя в бытие Божественного. Человеческое я должно стать единым с Я всего; я конечного индивидуума должно перелить себя в безграничное конечное, и этот космический дух должен быть превзойден в трансцендентном Бесконечном.

Это не Может быть сделано без бескомпромиссного уничтожения эго-чувства в самом его основании и источнике. На пути Знания делается такая попытка, негативно, путем отрицания реальности эго, и позитивно, путем постоянного фиксирования мысли на идее Единого и Бесконечного в себе или Единого и Бесконечного везде. Если делать это настойчиво, это в конце концов изменит ментальный взгляд на себя самого и на весь мир, и произойдет своего рода ментальная реализация; но впоследствии постепенно или, может быть, быстро и почти с самого начала, ментальная реализация углубляется до духовного опыта — реализации в самой субстанции нашего бытия. Все чаще и чаще появляются условия для чего-то неопределяемого и неограниченного, мира, тишины, радости, невыразимой благодати, чувство абсолютной безличной Силы, чистый опыт, чистое сознание, всепроникающее Присутствие. Эго остается само по себе или в своих привычных движениях, но покой Единого становится все более и более действенным, другие [проявления, относящиеся к эго] сломаны, сокрушены, все более и более отвергнуты, слабея в своей интенсивности, вялые или механические в своем действии. В конце происходит постоянная отдача всего сознания целиком в бытие Всевышнего. Вначале, когда беспокойная путаница и замутняющая нечистота нашей внешней природы активна, когда ментальное, виталическое, физическое эго-чувства еще сильны, этот новый ментальный взгляд, этот опыт может оказаться чрезвычайно трудным: но как только этот тройной эгоизм встретит сопротивление или начнет отмирать, и инструменты духа будут настроены и очищены, в совершенно чистом, молчащем, проясненном, расширенном сознании, как небо в ясном озере, начнет отражаться чистота, бесконечность, неподвижность Единого. Встреча или принятие в себя отраженного Сознания тем, что его отражает, становится все более и более необходимым и возможным, перебросить мост или совсем уничтожить атмосферную пропасть между той неизменной эфирной безличной безграничностью и этим изменчивым водоворотом или узким потоком личного опыта больше уже не является невозможно трудным, и может даже стать частым опытом, если не совсем постоянным состоянием. Ибо даже до полного очищения, если струны эгоистического сердца и разума достаточно потрепаны и ослаблены, Джива может с помощью одного резкого движения порвать путы и освободиться, взмыв ввысь, как вырвавшаяся из клетки птица, или растекаясь, как прорвавшийся поток, вширь, в Единое и Бесконечное. Сначала будет чувство космического сознания, выброса самого себя во вселенную; из этого вселенского уже легче устремиться дальше, к Трансцендентному. Стены, которые держат наше сознательное существо в тюрьме, отступят назад, расступятся или упадут; исчезнет всякое ощущение индивидуальности или личности, какого-либо места в Пространстве и Времени, или действия и закона Природы; больше нет эго, личности определенной и определяемой, но только сознание, только существование, только покой и блаженство; человек становится бессмертием, становится вечностью, становится бесконечностью. Все, что остается от личной души, — это гимн миру, свободе и блаженству, звучащий где-то в Вечности.

Когда в ментальном бытии недостаточно чистоты, освобождение сначала оказывается только частичным и временным; Джива как будто снова спускается в эгоистическую жизнь, и высшее сознание покидает его. На самом деле происходит вот что: облако или пелена вторгается между низшей природой и высшим сознанием, и Пракрити снова обретает свою старую привычку действовать под давлением, и не всегда она знает или помнит о том высшем переживании. Что действует в ней тогда, так это призрак старого эго, поддерживающий механическое повторение старых привычек среди остатков беспорядка и нечистоты, которые еще остались в системе. Облако проходит и исчезает, ритм восхождения и нисхождения

возобновляется до тех пор, пока не отработается вся нечистота. Этот период последовательных смен состояния вполне может быть длительным в интегральной Йоге; ибо там требуется абсолютное совершенство системы; она должна быть способна в любое время, при любых условиях и обстоятельствах действия или бездействия, принимать сознание высшей Истины и затем жить в нем. Недостаточно для Садхака получить полную реализацию только в транс Самадхи или в неподвижном безмолвии, он должен в транс или в бодрствовании, в пассивном отражении или в энергии действия, быть способным оставаться в постоянном Самадхи прочно установившегося Брахманического сознания [74](#). Но если или когда наше сознательное бытие становится достаточно чистым и прозрачным, тогда появляется твердое основание в высшем сознании. Обезличенный Джива, единый со вселенским или принадлежащий Трансцендентному, живет высоко над [75](#) и смотрит вниз беспристрастно [76](#) на все, что осталось от старой деятельности Природы, и что может снова появиться в системе. Он не может быть затронут влиянием действия трех видов Пракрити на его низшее бытие, и его не могут вывести из его состояния даже приступы скорби и страдания. И, наконец, так как между ними больше нет пелены, высший покой берет верх над низшим волнением и подвижностью. Устанавливается тишина, в которой душа может полностью овладеть собой сверху, снизу и повсюду.

Такое обладание не является настоящей целью традиционной Йоги знания, скорее ее целью является уход сверху, снизу и отовсюду в неопределяемый Абсолют. Но какова бы ни была цель, путь знания должен вести к одному первому результату, абсолютному покою; ибо пока старое действие Природы в нас окончательно не будет успокоено, будет трудно, если не невозможно, установить какой бы то ни было истинный статус души или какую бы то ни было божественную активность. Наша природа действует на основании беспорядка и беспокойного принуждения к действию, Божественное действует свободно на основании непостижимого безмолвия. В эту пропасть безмолвия мы должны прыгнуть и стать им, если мы хотим освободиться от власти низшей природы над нашей душой. Поэтому ставший вселенским Джива сначала восходит в Тишину; он становится необъятным, спокойным, бездеятельным. Действие тела или его органов, или какую-то другую деятельность, которая имеет место, Джива видит, но он в ней не участвует, не дает на нее разрешение и никак с ней не связан. Есть действие, но нет действующего лица, нет связи, нет ответственности. Если нужно личное участие, тогда Джива должен сохранять или вновь восстановить то, что мы назвали формой эго, определенный ментальный образ "я", который знает, поклоняется, служит или является инструментом, но только образ, а не реальность. Если даже и этого нет, все же действие может продолжаться благодаря одной лишь продолжающейся силе Пракрити, без личного деятеля, даже без какого-либо ощущения деятеля вообще; ибо Я, в которое Джива бросил свое бытие — это неподвижная, безграничная тишина. Путь трудов ведет к реализации Господа, но здесь даже Господь не известен; здесь есть только молчащее Я и Пракрити, делающая свое дело, даже, как кажется сначала, не с истинно живыми сущностями, а с именами и формами, существующими в Я, но которые Я не признает как реальные. Душа может пойти даже дальше этой реализации; она может либо подняться к Брахману по ту сторону самой идеи Я, как к Пустоте всего, что есть, Пустоте неизреченного покоя и прекращению всего, даже Сат, даже того Существующего, которое является безличной основой индивидуальной или вселенской личности; или еще она может соединиться с ним как с невыразимым "Тем", о котором ничего нельзя сказать; ибо вселенная и все, что есть, даже не существует в Том, но является разуму как сон более несубстанциональный, чем любой сон, когда-либо виденный или вообразимый, так что даже слово сон кажется слишком позитивным для выражения его полной нереальности. Эти переживания являются основой того величественного Иллюзионизма, который так крепко держит человеческий разум в его высших перескакиваниях самого себя.

Эти идеи сна и иллюзии есть просто результаты, в нашей все еще существующей ментальности, нового равновесия Дживы и его отказа от притязаний, которые предъявляют ему его старые ментальные ассоциации и взгляды на жизнь и существование. В действительности Пракрити не действует для себя или своим собственным движением, но с Я в качестве господина; ибо из этого Молчания проистекает все действие, эта очевидная Пустота высвобождает как будто в движение все эти бесконечные богатства переживаний. К этой реализации Садхака интегральной Йоги должен подойти в процессе, который мы здесь опишем. Каковой тогда, когда он так возобновит свою власть над вселенной и не будет более видеть себя в мире, но мир в себе, будет позиция Дживы, или что заполнит в его новом сознании место чувства эго? Эго-чувства не будет, даже если будет некий род индивидуализации ради игры вселенского сознания в индивидуальном уме и аппарате; и по этой причине все это будет забываемо Единым, и каждая Личность или Пуруша будет для него Единым во многих формах, или скорее во многих аспектах и положениях, Брахманом, действующим на другого Брахмана, один Нара-Нарайана везде [77](#). В этой большей игре Божественного радость отношений божественной любви также возможна — и без того, чтобы впасть в эго-чувство, — просто как высшее состояние человеческой любви, которое иначе описывается как единство одной души в двух телах. Эго-чувство не является необходимым для всемирной игры, в которой оно так активно и так фальсифицирует истину вещей; истина всегда есть Единое, работающее над собой, играющее с собой бесконечное в единстве, бесконечное во множестве. Когда индивидуализированное сознание поднимается к этой истине космической игры и живет в ней, тогда даже в полном действии, даже во владении низшим бытием Джива остается по-прежнему единым с Господом, и тогда нет никакой зависимости и нет обмана. Он владеет своим Я и освободился от эго.

63. ego-sense, в основном переводится здесь как чувство эго (*Прим. пер.*)

64. Will-to-be

65. the eternal persistence

66. cosmic I

67. I of the worker

68. Nature-power

69. ego-power

70. Jiva or Jivatman

71. a soul-form or a self-creation of the Spirit

72. the All-Lover

73. the Yoga of Action

74. Гита. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

75. lives high-seated above

76. udasina — слово, которое означает духовное "безразличие", то есть не связанную свободу души, соприкоснувшейся с высшим знанием. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

77. Божественное, Нарайана, соединяясь с человечеством даже как человек, Нара, становится единым с Божественным. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

НАШЕЙ первой императивной целью, после того как мы отошли, отмежевались от ума, жизни, тела и всего остального, что не является нашим вечным существом, является избавление от ложной идеи нашего я, благодаря которой мы отождествляем себя с низшим существованием и представляем себе только наше видимое бытие, как бранные или непостоянные создания в бранным или непостоянном мире. Мы должны познать себя как я, дух, вечное; мы должны сознательно существовать в нашем истинном бытии. Поэтому это должна быть наша главная, если не самая первая, единственная и всепоглощающая идея и стремление на пути знания. Но после того, как мы познали вечное я, которым мы являемся, когда мы стали им неотъемлемо, у нас есть еще вторая цель: установить истинные отношения между этим вечным я, которым мы являемся, и непостоянным существованием и непостоянным миром, которые мы до сих пор ложно принимали за наше настоящее бытие и единственно возможное состояние.

Для того, чтобы существовали реальные отношения, необходимо, чтобы это были отношения между двумя реальностями. Ранее мы считали вечное я отдаленной концепцией, далекой от нашего мирского существования, если не иллюзией и нереальностью, ибо в природе вещей мы не могли представить себя как нечто иное, чем ум, жизнь, тело, изменяющиеся и движущиеся в протяжении Времени. Избавившись однажды от нашей приверженности низшему состоянию, мы готовы ухватиться за другую сторону тех же ошибочных отношений между я и миром; у нас появляется тенденция считать эту вечность, которой мы все больше становимся, в которой живем, за единственную реальность, и смотреть с ее высоты вниз на мир и людей как на отдаленную иллюзию и нереальность, ибо это есть статус совершенно обратный нашему новому основанию, не содержащий больше в себе корни нашего сознания, из которого мы были подняты и преобразованы, и с которым мы, по-видимому, больше не связаны. Так может случиться, в особенности если мы сделали задачу познания вечного Я не только главной, но нашей единственной и всепоглощающей целью, отделяясь от низшей тройственности; ибо тогда мы можем перепрыгнуть сразу из чистого ума к чистому духу, не пройдя промежуточные ступени между этой серединой и той высотой, и у нас в сознании появляется глубокое чувство того, что существует пропасть, через которую невозможно проложить мост, и которую мы больше не можем перейти, возможно только болезненное падение.

Но я и мир находятся в вечных тесных отношениях, и между ними существует связь, а не пропасть, которую надо перепрыгнуть. Дух и материальное существование — это высший и низший ранг упорядоченной и прогрессирующей серии. Поэтому между этими двумя должны существовать настоящие отношения и принцип соединения, благодаря которому вечный Брахман в состоянии быть одновременно чистым Духом и Я, и в то же время сохранять в себе свою вселенную; и должна существовать возможность для души, которая едина или в союзе с Вечным, занять то же положение божественного родства, вместо нашего теперешнего невежественного погружения в мир. Этот принцип связи является вечным единством Я и всех существований; освобожденная душа должна быть способна на это вечное единение так же, как вечно свободное и не связанное Божество способно на это, и мы должны понимать это наравне с чистым самосуществованием, к которому мы прежде всего стремимся. Для интегрального самообладания мы должны быть едины не только с Я, с Богом, но со всеми существованиями. Мы должны вернуть, при правильных отношениях и в духе вечной Истины, мир нашего проявленного существования, населенный нашими ближними, от которых мы отошли, так как мы были связаны с ними неправильными отношениями, и занимали ложную позицию,

созданную во Времени принципом разделенного сознания со всеми оппозициями, диссонансами и двойственностями. Мы должны вернуть в свое новое сознание все вещи и все существа, но как единые со всем, а не будучи отделенными от них эгоистической индивидуальностью.

Иными словами, кроме сознания трансцендентного Я, чистого, самосущего, вне времени и пространства, мы должны признать космическое сознание и стать им, мы должны отождествить свое бытие с Бесконечным, который делает себя основой и фундаментом миров и пребывает во всех существованиях. Это та реализация, о которой в древние времена Ведантисты говорят как о постижении всех существований в своем я, а своего я во всех существованиях; кроме того, они говорят о завершающей реализации человека, в котором повторилось первоначальное чудо существования, бытие я стало всеми существованиями, которые принадлежат мирам грядущего [78](#). В этих трех понятиях фундаментально выражено все, касающееся настоящих отношений между Я и миром, и что должно заменить ложные отношения, созданные ограничивающим эго. Таково новое видение и чувство бесконечного бытия, которое нам необходимо приобрести, такова основа единения со всем, которое мы должны создать.

Ибо наше настоящее я это не индивидуальное ментальное существо, которое является только представлением, видимостью; наше настоящее я — космическое, бесконечное, оно едино со всем существующим и обитает во всем, что существует. Я, стоящее за нашим умом, жизнью и телом, тоже самое, что и я, стоящее за умом, жизнью и телом наших братьев, и когда мы им овладеем, мы, естественно, посмотрев на них, будем иметь тенденцию стать одним с ними на общей основе нашего сознания. Верно, что ум восстает против такой идентификации, и если мы позволим ему продолжать упорствовать в старых привычках и старой активности, он будет стараться опять накинуть завесу диссонансов на нашу новую реализацию и на наше владение своим я, вместо того, чтобы приспособиться и подчиниться истинному и вечному видению вещей. Но, прежде всего, если мы правильно шли по пути нашей Йоги, мы подойдем к Я через очищенный ум и сердце, а очищенный ум неизбежно пассивен и открыт для знания. Во-вторых, даже ум, несмотря на его тенденцию ограничивать и разделять, можно научить думать в ритме объединяющей Истины, вместо разрушительных терминов ограничивающей внешней видимости. Поэтому мы должны приучать его путем размышления и сосредоточения перестать мыслить о вещах и существах, как об отдельно существующих в себе, а думать всегда о Едином повсюду, и обо всех вещах, как о Едином. Хотя мы до этого говорили об отходе Дживы, как о первой необходимости познания, и так, как будто это одно и само по себе является целью, но фактически для Садхака интегральной Йоги лучше объединить эти два движения. Благодаря одному он найдет я в себе, а с помощью другого он найдет я во всем, что сейчас кажется нам находящимся вне нас. Возможно, конечно, начать с последнего движения, познать все вещи в этом видимом и ощущаемом существовании, как Бога или Брахмана, или Вират Пурушу, а затем идти за эти пределы, ко всему, что стоит за Вират. Но здесь есть свои неудобства и лучше, если возможно, сочетать оба движения.

Это познание всех вещей как Бога или Брахмана имеет, как мы видели, три аспекта, которые позволяют составить три последовательные стадии опыта. Во-первых, имеется Я, в котором живут все существа. Дух, Божество проявило себя как бесконечное самопростирающееся бытие, самосущее, чистое, не зависящее от времени и Пространства, но поддерживающее Время и Пространство, как объекты своего сознания. Это больше чем все, и содержит в себе все в этом самопростирающемся бытии и сознании, не связанное чем-либо из того, что оно создает, содержит, чем становится, но свободное, бесконечное и всеблаженное. Оно сохраняет их, в старом образе, как бесконечные небеса содержат в себе все объекты. Этот образ бесплотного (Акаша) Брахмана может на самом деле оказывать большую практическую

помощь Садхаку, который затрудняется в медитации над тем, что ему кажется в начале абстрактной и неосязаемой идеей. В образе небес, не физических, но заключающих в себе широкое бытие, сознание и блаженство, он может стремиться постигнуть умом и ощутить в своем ментальном существе это высшее существование, и отождествить его в единстве с я внутри себя. Путем такой медитации можно привести ум в благоприятное состояние предрасположения, при котором, путем разрыва или раскрытия завесы, супраментальное видение может затопить ментальность и совершенно изменить все наши взгляды. И при таком изменении взгляда, когда оно становится все более и более сильным и настойчивым и охватывает все наше сознание, в конце концов возобладает перемена в становлении, так, что мы становимся тем, что видим. В своем самосознании мы становимся не столько космическими, сколь ультракосмическими, бесконечными. И тогда ум, жизнь, и тело станут только движениями в этой бесконечности, которой мы стали, и мы увидим, что то, что существует, не является вовсе вселенной, а просто этой бесконечностью духа, в которой движутся мощные космические гармонии ее собственных образов самосознательного становления.

Но что тогда относительно всех этих форм и существований, которые составляют гармонию? Будут ли они для нас только образами, пустыми именами и формами, без какой-либо наполняющей реальности, не имеющими значения сами по себе вещами, и какими бы грандиозными, могущественными или прекрасными они не казались нашему ментальному взгляду раньше, должны теперь быть отвергнутыми, как не имеющие значения? Нет, это не так; хотя это было бы первым естественным результатом очень интенсивного погружения в бесконечность всеобъемлющего Я, исключая бесконечности, которые оно содержит. Но это не пустые вещи, не просто нереальные имена и формы, придуманные космическим Разумом; они, как мы, уже говорили, в своей реальности являются самосознающими становлениями Я, иными словами, Я находится внутри всех их, как и в нас, сознавая их, руководя их движением, блаженное в местах своего обитания, как и в обладании всем, чем оно становится. Как эфир одновременно содержит и содержится в кувшине, так и это Я одновременно содержит и обитает во всех существованиях, не в физическом, а в духовном смысле, и является их реальностью. Мы должны понять это Состояние постоянного пребывания Я; мы должны видеть и сами должны стать в своем сознании Я во всех существованиях. Мы должны знать, оставляя в стороне всякое тщетное сопротивление интеллекта и ментальные ассоциации, что Божество населяет все эти становления и является их истинными Я и сознательным Духом, и должны знать это не только интеллектуально, но и знать по своему опыту, который превратит в свои собственные божественные формы все привычки ментального сознания.

Это Я, которым мы наконец станем в нашем самосознании, совершенно едино со всеми существованиями, несмотря на то, что оно их превосходит. Мы должны видеть его не только как то, что содержит и населяет все, но и как то, что является всем, не только как постоянно присутствующий Дух, но также как имя и форму, движение и господина движения, ум, и жизнь, и тело. Именно этой окончательной реализацией мы полностью подведем итог, с правильной позиции и с видением Истины, всему тому, от чего мы отказались в первом движении отступления и изъятия. Индивидуальный ум, жизнь и тело, которые мы оторгли от себя как не наше истинное существо, мы восстановим как истинное становление Я, но уже не в чисто индивидуальной узости. Мы восстановим ум не как отдельную ментальность, заключенную в мелком движении, но как широкое движение вселенского разума, жизнь не как эгоистическую деятельность виталического, чувства и желания, но как свободное движение всемирной жизни, тело не как физическую тюрьму души, но как послушный инструмент, отделяемую одежду, познавая его также как движение вселенской Материи, как клеточку космического Тела. Мы начнем ощущать все сознание физического мира как единое с нашим физическим сознанием,

чувствовать все энергии космической жизни вокруг в качестве наших собственных энергий, слышать все удары великого космического пульса в ударах нашего сердца, приведенного в единый ритм с божественной Анандой, чувствовать как вся активность мирового разума вливается в нашу ментальность, и движение нашей мысли вытекает в него, как волна в широкое море. Это единство, охватывающее весь ум, всю жизнь и материю в свете супраментальной Истины и в ритме духовного Блаженства, будет для нас внутренним свершением Божественного в полном космическом сознании.

Но поскольку мы должны охватить все это в двойном условии Бытия и Становления, мы должны обладать полным и интегральным знанием. Оно не должно ограничиться реализацией чистого Я и Духа, но должно включать также все аспекты Духа, при помощи которых он поддерживает, развивает и выбрасывает себя в космическое проявление. Знание себя и знание мира должно стать единым во всеобъемлющем знании Брахмана.

78. Иша Упанишада. (Прим. Шри Ауробиндо)

ПОСКОЛЬКУ Я, которое мы познаем на пути Знания, является не только реальностью, которая находится за состояниями и движениями нашего психического существа и поддерживает их, но также трансцендентным и мировым Существованием, проявившимся во всех движениях вселенной, знание Я включает в себя также знание принципов Бытия, их основных разновидностей и их отношений с принципами феноменального мира. Это имелось в виду в Упанишадах, когда говорилось о Брахмане как о том, знание которого означает знание всего [79](#). Это необходимо осознать, прежде всего, как чистый принцип Существования, затем, говорится в Упанишадах, его основные разновидности становятся ясными для души, которая это познает. Мы можем, еще до реализации, попытаться анализировать при помощи метафизического рассуждения, и даже понять интеллектуально, что такое Бытие, что представляет собой мир, но такое метафизическое понимание не является Знанием. Более того, мы можем достичь реализации в знании и визуально, но этого недостаточно без реализации в полном духовном переживании и единства всего нашего бытия с тем, что мы осознали [80](#). Наука Йоги — это познание, а искусство Йоги в том, чтобы объединиться с Высочайшим, чтобы мы могли жить в Я и действовать из этого верховного положения, становясь едиными не только в сознательной сущности, но и в сознательном законе нашего бытия, с трансцендентным Божеством, которого все предметы и существа, несознательно или с частичным знанием и опытом, ищут, чтобы выразить через низший закон своих членов. Знать высшую истину и быть в гармонии с ней — условие правильного бытия, выражать ее во всем, чем мы являемся, испытывать и осуществлять — условие правильной жизни.

Но для человека, ментального существа, нелегко правильно узнать и выразить Высшее, потому что высочайшая Истина и, соответственно, высочайшие виды существования — супраментальны. Они покоятся на основании сущностного единства того, что интеллекту и уму кажется противоположными полюсами, и что является для нашего ментального опыта мира противоположными полюсами существования и идеи, и потому непримиримыми противоположностями, противоречиями, но для супраментального опыта они являются дополнительными аспектами одной Истины. Мы уже видели это в необходимости познания Я одновременно как одного и многих; ибо мы должны познать каждую вещь и существо как То, мы должны познать единство всего как То; одновременно в единстве суммы и в единстве сущности; и мы должны познать То как Трансцендентное, которое за пределами этого единства и этой множественности, которые мы видим повсюду как два противоположных, но необходимых друг другу полюса всего существующего. Ибо каждое индивидуальное существо является Я, Божеством, несмотря на внешние ограничения ментальной и физической формы, через которые оно в данный момент себя выражает, на данном участке пространства, в фактических обстоятельствах, которые составляют сплетение внутреннего состояния и внешнего действия, и то событие, через которое мы узнаем индивидуума. И так, в равной мере, любой коллектив, большой или малый, каждый является Я, Божеством, одинаково выражающим себя в условиях этого проявления. Мы не в состоянии в действительности познать любого индивидуума или любой коллектив, если мы знаем только, каким он выглядит изнутри для себя или внешне для нас, но только если мы познаем его как Божество, Единого, наше собственное Я, принимающее свои различные существенные модификации и подходящие случаю обстоятельства самовыражения. Пока мы не преобразовали привычку своей ментальности так, чтобы она жила полностью в этом знании, согласовывающем все расхождения в Едином, мы не можем жить в

настоящей Истине, так как мы не будем жить в реальном Единстве. Чувство Единства достигнуто не тогда, когда всех считают частями целого, волнами одного моря, но тогда, когда каждого, как и Все целиком, считают Божеством, полностью нашим Я в его высшем тождестве.

И в то же время Майя Бесконечного так сложна, что существует чувство, что понятие о всех, как о частях целого, волнах моря и даже, в каком-то смысле, как об отдельных организмах, становится необходимой частью интегральной Истины и интегрального Знания. Ибо, если Я всегда одно во всем, мы все же видим, что для целей хотя бы циклического проявления, оно выражает себя в постоянных формах души, которые руководят движениями нашей личности через миры и зоны. Это постоянное существование души является настоящей Индивидуальностью, которая стоит за постоянными мутациями того, что мы называем своей личностью. Это не ограниченное эго, но вещь безграничная в себе; в действительности это само Бесконечное, согласное отражать себя с одного уровня своего бытия в постоянное переживание души. Это та истина, которая лежит в основе теории Санкхья о многих Пурушах, многих сущностях, бесконечных, свободных и безличных душах, отражающих движение одной космической энергии. Она также, хотя и по-другому, стоит за очень отличающейся философией квалифицированного Монизма, который возник в качестве протеста против метафизических излишеств Буддистского Нигилизма и иллюзионистской Адвайты. Старая полубуддистская, полусанкхья теория, которая видела только Неподвижность, и ничего другого, в мире, за исключением постоянной комбинации пяти элементов и трех разновидностей бессознательной Энергии, освещающих свою фальшивую активность сознанием Неподвижности, в которой эта активность отражается, не является всей истиной Брахмана. Мы не являемся просто массой изменяющегося умовещества, живневещества, теловещества [81](#), принимающего различные формы ума, жизни и тела от рождения к рождению таким образом, что никогда не существует реального я или сознательной причины существования за всем этим постоянным изменением, за исключением Неподвижности, которой до этих вещей нет дела. За постоянной мутацией нашей ментальной, виталической и физической личности существует реальная и стабильная сила нашего бытия, это мы должны знать и сохранять, с тем, чтобы Бесконечный мог проявлять Себя через это, в соответствии со Своей волей и в любых пределах, и для любой цели Его вечной космической деятельности.

И если мы рассматриваем существование с точки зрения возможных вечных и безграничных отношений этого Единого, из которого все происходит, этих Многих, для которых Единый является сущностью и источником, и этой Энергии, Силы или Природы, через которые отношения между Единым и Многими поддерживаются, то мы найдем некоторое оправдание даже дуалистическим философиям и религиям, которые, по-видимому, весьма энергично отрицают единство существ и создают непреодолимое разделение между Господом и Его созданиями. Если в своих более грубых формах эти религии стремятся только к невежественным радостям низших небес, то существует и гораздо более высокий и основательный смысл, в котором мы можем оценить призыв преданного поэта, когда в безыскусственной энергичной метафоре он настаивает на праве души всегда наслаждаться восторгом своей возможности объять Всевышнего. "Я не хочу стать сахаром", — писал он, — "я хочу есть сахар". Как бы прочно мы ни укрепились в сущностном тождестве единого Я во всем, мы не должны относиться к этой просьбе, как к простому стремлению определенного рода духовной чувственности, или рассматривать это как отказ привязанной или невежественной души от чистой и высокой простоты высшей Истины. Наоборот, позитивная часть ее стремится к глубокой и мистической истине Бытия, которую невозможно выразить человеческим языком, о которой человеческий ум не может иметь должного представления, ключ к которой у сердца, и которая не может быть отвергнута гордостью души знания, настраивающей на своем чистом

аскетизме. Но по-настоящему это относится к вершине дороги Преданности, и там мы к этому опять вернемся.

Садхака интегральной Йоги рассматривает свою цель в интегральном аспекте и будет искать ее интегральной реализации. Божество имеет много существенных модификаций Его вечного самопроявления, Оно владеет и находит Себя на многих уровнях и через многие полюса Его бытия; каждой модификации своя цель; каждому уровню или полюсу свое свершение, как на вершине, так и в высочайшем масштабе вечного Единства. Необходимо через индивидуальное Я прийти к Единому, ибо это основа всего нашего переживания и опыта. Через Знание мы приходим к тождеству с Единым; ибо, что бы ни утверждали Дуалисты, существует сущностное тождество, благодаря которому мы можем погрузиться в наш Источник и освободиться от всех пут индивидуальности и даже от всех пут универсальности. Опыт этого тождества является не только достоянием знания или чистого состояния абстрактного бытия. Также, вершиной всей нашей деятельности, как мы видели, является наше погружение в Господа через единство с божественной Волей или Сознательной Силой на пути трудов; высшая точка любви — это наше порывистое погружение в единство восторженного экстаза с объектом нашей любви и обожания. Но, опять же, для божественных трудов в мире индивидуальное Я превращает себя в центр сознания, через который божественная Воля, единая с божественной Любовью и Светом, выливается во множественность вселенной. Этим же путем мы приходим к единству со всеми нашими братьями через тождество этого я со Всевышним и с я во всех других. В то же время, в действии Природы мы сохраняем, в качестве формы души Единого, дифференциацию, которая позволяет нам сохранить отношения различия в Единстве с другими существами и с Самим Всевышним. Эти отношения по необходимости будут очень отличными по существу и по духу от тех, которые были у нас, когда мы полностью жили в Невежестве, и Единство было просто названием, или же напряженным стремлением несовершенной любви, симпатии или желания. Единение будет законом, различия будут существовать просто для различных видов наслаждения этим единением. Не опускаясь опять на уровень разделения, остающийся верным сепарациям эго-чувства, не примыкая к исключительному поиску чистого тождества, которое не может иметь ничего общего с игрой различий, мы сможем охватить и примирить два полюса бытия там, где они встречаются в бесконечности Высочайшего.

Я, даже индивидуальное я, отличается от нашей личности, так же как оно отличается от нашего ментального чувства эго. Наша личность никогда не повторяется; это постоянная мутация и различные комбинации. Это не основное сознание, а развитие форм сознания — не сила бытия, но разнообразная игра частных сил бытия, — не тот, кто получает самонаслаждение от нашего существования, а поиск различных нот и тонов опыта) которые более или менее вносят этот восторг в изменчивость отношений. Это тоже Пуруша и Брахман, но это изменчивый, непостоянный Пуруша, феноменальный по отношению к Вечному, а не Его устойчивая действительность. Гита различает три Пуруши, которые образуют полностью все состояние и действие божественного бытия — Изменчивый, Неизменный и Высочайший, последний из которых вмещает первых двух и превосходит их. Этот Высочайший является Господом, в котором мы должны жить, верховное Я в нас и во всем. Неизменный — это безгласное, бездеятельное, ровное неизменное я, которого мы достигаем, когда от активности переходим к бездействию, от игры сознания и силы, и поиска удовольствия — к постоянной и чистой основе сознания, силы и удовольствия, посредством которой Высочайший, свободный, уверенный и несвязанный владеет и наслаждается игрой. Изменчивый — это существо и непосредственный мотив того постоянно протекающего изменения личности, благодаря которому возможны наши отношения космической жизни. Ментальное существо, зафиксированное в Изменчивом, движется в его непрерывном потоке и не обладает вечным

покоем, силой и самовосторгом; душа, закрепленная в Неизменном, обладает всем этим в себе, но лишена возможности действовать в мире; но душа, которая способна жить в Высочайшем, наслаждается вечным покоем, и силой, и восторгом, и широтой бытия, не связана в своем самопознании и своей силе характером, личностью, или формами своей силы и привычками своего сознания, и в то же время использует все это с величайшей свободой и силой для самовыражения Божественного в мире. Здесь также перемена не является переделкой основных модификаций Я, но состоит в том, что мы выходим в свободу Высочайшего и правильно используем божественный закон нашего бытия.

С этой тройственной модификацией Я связано то различие, которое индийская философия делает между Качественным и Бескачественным Брахманом, а европейская мысль делает между Личным и Безличным Богом. В Упанишадах ясно показан относительный характер этих противоположностей, когда в них говорится о Всевышнем как о "качественном, не имеющем качеств [82](#)". Опять мы имеем два существенных вида, два основных аспекта, два полюса вечного бытия, которые оба превзойдены трансцендентной божественной Реальностью. Они соответствуют практически Безмолвному и Активному Брахману [83](#). Ибо всю деятельность мира можно рассматривать с определенной точки зрения как выражение и формирование различными путями бесчисленных и бесконечных качеств Брахмана. Его бытие принимает, путем сознательной Воли, все возможные качества, формы вещества сознательного бытия, особенности космического характера и силу динамичного самосознания, гуны, на которые может быть разложена вся космическая деятельность. Но Он не связан ничем из этого, ни всем этим, ни их предельной, бесконечной потенциальностью; Он стоит выше всех Своих качеств, и на определенном уровне бытия свободен от них. Ниргуна, или Бескачественный, не лишен возможности иметь качества, скорее, именно этот Ниргуна, или Некачество, — тот, кто проявляет себя как Сагуна, как Ананта-гуна — бесконечное качество, поскольку Он содержит все в Своей абсолютной возможности безгранично разнообразных самопроявлений. Он свободен от них в том смысле, что превосходит их; действительно, не будь Он свободен от них, они не могли бы быть бесконечными: тогда Бог был бы зависим от Его качеств, связан Его природой, Пракрити господствовала бы, а Пуруша был бы ее творением и игрушкой. Вечный не связан ни качеством, ни отсутствием качества, ни Личностью, ни Безличностью; Он есть Он Сам, за пределами всех наших положительных или отрицательных определений.

Но если мы не в состоянии дать определение Вечному, то мы можем объединиться с ним. Было сказано, что мы можем стать Безличным, но не личным Богом, но это верно только в том смысле, что никто не может индивидуально стать Господом всех вселенных; мы можем освободить себя в существование активного Брахмана, а также в Безмолвного; мы можем жить в обоих, возвращаться в наше существование в обоих, но в каждом по-своему, став в своем существе одним с Ниргуной, и одним с Сагуной в свободе нашего активного бытия, в своей природе [84](#). Всевышнее выливает Себя из вечного покоя, равновесия и молчания в вечную активность, свободную и бесконечную, свободно определяя для себя свои намерения, пользуясь бесконечным качеством, чтобы сформировать из него различные сочетания качества. Мы должны, выйдя из под влияния качеств, вернуться этому покою, равновесию и молчанию, и действовать из него с божественной свободой, но продолжая использовать качества широко и гибко, даже самые противоположные, ради божественной работы в мире. Но только, тогда, когда Господь действует из центра всех вещей, мы должны действовать, передавая его волю и силу и знание через индивидуальный центр, Его форму-душу [85](#) которой мы являемся. Господь ничему не подчинен; индивидуальная форма-душа подчинена своему собственному высшему Я, и чем больше и абсолютней это подчинение, тем больше становится ее чувство абсолютной силы и свободы.

Различие между [европейским] Личным и Безличным по сути такое же, как и индийское, но ассоциации, связанные с этими английскими словами, несут в себе определенное ограничение, чуждое индийской мысли. Личный Бог европейских религий является Личностью в человеческом смысле слова, ограниченной своими качествами, хотя в то же время и всемогущей и всеведущей; он соответствует индийским особым концепциям Шивы или Вишну, или Брами, или Божественной Матери всего, Дурга или Кали. Каждая религия в действительности создает отличающееся от других личное Божество для обожания и поклонения, в соответствии со своим сердцем и мыслями. Свирепый и неумолимый Бог Кальвина — совершенно иное существо, чем милый и любящий Бог Св. Франциска, также, как благосклонный Вишну отличается от грозной, хотя всегда любящей и благотворной Кали, которая проявляет жалость, даже убивая, и спасает посредством уничтожения. Шива, Бог аскетического самоотречения, который все уничтожает, кажется другим существом, чем Вишну и Брама, которые действуют благосклонно, с любовью, бережно относясь к созданиям, для жизни и творчества. Очевидно, что такие понятия очень неполно и относительно представляют беспредельного и вездесущего Творца и Правителя вселенной. Индийская религиозная мысль и не считает эти описания адекватными. Личный Бог не ограничен Его качествами, Он есть Ананта-гуна, способный к безграничным качествам и выходящий за их пределы, и господин их, использующий их по своей воле, и Он проявляет Себя под разными именами и формами Его бесконечной божественности, чтобы удовлетворить стремления и нужды индивидуальной души, в соответствии с ее природой и личностью. По этой причине нормальному европейскому уму так трудно постичь индийскую религию, как отличную от философии Веданты или Санкхья, ибо он не может без труда познать личного Бога с бесконечными качествами, личного Бога, который не является Личностью, [имеющей лишь ограниченный круг отличий от обычной человеческой личности,] [86](#) а единственной реальной Личностью и источником всех личностей. В то же время это единственная правильная и полная истина о божественной Личности.

Место божественной Личности в нашем синтезе может быть лучше понято, когда мы говорим о Йоге преданности; здесь достаточно отметить, что она имеет свое место и сохраняет его в интегральной Йоге даже после того, как достигнуто освобождение. Практически существуют три градации в подходе к личному Божеству; первая — это когда Его воспринимают в определенной форме или с определенными качествами, как имя или форму Божества, которые предпочтительны для нашей природы и личности [87](#); вторая — когда Оно рассматривается как единственная реальная Личность, Всеобщая Личность, Ананта-гуна; третья — когда мы возвращаемся к конечному источнику всех идей и фактов о личности, к тому, что в Упанишадах отмечается единственным словом Он, без фиксирования каких-либо атрибутов. Именно там наши познания личного и безличного Божества встречаются и становятся едиными в абсолютном Божестве. Ибо безличное Божество, в конечном счете, не является абстракцией или просто принципом, или состоянием силы и степенью бытия, — не более, чем мы сами являемся такими абстракциями. Интеллект сначала приближается к нему посредством подобных концепций, а реализация в конце концов выводит за эти пределы. Постигая все более высокие принципы бытия и состояния сознательного существования, мы приходим не к аннулированию всего в своего рода позитивном нуле, или даже в невыразимом состоянии существования, но к самому трансцендентному Существованию, которое также является Сущестующим, который трансцендирует все дефиниции личностью, и в то же время всегда остается тем, что является сущностью личности.

Когда мы живем в Том и имеем свое бытие, мы можем владеть им в двух видах, Безличном, в высшем состоянии бытия и сознания, в безграничном безличии самообладающей силы и блаженства, и в Личном, через божественную природу действующем через индивидуальную

душу-форму и через отношения между последней и ее трансцендентным и мировым Я. Мы можем даже сохранить наши отношения с личным Божеством в Его формах и именах; если, например, наш труд является преимущественно трудом Любви, то мы можем искать Господа Любви, чтобы служить Ему и выразить Его, но у нас в то же самое время будет интегральная реализация Его во всех Его именах, и формах, и качествах, и мы не перепутаем Его лик, выделяющийся в нашем отношении к миру, со всем безграничным Божеством.

79. yasmin vijnate sarvan idam vijnatam. Шандилья Упанишада. (Прим. Шри Ауробиндо)

80. Такое различие делает Гита между Санкхья и Йогой; обе необходимы для интегрального знания. (Прим. Шри Ауробиндо)

81. mind-stuff, life-stuff, body-stuff

82. nirguno guni

83. the Silent and the Active Brahman

84. sadharma-mukti

85. soul-form

86. Brahma — иногда переводится на русский как Брахма (Прим. пер.)

87. who is not a Person — т. е. не есть одна из Личностей

88. ista-devata

ВИДЫ Я, о которых говорилось в предыдущей главе, могут сначала показаться по своему характеру в высшей степени метафизическими, интеллектуальными концепциями, больше подходящими для философского анализа, чем для практической реализации. Но это неверное понимание, которое является результатом разделения наших способностей. Во всяком случае, фундаментальный принцип древней мудрости, мудрости Востока, на которой мы основываемся, состоит в том, что философия не должна быть просто высоко интеллектуальным времяпрепровождением или игрой диалектической тонкости, или даже поисками метафизической истины ради истины, она должна открывать всеми возможными правильными путями основные истины всесуществования, которые должны затем стать руководящими принципами нашего собственного существования. Санкхья, абстрактное и аналитическое понимание истины, есть одна сторона Знания; Йога, конкретная и синтетическая реализация ее в нашем опыте, внутреннем состоянии, внешней жизни — другая. Обе являются средствами для человека уйти из лжи и невежества, и жить истиной и в истине. И так как целью думающего человека всегда должно быть самое высшее, что он только может познать и на которое способен, то душа должна искать мыслью и осуществлять в жизни высшую истину.

В этом и состоит важность той части Йоги Знания, которую мы здесь рассматриваем, знания [89](#) тех основных принципов Бытия, тех основных видов самосуществования, на которых абсолютное Божество основывает свою самоманифестацию. Если истиной нашего существования является бесконечное единство, в котором только и есть широта, свет, знание, сила, блаженство, и если все наше подчинение темноте, невежеству, слабости, печали, ограничению происходит от того, что мы смотрим на существование как на столкновение бесконечно многочисленных отдельных существований, тогда, очевидно, это и есть самая практичная, и конкретная, и утилитарная, хотя в то же время высочайшая и философская мудрость — найти средство уйти от ошибки и научиться жить в истине. Также, если то Единое есть по своей природе свобода от связанности этой игрой качеств, которые составляют нашу психологию, и если подчинение этой игре порождает борьбу и дисгармонию, в которой мы живем, вечное метание между двумя полюсами добра и зла, добродетели и греха, удовлетворения и разочарования, радости и печали, удовольствия и боли, тогда выйти за пределы этих качеств и обосноваться в постоянном покое того, что всегда за их пределами, и есть единственная практическая мудрость. Если привязанность к изменяемой личности есть причина нашего невежества, нашей дисгармонии и ссоры с собой, и с жизнью, и с другими, и если есть безличное Единое, в котором не существует такой дисгармонии и невежества, и тщетных, шумных усилий, потому что оно находится в вечном тождестве и гармонии с Собой, тогда достичь в своей душе той безличности и не потревоженного единства бытия есть единственное направление и цель человеческого усилия, которое наш разум может согласиться назвать практичностью.

Есть такое единство, безличность, свобода от игры качеств, которые поднимают нас над борьбой и волнением Природы в ее вечных поисках через ум и тело истинного ключа и секрета всех ее отношений. И древняя мудрость высшего опыта человечества говорит, что только достигнув этого, только сделавшись безличным, единым, неподвижным, самособранным, стоящим выше ментального и жизненного существования в том, что вечно выше его, можно достичь устоявшегося — потому что он самосуществующий — покоя и внутренней свободы. Поэтому это и есть первая, в смысле характерная и основная, цель Йоги Знания. Но, как мы уже

не раз говорили, это, хотя и первая, но не единственная цель; хотя и основная, но не вся. Знание не полно, если оно только показывает нам, как уйти от отношений к тому, что вне отношений, от личности к безличности, от множественности к единству без качеств. Оно должно дать нам также тот ключ, тот секрет всей игры отношений, всех видов множественности, всего столкновения и взаимодействия личностей, которого ищет космическое существование. И знание все еще не полно, если оно дает нам только идею и не может проверить ее опытом; мы ищем ключ, секрет для того, чтобы мы могли управлять явлением посредством той реальности, которую оно представляет, исцелить его дисгармонию скрытым принципом гармонии и единообразия, стоящим за ним, и от сходящихся и расходящихся усилий мира уйти к гармонии его воплощения. Не просто покоя, а воплощения — вот чего ищет сердце мира, и это то, что полное и эффективное самопознание должно дать ему; покой может быть только вечной опорой, бесконечным условием естественной атмосферой самовоплощения.

Более того, знание, которое находит истинный секрет множественности, личности, качества, игры отношений, должно показать нам некое истинное единство в сути бытия и глубокое единение в силе бытия между безличным и источником личности, между лишенным качеств и тем, кто выражает себя через качества, единство существования и его разнообразной множественности. Знание, которое оставляет между ними зияющую пропасть, не может быть окончательным знанием, как бы логично оно ни выглядело для аналитического интеллекта, или каким бы удовлетворительным ни показалось саморазделяющему опыту. Истинное знание должно вести к единству, которое включает всю совокупность вещей, хотя и выходит за ее пределы, а не к такому единству, которое не способно на это и отвергает это. Ибо не может быть такой исходной непреодолимой пропасти дуализма — ни в самом Всесуществовании, ни между каким-либо трансцендентным Единством и Всесуществующим. И как в знании, так и в опыте и самовоплощении. Опыт, который находит на вершине вещей такую первоначальную непреодолимую пропасть между двумя противоположными принципами и может, самое большее, только перепрыгнуть ее, чтобы жить либо в одном, либо в другом, но не может объединить и объять, это не окончательный опыт. Ищем ли мы знание мыслью или видением знания, которое превосходит мысль, или тем совершенным самопереживанием в нашем собственном бытии, который есть вершина и воплощение реализации знанием, мы должны быть способны продумать, найти, испытать и жить во всеудовлетворяющем единстве. Именно это мы находим в концепции, видении и переживании Единого, чье единство не прекращается и не исчезает из виду, будучи самовыражено во Многом, который свободен от связи с качествами, но все же является бесконечным качеством, который содержит и сочетает все отношения, но является всегда абсолютным, который не является ни одной личностью, но в то же время является всеми личностями, потому что Он есть все бытие и одно сознательное Бытие. Для того индивидуального центра, который мы называем я, войти своим сознанием в это Божественное и воспроизвести его природу в себе есть высокая и великолепная, но все же совершенно рациональная и в высочайшей степени прагматическая и утилитарная цель, стоящая перед нами. Это реализация нашего самосуществования и в то же время реализация нашего космического существования, индивидуума в себе и индивидуума в его отношении к космическому Многому. Между этими двумя терминами нет непримиримого противоречия: скорее, так как наше собственное я и я космоса открываются нам как одно, между нами должно быть глубокое единство.

Фактически все эти противоположные по смыслу термины есть только общие условия для манифестации сознательного бытия в том Трансцендентном, которое всегда одно не только за пределами, но и в пределах всех условий, какими бы очевидно противоположными они ни выглядели. И изначальный объединяющий их всех дух, и их единственный существенный вид

есть то, что было описано для удобства нашей мысли как троица Сатчитананды. Существование, Сознание, Блаженство — это три везде присутствующих неразделимых божественных условия. Ни одно из них не является в действительности отдельным, хотя наш ум и наш ментальный опыт не только могут различить их, но и разделить. Ум может сказать и подумать: "Я был, но бессознательным", — ибо ни одно существо не может сказать: "Я есть, но бессознательно", — и он может подумать и почувствовать: "Я есть, но несчастный, и без какого-либо удовольствия в существовании". В действительности это невозможно. Существование, которым мы в действительности являемся, вечное "Я есть", о котором нельзя никогда сказать, не солгав, "Я был", никогда и нигде не бывает бессознательным. То, что мы называем бессознательностью, есть просто другое сознание; это вхождение поверхностной волны нашего ментального ощущения внешних объектов в наше подсознательное самоощущение и в наше ощущение других уровней существования. Мы в действительности не более бессознательны, когда спим или оглушены, или под наркозом, или "мертвы", или в любом другом состоянии, чем когда погрузились во внутренние мысли и не замечаем нашего физического я и нашего окружения. Для любого, кто хоть немного продвинулся в Йоге, это самое элементарное суждение, и оно не представляет никакой сложности для мысли, так как оно подтверждается в каждом своем пункте опытом переживания. Труднее понять, что существование и восторг [90](#) существования не могут сочетаться. То, что мы называем несчастьем, горем, болью, отсутствием восторга, есть опять только поверхностная волна восторга существования, которая придает нашему ментальному опыту эти как будто противоположные оттенки, благодаря определенной особенности неправильного восприятия в нашем разделенном бытии, — которое не есть вовсе наше существование, а только фрагментарная формулировка или обесцвеченные брызги сознательной силы, которые поднимает бесконечное море нашего самосуществования. Чтобы понять это, мы должны уйти от нашей поглощенности этими поверхностными привычками, этими мелкими трюками нашего ментального бытия, — и когда мы зайдем за них и отойдем от них, мы поразимся тому, насколько они поверхностны, какими смешными и слабопроникающими булавочными уколами они в действительности являются, — и мы должны реализовать истинное существование, и истинное сознание, и истинный опыт существования и сознания, Сат, Чит, и Ананду.

Чит, божественное Сознание, не есть наше ментальное самоощущение; то, как мы убедимся, есть лишь форма, низший и ограниченный тип или движение. По мере того, как мы продвигаемся вперед и пробуждаем душу в себе и в вещах, мы поймем, что сознание есть и в растении, и в металле, в атоме, в электричестве, во всем, что принадлежит физической природе; мы даже обнаружим, что в действительности оно не во всех отношениях ниже и более ограничено, чем ментальное, напротив, во многих "неодушевленных" формах оно более интенсивное, быстрое, острое, хотя и менее направлено к поверхности. Но и это сознание виталической и физической Природы, по сравнению с Чит, есть низшая и, следовательно, ограниченная форма, вид и движение. Эти низшие виды сознания являются веществом сознания низших уровней в едином неделимом существовании. В нас также есть в нашем подсознательном бытии действие, которое в точности является действием "неодушевленной" физической Природы, на котором основано наше физическое бытие, и другое, которое принадлежит жизни растения, и еще одно, принадлежащее низшему животному созданию, окружающему нас. Все эти действия настолько подчинены и обусловлены думающим и рассуждающим сознательным существом в нас, что мы в действительности не замечаем эти низшие уровни; мы не в состоянии воспринимать в их собственных терминах то, что эти части нас самих делают, но мы воспринимаем это, очень несовершенно, в терминах и оценках думающего и рассуждающего ума. Все же мы достаточно хорошо знаем, что в нас есть животное,

также как и то, что характерно только для человека, — нечто, что является порождением сознательного инстинкта и импульса, не рефлекторное или рациональное, также как и то, что в мысли и в воле оглядывается на свой опыт, подходит к нему сверху в свете и силе высшего уровня, и до некоторой степени контролирует, использует и изменяет его. Но животное в человеке — это только верхушка субчеловеческого существа; ниже его есть много такого, что также является и субживотным, и чисто виталическим, много такого, что действует посредством инстинкта и импульса, чье вводящее их в действие сознание находится (для нас) за поверхностью. Ниже этого субживотного бытия, еще на более глубоком уровне, находится субвиталическое. Когда мы продвинемся в том ультраанормальном самопознании и опыте, который дает Йога, мы узнаем, что тело тоже имеет свое собственное сознание; оно имеет привычки, импульсы, инстинкты, инертную, но действующую волю, которая отличается от воли всего остального нашего существа, и может сопротивляться ей и обуславливать ее эффективность. Большая часть борьбы в нашем существе происходит из-за этого составного существования и взаимодействия этих разнообразных и разнородных уровней друг с другом. Ибо человек здесь есть результат эволюции, и несет в себе всю эту эволюцию, от чисто физического и субвиталического бытия до ментального создания, которым он стал в ее верхней точке.

Но эта эволюция есть в действительности манифестация, и точно так же, как мы имеем в себе эти субнормальные я и субчеловеческие уровни, так же в нас есть над нашим ментальным бытием супернормальные и суперчеловеческие уровни. Там Чит, как универсальная сознательная материя существования [91](#), занимает другие положения, движется в другом виде, полагается на другие принципы с другими возможностями действия. Выше ума, как обнаружили старые Ведические мудрецы, есть уровень Истины, уровень самоозаренной, самодействующей Идеи, которая в свете и силе может обратиться к нашему уму, логике, чувствам, импульсам, ощущениям, и использовать их и контролировать их в смысле настоящей Истины вещей, точно так же, как мы обращаем свои ментальные рассуждения и волю к нашему чувственному опыту и животной природе, чтобы использовать и контролировать их в смысле наших рациональных и моральных восприятий. Здесь нет поиска, здесь скорее естественное обладание; здесь нет конфликта или разделения между волей и логикой, инстинктом и импульсом, желанием и опытом, идеей и реальностью, но все находится в гармонии, сопутствует одно другому, действует совместно, едино по происхождению, в развитии и в действии. Но за этим уровнем, достижимые из него, находятся другие, в которых открывается сам Чит, Чит как первоначальный источник и первичная полнота всего этого разнообразного сознания, которое здесь используется для различных образований и переживаний. Там воля и знание и все остальные наши способности, силы, виды опыта не только находятся в гармонии, сопутствуют друг другу, едины, но являются одним бытием сознания и силы сознания. Именно этот Чит изменяется, чтобы стать на уровне Истины сверхразумом, на ментальном уровне ментальными логикой, волей, эмоцией, ощущением, на низших уровнях — виталическими или физическими инстинктами, импульсами, привычками неосознанной силы, находящейся за пределами владения нашего поверхностного сознания. Все есть Чит, потому что все есть Сат; все есть разнообразное движение первоначального Сознания, потому что все есть разнообразное движение первоначального Бытия.

Когда мы находим, видим или узнаем Чит, мы также обнаруживаем, что его суть есть Ананда, или восторг самосуществования. Владеть собой — значит, владеть самоблаженством; не владеть собой — значит, пребывать в более или менее смутных поисках восторга существования. Чит вечно обладает своим самоблаженством; а так как Чит есть всеобщее вещество сознания бытия, сознательное вселенское бытие также владеет сознательным самоблаженством, является хозяином всеобщего восторга существования. Божественное, независимо от того, проявляет ли

оно себя во Всекачестве или в Некачестве, в Личности или Безличности, в Едином поглощающем Многое или в Едином, проявляющем свою сущностную множественность, всегда владеет самоблаженством и всеблаженством, потому что оно всегда Сатчитананда. Для нас также, познать и владеть нашим истинным Я в сущностном и всеобщем, — значит, обнаружить сущностный и всеобщий восторг существования, самоблаженство и всеблаженство. Ибо всеобщее есть только изливание сущностного существования, сознания и восторга; и где бы и какие бы формы оно ни проявляло как существование, там должно быть сущностное сознание и, следовательно, должен быть сущностный восторг.

Индивидуальная душа не владеет этой истинной природой себя и не понимает этой истинной природы своего опыта, потому что она отделяет себя и от сущностного, и от всеобщего, и отождествляет себя с отдельными событиями, с несущественной формой и видом, и с отдельным аспектом и средством. Таким образом, она принимает свой ум, тело, поток жизни за свое сущностное я. Она старается утвердить их ради них самих против вселенского, против того, что проявляет себя во вселенском. Она права, когда стремится утвердить и реализовать себя во всеобщем ради чего-то большего и высшего, но не права, когда стремится сделать это против всеобщего и повинувшись фрагментарному аспекту всеобщего. Этот фрагментарный аспект или, скорее, ряд фрагментарных переживаний, она собирает вокруг искусственного центра ментального опыта, ментального эго, и называет это собой, служит этому эго и живет ради него, вместо того, чтобы жить ради чего-то большего и высшего, для чего все аспекты, даже самые широкие и самые общие, есть лишь частичные проявления. Это жизнь в ложном, а не в истинном я; это жизнь ради эго и в повиновении эго, а не ради Божественного и в повиновении Божественному. Вопрос о том, как произошло это падение, и с какой целью это было сделано, принадлежит к области скорее Санкхья, а не Йоги. Мы должны придерживаться практического факта, что такое саморазделение происходит из самоограничения, которое сделало нас неспособными владеть истинной природой бытия и опыта, и поэтому мы в своем уме, жизни и теле подвержены невежеству, неспособности и страданию. Невладение единством есть корень, основная причина; вернуть себе единство есть единственное средство, — единство со вселенским и с тем, что вселенское призвано выражать. Мы должны реализовать истинное я в себе и во всем; а реализовать истинное я значит реализовать Сатчитананду.

89. tattvajnana

90. undelight

91. conscious-stuff of existence

Мы подошли к этой стадии в нашем развитии пути Знания, которое мы начали с утверждения реализации нашего чистого я, чистого существования над условиями ума, жизни, тела, как первой цели этой Йоги, но теперь мы утверждаем, что этого недостаточно, и что мы должны также реализовать Я, или Брахмана, в его сущностных разновидностях, и прежде всего в его триединой реальности в качестве Сатчитананды. Не только чистое существование, но чистое сознание и чистое блаженство его бытия и сознания есть реальность Я и суть Брахмана.

Далее, существуют два вида реализации Я, или Сатчитананды. Один — это молчаливое, пассивное, спокойное, поглощенное собой, самодостаточное существование, сознание и восторг, единое, безличное, без игры качеств, отвернувшееся от бесконечного явления вселенной или взирающее на нее с безразличием и без участия. Другой — это то же самое существование, сознание, восторг самовластный, свободный, господин вещей, действующий из неотъемлемого покоя, изливающий себя в бесконечное действие и качество из вечной самоконцентрации, единая верховная Личность, содержащая в себе всю эту игру личности в беспредельной ровной безличности, обладающая бесконечным феноменом вселенной без привязанности, но без какой-либо неотделимой отстраненности, с божественным мастерством и в неисчислимом излучении своего вечного лучезарного самовосторга — как манифестацией, которой он владеет, но которая не владеет им, которой он свободно управляет и которой он, следовательно, не связан. Это не личный Бог религий или качественный Брахман философов, но тот, в котором примирены личное и безличное, качество и некачество. Это Трансцендент, который обладает обоими видами в Своем бытии, и использует оба как виды Своей реализации. Это, следовательно, и есть цель реализации для Садхаки интегральной Йоги.

Мы видим сразу, что с этой точки зрения реализация чистого неподвижного я, которой мы можем достигнуть путем ухода от ума, жизни и тела, есть для нас только приобретение необходимой основы для этой большей реализации. Поэтому этот процесс недостаточен для нашей Йоги; необходимо нечто более всеобъемлюще положительное. Так как мы отошли от всего того, что составляет наше явное я и феномен вселенной, в которой оно пребывает, к самосуществующему, самосознающему Брахману, мы должны теперь снова овладеть своим умом, жизнью и телом, но уже со всеохватывающим самосуществованием, самосознанием и самовосторгом Брахмана. Мы должны не только обладать чистым самосуществованием, независимым от мировой игры, но обладать всем существованием как своим собственным; не только знать себя как бесконечное неэгоистичное сознание за пределами всех изменений во Времени и Пространстве, но стать едиными со всем изливающимся потоком сознания и с его творческой силой во Времени и Пространстве; не только быть способными на невообразимый покой и неподвижность, но также на свободный и бесконечный восторг в вещах вселенной. Ибо это, а не просто чистый покой, есть Сатчитананда, есть Брахман.

Если бы было легко подняться на супраментальный уровень и, безопасно пребывая там, осознать мир и бытие, сознание и действие, уход и приход [92](#) сознательного переживания силой божественных супраментальных способностей и их методом, то эта реализация не представляла бы существенной трудности. Но человек ментален, он еще не стал супраментальным существом. Поэтому он должен идти к знанию именно умом и умом осознавать свое бытие, пользуясь любой помощью, которую он может получить с супраментальных уровней. Этот характер нашего фактически реализованного бытия и, следовательно, нашей Йоги, накладывает на нас определенные ограничения и первичные трудности, которые можно преодолеть только с

божественной помощью или напряженным трудом, а в действительности — только комбинацией того и другого. Эти трудности на пути к интегральному знанию, интегральной реализации, интегральному становлению мы должны констатировать вкратце, прежде чем идти дальше.

Реализованное ментальное бытие и реализованное духовное бытие в действительности — разные уровни в организации нашего существования, один высший и божественный, другой низший и человеческий. Первому принадлежит бесконечное бытие, бесконечное сознание и воля, бесконечное блаженство, и бесконечное широкое и самоэффективное знание суперразума, четыре божественных принципа; последнему принадлежит ментальное бытие, виталическое бытие, физическое бытие, три человеческих принципа. В своей явной природе эти два уровня противопоставлены; один противоположен другому. Божественный есть бесконечное и бессмертное бытие; человеческий есть жизнь, ограниченная во времени, масштабе и форме, жизнь, которая есть смерть, пытающаяся стать жизнью, которая есть бессмертие. Божественный есть бесконечное сознание, превосходящее и охватывающее все, что оно проявляет в себе; человеческий есть сознание, спасенное от сна бессознательности, подчиненное тем средствам, которые оно использует, ограниченное телом и эго, и пытающееся найти свое отношение к другим сознаниям, телам, эго, положительно — разными средствами соединяющего контакта и симпатии, негативно — разными средствами враждебного контакта и антипатии. Божественное есть неотчуждаемое самоблаженство и нерушимое всеблаженство; человеческое есть ощущение ума и тела, ищущих восторга, но находящих только удовольствие, безразличие и боль. Божественное есть супраментальное знание, понимающее все, и супраментальная воля, действующая на все; человеческое есть невежество, стремящееся к знанию путем познания вещей по частям, по элементам, которые оно должно неумело соединять, и это есть неспособность, стремящаяся обрести силу и волю через постепенное расширение возможностей, соответствующее постепенному расширению его знания; и это расширение оно может получить только через частичный и раздробленный опыт воли, соответствующий частичному и раздробленному методу познания. Божественное основывает себя на единстве и является хозяином трансцендентности и тотальности вещей; человеческое основывает себя на разделенной множественности [вещей] и подчинено, даже когда является хозяином их разделения и фрагментарности и их трудного служения и объединения. Между этими двумя уровнями для человеческого существа есть пелена и крышка, которая мешает человеку не только достичь, но даже познать божественное.

Поэтому когда ментальное существо стремится познать божественное, реализовать его, стать им, оно должно сначала поднять крышку, отодвинуть завесу. Но когда ему удастся совершить это трудное дело, оно видит божественное как нечто высшее по отношению к нему, отдаленное, высокое, — концептуально, жизненно, даже физически стоящее выше него, — и он смотрит вверх на него со своего скромного положения, и ему надо, если это вообще возможно, подниматься к нему, а если это невозможно, звать его вниз к себе, подчиняться ему и обожать. Оно видит божественное как высший уровень бытия, и тогда оно рассматривает его как высшее состояние существования, небеса, или Сат, или Нирвану — в зависимости от своего собственного представления или реализации. Или оно видит его как высшее Существо, отличное от него или, по крайней мере, отличное от его нынешнего я, и тогда оно называет его Богом с тем или иным именем, и видит его как личную или безличную, качественную или бескачественную, молчаливую и безразличную Силу, или активного Господина и Помощника, опять же в зависимости от его собственного представления или реализации, его видения или понимания какой-то стороны или какого-то аспекта этого Существа. Или оно смотрит на него как на верховную Реальность, отражением которой является его собственное несовершенное

бытие, или от которой оно отделилось, и тогда оно называет его Я или Брахман и определяет его по-разному, всегда в соответствии со своим собственным представлением и реализацией, — Существование, Несуществование, Дао, Нигил, Сила, Непознаваемое.

Если тогда мы стремимся ментально реализовать Сатчитананду, может возникнуть эта первая трудность, когда мы увидим ее как нечто вверху, за пределами, даже в каком-то смысле вокруг, но с пропастью между тем бытием и нашим бытием, с бездной, через которую нет моста или даже не может быть моста. Есть это бесконечное существование; но оно совершенно отлично от ментального существа, которое начинает осознавать его, и мы не можем ни поднять себя до него и стать им, ни спустить его до себя, чтобы наше собственное переживание нашего бытия и всемирного бытия стало переживанием его блаженной бесконечности. Есть это огромное, беспредельное, безусловное сознание и сила; но наше сознание и сила стоят отдельно от него, даже если и в его пределах, ограниченные, мелкие, робкие, испытывающие отвращение к себе и к миру, но неспособные участвовать в этой высшей вещи. Есть это неизмеримое и нетленное блаженство; но наше собственное бытие остается объектом воздействия низшей Природы удовольствия и боли, и тупых нейтральных ощущений, неспособным на его божественный восторг. Здесь есть то совершенное Знание и Воля; но наше собственное остается всегда искаженным ментальным знанием и хромающей волей, не способной разделить или хотя бы подстроиться к той природе Божества. Или еще, пока мы живем исключительно в экстатическом созерцании того видения, мы освобождаемся от себя; но как только мы вновь обращаем свое сознание к нашему собственному бытию, мы отпадаем от него, и оно исчезает или становится далеким и неосязаемым. Божественность оставляет нас; Видение исчезает; мы вновь возвращаемся к узости нашего ментального существования.

Этот разрыв необходимо как-то преодолеть. И здесь для ментального существа есть две возможности. Одна возможность — это подняться огромным, длительным, сосредоточенным, про все забывающим усилием из себя во Всевышнее. Но в этом усилии ум должен оставить свое сознание, исчезнуть в другом, и временно или навсегда потерять себя, если не совсем уничтожить. Он должен войти в транс Самадхи. По этой причине Раджа и другие системы Йоги придают наибольшее значение состоянию Самадхи, или Йогическому трансу, в котором ум отходит не только от своих обычных интересов и занятий, но в первую очередь от всякого сознания внешних действия чувства и бытия, а затем от всякого сознания внутренних ментальных действий. В этом своем внутренне собранном состоянии ментальное существо может иметь разные виды реализации Всевышнего в себе, или в разных аспектах, или на разных уровнях, но в идеале нужно избавиться от ума вообще и, выйдя за пределы ментальной реализации, войти в абсолютный транс, в котором всякий признак ума или низшего существования исчезает. Но это состояние сознания, которого немногие могут достичь, и из которого не все могут вернуться.

Очевидно, что раз умственное сознание есть единственное бодрствующее состояние, доступное ментальному существу, оно не может обычно входить в другие состояния, не оставив позади абсолютно все свое бодрствующее существование и весь свой внутренний ум. Это необходимое условие Йогического трансa. Но нельзя длительно пребывать в этом трансe; или даже если бы можно было оставаться в нем какое-то неопределенно длительное время, он всегда может быть прерван любым сильным или настойчивым зовом, обращенным к телесной жизни. И когда человек возвращается к ментальному сознанию, он снова оказывается в низшем бытии. Поэтому сказано, что полное освобождение от человеческого рождения, полное восхождение от жизни ментального существа вверх невозможно, пока тело и телесная жизнь не будут окончательно отброшены. Идеал, который стоит перед Йогином, следующим этому методу, — это отказ от всякого желания и от малейшего стремления человеческой жизни, от ментального

существования, отстраниться полностью от мира, и все чаще и чаще, все глубже и глубже входить в самое сосредоточенное состояние Самадхи, наконец, оставить тело, находясь в этом абсолютно внутренне собранном состоянии бытия, чтобы оно могло отойти в высшее Существование. И также по причине этой очевидной несовместимости ума и Духа так много религий и систем приходят к осуждению мира и стремлению только к небесам за пределами этой жизни, или к пустой Нирване, или к высшему неопределенному самосуществованию во Всевышнем.

Но что же при этих обстоятельствах человеческий разум, который ищет божественное, должен делать со своими моментами бодрствования? Ибо если они подчинены всем немощам смертной ментальности, если они открыты атакам печали, страха, гнева, страсти голода, жадности, желания, нерационально предполагать, что одной концентрацией ментального бытия в Йогическом транс, в тот момент, когда душа оставляет свое тело, она может безвозвратно перейти в высшее существование. Ибо нормальное сознание человека все еще подчинено тому, что Буддисты называют цепью или потоком Кармы; она все еще творит энергии, которые должны продолжаться и производить свое действие в течение жизни ментального существа, которое создает их. Или, если взглянуть с другой точки зрения, раз сознание является определяющим фактором, а не только телесное существование, которое есть только результат, то человек все же принадлежит к статусу человеческой, или, по крайней мере, ментальной активности, и это нельзя отменить фактом выхода из физического тела; избавиться от смертного тела еще не означает избавиться от смертного ума. Не достаточно и преобладающего отвращения к миру или антивиталического безразличия, или антипатии к материальному существованию; ибо все это тоже принадлежит к низшему ментальному статусу и активности. Высшее учение говорит, что даже желание освободиться, со всеми его ментальными сопутствующими обстоятельствами, должно быть превзойдено, прежде чем душа сможет совсем освободиться. Поэтому не только ум должен быть способен подниматься в сверхнормальных состояниях из себя в высшее сознание, но его бодрствующая ментальность также должна быть полностью одухотворена.

Это вносит вторую возможность, открытую для ментального существа; ибо если его первая возможность — подняться из себя на божественный супраментальный уровень бытия, то другая — призвать божественное вниз в себя, чтобы его ментальность превратилась в образ божественного, обожествилась или одухотворилась. Это может быть сделано, и прежде всего должно быть сделано, способностью ума отражать то, что он знает, соотносит со своим собственным сознанием, над чем размышляет. Ибо ум действительно является отражателем и средством выражения, и ни одно из его действий не берет начало само в себе, ни одно не существует *per se* [93](#). Обычно ум отражает состояние смертной природы и действия Силы, которая действует в обстоятельствах материальной вселенной. Но если он становится ясным, пассивным, чистым, путем отречения от этих действий, характерных идей и точки зрения ментальной природы, тогда, как в чистом зеркале, или как небо в чистой воде, по которой не пробегает рябь и которую не волнует ветер, в нем отражается божественное. Ум все еще не полностью владеет божественным или становится божественным, но Оно владеет им, или его лучезарное отражение [владеет им], до тех пор, пока он остается в своей чистой пассивности. Если же он становится активным, он снова впадает в беспокойства смертной природы и отражает их, а не божественное. По этой причине абсолютное успокоение и прекращение сначала всех внешних действий и, затем, всего внутреннего движения есть тот идеал, который обычно предлагается; здесь также, для того, кто идет путем знания, должен быть некий вид бодрствующего Самадхи. Какие бы действия ни были неизбежными, должна быть чисто поверхностная работа органов восприятия и механическое действие, в которых пребывающий в

покое ум не принимает, со временем, никакого участия, и от которого не ждет никаких результатов или выгоды.

Но этого недостаточно для интегральной Йоги. Должна состояться положительная трансформация, а не только отрицательная неподвижность бодрствующей ментальности. Превращение возможно, потому что, хотя божественные уровни выше ментального сознания, и для того, чтобы в них фактически войти, мы должны обычно потерять ментальное в Самадхи, но все же в ментальном бытии есть божественные уровни, которые выше нашей нормальной ментальности, и которые воспроизводят условия собственно божественных уровней, хотя и измененные условиями ментальности, преобладающими здесь. Все, что принадлежит опыту божественного уровня, может быть получено на них, но ментальным путем и в ментальной форме. К этим уровням божественной ментальности развитое человеческое существо может подняться в бодрствующем состоянии; или оно может извлечь из них поток влияний и опыта, которые, в конце концов, откроют ему себя и трансформируют к состоянию своей природы все его бодрствующее существование. Эти высшие ментальные состояния есть непосредственные источники, важные действенные инструменты, внутренние позиции [94](#) его совершенствования.

Но на пути к этим уровням, или в процессе опускания из них нас преследует ограниченность нашей ментальности. Во-первых, ум — закоренелый разделитель неразделимого, и вся его природа состоит в том, чтобы пребывать только на одной вещи, исключая другие, или выделять ее так, чтобы подчинить ей другие. Так, в отношении Сатчитананды он будет пребывать на его аспекте чистого существования, Сат, а сознание и блаженство тогда вынуждены будут потеряться или оставаться в покое, в переживании чистого, бесконечного бытия, которое ведет к реализации квиетистического Мониста. Или он остановится на аспекте сознания, Чит, а существование и блаженство становятся тогда зависимыми от опыта бесконечной трансцендентной Мощи и Сознания-Силы [95](#), что ведет к реализации Тантрического поклонника Энергии. Или он задержится на аспекте восторга, Ананды, а существование и сознание тогда как будто исчезают в блаженстве, оставшемся без фундамента самообладающего знания и основополагающего бытия, что ведет к реализации Буддистского искателя Нирваны. Или он будет пребывать на некотором аспекте Сатчитананды, который приходит на ум из супраментального Знания, Воли или Любви, и тогда бесконечный безличный аспект Сатчитананды почти или совсем теряется в переживании Божества, что ведет к реализации различных религий и к овладению неким небесным миром или божественным статусом человеческой души по отношению к Боту. А для тех, чья цель — уйти куда угодно из космического существования, этого достаточно, так как они способны путем проникновения ума в любой из этих принципов или аспектов, или захвата его, добиться, посредством достижения их ментальностью соответствующего состояния на божественных уровнях, или посредством спуска этих уровней в свое бодрствующее состояние, этого желанного перехода.

Но Садхака интегральной Йоги должен все это гармонизировать, чтобы эти аспекты могли составить полномочное и равноправное единство полной реализации Сатчитананды. Здесь он встречает последнюю трудность для ума, его неспособность удержать одновременно и единство, и множественность. В конце концов, не так уж трудно достичь и пребывать в чистом бесконечном или, даже, в то же самое время, в совершенном глобальном переживании Существования, которое есть Сознание, и которое есть Восторг. Ум может даже простираť свой опыт Единства до множественности, чтобы постичь его имманентным — во вселенной и в каждом объекте, силе, движении во вселенной или, в то же время, ощущать это Существование-Сознание-Блаженство, содержащее вселенную и охватывающее все ее объекты, и дающее начало всем ее движениям. В действительности трудно для него — объединить и правильно сочетать весь этот опыт; но все же он может владеть Сатчитанандой одновременно в себе и имманентно

во всем, и как содержащее все. Но при этом соединить конечное переживание всего этого, как Сатчитананду, и владеть объектами, движениями, силами, формами, как Им, — это самая большая трудность для ума. Отдельно любую из этих вещей он может сделать; ум может идти от одной к другой, отвергая одну, как только приблизится к другой, и называя это низшим, а то высшим опытом. Но объединить без потерь, интегрировать, не отвергая, есть высочайшая трудность.

92. outgoing and incoming

93. per se — само по себе, непосредственно (*лат.*)

94. В Ведах их называют по-разному — сидения, дома, помещения или статусы, основания, земли, места пребывания, *sadas, grha* или *ksaya, dhama, padam, bhumi, ksiti*.

95. transcendent Power and Conscious-Force

ЗАТРУДНЕНИЕ, которое испытывает ментальное существо при интегральном постижении истинного бытия и мирового бытия, может быть разрешено, если оно будет следовать одному или другому из двух разных направлений своего саморазвития. Оно может развиваться от уровня к уровню своего бытия, и на каждом из них последовательно постигать свое единство с миром и с Сатчитанандой, узнаваемым как Пуруша и Пракрити, Сознательная Душа и Душа Природы [96](#) данного уровня, вбирая в себя деятельность низших уровней бытия, по мере того, как оно поднимается. Оно может, так сказать, выработать, путем некоего объемлющего процесса саморасширения и преобразования, эволюцию человека материального в божественного, или духовного, человека. По-видимому, таков был метод самых древних мудрецов, о которых мы можем получить какой-то намек в Ригведе и некоторых Упанишадах [97](#). С другой стороны, оно может непосредственно нацелиться на реализацию чистого самосуществования на высшем уровне ментального бытия и, находясь на этой безопасной основе, духовно постигать, в соответствии с его ментальностью, процесс, при помощи которого самосуществование становится всем существованием, но без того, чтобы спуститься в саморазделяющее эгоистичное сознание, которое является характерным обстоятельством развития в Невежестве. Будучи отождествлено таким образом с Сатчитанандой в мировом самосуществовании в качестве одухотворенного Ментального существа, оно может затем подняться к супраментальному плану чистого духовного существования. Мы теперь попытаемся проследить стадии последнего метода для того, кто ищет на пути знания.

После того, как Садхака изучил дисциплину отречения от различных отождествлений я с эго, с умом, жизнью, телом, он приходит к реализации через знание чистого, спокойного, самосознающего существования, единого, неделимого, мирного, пассивного, непоколебленного активностью мира. Единственные отношения, которые это Я, по-видимому, имеет с миром, это отношения незаинтересованного Свидетеля, который ни в какой мере не вовлечен и не находится под влиянием, и даже не затронут любым из его действий. Если продолжить это состояние сознания, становится очевидным Я еще более отдаленное от существования мира; все, что есть в мире, в некотором смысле находится в этом Я, и в то же время чуждо его сознанию, не существует в его существовании, существуя только как бы в своего рода нереальном разуме, — и потому как сон, как иллюзия. Это равнодушное и трансцендентное Реальное Существование можно познать как абсолютное Я нашего собственного бытия; или же сама идея я и своего бытия может быть поглощена в этом, так что становится для ума неизвестным Тем, неизвестным ментальному сознанию и без какой-либо возможности связи или отношения к мировому существованию. Оно даже может постигаться ментальным существом как Нигил, Несуществование или Пустота, но Пустота, содержащая все, что есть в мире, Несуществование всего, что есть в мире, и в то же время единственная Реальность. Если следовать дальше к этой Трансцендентности путем сосредоточения на этом своего существа, то это приводит к полной потере ментального существования и мирового существования, к тому, что человек бросается в Непознаваемое.

Интегральная Йога Знания требует вместо этого божественного возвращения в мировое существование, и первым шагом должно быть познание Я как Всего, *sarvam brahma*. Во-первых, сосредоточившись на Самосуществующем, мы должны реализовать все, что ум и чувства сознают как представление вещей, существующих в этом чистом Я, которым мы теперь являемся, в нашем сознании. Это видение чистого Я представляется чувству ума и восприятию

ума [98](#) бесконечной Реальностью, в которой все существует только как имя и форма, не как нереальность, не как галлюцинация или сон, но все же только как творение сознания, перцептуальное и едва осязаемое, а не вещественное. При таком состоянии сознания все кажется если не сном, то очень похожим на представление или кукольный спектакль, происходящий в молчаливом, неподвижном, спокойном, безразличном Я. Наше собственное феноменальное существование является частью этого концептуального движения, механической формой ума и тела среди других форм, мы сами являемся именем существа среди других имен, автоматически движущимися в этом Я с его всеобъемлющим тихим самосознанием. На этой стадии нашей реализации активное сознание мира не представлено, потому что мышление успокоено в нас, и поэтому наше собственное сознание совершенно приглушено и бездейственно — что бы мы ни делали, все кажется чисто механическим, не вызванным сознательно нашей активной волей и знанием. И даже когда возникает мысль, то это тоже происходит механически, как все остальное, как движение нашего тела, движимого невидимыми пружинами Природы, как в растениях и элементах, а не вследствие какой-либо активной воли нашего самосуществования. Ибо это Я является недвижимым, не порождает движения от и не участвует в движении, которое оно допускает. Это Я есть Все только в том смысле, что оно является бесконечным Единым, который неизменен и содержит все имена и формы.

В основе этого статуса сознания находится исключительная реализация умом чистого самосуществования, при котором сознание находится в покое, бездействии, очень сосредоточено на чистом самоощущении бытия, не активно и не производит какого-либо рода становления. Его аспект знания находится в покое, в осознании неразличимого тождества; его аспект силы и воли находится в покое в осознании немодифицируемой неизменности. И в то же время оно осознает имена и формы, оно осознает движение; но кажется, что это движение не исходит из Я, а происходит вследствие какой-то внутренней собственной силы и только отражается в Я. Иными словами, ментальное существо отстранило от себя, путем исключительного сосредоточения, динамический аспект сознания, нашло приют в статичном, и воздвигло стену некоммуникации между этими двумя; между пассивным и активным Брахманом создана пропасть, и они стоят по обе ее стороны, видят друг друга, но между ними нет ни контакта, ни дружественного соприкосновения, ни чувства единства. Поэтому пассивному Я все сознательное бытие кажется пассивным по своей природе, всякая активность кажется несознательной и механической (*jada*) в своем движении. Реализация этого статуса является основой древней философии Санкхья, которая учит, что Пуруша или Сознательная Душа — пассивная, бездействующая, неизменная сущность, Пракрити или Душа Природы, включающая даже ум и понимание — активная, изменяемая, механическая, но отраженная в Пуруше, который отождествляет себя с тем, что в нем отражено, и сообщает этому свой собственный свет сознания. Когда Пуруша научится не идентифицировать себя, тогда Пракрити начинает отходить от своего импульса движения и возвращается к равновесию и покою. Ведантические воззрения на этот статус приводят к философии, которая считает, что бездейственное Я или Брахман являются единственной реальностью, а все остальное есть имя и форма, навязанные ему ложной активностью ментальной иллюзии, которую необходимо устранить с помощью правильного знания неизменного Я и отказа от того, что было навязано [99](#). Эти два воззрения расходятся в действительности только по языку и точке зрения; в сущности это одинаковые интеллектуальные обобщения, исходящие из одинакового духовного опыта.

Если мы остановимся на этом, то возможны только два подхода к вселенной. Либо мы остаемся только пассивными свидетелями мировой игры, либо действуем в ней механически, без какого-либо участия сознательного я и только путем игры органов чувств и моторного действия [100](#). Если мы выбираем первое, то должны приблизиться как можно полнее к

неактивности пассивного и безмолвного Брахмана. Мы успокоили свой ум и приостановили активность мысли и тревоги сердца, мы пришли к полному внутреннему покою и безразличию; теперь мы пытаемся остановить механическую активность жизни и тела, свести ее к возможному минимуму, так чтобы она в конце концов остановилась полностью и навсегда. Эта конечная цель аскетической Йоги, которая отвергает жизнь, совершенно очевидно не является нашей целью. Выбрав второе, мы можем иметь активность, достаточно совершенную внешне, при одновременной совершенной внутренней пассивности, умиротворении, ментальной тишине, безразличии, приостановлении эмоций, отсутствии волевого выбора.

Обычному уму это кажется невозможным. Как, эмоционально, он не может представить себе активность без желаний и эмоциональных предпочтений, так интеллектуально он не может себе представить активность без мысленной концепции, сознательного мотива и побуждающей воли. Однако, фактически мы видим, что значительная часть нашей собственной активности, как и всей активности неодушевленной и простой одушевленной жизни, совершается в результате механического импульса и движения, в котором эти элементы, по крайней мере открыто, не участвуют. Можно сказать, что это относится только к чисто физической и виталической активности, а не к тем движениям, которые обычно зависят от функционирования концептуального и волевого ума — таких, как речь, письмо и вся интеллектуальная деятельность человеческой жизни. Но это, как мы обнаруживаем, опять же неверно, когда мы оказываемся в состоянии заглянуть за привычный и нормальный процесс нашей ментальной природы. Последние психологические эксперименты показали, что все эти операции возможны без сознательного зарождения в мыслях и воле видимого исполнителя; его органы чувств и действий, включая речь, становятся пассивными орудиями для иной мысли и воли, чем его собственная.

Безусловно, за каждым разумным действием должна стоять разумная воля, но это не обязательно интеллект или воля сознательного ума исполнителя. В психологических феноменах, о которых я говорил, очевидно, что в некоторых случаях воля и разум других человеческих существ используют эти органы, в других — сомнительно, является ли это влиянием или побуждением других существ, или проявлением подсознательного ума, или же смешанной комбинацией обоих этих факторов. Но в данном Йогическом состоянии действия только органами, *kevalair indriyaih*, мировой разум и воля самой Природы действуют из центров сверхсознательных и подсознательных, также как она действует в механических целенаправленных энергиях растительной жизни и неодушевленных материальных формах, но здесь при помощи живого инструмента, который является сознательным свидетелем действия и способа исполнения. Знаменательным фактом является то, что речь, письмо и другие разумные действия в этом состоянии могут передавать превосходную силу мысли, просветленную, безошибочную, логичную, вдохновенную, прекрасно использующую средства для достижения цели, значительно выходя за пределы того, что человек мог бы сделать в своем старом нормальном состоянии ума, воли и возможностей, в то же время он сам понимает, но не обдумывает мысль, которая приходит на ум, наблюдает ее работу, но не присваивает ее, и не использует волю, которая действует через него, является свидетелем, но не признает своими те силы, которые играют в мире через него, как через пассивный канал. Однако этот феномен, в действительности, не является ненормальным или противоречащим общему закону вещей. Ибо разве мы не видим прекрасную работу тайной мировой Воли и Разума [101](#) в кажущейся неодушевленной (*jada*) деятельности материальной Природы? И именно эта мировая Воля и Разум действуют таким образом через спокойного, безразличного и внутренне молчащего Йогина, который не создает препятствий в виде ограниченной и невежественной личной воли и интеллекта для их действий. Он пребывает в безмолвном Я; он дает возможность активному

Брахману действовать через его естественные инструменты, принимая беспристрастно, без участия, построения его мировой силы и знания.

Этот статус внутренней пассивности и внешнего действия, независимых друг от друга, является статусом полной духовной свободы. Йогин, как говорит Гита, даже действуя, не производит действий, ибо это работает не он, а мировая Природа, направляемая Господином Природы. Он не связан своими трудами, и они не оказывают какого-либо последующего влияния и не оставляют последствия в его уме, а также не прикасаются к его душе, не оставляя на ней следа [102](#); они растворяются [103](#) и исчезают в результате самого их осуществления, и не оказывают влияния на неизменное я и не изменяют душу. Поэтому, казалось бы, это и есть то положение, которое должна занять возвышенная душа, если она все еще должна сохранять какие-либо отношения с человеческой активностью в мировом существовании, неизменное молчание, спокойствие, внутреннюю пассивность, внешнюю активность, регулируемую Мировой Волей и Мудростью, [душа,] которая действует, как говорит Гита, не будучи вовлечена, связана или привязана к своим трудам. И, конечно, это положение совершенной активности, основанной на совершенной внутренней пассивности, является тем, что должен иметь Йогин, как мы уже видели в Йоге Трудов. Но здесь, в этом состоянии самопознания, к которому мы пришли, очевидно, отсутствует интегральность; ибо все еще существует пропасть, нереализованное единство или трещина сознания между пассивным и активным Брахманом. Мы все еще должны овладеть активным Брахманом, не теряя при этом обладания безмолвным Я. Мы должны сохранить внутреннее безмолвие, спокойствие, пассивность как основу; но вместо отстраненного безразличия к трудам активного Брахмана мы должны добиться ровного и беспристрастного восторга в них; вместо отказа от участия из опасения потерять свою свободу и покой, мы должны добиться сознательного овладения активным Брахманом, чья радость существования не отменяет Его покоя и Его господства над всеми трудами, не мешает Его спокойной свободе среди Его трудов.

Трудность создается исключительной концентрацией ментального существа на его уровне чистого существования, в которой сознание покоится в своей пассивности, а восторг существования возлежит в покое существования. Оно должно охватывать также свой уровень сознательной силы существования, на котором сознание активно, как сила и воля, а восторг активен как радость существования. Здесь трудность состоит в том, что ум может низвергнуть себя в сознание Силы, вместо того чтобы овладеть им. Крайнее ментальное состояние низвержения в Природу — это состояние обычного человека, который принимает свою телесную и виталическую активность, и движения ума, зависимые от них, за все свое существование, и рассматривает любую пассивность души как отход от существования и приближение к недействительности [104](#). Он живет на поверхности активного Брахмана, и, в то время как для безмолвной души, исключительно сосредоточенной в пассивном я, все действия есть лишь имена и формы, для него они являются единственной реальностью, а Я — лишь просто именем. В одном случае пассивный Брахман стоит в стороне от активного и не разделяет его сознания; в другом — активный Брахман стоит в стороне от пассивного и не разделяет его сознания, и полностью не владеет своим собственным. Один для другого, в этих условиях замкнутости, является или инерцией статуса, или инерцией механически активного невладения своим я, если не вообще нереальностью. Но Садхака, который однажды твердо усвоил суть вещей и в должной степени ощутил покой безмолвного Я, вряд ли удовлетворится каким-либо состоянием, предполагающим утрату знания себя или принесение в жертву покоя души. Он не низвергается обратно в чисто индивидуальное движение ума, жизни и тела со всем его невежеством, и грязью, и беспокойством. Какие бы новые статусы он ни приобрел, он удовлетворится только тем, что основано на том и включает то, что он уже оценил как

необходимое для истинного самопознания, самовосторга и самообладания.

Все же есть вероятность частичного, поверхностного и временного возврата в старое ментальное движение, когда он снова пытается связать себя с активностью мира. Чтобы избежать этого возврата или исправить дело, когда это произойдет, он должен твердо придерживаться истины Сатчитананды, расширять свою реализацию бесконечного Единого до движения бесконечной множественности. Он должен сосредоточиться и реализовать единого Брахмана во всех вещах, как сознательную силу бытия, так же как и чистое осознание сознательного бытия. Я как Все, — не только в уникальной сути вещей, но в многообразной форме вещей, не только как содержащее все в трансцендентном сознании, но и становящееся всем с помощью устанавливающего сознания, — это его следующий шаг к истинному овладению существованием. Пропорционально достижению этой реализации, статус сознания, также как и ментальный взгляд, соответствующий ему, будет меняться. Вместо неизменяемого Я, содержащего имя и форму, содержащего, но не принимающего участия в мутациях Природы, появится сознание Я неизменяемого по сути, неизменного в своем фундаментальном равновесии, но составляющего и становящегося в своем опыте всеми этими существованиями, которые ум различает как имя и форму. Все формирования ума и тела будут не просто фигурами, отражающимися в Пуруше, а настоящими формами, для которых Брахман, Я, сознательное Бытие — это субстанция и, таким образом, материал их формации. Имя, соединенное с формой, не будет просто концепцией ума, не отвечающей какому-либо реальному опыту, носящему это имя, но за ним будет истинная сила сознательного бытия, истинный самоопыт Брахмана, отвечающий чему-то, что он содержал потенциально, но не проявлено, в своем безмолвии. И все же во всех своих мутациях он будет реализован как единый, свободный, и находящийся над ними. Реализация единственной Реальности, которой навязываются имена и формы, уступит место реализации реальности вечного Бытия, бросающего себя в бесконечное становление. Все существования будут для сознания Йогина не просто формами-идеями Я, но формами души себя самого, едиными с ним, содержащимися в его вселенском существовании. Вся жизнь души, ментальное, виталическое, телесное существование всего, что существует, будет для него одним неделимым движением и активностью Бытия, которое всегда одно и то же. Я будет реализовано как все в его двойном аспекте неизменяемого статуса и изменяемой активности, и именно это будет рассматриваться как всеобщая истина нашего существования.

96. Conscious-Soul and Nature-Soul

97. Особенно, в Тайттирия Упанишаде (Прим. Шри Ауробиндо)

98. to the mind-sense and the mind-perception

99. adhyaropa

100. kevalair indriyaih. Гита (Прим. Шри Ауробиндо)

101. Intelligence

102. na karma lipyate nare. Иша Упанишада. (Прим. Шри Ауробиндо)

103. praviliyante karmani. Гита. (Прим. Шри Ауробиндо)

104. nullity

РЕАЛИЗАЦИЯ активного Брахмана и единение с ним автоматически означают замену, совершенную или несовершенную, в зависимости от степени единения — полного или частичного, индивидуального сознания на космическое. Обычное существование человека связано не только с индивидуальным сознанием, но и с эгоистическим сознанием; это, так сказать, индивидуальная душа, или Дживатман, отождествляет себя со сложным сплетением своего умственного, виталического, физического опыта в процессе движения мировой Природы, с его мысленно созданным эго и, не так близко, с умом, жизнью, телом, которые получают этот опыт; ибо о них он может сказать "мой ум, моя жизнь, мое тело", рассматривая их как самого себя, хотя в то же время частично и не как самого себя, а как то, чем он обладает и пользуется, но о своем эго он говорит "Это я". Отрываясь от отождествления себя с умом, жизнью и телом, он может вернуться от своего эго к сознанию истинного Индивидуума, Дживатмана, который является реальным обладателем ума, жизни и тела. Оглядываясь назад от этого индивидуума к тому, что он представляет и сознательным образом чего является, он может прийти до трансцендентного сознания чистого Я, абсолютного Существования или абсолютного Небытия, трех состояний одной и той же вечной Реальности. Однако, между движением мировой Природы и этим трансцендентным Существованием, которое владеет единым и космическим Я первой, находится космическое сознание, мировой Пуруша, для которого вся Природа есть Пракрити, или активная сознательная Сила. К этому можно прийти, стать этим, путем разрушения перегородок эго, так сказать, сбоку, отождествляя себя со всеми существованиями в Едином, либо сверху, путем осознания чистого Я, или абсолютного Существования, в его исходящем, имманентном, всеобъемлющем, всесоставляющем знании себя и самотворящей силе.

Основание космического сознания наиболее легко может быть заложено ментальным существом в качестве имманентного безмолвного Я во всем, чистого и вездесущего Свидетеля, который рассматривает всю активность мира как Сознательную Душу космоса, Сатчитананду, для восторга которого мировая Природа демонстрирует нескончаемую последовательность своих трудов. Мы ощущаем нетронутый Восторг, чистое и совершенное Присутствие, безграничную и самодостаточную Силу, присутствующие в нас и во всех вещах, не разделенные их границами, не подверженные стрессу и борьбе космических проявлений, во всем и в то же время выше всего. Благодаря им все это существует, но они существуют не благодаря всему этому; они слишком велики, чтобы движение во Времени и Пространстве, которое они несут в себе и которое поддерживают, могло их ограничить. Такая основа позволяет нам в безопасности божественного существования владеть всей вселенной в своем существе. Мы больше не ограничены и не замкнуты тем, в чем мы обитаем, но подобно Божественному несем в себе все то, в чем мы согласны обитать для целей, преследуемых движением Природы. Мы не ум, не жизнь, не тело, а дающая форму и поддерживающая Душа, безмолвная, спокойная, вечная, которая владеет ими; и эту душу мы находим везде, дающую форму, поддерживающую и владеющую всеми жизнями, умами и телами, и перестаем смотреть на нее как на отдельное и индивидуальное бытие в нас самих. В ней все это движется и действует; во всем этом она вечна и неизменна. Имея это, мы владеем своим вечным самосуществованием, покоящимся в своем вечном сознании и блаженстве.

Затем нам надо осознать это безмолвное Я как Господина всей деятельности мировой Природы, того же Самосуществующего, проявленного в творческой силе его вечного сознания. Вся эта деятельность — только Его сила, и знание, и самонаслаждение, действующие в широте

Его безграничного бытия, чтобы осуществлять работу Его вечной мудрости и воли. Мы осознаем Божество, вечное Я, сначала как источник всей деятельности и бездеятельности, всего знания и невежества, всего наслаждения и страдания, всего добра и зла, совершенного и несовершенного, всей силы и формы, всего нисхождения Природы из вечного божественного Принципа и возвращения Природы к Божеству. Затем мы осознаем его, как движущегося повсюду в своей Силе и Знании — ибо Сила и Знание и есть он сам — не только источник их творчества, но и создатель и свершитель их работы, единый во всех существованиях; ибо множество душ вселенского проявления есть только лица одного Божества, множество умов, жизней, тел есть только Его маски и облики.

Мы рассматриваем каждое существо как вселенского Нарайану, предстающего нам во многих лицах; мы теряем себя в нем и рассматриваем свой ум, жизнь и тело только как одно из проявлений Я, и все, кого мы раньше рассматривали как других, теперь в нашем сознании являются нашим я в других умах, жизнях и телах. Вся сила, идеи и события, и облик вещей во всем мире есть лишь проявляющиеся степени этого Я, значения Божественного в Его бесконечном самовыражении. Если рассматривать таким образом вещи и существа, мы можем увидеть их, прежде всего, как части Его многообразного существования, однако реализация и знание не будут полными, если мы ограничимся идеей качества, пространства и разделения, и не увидим Бесконечное повсюду, мир и каждую вещь в мире, как существующие в его бытии, скрытом сознании, силе и радости, неделимое Божество в его целостности, невзирая на то, что облик, который оно принимает в нашем уме, может выглядеть только как частное проявление. Овладев таким образом Божеством, как молчаливым и непревзойденным Свидетелем и действующим Господином, и всеобъемлющим Существом, не разделяя эти аспекты, мы обладаем всем космическим Божеством, охватываем все мировое Я и Реальность, пробуждены для космического сознания.

Каково отношение нашего индивидуального существования с космическим сознанием, которым мы овладели? Ибо, поскольку мы все же имеем ум, тело и человеческую жизнь, наше индивидуальное существование продолжается, несмотря на то, что наше отдельное индивидуальное сознание было превзойдено. Вполне можно реализовать космическое сознание, не становясь им, так сказать, видеть его душой, ощущать его и пребывать в нем, соединиться с ним, не становясь с ним единым целым, одним словом, сохранить индивидуальное сознание Дживатмана в космическом сознании мирового Я. Можно сохранить определенное различие между этими двумя сознаниями и наслаждаться их отношениями; мы можем сохранить индивидуальное Я, в то же время разделяя блаженство и бесконечность мирового Я; или можно иметь оба, как большее и меньшее я, одно изливающееся в мировой игре божественного сознания и силы, другое как действие того же мирового Бытия через наш индивидуальный душевный центр, или форму души, ради индивидуальной игры ума, жизни и тела. Однако вершиной реализации через знание всегда является способность растворить личность во всемирном бытии, поглотить индивидуум космическим сознанием, высвободить даже форму души в единство и универсальность Духа. Это *laya*, растворение, или *moksa*, освобождение, к которому стремится Йога Знания. Это может доходить, как в традиционной Йоге, и до растворения ума, жизни и тела в безмолвном Я или абсолютном Существовании; но сущность освобождения есть поглощение индивидуального Бесконечным. Цель достигнута, когда Йогин больше не ощущает себя сознанием, помещенным в теле и ограниченным умом, но теряет чувство разделения в безграничности бесконечного сознания. Впоследствии сохранение или несохранение человеческой жизни не имеет существенного значения, ибо это всегда бесформенный Единый, который проявляется через свое многообразие форм ума, жизни и тела, и каждая душа есть только одно из местонахождений, которые он выбирает, чтобы наблюдать,

получать, и приводить в действие свою собственную игру.

То, с чем мы сливаемся в космическом сознании, есть Сатчитананда. Это то самое единое вечное Существование, которым мы становимся, единое вечное Сознание, которое видит в нас и других свои творения; единая Воля или Сила этого Сознания, которая проявляется в бесконечной деятельности, тот единый вечный Восторг, который радуется себе и своим творениям — будучи стабильно, неизменно во времени и пространстве, выше всего и само неподвижно в бесконечности своих трудов, не меняющееся от их варьирования, не разбитое от их многочисленности, не увеличивающееся и не уменьшающееся от их приливов и отливов в морях Времени и Пространства, не смущающееся их видимыми противоречиями и неограниченными их ограничениями. Сатчитананда — это единство многосторонности явленных вещей, вечная гармония всех их вариаций и оппозиций, бесконечное совершенство, которое оправдывает все их ограничения и является целью для их несовершенства [105](#).

Очевидно, что пребывание в этом космическом сознании приведет к коренному изменению всего нашего опыта и оценки всего сущего в мире. Как индивидуальные это мы пребываем в Невежестве и судим обо всем в соответствии со своими раздробленными, частичными и необъективными личными представлениями; мы воспринимаем все в соответствии с возможностями ограниченного сознания и силы, и поэтому не способны на божественную реакцию и на правильную оценку какой-либо части космического опыта. Мы испытываем ограниченность, слабость, немощь, печаль, боль, борьбу и противоположные этим вещи или эмоции, как противоположности в вечной двойственности, но не в вечности абсолютного добра и счастья. Мы живем частичками опыта, и судим о каждой вещи в отдельности и о целом, руководствуясь своими частичными ценностями. Когда мы пытаемся выработать абсолютные ценности, то только приспособляем какое-нибудь частичное понятие к всеобщности божественных творений; мы делаем вид, что наши дроби есть целые, и пытаемся вторгаться своими односторонними понятиями во всеобщность всевидения Божества [106](#).

Входя в космическое сознание, мы участвуем в этом всевидении и понимаем все в терминах Бесконечного и Единого. Сама ограниченность и само невежество изменяют для нас свое значение. Невежество превращается в особое действие божественного знания, сила и слабость, и неспособность — в свободное проявление и сдерживание различных степеней божественной Силы, радость и печаль, удовольствие и боль превращаются в овладение и претерпевание божественного восторга, борьба — в уравнивание сил и ценностей в божественной гармонии. Мы больше не испытываем ограниченности своего ума, жизни и тела; ибо мы уже обитаем не в них, а в безграничности Духа, и все это мы видим в истинном значении, месте и предназначении, как степени проявления высшего бытия, сознательной силы и восторга Сатчитананды, когда Он то скрывается, то обнаруживает Себя в космосе. Мы перестаем судить о людях и вещах по их внешнему виду и освобождаемся от враждебных и противоречивых понятий и эмоций; ибо мы видим душу, мы ищем и находим Божество в каждой вещи и создании, и все остальное имеет второстепенное значение для нас при тех отношениях, которые для нас теперь существуют только как самопроявление Божества, и не имеют абсолютной ценности сами по себе. Таким образом, никакое событие не может вывести нас из состояния покоя, поскольку разница между счастливыми и несчастными, благоприятными и неблагоприятными событиями теряет силу, и все видится в его божественной ценности и божественной цели. Так мы приходим к полному освобождению и бесконечной ровности. Об этом завершении говорится в Упанишадах: "Он, в ком я, охватывает все сущее, как может он заблуждаться, откуда может быть у него печаль, ибо он знает все [107](#) и видит во всех вещах единое".

Но это возможно только при совершенстве космического сознания, что трудно доступно для ментального существа. Когда ментальность приходит к идее или реализации Духа, Божества,

оно пытается разделить существование на две противоположные половины, низшее и высшее существование. На одной стороне оно видит Бесконечное, Бесформенное, Единое, Мир и Блаженство, Покой и Тишину, Абсолютное, Простор и Чистоту; на другой стороне — конечное, мир форм, противоречивое множество, борьбу и страдание, а также несовершенное, нереальное добро, мучительную активность и тщетный успех, все относительное, ограниченное, суету и грязь. Для тех, кто, делает такое разделение, такое противоречие, полная свобода достижима только в покое Единого, в бесформенности Бесконечного, в небытии Абсолютного, что является для них единственным реальным бытием; чтобы освободиться, необходимо устранить все значения, и не только превзойти все ограничения, но и уничтожить их. Они обладают свободой божественного покоя, но не свободой божественной деятельности; они наслаждаются миром Трансцендентного, но не космическим блаженством Трансцендентного. Их свобода покоится на неучастии в космическом движении, она не может влиять и обладать космическим существованием. Однако, они могут также иметь реализацию и быть причастны не только к трансцендентному, но и к имманентному покою. И все же разделение не устранено. Свобода, которой они наслаждаются, это свобода бездействующего, безмолвного Свидетеля, это не свобода божественного Владыки сознания, который владеет всем, радуется всему, помещает себя во все формы сущего, не боясь неудач, потерь, зависимости или нечистоты. Еще нет владения всеми правами духа; еще есть отказ, ограничение, непринятие полного единства всего сущего. Действия Ума, Жизни, Тела наблюдаются из мира и покоя духовных уровней ментального бытия, и наполнены этим миром и покоем; они не принадлежат и не подчинены закону вседвляющего Духа.

Вот когда ментальное существо закрепляется на своих собственных духовных уровнях, на ментальных уровнях Сат, Чит, Ананды, и посылает их свет и восторг на низший уровень существования. Однако можно пытаться достичь некоего рода космического сознания, обитая на низших уровнях, сбоку, как мы уже говорили, разрушая их ограниченность и призывая на них свет и величие высшего существования. Не только Дух един, но и Ум, Жизнь, Материя едины. Существует один космический Ум, одна космическая Жизнь, одно космическое Тело. Все попытки человека добиться всемирного сочувствия, всемирной любви и понимания, и знания внутренней души других существований, это попытки истончить, пробить и, наконец, разрушить барьеры эго путем расширения ума и сердца, и приблизиться к космическому единству. И если мы сможем прикоснуться к Духу через ум и сердце, добиться мощного вторжения Божественного в низшую человеческую природу и изменить свою натуру при помощи любви, мирового восторга, единения ума с Природой и всеми существами так, чтобы она была отражением божественной, тогда нам удастся сломать преграды. Даже наши тела не являются отдельно существующими организмами, поэтому даже наше физическое сознание способно сливаться с физическим сознанием других и космоса. Йогин способен чувствовать единство своего тела со всеми телами, он может чувствовать и даже принимать участие в их телесных ощущениях; он постоянно ощущает единство всей Материи, и свое физическое существование — как часть общего движения Материи [108](#). Еще более он в состоянии постоянно и нормально ощущать все море безграничной жизни в качестве своего истинного виталического существования, а свою индивидуальную жизнь — лишь волной в этом безграничном море. Еще легче ему соединиться мысленно и в сердце со всем сущим, и чувствовать их желания, борьбу, радости и горести, мысли, импульсы, как если бы все это было его собственным, или, по крайней мере, как если бы это происходило с его большим я, не в меньшей степени или в такой же степени глубоко, как движения его собственных сердца и ума. Это также реализация космического сознания.

Может даже показаться, что это и есть величайшее единение, поскольку оно принимает все,

что мы в состоянии ощутить в созданном умом мире, как наше собственное. Иногда можно видеть, как об этом говорят, как о самом большом достижении. Безусловно, это большая реализация и путь к еще большей. Об этом Гита говорит, как о признании всего сущего своим я, будь то в горе или в радости; это путь благосклонного единения и безграничного сострадания, на котором Буддист достигает своей Нирваны. Тем не менее существуют разные степени и градации. На первой стадии душа еще подвержена реакциям дуализма и, таким образом, все еще подчинена низшей Пракрити; ее угнетает и ей причиняет боль космическое страдание, ее приводит в ликование космическая радость. Мы испытываем радости и страдания других, и это единение может быть перенесено и на тело, об этом говорится в сказании об индийском святом, который, увидев, как мучает жестокий хозяин в поле своего вола, завопил от боли, которую испытал вол, и на теле святого отпечатались рубцы от плети. Но должно существовать единение в свободе Сатчитананды, так же как и подчинение низшего бытия реакциям Пракрити. Это достигается, когда душа свободна и стоит выше космических реакций, которые уже воспринимаются в жизни, умом и телом как малозначительные движения; душа понимает, принимает, симпатизирует, но это ее не обременяет и не влияет на нее, так что даже ум и тело учатся воспринимать не обременяя себя, не переживая, будучи затронутыми только поверхностно. Завершением этого движения является соединение двух сфер существования, а ум, жизнь и тело вырастают в свободу духа из низшей и невежественной реакции на соприкосновение с космосом, и подчинение дуализму исчезает. Это не бесчувственность к борьбе и страданиям других, но это духовное совершенство и свобода, что позволяет понимать совершенно, правильно оценивать вещи, и излечивать сверху вместо того, чтобы бороться внизу. Это не запрет на божественное сочувствие и помощь, но запрет на горе и страдания человека и животных.

Связь между духовным и более низкими уровнями ментального существования в старой Ведантистской фразеологии называется *vijñāna*, мы можем это называть уровнем Истины [109](#) или идеальным умом, или сверхразумом, где встречаются Единый и Многие, и наше бытие открыто появляющемуся свету божественной Истины и вдохновению божественной Воли и Знания. Если нам удастся пробиться через завесу интеллектуального, эмоционального, чувственного ума, которую воздвигло наше обычное существование между нами и Божеством, то мы сумеем поднять через Истинный ум весь наш ментальный, виталический и физический опыт, и предложить его духовному — таков секрет или мистический смысл старой Ведической "жертвы" — для того, чтобы они были преобразованы в отношения бесконечной истины Сатчитананды и мы можем обрести силы и прозрение бесконечного Существования в виде божественного знания, воли и восторга, которые снизойдут в наш ум, виталическое, физическое существование, пока низшее не трансформируется в совершенный сосуд высшего. Такого двустороннее Ведическое движение — боги спускаются и рождаются в человеческом существе, и восхождение человеческих сил, борющихся за божественное знание, силу и восторг, возносящихся до божества, результатом чего было овладение Единым, Бесконечным, блаженное существование, соединение с Богом, Бессмертие. Поднявшись на этот идеальный уровень и обладая им, мы полностью освобождаемся от противостояния низшего и высшего бытия, от пропасти, созданной Невежеством между конечным и Бесконечным, Богом и Природой, Единым и Многими, открываем врата Божественного, индивидуальное осуществляется в полной гармонии космического сознания и реализует в космическом бытии явление [110](#) трансцендентного Сатчитананды.

105. is the goal of their imperfections

106. the catholicity of the all-vision of the Divine

107. vijanatah. Виджняна это значение Одного и Многого, с помощью которого Многое видится в терминах Одного, в бесконечной объединяющей Истине, Праве, Обширности божественного существования. (Прим. Шри Ауробиндо)

108. jagatyam jagat. Иша Упанишада. (Прим. Шри Ауробиндо)

109. the Truth-plane

110. the epiphany

КОГДА, таким образом, путем отказа от отождествления центра сознания с умом, с жизнью и телом, познается истинное я, познается единство этого я с чистым, безмолвным, неизменным Брахманом, познается в неизменном, в Акшара Брахмане, то, при помощи чего индивидуум освобождается от собственной личности и переходит в безличное, тогда завершено первое движение Стези Знания. Это единственное, что абсолютно необходимо для традиционной цели Йоги Знания, для погружения, для ухода от космического существования, для высвобождения к абсолютному и невыразимому Парабрахману, находящемуся за пределами всего космического существования. Ищущий полного освобождения может на своем пути обрести другие реализации — Господина вселенной, Пуруши, который проявляет Себя во всех существах, может обрести космическое сознание, может знать и чувствовать свое единение со всеми существами; но это только этапы или обстоятельства его пути, результаты раскрытия его души по дороге к несказанной цели. Его высочайшая задача — пройти и превзойти все эти этапы. Когда, с другой стороны, достигнув свободы, тишины и спокойствия, мы, при помощи космического сознания, овладеем не только безмолвным, но и активным Брахманом, и можем не только покоиться, но и жить в божественной свободе, закончено второе движение по Стезе, благодаря чему интегральность самосознания становится пристанищем для освобожденной души.

Душа, таким образом, владеет собой в единении с Сатчитанандой на всех проявленных уровнях ее существования. Характерным для всеобъемлющего интегрального Знания является то, что оно объединяет все в Сатчитананде, ибо Бытие не только едино в самом себе, но оно одно повсюду, во всех своих проявлениях и в каждом аспекте, в предельно многочисленном и в предельно едином. Традиционное знание признает это в теории, однако на практике рассуждения ведутся так, как если бы единство не было везде одинаковым, или не могло бы быть одинаково реализованным во всем. Оно видит его в непроявленном Абсолюте, и в меньшей степени в проявлении; находит, что оно чище в Безличном, чем в Личном, закончено в Ниргуне и не столь закончено в Сагуне, присутствует удовлетворительно в пассивном Брахмане, и не совсем удовлетворительно в активном. Поэтому оно располагает все эти другие термины Абсолютного на шкале восхождения ниже их противоположностей и призывает к окончательному отречению от них, как обязательному для полной реализации. Всеобъемлющее интегральное знание не признает такого деления; оно приходит к другому виду абсолютного в своем видении единства. Оно находит одинаковое единство в Непроявленном и Проявленном, в Безличном и Личном, в Ниргуне и Сагуне, в бесконечных глубинах мирового молчания и в бесконечной громадности мировой деятельности. Оно находит одинаково полное единство в Пуруше и Пракрити; в божественном Присутствии и в трудах божественной Силы и Знания; в вечной проявленности единого Пуруши и постоянных проявлениях многих Пуруш; в неотчуждаемом единстве Сатчитананды, постоянно сохраняющего реальным для себя свое многогранное единство, и в очевидном разделении ума, жизни и тела, в которых постоянно, в скрытой реальности присутствует единство, постоянно стремящееся реализовать себя. Для него все виды единства являются интенсивной, чистой и бесконечной реализацией, все различия являются обильным, богатым и безграничным осознанием того же божественного и вечного Бытия.

Таким образом сущность интегрального знания и интегральной Йоги заключается в полной реализации единства. Основой знания является знание Сатчитананды, как единого в Самом себе и единого во всех Его проявлениях; сделать это видение единства реальным для сознания в его

статусе и в его деятельности, и стать им путем поглощения ощущения отдельной личности в ощущении единства с Бытием и со всеми существами, значит осуществить его в Йоге знания; жить, мыслить, чувствовать, иметь волю и действовать в этом сознании единства, значит осуществлять его в индивидуальном существе и в индивидуальной жизни. Эта реализация единства и эта практика единства в различии и есть Йога во всей полноте.

Сатчитананда всегда один в Себе, независимо от состояния и уровня существования. Поэтому мы должны принять это за основу при исполнении всего, касается это сознания, или силы, или бытия, знания, или воли, или восторга. Как мы уже видели, мы должны жить в сознании трансцендентного Абсолюта и Абсолюта, проявляющегося во всех отношениях, безличного и проявляющегося во всех личностях, за пределами всех качеств и обладающего бесконечным качеством, безмолвие, из которого творит вечное Слово, божественный мир и покой, содержащий себя в бесконечной радости и активности. Мы должны найти Его, знающего все, санкционирующего все, управляющего всем, содержащего, поддерживающего и формирующего все, как Пурушу, и в то же время осуществляющего все знание, волю и формирование, как Праkritи. Мы должны видеть его как одно Существование, Бытие, собранное в себе, и Бытие, проявляющееся во всем существующем; как одно Сознание, сконцентрированное в единстве своего существования, простирающееся в мировой природе и имеющее свои центры в бесчисленных существах; как одну Силу, неподвижную в своем покое самособранного сознания, и динамично действующую в простирающемся сознании; один Восторг, блаженный в осознании своей бесформенной бесконечности, и блаженно ощущающий все признаки, силы и формы в качестве самого себя; одно созидательное знание и руководящая Воля, супраментальная, порождающая, предопределяющая для всех умов, жизней и тел; один Ум, включающий все умственные существа и составляющий всю их умственную деятельность; одну Жизнь, активную во всех живущих существах и генерирующую их виталическую активность; одну субстанцию, составляющую все формы и объекты как сосуд, в котором ум и жизнь проявляются и действуют как единое чистое существование, — вот тот эфир, в котором вся Сознательная Сила и Восторг существуют в единении и различном проявлении. Ибо это есть семь принципов проявленного бытия Сатчитананды.

Интегральная Йога знания должна признать двойственную природу этого проявления, ибо существует высшая природа Сатчитананды, где Он обнаруживает Себя, и низшая природа ума, жизни и тела, где Он скрыт — и примирить и объединить оба в единстве просветленной реализации. Мы не должны оставить их разделенными, так, что мы ведем своего рода двойную жизнь, духовную внутри или наверху, ментальную и материальную — в нашей активной земной жизни; нам необходимо пересмотреть и переплавить более низкое существование в свете, силе и радости высшей реальности. Нам надо осознать Материю как чувственно созданный [111](#) слепок Духа, проводник для всех проявлений света, силы и радости Сатчитананды в высочайших условиях земного пребывания и активности. Мы должны видеть Жизнь как проводник для безграничной божественной Силы, и разрушить созданный умом и чувственно барьер отчуждения и отделения от нее так, чтобы божественная Сила могла овладеть, направить и изменить всю нашу жизненную активность, пока наша преобразованная витальность не перестанет, наконец, быть ограниченной жизненной силой, которая в настоящее время поддерживает ум и тело, и станет выражением блаженной сознательной силы Сатчитананды. Аналогично мы должны преобразовать всю чувственную и эмоциональную ментальность в игру божественной Любви и вселенского Восторга; мы должны дополнительно сообщить интеллекту, который ищет знания, и воле в нас свет божественного Знания-Воли, пока они не превратятся в выражение этой более высокой и величественной активности.

Это превращение не может быть полным, или вообще осуществленным, без пробуждения

истинного ума [112](#), который в человеческом существе соответствует Сверхразуму и который способен ментально получать его просветления. При противостоянии Духа и Ума, без свободного проявления этой промежуточной силы, высшая и низшая природа разделены и, хотя возможно общение и влияние, или проникновение низшей в высшую, во время просветленного или экстатического транса, полное и совершенное преобразование низшей природы невозможно. Мы можем несовершенно чувствовать эмоциональным умом, можем иметь ощущение чувственного ума, или обдумывать и воспринимать интеллектуальным умом Дух, присутствующий в Материи, и всех ее формах, божественный Восторг, присутствующий во всех эмоциях и ощущениях, божественную Силу, стоящую за всей жизненной активностью; однако низшее все еще будет сохранять свою природу и будет ограничивать и разделять в своих действиях, и видоизменять согласно своему характеру то влияние, которое оказывается сверху. Даже когда это влияние достигает своей высшей, глубочайшей и интенсивнейшей силы, оно будет проявляться нерегулярно и беспорядочно в действии, и только в тишине и спокойствии может реализоваться в совершенстве; мы будем подвержены реакциям и периодам помрачения, когда мы будем лишены его; мы будем склонны забывать о нем под гнетом повседневной жизни и ее внешних воздействий, и в плену ее дуализма, и сможем ощущать его только наедине с собой и Богом, или же только в моменты или периоды высочайшей экзальтации и экстаза. Ибо наша ментальность — ограниченно узкий инструмент,двигающийся в ограниченной области и способный воспринимать вещи только по частям, который неизбежно является перемещающимся, беспокойным и изменчивым; он может стабилизироваться, только ограничив поле деятельности, а сосредоточиться — только в полном покое.

Наше непосредственное осознание истины, с другой стороны, происходит из Сверхразума, — Воли, которая знает, и Знания, которое действует, — что создает мировой порядок из бесконечности. Как гласят Веды, пробуждение его к действию вызывает неудержимый поток дождя небес, — полноводное течение семи рек, вытекающих из высшего моря света, силы и радости. Он раскрывает Сатчитананду. Он раскрывает Истину за разбросанными и плохо сочетающимися предположениями нашего ума и ставит все на свое место в единстве скрытой истины; таким образом он преобразует неполный свет нашего ума в определенную тотальность света. Он обнаруживает Волю за всеми извилистыми и плохо регулируемые стремлениями нашей ментальной воли, и эмоциональными желаниями, и виталическими усилиями, и ставит все на свое место в единстве стоящей за этим просветленной Воли; так он может преобразовать полуневразумительную борьбу нашей жизни и ума в определенную тотальность упорядоченной силы. Он раскрывает восторг, которого слепо ищет каждое наше чувство и эмоция, и от которого они отступают в движении частичного удовлетворения или неудовлетворения, боли, печали или безразличия, и заставляет каждое занять свое место в единстве стоящего за этим вселенского восторга; так он может преобразовать конфликт наших раздвоенных эмоций и чувств в определенную тотальность безмятежной, но при этом мудрой и сильной любви и восторга. Более того, раскрывая мировое действие, он показывает истину бытия, из которого вытекает каждое его движение и к которому каждое стремится, силу действия, которую каждое несет в себе и восторг бытия, ради которого и из которого каждое рождается, и он устанавливает связь всего с мировым бытием, сознанием, силой и восторгом Сатчитананды. Таким образом он приводит к гармонии все наши оппозиции, разделения, противоречия существования и показывает нам в них Единое и Бесконечное. Вознесенные в этот супраментальный свет, боль, и удовольствие, и безразличие начинают превращаться в радость единственного самосуществующего Восторга, сила и слабость, успех и неудача превращаются в силы единой самодовлеющей Силы и Воли, правда и ошибка, знание и невежество — в свет единого бесконечного самоосознания и мирового знания, развитие или

сокращение бытия, ограничение и преодоление ограничений — в волны единого самопроявляющегося сознательного существования. Вся наша жизнь, как и сущность всего нашего бытия, трансформируется в обладание Сатчитанандой.

Путем этого интегрального знания мы приходим к единству целей, поставленных перед собою тремя путями — знания, труда и преданности. Знание преследует цель реализовать истинное самосуществование, труды — реализовать божественную Сознательную Волю, которая тайно руководит всеми трудами, преданность — реализацию Блаженства, которое наслаждается, являясь Возлюбленным всех существ и всего сущего, — Сат, Чит-Тапас и Ананда. Таким образом, каждый преследует цель владеть Сатчитанандой — через тот или другой аспект его триединой божественной природы. При помощи Знания мы всегда приходим к нашему истинному, вечному, неизменному самосуществующему бытию, которое каждое "Я" в мире скрыто представляет, и мы отменяем различия в великой реализации, so'ham, Я есть Он, когда в то же время мы приходим к своей идентичности со всеми другими существами.

Но в то же время интегральное знание дает нам ощущение этого безграничного существования как сознательной силы, которая создает и управляет мирами, и проявляет себя в их трудах; оно проявляет Самосуществующего в его мировой сознательной воле как Господа, Ишвару. Это позволяет нам соединить свою волю с Его, реализовать Его волю в энергии всего сущего и рассматривать проявление этих энергий другими как часть нашего собственного мирового самопроявления. Таким образом пропадает реальность борьбы и разделения, и противопоставления, и остается только их видимость. При помощи этого знания мы приходим к возможности божественного действия, труда, который является личным по отношению к нашей природе, но является безличным по отношению к нашему бытию, поскольку он исходит от Того, что вне нашего эго и осуществляется в соответствии с его вселенской санкцией. Мы осуществляем наши труды с ровностью, не связаны ни трудами, ни их результатами, в согласии с Высочайшим, в согласии со всемирным, свободные от личной ответственности за наши действия, и поэтому не испытывающие их реакций. То, что мы видим как осуществление на пути Трудов, становится таким образом дополнением и результатом осуществления на пути Знания.

Интегральное Знание опять являет нам Самосуществующего, как Всеблаженного, который, в качестве Сатчитананды проявляя весь мир, проявляя все существа, принимает их обожание, как Он принимает их труды, стремления и поиски знания, склоняется к ним и приближает их к Себе, принимает всех в радость Своего божественного Существования. Зная Его как наше божественное Я, мы становимся одним с Ним, как соединяются в единое любящий и любимый, в экстазе этого объятия. Зная Его также во всех существах, воспринимая славу, красоту и радость Любимого, мы трансформируем наши души в чувство вселенского восторга, в простор и радость всеобщей любви. Все это, как мы увидим, являясь вершиной на пути Преданности, становится также дополнением и результатом на пути Знания.

Таким образом, при помощи интегрального знания, мы объединяем все вещи в Едином. Мы воспринимаем все аккорды мировой музыки, приятные или диссонансирующие, просветляющие или мрачные, могучие или слабые, слышимые или приглушенные, и обнаруживаем их все измененными и примиренными в неделимой гармонии Сатчитананды. Знание приносит также Силу и Радость. "Как может он заблуждаться, откуда к нему придет печаль, если он видит везде Единство?"

111. sense-created

112. truth-mind

ТАКОВ результат интегрального знания в целом; его работа состоит в том, чтобы собрать различные составляющие нашего бытия в универсальное единство. Если мы должны совершенно овладеть миром в нашем новом обожествленном сознании, так, как им владеет само Божество, нам необходимо также познать каждую вещь в ее полноте, прежде всего как отдельно взятую, затем в ее единстве со всем, что ее дополняет; ибо так Божество представляет себе и видит свое бытие в мире. Видеть вещи как части, как неполные элементы есть более низкое аналитическое знание. Абсолютное везде; его нужно видеть и находить везде. Каждое конечное является бесконечным и должно познаваться и ощущаться в своей внутренней бесконечности, как и в своем наружном конечном обличье. Но для того, чтобы так познать мир, видеть и ощущать его, недостаточно интеллектуально иметь эту идею или вообразить, что так оно и есть; необходимо иметь некоторое божественное видение, божественное ощущение, божественный экстаз, переживание нашего единства с объектами нашего сознания. Путем этого опыта не только Запредельное [113](#), но и все, что здесь, не только тотальность. Все в своей массе, но каждая вещь во Всем становится для нас нашим Я, Богом, Абсолютным и Бесконечным, Сатчитанандой. В этом секрет завершеного восторга Божьим миром, полного удовлетворения ума, сердца и воли, полного освобождения сознания. Это высочайшее переживание, к которому искусство и поэзия, и все различные усилия субъективного и объективного знания, и любое желание и усилие овладеть и наслаждаться объектами, более или менее осознанно стремятся; их попытки овладеть формами и пропорциями и качествами вещей — это только первое движение, которое не может дать полного удовлетворения, пока они не охвачены совершенно, и не возникает абсолютное ощущение бесконечной реальности, внешними символами которой они являются. Для рационального ума и обычного чувственного переживания это вполне может казаться только поэтической фантазией или мистической галлюцинацией; однако абсолютное удовлетворение и чувство просветления, которое оно дает, и только оно и может дать, действительно является доказательством его величайшей действительности; посредством этого мы получаем луч из более высокого сознания и более божественного ощущения, в которое в конце концов должно преобразоваться наше субъективное существо, если только мы позволим его преобразовать.

Вы видели, что это относится к высшим принципам Божественного Бытия. Обычно различающий ум говорит нам, что только то, что находится за пределами всякого проявления, является абсолютным, что только бесформенный Дух бесконечен, только вечное, беспредельное, неизменное, неподвижное Я в своем покое абсолютно реально; и если мы придерживаемся этой концепции и руководствуемся ею в наших стремлениях, то опыт, к которому мы придем, есть субъективный [опыт], и все остальное будет казаться ложным или только относительно истинным. Но если мы возьмем за отправную точку более широкую концепцию, то нам откроется более полная истина и более широкий опыт. Мы постигаем, что неизменность безвременного беспространственного существования является абсолютотом и бесконечностью, но так же — что и сознательная сила и активный восторг божественного Бытия в блаженном владении потоком своих сил, качеств, самосозданий [114](#) является абсолютотом и бесконечностью, и действительно тем же самым абсолютотом и бесконечностью, настолько тем же, что мы можем одновременно в равной мере наслаждаться божественным безвременным покоем и миром, и божественной обладающей временем радостью активности, свободно, беспредельно, независимо и не испытывая беспокойства и страдания. Также мы можем испытать все принципы этой активности, которые в Неизменном самосодержатся и, в определенном смысле,

втянуты и спрятаны, а в космическом выражены и проявляют свое беспредельное качество и способность.

Первый из этих принципов по важности есть двойственность — которая растворяет себя в единстве Пуруши и Пракрити, о которых мы имели возможность сказать в Йоге Трудов, но которые одинаково важны для Йоги Знания. Это разделение было сделано весьма четко в старых индийских философиях; но оно основывается на вечном факте практического дуализма в единстве, на котором основано проявление мира. Оно получает разные названия в зависимости от наших взглядов на вселенную. Ведантисты говорили о Я и Майе — подразумевая в соответствии со своими пристрастиями под Я — Неизменяемого, а под Майей — способность Я навязывать себе космические иллюзии, или под Я — Божественное Бытие и под Майей — природу сознательного бытия и сознательную силу, с помощью которой Божественное воплощается в души-формы и формы вещей. Другие говорили об Ишваре и Шакти, Господине и Его силе. Его космической власти. Аналитическая философия Санкхья утвердила их вечный дуализм без какой-либо возможности единства, признавая только отношения объединения и разделения, с которого космическое действие Пракрити начинается, продолжается и прекращается для Пуруши; ибо Пуруша есть неактивное сознательное существование, — это Душа, одинаковая в себе и навсегда неизменная, Пракрити — активная сила Природы, которая своим движением создает и поддерживает, и своим погружением в покой растворяет феномен космоса. Оставляя в стороне эти философские различия, мы подходим к первоначальному психологическому опыту, — от которого на самом деле все берет начало, — что есть два элемента в существовании живых существ, человеческих существ по крайней мере, если не всего космоса, — двойственное бытие, Природа и душа.

Эта двойственность самоочевидна. Без какой-либо философии, просто силой опыта, это то, что мы все можем постичь, хотя мы можем и не попытаться давать определения. Даже самый далеко идущий материализм, который отрицает существование души или сводит ее к более или менее иллюзорному результату естественных феноменов, воздействующего на какой-либо плохо объясненный феномен физического мозга, который мы называем сознанием или умом, но который на самом деле не что иное, как своего рода сочетание нервных спазмов, не может избавиться от практического факта этого дуализма. Совсем не имеет значения, как он появился; факт не только остается фактом, но определяет все наше существование, это тот самый единственный факт, который действительно важен для нас как человеческих существ с волей и интеллектом и субъективным существованием, который составляет все наше счастье и наше страдание. Вся проблема жизни сводится к одному этому вопросу — "Что мы должны сделать с этой душой и природой, стоящими лицом к лицу друг к другу, этой Природой, этой личной и космической активностью, которая старается оставить свой отпечаток на душе, завладеть, контролировать, определить ее, и этой Душой, которая чувствует, что каким-то таинственным образом она имеет свободу, власть над собой, ответственность за то, что она есть и что она делает, и старается поэтому обернуться к Природе, своей собственной и всего мира, и контролировать, владеть, наслаждаться, или даже, может быть, отвергнуть и уйти от нее?" Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо знать, — знать, что может делать душа, знать, что она может делать с собой, а также знать, что она может делать с Природой и миром. Вся человеческая философия, религия, наука есть в действительности ни что иное, как попытка получить верные данные, на основании которых будет возможно ответить на этот вопрос и решить, настолько, насколько наше знание позволит, проблему нашего существования.

Надежда совсем уйти от нашей сегодняшней борьбы с нашей низшей беспокойной природой и существованием, и подчинения им, появляется, когда мы постигаем тот факт, который философия и религия подтверждают, а современная мысль пытается отвергать, что есть

две ипостаси существования нашей души, более низкая, беспокоящая и подчиненная, и высшая, покойная и властная, одна трепещет в Уме, другая покоится в Духе. Надежда не только уйти, но совершенно удовлетворительно и победоносно решить вопрос появляется, когда мы постигаем то, что некоторые религии и философии подтверждают, а другие, по-видимому, отрицают, что в двойственном союзе души и природы есть более низкое, обычное человеческое состояние, и более высокое, божественное, в котором условия дуализма изменяются на противоположные, и душа становится тем, чем сейчас она только старается и надеется быть, властелином своей природы, свободной и, благодаря единению с Божественным, владеющей также миром-природой. В соответствии с нашим представлением об этих возможностях будет и решение, которое мы будем пытаться реализовать.

Заклученная в уме, находящаяся во власти обычного феномена ментальной мысли, ощущения, эмоции, восприятия виталических и физических воздействий мира и механической реакции на них, душа подчинена Природе. Даже ее воля и интеллект определяются ее ментальной природой, и еще более определяются ментальной природой ее окружения, которое воздействует скрыто и явно, и заполняет индивидуальную ментальность; таким образом ее попытка регулировать, контролировать, определять свой собственный опыт и действия сопровождается элементом иллюзии, потому что когда она думает, что действует, на самом деле это Природа действует и определяет все, что она думает, желает и делает. Если бы в ней не было этого постоянного знания, что она есть, что она существует сама по себе, что она не есть жизнь или тело, но что-то другое, что, по крайней мере, получает и принимает космический опыт, даже если не определяет его, она была бы вынуждена, в конце концов, предположить, что Природа есть все, а душа — иллюзия. К такому выводу приходит современный Материализм, и к тому же пришел нигилистический Буддизм; Санкхья, постигнув эту дилемму, решила ее, сказав, что душа в действительности только отражает установления Природы, а сама ничего не определяет, не является господином, но может отказаться отражать эти установления, и таким образом впасть в вечную неподвижность и покой. Есть и другие решения, которые приводят к тому же практическому выводу, но с другого конца, от духовного, утверждая, что Природа — это иллюзия, или, что и душа и Природа непостоянны, и указывая нам на более высокое состояние, в котором их двойственность не существует, либо путем затухания и превращения и той и другой во что-то постоянное и невыразимое, или, по крайней мере, за счет исключения активного принципа. Хотя они не удовлетворяют самых больших надежд человечества и глубоко заложенный импульс и стремление, эти решения, как таковые, имеют свое значение; ибо они приходят к Абсолютному как таковому, или к отдельному абсолюту души, даже если они отрицают множество восторженных бесконечностей Абсолюта, которые душа, истинно овладевшая Природой в ее божественном существовании, предлагает вечно ищущему началу в человеке.

Вознесенная в Дух, душа больше не подчиняется Природе; она выше всякой ментальной деятельности. Она может быть выше ее в отстранении и равнодушии, *udasina*, находящейся наверху и безразличной, или привлеченной и погруженной во всепоглощающий мир или блаженство ее недифференцированного, сконцентрированного духовного переживания самой себя; мы должны тогда выйти за эти пределы полным отречением от Природы и космического существования, а не захватывать [ее] в божественное и суверенное владение. Но Дух, Божественное есть не только выше Природы, он властелин Природы и космоса; душа, поднимающаяся в свое духовное состояние, должна, по крайней мере, быть способной на такую же власть благодаря своему союзу с Божественным. Она должна быть способна контролировать свою собственную природу не только в покое или принуждая ее быть в покое, но полностью контролировать ее игру и деятельность. В более низком состоянии это невозможно, потому что

душа действует через ум, а ум может действовать только индивидуально и фрагментарно в довольном повиновении или борющемся подчинении той вселенской Природе, через которую божественное знание и божественная Воля вырабатываются в космосе. Но Дух владеет знанием и волей и является их источником и причиной, но не подчинен им; поэтому, соответственно тому, как душа обретает свое божественное или духовное бытие, она также обретает контроль над движениями своей природы. Она становится, говоря древним языком, *svaṃat* свободной и самовластной в царстве своей собственной жизни и бытия. Но она также усиливает контроль над своим окружением, своим миром. И это она может делать, только становясь универсальной; так как именно божественную и вселенскую волю она должна выразить в своем воздействии на мир. Сначала она должна расширить свое сознание и видеть вселенную в себе, вместо того, чтобы быть, как ум, ограниченной физическим, виталическим, чувственным, эмоциональным, интеллектуальным взглядом маленькой разделенной личности; она должна признать мировую истину, мировые энергии, мировые тенденции, мировые цели как свои собственные, вместо того, чтобы придерживаться своих собственных интеллектуальных идей, желаний и стремлений, предпочтений, объектов, намерений, импульсов; они, до тех пор, пока они сохраняются, должны быть приведены в гармонию со всемирными. Она должна, затем, подчинить свои знания и волю, в самом их источнике, божественному Знанию и божественной Воле, и посредством этого подчинения, достичь погружения, теряя свой личный свет в божественном Свете и свою личную инициативу в божественной инициативе. Прежде всего быть в гармонии с Бесконечным, в гармонии с Божественным, а затем соединиться с Бесконечным, войти в Божественное, — это условие ее полной силы и господства, это именно и есть сама сущность духовной жизни и духовного существования.

То различие, которое Гита делает между Пурушей и Пракрити, дает нам ключ к различным подходам к Природе, которые душа может иметь в своем движении к полной свободе и управлению. Пуруша, говорит Гита, это свидетель, поддерживающий, источник санкционирования, знающий, господин, наслаждающийся; Пракрити осуществляет, это активный принцип, который должен действовать в соответствии с тем, как относится Пуруша. Душа может занять положение чистого свидетеля, *saksi*, если она того пожелает; она может взирать на действия Природы, как на нечто, чего она и что ее не касается; она наблюдает, но сама не участвует. Мы уже видели важность способности к абсолютной неподвижности; она является основой движения отхода, которое позволяет говорить обо всем — о теле, о жизни, ментальной активности, мысли, чувстве, эмоции, — "Это Пракрити работает в жизни, уме и теле, это не я, это даже не мое", и таким образом, придти к отделению души от этих вещей, и к их неподвижности. Таким образом, это может быть позицией самоотречения или, по крайней мере, неучастия, *tamasika*, способностью покорно и инертно переносить действие природы, пока оно продолжается, *rajasika*, с омерзением, отвращением и ужасом, *sattvika*, с ясным пониманием отделенности души, мира и радости, присущих отчуждению и покою; также может наступить ровный и безличный восторг, как у зрителя на представлении, радующегося, но не привязанного, готового в любой момент встать и с радостью уйти. Позиция Свидетеля в высшем проявлении — это абсолютная непривязанность и свобода от влияния феноменов космического существования.

Будучи безупречным Свидетелем, душа отказывается от функции поддерживающего Природу. Поддерживающий, *bharta*, это другой — Бог, или Сила, или Майя — но не душа, которая только принимает отражение природной активности в свое наблюдающее сознание, но не принимает какой-либо ответственности за поддержание или продолжение ее. Она не говорит: "Все это во мне и поддерживается мною, деятельность моего существа", но, как правило: "Это навязано мне, но на самом деле это вне меня". Если бы не было явной и действительной двойственности в существовании, то это не могло бы быть всей истиной

данного вопроса; душа также является поддерживающим, в своем существе она поддерживает энергию, которая разворачивает космический спектакль и дирижирует его энергиями. Когда Пуруша принимает на себя эту поддержку, он может делать это пассивно и без привязанности, ощущая, что он дает энергию, но не контролирует и не детерминирует ее. Контролирует другой. Бог, или Сила, или сама природа Майи; душа только безразлично поддерживает, пока она должна это делать, возможно, до тех пор, пока продолжает действовать и отказывается иссякнуть санкционированная ею ранее сила и заинтересованность в энергии. Но если полностью признать позицию поддерживающего, то это уже является важным шагом вперед к идентификации с активным Брахманом и его радостью космического бытия. Ибо Пуруша стал активным подателем санкции.

В позиции Свидетеля тоже имеется своего рода санкция, но она пассивна, инертна, и в ней отсутствует абсолютность; но если он полностью соглашается поддерживать, санкция становится активной, даже если душа не более чем соглашается отражать, содержать и таким образом поддерживать действие всех энергий Пракрити, но не определять, не селекционировать, веря в то, что определяет и селекционирует сам Бог или Сила, или некая Знание-Воля, а душа является только свидетелем и поддерживающим, и таким образом становится подателем санкции, *apumanta*, но не владеет и не направляет знание и волю, *jnata i svarah*. Но если она привычно селекционирует и отвергает что-то среди того, что ей предлагают, то она детерминирует; сравнительно пассивная санкция становится совершенно активной и находится на пути становления активным контролем.

Это свершается, когда душа принимает свою полную функцию знающего, господина и наслаждающегося Природой. Как знающий, душа обладает знанием силы, которая действует и определяет, она видит значения бытия, которые реализуют себя в космосе, она знакома с тайной Судьбы. Но сила сама по себе детерминирована знанием, которое является ее источником, и началом, и стандартизатором как ее оценок, так и приведения в исполнение ее порций. Поэтому, пропорционально тому, как душа опять становится знающей, она становится также контролирующей действия. Но это невозможно без того, чтобы стать активным наслаждающимся, *bhokta*. В низшем существовании это наслаждение двойственное, позитивное и негативное, которое в электричестве ощущения переводится в наслаждение и страдание; но в высшем существовании это активное ровное наслаждение божественным восторгом в самопроявлении. Нет потери свободы, нет опускания до невежественной привязанности. Человек, свободный в душе, осознает, что Божество является господином действия Природы, что Майя — это его Знание-Воля, которая все определяет и на все влияет, что Сила — это Волевая сторона этой двойной божественной Власти, где всегда действенно присутствует Знание; он также сознает себя, даже индивидуально, центром божественного существования, — частью Господа, это выражено в Гите, — контролируя активность Природы, которую он обзирает, поддерживает, санкционирует, которой наслаждается, которую знает и контролирует при помощи предопределяющей власти знания; и когда он сделает себя универсальным, его знание будет отражать только божественное знание, его воля выполняет только божественную волю, он радуется только божественному восторгу, а не невежественному личному удовлетворению. Таким образом Пуруша сохраняет свою свободу в своем владении, отречение от ограниченной личности, пребывая в наслаждении и восторге космическим бытием. Он полностью поднял в высшее равновесие истинные отношения души и Природы.

Пуруша и Пракрити в своем единении и в своей двойственности возникают из бытия Сатчитананды. Самосознательное существование есть сама сущность природы Бытия; это Сат, или Пуруша; Сила самосознающего существования, независимо от того, находится ли она сама в себе или проявляется в трудах своего сознания и силы, своего знания и своей воли, Чит и Тапас,

Чит и его Шакти — это и есть Пракрити. Восторг бытия, Ананда, есть вечная истина единства этого сознательного бытия и его сознательной силы, воплощенной в себе или развернутой в неразделимой двойственности ее двух аспектов, разворачивающая миры и наблюдающая их, действующая в них и поддерживающая это действие, трудящаяся и выдающая санкции, без которых силы Природы лишены возможности действовать, осуществляющая и контролирующая знание и волю, и знающая и контролирующая намерения силы-знания и силы-воли, помогая радоваться и радуясь, — Душа, являющаяся владыкой, наблюдающим, знающим, господином Природы, Природы, выражающей бытие, осуществляющей волю, удовлетворяющей самопознание, служащей восторгу бытия души. Здесь мы имеем, опирающееся на саму природу бытия, высшие и универсальные отношения между Пракрити и Пурушей. Абсолютное ликование души в самой себе и, основанное на этом, абсолютное ликование души в Природе, есть божественное осуществление этих отношений.

113. the Beyond

114. self-creations

Глава XVIII. Душа и Ее Освобождение

НАМ надо теперь сделать паузу и подумать о том, к чему нас обязывает признание отношений Пуруши и Пракрити; ибо это значит, что Йога, которой мы следуем, не имеет своей целью ничего из обычных целей человечества. Она не признает нашего земного существования таким, как оно есть [сейчас], она не удовлетворяется каким-либо моральным совершенством или религиозным экстазом, с раем в потустороннем мире, или с каким-то растворением нашего существа, в результате которого мы с удовлетворением можем покончить с трудностями существования. Мы преследуем совсем другую цель; эта цель — жить в Божественном, в Бесконечном, в Боге, а не просто в каком-то эгоизме и временности, но в то же время не отдельно от Природы, от других существ, от земли и мирского существования, не более, чем Божественное отчуждено от нас и от мира. Оно существует также в близких отношениях с миром, и Природой, и всеми этими существами, но обладая абсолютной и неотъемлемой властью, свободой и знанием себя. Наше освобождение и совершенствование — это преодоление невежества, рабства и слабости, и жизнь в Нем, в родстве с миром и Природой, с божественной силой, свободой и знанием себя. Ибо наивысшее отношение Души к существованию — это обладание Пуруши Пракрити, когда он уже больше не является невежественным и зависимым от своей природы, но знает, превосходит и контролирует, и наслаждается своим проявленным бытием, и свободно определяет, каким будет его самовыражение.

Единство, выявляющее себя в вариациях своего собственного дуализма, есть вся игра души с Природой в ее космическом рождении и становлении. Один Сатчитананда повсюду, самосущий, неограниченный, единство, неразрушимое благодаря абсолютной бесконечности его собственных изменений, есть первичная истина бытия, познание которой мы ищем, и к которой наше субъективное существование в конце концов приходит. Отсюда возникают все другие истины, на этом они основываются, благодаря этому они возможны в каждый момент, и в этом они в конце концов узнают себя и друг друга, примиряются, гармонизируются и находят оправдание. Все отношения в мире, даже те, которые, по всей видимости, находятся в величайшем и самом ужасном диссонансе, есть отношения чего-то вечного к себе в своем собственном вселенском существовании; нигде и никогда они не являются противоречиями между разобщенными существами, которые встречаются случайно или благодаря какой-то механической необходимости космического существования. Поэтому самым насущным актом самопознания является возвращение к этому вечному факту единства; жить в нем — вот что должно стать эффективным принципом нашего внутреннего владения своим бытием и наших правильных и идеальных отношений с миром. Вот почему нам было необходимо отстаивать, прежде всего и превыше всего, единство как цель и, в некотором роде, всеобъемлющую цель нашей Йоги знания.

Но это единство проявляет себя везде и на каждом уровне через осуществляемую или практическую истину дуализма. Вечное — это одно бесконечное сознательное Существование, Пуруша, а не что-то бессознательное или механическое; оно существует вечно в восторге силой своего сознательного бытия, основывающегося на равновесии единства; но оно существует в не менее вечном восторге своей силой сознательного бытия, играющей с различными творческими самопереживаниями во вселенной. Подобно тому, как мы сами сознаем или способны осознавать бытие всегда чего-то вечного, безмянного, бесконечного, что мы называем своим Я, и которое составляет единство всего, чем мы являемся, но одновременно мы имеем различный опыт своих дел, мыслей, воли, творений, становлений, — таковым же является самоощущение

этого Пуруши в мире. Только мы, которые в настоящее время являемся ограниченными и связанными эго ментальными индивидуумами, обычно испытываем это переживание в невежестве и не живем в своем Я, только оглядываемся на него, или время от времени обращаемся к нему, тогда как Вечный держит это в Своем безграничном самознании, вечно является им и взирает из полноты самобытия на все эти самопереживания. Он, в отличие от нас, связанных в темнице ума, не рассматривает свое бытие, как некий неопределенный результат и сумму, или как в высшей мере противоречивое самопереживание. Старый философский спор между Бытием и Становлением невозможен для вечного самознания.

Активная сила сознательного бытия, которая проявляет себя в своем могуществе самопереживания знания, воли, самонаслаждения, самоформирования со всеми их удивительными вариациями, инверсиями, сохранениями и конверсиями энергии, даже извращениями, это то, что мы называем Пракрити, или Природой, в нас самих, как и в космосе. Но за этой силой вариаций стоит вечное равновесие той же силы в ровном единстве, которое поддерживает беспристрастно, управляет созданными вариациями и направляет их к любой цели своего самонаслаждения, [единство,] которое Бытие, Пуруша, породило в своем сознании и детерминировало своей волей, или силой сознания. Это божественная Природа, к единению с которой мы должны вернуться при помощи нашей Йоги самопознания. Мы должны стать Пурушей, Сатчитанандой, наслаждаясь божественным индивидуальным владением эго Пракрити, и не быть более ментальными существами, подчиненными своей эгоистической натуре. Ибо таковым является настоящий человек, верховное и интегральное Я индивидуума, эго же является более низким и частичным появлением нас, через которое некоторый ограниченный и предварительный опыт становится возможным и временно приемлемым. Но это попустительство более низкому бытию не исчерпывает все наши возможности; это не единственный и не главенствующий опыт, ради которого мы существуем как человеческие существа, даже в этом материальном мире.

Это наше индивидуальное бытие является тем, благодаря чему возможно невежество для самосознающего ума, однако оно, в то же время, представляет возможность освобождения в духовное бытие и в наслаждение божественным бессмертием. Это не вечный в Его трансцендентности или в Его космическом бытии приходит к этому бессмертию; это индивидуум, который поднимается в знании себя, он владеет им и осуществляет его. Вся жизнь, духовная, умственная или материальная, это игра души с возможностями ее природы; ибо без этой игры не может быть самовыражения и относительного самопереживания. Даже тогда, когда мы осознаем все, как наше большее Я и в нашем единении с Богом и другими существами, эта игра может и должна продолжаться, если мы только не хотим отказаться от всякого самовыражения и от всего, кроме самоопыта транс и поглощения. Но этот транс или свободная игра реализуется в индивидуальном существе; транс представляет собой погружение ментального существа исключительный опыт единения, свободная игра — это возвышение эго ума в духовное бытие для свободного проявления и восторга единства. Ибо в природе божественного существования постоянное владение эго единством, но владение им так же в безграничном опыте, всесторонне, на многих уровнях, через многие сознательные силы или я эго самого, индивидуальности — на нашем ограниченном интеллектуальном языке — единого сознательного бытия. Каждый из нас — одна из этих индивидуальностей. Отделиться от Бога в ограниченном эго, ограниченном уме, это — отделиться от себя, лишиться своей истинной индивидуальности, быть кажущимся, но не настоящим индивидуумом; это сила нашего невежества. Быть поднятым в божественное Бытие и почувствовать свое духовное, безграничное и вселенское сознание как то, в котором мы живем, значит обладать своим высшим и интегральным Я, своей истинной индивидуальностью; это наша сила самопознания.

Узнавая вечное единство этих трех сил вечной манифестации, Бога, Природу и индивидуальное Я, и их взаимную необходимость друг в друге, мы приходим к пониманию самого существования и всего того, что мы наблюдаем в мире, что приводит в замешательство наше невежество. Наше самопознание ничего этого не исключает, оно исключает только наше невежество и те обстоятельства, вызванные невежеством, которые нас связывают и подчиняют эгоистическим детерминациям нашей природы. Когда мы возвращаемся к нашему истинному бытию, эго отпадает от нас; его место занимает наше высшее и цельное Я, истинная индивидуальность. В качестве высшего Я оно становится единым со всеми существами и видит весь мир и Природу в своей собственной бесконечности. Под этим мы просто подразумеваем, что наше чувство отдельного существования переходит в сознание безграничного, безраздельного, бесконечного бытия, в котором мы больше не чувствуем себя привязанными к имени и форме и особенным умственным и физическим определениям, связанным с нашим теперешним рождением и становлением, и больше не отделимы от чего бы то или кого бы то ни было во вселенной. Это то, что древние мыслители называли Нерождением, или уничтожением рождения, или Нирваной. В то же время мы продолжаем жить и действовать через свое личное рождение и становление, но с другим знанием и совсем другим опытом; продолжает существовать и весь мир, но мы его воспринимаем как часть своего существа, а не как что-то внешнее, отличное от нас самих. Быть в состоянии постоянно жить, имея такое новое сознание нашего истинного, цельного бытия — значит добиться освобождения и обладать бессмертием.

Здесь мы встречаемся с запутанностью идеи о том, что бессмертие возможно только после смерти, в других мирах, на более высоких уровнях существования, или что освобождение уничтожает все возможности умственной или телесной жизни и навсегда уничтожает индивидуальное существование, которое переходит в безличную бесконечность. Убедительность этих идей берет свое начало из определенной проверки опытом и некоторой необходимостью, или стремления ввысь, которое чувствует душа, когда она сбрасывает с себя [ранее] непреодолимые узы ума и материи. Есть ощущение, что эти узы неотделимы от всей земной жизни или от всякого ментального существования. Смерть — царь материального мира, ибо жизнь, по-видимому, существует только благодаря ее покорности смерти, в процессе постоянного умирания; бессмертие может быть покорено с большим трудом, и оно представляется по своей натуре отвержением всякой смерти, а потому и всякого рождения в материальном мире. Область бессмертия должно находиться на каком-то нематериальном уровне, в каком-то раю, где тело либо совсем не существует, либо изменилось и представляет собой только форму души, или имеет второстепенное значение. С другой стороны, те, кто идет даже дальше бессмертия, чувствуют, что все уровни и небеса — это только обстоятельства конечного существования, а бесконечное Я свободно от всех этих вещей. Над ними доминирует необходимость исчезновения в бесконечное и безличное, и неспособность уравнивать каким-либо путем блаженство безличного существования с восторгом души в ее становлении. Придуманы философии, которые оправдывают для интеллекта эту потребность в погружении и исчезновении; однако, что действительно важно — так это зов Потустороннего, потребность души, ее восторг — в данном случае — в каком-то безличном существовании или в небытии. Ибо, что решает, так это определяющий восторг Пуруши, его воля установить отношения со своей Пракрити, опыт, полученный в результате следования по принятому пути развития своего индивидуального самопереживания среди всех различных возможностей своей природы. Наши интеллектуальные оправдания, которые мы предлагаем рассудку, это только отчет об этом опыте, и те средства, при помощи которых мы помогаем уму согласиться с тем направлением, которому следует душа.

Причиной нашего существования в мире не является эго, хотя поверить в это нас склоняет

наш теперешний опыт; ибо это — это только результат и обстоятельство нашего способа существования в мире [115](#). Это те отношения, которые обладающий многими душами Пуруша установил между индивидуализированными умами и телами, отношения самозащиты, взаимоисключения и агрессии, с целью иметь, среди всех зависимостей вещей друг от друга, возможность независимого ментального и физического опыта. Но абсолютная независимость невозможна на этих уровнях; поэтому безличность, которая отвергает все ментальное и физическое становление, является единственно возможной кульминацией этого исключительного движения: только так можно получить абсолютно независимое самопереживание. Тогда кажется, что душа существует абсолютно, независимо, сама в себе; она свободна в том смысле, который выражен индийским словом *svadhina*, зависит только от себя, не зависит от Бога и других существ. Поэтому в этом случае отрицается все — Бог, личное я и другие существа, они отстраняются как различия, присущие невежеству. Именно это осознает свою недостаточность и устраняет как себя, так и свои противоположности для того, чтобы осуществить свою насущную потребность независимого собственного опыта; ибо оно находит, что его усилия осуществить это через отношения с Богом и другими обречены быть иллюзорными, тщетными и ничтожными. Оно перестает допускать их, ибо, допустив, становится зависимым от них; оно прекращает принимать свое существование [116](#), ибо принятие его означало бы допущение того, что оно старается исключить как не я, допущение космоса и других существ. Самоуничтожение Буддиста по своей природе является исключением абсолютно всего, что постигает ментальное существо; самопогружение Адвайты в свое абсолютное бытие это та же самая цель, понятая по другому: в обоих случаях мы имеем высшее самосогласие души на исключительную независимость от Праkritи.

Эта тенденция подкреплена опытом, который мы прежде всего получаем, идя укороченным путем к освобождению, описанным нами как движение отхода от ума, жизни и тела. Ибо это — разрушение эго и отказ от привычек ментальности, которыми мы сейчас обладаем; ибо это относится к материи и физическим ощущениям, в результате вещи воспринимаются только как формы, объекты, внешние явления и имена, которые мы придаем этим формам. Мы непосредственно не воспринимаем субъективную жизнь других существ, кроме как по аналогии с нашей собственной, или как предположительное производное наблюдение, основанное на внешних признаках речи, действия и так далее, которые в нашем уме переводятся в понятия нашей собственной субъективности. Когда мы вырываемся от эго и физического ума к бесконечности духа, мы все еще видим мир и других так, как наш ум приучил нас видеть их, как имена и формы; только благодаря нашему новому восприятию непосредственной и высшей реальности духа, они теряют ту непосредственную объективную реальность и ту свою косвенную субъективную реальность, которая воспринималась умом. Они кажутся совершенно противоположными в той более верной реальности, которую мы теперь испытываем; наша ментальность, успокоенная и безразличная, больше не пытается знать и реально себе представлять те промежуточные элементы, которые содержатся в них, как и в нас, и знание которых, для своей утилитарности, должно служить мостом через пропасть между духовным я и объективными феноменами мира. Мы удовлетворены блаженной бесконечной безличностью чистого духовного существования; для нас больше не существует ничего и никого. Теперь нам кажется нереальным и ничего не стоящим все, что дает нам физическое ощущение и все, что воспринимается и думается умом в этом отношении, все, что вызвало столь преходящий и несовершенный восторг; мы не владеем и не хотим владеть промежуточными истинами бытия, через которые Единый наслаждается этими вещами, и которые обладают для него той ценностью его бытия и восторга, что делает, можно сказать, космическое бытие прекрасным для Него и достойным проявления. Мы больше не в состоянии разделять Божий восторг в мире;

наоборот, нам представляется, что Вечный унизил себя, приняв в чистоту своего бытия грубую природу Материи, или фальсифицировал истину своего бытия, вообразив ненужные имена и нереальные формы. Если же мы наблюдаем весь этот восторг, то с далеким отрешением, что предотвращает возможность нашего участия в нем с каким-либо чувством близости, либо же оказываемся привлеченными высшим восторгом поглощения и исключительного самопереживания, которое не позволяет нам задерживаться на этих низких уровнях долее, чем мы вынуждены в результате продолжения существования физических жизни и тела.

Но, если в процессе нашей Йоги, или в результате свободного возвращения нашего действительного Я в мир и свободного возвращения к обладанию Пракрити Пурушей в нас, мы начинаем ощущать не только тела и внешние самопроявления других, но также сокровенно воспринимаем их внутреннее существо, их умы, их души и то в них, о чем не знает их собственный поверхностный ум, тогда мы видим реальное Бытие в них тоже, и мы воспринимаем их как многочисленные я нашего Я, а не простые имена и формы. Они становятся для нас реальностями Вечного. Наши умы больше не подвергаются заблуждению тривиальной ничтожности или иллюзии нереальности. Материальная жизнь теряет для нас свою старую, всепоглощающую ценность, но обнаруживает большую ценность, которую она представляет для божественного Пуруши; она больше не воспринимается как единственное условие нашего становления, а лишь как имеющая подчиненное значение по отношению к более высоким факторам ума и духа, и благодаря этому ее ценность не уменьшается, а увеличивается. Мы видим, что наше материальное существование, жизнь, природа, это только одно из положений Пуруши по отношению к Пракрити, и что их истинное намерение и значение может быть понято только тогда, когда они рассматриваются не как вещи в себе, но как зависящие от более высоких проявлений, которые их поддерживают; из этих высших отношений они черпают свое значение и, поэтому, при сознательном единении с ними, они могут осуществить все свои действительные тенденции и цели. Тогда жизнь становится для нас оправданной и больше не бессмысленной — таков результат обладания освобожденным самопознанием.

Это большее целостное знание и свобода, в конце концов, освобождают нас и являются осуществлением всего нашего существования. Когда мы обладаем этим, мы видим, почему наше существование проходит между этими тремя элементами — Богом, самими нами и миром; мы больше не видим их или кого-либо из них в оппозиции друг к другу, как непоследовательных и несовместимых, с другой стороны мы не рассматриваем их как элементы нашего невежества, которые в конце концов исчезают в чистом безличном единении. Мы видим их необходимость как факторов нашего самоосуществления, которые сохраняют свое значение после освобождения или, скорее всего, только тогда получают свое настоящее значение. Мы больше не ощущаем свое существование как нечто исключительное по отношению к существованию других, благодаря чему наши отношения с ними дают нам переживание мира; в этом новом сознании они все содержатся в нас, а мы в них. Они и мы больше не являемся многочисленными взаимоисключающими эго, каждое из которых ищет свое независимое осуществление или самопревосхождение, и в конечном счете не преследует какой-либо другой цели; все они Вечное, и я в каждом тайно охватывает в себе всех и ищет различными путями, как сделать высшую истину своего единства эффективной и явной в своем земном бытии. Божественной истиной нашей индивидуальности является не взаимное исключение, а взаимное включение, высший закон — любовь, а не независимое самоосуществление.

Пуруша, наше истинное бытие, всегда независим и является господином Пракрити, и мы стараемся достичь этой независимости по праву; в этом польза эгоистического движения и его самопревосхождения, однако его правильное завершение заключается не в том, чтобы сделать абсолютным эгоистический принцип независимого существования, а в том, чтобы придти к

другому, высшему состоянию Пуруши по отношению к его Пракрити. Здесь превосходение Природы; но также и владение Природой, полное проявление нашей индивидуальности, а также совершенное проявление наших отношений с миром и с другими. Поэтому индивидуальное спасение в запредельных небесах, без заботы о земле, не является нашей высшей целью; освобождение и самоосуществление других в такой же степени является нашей заботой, — мы можем сказать, нашей божественной личной заинтересованностью, — как наше собственное освобождение. Иначе наше единение с другими не имело бы эффективного смысла. Нашей первой победой над собой является преодоление соблазна эгоистического существования в этом мире; преодоление соблазна индивидуального счастья в запредельных небесах — наша вторая победа; последней и величайшей победой является преодоление соблазна избавления от жизни и самопоглощающего блаженства в безличной бесконечности. Тогда мы избавлены от всякой индивидуальной исключительности и владеем своей полной духовной свободой.

Состояние освобожденной души есть состояние Пуруши, который вечно свободен. Его сознание трансцендентно и представляет собой всеознающее единство. Его знание себя избавляется от всех элементов самознания [117](#), но объединяет и приводит к гармонии все сущее в Боге и в божественной природе. Высокий религиозный экстаз, который знает только Бога и нас, и вытесняет все остальное, для него является интимным переживанием, которое подготавливает его к разделению божественной Любви и Восторга, распространяющихся на все существа. Небесное блаженство, которое объединяет нас с Богом и с благословленными, но позволяет нам взирать с отстраненным безразличием на неблагословленных и их страдания, невозможно для чистой души, ибо они тоже являются ее я; будучи лично свободной от страдания и невежества, она естественно должна повернуться к ним и вести их к своей свободе. Но, с другой стороны, еще более невозможны отношения между своим я и другими, и вселенной, исключающие Бога и Запредельное, поэтому невозможно ограничиться земными или даже самыми высокими и самыми альтруистическими отношениями между людьми. Ее активность или ее достижение не направлено на то, чтобы устранившись или совсем отказаться от себя ради других, а на то, чтобы реализовать себя в обладании Богом, свободе и божественном блаженстве, и чтобы этим самым дать возможность реализовать себя другим. Ибо только в Боге, постигнув Божественное, можно покончить с диссонансами жизни, поэтому единственный эффективный путь, чтобы помочь человечеству, это вознести человека до Божественного. Всякая другая активность и реализация нашего опыта, хотя и имеет значение, однако, в конце концов, хождение по этим забитым толпами обходным путям или по одиноким тропам приводит к необходимости повернуться в сторону широкого интегрального пути, на котором освобожденная душа превосходит все, обнимает все и становится обещанием и силой свершения для всех в их проявленном бытии Божественного.

115. mode of world-existence

116. its own persistence

117. does not get rid of all the terms of self-knowledge

ЕСЛИ Пуруша, который в нас, должен стать, путем единения со своим высшим я, Божественным Пурушей, знающим, господином, свободно наслаждающимся Пракрити, то это, очевидно, невозможно, пока мы пребываем на данном уровне нашего бытия; ибо это материальный уровень, на котором безраздельно правит Пракрити; здесь божественный Пуруша совершенно скрыт в ослепляющем потоке ее активности, в грубой помпезности ее трудов, и индивидуальная душа, возникшая в результате инволюции духа в материю, подчиненная во всех своих действиях вовлеченности в свои материальные и виталические инструменты, не может испытывать божественную свободу. То, что она называет своей свободой и господством — это только неуловимое подчинение ума Пракрити, в действительности более легкое подчинение, ближе к возможности свободы и господства, чем грубое подчинение виталических и материальных объектов, таких как животные, растения и минералы, но все же это не настоящая свобода и господство. Поэтому нам пришлось говорить о разных уровнях нашего сознания и о духовных уровнях ментального существа; ибо если бы таковые не существовали, освобождение телесного существа здесь на земле было бы невозможно. Ему пришлось бы ждать, в лучшем случае — подготавливать себя для поиска этого в других мирах и в другом физическом или духовном воплощении, не так прочно запечатанном в своей скорлупе материального опыта.

В обычной Йоге знания достаточно узнать только два уровня нашего сознания, духовное и материализованное ментальное; чистый разум, находясь между этими двумя, видит оба, пробирается через иллюзии феноменального мира, превосходит материализованный ментальный уровень, видит реальность духовного; и тогда воля индивидуального Пуруши, в единении с равновесием знания, отрекшись от низшего, возвращается к высшему уровню, находится там, теряет ум и тело, сбрасывает жизнь и, погружая себя в высшего Пурушу, освобождается от индивидуального существования. Он знает, что это не вся истина нашего бытия, которое гораздо сложнее; он знает, что есть много уровней, но игнорирует их или уделяет им мало внимания, так как они не имеют большого значения для его освобождения. Они на самом деле задерживают освобождение, так как жизнь на этих уровнях приносит новые привлекательные психические переживания, психические удовольствия, психические силы, новый мир феноменального знания, погоня за которыми является камнем преткновения на пути его единственной цели — погружения в Брахмана, и создает неисчислимы западни на пути, ведущем к Богу. Но поскольку мы признаем существование мира, и для нас все мирское существование есть Брахман и наполнено присутствием Бога, то нам это не страшно; надо принимать и преодолевать любую опасность отвлечения. Если мир и наше собственное существование столь сложно, то мы должны знать и принимать эти сложности для того, чтобы наше самопознание и знание взаимоотношений Пуруши со своей Пракрити было полным. Если существует много уровней, то мы должны владеть всеми ими для Божественного, так же, как мы стараемся духовно овладеть и перестроить наш обычный образ мысли, жизни и тела.

Древнее знание во всех странах отличалось поиском скрытой истины нашего бытия, и оно создало то обширное поле практики и поиска, которое известно в Европе как оккультизм, — на Востоке нет соответствующего этому слова, ибо все это не кажется нам столь далеким, таинственным и ненормальным, как это представляется западной мысли; это ближе к нам, и завеса между нашей нормальной материальной жизнью и этой более обширной жизнью гораздо тоньше. В Индии [118](#), Египте, Халдее, Китае, Греции, в Кельтских странах они создали часть различных Йогических систем и дисциплин, которые когда-то имели большое влияние повсюду,

но для современного ума кажутся основанными только на суеверии и мистике, хотя факты и опыт, на которых они основаны, так же реальны в их области и подчинены их собственным доступным пониманию законам в такой же степени, как факты и опыт материальной жизни. Мы не намерены погружаться здесь в обширную и сложную область психического познания [119](#). Но теперь необходимо рассмотреть некоторые общие факты и принципы, образующие его структуру, ибо без этого наша Йога знания будет неполной. Мы находим, что в различных системах всегда оперируют одинаковыми фактами, однако теоретические и практические подходы при этом значительно отличаются, что является вполне нормальным и неизбежным при рассмотрении такого важного и трудного вопроса. Некоторые вещи здесь упущены, а в другом месте им придается самое важное значение, здесь они недооцениваются, там переоцениваются; некоторая область опыта, которая в одних системах рассматривается как подчиненная и побочная, в других принимается за отдельное царство. Но здесь я буду последовательно придерживаться Ведической и Ведантистской классификации, о чем много сказано в Упанишадах, прежде всего потому, что это мне кажется одновременно наипростейшим и наиболее философским подходом, и, главное, потому, что с самого начала это исследовалось с точки зрения использования этих различных уровней для высшей цели нашего освобождения. В основу этой классификации положены три принципа нашего обычного бытия — ум, жизнь и материя, триединый духовный принцип Сатчитананды и связующий принцип *vijñāna*, сверхразум, свободный или духовный интеллект, и таким образом организованы все большие возможные положения нашего бытия в виде яруса из семи уровней, — иногда их рассматривают как только пять, ибо только нижние пять полностью доступны нам — по которым развивающееся существо поднимается к своему совершенству.

Но прежде всего нужно понять, что мы подразумеваем под уровнями сознания, уровнями существования. Мы имеем в виду общее установившееся равновесие или мир отношений между Пурушей и Пракрити, между Душой и Природой. Ибо все, что мы можем назвать миром, есть ни что иное, как разработка общего отношения, сотворенного или установленного вселенским существованием между им самим или, скажем, между вечным фактом или потенциальностью и силами его становления. То существование, в своем отношении к становлению и опыте становления, это то, что мы называем душой, или Пурушей, индивидуальной душой в индивидууме, всеобщей душой в космосе; принцип и силы становления — это то, что мы называем Природой, или Пракрити. Но поскольку бытие, сознательная сила и восторг бытия всегда являются тремя составными условиями существования, природа мира в действительности определяется тем, как Пракрити расположена обращаться с этими тремя главными вещами, и теми формами, которые ей разрешено давать им. Ибо существование само является и всегда должно быть веществом собственного становления, оно должно сформировываться в субстанцию, с которой имеет дело Сила. Сила, опять же, должна быть той властью, которая вырабатывает эту субстанцию и ведет ее к какой-то цели; Сила это то, что мы обычно называем Природой. Затем, назначение, цели, ради которых создаются миры, должны быть выработаны сознанием, которое внутренне присутствует во всем существовании, силе и во всех их деяниях, и целью должно быть обладание собой и своим восторгом существования в мире. К этому должны сводиться все обстоятельства и все цели любого мирового существования в мире; это есть существование, вырабатывающее свои условия бытия, свою силу бытия, свое сознательное наслаждение бытием; если они вовлечены — их эволюция; если они завуалированы — их самопроявление.

Здесь душа живет в материальной вселенной; только это она непосредственно осознает; ее проблема заключается в реализации своих потенциальных возможностей в нем. Но Материя означает инволюцию сознательного наслаждения бытия в самозабывающую силу и в

самоделяющуюся, раздробленную на бесконечно малые формы субстанцию. Поэтому весь принцип и усилия материального мира направлены на разворачивание того, что свернуто, и развитие того, что недоразвито. Здесь с самого начала все сокрыто в насильственно действующем бессознательном сне материальной силы; поэтому основная цель любого материального становления заключается в том, чтобы разбудить сознание в бессознательном; полным завершением материального становления должно стать снятие завесы с Материи и просветленное раскрытие полностью самосознающего Бытия своей собственной лишенной свободы душе в становлении. Поскольку Человек является такой лишенной свободы душой, то такое яркое высвобождение и достижение знания себя должно быть его высшей целью и условием его совершенствования.

Но ограничения материального мира кажутся враждебными должному осуществлению этой цели, которая остается неизбежно самой высокой целью ментального существа, рожденного в физическом теле. Вначале существование сформировало себя здесь, свое основание, в виде Материи; оно было объективизировано, стало ощутимым и конкретным для его собственного самопереживающего сознания-силы в форме самоделяющейся материальной субстанции, и, путем соединения частей этой Материи, для человека было создано отдельное физическое тело, отделенное от других и подчиняющееся определенным привычкам процесса или, как мы их называем, законам бессознательной материальной Природы. Его сила бытия также есть природа или Сила, действующая в Материи, которая медленно вышла из несознания в жизнь и всегда ограничена формой, всегда зависит от тела, всегда отделена им от остальной Жизни и от других живых существ, всегда встречает препятствия в своем развитии, существовании, самосовершенствующаяся по законам Бессознательного и посредством ограниченности телесной жизни. В равной степени его сознание — это ментальность, проявившаяся в теле и в резко индивидуализированной жизни; поэтому оно ограничено в своей деятельности и возможностях, и зависит от органов тела, которые не на многое способны, и от очень ограниченной жизненной силы; оно отделено от остального космического ума и закрыто для мыслей других ментальных существ, внутренняя работа которых является книгой за семью печатями для физического ума человека, за исключением того, что он может прочесть в ней по аналогии со своей собственной ментальностью и по их неадекватным телесным знакам и самовыражениям. Его сознание постоянно впадает назад в бессознательное, в котором всегда находится значительная его часть, его жизнь обращена к смерти, его физическое существо — к распаду. Его восторг существования зависит от отношений этого несовершенного сознания с его окружением, основанных на физических ощущениях и чувственном уме, другими словами, на ограниченном уме, пытающемся овладеть внешним и чуждым ему миром при помощи ограниченного тела, ограниченной виталической силы, ограниченных органов. Поэтому его власть обладания ограничена, его сила восторга ограничена, и каждое прикосновение мира, которое превышает его силу, которого эта сила не в состоянии вынести, за которое она не может ухватиться, не может ассимилировать и овладеть, должно превратиться во что-то другое, не восторг, а в боль, дискомфорт или печаль. Или она должна встретиться с невосприятием, нечувствительностью, а если же и будет принята, то отстранена безразличием. Более того, тот восторг бытия, которым он обладает, не является естественным и вечным владением, подобно самовосторгу Сатчитананды, а дается опытом и приобретением во Времени, и поэтому может поддерживаться и продлеваться путем повторения опыта, и по своей природе является ненадежным и преходящим.

Все это значит, что естественные отношения Пуруши с Пракрити в материальном мире есть полное поглощение сознательного существа в силу ее творений, поэтому полное самозабвение и самоневежество Пуруши, полное господство Пракрити, и подчинение души Природе. Душа не

знает себя, то, что она знает, — это труды Пракрити. Проявление индивидуальной самосознающей души в Человеке само по себе не аннулирует эти первоначальные отношения невежества и подчинения. Ибо душа живет на материальном уровне существования, в позиции Пракрити, в которой материя все еще является главным детерминантом ее отношений с Природой, и ее сознание, будучи ограничено Материей, не может быть полностью самообладающим сознанием. Даже мировая Душа, если она ограничена материальной формулой, не может полностью владеть собою; в еще меньшей мере это возможно для индивидуальной души, для которой остальное существование становится, благодаря телесному, виталическому и ментальному ограничению и отделению, чем-то внешним по отношению к ней, от которого она все еще зависит для своей жизни и своего восторга, и своего знания. Эти ограничения его власти, знания, жизни, восторга бытия являются всей причиной неудовлетворенности человека собой и вселенной, И если бы материальный мир был всем, а материальный уровень — единственным уровнем его бытия, тогда человек — индивидуальный Пуруша — не достиг бы никогда совершенства и самоосуществления, и какой-либо другой жизни, кроме животной. Должны существовать либо миры, в которых он был бы освобожден от этих неполных и неудовлетворительных отношений Пуруши и Пракрити, либо уровни его собственного существования, достигнув которых, он мог бы превзойти их [отношения], или же, в крайнем случае, уровни, миры и высшие создания, от которых он мог бы получить знание, силу, радость, или помощь в овладении ими, иначе рост его существа невозможен. Все это, утверждает древнее знание, существует — другие миры, более высокие уровни, возможности общения, восхождения, роста путем контактов и влияния того, что находится выше его по теперешней шкале его реализованного существования.

Поскольку имеется положение равновесия отношений Пуруши и Пракрити, в котором Материя, мир материального существования, является первым решающим фактором, то также существует другое, несколько выше этого, где Материя не главенствует, а ее место, как первый решающий фактор, занимает Жизненная сила [120](#). В этом мире формы не определяют условия жизни, а это жизнь определяет формы, поэтому формы там гораздо свободнее, текучее, и, по нашему понятию, странно меняющиеся, по сравнению с материальным миром. Эта жизненная сила не есть бессознательная материальная сила, даже, кроме своих низших движений, не элементарная подсознательная энергия, но она является сознательной силой бытия, направленная на формирование, но в гораздо большей степени не наслаждение, обладание, удовлетворение своего собственного динамического импульса. Поэтому желание и удовлетворение импульса является первым законом этого мира абсолютно виталического существования, этого равновесия отношений между душой и ее природой, в которых жизнь-сила [121](#) играет с гораздо большей свободой и способностью, чем в нашей физической жизни; его можно назвать миром желаний, ибо такова его принципиальная характеристика. Более того, он не закреплен в одной трудно изменяемой формуле, как, по-видимому, происходит в физической жизни, но способен многократно варьировать свое положение, допускает существование многих подуровней от таких, которые соприкасаются с материальным бытием и как бы растворяются в нем, и до таких, которые доходят в интенсивности жизненной силы до уровней чистого ментального и психического бытия и растворяются в нем. Ибо в Природе в бесконечной гамме бытия нет больших разрывов, нет глубоких пропастей, через которые надо перепрыгивать, но все переходит одно в другое, тонко и непрерывно; из этого ее сила различительного опыта создает порядок, определенные ранги, четкие градации, по которым душа разнообразно познает и овладевает своими возможностями бытия. Кроме того, так как единственной целью желания является какое-нибудь наслаждение, такой должна быть и общая тенденция мира желаний; но так как там, где душа не свободна, — а она не может быть свободна, будучи подчинена

желанию, — должно быть отрицательное, как и положительное во всем ее опыте, в этом мире имеются не только возможности больших, или сильных, или продолжительных наслаждений, почти невообразимых для ограниченного физического ума, но и возможности одинаково огромных страданий. Поэтому именно здесь расположены низшие небеса и ад, традициями и воображением которых человеческий ум соблазнял и запугивал себя с древнейших времен. Все человеческое воображение в действительности соответствует какой-нибудь реальности или реальной возможности, хотя они сами по себе могут быть совсем неточным представлением, или же облечены в слишком физические образы, и поэтому не способны выразить истину супрафизических реальностей.

Поскольку природа является комплексным единством, а не кучей несвязанных между собой феноменов, то не может быть непроходимой пропасти между материальным существованием и этим виталическим миром, или миром желаний. Наоборот, можно сказать, что в некотором смысле они существуют друг в друге и, по крайней мере, до некоторой степени взаимозависимы. В действительности, материальный мир на самом деле является чем-то вроде проекции виталического, вещь, которую он исторг и отделил от себя для того, чтобы осуществить некоторые свои желания при иных условиях, чем свои собственные, которые являются логическим результатом его же собственных наиболее материальных страстных желаний. Можно сказать, что жизнь на земле является результатом давления этого жизненного мира [122](#) на материальное, бессознательное существование физической вселенной. Наше собственное проявленное виталическое существо также является только поверхностным результатом большего и более основательного виталического существа, которое имеет свое должное место на жизненном уровне и через которое мы связаны с жизненным миром. Более того, жизненный мир постоянно влияет на нас, и за всем в материальном существовании стоят соответствующие силы жизненного мира; даже самое грубое и элементарное имеет за собой элементарные жизне-силы [123](#), элементарные существа, которые их поддерживают. Влияния жизненного мира всегда изливаются на материальное существование, вызывают там свои силы и результаты, которые затем возвращаются в виталический мир для его модификации. Отсюда постоянно исходят касания и влияния на нашу виталическую часть, на наши желания; там также имеются благодатные и вредные силы добрых желаний и злых желаний, которые совсем не безразличны к нам, даже когда мы не знаем и не беспокоимся об этом. Но эти силы не являются только тенденциями, бессознательными силами, ни подсознательными, за исключением находящихся на границах с Материей, они являются сознательными силами, существами, живыми влияниями. По мере того как мы пробуждаемся к более высоким уровням нашего существования, мы познаем их как друзей или врагов, силы, которые хотят властвовать или такие, которыми мы можем управлять, преодолеть, выйти из под их влияния и оставить позади себя. Это те возможные отношения человеческого существа с силами виталического мира, которые так сильно занимали европейский оккультизм, особенно в Средние Века, как и некоторые формы восточной магии и спиритуализма. "Суеверия" прошлого, — было много суеверий, так сказать, много невежественной и искаженной веры, ложных объяснений и темного, неуклюжего использования законов запредельного — все же основывались на истинах, которые будущая Наука, освободившаяся от своего единственного занятия материальным миром, сможет открыть вновь. Ибо супраматериальное в такой же степени является реальностью, как существование ментальных существ в материальном мире.

Но почему тогда мы естественным образом не знаем обо многом, что находится за нами и всегда давит на нас? По той же причине, по которой мы не знаем внутреннюю жизнь наших соседей, хотя она существует в такой же мере, как и наша собственная, и постоянно осуществляет оккультное влияние на нас, — ибо большая часть наших мыслей и чувств приходит

к нам извне, от наших собратьев, как от индивидуумов, так и от коллективного разума человечества; и по той причине, по которой мы не знаем большую часть своего бытия, которая является подсознательной по отношению к нашему бодрствующему уму и всегда влияет и скрытым путем предопределяет наше поверхностное существование. Это так, потому что мы пользуемся обычно только нашим телесным умом и живем почти исключительно телом, физической витальностью и физическим умом, а виталический мир не вступает в отношения с нами непосредственно через них. Это осуществляется через другие оболочки нашего существа, — так называются они в Упанишадах, — другие тела, как они значатся по более поздней терминологии, ментальную оболочку или тонкое тело, в котором живет наше истинное ментальное существо, и жизненная оболочка или виталическое тело, которое более тесно связано с физической, или пищевой, оболочкой, и образует вместе с ней грубое тело нашего сложного существования. Они владеют силами, чувствами, возможностями, которые всегда тайно действуют в нас, связаны и вторгаются в наши физические органы и сплетения нашей физической жизни и ментальности. При помощи саморазвития мы можем осознать их, овладеть нашей жизнью в них, через них дойти до сознательных отношений с виталическим миром и другими мирами, и использовать их также для более тонкого опыта и более сокровенного и близкого знания истин, фактов и событий даже самого материального мира. Благодаря этому саморазвитию мы можем жить более или менее полно на уровнях нашего существования, иных, чем материальные, который в настоящее время составляет для нас все.

То, что было сказано о виталическом мире, относится, с необходимыми отличиями, к еще более высоким уровням космического существования. Ибо за его пределами находится ментальный уровень, мир ментального существования, в котором ни жизнь, ни материя, а ум является главной детерминантой. Там ум не детерминирован материальными условиями или виталической силой, но сам детерминирует и использует их для собственного удовлетворения. Там ум, так сказать, психическое и интеллектуальное существо в определенном смысле свободен, свободен по крайней мере для того, чтобы удовлетворить и проявить себя способом, который едва ли постижим нашей ментальностью, связанной телом и жизнью; ибо там Пуруша — это чистое ментальное существо, и его отношения с Пракрити определяются этой более чистой ментальностью. Природа там скорее ментальная, чем виталическая и физическая. Как виталический мир, так и, косвенным образом, материальный мир являются проекцией этого, результатом определенных тенденций ментального Бытия, ищущих поле деятельности, условия, сочетание гармоний, соответствующие их сущности; и можно сказать, что феномен ума в этом мире является результатом давления этого уровня сперва на виталический мир, а затем на жизнь в материальном существовании. В результате своей модификации в виталическом мире он создает в нас ум желаний; воздействуя непосредственно, он будит в нас более чистые силы нашего психического и интеллектуального существования. Но наша поверхностная ментальность является только вторичным результатом большей подсознательной ментальности, чье истинное местонахождение — на ментальном уровне. Этот мир ментального существования также постоянно действует на нас и на наш мир, имеет свои силы и свои существа, соотносится с нами через наше ментальное тело. Здесь мы находим психические и метальные небеса, к которым может подняться Пуруша, когда он сбрасывает свое физическое тело, и временно пребывать там, пока импульс к земному существованию опять потянет его вниз. Здесь также много уровней, низший, приближающийся к низшим мирам и растворяющийся в них, высший — на высотах силы ума [124](#), переходящий в миры более духовного существования.

Эти высшие миры являются супраментальными; они принадлежат принципу сверхума, свободному, духовному или божественному разуму [125](#) или гносису, и тройственному духовному принципу Сатчитананды. Отсюда воспроизводятся низшие миры, путем как бы падения Пуруши

в определенные специфические или ограниченные узкие условия игры души с ее природой. Но эти высшие миры также не отделены от нас непроходимой пропастью; они влияют на нас через так называемые оболочку знания и оболочку блаженства, через каузальное или духовное тело и, менее непосредственно, через ментальное тело, их тайные силы также не отсутствуют в творениях виталического и материального существования. Наше сознательное духовное бытие и наш интуитивный ум просыпаются в нас в результате давления этих высших миров на ментальное существо в жизни и теле. Но это казуальное тело, как мы говорим, мало развито в большинстве людей, и жить в нем или подняться до супраментальных уровней, которые отличаются от соответствующих подуровней в ментальном бытии, или, более того, сознательно обитать на них — самая трудная вещь из всех для человеческого существа. Это можно осуществить во время транса Самадхи, а иначе — только в результате новой эволюции возможностей индивидуального Пуруши, о которой лишь немногие даже в состоянии размышлять. Между тем — это условие совершенного самосознания, только при помощи которого Пуруша может осуществлять полный контроль над Пракрити; ибо здесь даже не ум является определяющим, а Дух свободно осуществляет низшие дифференцирующие принципы, как второстепенные условия своего существования, руководимого высшими, и посредством их достигая их же истинных возможностей. Это само по себе являлось бы законченной эволюцией того, что вовлечено в инволюцию, и развитием неразвитого, тем, ради чего искал Пуруша в материальном мире, как бы испытывая себя, наибольших трудностей.

118. Например, Тантрическая в Индии. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

119. Мы надеемся заняться этим впоследствии; но прежде всего в Арья нас интересуют духовные и философские истины; только после их усвоения возможен надежный и ясный подход к психическому. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

120. Life-power

121. life-power

122. life-world. Употребляется в том же смысле, что в vital plane — виталический уровень существования. (*Прим. пер.*)

123. life-powers

124. mind-power

125. Называемое vijñana или buddhi, слово, которое может привести к некоторому недоразумению, поскольку оно применяется также к ментальному интеллекту, который является только более низкой производной божественного гносиса. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

ТАКОВ основополагающий принцип различных миров космического существования и различных уровней нашего бытия; они как лестница, спускающаяся в Материю, а, возможно, и еще ниже, поднимающаяся в высоты Духа, даже, возможно, до той точки, в которой существование уходит из космического бытия в разные степени супракосмического Абсолюта, — так, по крайней мере, утверждается в буддистской системе мироздания. Но для нашего обычного материализованного сознания все это не существует, потому что оно скрыто от нас нашими заботами о своем существовании в маленьком уголке материальной вселенной и мелкими переживаниями того короткого отрезка времени, который отведен нам на нашу жизнь в одном теле на этой земле. Для этого сознания мир — это масса материальных объектов и сил, облеченных в какие-то формы и гармонизированных в систему организованных движений несколькими фиксированными самосуществующими законами, которым нам приходится подчиняться, которые нами управляют и нас ограничивают, и которые мы должны как можно лучше понять, чтобы как можно лучше использовать единственный краткий миг существования, начинающийся рождением и заканчивающийся смертью, и никогда не повторяющийся. Наше собственное бытие — это своего рода случайность или, по крайней мере, небольшое и незначительное обстоятельство во вселенской жизни Материи или в вечном потоке творений материальной Силы. Каким-то образом душа или ум оказались в теле, и оно бредет среди вещей и сил, которые не очень хорошо понимает, сначала целиком поглощенное проблемами выживания в опасном и по большей части враждебном мире, а затем усилиями понять его законы и использовать их, чтобы сделать жизнь как можно более терпимой или счастливой, пока она еще продолжается. Если бы мы действительно не представляли собой ничего более, чем такое незначительное движение индивидуализированного ума в Материи, существование не могло бы предложить нам ничего сверх этого; его лучшая часть представляла бы собой не более, чем такую борьбу эфемерного интеллекта и воли с вечной Материей и с трудностями Жизни, дополненную и смягченную игрой воображения и утешительными фикциями, которые нам предлагают религия и искусство, и всеми чудесами, о которых лелеет ум и беспокойная фантазия человека.

Но так как он есть душа, а не только живое тело, человек никогда не может надолго удовлетвориться тем, что такой первый взгляд на его существование, единственно оправданный внешними и объективными фактами жизни, и есть действительно истина и все знание: его субъективное бытие всячески подсказывает и намекает ему, что есть другая реальность, оно открыто чувству бесконечности и бессмертия, оно легко верит в существование других миров, большие возможности бытия, большие просторы для опыта его души. Наука открывает нам объективную истину существования и дает поверхностное знание нашего физического и виталического бытия; но мы чувствуем, что есть другие, запредельные истины, которые могут, благодаря развитию нашего субъективного бытия и расширения его возможностей, открываться нам все больше и больше. Когда мы уже достаточно знаем этот мир, мы испытываем непреодолимое желание познавать другие состояния существования, и это та причина, почему периоды сильного влияния материализма и скептицизма всегда сменяются периодами оккультизма, мистических верований, новых религий и углубленными поисками Бесконечного и Божественного. Знаний о нашей поверхностной ментальности и о законах нашей телесной жизни не достаточно; они всегда приводят нас к той таинственной и скрытой глубине субъективного существования, по отношению к которому наше поверхностное сознание —

только самый его край или подступ. Мы начинаем понимать, что нашим физическим чувствам доступна только материальная скорлупка космического существования, и то, что очевидно нашей поверхностной ментальности, есть только береговые линии огромных континентов, которые остаются неисследованными. Чтобы их изучить, нужно не то знание, которое дает нам физическая наука или поверхностная психология.

Религия — первая попытка человека подняться выше себя и выше очевидных и материальных фактов своего существования. И первое ее существенное достижение — это способность подтвердить и сделать для него реальным его субъективное чувство Бесконечности, от которого зависит его материальное и ментальное бытие, и стремление его души приблизиться к ней и жить в контакте с нею. Функция религии состоит в том, чтобы убедить человека в такой возможности, о которой он всегда мечтал, но о которой его обычная жизнь не дает ему никакого подтверждения, возможности подняться над собой и вырасти из своей телесной жизни и смертности в радость бессмертной жизни и духовного существования. Она так же утверждает в человеке чувство, что есть миры и уровни бытия за пределами того мира, в котором ему суждено пребывать сейчас, миры, в которых смертность и подверженность пороку и страданию не являются естественным состоянием, а скорее блаженство бессмертия есть вечное состояние. В данном случае религия дает человеку правила, по которым в своей смертной жизни он готовит себя к бессмертию. Он — душа, а не тело, и его земная жизнь — это средство определения будущих условий его духовного бытия. В этом все религии сходятся; но дальше этого мы не находим в них ничего достаточно определенного. Утверждаемое ими различно; одни говорят нам, что жизнь на земле — это все, что у нас есть, чтобы определить наше будущее существование, отрицают прошлое бессмертие души и утверждают только ее будущее бессмертие, даже угрожают ей невероятными догмами вечных страданий в будущем для тех, кто свернет с верного пути, другие, более широкие и рациональные, подтверждают последовательность существований, в которых душа растет в познание Бесконечности, и дают полные гарантии всем на достижение высшей цели и совершенства. Некоторые [религии] представляют нам бесконечность как Существо, отличное от нас, но с которым мы можем вступать в личные отношения, другие — как безличное существование, с которым наше отдельное бытие должно слиться; таким образом, одни предлагают нам в качестве цели другие миры, в которых мы пребываем в присутствии Божественного, а другие — прекращение мирового существования путем растворения в Бесконечном. Большинство предлагают нам влачить или покинуть свою земную жизнь как испытание или преходящую скорбь или тщетную суету, и устремить свои надежды за ее пределы; в некоторых мы находим смутный намек на будущий триумф Духа, Божественного, в теле, здесь на земле, в коллективной жизни человека, и таким образом оправдывают не только отдельную надежду и стремление индивидуума, но общие, всеми разделяемые, надежды и стремления расы. Религия — это фактически не знание, а вера и стремление; она в действительности подтверждается и неточным интуитивным знанием больших духовных истин, и субъективным опытом душ, которые поднялись выше обычной жизни, но сама по себе она дает нам только надежду и веру, побуждающие нас стремиться к сокровенному обладанию скрытыми путями и новыми реальностями Духа. То, что мы всегда превращаем те немногие ясные истины и символы, или целые религиозные учения, в застывшие догмы, показывает, что мы еще младенцы в отношении духовного знания, и еще далеки от науки Бесконечного.

И все же за каждой великой религией, за, так сказать, экзотерической стороной веры, надежды, символов, разбросанных истин и ограничивающих догм, есть эзотерическая сторона внутренней духовной подготовки и просветления, благодаря которым можно узнать скрытые истины, понять их и овладеть. За всякой экзотерической религией есть эзотерическая Йога,

интуитивное знание, к которому эта вера есть первый шаг, невыразимые реальности, которые ее символы метафорически выражают, более глубокий смысл ее лежащих на поверхности истин, тайны ее высших уровней бытия, на которые ее догмы и суеверия лишь смутно намекают и указывают. То, что Наука делает для нашего знания материального мира путем замены первых впечатлений от скрытых истин и их применений и все еще скрытого действия его мощных природных сил, а в нашем уме — верований и мнений — на достоверный опыт и более глубокое понимание, то Йога делает для более высоких уровней, и миров, и возможностей нашего бытия, к которым обращены религии. Поэтому вся эта масса различного опыта, существующего за закрытыми дверями, к которым сознание человека, если пожелает, может найти ключ, попадает в область всеобщей Йоги знания, которая не ограничивается только поисками одного Абсолюта или познания Божественного как такового, или Божественного только в отдельно взятых отношениях с индивидуальной человеческой душой. Правда, что сознание Абсолюта — это высшая стадия Йоги знания, а овладение Божественным — ее первая, величайшая и самая желанная цель, и что пренебречь ею ради менее значительного знания означало бы недооценку нашей Йоги или даже легкомысленное к ней отношение, не понимание или уклонение от ее основной цели; но, познав Божественное само по себе, Йога знания может с успехом включить в себя и Божественное в его отношениях с нами и с миром на разных уровнях нашего существования. Чтобы подняться к чистому бытию Я, постоянно стоящему перед нами как вершина нашего субъективного самовозвышения, мы можем с этой высоты овладеть низшими состояниями своего Я, вплоть до физического, и творениями Природы, которые им принадлежат.

Мы можем искать это знание отдельно с каждой стороны, со стороны Пуруши и со стороны Пракрити; и мы можем объединить их, чтобы полностью овладеть различными отношениями Пуруши и Пракрити в свете Божественного. Упанишады говорят, что есть пятисторонняя душа в человеке и в мире, в микрокосме и макрокосме. Физическая душа, я или бытие — Пуруша, Атман, — это то, что все мы осознаем сначала, я, которое, кажется, не имеет какого-либо существования отдельно от тела и никакого действия, виталического или даже ментального, независимо от него. Эта физическая душа повсюду присутствует в материальной Природе; она пронизывает тело, незаметно приводит в действие его движения и есть вся основа его опыта; она наполняет и одушевляет все, даже то, что не имеет ментального сознания. Но в человеке это физическое бытие витализированно и ментализированно; оно получило что-то от закона и возможностей виталического и ментального бытия и природы. Но он владеет ими как производными, наложенными как бы на его первичную природу, и в своем действии они подчиняются закону и действию физического существования и его инструментов. Именно это подчинение наших ментальной и виталической частей тела физической природе на первый взгляд оправдывает теорию материалистов, утверждающих, что ум и жизнь — это только обстоятельства и результаты физической силы, и все их действия объясняются действием этой силы в животном теле. В действительности, полное подчинение ума и жизни телу характерно для неразвитой человеческой природы, так же как и еще в большей степени, для животного, стоящего ступенькой ниже. В соответствии с теорией перевоплощения те, кто не поднимаются выше этой стадии, в земной жизни, не могут подняться и после смерти в ментальные или высшие виталические миры, но должны, побывав на нескольких физических уровнях, вернуться, чтобы продолжить свое развитие в следующем земном существовании. Ибо неразвитая физическая душа полностью подчиняется материальной природе и ее впечатлениям, и должна усовершенствоваться, прежде чем она сможет подняться на более высокий уровень бытия.

Более развитая человеческая природа позволяет нам лучше и свободнее использовать все возможности и весь опыт, который мы извлекаем из виталических и ментальных уровней бытия,

больше опираться для поддержки на эти скрытые уровни, не позволять физическому поглощать себя, управлять и изменять первоначальную природу физического бытия более сильными виталическими силами и возможностями мира желаний, и более сильными и тонкими ментальными силами и возможностями психического и интеллектуального уровней. В результате такого развития мы можем подняться на более высокие уровни промежуточного бытия между смертью и новым рождением и лучше, быстрее использовать само это новое рождение для еще более высокого ментального и духовного развития. Но даже так, в физическом существовании, которое все еще определяет большую часть нашего бодрствующего я, мы действуем без определенного сознания миров или уровней, которые являются источниками нашей деятельности. Действительно, мы знаем об уровне виталического и умственного, ментальном уровне физического бытия, но не о виталическом или ментальном уровне как таковом, или о высшем и большем виталическом и ментальном бытии, которым мы являемся за завесой нашего обычного сознания. Только на высокой стадии развития мы узнаем о них, и даже тогда, обычно, только на заднем плане действия нашей ментализированной физической природы; мы собственно не живем на тех уровнях, так как если бы мы жили там, мы могли бы очень скоро научиться сознательно контролировать тело виталической силой, а последнюю, вместе с первым, — полновластным умом; мы бы тогда смогли определять нашу физическую и ментальную жизнь в огромной степени своей волей и знанием, как хозяева своего бытия, чей ум оказывает прямое действие на жизнь и тело. С помощью Йоги эту способность подняться над своим физическим я и овладеть более высокими я можно получить, в большей или меньшей степени, через повышенное и расширенное самосознание и самоконтроль.

Со стороны Пуруши это можно сделать путем ухода от своего физического я, которое занято только физической природой, путем сосредоточения своей мысли и воли поднимаясь в виталическое, а затем и в ментальное я. Сделав так, мы можем стать виталическим существом и вобрать свое физическое я в это новое сознание так, что мы будем воспринимать тело, его природу и его действия только как второстепенные обстоятельства Жизненной души [126](#), которой мы теперь являемся, и которая использует их как способ поддержания отношений с материальным миром. Некоторая отдаленность от физического бытия и затем превосходство над ним; ясное чувство, что тело — только инструмент, или скорлупа, и легко отделяется; необычайно сильное действие наших желаний на наше физическое существо и на жизненную среду; сильное чувство власти и свободы манипулировать и направлять жизненную энергию, которую мы теперь так ясно сознаем, ибо ее действие ощущается нами конкретно, тонко физическое по отношению к телу, осязаемое в каком-то легком сгустке как энергия, используемая умом; ощущение внутри себя виталического уровня, находящегося выше физического, и знание и контакт с существами мира желаний; вступление в действие новых сил — тех, что обычно называют оккультными силами или Сиддхи; чувство близости и общности с Жизненной Душой в мире, и знание или ощущение эмоций, желаний, жизненных импульсов других; таковы некоторые признаки этого нового сознания, достигнутого с помощью Йоги.

Но все это относится к нижним стадиям духовного опыта и на самом деле, пожалуй, не более духовно, чем физическое существование. Нам нужно идти тем же путем все выше и подняться в ментальное я. Сделав это, мы можем стать ментальным я и подтянуть к нему физическое и виталическое бытие, чтобы жизнь и тело и их функции стали для нас второстепенными обстоятельствами нашего бытия, которые мы, являясь Умственной душой [127](#), используем для достижения своих низших целей, принадлежащих материальному существованию. Здесь мы тоже сначала отдаляемся на некоторое расстояние от жизни и тела, и наша реальная жизнь, кажется, находится совсем на другом уровне по сравнению с жизнью материального человека, в контакте с более тонким существованием, с большим светом знания,

чем земной, с гораздо менее плотной, но более властной и независимой энергией; мы фактически соприкасаемся с ментальным уровнем, ощущаем ментальные миры, можем общаться с их существами и силами. С этого уровня мы взираем на мир желаний и материальное существование, которые как бы под нами, как будто мы можем их отбросить, если пожелаем, и действительно легко отбрасываем, когда покидаем тело, чтобы подняться в ментальные, или психические, небеса. Но мы можем также не просто отдалиться и отделиться, но стать выше жизни и тела, и виталических и материальных уровней и властно воздействовать на них с новой высоты нашего бытия. Другая динамика, не физическая или жизненная энергия, а нечто, что можно назвать чистой силой ума или силой души, которые развитое человеческое существо действительно использует, но как производные и несовершенно, но которыми мы можем теперь пользоваться свободно и со знанием, становится обычным процессом нашей деятельности, в то время как сила желания и физическая деятельность отходят на второй план, и используются только вместе с этой новой энергией, которая питает их, и в качестве ее каналов. Мы также соприкасаемся и общаемся с Разумом в космосе, сознаем его, знаем о его намерениях, направлении движения, мысленных силах, о борьбе тонких сил, стоящей за любым событием, о чем обычный человек не подозревает или может только смутно догадываться по физическим событиям, а мы теперь можем видеть и чувствовать непосредственно еще до того, как появятся какие-то физические признаки или хотя бы виталические намеки на их действие. Мы также приобретаем знание и ощущение действия ума других существ и на физическом уровне, и на других, более высоких; и более широкие возможности ментальных существ, — оккультные силы или Сиддхи, но гораздо более разреженные или более тонкие, чем те, которые соответствуют виталическому уровню, — естественно пробуждаются в нашем сознании.

Все это, однако, обстоятельства низшего тройственного мира нашего бытия, *trailoka*, как называли его древние мудрецы. Как бы ни выросли наши силы и наше сознание, пока мы живем на этих уровнях, мы все еще живем в пределах ограничений космических богов и подчиняемся, хотя и тоньше, легче и совсем иначе, власти Пракрити над Пурушей. Чтобы достичь настоящей свободы и власти, мы должны подняться на более высокий уровень многоярусной вершины нашего бытия.

126. the Life-soul

127. the Mind-soul

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ этого низшего тройственного бытия и этого низшего тройственного мира, до которой наше сознание, и его сила, и результаты обычно являются ограниченными, трансценденция, которая объясняется пророками Веды как выход за пределы или прорыв за пределы двух сводов, небесного и земного, — открывает иерархию бесконечностей, для которых нормальное существование человека, даже в его наивысшем и наиболее широком полете, все еще чуждо. На эту высоту, даже на низшую ступень ее иерархии, ему трудно подняться. Разобщение, сильное на практике, хотя и нереальное по существу, разделяет все бытие человека, микрокосм, так же, как оно разделяет мировое бытие, макрокосм. Оба имеют высшую и низшую полусферы, *parardha* и *aparardha* древней мудрости. Высшая сфера есть полное и вечное царство Духа; ибо здесь он проявляется без прекращения или сокращения своих бесконечностей, развертывает нескрываемую славу своего беспредельного существования, своего беспредельного сознания и знания, свою неограниченную силу и власть, свое беспредельное блаженство. Низшая полусфера в равной степени принадлежит Духу; но здесь он плотно завуалирован благодаря своему недостаточному самовыражению посредством ограниченного ума, замкнутой жизни и делимого тела. Я в низшей полусфере скрыто пеленой имени и формы; его сознание разбито благодаря разделению на внутреннее и внешнее, индивидуальное и мировое; его видение и чувства повернуты наружу; его сила, ограниченная благодаря разделению его сознания, действует в оковах; его знание, воля, власть, восторг, разобщенные этим делением, ограниченные этим ограничением, открыты воздействию своих противоположных или обратных форм, невежеству, слабости и страданиям. Мы можем в действительности почувствовать истинное Я, или Дух, в себе, обратив наше чувство и взгляд вовнутрь; мы также можем обнаружить то же Я, или Дух, во внешнем мире и его явлениях, погрузив их там так же внутрь сквозь завесу имен и форм в то, что пребывает там, в этих явлениях, или же стоит за ними. Наше нормальное сознание, посредством этого взгляда внутрь, может отраженно ощутить беспредельное бытие, сознание и восторг этого "Я" и стать причастным пассивной или статичной бесконечности этих вещей. Но мы можем только в очень ограниченной степени стать причастны к его активному или динамичному проявлению знания, власти и радости. Даже эта статичная отраженная идентичность может быть обычно достигнута лишь после большого и длительного усилия и в результате многих жизней прогрессивного саморазвития; ибо очень прочно связано наше обычное сознание с законом своей низшей полусферы бытия. Чтобы понять возможность трансцендирования ее вообще, мы должны подтвердить практической формулой отношения между мирами, которые составляют эти две сферы.

Все определяется Духом, ибо все, от самого тонкого существования до грубейшей материи является проявлением Духа. Но Дух, Я или Бытие определяет тот мир, в котором живет, и опыт своего сознания, силы и восторга в этом мире, путем какой либо позиции равновесия — среди многих возможных — в отношениях между Пурушей и Пракрити, Душой и Природой, — какой-нибудь основной позиции в том или другом из своих космических принципов. Заняв позицию в принципе Материи, он становится физическим я физического мира под властью физической Природы; тогда Дух поглощен в своем опыте Материи; над ним доминирует невежество и инерция тамасической Силы, присущей физическому существованию. В индивидууме он становится материализованной душой, *appamaya purusa*, чья жизнь и ум развились из невежества и инерции материального принципа и подвержены их основным ограничениям. Ибо жизнь в Материи действует в зависимости от тела; ум в Материи действует в зависимости от тела и от

виталического или нервного бытия; сам дух в Материи ограничен и разделен в своем самоотношении и своих силах ограничениями и разобращениями этого управляемого материей и ведомого жизнью умом. Эта материализованная душа живет, будучи привязанной к физическому телу и к его узкому поверхностному внешнему сознанию, и она обычно принимает за всю истину существования переживания своих физических органов, своих чувств, своих обусловленных материей жизни и ума, в лучшем случае какие-нибудь ограниченные духовные проблески.

Человек есть дух, но дух, который живет как ментальное существо в физической Природе; для своего самосознания он является умом в физическом теле. Но, прежде всего, он является ментальным существом материализованным, и он принимает материализованную душу, *anama ya purusa*, за свое действительное я. Он вынужден признать, по выражению Упанишад, Материю за Брахмана, ибо здесь его взгляд видит Материю как то, из чего рождается все, благодаря чему все живет и к чему все возвращаются после своей кончины. В его естественном высшем понимании Дух является Бесконечностью, предпочтительно бессознательной бесконечностью, населяющей или пронизывающей материальную вселенную (только которую он и знает), и проявляющую силу своего присутствия все эти формы вокруг себя. Его естественное высшее восприятие себя есть туманно воспринимаемая душа или дух, душа, проявляющаяся только через переживание физической жизни, связанная физическими феноменами и вынужденная после своего растворения вернуться, в силу автоматической необходимости, в обширную неопределенность Бесконечного. Но, имея возможность саморазвития, он может подняться за пределы этих естественных концепций материализованной души; он может дополнить их определенным производным опытом, извлеченным из супрафизических уровней и миров. Он может сосредоточивать ум и развить ментальную часть своего бытия, обычно за счет полноты своей виталической и физической жизни, и в конце ум начинает превалировать и может раскрыться Потустороннему. Он может сосредоточить этот самоосвобождающийся ум на Духе. Здесь также обычно в течение процесса он все больше и больше отстраняется от своей полной ментальной и физической жизни; он ограничивает или препятствует их возможностям, насколько это ему позволяет его материальная основа в природе. В конечном счете его духовная жизнь превалирует, уничтожает его тенденции, связанные с земным существованием, и рвет его связи и ограничения. Одухотворенный, он помещает свое настоящее существование в других, запредельных мирах, на небесах виталического или ментального уровня; он начинает рассматривать жизнь на земле как болезненное и беспокойное происшествие, или путь, на котором он никогда не достигнет полного наслаждения своим внутренним идеальным я, своей духовной сущностью. Более того, его высшее понимание Я, или Духа, более или менее соответствует квиетистическому; ибо, как мы видели, он может полностью испытывать только его статистическую бесконечность, спокойную свободу Пуруши, неограничиваемую Пракрити, Душу, отделившуюся от Природы. В нем может возникнуть некоторое божественное динамическое проявление, но оно не может полностью подняться выше тяжелых ограничений физической Природы. Покой безгласного и пассивного Я более легко достигается, и он может более легко и полно сохранять его; слишком трудно для него блаженство бесконечной активности, динамизм неизмеримой Мощи.

Но Дух может занять положение равновесия в принципе Жизни, не в Материи. Дух, установившийся таким образом, становится виталическим я виталического мира, Жизненной Душой Жизненной энергии [128](#) в царстве сознательной динамической Природы. Поглощенный переживаниями силы и игрой сознательной Жизни, он находится во власти желаний, активности и страстей раджасического принципа, присущего виталическому существованию. В индивидууме этот дух становится виталической душой, *pranama ya purusa*, в природе которой

жизненные энергии тиранят ментальный и физический принципы. Физический элемент в виталическом мире охотно придает форму своим действиям и формациям в ответ на его желания и воображения, он служит и подчиняется страсти и силе жизни, и их формациям, и не мешает им, не ограничивает их, как он это делает здесь на земле, где жизнь — случайное явление в неподвижной Материи. Ментальный элемент также моделируется и ограничивается жизненной силой, послушен ей, и только помогает обогатить и осуществить ее желание и энергию ее импульсов. Эта виталическая душа живет в виталическом теле, состоящем из субстанции более тонкой, чем физическая материя, это субстанция, заряженная сознательной энергией, способная к гораздо более сильным восприятиям, возможностям, чувственной активности, чем то, что может быть представлено грубыми атомистическими элементами земной материи. Человек также имеет в себе, за его физическим существом, подсознательно, невидимые и неизвестные, но очень близкие к нему и образующие вместе с ним наиболее естественно активную часть его существования эту виталическую душу, эту виталическую природу и это виталическое тело; целый виталический уровень, связанный с виталическим миром или миром желаний, сокрыт в нас, тайное сознание, в котором жизнь и желание находят свою игру без помех и легкую возможность самовыражения, и оттуда посылают свое влияние и формации в нашу внешнюю жизнь.

Пропорционально тому, как сила этого жизненного уровня проявляется в нем и овладевает его физическим бытием, этот сын земли становится проводником жизненной энергии, сильным в своих желаниях, неистовым в своих страстях и эмоциях, динамичным в своих действиях, все больше и больше человеком раджасического типа. Теперь у него есть возможность для пробуждения в сознании к виталическому уровню, стать виталической душой, *pranama ya purusa*, войти в виталическую природу и жить в тайном виталическом так же, как в видимом физическом теле. Если он достигнет такого изменения с некоторой полнотой и однозначностью — обычно это происходит при больших и благотворных ограничениях, или при спасительных осложнениях [129](#) — и без того, чтобы подняться за пределы этих вещей, без того, чтобы вознестись на суправиталическую высоту, откуда они могут быть использованы, очищены, возвышены, тогда он становится низшим типом Асура или Титана, Ракшасом по природе, душой большой силы и жизненной энергии, увеличенным или истощенным силой безграничного желания и страсти, преследуемый и гонимый активной способностью и колоссальным раджасическим эго, но обладая гораздо большими и более разнообразными силами, чем те, которыми обладает физический человек в обычной более инертной земной природе. Даже если он сильно развил ум на виталическом уровне, и использует его динамическую энергию для самоконтроля, как и для самоудовлетворения, он все же остается носителем Асурического энергизма (*tapasya*), хотя и более высокого типа и направленного на более управляемое удовлетворение раджасического эго.

Однако, на виталическом уровне возможно, как и на физическом, подняться до определенного духовного величия, в присутствии этому уровню роде. Виталический человек имеет возможность подняться за пределы концепций и энергий, естественных для души желаний и уровня желаний. Он может развить более высокую ментальность и, в условиях виталического бытия, он может сосредоточиться на некоей реализации Духа, или Я, находящегося за пределами его форм и сил, или выше их. При такой духовной реализации была бы меньшая необходимость в квиетизме; ибо имелась бы большая возможность для активного осуществления блаженства и мощи Вечного, имелись бы более мощные и более самоудовлетворенные силы, более богатое цветение динамичной [130](#) Бесконечности. Тем не менее эта действенность никогда даже не приблизилась бы к полному и настоящему совершенству; ибо условия мира желаний, также как и физического, являются недостаточными для развития полной духовной жизни. Виталическое

существо также должно развить дух в ущерб своей полноте, активности и жизненной силе в низшей полусфере нашего существования, и в конечном счете отойти от виталической формулы и от жизни либо к Безмолвию, либо к невыразимой Силе за его пределами. Если он не уйдет из жизни, он должен оставаться в цепях жизни, ограниченным в своем самоосуществлении притягивающим вниз миром желаний, и его доминирующим раджасическим принципом. На виталическом уровне также невозможно полное совершенство; душе, которая достигает только этого, пришлось бы вернуться к физической жизни для получения большего опыта, более высокого саморазвития, более непосредственного подъема к Духу.

Выше материи и жизни стоит принцип ума, ближе к тайной Первопричине вещей. Дух, принявший равновесное положение в уме, становится ментальным я ментального мира и пребывает там в царствовании своей собственной чистой и светлой ментальной Природы. Там он действует в интенсивной свободе космического Интеллекта, поддерживаемый совместными трудами психоментальной и более высокой эмоциональной умственной силой, облагораживаемый и просветленный ясностью и счастьем саттвического принципа, соответствующего ментальному существованию. В индивидууме дух, утвердившийся таким образом, становится ментальной душой, *manomaya rupa*, в природе которого ясность и светлая сила ума действуют в полных правах, независимо от каких-либо ограничений или подавлений виталическими или телесными инструментами; скорее, она господствует и полностью определяет формы своего тела и силы своей жизни. Ибо ум на своем собственном уровне не ограничен жизнью и не встречает препятствий, создаваемых материей, как это имеет место здесь на земле. Эта ментальная душа живет в ментальном, или тонком, теле, которое обладает способностью к знанию, пониманию, симпатии и взаимопроникновению с другими существами, трудно вообразимым для нас, а также свободной, тонкой и обладающей обширным радиусом действия способностью чувствовать, не ограниченной более грубыми условиями виталической или физической природы.

Человек также имеет в себе, подсознательно, неведомо и незримо, спрятанную за его бодрствующим сознанием и видимым организмом, эту ментальную душу, ментальную природу, ментальное тело и ментальный уровень, не материализованный, где принцип Ума находится у себя дома, а не как здесь, в борьбе с миром, враждебным ему, препятствует его свободе и оскверняет его чистоту и ясность. Все более высокие способности человека, его интеллектуальные и психоментальные бытие и силы пробуждаются и умножаются пропорционально тому, как сильно этот ментальный уровень оказывает на него давление. Ибо чем больше он проявляется, тем больше он влияет на физические части, тем больше он обогащает и возвышает соответствующий ментальный уровень заключенной в теле природы. На определенной высоте своего растущего господства он может сделать человека истинным человеком, а не просто рассуждающим животным; ибо он тогда дает свою характерную силу ментальному существу в нас, которым является наше человечество во внутренне управляющей, но все же встречающей слишком много затруднений сущности своей психологической структуры.

Человек может пробудиться к этому более высокому, ментальному сознанию, стать этим ментальным существом [131](#), принять эту ментальную природу и жить не только в виталической и физической оболочках, но и в этом ментальном теле. И если эта трансформация была бы достаточно полной, то он приобрел бы способность жить и существовать, по крайней мере, полубожественно. Ибо он мог бы наслаждаться силами, и видением, и восприятием, выходящими за пределы этой обычной жизни и тела; он управлял бы всем благодаря ясности чистого знания; его объединила бы с другими существами гармония любви и счастья; его эмоции поднялись бы до совершенства психоментального уровня, его ощущения утратили бы

грубость, его интеллект, тонкий, чистый и подвижный, освободился бы от отклонений нечистой пранической энергии и обструкций материи. В нем развилось бы также отражение мудрости и благости, стоящих выше всякой ментальной радости и знания; ибо он мог бы получать более полно и без той примеси деформаций и фальсификаций, которая образуется нашим некомпетентным умом, вдохновение и интуицию, которые являются стрелами супраментального Света, и сформировать свое усовершенствованное ментальное существование по образцу и силой этого громадного великолепия. Он сумел бы тогда также реализовать я, или дух, с большей, и более яркой, и более интимной силой, чем это возможно теперь, и при более живой игре его активной силы и блаженства в удовлетворенной гармонии его существования.

И для нашего обычного понятия это вполне может показаться законченным совершенством, что-то, к чему человек может стремиться в высочайшем полете идеализма. Нет сомнения, это было бы достаточным совершенством для чистого ментального существа как такового, однако это все еще намного ниже величайших возможностей духовной природы. Ибо здесь также наша духовная реализация была бы подчинена ограничениями ума, который по своей природе является отраженным, разбавленным и растворенным или узко направленным светом, а не широким и всеобъемлющим самосуществующим озарением и радостью духа. Тот сильнейший свет, то глубочайшее блаженство находятся вне пределов ментальной досягаемости. Ум в действительности никогда не может быть совершенным орудием Духа; высшее самовыражение невозможно в его движениях, ибо сам его характер — разделять, делить, ограничивать. Даже если бы ум мог быть свободен от прямой фальши и ошибок, даже если бы он весь был интуитивным и потому безошибочным, он все еще представлял бы и организовывал бы только половинчатые истины или отдельные истины, и даже их не в их собственных телах, а в ясных представительных фигурах, собранных вместе, дабы создать собирательный итог или множественную структуру. Поэтому здесь самосовершенствующееся ментальное существо должно либо удалиться в чистый дух путем сбрасывания своего низшего существования, или возвратиться в физическую жизнь, чтобы развивать в ней возможность, до сих пор не найденную в нашей ментальной и психической природе. Это образно выражают Упанишады, когда они говорят, что небеса, достигнутые умственным Пурушей, это те, к которым человека поднимают лучи солнца, — растворенные, разделенные, хотя сильные лучи супраментального сознания истины, — и отсюда он должен вернуться к земному существованию. Но просветленные, отрeksiеся от земной жизни, идут за пределы через врата солнца, и не возвращаются сюда. Ментальное существо, превосходящее свою сферу, не возвращается, потому что в результате такого перехода оно входит в высокую область существования, свойственную высшей полусфере. Он не может привнести ее величайшую духовную природу в эту низшую тройственность; ибо здесь ментальное существо является высшим выражением Я. Здесь тройное ментальное, виталическое и физическое тело обеспечивает почти весь диапазон наших возможностей и является недостаточным для более великого сознания; сосуд не рассчитан на то, чтобы вместить большую божественность, в него не может поместиться великолепие этой супраментальной силы и знания.

Это ограничение действует, только пока человек остается замкнутым в границах ментальной Майи. Если он поднимается в знание Я за пределы высшего ментального статуса, если он станет душой знания [132](#), Духом, пребывающим в гносисе, *vijnapataya rigusa*, и примет натуру его бесконечной истины и мощи, если он будет жить в оболочке знания, каузальном теле так же, как в этих тонком ментальном, промежуточном виталическом и более грубом физическом телах, тогда и только тогда он смог бы полностью привлечь в свое земное существование полноту бесконечного духовного сознания; только тогда ему будет дана возможность поднять все свое бытие и даже всю свою проявленную телесную выразительную

природу в духовное царство. Но это в крайней степени трудно; ибо казуальное тело охотно раскрывается навстречу сознанию и возможностям духовных уровней и по своей природе принадлежит к высшей полусфере существования, но оно либо совсем не развито в человеке, или только грубо развито и организовано, и завуалировано за многими промежуточными покровами подсознательного в нас. Оно черпает свое вещество из уровня истинного знания и уровня бесконечного блаженства, а они полностью принадлежат к еще недостижимой высшей полусфере. Распространяя над этим низшим существованием свою истину, и свет, и радость, они являются источником всего, что мы называем духовностью и что мы называем совершенством. Но эта инфильтрация происходит из-за густой завесы, через которую они проникают настолько умеренными и ослабленными, что они совсем незаметны в материальности наших физических понятий, грубо деформированы и перевернуты в наших жизненных импульсах, перевернуты также, хотя несколько менее грубо, в наших поисках восприятия идей, сведены к минимуму даже в сравнительной чистоте и интенсивности высших интуитивных областей нашей ментальной природы. Супраментальный принцип тайно находится во всем существующем. Он присутствует даже в грубейшей материальности, он сохраняет и контролирует низшие миры своей скрытой властью и законом; но эта власть завуалирована и этот закон действует невидимо через стесняющие ограничения и грубые деформации меньшей власти нашей физической, виталической и ментальной Природы. В то же время, его руководящее присутствие в низших формах внушает уверенность, вследствие единства всего существующего, что имеется возможность их пробуждения, даже возможность их совершенного проявления здесь, невзирая на все завесы, невзирая на всю массу наших видимых неспособностей, невзирая на бессилие или нежелание нашего ума, жизни и тела. А то, что возможно, обязательно должно свершиться когда-нибудь, ибо таков закон всемогущего Духа.

Характер этих высших состояний души и соответствующих им высших миров духовной Природы трудно уловить. Даже Упанишады и Веды только аллегорически описывают их при помощи образов, намеков и символов. Тем не менее необходимо сделать попытку рассказать об их принципах и практическом влиянии, насколько они могут быть восприняты умом, стоящим на границе этих двух полусфер. Прохождение за эту границу было бы кульминацией, завершением Йоги самотрансцендентности через самопознание. Душа, которая стремится к совершенству, устремляется назад и ввысь, говорится в Упанишадах, от физического в виталического и из виталического в ментального Пурушу, — из ментального в душу знания и из знания в Пурушу блаженства. Это я блаженства является сознательной основой совершенного Сатчитананды, и вхождение в нее является завершением вознесения души. Поэтому ум должен попытаться дать себе какой-то отчет об этом решающем преобразовании помещенного в теле сознания, этом сияющем видоизменении и самопревосхождении нашей вечно стремящейся природы. Описание, которое может составить ум, никогда не может быть адекватным самой вещи, однако оно может, по крайней мере, указывать на некоторое показательное отображение ее или, может быть, на некоторый отчасти ясный образ.

128. the Life-soul of a Life-energy

129. attended by saving complexities

130. слово dynamic приведено в большинстве случаев как динамичный, динамический, хотя возможно и понимание как находящийся в развитии, что является одним из общепринятых значений этого слова. (Прим. пер.)

131. Я включаю здесь в ум не только высший уровень ума, обычно известный человеку, но еще более высокие уровни, к которым у него нет в данный момент доступа, или же он только частично воспринимает какие-то смешанные слабые доли их энергии — просветленный ум,

интуиция и, наконец, творческий Надразум (Overmind) или Майя, который находится очень высоко (far above) и является источником нашего теперешнего существования. Если понимать ум только как Рассудок (Reason) или человеческий интеллект, то свободное ментальное существо и его состояние будет чем-то гораздо более ограниченным и гораздо ниже того, что описано здесь. (Прим. Шри Ауробиндо)

132. knowledge-soul

В НАШЕЙ совершенной самотрансценденции мы выходим и поднимаемся над невежеством или полупросветленностью нашего ментального сознательного бытия к величайшему я мудрости и силе истины [133](#) над ним, чтобы пребывать там в незатемненном свете божественного знания. Ментальный человек, которым мы являемся, перерождается в гностическую душу, в осознающее истину божество, в *vijñānātma rūpa*. Находясь на этом уровне вершины нашего восхождения, мы находимся на уровне совершенно отличном от материального, виталического, ментального положения мирового духа, и при этом превращении изменяется весь наш взгляд и переживание нашей душевной жизни и мира вокруг нас. Мы рождаемся в новый статус души и приобретаем новую природу; ибо в соответствии со статусом души находится статус Пракрити. При каждом переходе на мировом пути восхождения, от материи к жизни, от жизни к уму, от скованного ума к свободному интеллекту, по мере того, как скрытая, полупроявившаяся или уже проявившаяся душа поднимается к все более высокому уровню бытия, природа также возвышается до высшего творения, более широкого сознания, большей силы и более интенсивной или обширной области и радости существования. Однако переход от умственного я до я знания [134](#) является самым большим и решающим перемещением в Йоге. Это стряхивание с себя последней власти над нами космического невежества и наше твердое основание в Истине вещей, в сознании безграничном, и вечном, и нерушимом темнотой, ложью, страданием или ошибками.

Это первейшая вершина вхождения в божественное совершенство, *sadharmya*, *sadr sya*, ибо все остальные только смотрят вверх на нее или улавливают какие-то лучи ее значительности. Высочайшие высоты ума или сверхума все еще попадают в пояс умеренного невежества; они могут лишь преломлять божественный Свет, но не посылать его с неуменьшенной силой нашим низшим членам. Ибо пока мы находимся в пределах тройного пласта ума, жизни и тела, наша активная природа продолжает работать посредством силы невежества, даже когда душа, пребывающая в Уме, обладает какими-то частями знания. И даже если бы душа отражала или представляла всю огромность знания в своем умственном сознании, она не была бы в состоянии претворить его должным образом в силе действия. Истинность действия может значительно возрасти, но она все равно была бы подвержена ограничению, все еще была бы осуждена на разделение, что предотвратило бы ее возможность работать целостно, с властью бесконечного. Сила божественно просветленного ума может быть огромной по сравнению с обычными силами, но она все же будет подвержена неспособности, и не может быть совершенного соответствия между силой эффективной воли и светом идеи, которая ее вдохновляет. Безграничное Присутствие может находиться в этом статусе, но динамизм операций природы все еще относится к низшей Пракрити, должен следовать ее тройственным способом действия, и не в состоянии придать какую-либо адекватную форму величю внутри себя. В этом трагедия неэффективности, в этом зияющий пробел между идеалом и эффективной волей, нашей постоянной неспособностью выработать в жизненной форме и действии ту истину, которую мы чувствуем в нашем внутреннем сознании, которая преследует все стремления ума и жизни к божественному, стоящему за ними. Но *vijñāna*, или гносис, есть не только истина, но и сила истины, это само действие беспредельной и божественной природы; это божественное знание в единстве с божественной волей в силе и восторге спонтанного, и светлого, и неизбежного самоосуществления. Таким образом, посредством гносиса мы изменяем свою человеческую природу в божественную.

Что же такое гносис, и как его описать? Надо избегать двух противоположных ошибок, двух

неправильных концепций, которые деформируют противоположные стороны истины гносиса. Одна ошибка интеллектуально ограниченных мыслителей — принимать vijñāna за синоним другого индийского термина buddhi, а buddhi за синоним рассудка, логического познавательного интеллекта. Те системы, которые признают это значение, сразу же переходят от уровня чистого интеллекта к уровню чистого духа. Не признается какой-либо промежуточной силы, более божественного действия знания, чем чистый рассудок; ограниченные человеческие возможности распознавания истины принимаются за высшие движущие силы сознания, за наивысшую силу и изначальное движение. Противоположная ошибка, неправильная концепция мистики отождествляет vijñāna с сознанием Беспредельного, свободного от всякого формирования понятий или же формирующего идеи в самой единой сущности мысли [135](#), не замечая другие динамичные акции в единственной и неизменной идее Единого. Это caitanyaghana Упанишад и является одним движением или, скорее всего, одной нитью многостороннего движения гносиса. Гносис, Виджняна есть не только это концентрированное сознание бесконечной Сущности; это также и одновременно бесконечное знание бесчисленных игр Бесконечного. Оно содержит всю способность к формированию понятий (не ментальных, а супраментальных), однако не ограничено этим, ибо далеко превосходит всякое движение по формированию понятий. Гностическая способность к формированию идей также не является по своему характеру интеллектуальным мышлением; это не то, что мы называем рассудком, не концентрированный интеллект. Ибо рассудок ментален в своих методах, ментален в процессе приобретения знаний, ментален в своей основе, но метод формирования идей гносиса самопросветленный, супраментальный, испускание его мысленного света спонтанно, без предварительного приобретения знаний, база мышления является воспроизводством сознательных тождеств, а не передачей впечатлений, рожденных при непрямы́х контактах. Имеется связь, и даже нечто вроде нарушенной идентичности между двумя формами мысли; ибо одна скрыто вытекает из другой. Ум рождается из того, что за пределами ума. Но они действуют на разных уровнях, и процессы их действия прямо противоположны.

Даже чистейший рассудок, наиболее светлый рациональный интеллект не является гносисом. Рассудок или интеллект — это только низший buddhi, в своих действиях он зависит от ощущений чувственного ума и от понятий ментального интеллекта. Он не самопросветленный, достоверный, объединяющий субъективное с объективным, в отличие от гносиса. Имеется, в действительности, более высокая форма buddhi, которую можно назвать интуитивным умом или интуитивным рассудком, и он, благодаря своей интуиции, своему вдохновению, быстрому обнаруживающему видению, ясной пронизательности и различению может выполнить работу рассудка более мощно, быстрее, с большей и непринужденной уверенностью. Он действует в самоозарении истины, которое не зависит от факельных бликов чувственного ума и его ограниченных неуверенных восприятий; он руководствуется не интеллектуальными, а видимыми понятиями: это своего рода видение истины, слышание истины, память истины, непосредственное распознавание истины. Эту истинную и достоверную интуицию необходимо отличать от силы обычного ментального рассудка, которую слишком легко спутать с ней, эту силу вовлеченного рассуждения, которая приходит к своим выводам путем скачка и не нуждается в обычных шагах логического ума. Логический рассудок действует шаг за шагом и проверяет верность каждого шага, как человек, ступающий на ненадежную почву и вынужденный осторожно проверять каждую пядь земли, которую видит своими глазами. Но этот другой супралогический процесс действия рассудка является движением пронизательности или быстрого распознавания; оно происходит большими шагами или скачками, как человек, который прыгает с одного надежного места на другое безопасное, или, по крайней мере, которое он считает безопасным. Пространство, которое он преодолевает, он охватывает одним

всеобъемлющим и мгновенным взглядом, однако при этом он не различает и не измеряет зримо или ощутимо последовательность, особенности и обстоятельства. В этом движении есть что-то от чувства силы интуиции, что-то от ее скорости, некоторая видимость ее света и уверенности, и мы всегда готовы принять его за интуицию. Но наше допущение является ошибкой, и, если мы будем ему доверять, то оно приведет нас к опасным просчетам.

Интеллектуалы даже считают, что интуиция сама по себе есть не что иное, как этот быстрый процесс, в котором все действие логического ума быстро свершается или, быть может, совершается полусознательно или подсознательно, а не намеренно вырабатывается методами рассудку. По своей природе, однако, это процесс совершенно отличен от интуиции, и необязательно является движением к истине. Сила его прыжка может закончиться падением, его быстрота может подвести, его уверенность слишком часто оказывается самоуверенной ошибкой. Достоверность его заключения должна всегда зависеть от последующей проверки или поддержки очевидным чувствовосприятием, или же рациональное сцепление интеллектуальных концепций должно вмещаться, чтобы объяснить ему его собственную уверенность. Этот низший свет может на самом деле вобрать в себя очень охотно смесь фактической интуиции, и в результате создается псевдоинтуитивный или полуинтуитивный ум, очень обманчивый в результате частого блестящего успеха, оправдывающего вихрь чрезвычайно самоуверенных ложных убеждений. Истинная интуиция, наоборот, несет в себе свою собственную гарантию истины; она надежна и безошибочна в своих пределах. И до тех пор, пока это чистая интуиция, и пока она не воспринимает в себя какой-либо смеси ошибочных ощущений или интеллектуального движения по формированию понятий, она никогда не опровергается опытом. Интуиция может впоследствии проверяться рассудком или чувствовосприятием, но истинность ее не зависит от этой проверки, она подтверждается автоматической самоочевидностью. Если рассудок, зависящий от своих предположений, противоречит высшему свету, то в конце концов, на основе более полного знания будет установлено, что интуитивное заключение было правильным, а более правдоподобное рациональное и предположительное заключение было ошибкой. Ибо истинная интуиция исходит из самосуществующей истины вещей и защищена этой самосуществующей истиной, а не какими-либо косвенными, производными или зависимыми методами достижения знания.

Но даже интуитивный рассудок не является гносисом; это только проблеск света сверхума, вспышками освещающий путь в ментальности, как молния в темных и закрытых тучами небесах. Его вдохновения, откровения, интуиции, самоосвещающие различия — это послания с высшего уровня знания, которые в благоприятных условиях достигают нашего низшего уровня сознания. Самый характер интуитивного ума создает пропасть различий между его действиями и действиями самосодержащего гносиса. В первую очередь он действует путем отдельных и ограниченных озарений, и его истина ограничена часто узким доступом или порцией знания, которые возникли в результате одной вспышки молнии, с которой его вторжение начинается и которой кончается. Мы видим действие инстинкта у животных — автоматическую интуицию в том виталическом или чувственном уме, который является высшим и надежнейшим инструментом, на который животному приходится надеяться, поскольку оно не обладает человеческим светом рассудка, а только очень грубым и все еще плохо сформированным интеллектом. И мы можем сразу заметить, что удивительная истина этого инстинкта, который кажется много надежней, чем рассудок, ограничена в птице, звере или насекомом до специальной и ограниченной утилитарности, которой ей позволено служить. Когда виталический ум животного пытается действовать за пределами этих границ, он слепо блуждает в еще большей степени, чем разум человека, и ему приходится с трудом учиться на повторяющемся чувственном опыте. Высшая ментальная интуиция человеческого существа

является внутренне зрительной, это не чувственная интуиция; ибо она освещает интеллект, а не чувственный ум, она самосознающая и светлая, а не полусознательный слепой свет; она свободно самодетельна, не механически или автоматически. Но все же, даже когда она не затемнена подражательной псевдоинтуицией, она ограничена в человеке, подобно инстинкту у животного, ограничена для специальной цели воли или знания — так же как инстинкт для специальной жизненной утилитарности или Природной цели. И когда интеллект, по своей неизменной привычке, старается ее использовать, применить ее, умножить, он строит вокруг ядра интуиции, характерным для него способом, мешанину истины и ошибок. Чаще всего, внедрив элемент чувственной ошибки и концептуальной ошибки в самую суть интуиции, или окутав ее ментальными добавками и отклонениями, не только отклоняют, но деформируют ее истину и превращают ее в ложь. Поэтому, в лучшем случае, интуиция дает нам только ограниченный, хотя и сильный свет; в худшем случае, благодаря нашему неправильному обращению с нею, или фальшивому подражанию ей, она может привести нас к недоумению и конфузу, которых избегает менее честолобивый интеллектуальный разум, довольствуясь своими безопасными медлительными методами, — безопасными для более низких целей рассудка, но никогда не являющимися удовлетворительным поводом к внутренней истине вещей.

Можно культивировать и расширить применение интуитивного ума пропорционально тому, как мы все менее и менее полагаемся на рассудочный интеллект. Мы можем тренировать нашу ментальность так, чтобы она не реагировала, как это делается теперь, на каждую отдельную вспышку интуитивного просветления для своих собственных низших целей, и не повергала бы сразу же нашу мысль в кристаллизующееся интеллектуальное действие вокруг нее; мы можем натренировать ее так, чтобы мыслить в потоке следующих друг за другом и связанных интуиций, изливать одну волну света за другой сияющими и торжествующими последовательностями. Мы будем преуспевать в этой трудной перемене пропорционально тому, как будет очищаться вмещающийся интеллект — если нам удастся уменьшить в нем элемент материальной мысли, поработанной внешним видом вещей, элемент виталической мысли, находящийся в плену желаний, страстей, импульсов нашей природы, элемент интеллектуальной мысли, находящийся в плену наших предпочтительных, уже установившихся или конгениальных идей, концепций, мнений, фиксированных операций интеллекта, если, сведя к минимуму эти элементы, мы сможем заменить их интуитивным видением и ощущением вещей, интуитивным проникновением в суть видимостей, интуитивной волей и интуитивной способностью к формированию понятий. Это достаточно трудно достижимо для нашего сознания, которое естественным образом сковано тройным узлом ментальности, витальности и телесности, со своим несовершенством и невежеством, верхними, средними и нижними узлами Ведической притчи о зависимости души, узлами смешанной истины и фальши видимостей, которыми привязали к жертвенному столбу sunahsepa.

Но даже если бы удалось полностью завершить это трудное дело, интуиция все равно не стала бы гносисом; она была бы только его слабым продолжением в ум, или его острым концом первого проникновения. Это различие, которое трудно определить иначе, кроме как символами, можно выразить, заимствовав Ведический образ, в котором Солнце представляет собой гносис [136](#), а небо, атмосфера и земля — ментальность, витальность, физическое человека и вселенной. Живя на земле, приподнимаясь в атмосферу или даже взлетая в небо, ментальное существо, *manomaya purusa*, все равно будет жить в лучах солнца, а не в свете своего тела. И в этих лучах он увидел бы вещи не такими, как они есть, а такими, как они отражаются в его органе зрения, деформированными его недостатками или ограниченными в своей истине его ограничениями. Но *vijnanamaya purusa* живет в самом Солнце, в самом теле и великолепии истинного света; он знает, что этот свет — его собственное самосветящееся существо, и он видит всю истину низшей

тройственности и каждую вещь в ней. Он видит это не как отражение в ментальном органе зрения, а самим Солнцем гносиса в качестве своего глаза — ибо Солнце, говорится в Ведах, — это глаз богов. Ментальное существо, даже в интуитивном уме, может увидеть истину только благодаря яркому отражению или ограниченному доступу, и подвержено ограниченности и несовершенству ментального зрения; но супраментальное существо видит ее при помощи самого гносиса, из самого центра и бьющего источника истины, в ее настоящей форме и в ее собственном спонтанном и самосветящемся процессе. Ибо Виджняна является непосредственным и божественным знанием, в противоположность косвенному и человеческому знанию.

Природа гносиса может быть обозначена для интеллекта только путем сопоставления ее с природой интеллекта, и даже тогда словами, которыми мы пользуемся, нельзя внести ясность, необходим некоторый фактический опыт. Ибо какой язык, выкованный рассудком, может выразить супрарациональное? В основном разница между этими двумя силами в том, что ментальный рассудок с трудом продвигается от невежества к истине, но гносис содержит в себе непосредственный контакт, мгновенное видение, легкое и постоянное владение истиной, не нуждается в поиске или каком-либо действии. Рассудок начинает с явлений и трудится, редко или никогда не освобождаясь от хотя бы частичной зависимости от явлений, — чтобы распознать истину, стоящую за ними; он показывает истину в свете явлений. Гносис начинает с истины и показывает явления в свете истины; он сам — тело истины и ее дух. Рассудок пользуется предположениями, делает заключения; но гносис пользуется идентичностью или видением, — он есть, видит и знает. Как физическое зрение видит и постигает вид объекта, так и гораздо непосредственней гносис видит и постигает истину вещей. Но там, где физическое ощущение вступает в отношение с объектами путем скрытого контакта, гносис идентифицируется с вещами путем открытого единения. Таким образом, он в состоянии знать все вещи, как человек знает свое собственное существование, просто, убедительно, непосредственно. К рассудку непосредственное знание, *pratyakya*, приходит только через чувство, остальная истина познается только косвенным путем; для гносиса вся его истина является непосредственным знанием, *pratyaksa*. Поэтому истина, полученная интеллектом, является достоянием, над которым всегда витает тень некоторого сомнения, неполноты, окружения полутьмы и невежества или полужнания, возможность изменения или аннулирования в результате дальнейшего получения знаний. Истина гносиса свободна от сомнений, самоочевидна, самосуществующа, неопровержима и абсолютна.

Для рассудка главным орудием является наблюдение, общее, аналитическое и синтетическое; он помогает себе сравнением, сопоставлением и аналогией, — переходит от опыта к косвенным знаниям логическими путями дедукции, индукции, предположениями всех видов, — полагается на память, выходит за свои пределы при помощи воображения, страшется суждениями: все это процесс нащупывания и поиска. Гносис не ищет, он владеет. Если он должен осветить, то и тогда он не ищет; он открывает, он просветляет. В сознании, трансформированном из интеллекта в гносис, воображение заменилось бы вдохновением истины, умственное суждение уступило бы место самопросветленному распознаванию. Медленный и спотыкающийся логический процесс от рассуждения до заключения вытиснился бы быстрым интуитивным действием; заключение или факт сразу виделись бы в своем значении, своим собственным самодостаточным свидетельством, так же сразу видны были бы все показания, при помощи которых мы пришли к нему, одновременно с ним, в той же объемлющей картине, не как показания, а как ближайшие условия, связи и отношения, как составные части или ответвления обстоятельств. Ментальные и чувственные наблюдения превратились бы во внутреннее видение, используя орудия как каналы, но не завися от них, как

наш ум, который слеп и глух без физических чувств, и это видение позволило бы видеть не только вещь, но всю ее истину, ее силы, находящуюся в ней вечность. Наша ненадежная память отпала бы, а вместо нее наступило бы светлое владение знанием, божественная память, которая не является хранилищем познаний, а хранит все вещи всегда содержащимися в сознании, память одновременно прошлого, настоящего и будущего.

Ибо пока рассудок следует во времени от момента к моменту, и теряет, и находит, и опять теряет, и опять находит, гносис охватывает время одним взглядом и постоянной властью, и связывает прошлое, настоящее и будущее в их неделимых связях в единый непрерывный план знания. Гносис начинает с целостности, которой он непосредственно владеет; он видит части, группы и детали только в отношении и связи с целостностью и вместе с ней; ментальный рассудок в действительности не в состоянии видеть целостность и не знает полностью что-либо целое, а лишь идет к этому, начиная анализировать и синтезировать его части, массы и детали; без этого его взгляд на целое всегда является предположением или несовершенным пониманием, перепутанным итогом неясных признаков. Разум имеет дело с составными частями, процессами и свойствами; он тщетно пытается с их помощью создать понятие о самой вещи, ее реальности, ее сущности. Но гносис прежде всего видит вещь в себе, проникает в ее первоначальную и вечную природу, рассматривает ее процессы и свойства только как приложение, как самовыражение ее природы. Разум пребывает в разнообразии и находится у него в плену; он рассматривает вещи по отдельности и обращается с каждой, как с отдельным существованием, так же как он рассматривает доли Времени и части Пространства; он видит единство только в сумме или в устранении разнообразия, или как общую концепцию и пустой образ. Но гносис пребывает в единстве и благодаря этому знает всю природу составляющих разнообразие; он начинает с единства и видит разнообразие только единства, не разнообразие, составляющее единение, но единство, составляющее свои собственные множества. Гностическое знание, гностическое чувство не различает какого бы то ни было реального разделения; оно не рассматривает вещи в отдельности, как если бы они были независимы от своего истинного и изначального единства. Рассудок имеет дело с конечным и беспомощен перед бесконечным: он может понять его как бесконечное продление, в котором действует конечное, но с трудом может понять бесконечное само по себе, и совсем не в состоянии охватить или проникнуть в него. Но гносис пребывает, видит и живет в бесконечном; он всегда исходит из бесконечного и знает конечные вещи только в их отношении к бесконечному и в смысле бесконечного.

Если бы мы хотели описать гносис таким, как он есть в своем собственном осознании, а не так неполно, как он представляется нам в отличие от нашего собственного рассудка и интеллекта, то было бы едва ли возможно говорить о нем кроме как в образах и символах. И прежде всего мы должны помнить, что уровень гносиса, Махат, Виджняна — это не высший уровень нашего сознания, а его средний, или связующий, уровень. Находясь между триединой славой самого Духа, бесконечным существованием, сознанием и блаженством Вечного и нашим низшим тройственным бытием и природой, он как бы поставлен там как промежуточная, формулирующая, организующая и творческая мудрость, сила и радость Вечного. В гносисе Сатчитананда собирает свет своего необозримого существования и выливает его на душу в форме и силе божественного знания, божественной воли и божественной радости существования. Это как если бы бесконечный свет был собран в компактный сплошной шар солнца и затем щедро расточался на все, что зависит от солнца, в виде вечного сияния. Но гносис это не только свет, это — сила; это творческое сознание, это самовоздействующая истина божественной Идеи. Эта идея не является творческим воображением, не что-то такое, что создает в пустоте, а свет и сила вечной субстанции, свет истины, полный силы истины; и она

вызывает то, что скрыто, в бытие, она не создает фикции, которой никогда не было в бытии. Способность к формированию и восприятию идей в гносисе — это лучистое световещество [137](#) сознания вечного Существования; каждый луч — это истина. Воля в гносисе — это сознательная сила вечного знания; она облекает сознание и субстанцию бытия в безошибочные формы силы истины, формы, которые воплощают идею и делают ее безупречно эффективной, и вырабатывает каждую силу истины и каждую форму истины [138](#) спонтанно и правильно в зависимости от их природы. Так как она несет созидательную силу божественной Идеи, Солнце, господин и символ гносиса, описывается в Ведах как Свет, который является отцом всех вещей, Сурья Савитри, Светящаяся Мудрость, который выводит в проявленное существование. Это творение вдохновляется божественным восторгом, вечной Анандой; она полна радости своей собственной истины и силы, она творит в блаженстве, творит из блаженства, творит то, что полно блаженства. Поэтому мир гносиса, супраментальный мир, является истинным и счастливым творением, *rtam, bhadram*, ибо все в нем разделяет полностью радость, которая его создала. Божественное сияние неуклонного знания, божественная сила непоколебимой воли и божественное спокойствие неизменного блаженства есть природа или Пракрити души в сверхразуме, в *vijñāna*. Вещество гносиса, или супраментальный уровень, сделано из совершенных абсолютностей того, что есть здесь несовершенного и относительного, и его движения состоят из примиренных переплетений и счастливых сплавов всего, что здесь является противоположностями. Ибо за видимостью этих противоположностей находятся их истины, а истины вечного не конфликтуют между собой; противоположности нашего ума и нашей жизни, преобразованные в сверхразуме в свой истинный дух, соединяются вместе и выступают как оттенки и цвета вечной Реальности и непреходящей Ананды. Сверхразум, или гносис, — это верховная Истина, верховная Мысль, верховное Слово, верховный Свет, верховная Воля-Идея; это внутреннее и внешнее продолжение Бесконечного, которое за пределами Пространства, освобожденное от оков Времени Вечного, который вне времени, небесная гармония всех абсолютов Абсолютного.

Для распознающего ума существует три силы Виджняны. Ее высшая сила знает и принимает в себя сверху все бесконечное существование, сознание и блаженство Ишвары; это высочайшая высота абсолютного знания и силы вечного Сатчитананды. Вторая ее сила концентрирует Бесконечное в плотное светлое сознание, *caitanya*ghana или *cidghana*, семенная стадия божественного сознания, в которой содержатся, живые и конкретные, все непреложные принципы божественного бытия и все нерушимые истины божественной сознательной идеи и природы. Ее третья сила выявляет или высвобождает эти вещи, благодаря эффективной способности формирования и восприятия идей, видению, подлинным идентичностям божественного знания, движениям божественной воли-силы, вибрации божественных интенсивностей восторга, в мировую гармонию, неограниченное разнообразие, многообразный ритм их сил, форм и взаимодействие жизненных результатов. Ментальный Пуруша, восходящий в *vijñānātma*, должен подняться в эти три силы. Он должен, преобразовав свое движение в движение гносиса, превратить свои ментальные понятия, способность к формированию и восприятию идей, волю, удовольствие — в лучезарность божественного знания, пульсации божественной воли-силы, волны и потоки божественных морей восторга. Он должен превратить свое сознательное вещество ментальной природы в *cidghana*, или плотное самосветящееся сознание. Он должен трансформировать свою сознательную субстанцию в гностическое я или Истинное я бесконечного Сатчитананды. Эти три движения изложены в Иша Упанишаде, первое как *vuṣha*, выстраивание лучей Солнца гносиса в порядок Истины-сознания, второе как *saṁṣha*, собирание лучей в тело Солнца гносиса, третье — как видение красивейшей из всех форм Солнца, в котором душа должна наиболее сокровенно владеть своим единством с бесконечным

Пурушей [139](#). Всевышний над ним, в нем, вокруг, везде, и душа, пребывающая во Всевышнем и единая со Всевышним, — бесконечная сила и истина Божественного, сосредоточенная в его собственной концентрированной светящейся природе души, — лучистая активность божественного знания, воля и радость, совершенная в природной активности Пракрити, — это есть основополагающий опыт ментального существа, измененного, и осуществленного, и очищенного в совершенстве гносиса.

133. greater wisdom-self and truth-power

134. from the mind-self to the knowledge-self

135. free from all ideation or else ideation packed into one essence of thought

136. Так называется Солнце в Ведах, *ṛtam jyotiḥ* (*Прим. Шри Ауробиндо*)

137. light-stuff

138. Подразумеваются силы и формы уровня истины. (*Прим. пер.*)

139. *surya, vyuḥa rasmin samuḥa, tejo yat te rūpam kalyanatanam tat te pasyami, yo'savasau puruṣaḥ so'hamasmi*. Веды описывают уровень Виджняны как *ṛtam, satyam, brhat*, Справедливость, Истина, Простор, та же идея тройственности, выраженная иначе. Ритам — это действие божественного знания, воли и радости в истине, игра Истины-сознания. Сатъям — это истина бытия, которая так действует, динамичная сущность Истины-сознания. Брихат — это бесконечность Сатчитананды, из которого исходят две другие и в которой они имеют свою основу. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

ЗНАНИЕ — первый принцип Виджняны, но знание не единственная его сила. Сознание истины, как и другие уровни, основано на определенном принципе, который, естественно, и является ключом ко всем его движениям; но оно не ограничивается этим, оно содержит и все другие силы существования. Только характер и действие этих сил модифицируется и принимает форму, соответствующую его собственному изначальному и основному закону; интеллект, жизнь, тело, воля, сознание, блаженство — все эти силы сияют, бодрствуют, преисполнены божественного знания. Это и есть процесс Пуруши-Пракрити во всем; это ключевое движение всей иерархии и всех степеней гармонии явленного существования.

В ментальном существе умственное чувство [140](#) или интеллект — это основной принцип. В мире ума, обитателем которого является ментальное существо, оно представляет собой по своей главной и определяющей природе интеллект; оно есть центр интеллекта, мощный поток интеллекта, воспринимающее и распространяющее действие интеллекта. Оно интеллектом воспринимает свое собственное существование, интеллектом воспринимает существование, отличное от его собственного, интеллектом воспринимает свою собственную природу и деятельность и деятельность других, интеллектом воспринимает природу вещей и лиц, и их отношений с самим собой и с другими. Из этого и состоит его опыт существования. У него нет никакого другого знания существования, знания жизни и материи, кроме того, что оно воспринимает своими органами чувств и может ухватить своим интеллектом; то, чего оно не воспринимает и не постигает, для него практически не существует, или, во всяком случае, чуждо его миру и природе.

Человек в своем принципе ментальное существо, но он живет не в мире ума, а ведет в основном физическое существование; его ум заключен в Материю и обусловлен Материей. Поэтому ему приходится начинать с действия физических чувств, которые являются только каналами связи с материей; он не начинает с умственного чувства. И даже после этого он не может свободно пользоваться тем, что передают его физические органы чувств, до тех пор, пока умственное чувство не овладеет ими и не превратит в орудие и качество своего интеллектуального существа. То, что в низшем субчеловеческом субментальном мире есть праническое, нервное, динамическое действие и реакция, что действует очень хорошо, не нуждаясь ни в каком переводе в термины ума или в управлении умом, должно быть поднято и обрести своего рода интеллектуальность. Но для того, чтобы приобрести характер человеческого, оно должно стать сначала чувством силы, чувством желания, чувством воли, чувством интеллектуального волевого действия, или ментально сознательным чувством силового действия [141](#). Восторг бытия, испытываемый на низшем уровне, переходит в чувство ментального или ментализированного виталического или физического удовольствия и его зеркальное отражение — боль, или в ментальное или ментализированное чувство-ощущение приязни и неприязни, или в интеллектуальный восторг или, наоборот, отсутствие восторга, — все возможные феномены интеллектуального умственного чувства. Так же и то, что над ним и то, что вокруг него и то, в чем он живет, — Бог, вселенское бытие, космические Силы, — не существуют, нереальны для него, пока его ум не пробудится для них и не постигнет, пока еще не настоящую их истину, но некоторую идею, наблюдение, умозаключение, представление о вещах сверхчувственных, некое ментальное чувство Бесконечного, некое интеллектуальное интерпретирующее сознание сил сверхличного над собой и вокруг себя.

Все изменяется, когда мы переходим от ума к гносису; ибо там прямое непосредственное

знание — центральный принцип. Гностическое (vijñānāyā) бытие по своему характеру есть сознание-истина, центр и средоточие истинного видения [142](#) вещей, массированное движение или тонкое тело гносиса. Его действие — это самореализуемое и распространяющееся действие силы истины вещей в соответствии с внутренним законом их самого глубинного и самого истинного существа и природы. Эта истина вещей, к которой мы должны придти, прежде чем мы сможем войти в гносис, — так как там все существует и оттуда все берет начало на гностическом уровне, — есть, прежде всего, истина единства, единения, но такого единения, который дает начало разнообразию в множественности и все же всегда единения, нерасторжимого единства. Состояние гносиса, условие бытия vijñānāyā, невозможно без полного и самого близкого самоотождествления себя со всем существованием и со всеми существованиями, всеобщего проникновения, всеобщего охвата и вмещения, как бы всего во всем. Гностический Пуруша обычно осознает себя бесконечным, вмещающим мир в себе и выходящим за его пределы; совсем не так, как разделенное ментальное бытие, привязанное к сознанию, которое чувствует, что оно находится в мире и является его частью. Из этого следует, что освобождение от ограничивающего нас и замыкающего в себе эго есть первый элементарный шаг к бытию гносиса; ибо до тех пор, пока мы живем в эго, бесполезно надеяться на эту более высокую реальность, это необъятное самосознание, это истинное самопознание. Стоит только на мгновение вернуться к эго-мысли, эго-действию, эго-воле, как сознание сразу же выбрасывается из гностической Истины, которой оно достигло, в ложь разделенной умственной природы. Надежная всеобщность бытия — сама основа этого сияющего высшего сознания. Освободившись от всякой жесткой отделенности (но получив взамен определенный трансцендентный взгляд или независимость), мы должны почувствовать себя едиными со всеми вещами и существами, отождествить себя с ними, осознать их как себя, чувствовать их бытие как свое, принять их сознание как часть своего, вступить в контакт с их энергией как со своей энергией, научиться быть одним существом со всеми. Это единство в действительности еще не все, что требуется, но это первое условие, и без него нет гносиса.

Такой всеобщности нельзя достичь во всей ее полноте, пока мы все еще чувствуем себя, как сейчас, сознанием, помещенным в индивидуальный ум, жизнь и тело. Необходимо некое вознесение Пуруши из физического и даже из ментального — в тело vijñānāyā. Ни мозг, ни соответствующий ему ментальный "лотос" не могут более оставаться центром нашего мышления, а сердце и соответствующий ему "лотос" — центром нашего эмоционального и чувственного бытия. Сознательный центр нашего бытия, нашей мысли, нашей воли и действия, даже первоначальная сила наших ощущений и эмоций выходят из тела и ума и занимают свободное положение над ними. У нас уже нет ощущения, что мы живем в теле, мы — над ним, как его повелитель, владелец, или Ишвара, и в то же время несем его в своем сознании, более широко, чем замкнутое в теле физическое чувство. Тогда мы начинаем понимать очень живо, со всей силой реальности, нормальной и продолжительной, что имели в виду мудрецы, когда говорили, что душа содержит в себе тело, или что не душа в теле, а тело в душе. Не из мозга, а откуда-то, что находится выше нашего тела, мы будем формулировать идеи и проявлять волю, действие мозга будет только реакцией и движением физического механизма в ответ на шок мысли-силы и воли-силы [143](#), идущие сверху. Все будет исходить сверху; только сверху будет идти все, что соответствует в гносисе нашей нынешней ментальной активности. Многие, если не все, из этих условий гностической перемены могут и, действительно, должны быть достигнуты задолго до того, как мы достигнем самого гносиса, — но сначала несовершенно, как будто отраженно, — в самом высшем разуме, и более полно в том, что можно назвать сознанием сверхразума, находящемся между ментальностью и гносисом.

Но этот центр и это действие свободны, не связаны, не зависимы от физического

механизма, не прикреплены к узкому эго-чувству. Они не заключены в теле; не заперты в отдельной индивидуальности, нащупывая неловкие контакты с внешним миром или заглядывая внутрь в поисках собственного более глубокого духа. Ибо в этом великом преображении мы начинаем приобретать сознание, не запертое в генерирующий ящик, но свободно разлитое и распространяющееся, самосуществуя повсюду; здесь есть или может быть какой-то центр, но только для удобства индивидуального действия, — не жесткий, не основополагающий и неделимый. Сама природа нашей сознательной активности с этих пор становится вселенской; единая с природой вселенского существования, она переходит от всеобщности к податливой и изменчивой индивидуализации. Она стала осознанием бесконечного существа, которое действует всегда универсально, хотя и с акцентом на индивидуальное формирование своих энергий. Но это акцент делается скорее с целью отличить, чем отделиться, и это формирование уже не то, что мы теперь понимаем под индивидуальностью; нет более той маленькой ограниченной собранной из частей личности, запертой в формуле собственного механизма. Это состояние сознания так ненормально для нашего нынешнего способа существования, что рациональному человеку, который не обладает им, оно может показаться невозможным или даже умопомешательством; но однажды познанное, оно неоспоримо убеждает даже ментальный интеллект в своем спокойствии, свободе, свете, силе, эффективности воли, чувств и удостоверяемой истине своей способности формировать идеи. Ибо это состояние начинается уже на более высоких уровнях освобожденного ума, и поэтому может быть частично ощутимо и понято умственным интеллектом, как только он уйдет с ментальных уровней, но достигнет совершенного самообладания только в супраментальном гносисе.

В этом состоянии сознания бесконечное становится для нас первичной, реальной действительностью, единственной непосредственной и ощутимо истинной вещью. Для нас становится невозможным обдумывать или понимать конечное отдельно от нашего фундаментального чувства бесконечного, в котором конечное только и может жить, может формироваться, может иметь какую-то реальность или продолжительность. Пока эти конечные ум и тело являются для нашего сознания первым фактом нашего существования и основанием нашего мышления, чувств и воли, и пока вещи конечные являются нормальной реальностью, от которой мы только иногда, а может быть и часто, поднимаемся к идее и чувству бесконечного, мы все еще весьма далеки от гносиса. На уровне гносиса бесконечное сразу становится нашим нормальным сознанием бытия, его первым фактом, нашей ощутимой субстанцией. Оно совершенно конкретно становится для нас основанием, на котором формируется все конечное, и его необъятные неизмеримые силы становятся источником всей нашей мысли, воли и восторга. Но это бесконечное не есть только бесконечность проникновения или распространения, в которой все формируется и происходит. За этим неизмеримым распространением гностическое сознание всегда ощущает внепространственную внутреннюю бесконечность. Именно через эту двойную бесконечность мы и подойдем к сути бытия Сатчитананды, высшему я нашего собственного бытия и тотальности нашего космического существования. Здесь нам открывается неограниченное существование, которое мы чувствуем, как если бы это была бесконечность над нами, в которую мы пытаемся подняться, и бесконечность вокруг нас, в которой мы стремимся растворить наше отдельное существование. Затем мы расширяемся в нее и поднимаемся в нее; мы вырываемся из эго в ее огромность и остаемся с этим навсегда. Если такое освобождение достигнуто, его сила может, если мы того пожелаем, все больше и больше овладевать и нашим низшим бытием, пока даже самая низшая и упорствующая деятельность не преобразуется в истину Виджняны.

Это — основа, это чувство бесконечного, и владение посредством бесконечного, и только когда это достигнуто, мы можем пойти дальше к некоторому нормальному процессу

супраментального формирования идей, восприятия, чувства, тождества, осознания. Ибо даже это чувство бесконечного есть только первое основание и гораздо больше еще предстоит сделать, прежде чем сознание станет динамически гностическим. Ибо супраментальное знание есть игра верховного света; есть еще много другого света, другие уровни знания выше, чем человеческий ум, которые могут открыться в нас и получать и отражать что-то от того блеска даже до того, как мы поднимемся в гносис. Но чтобы властвовать и полностью владеть ими, мы должны сначала войти и стать бытием верховного света, наше сознание должно превратиться в то сознание, его принцип и сила самоощущения и всеощущения посредством отождествления должны стать самой сутью нашего существования. Ибо наши средства и способы познания и действия должны обязательно соответствовать природе нашего сознания, которое должно радикально измениться, если мы хотим овладеть, а не только иногда испытывать эту высшую силу знания. Но она не ограничивается высшей мыслью или действием некоего божественного рассудка. Она вознесет все наши нынешние средства познания, только невероятно расширенные, активные и эффективные в том, в чем сейчас они ограничены, слепы, бесплодны, и превратит их в высокую и интенсивную деятельность восприятия Виджняны. Так, она поглощает действие наших чувств и освещает его даже в его обычной сфере так, что мы узнаем истинный смысл вещей. Но она также позволяет нашему умственному чувству непосредственно воспринимать внутренний, так же как и внешний, феномен, чувствовать и воспринимать или проникать, например, в мысли, чувства, ощущения, нервные реакции объекта, на который он направлен [144](#). Она использует тонкие чувства наряду с физическими и не позволяет им ошибаться. Она дает нам знание, опыт уровней существования, отличных от материальных, к которым наша обычная ментальность привязана в своем невежестве, и она расширяет для нас мир. Она подобным же образом преображает ощущения и дает им всю их интенсивность, а также всю полноту удерживающей силы; ибо в нашей нормальной ментальности полная интенсивность невозможна, потому что она не обладает силой удерживать и сохранять вибрации сверх определенных пределов, ум и тело не выдержат шока или длительного напряжения. Она также возносит элемент знания в наших чувствах и эмоциях, — ибо наши чувства также имеют силу знания и силу осуществления, которую мы не осознаем и соответствующим образом не развиваем — и одновременно освобождаем их от их ограничений, ошибок и искажений. Ибо во всем сущем гносис есть Истина, Справедливость, высший Закон, devanam adabhani vratani.

Знание и Сила, или Воля, — ибо вся сознательная сила есть воля — являются двумя неотделимыми сторонами действия сознания. В нашей ментальности они разделены. Сначала идет идея, воля, спотыкаясь, следует за ней, или восстает против нее, или используется как ее несовершенное орудие и дает несовершенный результат; или же сначала возникает воля, со слепой или близорукой идеей в себе, и создает что-то неясное, что мы начинаем понимать лишь когда все кончится. Нет ни единства, ни полного взаимопонимания между этими двумя силами в нас, или нет полного соответствия замысла с его осуществлением. Нет и гармонии между индивидуальной волей и всеобщей; первая пытается выйти за пределы второй, или не достает до нее, или уходит в сторону, или вступает с ней в противоречие. Она не знает сроков Истины, не знает ее степеней и размеров [145](#). Виджняна поднимает волю, и сначала устанавливает гармонию между ней и истиной супраментального знания, а потом их единство. В этом знании идея индивидуума едина с идеей всеобщего, потому что обе ведут к истине верховного Знания и трансцендентной Воли. Гносис возвышает не только нашу интеллектуальную волю, но и наши желания, стремления, даже то, что мы называем низшими желаниями, инстинкты, импульсы, проявления чувств и ощущений, и преображает их. Они перестают быть желаниями и страстями, потому что сначала они перестают быть личными и затем перестают быть борьбой за недостижимое, которую мы называем жадой и желанием. Это уже не слепые или близорукие

устремления инстинктивной или интеллектуальной ментальности, они преобразованы в разнообразные действия воли Истины, и эта воля осуществляет свои заявленные действия с непосредственным знанием правильной тактики, и потому с такой эффективностью, какая неведома нашей ментальной воле. Поэтому также в деятельности воли *viḥāṅgama* нет места греху; ибо всякий грех — это ошибка воли, желание и акт Невежества.

Когда желания уже совсем нет, печаль и внутренние страдания тоже исчезают. Виджняна возносит не только части нашего знания и воли, но и части наших привязанностей и радостей, и превращает их в действие божественной Ананды. Ибо если знание и сила — две стороны или силы деятельности сознания, то восторг, Ананда — нечто более высокое, чем то, что мы называем удовольствием, — это сама материя сознания и естественный результат взаимодействия знания и воли, силы и самоощущения [146](#). И удовольствие, и боль, и радость, и печаль — это деформации, вызванные нарушением гармонии между нашим сознанием и силой, которую оно применяет, между нашим знанием и волей, разрыв их единства из-за спуска на более низкий уровень, где они ограничены, разделены в себе, лишены возможности полно и правильно действовать, приходят в противоречие с чуждой силой, чуждым сознанием, чуждым знанием, чуждой волей. Виджняна все это приводит в порядок силой истины и путем полного восстановления единства и гармонии, к Справедливости и высшему Закону. Она возносит все наши эмоции и превращает их в разные формы любви и восторга, даже нашу ненависть, отвращение, причины страданий. Она выявляет или открывает значение, которого в них не было, и из-за отсутствия которого они и стали таковыми отклонениями; она всю нашу природу возвращает к вечному Добру. Так же она поступает и с нашими восприятиями и ощущениями и открывает всю ту радость, которую они ищут, но в ее истине, а не в каких-либо извращениях, и ложных стремлениях, и ложном восприятии; она доходит даже до низших инстинктов и находит Божественное и Бесконечное в тех явлениях, за которыми они устремляются. Все это происходит не средствами низшего бытия, а путем возвышения ментального, виталического, материального в неотчуждаемую чистоту, естественную интенсивность, продолжительный экстаз, единство многоликости божественной Ананды.

Итак, бытие Виджняны — это всегда игра совершенного силы знания, силы воли, силы восторга, возведенная на более высокий уровень, чем ментальный, виталический или телесный. Всепроникающая, универсализированная, освобожденная от эгоистического персонализма и индивидуализма, это игра высшего Я, высшего сознания, и потому высшей силы и высшего восторга бытия. Все это действует в Виджняне в чистоте, в справедливости, в истине высшей или божественной Пракрити. Ее силы могут часто казаться тем, что на обычном языке Йоги называют Сиддхи, а европейцы называют оккультными силами, от которых в страхе бегут многие последователи и Йогины, как от ловушки, препятствия, уводящего в сторону от верного пути к Божественному. Но они становятся такими и делаются опасными здесь, потому что их ищут в низшем бытии, ненормально, силами эго и для эгоистического удовлетворения. В Виджняне это не оккультные силы и не Сиддхи, но открытая, естественная и нормальная игра ее природы. Виджняна — это сила Истины и действие Истины божественного Бытия в его божественных отождествлениях, и, когда оно действует через индивидуума, возвышенного до гностического уровня, он реализует себя непогрешимо, без изъяна или эгоистической реакции, не отклоняясь с пути овладения Божественным. Там индивидуум уже не эго, а свободный Джива, помещенный в высшую божественную природу и ставший ее частью, *para prakṛiḥ jīva bhūta*, [помещенный] в природу высшего и всеобщего Я, которого мы и видим в игре множественной индивидуальности, но без порока невежества, а с самознанием, в его множественном единении, в истине его божественной Шакти.

В Виджняне мы находим правильное отношение и действие Пуруши и Пракрити, потому

что там они объединены, и Божественное более нескрыто в Майе. Все есть его действие. Джива более не говорит: "я думаю, я действую, я желаю, я чувствую", он даже не говорит, как Садхака, стремящийся к единению, но еще его не достигший: "я действую, как Ты, пребывающий в моем сердце, указываешь мне". Ибо сердце, центр ментального сознания, более уже не является местом происхождения, а лишь блаженным каналом. Он скорее видит Божественное, сидящее над ним, господина всего, *adhista*, а также действующим в нем. И сам находясь в этом высшем бытии, *par̃rdhe*, *paramasỹm par̃vati*, он может сказать честно и смело: "Сам Бог через его Пракрити знает, действует, любит, наслаждается через мою индивидуальность и ее формы и исполняет там в самой высокой и божественной мере многоликую *lila*, которую Бесконечное вечно играет во всеобщности, которая и есть Оно на все времена".

140. mind-sense

141. force-action

142. truth-vision

143. thought-force and will-force

144. Эта сила, говорит Патанджали, нисходит путем *samuama* на объект. Это происходит в ментальности, в гносисе нет необходимости в *samuama*. Ибо такое восприятие есть естественное действие Виджняны. (Прим. Шри Ауробиндо)

145. It knows not the times and seasons of the Truth, nor its degrees and measures.

146. self-awareness

ВОСХОЖДЕНИЕ в гносис, овладение чем-то от гностического сознания должно возвысить душу человека и его жизнь в этом мире в славу света, и силы, и блаженства, и бесконечности, которые могут показаться по сравнению со слабым действием и ограниченной реализацией нашего сегодняшнего ментального и физического существования самим статусом и динамикой совершенства окончательного и абсолютного. И это действительно совершенство, какого еще не было на пути вверх к духу. Ибо даже высшая духовная реализация на уровне ментальности несет в себе что-то тяжеловесное, одностороннее и исключительное; даже широчайшая ментальная духовность не достаточно широка, и она также отмечена своей несовершенной силой самовыражения в жизни. И все же, по сравнению с тем, что еще выше, и это тоже, этот первый гностический блеск есть только яркий переход в более совершенное совершенство. Это прочное и сияющее основание, с которого мы можем радостно подниматься все выше в абсолютную бесконечность, которая есть источник и цель воплощенного духа. В этом дальнейшем восхождении гносис не исчезает, а достигает скорее своего высочайшего Света, из которого он спустился до этого, чтобы быть посредником между умом и высшим Бесконечным.

Упанишада говорит нам, что после того, как мы овладеем знанием я выше ментального, и все я с более низких уровней поднимутся до него, останется еще один последний шаг из всего, что нам надо сделать — хотя вы можете спросить, навсегда ли он последний, или только последний практически доступный осознанию, или вообще последний необходимый для нас сейчас? — чтобы поднять наше гностическое существование в Я Блаженства [147](#) и там завершить духовное самооткрытие божественной Бесконечности. Ананда, верховное вечное Блаженство, совсем иное и высочайшее по своему характеру, чем высшее человеческое удовольствие или радость, есть главная и изначальная суть духа. В Ананде наш дух найдет свое истинное я, в Ананде суть его сознания, в Ананде — абсолютная сила его существования. Вступление воплощенной души в высшее абсолютное, неограниченное, безусловное блаженство духа — это бесконечное освобождение и бесконечное совершенство. Правда, отчасти это совершенство можно испытать отраженно, искусно спустившись даже на более низкие уровни, где Пуруша играет с его измененной и сведенной к определенным качествам Природой. Испытать переживание духовной и безграничной Ананды можно и на уровне материи, на уровне жизни, на уровне ума, так же как и на гностическом истинном уровне знания [148](#) и выше. И Йогину, который входит в эти нижние уровни реализации, они могут показаться такими завершенными и такими притягательными, что он вообразит, будто нет ничего большего, ничего выше их. Ибо каждый из этих божественных принципов несет в себе все возможности всех остальных шести свойств нашего бытия; каждый уровень Природы может иметь свое собственное совершенство этих свойств при своих собственных условиях. Но совершенство в целом может быть достигнуто только путем восхождения от низших уровней к высшим и непрерывного встречного движения высших уровней в низшие, пока все не станет одним, одновременно и плотным блоком, и пластичным, как море, материалом бесконечной и вечной Истины.

Само физическое сознание в человеке, *anpataya rigusa*, может, не совершая восхождения на высшие уровни и обратно, все же отражать и входить в я Сатчитананды. Оно может это делать путем отражения Души в физической Природе, ее блаженства, силы и бесконечности, скрытых, но все же присутствующих здесь, или путем утраты своего отдельного чувства субстанции, и существования в Я, которое в нем или вне его. Результатом будет восхитительный сон

физического ума, в котором физическое существо забывается в некоей сознательной Нирване, или движется, как нечто инертное в руках Природы, *jaavat*, как лист на ветру, или это будет состояние чистой счастливой и свободной безответственности за действия, *b'lavat*, божественное детство. Но в этом не будет высшей славы знания и восторга, которые принадлежат тому же статусу на более возвышенном уровне. Это — инертная реализация Сатчитананды, в которой нет ни власти Пуруши над Пракрити, ни какого бы то ни было вознесения Природы в ее высшую силу, бесконечную славу Пара Шакти. Между тем эти два свойства, вознесение и господство, есть путь к совершенству, великолепные врата в высшее Вечное.

Виталическая душа и виталическое сознание [149](#) в человеке, *granamaa purusa*, могут так же прямо отражать и входить в я Сатчитананды путем огромного и великолепного и блаженного отражения Души во всеобщей Жизни, или путем утраты своего отдельного чувства жизни и существования в беспредельном Я в нем или вне его. Результатом будет глубокое состояние чистого самозабвения, или действие, неотвественно направляемое виталической природой, возвышенный энтузиазм самоотдачи великой мировой энергии в ее виталистическом танце [150](#). Внешнее существо живет в Божественном безумии [151](#), не думая ни о себе, ни о мире, *unmattavat* или абсолютно игнорируя либо все условности и приоритеты общепринятого человеческого поведения, либо гармонии и ритмы высшей Истины. Оно действует как ничем не связанное виталическое существо, *risavat*, божественный маньяк или божественный бесноватый. Здесь также нет господства или высшего вознесения природы. Есть только радостная статичная власть Я в нас, и неорганизованная динамичная власть физической и виталической Природы вне нас.

Ментальная душа и ментальное сознание в человеке, *manamaa purusa*, могут так же прямо отражать и входить в Сатчитананду путем отражения Души, отображающейся в зеркале природы чистого всеобщего разума сияющей, свободной, счастливой, пластичной, безграничной, или путем растворения в огромном свободном безусловном рассредоточенном Я в ней или вне ее. Результатом будет или неподвижное отсутствие всякого ума и действия, или свободное от желаний ничем не связанное действие, за которым наблюдает безучастный внутренний Свидетель. Ментальное существо становится душой-отшельником, она одна во всем мире и ей нет дела до человеческих связей, или это будет потаенная душа, которая живет в восхитительной близости к Богу или в счастливом тождестве и в радостных отношениях чистой любви и экстаза ко всем существам. Ментальное существо может даже реализовать это Я на всех трех уровнях сразу. И тогда оно будет всеми этими [описанным] вещами попеременно, последовательно или одновременно. Или оно может преобразовать низшие формы в проявления высших состояний; оно может возвысить эту детскую беспечность или инертную безответственность свободного физического ума, или божественное безумие и пренебрежение всякими правилами, приоритетами, гармонией и тоном, присущие свободному виталическому существу, или прикрыть ими экстаз святого или одинокую свободу странствующего отшельника. Но и в этом не будет ни господства, ни вознесения Природы душой в мире, но только двойное обладание, [обладание] свободы и восторга ментального духовного бесконечного внутри, [обладание] счастливой, естественной и нерегулируемой игрой умственной Природы вовне. И раз ментальное существо способно достигнуть гносис так, как виталическая душа и физическая душа не способны этого сделать, раз оно может принять гносис путем знания, хотя и ограниченного знания ментальной реакции, оно может до некоторой степени направлять своим светом свои внешние действия или, по крайней мере, омыть и очистить в нем свою волю и свои мысли. Но Ум может придти только к компромиссу между бесконечным в нем и конечной природой вне его; он не может влить бесконечность знания силы и блаженства внутреннего бытия, сколь бы то ни было полно, в свои внешние действия, которые остаются всегда

неадекватными. И все же он доволен и свободен, потому что он Господин в себе самом, и несет ответственность за действие, будь то удовлетворительное или неудовлетворительное, берет на себя руководство им и определяет его последствия.

Но гностическая душа, *vijnanamaya purusa*, первая приобщается не только к свободе, но к власти и верховенству Вечного. Ибо она получает полноту, она имеет чувство изобильности Божества в своей деятельности; она принимает участие в свободном, великолепном и царственном движении Бесконечного, является сосудом изначального знания, незапятнанной силы, ничем не нарушаемого блаженства, преобразует всю жизнь в вечный Свет и вечный Огонь и вечный Нектар. Она владеет бесконечностью Я и бесконечностью Природы. Она не столько теряет, сколько обретает свое естественное я в я Бесконечного. На других уровнях, к которым у ментального существа есть более легкий доступ, человек находит Бога в себе и себя в Боге; он становится божественным скорее по сути, а не в своих личных качествах или природных свойствах. В гносисе, даже в ментализированном гносисе, Божественное Вечное овладевает, изменяет, оставляет свой отпечаток на человеческом символе, охватывает и отчасти проявляет себя в личных качествах и свойствах. Ментальное существо в лучшем случае воспринимает или отражает то, что есть истинное, божественное и вечное; гностическая душа достигает истинной идентичности, обладает духом и силой Природы на уровне истины [152](#). В гносисе дуализм Пуруши и Пракрити, Души и Природы, двух отдельных сил, дополняющих друг друга, великая истина Санкхья, основанная на практической истине нашего нынешнего естественного существования, исчезает в их двуединой сущности, динамичной тайне скрытого Всевышнего. Истина-бытие есть Хара-Гаури [153](#) индийского иконологического символа; это двойная Власть, мужеско-женская, рожденная и поддерживаемая высочайшей Шакти Всевышнего.

Поэтому в истине душа [154](#) не впадает в самозабвение в Бесконечном; она достигает вечного самообладания в Бесконечном. Ее действие организовано; это совершенный контроль в бесконечной свободе. На более низких уровнях душа естественно подчинена Природе, и регулирующий принцип находится в низшей природе; вся организация там зависит от признания строгого подчинения закону конечного. Если душа на этих уровнях отклоняется от этого закона в свободу бесконечного, она теряет свой естественный центр и рассеивается [155](#) в космической бесконечности, она нарушает живой гармонический принцип, которым регулировалось до этого момента ее внешнее бытие, и не находит другого. Индивидуальная природа или то, что от нее осталось, просто продолжает некоторое время механически совершать те же движения, или танцует в приливах и отливах всеобщей энергии, которая действует скорее на индивидуальную систему, чем в ней, или она блуждает в диких движениях безответственного экстаза, или остается инертной и лишенной дыхания Духа, которое было раньше в ней. Если, с другой стороны, душа движима своим импульсом свободы к открытию другого и божественного центра контроля, через который Бесконечное может сознательно направлять свою собственную деятельность в индивидууме, то она приближается к гносису, где центр этот заранее существует, центр вечной гармонии и порядка. И когда он поднимается над умом и жизнью, Пуруша становится властелином своей собственной природы, потому что подчиняется только верховной Природе. Ибо там сила или воля являются абсолютными двойниками, абсолютной динамикой божественного знания. И это знание есть не только глаз Свидетеля, это имманентный и неотразимый взгляд Ишвары. Его сияющая направляющая власть, власть, которую нельзя ничем ограничить или отвергнуть, дает свою самовыражающую силу всем действиям и делает истинным, и лучезарным, и подлинным, и неизбежным каждое движение и каждый импульс.

Гносис не отвергает реализаций на более низких уровнях; ибо это не уничтожение или прекращение, не Нирвана, а возвышенное воплощение нашей явленной Природы. Он ставит первые реализации в свои собственные условия, трансформировав их и сделав элементами

божественного порядка. Гностическая душа — это ребенок, но ребенок-царь [156](#), это царственное и вечное детство, чьи игрушки — это миры, и вся вселенская Природа — это чудесный сад, где никогда не прекращается его игра. Гносис возносит состояние божественной инерции; но это уже не инерция подчиненной души, которую Природа гонит, как опавший лист, гонимый дыханием Господа. Это счастливая пассивность, несущая невообразимую интенсивность действия, Ананда Души Природы [157](#), одновременно движимая блаженством властного Пуруши и осознающая себя высшей Шакти над ним и вокруг него, и господствующей над ним, и несущей его блаженно и вечно на своей груди. Это двуединое бытие Пуруши-Пракрити как пылающее Солнце и тело божественного Света, самонаправляемое по своей орбите своим собственным внутренним сознанием и силой вместе со вселенским, вместе с верховным Трансцендентным. Его безумие — это мудрое безумие Ананды, непредсказуемый экстаз верховного сознания и силы, вибрирующей в бесконечном чувстве свободы и напряжения в его божественных движениях. Его действие супрарационально, и поэтому для рационального ума, у которого нет к нему ключа, оно кажется колоссальным безумием. И все же то, что кажется безумием, есть мудрость в действии, которая просто озадачивает ум своей свободой и богатством своего содержания, бесконечной сложностью в фундаментальной простоте ее движений, это и есть метод Господина миров, который не поддается никакой интеллектуальной интерпретации, — это танец, круговорот мощных энергий, но Властелин танца держит в своей власти Его энергии и организует их в ритмический порядок, направляет их по гармоническим кругам, прочерченным его Раса-Лилой. Гностическая душа не более, чем божественный одержимый, связана мелкими условностями и приличиями обычной человеческой жизни, или узкими правилами, с помощью которых последняя приспособливается к непонятным двойственностям низшей природы и пытается проложить себе путь среди кажущихся противоречий мира, чтобы избежать бесчисленные препятствия и обойти, тщательно и осторожно, его опасности и западни. Гностическая супраментальная жизнь выглядит для нас ненормальной, потому что она открыта всем дерзостям и отчаянным восторгам души, которая бесстрашно и даже неистово взаимодействует с Природой, но это как раз и есть самое нормальное состояние бесконечного и всего, что подчиняется закону Истины в своем точном безошибочном движении. Оно повинуетя закону самообладаемого Знания, Любви, Восторга в бесчисленном Единстве. Оно кажется ненормальным только потому, что его ритм не может быть измерен неверной пульсацией ума, но оно движется в чудесной и трансцендентной размерности.

Но в чем же тогда выражается необходимость идти еще выше, и в чем разница между душой в гносисе и душой в Блаженстве? Существенной разницы нет, но есть различие, потому что есть переход в другое сознание и некоторая перестановка, — ибо каждому шагу на пути вверх от Материи к высшему Существованию соответствует изменение в сознании. Душа уже не ищет чего-то вверху, за пределами, она сама находится там и смотрит вниз на все, чем она была раньше. Ананду можно найти на всех уровнях, потому что она существует везде и везде та же самая. Более того, уровень Ананды повторяется в каждом низшем мире сознания. Но на низших уровнях она не только достигается неким растворением в ней чистого ума, или виталического ощущения [158](#), или физического ощущения, но она и сама разжижается растворенной в ней формой ума, жизни и материи, содержащейся в этом соединении, и становится слабым раствором, чудесным для низшего сознания, но не сравнимым с его настоящей насыщенностью. Гносис, напротив, имеет плотный свет существенного сознания, в котором может существовать интенсивная полнота Ананды. И когда форма гносиса растворяется в Ананде, она полностью не исчезает, но претерпевает естественную перемену, при которой душа переходит в последнюю стадию абсолютной свободы; ибо она попадает в абсолютное бытие духа и вырастает в свои

собственные полностью самосуществующие блаженные бесконечности. В качестве сознательного источника, сопровождения, условия, нормы, сферы и атмосферы своей деятельности гносис имеет бесконечное и абсолютное, он владеет ими как основой, источником, образующей его материей, внутренним и вдохновляющим Присутствием; но в своем действии он как будто выступает из него как его механизм, как ритмическое движение его деятельности, как божественная Майя [159](#) или Структура Мудрости [161](#) Вечного. Гносис есть божественное Знание-Воля божественного Сознания-Силы; это гармоническое сознание и действие Пракрити-Пуруши — полное восторга божественного существования. В Ананде знание возвращается от этих волевых гармоний в чистое самосознание, воля растворяется в чистой трансцендентной силе, и оба поднимаются в чистый восторг Бесконечного. Основой гностического существования является самосодержание и самоформа Ананды.

Все это происходит при восхождении, потому что здесь завершается переход в абсолютное единство, в котором гносис является решающим шагом, но не последним завершающим этапом. В гносисе душа знает о своей бесконечности и живет в ней, но она также живет в работающем центре для индивидуальной игры Бесконечного. Она сознает свое тождество со всеми существованиями, но сохраняет свое отличие, хотя и без существенной разницы, и это отличие позволяет ей также вступать в контакт с ними в определенном разнообразии. Именно это отличие, состоящее в радости контакта, в уме становится не только существенной разницей, но в его самопереживании отделением от других я, в духовном бытии [это отличие] становится чувством потери своего я, единого с нами в других, и стремлением к счастью, которого оно лишилось, в жизни оно становится компромиссом между эгоистическим самопоглощением и слепыми поисками потерянного единства. В своем бесконечном сознании гностическая душа создает некое добровольное ограничение для своих собственных мудрых целей [162](#); она даже имеет свою особенную сияющую ауру бытия, в которой она движется, хотя за ее пределами она входит во все вещи и отождествляется со всеми существами и со всеми существованиями. В Ананде все меняется местами, центр исчезает. В природе блаженства нет центра, нет и никакого добровольного или навязанного окружения, но все пребывает, все есть одно равное бытие, единый идентичный дух. Душа блаженства находит и чувствует себя везде; у нее нет отдельной обители, она aniketa, ее обитель везде, или, если она захочет, каждая вещь будет ей домом, и они будут открыты друг для друга вечно. Все другие я являются ее собственными, как в действии, так и по сути. Радость контакта в разнообразном единстве становится вообще радостью абсолютного тождества в бесчисленном единстве. Существование более не формулируется в терминах Знания, потому что знаемое, и знание, и знающий есть здесь одно единое я, и так как все владеет всем в интимном тождестве, которое выше самой близкой близости, нет нужды в том, что мы называем знанием. Все сознание состоит в блаженстве Бесконечного, вся сила есть сила блаженства Бесконечного, все формы и вся деятельность есть формы и деятельность блаженства Бесконечного. В этой абсолютной истине своего бытия живет вечная душа Ананды, то подвергаясь здесь воздействию противоречащих явлений, то возвращаясь туда и преобразуясь в их реальность.

Душа живет: она не уничтожена, не потеряна в бесформенной Неопределенности. Ибо на каждом уровне нашего существования действует один и тот же принцип; душа может уснуть в трансе самопоглощения, она может пребывать в невыразимом напряжении Богообладания, жить в высшей славе своего собственного уровня, — Анандалоки, Брахмалоки, Вайкунтхи, Голоки в различных индийских философских системах, — она даже может обратиться к нижним мирам, чтобы заполнить их своим собственным светом, и силой, и красотой. В вечных мирах и все более и более во всех мирах выше Ума эти состояния существуют друг в друге. Ибо они не разъединены; они есть сосуществующие, даже совпадающие силы сознания Абсолютного.

Божественное на уровне Ананды не способно участвовать в мировой игре и не лишено возможности выражения своей славы. Напротив, как настойчиво утверждает Упанишада, Ананда есть истинно творческий принцип. Ибо все получает рождение от божественного Блаженства [163](#), все уже заранее пребывает в нем как абсолютная истина существования, которую Виджняна выносит и подвергает добровольному ограничению Идеей и законом Идеи. В Ананде все законы теряют силу и царит абсолютная свобода без пределов или ограничений. Она выше всех принципов и в то же самое время пользуется и наслаждается всеми принципами; она свободна от всех гун, и пользуется, и наслаждается своими собственными бесконечными гунами; она выше всех форм, и создает, и пользуется, и наслаждается своими самоформами и образами. Эта невообразимая завершенность и есть дух, дух трансцендентный и вселенский, а соединиться в блаженстве с трансцендентным и всеобщим духом значит для души именно стать им, и ничего другого. Конечно, раз на этом уровне есть абсолютное и игра абсолютного, его нельзя выразить никакими концепциями нашего ума, или знаками феноменальных или идеальных реальностей, которые концепции нашего ума представляют в нашем интеллекте. Эти реальности сами в действительности являются только относительными символами тех невыразимых абсолютных. Символ, выразительная реальность, могут дать нам представление, ощущение, чувство, образ, даже контакт с самой вещью, но здесь наконец мы выходим за ее пределы к тому, что она символизирует, к трансцендентной идее, образу, контакту, проникаем сквозь идеал и проходим в настоящую реальность, истинную, высшую, безвременную и вечную, в бесконечно бесконечную [164](#).

Когда мы внутренне сознаем нечто совершенно выходящее за пределы того, чем мы являемся и что знаем, и к этому [нечто] нас влечет мощная сила, первое, что мы испытываем, — это желание уйти от нынешней действительности и пребывать только в той высшей реальности. Крайней стадией этого привлечения, когда мы входим в высшее Существование и бесконечную Ананду, является отказ от низшего и конечного как иллюзии и стремление к Нирване за его пределами, — страстное желание раствориться, рассеяться, исчезнуть в духе. Но настоящее растворение, истинная *niḡvaṇa* есть освобождение от всего того, что неразрывно связано с низшим, в великое бытие Высшего, сознательное владение живой Реальности живым символом. Мы обнаруживаем в конце концов, что эта Реальность есть не только причина всего остального, не только охватывает все остальное и существует в нем, но по мере того, как мы все более и более овладеваем ею, все остальное обретает в нашем душевном переживании высшее значение и становится средством более богатого выражения Реальности, более многосторонней общности с Бесконечным, большего подъема к Высшему. Наконец, мы подходим близко к абсолютному и его высшим значениям, которые являются абсолютными всех вещей. Мы больше не испытываем желания освободиться, *mumukṣutva*, которое до сих пор побуждало нас, потому что мы теперь пребываем в тесной близости к тому, что всегда свободно, что не испытывает влечения к привязанностям, которые нас связывают сейчас, и не боится того, что кажется нам кабалой. И только когда связанная душа теряет свою всепоглощающую страсть к свободе, может быть достигнуто абсолютное освобождение нашей природы. Божественное влечет души людей к себе различными соблазнами; все они происходят из собственных несовершенных и относительных представлений души о блаженстве; все они являются ее способами поиска Ананды, но если она держится за них до конца, она не постигнет невыразимой истины этого ни с чем не сравнимого счастья. Первым в этом ряду идет соблазн земного вознаграждения, материальной награды, интеллектуальной, этической или другой радости в земном уме и теле. Второй идет более отдаленная и более впечатляющая версия той же распространенной ошибки — надежда на блаженство на небесах, далеко превосходящее эти земные награды; представление о неземном счастье возвышается и становится чище, пока не достигает чистой идеи вечного присутствия

Бога или бесконечного единения с Вечным. И наконец, наступает черед самого изощренного соблазна, соблазна ухода от этих земных и небесных наслаждений, от страданий и печали, усилий и забот, от всего феноменального, соблазн Нирваны, саморастворения в Абсолютном, Ананда исчезновения и невыразимого покоя. В конце концов все эти игрушки ума должны быть превзойдены. Страх рождения и желание уйти от рождения должны нас полностью оставить. Ибо, пользуясь старинным выражением, душа, которая осознала единство, не знает печали и исчезновения; духу, познавшему блаженство духа, нечего опасаться кого бы то ни было и чего бы то ни было. Страх, желание и печаль — это болезни ума; они происходят от его чувства разделенности и ограниченности, и они исчезают вместе с этим ложным чувством. Ананда свободна от этих болезней; она доступна не только аскетам, она рождена не из отвращения к существованию.

Душа, пребывающая в блаженстве [165](#), не привязана к рождению и нерождению; ею не движет желание Знания и ее не пугает Невежество. Высшая Душа блаженства уже имеет Знание и стоит выше всякой потребности в знании. Не ограниченная в своем сознании ни формой, ни действием, она может играть с проявлением, не наполняясь Невежеством. Она уже принимает участие в высшей тайне вечного проявления, а здесь, когда наступит время, она спустится в рождение, не становясь рабом Невежества, не будучи прикована к вращающемуся колесу природы. Ибо она знает, что цель и закон цикла рождений заключается в том, что душа в теле поднимается с одного уровня на другой, а правила низшей игры сменяются правилами высших уровней, [и так происходит везде,] даже вплоть до материальной сферы. Душа блаженства не пытается помочь этому подъему со своей высоты, как и не боится спуститься по лестнице Бога в материальное рождение, и там присоединить силу своей собственной блаженной природы к устремляющимся вверх божественным силам. Время чудесного часа Времени-Духа [166](#) еще не настало. Человек, как правило, не может подняться к природе блаженства; он должен сначала достичь высших уровней ментальности, подняться оттуда в гнозис, и он еще менее способен направить всю Силу Блаженства [167](#) в эту земную Природу; он должен сначала перестать быть ментальным человеком и стать сверхчеловеком. Все, что он может сделать сейчас, это принять в свою душу нечто от ее силы, в большей или меньшей степени, причем с уменьшением при ее прохождении через низшее сознание; но даже это дает ему ощущение экстаза и непревзойденной красоты.

А какова же будет блаженная природа, когда она проявит себя в новой супраментальной расе? Полностью развившаяся душа будет едина со всеми существами в статусе и динамических воздействиях опыта блаженного сознания, интенсивного и неограниченного. И так как любовь есть действующая сила и душевный символ блаженного единства, она приблизится и войдет в это единство вратами вселенской любви, сначала как сублимация [168](#) человеческой любви, затем как божественная любовь, и, наконец, как такое прекрасное, счастливое и великолепное явление, какое мы пока еще не можем себе даже представить. В блаженном сознании она соединится со всей игрой мира, и всеми ее силами, и всеми событиями, и навсегда исчезнет печаль и страх, голод и страдания нашего бедного и затемненного ментального, виталического и физического существования. Она приобретет ту мощь свободы блаженства, в которой все противоречивые принципы нашего бытия соединятся в своих абсолютных значениях. Всякое зло необходимо превратится в добро; всеобщая красота Всепрекрасного вновь вступит во владение своими павшими царствами; все темное превратится в наполненную славу света, и противоречия, которые ум создает между Истиной и Добром, и Красотой, Силой и Любовью, и Знанием, исчезнут на вечной вершине, в бесконечных просторах, где они всегда едины.

Пуруша в уме, жизни и теле отделен от природы и конфликтует с ней. Он борется за власть и удерживает все, что он может вместить от нее, своей мужской силой, и все же подчиняется ее

сокрушающим двойственностям и является в действительности игрушкой в ее руках, с ног до головы, от начала и до конца. В гносисе он двуедин с ней, находит примирение с ней, как властелин над своей собственной природой, и гармонию в их существенном тождестве, хотя и вынужден согласиться, как с условием своего господства и своей свободы, с бесконечным блаженным подчинением Всевышнему в его суверенной божественной Природе. На вершинах гносиса и в Ананде он един с Пракрити, а не просто двуедин с ней. Здесь нет более обескураживающей игры Природы с душой в Невежестве; все есть сознательная игра души с самой собой и всеми своими я, Всевышний и божественная Шакти в своей собственной блаженной природе. Это высшая тайна, высший секрет, простой для нашего опыта, как бы ни был он труден и сложен для нашего ментального представления и попыток нашего ограниченного интеллекта понять, что за ним стоит. В свободной бесконечности самовосторга Сатчитананды есть игра божественного Дитя, *rasa lila* бесконечного Любовника, и ее мистические символы души повторяются в свойствах красоты, и движений, и гармоний восторга в безвременном вечном.

147. Bliss-Self

148. truth-plane of knowledge

149. the life-soul and life-consciousness

150. its vitalistic dance

151. in a God-possessed frenzy

152. truth-Nature

153. Двуединое тело Господа и его Супруги, Ишвары и Шакти, правая половина мужская, левая — женская.

154. truth-soul

155. becomes centreless

156. Так у Гераклита: "Царство ребёнка" (The kingdom is of the child) (Прим. Шри Ауробиндо)

157. the Nature-Soul

158. life-sense

159. Chidghana. (Прим. Шри Ауробиндо)

160. Не в смусле иллюзии, а в первоначальном Ведическом значении слова Майя. (Прим. Шри Ауробиндо)

161. Wisdom-Formation

162. for its own wisdom-purposes

163. Поэтому мир Ананды называется Яналока, в двойном смысле рождения и восторга. (Прим. Шри Ауробиндо)

164. the infinitely infinite

165. т. е. на уровне блаженства, (the bliss-soul) (Прим. пер.)

166. Time-Spirit

167. Bliss-Power

168. sublimation в большинстве случаев переводилось как возвышение, вознесение. (Прим. пер.)

Мы не закончили нашего рассмотрения пути Знания результатов, к которым он ведет. Во-первых, целью Йоги Знания является Богообладание, т. е. пребывать в обладании Бога и в обладании Богом в сознании, в тождестве, в отражении божественной Реальностью. И не просто в какой-либо абстракции, далекой от нашего настоящего существования, но и в нем; таким образом, обладать Божеством в нем самом. Божеством в мире, Божеством внутри, Божеством во всех вещах и всех существах. Это значит обладать единством с Богом посредством этого обладать единством с универсальным, с космосом и со всеми существованиями; таким образом, обладать также бесконечным многообразием в единстве, но на основе единства а не на основе разделения. Это значит обладать Богом как личным, так и безличным; в его чистоте, свободной от качеств, и в его бесконечных качествах; во времени, и за пределами времени; в его действии и в его молчании; в конечном и в бесконечности. Это значит обладать им не только в чистом я, но и во всех я; не только в я, но и в Природе; не только в духе, но и в сверхразуме, уме, жизни и теле; обладать им одновременно с духом, с умом, с виталическим и физическим сознанием; и все это, опять же таки, должно быть обладаемо им, так что все наше существование едино с ним, полно им, управляется и направляется им. Это, поскольку Бог есть единство, для нашего физического сознания означает единство с душой и природой материальной вселенной; для нашей жизни — единство со всей жизнью; для нашего ума — единство с умом вселенной; для нашего духа — идентификацию со вселенским духом. Это означает слиться с ним в абсолюте и найти его во всех отношениях.

Во-вторых, это означает стать божественным в существовании и божественным по природе. И, поскольку Бог есть Сатчитананда, вознести наше существование до божественного существования, наше сознание до божественного сознания, нашу энергию до божественной энергии, наш восторг существования до божественного восторга существования. И не только поднять себя в это высшее сознание, но расширится в него во всем нашем бытии, потому что оно должно быть обнаружено на всех уровнях нашего существования и во всех наших членах, так, что наше ментальное, виталическое и физическое существование целиком наполнятся божественной природой. Наша интеллектуальная ментальность должна стать игрой божественной воли знания [169](#), наша ментальная жизнь души — игрой божественных любви и восторга, наша витальность — игрой божественной жизни, наше физическое бытие — формой для божественной субстанции. Это действие Бога в нас должно быть достигнуто в результате нашего раскрытия к божественному гносису и божественной Ананде и, в своей полноте, в результате восхождения к гносису и Ананде и постоянного пребывания в них. Ибо, хотя мы и живем физически на материальном уровне, и в обычной направленной наружу жизни ум и душа поглощены и заняты явлениями материального существования, эта направленность нашей жизни во вне не является жестким ограничением. Мы можем возносить наше внутреннее сознание с одного уровня отношений Пуруши с Пракрити на другой, и даже превратиться из ментального существа, в котором доминирует физическая душа и природа, в гностическое, или я блаженства [170](#), и приобрести гностическую или блаженную природу. И, посредством вознесения внутренней жизни, мы можем трансформировать все наше внешнее существование; вместо жизни, в которой доминирует материя, мы обретаем жизнь, в которой превалирует дух, со всеми соответствующими обстоятельствами, формируемыми и определяемыми чистотой бытия, бесконечным сознанием даже в конечном, божественной энергией, божественной радостью и блаженством духа.

Такова цель; рассмотрели мы и суть метода. И теперь мы должны сначала коснуться вкратце одной стороны вопроса о методе, оставшейся пока нерассмотренной. В системе интегральной Йоги основным принципом должно быть принятие всей жизни в качестве части Йоги; но знание, которое описывалось здесь, выглядит не как знание того, что обычно понимается как жизнь, а как знание чего-то, стоящего за жизнью. Существует два рода знания, одно — то, которое ищет понимания видимых феноменов существования чисто внешне, подходя к ним снаружи, посредством интеллекта — это низшее знание, знание видимого мира; второе — знание, которое стремится познать истину существования изнутри, в его источнике и реальности, путем духовной реализации. Обыкновенно, между ними делается резкое различие, и подразумевается, что когда мы приходим к высшему знанию, знанию Бога, тогда другое, мирское знание, нас больше не касается и не затрагивает: но на самом деле они оба являются двумя сторонами единого предмета, к которому мы стремимся. Все знание является исключительно знанием Бога, непосредственно через Него, через Природу, через ее труды. Человечество вынуждено вначале искать этого знания через посредство внешней жизни; ибо до тех пор, пока его менталитет не будет в достаточной мере развит, духовное знание в действительности невозможно, и пропорционально этому развитию возможности духовного знания становятся богаче и полнее.

Наука, искусство, философия, этика, психология, знание о человеке и его прошлом, само действие — все это средства, посредством которых мы приходим к познанию созданий и трудов Бога в Природе и в жизни. Сначала создания жизни и формы Природы захватывают нас, но, по мере того, как мы идем все глубже и глубже, и приобретаем все более объемлющий взгляд и опыт, любое из этих направлений поставит нас к лицу к лицу перед Богом. Наука в своих ограничениях, даже физическая Наука, вынуждена постигать, в конце концов, бесконечное, универсальное, дух, божественный разум и волю в материальной вселенной. Еще более легко приходят к этому психические исследования, имеющие дело с операциями более высоких и более тонких уровней и сил нашего бытия и входящие в контакт с существами и явлениями других миров, не видимыми, не ощущаемыми нашими физическими органами, но чье существование удостоверяется тонкими умом и чувствами. Искусство ведет к тому же; эстетически восприимчивый человек, глубоко погруженный в Природу через посредство эстетических эмоций, должен в конечном итоге прийти к духовной эмоции и постигнуть не только бесконечную жизнь, но и бесконечное присутствие в ней; поглощенный красотой в жизни человека, он должен в конце концов начать видеть божественное, универсальное, духовное в человечестве. Философия, работающая с принципами вещей, должна придти к постижению Принципа всех этих принципов и исследовать его природу, атрибуты и суть его действия. Также и этика неизбежно должна постичь то, что закон добра, который она ищет, есть закон Бога и зависит от бытия и природы Владыки закона. Психология ведет от изучения ума и души в живых существах к постижению единой души и единого ума во всех вещах и существах. История и наука о человеке, как и история Природы и наука о ней, ведут к постижению вечной и универсальной Силы и Бытия, чья мысль и воля вырабатываются в виде космической и человеческой эволюции. Само действие принуждает нас к контакту с божественной Силой, которая работает через наши действия, использует их и управляет ими. Интеллект начинает постигать и понимать, эмоции — чувствовать, желать и чтить, воля обращает себя к служению Божественному, без которого Природа и человек не могут существовать и двигаться, и лишь посредством сознательного знания которого мы можем достигнуть наших высших возможностей.

Именно тут в действие вступает Йога. Она начинается с использования знания, эмоции и действия для обладания Божественным. Ибо Йога есть сознательное и совершенное стремление

к Божественному, тогда как все остальное было лишь невежественным и бессознательным стремлением к нему. Для начала, таким образом. Йога отделяет себя от действия и метода низшего знания. Ибо тогда как это низшее знание приближается к Божественному не прямым путем, извне, и никогда не вступает в его сокровенную обитель. Йога призывает нас изнутри и приближается к нему непосредственно; пока первое ищет его посредством интеллекта и осознает его из-за завесы. Йога ищет его через реализацию, поднимает завесу и обретает полное видение; где первое только чувствует присутствие и влияние, Йога вступает и пребывает в присутствии и наполняет себя влиянием; когда первое сознает только результаты трудов и через них получает некий проблеск Реальности, Йога отождествляет наше внутреннее бытие с Реальностью, и уже оттуда видит результаты трудов. Таким образом, методы Йоги отличаются от методов низшего знания.

Методом Йоги в знании всегда должно быть обращение взгляда внутрь и, пока он еще рассматривает внешние вещи, проникновение сквозь поверхностные видимости для достижения единой вечной реальности внутри них. Низшее знание поглощено видимостями и результатами [171](#); первая необходимость для высшего есть уход от них к Реальности, проявлениями которой они являются, и к Бытию и Силе сознательного существования, по отношению к которым они — результаты трудов. Оно делает это путем трех движений, каждое из которых необходимо для двух других, благодаря каждому из которых другие обретают полноту и завершение, — очищение, сосредоточение, отождествление. Цель очищения есть сделать все ментальное бытие ясным зеркалом, в котором сможет отразиться божественная реальность, чистым сосудом и беспрепятственным каналом, в который божественное присутствие и через который божественное влияние могло бы быть излито, утонченным материалом, которым божественная природа смогла бы овладеть, придать ему новую форму и использовать для божественных результатов. Ибо ментальное бытие в настоящее время отражает только неразбериху, созданную ментальным и физическим видом мира, является каналом только для беспорядков невежественной низшей природы, полным препятствий и нечистот, препятствующих действию высшего; таким образом, весь образ нашего бытия деформирован и несовершенен, невосприимчив к высочайшим влияниям и обращен в своем действии к невежественному и низшему использованию. Даже мир оно отражает ложно; отразить Божественное оно не в состоянии.

Сосредоточение необходимо, во-первых, для того, чтобы отвратить в целом волю и ум от непоследовательного перескакивания с одного на другое, свойственного им, следования рассеянному движению мыслей, устремления за многочисленными желаниями, идущих по следу ощущений и внешнего ментального ответа на явления: мы должны зафиксировать волю и мысль на вечном и реальном, стоящим за всем, и это требует громадного усилия, сосредоточения в одной точке. Во-вторых, это необходимо для того, чтобы прорвать завесу, воздвигнутую нашей обычной ментальностью между нами и истиной; ибо внешнее знание может быть приобретено между прочим, путем обычного внимания и восприятия, внутреннее же, сокровенная и высшая истина, может быть достигнуто лишь путем абсолютной концентрации ума на его объекте, абсолютной концентрации воли на достижении этого и, когда это достигнуто, на поддержании привычно и уверенно единства себя с ним. Ибо отождествление есть условие полного знания и обладания; это есть глубокий результат привычного очищенного отражения реальности и полного сосредоточения на ней; и оно необходимо для того, чтобы полностью ликвидировать разделение и отделение нас от божественного бытия и вечной реальности, которое есть нормальное состояние нашей неперерожденной невежественной ментальности.

Ничего из этого не может быть достигнуто методами низшего знания. Верно, что здесь также и они производят подготовительное действие, но лишь до определенного предела и

определенной степени интенсивности, и там, где их действие прекращается, действие Йоги принимает на себя продолжение нашего роста в Божественное и находит средства для его завершения. Любое стремление к знанию, если оно не извращено слишком приземленными тенденциями, ведет к облагораживанию, утончению и очищению бытия. В соответствии с той мерой, в какой мы становимся более ментальными, мы достигаем более тонкого действия всей нашей природы, которая становится более подходящей для отражения и восприятия более высоких мыслей, более чистой воли, менее физической истины, более направленных внутрь влияний. Способность этического знания и этической привычки мысли и воли к очищению очевидна. Философия не только очищает рассудок и предрасполагает его к контакту со вселенским и бесконечным, но имеет тенденцию стабилизировать природу и устанавливать мудрое спокойствие; а спокойствие есть признак возрастающего господства над собой и чистоты. Поглощение вселенской красотой даже в эстетических формах имеет большую силу для облагораживания и утончения природы, и в своих высших проявлениях — в огромной степени для очищения. Даже привычка ума к научным исследованиям и незаинтересованное изучение космического закона и истины не только проясняют способность рассуждения и наблюдения, но и оказывают, если им не оказывается противодействия со стороны других тенденций, укрепляющее, возвышающее и очищающее влияние на ум и моральную природу, которое до сих пор не было в достаточной мере оценено.

Сосредоточение ума и тренировка воли в направлении постижения истины и жизни в истине есть также неизбежный результат, постоянная необходимость этих занятий; и в конечном итоге или во время достижения ими высочайшей интенсивности они могут вести, и ведут, сначала к интеллектуальному, а затем к рефлексивному восприятию божественной Реальности, которое может обрести кульминацию в своего рода предварительном отождествлении с ним. Но все это не может продвигаться далее некоторой определенной точки. Систематическое очищение всего существа в целях интегрального отражения и принятия в себя божественной реальности может осуществляться только специальными методами Йоги. Ее абсолютная концентрация должна занять место рассеянной концентрации низшего знания; смутное и неэффективное отождествление, которое лишь и возможно в результате низшего знания, должно быть замещено полным, близким, властным и живым единением, которое дает Йога.

Тем не менее, Йога ни в своем процессе, ни в результатах не исключает и не отбрасывает формы низшего знания, кроме тех случаев, когда она принимает образ крайнего аскетизма или мистицизма, нетерпимых в отношении других божественных тайн мирового существования. Она отделяет себя от них своей интенсивностью, шириной и высотой задач и специализацией своих методов, которые должны соответствовать целям; но она не только отталкивается от них, но определенную часть пути проходит в их сопровождении и использует их в качестве вспомогательных средств. Поэтому очевидно, сколь широко этическая мысль и практика — не столь на внешнем, сколько на внутреннем уровне — вторгаются в подготовительный метод Йоги, в область цели достижения чистоты. Опять же, весь метод Йоги является психологическим; он может быть охарактеризован по другому как завершенная практика совершенного психологического знания. Данные философии есть та основа, с которой он начинает реализацию Бога через принципы Его бытия; только он [172](#) способен довести интеллектуальное понимание — единственное, что дает философия — до такой интенсивности, которая позволяет ему выйти за пределы мысли в видение и за пределы понимания в реализацию и обладание; что философия оставляет абстрактным и отдаленным, то он делает осязаемым в живой близости и духовной конкретности. Эстетический и эмоциональный ум и эстетические формы используются Йогой в качестве поддержки при сосредоточении даже в

Йоге Знания и являются, возвышенные, основными средствами Йоги любви и восторга, подобно тому, как возвышенные жизнь и действие есть основные средства Йоги трудов. Созерцание Бога в Природе, созерцание и служение Богу в человеке и в жизни человека и мира в его прошлом, настоящем и будущем в равной степени есть элементы, из которых Йога Знания может извлечь пользу для завершения реализации Бога во всем сущем. Но только все направляется к единой цели, направляется к Богу, наполняется идеей божественного, бесконечного, вселенского существования так, что направленное вовне, чувственное, прагматическое поглощение низшего знания явлениями и формами уступает место единому поглощению божественным. И после достижения этот характер сохраняется. Йогин продолжает знать и видеть Бога в конечном и быть каналом сознания Бога и действия Бога в мире; таким образом, знание мира и возвеличение и возвышение всего, принадлежащего жизни, находится в его компетенции. При этом он видит Бога во всем, видит верховную реальность, и мотивы его работы — помочь человечеству в познании Бога и овладении верховной реальностью. Он видит Бога в данных науки, в выводах философии, в формах красоты и в формах Добра, в деятельности жизни, видит Бога в прошлом мира и его результатах, в настоящем и его тенденциях, в будущем и его великом продвижении. Во все это — по отдельности или одновременно — он может внести свое просветленное видение и свою освобожденную силу духа. Низшее знание было ступенью, с которой он поднялся к высшему; высшее осветило для него низшее и сделало последнее частью себя, пусть и своим нижним окаймлением и наиболее внешним сиянием.

169. knowledge-will

170. bliss-self

171. appearances and workings

172. метод Йоги

САМОЕ близкое отношение к цели Йоги Знания, которая должна быть всегда — развитие, восхождение или уход в более высокое, или божественное, сознание, которое нам обычно не известно, имеет то значение, которое придается феномену Йогического транса, Самадхи. Считается, что есть состояния бытия, которые могут быть достигнуты только в трансе; которых надо особенно желать, и в которых все действие осознания устраняется и нет совсем сознания, кроме чистого супраментального погружения в неподвижное, безвременное и бесконечное бытие. Уходя в такой транс, душа погружается в молчание высшей Нирваны и не может вернуться в какое-либо иллюзорное или низшее состояние бытия. Самадхи не так важно в Йоге преданности, но занимает в ней определенное место, как обморок и замирание бытия, в который экстаз божественной любви погружает душу. Войти в такое состояние — высшая ступень Йогической практики в Раджа-Йоге и Хатха-Йоге. Какова же природа Самадхи и польза такого транса в интегральной Йоге? Очевидно, что если наша цель включает в себя обладание Божественным в жизни, состояние прекращения жизни не может быть последним завершающим шагом или самым желанным состоянием: Йогический транс не может быть целью, как во многих системах Йоги, но только средством, средством не уйти от бодрствующего пробужденного состояния, но расширить и поднять на новую высоту все видящее, живущее и действующее сознание.

Важность Самадхи заключается в той истине, которую современное знание вновь открывает, и которая всегда присутствовала в индийской психологии, состоящей в том, что только небольшая часть всемирного бытия, или нашего собственного, входит в круг нашего знания или в нашу деятельность. Остальное скрыто в подсознательных сферах бытия, которые доходят до самой глубины подсознания и поднимаются до самых вершин сверхсознания, или окружают небольшое поле нашего бодрствующего я широким пространством сознательного существования, из которого наш ум и чувства улавливают только некоторые признаки. Старая индийская психология выражала этот факт путем разделения сознания на три области, бодрствующее состояние, дремлющее состояние или состояние-сновидение, и состояние-сон, *jagrat, svarpa, susupti*; и подразумевается наличие бодрствующего я, дремлющего я — или видящего сны, — и спящего я, а также высшее или абсолютное я существа, четвертое состояние или Турья [173](#), от которого первые три являются производными, обеспечивающими относительный опыт в этом мире.

Если мы проанализируем язык старых книг, мы обнаружим, что состояние бодрствования есть сознание материальной вселенной, которым мы обычно владеем в этом воплощенном существовании, подчиненном физическому уму. Дремлющее состояние есть сознание, соответствующее более утонченному уровню жизни и стоящему за ним уровню ума, которые для нас, даже если мы о них догадываемся, не имеют той конкретной реальности, которую имеют вещи физического мира. Состояние сна — это сознание, соответствующее супраментальному уровню, местопребыванию гносиса, который находится за пределами нашего существования, потому что наше казуальное тело, или оболочка гносиса, не развито в нас, его свойства остаются неактивными, и поэтому мы бываем связаны с этим уровнем, только когда спим без сновидений. Высшее состояние Турья — это сознание нашего чистого самосуществования или нашего абсолютного бытия, с которым у нас вообще нет никакой прямой связи, какие бы ментальные отражения мы не получали в наших сновидениях или наяву, или даже в невоспроизводимом состоянии-сне сознания. Эта четырехчастная шкала соответствует четырем ступеням той

лестницы бытия, по которой мы поднимаемся обратно к абсолютному Божеству. Таким образом, обычно мы не можем вернуться из сферы физического ума на более высокие уровни или степени сознания, не удаляясь от состояния бодрствования, не входя и выходя из него и не теряя соприкосновения с материальным миром. Следовательно, для тех, кто желает испытать эти состояния, транс становится желательной вещью, средством преодолеть ограниченность физического ума и природы.

Самадхи, или Йогический транс, идет все дальше вглубь по мере того, как он отходит от нормального или бодрствующего состояния, и входит в степени сознания, все менее и менее доступные бодрствующему уму, менее и менее готовые воспринимать призывы из мира бодрствования. За определенной гранью транс становится полным, и тогда уже почти или совсем невозможно разбудить или позвать назад душу, которая погрузилась в него; она может вернуться только по собственной воле или, в крайнем случае, с помощью сильного шока, физического воздействия, которое опасно для всей системы из-за внезапности выхода из транса. Известны высшие состояния транса, из которых душа, если она остается в таком состоянии слишком долго, не может вернуться; ибо она выпускает из своих рук ту нить, которая привязывает ее к сознанию жизни, а тело остается покинутым, в том же положении, не умерщвленное процессом разложения, но не в состоянии восстановить жизнь, покинувшую ее вместе с душой, которая обитала в нем. Наконец, на определенной стадии Йогин обретет способность совсем оставлять свое тело не благодаря обычному феномену смерти, а по собственной воле [174](#), или постепенно выпустив праническую силу жизни через ворота поднимающегося потока жизни (udana), открыв ей путь через мистическую brahmarandhra в голове. Уходя из жизни в состоянии Самадхи, он прямо переходит в то высшее состояние бытия, к которому стремится.

В самом состоянии сновидения, или дремлющем состоянии, существует бесконечный ряд градаций глубины, начиная с той, где слабейший призыв легко возвращает в бодрствующее состояние, когда мир физических ощущений стоит в дверях, просто на момент прикрытых; на более глубоком уровне он становится отдаленным, и в меньшей степени способен пробиться через внутреннюю поглощенность, ум вступил в устойчивые глубины транса. Между состоянием Самадхи и нормальным сном нет ничего общего, так же как между Йогическим состоянием сновидения и физическим сонным состоянием. Последнее принадлежит физическому уму; в первом ум работает тонко и надлежащим образом, освобожденный от смешения, создаваемого физической ментальностью. Сны физического ума представляют из себя бессвязную смесь, состоящую частично из ответов на неясные прикосновения из физического мира, вокруг которых низшие умственные инструменты, отсоединившиеся от воли и рассудка, buddhi, плетут паутину блуждающих фантазий, частично из беспорядочных ассоциаций памяти мозга [175](#), частично из отражений событий, переживаемых душой, путешествующей по ментальному плану, отражений, получаемых обычно без вмешательства интеллекта и какой-либо координации, грубо искаженных при восприятии и беспорядочно перемешанных с другими элементами сна, с мозговыми воспоминаниями и фантастическими реакциями на каждое чувственное прикосновение из физического мира. В Йогическом состоянии сновидения, напротив, ум ясно обладает собой, хотя и не соотносится больше с физическим миром, работает связно, и может использовать как свои обычные волю и интеллект с концентрированной силой, так и высшие волю и интеллект более высоких уровней ума. Он отходит от переживания внешнего мира, не накладывает свою печать на физические чувства и их каналы взаимодействия с материальными вещами; но все то, что соответствует ему, мышление, рассуждение, отражение, видение он в состоянии осуществлять с возросшей чистотой и силой высокой концентрации, свободной от отвлечений и неустойчивости бодрствующего ума. Он также может использовать свою волю для

произведения на себя или на свое окружение ментальных, моральных [176](#), и даже физических воздействий, которые могут продолжаться и иметь свои последствия в бодрствующем состоянии, следующем за прекращением транса.

Чтобы полностью овладеть теми возможностями, которые дает состояние сновидения, необходимо сначала полностью исключить воздействие зрительных образов, звуков и прочего из внешнего мира на физические органы. В действительности, в состоянии сновидения вполне возможно получать информацию о внешнем физическом мире через те тонкие чувства, которыми обладает тонкое тело; мы можем узнать об нем столько, сколько захотим, и гораздо больше, чем в состоянии бодрствования: ибо тонкие чувства действуют на гораздо большее расстояние и в более широком спектре, чем грубые физические органы, их действие может быть практически неограниченно. Но информация о физическом мире, полученная с помощью тонких чувств, есть нечто совсем иное, чем обычная информация о нем, которую мы получаем с помощью физических органов; такая обычная информация несовместима с состоянием транса, так как воздействие физических ощущений нарушает Самадхи и возвращает ум в обычную их область, где только они и имеют силу. Тонкие же чувства имеют силу как на своих уровнях, так и в физическом мире, хотя он для них дальше, чем их собственный мир бытия. В Йоге используются разнообразные приемы, чтобы запечатать вход всем физическим ощущениям, в том числе и физические средства; но единственный всегда эффективный прием — это сила концентрации, которая уводит ум в глубину, где сигналы от физических вещей достигают его уже с большим трудом. Второе, что необходимо сделать, это избавиться от вмешательства физического сна. Обычное поведение ума, когда он теряет контакт с физическим миром, это падение в оцепенение сна или в бессмысленные сновидения, и когда для достижения Самадхи ему дается указание прекратить этот контакт, он сразу, просто по привычке дает не ту реакцию, которая требуется, но обычную реакцию физического сна. От этой привычки нашего ума необходимо избавиться; ум должен научиться бодрствовать в состоянии сновидения, владеть собой, не возвращаясь во внешний мир, но в собранном бодрствовании, где, хотя он и погружен в себя, он проявляет все свои силы.

В состоянии сновидения переживания могут быть бесконечно разнообразны. Ибо в этом состоянии ум не только полностью владеет всеми обычными умственными возможностями, логикой, способностью различать, волей, воображением и может использовать их самыми различными способами, по самым различным поводам, с какой угодно целью, но он может установить связь со всеми мирами, к которым у него есть естественный доступ, или к которым он захочет получить доступ, от физического вплоть до высшего ментального мира. Он делает это разнообразными путями, открытыми для тонкости, гибкости и всеобщего движения этого обращенного внутрь ума, освобожденного от узких рамок направленных вовне физических органов чувств. Он может сначала познать все вещи, будь то в материальном мире или на других уровнях, с помощью образов, доступных восприятию, не только образов видимых вещей, но и звуков, прикосновений, запахов, вкуса, движения, действия, всего, что может быть воспринято умом и его органами. Ибо ум в Самадхи имеет доступ к внутреннему пространству, которое иногда называют *śidakasa*, в глубины все более и более тонкого эфира, которые плотно укрыты от физических органов чувств более грубым эфиром материального мира, а все воспринимаемые вещи, будь то в материальном мире или в каком-либо другом, производят воспроизводящие вибрации, ощутимые эхо, отпечатки, повторяющиеся образы самих себя, которые этот тонкий эфир воспринимает и сохраняет.

Именно этим объясняются многие явления, такие как ясновидение, яснослышание и прочие, ибо эти явления лишь исключительные случаи, когда бодрствующая ментальность получает доступ в ограниченную сферу восприимчивости, которую можно назвать образной

памятью тонкого эфира, с помощью которой могут быть восприняты не только сигналы всех бывших и настоящих вещей, но и будущих; ибо вещи будущего уже осуществились в знании и видении на более высоких уровнях ума, и их образы могут отражаться в уме в настоящем. Но эти вещи, которые для бодрствующего ума лишь исключение, трудны и могут быть восприняты только благодаря обладанию особой силой или в результате усердных тренировок, естественны для сознания транса в состоянии сновидений, в котором подсознательный ум свободен. И этот ум может также познать вещи на разных уровнях не только благодаря воспринимаемым образам, но и благодаря явлениям восприятия мысли или передачи мысли и впечатления, аналогичным феномену сознания, которое в современной психологической науке получило название телепатии. Но возможности состояния сновидения на этом не кончаются. Оно позволяет с помощью некой проекции нашего я, в тонкой форме ментального или виталического тела, прямо войти в другие уровни и миры, или в отдаленные места этого мира, двигаться среди них как бы телесно и вынести из них непосредственный опыт увиденного, познанного и происшедшего. Оно позволяет осуществить даже проекцию самого ментального и виталического тела с той же целью, и путешествовать в нем, оставив физическое тело в глубочайшем трансе, без признаков жизни, вплоть до ее возвращения.

Самое большое значение состояния сновидения Самадхи состоит, однако, не в этих скорее внешних вещах, но в том, что оно легко открывает более высокие уровни и возможности мысли, эмоций, воли, благодаря которым душа возвышается, поднимается на новые уровни и обретает большую власть над собою. Особенно, освободившись от отвлекающего воздействия осязаемых вещей, она может, благодаря совершенной силе самоизолированного сосредоточения, путем свободного размышления, раздумий, рассуждений или — еще ближе, еще окончательнее — путем более глубокого проникновения и отождествления, подготовиться к восхождению к Божественному, высшему Я, высочайшей Истине, и по своей сути и силе, и в своих проявлениях и в своем высочайшем первоначальном Бытии. Или она может, напитавшись внутренней радостью и эмоцией, как бы в закрытой и уединенной келье души, подготовить себя к восторгу соединения с божественным Возлюбленным, Владыкой всего блаженства, восторга и Ананды.

Для интегральной Йоги этот метод Самадхи может показаться неудовлетворительным в том смысле, что когда это состояние прекращается, нить обрывается, и душа возвращается в несовершенную и отвлекающую внешнюю жизнь, и ее возвышающее воздействие на эту внешнюю жизнь ограничивается только общим впечатлением того более глубокого опыта. Но такая пропасть, такой разрыв не являются неизбежными. Во-первых, только у нетренированного психического существа опыт транса не оставляет следа в бодрствующем уме; мастерски овладев Самадхи, оно сможет без всякой преграды забытья переходить от внутреннего к внешнему бодрствованию. Во-вторых, однажды сделав это, оно уже легче переносит то, что испытало во внутреннем состоянии, на бодрствующее сознание и на свой обычный опыт, возможности, ментальное состояние бодрствующей жизни. Тонкий ум, который обычно заслонен непрерывным вторжением физического бытия, становится действующим и во время бодрствования так, что постепенно даже в бодрствующем состоянии такой развивающийся человек может жить в нескольких своих тонких телах, а не только в своем физическом теле, он может чувствовать их и [чувствовать] в них, использовать их органы чувств, способности, силу, владеть супрафизической истиной, сознанием и опытом.

Состояние сна поднимается к более высоким силам существования, над мыслью — в чистое сознание, над эмоцией — в чистое блаженство, над волей — к чистому господству; это дверь к единению с высшим состоянием Сатчитананда, из которого рождается вся деятельность мира. Но здесь мы должны быть внимательны, чтобы правильно понять символический язык. Такие слова, как сновидение и сон, есть лишь образные выражения, взятые из опыта обычного

физического ума, для описания таких уровней, которые для него не обычны. На самом деле Я в третьем состоянии, которое мы называем сном, *susupti*, — вовсе не спит. Я сна [177](#) на самом деле описывается как Пражна [178](#), Повелитель Мудрости и Знания, Я Гносиса, и как Ишвара, Господин бытия. То, что для физического ума — сон, для нашего более широкого и тонкого сознания — более активное бодрствование [179](#). Для обычного ума все, что выходит за пределы его обычных переживаний, но не выходит за рамки его горизонта, кажется сновидением; что же касается вещей, находящихся за его горизонтом, он уже не может видеть истины даже как бы и во сне, а просто забывается в состоянии полного непонимания и невосприятия. Граница между этими состояниями зависит от силы индивидуального сознания, от того, насколько оно светло, ясно и активно. Эту границу можно поднимать выше и выше, пока она не выйдет даже за пределы ума. Действительно, нормальный человеческий ум не может бодрствовать даже во внутренне бодрствующем трансе, на супраментальных уровнях; но этот недостаток может быть преодолен. Бодрствуя на этих уровнях, душа становится властелином просторов гностической мысли, гностической воли, гностического восторга, и если она может это делать в Самадхи, она может перенести память этого опыта и силу этого опыта в свое бодрствующее состояние. Даже на еще более высоком, но доступном нам уровне, уровне Ананды, пробужденной душой может так же овладеть Я Блаженства, в его концентрации и в его космической всеобщности. Но все же есть уровни еще выше, из которых она не может вынести никакого воспоминания, кроме того, что можно описать словами "как-то, неопишимо, я пребывала в блаженстве", блаженстве безусловного существования за пределами всякой возможности выражения мыслью или описания образом или очертанием. Даже само ощущение бытия может исчезнуть в том опыте, в котором существование мира теряет свой смысл, и который правильнее всего можно описать только Буддистским символом Нирвана. Как бы ни была велика сила пробуждения, всегда, по видимому, есть более высокие пределы, в которых образ сна, *suṣṛpti*, все же может найти свое применение.

Таков принцип Йогического транса, Самадхи, — в его сложный феномен нам сейчас нет нужды углубляться. Достаточно отметить его двойную пользу для интегральной Йоги. Правда, до какого-то трудно определимого или очерчиваемого предела почти все, что может дать Самадхи, можно получить, не прибегая к Самадхи. Но все же есть определенные высоты духовного и психического опыта, на которых прямой, непосредственный опыт, в отличие от отражающего, может быть глубоко и во всей полноте получен только посредством Йогического транса. И даже для того, который может быть получен другим путем, Самадхи является готовым средством, возможностью, тем более ценной, если не единственной, чем выше и труднее путь к тем уровням, на которых мы ищем наиболее возвышенный духовный опыт. Опыт, полученный на этих уровнях, должен быть в как можно большей степени перенесен в бодрствующее сознание. Ибо в Йоге, которая полностью охватывает всю жизнь без остатка, наибольшее применение Самадхи получает, когда его результаты могут стать принадлежностью и опытом полного бодрствования воплощенной души в человеческом существе.

173. Turiya

174. iccha-mrtyu

175. brain-memory

176. moral — возможно, опечатка, вместо vital — виталических. (Прим. пер.)

177. sleep-self

178. Prajna 179. the greater waking

Глава XXVII

Хатха-Йога

СУЩЕСТВУЕТ почти столько же путей достижения Самадхи, сколько известно различных путей Йоги. В самом деле, она имеет такое большое значение — и не только как способ обрести высшее сознание, а как само условие и статус этого высочайшего сознания как такового, в котором только и можно полностью овладеть и наслаждаться им, все еще находясь в теле — что некоторые разделы Йоги как будто только и служат путями к достижению Самадхи. Вся Йога по своей природе есть попытка и осуществление единства со Всевышним, — союза с бытием Всевышнего, союза с сознанием Всевышнего, союза с блаженством Всевышнего, — или, если отказаться от идеи абсолютного единства, попытка вступить в некий союз, пусть даже только союз души, живущей в единственном статусе и на периферии существования с Божественным, *salokya*, или в некой неотделимой близости, *samīrua*. Этого можно достичь, только поднимаясь на более высокие уровни и в более интенсивное сознание, чем то, на какое способна наша обычная ментальность. Самадхи, как мы уже видели, представляет собой естественный статус такого более высокого уровня и большей интенсивности. И естественно его большое значение в Йоге знания, так как там оно составляет сам принцип метода и его цели — придать ментальному сознанию ясность и сконцентрированную силу, с помощью которой оно может полностью ощутить, слиться, отождествиться с истинным бытием. Но есть два больших раздела, для которых Самадхи имеет еще большее значение. К этим двум системам, Раджа-Йога и Хатха-Йога, мы сейчас и обратимся; ибо, несмотря на большое отличие этих двух методов от того пути знания, они, в конечном итоге, основаны на том же принципе. В то же время, нам будет достаточно лишь взглянуть по ходу дела на суть этих разделов; ведь в синтетической и интегральной Йоге они занимают второстепенное место; их цели, конечно, должны быть учтены, но их методы можно либо вообще не использовать, либо использовать только на подготовительной фазе, либо от случая к случаю.

Хатха-Йога — мощная, но трудная и обременительная система, принцип действия которой основан на тесной связи тела с душой. Тело — это ключ, секрет зависимости и освобождения, животной слабости и божественной силы, затуманивания ума и души и их просветления, подверженности боли, ограниченности и власти над собой, смерти и бессмертия. Для Хатхайоги тело — это не просто масса живой субстанции, а мистический мост между духовным и физическим существованием; известны даже такие искусные толкователи Хатха-Йоги, которые объясняют Ведический символ ОМ как фигуру, изображающую такое мистическое человеческое тело. Хотя Хатха-Йога всегда говорит только о физическом теле и кладет его в основу своей практики, она смотрит на это тело не как анатом или физиолог, а описывает и объясняет его на таком языке, который всегда учитывает тонкое тело, скрывающееся за физической системой. Собственно, вся цель Хатхайоги, с нашей точки зрения, хотя сам он и не сформулировал ее таким образом, состоит в попытке определенными научно обоснованными методами дать душе, заключенной в физическом теле, силу, свет, чистоту, свободу, пути восхождения к духовному опыту, который естественным образом откроется ей, если она будет содержаться в тонком и развитом каузальном теле.

Тем, для кого понятие науки связано только с поверхностными явлениями физического мира, оторванными от всего того, что стоит за ними, может показаться странным, что мы говорим о методах Хатха-Йоги как о научных; но они в равной мере основаны на определенных эмпирических законах и их действии, и дают, если их правильно применять, хорошо проверенные результаты. Хатха-Йога, в действительности, есть своего рода система знания;

однако, если истинная Йога знания — это философия бытия, примененная в духовной практике, психологическая система, то Хатха-Йога — это наука бытия, психофизическая система. Обе системы дают психологический, физический и духовный результаты; но так как они находятся на разных полюсах одной и той же истины, то для одной психофизические результаты не имеют большого значения и существенны только чисто психическое и духовное, и даже чисто психическое есть только аксессуар духовного, которому и уделяется все внимание; для другой физическое имеет громадное значение, психическое — значительный результат, а духовное — высший и завершающий, который, однако, представляется отдаленным, отодвинутым в будущее, так как всепоглощающее внимание требуется уделять телу. Не следует, однако, забывать, что оба метода все же ведут к одной цели. Хатха-Йога тоже является путем, хотя и долгим, трудным, педантичным в мелочах движением, *duhkham aptum*, ко Всевышнему.

Вся Йога следует в своих методах трем практическим принципам; во-первых, очищение, то есть устранение всяческих отклонений, нарушений, препятствий, которые несет с собой смешанное и неорганизованное действие энергии существования в нашей физической, моральной [180](#) и ментальной системе; во-вторых, концентрация, то есть доведение до предельной интенсивности, овладение и самонаправленное применение этой энергии существования в нас ради определенной цели; в-третьих, свобода, то есть высвобождение нашего существа из узких и болезненных пут индивидуализированной энергии, пребывающей в фальшивой и ограниченной игре, которая на сегодняшний день есть закон нашей природы. Наслаждение нашим свободным существованием, которое ведет нас к единству или союзу со Всевышним, есть завершение; это то, ради чего практикуется Йога. Три необходимых ступени и высокие, открытые и бесконечные уровни, на которые они ведут; и Хатха-Йога в своей практике всегда имеет их в виду.

Два основных компонента ее физического раздела, по отношению к которым другие — лишь аксессуары, — это *asana*, приучающая тело к определенным позам неподвижности, и *pranayama*, обучающая навыку управлять виталическими потоками энергии, заключенными в теле, и останавливать их с помощью специальных дыхательных упражнений. Физическое существо — инструмент; но физическое бытие состоит из двух элементов, физического и виталического, тела, которое есть видимый инструмент и основа, и жизненной энергии, *prana*, которая есть сила и истинный инструмент. Оба эти инструмента сегодня правят нами. Мы подчиняемся своему телу, мы подчиняемся жизненной энергии; хотя мы имеем душу, хотя мы ментальные существа, мы только в очень ограниченных пределах можем повелевать ими. Мы связаны слабой и ограниченной физической природой, мы далее связаны слабой и ограниченной силой жизни, которую только и может вынести такое тело, или для которой в нем достаточно места. Более того, действие того и другого в нас подчиняется не только очень строгим ограничениям, но и постоянным искажениям, которые вновь и вновь повторяются после каждого исправления, всяческим нарушениям, либо обычным для нашей нормальной грубой организации как часть нашей физической жизни, или ненормальным, таким как болезни, беспорядки. Всем этим занимается Хатха-Йога; все это она должна преодолеть; и делает она это в основном двумя описанными нами способами, сложными, громоздкими в применении, но простыми в принципе и эффективными.

Система Асан Хатха-Йоги имеет в своей основе две глубокие идеи, из которых вытекает множество важных следствий. Первая идея — контроль с помощью физической неподвижности, вторая — сила неподвижности. Сила физической неподвижности так же важна в Хатха-Йоге, как сила ментальной неподвижности в Йоге знания, и по аналогичным причинам. Для ума, не привыкшего к более глубоким истинам нашего бытия и природы, обе эти силы покажутся лишь стремлением к вялой пассивности инерции. Истина же состоит в прямо противоположном; ибо

Йогическая пассивность, будь то ума или тела, — это условие наибольшего напряжения, овладения и удержания энергии. Обычная деятельность нашего ума — это по большей части беспорядочное беспокойство, когда много энергии расходуется впустую, наспех и необдуманно, и очень мало направлено на самоорганизующую работу воли, — впустую с этой точки зрения, не с точки зрения вселенской Природы, где то, что для нас напрасные усилия, служит целям ее организации. Так же беспокойна и жизнь нашего тела.

Эта беспорядочность — признак постоянной неспособности тела удерживать даже ту небольшую жизненную энергию, которую оно получает или генерирует, и, следовательно, повсеместной растраты этой Пранической силы с очень слабым элементом упорядоченности и хорошо организованной деятельности. Более того, в последующем чередовании и балансе между движением и взаимодействием виталических энергий, которые обычно действуют в теле, и их взаимодействии с теми, которые воздействуют на тело снаружи, будь то энергия других тел или общей Пранической силы в ее разнообразной деятельности в окружающей среде, постоянно идет процесс балансирования и приспособливания, в котором в любой момент может что-то нарушиться. Любое препятствие, любой дефект, любой эксцесс, любая неудача создает помехи и отклонения. Природа справляется со всем этим достаточно хорошо с точки зрения ее собственных целей, будучи предоставленной сама себе; но как только неуклюжий ум и воля человеческого существа вмешиваются в ее привычки, в ее виталические инстинкты и интуитивные действия, особенно если они создают ложные или искусственные привычки, еще более хаотический беспорядок и еще более частые нарушения становятся правилом бытия. Но такое вмешательство неизбежно, раз человек живет не ради тех целей, которые виталическая Природа преследует в нем, а ради более высоких целей, которых она не ставила с самого начала, и к которым она с трудом должна приспособливать свое действие. Поэтому, чтобы достичь более высокого статуса или более высокой активности, необходимо прежде всего освободиться от этого беспорядочного беспокойства, успокоить деятельность и упорядочить ее, Хатхайогин должен иметь сверхъестественный контроль над деятельностью тела и над жизненной энергией, но не в смысле еще большего беспорядка, а в смысле превосходства и господства.

Первая цель неподвижности Асаны — избавиться от беспорядочной активности, навязанной телу, и заставить его удерживать Праническую энергию вместо того, чтобы растрчивать и разбрасывать ею. Практикуя Асану, человек испытывает не внезапное исчезновение или уменьшение энергии вследствие инерции, а увеличение, приток и движение силы. Тело, привыкшее расходовать поверхностную энергию в движении, сначала плохо справляется с этим напором, с этой сдерживаемой внутренней деятельностью, и выдает ее сильной дрожью; позднее оно привыкает и, овладев Асаной, чувствует себя так же хорошо в этом положении, каким бы оригинальным и трудным, необычным оно ни было для него, как и в самых легких позах, сидя или лежа. Оно все больше способно удержать увеличивающийся поток виталической энергии, который поступает в него, и не испытывает необходимости израсходовать эту энергию на движение, и это увеличение достигает таких сверхъестественных размеров, что кажется безграничным, и тело опытного Хатхайогина способно на невероятные подвиги выносливости, силы, неутомимости, сколько бы он ни расходовал этой энергии, на которые не хватило бы даже самой большой физической силы обычного человека. Ибо такое тело может не только удерживать и накапливать энергию, но может выносить полное овладение этой энергией собою и ее наиболее полное движение через себя. Жизненная энергия, наполняя и производя мощные, объединенные движения в пассивном, находящемся в покое теле, освобожденная от беспорядочной борьбы внешних и внутренних сил, становится намного сильнее и эффективнее. Действительно, создается впечатление, что эта энергия несет в себе, и владеет, и контролирует тело, а не наоборот — точно так же, как нам кажется, что беспокойный

активный ум захватывает и пользуется, беспорядочно и неэффективно, любой духовной силой, которая нисходит в него, тогда как успокоенный ум, наоборот, содержится, пребывает во власти, и используется духовной силой.

Тело, освобожденное таким образом от самого себя, очищенное от многих нарушений и беспорядков, становится, частично — благодаря Асане, полностью — благодаря Асане и Пранаяме, совершенным инструментом. Оно освобождено от быстрой подверженности усталости; оно становится невероятно здоровым; приостанавливаются процессы разложения, старения и омертвения. Тело Хатхайогины даже в очень преклонном возрасте сохраняет все ту же бодрость, здоровье, молодость жизни; он даже выглядит молодо гораздо дольше обычного. Он обладает гораздо большими возможностями для долголетия, и с его точки зрения, тело, являющееся инструментом, очень важно поддерживать как можно дольше и сохранять все эти годы свободным от всяких вредных нарушений. Следует также отметить, что есть очень много разных Асан в Хатха-Йоге, число их превышает восемьдесят [181](#), некоторые очень сложны и трудны. Это разнообразие отчасти служит цели повышения эффективности, о которой говорилось, отчасти оно призвано дать большую свободу и гибкость телу, но также и изменить взаимоотношения между физической энергией в теле и энергией земли, с которой оно связано. Облегчение тяжелого груза энергии земли, первым признаком которого является преодоление усталости, и последним — феномен *uttharana*, или частичная левитация, — это один результат. Грубое тело начинает приобретать что-то от природы тонкого тела и овладевать чем-то из его взаимоотношений с жизненной энергией; он становится мощной силой, которая все более ощущается, и в то же время способна на более легкое и свободное и более значительное физическое действие, силой, которая приводит к хатхайогическим Сиддхи, или экстраординарным силам *garima*, *mahima*, *anima* и *laghima*. Более того, жизнь перестает быть полностью зависимой от деятельности физических органов и их функционирования, такого как работа сердца и дыхание. Эта деятельность может быть приостановлена без прекращения или ущерба для жизни.

Однако все это, являясь результатом совершенства Асаны и Пранаямы, есть только основополагающие физические силы и свободы. Высшее применение Хатха-Йоги более тесно связано с Пранаямой. Асана имеет более прямое отношение к материальной части всего физического, хотя и здесь она нуждается в помощи второй; Пранаяма, отталкиваясь от физической неподвижности и самообладания, которые обеспечиваются Асаной, более тесно связана с тонкими виталическими элементами, с нервной системой. Это достигается с помощью различных приемов регуляции дыхания, начиная от равномерного вдоха и выдоха и вплоть до самых разнообразных ритмических соотношений, включая периоды задержки Дыхания. В конце концов задержка дыхания, которая сначала дается с некоторым трудом, и даже полная остановка дыхания получаются так же легко и выглядят так же естественно, как и постоянно чередующиеся вдох и выдох, которые являются естественными действиями. Но первая цель Пранаямы — это очистить нервную систему, пропустить жизненную энергию через все нервы беспрепятственно, без нарушений и отклонений, и обрести полную власть над ее функциями, чтобы ум и воля души, обитающей в теле, более не подчинялись телу или жизни, или тем ограничениям, которые они вместе накладывают. Способность этих дыхательных упражнений приводить нервную систему в чистое, без помех, состояние хорошо известна и признана в нашей физиологии. Это также помогает очистить физическую систему, но не всегда вначале эффективно на всех каналах и входах; поэтому Хатха-Йога использует вспомогательные физические методы для регулярного очищения этих каналов и входов от всего, что в них накопилось. Сочетание таких методов с Асаной — некоторые Асаны даже могут излечивать определенные заболевания, — и с Пранаямой дает в результате совершенно здоровое тело. Но основным результатом является то,

что благодаря такому очищению жизненная энергия может быть направлена куда угодно, в любую часть тела и любым способом или в любом ритме ее движения.

Сама функция легких вдыхать и выдыхать воздух есть только наиболее осязаемое, внешне заметное движение Праны, Дыхания Жизни в нашей физической системе. Прана, как учит Йога, совершает пять различных движений по всей нервной системе и всему материальному телу, и определяет все его функции. Хатхайогин прибегает к внешнему движению дыхания как к своего рода ключу, который открывает ему путь к власти над всеми пятью силами Праны. Он начинает ощущать и понимать их внутреннее действие, ментально осознает всю свою физическую жизнь и деятельность. Он может направлять Прану через все Нади [182](#) или нервные каналы своей системы. Он начинает осознавать ее действие во всех шести Чакрах, или центрах нервных узлов нервной системы, и может открывать каждый из них для дополнительной энергии сверх обычного ограниченного, регулярного и механического ее действия. Короче, он получает полную власть над жизнью в теле в самом тонком, нервном, так же как и в самой грубом, физическом аспекте, даже над тем, что пока еще произвольно и недоступно нашему наблюдающему сознанию и воле. Так закладывается способность полностью владеть телом и жизнью, и свободно и эффективно пользоваться ими на основе очищения их деятельности, как фундамент для более высоких целей Хатха-Йоги.

Все это, однако, только основа, внешние и внутренние физические состояния двух инструментов, которые используются в Хатха-Йоге. Остается еще более важная проблема — психические и духовные результаты, которые могут быть достигнуты с их помощью. Это зависит от связей между телом, умом и духом, и между грубым и тонким телом, на которых основана система Хатха-Йоги. Здесь она приближается к Раджа-Йоге и настает момент, когда может быть сделан переход от одной к другой.

180. moral

181. По современным данным, их число измеряется тысячами. Здесь речь идёт, по-видимому, о наборе широко практикуемых асан. (Прим. пер.)

182. all the Nadis

КАК тело и прана являются ключом ко всем закрытым дверям Йоги для Хатхайоги, так ум является ключом в Раджа-Йоге. Но поскольку в обоих случаях признается зависимость ума от тела и Праны, в Хатха-Йоге полностью, в установившейся системе Раджа-Йоги — частично, то в обе системы включается практика Асаны и Пранаямы; однако в одной системе они занимают всю область, в другой каждая ограничена одним простым процессом, а вместе они должны служить ограниченной и промежуточной задаче. Легко увидеть, что человек, даже будучи душой, заключенной в теле, в своей земной жизни в большой степени является физическим и виталическим существом, и как, по крайней мере, при первом взгляде кажется, его умственная жизнь зависит почти исключительно от его тела и нервной системы. В Современной Науке и психологии в течение некоторого времени даже считалось, что эта зависимость является тождеством; они пытались установить, что не существует отдельно такого образования, как ум или душа, и что вся умственная деятельность реально является физической функцией. Даже в других случаях, независимо от этой непригодной гипотезы, эта зависимость так преувеличена, что ее считали совершенно обязательным условием, и долгое время понятие о том, что виталические и телесные функции могут контролироваться умом, или что ум в состоянии отключиться от них, считалось ошибочным, затмением ума или галлюцинацией. Поэтому эта зависимость продолжает считаться безусловной, и Наука не находит и не ищет настоящий ключ к этой зависимости, и поэтому не в состоянии найти для нас секрет освобождения и совершенства.

Психофизическая наука Йоги свободна от этой ошибки. Она ищет ключ, находит его и способна дать освобождение; ибо она рассматривает психическое, или ментальное, тело, по отношению к которому физическое является как бы репродукцией в грубой форме, и в состоянии таким образом раскрыть секреты физического тела, которые не видны при чисто физическом рассмотрении. Это ментальное, или психическое, тело, которое душа сохраняет даже после смерти, также имеет в себе тонкую праническую силу, соответствующую своей собственной тонкой природе и субстанции, — ибо повсюду, где есть жизнь в любом виде, должна быть энергия праны и субстанция, в которой она может работать, — и эта сила направлена через систему многочисленных каналов, называемых *padī*, — тонкая нервная организация психического тела, — которые собраны в шесть (а в действительности — семь) [183](#) центров, называемых технически лотосами или кругами, *śakra*, которые поднимаются в восходящем порядке к вершине, где находится тысячелестковый лотос, через который втекает вся ментальная и виталическая энергия. Каждый такой лотос является центром, хранилищем своей собственной особой системы психологических сил, энергий и операций, — каждая система соответствует уровню нашего психологического существования, — и они вытекают и возвращаются в потоке пранической энергии, по мере того, как они проходят через Нади.

Такое устройство психического тела воспроизводится в физическом позвоночном столбом в виде стержня и нервными узлами в виде Чакр, которые поднимаются снизу колонны, где закреплен самый нижний, к мозгу, и образуют свою вершину в *brahmarāṇḍra* на вершине черепа. Эти Чакры, или лотосы, однако, в физическом человеке закрыты, или открыты только частично, в результате чего только такие силы и настолько активны в нем, которые достаточны для его обычной физической жизни, и только та часть ума и души участвует в игре, которая соответствует нуждам этой жизни. В этом истинная причина, с механической точки зрения, почему телесная душа кажется такой зависимой от жизни тела и нервов, — хотя эта зависимость

не такая полная и не такая реальная, как кажется. Вся энергия души не играет в физическом теле и жизни, тайные силы ума не проснулись в нем, доминируют телесные и нервные энергии. Но все равно высшая энергия всегда там, спящая; говорят, что она свернулось и дремлет как змея — поэтому она называется kundalini sakti — в самой нижней Чакре, в muladhara. Когда при помощи Пранаямы разделение между верхними и нижними течениями Праны в теле устраняется, Кундалини получает удар и просыпается, разворачивается и начинает подниматься ввысь, как огненный змей, раскрывая каждый лотос, по мере того как он поднимается, пока Шакти не встретит Пурушу в brahmarandhra в глубоком Самадхи единения.

Если это изложить менее символично, более философским, хотя быть может менее глубоким языком, то это означает, что настоящая энергия нашего бытия находится в спячке и бессознательна в глубине нашей виталической системы, и пробуждается путем практики Пранаямы. Расширяясь, она открывает все центры нашего психологического бытия, в которых находятся силы и сознание того, что теперь, возможно, назвали бы нашим подсознательным я; поэтому, по мере того, как открывается каждый центр силы и сознания, нам открывается доступ к последовательным психологическим уровням и возможность общения с мирами или космическими состояниями бытия, соответствующими им; в нас развиваются все психические силы, сверхнормальные для физического человека, но естественные для души. Наконец, на вершине восхождения, эта поднимающаяся и расширяющаяся энергия встречается со сверхсознательным я, которое спрятано за верхними пределами нашего физического и ментального существования; эта встреча приводит к глубокому Самадхи единения, в котором наше просыпающееся сознание теряет себя в сверхсознании. Таким образом, основательно и непрерывно практикуя Пранаяму, Хатхайогин по-своему находит психические и духовные результаты, которые достигаются более непосредственными психическими и духовными методами в других Йогах. Единственная ментальная помощь, с которой он это сочетает, это Мантра, священная буква, имя или мистическая формула, которая очень важна в индийских системах Йоги и применяется практически во всех них. Этот секрет силы Мантры, шести Чакр и Кундалини Шакти есть одна из главных истин всей сложной психофизической науки и практики, в отношении которых Тантрическая философия претендует на то, что она дает нам самый рациональный и полный компендиум [184](#) методов. Все религии и дисциплины в Индии, которые широко пользуются психофизическим методом, более или менее зависят от нее в своей практике.

Раджа-Йога также пользуется Пранаямой, и для тех же принципиальных физических целей, что Хатха-Йога, но, будучи в принципе психической системой, применяют ее только как одну из стадий в серии своей практики, и весьма ограниченно, для решения трех или четырех важных задач. Она не начинается с Асаны и Пранаямы, но требует прежде всего морального очищения ментальности. Это предварительное требование имеет огромную важность; без него остальной курс Раджа-Йоги может быть нарушен и смазан, полон неожиданных ментальных, моральных и физических опасностей [185](#). Это моральное очищение делится в принятой системе на два раздела, пять Яма и пять Нияма. Первые являются правилами этического самоконтроля поведения, такие как правдивость, ненанесение вреда всему живому, не воровство и т. д.; но реально их надо рассматривать только как некоторые главные указания общей необходимости морального самоконтроля и чистоты. Яма, в более широком смысле, это самодисциплина, при помощи которой в человеческом существе покоряется раджасический эгоизм, страсти и желания, пока они не утихают до полного исчезновения. Преследуется цель создания морального спокойствия, отсутствия страстей и подготовка к отмиранию эгоизма в раджасическом человеческом существе. Нияма — это в равной мере дисциплинирование ума путем регулярной практики, высшая ступень которой — медитация на божественное Существо

186, и ее цель — создать саттвическую чистоту, покой, подготовить к сосредоточению, на котором может быть основано надежное следование остальному в Йоге.

И вот тогда, когда эта основа обеспечена, начинается практика Асаны и Пранаямы, и тогда она дает свои совершенные плоды. Сам по себе контроль ума и моральное бытие только ставит наше нормальное сознание в правильное предварительное положение; он не может вызвать ту эволюцию или проявление высшего психического бытия, которое необходимо для высших целей Йоги. Для того, чтобы вызвать это проявление, необходимо распустить существующий узел, связывающий виталическое и физическое тело с ментальным существом, и расчистить дорогу для подъема через высшее психическое бытие к сверхсознательному Пуруше. Это может быть осуществлено посредством Пранаямы. Асана используется Раджа-Йогой только в самом легком и наиболее естественном положении, которое принимается телом, когда оно сидит и собрано, при этом необходимо держать спину и голову прямо и на одной линии, чтобы не было искривления позвоночного столба. Это правило очевидно связано с теорией шести Чакр и циркуляцией виталической энергии между *muladhara* и *brahmarandhara*. Раджайогическая Пранаяма очищает и проясняет нервную систему; она позволяет осуществлять циркулирование виталической энергии равномерно через тело и направлять ее по нашей воле туда, где она нужна, и, таким образом, поддерживать совершенное здоровье и состояние тела и виталического бытия; это позволяет нам контролировать все пять привычных операций жизненной энергии в системе, и в то же время уничтожает привычные разделения, которые позволяют осуществлять только обычные механические жизненные процессы, необходимые для нормальной жизни. Она полностью открывает шесть центров психофизической системы и приносит в пробуждающееся сознание силу проснувшейся Шакти и свет раскрывшегося Пуруши на каждом из восходящих уровней. При одновременном использовании Мантры это привносит в тело божественную энергию, подготавливает и способствует сосредоточению в Самадхи, которое является вершиной метода Раджа-Йоги.

Раджайогическое сосредоточение делится на четыре стадии; оно начинается с отвлечения ума и чувств от посторонних вещей, продолжается путем концентрации на одном объекте, исключая все остальные идеи и ментальные действия, затем следует длительная погруженность ума в этот объект, наконец, полное вхождение сознания внутрь, так что оно отрешено от всей внешней ментальной активности в единении Самадхи. Настоящей целью этой ментальной дисциплины является отвлечение сознания от внешнего и ментального мира в единение с божественным Бытием. Поэтому на первых трех стадиях необходимо использовать какие-то ментальные средства или поддержку, при помощи которых ум, привыкший переходить от объекта к объекту, смог бы остановиться на чем-то одном, и это одно должно быть чем-то, представляющим идею Божественного. Обычно это имя, или форма, или Мантра, при помощи которых мысль может сосредоточиться только на исключительном знании или обожании Господа. При помощи такого сосредоточения на идее, сознание переходит из идеи в ее реальность, в которую оно — молчаливое, поглощенное, объединенное — погружается. Таков традиционный метод. Имеются однако и другие, которые также по своему характеру относятся к Раджа-Йоге, поскольку ключевым в них является ментальное и психическое существо. Некоторые из них больше направлены на успокоение ума, чем на его непосредственное поглощение, подобно дисциплине простого наблюдения за умом, позволяющей полностью истощить его привычку рассеянной мысли в бесполезной беготне, от которой, как он ощущает, отозвана всякая санкция, цель, и к которой утерян какой-либо интерес, или подобно другой, действующей более направлено и эффективно, которая приводит к исключению всякого внешнего отвлечения ума и принуждению его уйти в себя, где, в полном спокойствии, он может отражать только чистое Бытие, или уйти в его сверхсознательное существование. Метод

отличается, цель и результат одинаковы.

Здесь, следует полагать, кончается вся деятельность и цель Раджа-Йоги. Ибо его активность заключается в умиротворении волн сознания, его многосторонней активности, *cittavrtti*, сначала путем обычной замены мутной раджасической деятельности спокойной и светлой саттвической, затем путем прекращения всякой активности; и его целью является вхождение в молчаливое общение и единение души с Божественным. Фактически мы находим, что система Раджа-Йоги включает другие объекты, — такие, как практика и использование оккультных сил, — некоторые из них кажутся не связанными и даже не согласующимися с ее главной целью. Эти силы, или Сиддхи, часто обвиняются как опасные и отвлекающие, которые уводят Йогина от его единственно надлежащей цели божественного единения. Поэтому, казалось бы, их надо избегать на пути; а когда цель достигнута, они кажутся незначительными и излишними. Но Раджа-Йога психологическая наука и включает в себя достижение всех высших состояний сознания и их сил, при помощи которых ментальное существо поднимается до сверхсознания, а также своей конечной и главной возможности соединения с Высочайшим. Более того, Йогин, будучи в теле, не всегда ментально пассивен и погружен в Самадхи, и для полноты науки необходимо иметь отчет о силах и состояниях, возможных для него на более высоких уровнях его бытия.

Эти силы и опыт принадлежат, прежде всего, к виталическому и ментальному уровням выше этого физического, на котором мы живем, и являются естественными для души в тонком теле; по мере того, как уменьшается зависимость от физического тела, становится возможной эта сверхнормальная деятельность, и она даже проявляется сама по себе, непреднамеренно. Эти силы могут быть приобретены и зафиксированы при помощи процессов, указанных наукой, и тогда они подчиняются воле; можно также позволить им развиваться самостоятельно и использовать их, когда они сами возникают, или когда нас к этому побуждает Божественное внутри нас; или, несмотря на естественное развитие и действие, они могут быть отвергнуты при однозначной приверженности одной высшей цели Йоги. Во-вторых, имеются более полные, высшие силы, относящиеся к супраментальным уровням, которые являются силами самого Божественного в его духовной и супраментальной способности к формированию идей. Их вообще невозможно надежно и полностью приобрести собственными усилиями, они могут прийти только сверху или же они могут стать естественными для человека, в том случае и тогда, когда он поднимается за пределы ума и живет в духовном бытии, силе и сознании. Тогда они становятся не сверхнормальными, с трудом приобретенными Сиддхи, а просто природой и методом его действий, если он все еще продолжает быть активным в мировом существовании.

В целом, специальные методы Раджа-Йоги и Хатха-Йоги могут быть полезными для интегральной Йоги по временам, на определенных стадиях процесса, но без них можно обойтись. Правда, их принципиальные цели должны быть включены в интегральность Йоги; но они могут быть достигнуты другими способами. Ибо методы интегральной Йоги должны быть главным образом духовными, а зависимость от физических методов или фиксированных психических или психофизических процессов в большом масштабе означала бы подмену высшего действия низшим. У нас будет возможность коснуться этого вопроса позднее, когда мы дойдем до конечного принципа синтеза метода, к которому должно привести наше исследование различных Йог.

Конец Первой и Второй Части

183. (or really seven)

184. краткое руководство

185. В современной Индии люди, увлеченные Йогой, но узнающие ее процессы из книг или от других людей, поверхностно знающих этот вопрос, часто сразу приступают прямо к Пранаяме Раджа-Йоги, часто с катастрофическими последствиями. Только очень сильные духом в состоянии позволить себе допустить ошибку на этом пути. *(Прим. Шри Ауробиндо)*

186. meditation on the divine Being

Часть третья
ЙОГА БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

ВОЛЯ, знание и любовь — это три божественные силы в человеческой природе и в жизни человека, и они указывают на три пути, посредством которых человеческая душа поднимается ко Всевышнему. Следовательно, их слияние в одно целое, единение человека с Богом по всем трем направлениям должно быть, как мы увидели, основанием интегральной Йоги.

Действие является первой силой жизни. Природа начинает с силы, и работы силы, однажды осознанные в человеке, становятся волей и ее достижениями. Следовательно, именно обращением своего действия к Богу жизнь человека наилучшим и самым надежным способом начинает становиться божественной. Это дверь первого доступа, отправная точка начинания. Когда воля в человеке сделана единой с божественной волей, и вся его деятельность происходит от Всевышнего и направляема ко Всевышнему, тогда единение в трудах совершенно выполнено. Но труды осуществляются в знании. Вся полнота трудов, как говорит Гита, находит свою завершённую кульминацию в знании, *sarvam karmakhilam jnane parisamapyate*. Посредством союза в воле и трудах мы объединяемся с вездесущим сознательным бытием, из которого восходят вся наша воля и труды, откуда они извлекают свою силу, и в ком они завершают круговое движение своих энергий. И венцом этого единения является любовь, ибо любовь — это восторг сознающего единения с Бытием, в ком мы живем, действуем и двигаемся, благодаря которому мы существуем, для кого одного мы научаемся в конце концов действовать и быть. Это есть триада наших сил, единение всех трех в Боге, к которому мы поднимаемся, когда начинаем от трудов, как нашего пути доступа и нашей линии соприкосновения.

Знание есть основание постоянного жития во Всевышнем, поскольку сознание — это основание всего живущего и существующего, а знание — это действие сознания. Знание — это тот свет, посредством которого сознание знает себя и свои подлинные сущности, та сила, которой, начиная от действия, мы способны удерживать внутренние результаты мысли и действия в настойчивом росте нашего сознающего существа до тех пор, пока оно достигнет совершенства посредством единения и бесконечности божественного Бытия. Всевышнее встречает нас во многих аспектах, и ключ к каждому из них — знание, поэтому через знание мы входим в бесконечное и Божественное в каждом виде его бытия *sarvabhavena* [1](#), принимаем его в себя и обладаем им, и оно владеет нами в каждом виде нашего бытия.

Без знания мы живем в нем слепо, с незрячей силой Природы погруженные в её работы, но забывшие об ее источнике и владельце, а значит небожественно, лишённые реального полного восторга нашего бытия. Посредством знания, достижением сознательного единения с тем, что мы знаем, — ибо только путем идентичности может полное и действительное знание существовать — излечивается разделение, и причина всех наших ограничений и разногласий, слабости и недовольства уничтожается. Но знание не завершено без трудов, ибо Воля в бытии также есть Бог, а не одно только бытие или его самосознающее молчащее существование, и если труды находят их кульминацию в знании, то знание также находит свое завершение в трудах. Здесь же любовь является венцом знания, ибо любовь — это восторг единения, и единение должно сознавать радость единения, чтобы обрести все сокровища своего собственного восторга. Совершенное знание действительно ведет к совершенной любви, интегральное знание — к полному и изобильному богатству любви. "Тот, кто знает меня, — говорит Гита, — как верховного Пурушу", не только как неизменное единство, но как воплощенное во многих душах движение Божественного и как то, что превосходит их обоих, в котором оба божественно пребывают, — "тот, имея интегральное знание, ищет меня с помощью любви на каждом пути

своего существования". Это триединство наших сил, единение всех трех в Боге, к которому мы поднимаемся, когда мы начинаем со знания.

Любовь — это венец всего бытия, и ее путь осуществления тот, где она воспаряет ко всей интенсивности, всей цельности и экстазу полнейшего самонахождения. Ибо если Бытие является по самой своей природе сознанием, и посредством сознания мы становимся едины с ним, то есть через совершенное знание этого, воплощенное в тождестве, все же восторг есть природа сознания, а ключ и секрет высшей точки восторга есть любовь. И если воля есть сила сознующего бытия, которой оно выполняет себя, и единением в воле мы становимся едины с Бытием в его характерной безграничной силе, все же все работы этой силы начинаются от восторга, любви в восторге, имеют восторг своей целью и результатом. Любовь Бытия в себе и во всем том, что от себя его сила сознания проявляет, есть средство совершенствовать широту Ананды. Любовь есть сила и страсть божественного самонаслаждения, и без любви мы можем получить сосредоточенный мир его бесконечности, поглощенную тишину Ананды, но не абсолютную глубину его богатства и полноты. Любовь ведет нас от страдания разделения в блаженство совершенного единения, но без потери этой радости действия единения, которое есть величайшее открытие души, и для которого жизнь космоса есть длинное приготовление. Следовательно, приближаться к Богу путем любви означает подготавливать себя для наибольшей возможности спиритуального осуществления.

Осуществленная любовь не исключает знания, но сама приносит знание, и чем полнее знание, тем богаче возможности любви. "Путем Бхакти, — говорит Господь в Гите, — будет человек знать Меня во всем моем протяжении и величии и каков Я в первоисточниках моего бытия, и когда он познает Меня в первоисточниках моего бытия, тогда он войдет в Меня". Любовь без знания страстна и сильна, но слепа, жестока и часто опасна, это великая сила, но также и камень преткновения. Любовь, ограниченная в знании, обрекает себя в своем пылу, и часто именно посредством самой своей страсти, к узости, но любовь, ведущая к совершенному знанию, приносит безграничное и абсолютное единение. В такой любви нет несовместимости, но она охотно и с радостью бросается в божественные труды, ибо она любит Бога и едина с ним во всем его бытии, и потому во всех существах, и работать для мира означает, следовательно, чувствовать и многообразно выполнять свою любовь к Богу. Таково триединство наших сил, соединение всех трех в Боге, союз, к которому мы приходим, когда мы начинаем наше путешествие по стезе преданности с Любовью к Ангелу Пути, чтобы найти в экстазе божественного восторга бытия Вселюбящего наше завершённое исполнение, его безопасное пристанище, блаженное постоянное местопребывание и центр его вселенского излучения.

Поскольку в союзе этих трех сил лежит основание нашего совершенства, искатель интегрального самовыполнения во Всевышнем должен уничтожить или отбросить прочь, если он вообще имеет их, ошибочное понимание и обоюдные неодобрения, которые мы часто обнаруживаем между последователями трех путей. Те, кто культивируют знание, по-видимому часто если и не презирают, то все же смотрят сверху вниз с их головокружительной высоты на путь преданности, как на вещь низшую, невежественную, подходящую только для душ, которые еще не готовы для высот Истины. Это правда, что часто преданность без знания неопытна, незрела, слепа и опасна, что слишком много раз показали ошибки, преступления и безумия религий. Но это потому, что преданность в них не нашла своего собственного пути, своей собственной действительной основы, не вошла, следовательно, на путь на самом деле, но, нащупывая его, находится на одном из обходных подходов, что ведут к нему. Знание на этой стадии тоже несовершенно, как и преданность, оно догматично, схоластично, нетерпимо, связано узостью какого-нибудь единственного и исключительного принципа, обычно очень несовершенно схваченного. Когда приверженец пути преданности воспринял силу, что

поднимает его, он действительно завладел любовью, которая в конце очищает и расширяет его так же эффективно, как и знание. Они являются равными силами, хотя их методы достижения одной и той же цели различны. Гордость философа, смотрящего сверху вниз на страсть приверженца Бхакти, поднимается, как и всякая гордость, из определенного недостатка его натуры, ибо интеллект, слишком исключительно развитый, упускает то, что дает сердце. Интеллект не в каждом движении вперед верховен по отношению к сердцу; хотя он быстрее открывает двери, в которые сердце тщетно стучится, но и он способен не заметить правду, очень близкую сердцу, которую оно легко удерживает. И если, углубляясь в духовное переживание, путь мысли легко достигает неземных высот, заоблачных вершин, небесных широт, то он не может без помощи сердца измерить бескрайние бездны и океанические глубины божественного бытия и божественной Ананды.

Путь Бхакти часто считается неизбежно низшим, поскольку он действует посредством поклонения, которое принадлежит к той стадии духовного переживания, где присутствует различие, недостаточное единение между человеческой душой и Всевышним, потому что сама его основа есть любовь, а она всегда означает двоих, любящего и любимое, следовательно, дуализм, в то время как единство есть высочайшее духовное переживание. Кроме того, Бхакти ищет персонального Бога, в то время как Бесперсональное является высочайшей и вечной истиной, если не единственной Реальностью. Но поклонение — это только первый шаг на пути преданности. Где внешнее поклонение заменяется во внутреннее обожание, начинается реальное Бхакти. Оно углубляется в интенсивность божественной любви, эта любовь ведет к радости близости в наших отношениях со Всевышним, радость близости переходит в блаженство единения. Любовь, так же как знание, приводит нас к высочайшему единству, и она дает этому единству его наибольшую глубину и силу. Это правда, что любовь радостно отвечает на различие в единстве, чем само единство становится богаче и сладостнее. Но здесь мы можем сказать, что сердце мудрее, чем мысль, по крайней мере, чем та мысль, которая фиксируется на противоположных идеях о Божественном и концентрируется на одном, исключая все другое, что кажется ей противоположным, но реально является его дополнением и средством его величайшего осуществления. В этом слабость ума, что он ограничивает себя своими мыслями, своими позитивными и негативными идеями, аспектами Божественной Реальности, которые он видит, и слишком заботится выставить одно против другого.

Мысль в уме, *viśaṅga*, философское направление, которым умственное знание приближается ко Всевышнему, подвержена придавать большую важность абстрактному, чем конкретному, тому, что высоко и удалено, чем тому, что близко и рядом. Она находит большую правду в восторге Единого в себе, меньшую правду или даже заблуждение в восторге Единого во Многом и Многого в Одном, большую правду в бесперсональном и Ниргуне, меньшую правду или заблуждение в персональном и Сагуне. Но Божественное превьше противоположности наших идей, вне логических противоречий, которые мы создаем между его аспектами. Оно, как мы видели, не связано и не ограничено единственным единением; его единство осуществляет себя в бесконечных вариациях, и к радости этого любовь имеет совершеннейший ключ, и поэтому не теряет радости единения. Высочайшее знание и высочайшее духовное переживание через знание находит свое единство так же совершенным в его различных отношениях со Множественным, как и в его самопоглощенном восторге. Если для мысли Бесперсональное кажется более широкой и более высокой истиной, Персональное — более узким переживанием, то дух находит, что оба они являются аспектами Реальности, которая представляет себя в обоих, и если есть знание этой Реальности, которое мысль достигает посредством настойчивого утверждения бесконечной Бесперсональности, есть также знание, которое любовь достигает путем настойчивого утверждения безграничной Персональности. Духовное переживание каждого

ведет, если следовать до конца, к некоей первичной Истине. Путем Бхакти, как и путем знания, как Гита говорит нам, мы достигаем единства с Пурушоттама, Верховным, кто содержит в себе бесперсональное и бесчисленные персональности с бесконечными переливами их отношений.

В свою очередь, приверженец Бхакти склонен презирать сухость выжимок просто знания. И это правда, что философия сама по себе — без восторга духовного переживания — так же суха, как и чиста, и не может дать всего удовлетворения, какого мы ищем, что ее духовное переживание, когда оно еще не оставило своей поддержки в мысли и не взлетело за пределы ума, слишком много живет в абстрактном восторге, и хотя то, чего оно достигает, не есть в самом деле пустота, как это кажется страсти сердца, но все же ограничено по достигаемым высотам. С другой стороны, любовь сама не полна без знания. Гита проводит различие между тремя начальными видами Бхакти. Одно ищет прибежища во Всевышнем от печалей мира, арта, желания другого подходит ко Всевышнему, как к подателю благ, artharthi, третье, привлеченное тем, что оно уже любит, но чего еще не знает, жаждет узнать это божественное Неизвестное, jīnāsu; но Гита отдает пальму первенства тому Бхакти, которое знает. Очевидно, что сила страсти, которая говорит "Я не понимаю, я люблю", и любя, не старается понять, не есть последнее самовыявление любви, но ее первое выражение, точно так же, как не является и ее величайшей глубиной. Вернее сказать, что по мере того, как увеличивается знание Всевышнего, восторг во Всевышнем и любовь к Нему возрастают. Не может просто восторг быть прочным без основания в знании; жить в том, что мы любим, — вот что обеспечивает эту надежность, а жить в этом означает быть одним с ним в сознании, единство же сознания есть совершенное условие знания. Знание Всевышнего дает любви ко Всевышнему ее крепчайшую уверенность и непоколебимую надежность, открывает для нее ее собственную широчайшую радость переживания, поднимает любовь к ее высочайшим вершинам.

Если взаимное непонимание этих двух сил является неведением, то не меньшим заблуждением является и тенденция обоих смотреть свысока на путь трудов, как на низший по отношению к их собственному высшему уровню духовного достижения. Есть глубина любви, как есть и яркость знания, по отношению к которым труды кажутся чем-то внешним и отвлекающим. Но труды только тогда кажутся поверхностными и отвлекающими, когда мы не обрели единства воли и сознания с Верховным. Когда однажды это найдено, труды становятся самой силой знания и самым излиянием любви. Если знание есть само великолепие единства, а любовь — его блаженство, божественные труды представляют собой живую мощь его света и сладости. Есть движение любви, подобное стремлению человеческой любви, отделить любящего и любимое в наслаждении их исключительным единством от мира и от всех других, запереться в неприступных палатах сердца. Это, возможно, неизбежное движение этого пути. Но более широкая любовь, осуществленная в знании, видит мир не как что-то другое и враждебное к этой радости, но как бытие Любимого, и все создания как его бытие, и в этом видении божественные труды находят их радость и их оправдание.

Таково знание, в котором должна жить интегральная Йога. Мы должны отправиться к Богу от сил ума, от интеллекта, воли, сердца, а в уме все ограничено. Ограниченности, замкнутости будет предостаточно в начале пути, да и долгое время после начала. Но интегральная Йога перенесет это свободнее, чем более узкие пути поисков, и она скорее выйдет из умственной необходимости. Она может начать с пути любви так же, как и с пути знания или трудов; но там, где они встречаются, находится начало ее радости осуществления. Интегральная Йога не может миновать Любовь, даже если она начинается не с нее, ибо любовь есть венец трудов и расцвет знания.

ВСЯКАЯ религия начинается от восприятия некоей Силы или Существования более великого и высокого, чем наши собственные ограниченные и смертные я, от почитания этой Силы, совершенного мыслью и действием, от повиновения, выраженного по отношению к её воле, её законам или требованиям. Но Религия в её началах устанавливает неизмеримую пропасть между представляемой таким образом Силой, которой поклоняются и повинуются, и поклоняющимся. Йога в своей кульминации уничтожает пропасть, ибо Йога есть единение. Мы достигаем единения с этой Силой через знание, ибо по мере того как наше первое затемненное понимание ее проясняется, расширяется, углубляется, мы приходим к осознанию ее как нашего собственного высочайшего Я, источника и поддержки нашего существа и того, к чему оно направляется. Мы достигаем единения с ней через труды, ибо от простого послушания мы приходим к установлению тождества нашей воли с её Волей, потому что только по мере отождествления с этой Силой, которая есть её источник и идеал, может наша воля становиться совершенной и божественной. Мы также достигаем единения с ней через почитание, ибо мысль и действие поклонения на расстоянии развиваются в настоящую потребность сближающего обожания, и оно — в близость любви, а завершение любви — это единение с Любимым. Именно от этого развития поклонения начинается Йога преданности, и именно посредством этого единения с Любимым она находит свою высочайшую точку и завершение.

Любые побуждения и движения нашего существа начинаются при поддержке их обычными мотивами нашей низшей человеческой природы. Это сначала перепутанные и эгоистические поводы действия, но впоследствии они очищаются и возвышают себя, они становятся сильной и определенной потребностью нашей высшей природы, совершенно не связанной с результатами, которые наши действия приносят; в конце концов они возвышаются до своего рода решительного повеления, властвующего нашим существом, и именно через наше послушание ему мы достигаем этого верховного чего-то, самосуществующего в нас, которое все время вело нас к этому, сначала приманками нашей эгоистической природы, затем чем-то более высоким, большим, более всеобщим, — до тех пор, пока мы стали способны чувствовать его собственное прямое притяжение, которое является самым сильным и повелительным из всего. В преобразовании обычного религиозного поклонения в Йогу чистого Бхакти мы видим это развитие от мотивированного и заинтересованного поклонения народной религии до принципа беспобудительной и самосуществующей любви. Это последнее является фактически пробным камнем действительного Бхакти и показывает, находимся ли мы в самом деле на центральном пути или только на одной из боковых троп, ведущих к этому. Мы должны отбросить прочь подпорки для нашей слабости, мотивы эго, приманки нашей низшей природы, прежде чем мы сможем заслужить божественное единение.

Столкнувшись с ощущением Силы или, возможно, с некоторым числом Сил, больших и более высоких, чем он сам, под чьей сенью протекает его жизнь в Природе, чьему влиянию она подвержена и кем она управляема, человек естественно обращает к ней, или к ним, первые примитивные чувства природного существа среди трудностей, нужды и опасностей той жизни — страх и заинтересованность. Громадная роль, которую играли эти мотивы в эволюции религиозного побуждения, неоспорима, и, действительно, она едва ли могла быть меньше для человека, бывшего тем, кем он был. И даже когда религия продвинулась весьма далеко на своем пути, мы видим, что эти мотивы все еще живы, активны, играют достаточно большую роль. Сама Религия призывает их в поддержку своих требований к человеку и оправдывает их. Страх перед

Богом, — или, может быть добавлено ради исторической правды, страх перед богами, — считается началом религии. На этой полуправде научные исследования, пытающиеся проследить развитие религии, что они делают обычно в критическом и часто скорее во враждебном, чем в симпатизирующем духе, делают чрезмерное ударение. Но не только страх перед Богом, ибо даже наиболее примитивно человек не действует из одного страха, но из-за двойного мотива — страха и желания, боязни неприятного и пагубного и желания приятного и благотворного, — следовательно, из-за страха и заинтересованности. Жизнь для него главным и поглощающим образом, пока он не научится жить более в своей душе и только вторично во взаимодействии с внешним, — это серия действий и результатов, вещей желаемых, за которыми гонятся, которых добиваются посредством действия, и вещей, которых следует бояться и избегать, которые все же могут произойти, как результат действия. И не только посредством его собственного действия, но также посредством действия других и Природы вокруг него эти вещи случаются с ним. Тогда, по мере того, как он приходит к ощущению Силы, превышающей все это, Силы, которая может влиять и определять действие и результат, он представляет себе это, как распределителя благ и страданий, способного и, при определенных условиях, желающего помочь ему или повредить, спасти его или сокрушить.

Живя в наиболее примитивных частях своего существа, человек представляет его существом, имеющим естественные эгоистические побуждения, подобно самому себе, благодетельным, когда ублажен, вредоносным, когда обижен; следовательно, поклонение является средством умиловить дарами и упросить молитвой. Он привлекает Бога на свою сторону мольбами и лестью. Человек большего умственного развития представляет себе действия жизни основанными на определенном принципе божественной справедливости, которую он всегда толкует согласно своим собственным идеям и характеру, как своего вида увеличенную копию его человеческой справедливости; он постигает идею морального добра и зла и смотрит на страдания и бедствия, на все неприятные вещи, как на наказание, посланное за грехи, а на радости и добрую судьбу, на все приятные вещи, как на награду за его добродетели. Бог кажется ему царем, судьей, законодателем, исполнителем справедливости. Но все еще считая его неким увеличенным Человеком, он воображает, что, подобно тому как его собственное правосудие может быть отклонено от прямого направления мольбами и умиловлениями, таким же образом божественный суд может быть отклонен теми же самыми средствами. Правосудие для него становится наградой и наказанием, а наказание можно смягчить милостью к просителю, в то время как награда может быть дополнена особой благосклонностью и добротой, так например, Сила, когда довольна, может всегда награждать своих приверженцев и почитателей. Кроме того, Бог, подобно нам самим, способен на ярость и месть, но гнев и отмщение могут быть отвращены дарами, мольбами и выкупам; он способен также на пристрастие, и его пристрастие может быть вызвано дарами, мольбами и восхвалениями. Поэтому, вместо того, чтобы положиться целиком на соблюдение морального закона, поклонение молитвой и умиловлением все еще продолжается.

Наряду с этими мотивами возникает другое развитие личного чувства, сначала трепет, который человек естественно испытывает к чему-то громадному, преисполненному силы, неисчислимому, превышающему нашу природу определенной непостижимостью побудительных причин и размеров своего действия, и потом благоговение и обожание, которое человек чувствует к тому, что выше по своей природе или совершенствам, чем мы сами. Ибо, пока в значительной степени сохраняется идея Бога, одаренного качествами человеческого характера, рядом с ней уже растет перемешанное с ней, или прибавленное сверху, понимание всеведения, всемогущества и таинственного совершенства совсем другого, чем наша природа. Беспорядочная смесь всех этих мотивов, различно развитых, часто видоизмененных, утонченных или

огрубленных, составляет девять десятых народной религии; одну десятую составляют просочившиеся в нее более благородные, более прекрасные и глубокие идеи Бога, которые умы великой духовности смогли внести в более примитивные религиозные понятия человечества. Результат достаточно груб и является готовой мишенью для стрел скептицизма и недоверия, этих сил человеческого ума, которые имеют свою полезность даже для веры и религии, поскольку они заставляют религию постепенно очищаться от грубого или ложного в своих концепциях. Однако мы должны видеть, насколько при очищении и возвышении религиозный инстинкт поклонения и те более ранние мотивы должны остаться и войти в Йогу преданности, которая сама начинается от почитания. Это зависит от того, как глубоко они отвечают любой истине Божественного Бытия и ее отношениям с человеческой душой; ибо мы ищем путем Бхакти единения со Всевышним и правильных отношений с ним, с его истиной, а не со всяким миражем нашей низшей природы, не с ее эгоистическими побуждениями и неведающими понятиями.

Утверждение, с которым скептическое неверие нападает на Религию, а именно, что фактически во вселенной нет сознающей Силы или Бытия большего и более высокого, чем мы сами или, во всяком случае, влияющего или контролирующего наше существование, таково, что Йога не может принять его, поскольку это отрицало бы всякий духовный опыт и делало бы саму Йогу невозможной. Йога — это не предмет теории, не догма, как философия или народная религия, но дело переживания. Ее опыт есть переживание сознающего вселенского и сверхкосмического Бытия, с кем она приводит нас к единению, и это осознаваемое переживание единения с Невидимым, всегда способное к обновлению и поддающееся проверке, настолько же действительно, как и наше сознательное переживание физического мира и видимых тел, с чьими невидимыми умами мы ежедневно общаемся. Йога действует путем сознательного единения, сознающее существо — это ее инструмент, а осознаваемого единения с Несознающим не может быть. Это правда, что такое единение выходит за пределы человеческого сознания и в Самадхи становится сверхсознательным, но это не аннулирование нашего сознательного существа, это только его самопревышение, выход за пределы его теперешнего уровня и обычных границ.

До сих пор, таким образом, весь йогический опыт сходен. Однако религия и Йога Бхакти идут далее; они приписывают этому Бытию Персональность и человеческие отношения с человеческим существом. В обеих человек приближается к Богу посредством своей человеческой Природы, с человеческими эмоциями, как он подходил бы к человеческому существу, но с более интенсивными и возвышенными чувствами; и не только он обращается к Божественному, но Божественное также отзывается, отвечая на эти чувства. В этой возможности отклика лежит весь вопрос, ибо если Божественное безлично, не имеет никаких признаков и лишено всяких взаимоотношений, никакой подобный отклик невозможен, и все человеческое приближение к нему становится нелепостью. Мы скорее должны дегуманизировать, обезличить, аннулировать самих себя, поскольку мы являемся человеческими существами или любыми существами; ни на каких других условиях и никакими другими средствами мы не можем приблизиться к этому. Любовь, страх, молитва, восхваление, поклонение Неолицетворенному, которое не имеет взаимоотношения с нами или с чем угодно во вселенной, и не имеет качеств, которые наши умы могут ухватить, являются, очевидно, безрассудной глупостью. На таких условиях религия и почитание оказываются вне вопроса. Последователь Адвайты для того, чтобы найти религиозный базис для своей голой и бесплодной философии, должен допустить практическое существование Бога и богов и принужден обманывать свой ум термином Майя. Буддизм только тогда превратился в народную религию, когда Будда занял место верховного Божества, как объекта поклонения.

Даже если бы Верховное было способно на отношения с нами, но только на безличностные

отношения, религия была бы лишена ее человеческой жизненности, и Путь Преданности не был бы действенным или даже стал бы невозможен. В самом деле, мы можем обращать к нему наши человеческие чувства, но неопределенным образом без надежды на человеческий отклик: оно может отвечать нам только единственным способом, успокаивая наши чувства и бросая на нас свою собственную безличностную тишину и неизменную ровность; и именно это фактически происходит, когда мы приближаемся к чистой бесперсональности Бога. Мы можем повиноваться ему, как Закону, поднимать к нему наши души в устремлении к пребывающему в спокойствии бытию, вращать в него, сбрасывая с себя нашу эмоциональную природу; человеческое существо в нас не удовлетворено, но оно успокоено, уравновешено, приведено к тишине. Но Йога преданности, соглашаясь в этом с Религией, настаивает на более тесном и теплом почитании, чем это безличностное устремление. Она стремится к осуществлению божественного в человеческой природе в нас так же, как и в неиндивидуальной части нашего существа; она добивается божественного удовлетворения эмоционального существа человека. Она нуждается в Верховном принятии нашей любви и в добром отклике; она верит, что подобно тому, как мы восхищаемся Им и ищем Его, так же и Он наслаждается нами и ищет нас. И эта потребность не может быть осуждена, как неразумная, ибо если бы верховное и вселенское Бытие не получало в нас никакого наслаждения, не легко было бы понять, как мы смогли появиться и продолжать существовать, и если бы Оно вообще не тянуло нас к себе, — божественные поиски нас, — не было бы видно причины в Природе, почему мы стали отворачиваться от нашего обычного существования, дабы искать Его.

Следовательно, чтобы могла быть вообще какая-либо возможность Йоги преданности, мы должны принять во-первых, что верховное Бытие есть не абстракция или состояние существования, но сознающее Существо; во-вторых, что оно встречает нас во вселенной, некоторым образом оно имманентно ей и является ее источником, — иначе нам пришлось бы выйти из космической жизни, чтобы встретить его; в-третьих, что оно способно на личные отношения с нами и, следовательно, должно быть способным иметь личность; и последнее, что когда мы приближаемся к нему посредством наших человеческих эмоций, мы получаем ответ в той же форме. Это не означает, что природа Всевышнего точно такая же, как наша человеческая природа, только большего размера, что это то же естество, чистое от определенных извращений, что Бог увеличенный и, кроме того, идеальный Человек. Бог не ограничен и не может быть ограничен качествами эго, как мы в нашем обычном сознании. Но с другой стороны, наше человеческое сознание должно, конечно, происходить и произошло от Всевышнего, хотя формы, которые это сознание принимает в нас, могут и должны быть иные, чем божественные, потому что мы ограничены эго, не обладаем всеобщностью, не выше нашей природы, не больше, чем наши качества и их действия, как он, хотя наши человеческие эмоции и побуждения должны иметь за собой Истину в нем, от которой они являются ограниченными и поэтому очень часто извращенными и даже деградированными моделями. Подходя к нему через наше эмоциональное существо, мы приближаемся к этой Истине, она нисходит вниз к нам, чтобы встретить наши чувства и поднять их к себе; посредством этого наше эмоциональное существо соединяется с ним.

Далее, это верховное Бытие также есть и вселенское Бытие, и наши отношения со вселенной являются теми средствами, которыми нас подготавливают для вхождения в отношения с ним. Все чувства, с которыми мы лицом к лицу предстоим перед действием вселенского существования на нас, действительно направлены к нему, первоначально в неведении, но именно посредством направления их к нему в растущем знании мы входим в более близкие отношения с ним, и все ложное и невежественное в них спадает прочь по мере того, как мы подтягиваемся ближе к единению. Всем им оно отвечает, принимая нас в том

состоянии развития, в котором мы находимся, ибо если бы мы не получили никакого ответа или помощи нашему несовершенному приближению, то более совершенные отношения не могли бы быть никогда установлены. Насколько люди приближаются к нему, настолько оно принимает их и также отвечает божественной Любовью на их Бхакти, *tathaiva bhajate*. Какую бы форму существования, какие бы качества они ни придавали этому Бытию, этими формами и качествами оно помогает им развиваться, поддерживает и направляет их продвижение вперед, и прямым путем или окольной дорогой приближает их к себе. То, что они видят в нем, является правдой, но эта правда представлена им на языке их собственного бытия и сознания, частично, искаженно, не в выражениях его собственной более высокой реальности, не в аспекте, который оно принимает, когда мы осознаем полное Божество. Это оправдание более грубых и более примитивных элементов религии, а также их приговор к быстротечности и мимолетности. Они оправданы, потому что за ними есть правда Всевышнего, и только таким образом на этой стадии развивающегося человеческого сознания эта правда Всевышнего могла быть приближена и продвинута вперед; они осуждены, потому что настаивать всегда на этих незрелых пониманиях и отношениях с Божеством означает упустить тот более тесный союз, к которому эти незрелые начинания являются первыми шагами, как бы они ни запинались.

Вся жизнь, мы уже сказали, это Йога Природы; здесь, в этом материальном мире, жизнь устремляется из своего первичного несознания к возвращению в единство с сознающим Богом, от которого она произошла. В религии ум человека, этот искусный инструмент жизни, осознает ее цель в нем, отвечает ее устремлению. Даже народная религия является своего вида несведущей Йогой преданности. Но она не становится тем, что мы специфично называем Йогой до тех пор, пока ее побудительная причина не обращается в какой-то степени в провидца, пока она не увидит, что единение — это ее цель, и что любовь есть основа союза, и до тех пор пока она, поэтому, не старается осознать любовь и не теряет свой отдельный характер в любви. Когда это бывает выполнено, тогда Йога сделала свой решительный шаг и уверена в своем осуществлении. Итак, мотивы преданности должны сначала направлять себя во всепоглощающем и преобладающем движении к Богу, затем преобразовать себя так, чтобы избавиться от своих более ранних элементов и в заключение обосноваться в чистой и совершенной любви. Все те мотивы, что не могут сосуществовать с совершенным единением любви, в конечном счете должны отпасть, в то время как те и только те, что могут сформироваться в выражения божественной любви и в средства наслаждения божественной любовью, могут остаться. Любовь является единственным чувством в нас, которое может быть полностью немотивированным и самосуществующим; любви не нужно другого повода, чем сама любовь. Все наши эмоции возникают или от поиска наслаждения и обладания им, или от расстройства таких поисков и отсутствия наслаждения, которым мы владели или которое думали получить; но любовь есть то, посредством чего мы можем войти прямо во владение самосуществующим восторгом божественного Бытия. Действительно, божественная любовь есть само это обладание и как бы само тело Ананды.

Таковы истины, которые обуславливают наше приближение к этой Йоге и наше путешествие на этом пути. Возникают дополнительные вопросы, беспокоящие интеллект человека, но они не существенны, хотя мы можем все-таки рассматривать их. Йога Бхакти — это дело сердца, а не ума. Ибо даже за знанием, которое приходит на этом пути, мы отправляемся из сердца, а не от интеллекта. Правда побуждений сердечной преданности, их завершающее прибытие и, в некотором роде, их исчезновение в верховном и единственном самосуществующем мотиве любви представляет, следовательно, все, что изначально и существенно интересует нас. Есть такие трудные вопросы, как имеет ли Бог первоначальную сверхфизическую форму или силу формы, от которой все формы происходят, или же вечно не

имеет формы; всё, что нам нужно сейчас сказать, поскольку объединение нашего духа с его духом необходимо для осуществления Бхакти, это то, что Бог, по крайней мере, действительно принимает различные формы, которые приверженец дает ему, и через них встречает его в любви. И еще, определенные религии и религиозные философии пытаются привязать преданность к концепции неизменного различия между человеческой душой и Богом, без которого, как они говорят, любовь и преданность не могут существовать, тогда как та философия, которая считает, что одно Единое существует, относит любовь и преданность к движению в неведении, необходимому, возможно, или, по крайней мере, полезному, как подготовительное, пока ещё неведение длится, но невозможному, когда всё различие уничтожено, и, следовательно, должному быть превзойденным и отброшенным. Мы можем, однако, придерживаться правды единого существования в том смысле, что все в Природе есть Бог, хотя Бог более, чем всё в Природе, и любовь становится тогда движением, которым человек завладевает Божественным в Природе, и наслаждается восторгом вселенского и верховного Всевышнего. Во всяком случае, любовь по самой своей природе обязательно имеет двойное осуществление, первое то, в котором любящий и любимое наслаждаются их единением в различии, а также всем, что усиливает радость разностороннего единения, и второе то, в котором они бросают себя друг в друга и становятся одним Я. Этой истины совершенно достаточно, чтобы с нее начать, ибо это сама природа любви, а поскольку любовь есть неотъемлемый мотив этой Йоги, то являясь всей природой любви, она также будет венцом и выполнением движения Йоги.

ИСХОДНОЕ движение Йоги заключается в обращении к Богу всех или каких-либо сил человеческого сознания так, чтобы через эту деятельность существа могло бы установиться соприкосновение, связь, объединение. В Йоге Бхакти именно эмоциональная природа сделана орудием действия. Ее первооснова состоит в принятии некоторых человеческих отношений между человеком и Божественным Бытием, посредством которых, через все более интенсивное излияние сердечных чувств к нему, человеческая душа может в конце концов сочетаться и объединиться с ним в страсти божественной Любви. Приверженец Бхакти в конечном итоге ищет путем своей Йоги не чистого мира единства или силы и не имеющей желаний воли единства, но экстатической радости единения. Каждое чувство, которое может подготовить сердце к этому экстазу, Йога допускает; все, что умаляет эту возможность, должно в возрастающей степени уходить одно за другим по мере того, как крепкий союз любви становится все теснее и совершеннее.

Все чувства, с которыми религия подходит к поклонению, служению и любви к Богу, Йога допускает, если и не как окончательное обрамление, то все же как подготовительные движения эмоциональной природы. Но есть одно чувство, с которым Йога, по крайней мере та Йога, которая применяется в Индии, имеет очень мало общего. В определенных религиях, возможно, в большинстве из них, идея страха перед Богом играет очень большую роль, иногда наибольшую, и богобоязненный человек является типичным приверженцем культа этих религий. Чувство страха, в самом деле, вполне совместимо с преданностью определенного вида и до определенного момента. В своей предельной высоте оно поднимается до поклонения божественной Силе, божественному Правосудию, Божественному Закону, божественной Справедливости, до этического послушания, до благоговейной почтительности к всемогущему Творцу и Судий. Его мотивы, следовательно, этико-религиозные, и оно принадлежит скорее не приверженцу Бхакти, но человеку трудов, движимому преданностью к божественному предопределителю и судье его трудов. Это чувство относится к Богу, как к царю, и не подступает слишком близко к славе его трона, не будучи оправданным справедливостью или ведомым туда посредником, который отвратит божественный гнев за грехи. Но даже когда оно и приближается, оно сохраняет благоговейную дистанцию между собой и высоким объектом своего поклонения. Чувство страха не может охватить Божественное со всей бесстрашной доверчивостью ребенка к своей матери, или любящего к своему возлюбленному, или с тем внутренним чувством единства, которое совершенная любовь несет с собой.

Происхождение этого божественного страха было достаточно грубо в некоторых примитивных народных религиях. Это было восприятие в мире сил, больших, чем человек, сил темных по своей природе и действию, казавшихся всегда готовыми поразить человека в его процветании и покарать его за любое действие, которое вызывает у них неудовольствие. Страх перед богами возникает из человеческого неведения Бога и неведения человеком законов, правящих миром. Страх приписывает более высоким силам капризы и человеческие страсти, делает их, по образу великих мира сего, способными на прихоти, тиранию, личную вражду, ревность ко всякому величию в человеке, которое может поднять его над малостью земного естества и подвести слишком близко к божественной природе. С такими представлениями не могла появиться никакая действительная преданность, за исключением той сомнительного вида приверженности, которую слабый может чувствовать к более сильному, чью защиту он может приобрести поклонением, дарами и умилением; могло появиться и послушание такому

закону, какой и человек мог бы наложить на тех, кто ниже его, принуждая их наградами и наказаниями; или, еще, покорная и поверженная почтительность и поклонение, которые человек может испытывать к величию, славе, мудрости полновластной силы, присутствующей над миром и являющейся источником или, во всяком случае, регулятором всех его законов и всего происходящего.

Большее приближение к началу пути преданности становится возможно, когда такое элементарное понимание божественной Силы отделяется от этих грубостей и утверждается на идее божественного правителя, творца мира и властелина Закона, кто правит землей и небесами и является проводником, помощником и спасителем своих творений. Это более великая и более высокая идея божественного Существа долго хранила много элементов старой грубости и еще сохраняет некоторые черты прежней незрелости. Евреи, выдвинувшие эту идею наиболее рельефно, от кого она распространилась на большую часть мира, могли верить в Бога справедливости, кто был недоступным, капризным, гневным, ревнивым, часто жестоким и даже беспричинно кровожадным. Еще теперь для некоторых возможно верить в Творца, кто создал небеса и ад, вечные небеса и вечный ад, два полюса своего творения, и даже, согласно некоторым религиям, предопределил души, которые он сотворил, не только для греха и наказания, но и для вечного проклятия. Однако даже вне этих нелепостей детских религиозных верований, идея всемогущего Судьи, Законодателя, Царя — это незрелая и несовершенная идея Божественного, если её взять саму по себе, потому что она принимает низшую и внешнюю правду за главную истину, и это препятствует более высокому подходу к более близкой реальности. Она излишне подчеркивает важность чувства греха и посредством этого продлевает и увеличивает страх души, её самонедоверие и слабость. Она присоединяет следование добродетели и избежание греха к идее вознаграждения и наказания, хотя и данных после смерти, и делает их зависимыми от низших мотивов страха и заинтересованности, вместо более высокого духа, которому следует управлять этическим существованием. Ад и рай, а не самого Бога она делает целью человеческой души в её религиозной жизни. Эти незрелости сослужили свою службу в медленном образовании человеческого ума, но в них нет пользы для Йогина, кто знает, что какую бы правду они ни представляли, она принадлежит скорее к внешним отношениям развивающейся человеческой души с внешним законом вселенной, чем к какой-либо сокровенной истине внутренних отношений человеческой души со Всевышним; но именно последние являются действительной областью Йоги.

Тем не менее, из этого понимания возникает определенное развитие, которое подводит нас ближе к преддверию Йоги преданности. Во-первых, там может появиться идея Бога как источника, закона и цели нашего этического существования, а от этого может придти знание его как высочайшего Я, к которому наша активная природа стремится, как Воли, к которой мы должны приравнивать нашу волю, как вечной Справедливости, Чистоты, Правды и Мудрости, в гармонии с которой наша природа должна расти, чьим бытием привлечено наше существо. Этим путем мы достигаем Йоги трудов, и в этой Йоге есть место для личной преданности Всевышнему, божественной Воле, которая проявляется как Властелин наших трудов, чьему голосу мы должны внимать, чьему божественному побуждению мы должны повиноваться, чья работа представляет собой единственное дело нашей активной жизни и воли, которым надо заниматься. Во-вторых, там появляется идея божественного Духа, отца всех, простирающего крылья милостивой защиты И любви надо всеми своими творениями, и из нее между душой и Богом возникают отношения отца и дитя, отношения любви и, как результат, отношения братства с нашими собратьями. Это отношение к Богу, в тихий чистый свет чьей природы мы должны вращаться, к Господину, к кому мы приближаемся через труды и служение, к Отцу, кто отвечает на любовь души, подходящей к нему как дитя, является допустимым элементом Йоги

преданности.

В тот момент, когда мы полностью входим в это развитие и его более глубокое духовное значение, мотив страха перед Богом становится бесполезным, излишним и даже невозможным. Он имеет значение, главным образом, в этической сфере, пока душа еще не достаточно выросла, чтобы следовать добру ради него самого, и нуждается во власти над собой, чьего гнева или строгого суда она могла бы бояться, и основать на этом страхе свою верность добродетели. Когда мы поднимаемся в духовность, этот мотив не может более оставаться и задерживается только медлительностью, некоторым смущением в уме и упорством старого мышления. Кроме того, этическая цель в Йоге отлична от этической цели во внешней идее добродетели. Обычно, этика считается своего рода механизмом правильного действия, сам поступок — это все, и в том, как совершить правильный поступок, заключается весь вопрос и вся забота. Но для Йогина действие, главным образом, важно не ради него самого, но, скорее, как средство для роста души к Богу. Поэтому индийские духовные писания ставят ударение не столько на качестве совершаемого действия, сколько на качестве души, от которой действие проистекает, на её правду, бесстрашие, чистоту, любовь, сострадание, благожелательность, отсутствие желания повредить, и потом уже на действие, как на истечение всего этого. Старая западная идея о том, что человеческая природа внутренне плоха и противоположна добродетели, и что добродетели нужно следовать вопреки нашей падшей природе, чужда для индийского ума, воспитанного с древних времен на идеях Йоги. Наша природа содержит в себе, наряду со страстным раджасическим и направленным вниз тамасическим качеством, чистый саттвический элемент, и именно поддержание этой её высшей части является делом этики. Посредством этого мы усиливаем божественную природу, *daivi prakrti*, которая присутствует в нас, и избавляемся от титанических и демонических элементов. Согласно этому представлению, не древнееврейская праведность богобоязненного человека, но чистота, любовь, благодеяния, правдивость, бесстрашие, безобидность святого и возлюбившего бога человека являются целью этического роста. И говоря более широко, вращение в божественную природу означает осуществление этического существования. Это может быть сделано наилучшим образом посредством осознания Бога как высшего Я, как руководящей и возвышающей Воли или как Господина, кого мы любим и кому служим. Не страх перед ним, но любовь к нему, стремление к свободе и вечной чистоте его бытия должны быть мотивом.

Конечно, страх входит в отношения господина и слуги, и даже в отношения отца и дитя, но только на человеческом уровне, когда контроль, подчинение и наказание преобладают в них, а любовь, более или менее, принуждена скрываться под маской авторитета. Всевышний, даже как Господин, никого не наказывает, не угрожает, не принуждает к послушанию. Сама человеческая душа свободно приходит к Богу и предлагает себя его непреодолимой силе, чтобы он мог подхватить и поднять её к своим собственным божественным уровням, и дать ей эту радость совершенного владения Бесконечным конечной природой и радость служения Высшему, благодаря чему приходит свобода от эго и низшей природы. Любовь — это ключ к этому отношению, и такое служение, *dasyam*, в индийской Йоге является счастливым служением божественному Другу или страстным служением божественному Возлюбленному. Повелитель мира, кто в Гите требует от своего служителя, Бхакта, быть в жизни ничем более, как его орудием, ставит это требование как товарищ, советчик, высшее Я, и описывает себя как Господа всех миров, являющегося другом всех творений, *sarvalokamehe svaram suhrdam sarvabhutanam*; оба отношения в действительности должны идти вместе, и ни одно не может быть совершенным без другого. Таким образом, это не отцовство Бога, как Творца, кто требует послушания, поскольку он создатель нашего бытия, но отцовство любви, которое ведет нас к более тесному душевному союзу Йоги. Любовь — действительный ключ в обоих, а совершенная любовь несовместима с

допущением мотива страха. Близость человеческой души ко Всевышнему — это цель, а страх всегда устанавливает барьеры и дистанции; даже благоговение и почтительность к божественной Силе являются знаком дистанции и разделения, и они исчезают в близости единения любви. Кроме того, страх принадлежит низшей природе, низшему я, и в приближении к высшему Я должен быть отложен в сторону прежде, чем мы сможем войти в его присутствие.

Эти отношения божественного отцовства и еще более тесные отношения с Божественным, как с Матерью-Душой Вселенной, берут начало в другом раннем религиозном мотиве. Один тип Бхакта, говорится в Гите, это приверженец, который подходит ко Всевышнему, как к исполнителю его желаний, подателю благ, удовлетворяющему потребности его внутреннего и внешнего существования. "Я приношу моему Бхакта, — говорит Господь, — его имение и обладание добром, *yogaksemaṁ vahanuṣāham*. Жизнь человека проходит в хотениях и нуждах, и потому желания присутствуют не только в его физическом и виталическом, но и в его ментальном и духовном бытии. Когда он начинает сознавать великую Силу, правящую миром, он приближается к ней с молитвой о выполнении его нужд, о помощи на его каменистом пути, о защите в его борьбе. Каковы бы ни были незрелости в обычном религиозном подходе к Богу через молитву, их много, и особенно то отношение, которое воображает, что Божественного можно умиловить, подкупить, прельстить, добиться молчаливого согласия или снисхождения восхвалениями и мольбами, и часто не заботится о том, в каком духе к нему приближаются, все же этот виток в направлении ко Всевышнему представляется необходимым движением нашего религиозного бытия и покоится на вселенской правде.

Сила молитвы часто подвергается сомнению, сама молитва полагается вещью иррациональной, излишней и бездейственной. Это правда, что вселенская воля выполняет всегда свою цель и не может быть отклонена эгоистическими умиловлениями и мольбами, это правда Трансцендентного, кто выражает себя во вселенском порядке, что, будучи всеведущим, его огромное знание должно предвидеть вещь, которую следует сделать, и не нуждается в направлении или стимулировании человеческой мыслью, и что единоличные желания индивидуума не являются и не могут быть в любом мировом порядке правильным определяющим фактором. Но все же этот порядок или выполнение вселенской воли не совершается вполне механическим Законом, но силами и способностями, среди которых, для человеческой жизни по крайней мере, человеческая воля, устремление и вера не являются наименее важными. Молитва — только особая форма, приданная этой воле, устремлению и вере. Ее выражения очень часто бывают грубыми и не только по детски непосредственными, что само по себе не может быть дефектом, но и ребяческими, инфантильными, но все же она имеет реальную мощь и значение. Ее сила и чувство могут привести волю, стремление и веру человека в соприкосновение с божественной Волей, как с Волей сознающего Бытия, с кем мы можем войти в осознаваемые и живые отношения. Ибо наша воля и стремление могут действовать или нашей собственной силой и стараниями, что может, нет сомнения, сделать нашу волю великой и действенной и для низких, и для высоких целей, — и имеется множество дисциплин, которые выдвигают волю вперед, как единственную силу для использования, — или она может действовать в зависимости и в подчинении божественной или вселенской Воле. И далее, этот последний путь может смотреть на эту Волю, как на отзывающуюся на наше стремление почти механически неким видом закона энергии, во всяком случае отзывающуюся совершенно нелицетворенно, или он может смотреть на нее, как на отвечающую сознательно божественному стремлению и вере человеческой души и сознательно приносящей ей помощь, руководство, защиту и осуществление выраженных надежд, *yogaksemaṁ vahanuṣāham*.

Молитва помогает нам подготовить это отношение сначала на низшем плане, даже если она там совмещается со многим, что представляет собой явный эгоизм и заблуждение; но

впоследствии мы можем подтянуться к духовной правде, стоящей за этим. Тогда это не дарование просимого, но само отношение, соприкосновение человеческой жизни с Богом, сознательный взаимообмен. В спиритуальных сферах и в духовных поисках это сознательное отношение является великой силой; это намного большая сила, чем наша собственная полностью полагающаяся на себя борьба и усилие, и она приносит более полный духовный рост и переживание. Неизбежно, в конце молитва или исчезает в том большем, для чего она нас подготовила, — фактически форма, которую мы называем молитвой, не является сама по себе существенной, если только имеются вера, воля и стремление, — или остается лишь для радости взаимоотношений. Также и её цель, artha, или интерес, осуществления которого она ищет, становится выше и выше до тех пор, пока мы достигаем высочайшей немотивированной преданности, которая есть преданность божественной любви, чистой и простой, без какого-либо другого требования или страстного желания.

Отношения, которые возникают из этого подхода ко Всевышнему, являются отношениями божественного Отца и Матери с ребенком, и отношениями с божественным Другом. Ко Всевышнему в таких представлениях человеческая душа обращается за Помощью, защитой, за руководством, за благодеяниями, — или, если знание является целью, она обращается к Руководителю, Учителю, Подателю света, ибо Всевышний есть Солнце знания, — или она приходит с болью и страданием за облегчением, утешением и избавлением, это может быть избавление или от самого страдания, или от мира-существования, вместилища страданий, или от всех его внутренних и реальных причин [2](#). В этом мы находим определенную градацию. Поскольку отношения отцовства всегда менее близкие, менее сильные, страстные и интимные, к ним меньше всего прибегают в Йоге, которая ищет самого тесного единения. Отношения божественного Друга сладостнее и более интимны, они допускают равенство или близость даже в неравенстве и являются началом совместной самоотдачи; в их наибольшей близости, когда всякая идея другого, дающего и берущего, исчезает, когда эти отношения становятся немотивированными, за исключением одного единственного вполне достаточного мотива любви, они обращаются в свободное и счастливое отношение товарищества, в Лила существования. Все же еще более тесные и близкие отношения у Матери и дитя, и они поэтому играют очень большую роль везде, где религиозный порыв, самый пламенный и горячий, вспыхивает в сердце человека. Во всех своих желаниях и тревогах душа идет к Матери-Душе, и Божественная Мать хочет, чтобы так и было, дабы она могла излить свое сердце любви. Душа обращается к ней и по самосуществующей природе этой любви, и также потому, что это направляет нас к дому, куда мы возвращаемся из наших странствий в мире, и в лоне которого мы обретаем свой покой.

Но высочайшие и величайшие отношения те, которые начинаются не от обычных религиозных побудительных мотивов, но скорее являются самой сущностью Йоги, происходят из собственной природы самой любви; это — страсть Любящего и Любимого. Где бы ни возникало страстное влечение души к её полному союзу с Богом, эта форма божественного томления прокладывает свой путь даже в тех религиях, которые, кажется, обходятся без этого и не дают этому чувству места в своих обычных системах. В этих отношениях просят одного — любви, боятся одного — потерять любовь, предаются одной печали — печали отделения от любимого, ибо всё другое или не существует для любящего, или включается только как случайности и последствия, а не как цели и условия любви. В самом деле, любовь по своей природе является самосуществующей, потому что она происходит от тайного единства в бытии и чувства этого единства, или от желания сердечного единства между душами, которые ещё способны воспринимать самих себя отличными друг от друга и разделенными. Следовательно, все другие отношения тоже могут достигнуть самосуществующей немотивированной радости бытия ради

одной любви. Однако они всё же начинаются от других мотивов, и до конца они, в некоторой степени, находят удовлетворение в своей игре в этих других мотивах. Здесь же и начало — любовь, и конец — любовь, и вся цель — любовь. Есть, правда, желание обладания, но даже и оно бывает преодолено в полноте самосуществующей любви, и последняя потребность Бхакта просто в том, чтобы его Бхакти никогда не прекращалось и не слабело. Он не просит небеса об освобождении от рождений, или о чем либо другом, но только чтобы его любовь могла быть вечной и абсолютной.

Любовь — это страсть, и она ищет двух вещей, постоянства и силы, и в отношениях Любящего и Любимого всегда присутствуют врожденные и инстинктивные поиски непрерывности и насыщенности. Любовь ищет обоюдного обладания, и здесь эта потребность совместного обладания становится абсолютной. Выходя за пределы желания обладания, которое подразумевает различие, она ищет единения, и именно здесь идея единения двух душ, сливающихся одна с другой и становящихся одной, находит высшую точку своего страстного стремления и полноту своего удовлетворения. Любовь — это и жажда красоты, и именно здесь это томление постоянно удовлетворяется в созерцании, прикосновении и радости Всепрекрасного. Любовь — дитя и искатель Восхищения, и именно здесь она находит высочайшую возможность экстаза как для сознания сердца, так и для каждой фибры существа. Кроме того, это то отношение, которое, подобно отношению между людьми, требует наибольшего, и даже достигая величайшей интенсивности, все же остается недостаточно удовлетворено, потому что только в Божественном оно может найти свое реальное и полное удовлетворение. Следовательно, именно здесь наибольшее обращение человеческих чувств к Богу находит свое полное значение и обнаруживает всю истину, человеческий символ которой есть любовь; все её неотъемлемые инстинкты обожествлены, подняты, удовлетворены в блаженстве, от которого была рождена наша жизнь, и к которому посредством единения она возвращается в Ананде божественного существования, где любовь абсолютна, вечна и ничем не омрачена.

2. Есть три или четыре класса преданных приверженцев Бога, которые, обозначены в Гите, *arta*, *arthartц*, *jijnasu*, страдалец, искатель личных целей, искатель Божественного знания. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

ПУТЬ Бхакти сам по себе так же широк, как сердечное стремление души к Богу, и так же прост и откровенен, как любовь и желание, идущие прямо к их предмету. Он, следовательно, не может быть зафиксирован до конца в любом систематическом методе, не может основываться на психологической науке, как Раджа-Йога, или на психофизической науке, подобно Хатха-Йоге, или начать от определенного интеллектуального процесса, подобно обычному методу Джнани-Йоги. Бхакти может применять различные средства или поддержки, и человек, имеющий в себе склонность к порядку, процессу и системе, может пытаться свести в методичку свое обращение к этим вспомогательным средствам, но чтобы перечислить их вариации, нужно было бы повторить почти все бесчисленные человеческие религии в их аспекте внутреннего приближения к Божеству. Реально, однако, наиболее интимная Йога Бхакти сводится упрощенно в такие четыре движения: желание души, когда она обращается к Богу, и склонность её чувств к нему; боль любви и божественный отклик на любовь; восторг от обладания любовью и игра этого восторга; вечное наслаждение божественным Возлюбленным, который и есть сердцевина небесного блаженства. Такова суть Бхакти, которая одновременно и слишком проста, и слишком глубока для методизирования или для анализа. В наилучшем случае можно только сказать, что здесь есть эти четыре последовательных элемента, шаги Сиддхи, если мы можем их так назвать, и здесь много определенных средств, которыми Бхакти пользуется, и еще здесь есть некоторые из аспектов и переживаний Садханы преданности. Нам нужно только проследить широкую общую линию, которой Бхакти следует, прежде чем мы обратимся к рассмотрению того, как путь преданности входит в сводную и обобщенную интегральную Йогу, какое место он в ней занимает, и как его принцип воздействует на другие принципы божественной жизни.

Вся Йога — это обращение человеческого ума и человеческой души, пока еще не божественной в осознании, но чувствующей в себе божественное побуждение и притяжение, к тому, посредством чего она находит свое возвеличенное бытие. Эмоционально, первая форма, которую это обращение принимает, должна быть разновидностью поклонения. В обычной религии это поклонение принимает вид внешнего культа, и это в свою очередь порождает наиболее внешнюю форму обрядового почитания. Этот элемент обычно необходим, потому что массы людей живут в их физических умах, могут осознать что-либо только силой физического символа, и могут почувствовать, что они живут только силой физического действия, и ничем больше. Мы могли бы применить здесь тантрическую градацию Садханы, которая признает путь расу, стада, животного или физического существа, низшей стадией своей дисциплины, — и сказать, что полностью или в основном преобладающее обрядовое поклонение представляет собой первый шаг этой самой низшей части пути. Очевидно, что настоящая религия, — а Йога есть нечто большее, чем религия, — начинается только тогда, когда это совершенно внешнее поклонение соответствует чему-то реально ощущаемому умом, искреннему смирению, подлинному трепету, настоящему благоговению или духовному стремлению, для которых оно становится содействием, внешним выражением, а также некоторым видом периодического или постоянного напоминания, помогающим оттянуть ум от занятий обычной жизни. Но пока это только идея Бога, которому человек воздает почтение или уважение, мы еще не подобрались к началу Йоги. Поскольку единение является целью Йоги, её начало должно всегда быть поиском Бога, страстным желанием некоторого вида прикосновения, близости или обладания. Когда это к нам приходит, поклонение всегда становится главным образом внутренним почитанием; мы начинаем преобразовывать себя в храм Божества, наши мысли и чувства становятся постоянной

молитвой устремления и поиска, вся наша жизнь — внешним служением и культом. По мере того, как это изменение, эта новая душевная склонность растет, религия ревностного поклонника превращается в Йогу, в растущее соприкосновение и единение. Из этого не следует, что необходимо будет обойтись без внешнего поклонения, но оно будет всё более становиться только физическим выражением или изливанием внутренней преданности и поклонения, волной души, выбрасывающей себя наружу в речи и в символическом акте.

Поклонение, прежде чем оно обратится в элемент более глубокой Йоги преданности, в лепесток цветка любви, с его почтением и устремлением к своему солнцу, должно принести с собой, если оно не поверхностное, посвящение существа Божественному, которому (существо) поклоняется. И единственным элементом этого посвящения должно быть самоочищение, чтобы стать годным для божественного соприкосновения, или для вхождения Всевышнего в храм нашего внутреннего существа, или для его самооткровения в святине сердца. Это очищение может быть этическим по своему характеру, но оно не будет просто поисками моралиста правильного и безупречного действия, или даже, когда однажды мы достигнем стадии Йоги, повиновением закону Бога, как он показан в формальной религии; а это будет отбрасыванием прочь, *katharsis*, всего, что противоречит или представлению Всевышнего в нём самом, или Божественному в нас самих. В первом случае оно становится подражанием Богу в характере чувства и внешнего действия, в последнем — перерастанием в его подобие в нашей природе. То, чем является внутреннее обожание по отношению к обрядовому поклонению, тем же является и перерастание в божественное подобие по отношению к внешней этической жизни. Оно возвышается до освобождения через уподобление Божественному [3](#), освобождения от нашей низшей природы и изменения в божественную природу.

В своей полноте посвящение превращается в преданность Богу всего нашего существа и, следовательно, всех наших мыслей и наших трудов. Здесь эта Йога включает в себя существенные элементы Йоги трудов и Йоги знания, но в собственной манере и в своём собственном специфическом духе. Это жертвоприношение жизни и трудов Божественному, но жертвоприношение любви более, чем обращение воли к божественной Воле. Бхакта предлагает свою жизнь, все, что он есть, и все, что он имеет, и все, что он делает Всевышнему. Эта самоотдача может принять аскетическую форму, когда он покидает обычную жизнь людей и посвящает свои дни исключительно молитве, восхвалению и почитанию, или экстатической медитации, отказывается от своего личного имущества и становится монахом или нищим, чье единственное владение — это Божественное, оставляет всякую деятельность в жизни, кроме тех занятий, которые помогают или принадлежат к общению с Богом и к общению с другими приверженцами Бога, или, самое большее, из безопасной крепости аскетической жизни продолжает служение людям, которое кажется исключительно изливанием божественной природы любви, сострадания и добра. Но есть более широкое самопосвящение, свойственное любой интегральной Йоге, которое, принимая полноту жизни и мира в его цельности как игру Всевышнего, отдает всё существо в его владение; всё, чем человек является и что имеет, считается принадлежащим только Богу, а не нам самим, и все работы совершаются как подношение Ему. Посредством этого приходит полное активное посвящение обоих — как внутренней, так и внешней жизни, самоотдача без искажения.

Существует также посвящение мыслей Всевышнему. В своем начале это — попытка закрепить ум на объекте поклонения, — ибо, естественно, беспокойный человеческий ум занят другими предметами и, даже когда он направлен вверх, мир мирской постоянно тянет его вниз, — так что в конце концов ум привычно думает об объекте поклонения, а все остальное только вторично и обдумывается лишь в связи с ним. Закрепление ума осуществляется часто с помощью физического изображения или, более сокровенно и характерно, с помощью Мантры

или божественного имени, благодаря чему осознается божественное существо. Теми, кто систематизировал, предполагаются три стадии поисков посредством приверженности ума: первая, постоянное слушание божественного имени, божественных качеств и всего, что связывается с ними; вторая, постоянное думание о них и о божественном бытии или личности; третья, установление и фиксация ума на объекте; этими путями приходит полное осознание. И посредством всех трех приходит, когда сопровождающее чувство или сосредоточение очень интенсивны, Самадхи, экстатический транс, в котором сознание отделяется от внешних объектов. Но все это фактически несущественно; существенно одно — интенсивная преданность мысли в уме объекту обожания. Хотя это кажется родственным созерцанию на пути знания, но отличается от последнего по духу. В своей подлинной природе это не безмолвие, но экстатическое созерцание; оно пытается не перейти в бытие Всевышнего, но привести Всевышнее в нас самих и потерять себя в глубоком экстазе его присутствия или его обладания; и это блаженство не есть мир единения, но экстаз единения. Здесь тоже может быть отдельное самопосвящение, которое кончается отказом ото всех других мыслей о жизни ради владения этим экстазом, впоследствии вечным на запредельных уровнях, или исчерпывающим посвящением, в котором все мысли полны Всевышним, и даже в жизненных занятиях каждая мысль помнит о нем. Как в других Йогах, так же и в этой человек начинает видеть Всевышнего везде и во всем и изливать реализацию Всевышнего во всей своей внутренней деятельности и во всех внешних действиях. Но все здесь поддерживается первоначальной силой эмоционального единения, ибо именно любовью достигаются полное самопосвящение и полное обладание, а мысль и действие становятся формами и образами святой любви, которая владеет духом и его членами.

Таково обычное движение, посредством которого то, что могло быть сначала лишь смутным обожанием некой идеи Божественного, принимает внешние свойства, и затем, однажды ступив на путь Йоги, обретает внутреннюю реальность и интенсивное переживание божественной любви. Но есть более интимная Йога, которая с самого начала состоит из этой любви и осуществляется только путем интенсивности её томлений без другого процесса или метода. Все остальное приходит, но происходит из этого, как лист и цветок из семени; все другое не является средством развития и осуществления любви, но излучением любви, уже растущей в душе. Это путь, которым душа следует, когда, может быть, ещё занятая обычной человеческой жизнью, она услышала флейту Божества на ближней опушке тайного леса, и более не владеет собой, не имеет удовлетворения или отдыха, пока не нагонит, не схватит и не завладеет божественным флейтистом. Это и есть, в сущности, сила самой любви в сердце и в душе, обратившихся от земных предметов к духовному источнику всей красоты и восторга. В этом искании живут там всякое чувство и страсть, все настроения и переживания любви, сосредоточенной на верховном предмете желания, стократно превосходящей высочайшую точку интенсивности, возможную для человеческой любви. Есть взволнованность всей жизни, освещенность неуловимым образом, неудовлетворенная тоска по единственному предмету сердечного желания, сильная нетерпимость ко всему, что отвлекает от [4](#) этого единого занятия, острая боль от препятствий, стоящих на пути завладения, совершенное видение всей красоты и восторга в одной единственной форме. И есть там все многочисленные настроения любви: радость мечтаний, поглощенность мысли, восхищение осуществлением встречи, наслаждение объятий, боль разделения, ярость любви, слёзы страстного стремления, возрастающий восторг воссоединения. Сердце является местом действия этой верховной идиллии внутреннего сознания, но сердце, которое подвергается нарастающему духовному изменению и становится раскрывающим лепестки лотосом духа. И как интенсивность его поисков превышает высочайшей силы обычных человеческих чувств, так и восторг и завершающий экстаз находятся превыше

достижимости воображения и вне возможности выражений речью. Ибо это — восторг Божества, который превосходит человеческое понимание.

Индийские последователи Бхакти придали этой божественной любви мощные формы поэтических символов, которые в реальной сути не столько символы, сколько внутренние выражения истины, никаким другим способом не передаваемой. Бхакти использует человеческие отношения и видит божественную личность не просто как символы, а потому что существуют божественные отношения верховного Восторга и Красоты с человеческой душой, по отношению к которым человеческие отношения являются несовершенной, но все же реальной копией, и потому что Восторг и Красота — не абстракции или качества совершенно неосязаемой метафизической сущности, но само тело и форма верховного Бытия. Это живущая Душа, по которой томится душа Бхакта; ибо источник всей жизни — это не идея, не понятие, не состояние существования, но реальное Существо. Поэтому во владении божественным Возлюбленным вся жизнь души удовлетворена, и все отношения, посредством которых она находит себя и в которых она себя выражает, полностью осуществлены; следовательно, также, посредством любых из этих отношений Возлюбленный может быть найден, хотя те из них, которые допускают наибольшую силу, всегда представляют собой отношения, в которых за ним можно следовать наиболее интенсивно и завладеть им с глубочайшим экстазом. Его ищут внутри в сердце и потому отдельно ото всего посредством обращенной внутрь сосредоточенности существа в самой душе; но его также видят и любят везде, где он проявляет свое бытие. Вся красота и радость существования воспринимается, как его радость и красота; его обнимают духом во всех существах; экстаз любви, которым насладились, изливает себя во всеобщую любовь; все существование становится излучением его восторга, и даже в самом своем внешнем проявлении преобразовывается в нечто другое, чем внешняя видимость. Сам мир переживается как игра божественного Восторга, Ли́ла, и то, в чем мир теряет себя, есть небеса блаженства вечного единения.

3. sadrsya-mukti

4. the intense impatience of all that distracts from

В СИНТЕТИЧЕСКОЙ Йоге немедленно встает один вопрос, который должен не только включать, но и объединять знание и преданность, трудный и беспокойный вопрос о божественной Личности. Все направления новой мысли сводились к умалению персонификации, они видели за сложными фактами существования только великую безличностную силу, скрытое становление, которое также осуществляет себя через безличностные силы и безличностные законы, в то время как личность представляется только как последующий, соподчиненный, частичный, преходящий феномен на поверхности этого безличностного движения. Даже наделенная сознанием, эта Сила кажется безличностной, неопределенной, лишенной в сущности всего, кроме абстрактных качеств или энергий, ибо все остальное есть только результат, меньший феномен. Древняя индийская мысль, начиная с совершенно другого конца, достигла в своих наивысших пределах того же самого обобщения. Она представляет себе безличностное существование как первоначальную и вечную истину; олицетворение есть только иллюзия или, в лучшем случае, феномен ума.

С другой стороны, путь преданности невозможен, если личность Божественного не может быть принята как реальность, и настоящая реальность, а не предположение иллюзии. Не может быть любви без любящего и любимого. Если наша личность — иллюзия, и Лицо, к которому восходит наше обожание — только начальный аспект иллюзии, и если мы верим в это, тогда любовь и обожание должны быть сразу убиты, или могут остаться только в антилогичной страсти сердца, отрицающего сильным биением жизни ясную и сухую правду рассудка. Может быть возможно любить и обожать тень наших умов или яркий космический феномен, который исчезает под взглядом Истины, но путь спасения не может быть построен на фундаменте преднамеренного самообмана. Бхакта, в самом деле, не позволяет этим сомнениям интеллекта преградить ему путь; у него есть прорицания сердца, и их для него достаточно. Но Садхака интегральной Йоги должен знать вечную и первоначальную Истину и не упорствовать до конца в восторге, принадлежащем Тени. Если бесперсональность — это единственная устойчивая истина, тогда прочный синтез невозможен. Он может, самое большее, принять божественную личность как символ, сильный и эффективный вымысел, но он вынужден будет в конце превзойти его и отказаться от приверженности ради единственного преследования основного и окончательного знания. Садхака должен будет опустошить бытие ото всех его символов, значений, содержания для того, чтобы достигнуть не имеющей черт Реальности.

Мы сказали, однако, что персональность и бесперсональность, как их понимают наши умы, представляют собой только аспекты Всевышнего, и оба содержатся в его бытии; они являются одной сутью, которую мы видим с двух противоположных сторон, и в которую мы входим через разные калитки. Мы должны увидеть это более ясно для того, чтобы избавиться от любых сомнений, которыми интеллект может стараться огорчить нас, когда мы следуем побуждению преданности и интуиции любви, или смутить нас в нашей радости божественного единения. В самом деле, сомнения спадают прочь от этой радости, но если мы слишком тяжело нагружены философским умом, они могут сопровождать нас почти до самого ее преддверия. Следовательно, хорошо разгрузить себя от них как можно раньше, через осознание ограничений интеллекта, рационального философского ума в его особенном пути приближения к правде, и пределов даже духовного переживания, которое начинает от приближения через интеллект, чтобы видеть, что не стоит принимать его за всю полноту высочайшего и широчайшего духовного переживания. Духовная интуиция — это всегда более светоносный водитель, чем

различающий рассудок, и духовная интуиция направляет себя к нам не только через рассудок, но также и через остальное в нашем существе, через волю, сердце и жизнь. Тогда интегральное знание будет таким, какое принимает в расчет всё и объединяет все разнообразные истины. Сам интеллект будет более глубоко удовлетворен, если он не будет ограничивать себя своими собственными данными, но примет также правду сердца и жизни, и придаст им их безусловную духовную ценность.

Природа философского ума — двигаться среди идей и придавать им вид их собственной абстрактной реальности отдельно ото всех их конкретных представлений, которые воздействуют на нашу жизнь и личное сознание. Он склонен уменьшать эти представления до их самых оголенных и наиболее общих выражений и утончать даже эти, если возможно, до некоей конечной абстракции. Чистое интеллектуальное направление уходит прочь от жизни. В суждении о вещах оно пытается отвернуться от их воздействия на нашу личность и достигнуть любой общей безличностной истины, могущей быть за ними; оно склонно обращаться с этим видом истины, как с единственно реальной правдой бытия или, по крайней мере, как с одной верховной и постоянной силой реальности. Следовательно, оно направлено своей собственной природой закончиться в крайностях абсолютной бесперсональности и абсолютной абстракции. Здесь завершались древние философии. Они сводили всё к трем абстракциям: существование, сознание и блаженство бытия, и были склонны избавиться от двух из этих трех, которые казались зависимыми от первой, наиболее абстрактной, и свести все назад в чистое, не имеющее черт существование, из которого все остальное было выпущено, все представления, все значения, кроме одного неопределенного и безвременного факта бытия. Но у интеллекта оставался все же один дальнейший возможный шаг, и он совершил его в буддистской философии. Она утверждает, что даже этот конечный факт существования был только представлением; она абстрагирует и его также и приходит к неопределенному нулю, который мог бы быть или пустым, или постоянно невыразимым.

Сердце и жизнь, как мы знаем, имеют как раз противоположный закон. Они не могут жить абстракциями; они находят свое удовлетворение только в конкретном, которое может быть охвачено; физически ли, умственно ли, или духовно, их цель не представляет собой что-то такое, что пытаются выделить и достигнуть посредством интеллектуальной абстракции; живое становление или сознательное владение их объектом и радость этого — вот то, чего они ищут. Они отзываются не на удовлетворение абстрактного ума или безличностного существования, но на радость и активность существа, сознательной Личности в нас, конечной ли, или бесконечной, для которой восторги и силы её существования являются реальностью. Следовательно, когда сердце и жизнь обращаются к Высочайшему и Бесконечному, они достигают не абстрактного существования или несуществования, Сат или же Нирваны, но существующего, Сат Пуруши, не просто сознания, но сознающего Существа, Чайтанья Пуруши, не просто чистого безличностного восторга от Есть, но безграничного блаженства Я Есть, Анандамая Пуруши; также не могут они раствориться и потерять свое сознание и блаженство в не имеющем черт существовании, но должны настаивать на всех трех в одном, ибо восторг существования есть их высочайшая сила, а без сознания восторгом нельзя завладеть. Таков смысл верховного образа самой, интенсивной индийской религии любви, Шри Кришны, Всеблагого и Всепрекрасного.

Рассудок тоже может следовать по этому направлению, но он прекращает тогда быть чистым интеллектом; он призывает на помощь силу своего воображения, он становится создателем образов, творцом символов и значений, духовным художником и поэтом. Следовательно, самая строгая интеллектуальная философия допускает Сагуну, божественную Личность, только как верховный космический символ; идите за пределы этого к реальности, говорит она, и вы достигнете, в конце концов, Ниргуны, чистой Бесперсональности.

Конкурирующая философия утверждает превосходство Сагуны; не олицетворено, возможно скажет она, только материальное, только вещество его духовной природы, из которого он проявляет силы своего бытия, сознания и блаженства, всего, что его выражает; безличностное есть видимый негатив, через который он открывает преходящие вариации вечного позитива своей личности. Очевидно, что здесь два инстинкта, или если мы колеблемся применить это слово к интеллекту, две врожденные силы нашего существа, которые, каждая в своей собственной манере, имеют дело с той же самой Реальностью.

То и другое, идеи интеллекта, его умение разбираться, и устремления сердца и жизни, их приближения, имеют за собой реальность, к достижению которой они стремятся. То и другое подтверждается духовным опытом; каждая сторона достигает именно того божественного абсолюта, которого ищет. Но все же каждая из сторон, если одной из них слишком исключительно потворствовать, попадает в затруднения из-за ограничений своих природных качеств и характерных свойств. Мы видим, что нашему земному житию, где следуют исключительно сердцу и жизни, не удастся привести нас к какому-либо проливающему свет выходу, в то время как исключительная интеллектуальность становится далеким, абстрактным и бессильным или бесплодным критиком, или сухим механистом. Их умелое сочетание и справедливое примирение — одна из великих проблем нашей психологии и нашего действия.

Примирающая сила лежит выше, в интуиции. Но есть интуиция, которая обслуживает интеллект, и интуиция, которая служит сердцу и жизни, и если мы следуем одной из них исключительно, мы не достигнем большего, чем раньше; мы только сделаем для себя внутренне более реальными, но все же существующими отдельно, вещи, к которым стремятся другие, менее зоркие силы. Но тот факт, что интуиция может отдать себя беспристрастно всем частям нашего существа, — ибо даже тело имеет свою интуицию, — показывает, что она является не замкнутым в своем кругу, но интегральным правдоискателем. Мы должны спрашивать интуицию всего нашего существа, а не только отдельно в каждой ее части, не в сумме их обнаружении, но вне всех этих низших инструментов, даже вне их первых духовных ответчиков, поднимаясь в собственную сферу интуиции, которая есть обитель бесконечной и беспредельной Истины, *rtasya sve dame*, где все существование обнаруживает свое единство. Именно это имеют в виду древние Веды, где восклицается: "Есть непоколебимая истина, скрытая истиной (вечная истина скрыта этой другой, от которой мы имеем здесь эти низшие прозрения); там десять сотен лучей света стоят вместе; это — Единый", "*rtena rtam apihitam dhruvam... dasa aata saha tasthan tad ekam*" (Ригведа V. 62.1.)

Духовная интуиция всегда затрагивает подлинную реальность; это светоносный предвестник духовного осознания или сам его лучезарный свет; она видит то, что другие силы нашего существа с трудом стараются изучить; она схватывает прочную истину абстрактных представлений интеллекта и феноменальных представлений сердца и жизни, правду, которая сама не является ни отдаленно абстрактной, ни внешне конкретной, но чем-то еще, для чего эти две — только разные стороны ее психологического проявления для нас. То, что воспринимает интуиция нашего интегрального существа, когда его члены более не спорят между собой, но освещены свыше, есть эта цельность нашего бытия, стремящегося к единой реальности. Безличностное — правда, личностное — тоже правда; они являются одной и той же истиной, видимой с двух сторон нашей психологической деятельности; ни та, ни другая сама по себе не дает полного значения Реальности, и все же посредством и той, и другой мы можем приблизиться к этому.

Если посмотреть с одной стороны, как бы кажется, что безличностная Мысль, работая, создала выдуманного мыслителя для удобства своего действия, безличностная Сила в работе сотворяет вымышленного делателя, безличностное существование в действии, которое

использует фикцию олицетворенного существа, имеющего сознающую индивидуальность и личный восторг. При взгляде с другой стороны, именно мыслитель выражает себя в мыслях, которые без него не могли бы существовать, и наше общее представление о мысли просто символизирует силу природы мыслителя; Ишвара выражает сам себя волей, силой и мощью; Существующий простирает самого себя во всех формах, полных и частичных, прямых, превратных и противоположных его существованию, сознанию и блаженству, и наше абстрактное представление этих вещей есть только интеллектуальное изображение тройной силы его природы бытия. Вся бесперсональность, кажется, в свою очередь становится фикцией, и существование в самом его движении и его каждой частице не является ничем, кроме жизни, сознания, силы восторга единой и все же бесчисленной Личности, бесконечного Божества, самоосознающего и саморазворачивающегося Пуруши. Оба представления правильны, за исключением идеи фикции, которая, будучи заимствована из нашего интеллектуального процесса, должна быть изгнана, и каждой точке зрения должна быть придана присущая ей обоснованность. Интегральный искатель должен в этом свете понимать, что он может достигнуть одной и той же Реальности на обоих направлениях или последовательно, или одновременно, как бы на двух соединенных колесах, катящихся по параллельным линиям, но таким параллельным линиям, которые вопреки интеллектуальной логике, но в послушание их собственной внутренней правде единения, действительно встречаются в бесконечности.

Мы должны смотреть на божественную Личность с этой точки зрения. Когда мы говорим об индивидуальности, мы имеем в виду под этим сначала что-то ограниченное, внешнее и отдельное, и наша идея олицетворенного Бога принимает тот же самый несовершенный характер. Наша личность для нас сначала представляется отдельным созданием, ограниченным умом, телом, характером, которые мы воспринимаем, являясь особью, как фиксированную величину, ибо, хотя в действительности она всегда изменяется, есть все же достаточный элемент стабильности, чтобы придать вид практического оправдания этому представлению фиксированности. Мы представляем себе Бога как такую же личность, только без тела, отдельную личность, отличную ото всех других, с умом и характером, ограниченную определенными качествами. Сначала в наших примитивных понятиях это божество является некой изменчивой вещью, причудливой и капризной, увеличенным отпечатком наших человеческих свойств; но впоследствии мы представляем себе божественную природу личности как вполне закрепленный набор качеств, и мы относим к ней только те качества, которые мы считаем святыми и идеальными, в то время как все другие исключаются. Это ограничение заставляет нас объяснять остальные проявления, приписывая их Дьяволу, или придавая человеку и первоначальному творению способность всего того, что мы считаем злым, или еще, если мы воспринимаем, что это не совсем подойдет Богу, создавая силу, которую мы называем Природа, и относя к ней все низшие качества и всю массу тех действий, за которые мы не хотим делать Божество ответственным. Снабженный высшими качествами ума и характера. Бог становится менее антропоморфным, и мы рассматриваем его, как бесконечный Дух, но все еще как отдельную личность, дух с определенными фиксированными божественными качествами, становящимися его атрибутами. Так понимаются идеи божественной Личности, олицетворенного Бога, которые столь сильно рознятся в различных религиях.

Все это может показаться с первого взгляда изначальным антропоморфизмом, оканчивающимся интеллектуальным представлением Божества, которое очень сильно расходится с действительностью мира, как мы его видим. Не удивительно, что философскому и скептическому уму не составляло бы труда интеллектуальное разрушение всего этого, либо в направлении отрицания личностного Бога и утверждения безличностной Силы или Становления, либо в отрицании личностного Бытия, или же в невыразимом опровержении

самого существования, где все только символы Майи или феноменальные истины Времени-сознания. Но это только персонификации монотеизма. Политеистические религии, возможно, менее возвышенные, но более широкие и более восприимчивые в их отклике космической жизни, чувствовали, что все в космосе имеет божественный источник; поэтому они представляли себе существование многих божественных личностей, смутно чувствуя за ними бесконечного Всевышнего, чьи отношения с индивидуальными богами были не очень ясны. В их наиболее экзотерических формах эти боги были грубо антропоморфными, но там, где внутреннее чувство духовных явлений становится яснее, различные божества принимают на себя видимость персональностей единого Всевышнего, — такова объявленная точка зрения древней Веды. Этот Всевышний мог быть Верховным Бытием, которое проявляет себя в различных божественных личностях или в безличностном существовании, которое предстоит человеческому уму в этих формах; или обе точки зрения могли удерживаться одновременно без любой интеллектуальной попытки примирить их, поскольку обе в духовном опыте воспринимались правильными.

Если мы предоставим эти понятия божественной Личности разбору интеллектом, мы снизим их, согласно нашей склонности, до выдумок воображения или до психологических символов, во всяком случае, до ответа нашей чувствительной личности чему-то, что этим вовсе не является, но что чисто безлично. Мы можем сказать, что Это в реальности совершенно противоположно нашей человеческой природе и нашей личности, и поэтому для того, чтобы войти в отношения с ним, мы вынуждены выдвигать эти человеческие выдумки и эти олицетворенные символы, чтобы приблизить его к нам. Но мы должны судить на основе духовного переживания, и в целостном духовном опыте мы обнаружим, что это не вымыслы или символы, но истины божественного бытия в их сущности, какими бы несовершенными не были наши представления о них. Даже наша первая идея о нашей собственной личности не есть абсолютная ошибка, но только беглый и поверхностный взгляд, которому мешают многие умственные ошибки. Более глубокое самопознание показывает нам, что мы не представляем собой в своей основе отдельного индивидуального выражения формы, сил, свойств, качеств с сознательным Я, отождествляющим себя с ними, каковыми мы сначала явственно выглядим. Это только временный факт, хотя всё же факт, нашего неполного бытия на поверхности нашего активного сознания. Мы находим внутри бесконечное бытие с потенциальностью всех качеств, бесконечное качество, *anantaguna*, которое может быть скомбинировано любым количеством возможных способов, и каждая комбинация — это открытие нашего бытия. Ибо вся эта персонификация есть самопроявление Личности, то есть, так сказать, существа, которое сознает свое проявление.

Но мы видим также, что это существо не оказывается составленным даже из бесконечного качества, но имеет такое состояние своей комплексной реальности, в котором оно отступает от всякого качества и становится неопределимым сознающим существованием, *anirde syam*. Даже кажется, что сознание отступило и осталось просто вневременное чистое существование. И далее, даже это чистое я нашего бытия на определенных уровнях как бы отрицает свою реальность, или кажется проекцией бессущностного [5](#), безосновного непознаваемого, которое мы можем представлять себе или как невыразимое нечто, или как Нигил. Именно когда мы фиксируемся исключительно на этом, и забываем все, что оно оттянуло назад в себя, мы говорим о чистой бесперсональности или пустом Ничто, как высочайшей правде. Но более интегральное видение показывает нам, что это именно Личность и индивидуальность, со всем, что она проявила, которая таким образом бросила себя в свой собственный невыраженный абсолют. И если мы поднесем наше сердце так же, как и наш рассуждающий ум, Высочайшему, мы обнаружим, что можно достигнуть этого через абсолютную Личность так же, как через

абсолютную безличность. Но все это самопознание есть только отпечаток внутри нас самих соответствующей истины Всевышнего в его всеобщности. Там тоже мы встречаем его в различных формах божественной личности, в формулировке качеств, которые различно выражают его для нас в его природе; в бесконечном качестве, Анантагуна; в божественной Личности, выражающей себя через бесконечное качество; в абсолютной бесперсональности, в абсолютном существовании или абсолютном несуществовании, которое есть все же всегда невыразимый Абсолют этой божественной Личности, этого сознающего Существа, кто проявляет Себя через нас и через вселенную.

Даже на космическом уровне мы постоянно подходим ко Всевышнему с той или другой из этих сторон. Мы можем думать, чувствовать и говорить, что Бог есть Истина, Правосудие, Справедливость, Сила, Любовь, Восторг, Красота; мы можем видеть его как вселенскую силу или вселенское сознание. Но это — только абстрактный способ переживания. Как мы сами — не просто набор качеств, сил или психологических величин, но существо, личность, которая таким образом выражает свою природу, точно так же и Бог есть Личность, сознающее Существо, кто таким образом выражает свою природу для нас. И мы можем обожать его через различные формы этой натуры, Бог справедливости, Бог любви и сострадания. Бог мира и чистоты; но очевидно, что есть и другое в божественной природе, что мы устранили из той формы личности, в которой мы ему поклоняемся. Мужество неуклоняющегося духовного видения и переживания может встретить его также в более суровых или в ужасных формах. Ни одна из них не составляет всей Божественности; все же эти формы его личности являют реальные истины его самого, в каковых он предстает перед нами так, как если бы все остальное было спрятано. Он — каждое отдельно и все вместе. Он — Вишну, Кришна, Кали; он обнаруживает себя нам в человечестве, как личность Христа, или как личность Будды. Когда мы смотрим выше нашего первого замкнуто сосредоточенного видения, мы видим за Вишну все олицетворения Шивы, и за Шивой — все олицетворения Вишну. Он — Анантагуна, бесконечное качество и бесконечная божественная Личность, которая проявляет себя через это. Снова он, кажется, оттянулся в чистую духовную безличность или даже по ту сторону всякой идеи о безличностном Я и подтверждает спиритуализированный атеизм или агностицизм; он становится для ума человека неопределимым, *anirde syam*. Но из этого непознаваемого сознающего Бытия божественная Личность, которая проявила себя здесь, все же говорит: "Это тоже Я, даже здесь, вне поля зрения ума, Я есть Он, Пурушоттама".

Ибо, превыше разделений, разногласий и противоречий интеллекта, есть иной свет, и там обнаруживает себя видение истины, которую мы можем попытаться выразить для себя интеллектуально. Там всё есть одна Истина всех этих истин, ибо там каждая присутствует и подтверждается во всех остальных. В этом свете наш духовный опыт становится объединенным и целостным; не существует ни малейшего разделения, ни тени превосходства или низшего положения не остается между видением Безличностного и обожанием божественной Личности, между путем знания и путем преданности.

5. *anatmyan anilayanam* Тайттирия Упанишада. (Прим. Шри Ауробондо)

ТАКОВ путь преданности и таково его оправдание перед высочайшим, широчайшим и наиболее целостным знанием, и мы можем теперь понять, какую форму и место преданность будет иметь в интегральной Йоге. Йога есть в сущности союз души с бессмертным бытием, сознанием и восторгом Божественного, осуществляемый через человеческую природу, которая в результате развивается в божественную природу бытия, чем бы тот союз ни был, продвинутый настолько, насколько мы можем постигать его в уме и осуществить в духовной деятельности. Что бы мы ни видели в этом Божественном, фиксируя на этом наше сосредоточенное усилие, тем мы можем стать или вращаться в некий вид единения с этим, или, по крайней мере, попасть в тон и созвучие с этим. Древние Упанишады тонко передают это высочайшими выражениями: "Всякий, кто рассматривает это, как Существование, становится этим существованием, всякий, кто рассматривает это, как Несуществование, становится этим несуществованием"; то же самое и со всем остальным, видимым нами в Божественном, что, можно сказать, есть сразу же неотъемлемая и прагматическая правда Бога. Есть что-то превыше нас, что, действительно, уже внутри нас, но чем мы еще не стали, или чем только начинаем быть в нашем человеческом существовании; но что бы из этого мы ни видели, всё мы можем создать или обнаружить в нашей сознающей природе и существе, и мы можем вращаться в это и таким образом создать или обнаружить в себе индивидуально Бога; вращаться в его всеобщность, в превосходение всех пределов есть наша духовная судьба. Или, если это кажется слишком высоким для слабости нашей природы, то, по крайней мере, приблизиться, отразить и быть в прочном общении с ним, это составляет ближайшее и возможное достижение.

Цель сводной или интегральной Йоги, которую мы рассматриваем, это союз с бытием, сознанием и восторгом Божественного через каждую часть нашей человеческой природы отдельно или одновременно, но, в конце концов, все эти части гармонизируются и объединяются так, что целое может быть преобразовано в божественную природу бытия. Ничто, меньшее чем это, не может удовлетворить интегрального искателя, потому что то, что он видит, должно быть тем, чем он старается духовно завладеть и, насколько возможно, стать. Ни с одним лишь своим внутренним познанием, ни с одной волей, ни с одним только сердцем, но со всеми ними вместе равно и одинаково, а также со всем умственным и виталическим бытием в себе он стремится к Богу и трудится над переделкой их природы в их божественные эквиваленты. И поскольку Бог встречает нас на многочисленных путях своего бытия и во всех привлекает нас к себе, даже и в то время, когда он, кажется, ускользает от нашего преследования, — а видеть божественную возможность и преодолеть её игру препятствий составляет всю тайну и величие человеческого существования, — поскольку в каждом из этих путей, добираясь до его высот, или в единении всех, если мы можем найти ключ их единения, мы будем стремиться проследить, найти и завладеть им. Когда он оттягивается в безличностное, мы идем за его безличностным бытием и восторгом, но если он встречает нас также и в нашей индивидуальности через личные отношения Божественного с человеческим, то мы тоже не будем отрицать самих себя; мы будем допускать и игру любви, и восторг, и их невыразимое единство.

Посредством знания мы ищем единения с Божественным в его сознающем бытии; путем трудов мы ищем также единения с Божественным в его сознающем бытии, не статично, но динамично через сознательное единение с божественной Волей; но любовью мы ищем единения с ним во всем восторге его бытия. По этой причине путь любви, каким бы узким он ни казался в некоторых его первых движениях, в конце становится всеобъемлющим более настоятельно, чем

любое другое побуждение Йоги. Путь знания легко склоняется к безличностному и абсолютному, он может очень скоро замкнуться в своем кругу. Правда, ему нет в этом нужды, поскольку сознающее бытие Всевышнего всеобще и индивидуально так же, как трансцендентно и абсолютно, здесь тоже может быть и должна была бы быть тенденция к интегральному осознанию единения, и мы можем достигнуть в этом пути духовного единства с Богом в человеке и с Богом во вселенной не менее полно, чем любого трансцендентного единения. Но все же это не столь обязательно. Ибо мы можем сослаться на то, что есть более высокое и более низкое знание, более высокое и более низкое самоосознание, и раз здесь вершина знания должна преследоваться за счет исключения массы знания, то путь исключения предпочтительнее интегрального пути. Или мы можем обнаружить теорию иллюзии, чтобы подтвердить наше отвержение всех связей с нашими собратьями и с космическим действием. Путь трудов ведет нас к Трансцендентному, чья сила бытия проявляет себя, как воля в мире, единая в нас и во всех, посредством отождествления с которой мы приходим, будучи вынужденными состоянием этой тождественности, в союз с ним, как с одним я во всем, и как со всеобщим я и Господом в космосе. И это, может казаться, налагает определенную исчерпываемость на наше осознание единения. Но все же это тоже не столь обязательно. Ибо этот мотив также может склоняться к полной бесперсональности и, даже если он ведет к непрерывному участию в деятельности всеобщего Божества, может быть всецело обособленным и пассивным в его принципе. Только когда вступает восхищение, побуждение к интегральному единению становится совершенно повелительным.

Этот восторг, который так всецело повелителен, есть восторг в Божественном ради него самого и ни для чего другого, ни по какой другой причине или в связи с чем-либо вне его самого. Он не ищет Бога ради чего-то, что тот может дать нам, или из-за любого особого качества в нем, но просто и чисто потому, что Бог есть само наше я, и всё наше бытие, и наше всё. Восхищение обнимает восторг Трансцендентного не ради превосходения, но потому, что оно трансцендентно; восторг всеобщего — не ради всеобщности, но потому, что оно всеобще; восторг индивидуального — не ради индивидуального удовлетворения, но потому что оно индивидуально. Он выходит за все разделения и видимости и не делает вычислений большего или меньшего в его бытии, но обнимает его, где бы он ни находился и потому везде, обнимает его полностью в кажущемся малым, как и в кажущемся большим, в видимом ограничении, как и в обнаружении беспредельного; восхищение имеет интуицию и переживание его единства и полноты везде. Добиваться его ради одного его абсолютного бытия действительно означает метить в наш собственный индивидуальный выигрыш, выигрыш абсолютного мира. Владеть им абсолютно есть действительно необходимая цель его восторга в его бытии, но это приходит, когда мы владеем им полностью и полностью принадлежим ему, и мы не имеем нужды быть ограниченными никаким особенным статусом или условием. Искать его в неких небесах блаженства означает искать его не ради него самого, но ради блаженства небес; когда мы обладаем всем подлинным восторгом его бытия, тогда небеса находятся внутри нас самих, и где бы ни был он, и где бы мы ни пребывали, там мы и владеем радостью его царства. Таким же образом, искать его только в нас самих и для нас самих означает ограничить и себя самих, и нашу радость в нем. Интегральный восторг охватывает его не только внутри нашего собственного индивидуального бытия, но равно во всех людях и во всех существах. И потому в Нем мы — одно со всеми, восторг ищет Его не только для нас самих, но ради всех наших братьев. Совершенный и полный восторг во Всевышнем, совершенный потому, что он чистый и самосуществующий, полный потому, что всеохватывающий, так же как всепоглощающий, — таково значение пути Бхакти для искателя интегральной Йоги.

Когда однажды этот восторг пробуждается в нас, тогда все другие пути Йоги обращаются,

обычно, к его закону и находят в нем их собственное богатейшее значение. Эта целостная преданность нашего существа Богу не отворачивается от знания; Бхакта этого пути — это любящий Бога, который также есть и знающий Бога, поскольку посредством знания его бытия приходит полный восторг его бытия; но именно в восторге знание выполняет себя, знание трансцендентного в восторге Трансцендента, знание всеобщего в восторге всеобщего Божества, знание индивидуального проявления в восторге Бога в индивидуальном, знание безличностного в чистом восторге его нелицетворенного бытия, знание олицетворенного в полном восторге его личности, знание его качеств и их игры в восторге проявления, знание бескачественности в восторге его не имеющего окраски существования и не-проявления.

Таким же образом этот любящий Бога будет божественным работником, не ради работ или ради удовольствия самолюбования собой в действии, но потому, что этим способом Бог выражает силу своего бытия, а в его силах и их знаках мы находим его, потому что божественная Воля в трудах есть изливание Божества в восторге его мощи, божественного Бытия в восторге божественной Силы. Он будет чувствовать совершенную радость в трудах и действиях Возлюбленного, поскольку в них тоже он находит Возлюбленного; он будет сам делать все труды потому, что через эти труды Владыка его бытия также выражает свою божественную радость в нем; когда он работает, он чувствует, что он выражает в действии и силе свое единение с тем, кого он любит и кому поклоняется; он чувствует экстаз воли, которой он повинуетя и с которой вся сила его существа блаженно отождествлена. Таким же образом этот любящий Бога будет добиваться совершенства, поскольку совершенство есть природа Божественного, и чем более он вырастает в совершенство, тем более он чувствует Возлюбленного, проявленного в его естестве. Или он будет просто расти в совершенстве подобно распускающемуся цветку, поскольку Божественное и радость Божественного пребывает в нем, и по мере того как в любящем Бога расцветает эта радость, его душа, ум и жизнь тоже естественно вырастают в их божество. Вместе с тем, поскольку он чувствует Божественное во всем, совершенное внутри любой ограниченной видимости, он не будет печалиться из-за своего несовершенства.

Так же и поиски Всевышнего в жизни и встреча с ним во всех действиях его бытия и всеобщего бытия не ускользнут из сферы его поклонения. Вся Природа и вся жизнь будут для него сразу и обнаружением, и прекрасным местом свидания. Интеллектуальная, эстетическая и динамическая деятельность, наука, философия и жизнь, мысль, искусство и действие будут приобретать для него и большее божественное одобрение и большее значение. Он будет обращаться к ним из-за своего ясного видения Всевышнего в них и из-за восторга Всевышнего в них. Он не будет в самом деле привязан к их видимости, ибо привязанность есть препятствие Ананде; но потому, что он владеет этой чистой преисполненной мощи и совершенной Анандой, которая существует во всем, но не зависит ни от чего, он находит в них пути, действия и знаки, становление и символы Возлюбленного, он получает от них восторг, которого обычный ум, который занимается ими ради них самих, не может добиться или даже мечтать о нем. Все это, и ещё большее, становится частью интегрального пути и его завершением.

Главная сила Восторга есть любовь, и особая форма, которую принимает радость любви есть это видение красоты. Возлюбивший Бога возлюбил все и обнимает Всеблаженного и Всепрекрасного. Когда всеобщая любовь захватила его сердце, это уже есть решительный знак, что Божественный завладел им; и когда он имеет видение Всепрекрасного везде и может чувствовать всегда блаженство его объятий, это решительный знак, что он завладел Божественным. Союз есть завершение любви, но именно это обоюдное владение дает ему сразу высшую точку и наибольший охват его напряженности. Таково основание единства в экстазе.

ПУТЬ преданности в интегральной синтетической Йоге будет принимать форму поисков Божественного посредством любви и восторга, и радостного завладения им на всех путях его бытия. Этот путь найдет свое завершение в полном единении любви и совершенном наслаждении всеми способами душевной близости с Богом. Он может начаться от знания или от трудов, но затем обратит знание в радость лучезарного соединения с бытием Возлюбленного, и обратит труды в радость активного союза нашего бытия с волей и силой бытия Возлюбленного. Или он может начать прямо с любви и восторга, и затем примет оба эти подхода в себя и будет развивать их как часть полной радости единства.

Начало сердечного притяжения к Божественному может быть безличностным, прикосновением безличностной радости в чем-то всеобщем или трансцендентном, что обнаружило себя прямо или косвенно нашему эмоциональному или нашему эстетическому существу, или нашей способности к духовному блаженству. То, что мы таким образом осознаем, есть Брахман Ананды, блаженное существование. Есть обожание безличностного Восторга и Красоты, чистого и бесконечного совершенства, которому мы не можем дать ни имени, ни формы, раскрывшееся тяготение души к некоему идеальному и бесконечному Присутствию, Силе, существованию в мире или вне его, которое каким-то способом становится психологически или духовно ощутимым для нас, и затем более и более близким и реальным. Это — зов, прикосновение блаженного существования над нами. Затем, иметь всегда радость и близость этого присутствия, знать, что это такое, так чтобы удовлетворить интеллект и интуитивный ум его постоянной реальностью, привести наше пассивное и, насколько мы сможем справиться, наше активное, наше внутреннее бессмертное и даже наше внешнее смертное существо, в совершенную гармонию с этим, вращать в настоятельную потребность нашего жития. И открыть самих себя к этому — вот то, что мы ощущаем единственным настоящим счастьем, жить в этом, для этого единственного реального совершенства.

Трансцендентное Блаженство, невообразимое и невыразимое умом и речью, есть природа Несказанного. Оно содержится постоянно и скрыто во всей вселенной и во всем во вселенной. Его присутствие описывают как тайный эфир блаженства бытия, о котором Писание говорит, что если бы его не было, ничто не могло бы ни мгновения ни дышать, ни жить. И это духовное блаженство присутствует также здесь в наших сердцах. Оно спрятано там от сетей поверхностного ума, который улавливает Блаженство только в слабых и недостаточных переводах его в различные умственные, виталические и физические формы радости существования. Но если ум однажды станет достаточно тонким и чистым в своих восприятиях, не будет ограничен грубой природой наших внешних откликов на существование, мы можем воспринять отражение этого блаженства, которое будет окрашено, возможно, полностью или преобладающе, тем, что является сильнейшим в нашей природе. Оно может представить себя, во-первых, как жажда некой всеобщей Красоты, которую мы чувствуем в Природе, в человеке и во всем, что вокруг нас; или мы можем иметь интуитивное ощущение некой трансцендентной красоты, от которой вся видимая здесь красота есть только символ. Так это может прийти к тем, в ком эстетическое существо развито и настойчиво, и в ком преобладают инстинкты, которые, когда они находят форму выражения, создают поэта и артиста. Или это может быть чувство божественного духа любви или, еще, преисполненное заботы и сострадания бесконечное Присутствие во вселенной или за её пределами и вне её, которое отвечает нам, когда мы обращаем потребность нашего духа к этому. Так оно может вначале показать себя, когда

эмоциональное существо сильно развито. Оно может подойти близко к нам в других путях, но всегда как Сила или Присутствие восторга, Красоты, любви или мира, касающихся ума, но находящихся вне тех форм, которые все эти проявления обычно принимают в уме.

Ибо вся радость, красота, любовь, мир, восторг — это изливания из Брахмана Ананды — весь восторг духа, интеллекта, воображения, эстетического чувства, этического устремления и удовлетворения, действия, жизни, тела. И на всех путях нашего бытия Всевышний может касаться нас и использовать эти пути, чтобы пробудить и освободить дух. Но чтобы достичь Брахмана Ананды в нем самом умственное восприятие его должно быть утончено, одухотворенно, универсализировано, разгружено ото всего, что запутано и ограничено. Ибо мы подтягиваемся совсем близко или входим в него именно посредством пробужденного духовного чувства трансцендентного и вселенского Восторга, который существует внутри, и все же превышает и вне противоположностей мира, и с которым мы можем объединиться через растущий вселенский, духовный или трансцендентный экстаз.

Обычно, ум удовлетворен отражением этой Бесконечности, осознаваемой или ощущаемой внутри и вне нас, как переживание, которое, как бы часто ни происходило, все же остается исключительным. Когда оно приходит, то кажется само собой таким убедительным, чудесным, а наш обычный ум и активная жизнь, которую мы должны вести, такими несовместимыми с этим, что можно подумать, что чрезмерно ожидать еще чего-то большего. Но сам дух Йоги в том, чтобы делать исключительное нормальным, обращать то, что над нами и больше нашего среднего самоощущения, в наше постоянное сознание. Поэтому нам не следует колебаться неуклонно открывать самих себя любому переживанию Бесконечности, какое у нас бывает, его чистоте и интенсивности, делать её предметом нашей постоянной мысли и созерцания, до тех пор пока она не станет дающей начало силой, что действует в нас, Божеством, которое мы обожаем и охватываем, пока все наше существо не приведено в созвучие с нею, и она не сделалась самим я нашего бытия.

Наше переживание этого должно быть очищено от любой умственной примеси, иначе оно уходит, и мы не можем удержать его. И часть этого очищения в том, что переживание должно перестать зависеть от всякой умственной причины или возбужденного состояния ума; оно должно стать своей собственной причиной и самосуществующим источником всякого другого восторга, который будет существовать только посредством этого, и не должно быть связанным ни с каким космическим или другим образом или символом, через который мы сначала соприкоснулись с ним. Наше переживание этого должно постоянно усиливаться и делаться более сосредоточенным; иначе мы будем только отражать его в зеркале несовершенного ума и не достигнем той точки подъема и преображения, через которую нас уносит за пределы ума в невыразимое блаженство. Став предметом нашей постоянной мысли и созерцания, он обратит все, что есть, в самого себя, и обнаружит себя как всеобщего Брахмана Ананды, и сделает все существование своим изливанием. Если переживание сопровождается воодушевлением всех наших внутренних и внешних действий, оно становится радостью Всевышнего, изливающего себя через нас в свете, в любви и силе на жизнь и на все, что живет. Найденная обожанием и любовью души. Бесконечность открывается как Божество, мы видим в ней лицо Бога и узнаем блаженство от нашего Возлюбленного. Обращая все наше существо к нему, мы вырастаем в счастливое совершенство его подобия, человеческое изображение божественной природы. И когда он во всех случаях делается самим я нас самих, наше существо завершено, и мы становимся воссозданной полнотой.

Брахман всегда обнаруживает себя для нас тремя способами: внутри нас самих, выше нашего уровня, вокруг нас во вселенной. Внутри нас есть два центра Пуруши, внутренней души, через которые он касается нас для нашего пробуждения. Есть Пуруша в лотосе сердца, который

открывает вверх все наши силы, и Пуруша в тысячелепестковом лотосе, откуда спускаются через мысль и волю, открывая в нас третий глаз, молнии видения и пламя божественной энергии. Блаженное существование может придти к нам через один из этих центров. Когда раскрывается лотос сердца, мы чувствуем божественную радость, любовь и мир, расцветающие в нас подобно цветку света, озаряющего все существо. Радость, любовь и мир могут затем объединиться с их тайным источником, Всевышним в нашем сердце, и поклоняться ему, как в храме; они могут струиться вверх, чтобы завладеть мыслью и волей, и взмыть вверх к Трансцендентному; они вливаются потоком в мысль, чувство и действие, направляясь ко всему, что есть вокруг нас. Но пока наше нормальное существо представляет какое-либо препятствие или не целиком превратилось в ответ этому божественному влиянию или в инструмент этого божественного владения, переживание будет перемежающимся, и мы можем постоянно падать назад в наше старое смертное сердце; но благодаря повторению, abhyasa, или благодаря силе нашего желания и обожания Всевышнего, оно будет, постепенно возрастая, воссоздаваться до тех пор, пока это сверхнормальное переживание не станет нашим нормальным сознанием.

Когда другой верхний лотос открывается, весь ум наполняется божественным светом, радостью и силой, за которыми пребывает на своем троне Божественное, Господь нашего существа, с нашей душой, находящейся рядом с ним, или вовлеченной внутрь в его лучи; вся мысль и воля становятся тогда сиянием света, силой и экстазом; в общении с Трансцендентным свет, сила и экстаз могут литься вниз к нашим смертным членам и течь через них наружу в мир. В этом рассвете также есть, как знали ведические мистики, своя смена дня и ночи, наше выпадение из света, но по мере того, как в нас растет сила удерживать это новое существование, мы становимся способны долго смотреть на солнце, от которого это излучение исходит, и в нашем внутреннем существе мы можем слиться с ним. Иногда скорость этого изменения зависит от силы нашего стремления ко Всевышнему, таким образом обнаруженному, и от напряженности силы наших поисков, но в других случаях это происходит скорее посредством пассивной самоотдачи ритмам его всеведущей работы, которая действует всегда своим собственным, сначала непостижимым методом. Но эта последняя становится основой, когда наша любовь и доверие полны, и все наше существо лежит в объятиях Силы, которая есть совершенная любовь и мудрость.

Божественное обнаруживает себя в мире вокруг нас, когда мы взираем на него с духовным желанием восторга, ищущего его во всем. Часто бывает внезапное открытие, посредством которого пелена форм сама обращается в откровение. Всеобщее духовное Присутствие, всеобщий мир, всеобщий безграничный Восторг проявился, постоянный, охватывающий и пронизывающий всё. Это Присутствие через нашу любовь этого, наше восхищение этим, через нашу постоянную мысль об этом возвращается и овладевает нами; оно становится тем, что мы видим, а всё остальное является только его обиталищем, формой и символом. Даже всё наиболее внешнее, тело, форма, звук, что бы ни схватывало наше чувство, воспринимаются как это Присутствие; они прекращают быть физическими и изменены в субстанцию духа. Эта трансформация означает преобразование нашего собственного внутреннего сознания; мы захвачены окружающим Присутствием в него самого, и мы становимся частью него. Наш собственный ум, жизнь, тело делаются для нас только его обиталищем и храмом, формой его работы и инструментом его самовыражения. Все есть только душа и тело этого восторга.

Таково Божественное, видимое вокруг нас на нашем собственном физическом уровне. Но оно может обнаружить себя и выше него. Мы видим или чувствуем его, как высоко поднятое Присутствие, великую бесконечность Ананды над нами, — или в ней нашего Отца на небесах, — и не чувствуем или не видим его в нас самих и вокруг нас. Пока мы храним это видение, смертное в нас подавлено этим Бессмертием; оно чувствует свет, силу и радость и

отвечает этому согласно своей способности; или оно чувствует ниспускание духа, и оно тогда на время трансформировано или, иначе, поднято в некий блеск отражения света и силы; оно становится сосудом Ананды. Но в другое время тело впадает в старое смертное состояние и существует или работает тупо и незначительно в толпе своих земных привычек. Полное искупление приходит с помощью ниспускания божественной Силы в человеческий ум и тело и переформирования их внутренней жизни в божественный образ, — что Ведические провидцы называли рождением Сына посредством принесения жертвы. Фактически именно постоянным принесением жертвы или предложением [жертвы], приношением обожания и стремления, трудов, мыслей и знания, вздымающегося пламени направленной к Богу воли мы перестраиваем себя в бытие этого Бесконечного.

Когда мы крепко завладеваем этим сознанием Брахмана Ананды во всех трех проявлениях, над, внутри, вокруг, мы приобретаем полное его единство и обнимаем все существования в его восторге, мире, радости и любви; затем все миры становятся самим телом этого Я. Но у нас нет богатейшего знания этой Ананды, если мы чувствуем только безличностное присутствие, огромность или постоянство, если наше обожание не было достаточно близко, чтобы этому Бытию обнаружить нам из своей широко простирающейся радости лицо и тело, заставить нас почувствовать руки Друга и Возлюбленного. Его безличность есть преисполненная блаженства огромность Брахмана, но оттуда может исходить на нас сладость и душевное руководство божественной Личности. Ибо Ананда есть Присутствие Я и Хозяина нашего существа, и истечение из этого потока может быть чистой радостью его Лилы.

ОБОЖАНИЕ безличностного Всевышнего не было бы точно Йогой преданности согласно общепринятой интерпретации; ибо в общепринятых формах Йоги предполагается, что только Безличностного можно искать и добиваться для завершённого единения, в котором Бог и наша собственная личность исчезают, и некому обожать и нет обожаемого; остается только восторг переживания единства и бесконечности. Но, по правде, чудеса духовного сознания не подчинены такой жесткой логике. Во-первых, когда нам случается почувствовать присутствие бесконечного так, как будто оно прикасается к конечной личности в нас, наша личность может прекрасно ответить прикосновению и призывать с обожанием. Во-вторых, мы можем рассматривать Бесконечное не столько как духовное состояние единства и блаженства, или только как его форму и промежуточную ступень бытия, но скорее как явление невыразимого Божества нашему сознанию, и затем любовь и обожание также находят свое место. И даже когда наша личность, кажется, исчезает в единении с этим, оно все же может быть, и реально есть, индивидуальное божественное, растворяющееся во всеобщем или верховном посредством союза, в котором любовь, любящий и любимое забыты в сплавленном переживании экстаза, но все же находятся там, скрытые в единстве и подсознательно продолжающие существовать в нем. Всё объединение я посредством любви неизбежно должно быть этого свойства. Мы можем даже сказать, в известном смысле, что Бесконечное должно иметь эту радость объединения, как последнее завершение всех различных переживаний духовных отношений между индивидуальной душой и Богом, радость от того, что Единый становится многим во вселенной.

Все же, более разнообразные и наиболее интимные переживания божественной любви не могут придти в преследовании одного безличностного Бесконечного; для этого Божество, которое мы обожаем, должно стать для нас близким и олицетворенным. Для Безличностного возможно обнаружить внутри себя все богатство личности, когда мы добираемся до его сердца, и тот, кто старался войти или обнять только одно бесконечное Присутствие, может обнаружить в этом такое, о чем он и не мечтал; бытие Божественного имеет для нас сюрпризы, которые смешивают все идеи ограниченного интеллекта. Но обычно путь преданности приступает с другого конца; он начинается с обожания, он поднимается и расширяется к своему исходу обожанием божественной Личности. Бог есть Существо, а не абстрактное существование или состояние чистой вневременной бесконечности; первоначальное и всеобщее существование есть Он, но это существование неотделимо от сознания и блаженства бытия, и существование, осознающее свое собственное бытие и свое собственное блаженство и есть то, что мы прекрасно можем назвать божественной бесконечной Личностью, — Пурушей. Кроме того, все сознание включает в себе силу, Шакти; где есть бесконечное сознание бытия, там есть безграничная сила бытия, и этой силой все существует во вселенной. Все существа существуют этим Бытием; все твари являются лицами Бога; всякая мысль, действие, чувство и любовь происходит из него и возвращается в него, все их результаты имеют в нем свой источник, поддержку и тайную цель. Именно на это Божество, на это Существо Бхакти интегральной Йоги будет излито и к нему поднято. Трансцендентное, оно будет искать его в экстазе абсолютного единения; всеобщее, оно будет искать его в бесконечном качестве, в каждом аспекте и во всех существах со всеобщим восторгом и любовью; индивидуальное, оно войдет во все человеческие отношения с ним, которые любовь создает между одной личностью и другой личностью.

Может оказаться невозможным завладеть с самого начала всей завершённой полнотой того, что ищет сердце; фактически, это возможно только, если рассудок, темперамент,

эмоциональный ум уже широко и утонченно развиты общим направлением нашей предыдущей жизни. Это то, к чему опыт обычной жизни должен вести через расширяющуюся культуру интеллекта, эстетического и эмоционального ума, а также нашей воли и активного переживания. Это расширяет и очищает обычное существо так, что оно может легко открыться ко всей правде Того, который подготавливал его быть храмом для своего самопроявления. Обычно, человек ограничен во всех частях своего существа, и он может сначала понять из божественной правды только то, что имеет какое-то значительное соответствие его собственной природе, его прошлому развитию и общению. Следовательно, Бог встречает нас сначала в различных ограниченных утверждениях его божественных качеств и природы; он представляет себя искателю, как абсолютом тех явлений, которые человек может понять и которым его воля и сердце могут ответить; он раскрывает некое имя и аспект своей Божественности. Это то, что называется в Йоге *ista-devata*, имя и форма, избранные нашей природой для поклонения. Для того, чтобы человеческое существо могло воспринять это Божество каждой своей частью, его представляют с формой, которая отвечает его аспектам и качествам, и которая становится живым телом Бога для поклонения. Таковы те формы Вишну, Шивы, Кришны, Кали, Дурги, Христа, Будды, которыми ум человека пользуется для обожания. Даже монотеист, который поклоняется не имеющему формы Божеству, все же дает ему некоторый вид качества, некоторую умственную форму или форму Природы, через которые он рассматривает его и приближается к нему. Но способность видеть живую форму, умственное тело Всевышнего как таковое, придает приближению большую близость и сладость.

Путь интегральной Бхакти-Йоги будет должен сделать всеобъемлющим и универсальным это понимание Божества, внутренне олицетворить его через многочисленные и всеохватывающие отношения, сделать его постоянно присутствующим для всего нашего существа, отдать и посвятить все существо Ему, полностью предаться в его руки так, чтобы он непременно пребывал близко к нам и в нас, и мы с ним и в нем. *Maṇana* и *darsana*, постоянное думание о нем во всем и видение его всегда и везде существенны для этого пути преданности. Когда мы смотрим на вещи физической Природы, в них мы должны видеть божественный предмет нашей любви; когда мы смотрим на людей и существа, мы должны видеть его в них, и в наших отношениях с ними видеть, что мы входим в отношения с его формами; когда, прорываясь за ограничения материального мира, мы познаем или вступаем в отношения с существами иных планов, все та же самая мысль, то же видение должны быть несомненны для наших умов. Обычная привычка наших умов, которые открыты только к материальным и видимым формам, обычное искаженное отношение и непризнание тайного Божества внутри должны уступить место постоянной привычке всеобнимающей любви и восторга к этому более глубокому и широкому охвату и этому возвышенному отношению. Во всех божествах мы должны видеть этого одного Бога, кого мы почитаем нашим сердцем и всем нашим существом; они представляют собой формы его божественности. Так расширяя наши духовные объятия, мы достигаем точки, в которой все есть он, и восторг этого сознания становится для нас нашим обычным непрерываемым способом видеть мир. Это приносит нам внешнюю или объективную универсальность нашего единения с ним.

Внутренне, образ Возлюбленного должен стать видимым для нашего внутреннего зрения, пребывающим в нас, как в своем дворце, наполняющим наши сердца сладостью своего присутствия, направляющим с вершины нашего существа все действия нашего ума и жизни как друг, руководитель и возлюбленный, сверху объединяющий нас с самим собой во вселенной. Постоянное внутреннее общение — это радость, которая должна стать близкой, неизменной и неисчерпаемой. Это общение не должно быть ограничено всё другое исключаящей близостью и обожанием, в котором мы совсем уходим в самих себя прочь от наших обычных занятий, его не

следует искать, отложив в сторону нашу человеческую деятельность. Все наши мысли, побуждения, чувства, действия следует отсылать к нему для его одобрения или отвержения, или, если мы все еще не можем достигнуть этой точки, они должны быть предложены ему в жертвоприношении нашего стремления, так чтобы он мог более и более спускаться в нас и присутствовать в них всех и наполнить их собой со всей его волей и силой, его светом и знанием, его любовью и восхищением. В конце все наши мысли, чувства, побуждения, действия начнут исходить от него и изменяться в некоторый божественный зародыш и форму самих себя; во всей нашей внутренней жизни мы будем иметь выраженное сознание нас самих как части его бытия, после того как между существованием Всевышнего, кого мы обожаем, и нашими собственными жизнями не остается более никакого разделения. Также и ко всему происходящему мы должны подходить с видением того, что в этом мы имеем дело с божественным Возлюбленным и получать от всего происходящего такое удовольствие, что даже горе, страдание и физическая боль становятся его дарами и обращаются в восхищение и, в конце концов, исчезают в восторге, убитые чувством божественного соприкосновения, потому что касание его рук есть алхимия чудотворного преобразования. Некоторые отвергают жизнь, потому что она заражена горем и болью, но для возлюбившего Бога горе и боль становятся средствами встречи с ним, следами его давления и, в конце концов, прекращаются, как только наше единение с его природой становится слишком полным, чтобы подобные маски вселенского восторга вообще могли скрывать его. Они изменяются в Ананду.

Все отношения, посредством которых это единение происходит, становятся на этом пути крайне и блаженно личными. То, которое в конце вмещает, принимает или объединяет их всех, это отношение влюбленных, потому что оно самое пылкое, самое блаженное из всех, и оно увлекает вверх в свои высоты все остальные и все же превышает их. Он — учитель и советчик, и ведет нас к знанию; в каждом шаге развивающегося внутреннего света и видения мы чувствуем его прикосновение, как прикосновение художника, формирующего глину нашего ума, его голос, указывающий правду и ее слово, мысль, которую он дает нам, чему мы отвечаем, сверкание копий его света, которые ударяют в темноту нашего неведения. Особенно, соразмерно тому, как неполный свет ума преобразуется в огни Гносиса, в какой бы слабой или сильной степени это ни происходило, мы чувствуем это, как преобразование нашего ума в его, и более и более он становится мыслителем и наблюдателем в нас. Мы прекращаем думать и видеть для себя, но думаем только то, что он желает думать для нас, и видим только то, что он видит для нас. И затем учитель превращается в возлюбленного; он возлагает руки на все наше умственное существо, чтобы принять и владеть, наслаждаться и пользоваться им.

Он — Властелин, но в этом пути приближения вся отдаленность и разделение, весь благоговейный страх, боязнь и просто покорность исчезают, потому что мы становимся слишком близки и соединены с ним, чтобы такое продолжалось, и это именно возлюбленный нашего существа принимает его, заполняет, использует и делает с ним все, что он пожелает. Послушание есть знак служения, но это низшая стадия этого отношения, *ḍ'sya*. После мы не повинемся, но движемся в его воле так, как струна отвечает пальцам музыканта. Быть инструментом — вот более высокая стадия самоотдачи и подчинения. Но это живой и любящий инструмент, и эта стадия завершается тем, что вся природа нашего существа становится преданной рабой Бога, ликующей в его обладании и в своем собственном преисполненном блаженства подчинении божественной власти и господству. Со страстным восторгом, без вопрошаний она делает все, что он повелевает сделать, и выносит все, что он желал бы нам перенести, поскольку это ноша возлюбленного существа.

Он — друг, советчик, помощник в затруднениях и страданиях, защитник от врагов, герой, который выигрывает наши битвы за нас, или под чьим щитом мы сражаемся, возникший, кормчий

наших путей. И здесь мы приходим сразу к более тесной близости; он — товарищ и вечный партнер в играх жизни. Но все же здесь есть пока определенное разделение, хотя и приятное, и дружба очень сильно ограничена видимостью благодеяния. Возлюбленный может оскорбиться, покинуть нас, быть разгневанным на нас, по видимости изменить, все же наша любовь терпит это и даже растет в этих сопротивлениях; они усиливают радость воссоединения и радость завладения; во всем этом возлюбленный остается другом, и все, что он делает, как мы в конце обнаруживаем, было сделано любящим нас и помощником нашего существа для совершенства нашей души, так же как и для его радости в нас. Эти противоположности ведут к ещё большей близости. Он также — отец и мать нашего существа, его источник и защитник, его нежно любящий хранитель и терпеливый исполнитель наших просьб. Он — желанное дитя, кого мы халим и лелеем. Все это возлюбленный принимает, его любовь в ее близости и единстве хранит в себе отцовскую и материнскую заботу и отдает себя нашим требованиям к ней. Все объединено в этом глубочайшем многостороннем отношении.

Даже в начале возможно иметь эти теснейшие отношения влюбленных, но они не будут такими исключительными все другие в интегральной Йоге, как в определенных чисто экстатических путях Бхакти. Они от начала примут в себя какие-то оттенки других отношений, поскольку Садхака интегральной Йоги следует также знанию и трудам и имеет потребность в Боге как в учителе, друге и господине. Возрастание любви Бога должно нести с собой расширение в нем знания Бога и знания божественной Воли в его натуре и жизни. Божественный Возлюбленный обнаруживает себя, он вступает во владение жизнью. Но все же сущностным отношением будет отношение любви, от которого все проистекает, любви страстной, полной, ищущей сотни способов осуществления, каждого средства взаимного обладания, миллиона граней радости единения. Все разделения ума, все его барьеры и все "не может быть", все холодные анализы рассудка осмеяны этой любовью, или ими пользуются только как пробами, сферами действия и вхождения в единение. Любовь приходит к нам многими путями; она может придти как пробуждение к красоте Возлюбленного при виде идеального лица и образа его, через его тайные намеки нам о себе, спрятанном тысячью вещественных масок в мире, придти к медлительной или стремительной потребности сердца, в смутной жажде души, в ощущение кого-то около нас, кто манит или подталкивает нас с любовью, или в предчувствии кого-то блаженного и прекрасного, кого мы должны обнаружить.

Мы можем искать его страстно и гнаться за невидимым возлюбленным, но также возлюбленный, о ком мы еще не думаем, может преследовать нас, может снизойти на нас в гуще мира и поймать нас для самого себя, хотим ли мы этого сначала или нет. Даже он может придти к нам впервые как враг, с яростью, и наши самые начальные отношения с ним могут быть отношениями битвы и борьбы. Когда первым отношением является любовь и влечение, отношения между Богом и душой могут все же долго пестрить непониманием и обидой, ревностью и гневом, спорами и ссорами любви, надеждой и отчаянием, болью от отсутствия и разделения. Мы бросаем на него все страсти сердца, пока они очистятся в один экстаз блаженства и единения. Но это звучит слишком монотонно, не возможно для языка человеческой речи выразить все совершенное единение и все вечное разнообразие Ананды божественной любви. И наши высшие, и наши низшие члены затоплены этим, ум и жизнь не менее, чем душа; даже физическое тело принимает свою долю радости, чувствует прикосновение, наполнено во всех своих органах, венах, нервах потоком вина экстаза, *amṛta*. Любовь и Ананда есть последнее слово бытия, секрет секретов, тайна из тайн.

Таким образом универсализированный, персонифицированный, поднятый до его наибольшего напряжения, всем завладевающий, всё охватывающий, всё осуществляющий путь любви и восхищения даёт верховное освобождение. Его высочайший взлет достигает вершин

сверхкосмического единения. Но для любви полное единение есть *mukti*; освобождение не имеет для неё другого смысла; и она включает все виды Мукти вместе, не в конце, как некоторые желали бы, а просто следующими друг за другом и потому взаимно исключаящими. Мы имеем абсолютное единение божественного с человеческим духом, *saṁjya*; в этом обнаруживает себя суть всего, которая зависит здесь от различий, — но здесь различие есть только форма единства, — Ананда близости, соприкосновения и взаимного присутствия, *saṁīya*, *saṁkya*, Ананда взаимного отражения, то, что мы называем сходством, *sadr sya*, и другие чудесные вещи тоже, для которых язык не имеет ещё наименования. Нет ничего, что было бы недоступно или вне пределов досягаемости для возлюбившего Бога, или в чем ему было бы отказано; ибо он — избранник божественного Любовника, и [сам представляет собой] я Возлюбленного.

Часть четвертая
ЙОГА САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ПРИНЦИП Йоги — обращение одной или всех сил нашего человеческого существования в средство достижения божественного Бытия. В обычной Йоге одна главная сила существа или одна группа его сил становится способом, средством продвижения, путем. В синтезированной Йоге все силы будут объединены и включены в инструментарий трансмутации.

В Хатха-Йоге инструментом является тело и жизнь. Все силы тела успокаиваются, собираются, очищаются, усиливаются, концентрируются до крайних пределов или сверх всех пределов посредством Асаны и других физических процессов; сила жизни также соответственно очищается, усиливается, концентрируется Асаной и Пранаямой. Это сосредоточение сил затем направляется в тот физический центр, в котором божественное сознание скрыто расположено в человеческом теле. Сила Жизни, сила Природы, которая, свернувшись, спала со всеми своими тайными способностями в нижнем нервном центре земного существа — ибо лишь столько ее просачивается в бодрствующее действие наших обычных активных операций, сколько достаточно для ограниченного применения в человеческой жизни — пробужденная поднимается от центра к центру и пробуждает в своем восхождении и прохождении силы каждого последующего узла нашего существа, нервную жизнь, сердце эмоций и обычную ментальность, речь, зрение, волю, более высокое знание, пока, пройдя через мозг и над мозгом, она не встретится и не объединится с божественным сознанием.

В Раджа-Йоге в качестве инструмента выбирается ум. Сначала нашу обычную ментальность дисциплинируют, очищают и направляют к божественному Бытию, затем путем совместного процесса Асаны и Пранаямы физическую силу нашего существа успокаивают и сосредотачивают, жизненную силу высвобождают в состояние ритмического движения, способного к прекращению, и концентрируют в высшую силу направленного вверх действия, ум, поддержанный и усиленный этим великим действием и сосредоточенностью тела и жизни, на которых он покоится, сам очищается ото всех своих беспокойств и эмоций, своих привычных мыслительных волн, освобождается от отвлечения внимания и рассеянности, одаряется высшей силой сосредоточенности, весь собирается в транс поглощения. Два результата, один временный, другой вечный, приобретаются посредством этой дисциплины. Сила ума развивает в этом новом для себя сосредоточенном действии сверхнормальные способности знания, эффективную волю, глубокий свет восприятия, мощный свет излучения мыслей, что все вместе выходит за узкие рамки нашей обычной ментальности; она достигает Йогических или оккультных сил, которые были так плотно окутаны совершенно необязательной, но все же, пожалуй, благотворной тайной. Но единственный окончательный результат и единственное наиважнейшее достижение в том, что ум, успокоенный и погруженный в сосредоточенный транс, может потерять себя в божественном сознании, и душа будет освобождена для объединения с божественным Бытием.

Тройной путь берет в качестве инструментов три главные силы умственной жизни души человеческого существа. Знание выбирает рассудок и умственное видение и делает их, посредством очищения, сосредоточения и определенной дисциплины направленных к Богу поисков, своими средствами высочайшего познания и величайшего видения всего, знания Бога и видения Бога. Его цель — видеть, знать и быть Божественным. Путь Трудов, действие, выбирает своим инструментом волю исполнителя работ; оно делает жизнь жертвоприношением Божеству и путем очищения, сосредоточения и определенной дисциплины подчинения божественной Воле — средством контакта и возрастающего единства души человека с божественным

Владыкой вселенной. Преданность выбирает эмоциональные и эстетические силы души, и, обращая их все к Богу в совершенной чистоте, интенсивности, безграничной страсти поиска, делает их средством обладания Божеством в одном или многих отношениях единства с Божественным Бытием. Каждое нацелено своим собственным путем к союзу или единению человеческой души с верховным Духом.

Каждый Йогический путь в своем процессе имеет характер инструментов, им используемых; так Хатхайогический процесс — психофизический, Раджайогический — ментальный и психический, путь знания — духовный и познавательный, путь преданности — духовный, эмоциональный и эстетический, путь трудов — духовный и динамический по действию. Каждая руководствуется на своем пути своей собственной характерной силой. Но всякая сила в конечном счете одна, всякая сила реально является силой души. В обычном процессе жизни, тела и ума эта истина совершенно затемнена рассеянным, разделённым и распределённым действием Природы, которое представляет собой нормальное условие всего нашего функционирования, хотя даже в нем она в конце концов становится очевидной; ибо всякая материальная энергия содержит в себе скрытую виталическую, ментальную, психическую, духовную энергию и в конце она должна высвободить эти формы единой Шакти, виталическая энергия скрыто содержит и высвобождает в действие все другие формы; ментальная энергия, поддерживая себя на основании жизни и тела, и их сил и функций, содержит неразвитую или только частично развитую психическую и духовную силу существа. Но когда путем Йоги любая из этих сил изъята из рассеянного и распределенного действия, поднята до своей высочайшей степени, сосредоточена, она становится проявленной силой души и обнаруживает неотъемлемое единство. Поэтому Хатхайогический процесс имеет также чисто психический и духовный результат, Раджайогический достигает психическими средствами духовного завершения. Тройной путь может выглядеть сразу и умственным, и духовным на своем пути поиска и в своих стремлениях, но он может сопровождаться и результатами, более характерными для других путей, которые предлагают себя в самопроизвольном непринужденном расцвете, и всё по той же причине, что духовная сила есть сила всего, и там, где она достигает своей высоты в одном направлении, ее другие возможности также начинают проявлять себя в уже имеющихся или начинающихся развивающихся способностях. Это единство сразу предполагает и подтверждает возможность синтезированной Йоги.

Тантрическая дисциплина по своей природе является синтезом, Она поняла огромную всеобъемлющую истину того, что есть два полюса бытия, чье сущностное единство составляет секрет существования, Брахман и Шакти, Дух и Природа, и что Природа есть сила Духа или, лучше сказать, есть дух, проявившийся в качестве силы. Поднять природу в человеке до проявления силы духа — это ее метод, и именно всю природу она подхватывает для духовного обращения. Тантрический метод включает в систему своего инструментария мощный Хатхайогический процесс, и особенно раскрытие нервных центров и прохождение через них разбуженной Шакти на ее пути к единению с Брахманом, в несколько меньшей степени Раджайогические очищение, медитацию и сосредоточение, рычаги силы воли, мотивирующую силу преданности, ключ знания. Но тантрическая дисциплина не ограничилась эффективным собиранием различных сил этих специфических Йог. В двух направлениях она расширяет посредством своего синтезированного построения область Йогического метода. Во-первых, она решительно накладывает руку на многие из главных источников человеческих свойств, желаний и действий, и она подчиняет их интенсивной дисциплине, в которой первой целью является господство души над всеми побуждениями, и их возвышение до божественного духовного уровня — финалом. Кроме того, она включает в свой объект Йоги не только освобождение [1](#), которое составляет единственную всеподчиняющую заботу специфических систем, но и космическое

наслаждение [2](#) силой Духа, которое другие системы могут случайно получить на своем пути, но частично, непреднамеренно, не делая этого своим мотивом или целью. Это более объемная и более значительная система.

В методе синтеза, которому мы следуем, применяется другой ключ к первопричине, что происходит из-за другого взгляда на возможности Йоги. Он начинается от метода Веданты и достигает цели Тантры. В тантрическом методе Шакти принимается за наиважнейшее средство и делается ключом для обретения духа; в нашем синтезе дух, душа, являясь наиважнейшим, становится секретом завладения Шакти. Тантрический метод начинается со дна и постепенно проходит лестницу восхождения к вершине; поэтому его основное ударение ставится на действие разбуженной Шакти в нервной системе тела и в его центрах; раскрытие шести лотосов есть раскрытие уровней силы Духа. Наш синтез принимает человека в значительно большей степени в качестве духа в уме, чем в качестве духа в теле, и допускает в человеке способность начать с этого уровня, чтобы одухотворить свое существо посредством силы души в уме, открывающей себя прямо к более высокой духовной силе и бытию, чтобы совершенствоваться посредством этой более высокой силы, таким образом обладаемой и вовлеченной в действие, целиком всю свою природу. По этой причине мы делаем основное ударение на использовании сил души в уме и на повороте тройственного ключа знания, трудов и любви в замке духа; можно обойтись и без Хатхайогических методов — хотя нет возражений относительно их частичного использования — Раджайогические войдут только как неформальный элемент. Достигнуть наикратчайшим путем наибольшего развития духовной силы и бытия, и обожествить посредством этого освобожденную природу во всей полноте человеческой жизни — такова вдохновляющая мотивировка нашего метода.

Имеется в виду, что первоосновой является самоотдача, передача своего человеческого бытия бытию, сознанию, силе, восторгу Божественного и единение или общение с Ним во всех точках встречи в душе человека, умственном существе, посредством чего Божественное само, прямо и без завесы, как хозяин и владелец инструмента, будет светом своего присутствия и руководства совершенствовать человеческое существо во всех силах Природы для божественной жизни. Здесь мы достигаем дальнейшего расширения целей Йоги. Общей изначальной целью всех систем Йоги является освобождение души человека от имеющихся в его нынешнем естестве неведения и ограниченности, раскрытие души в духовное бытие, ее единение с высочайшим я и Божественностью. Но обычно это делается не только первой, но полной и конечной целью: наслаждение духовным бытием имеет место в ней, но или в растворении человеческого и индивидуального в тишине подлинного самосуществования я или на более высоком уровне другого существования. Тантрическая система делает освобождение конечной, но не единственной целью; она завладевает на своем пути полным совершенством и наслаждением духовной силой, светом и радостью в человеческом существовании, и даже, кроме того, она получает проблеск высшего переживания, в котором освобождение, космическое действие и наслаждение объединяются в конечном преодолении всех противостояний и диссонансов. Это именно тот более широкий взгляд на наши духовные возможности, от которых мы начинаем, но мы добавляем к этому другое ударение, которое вносит большую значительность. Мы рассматриваем дух в человеке не как исключительно индивидуальное бытие, продвигающееся к трансцендентному единению с Божественным, но как всеобщее бытие, способное к единению с Божественным во всех душах и во всей Природе, и мы делаем из этого расширенного взгляда цельный практический вывод. Индивидуальное освобождение человеческой души и наслаждение единением с Божественным в духовном бытии, сознании и восторге должно всегда быть первой целью Йоги; ее свободное наслаждение космическим единением с Божественным становится второй целью; но вне этого появляется и третья цель, приведение в исполнение

самой сути божественного единения со всеми существами через сострадание к ним и участие в духовной цели Божественного в человечестве. Индивидуальная Йога тогда отвращается от своей отделенности и становится частью коллективной Йоги божественной Природы в человеческой расе. Освобожденное индивидуальное существование, объединенное с Божественным в я и в духе, становится в своем природном бытии самосовершенствующимся инструментом для совершенного расцвета Божественного в человечестве.

Этот расцвет имеет два условия: первым идет рост из отдельного человеческого эго в единение с духом, затем — завладение божественной природой в ее собственных формах, более высоких, чем низшие формы умственного существования, которые представляют собой искаженный перевод, а не подлинный текст подлинной рукописи божественной Природы в космическом индивидууме. Другими словами, совершенство должно быть нацелено на то, чтобы достичь до подъема умственного существа на уровень полной духовной и сверхразумной природы. Поэтому эта интегральная Йога знания, любви и трудов должна быть расширена в Йогу духовного и гностического самосовершенствования. Поскольку гностическое знание, воля и Ананда являются непосредственными инструментами духа и могут быть приобретены только путем вращивания в дух, в божественное бытие, этот рост должен быть первой целью нашей Йоги. Умственное существо должно расширить себя до единения с Божественным, прежде чем Божественное осуществит в душе индивидуума свой совершенный гностический расцвет. Вот почему тройной путь знания, трудов и любви становится основным вопросом всей Йоги, поскольку это прямое средство для души в уме возрасти до высочайшей интенсивности, в результате чего она может проследовать дальше вверх в божественное единство. Это также причина того, что Йога должна быть интегральной. Ибо если бы погружение в Бесконечное или любое иное тесное единение с Божественным было бы всей нашей целью, интегральная Йога была бы излишней и требовалась бы только для таких исключений, как более великое удовлетворение существа человека, какое мы можем получить путем самоподнятия его целиком к своему Источнику. Однако, она бы не была нужна для главной существенной цели, поскольку через любую отдельную силу природы души мы можем встретиться с Божественным; каждая из них в своей высоте поднимается в бесконечное и абсолютное, каждая, следовательно, предлагает вполне подходящий путь достижения, ибо вся сотня разделенных путей встречается в Вечном. Но гностическое бытие — это полное наслаждение и обладание всей полнотой божественной и духовной природы; и это полное поднятие всей природы человека в силу божественного и духовного существования. Интегральность становится, таким образом, существенным условием этой Йоги.

Мы также видели, что в своей высоте каждый из трех путей, если ему следовать с определенной шириной, может вместить в себя силы других путей и привести к выполнению их целей. Следовательно, достаточно начать с одного из них и найти точку, в которой он повстречается с другими путями на первых же параллельных линиях продвижения и растворится в них в следствие своей собственной ширины. В то же время более трудный, комплексный, чрезвычайно мощный процесс начался бы, если это осуществить, на трех линиях вместе, на тройном колесе силы души. Однако рассмотрение этой возможности должно быть отсрочено, пока мы не увидим, каковы условия и средства Йоги самосовершенствования. Ибо мы увидим, что это также не требуется откладывать полностью, но определенная подготовка составляет часть этого процесса, и определенное введение в него происходит через развитие божественных работ, любви и знания.

1. mukti
2. bhukti

БОЖЕСТВЕННОЕ совершенство человеческого существа является нашей целью. Мы должны, поэтому, во-первых знать, каковы те существенные элементы, которые образуют полное человеческое совершенство; во-вторых, что мы подразумеваем под божественным в отличие от человеческого совершенства нашего существа. Тот факт, что человек, как существо, способен к саморазвитию и, по крайней мере, к некоторому приближению к идеальному стандарту совершенства, который человеческий ум в состоянии представлять себе, всегда имеет перед собой и следовать ему, есть общее основание для всего мыслящего человечества, хотя, может быть, только меньшинство связывает с этой возможностью постановку перед собой наиболее важной цели в жизни. Кроме того, некоторыми такой идеал рассматривается как мирское изменение, другими — как религиозное обращение.

Мирское совершенство иногда понимается как нечто внешнее, социальное, как предмет деятельности, более рациональные отношения с нашими знакомыми и нашим окружением, улучшенное и более умелое выполнение гражданских и прочих обязанностей, улучшенный, с большим достатком, более доброжелательный и счастливый образ жизни, с более справедливым и гармоничным использованием благоприятных возможностей существования. Другие лелеют более внутренний и субъективный идеал, прояснение и возвышение интеллекта, воли и рассудка, увеличение и упорядочение сил и способностей натуры, более благородное этическое, более богатое эстетическое, более красивое эмоциональное, намного более здоровое и лучше управляемое виталическое и физическое существование. Иногда один элемент выделяется, вплоть до исключения остальных; иногда, в более широких и лучше сбалансированных умах, вся их гармония рассматривается как полное совершенство. Либо изменение образования и социальных институтов принимается за основное внешнее средство, или внутренняя самотренировка и развитие предпочитают в качестве правильного способа. Или обе цели могут быть явственно объединены, совершенство внутренней личности и совершенство внешней жизни.

Но мирская цель принимает полем своей деятельности нынешнюю жизнь и ее возможности; религиозная цель, напротив, имеет перед собой самоподготовку для иного существования после смерти, ее всеобщий идеал — это некоторый вид чистой святости, ее цель имеет в виду обращение несовершенного или греховного человеческого существа через божественную милость или через послушание закону, заложенному писанием или же данному основателем религии. Цель религии может включать социальное изменение, но тогда это изменение, осуществляемое принятием общего религиозного идеала и пути освященной жизни, братство святых, теократия или царство Бога, отражающее на земле царство небес.

Цель нашей синтезированной Йоги в этом отношении, также как и в других частях должна быть более интегральной и всесторонней, должна включить все эти элементы или тенденции более значительного побуждения к самосовершенствованию, и согласовать их или, лучше, объединить, и для того, чтобы сделать это успешно, она должна завладеть истиной, которая шире, чем обычная религиозная, и выше, чем светский принцип совершенства. Вся жизнь есть тайная Йога, незаметное развитие Природы, направленное к раскрытию и осуществлению божественного закона, скрытого в ней, развитие, которое постепенно становится более явным, более самоосознанным и освещенным, все более владеет человеческим существом посредством раскрытия всех его инструментов знания, воли, действия, жизни к Духу в нем и в мире. Ум, жизнь, тело, все формы нашей природы являются средствами этого роста, но они обретают свое

последнее совершенство только через раскрытие к чему-то превышающему их, во-первых, потому что они не составляют всего, что есть человек, во-вторых, потому что нечто другое, чем является человек, и есть ключ его полноты и вносит свет, который обнаруживает ему всю высокую и огромную реальность его бытия.

Ум осуществляет себя через расширяющееся знание, лишь отблеском которого он является, жизнь обнаруживает свое значение в растущей силе и воле, внешнее и затемненное функционирование которых она и представляет, тело находит свое завершающее применение в качестве инструмента силы бытия, физической опорой и материальной отправной точкой которого оно становится. Они сначала получают свое полное развитие и обнаруживают свои резервные возможности. Вся наша обычная жизнь есть испытание этих вероятностей и благоприятных возможностей для подготовки и попыток самовоспитания. Однако жизнь не может найти свое совершенное самовыполнение, пока она не откроется к этой большей реальности бытия, для которой, путем развития более мощной силы и большей чувствительности и способностей, она становится хорошо подготовленным полем работы.

Интеллектуальное, волевое, этическое, эмоциональное, эстетическое и физическое воспитание и улучшение — все это хорошо, только в конце они представляют собой постоянное движение по кругу без какой-либо завершающей, освобождающей и освещающей цели, если они не достигнут точки, где они смогут открыть себя силе и присутствию Духа и допустить его прямое действие. Это прямое действие совершает обращение всего существа, что является необходимым условием нашего действительного совершенства. Власти в истину и силу Духа и посредством прямого действия этой силы стать пригодным каналом его самовыражения, — жизнь человека в Божественном и божественная жизнь Духа в человечестве, — вот что будет основой и всей целью интегральной Йоги самосовершенствования.

В процессе этого изменения, благодаря самой настоятельной потребности его достижения, должны быть две стадии его прохождения. Первой будет личное усилие человеческого существа по ходу того, как человек начинает осознавать своей душой, умом и сердцем эту божественную возможность и поворачиваться к ней, как к подлинной цели жизни, чтобы подготовить себя для нее и избавиться ото всего в себе, что принадлежит к работе нижних уровней, ото всего, что стоит на пути его открытия к духовной истине и ее силе, чтобы завладеть посредством этого освобождения своим духовным существом и обратить все свои природные движения в свободные средства его самовыражения. Именно от этого поворота осознанная Йога, понимающая свою цель, начинается: происходит новое пробуждение и возвышающее изменение жизненных мотивов. Пока имеет место только интеллектуальное, этическое и другие виды самовоспитания для новых нормальных целей жизни, которая не выходит за обычный круг работы ума, жизни и тела, мы пребываем в затемненной, еще не проясненной, еще только подготовительной Йоге Природы; мы еще гонимся всего лишь за обычным человеческим совершенством. Духовное устремление к Божественному и желание божественного совершенства, единства с ним во всем нашем бытии и духовной завершенности во всей нашей природе, есть эффективный знак этого изменения и сила, предшествующая великому интегральному обращению нашего существа и жизни.

Предшествующее изменение, предварительное обращение может быть совершено личным усилием; оно доходит до большей или меньшей одухотворенности наших умственных побуждений, нашего характера и темперамента, до самообладания и успокоенного или измененного действия виталической и физической жизни. Эта обращенная подчиненность может быть сделана основой какого-то общения или единения души в уме с Божественным и какого-то частичного отражения божественной природы в умственном сознании человеческого существа. Только до этого человек может прийти за счет своего не получающего помощи или не

получающего целенаправленной помощи усилия, потому что это усилие есть усилие ума, а ум не может постоянно подниматься выше себя: как наибольшее, он поднимается к одухотворенной и идеализированной ментальности. Если он взлетает за эту границу, он теряет себя, теряет поддержку жизни, и впадает или в транс поглощения, или в пассивность. Более великое совершенство может быть достигнуто только более высокой силой, входящей в него и наполняющей собой все действие существа. Второй стадией этой Йоги будет, следовательно, постоянная отдача всего действия нашей природы в руки этой более великой Силы, замещение личного усилия ее влиянием, владением и работой, пока Всевышний, к кому мы стремимся, становясь прямым хозяином Йоги, не произведет полное духовное и идеальное обращение существа.

Этот двойной характер нашей Йоги поднимает ее над светским идеалом совершенства, и, в то же самое время она идет намного дальше, чем более величественная, более ревностная, но и намного более узкая религиозная формула. Светский идеал всегда рассматривает человека как умственное, жизненное и физическое существо, и он целит в человеческое совершенство точно внутри этих границ, совершенство ума, жизни и тела, в расширение и усовершенствование интеллекта и знания, воли и силы, этического характера, цели и поведения, эстетической восприимчивости и творческой способности, эмоционально сбалансированной уравновешенности и наслаждения, жизненного и физического здоровья, в отрегулированную деятельность и хорошую работоспособность. Это широкая и полная цель все же не достаточно полна и широка, потому что она игнорирует ту другую более великую часть нашего существа, которую ум неопределенно представляет себе как духовный элемент и оставляет его или неразвитым вовсе, или недостаточно удовлетворительно развитым, или считает его просто неким высоким случайным побочным опытом, результатом действия ума в своих исключительных аспектах, наличие и постоянство которого зависит от ума. Мирской идеал может стать высокой целью, когда он ищет развития более возвышенных и значительных достижений нашего интеллекта, но все же он недостаточно высок, потому что он не стремится за пределы ума к тому, от чего наш чистейший рассудок, наша ярчайшая умственная интуиция, наше глубочайшее умственное чувство и ощущение, сильнейшая умственная воля и сила или идеальная цель и намерение являются лишь тусклым излучением. Его цель кроме того ограничена земным совершенством обычной человеческой жизни.

Йога интегрального совершенства рассматривает человека как божественное духовное существо, включающее в себя ум, жизнь и тело; она нацелена, поэтому, на освобождение и совершенство его божественной природы. Она старается сделать внутреннюю жизнь в совершенно развитом духовном существе его постоянной присущей человеку жизнью, а одухотворенное действие ума, жизни и тела — только ее внешним человеческим выражением. Для того, чтобы это духовное существо не было бы чем-то неясным, неопределенным или несовершенно осуществленным и зависящим от умственной поддержки и умственных ограничений, она старается идти за пределы ума к сверхразумному знанию, воле, чувству и ощущению, интуиции, динамическому посвящению виталического и физического действия, всего, что совершает изначально присущую ему работу духовного существа. Йога интегрального совершенства принимает человеческую жизнь, но берет в расчет и огромное сверхземное действие за земной материальной жизнью, и она соединяет себя с божественным Бытием, от которого происходит высшее начало всех этих частичных и низших стадий так, что вся целиком жизнь может осознавать свой божественный источник и чувствовать в каждом проявлении знания, воли чувства, ощущения и тела божественный первоначальный импульс. Она не отвергает ничего, что есть существенного в светской цели, но расширяет ее, находит и живет ее более обширным и более верным смыслом, сейчас от неё спрятанным, преображает эту цель из

ограниченного, земного и смертного занятия в дело бесконечного, божественного и бессмертного значения.

Интегральная Йога совпадает с религиозным идеалом в нескольких точках, но превосходит его в смысле обширности и широты. Религиозный идеал обращает взоры не только поверх этой земли, но вне ее на небеса, или даже выше всех небес к некоему виду Нирваны. Этот идеал совершенства, ограниченный любым видом внутренней или внешней перемены, будет в конечном счете служить повороту души от человеческой жизни к запредельному. Его обычная идея совершенства — это религиозно-этическое изменение, решительное очищение активного и эмоционального бытия, часто с аскетическим отклонением и отменой жизненных импульсов в качестве полнейшего достижения выдающегося мастерства, и во всяком случае сверхземная мотивировка и вознаграждение, как результат жизни благочестия и правильного поведения. Поскольку этот идеал допускает изменение знания, воли, чувства, в смысле поворота их к иному, чем цели человеческой жизни, объекту, он в конечном счете приводит к отказу ото всех земных объектов чувства, воли и знания. Метод, ставит ли он ударение на личном усилии или на божественном воздействии, на трудах и знании или на милости, не является, подобно светскому методу, развитием, но скорее обращением; однако в конечном итоге целью не является обращение нашей умственной и физической природы, но надевание чистой духовной природы и бытия, и, поскольку это не возможно здесь на земле, он надеется на свое завершение путем перенесения в иной мир или сбрасывания всего космического существования.

В отличие от этого интегральная Йога основывается на концепции духовного бытия как вездесущего существования, полноты, к которой приходят не путем перенесения в другие миры или космическим самопогашением, но вырастая из того, чем мы являемся феноменально, в сознание вездесущей реальности, какой мы всегда являемся в подлинной сути нашего бытия. Интегральная Йога заменяет форму религиозного благочестия более полным духовным поиском божественного единения. Она развивается через личное усилие до обращения, совершаемого божественным воздействием и владением, но эта божественная милость, если мы можем так назвать это, есть не просто таинственный поток или прикосновение, приходящее сверху, но все наполняющее собой действие божественного присутствия, которое мы узнаем внутри себя как силу высочайшего Я и Властелина нашего существа, входящего в душу и владеющего ею таким образом, что мы не только чувствуем, что он близко и нажимает на нашу смертную природу, но живем в его законе, знаем этот закон, владеем им как полной силой нашей одухотворенной природы. Обращение, которое совершит это действие, представляет собой интегральное обращение нашего этического бытия в Правду и Право божественной природы, нашего интеллекта в озаренность божественного знания, нашей эмоциональности в божественную любовь и единение, нашего динамизма и воли в работу божественной силы, нашего эстетического чувства в полное восприятие и творческое наслаждение божественной красотой, не исключая, хотя бы в конце, божественное обращение виталического и физического существа. Интегральная Йога рассматривает всю предыдущую жизнь как непроизвольную и неосознанную или полусознанную подготовку к этому изменению, а Йогу — как добровольное и сознательное усилие и достижение изменения, которым вся цель человеческого существования во всех её частях осуществляется, даже если тем временем она будет видоизменяться. Допуская сверхкосмическую истину и жизнь в высших мирах, интегральная Йога допускает также земное как непрерывное выражение одного существования, а изменение индивидуальной и общественной жизни на земле — как растяжение его божественного значения.

Открыть себя к сверхкосмическому Всевышнему — таково необходимое условие этого интегрального совершенства; соединить себя со всеобщим Божественным есть другое существенное условие. Здесь Йога самосовершенствования совпадает с Йогами знания, трудов и

преданности, поскольку невозможно превратить человеческую природу в божественную или сделать ее инструментом божественного знания, воли и радости существования, пока не достигнуто единение с Верховным Бытием, Сознанием и Блаженством, пока нет единства с его всеобщим Я во всем сущем. Полностью отдельное обладание божественной природой, отличное от утратившей я погруженности в нее, для человеческого индивидуума невозможно. Кроме того, это единение не будет глубочайшим духовным единством, пока длится человеческая жизнь, если оно характеризуется наличием отдельного существования в уме, жизни и теле; полное совершенство — это обладание посредством этого духовного единения также и единством со вселенским Умом, вселенской Жизнью, вселенской Формой, которые представляют собой другие постоянные выражения космического бытия. Сверх того, поскольку человеческая жизнь принимается как самовыражение воплощенного в человеке Божественного, в ней должно осуществляться действие полной божественной природы, и это вносит необходимость сверхразумного обращения, которое заменяет собственным действием духовного существа несовершенное действие поверхностной человеческой природы, одухотворяет и видоизменяет ее умственную, виталическую и физическую части посредством духовной идеальности. Эти три элемента, единение, с верховным Божественным, единство со всеобщим Я и сверхразумное жизненное действие от этого трансцендентного источника и через эту всеобщность, но все же с индивидуумом как душой-каналом и природным инструментом, составляют суть интегрального божественного совершенства человеческого существа.

ПО СУЩЕСТВУ, следовательно, это божественное самосовершенствование есть обращение человека в подобие и фундаментальное единство с божественной природой, ускоренная формовка образа Бога в человеке и заполнение этих его идеальных очертаний. Это то, что традиционно обозначается *sadr suya-mukti*, освобождение из зависимости от человеческого мнимого и достижение тождества с божественным, или, используя выражение Гиты, *sadharmya-gati*, объединение в законе бытия с верховным, всеобщим и постоянно пребывающим Богом. Чтобы воспринять и иметь правильное представление о нашем пути к такой трансформации, мы должны составить некоторую подходящую рабочую идею о той сложности, каковую являет в настоящее время человеческая природа в беспорядочной массе смешений ее различных первооснов, так чтобы мы могли видеть точный характер обращения, каждую часть которого нужно претерпеть, и могли видеть также наиболее эффективные средства для обращения. Как высвободить из уз думающей смертной материи Бессмертное, которое она содержит, как выпустить на свободу из этого ментализированного виталического животногоподобного человека счастливую полноту его скрытых от взора черт Божественности, такова реальная проблема человеческого существа и его жизни. Жизнь развивает много первых намеков на божественность, но оставляет их связанными; Йога развязывает узел трудности Жизни.

Прежде всего мы должны знать главный секрет психологической запутанности, которая создает проблему и все ее трудности. Однако, обычная психология, которая принимает ум и его феномены только в их поверхностном значении, не будет для нас полезна, она не даст нам ни малейшего руководства в этом направлении самоисследования и самообращения. Еще менее можем мы найти путеводную нить в научной психологии с материалистической базой, которая предполагает, что тело и биологические и физиологические факторы нашей природы являются не начальной точкой только, но всем реальным основанием, и которая считает человеческий ум лишь утонченным развитием жизни и тела. Это положение может быть действительно истинным относительно животной стороны человеческой природы и человеческого ума в таких пределах, где он ограничен и обусловлен физической частью нашего существа. Однако полная разница между человеком и животным заключается в том, что животный ум, как мы знаем это, не может ни на мгновение оторваться от своих начал, не может сломать покрытие, тесный кокон, который телесная жизнь накрутила вокруг души, и стать чем-то большим, чем он является теперь, более свободным, великолепным и благородным созданием; но в человеке ум проявляет себя как более великая энергия, ускользающая от ограничений виталического и физического выражения бытия. Кроме того, даже и это не составляет всего, чем является человек, или чем он может быть; в нем есть сила к развитию и освобождению ещё большей идеальной энергии, которая в свою очередь ускользает от ограничений умственного стереотипа его природы и обнаруживает сверхразумную форму, идеальную силу духовного бытия. В Йоге мы должны превзойти физическую природу и внешнее проявление человека и обнаружить действия полной природы подлинного человека. Другими словами, мы должны достигнуть и использовать психофизическое знание на духовной основе.

Человек в его подлинной природе, — как бы ни была сейчас затемнена эта истина для нашего теперешнего понимания и самоосознания, мы должны для целей Йоги верить в это, и тогда мы обнаружим, что наша вера оправдана возрастающим опытом и все большим самопознанием, — есть дух, использующий ум, жизнь и тело для индивидуального и общественного опыта самопроявления во Вселенной. Этот дух есть бесконечное бытие, которое

ограничивает себя в проявленном существе для личного переживания. Он есть беспредельное сознание, которое придает себе конечные формы для радости разнообразного знания и всевозможной силы бытия. Он есть безграничный восторг бытия, расширяющий и сокращающий себя и свои силы, скрывающийся и выходящий наружу, дающий множество выражений своей радости существования, вплоть до мнимого затмения и отрицания своей собственной природы. В себе дух есть вечный Сатчитананда, но эта сложность, это запутывание и распутывание бесконечного в конечном, есть аспект, принятый им во всеобщей и в индивидуальной природе. Обнаружить вечного Сатчитананду, это подлинное Я нашего существа внутри нас, и жить в нём, сделать его истинную природу явным творцом божественного пути существования в наших инструментах, сверхразуме, уме, жизни и теле, таковы прочная основа и действенный принцип духовного совершенства.

Сверхразум, ум, жизнь и тело — это четыре инструмента, которые дух использует для своего проявления в работах Природы. Сверхразум есть духовное сознание, действующее как самоосвещающее знание, воля, чувство и восприятие, энергия, самосоздающая и незауалированная сила своего собственного восторга и существования. Ум есть действие тех же самых сил, но ограниченных и только очень непрямо и частично освещенных. Сверхразум живет в единении, хотя и забавляется различием; ум живет в отдельном действии различия, хотя он может открыться к единению. Ум не только способен на незнание, но, поскольку он действует всегда частично и через ограничение, ум работает характерно как сила незнания; он может даже, и он действительно забывает себя в полной неосознанности, или неведении, пробуждаясь от него к частичному знанию, двигается от незнания к полному знанию, — таково его естественное действие в человеческом существе, — но ум сам никогда не может иметь полного знания. Сверхразум неспособен на настоящее незнание; даже если он прячет полное знание за ограничения специфической работы, все же любое его действие передается на рассмотрение тому, что он оставил позади, и всё преисполнено самоосвещенностью; даже если он вовлекается в материальное незнание, он все же и там аккуратно выполняет работы совершенной воли и знания. Сверхразум отдает себя действию низших инструментов; он всегда действительно находится там, в сердцевине, как тайная поддержка их действий. В материи сверхразум — это автоматическое действие и выполнение скрытой идеи в вещах, в жизни его наиболее используемой формой является природное чутье, инстинктивное, подсознательное или частично подсознательное знание и действие; в уме он обнаруживает себя как интуиция, быстрое, прямое и самовыполняющееся озарение интеллекта, воли, чувства и восприятия. Но все это только излучения сверхразума, приспособленные к лимитированному функционированию затемненных инструментов; его собственная характерная природа есть гносис, являющийся сверхсознанием по отношению к уму, жизни и телу. Сверхразум или гносис есть характерная, освещенная, значительная работа духа в его собственной самородной подлинной сущности.

Жизнь — это энергия духа, подчиненная действию ума и тела, которая осуществляет себя через умственные и физические процессы и действует как связь между ними. У нее есть свое собственное характерное действие, но она нигде не работает независимо от ума и тела. Вся энергия духа в действии работает в двух выражениях существования и сознания, для самопостроения существования и действия, для самоосуществления сознания, для восторга существования и восторга сознания. В том низшем формулировании бытия, в котором мы в настоящее время живем, духовная энергия жизни действует между двумя уровнями ума и материи, поддерживая и осуществляя выражение субстанции материи и работая как материальная энергия, поддерживая выражение сознания умственного плана и работа умственной энергии, поддерживая взаимодействие ума и тела и работая как сенсорная и нервная энергия. То, что мы называем жизнеспособностью [3](#), является для целей нашего обычного

человеческого существования силой сознающего бытия, проявляющейся в материи, освобождающей от нее и в ней ум и более высокие силы и поддерживающей их ограниченное действие в физической жизни, — так же как то, что мы называем мышлением [4](#), представляет собой силу сознающего бытия, пробуждающуюся в теле, чтобы осветить свое собственное сознание и сознание всего остального непосредственно вокруг себя и работающую сначала в ограниченном действии, установленном для нее жизнью и телом, но в определенных точках и на определенной высоте ускользающую из него в неполное действие за пределами этого круга. Тем не менее это не вся сила как жизни так и ума, они имеют планы сознающего существования их собственного рода, иные, чем этот материальный уровень, где они более свободны в характерном для них действии. Материя или само тело является ограниченной формой субстанции духа, в которую жизнь, ум и дух вовлечены, в которой они спрятали и позабыли сами себя из-за их поглощенности своим собственным внешним действием, но они вынуждены появиться из материи самопринудительной эволюцией. Но и материя также способна совершенствоваться до тонких форм субстанции, в которых она более явно становится плотностью форм жизни, ума, духа. Человек сам имеет наряду с этим грубым материальным телом, обрамляющую виталическую оболочку, умственное тело, тело блаженства и гносиса. Кроме того, вся материя, любое тело содержит внутри себя скрытые силы этих более высоких основ; материя — это формация жизни, которая не имеет реального существования отдельно от одушевляющего всеобщего духа, дающего ей ее энергию и субстанцию.

Такова сущность духа и его инструментов. Далее, чтобы понять его действия и достигнуть знания, которое даст нам силу рычага в подъеме инструментов духа из укоренившейся рутины, где вертится наша жизнь, мы должны осознать, что Дух основал все свои работы на двух парных аспектах своего бытия, Душе и Природе, Пуруше и Пракрити. Мы должны трактовать их как различные и разные по силе, — ибо в практике сознания эта разница весома, — несмотря на то, что они являют собой только две стороны одной и той же реальности, два полюса одного сознающего бытия. Пуруша или душа есть дух, знающий работы его природы, поддерживающий их своим бытием, наслаждающийся или отвергающий наслаждение ими в своем восторге бытия. Природа есть сила духа, и она также представляет собой действие и течение его силы, выражающее имя и форму бытия, развивающее деятельность сознания и знания, извергающееся в воле, импульсе, могуществе и энергии, завершающееся в наслаждении. Природа — это Пракрити, Майя, Шакти. Если мы посмотрим на нее с ее наиболее внешней стороны, где она кажется противоположностью Пуруши, она — Пракрити, инертное и механическое самодвижущееся действие, несознающее или сознающее только светом Пуруши, возвышенное до различных уровней виталического, умственного, сверхразумного, его душевным освещением её работ. Если мы посмотрим на нее с ее другой, внутренней стороны, где она ближе к единению с Пурушей, она — Майя, воля бытия и становления или прекращения бытия и становления со всеми их результатами, явными для сознания, инволюцией и эволюцией, существованием и несуществованием, самосокрытием и самораскрытием духа. Обе являются сторонами одной и той же Шакти, силы бытия духа, которая работает или сверхсознательно, или сознательно, или подсознательно в видимом несознании, — фактически, все эти движения сосуществуют одновременно и в одной и той же душе, — как духовная сила знания, сила воли, сила продвижения и действия, *jñāna-sakti*, *īśha-sakti*, *kriya-sakti*. Этой силой дух создает все вещи в себе, скрывает и раскрывает всего себя в форме и за покровом своего проявления.

Пуруша способен посредством этой силы своей природы принять любое состояние, какое может пожелать, и следовать закону и форме бытия, соответствующим любому самовыражению. Это вечная душа и дух в его собственной силе самосуществования, превосходящий свои проявления и управляющий ими; это всеобщая душа и дух, развившийся в силу становления

своего существования, бесконечный в конечном; это индивидуальная душа и дух, погруженный в развитие некоторого особенного курса своего становления, в попеременное появление конечного в бесконечном. Всем этим он может быть сразу, вечный дух, универсализированный в космосе, индивидуализированный в своих созданиях, он может также в любом из них заложить сознание, отвергающее, управляющее или отвечающее на действие Природы, поместить других позади него или убрать прочь от него, познать себя как чистую вечность, самоподдерживающую всеобщность или исключительную индивидуальность. Любым выражением своей природы может представляться душа и видеть себя только этим проявлением во фронтальной активной части своего сознания, но она никогда не является только тем, чем представляется; она намного больше того, чем может быть; тайно она является и всем тем в ней, что еще скрыто. Она не ограничена неизменно каким-то особенным самовыражением во Времени, но может прорваться через и за самовыражение, расформировать или развить его, может отбирать, отбрасывать, воссоздавать, появиться в более возвышенном самовыражении. Чем она полагает себе быть всей активной волей своего сознания в ее инструментах, тем она и есть или стремится стать, уo uaschmddhah sa eva sah: что она полагает могущим быть, и имеет полную веру в становление, в то она меняется в природе, развивается или раскрывается.

Эта сила души, возвышающаяся над ее природой, крайне важна в Йоге самосовершенствования; если бы она не существовала, мы никогда не смогли бы сознательным усилием и стремлением выбраться из неизменной рутины нашего теперешнего несовершенного человеческого бытия; имея в виду какое-то большее совершенство, мы должны были бы ждать, пока Природа выполнит его в своем собственном медленном или быстром ходе эволюции. В низших формах бытия душа принимает эту полную зависимость от Природы, но по мере того, как она поднимается выше по лестнице развития, она пробуждается к чувству чего-то в себе, что может командовать Природой; но только, когда она достигает самопознания, эта свободная воля и контроль становятся полной реальностью. Изменение осуществляется в непрерывном движении природы, следовательно, не посредством какой-то причудливой магии, но путем упорядоченного развития и сверхчувственного процесса. Когда выработано полное господство, тогда продвижение из-за своей самоускоряющейся быстроты может показаться чудом для интеллекта, но все же оно происходит по закону истины Духа, — в это время Бог внутри нас через тесный союз нашей воли и бытия с ним наполняет собой и поднимает Йогу и действует как всемогущий властелин природы. Ибо Всевышний есть наше высочайшее Я и Я всей Природы, вечный и всеобщий Пуруша.

Пуруша может основаться в любом плане бытия, принять любую первооснову бытия как прямое руководство своей силы и жизни в работе присущего ему вида сознающего действия. Душа может обитать в первооснове бесконечного единства самосуществования и осознавать все сознание, энергию, восторг, знание, волю, деятельность, как сознающую форму этой сущностной истины, Сат или Сатъя. Душа может пребывать в первооснове бесконечной сознающей энергии, Тапас, и осознавать, как она разворачивает из самосуществования работы знания, воли и динамического действия души для наслаждения бесконечным восторгом бытия. Она может обитать в первооснове бесконечного самосуществующего восторга и осознавать божественную Ананду, создающую своей энергией из своего самосуществования любую гармонию бытия. В этих трех состояниях сознание единства доминирует; душа живет в своем осознании вечности, всеобщности, единения, и любое различие является не разделительным, а только множественным аспектом единства. Душа может пребывать также в первооснове сверхразума, в светоносном самоопределяющем знании, воле и действии, которое развивает некоторую согласованность совершенного восторга сознающего бытия. В более высоком гносисе основанием является единство, но оно находит свою радость в несходстве; в более низком

проявлении сверхума различие является основанием, но всегда отсылается назад к осознающему единству и получает удовольствие в единении. Эти сферы сознания выше нашего теперешнего уровня; они являются сверхсознательными по отношению к нашему обычному интеллекту. Уровень нашего ума принадлежит к нижней полусфере бытия.

Это нижнее бытие начинается там, где опускается завеса между душой и природой, между духом в сверхуме и духом в уме, жизни и теле. Там, где этой завесы нет, эти инструментальные силы не таковы, каковы они в нас, но являют собой просвещенную часть объединенного действия сверхума и духа. Ум доходит до идеи самостоятельности своего действия, когда он забывает обращаться назад к свету, от которого он происходит, и погружается в возможности его собственного отдельного движения и наслаждения. Душа, когда она живет в первооснове ума, будучи все же не подчиненным, но потребителем жизни и тела, осознает себя как умственное существо, вырабатывающее свою умственную жизнь, силы и образы, тела тонкой умственной субстанции, согласно ее индивидуальному знанию, воле и динамике, видоизмененным ее связями с другими подобными существами и силами во вселенском уме. Когда душа обитает в первооснове жизни, она осознает себя как существо всеобщей жизни, вырабатывающее действие и сознание своими желаниями при соответствующих видоизменяющих условиях, присущих всеобщей жизни-душе, чье действие идет через многие индивидуальные жизненные существа. Когда она пребывает в первооснове материи, она осознает себя как сознание материи, действующее по соответствующему закону энергии материального бытия. Соразмерно тому, как она склоняется в сторону знания, она осознает себя более или менее ясно как душу ума, душу жизни, душу тела, смотрящую и действующую там, или находящуюся под влиянием своей природы; но когда она склоняется в сторону незнания, она осознает себя как эго, отождествленное с природой ума, жизни или тела, создание Природы. Собственное же направление материального бытия ведет к поглощению энергии души в акте формирования и материального движения и последующего самозабвения сознающего существа. Материальная вселенная начинается от кажущегося несознания.

Вселенский Пуруша пребывает во всех этих планах в определенной одновременности и строит в каждой из этих первооснов мир или серии миров с их существами, которые живут в природе этой первоосновы. Человек, микрокосм, имеет все эти планы в своем собственном существе, выстроенные в ряд от его подсознательного до его сверхсознательного существования. Путем развития силы Йоги он может осознать эти скрытые миры, спрятанные от его физического, материализованного ума и чувств, которые знают только материальный мир, и затем он осознает, что его материальное существование не является отдельным и самосуществующим, так же как и материальная вселенная, в которой он живет, не является отдельной и самосуществующей, но находится в постоянной связи с более высокими планами и подвержена влиянию их сил и существ. Человек может открыть и усилить в себе действие этих более высоких планов и наслаждаться некоторым видом участия в жизни других миров, — которые, кроме всего прочего, являются или могут стать его местопребыванием, так сказать, станцией его осознания, *dh̃ma*, после смерти или между смертью и новым рождением в материальном теле. Но наиболее важная способность человека — это способность развития сил более высоких первооснов в нём самом, более великой силы жизни, более чистого света ума, озарения из сверхума, бесконечного бытия, сознания и восторга духа. Путем восходящего движения он может развивать свое человеческое несовершенство по направлению к этому более великому совершенству.

Тем не менее, какова бы ни была его цель, каким бы возвышенным ни было его устремление, человек должен начать от закона его теперешнего несовершенства, полностью принять его в расчет и понять, как он может быть обращен в закон возможного совершенства.

Этот теперешний закон его бытия начинается от несознания материальной вселенной, от инволюции души в форму и подчинения материальной природе; и хотя в этой материи жизнь и ум развили их собственные энергии, все же они ограничены и связаны в действии более низким материальным, которое является, по отношению к незнанию его практического поверхностного сознания, его первичной первоосновой. Ум в человеке, хотя человек является воплощенным умственным существом, должен сносить контроль тела и физической жизни и может только путем некоторых более или менее значительных усилий и концентрацией энергии сознательно контролировать жизнь и тело. Только путем увеличения этого контроля он может двигаться к совершенству, — и только посредством развития силы души он может достигнуть этого. Природа-сила в нем должна становиться все более и все полнее сознательным действием души, сознательным выражением всей воли и знания духа. Пракрити должна обнаружить себя как Шакти Пуруши.

3. vitality

4. mentality

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ идея Йоги самосовершенствования должна быть, при таком положении, диаметральной противоположностью теперешнего отношения души человека к его умственной, виталической и физической природе. Человек в настоящее время — это частично самосознающая душа, подчиненная и ограниченная умом, жизнью и телом, и он должен стать полностью самосознающей душой, владеющей его умом, жизнью и телом. Не ограниченная их требованиями и запросами, совершенная самосознающая душа была бы верховным и свободным властелином своих инструментов. Это усилие человека стать хозяином своего собственного существа было смыслом значительной части его прошлых духовных, интеллектуальных и моральных стараний.

Для того, чтобы овладеть своим существом с любой полной реальностью свободы и власти, человек должен открыть свое высочайшее Я, подлинного человека или высочайшего Пурушу в себе, который свободен и является господином своей собственной неотъемлемой силы. Он должен прекратить быть умственным, виталическим, физическим эго, потому что оно всегда является созданием и инструментом, подчиненным умственной, виталической и физической Природе. Это эго не есть его подлинное Я, но инструментарий Природы, которым она развила чувство ограниченного и отделенного индивидуального бытия в уме, жизни и теле. Этим инструментарием человек действует так, как если бы он был отдельным существованием в материальной вселенной. Природа развила стойкие укоренившиеся ограничительные условия, при которых это действие имеет место; самоотождествление души с эго есть средство, которым Природа побуждает душу уступить этому действию и принять эти ставшие привычными ограничительные условия. Пока отождествление сохраняется, длится и добровольное заточение в этом привычном узком круговороте, и пока душа не переступила за его пределы, она не может свободно пользоваться своей индивидуальной жизнью, намного меньшей настоящего безмерного самопревышения. По этой причине необходимым движением Йоги является отход от внешнего чувства эго, которым мы отождествлены с действием ума, жизни и тела, и принятие внутренней жизни в душе. Освобождение от внешнего чувства эго — это первый шаг к свободе и господству души.

Когда мы таким образом отступим в душу, мы обнаружим, что не являемся умом, но умственным существом, которое стоит за действием воплощенного ума, что мы не умственная и жизненная индивидуальность, — индивидуальность есть композиция Природы, — но умственное Действующее Лицо, *manomaya, purusa*. Мы осознаем существо внутри, которое основывается на уме для самопознания и познания мира и думает о себе, как об индивидууме для переживания себя и переживания мира, для внутреннего действия и действия, идущего наружу, но все же другое существо, чем ум, жизнь и тело. Это чувство отличия от жизненных действий и физического бытия очень показательное; ибо хотя Пуруша чувствует свой ум воплощенным в жизнь и тело, однако он осознает, что даже если физическая жизнь и тело должны будут прекратиться или исчезнуть, он по-прежнему будет продолжать существование в своем умственном существе. Однако, чувство отличия от ума труднее и менее отчетливо различимо. И все же оно есть там, оно характеризуется какой-либо или всеми из трех видов интуиции, в которых этот умственный Пуруша живет и посредством которых получает осознание своего собственного более великого существования.

Первым он получает интуитивное представление о себе самом, как о ком-то наблюдающем действие ума; это нечто, находящееся в нем и все же перед ним, как объект его наблюдающего

знания. Это самоосознание есть интуитивное чувство свидетеля Пуруши, saksi. Свидетель Пуруша — это чистое сознание, которое наблюдает за Природой и видит ее как действие, отраженное и освещенное этим сознанием, но само по себе иное, чем сознание. Для умственного Пуруши Природа есть только действие, комплексное действие распознающей и объединяющей мысли, воли, чувства, эмоции, темперамента и характера, чувства эго, которое работает на основании из жизненных импульсов, нужд и страстных желаний в условиях, навязанных физическим телом. Однако, оно не ограничено ими, оно только не может дать им новые направления и сильно изменить, облагородить и расширить, но способно действовать в мысли и воображении, и в умственном мире намного более тонких и подвижных созданий. Вторым видом интуиции умственного Пуруши является чувство чего-то более великого и огромного, чем это теперешнее действие, в котором он живет, область переживания которого есть только фронтальная схема или узкий поверхностный отбор. Посредством этой интуиции он вступает в преддверье подсознательного Я с его более широкой, чем это открывает поверхностный интеллект, возможностью самопознания. Последняя и величайшая интуиция — это внутреннее осознание чего-то, чем он по существу является, чего-то, что так же высоко стоит над умом, как ум — над физической жизнью и телом. Это внутреннее осознание есть его ощущение своего сверхразумного и духовного бытия.

Умственный Пуруша может в любое время вовлечься снова во внешнее действие, от которого он оттянулся, жить некоторое время всецело отождествлено с механизмом ума, жизни и тела и поглощенно повторять его периодическое обычное действие. Но если однажды это разделительное движение было совершено, и Пуруша жил в нем некоторое время, он уже не сможет никогда быть таким же, каким он был прежде. Инволюция во внешнем действии становится теперь только повторяющимся самозабвением, от которого он стремится снова отойти назад к себе самому и чистому самопереживанию. Может быть замечено также, что Пуруша посредством оттягивания от обычного действия этого внешнего сознания, которое создало для него его теперешнюю природную форму самопереживания, способен принимать еще два других состояния. Он может интуитивно чувствовать себя душой в теле, которая проявляет жизнь, как свою деятельность, и ум, как свет этой деятельности. Эта душа в теле есть физическое сознающее существо, *anpamaуa rūpa*, она использует жизнь и ум исключительно для физического переживания, — все прочее считается последствием физического переживания, — не смотрит по ту сторону жизни тела и, поскольку она чувствует что-нибудь за своей физической индивидуальностью, осознает только физическую вселенную и, как наибольшее, свое единство с душой физической Природы. Кроме этого, Пуруша может также интуитивно чувствовать себя душой жизни, отождествленной с великим движением становления во Времени, которая проявляет тело, как форму или основной чувственный образ, и ум, как сознательную деятельность жизни-переживания. Эта душа в жизни есть виталическое сознающее существо, *raпamaуa rūpa* она способна смотреть выше продолжительности и пределов физического тела, чувства вечности жизни позади и впереди, по ту сторону тождественности со всеобщей Жизнью-бытием, но не смотрит за пределы постоянных жизненных становлений во Времени. Три названные Пуруши — это души-формы Духа, с которыми он отождествляет свое сознающее существование и которыми учреждает свое действие на любом из этих трех планов, или первооснов своего вселенского бытия.

Тем не менее, человек типично умственное существо. Кроме того, в настоящее время интеллект является его высочайшим статусом, в котором он ближе всего подходит к своему подлинному Я и наиболее легко и широко осознает дух. Его путь к совершенству — не вовлекаться во внешнее или поверхностное существование, не должен он отдавать себя в распоряжение душе жизни или душе тела, но настойчиво утверждать три умственные интуиции,

которыми он может, в конце концов, поднять себя над физическим, виталическим и умственным уровнями. Это настоятельное усилие может принять две совершенно различные формы, каждая со своей собственной целью и путем развития. Вполне возможно для него усиливать это настойчивое требование путем удаления от существования в Природе, обособленности, отделения от ума, жизни и тела. Человек может пытаться жить все более и более как свидетель Пуруша, смотря на действие Природы без интереса, без одобрения, беспристрастно отвергая все действие, уходя в чистое сознающее существование. Таково освобождение по учению Санкхья. Человек может идти внутрь в это более великое существование, которое он интуитивно чувствует, удаляясь от поверхностного интеллекта в состояние грезы или в состояние сна, которое впускает его в более широкие и более высокие сферы сознания. Проникая далеко в эти сферы, он может даже избавиться от земного существования. Как предполагалось в древние времена, там есть проход в сверхразумные миры, из которых возвращение к земному сознанию или невозможно, или необязательно. Но определенное и уверенное завершение этого вида освобождения зависит от подъема умственного существа в то духовное Я, которое человек сознает, когда возносится вверх над интеллектом. Вот что дано как ключ к полному избавлению от земной жизни или посредством погружения в чистое бытие, или путем участия в сверхкосмическом существовании.

Однако, если наша цель состоит не только в том, чтобы быть свободным через самоотделение от Природы, но достигнуть совершенства самообладания, этот тип усилия не может нас более удовлетворять. Мы должны считаться с умственным, жизненным и физическим действием Природы в нас, выяснить узлы ее зависимости и развязанные точки освобождения, обнаружить замки ее несовершенства и завладеть ключом совершенства. Когда смотрящая душа, свидетель Пуруша, отходит от действия Природы и наблюдает его, она видит, что оно происходит из его собственного побуждения силой своего устройства, силой непрерывности движения, непрерывности ума, целостности жизненного импульса, преемственности произвольного физического механизма. Сначала это кажется повторяющимся действием автоматического механизма, хотя сумма этого действия постоянно возрастает в творении, развитии, эволюции. Душа кажется как бы захваченной в это колесо, прикрепленной к нему чувством эго, закрученной во вращение механизма. Полный механический детерминизм или течение установлений Природы, который душа освещает своим сознанием, становится природным аспектом ее умственной, жизненной и физической индивидуальности, как только начинает рассматриваться с этой обособленной беспристрастной точки зрения, и более не кажется душой, захваченной в движение и воображающей себя частью действия.

При дальнейшем рассмотрении мы находим, что этот детерминизм не так полон, как он казался; действие Природы продолжается и является тем, что оно есть, из-за согласия Пуруши. Смотрящий Пуруша видит, что он поддерживает и, в некотором отношении, наполняет и понижает действие своим сознающим бытием. Он обнаруживает, что без него это действие не может продолжаться, и что там, откуда он настойчиво оттягивает свое согласие, привычное действие постепенно ослабляется, никнет и прекращается. Всё его активное мышление может быть таким образом приведено к полной тишине. Однако, есть еще пассивный ум, который механически продолжает свое действие, но и он может быть успокоен отходом Пуруши из этого действия. Даже и тогда жизненное действие в его наиболее механических частях продолжается; но оно тоже может быть успокоено до прекращения. Тогда оказывается, что он не только поддерживающий, (bhartr) Пуруша, но некоторым образом господин своей природы, Ишвара. Именно это сознание своего санкционирующего контроля и необходимости его согласия заставило Пурушу, пребывая в чувстве эго, понять себя как душу или умственное существо со свободной волей, определяющее все свои собственные становления. Все же свободная воля

кажется несовершенной, почти иллюзорной, пока действующая воля сама является механизмом Природы, и каждое отдельное волеизъявление определено потоком прошлого действия и суммой условий, этим созданных, — хотя, поскольку в результате этого потока и суммы условий ежеминутно появляется новое развитие, новое решение, оно может казаться саморожденным волеизъявлением, девственно созидательным в каждый момент. Его вкладом все это время было стоящее сзади согласие, санкция на то, что делала Природа. Казалось, Пуруша не способен управлять ею целиком, но только может выбирать между некоторыми хорошо обозначенными возможностями: в ней есть сила сопротивления, рожденная суммой закрепленных условий, которые она создала и представляет Пуруше, как свод постоянных законов, которым нужно повиноваться. Он не может коренным образом изменить ее способ действовать, не может свободно осуществлять свою волю, находясь в теперешнем движении Природы, не может, пока находится в уме, выбраться наружу или вверх настолько, чтобы проводить действительно свободный контроль. Есть дуализм зависимости, её зависимость от его согласия, его зависимость от её закона, пути и ограничений действия, зависимость, отрицаемая ощущением свободной воли, свободной воли, аннулированной реальностью природного детерминизма. Пуруша уверен, что Природа есть его сила, но все же кажется подчиненным Природе. Он является санкционирующим (annamantṛ) Пурушей, но не кажется абсолютным властелином, Ишварой.

Тем не менее, есть где-то абсолютный контроль, действительный Ишвара. Он осознает это и знает, что если сможет найти его, то войдет в контроль, будет не только пассивным санкционирующим свидетелем, поддерживающим ее волю, но будет свободно использовать и определять ее движения. Но этот контроль очевидно принадлежит другому состоянию, иному, чем умственное. Иногда он обнаруживает, что использует этот контроль, но становясь его каналом или инструментом; это приходит к нему свыше. Ясно поэтому, что это — сверхразум, сила Духа, более великая, чем умственное бытие, которую он уже знает сам, пребывающей на вершине и в тайной сердцевине его сознающего существа. Отождествление с этим Духом, следовательно, должно быть его способом контролировать и повелевать. Пуруша может сделать это пассивно через некоторое получение и отражение в своем умственном сознании, но тогда душа — только форма, канал или инструмент, а не владлец или участник в силе. Он может достигнуть тождественности путем погружения своего интеллекта во внутреннее духовное существо, но тогда осознающее действие прекращается в транс тождественности. Чтобы быть активным хозяином природы, он должен, очевидно, подняться до некоторого более высокого сверхразумного состояния, где возможна не только пассивная, но и активная тождественность с контролирующим духом. Найти пути подъема к этому более высокому состоянию и стать самоуправляющим, Сваратом, — таково условие совершенства.

Трудности восхождения обусловлены естественным незнанием. Он есть Пуруша, свидетель умственной и физической Природы, saksi, но не полностью знающий я и Природу, jnatṛ. Знание в умственном уровне освещено его сознанием; он есть умственный познающий, но он обнаруживает, что это не подлинное знание, а только частичные поиски и частичное нахождение, производное, изменчивое отражение и узкое использование в действии более великого света, приходящего свыше, который и есть истинное знание. Этот свет есть самоосознание и всеосознание Духа. Сущностного самоосознания познающий может достигнуть даже на умственном плане бытия, посредством отражения в душе ума или путем его погружения в дух, как действительно это может быть достигнуто другим видом отражения или погруженности в душу жизни и душу тела. Однако, для участия в действительном всеосознании с этим сущностным самоосознанием себя как души своего действия, познающий должен подняться к сверхразуму. Чтобы быть властелином своего существа, нужно познать я и Природу,

jñata i svarah. Частично это может быть сделано на более высоком уровне ума, где он прямо отвечает сверхразуму, но действительно и полно это совершенство принадлежит не умственному существу, но идеальной Душе или Душе знания, vijñānamāya rūpa. Втянуть ментальное в бытие более высокого знания, а это состояние — в Я Блаженства духа, anandamāya rūpa, таково самое отдаленное направление движения этого совершенства.

Однако, никакого совершенства, даже и значительно меньшего, чем это, нельзя достигнуть без самого решительного пересмотра теперешней природы и отмены многого из того, что кажется установленным постоянным законом комплексной связи умственного, жизненного и физического существа. Закон этой связи был создан ради определенного и ограниченного результата, временного поддержания, сохранения, завладения, расширения, удовольствия, испытания, потребностей, действия умственного эго в живущем теле. Есть другие результативные средства, но это немедленно и прочно устанавливает цель и полезность. Для более высокой пользы и более свободного пользования инструментами эта связь должна быть частично разорвана, превышена, трансформирована в большую гармонию действия. Пуруша видит, что созданный закон представляет собой частично устойчивое, частично неустойчивое выборочное установление привычного, но развивающегося опыта из первого беспорядочного осознания я и не-я, субъективного существа и внешней вселенной. Этим установлением управляют ум, жизнь и тело, действующие друг на друга в гармонии и соответствии, но также, в разногласии и разладе, во взаимных помехах и ограничениях. Есть такие же перепутанные согласия и разногласия между самими различными действиями ума, между разными действиями жизни, а также между разными действиями физического существа. Целое являет собой некий беспорядочный порядок, сконструированный и развернутый из постоянно обступающей и вторгающейся неразберихи.

Это первая трудность, с которой должен иметь дело Пуруша, смешанное и спутанное действие Природы, — действие без ясного самопонимания, без определенного мотива, без твердого владения инструментами, только попытка этого и общий относительный успех выполнения, — неожиданный результат приспособления в некоторых направлениях, но также и множество страданий от несоответствия. Это смешанное и спутанное действие должно быть исправлено; очищение есть существенное средство самосовершенствования. Все эти засорения и несоответствия складываются в различные виды ограничения и зависимости; однако, есть два или три основных узла связей, — это является основным узлом, — от которых происходят другие связи. От этих оков нужно избавиться, очищение не полно, пока оно не приносит освобождения. Наряду с этим, после того, как определенное очищение и освобождение выполнены, предстоит обращение очищенных инструментов к закону более высокой цели и пользы, великому, полному и совершенному порядку действия. Обращением человек может достигнуть постоянного совершенства полноты бытия, тишины, силы и знания, даже более великого жизненного действия и более совершенного физического существования. Один из результатов этого совершенства — огромный и полный восторг бытия, Ананда. Таким образом, очищение, освобождение, совершенство и восторг бытия — это четыре составные части Йоги — suddhi, mukti, siddhi, bhukti.

Однако, это совершенство не может быть достигнуто или не может быть непоколебимым и полным в его огромности, если Пуруша придает особое значение индивидуальности. Отказаться от отождествления с физическим, виталическим и умственным эго не достаточно; он должен достигнуть души также в правильной, готовой к единению, не обособляющейся индивидуальности. В низшей природе человек — это эго, проводящее резкую черту между собой и всем другим существованием; эго для него — я, а все остальное — не-я, находящееся вне его существа. Все его действие начинается и основывается на этом понимании себя и понимании

мира. Но это понимание в действительности ошибочно. Как бы резко он ни обособлял себя в умственном представлении, в умственном или другом действии, он неотделим от всеобщего бытия, его тело — от вселенской силы и материи, его жизнь — от всеобщей жизни, его ум — от вселенского ума, его душа и дух — от вселенской души и духа. Всеобщее действует на него, вторгается в него, преодолевает его, отпечатывает себя в нем каждый момент; он в своей реакции действует на всеобщее, вторгается, пытается навязать себя ему, приспособить, преодолеть его натиск, управлять и пользоваться своим инструментарием.

Этот конфликт является отражением лежащего в основе единства, которое принимает на себя аспект борьбы, выраженной неизбежностью первоначального разделения; две половины, на которые ум разрезал целое, бросаются друг на друга, чтобы восстановить единство, и каждая пытается схватить и включить в себя отделенную часть. Кажется, что вселенная всегда пытается поглотить человека, что бесконечное хочет взять обратно это конечное, стоящее в самообороне и даже отвечающее агрессией. Но в действительности, вселенское бытие этой видимой борьбой добивается своей цели в человеке, хотя расшифровка и истина этой цели и работы утеряны его поверхностно сознающим умом, только в лежащем в основании подсознании они тайно сохраняются, и только в верховенствующем сверхсознательном единстве они точно известны. Человек также побуждается к единению постоянным импульсом расширения своего эго, которое отождествляет себя, насколько оно может, с другими эго и с такими же частичками вселенной, когда физически, жизненно, умственно может заполучить их в свое пользование и владение. Как человек стремится к познанию и завладению своим собственным существом, так же он стремится к познанию и завладению окружающим миром природы, его объектами, его инструментарием, его существами. Сначала он пытается осуществить эту цель эгоистическим захватом, но, по мере того, как он развивается, элемент симпатии, рожденный из скрытого единства, растет в нем, и человек приходит к идее расширяющегося сотрудничества и единства с другими существами, гармонии со всеобщей Природой и вселенским бытием.

Свидетель Пуруша в уме наблюдает, что несоответствие его усилия, всё несоответствие человеческой жизни и природы в действительности возникает из разделения и следующей за ним борьбы, недостатка знания, недостатка гармонии, недостатка единства. Существенно для него вырасти из отделенной индивидуальности, обобществиться и объединиться со вселенной. Это приведение к единению может быть сделано только душой, посредством единения нашей души ума со вселенским Умом, нашей души жизни со всеобщей Жизнью-душой, нашей души тела со всеобщей душой физической Природы. Когда это произойдет, соразмерно силе, интенсивности, глубине, полноте, постоянству, с которыми это может быть сделано, громадное влияние будет оказано на природное действие. В частности, там растет непосредственная и глубокая симпатия и соприкосновение ума с умом, жизни с жизнью, уменьшается настояние тела на отделении, растет сила прямого умственного и другого взаимного общения и результативного взаимодействия, которое теперь выручает неадекватную, непрямую связь и действие, составлявшее до сих пор большую часть сознающих средств, использованных воплощенным умом. Но ещё Пуруша видит, что в умственной, виталической, физической природе, взятой отдельно, всегда есть дефект, несоответствие, спутанное действие из-за механически неравно подобранного взаимодействия трех видов или гун Природы. Чтобы превысить это состояние, Пуруша должен также во всеобщности подняться к сверхразумному и духовному, объединиться со сверхразумной душой космоса, вселенским духом. Он достигает значительно большего света и порядка более высокой первоосновы в себе и вселенной, являющихся характерным действием божественного Сатчитананды. Даже, он способен вызвать воздействие этого света и порядка не только на свое собственное природное существо, но, в пределах и в соответствии со степенью действия Духа в нём, на мир, в котором живет, на то, что

его окружает. Он есть svarat, самознающий, самоуправляющий, но посредством этого превосходения, этого духовного единения он начинает превращаться в samrat, знающего и владеющего окружающим его миром бытия.

В таком саморазвитии душа обнаруживает, что на этом уровне достигнута цель всей интегральной Йоги, союз с Верховным в ее я и в ее индивидуальности, приведенной ко всеобщности. Пока Пуруша остается в существовании мира, это совершенство должно излучаться из него, — ибо это настоятельная потребность его единства со вселенной и ее существами, — во влияние и действие, помогающее всему вокруг, кто способен подниматься или продвигаться к такому же совершенству, а для остальных — во влияние и действие, которое помогает, как только самоуправляющий и самовладеющий человек может помочь, духовно вести человеческую расу вперед к такому завершению и к отражению еще большей божественной истины в их личном и общественном существовании. Он становится светом и силой Правды, к которой поднялся, и средством помощи для восхождения других.

ЕСЛИ должно быть достигнуто активное совершенство нашего существа, то первой необходимостью становится очищение работы инструментов, которые оно сейчас использует в скрежете диссонансов. Сама сущность, дух, божественная Реальность в человеке не нуждается в очищении, она всегда чиста, не затронута промахами своих инструментов или ошибками ума, сердца и тела в их работе, так же как солнце, как говорится в Упанишадах, не затрагивается и не загрязняется дефектами зрения смотрящего на него. Ум, сердце, душа жизненного желания, жизнь в теле являются местонахождением нечистоты; именно они должны быть приведены в порядок, чтобы работа духа стала совершенной, без следов теперешней большей или меньшей уступки хитросплетениям удовольствий низшей природы. То, что обычно называют очищением существа, представляет собой или негативную незапятнанность, свободу от греха, приобретенную постоянным запрещением любого действия, чувства, мысли и желания, которые мы считаем неправильными, или высочайшую негативную или пассивную чистоту, совершеннейшее согласие с Богом, неделание, полную неподвижность вибрирующего ума и души желаний, что в успокаивающих дисциплинах ведет к верховному миру; тогда дух появляется во всей вечной чистоте своей незапятнанной сущности. После этого достижения, казалось бы, дальше нечего делать и нечем насладиться. Но на этом уровне есть более трудная проблема тотального, непрекращающегося, даже возрастающего и более мощного действия, основанного на совершенном блаженстве существа, на чистоте душевной инструментальной, так же как и духовной сущностной природы. Ум, сердце, жизнь, тело должны совершать труды Божественного, все работы, которые они делают сейчас и более этого, но делать их божественно, как сейчас они того не делают. Первая постановка проблемы, которую искатель совершенства должен одолеть, состоит в том, что именно не негативная, запрещающая, пассивная или успокаивающая, но позитивная, утверждающая, активная чистота является его целью. Божественный квиетизм, спокойствие, открывает незапятнанную вечность Духа, божественный кинетизм, движение, добавляет к этому правильное чистое неуклонное действие души, ума и тела.

Более того, именно всеобъемлющее очищение всего сложного инструментария во всех частях каждого инструмента требуется от нас интегральным совершенством. Оно не является в конечном результате узким моральным очищением этического свойства. Этика имеет дело только с душой желаний и активной внешней динамической частью нашего существа; ее область ограничена характером и действием. Она запрещает и подавляет определенные поступки, желания, влечения, склонности, она внедряет известные качества, такие как правдивость, любовь, милосердие, сострадание, воздержанность. Когда этика добивается этого и обеспечивает основу добродетели, уверенное использование очищенной воли и безупречной привычки действия, ее работа окончена. Но Сиддха интегрального совершенства должен пребывать на более высоком уровне вечной чистоты Духа, за пределами добра и зла. Эта фраза не означает, как поспешно делающий заключение интеллект был бы склонен вообразить, что добро и зло индифферентны, и что для Духа нет разницы между ними, такое заявление было бы на стадии индивидуального действия явной ложью и могло бы послужить прикрытием безрассудному потворству и самооправданию грехов несовершенной человеческой природы. Также не означает это, что поскольку добро и зло в этом мире нерасторжимо перепутаны, подобно страданию и удовольствию, — предположение, которое не смотря на то, что правильно в настоящее время и правдоподобно как обобщение, не обязательно должно быть истиной

человеческого бытия более высокой духовной эволюции, — освобожденный человек будет жить в духе и отойдет от механических возобновляющихся действий неизбежно несовершенной природы. Это, хотя и возможно как ступень к финальному прекращению всякой активности, очевидно не является намерением активного совершенства. Сказанное означает, что Сиддха активного интегрального совершенства будет жить динамично в работе трансцендентной силы божественного Духа, поскольку вселенская воля через сверхразум индивидуализирована в нем для действия. Его труды будут, поэтому, трудами вечного Знания, вечной Правды, вечной Энергии, вечной Любви, вечной Ананды; но истина, знание, сила, любовь, восторг будут всем сущностным духом любой работы, которую он будет делать, и не будет зависеть от ее вида; они будут побуждать его действие духом изнутри, и действие не будет ограничивать дух, не будет подчинять его фиксированному стандарту или жесткому образцу работы. У него не будет просто преобладающей привычки характера, но только духовное бытие и воля, обладающая, как наибольшее, свободной и гибкой формой темперамента для действия. Его жизнь будет прямым потоком от вечного источника, а не формой, вырезанной по некоторому временному человеческому шаблону. Его совершенство не будет саттвической чистотой, но поднимется над Гунами Природы и будет совершенством духовного знания, духовной силы, духовного восторга, единства и гармонии единения; внешнее совершенство его работ будет свободно сформировано как самовыражение этой внутренней духовной трансцендентности и всеобщности. Для такого изменения он должен осознать в себе эту силу духа и сверхразума, которая сейчас для нашего ума является сверхсознанием. Однако, оно не может работать в нем, пока его теперешнее умственное, виталическое, физическое существо не освобождены от их текущей низшей работы. Это очищение составляет первую необходимость.

Иначе говоря, очищение не должно быть понято в некотором ограниченном смысле отбора определенных внешних кинетических движений, их регулирования, запрещения другого действия, или как освобождение от известных форм характера или особенных умственных и моральных качеств. Это вторичные признаки нашего производного бытия, а не сущностные и первичные силы. Мы должны провести более широкий психологический осмотр первичных сил нашей природы. Мы должны разглядеть сформировавшиеся части нашего существа, выделить основной дефект из нечистоты или неправильного действия и исправить это, несомненно, что остальное тогда естественно поправится. Мы не должны лечить симптомы нечистоты, — ибо это такая же второстепенная, как и незначительная помощь, — но бить по ее корням после глубокого диагноза. Тогда мы обнаруживаем, что есть две формы нечистоты, лежащие в корне всего беспорядка. Одна — это дефект, порожденный природой нашей прошлой эволюции, которая была природой отделённого незнания; этот радикальный дефект представляет собой ошибку и неведение, свойственные собственному действию каждой части нашего инструментального существа. Другая нечистота порождена последовательным процессом эволюции, в котором жизнь появляется в теле и зависит от тела, ум появляется в жизни и зависит от жизни в теле, сверхразум появляется в уме и одалживает себя ему вместо управления умом, душа сама кажется только сопутствующим обстоятельством телесной жизни умственного существа и скрывает дух в несовершенствах нижних уровней. Второй дефект нашей природы вызван этой зависимостью более высоких от низших частей; именно через это смешение функций нечистое действие низшего инструмента входит в характерное действие более высокой функции и вносит в нее дополнительное затруднение, неверное направление и путаницу.

Так, надлежащая функция жизни, виталической силы, состоит в наслаждении и обладании, оба совершенно обоснованы тем, что Дух создал мир для Ананды, наслаждения и обладания многих Одним, Одного многими, и также многих многими; но, — вот пример первого вида дефекта, — разъединяющее неведение придает этому ложную форму вожделения и страстного

желания, которая портит все обладание и наслаждение, налагает на них их противоположности, нужду и страдание. Кроме того, поскольку ум пойман в ловушку жизни, где он эволюционирует, эта жажда и страстное желание вторгаются в действие умственной воли и знания, что делает их, из разумной воли и распознающей силы интеллектуального приведения в исполнение, волей желания и силой жажды, и это искажает решение и обоснование, поскольку мы оцениваем и рассуждаем согласно нашим желаниям и предубеждениям, а не с беспристрастием чистой рассудительности и бескорыстной прямоты разума, который стремится только различить истину и верно понять цели своих работ. Таков пример смещения. Эти два вида дефекта, неверная форма действия и неправомерное смещение действия, не ограничены единичными примерами, но свойственны каждому инструменту и каждой комбинации их функций. Они распространяются на всю структуру нашей природной организации. Они являются фундаментальными дефектами нашей низшей инструментальной природы, и если мы сможем исправить их, мы приведем наше инструментальное существо в состояние чистоты, будем наслаждаться чистотой безупречной воли, незапятнанного сердца эмоций, непорочной радостью нашей жизни, благородством тела. Это будет предварительное, человеческое совершенство, но оно может быть сделано основой и может развернуться в своем усилии самодостижения в еще более возвышенное, божественное совершенство.

Ум, жизнь и тело являют собой три силы нашей низшей природы. Однако, они не могут быть рассмотрены совершенно отдельно, поскольку жизнь действует как связь и дает свой характер телу и, в огромной степени, нашему уму. Наше тело есть живущее тело; жизнь-сила смешивается с ним и определяет все его функции. Наш ум также в значительной степени является умом жизни, умом физического ощущения, только в своих более высоких функциях он обычно способен на что-то большее, чем работы физического ума, подчиненного жизни. Мы можем разместить это в такой восходящей последовательности. Первым назовем тело, поддержанное физической жизнью-силой, физической Праной, которая курсирует по всей нервной системе и налагает свой отпечаток на наше телесное действие так, что оно имеет характер действия живого, а не инертного механического тела. Прана и физический аппарат вместе образуют плотное тело, *sthula sarira*. Это только внешний инструмент, нервная сила жизни, действующая в форме тела с его грубыми физическими органами. Затем, есть внутренний инструмент, *antahkarana*, сознающая ментальность. Этот внутренний инструмент в старой системе разделяется на четыре силы: *citta*, или базовое ментальное сознание, *manas*, или чувствующий ум, *buddhi*, или интеллект, *ahankara* или эго-идея. Эта классификация может служить начальной точкой, но для большей практичности мы должны сделать определенное дальнейшее распознавание. Сознательный ум пропитан жизненной силой, которая становится здесь инструментом психического сознания и психического воздействия на жизнь. Каждая фибра чувствующего ума и базового сознания пронизана действием этой психической Праны, это есть нервная или виталическая и физическая ментальность. Даже Буддхи и эго пересилены ею, хотя они могут поднимать ум выше подчинения этой виталической, нервной и физической психике. Эта комбинация создает в нас чувственную душу желаний, которая является главным препятствием для более высокого человеческого, а также для еще большего божественного совершенства. Оканчивая перечисление скажем, что над нашим теперешним сознающим умом есть тайный сверхразум, который является собственным средством и родиной этого совершенства.

Читта, базовое сознание, большей частью подсознательное, имеет, открыто и скрыто, два вида действия, одно пассивное или воспринимающее, другое активное или реагирующее и образующее ответ. Как пассивная сила, она получает все воздействия, включая и те, которые ум не сознает или к которым он невнимателен, и откладывает их в необъятном хранилище

пассивной подсознательной памяти, из которой ум, как активная память, может черпать. Но обычно ум вытаскивает оттуда только то, что он наблюдал и понял в свое время, — легче то, что он тщательно наблюдал и хорошо понял, труднее то, что он наблюдал беззаботно и плохо понял. Вместе с тем в сознании есть сила послать вверх в активный ум для использования то, что ум совсем не наблюдал или то, за чем он не проследил, или даже то, что осознанно не пережил. Эта сила действует заметно только в аномальных условиях, когда некоторая часть подсознательной Читты выходит на поверхность, или когда засознательное существо в нас появляется в преддверии активного сознания и какое-то время играет некоторую роль во внешних зонах ума, где происходит прямая связь и общение с окружающим миром, и наши внутренние отношения с самим собою раскрываются наружу. Это действие памяти настолько фундаментально для всего умственного действия, что иногда говорят: память есть человек. Даже в действии тела и жизни в подумственном уровне, которое полно этой подсознательной Читтой, есть виталическая и физическая память, хотя и не находящаяся под контролем сознающего ума. Виталические и физические привычки главным образом сформированы этой подумственной памятью. По этой причине, они могут быть изменены до неограниченной степени более сильным действием сознающего ума и воли, когда эти ум и воля будут развиты и смогут найти средства передавать подсознательной Читте волю духа для нового правила виталического и физического действия. Все устройство нашей жизни и тела может быть описано как связка привычек, образованных прошлой эволюцией в Природе и удержанных вместе настоящей памятью этого скрытого сознания. Читта, первичный материал сознания, так же как Прана и тело, универсальна в Природе, но подсознательна и механистична в естестве Материи.

Фактически, все действие ума или внутреннего инструмента поднимается из этой Читты или базового сознания, частично сознательной, частично подсознательной или засознательной относительно нашего активного ума. Когда базовое сознание атаковано ударами из внешнего мира или побеждается рефлексивными силами субъективного внутреннего существа, оно пускает в ход постоянные привычные действия, шаблон которых определен нашей эволюцией. Одна из форм этой активности — эмоциональный ум, или сердце, как мы можем назвать его для удобной краткости. Наши эмоции представляют собой волны реакций и ответов, которые поднимаются из базового сознания, *cittavrtti*. Их действие также регулируется главным образом привычкой и эмоциональной памятью. Они не повелительны, не являются законом Необходимости; нет действительно обязывающего закона нашего эмоционального существа, которому мы должны безысходно подчиняться. Мы не обязаны давать каким-то воздействиям на ум ответы печали и гнева, ненависти и отвращения, а другим — ответы симпатии или любви. Всё это только привычки нашего затронутого ума; они могут быть изменены сознательной волей духа; они могут быть запрещены; мы можем даже подняться полностью над всем подчинением горю, гневу, ненависти, дуализму симпатии и антипатии. Мы подвластны этому только пока сами упорно продолжаем подчиняться механическому действию Читты в эмоциональном уме. От этого действия трудно избавиться из-за силы прошлой привычки и особенно из-за назойливой настойчивости виталической части ума, нервного жизне-ума, или психической Праны. Эта природа эмоционального ума, состоящая в реакции Читты с определенной скрытой зависимостью от нервных жизненных ощущений и откликов психической Праны так характерна, что в некоторых языках эмоциональный ум называется Читта, Прана, сердце, жизненная душа; действительно, это наиболее непосредственно волнующее и чрезвычайно настойчивое действие души желаний, созданной в нас смешением виталического желания и соответствующего сознания. И все же подлинная эмоциональная душа, наша реальная психика не есть душа желаний, но душа чистой любви и восторга; но она, подобно остальному в нашем подлинном существе, может проявиться только тогда, когда искажение, созданное жизнью желания, будет

выправлено и перестанет быть характерным действием нашего существа. Выполнение этого составляет необходимую часть нашего очищения, освобождения, совершенства.

Нервное действие психической Праны наиболее очевидно в нашем чисто сенсорном уме. Этот нервный ум действительно следует за всем действием внутреннего инструмента, сознающего ума, и часто кажется, что им образованы не только ощущения, но и большая часть многого другого. Он особенно атакует эмоции, которые от этого несут печать Праны. Так, страх — это в большей степени нервное ощущение, чем эмоция, злость это в большей мере или чаще чувственный ответ, переведенный на язык эмоции. Другие чувства больше идут от сердца, более внутренние, но они соединяются с нервными порывами и физической страстной жадью, или с идущими наружу импульсами психической Праны. Любовь есть эмоция сердца и может быть чистым чувством, — весь сознающий ум, пока мы представляем собой вмещенные в теле умы, вынужден производить, даже мысль создает, некоторый вид жизненного усилия и некоторый ответ в материале тела, однако по этой причине они не должны иметь физическую природу, — но сердечная любовь с готовностью соединяет себя с жизненным желанием в теле. Этот физический элемент может быть очищен от подчинения физическому желанию, которое называется вожделением, он может стать любовью, использующей тело для физической, так же как и для умственной и духовной близости; но любовь может также отделить себя ото всякого, даже от самого невинного физического элемента, даже от тени его, и быть чистым движением единения души с душой. Все же надлежащее действие чувствующего ума не эмоция, а сознательный нервный отклик, нервное чувство и возбуждение, импульс к использованию физического чувства и тела для некоторого действия ради сознаваемого виталического страстного стремления и желания. Это область на восприятие ответа, область динамической реакции. Они получают свое соответствующее нормальное использование, когда более высокие зоны ума не механически подчинены им, но контролируют и регулируют их действие. Но еще более высокое состояние наступает, когда они подвергнутся определенному преобразованию, проводимому сознательной волей духа, которая дает свою правильную и более не искаженную желанием форму характерному действию психической Праны.

Манас, чувствующий ум, в нашем обычном сознании зависит от физических органов воспринимающего чувства, обеспечивающего получение знания, и от органов тела для действия, направленного к объектам чувства. Поверхностное и внешнее действие чувств по своему характеру является физическим и нервным, и о чувствах можно легко подумать, что они просто результаты нервной деятельности. В старых книгах их иногда называют Пранас, нервной или жизненной активностью. Но наиболее существенно в них не нервное возбуждение, а сознание, действие Читты, использующее орган и нервный импульс, для которого орган является каналом. Манас, чувствующий ум, является энергией, выходящей из базового сознания, которая выполняет всю сущность того, что мы называем чувством. Зрение, слух, вкус, обоняние, осязание по-настоящему принадлежат уму, а не телу; но физический ум, который мы обычно используем, ограничивает себя переводом в чувство стольких внешних импульсов, сколько получает через нервную систему и физические органы. Однако, внутренний Манас имеет также тонкое видение, слышание, силу контакта свою собственную, которая не зависит от физических органов. И он имеет сверх того силу не только прямой связи ума с объектом, — ведущую даже в высокой степени ее действия к чувству содержания объекта внутри или выше физического уровня, — но также прямой связи ума с умом. Ум также может изменять, смягчать, сдерживать охват, длительность и напряженность чувственных импульсов. Эти силы ума мы обычно не используем или не развиваем; они остаются в засознательной зоне и появляются иногда в нерегулярном и прерывистом действии, легче в одних умах, чем в других, или выходят на поверхность при аномальных состояниях человека. Они составляют основу ясновидения,

яснослышания, перенесения мыслей и импульсов, телепатии, значительной части более обычных видов сил, называемых оккультными, хотя их лучше описать менее мистически как силы нового действия Манаса из засознательной зоны. Феномен гипнотизма и многое другое зависит от действия этого засознательного чувствующего ума; оно не одно составляет все элементы феномена, но это первое поддерживающее средство общения, связи и ответа, хотя многое в его фактической работе принадлежит внутреннему Буддхи. У нас есть ум физический и ум сверхфизический, и мы можем использовать этот двойной чувствующий ум.

Буддхи есть конструкция сознающего бытия, которая полностью превышает свои начала в базовой Читте; это интеллект с его силой познания и воли. Буддхи принимает и оперирует со всеми остальными действиями ума, жизни и тела. Именно в его природе проявляется сила мысли и сила воли Духа, обращенная в низшую форму умственной деятельности. Можно различить три следующие одна за другой градации действия этого мыслительного ума. Первая — низшее воспринимающее понимание, которое просто берет, регистрирует, понимает и отвечает на сообщения чувствующего ума, памяти, сердца и сенсорного ума. Оно образует их средствами первичный думающий ум, который не выходит за их данные, но подчиняется их шаблону, кружится в их повторениях, вертится в привычной сфере мысли и желания, вызванных ими, или следует, с послушным содействием рассудка, внушениям жизни, любым новым направлениям, которые могут быть предложены его восприятию и пониманию. Выше этого первичного понимания, которое мы все используем в огромных размерах, есть сила классифицирующего и выбирающего рассудка и сила умственной воли, которая пытается ради своего действия и цели достигнуть правдоподобного достаточно устойчивого порядка знания и воли для использования интеллектуальной концепции жизни.

Вопреки своему исключительно интеллектуальному характеру этот вторичный или промежуточный рассудок реально прагматичен в своих усилиях. Он создает некоторый вид умственного построения, каркас, свод правил, в которых он пытается расположить внутреннюю и внешнюю жизнь так, чтобы использовать ее с определенным мастерством и управлять ею для каких-то целей рациональной воли. Это тот рассудок, который дает нашему обычному интеллектуальному существованию набор эстетических и этических стандартов, структуру мнения и установленные образцы мысли и намерения. Он высоко развит и главенствует во всех людях, полностью умственно развитых. Далее за ним стоит третий рассудок, наивысшее действие Буддхи, который беспристрастно занят поисками чистой истины и правильного знания, он стремится обнаружить реальную Истину за жизнью, за материальными проявлениями, за нашими видимыми "я", и подчинить свою волю закону Истины. Мало кто из нас может использовать этот высочайший рассудок с любой степенью чистоты, но сама попытка делать это составляет высочайшую способность внутреннего инструмента, antaЧкагаха.

Буддхи действительно является посредником между более высоким Правдой-умом, прямым инструментом Духа, которым мы сейчас активно не владеем, и физической жизнью человеческого ума, развитого в теле. Его силы интеллекта и воли вытянуты из этого более великого Правды-ума, иначе сверхума. Буддхи концентрирует свое умственное действие вокруг идеи эго, мысли, что "я" есть этот ум, жизнь и тело или умственное существо, установленное их действием. Буддхи служит этой идее эго, будь она ограничена тем, что мы называем эгоизмом, или расширена симпатией к жизни вокруг нас. Существующее чувство эго держится на отдельном действии тела, индивидуальной жизни, чувствующего ума, и идея эго в Буддхи централизует все действие мысли, характера, личности этого эго. Низшее понимание и промежуточный рассудок являются инструментами его жажды опыта и саморасширения. Но когда высочайший рассудок и воля развиваются, мы можем обратиться к тому, что эти внешние проявления означают для более высокого духовного сознания. Собственное "я" может тогда

быть понято как умственное отражение всеобщего Я, Духа, Божественного, всеединого существования, трансцендентного, всеобщего и индивидуального в его множественности; сознание, в котором эти качества собираются вместе, становятся аспектами одного бытия и принимают правильное соотношение, может затем быть развалировано ото всех этих физических и умственных покровов. Когда переход к сверхразуму происходит, силы Буддхи не погибают, но все неизбежно обретают свое сверхумственное значение. Однако рассмотрение сверхразума и превращение Буддхи принадлежит к вопросу высших Сиддхи или божественного совершенства. Сейчас же мы должны рассматривать очищение нормального существа человека, подготовительное для любого такого обращения, которое ведет к освобождению от оков нашей низшей природы.

МЫ ДОЛЖНЫ рассмотреть сложное действие всех этих инструментов и приступить к их очищению. И простейший путь будет таков: ухватиться за два основных дефекта в каждом из инструментов, различить ясно, в чем они состоят, и исправить их. Есть еще вопрос о том, где мы должны начать. Поскольку запутанность велика, полное очищение одного инструмента зависит от полного очищения также и всех других, и это является огромным источником трудностей, неприятностей и растерянности, — так, как только мы подумаем, что уже очистили мыслительный ум, нам приходится обнаруживать, что он все еще подвержен нападению и омрачается, потому что и эмоции сердца, и воля, и сенсорный ум все еще поражены многими засорениями низшей природы, и они возвращаются в просвещенный Буддхи и препятствуют отражению им чистой истины, которой мы добиваемся. Однако, с другой стороны, у нас есть то преимущество, что один важный инструмент, достаточно очищенный, может быть использован как средство для очищения других, один твердый шаг делает легче все другие и избавляет от массы трудностей. Тогда какой же инструмент своим очищением и совершенством наиболее легко и успешно вызовет совершенство всех остальных или сможет помочь им с наибольшей быстротой?

Поскольку мы являемся духом, вовлеченным в ум, душой, развивавшейся здесь как умственное существо в живущем физическом теле, естественно, что именно в уме, antahkarana, мы должны искать это недостающее. И в уме, очевидно, посредством Буддхи, мыслительного ума и умственной воли, человеческому существу предназначено сделать любую работу, не сделанную для него физической или нервной природой, как в растении и в животном. До развития какой бы то ни было более высокой сверхразумной силы умственная воля должна быть нашей основной выполняющей силой, и ее очищение становится самой главной необходимостью. Как только наш мыслительный ум и воля будут хорошо очищены ото всего, что ограничивает их, придает им неправильное действие или неправильное направление, их можно легко совершенствовать, они могут быть подготовлены отвечать внушениям Правды, понимать себя и остальное в существе, видеть ясно с превосходной точностью, что они делают, и следовать правильному пути, чтобы делать это без какого-либо колебания, нетерпеливого отклонения или спотыкающегося блуждания. В конечном счете, в ответном движении они могут открыться вверх к совершенному распознаванию, различным видам интуиции, вдохновения, откровения сверхума и развиваться путем более и более проясняющегося и даже безошибочного действия. Однако, это очищение не может быть выполнено без предварительной расчистки естественных препятствий в других низших частях antahkarana, и главным естественным препятствием, проходящим через все действия antahkarana, через ощущение, умственное восприятие, чувство, динамический импульс, интеллект, волю является вмешательство и принудительное требование психической Праны. Следовательно, необходимо заняться ею, ее преобладающее вмешательство должно быть исключено, ее требованию отказано, сама психическая Прана должна быть успокоена и подготовлена к очищению.

У каждого инструмента, как это уже было сказано, есть его собственное правильное действие, и есть также искажение или неверный принцип надлежащего ему действия. Собственное действие психической Праны — это чистое обладание и наслаждение, bhoga. Наслаждаться мыслью, волей, действием, динамическим импульсом, результатом действия, эмоцией, чувством, ощущением, наслаждаться также посредством всего этого объектами, лицами, жизнью, окружающим миром — такова деятельность, для которой эта Прана дает нам

психо-физическую основу. Подлинно совершенное наслаждение существованием может придти только тогда, когда мы будем наслаждаться не миром в себе или для себя, но Богом в мире, когда не явления, но Ананда Духа в явлениях составляет реальный, сущностный объект нашего наслаждения, а внешние явления образуют только форму и символ духа, волны океана Ананды. Однако, эта Ананда придет навсегда, только когда мы сможем достигнуть и отразить в наших членах скрытое духовное бытие, ее полноту, можно получить только взобравшись на сверхразумные уровни. Между тем, есть праведное и позволительное, совершенно законное человеческое наслаждение этими явлениями, которое, если говорить языком индийской психологии, преобладающе саттвическое по своей природе. Это — просвещенное наслаждение преимущественно через посредство воспринимающего, эстетического и эмоционального ума, и только дополнительно посредством ощущающего нервного и физического существа, но все подчинено светлостному правлению Буддхи, правильному рассудку, правильной воле, правильному восприятию жизненных импульсов, правильному порядку, правильному чувству истины, закона, идеальной эмоции, красоты, пользы вещей. Ум получает чистый вкус наслаждения ими, *rasa*, и отвергает все смущающее, беспокоящее и порочное. В это восприятие чистого и прозрачного *rasa* психическая Прана должна внести полное чувство жизни и насыщения наслаждением всего существа, *bhoga*, без чего умственное принятие и владение наслаждением, *rasagrahana*, было бы не достаточно конкретно, слишком тонко, чтобы вполне удовлетворить воплощенную в теле душу. Такое сотрудничество и есть собственная функция психической Праны.

Искажение, которое вторгается и препятствует чистоте, представляет собой форму виталической жажды; главным искажением, которому психическая Прана содействует в нашем существе, является желание. Корень желания находится в виталической жажде, страстном стремлении захватить то, чего нам кажется у нас нет, это ограниченный жизненный инстинкт завладения и удовлетворения. Он создает чувство нужды, — первое простейшее виталическое чувство голода, жажды, похоти, затем психический голод, жажду, вожделения ума, которые становятся намного большей, намного более настоятельной и все наполняющей скорбью нашего существа, голодом, который бесконечен, потому что это голод бесконечного бытия, жаждой, которая только временно стихает, успокоенная удовлетворением, но по своей природе ненасытна. Психическая Прана вторгается в сенсорный ум и вносит в него беспокойную жажду ощущений, вторгается в динамический ум с вожделением контроля, собственности, преобладания, успеха, удовлетворения каждого импульса, наполняет эмоциональный ум желанием утолить симпатию и антипатию, проявить любовь и ненависть, вносит шараханье и панику страха, напряжение и разочарования надежды, навязывает мучения горя и краткий жар возбуждения радостью, делает интеллект и умственную волю соучастниками всего этого и обращает их в своего рода деформированные и увечные инструменты, умственную волю в волю жажды и интеллект в пристрастного, ошибающегося и нетерпеливого искателя ограниченного, раздражительного, воинственного осуждения и мнения. Желание есть корень всех печалей, разочарований и бедствий, ибо хотя оно получает лихорадочную радость погони и удовлетворения, все же, потому что оно всегда бывает непомерным напряжением существа, оно вносит в свое преследование и свое получение мучительное усилие, голод, борьбу, преждевременную усталость, чувство ограниченности, неудовлетворенности и быстрого разочарования всей своей добычей, непрерывное болезненное возбуждение, затруднения, беспокойства, а *santi*. Избавление от желания — это единственное прочное необходимое очищение психической Праны, — ибо так мы сможем вытеснить душу желаний с ее пропитывающим проникновением во все наши инструменты и заменить ее умственной душой тихого восторга и ее ясным и просветленным владением нами, внешним миром и Природой, что является кристально чистой основой умственной жизни и ее совершенства.

Психическая Прана вмещивается во все, более высокие процессы, чем деформирует их, однако сам ее собственный дефект обусловлен тем, что в нее вмещивается и искажает природу физических работ в теле, которую Жизнь развила в своем появлении из Материи. Это та, что создала отделение индивидуальной жизни в теле от жизни вселенной и наложила на нее печать желая, стесненности, голода, вожделения, жажды того, чего не имеешь, долгих поисков наслаждения и тщетную стесненную потребность обладания. Удобно приспособленная и ограниченная в чисто физическом порядке вещей, она безмерно расширяется в психической Пране, и, по мере роста ума, приобретает характер необузданный, ненасытный, хаотичный и становится суетливым создателем беспорядка и болезни. Кроме этого, психическая Прана основывается на физической жизни, ограничивает себя нервной силой физического существа, она, по этой причине, ставит пределы действия ума и связывает его с зависимостью от тела с его подчинением усталости, неспособности, болезни, беспорядку, всему ничтожному и случайному, психическим расстройствам и даже возможному разложению работы физического ума. Наш ум, вместо того, чтобы быть мощным, чистым инструментом сознающего духа, свободным и способным контролировать, использовать и совершенствовать жизнь и тело, оказывается в результате разнородной конструкцией; он становится преобладающе физическим умом, который ограничен своими физическими органами и подчинен требованиям и затруднениям жизни в теле. От этого можно избавиться только практическим внутренним психологическим процессом анализа, посредством которого мы начинаем осознавать ум как отдельную силу, изолируем ее для свободной работы, выделяем также психическую и физическую Прану и превращаем их из цепей зависимости в передающий канал Идеи и Воли в Буддхи, послушный его внушениям и командам; Прана тогда становится пассивным средством выполнения прямого контроля ума над физической жизнью. Этот контроль, каким бы аномальным по сравнению с нашей привычной манерой действия он ни был, не только возможен — до некоторой степени он проявляется в феноменах гипноза, хотя они нездорово аномальны, поскольку в них чужая воля внушает и командует, — но должен стать нормальным действием, когда высшее внутреннее Я примет на себя прямое управление всем существом. Этот контроль может, однако, осуществляться совершенно только из сверхразумного уровня, ибо именно там пребывают правильная, действенная Идея и Воля, а мыслительный ум, даже одухотворенный, является только ограниченным помощником, хотя его можно сделать очень сильным.

Думают, что желание является реальной движущей силой человеческой жизни, и что отбросить его означало бы прекратить побудительные причины жизни; думают, что удовлетворение желания есть единственное человеческое наслаждение, и устранить его означало бы погасить импульс жизни находящимся в покое аскетизмом. Однако, подлинная движущая сила жизни души есть Воля; желание — это только деформация воли в преобладающе телесной жизни и в физическом уме. Необходимый поворот души к обладанию и наслаждению миром заключается в стремление к восхищению и восторгу, а наслаждение удовлетворением жажды — это только виталическая и физическая деградация воли в ее стремлении к восторгу. Существенно, чтобы мы различали чистую волю от желания, внутреннюю волю в ее стремлении к восторгу от внешней жажды ума и похоти тела. Если мы не в состоянии сделать это различие практически в опыте нашего бытия, мы можем только сделать выбор между убивающим жизнь аскетизмом и грубым желанием жить, или еще, попытаться осуществить неуклюжий, неопределенный и ненадежный компромисс между ними. Фактически, это то, что делает масса людей; меньшинство подавляет жизненный инстинкт и стремится к аскетическому совершенству; большинство подчиняется грубому желанию жить с такими видоизменениями и ограничениями, какие навязывает общество и какие нормальный социальный человек приучен

налагать на свой собственный ум и действия; другие устанавливают баланс между этической строгостью и умеренным потворством умственному и жизненному собственному я и видят в этом балансе золотую середину между здравомыслящим умом и здоровой человеческой жизнью. Но ни один из этих путей не дает совершенства, которого мы ищем, божественного правления воли в жизни. Всецело подавить Прану, виталическое существо, означает убить силу жизни, посредством которой должно быть поддержано огромное действие воплощенной души в человеческом существе; потворствовать грубому желанию жить означает довольствоваться несовершенством; идти на компромисс между ними означает остановиться на полпути и не владеть ни землей, ни небесами. Однако, если мы сможем достигнуть чистой воли, неискаженной желанием, — которую мы найдем намного более свободной, спокойной, устойчивой и действенной силой, чем прыгающий, задыхающийся, скоро устающий и глохнущий пыл желания, — и в тихой внутренней воле восторга, не затронутой волнением и не ослабленной страданиями страстного желания, мы сможем тогда превратить Прану из деспота, из нападающего на ум врага в послушный инструмент. Мы можем называть эти более высокие проявления также желанием, если захотим, но тогда мы должны допустить, что есть божественное желание, иное, чем виталическое страстное желание-жажда, Бог-желание, тусклой тенью которого является этот более низкий феномен и в которое он должен быть преобразован. Все же лучше по-разному называть совершенно различные по характеру и внутреннему действию проявления.

Избавить Прану от желания и попутно перевернуть обычное состояние нашей природы и обратить виталическое существо из беспокойно правящей силы в послушный инструмент свободного и непривлеченного ума, это то, что составляет первый шаг в очищении. По мере того, как эта деформация психической Праны исправляется, очищение остальных промежуточных частей antahkarana облегчается, и когда это исправление завершено, их очищение также может легко стать абсолютным. Промежуточные части ума — это эмоциональный ум, воспринимающий сенсорный ум и активный сенсорный ум, или ум динамического импульса. Они все держатся вместе в крепко связанном взаимодействии. Деформация эмоционального ума зависит от двойственности симпатии и антипатии, raga-dvesa, эмоционального притяжения и отвращения. Вся запутанность наших эмоций и их деспотическая власть над душой возникает из привычных ответов души желаний чувствами и ощущениями на эти симпатии и антипатии. Любовь и ненависть, надежда и страх, горе и радость — все проистекают из этого одного источника. Мы симпатизируем тому, любим, приветствуем, надеемся на то, что наша природа, первая привычка нашего существа, и кроме нее, сформировавшаяся, часто извращенно, привычка, вторая натура нашего существа, представляют уму как приятное, rgiyat; мы ненавидим то, чувствуем антипатию и страх, испытываем отвращение или печаль от того, что эта двойная привычка представляет нам как неприятное, argiyat. Эта привычка эмоциональной природы встает на пути умственной воли и часто делает ее беспомощным рабом эмоционального существа или, по крайней мере, мешает ему применять свободное суждение и осуществлять руководство природой. Эта деформация должна быть исправлена. Избавлением от желания в психической Пране и от его вмешательства в эмоциональный ум мы облегчаем исправление. Тогда привязанность, которая держит сердце в прочных оковах, спадет с сердечных струн; произвольная склонность нравиться — не нравиться raga-dvesa, остается, но без привязанности она перестает быть упрямой, и с ней могут легче справиться воля и мыслительный ум. Беспокойное сердце можно покорить и избавить от привычки привязанности и отвращения.

Но тогда, если это сделано, можно подумать относительно желания, что это будет смертью эмоционального существа. Это, конечно, будет именно так, если деформацию устранили, но не

заменяли правильным действием эмоционального ума; тогда ум перейдет в нейтральное состояние незаполненного безразличия или в светлое состояние мирного беспристрастия без движения, без волн эмоций. Первое состояние никак нежелательно; второе может быть совершенством, завершающим успокаивающую дисциплину, но в интегральном совершенстве, которое не отвергает любовь и не избегает различных движений восторга, оно может быть не более, чем стадией, которую нужно превзойти, может быть предварительной пассивностью, допущенной в качестве первой основы для правильной активности. Притяжение и отталкивание, симпатия и антипатия являются необходимым механизмом для нормального человека, они образуют первый принцип природного инстинктивного отбора среди тысячи лестных и страшных, полезных и опасных импульсов, идущих из мира, окружающего его. Буддхи начинает работать с этим материалом и пытается исправить природный и инстинктивный отбор более разумным и волевым отбором; очевидно, приятное не всегда является правильным, тем, что следует предпочесть и выбрать, также неприятное не является плохим, тем, что нужно избежать и отвергнуть; приятное и хорошее, *preyas* и *sheyas*, нужно различать, и должен выбирать верный рассудок, а не каприз чувства. И это он сможет делать намного лучше, когда эмоциональное внушение оттянуто, и сердце отдыхает в светлой пассивности. Тогда также, подлинная активность сердца может быть выведена во внешнее проявление, ибо мы находим тогда, что за этой избавленной от эмоций душой желаний была ожидавшая все это время душа любви, ясной радости и восторга, чистая душа, которая была скрыта деформациями гнева, страха, ненависти, отвращения и не могла принять мир с беспристрастной любовью и восхищением. Очищенное сердце избавлено от гнева, избавлено от страха, от ненависти, избавлено от всякого презрения и отвращения, в нем пребывает всеобщая любовь, оно может воспринимать с тихим наслаждением и ясностью самый разный восторг, который Бог дает ему в миру. Но оно не слабый раб любви и восторга; оно не испытывает желания, не пытается навязаться в руководители действиями. Избирательный процесс, необходимый для действия, предоставлен главным образом Буддхи, а когда Буддхи превышено, духу в сверхразумной воле, знании и Ананде.

Воспринимающий сенсорный ум является нервной умственной основой привязанностей; он мысленно получает импульсы от внешних явлений и дает им ответы умственного удовольствия или боли, которые образуют начальную точку двойственности эмоциональной приязни и неприязни. Все сердечные эмоции сопровождаются соответственным нервно-умственным аккомпанементом, и мы часто находим, что когда сердце освобождено от всякого стремления к двойственностям, все еще остается в живых корень беспокойства нервного ума, или память в физическом уме, которая все более и более отступает от успокоенного физического характера, еще более она отвергается волей в Буддхи. Она становится, в конце концов, просто внешним предложением, которому нервные струны ума все еще случайно отвечают, пока полная чистота не вводит их в ту самую лучезарную всеобщность восторга, которой чистое сердце уже владеет. Активный динамический ум импульса является низшим органом или каналом ответного действия; его деформация состоит в подчинении внушениям нечистого эмоционального и сенсорного ума, желаниям Праны, импульсам к действию, навязанным горем, страхом, ненавистью, вожделением, жадой и всем остальным беспокойным выводком. Его правильная форма действия — это чистая динамическая сила прочности, смелости, мощи темперамента, действующая не для себя или в послушание низшим членам, но как бесстрастный канал для распоряжений чистого рассудка и воли или сверхразумного Пуруши. Когда мы избавились от этих деформаций и освободили ум для этих подлинных форм действия, низшие зоны ума очищены и готовы для совершенства. Но их совершенство зависит от очищенного и просвещенного Буддхи, ибо Буддхи — это главная сила в умственном существе и главный

умственный инструмент Пуруши.

ЧТОБЫ очистить Буддхи, мы должны прежде понять его довольно сложную композицию. И первым мы должны провести четкое различие, не признаваемое в обычной речи, между Манасом, умом, и Буддхи, распознающим рассудком и просвещенной волей. Манас есть чувствующий ум. Первоначальный ум человека совсем не является органом рассудка и воли; это животный, физический и, кроме того, чувствующий ум, который составляет весь свой опыт из впечатлений, произведенных на него внешним миром и его собственным телесным сознанием, которое отвечает внешним стимулам этой разновидности опыта. Буддхи только вступает в дело как вторичная сила, которой в эволюции должно занять первое место, но пока она зависит от низшего инструмента, который она использует; эта сила зависит в своих работах от чувствующего ума и делает, что может, на своем собственном более высоком уровне, с большим трудом и старанием, довольно часто застревая, расширяет знание и действие, начиная от физического и чувственного базиса. Полупросвещенный физический и чувствующий ум — это обычный тип человеческого ума.

Фактически Манас развился из внешней Читты; это первое формирование сырого материала сознания, вызванного и пробужденного внешними контактами, *bahya-sparsa*. То, что мы представляем собой физически, есть душа, спящая в материи, дошедшей в эволюции до частичной пробужденности живущего тела, наполненного сырым материалом внешнего сознания, более или менее восприимчивого и внимательного ко внешним импульсам наружного мира, в котором мы развиваем наше сознающее существо. В животном этот сырой материал работающего снаружи сознания организуется в хорошо приспособленное умственное чувство или орган воспринимающего и действующего ума. Чувство фактически является умственным контактом телесного сознания с его окружением. Этот контакт всегда по существу есть умственный феномен, но на деле он зависит главным образом от развития определенных физических органов контакта с объектами и их свойствами, чьим отражением он способен по привычке давать умственные оценки. В том, что мы называем физическими чувствами, есть две составные части, физически-нервное впечатление от объекта и умственно-нервная оценка, которую мы этому даем, и обе вместе они составляют наше видение, слышание, обоняние, вкус, осязание со всеми вариациями ощущения, которому они, а особенно прикосновение, служат начальной точкой или первым передающим посредником. Однако, Манас способен получать чувственные впечатления и добывать из них результат путем прямой передачи, не зависящей от физического органа. Это проявляется более явно в существах низшего уровня. Человек, хотя он имеет значительно большую способность к этому прямому чувству, шестому чувству в уме, позволил ему впасть в состояние временного бездействия, доверяя исключительно физическим чувствам, дополненным деятельностью Буддхи.

Манас, следовательно, первым делом является организатором чувственного опыта; кроме того, он организует природные реакции воли в телесном сознании и употребляет тело как инструмент, используя, какие положено, органы действия. В этом природном действии также есть две составные части, физико-нервный импульс и за ним умственно-нервная сила, производящая оценку инстинктивного волевого импульса. Это составляет цепь первых восприятий и действий, общую для всей развивающейся животной жизни. Но кроме того, есть в Манасе, или чувствующем уме, первый образовавшийся мыслительный элемент, который сопровождает процессы животной жизни. Подобно тому, как живущее тело имеет определенное проходящее через него и овладевающее им действие сознания, *citta*, которое формируется в этот

чувствующий ум, так же и чувствующий ум имеет в себе определенную распространяющуюся и захватывающую силу, которая умственно использует чувственные данные, превращает их в восприятия и первые представления, ассоциирует опыт с другими переживаниями и, тем или иным путем, думает, сознает и проявляет волю на чувственной основе.

Этот чувственно-мыслительный ум, который опирается на чувство, память, ассоциацию, на первые представления и результирующие обобщения, или вторичные представления, является общим для всей развитой животной жизни и животного ума. Человек действительно придал ему огромное развитие, размах и сложность, невозможные для животного, но все же, если бы он остановился на этом, он был бы только наиболее высоко развитым животным. Человек выбрался за животную сферу и превысил ее потому, что он смог разобщить и отделить, в большей или меньшей степени, действие своей мысли от чувствующего ума, оттянуться от чувствующего ума, наблюдать его данные и воздействовать на него сверху отделенным и частично освободившимся мыслительным умом. Мыслительный ум и воля животного включены в чувствующий ум, которому они поэтому полностью подвластны, их несет поток ощущений, чувств-восприятий, импульсов; это инстинктивный ум. Человек способен использовать рассудок и волю, наблюдающий за собой, думающий, наблюдающий окружающее, с пониманием проявляющий волю ум, который более не вовлечен в чувствующий ум, но действует, пребывая над и за ним, по своему собственному праву с определённым отделением и независимостью. Этот ум рефлексивный, имеет некоторую относительную свободу умственной воли. Он высвободил в себе и сформировал в особую силу Буддхи.

Что такое это Буддхи? С точки зрения Йогического знания мы можем сказать, что это тот инструмент души, внутреннего сознающего существа в природе, Пуруши, посредством которого она вступает в то или иное сознательное и упорядоченное владение как собой, так и своим окружением. За всем действием Читты и Манаса стоит эта душа, этот Пуруша; кроме того, в низших формах жизни она обычно бывает подсознательной, она спит или дремлет, погруженная в механическое действие Природы; но она становится всё более и более сознательной и всё более и более выходит вперед по мере того, как поднимается по лестнице жизни. Посредством активности Буддхи она начинает процесс полного пробуждения. В низших действиях ума душа скорее терпит Природу, чем владеет ею, поскольку там она полностью порабощена механизмом, который ввел ее, воплощенную в теле, в осознаваемое переживание. Однако, в Буддхи мы добираемся до какого-то, еще природного инструментария, посредством которого Природа, кажется, начинает помогать и способствовать Пуруше понять, завладеть и руководить собою.

Ни понимание, ни обладание, ни господство не являются полными, потому что Буддхи в нас сам еще несовершенен, еще только наполовину развит и наполовину сформирован, и потому еще, что он по своей природе только промежуточный инструмент, и прежде чем мы сможем получить полное знание и господство, мы должны подняться к чему-то большему, чем Буддхи. Более того, это движение, посредством которого мы приходим к знанию того, что есть внутри нас сила более великая, чем животная жизнь, есть истина более великая, чем первые истины или внешние явления, воспринятые чувствующим умом, это движение, посредством которого мы можем пытаться достигнуть этой истины и медленно продвигаться вперед к ещё большей и более успешной силе действия и контроля, к более эффективному управлению как нашей собственной природой, так и природой объектов вокруг нас, к более высокому знанию, более мощной энергии, более глубокому и огромному наслаждению, к более возвышенной области бытия. Что же является конечной целью такого направления? Очевидно, для Пуруши ею должно быть достижение высочайшей и полнейшей истины самого себя и внешних объектов, величайшей истины души или собственного я и глубочайшей истины Природы, и достижение действия и статуса существования, которые будут результатом или тождеством этой Правды,

силой этого наибольшего знания и наслаждением этим беспредельным бытием и сознанием, к которому душа открыта. Это должно быть конечным итогом эволюции сознающего существа в Природе.

Достижение всей истины нашего Я и Духа и знания, величия, блаженства нашего свободного и совершенного существования должно быть, следовательно, целью очищения, освобождения и совершенства Буддхи. Но есть расхожее представление, что это достижение имеет в виду не полное завладение Природой, осуществляемое Пурушой, но отказ от Природы. Нам предписывается добраться до самого я посредством устранения действия Пракрити. Подобно тому, как Буддхи, доходя до знания того, что чувствующий ум дает нам только внешние проявления, в которых душа подчинена Природе, обнаруживает более реальные истины за ними, так и душа должна достигнуть того знания, что Буддхи тоже, когда он зависит от Природы, может дать нам только видимости и только увеличить подчиненность, и должна обнаружить за внешним чистую истину Я. Согласно этому расхожему представлению, Я есть нечто совсем иное, чем Природа, и Буддхи должен очистить себя от привязанности и поглощенности природными явлениями; только так может он распознать и отделить от них чистое Я и Дух: знание чистого Я и Духа есть единственно подлинное знание. Ананда чистого Я и Духа есть единственное духовное наслаждение, сознание и бытие чистого Я и Духа суть единственно реальные сознание и бытие. Действие и воля должны прекратиться, потому что все действие идет от Природы; стремление быть чистым Я и Духом подразумевает прекращение всей воли к действию.

В отличие от этого, хотя обладание бытием, сознанием, восторгом, силой Я есть условие совершенства, — ибо только через знание, обладание и пребывание в подлинном самом себе душа может стать свободной и совершенной, — мы полагаем, что Природа есть вечное действие и проявление Духа; Природа — это не дьявольский капкан, она не является вереницей вводящих в заблуждение иллюзий, созданных желанием, чувством, жизнью, умственной волей и интеллектом, но эти феномены являют собой намеки и указания, и за ними за всеми есть превосходящая их истина Духа, которая использует их. Мы полагаем, что за ними должен быть неотъемлемый духовный гносис и воля, посредством которых тайный Дух, скрытый во всем, знает свою собственную истину, повелевает, проявляет и управляет своим собственным бытием в Природе; подход к этому гносису, общения с ним или участия в нем должно быть частью нашего совершенства. Цель очищения Буддхи будет, следовательно, достижение обладания нашей собственной истиной самосуществования я, но также и высочайшей истиной нашего бытия в Природе. Для этой цели мы должны сначала очистить Буддхи ото всего, что делает его подчиненным чувствующему уму и, сделав это, очистить его от его собственных ограничений и превратить его низшее умственное понимание и волю в более великое действие духовной воли и знания.

Движение Буддхи превысить пределы чувствующего ума является усилием, уже наполовину выполненным в человеческой эволюции; оно составляет часть общей работы Природы в человеке. Первоначальное действие мыслительного ума, интеллекта и воли в человеке, является действием подчиненным. Оно принимает доказательство чувств, признает команды страждущей жизни, инстинктов, желаний, эмоций, импульсы динамического чувствующего ума и только пытается придать им более правильное направление и успешную результативность. Но человек, чей рассудок и воля подвластны господству низшего ума, представляет худший тип человеческой природы, и часть нашего сознающего существа, которая соглашается на такое подчинение, является самой низшей частью нашего зрелого человеческого развития. Последующее действие Буддхи должно превысить и контролировать низший ум, не избавляться от него вовсе, а поднять все действие, в котором нижняя зона есть только первый намек на более благородные сферы

воли и интеллекта. Впечатления чувствующего ума используются мыслью, которая превышает их и достигает истин, не сообщаемых ими, идеативных истин мысли, истин философии и науки; думающий, делающий открытия философический ум преодолевает и исправляет первичный ум чувственных впечатлений и господствует над ним. Импульсивный реагирующий чувствующий ум, жизненные страсти и ум эмоционального желания наполняются и охватываются, исправляются умственной волей и подчиняются более высокому этическому уму, который открывает и ставит над ними закон верного импульса, здорового желания, праведного чувства и надлежащего действия. Воспринимающий, грубо наслаждающийся чувствующий ум, эмоциональный ум и виталический ум подняты мыслительным умом, преодолены, исправлены и подчинены более глубокому, счастливому эстетическому уму, который открывает и ставит над ними закон истинного восторга и красоты. Всеми этими новообразованиями пользуется главная Сила интеллектуального, мыслящего и волевого человека в душе правящего разума, воображения, рассудительности, памяти, доброй воли, распознающего рассудка и идеального чувства, которая применяет их для знания, саморазвития, опыта, открытия, творчества, выполнения, которая стремится, старается, внутренне добивается, прилагает усилия, чтобы возвысить жизнь души в Природе. Примитивная душа желаний более не управляет существом. Она все же остается душой желаний, но ее сдерживает и ею управляет более высокая сила, нечто, что проявило в себе божественность Истины, Воли, Бога, Красоты и что стремится подчинить им жизнь. Грубая душа желаний и ум пытаются превратить себя в идеальную душу и идеальный ум, и пропорциональное соотношение, в котором действие и гармония этого более высокого сознательного существа обосновались и воцарились в нас, есть мера нашей возрастающей человечности.

Тем не менее, это все еще полностью не осуществленное движение. Мы находим, что оно идет к большей завершенности, соразмерно тому, как мы достигаем двух видов совершенства; первое, все большее и большее отделение от власти низменных соблазнов; второе, возрастающее раскрытие самосуществующего Бытия, Света, Силы и Ананды, которое возвышает и трансформирует обычную человеческую природу. Этический ум становится совершенным соразмерно тому, как он отделяет себя от желания, чувственного внушения, влечения, продиктованного привычкой действия, и обнаруживает само я Справедливости, Любви, Силы и Чистоты, в котором он может довести до конца свое совершенство и сделать его основанием всех своих действий. Эстетический ум совершенствуется соразмерно тому, как он отделяет себя ото всех своих грубых удовольствий и от внешних условных канонов эстетического рассудка и обнаруживает самосуществующее я и дух чистой, бесконечной Красоты и Восторга, который дает свой собственный свет и радость материалу восприятия. Ум знания становится совершенен, когда он уходит от впечатления, догмы, мнения и раскрывает свет самопознания и интуицию, которая озаряет все работы чувства и рассудка, всё переживание себя и переживание мира. Воля становится совершенна, когда она отходит от своих влечений, от обычного способа приведения в исполнение и обнаруживает внутреннюю силу Духа, который является источником интуитивного и просвещенного действия и подлинного гармоничного созидания. Движение совершенства всегда направлено от преобладания низшей природы к чистому и сильному отражению бытия, силы, знания и восторга Духа и Я в Буддхи.

Йога самосовершенствования должна сделать это двойное движение настолько абсолютным, насколько возможно. Всякое вмешательство желания в Буддхи есть загрязнение. Мыслительный ум, окрашенный желанием, — это засоренный мыслительный ум, и он искажает Правду; воля, окрашенная желанием, — это извращенная воля, и она накладывает печать извращения, боли и несовершенства на деятельность души. Всякое вмешательство эмоций души желаний есть загрязнение, и оно одинаково искажает и знание, и действие. Все подчинение

Буддхи ощущениям и влечениям — это нечистота. Мысль и воля должны, отделившись, отойти от желания, беспокоящей эмоции, смущающего или одолевающего влечения и действовать в их собственном порядке, до тех пор, пока они смогут найти руководителя более великого, Волю. Тапас или божественную Шакти, которая займет место желания, умственной воли и импульса, найти Ананду или чистый восторг духа и просвещенного духовного знания, которые будут выражать себя в действии этой Шакти. Это полное отделение, невозможное без совершенного самоуправления, беспристрастия, тишины, *sama*, *samata*, *santi*, является вернейшим шагом к очищению Буддхи. Только тихий, беспристрастный и отделенный ум может отразить мир или основать действие освобожденного духа.

Буддхи сам перегружен смешанным и нечистым действием. Когда мы сводим это действие к его собственным надлежащим формам, мы обнаруживаем, что у Буддхи есть три стадии возвышения его функций. Первая стадия, его самая нижняя база — это укоренившееся, основанное на опыте действие, которое является связью между более высоким рассудком и чувствующим умом, вид происходящего в данную минуту понимания или текущей мысли. Это понимание само по себе обусловлено свидетельством чувств и правилом действия, которые рассудок выводит из восприятия жизни чувствующим умом и отношения чувствующего ума к жизни. Оно не способно само сформировать чистую мысль и волю, но оно берет разработки более высокого рассудка и обращает их в ходячую монету мнения, привычный стандарт мысли или канон действия. Когда мы выполняем некоторого рода практический анализ думающего ума, отрезаем этот элемент и держим более высокий рассудок незанятым в состоянии наблюдения и молчания, мы обнаруживаем, что это текучее понимание начинает бегать туда-сюда в пустом круге, повторяя все свои составленные мнения и ответы на впечатления от внешних явлений, но оно неспособно к какой бы то ни было сильной перестройке и новому начинанию. По мере того, как низшая функция Буддхи ощущает все сильнее прекращение поддержки со стороны более высокого рассудка, она начинает ослабевать, теряет уверенность в себе, в своих формах и привычках, не доверяет умственному действию, никнет и замолкает. Успокоение этой текучей, бегущей, кружащей, повторяющейся мысли-понимания является принципиальной частью того умолкания ума, которое составляет одну из наиболее эффективных дисциплин Йоги.

Далее, более высокий рассудок сам имеет начальную фазу динамической, прагматической интеллектуальности, в которой созидание, действие и воля являются подлинным мотивом, а мысль и знание применяются, чтобы формировать основные истолкования и советы, которыми пользуются главным образом для приведения в исполнение. Для этого прагматического рассудка истина представляется только созданием интеллекта, полезным для действия внутренней и внешней жизни. Когда мы отрезаем его от еще более высокого рассудка, который больше пытается безличностно отразить Истину, чем лично создать результативную истину, мы обнаруживаем тогда, что этот прагматический рассудок может начинать продвигаться, расширять опыт посредством динамического знания, но ему приходится зависеть от происходящего в данную минуту понимания, как от основания и опоры, и вкладывать все свое веское влияние в жизнь и становление. Он сам по себе, следовательно, является умом Воли к жизни и действию, в значительно большей степени умом Воли, чем умом знания; он не живет в какой-либо надежной, постоянной и вечной Истине, но в развивающихся и изменяющихся аспектах Правды, которые служат переменным формам нашей жизни и становления, и, самое большее, помогают жизни расти и развиваться. Сам собой этот прагматический ум не может дать нам никакого прочного основания и твердой цели; он живет в истине на час, а не в какой-то истине вечности. Но будучи очищен от зависимости от привычного понимания, он превращается в великого созидателя, а в соединении с высочайшим умственным рассудком он

становится прочным каналом и храбрым слугой для осуществления Правды в жизни. Ценность его работы будет зависеть от ценности и силы высочайшего ищущего истину рассудка, сам же по себе он является игрушкой Времени и рабом Жизни. Искатель Тишины должен отстранить его прочь от себя; искатель интегральной Божественности должен пройти на ту сторону, выше этого уровня ума, воссоздать и преобразовать этот думающий ум, погруженный в Жизнь, посредством более великой свершающей духовной Воли, Истины-Воли духа.

Третьей и благороднейшей стадией интеллектуальной воли и рассудка является тот ум, который ищет некую всеобщую подлинную сущность или еще более высокую самосуществующую Истину ради нее самой и пытается жить в этой Истине. Во-первых и главным образом, это — ум знания, и только во-вторых — ум воли. В избытке своего стремления он часто становится неспособен проявить иную волю, кроме единственной воли к знанию; в действии он зависит от помощи прагматического ума, и поэтому человек в действии склонен изменять чистоте Истины, которой его высочайшее знание владеет в смешанном, низшем, непостоянном и засоренном виде. Неравенство, в том случае, когда это не противостояние, между знанием и волей составляет один из принципиальных дефектов Буддхи в человеке. Но есть и другие ограничения, свойственные всему человеческому мышлению. Этот высочайший Буддхи в человеке не работает в своей собственной чистоте, он атакован дефектами низших слоев ума, непрерывно омрачается ими, искажается, вуалируется, ему мешают и калечат его собственное надлежащее ему действие. Очищенный настолько, насколько возможно, от этой привычки умственной деградации, Буддхи в человеке, несмотря на недостатки, все же представляет собой силу, которая ищет Правду, но никогда не приходит к полному и прямому обладанию ею; он может только отражать истину Духа и пытаться сделать ее своей собственной, придавая ей ограниченное умственное значение и отдельное умственное воплощение. Он совсем не отражает интегрально, но схватывает или неопределенную всеобщность, или сумму ограниченных частных. Первым делом он схватывает то или иное частичное отражение и подчинением привычке основанного на опыте ума превращает его в зафиксированное, лишенное свободы мнение; любую новую истину он судит с точки зрения, которую он таким образом сформировал и, следовательно, накладывает на нее окраску ограниченного предубеждения. Избавьте его, насколько возможно, от этой привычки ограниченного мнения, все же он ещё будет подчинен другой привязанности, требованию прагматического ума немедленного выполнения, которое не дает ему никакого времени перейти к большей истине, но прикрепляет его силой действенного осуществления к тому, что он уже решил, узнал и пережил. Освобожденный ото всех этих оков, Буддхи может стать чистым и послушным отражателем Правды, прибавляющим свет к свету, продвигающимся от осознания к осознанию. Он тогда лимитирован только своими собственными присущими ему ограничениями.

Эти ограничения бывают главным образом двух видов. Во-первых, его осознания являются только умственными осознаниями; чтобы добраться до самой Правды, мы должны идти выше умственного Буддхи. Затем, природа ума мешает ему сделать действительное объединение истин, которыми он завладевает. Он может только поместить их рядом и рассматривать противоположности, или провести некоторое частичное, исполнимое и практическое соединение. Однако, он находит, в конце концов, что аспекты Правды неисчерпаемы, и что ни одна из его интеллектуальных форм не является вполне обоснованной, потому что дух бесконечен, и в духе все есть истина, но ничто в уме не может дать всю истину духа. Тогда Буддхи или становится чистым зеркалом, дающим множество отражений, без разбора воспроизводящим всю истину, что падает на него, но будучи обращенным к действию, бывает неспособен на решение или хаотичен; или он должен сделать выбор и действовать так, словно эта частичность является всей истиной, хотя он знает иное. Он действует в беспомощной

ограниченности Незнания, хотя он может вмещать Правду намного большую, чем его действие. С другой стороны, он может отвернуться от жизни и мысли и пытаться превзойти себя и пройти в Правду за его пределами. Это он может сделать, или поняв какой-то один аспект, принцип, некоторый символ, намек подлинной сущности и продвигая понятное к его абсолюту, все поглощающей, все исключающей конечной точке осознания, или ещё, уловив и осознав некоторую идею неопределимого Бытия и Не-Бытия, от которой вся мысль и жизнь останавливается. Буддхи бросает себя в светлый сон, и душа проходит в некоторую невыразимую высоту духовного бытия.

Следовательно, имея дело с Буддхи, мы должны или принять одну из этих альтернатив, или смело рискнуть и попытаться поднять душу из умственного существования в духовный гносис, чтобы увидеть, что мы можем найти в самой сердцевине этого божественного света и силы. Этот гносис залит солнцем божественного Знания-Воли, пылающим в небесах верховного сознающего Бытия, свет которого умственные рассудок и воля только фокусируют, становясь точкой пересечения рассеянных и преломлённых лучей и отражений. Гносис владеет божественным единством и все же, или скорее поэтому, может управлять разнообразием и несходством; любой выбор, самоограничение, комбинация, которые он делает, не навязаны ему Незнанием, а саморазвиты силой самообладающего божественного Знания. Тогда, когда Гносис достигнут, он может быть обращен на всю природу, чтобы обожествить человеческое существо. Невозможно подняться в него сразу; если бы это можно было сделать, это стало бы поспешным и грубым взламыванием Солнечных Врат, *suryasya dvara*, насильственным прорывом без непосредственной возможности возвращения. Мы должны сформировать в качестве связи или моста интуитивный или просвещенный ум, который не является прямым гносисом, но в котором может образоваться предварительное производное тело гносиса. Этот просвещенный ум первым будет той сводной силой, которую мы должны будем очистить ото всей ее умственной зависимости и умственных форм так, чтобы превратить весь акт воли и мысли в мысль-взгляд и истиновидящую волю через посредство просвещенной проницательности, интуиции, вдохновения, откровения. Это будет окончательным очищением рассудка и подготовкой к Сиддхи гносиса.

ОЧИЩЕНИЕ умственного существа и психической Праны, — мы оставим на время в стороне вопрос физического очищения, очищения тела и физической Праны, хотя оно также необходимо для интегрального совершенства, — подготавливает почву для духовного освобождения. *Suddhi* есть условие для *mukti*. Все очищение — это освобождение и избавление, ибо оно состоит в том, чтобы отбросить прочь ограничительные связи, затемненные недостатки и беспорядки; очищение от желания приносит свободу психической Праны, очищение от дурных эмоций и беспокоящих влияний — свободу сердца, очищение от невразумительной короткой мысли чувствующего ума — свободу интеллекта, очищение от ограниченной интеллектуальности — свободу гносиса. Но все это составляет инструментальное освобождение. Свобода души, *mukti*, имеет больший и более сущностный характер; это выход из ограничения смертью в беспредельное бессмертие Духа.

Для определенных направлений мышления освобождение — это сбрасывание всей природы, безмолвное состояние чистого бытия, Нирвана или погашение, растворение природного существования в некотором неопределимом Абсолюте, *moksa*. Однако, поглощенное и погруженное блаженство, широта бездеятельного мира, освобождение самоугасанием или саморастворением в Абсолюте не составляет нашей цели. Мы дадим идее освобождения, *mukti*, только значение того внутреннего изменения, которое является общим для всего переживания этого рода, необходимого для совершенства и обязательного для духовной свободы. Мы найдем, тогда, что оно всегда включает в себе два аспекта, отказ и принятие, негативную и позитивную сторону; негативное движение свободы — это освобождение от основных оков, главных связей низшей души-природы; позитивная сторона — это открытие или вращение в более высокое духовное существование. Но что же это за главные связи — другие ли, более ли глубокие сплетения, чем инструментальные узлы ума, сердца, психической жизни-силы? На них нам с постоянным выразительным повторением настойчиво указывается в Гите; их четыре: желание, эго, двойственности и три гуны Природы; быть без желания, без эго, с ровным умом, душой и духом и *nistragunya*, означает по идее Гиты быть свободным, *mukti*. Мы можем принять это описание, ибо все существенное покрывается его полнотой. С другой стороны, позитивное значение свободы состоит в том, чтобы объединиться в душе со всеми; перешагнув по ту сторону, слиться в духе с Богом; овладев высочайшей божественной природой, стать, как мы можем сказать, подобным Богу или единым с ним в законе нашего бытия. Это и есть весь полный смысл освобождения, это и есть интегральная свобода духа.

Нам следовало бы уже говорить об очищении от психического желания, по отношению к которому страстная жажда в Пране является эволюционным или, как мы можем выразиться, практическим основанием. Но это — в умственной и психической природе; духовное же отсутствие желания имеет более широкое и более существенное значение, поскольку желание завязано двойным узлом, грубый узел в Пране, им является страстная жажда в инструментах, и тончайший узел в самой душе с Буддхи, ее первой поддержкой, *pratistha*, и он то и является наиболее глубоко запрятанной петлей связавшего нас рабства. Когда мы смотрим снизу, желание представляется нам страстной жаждой в жизненной силе, которая утончается в эмоциях до страстной жажды сердца, утончается далее в интеллекте до желания, предпочтения, страсти эстетического, этического, динамического или рационального направления Буддхи. Это желание существенно для обычного человека; он не может жить или действовать как индивидуум, не связывая все свое действие с повиновением какому-нибудь, более низкому или

более высокому желанию, предпочтению или страсти. Но когда мы способны посмотреть на желание сверху, мы видим, что поддерживает это инструментальное желание воля духа. Там, в желании, есть воля, *tapas, sakti*, посредством которой скрытый дух налагает на свои внешние члены все их действие, и вытягивает из него живой восторг бытия, Ананду, который они тускло и невразумительно, если вообще сознательно, разделяют. Этот Тапас является волей трансцендентного духа, что создает вселенское движение, всеобщего духа, кто поддерживает и наполняет это движение, свободного индивидуального духа, кто есть душевный центр его множественностей. Это одна воля, свободная во всем этом сразу, всеобъемлющая, гармоничная, объединенная; мы обнаруживаем, когда живем и действуем в духе, что это не делающая усилий и не имеющая желаний, спонтанная и просвещенная, самонаполняющаяся и владеющая собой, удовлетворенная и блаженная воля духовного восторга бытия.

Однако, когда индивидуальная душа отклоняется от всеобщей и трансцендентной истины ее бытия, склоняется к эго, пытается сделать эту волю своей собственной, отдельной личной энергией, эта воля меняет свой характер: она становится принуждением, напряжением, накалом силы, у которой могут быть свои жгучие радости свершения и обладания, но есть также свои причиняющие боль огорчения и страдания труда. Это та воля, что превращается в каждом инструменте в интеллектуальную, эмоциональную, динамическую, чувственную или жизненную волю страстного желания, вожделения, жажды. Даже когда инструменты сами по себе очищаются от их собственного очевидного изначального и индивидуального вида желания, этот несовершенный Тапас может все еще оставаться, и пока он скрывает первопричину или деформирует тип внутреннего действия, душа не получает блаженства свободы или может владеть им только путем воздержания ото всего действия; он даже, если ему разрешить упорствовать, будет вновь зажигать пранические или другие желания или, по крайней мере, бросать на существо напоминающую их тень. Это духовное зерно или начало желания тоже должно быть изгнано, отброшено, ему нужно отказать; Садхака должен или предпочесть активный мир и полное внутреннее молчание или потерять индивидуальную инициативу, *sarvakarambha*, в единении со вселенской волей, Тапасом божественной Шакти. Пассивный путь состоит в том, чтобы быть внутренне недвижимым, без усилия, желания, предвкушения или любого обращения к действию, *niṣeṣya, anṛha, nirarekya, nivṛtta*; активный путь состоит в том, чтобы быть, соответственно, недвижимым и безличностным в уме, но позволить верховной Воле в ее духовной чистоте действовать через очищенные инструменты. Тогда, если душа пребывает на уровне одухотворенного ума, человек становится только инструментом, но сам не проявляет инициативы, не предпринимает никакого действия, *niṣkriya, sarvakarambha-parityagi*. Но если душа поднимается до гносиса, он сразу становится и инструментом, и участником в блаженстве божественного действия и в блаженстве божественной Ананды; он объединяет в себе *prakṛti* и *purusa*.

Поворот к эго, разъединяющий поворот существа — это опорная точка всей запутанной работы неведения и зависимости. До тех пор, пока человек не освободился от чувства эго, не может быть подлинной свободы. Говорилось, что местонахождение эго должно быть в Буддхи; эго — заблуждение различающего ума и рассудка, которые неверно видят различие и принимают индивидуализацию ума, жизни и тела за истину разделенного существования и отвращены от большей согласующей истины единства всего бытия. Во всяком случае, в человеке именно идея эго главным образом поддерживает заблуждение разделенного существования; избавиться от этой идеи, жить в противоположной идее единения, единого я, единого духа, единого бытия Природы, является, следовательно, действенным способом освобождения, но он сам по себе не абсолютно эффективен. Собственное я, хотя оно поддерживает себя этой идеей эго, *aḥambuddhi*, находит самые сильные средства для постоянного упрямства и страстного

упорства в обычном действии чувствующего ума, Праны и тела. Извергнуть из нас идею эго полностью не возможно, не выполнимо, пока эти инструменты не подвергнутся очищению, ибо их действие, будучи устойчиво эгоистическим и отдельным, уносит Буддхи, как лодку носят волны на море, как говорит Гита, — знание истины единства в интеллекте постоянно затемняется или временно теряется, и его нужно снова восстанавливать, это сам сизифов труд. Но если низшие инструменты очищены от эгоистического вождения, желания, страсти, от себялюбивой воли и чувства, и сам Буддхи — от эгоистической мысли и предпочтения, тогда знание духовной истины единства может обрести прочное основание. До тех пор, эго принимает все возможные тонкие формы, и в то время, как мы воображаем себя свободными от него, в действительности мы действуем как его инструменты, и все, чего мы достигли — это определенное интеллектуальное равновесие, которое не является подлинным духовным освобождением. Кроме того, отбросить активное чувство эго не достаточно, это может просто принести неактивное состояние ума, определенное пассивное инертное спокойствие отдельного бытия может занять место кинетического эгоизма, что также не является подлинным освобождением. Чувство эго необходимо заменить единением с трансцендентной Божественностью и со вселенским бытием.

Эта необходимость проистекает из того факта, что Буддхи — только *pratistha* или главная поддержка чувства эго в его многоплановом проявлении, *aharaka*; но по своему происхождению чувство эго — это деградация или деформация истины нашего духовного бытия. Правда бытия в том, что есть трансцендентное существование, верховное Я или дух, вневременная душа сущего, Предвечное, Всевышний, или мы даже можем определить это, в связи с имеющимися сейчас умственными представлениями о Боге, как Сверх-Бога, который здесь имманентен, и вездесущ, все начинающий и всем правящий великий всеобщий Дух; индивидуум — это сознающая сила бытия Предвечного, он бесконечно способен на отношения с ним, но также и един с ним в подлинной сути реальности своего собственного вечного существования. Такова истина, которую интеллект может понять, может, будучи очищенным, отразить, передать, удерживать в производной форме, но она может быть полностью осознана, пережита и сделана действенной только в духе. Когда мы живем в духе, тогда мы не только знаем, но являемся этой истиной нашего бытия. Индивидуум тогда наслаждается в духе, в блаженстве духа, своим единством со вселенским бытием, своим единством с вневременной

Божественностью и своим единством со всеми другими существами, и это есть сущностное чувство духовного освобождения от эго. Когда же душа склоняется к умственному ограничению, в ней возникает определенное чувство духовной отделенности, в котором есть свои радости, но которое в любой момент может перейти в полное чувство эго, незнание, забвение единства. Чтобы избавиться от этой разделенности сделана попытка погрузиться в идею и осознание Всевышнего, и эта попытка в определенных формах духовной аскезы обращает свое напряжение на упразднение всего индивидуального бытия и отбрасывание, в трансе погружения, всех личных или общих отношений с Богом, в других формах она становится погруженным пребыванием в нем, а не в этом мире, попыткой непрерывно поглощенно и сосредоточенно находиться в его присутствии, *saucjya*, *salokya*, *samipya mukti*. Путь, предложенный для интегральной Йоги — это подъем вверх и самоотдача всего существа ему, этим путем мы не только действительно становимся едины с ним в нашем духовном существовании, но также живем в нем, а он в нас, так, что вся наша природа полна его присутствием и изменена в божественную природу; мы становимся одним духом, сознанием, одной жизнью и материей с Божественным, и в то же самое время мы живем и действуем, и получаем всякую радость от этого единства. Это интегральное высвобождение из эго в божественный дух и природу может быть только относительно полным на нашем теперешнем уровне, но оно становится

абсолютным, когда мы открываемся к гносису и поднимаемся в него. Это — совершенство в состоянии свободы.

Избавление от эго вместе с освобождением от желания создают основную духовную свободу. Чувствование, представление и переживание того, что собственное я отдельно само по себе существует во вселенной, и формирование сознания и силы существа в образец этого опыта являются корнем всего страдания, неведения и зла. И это так потому, что это фальсифицирует как в практике, так и в познании всю подлинную истину явлений; это ограничивает существование, ограничивает сознание, ограничивает силу нашего существа, ограничивает блаженство бытия; это ограничение кроме того производит ложное направление существования и ложный ход сознания, ошибочный способ использования силы нашего существа и сознания, порочные, извращенные, противоположные формы восхищения существованием. Душа, связанная ограничениями в существе и самоизолированная в своем окружении, не чувствует более единства и гармонии со своим Я, с Богом, со вселенной, со всем вокруг нее, но скорее она находится в разногласии со вселенной, в конфликте и расхождении с другими существами, которые являются ее другими я, но к кому она относится как не к я; и пока эти расхождения и разногласия продолжают, душа не может владеть своим миром, не может наслаждаться всеобщей жизнью, но полна тревоги, страха, всяческой скорби, делая мучительные усилия защитить и расширить себя и завладеть своим окружением, — ибо владеть своим миром есть природа безграничного духа и настоятельное побуждение во всем существовании. Удовлетворения, которые она получает от такой работы и усилия, урезаны, извращены и недостаточны, ибо единственное подлинное удовлетворение, которое у нее есть — это удовлетворение от развития, от все большего возвращения к себе, от некоторых осознаний согласия и гармонии, от успешного самосозидания и самовыполнения, но малая доля этого, которую она может достигнуть на базе эгоистического сознания, всегда бывает ограниченной, ненадежной, несовершенной, преходящей. Душа воюет также и своим собственным я, во-первых, потому что с тех пор, как она не владеет основной гармонизирующей истиной своего собственного существования, она не может должным образом контролировать свои природные члены, или согласовать их склонности, силы и требования, у ней нет секрета гармонии, потому что она утратила секрет своего собственного единства и владения собой; и во-вторых, не обладая своим высочайшим Я, она вынуждена бороться изо всех сил за это обладание, для нее не возможно быть в мире до тех пор, пока она не завладеет своим собственным подлинным высочайшим бытием. Все это означает, что она не находится в единстве с Богом, ибо быть в единстве с Богом это — быть в единстве с собой, в единстве со Вселенной и в единстве со всеми существами. Это единство и есть разгадка праведного и святого существования. Однако, эго не может получить ее, потому что отделение лежит в самой его природе и потому что даже относительно к нам самим, к нашему собственному психологическому существованию эго представляет ложный центр объединения, поскольку оно пытается найти единение нашего бытия в отождествлении со сменяющейся умственной, виталической, физической индивидуальностью, а не с вечным Я нашего всеобщего существования. Только в духовном Я можем мы владеть подлинным единением, ибо там индивидуум расширяет себя до своего собственного всеобщего существования и объединяется со вселенским бытием и с трансцендентной Божественностью.

Все трудности и страдания души происходят из этого ложного эгоистического отдельного способа существования. Душа не владеет своим свободным самосуществованием *anatman*, потому что она ограничена в своем сознании, ограничена в своем знании, и это ограниченное знание вводит в заблуждение. Борьба за возвращение к правильному знанию возложена на душу, но эго в отделенном уме удовлетворено видимостью знания, обрывки которого оно складывает

по кусочкам вместе в некое ложное или несовершенное, общее или господствующее мнение, и такое знание обманывает ожидания, от него нужно отказаться ради неустанной погони за единственным объектом, достойным познания. Этот единственный объект есть Всевышний, Я, Дух, в ком всеобщее и индивидуальное бытие находят, наконец, их правильную основу и верную гармонию. Далее, из-за ограниченности в силе заключенная в тюрьму эго душа недееспособна, полна многими ошибочными сведениями, сопровождаемыми ложной волей, дурными склонностями и импульсами существа, и острое чувство этой неправильности составляет корень человеческого сознания греха. Этот недостаток своей природы она пытается привести в правильное состояние стандартами поведения, которые будут помогать ей устранить эгоистическое сознание и удовлетворение греха посредством эгоистического сознания и самоудовлетворения добродетели, раджасический посредством саттвического эгоизма. Однако, нужно излечиться от первородного греха, отделения своего существа и воли от божественного Бытия и божественной Воли; когда душа вернется к единению с божественной Волей и Бытием, она поднимется выше греха и добродетели к бесконечной самосуществующей чистоте и спокойствию своей собственной божественной природы. Свою недееспособность душа пытается исправить посредством организации своего несовершенного знания и дисциплины своей полупросвещенной воли и силы, направляя их некоторым систематическим усилием разума; однако результатом всегда неминуемо будет ограниченный, неуверенный, изменчивый, дающий сбои способ и уровень качества в действии. Только когда она возвращается снова в громадное единство свободного духа, bhūta, может действие ее природы продвигаться совершенно, как инструмент бесконечного Духа по стопам Праведности, Правды и Силы, которые принадлежат свободной душе, действующей от верховного центра своего существования. И еще потому, что она ограничена в восторге бытия, душа не способна завладеть прочно самосуществующим совершенным блаженством духа или восторгом, Анандой вселенной, которая держит мир в движении, но способна только перемещаться в смешанной и перепутанной смене удовольствий и боли, радостей и печалей, или должны искать убежища в некотором сознательном несознании или нейтральной индифферентности. Эгоистический ум не может поступать иначе, и душа, которая воплотилась в эго, подчинена этому неудовлетворительному, вторичному, несовершенному, часто извращенному, беспокоящему или уничтоженному наслаждению существованием; однако все время духовная и всеобщая Ананда есть внутри, в Я, в духе, в ее тайном единстве с Богом и существованием. Сбросить прочь цепи эго и вернуться к свободному Я, бессмертному духовному бытию — таково возвращение души к ее собственной вечной божественности.

Проявление воли к неполному отдельному бытию, этот неверный Тапас, который заставляет душу в Природе пытаться индивидуализировать себя, обособить свое бытие, сознание, силу бытия, восторг существования в отдельное чувство, иметь это как свое собственное, получить все по своему собственному праву, а не по праву Бога и всеобщего единения, вызывает этот неправильный поворот и создает эго. Следовательно, существенно отвернуться от этого первоначального желания, возвратиться к воле без желания, чье все наслаждение бытием и все желание бытия является волей свободной всеобщей и объединенной Ананды. Эти две вещи едины; освобождение от воли, которая имеет природу желания, освобождение от эго и единение, осуществленное счастливой потерей воли желания и эго, является сущностью Мукти.

ДВЕ стороны нашего существа, сознающая переживающая душа и исполняющая Природа, постоянно предлагающая душе разнообразные переживания, определяют при их соединении все привязанности нашего внутреннего состояния и ответные отклики на них. Природа привносит в эту сумму характер происходящих событий и формы инструментов переживания, душа соглашается на природную обусловленность ответа происходящему или проявляет волю к другому установлению, которое она налагает на природу. Принятие инструментального эго-сознания и воля к желанию являются изначальным согласием собственного я на падение в более низкие зоны переживания, в которых душа забывает свою божественную природу бытия; отбрасывание эгоистического сознания и воли, возврат к свободному Я и воле божественного восторга в бытие составляет освобождение духа. Но с другой стороны стоят вклады самой Природы в спутанный клубок опыта, которые она вносит в переживание душой всех своих поступков и действий с тех пор, когда однажды это изначальное согласие было дано и стало законом всего внешнего свершения. Два неперенных вклада Природы — это гуны и двойственности. Это низшее действие Природы, в котором мы живем, имеет определенные неотъемлемые качественные формы, составляющие всю основу его более низкого положения. Постоянное воздействие этих форм на душу в ее природных силах ума, жизни и тела образует противоречивый и раздробленный опыт, борьбу противоположностей, dvandva, движение среди них и колебания между ними, смешение постоянных пар противоположностей, соединение позитивного и негативного, двойственности. Полное освобождение от эго и воли желания должно принести с собой превосходство над качественными формами низшей Природы, traigunyatitya, избавление от этого перемешанного и разноголосого переживания, прекращение или растворение двойственного действия Природы. Но и в этой области также есть два вида свободы. Уход от Природы в неподвижное блаженство Духа есть первая форма освобождения. Дальнейшее вхождение Природы в божественное качество и духовную силу переживания мира наполняет освобождение верховным спокойствием вместе с верховным кинетическим блаженством знания, силы, радости и господства. Божественное единение верховного духа и его верховной природы есть интегральное освобождение.

Природа, будучи силой духа, по существу качественно проявляется в своем действии. Почти всегда можно сказать, что Природа — только сила в бытие, эволюция в действии бесконечных качеств духа, anantaguna. Всё, кроме этого, принадлежит к её внешним и более механическим аспектам, но эта игра качеств есть та сущность, от которой все остальное является следствием и результатом ее механических комбинаций. Когда мы приводим в порядок работу сущностной силы и качества, все остальное подвергается контролю переживающего Пуруши. Однако в низшей природе явлений игра бесконечных качеств подчинена ограниченными меркам, разделенной и конфликтной работе, системе противоположностей и разногласий, между которыми должен быть найден и сохранен в действии некоторый практический подвижный порядок соглашений; этим сочетанием согласованных разногласий, конфликтующих качеств, в корне различных сил и способов переживания, уступающих некоторому сейчас выполняемому, частичному, обыкновенно непрочному соглашению, нетвердому и шаткому равновесию, управляет основное движение в трех качественных формах, которые сталкиваются и соединяются вместе во всех творениях Природы. Этим трем формам в системе Санкхья были даны три наименования, sattva, rajas и tamas [5](#), что в основном принято для этой цели всеми школами философской мысли и Йоги в Индии. Тамас — это первооснова и сила инерции;

Раджас — первооснова движения, страсти, усилия, борьбы, инициативы, arambha; Саттва — первооснова слияния и отождествления, равновесия и гармонии. Нас не интересует метафизическое значение этой классификации, но ее психологическое и духовное значение практически огромно, поскольку эти три основы входят во все проявления, сочетаются для того, чтобы дать им возможность выявить их активную природу, результат, их воздействие и влияние, и их неравная работа в опыте души и есть образующая сила нашей активной личности, нашего темперамента, типа природы и формы психологического ответа на переживание. Весь характер действия и опыта в нас определен преобладанием и пропорциональным взаимодействием этих трех качеств или форм Природы. Душа в своей индивидуальности вынуждена, как это было сказано, работать в их формах; обычно, также, она чаще находится под их контролем, чем осуществляет какой-то свободный контроль над ними. Душа может освободиться, только преувеличив мучительную борьбу их неравного действия, их неполное согласие, их непрочные сочетания и случайные гармонии, и отклонив их или ради полного покоя вместо полуправляемого хаоса их действия, или ради превосходства над этим низшим складом природы и высшего контроля и преобразования их работы. Должна быть или пустота гун, или превосходство над гунами.

Гуны воздействуют на каждую часть нашего природного существа. Они реально оказывают своё сильнейшее влияние на три его члена, родственно соответствующих характеру гун, на ум, жизнь и тело. Тамас, принцип инерции, наиболее силен в материальной природе и в нашем физическом существе. Действие этой первоосновы имеет два вида, инерция силы и инерция знания. Все то, что по преимуществу управляется Тамасом, склонно в своей силе к вялой инертности, неподвижности или к механическому действию, которым оно не владеет, но которому оно подчиняется под властью неясных сил, загоняющих его в механический круговорот энергии; равным образом, всё подвластное Тамасу в своём осознании обращено к несознанию, или завуалированному подсознанию, или к вялому, трудно идущему и, некоторым образом, механическому сознающему действию, которое не имеет представления о своей собственной энергии, но находится под руководством идеи, казалось бы внешней или, по крайней мере, скрытой от его активного сознания. Таким образом, первооснова нашего тела по своей природе инертна, подсознательна, не способна ни на что, кроме механического и привычного самоведения и действия; хотя тело, подобно всему прочему, имеет в себе основу движения и основу равновесия своего состояния и действия, неотъемлемую основу чувствительности и скрытого сознания, наибольшая доля его раджасических побуждений вложена жизнью-силой, а все открытое сознание — умственным существом. Первооснова Раджаса оказывает сильнейшее воздействие на виталическую природу. Это именно Жизнь внутри нас является мощнейшим двигателем, но жизнь-сила в земных существах находится во власти силы желания, поэтому Раджас обращается всегда к действию и желанию; желание — это самый могучий побудитель движения и действия в человеке и животном, господствующий надо всем в такой степени, что многие считают его прародителем всего действия и даже первородным началом нашего бытия. Кроме того, Раджас, оказываясь в мире материи, который исходит из первоосновы несознания и механически управляемой инерции, должен работать против громадной противоположной силы, поэтому все его действие принимает характер усилия, столкновения, затяжного конфликтного спора за обладание, борьбы, каждый шаг которой ограничен неспособностью, причиняет разочарование и страдание; даже его выигрыши, случайные и мелкие, соединенные с противодействием усилию, оставляют привкус недостаточности и быстротечности. Первооснова Саттвы наиболее сильна в уме, не столько в низших частях ума, которыми властвует раджасическая жизненная сила, но, главным образом, в интеллекте и воле рассудка. Характер преобладающей первоосновы интеллекта, рассудка,

рациональной воли побуждает их к постоянному усилию уподобления, к отождествлению посредством знания, отождествления посредством силы понимающей воли, вызывает постоянное стремление к равновесию, некоторой стабильности, порядку, гармонии конфликтующих элементов естественного события опыта. Выполнение этих усилий достигается различными способами и доходит до различной степени осуществления. Достижение отождествления, равновесия и гармонии приносит с собой всегда относительное, но более или менее интенсивное и удовлетворяющее чувство легкости, счастья, мастерства, надежности, которое отличается от тревожного и неистового чувства удовольствия, подаренного опасным удовлетворением раджасического желания и страсти. Свет и счастье — это характеристики саттвической Гуны. Вся природа воплощенного живущего умственного существа определена этими тремя Гунами.

Однако эти гуны являются только преобладающими силами в каждой части нашей сложной системы. Три качества смешиваются, образуют различные сочетания и противоборствуют в каждом звене и в каждой фибре нашей запутанной психологии. Умственный характер сделан ими, характер нашего разума, характер нашей воли, характер нашего морального, эстетического, эмоционального, динамического, воспринимающего существа. Тамас вносит во все невежество, инертность, слабость, недееспособность, которая причиняет страдание нашей природе, Тамас затемняет разум, делает его неспособным к познанию и безрассудным, он заставляет придерживаться привычных представлений и механических мыслей, вызывает нежелание думать и знать, сужает ум, закрывает перспективу, обрекает на хождение по кругу умственной привычки, от него — темные и сумеречные места в сознании. Тамас вносит бессильную волю, недостаток веры, уверенности в себе и инициативы, неприязнь к действию, Тамас не склонен стараться и стремиться, от него — скудость духа и малодушие; Тамас вносит в наше моральное и динамическое существо косность, трусость, подлость, леность, распущенную подчиненность мелким и низменным побуждениям, беспомощные уступки нашей низшей природе. Тамас вносит в нашу эмоциональную природу бесчувственность, апатичность, недостаток сочувствия и искренности, от него — замкнутая душа, черствое сердце, быстро истощающаяся привязанность и вялость чувств; в нашу эстетическую и чувствующую природу Тамас вносит тусклое восприятие, ограниченную отзывчивость, нечувствительность к красоте, всё, что производит в человеке низкое, тупое и грубое состояние духа. Раджас наделяет нашу обычную активную природу всем хорошим и дурным; когда он не сдержан достаточными элементами Саттвы, он обращается к эгоизму, своеволию и насилию, он способствует искаженному, упрямому или преувеличенному действию рассудка, цепляющегося за предвзятое мнение, предубеждение и ошибку, от него — раболепство разума перед нашими желаниями и предпочтениями вопреки истине, фанатический или сектантский образ мыслей, своенравие, гордыня, высокомерие, себялюбие, жажда славы, чванство, жадность, жестокость, нетерпимость, завистливость, эгоизм любви, все грехи и страсти, преувеличения восприятия, болезненная впечатлительность и извращения чувствующего и виталического существа. Тамас, когда он правит, образует грубый, тупой и невежественный тип человеческой природы, а Раджас — тип живого, неутомимого, подвижного человека, гонимого дыханием действия, страсти и желания. Саттва создает более высокий тип. Дары Саттвы — это разумный и сбалансированный ум, ясность бескорыстного, ищущего истину открытого интеллекта, воля, подчиненная разуму или руководимая этическим духом, самоконтроль, ровность, спокойствие, любовь, доброжелательность, утонченность, такт, изящество эстетического и эмоционального ума, деликатность чувств, справедливость и благосклонность, выдержка и равновесие, жизненная сила, подчиненная и управляемая главенствующим интеллектом. Совершенный саттвический тип человека — это философ, святой и мудрец; раджасический тип человека — это государственный деятель, преисполненный силы

человек действия. Однако, во всех людях имеет место смешение гун в той или иной пропорции, образующее в подавляющем большинстве людей составную индивидуальность из перестановок и чередований в преобладании то одной, то другой Гуны; даже при господстве одной из гун в природе человека, большинство людей являются смешанными типами. Весь колорит и разнообразие жизни образованы запутанным рисунком переплетения гун.

Однако, богатство жизни, даже саттвическая гармония ума и природы не составляет духовного совершенства. Есть относительное возможное совершенство, но это совершенство незавершенности, некоторая частичная высота, сила, красота, некоторая степень благородства и величия, некоторое возложенное на себя и ненадежно поддерживаемое равновесие. Есть относительное совершенное владение, но это власть жизни над телом или обладание умом жизнью, а не свободное владение инструментами освобожденным и самообладающим духом. Нужно выйти за пределы гун, если мы непременно хотим достигнуть духовного совершенства. Тамас, очевидно, нужно преодолеть, инерция, невежество и недееспособность не могут быть элементами подлинного совершенства; однако, Тамас можно превозмочь в Природе только силой Раджаса, которому помогает возрастающая сила Саттвы. Раджас должен быть преодолен, эгоизм, личное желание и своекорыстная страсть не являются элементами подлинного совершенства; однако, Раджас может быть преодолен только силой Саттвы, освещающей существо, и силой Тамаса, ограничивающей действие. Саттва сама не дает высочайшего или интегрального совершенства; Саттва всегда есть качество ограниченной природы; саттвическое знание — это свет ограниченного ума; саттвическая воля — это правление ограниченной умственной силы. Кроме того, Саттва не может в Природе действовать сама, но должна полагаться во всем действии на помощь Раджаса, так что даже саттвическое действие всегда подвержено несовершенству Раджаса; эгоизм, растерянность, непоследовательность, односторонняя пристрастная склонность, ограниченная или ненормально расширенная воля, излишне подчеркивающая себя в напряжении своих ограниченных сил, преследуют ум и действие даже святого, философа и мудреца. Есть саттвический, так же как и раджасический или тамасический эгоизм, сильнейший эгоизм знания или добродетели; но умственный эгоизм любого типа несовместим с освобождением. Нужно перешагнуть за пределы всех трех гун. Саттва может подвести нас близко к Свету, но и ее ограниченная чистота спадает с нас, когда мы входим в светоносное тело божественной Природы.

Этого выхода за пределы гун обычно пытаются добиться удалением от действия низшей природы. Это приносит с собой подчеркнутое стремление к бездействию. Саттва, когда она хочет усилить себя, старается избавиться от Раджаса и призывает на помощь тамасическую первооснову бездействия; это причина того, почему определенный тип высоко саттвических людей, живя напряженно во внутреннем существе, вообще не участвует во внешней жизни действия, или же эти люди в ней некомпетентны и неуспешны. Искатель освобождения идет дальше в этом направлении и старается наложением просвещенного Тамаса на свое природное существо, Тамаса, который из-за этого спасительного просвещения является скорее покоем, чем недееспособностью, дать саттвической Гуне свободу потерять себя в свете духа. Спокойствие и тишина наложены на тело, на активную жизненную душу желания и эго, на внешний ум, в то время как саттвическая природа напряжением медитации, исключительной концентрацией обожания, волей, обращенной внутрь к Верховному, старается слиться с духом. Но если этого достаточно для умиротворяющего избавления, то этого недостаточно для свободы интегрального совершенства. Это освобождение зависит от бездействия и не является полным и самосуществующим; как только душа обращается к действию, она обнаруживает, что деятельность природы осталась всё тем же старым несовершенным движением. Это — избавление души от природы, которое приобретено путем устранения от действия, а не

освобождение души в природе, равно совершенное и самосуществующее и в действии, и в бездействии. Следовательно, встает вопрос, возможно ли такое освобождение и такое совершенство, и что может быть условием этой совершенной свободы.

Обычное представление состоит в том, что это невозможно, потому что все действие идет от низших гун, оно неизбежно несовершенно, *sadosam*, его побуждает движение, нестабильность, отсутствие равновесия, колебания борьбы гун; и когда эти неравные гуны уравниваются, всё действие Природы прекращается, и душа отдыхает в покое. Божественное Бытие, могли бы мы сказать, может или существовать в своей тишине, или действовать в Природе через ее инструментарий, но в этом случае должно принять вид ее борьбы и несовершенства. Такое утверждение может быть истинным относительно обычно представленного действия Бога в человеческом духе с его теперешними отношениями души к природе в воплощенном несовершенном умственном существе, но оно неверно относительно божественной природы совершенства. Борьба гун — это только отраженное изображение в несовершенстве низшей природы; то, что стоит за тремя Гунами, — это три сущностные силы Божественного, которые не просто существуют в совершенном равновесии спокойствия, но объединены в совершенном согласии божественного действия. Тамас в духовном существе становится божественной тишиной, которая не является инерцией и неспособностью к действию, но являет собой совершенную силу, *sakti*, сохраняющую в себе всю свою мощь и способность контролировать и подчинять закону тишины даже наиболее огромную и чрезмерную активность. Раджас становится осуществляющей себя инициативной чистой Волей духа, которая не является желанием, усилием, стремящейся страстью, но все той же совершенной силой бытия, *sakti*, способной на бесконечное, невозмутимое и блаженное действие. Саттва начинает быть не разновидностью умственного света, *prakasa*, но самосуществующим светом божественного существа, *juotiḥ*, которое есть душа совершенной силы бытия и освещает в их союзе божественную тишину и божественную волю к действию. Обычное освобождение добывается тихого божественного света в божественном покое, но интегральное совершенство будет стремиться к этому более великому триединому единению.

Когда это освобождение природы приходит, наступает такое избавление от всего духовного чувства двойственности Природы. В низшей природе двойственности являются неизбежным воздействием игры гун на душу, затронутую формациями саттвического, раджасического и тамасического эго. Узел этой двойственности — в неведении, которое неспособно охватить духовную истину явлений и сосредотачивается на несовершенных внешних проявлениях, но познает их не в господстве их внутренней истины, но в борьбе и изменчивом равновесии притяжения и отталкивания, способности и неспособности, симпатии и антипатии, удовольствия и боли, радости и печали, принятия и отвращения; вся жизнь представляется нам как спутанный клубок всех этих проявлений, приятного и неприятного, прекрасного и безобразного, истины и лжи, счастья и несчастья, успеха и неудачи, добра и зла, как двойное нерасторжимое переплетение Природы. Привязанность к одобрению и отвращению связывает душу этой паутиной добра и зла, радостей и печалей. Искатель освобождения избавляется от привязанности, выбрасывает прочь из своей души двойственности, но поскольку двойственности как бы представляют собой все действие, весь материал и костяк жизни, кажется что такое освобождение было бы намного легче осуществить путем отхода от жизни, или физическим удалением настолько далеко, насколько это возможно, будучи в теле, или путем внутреннего уединения, отказом в одобрении и освобождающим отвращением, *vairagya*, от всякого действия Природы. Это отделение души от Природы. Тогда душа, расположившись над Природой и недвижимая, *udāsina*, наблюдает борьбу гун в природном существе и смотрит, как бесстрастный свидетель, на удовольствие и боль ума и тела. Или она способна наложить свою

индифферентность даже на внешний ум, и тогда она наблюдает с беспристрастным спокойствием или беспристрастной радостью независимого зрителя всеобщее действие, в котором она не принимает более активного внутреннего участия. Конец этого движения — отказ от рождения и уход в молчащее я, мокса.

Однако, этот отказ не является последним возможным словом освобождения. Интегральное освобождение приходит тогда, когда эта страсть к избавлению, *mumuksutva*, основанная на отвращении, *vaigraha*, сама будет превзойдена; тогда душа освобождается и от привязанности к низшему действию природы, и от всего нерасположения к космическому действию Всевышнего. Это освобождение становится полным, когда духовный гносис может действовать со сверхразумным знанием и принятием действия Природы, со сверхразумной светлой волей в инициативе. Гносис открывает духовное чувство в Природе, Бога в явлениях, душу добра во всех объектах, которые имеют противоположную внешнюю видимость; эта душа представлена в них и из них, извращения несовершенных или противоположных форм спадают или преобразуются в свою более высокую божественную истину, — подобно тому, как гуны возвращаются к их божественным первоосновам, — и дух живет во всеобщей, бесконечной и абсолютной Правде, Добре, Красоте, Блаженстве, каковой является сверхразумная или идеальная божественная Природа. Освобождение Природы сливается с освобождением духа, и так в интегральной свободе фундаментально обосновывается интегральное совершенство.

5. Этот предмет уже обсуждался в Йоге Трудов. Он заново сформулирован здесь с точки зрения общего типа природы и полного освобождения существа. (*Прим. Шри Ауробиндо*)

КОГДА само я очищено от неверного и беспорядочного действия инструментальной Природы и освобождено в свое самосуществующее бытие, сознание, силу и блаженство, и сама Природа избавлена от путаницы низшего действия противоборствующих гун и двойственностей и отпущена в высокую истину божественной тишины и божественного действия, тогда духовное совершенство становится возможным. Очищение и освобождение являются обязательными предшественниками совершенства. Духовное самосовершенствование может означать только вращение в единство с природой божественного бытия, и потому цель, усилие и метод наших поисков этого совершенства будут соответствовать нашей концепции божественного бытия. Для сторонника Майявады высочайшая, или скорее единственно реальная истина бытия — это бесстрастный, безличностный самосознающий Абсолют, и потому вращение в бесстрастную тишину, безличностное и чистое самосознание духа составляет его идею совершенства, а отвержение космического и индивидуального бытия и погружение в молчащее самознание есть его путь. Для буддиста, который высочайшей истиной считает отрицание бытия, совершенный путь — в осознании временности и скорби существования, губительной ничтожности желания, в растворении эгоизма, в прекращении поднимающихся ассоциаций Идеи и в окончании непрерывного ряда Кармы. Другие идеи Высочайшего менее негативны; каждая согласно своему собственному представлению ведет к некоторому подобию Божественного, *sadr sya*, и каждая находит свой собственный путь, как например у Бхакта, любовь, почитание и вхождение в образ Божественного посредством любви. Однако, для интегральной Йоги совершенство будет означать божественный дух и божественную природу, которые сделают возможным связь с Божественным и действие в миру; в своей полноте оно будет также означать обожествление всей природы, отторжение всех ее обременяющих бытие и действие затянутых узлов, но не отказ ни от какой части нашего бытия и ни от какой сферы нашего действия. Приближение к совершенству должно быть, поэтому, большим и комплексным движением и его результаты, и его работа будут иметь бесчисленные и разнообразные проявления. Для того, чтобы найти ключ и метод, мы должны остановиться на несомненных существенных, фундаментальных и необходимых элементах совершенства, *siddhi*, ибо если они прочны, все остальное обоснуется, будучи только их естественным развитием или особой работой. Мы можем распределить эти элементы на шесть разделов, в значительной степени независимых друг от друга, но все же определенным образом естественно последовательных в порядке их приобретения. Движение будет начинаться от основополагающей ровности души и восходить к идеальному действию Божественного через наше доведенное до совершенства существо в огромности Брахманического единства.

Первая необходимость — это определенная фундаментальная уравновешенность души, как в ее сущностном, так и в ее природном бытии, в отношениях и встречах с объектами, ударами и воздействиями Природы. Эту уравновешенность мы достигаем вращением в совершенную ровность, *samata*. Высшее Я, Дух или Брахман един во всех и, потому, одинаков ко всем; это, как сказано в Гите, которая полно развивает эту идею ровности и показывает переживания, по крайней мере, одной ее стороны, равный ко всему беспристрастный Брахман, *samat brahma*; Гита даже в одном месте заходит так далеко, что идентифицирует ровность и Йогу, *samatvam yoga usyate*. Это то же самое, что сказать, ровность — это знак Единения с Брахманом, становления Брахманом, вращение в неволнуемое духовное равновесие бытия в Бесконечном. Важность ровности может едва ли быть преувеличена, поскольку это знак нашего прохождения

за эгоистические установления нашей природы, нашего преодоления порабожавшего нас отклика двойственностям, знак того, что мы переступили за пределы мятущейся суматохи гун, вошли в тишину и мир освобождения. Ровность — это уровень сознания, которое вносит во все наше существо и природу вечное спокойствие Беспредельности. Сверх того, это состояние полностью и совершенно божественного действия; уверенность и огромность космического действия Бесконечного обосновано на вечном, ничем не нарушаемом спокойствии, и оно никогда не разрушается и не теряется. Оно же должно быть характером и нашего совершенного духовного действия; быть ко всему равным и одинаковым в духе, понимании, уме, сердце и природном сознании, — даже в наиболее физическом сознании, — и сделать все их работы, каково бы ни было внешнее приспособление к тому, что должно быть сделано, всегда и не уменьшаясь полными божественной ровности и тишины, должно быть сокровенным принципом совершенного духовного действия. Это, можно сказать, пассивная или основная, фундаментальная и воспринимающая сторона ровности, но есть также активная и владеющая сторона, ровное блаженство, которое может придти только, когда мир ровности обоснован, и которая является блаженным расцветом ее полноты.

Следующая необходимость совершенства — подъем всех активных органов человеческой природы до этого высочайшего состояния и уровня работы их силы и способности, *sakti*, в котором они становятся настоящими обожествленными инструментами свободного и совершенного, духовного и божественного действия. В практических целях мы можем принять ум, сердце, Прану и тело за четыре члена нашей природы, которые должны быть таким образом подготовлены, и нам нужно найти составные выражения их совершенства. Есть также в нас *virya*, динамическая сила темперамента, характера и души природы, *svabhava*, которая делает энергию наших членов эффективной в действии и придает им их тип и направление; она должна быть освобождена от ее ограничений, увеличена и расширена так, чтобы вся наша зрелость смогла стать основой божественной зрелости, когда Пуруша, подлинный Человек в нас, божественная Душа, будет совершенно действовать в этом человеческом инструменте и полно воссияет через этот человеческий сосуд. Чтобы обожествить совершенную природу, мы должны призвать божественную Силу, или Шакти, заменить нашу ограниченную человеческую энергию так, чтобы она смогла быть подобием великой бесконечной энергии, *daivi prakrti*, *bhagavati sakti*, и наполниться ее мощью. Это совершенство будет расти в той мере, в которой мы сможем отдать себя сначала руководству и затем прямому действию этой Силы и Властелина нашего существа и наших трудов, которому все принадлежит, а для этой цели вера является основой, вера есть великая движущая сила нашего существа в нашем устремлении к совершенству, — здесь, вера в Бога и Шакти, которая обязательно начнется в сердце и разуме, но завладеет всей нашей природой, всем ее сознанием, всей ее динамической движущей силой. Таковы четыре основы второй составной части совершенства, полные силы члены инструментальной природы, совершенный динамизм души природы, принятие инструментальной природой и допущение в себя действия божественной Силы, совершенная вера во всех наших членах в призыве божественной Силы и полная поддержка ими этого принятия Божественной Силы, *sakti*, *virya*, *daivi prakrti*, *sraddha*.

Однако, пока такое развитие имеет место только на высочайшем уровне нашей обычной природы, у нас может быть лишь отраженное и ограниченное подобие совершенства, переведенное в низшие выражения души в уме, в жизни и в теле, но мы не можем владеть божественным совершенством в высочайших возможных для нас выражениях божественной Идеи и ее Силы. Оно должно быть найдено за пределами этих низших принципов, в сверхразумном гносисе; поэтому, следующим шагом совершенства будет эволюция умственного существа в гностическое существо. Эта эволюция выполняется прорывом за пределы умственной

границы, прыжком вверх в следующий более высокий уровень или регион нашего бытия, скрытый от нас в настоящее время слепящим экраном умственных отражений, и превращением всего, чем мы являемся, в выражения этого более великого сознания. В самом гносисе, *vijnapa*, есть несколько градаций, которые на их наибольшей высоте открыты в полную и бесконечную Ананду. Гносис, однажды эффективно призванный к действию, будет поступательно наполнять собой все проявления интеллекта, воли, чувствующего ума, сердца, виталического и сенсорного существа и переведет их светоносным и гармонизирующим превращением в единство истины, силы и восторга божественного существования. Он поднимает в этот свет и силу всё наше интеллектуальное, волевое, динамическое, этическое, эстетическое, сенсорное, виталическое и физическое существо и обратит их в их собственное высочайшее значение. Гносис имеет также способность преодолеть физические ограничения и развить божественно совершенное инструментальное тело. Его свет открывает просторы сверхсознательного, он мечет молнии и изливает светоносные потоки в подсознательное и освещает его неясные недомолвки и скрытые секреты. Гносис допускает нас к более великому свету Бесконечного, чем отражается в бледной яркости даже самого высочайшего ума. Совершенство индивидуальную душу и природу в смысле все большего божественного существования и приводя в полную гармонию конфликтные различия нашего существа, гносис основывает все свое действие на Единстве, от которого он происходит, и поднимает все в это Единство. Личностное и безличностное, два вечных аспекта существования, становятся едины посредством его действия в духовном существе и природном теле Пурушоттама.

Гностическое совершенство, духовное по своему характеру, должно быть достигнуто здесь, в теле, и принимает жизнь в физическом мире в качестве одного из своих полей, даже хотя гносис открывает нам владение планами и мирами по ту сторону материальной вселенной. Физическое тело является, поэтому, основанием действия, *pratistha*, которым нельзя пренебрегать, которое нельзя презирать или исключить из духовной эволюции; совершенство тела как внешнего инструмента совершенного божественного проживания на земле, неминуемо будет частью гностического обращения. Изменение будет выполнено введением закона гностического Пуруши, *vijnapaṁaya rūpa*, и того, во что он открывается, Анандамайи, в физическое сознание и его члены. Продвинутое к своему высочайшему результату, это движение приносит одухотворение и освещение всего физического сознания и обожествление закона тела. Ибо за грубой физической оболочкой материально видимого и ощущаемого телесного каркаса есть подсознательно поддерживающее его и доступное только более развитому тонкому сознанию тонкое тело умственного существа и духовное, или казуальное тело гностической и блаженной души, в котором должно быть основано все совершенство духовного воплощения, еще непроявленный божественный закон тела. Большая часть физических сиддхи, приобретенных некоторыми Йогинами, вызваны за счет какого-то раскрытия к закону тонкого тела или призывом вниз каких-то возможностей из закона духовного тела. Обычный метод — это открытие Чакр снизу вверх посредством физических процессов Хатха-Йоги, частично включенных также в Раджа-Йогу, или посредством методов Тантрической дисциплины. Хотя они могут быть факультативно использованы на определенных стадиях интегральной Йоги, они не обязательны, потому что здесь опираются на способность более высокого существа изменить низшее существование, предпочитается работа главным образом сверху вниз, а не противоположным способом, и поэтому развитие верховной силы гносиса ожидается как инструментальное изменение в этой части Йоги.

Там останется, поскольку это только тогда будет полностью возможно, совершенное действие и наслаждение бытием на гностической основе. Пуруша входит в космическое проявление ради разнообразия своего бесконечного существования, ради знания, действия и

наслаждения; гносис приносит полноту духовного знания, и он обоснует на этом божественное действие и обратит наслаждение миром и бытием в закон истины, свободы и совершенства Духа. Но ни действие, ни наслаждение не будут низшим действием гун и результатом эгоистического удовольствия в основном за счет удовлетворения раджасического желания, каковым является наш теперешний способ проживания. Всякое оставшееся желание, если это наименование будет дано, будет божественным желанием, волей к восторгу Пуруши, наслаждающегося в своей свободе и совершенстве действием совершенной Пракрити и всех ее членов. Пракрити поднимает вверх всю природу в закон ее более высокой божественной истины и будет действовать в этом законе, преподнося всеобъемлющее наслаждение ее действием и бытием Анандамайя Ишваре, Владыке существования и трудов и Духу блаженства, кто председательствует и управляет ее трудами. Индивидуальная душа будет каналом этого действия и жертвоприношения, и она будет наслаждаться сразу своим единством с Ишварой и своим единством с Пракрити, и будет наслаждаться всеми отношениями с Бесконечным и конечным, с Богом, Вселенной и существами во Вселенной в высочайших выражениях союза всеобщей Пуруши и Пракрити.

Вся гностическая эволюция раскрывается в божественный закон Ананды, который есть основание полноты духовного бытия, сознания и блаженства Сатчитананды или вечного Брахмана. Сначала им владели посредством отражения в умственном переживании, им завладеют впоследствии с еще большей полнотой и прямоотой в собранном и освещенном сознании, *cidghana*, которое приходит через гносис. Сиддха, или совершенная душа, будет жить в единении с Пурушоттамой в этом Брахманическом сознании, она будет сознавать в Брахмане, что есть Всё, *sarvam brahma*, в Брахмане бесконечное в бытие и бесконечное в качестве, *anantam brahma*, в Брахмане самосуществующее сознание и всеобъемлющее знание, *jnanam brahma*, в Брахмане самосуществующее блаженство и его всеобщий восторг бытия, *anandam brahma*. Совершенная душа будет переживать всю Вселенную как проявление Единого, все качество и действие как игру его всеобщей и бесконечной энергии, все знание и осознаваемое переживание как истечение этого сознания, и все — в выражениях этой одной Ананды. Физическое существо человека с совершенной душой будет едино со всей материальной Природой, его виталическое существо — с жизнью Вселенной, его ум — с космическим умом, его духовное знание и воля будут едины с божественным знанием и волей как в себе, так и в их излиянии через эти каналы, его дух — с единым духом во всех существах. Все разнообразие космического существования изменится для него в этом единстве и покажет себя в секрете своего духовного значения. Ибо в этом духовном блаженстве и бытие он будет един с Тем, кто есть источник, континент и обитатель, дух и образующая сила всего существования. Это будет высочайшим достижением самосовершенствования.

Глава XI. Совершенство Ровности

ПОЛНАЯ ровность является самой первой необходимостью духовного совершенства. Совершенство, в том смысле, в котором мы используем это понятие в Йоге, означает развитие из низшей несвятой в высшую божественную природу. В выражениях знания совершенство означает наложение на существо высшего Я и отбрасывание темного изломанного низшего я, или превращение нашего несовершенного состояния в завершенную светоносную полноту нашей подлинной и духовной личности. В выражениях преданности и обожания совершенство означает уподобление природе или закону Божественного бытия, объединиться с которым мы стремимся, — ибо если нет этого подобия, этого единства закона бытия, то единение между этим трансцендентным и всеобщим и этим индивидуальным духом невозможно. Верховная божественная природа основана на ровности. Это утверждение истинно, считаем ли мы Верховное Бытие чистым безмолвным Я и Духом или божественным Властелином космического существования. Чистое Я есть ровный, недвижимый, пребывающий в беспристрастном мире свидетель всего происходящего и всех отношений в космическом существовании. Поскольку Я не имеет отращения к ним, — отращение не есть ровность, если бы таково было отношение Я к космическому существованию, вселенная не могла бы вообще возникнуть и продолжаться в своих циклах, — то отрешенность, тишина ровного отношения, превосходство над реакциями, которые беспокоят и обессиливают душу, вовлеченную во внешнюю природу, являются самой сущностью безмолвной чистоты Бесконечного и состоянием его беспристрастного разрешения и поддержки многостороннего движения вселенной. Но и для этой силы Верховного, который управляет этими движениями и развивает их, та же ровность есть основное состояние.

Создатель творений не может быть затронут или обеспокоен реакцией этих творений; если бы это было так, он был бы подчиненным, а не хозяином, не был бы свободен развивать их согласно своей суверенной воле и мудрости, и согласно внутренней истине и необходимости того, что стоит за их отношениями, но принуждено до поры до времени действовать согласно требованию временной случайности и временного проявления. Истина всех явлений в тишине их глубин, а не в колебании меняющейся формы на поверхности. Верховное сознающее Бытие в своем божественном знании, воле и любви управляет их развитием, — нашему невежеству оно так часто представляется путаницей, вызывающей горькое отчаяние, — из этих глубин, и не обеспокоено шумом на поверхности. Божественная природа не участвует в наших поисках и наших страстях; когда мы говорим о божественном гневе и благосклонности, или о Боге, страдающем за человека, мы используем человеческий язык, искаженно переводящий внутреннее значение движения, которое мы характеризуем. Мы видим что-то из подлинной истины всех явлений, когда мы поднимаемся из феноменального ума в высоты духовного бытия. Ибо тогда мы осознаем, что и в тишине Я, и в своем действии в космосе Божественное всегда есть Сатчитананда, бесконечное существование, беспредельное сознание и самоутвержденная сила сознающего бытия, безграничное блаженство во всем его существовании. Мы сами начинаем жить в ровном свете, силе и радости, этих психологических переводах божественного знания, воли и восторга в собственном я и во всех вещах, представляющих собой активные универсальные излияния из этих бесконечных источников. При прочной поддержке этого света, силы и радости тайное Я и дух внутри нас всегда принимает и трансформирует в продукт своего совершенного опыта двойственные послания умственной транскрипции жизни, и если бы не было более великого существования, спрятанного даже теперь внутри нас, мы не смогли бы выдерживать давления вселенской силы и существовать в этом огромном и опасном мире. Совершенная ровность нашего духа и природы есть средство, дающее нам возможность

продвигаться от беспокойного и невежественного внешнего сознания в это внутреннее царство небес и завладеть вечными просторами Духа, *gaṇyam samrddham*, огромностью, радостью и миром. Это самовозвышение до божественной природы является всем делом и завершением дисциплины ровности, которую предъясвляет нам цель самосовершенствования в Йоге.

Совершенная ровность и мир души необходимы, чтобы переделать все содержание нашего существа из заполняющего его теперь беспокойного ума в субстанцию Я. Это равно необходимо, если мы стремимся заменить наше теперешнее беспорядочное и невежественное действие невозмутимыми и освещенными трудами свободного духа, управляющего своей природой в созвучии со всеобщим бытием. Божественное действие и даже совершенное человеческое действие невозможны, если у нас нет ровности духа и ровности в побудительных силах нашей природы. Всевышний, ровный ко всему, есть беспристрастный вседержитель своей вселенной, кто наблюдает всё невозмутимым взором, санкционирует согласно закону развивающегося бытия, которое он вывел из глубин своего существования, допускает то, что должно быть допущено, подавляет то, что должно быть подавлено, поднимает то, что должно быть поднято; создает, поддерживает и разрушает с совершенным и равным пониманием всех причин, результатов и свершений духовного и практического замысла всего феномена. Бог создает не из-за какой-то беспокоящей страсти желания, поддерживает и охраняет не из-за привязанности пристрастного предпочтения, разрушает не в ярости гнева, отвращения или негодования. Всевышний обращается с великим и малым, праведным и неправедным, мудрым и невежественным, как собственное Я всего, глубоко внутреннее и единое с существом, кто ведет всех согласно их природе и потребности с совершенным пониманием, силой и соразмерностью. Через все это он движет явлениями согласно своей большой цели в циклах, и тянет душу вверх в эволюции через видимый прогресс и регресс ко все более и более высокому развитию, которое составляет смысл космического замысла. Самосовершенствующийся индивидуум, стремящийся быть единым в воле с Богом и сделать свою природу инструментом божественной цели, должен освободиться от эгоистических и пристрастных взглядов и мотивов человеческого неведения и сформировать себя по образу этой верховной ровности.

Такое беспристрастное равновесие в действии особенно необходимо для Садхака интегральной Йоги. Первым делом, он должен достигнуть того ровного согласия и понимания, которые будут отвечать закону божественного действия, не пытаясь наложить на него частную волю и неистовое требование личного устремления. Мудрая безличность, постоянная ровность, всеобщность, видящая во всем проявления Божественного, единого Существования, которая не испытывает гнева, беспокойства, нетерпения из-за положения дел, или, с другой стороны, не испытывает возбуждения, чрезмерной жажды, не действует в опрометчивой поспешности, но видит, что должно выполнять закон и уважать шаг времени, наблюдает и понимает с симпатией действительность вещей и существ, но смотрит также за теперешнее проявление в их внутренние значения и вперед в развертывание их богоданных возможностей, такова первая вещь, которая требуется от того, кто будет работать как совершенный инструмент Божественного. Однако, это безличностное молчаливое согласие является только основой. Человек — это инструмент эволюции, которая носит сначала маску борьбы, но все ближе и ближе подходит к своему более глубокому и истинному значению постоянного мудрого приведения в порядок и должна превращаться во все возрастающем размере в глубочайшую истину и смысл, — хотя теперь выделяются только борьба и регулирование, — вселенской гармонии. Совершенная человеческая душа должна всегда быть инструментом ускорения путей этой эволюции. Для этого божественная сила, действующая с царственностью заключенной в ней божественной воли, должна быть в какой бы ни было степени представлена в человеческой природе. Но чтобы быть совершенной, неизменной и непоколебимой в работе, поистине

божественной, душа должна действовать на основе духовной ровности, тишины, безличностного и беспристрастного самоотождествления со всеми существами, на основе понимания всех энергий. Всевышний действует в бесчисленных работах вселенной с громадной мощью и с поддерживающим светом и силой невозмутимого единства, свободы и мира. Это должно быть образцом для божественных работ совершенной души, и ровность является состоянием существа, делающим возможным такой измененный характер действия.

Тем не менее, даже человеческое совершенство не может обходиться без ровности как одного из своих главных элементов, и даже как своей необходимой атмосферы. Цель человеческого совершенства должна содержать в себе, если это должно быть удостоено наименования, две вещи, самообладание и обладание окружающим; необходимо добиваться этого в такой наибольшей степени, какая вообще достижима нашей человеческой природой. Человека побуждает к самосовершенствованию стремление быть, как это сказано на древнем языке, *svarat* и *samrat*, самоправителем и властелином. Однако, быть самоправителем невозможно для человека, если он подчинен натиску низшей природы, вихрю горя и радости, неистовому волнению удовольствий и боли, смятению чувств и страстей, если он зависит от своих личных симпатий и антипатий, если он скован цепями желания и привязанности, узостью личного и эмоционального пристрастного суждения и мнения, всей сотней оттенков своего эгоизма, отпечатанного на его мысли, чувстве и действии. Всё это отдаёт человека в рабство низшему я, и эту порабощенность нужно сломать и бросить к ногам высшего человеческого Я, если человек хочет быть царем своей собственной природы. Преодоление всего этого составляет условие самоправления, а условием этого преодоления и сущностью движения преодоления снова является ровность. Быть совершенно свободным ото всего этого, — если возможно, или по крайней мере, господствовать и превышать, — это и есть ровность. Далее, тот, кто не стал самоправителем, не может быть властелином своего окружения. Знание, воля, гармония, которые необходимы для этого внешнего господства, могут придти только как завершение внутреннего завоевания. Оно принадлежит самовладеющей душе и уму, которые следуют с незаинтересованной ровностью Правде, Справедливости, вселенской Огромности, для которых только это господство и возможно, — постоянно следующих великому идеалу, который они ставят перед нашим несовершенством, пока оно не начинает понимать и полностью разрешать всё, кажущееся конфликтующим с ними и стоящее на пути их проявления. Это правило верно даже на уровнях нашего действующего сегодня человеческого ума, где мы можем добыть только ограниченное совершенство. Но идеал Йоги поднимает эту цель Свараджа и Самраджа и помещает ее на гораздо большую духовную основу. Там она получает свою полную силу, открывается к более высоким божественным степеням духа; ибо свою собственную исконную основу высочайшее интегральное совершенство нашего существа и природы находит посредством единства с Бесконечным, посредством духовной силы, воздействующей на конечное.

Полная ровность не только в собственном я, но и в природе — таково условие Йоги самосовершенствования. Первым явственным шагом к этому будет покорение нашего эмоционального и виталического существа, поскольку здесь находятся источники величайшего беспокойства, наиболее безудержные силы неуравновешенности и зависимости, наиболее настоятельные претензии нашего несовершенства. Ровность этих частей нашей природы приходит через очищение и свободу. Мы можем сказать, что ровность — это сам знак освобождения. Быть избавленным от господства назойливого побуждения виталического желания и бурной власти страстей над душой — это означает иметь тихое и ровное сердце и жизненную основу, руководимую широким и беспристрастным взглядом вселенского духа. Желания — это нечистота Праны, жизненной первоосновы, и ее рабская цепь. Свободная Прана

— это довольная и удовлетворенная жизненная душа, которая противостоит контактам с внешними явлениями без желания и принимает их со спокойным откликом; освобожденная, поднятая над рабской двойственностью симпатии и антипатии, беспристрастная к побуждениям удовольствия и боли, не возбужденная приятным, не обеспокоенная и не подавленная неприятным эта жизненная душа, не цепляясь за привязанность к тем контактам, которые она предпочитает, и не отталкивая те, к которым у ней отвращение, будет открыта к более великой системе ценностей переживания. Все, что приходит к ней из мира с угрозой или с просьбой, она будет отсылать к более высоким первоосновам, к разуму и сердцу, которые находятся в соприкосновении со светом и тихой радостью духа и изменены ими. Таким образом успокоенная, управляемая духом, уже не пытающаяся наложить свою собственную власть на более глубокую и тонкую душу в нас, эта жизненная душа будет сама одухотворена и будет работать, как чистый и благородный инструмент божественных отношений духа с земными вещами. Нет и вопроса об аскетическом убиении жизненного импульса и его врожденных практических назначений и функций; требуется не его истребление, но его преобразование. Функция Праны — это наслаждение, а подлинное наслаждение существованием — это внутренняя духовная Ананда, это не пристрастное и беспокойное наслаждение, подобное нашим виталическим, эмоциональным или умственным удовольствиям, деградированным, каковы они сейчас, из-за господства физического ума, но всеобъемлющее, глубокое, массирующее сосредоточение духовного блаженства, которым владеют в тихом экстазе собственного и общего существования. Обладание есть функция Праны, посредством обладания приходит наслаждение души объектами внешнего мира, но это подлинное обладание, огромное и внутреннее, не зависящее от внешнего захвата, который подчиняет нас тому, что мы захватываем. Все внешнее обладание и наслаждение будет только обстоятельством удовлетворенной и ровной игры духовной Ананды с формами и феноменом ее собственного мира-бытия. Нужно отказаться от эгоистического владения, превращения земных объектов в нашу собственность, означающего претензию эго и на Бога, и на мир, и на существа, *parigraha*, для того, чтобы эта значительно большая, это огромная, всеобъемлющая и совершенная жизнь могла придти. *Tyaktena bhunjithah*, отказавшись от эгоистического чувства желания и обладания, душа божественно наслаждается своим Я и Вселенной.

Свободное сердце, подобным же образом, — это сердце, освобожденное от порывов и бурь привязанностей и страстей; атакующие удары горя, гнева, ненависти, страха, взлеты и падения любви, беспокойства радости, боль скорби покидают ровное сердце, и оно остается огромным, тихим, спокойным, светлым, божественным. Эти реакции не являются обязанностью, возложенной на нашу сущностную природу, они — порождение теперешней формы нашей внешней активной умственной и виталической природы и ее взаимодействий со своим окружением. Чувство эго, которое побуждает нас действовать, как отдельное существо, кто превращает своё изолированное требование и опыт умственной и виталической природы в пробу ценностей вселенной, ответственно за эти заблуждения. Когда мы живем в единении с Божественным в самих себе и с духом вселенной, эти несовершенства спадают с нас и исчезают в тихой, ровной силе и восторге внутреннего духовного существования. Оно всегда внутри нас и преобразует внешние соприкосновения прежде, чем они войдут в контакт с ним, пропуская их через засознательную психическую душу в нас, которая является скрытым инструментом восторга бытия. Посредством ровности сердца мы избавляемся от беспокойной души желаний, пребывающей на поверхности нашего сознания, открываем врата этого более глубокого существа, выявляем его ответные чувства и налагаем их подлинные божественные значения на всё, что заботит наше эмоциональное существо. Свободное, счастливое, ровное и всеобъемлющее сердце духовного чувства — таков результат этого совершенства.

В этом совершенстве также нет вопроса о суровой аскетической бесчувственности, отчужденном духовном безразличии или напряженной непреклонной строгости самоподавления. Это совершенство — не убиение эмоциональной природы, а преобразование. Все, что представлено здесь в нашей внешней природе в извращенных или несовершенных формах, имеет значение и пользу, которые обнаруживаются, когда мы возвращаемся ко все большей истине божественного бытия. Любовь будет не разрушена, а доведена до полноты, расширена до ее широчайшей способности, углублена до ее духовного выражения восторга, станет любовью к Богу, любовью к человеку, любовью ко всему, проявленному во внешней форме, как к самому себе и как к существам и силам Божественного; огромная всеобъемлющая любовь, полностью неспособная к различающему отношению, заменит предьявляющую права, эгоистическую, заботящуюся о себе любовь к маленьким радостям и печалям, зависящим от настоячивых потребностей, пораженную всеми видами гнева, зависти и удовлетворения, подверженную порывам к единству и движениям усталости, разрыва и отделения, которым мы сейчас придаем такое высокое значение. Обида перестанет существовать, а всеобъемлющая равная любовь и симпатия займет ее место, не страдающая симпатия, но сила, которая будучи освобожденной, способна поддерживать, помогать, освобождать. Для свободного духа гнев и ненависть невозможны, но мощная Рудра, энергия Всевышнего, может сражаться без ненависти и разрушать без гнева, потому что все время осознает то, что разрушает, как части самого себя, свои собственные проявления, и поэтому неизменна в своей симпатии и понимании тех, в ком воплощены эти проявления. Вся наша эмоциональная природа будет подвергнута этому высокому освобождающему преобразованию; и чтобы оно могло произойти, совершенная ровность создает эффективное условие.

Та же самая ровность должна быть введена во все остальное наше существо. Наше динамическое существо целиком действует под влиянием неуравновешенных импульсов, проявлений низшей несведущей природы. Этим побуждениям мы или повинемся, или частично контролируем их, или подвергаем их разнообразному и видоизменяющему влиянию нашего интеллекта, нашего очищенного эстетического чувства и ума и регулирующего этического представления. Перепутанные наклонности к правильному и неверному, полезному и вредному, к гармоничной или беспорядочной деятельности — таков смешанный результат нашего усилия, дающий изменчивый стандарт человеческого разума и безрассудства, добродетели и греха, чести и бесчестия, благородного и неблагородного, поощряемого или непоощряемого людьми, вызывающий сильное волнение самоодобрения и неодобрения, самооправдания или осуждения, угрызания совести, стыд и моральную депрессию. Это все, без сомнения, очень необходимо в настоящее время для нашей духовной эволюции. Но искатель еще большего совершенства отступит ото всех этих двойственностей, рассмотрит их спокойным взором и достигнет через ровность беспристрастного и всеобщего действия динамического Тапаса, духовной силы, в которой его собственная сила и воля превратятся в чистые и точные инструменты великой безмолвной тайны божественной работы. Обычные умственные стандарты будут превышены на основе этой динамической ровности. Взгляд его воли должен быть обращен по ту сторону, на чистоту божественного бытия, на побуждение божественной воли-силы, руководимой божественным знанием, двигателем которого стала его собственная природа, уапта. Это неизбежно останется полностью невозможным, пока динамическое эго с его содействием эмоциональным и виталическим импульсам и предпочтениям личного мнения вмешивается в действие человека. Совершенная ровность воли — это сила, которая развязывает эти узлы низшего побуждения к деятельности. Эта ровность не будет отвечать слепым низшим импульсам, но будет следить за великим зрячим побуждением, идущим из Света над умом, не будет судить и управлять с помощью интеллектуального решения, но ждать освещения и

указания с высшего уровня видения. В процессе восхождения к сверхразумному бытию и расширения внутрь к духовной огромности, динамическая природа будет трансформирована, одухотворена подобно эмоциональной и пранической природе, и востанет в силу божественной природы. Будет много ошибок и неточности в пригонке инструментов к их новой работе, но укрепляющаяся в своей ровности душа не будет слишком беспокоиться или горевать из-за этого, поскольку, предавшись руководству Света и Силы, пребывающих внутри Я и над умом, она будет следовать по своему пути с твердой уверенностью и ожидать с возрастающей тишиной перемены и завершения процесса преобразования. Обещание, произнесенное Богом в Гите, будет символом надежды в ее решимости: "Оставь все Дхармы и найди прибежище во Мне одном; Я избавлю тебя от всякого греха и зла; не предавайся печали".

Ровность думающего ума будет частью, и очень значительной частью, совершенства инструментов в природе. Наша теперешняя прельстившаяся самооправдывающая привязанность к нашим интеллектуальным предпочтениям, нашим суждениям, мнениям, воображениям, ограниченным ассоциациям памяти, которые создают основу нашего умственного сознания, к текущему потоку привычных для ума повторений, к настоятельным требованиям нашего прагматического ума, к ограничениям даже нашего интеллектуального ума истины, эта привязанность должна последовать за другими привязанностями и уступить беспристрастную ровность видения. Ровный мыслительный ум будет смотреть на знание и неведение, на истину и ошибку, на эти двойственности, созданные ограниченной природой нашего сознания и пристрастностью нашего интеллекта, мало опирающегося на рассуждения и интуицию, будет принимать их обе, не связывая себя путами этого клубка ни с той, ни с другой стороной, и будет ожидать просветленного превосхождения. В неведении он будет видеть знание, которое заключено в темницу и пытается освободиться или ждет избавления, в ошибке — работающую истину, которая потеряла себя и обращена идущим осязательно умом в ошибочные формы. С другой стороны, он не будет связывать и ограничивать себя своим знанием, или запрещать себе из-за старого знания приступить к новому разъяснению, не будет слишком неистово держаться за истину, даже используя ее в полной мере, или тиранически приковывать ее к своим теперешним формулировкам. Такая совершенная ровность думающего ума необходима, потому что цель этого развития — более великий свет, принадлежащий более высокому уровню духовного знания. Эта ровность, наиболее тонкая и трудная, меньше всех других практически осуществлена человеческим умом; ее совершенство невозможно до тех пор, пока сверхразумный свет не снизойдет полно на устремленный вверх интеллект. Но нужна возрастающая воля к ровности в самом интеллекте, прежде чем этот свет сможет свободно воздействовать на умственную субстанцию. Ровность думающего ума — это также не отрицание исканий и космических целей интеллекта, не индифферентный или беспристрастный скептицизм, даже не успокоение всякой мысли в тишине Несказанного. Успокоение умственной мысли может быть частью дисциплины, имеющей целью освободить ум от его собственных пристрастных работ, для того, чтобы он мог стать ровным каналом высшего света и знания; но также должно произойти преобразование умственной субстанции, иначе высший свет не может принять на себя полной власти и ввести подчиняющий порядок предписанных работ божественного сознания в человеческом существе. Тишина Несказанного есть истина божественного бытия, но Слово, которое исходит из этой Тишины есть также истина, и это то Слово, которому должно дать плоть в сознающей форме природы.

В конечном счете, все это выравнивание природы является подготовкой к тому, чтобы высочайшая духовная ровность завладела всем существом и создала наполненную атмосферу, в которой свет, мощь и радость Божественного смогут проявляться в человеке с возрастающей полнотой. Эта ровность есть вечная ровность Сатчитананды. Это ровность бесконечного

самосуществующего бытия, ровность вечного духа, и она будет формировать по своему собственному образцу ум, сердце, волю, жизнь, физическое существо. Это ровность безграничного духовного сознания, которое будет содержать в себе и основывать несущий блаженство поток и насыщающие волны божественного знания. Это ровность божественного Тапаса, который будет начинать лучезарное действие божественной воли во всей природе. Это ровность божественной Ананды, которая будет создавать игру божественного вселенского восторга, всеобщей любви и безграничного чувства всемирной красоты. Идеальный ровный мир и тишина Бесконечного станут небесным простором для нашего совершенного существования, а идеальное ровное и совершенное действие Бесконечного через природную работу на взаимосвязи вселенной будет неволнуемым излиянием его силы в наше существо. Таково значение ровности в выражениях интегральной Йоги.

ИЗ ОПИСАНИЯ полной и совершенной ровности следует, что эта ровность имеет две стороны. Она, поэтому, должна быть достигнута путем двух успешных движений. Одно освободит нас от действия низшей природы и допустит к тихому миру божественного бытия; другое выведет нас в полное бытие и силу высшей природы и допустит нас к равновесию и всеобщности божественного и безграничного знания, воли к действию, Ананде. Первое движение может быть описано как пассивная или негативная ровность, ровность принятия, которая бесстрастно предстоит импульсам и феномену существования и отрицает двойственности проявлений и реакций, вызванных в нас. Второе движение — это активная, позитивная ровность, которая принимает феномен существования, но только как проявление единого божественного бытия, и с ровным ответом на двойственности, который исходит из божественной природы в нас, преобразует их в ее скрытые ценности. Первая живет в тишине единого Брахмана и отделяет от нее природу активного Неведения. Вторая живет в той же тишине, но также и в Ананде Божественного и налагает на жизнь души в природе знаки божественного знания, силы и блаженства бытия. Такова двойная ориентация, объединенная общим принципом, который будет определять движение ровности в интегральной Йоге.

Усилие к пассивной или исключительно воспринимающей ровности может начаться от трех различных принципов или позиций, которые все ведут к тому же самому завершающему результату, — от стойкости, безразличия и смирения. Позиция стойкости полагается на силу духа внутри нас, чтобы перенести все соприкосновения, удары и соблазны этой феноменальной Природы, окружающей нас со всех сторон, не будучи подавленным ими, и заставить нас выдержать эмоциональные, сенсорные, динамические, интеллектуальные реакции на них. Внешний ум в низшей природе не имеет такой силы. Его сила — это ограниченная сила сознания, которая должна справляться наилучшим возможным для неё образом со всем тем, что осаждает ум, приходя из огромного вихря сознания и энергии, окружающего его на этом уровне существования. То, что он вообще может поддерживать себя и утвердить свое индивидуальное существование во вселенной, действительно обязано силе духа внутри него, но ум не может вывести вперед целиком прочность и безграничность этой силы, чтобы встречать атаки жизни; если бы он мог, он бы сразу стал уравнивающим хозяином своего мира. Фактически, ему приходится управлять, как он может. Какие-то встречающиеся столкновения и воздействия он может ассимилировать, уравнивать или овладеть ими, частично или полностью, на время или целиком, и тогда он в той же степени испытывает эмоциональные и сенсорные реакции радости, удовольствия, удовлетворения, симпатии, любви и тому подобное, или интеллектуальные и умственные реакции принятия, одобрения, понимания, знания, предпочтения, и за эти реакции его воля хватается с увлеченностью, желанием, с попыткой продлить, повторить, воссоздать, владеть, сделать их производящей удовольствия привычкой в своей жизни. Другие встречающиеся удары ум находит слишком сильными для себя или слишком разнородными и диссонирующими, или слишком слабыми, чтобы дать удовлетворение; такие воздействия он не может перенести, или не может уравнивать с собой, или не может ассимилировать, и ум вынужден давать на них реакции горя, боли, неудобства, неудовлетворения, антипатии, неодобрения, отвержения, невозможности понять или познать, отказа в доступе. Против них он стремится защититься, избежать их, уклониться или свести к минимуму их возвращение; он испытывает в связи с ними движения страха, гнева, содрогания, ужаса, отвращения, возмущения, стыда, он хотел бы избавиться от них, но он не может

отделаться от них, поскольку он связан с ними, или даже приглашает их причины, а потому и результаты; эти воздействия — часть жизни, завязанной с объектами, которых мы желаем, и неспособность отразить их составляет часть несовершенства нашей природы. Наконец, какой-то ряд столкновений и воздействий обычному уму удается не подпускать или нейтрализовать их, и на них он дает естественную реакцию безразличия, нечувствительности или терпимости, которая не является ни позитивным принятием и наслаждением, ни отвержением и страданием. На все объекты внешнего мира, что бы ни предстало перед умом, предметы, люди, события, идеи, действия, всегда дается эти три вида реакций. В то же самое время, несмотря на всеобщность этих трех видов реакций ума, в них нет ничего абсолютного; они образуют схему обычной гаммы реакций, которая не является совершенно одинаковой для всех или для того же самого ума в различное время или в разных условиях. То же самое воздействие может вызвать в нем в одно время приятную или позитивную, а в другое — неблагоприятную или негативную, или же индифферентную или нейтральную реакцию.

Душа, которая стремится к совершенному господству, может начать с обращения против этих реакций встречной и противоположной силы твердой и ровной стойкости. Вместо того, чтобы стараться защищаться, остерегаться или избегать неприятных воздействий, она может стать лицом к ним и учиться терпеть и переносить их с упорством, с силой духа, с возрастающей невозмутимостью, со строгим и тихим принятием. Эта позиция, эта дисциплина вызывает три результата, три силы души по отношению к внешним объектам. Во-первых, обнаруживается, что то, что было прежде непереносимым, становится легко выносить; степень способности принять удар поднимается; требуется все большая и большая сила удара или большая длительность его атаки, чтобы вызывать беспокойство, боль, печаль, отвращение или любой другой отзвук из гаммы неприятных реакций. Во-вторых, обнаруживается, что сознающая природа разделяет себя на две части, одну, состоящую из обычной умственной и эмоциональной природы, в которой привычные реакции продолжают иметь место, другая — из более высокой воли и рассудка, которая наблюдает и не бывает обеспокоена или затронута страстью этой низшей природы, не принимает ее, как свою собственную, не одобряет, не санкционирует и не участвует. Тогда низшая природа начинает терять силу и мощь своих реакций, начинает подчиняться предложениям тишины и силы, идущим от более высокого рассудка и воли, и постепенно эта тишина и сила завладевают умственным, эмоциональным, даже сенсорным, виталическим и физическим существом. Это приносит третью силу и результат, силу избавиться от обычных реакций путем этой выносливости и господства, этого отделения и отвержения низшей природы, и даже способность переформировать силой духа, если мы захотим, все виды нашего опыта. Этот метод применяется не только к неприятным, но также к приятным реакциям; душа отказывается отдаваться им и увлекаться ими; она спокойно переживает внешние воздействия, которые приносят утехи и удовольствия, отказывается от вызываемого ими возбуждения и заменяет веселье и жадную погоню ума за приятными объектами тишиной духа. Метод может быть применен также к мыслительному уму при тихом принятии знания и ограничений знания, при котором ум отказывается быть унесенным прелестью какой-то привлекательной пришедшей мысли или быть повергнутым в отвращение действием антипатии к какому-то непривычному, не отвечающему нашему вкусу предложению идеи, и ждет Правды с беспристрастным наблюдением, что позволяет ему развить сильную, незаинтересованную, господствующую волю и рассудок. Таким образом, душа постепенно становится ровной ко всему, хозяйкой самой себя, достаточно уравновешенной, чтобы встретить окружающий мир с прочным противостоянием в уме и ненарушаемой безмятежностью духа.

Второй путь — это позиция бесстрастного безразличия. Его метод состоит в том, чтобы отвергать сразу тяготение или отвращение к внешним объектам, вырабатывать по отношению к

ним просвещенную безучастность, сдерживающее отвержение, привычку отмежевания и неупотребления. Такое отношение менее полагается на волю, и более на знание, хотя воля всегда необходима. При таком отношении рассматривают страсти ума как проявления, вызванные иллюзией внешнего умственного сознания, или низшие движения, недостойные тихой истины единого и ровного духа, или как виталические и эмоциональные тревоги, которые должны быть отвергнуты спокойной наблюдающей волей и беспристрастным рассудком мудреца. Метод второго пути отделяет желание от ума, отбрасывает эго, которое приписывает эти двойственные ценности внешним объектам, и замещает вожделие безмятежным и индифферентным миром, а эго — чистым Я, которое не доступно волнению и возбуждению и не опрокидывается от ударов окружающего мира. И не только эмоциональный ум успокаивается, но интеллектуальное существо также отвергает заботы неведения и поднимается над интересами низшего знания к единой истине, вечной и неизменной. Этот путь также вырабатывает три результата, или развивает три силы, посредством которых он восходит к миру.

Во-первых, обнаруживается, что ум добровольно связал себя мелочными радостями и неприятностями жизни, и что в реальности они не могут иметь внутренней власти над ним, если душа просто предпочтет сбросить свою привычку беспомощно подчиняться внешним и преходящим вещам. Во-вторых, обнаруживается, что здесь также может быть сделано разделение, психологическая перегородка, между низшим или внешним умом, все еще содействующим старым привычным контактам, и более высоким рассудком и волей, которые отошли от них, чтобы жить в индифферентной тишине духа. Другими словами, нами овладевает внутренняя отделенная тишина, которая следит за суматохой низших членов, не принимая участия в ней и не давая ей никаких санкций. Сначала более высокий рассудок и воля могут часто омрачаться, ум захватывает и уносит подстрекательство низших членов, но, в конечном счете, эта тишина становится непобедимой, постоянной, остается незатронутой наиболее сильными соприкосновениями, на *dukhena gurunari vicalyate*. Эта внутренняя душа тишины смотрит на беспокойства внешнего ума с отделенным старшинством, с проходящей мимо этого невовлеченной терпимостью, такой, какая могла бы быть по отношению к незначительным радостям и печалям ребенка, душа не относится к ним, как к своим собственным, или как к имеющим под собой какую-либо постоянную реальность. И в конце концов, внешний ум также постепенно принимает эту тишину и индифферентную безмятежность; он перестает прельщаться вещами, которые привлекали его или беспокоили печалью и болью, которым он привык придавать несуществующую важность. Таким образом, приходит третья сила, все наполняющая сила широкого спокойствия и мира, блаженство освобождения от осады нашей обманчивой, капризной, искажающей себя природы, глубокое неволнуемое безмерное счастье соприкосновения с вечным и безграничным, заменяющим своим постоянством разногласия и суматоху временных явлений, *brahmasamsparsam atyantam sukham a snute*. Душа закрепила в восторге Я, *atmaratih*, в единой и безграничной Ананде духа, и более не гонится за внешними контактами и их печалью и удовольствиями. Она наблюдает окружающий мир только как зритель, следя за игрой или действием, в которых ее более не вынуждают принимать участие.

Третий путь — это путь покорности, который может быть или христианским смирением, основанным на подчинении воле Бога, или неэгоистическим принятием объектов и событий как проявлений вселенской Воли во времени, или полной самоотдачей личности Богу, Верховному Пуруше. Если первый путь является путем воли, а второй — путем знания, понимающего рассудка, то этот — путь темперамента и сердца, и он очень тесно связан с принципом Бхакти. Если путь доводится до конца, им достигают того же самого результата совершенной ровности. Поскольку узы эго развязаны и персональные претензии начинают исчезать, мы обнаруживаем, что уже не связаны радостью приятных явлений или скорбью от неприятных; мы переносим их

без страстного принятия или беспокойного отвержения, отсылая их Господину нашего существа, все менее заботимся о их результате лично для нас и полагаем значительным только одно — приближаться к Богу, находиться в соприкосновении и созвучии со вселенским и безграничным Существованием, или объединяться с Божественным, быть его каналом, инструментом, служителем, обожателем, находящим свою радость в нем и в наших отношениях с ним, и не имеющим другого объекта или причины радости и печали. Здесь также может быть некоторое время разделение между низшим умом привычных эмоций и высшим душевным умом любви и самоотдачи, но в конце концов, низший ум уступает, изменяется, преобразует себя, целиком погружается в любовь, радость, восторг Божественного и не имеет других интересов и привлечений. Тогда все внутри являет ровный мир и блаженство этого единения, одно молчащее блаженство, превышающее понимание, мир, который остается не затронут соблазнами низших объектов, пребывая в глубине нашего духовного существования.

Эти три пути, несмотря на их отдельные начальные точки, совпадают, во-первых, в торможении нормальных реакций ума на контакт со внешними объектами, *banha-sparsan*, во-вторых, в отделении Я или духа от внешнего действия Природы. Но очевидно, что наше совершенство будет больше и полнее, если мы сможем завладеть еще большей активной ровностью, которая будет давать нам возможность не только отойти от внешнего мира или противостоять ему в обособленной и отделенной тишине, но вернуться к нему и владеть им в силе тихого и ровного Духа. Это возможно, поскольку внешний мир, Природа, действие фактически не являются чем-то совершенно раздельным, они — проявление Я, Всеобщей души, Всевышнего. Реакции обычного ума — это деградация божественных ценностей, которые, если бы не эта деградация, стали бы очевидными для нас, — фальсификация, неведение, которое изменяет их работы, неведение, которое начинается от инволюции Я в слепом материальном незнании. Когда мы возвращаемся к полному сознанию Я, Бога, мы можем вложить правильное божественное значение в объекты внешнего мира, получать их, действовать на них с тишиной, радостью, знанием, видя волю Духа. Когда мы начинаем действовать таким образом, тогда в душе начинает возникать ровная вселенская радость, ровная воля, обеспеченная всеми энергиями, ровное знание, которое завладевает духовной истиной, стоящей за феноменом этого божественного проявления. Она владеет внешним миром, подобно тому как Всевышний владеет ею, в полноте безграничного света, силы и Ананды.

Все это существование, следовательно, может быть достигнуто посредством Йоги позитивной и активной ровности вместо негативной и пассивной ровности. Это требует, во-первых, нового знания, которое является знанием единения, — видеть все вещи как себя, видеть все вещи в Боге и Бога во всех вещах. Затем необходима воля ровного принятия всего феномена, дающая возможность смотреть на все происходящие события, на всех людей и на все силы как на маски единого Я, как на движения одной энергии, на результаты одной действующей силы, управляемой одной божественной мудростью; и на основе воли этого все расширяющегося знания вырастает сила встречать все явления с невозмутимой душой и умом. Должно произойти отождествление меня самого с Я вселенной, осуществиться видение и чувство единства со всеми творениями, восприятие всех сил, энергий и следствий как движения этой энергии моего Я и потому внутренне моей собственной; очевидно, не моего эгоистического собственного я, которое нужно заставить замолкнуть, устранить и отбросить, — иначе это совершенство не может придти, — но значительно большего, безличностного или всеобщего Я, с которым я сам теперь един. Теперь моя личность — только один центр действия этого вселенского Я, но центр, пребывающий в близких отношениях и единении со всеми другими личностями, а также и со всем тем, что для нас только безличностные объекты и силы, хотя и они, фактически, также являются силами одной бесперсональной Личности — Пуруши, Бога, Я и Духа. Моя

индивидуальность — это его индивидуальность, и она более не является чем-то несомещающимся или отделенным от вселенского бытия; она сама стала всеобъемлющей, индивидуальность есть познающий 7 вселенскую Ананду и едина с ней, она есть любящий 8, она любит все, что она знает, делает и чем наслаждается. Это так, ибо к ровному знанию вселенной и ровной воле принятия вселенной добавится ровное восхищение всем космическим проявлением Всевышнего.

Здесь также мы можем описать три результата или силы этого метода. Во-первых, мы развиваем эту силу ровного принятия в духе, в более высоком рассудке и воле, которые отвечают духовному знанию. При этом также, мы убеждаемся, что хотя природу можно заставить принять это общее отношение, все же идет борьба между высшим рассудком и волей и низшим умственным существом, которое цепляется за старый эгоистический способ воспринимать мир и реагировать на его воздействия. Затем мы находим, что эти две части нашего существа, хотя они сначала спутаны и перемешаны в чередующемся воздействии друг на друга и стремлении к обладанию, могут быть разделены, высшее духовное может освободиться от низшей умственной природы. Однако, на этой стадии, пока ум все еще подчинен реакциям печали, беспокойства, низшим радостям и удовольствиям, есть возрастающая трудность, которая не проявляется в такой же степени в более резко индивидуализированной Йоге. Эта трудность в том, что ум не только чувствует свои собственные беспокойства и трудности, но он разделяет радости и печали других умов, трепещет от мучительной симпатии к ним, чувствует их удары с тонкой восприимчивостью, как свои собственные; однако не только это, но трудности других прибавляются к нашим собственным, и силы, которые противоположны совершенству, действуют с еще большим упорством, поскольку они чувствуют, что это движение — атака на них и попытка победить их всеобщее царство, а не просто спасение бегством одной отдельной души из их империи. Но в конце концов, мы обнаруживаем также, что приходит сила преодолевать эти трудности; высший рассудок и воля налагают свое действие на низший ум, который сознательно меняется, становясь полномочным представителем духовной природы; он даже испытывает восторг в столкновении, переживании и преодолении всех трудностей, препятствий и тревог до тех пор, пока они не будут устранены его собственным преобразованием. Далее, все существо пребывает в окончательной силе, всеобщей тишине и радости, в восприятии восторга и воли Духа в себе и его проявлении.

Чтобы понять, как действует этот позитивный метод, мы можем очень кратко отметить принцип его работы в трех великих силах знания, воли и чувства. Всякая эмоция, чувство, ощущение — это способ души встречать и принимать реальные ценности проявлений Я в природе. Но то, что чувствует Я есть вселенский восторг, Ананда. Однако, душа, заключенная в низшем уме, напротив, дает этому, как мы видели, три различные оценки страдания, удовольствия или нейтрального безразличия, которые сочетаются друг с другом в различном соотношении, и чего больше или меньше в этом соотношении зависит от силы индивидуализированного сознания встречать, чувствовать, поглощать, уравнивать, управлять всем, что входит в него из того более великого Я, которое душа посредством отделяющей индивидуализации отложила от себя и превратила как бы в "не-я" по отношению к своему переживанию. Но все время, поскольку великое Я пребывает внутри нас, скрытая душа испытывает восторг во всем, получает силу и развивается посредством всего, что ее трогает, извлекает пользу настолько же из неблагоприятного переживания, как и из благоприятного опыта. Скрытая душа может чувствовать посредством внешней души желаний, и фактически поэтому мы испытываем восторг существования и можем даже ощущать какое-то упоение в борьбе и страдании, наслаждаться даже жесткими и резкими красками жизни. Однако, чтобы получить вселенскую Ананду, все наши инструменты должны научиться принимать не любую

частичную или извращенную, но сущностную радость всех явлений. Во всем есть первооснова Ананды, которую понимание может уловить, а восприятие чувствовать как вкус восторга, их *rasa*; но обычно вместо этого они дают им произвольные, неравные и противоположные оценки; нужно убедить их воспринимать внешние объекты в свете духа и преобразовывать эти временные ценности в подлинную спокойную и неотъемлемую, духовную Разу. Жизненная первооснова должна давать этому осознанию самой сути восторга, *rasa-grahana*, форму сильного захватывающего наслаждения, *bhoga*, которое заставляет всё жизненное существо трепетать от него, принимать его и радоваться ему; но обычно, из-за наличия желания, оно не пригодно для такой своей работы и обращает восторг в три низшие формы, — боль и удовольствие, *sukha-bhoga* *duhkha-bhoga*, и то отвержение обоих, которое мы называем нечувствительностью или безразличием. Прана, или виталическое существо должно быть освобождено от желания и его неровностей, должно принимать и обращать в чистое наслаждение *rasa*, которое ощущают ум и восприятие. Тогда в инструментах больше не будет помех для третьего шага, которым все изменяется в полный и чистый экстаз духовной Ананды.

В деле познания также есть три реакции ума, на внешние объекты, неведение, ошибка и подлинное знание. Позитивная ровность будет принимать все три, чтобы начать с них, как с движений самопроявления, которое развивается из неведения через частичное или искаженное знание, являющееся причиной ошибки, к подлинному знанию. Позитивная ровность будет обращаться с неведением ума как с тем, чем оно является психологически, затемненным, завуалированным или свернутым состоянием субстанции сознания, в котором знание всезнающего Я спрятано, как в темном футляре; она будет подробно разбираться с неведением, чтобы с помощью ума и родственных, уже познанных истин, с помощью рассудка или интуитивного сосредоточения освобождать знание из-под покрова неведения. Позитивная ровность не будет прикреплять себя только к известному и пытаться затолкнуть все в тесную раму познанного, но будет останавливаться на известном и неизвестном со спокойным умом, открытым к любой возможности. Точно так же позитивная ровность в познании будет обходиться с ошибкой; она будет принимать спутанный клубок истины и ошибки, но не будет связывать себя с каким-либо мнением, скорее будет разыскивать частицу истины за всеми мнениями, долю знания, скрытую в ошибке, ибо всякая ошибка есть искажение некоторых неправильно понятых отрывков истины, и всякая ошибка получает свою жизнеспособность из истины, а не из своего неправильного представления; познание методом позитивной ровности будет принимать, а не ограничивать себя даже уже установленными истинами, будет всегда готово для нового знания, будет стремиться ко все более и более интегральной, более и более обширной, умиротворяющей и объединяющей мудрости. Такое познание может придти в своей полноте только посредством подъема к идеальному сверхразуму, и поэтому спокойный искатель истины не будет привязан к интеллекту и его деятельности или думать, что все кончается в уме, но будет готов подняться за пределы ума, принимая каждую стадию восхождения и содействия каждой силы своего существа, но только чтобы поднять их в более высокую истину. Он должен принимать все, но не цепляться ни за что, не иметь отвращения ни к чему, какими бы несовершенными или губительными ни были установленные представления, но также не разрешать ничему завладеть собой к ущербу свободной работы Правды-Духа. Такая ровность интеллекта является существенным условием для подъема ко все более высокому сверхразумному и духовному знанию.

Наша воля, являясь вообще наиболее мощной силой нашего существа, — в нашем существе есть воля знания, воля жизни, воля чувства, воля, действующая в каждой части нашей природы, — принимает много форм и отвечает различными реакциями на объекты и обстоятельства, такими как неспособность, ограниченность силы, полное овладение или

правильная воля, неправильная или извращенная воля, нейтральный волевой акт, в этическом уме — добродетель, грех и неэтическое изъявление воли, и другими реакциями подобного рода. Их тоже позитивная ровность принимает как переплетение временных ценностей, от которых она должна начать, но которые она должна преобразовать во всеобъемлющую власть, в волю Правды и всеобщей Справедливости, в свободу божественной Воли в действии. У ровной воли нет нужды испытывать угрызения совести, спотыкаясь, она не будет расхолаживаться; если такие реакции возникнут по привычке в обычном уме, она лишь увидит, насколько глубоко ими обозначенное несовершенство, которое нужно будет исправить, — поскольку эти реакции почти всегда являются такими указателями, — и таким образом наша воля будет перебираться через них, добываясь тихого и ровного руководства. Она будет видеть, что эти спотыкания сами необходимы для опыта и в конечном итоге продвигают к цели. За всем и внутри всего, что случается в нас и в окружающем мире, она будет искать божественное указание и божественное водительство; она будет смотреть по ту сторону наложенных на нее ограничений на добровольное самоограничение вселенской Силы, посредством которого она регулирует свои шаги и градации, — наложенные на наше неведение, самоналоженные в божественном знании, — и пойдет выше к единению с освещающей силой Божественного. Все энергии и действия ровная воля будет видеть как силы, исходящие из одного Существования, а их извращения воспринимать как неизбежные в движении развития несовершенства, силы, которые были нужны для этого движения; она будет, поэтому, иметь милосердие ко всем несовершенствам, даже твердо настаивая на всестороннем совершенстве. Ровность воли откроет природу к руководству божественной и вселенской Волей и подготовит ее для такого сверхразумного действия, в котором сила души в нас наполняется светом и сливается с силой верховного Духа.

Интегральная Йога будет использовать оба метода, и пассивный, и активный, согласно потребностям природы и руководству внутреннего духа, Антарьямин. Она не будет ограничивать себя пассивным методом, поскольку он вел бы только к некоторому индивидуальному безмолвному спасению или к отрицанию активного и всеобъемлющего духовного существования, что было бы несовместимо с полнотой ее цели. Она будет использовать метод стойкости, — но не остановится преждевременно в обособленной силе и безмятежности, а предпочтет продвигаться к обладанию позитивной силой, — в котором стойкость далее будет не нужна, поскольку я тогда достигнет тихого и мощного, спонтанного владения вселенской энергией и будет способно легко и счастливо устанавливать все свои реакции в единстве и Ананде. Интегральная Йога будет использовать метод беспристрастной индифферентности, но не будет заканчиваться в отчужденном безразличии ко всему, но скорее подниматься к высокому беспристрастному принятию жизни, обладающему силой преобразовать весь опыт в великие ценности ровного духа. Она будет также временно использовать смирение и послушание, но посредством полной самоотдачи своего личного существа Божественному, она будет стремиться достигнуть всем владеющей Ананды, в которой нет нужды в смирении, будет добиваться совершенного соответствия со вселенской гармонией, которое является не просто молчаливым неохотным согласием, но обнимающим единством, будет добиваться совершенного содействия и подчинения природного я Божественному, посредством чего индивидуальный дух также овладевает Божественным. Она будет использовать полностью позитивный метод, но пойдет выше любого индивидуального принятия явлений, результатом которого было бы обращение существования в поле только индивидуального совершенного знания, силы, и Ананды. Это все будет в интегральной Йоге, но также будет единство, путем проявления которого можно жить жизнью других людей ради них, а не только для себя, жить для того, чтобы помогать им, будучи одним из средств содействия им, объединенной и помогающей

силой в их движении к тому же самому совершенству. Садхака интегральной Йоги будет жить для Божественного, не избегая мирского существования, не привязанный ни к земле, ни к небесам, не привязанный и к сверхкосмическому освобождению, но равно единый с Божественным на всех его уровнях и способный жить в нем одинаково в Я и в проявлении.

7. a knower

8. a lover

Глава XIII

Действие Ровности

ПРОВЕДЕННОЕ распознание должно было достаточно показать, что подразумевается под статусом ровности. Это не просто покой и безразличие, не отход от опыта, но превосходство над теперешними реакциями ума и жизни. Это духовный способ отвечать жизни или, скорее, способ принять ее и заставить ее стать совершенной формой действия я и духа. Это первый секрет господства души над существованием. Когда мы владеем им в совершенстве, нас допускают до самого основания божественной духовной природы. Умственное существо в теле пытается подчинить и победить жизнь, но на каждом повороте подчиняется ей, потому что покоряется реакциям желания собственного виталического я. Быть ровным, никогда не уступать никакому нажиму желания — таково первое условие подлинного господства, самоповеление есть его основа. Однако, просто умственная ровность, как ни велика она могла бы быть, затрудняется склонностью к неподвижности. Она вынуждена предохранять себя от желания посредством самоограничения в воле и в действии. Только дух способен к величественной и спокойной быстроте воли, так же как к безграничному терпению, одинаково обоснованный в медленном и осторожном, или в быстром и сильном, одинаково прочный в отделенном и четко ограниченном, или в громадном и безбрежном действии. Он может принять наименьшую работу в самом узком кругу космоса, но он может работать также на колесо хаоса с понимающей и творческой силой; и эти разновидности деятельности дух может совершать, потому что своим отрешенным, и все же сокровенно интимным принятием он вносит и в то, и в другое безграничную тишину, знание, волю и мощь. У него есть эта отрешенность, поскольку он выше всех происшествий, форм, идей и движений, которые он содержит в своем просторе; и у него есть это внутреннее сокровенное принятие, поскольку дух в любом случае един со всем сущим. Если у нас нет этого свободного единства, *ekatvam anupasyatah*, у нас нет полной ровности духа.

Первое дело Садхака — увидеть, есть ли в нем совершенная ровность, как далеко он продвинулся в этом направлении, и кроме этого, где имеются недостатки, и твердо применять свою волю к своему характеру, или обратиться к воле Пуруши, чтобы избавиться от дефекта и его причин. Есть четыре аспекта ровности, которыми Садхака должен обладать; во-первых, ровность в наиболее конкретном практическом смысле слова, *samata*, свобода от умственных, виталических и физических предпочтений, одинаковое принятие всех божьих работ внутри и вокруг него; во-вторых, прочный мир и отсутствие всяких беспокойств и волнений, *santi*; в-третьих, позитивное внутреннее духовное счастье и духовная легкость природного существа, которое ничто не может ущемить, *sukham*; в-четвертых, чистая радость и смех души, принимающей жизнь и существование. Быть ровным означает быть безграничным и всеобъемлющим, не лимитировать себя, не привязывать себя к нижним уровням той или иной формы ума и жизни и их частичным предпочтениям и желаниям. Однако, поскольку человек в его теперешней обычной природе живет своими умственными и виталическими формациями, а не в свободе своего духа, привязанность к ним, желания и предпочтения, которые они вызывают, являются также его обычным состоянием. Принять их сначала неизбежно, протереться за них чрезвычайно трудно и, возможно, это нельзя всецело сделать, пока мы вынуждены использовать ум как главный инструмент нашего действия. Первая необходимость, поэтому, по крайней мере вывести из них остроту, лишить их, даже когда они настаивают, их большой настоятельности, их теперешнего эгоизма, их наиболее неистовой претензии к нашей природе.

Критерием того, что мы уже сделали это, является присутствие неволнуемой тишины в уме и духе. Садхака должен быть на страже, как наблюдающий и повелевающий Пуруша, стоящий

позади или, лучше, если только он сможет справиться с этим, над умом, и отражать даже малейшее присутствие и действие беспокойства, волнения, огорчения, отвращения, тревоги в своем уме. Если эти реакции посещают его, он должен сразу обнаружить их источник, дефект, который они указывают, повинное в этом эгоистическое требование, виталическое желание, чувство или мысль, от которых они начинаются, и им он должен воспрепятствовать своей волей, своим одухотворенным рассудком, своим душевным единением с Господином своего существа. Ни в коем случае Садхака не должен допускать никакого исключения для них, какими бы естественными, правильными или благовидными они ни казались, не давать им никакого внутреннего или внешнего оправдания. Если Прана беспокоится и шумно протестует, он должен отделить себя от обеспокоенной праны, сохранять пребывание своей более высокой природы в Буддхи и посредством Буддхи изучать и отвергать требование души желаний в себе; и таким же образом поступать, если сердце эмоций кричит и требует, нарушая тишину. Если, с другой стороны, сами воля и рассудок виноваты, тогда беспокойством труднее управлять, поскольку главная помощь и инструмент Садхака становится сообщником мятежа против божественной Воли, и старые грехи низших членов пользуются этим преимуществом, чтобы поднять свои приниженные головы. Поэтому, нужно постоянно настаивать на одной главной идее, на самоотдаче Господину нашего существа, Богу внутри нас и в мире, верховному Я, вселенскому Духу. Буддхи, пребывающий всегда в этой властвующей идее, должен охлаждать все свои собственные малейшие требования и предпочтения и учить все существо тому, что у эго, выставляет ли оно свое требование через рассудок, личную волю, сердце или душу желаний в Пране, нет никакой обоснованной претензии, и что всякое огорчение, отвращение, нетерпение, волнение — это насильственное движение против Господина существа.

Эта полная самоотдача должна быть главной опорой Садхака, потому что это единственный путь, не считая неподвижное состояние покоя и безразличие ко всякому действию, — а их следует избегать, — которым полная тишина и мир могут придти к нам. Живучесть волнения, а santi, длительность времени, идущего на очищение и совершенствование, сами не должны стать причиной расхолаживания и нетерпения. Волнение приходит потому, что есть еще что-то в нашей природе, что отвечает ему, и возвращение трудностей служит для того, чтобы выявить присутствие дефекта, побудить Садхака к бдительности и осуществлению более просвещенного и настоящего действия воли, чтобы избавиться от дефекта. Когда волнение слишком сильно, чтобы не допустить его, ему следует разрешить пройти, его возвращению нужно препятствовать посредством большей бдительности и настойчивости одухотворенного Буддхи. Проявляя подобное упорство, далее обнаруживают, что беспокойства теряют свою силу все более и более, становятся все более и более внешними и короткими при их возвращении до тех пор, пока тишина, наконец, делается законом существа. Это правило остается справедливым, пока умственное Буддхи является главным инструментом; но когда сверхразумный свет завладевает умом и сердцем, тогда больше не может быть волнения, горя или нарушения тишины, поскольку этот свет приносит с собой духовную природу освещенной крепости, в которой эти явления не могут иметь места. Там единственные вибрации и эмоции те, которые принадлежат anandamaуа, природе божественного единства.

Тишина, установленная во всем существе, должна оставаться всегда той же самой при любых происходящих обстоятельствах, в здоровье и в болезни, в удовольствии и в горе, даже при сильнейшей физической боли, в счастье и в несчастье, нашем ли собственном или тех, кого мы любим, в успехе и в неудаче, в славе и при оскорблении, при похвалах и проклятьях, при справедливости или несправедливости. причиненной нам, при всём том, что обычно затрагивает ум. Если мы видим единство везде, если мы узнаем, что все исходит от божественной воли, видим Бога во всем, в наших врагах, а точнее, в наших оппонентах в игре жизни, также как и в

наших друзьях, в силах, которые оказывают нам сопротивление и препятствуют, и в силах, которые благоприятны и помогают нам, во всех силах, энергиях и событиях, и если, наряду с этим мы можем чувствовать, что все неотделимо от нашего я, что весь мир един с нами внутри нашего вселенского существования, тогда эта позиция ровности становится намного легче для сердца и ума. Но даже прежде чем мы сможем достичь и прочно утвердиться в этом вселенском видении, мы должны всеми мерами, которые в наших силах, настаивать на этой восприимчивой и активной ровности и тишине. Даже что-то из этого, *svalpam api asya dharmasya*, — уже великий шаг к совершенству; начинающаяся непоколебимость тишины есть начало освобожденного совершенства; ее полнота есть полная уверенность быстрого прогресса во всех других частях совершенства. Без этого мы не можем иметь прочной основы, из-за отсутствия тишины мы будем постоянно падать назад к низшему состоянию желая, эго, двойственности, незнания.

Когда эта тишина однажды достигнута, тогда виталическое и умственное предпочтение теряет свою беспокойную силу, оно остается только как формальная привычка ума. Виталическое одобрение или отвержение, большая готовность радушно принимать это происходящее, чем то, умственное принятие или отвержение, предпочтение этой более благоприятной идее или истины, чем той другой, менее благоприятной, остановка на желании этого результата больше, чем другого, становится формальным механизмом, все еще необходимым, как обозначение направления, в котором предназначено Господином нашего существа повернуть или, пока, склонить Шакти. Однако это предпочтение теряет свой беспокоящий характер ревностной эгоистической воли, нетерпеливого желания, упрямой симпатии. Эти проявления могут оставаться на время в уменьшенной форме, но по мере того, как тишина ровности увеличивается, углубляется, становится неотъемлемой, все более глубокой и плотной, *ghana*, они исчезают, перестают окрашивать умственную и виталическую субстанцию или происходят только как прикосновения к наиболее внешнему физическому уму, не способные проникнуть внутрь, и наконец, даже такое возвращение, такое появление в наружных вратах ума прекращается. Тогда туда может придти живая реальность осознания того, что все в нас делается и направляется Господином нашего существа, *yatha prayukto'smi tatha karomi*, которое было прежде только устойчивой мыслью и верой со случайными и отраженными проблесками божественного действия, стоящего за становлениями нашей личной природы. Теперь каждое движение понимается как форма, данная Шакти, божественной силой в нас, признакам Пуруши, все еще, без сомнения, персонифицированная, все еще приуменьшенная в низшую умственную форму, но это уже не первоначально эгоистическая несовершенная разновидность, не прямая деформация. Затем мы должны превысить и эту стадию, ибо совершенное действие и переживание не должны быть обусловлены никаким видом умственного или виталического предпочтения, но установлены откровением и вдохновением духовной воли, которая есть Шакти в ее непосредственной и подлинной инициативе. Когда я говорю, что я работаю, как мне предписано, я все еще ввожу ограниченный личностный элемент и умственную реакцию. Но именно сам Господин будет делать свою собственную работу через меня как свой инструмент, и в этом инструменте не должно быть умственного или другого предпочтения, чтобы не ограничивать действия, не вмешиваться, не быть причиной несовершенной работы. Ум должен стать молчаливым просветленным каналом для откровений сверхразумной Правды и Воли, вовлеченной в ее созерцание. Тогда действие будет действием самого этого высочайшего Существа и Правды, а не ограниченным, искаженным умственным переводом. Любое наложенное ограничение, выбор, отношение будет самоналожено Божественным на себя в индивидууме в этот момент для своей собственной цели, а не связанным, не окончательным, невежественным решением ума. Мысль и воля становятся затем действием, исходящим из светоносной бесконечности, выражением, не исключаящим другие

выражения, но скорее помещающим их на их надлежащее место по отношению к себе, поглощая или даже трансформируя их и продвигаясь к более высокой ступени божественного знания и действия.

Первой приходит тишина, имеющая характер мира, отсутствия всякого беспокойства, тревоги или волнения. По мере того, как ровность делается более интенсивной, она становится более полным состоянием безусловного счастья и духовной легкости. Это радость духа в себе, не зависящая в своем абсолютном существовании ни от чего внешнего, *pirasraya*, как Гита описывает это, *antahsukho'ntararamah*, безмерное внутреннее счастье, *brahmasamsparsam atyantam sukham asnute*. Ничто не может обеспокоить ее, и она распространяется на душевное видение внешних объектов, налагает на них также закон этой спокойной духовной радости. Поскольку основанием этой радости пока еще является тишина, это — ровная и спокойная нейтральная радость, *ahaituka*. По мере того, как сверхразумный свет растет, приходит все большая Ананда, основа огромного экстаза духа во всем, чем он является, становится, что видит, переживает, и основа смеха Шакти, светозарно свершающей работу Всевышнего и собирающей его Ананду во всех мирах.

Совершенное действие ровности преобразует все ценности объектов на основе божественной силы *anandamaya*. Внешнее действие может оставаться тем, чем оно было, или может измениться, что должно быть так, как указывает Дух, и согласно потребности работы, которая должна быть сделана для мира, но всё внутреннее действие приобретает другой характер. Шакти в своих различных силах знания, действия, наслаждения, созидания, выражения будет направлять себя к различным целям существования, но в ином духе; они будут целями, результатами, направлениями работы, заложенной Всевышним из его света свыше, а не какими-то требованиями эго, выдвинутыми ради своего собственного отдельного я. Ум, сердце, виталическое существо, само тело будут удовлетворены всем тем, что бы ни пришло к ним по высшему соизволению Господина существа, и в этом найдут тончайшее и все же полнейшее духовное удовлетворение и восторг; а божественное знание и верховная воля будут продвигаться вперед к своим дальнейшим целям. Здесь как успех, так и неудача теряют их теперешнее значение. Здесь не может быть неудачи, ибо все, что происходит, составляет намерение Господина миров, не заключительный, но промежуточный шаг на его пути, и если происходящее кажется оппозицией, крушением, отрицанием, даже в данную минуту полнейшим опровержением цели, поставленной перед инструментальным существом, то это только видимость, и далее оно проявится в своем правильном месте в структуре его действия, — более полное сверхразумное видение может даже сразу или заранее понять необходимость и правильную связь происходящего с конечным результатом, по отношению к которому оно кажется противоположностью и даже его определенным запрещением. Если, пока свет недостаточен, произойдет неправильное понимание то ли цели, то ли хода действия и достижения результата, неудача приходит, как исправление, и принимается тихо, не влечет за собой упадка духа или колебания воли. В конце обнаруживается, что нет такой вещи как неудача, и душа воспринимает ровный, пассивный или активный, восторг во всем происходящем, как в шагах и выражениях божественной Воли. Та же самая эволюция имеет место в хорошей или плохой судьбе, в приятном и неприятном в любой форме, *mangala amangala, priya apriya*.

Как и с происходящим, так же и с людьми ровность приносит полное изменение точки зрения и отношения. Первый результат ровного ума и духа — вызвать возрастающее милосердие и внутреннюю терпимость ко всем лицам, идеям, взглядам, действиям, поскольку становится видно, что Бог присутствует во всех существах, и что каждый действует согласно его природе, его *svabhava* и ее теперешним выражениям. Когда есть позитивная ровная Ананда, такое

видение углубляется до сочувствующего понимания и, в завершение, до ровной всеобъемлющей любви. Никакому из этих проявлений нет нужды препятствовать различным отношениям или различным выражениям внутренней позиции согласно потребности жизни, как определено духовной волей, или препятствовать твердой поддержке этой идеи, точки зрения, действия против другой идеи, точки зрения, действия для все той же жизненной потребности и цели, определенной подобным же образом, или не допускать сильного наружного или внутреннего сопротивления, оппозиции и действия против сил, которые принуждены стоять на пути указанного движения. Возможен даже натиск энергии Рудры, усиленно действующей и разрушающей людское или другое препятствие, поскольку это необходимо как для человека, так и для мировой цели. Но сущность ровной глубоко внутренней позиции не изменена, не уменьшена этими поверхностными выражениями. Дух, сущностная душа остаются теми же, даже пока Шакти знания, воли, действия, любви делает свою работу и принимает на себя различные формы, нужные для ее работы. И в конце все становится формой светящегося духовного единения со всеми лицами, энергиями и объектами в бытие Бога и в лучезарной, духовной, единой и всеобщей силе, в которой единичное собственное действие является слитной частью действия всего целого, нераздельной с целым, но при этом часть совершенно чувствует каждую взаимосвязь как отношение с Богом во всем в сложных выражениях его вселенского единства. Это состояние — полнота, которая едва ли может быть описана на языке разделяющего умственного рассудка, поскольку она, используя все свои противоположности, все же ускользает от них, также не может она быть изложена в терминах нашей ограниченной умственной психологии. Она принадлежит к другой сфере сознания, другому плану нашего бытия.

ВТОРАЯ составная часть Йоги самосовершенствования — это повышенная, расширенная и исправленная сила инструментов нашей обычной Природы. Для развития этого второго совершенства нет нужды ждать уверенной ровности ума и духа, однако только в ее надежности оно может стать полным и действовать в безопасности божественного водительства. Цель этого развития — сделать природу инструментом, пригодным для божественных работ. Любая работа делается силой, Шакти, и поскольку интегральная Йога не предполагает отказа от работ, но предполагает совершение всех работ из божественного сознания и под верховным руководством божественного сознания, характерные силы инструментов, ум, жизнь и тело, должны быть не только очищены от дефектов, но подняты до способности к такому великому действию. В конце концов они должны подвергнуться духовному и сверхразумному преобразованию.

Есть четыре члена этой второй части Садханы, или дисциплины самосовершенствования, и первый из них есть правильная Шакти, правильное состояние сил интеллекта, сердца, виталического ума и тела. В настоящее время возможно только предсказать предварительное совершенство последнего из этих четырех, ибо полные Сиддхи следует рассмотреть после того, как Я расскажу о сверхразуме и его влиянии на остальное существо. Тело не только необходимый внешний инструмент физической части действия, но основа для целей этой жизни, и также опора для всякого внутреннего действия. Вся работа ума или духа вызывает свою вибрацию в физическом сознании, регистрируется там в своего рода субординационной телесной записи и передается материальному миру, по крайней мере частично, через физический механизм. Однако тело человека в этой способности имеет природные ограничения, которые оно налагает на деятельность более высоких частей человеческого существа. И ещё, оно имеет подсознательное, свое собственное сознание, в котором оно хранит с упорной верностью прошлые привычки и прошлый характер умственного и виталического существа, и которое автоматически противится и мешает любому большому возвышающему изменению или, по крайней мере, препятствует коренному преобразованию всей природы. Очевидно, что если мы должны выполнять свободное божественное или духовное и сверхразумное действие, руководимое силой и реализующее характер божественной энергии, то достаточно полное преобразование должно быть осуществлено в этом внешнем характере телесной природы. Физическое существо человека всегда ощущалось искателем совершенства как огромная помеха, и существовала традиция отворачиваться от него с презрением, отрицанием или отвращением и желанием подавить тело и физическую жизнь полностью или насколько возможно. Но это не может быть правильным методом для интегральной Йоги. Тело дано нам как один из инструментов, необходимый для полноты наших работ, и его нужно использовать, а не пренебрегать им, не портить, подавлять или уничтожать. Если оно несовершенно, непокорно, упрямо, то таковы же и другие члены, виталическое существо, сердце, ум и рассудок. Оно должно быть, как и они, изменено, усовершенствовано и подвергнуто преобразованию. Подобно тому, как мы должны добыть себе новую жизнь, новое сердце, новый ум, так же мы должны, в определенном смысле, построить для себя новое тело.

Первое, что должна сделать воля с телом — постепенно наложить на него новую привычку всего его существования, сознания, силы, внешнего и внутреннего действия. Тело нужно научить полностью пассивно отдаваться сначала в руки более высоких инструментов, а в конечном счете во власть духа и его контролирующей и наполняющей Шакти. Оно должно привыкнуть не навязывать свои собственные ограничения на более благородные члены, но приспособлять

свое действие и свою чувствительность к их требованиям, развить, так сказать, более высокую систему записи требований, более высокий уровень реакций. В настоящее время запись, осуществляемая телом и физическим сознанием очень сильно определяет звучание всей музыки человеческой арфы, этого инструмента Бога; сигналы, которые мы получаем от духа, от психической дутый, от более великой жизни, стоящей за нашей физической жизнью, не могут свободно войти, не могут проявить свое надлежащее высокое и сильное напряжение. Такое состояние должно быть аннулировано; тело и физическое сознание должны развить привычку вмещать эти более высокие напряжения и приспособляться к ним, и не тело с его сознанием, а более благородные части природы должны определять музыку нашей жизни и существа.

Контроль ума, его мысли и воли, над телом и жизнью, — таков первый шаг к этому изменению. Вся Йога подразумевает доведение этого контроля до очень высокого уровня. Но после, ум сам должен уступить место духу, духовной силе, сверхразуму и сверхразумной силе. И в заключение, тело должно развить совершенную способность выдерживать любую силу, введенную в него духом, не трескаясь и не ломаясь, и способность вмещать действие этой силы, не расплескивая и не теряя ее. Тело должно быть способно к наполнению и мощному использованию любым напряжением духовного или высшего ума, или любым напряжением жизненной силы без того, чтобы какая-либо часть механического инструмента оказалась возбужденной, расстроенной, разбитой или испорченной этим напором и давлением, — подобно тому, как ум, виталическое здоровье или нравственная природа часто повреждаются в тех, кто неразумно берется за Логическую практику без подготовки или чрезмерными средствами стремительно и неосторожно приглашает силу, которую они интеллектуально, жизненно, морально неспособны перенести, — и таким образом наполненное, тело должно иметь способность работать нормально, автоматически, правильно гармонируя с волей этого духовного или другого, сейчас необычного посредника без разрушения, ослабления или неправильного перевода его интенсивности и напряжения. Эта способность выдерживать, *dharanasakti*, в физическом сознании, энергии и механизме является наиболее важным Сиддхи, или совершенством тела.

Результатом этих изменений будет превращение тела в совершенный инструмент Духа. Духовная сила будет способна делать то, что она желает и как она желает, в теле и через тело. Она будет способна вести неограниченное действие ума или, на более высокой стадии, сверхразума, исключив возможность того, что тело сорвет действие своей усталостью, неспособностью, неумением или искажением. Она будет способна также вливать полный поток жизни-силы в тело и вести большое действие и радость совершенного виталического существа без ссор и несогласованности, являющихся отношением обычных жизненных инстинктов и жизненных импульсов к недостаточному физическому инструменту, которым они вынуждены пользоваться. Она будет также способна вести полное действие одухотворенного душевного существа, не искаженного, не деградированного, никак не связанного низшими инстинктами тела, и будет способна использовать физическое действие и экспрессию как свободное отображение более высокой психической жизни. И в самом теле будет присутствовать огромность поддерживающей энергии, избыток прочности, натиск и могущество превосходящей и управляющей силы, легкость, скорость и приспособленность в работе нервов и физического существа, все выдерживающая крепость и быстрота реакции во всём физическом механизме и в его движущих пружинах [9](#), на что теперь тело, даже в своем сильнейшем и наилучшем варианте, неспособно.

Эта энергия не будет по своей сущности внешней, физической или мускульной силой, а будет исходить, во-первых, из освобожденной жизни-силы или пранической силы, во-вторых, из поддерживающей и использующей эту праническую энергию, высшей или верховной воли-силы,

действующей в теле. Игра пранической Шакти в теле, или в форме, составляет условие всякого действия, даже кажущегося наиболее неодушевленным физического действия. Это именно вселенская Прана, как ее знали древние, в различных формах поддерживает или приводит в движение материальную энергию во всех физических объектах, от электрона, атома и газа, вверх через металл, растение, животное, физического человека. Суметь заставить эту праническую Шакти действовать более свободно и мощно в теле — это является, сознательно или бессознательно, попыткой всех, кто старается достигнуть большего совершенства вне тела или в теле. Обычный человек пытается командовать телом механически физическими упражнениями и другими материальными средствами, занимающийся Хатха-Йогой управляет телом интенсивнее и пластичнее, но все же механически посредством Асан и Пранаямы; однако, для нашей цели телом можно управлять более тонкими, существенными и гибкими средствами; во-первых, волей в уме, который широко открывается ко вселенской пранической Шакти, поддерживающей нас, и сильно призывает ее, и который закрепляет свое более устойчивое присутствие и более мощную работу в теле; во-вторых, волей в уме, который открывает себя в большей степени к духу и его силе и призывает еще более высокую праническую энергию свыше, сверхразумную праническую силу; третье средство и последний шаг — это высочайшая сверхразумная воля духа, входящая и берущая полностью на себя задачу совершенствования тела. Фактически, всегда внутри есть воля, которая приводит в движение и делает эффективным пранический инструмент даже тогда, когда она использует то, что кажется чисто физическими средствами, но сначала она подчинена низшему действию. Когда мы идем выше, отношение постепенно перевертывается; она тогда способна действовать в своей собственной силе или обращаться со всем остальным как с подчиненным инструментарием.

Большинство людей не сознают этой пранической силы в теле, не могут отличить ее от физической формы энергии, которую она наполняет и использует в качестве своего проводника. Однако, по мере того, как сознание через практику Йоги становится более тонким, мы сможем осознавать море пранической Шакти вокруг нас, чувствовать ее умственным сознанием, конкретно умственным чувством, видеть ее течения и движения, сможем направлять и непосредственно воздействовать на нее своей волей. Но пока мы не подошли к такому осознанию Шакти, мы должны обладать действующей или, по крайней мере, пробующей действовать верой в ее присутствие и в силу воли развить еще большую способность контролировать и использовать эту праническую силу. Необходима такая вера, *sraddha*, в силу ума наложить свою волю на состояние и действие тела, какая есть у тех, кто исцеляет болезнь верой, волей или умственным действием; но мы должны стремиться к такому контролю не единственно ради какого-либо ограниченного использования, но главным образом добиваться правильной силы внутреннего инструмента, превышающего меньший внешний инструмент. Против этой веры сражаются наши старые привычки ума, наше нынешнее обычное опытное знание об ее относительной беспомощности в нашем теперешнем несовершенном организме и противостоящее убеждение тела и физического сознания. Они тоже имеют ограниченную *sraddha*, их собственное верование, которое противится намерению ума, когда он стремится наложить на организм закон более высокого, но еще не достигнутого совершенства. Однако, по мере того, как мы настаиваем и находим доказательную для нашего опыта очевидность этой силы, вера в уме будет способна обосновываться более твердо и расти в силе, а сопротивляющаяся вера в теле изменится, согласится с тем, что она сначала отрицала, и не только допустит в свои привычки новое бремя, но само будет требовать этого более высокого действия. В заключение, мы осознаем истину того, что это существо, которым мы являемся, есть или может стать всем, к чему у него есть вера и воля, — ибо вера есть только воля, стремящаяся к еще большей истине, — и прекратим ставить ограничения нашим возможностям и отрицать

потенциальное всемогущество Я в нас, божественной Силы, работающей через человеческий инструмент. Это, однако, по крайней мере, как практическая сила, приходит на более поздней стадии высокого совершенства.

Прана не только является силой для действия физической и виталической энергии, но она также поддерживает умственное и духовное действие. Поэтому, полная и свободная работа пранической Шакти требуется не только для низшего, но все еще необходимого использования, но также для свободного и полного действия ума, сверхума и духа в инструментах нашей комплексной человеческой природы. Таково главное значение пользы упражнений Пранаямы, применяемых для контроля виталической силы и ее движений, который составляет такую важную и необходимую часть определенных систем Йоги. Такого же мастерства должен достигнуть искатель интегральной Йоги, но он должен получить его другими средствами, во всяком случае, он не должен зависеть от какого-либо физического или дыхательного упражнения, чтобы иметь и поддерживать этот контроль, ибо это сразу внесет ограничение и подчиненность Пракроти. Ее инструментарий должен быть свободно использован Пурушей, а не быть жестким контролем над ним. Необходимость пранической силы, однако, остается и станет ясной для нашего самообучения и опыта. В ведическом образе праническая сила — это конь, везущий повозку воплощенного ума и воли, *vahana*. Если он крепок и скор, исполнен избытком всех своих сил, тогда ум может двигаться по направлениям своего действия беспрепятственно. Но если конь хромой, вялый и медлительный, если он скоро устает, тогда эта неспособность ложится и на эффективность воли, и на деятельность ума. То же самое правило остается в силе при сверхуме, когда он впервые вступает в действие. Есть состояния и действия, в которых ум принимает в себя праническую Шакти, но зависимость от этого совсем не ощущается; однако и не будучи ощущаемой, эта сила присутствует, хотя и завуалированная в чисто умственную энергию. Сверхум, когда он достигает полной силы, может как ему угодно обходиться с пранической Шакти, и мы обнаруживаем в конце, что эта жизненная сила трансформируется в вид подвергнутой воздействию сверхума Праны, ставшей только двигательной силой этого более великого сознания. Но это принадлежит к более поздней стадии Сиддхи Йоги.

Далее, есть еще психическая Прана, пранический ум или душа желаний; она также требует своего собственного совершенства. Здесь также первая необходимость — это полнота виталической силы в уме, его способность делать всю свою работу, завладеть всеми импульсами и энергиями, данными нашей внутренней психической жизни для выполнения в этом существовании, способность держать их и быть средством доведения их до конца выполнения с прочностью, свободой, совершенством. Многие качества, из тех, что нам нужны для нашего совершенства, смелость, сила воли, действенная в жизни, все элементы того, что мы сейчас называем силой характера и силой личности, для завершенности своей силы и для начала энергетического действия, в значительной степени зависят от полноты психической Праны. Кроме того, вместе с этой полнотой, должна быть установившаяся радость, ясность и чистота в психическом жизненном существе. Этот динамизм не должен быть беспокойной, чрезмерно пылкой, бурной, судорожно или резко вспыхивающей силой; энергия, восторг от своего действия в нём должны быть, но ясная, радостная и чистая энергия, упрочившийся непреходящий чистый восторг. И как третье условие совершенства психической Праны, она должна быть уравновешена в полной ровности. Душа желаний должна избавиться от криков, требований и рывков своих желаний для того, чтобы они могли быть удовлетворены со справедливостью, равновесием и правильным способом, а в конечном счете, она должна также освободить их от присущего желаниям характера вождения и изменить их в побуждения, идущие от божественной Ананды. Для такого завершения душа желаний не должна выставлять требований или стремиться наложить себя на сердце, ум, дух, но принимать с прочной пассивной и активной ровностью

любой импульс и команду, входящую в нее от духа через канал тихого ума и чистого сердца. И она должна принять также любой результат импульса, любое наслаждение, посланное ей Хозяином нашего существа, большее или меньшее, полное или минимальное. В то же самое время, обладание и наслаждение являются ее законом, функцией, назначением, Свадхармой. Нет намерения убить психическую Прану или сделать мертвенной и вялой, невосприимчивой, мрачной, подавленной, искаленной, инертной или потерявшей силу. Она должна иметь полную силу обладания, радостную силу наслаждения, ликующую силу чистой и святой страсти и восторга. Ее наслаждение будет по своей сути духовным блаженством, и единственно тем, которое принимает в себя и преобразует умственную, эмоциональную, динамическую, виталическую и физическую радость; она должна иметь, поэтому, интегральную способность к таким радостям и не должна своей неспособностью или усталостью, невозможностью вынести огромные напряжения ослаблять дух, ум, сердце, волю и тело. Полнота, ясная чистота и радость, ровность, способность к обладанию и наслаждению являются четырехкратным совершенством психической Праны [10](#).

Следующий инструмент, нуждающийся в совершенстве, это *sitta* [11](#), и в полное значение этого выражения мы можем включить эмоциональное и чистое душевное существо. Это сердце — с психикой человека, насквозь пронизанной нитями жизненных инстинктов, есть смесь разноцветных и меняющих окраску эмоциональных и душевных вибраций, чувств добрых и злых, радостных и печальных, удовлетворенных и неудовлетворенных, беспокойных и спокойных, сильных и вялых. Возбужденное и захваченное этим, оно не знакомо ни с каким подлинным мирным спокойствием, не способно на устойчивое совершенство всех своих сил. Посредством очищения, посредством ровности, посредством света знания, посредством гармонизации воли оно может быть приведено к спокойной интенсивности и совершенству. Первые два элемента этого совершенства — это, с одной стороны, возвышенная и огромная сладость, открытость, нежность, тишина, ясность, с другой стороны, горячая и страстная сила и напряженность. В божественном, не менее чем в обычном, человеческом характере и действии, есть всегда два берега, нежность и сила, мягкость и мощь, *saṃpṛā* и *gaudrā*, сила, которая производит и гармонизирует, сила, которая навязывает и принуждает, Вишну и Ишана, Шива и Рудра. Обе одинаково необходимы для совершенного мира-действия. Извращениями силы Рудры в сердце являются яростная страсть, гнев, свирепость, грубость, резкость, безжалостность, жестокость, себялюбивая амбиция, жажда насилия и преобладания. Расцвет тихого, чистого, благоухающего душевного существа принесет избавление от этих и других человеческих извращений.

Однако, с другой стороны, немощность силы — это также несовершенство. Вялость, расхлябанность, потворство своим слабостям, определенная бесхарактерность и безволие, инертная пассивность психического существа [12](#) — таков последний результат эмоциональной и психической жизни, в которой энергия и сила утверждения не поощрялись, были подавлены или убиты. Это никак не полное совершенство — обладать только силой выносливости, или культивировать только сердце любви, милосердия, терпимости, сдержанности, кротости и мягкости. Другая сторона совершенства — это самосодержащая, тихая и неэгоистическая энергия Рудры, заряженная психической силой, энергией сильного сердца, которое способно неуклонно поддерживать настойчивое, внешне суровое или даже, когда есть нужда, насильственное действие. Безбрежное пламя энергии, сила, могущество, гармонично сочетающееся со сладостью сердца, и милосердием, способное объединяться с ними в действии, сияние Индры, исходящее из ореола нектароносных лунных лучей Сомы — таково двойное совершенство. И эти две стороны совершенства, *saṃpṛā* и *tejas*, должны основать свое присутствие и действие на прочной ровности темперамента и души психики [13](#), освобожденной от всякой грубости и крайности, от недостатка сердечного света или сердечной силы.

Другой необходимый элемент — это вера в сердце, доверие и воля ко всеобщему добру, открытость ко вселенской Ананде. Чистое душевное существо происходит от сущности Ананды, от души восторга во вселенной; но внешнее сердце эмоций пересилено конфликтующими видимостями окружающего мира и допускает множество реакций горя, страха, депрессии, страсти, кратковременной и частичной радости. Для совершенства нужно ровное сердце, но это не только пассивная ровность; в нем должно быть за всеми переживаниями чувство божественной силы, содействующей добру, вера и воля, которые могут превращать яды мира в нектар, видеть более счастливую духовную цель за несчастьем, тайну любви за страданием, цветы божественной силы и радости на посевах боли. Эта вера, *kalyanasraddha*, нужна для того, чтобы сердце и всё открытое душевное существо могли отвечать тайной божественной Ананде и изменить себя в эту подлинную первоосновную сущность. Эта вера и воля должны сопутствовать любви, должны раскрыться к беспредельной широчайшей и сильнейшей способности к любви, ибо главное дело сердца, его подлинная функция есть любовь. Сердце — предопределенный нам инструмент полного союза и единения, поскольку видеть единство в мире посредством понимания не достаточно, если мы также не чувствуем это сердцем и в душевном существе, и это чувство имеет значение восторга в Едином и во всех существованиях в мире в нем, любви к Богу и ко всем существам. Сердечная вера и воля к добру основаны на восприятии одного Божественного, пребывающего во всех явлениях и управляющего миром. Всеобъемлющая любовь должна быть основана на сердечном видении, на душевном и эмоциональном чувстве единого Всевышнего, единого Я во всем существовании. Все четыре части тогда образуют единство и даже сила Рудра, чтобы сражаться за справедливость и добро, будет действовать на основе силы всеобщей любви. Таково это высочайшее и наиболее характеристическое совершенство сердца, *prema-samarthya*.

Последнее совершенство — это совершенство интеллекта и думающего ума, *buddhi*. Первая потребность — это ясность и чистота интеллекта. Он должен быть свободен от требований виталического существа, которое пытается втиснуть желание ума на место истины, от требований беспокойного эмоционального существа, которое старается извратить, ограничить и фальсифицировать истину, перекрасить ее и придать ей форму эмоций. Он должен быть свободен также от своего собственного дефекта, инерции силы мысли, от мешающей узости и нерасположенности открыться к знанию, интеллектуальной беспринципности в мышлении, предубеждения и предпочтения, своеволия в рассудке и ошибочного установления воли к знанию. Его единоличная воля должна быть направлена к тому, чтобы сделать себя незапятнанным зеркалом истины, ее сущности, ее форм, измерений и отношений, чистым зеркалом, точной мерой, прекрасным и тонким инструментом гармонии, интегральным интеллектом. Этот прозрачный и ясный интеллект может тогда стать тихим проявлением света, чистым и ярким сиянием, излучающимся от солнца Правды. Однако, еще раз, он должен стать не просто концентрированным бесцветным или белым светом, но быть способным на все разнообразие понимания, быть пластичным, податливым, насыщенным, сверкающим во всем блеске и красочности всеми цветами проявления Правды, должен быть открыт ко всем ее формам. И таким образом снаряженный, он избавится от ограничений, не будет заключен в ту или иную способность, форму или работу знания, но будет инструментом, готовым и способным для любой работы, которую требует от него Пуруша. Чистота, ясное сияние, богатая и подвижная многогранность, способность к интегральности являются четырехкратным совершенством думающего интеллекта, *visuddhi, prakasa, vicitra-bodha, sarvajnana-samarthya*.

Обычные инструменты, таким образом усовершенствованные, будут действовать каждый в своем собственном роде без ненужного вмешательства друг друга и будут служить не встречающей противодействий воле Пуруши в согласованной целостности нашего природного

существа. Это совершенство должно постоянно возвышаться в своей способности к действию, в энергии и силе своей работы и в определенной огромности охвата всей природы. Инструменты будут тогда готовы для преобразования в их собственное сверхразумное действие, в котором они найдут большую абсолютную, объединенную и светоносную духовную истину всей совершенной природы. Средства этого совершенства инструментов мы должны будем рассмотреть позднее; сейчас будет достаточно сказать, что основными условиями являются воля, самонаблюдение, самопознание и постоянная практика, abhyasa, самоизменения и преобразования. У Пуруши есть эта способность, ибо внутренний дух может всегда менять и совершенствовать работу своей природы. Однако, умственное существо должно расчищать путь чистым, бдительным самонаблюдением, раскрытием к тщательному и тонкому самопознанию, которое даст ему понимание, и к возрастающей степени мастерства своих природных инструментов, прокладывая путь неусыпной и настойчивой волей к самоизменению и самопреобразованию, — ибо Пракрити при любых трудностях, любых начальных или последующих сопротивлениях в конечном счете должна отозваться на эту волю, — и неослабной практикой, которая будет постепенно отбрасывать любой дефект и извращение и заменять их правильным состоянием, правильной и усиленной работой. Аскеза, Тапасья, терпение, преисполненность веры, нравственная честность знания и воля являются требуемыми качествами, пока более мощная Сила, чем наши умственные я, не приступит непосредственно к осуществлению преобразования, которое пойдет легче и быстрее.

9. mahattva, bala, laghuta, dharana-samarthya

10. purnata, prasannata, samata, bhoga-samarthya

11. Здесь это наименование эмоционального ума (emotional mind), см. гл. 5, ч. 4. (Прим. пер)

12. Использовано для обозначения неочищенного состояния душевного существа. (Прим. пер)

13. psychical soul

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ обычного ума, сердца, Праны и тела дает нам только совершенство психофизического механизма, которым мы вынуждены пользоваться, и создает определенные правильные инструментальные условия для божественной жизни и трудов, которая проживается и которые осуществляются с более чистой, великой, ясной силой и знанием. Следующий вопрос — это вопрос о Силе, излитой в инструменты, кагаха, и о Едином, кто движет ею для своих вселенских целей. Сила, работающая в нас, должна быть проявленной божественной Шакти, верховной или вселенской Силой, развудалированной в освобожденном индивидуальном существе, para praktir jivabhuta, которое будет производителем всего действия и мощи этой божественной жизни, karta. Единый, стоящий за этой Силой, — это Ишвара, Господин всего бытия, с кем все наше существование в нашем совершенстве будет одновременно Йогой единства в бытии и единения в различных отношениях души и ее природы с Богом, который пребывает внутри нас, и в ком также мы живем, двигаемся и владеем нашим существом. Это та Шакти, с Ишварой в ней или за ней, чье божественное присутствие и прохождение мы должны призвать во все наше существо и жизнь. Без этого божественного присутствия и этой более великой работы не может быть сил Сиддхи у природы.

Всякое действие человека в жизни является связью присутствия души и работ природы, Пуруши и Пракрити. Присутствие и влияние Пуруши представляет себя в природе как некая сила нашего существа, которую мы можем назвать для нашей ближайшей цели "душа-сила"; и именно эта душа-сила поддерживает все работы сил рассудка, ума, жизни, и тела, определяет весь склад нашего сознающего существа и тип нашей природы. Средний обычно развитый человек владеет ею в ослабленной, видоизмененной, механической подспудной форме, каковыми являются темперамент и характер; но это только ее наиболее внешняя форма, в которой кажется, что Пуруша, сознающая душа или существо, ограничен, обусловлен и сформирован механической Пракрити. Душа втекает в любые формы интеллектуального, этического, эстетического, динамического, виталического и физического ума, в любой тип, который принимает развивающаяся природа, и может действовать только тем способом, который эта оформившаяся Пракрити возлагает на нее, и может двигаться в этой узкой колее или в относительно более широком круге. Человек с такой душой — это саттвический, раджасический, тамасический или смешанный тип, и его темперамент — это только вид более тонкого отсвета души, которым окрашено главное выступающее действие этих постоянных форм его природы. Люди более крепкой силы больше получают от души-силы на поверхность и развивают то, что мы называем сильной или великой личностью, в них есть что-то от Вибхути, как описано в Гите, vibhutimat satvam srimad urjitam eva va, более высокая сила существа, часто затронутая, а иногда заполненная неким божественным откровением, или более чем обычным проявлением Бога, который действительно присутствует во всех, даже в слабейшем или наиболее затемненном живущем существе, но здесь некоторая особая сила существа начинает выходить из-под завесы среднего человечества, и есть что-то прекрасное, привлекательное, великолепное и мощное в этих необычных личностях, что сияет в их индивидуальности, характере, жизни и работе. Эти люди также работают в типе их природы-силы согласно ее гунам, но в них есть что-то явное и однако не поддающееся анализу, что в реальности и есть прямая сила Я и духа, использующая для прочного успеха форму и направление природы. Природа и сама посредством этого поднимается к более высокой ступени своего бытия. Много в работе Силы может казаться эгоистическим или даже порочным, но это тем не менее есть прикосновение Бога, скрытого за

Силой, за любой формой, какую она может принять, Дайвика, Асура или даже Ракшаса, за силой, которая тянет Пракрити и использует ее для своей собственной более великой цели. Еще более развитая сила существа будет выявлять подлинный характер этого духовного присутствия, и оно будет тогда видимо как что-то неличное, самосуществующее и самоуполномоченное, истинная душа-сила, иная чем ум-сила, жизнь-сила, сила интеллекта, но приводит их в движение даже и в то время, пока следует, до определенной степени, их форме работы, Гуне, их типу природы, она и тогда накладывает свой отпечаток первоначальной трансцендентности, бесперсональности, чистого огня духа, печать чего-то, что превышает гун нашей обычной природы. Когда дух в нас свободен, тогда то, что было за этой душой-силой, выходит во всем своем свете, красоте и величии, Дух, Бог, кто делает природу и душу человека своим основанием и живущим подобием в космическом бытии в уме, действии и жизни.

Божественность, дух, проявленный в Природе, является в море бесчисленного качества, Ананта-Гуна. Однако, исполняющая или механическая Пракрити проявляется трехкратной Гуной, Саттвой, Раджасом, Тамасом, и Ананта-Гуна, духовная игра бесконечного качества, видоизменяет себя в этой механической природе в эти три типа гун. А в душе-силе в человеке эта Божественность в Природе представляет себя как четырехкратная действующая Сила, *saturvruha*, Способность к знанию, Способность к силе, Способность ко взаимности, активному и продуктивному общению и взаимообмену, Способность к работе, труду и служению, и присутствие этой четырехкратной Силы погружает всю человеческую жизнь в связь и во внутреннее и внешнее действие этих четырех ее аспектов. Древняя мысль Индии, сознававшая эту четырехкратность активной человеческой личности и природы, построила из нее четыре касты, Брахмана, Кшатрия, Вайшья и Шудра, каждая со своим духовным складом, этическим идеалом, соответствующим воспитанием, постоянной функцией в обществе и местом на эволюционной лестнице духа. Как и всегда бывает, когда мы слишком фиксировано облакаем в чрезмерно внешнюю и механическую форму более тонкие истины нашей природы, и эта истина стала жесткой и затвердевшей системой, несовместимой со свободой, изменчивостью и сложностью успешно развивающегося духа в человеке. Тем не менее истина за этим делением существует и имеет значительную важность в совершенстве нашей силы в природе; однако, мы должны принимать ее в ее внутренних аспектах, сначала личность, характер, темперамент, душа-тип, затем душа-сила, которая стоит за ними и носит их формы, и наконец, игра свободной духовной Шакти, в которой они находят за всеми формами свою кульминацию и единство. Грубая поверхностная идея, что человек рожден как Брахмана, Кшатрия, Вайшья или Шудра, и только этим одним, не является психологической истиной нашего существа. Психологический факт заключается в том, что есть эти четыре активных силы и направления Духа и его исполняющей Шакти внутри нас, и преобладание того или другого в более сформированной части нашей личности дает нам наши главные направления, доминирующие качества и способности, манеру реализации в действии и жизни. Но эти силы более или менее присутствуют во всех людях, здесь проявленные, там скрытые, здесь развитые, там ослабленные, подавленные или подчиненные, а в совершенном человеке они будут подняты до полноты и гармонии, которая в духовной свободе расцветает в вольной игре бесконечных качеств духа во внутренней и внешней жизни, в самоуслаждающей творческой игре Пуруши со своей и с мировой Природой-Силой.

Наиболее внешняя психологическая форма этих четырех аспектов действующей Силы — это склад или общая направленность природы к определенным преобладающим склонностям, способностям, характеристическим свойствам, к определенному виду активной энергии, качеству ума и внутренней жизни, к культурной индивидуальности или типу. Весьма распространена склонность к преобладанию интеллектуального элемента и способностей,

которые направлены к поиску и нахождению знания, умственному творчеству и созиданию, к теоретическим занятиям, к изучению идей и жизни, к осведомленности и развитию рефлексивного интеллекта. Согласно градации развития в этом складе природы успешно выработаны, во-первых, тип и характер человека активного, открытого, вопрошающего ума, затем тип интеллектуала и, последнее, тип мыслителя, мудреца, великого ума знания. Души-силы, действующие во внешнем воплощении посредством очень значительного развития этого темперамента, личности и типа души являют собой ум света, наиболее открытый ко всем идеям, знанию и вхождению Правды; в них — жажда и страсть к знанию, к его росту в нас самих и к передаче знания другим, к царствованию знания в мире, к царствованию разума, порядка, истины и справедливости, а на более высоком уровне гармонии нашего возвеличенного существования, к царствованию духа и его всеобщего единения, света и любви; у них — сила этого света в уме и воле, сила, которая всю жизнь подчиняет разуму, его правилу и истине, или подчиняет ее духу и духовному правилу и истине, и низшие члены она подчиняет их более великому закону; уравновешенность в их темпераменте, обращенном от низшего к терпению, раздумью и тишине, к размышлению и медитации, которое подчиняет и успокаивает суматоху воли и страстей и содействует высокому образу мышления и чистой жизни, создает самоуправляющийся саттвический ум, вырастает во все более и более спокойную, возвышенную, неиндивидуализированную и универсализированную личность. Таков идеальный характер и душа-сила Брахмана, жреца знания. Если он проявляет не все свои грани, то это — несовершенства или извращения типа, и мы имеем простую интеллектуальность или любознательность во имя идей без этического и другого развития, узкую концентрацию на каком-либо роде интеллектуальной деятельности без необходимой более значительной открытости ума, души и духа, или высокомерие и надменность интеллектуала, замкнувшегося в своей исключительной интеллектуальности, или бесплодный идеализм без какого-либо влияния на жизнь, или любую другую из характеристик неспособностей и ограничений интеллектуального, религиозного, научного или философического ума. Эти несовершенства и ограничения представляют собой краткие остановки на пути или временные сосредоточения на одном, но полнота божественной души, силы истины и знания в человеке есть совершенство этой Дхармы или Свабхавы, осуществление развития Брахманы в полного Брахмана.

Другой склад природы может быть направлен к преобладанию воли-силы и способностей, которые содействуют силе, энергии, смелости, умению руководить, защищать, управлять, которые обеспечивают победу во всяком виде битвы, творческое и созидательное действие; может быть направленность к преобладанию воли-энергии, которая завладевает материалом жизни и желаниями других людей и заставляет окружающую среду принять те формы, которые Шакти внутри нас старается наложить на жизнь, или мощно действует согласно работе, которая должна быть сделана, чтобы поддержать или разрушить то, что существует, и расчистить дороги мира, или придать четкую форму тому, что должно осуществиться. Такая направленность может выразиться в меньшей или в большей силе, в том или ином виде, и согласно ее степени и мощности успешно проявляется простой боец или человек действия, человек самоналоженной активной воли и индивидуальности, правитель, завоеватель, руководитель дела, творец, основатель в любой сфере активного выражения жизни. Различные несовершенства души и ума производят многие несовершенства и извращения этого типа, это — человек простой грубой силы воли, почитатель культа силы безо всякого другого идеала или более высокой цели, своенравная, подавляющая личность, агрессивный, способный к насильственным действиям раджасический человек, грандиозный эгоист, Титан, Асура, Ракшаса. Однако, души-силы, в которых этот тип природы раскрывается в своих более высоких качествах, так же необходимы, как и души-силы Брахманы, для совершенства нашей человеческой природы. Высокая

неустрасимость, которую никакая опасность или трудность не сможет запугать, и которая чувствует, что ее сила способна храбро встречать, противостоять и переносить любое нападение и атаку человека ли, судьбы ли, или неблагоприятных богов; динамичная дерзость и отвага, которые не уклоняются ни от какого риска или опасной инициативы, подобно силам, стоящим за человеческой душой, освободившейся от бессильной слабости и страха; приверженность к чести, которая хочет взобраться на высочайшие вершины человеческого благородства, не желает унижаться ни перед чем мелким, низменным, вульгарным неполноценным, но поддерживает незапятнанный идеал высокой смелости, рыцарства, истины, прямоты, принесения низшего в жертву возвышенному я; полезность людям, неуклонное сопротивление несправедливости и притеснению, мастерство самоконтроля и самообладания, благородное руководство, водительство, умение возглавить путешествие и битву, полная уверенность в своей силе, способности, характере и смелости, необходимая человеку действия, — таковы качества, которые строят тип Кшатрия. Вести эти качества к их высочайшей степени и дать им определенную божественную полноту, чистоту и величие таково совершенство тех, кто имеет эту Свабхаву и следует этой Дхарме.

Третий склад природы рельефно выявляет практический организующий интеллект и врожденную склонность жизни производить, изменять, владеть, наслаждаться, изобретать, все приводить в порядок и равновесие, тратить себя и получать, давать и брать, доводить до наилучшей максимальной пользы активные связи существования. В своем внешнем действии это та сила, которая показывает себя как искусный планирующий интеллект, как профессиональный ум, юридический, коммерческий, индустриальный, экономический, научно-прикладной, технический, производственный. Этой природе на обычном уровне ее полноты сопутствуют общий темперамент, одновременно жадный и щедрый, склонный накапливать и хранить сокровища, наслаждаться, показывать и использовать, стремящийся к эффективной эксплуатации всего мира или своего окружения, однако вполне способный также к практической филантропии, гуманности, организованной благотворительности, благонравный и этический в соответствии с правилом, но без какого-либо высокого распознавания более прекрасного этического духа; этой природе сопутствует ум средних уровней, не устремленный к высотам, не настолько огромный, чтобы ломать и создавать прекрасные формы жизни, но отличающийся емкостью, гибкостью и широтой. Способности, ограничения и извращения этого типа известны нам в большой степени, потому что это тот самый характер, который создал нашу современную коммерческую и индустриальную цивилизацию. Однако, если мы посмотрим на более высокие внутренние способности и ценности души, мы найдем, что здесь также имеются качества, которые входят в завершенность человеческого совершенства. Энергия, которая так внешне выражает себя на наших теперешних низких уровнях есть Сила, которая может направлять себя в великие предприятия жизни, в ее наиболее свободные и широкие становления, не для единства и отождествления, что является высочайшим достижением знания, не для господства и духовного царства, что является высочайшим достижением силы, но все же для того, что также существенно для полноты существования, равной взаимности и обмена души с душой и жизни с жизнью. Ее способности, это, во-первых, мастерство, *kausala*, которое руководствуется законом, узнает назначение и границы связей, приспособливает себя к устойчивым и развивающимся движениям, разрабатывает и совершенствует внешнюю технику творчества, методике действия и способ жизни, обеспечивает овладение и переход от овладения к росту, это искусство, которое соблюдает установленное правило и проявляет осторожность в развитии нового, которое создает наибольшую часть материальных ценностей существования, формирует его средства и цели; затем, это способность растраты себя, изобретательная в расточительности и умелая в экономии, которая узнает великий закон взаимообмена, собирает

для того, чтобы не считая отдать, расширяет потоки обмена и полезность существования; это сила отдающей и изобильной творческой щедрости, обоюдной взаимопомощи и пользы для других, которая становится в открытой душе источником праведной благотворительности, гуманизма, практического альтруизма; наконец, это сила наслаждения, продуктивное, наделенное властью, действенное, изобильное расточение роскошной плодородной Ананды существования. Огромность взаимности, интенсивная полнота отношений жизни, расточительная растрата самого себя и возвратное получение, щедрый взаимообмен между существованием и существованием, полное наслаждение и использование ритма и равновесия полезной и продуктивной жизни — таково совершенство тех, кто имеет эту Свабхаву и следует этой Дхарме.

Другая общая направленность природы обращена к работе и служению. Это была по старому обычаю Дхарма или душа-тип Шудры, и Шудра по этому обычаю рассматривался не как дважды рожденный, а как низший тип. Более современное рассмотрение значений существования ставит ударение на достоинство работы и видит в тяжелом труде Шудры основание отношений между человеком и человеком. В обоих подходах есть истина. Сила Шудры в материальном мире есть, по ее необходимости, основание материального существования или скорее то, на чем оно движется, подошвой творца Брахмы, говоря словами древней притчи, и одновременно она есть, по своему первоначальному состоянию, не возвышенному знанием, взаимностью или совместной поддержкой, сила, которая полагается на инстинкт, желание и инерцию. Хорошо развитая душа-тип Шудра имеет природное побуждение к усиленному труду и способность к работе и служению; но именно тяжкий труд, как противоположный легкому или естественному действию, возложен на природного человека, и он терпит его, потому что без него он не может обеспечить своего существования или добиться своих желаний, и он вынужден заставлять себя или его вынуждают другие люди и обстоятельства растрчивать себя в работе. Природный Шудра работает не из чувства достоинства труда или от восторга служения, — хотя это приходит в процессе развития его Дхармы, — не как человек знания для радости или расширения знания, не из чувства чести, не как прирожденный мастер или художник из любви к своей работе и рвения к красоте ее техники, не от благонравного чувства совместности труда или его огромной пользы, но для поддержания своего существования и удовлетворения своих первоначальных потребностей, и когда они удовлетворены, он потворствует, если предоставлен сам себе, своей природной лени, той лени, которая обычна для тамасического качества во всех нас, но обнаруживается наиболее полно в несовершенном примитивном человеке, дикаре. Неперерождавшийся Шудра, следовательно, рожден скорее для службы, чем для свободного труда, и его темперамент склонен к инертному невежеству, грубому бездумному потаканию своим инстинктам, раболепству, неразмышляющему повиновению и механическому исполнению обязанности вперемишк с ленью, уклонением от служебного долга и судорожным отвращением к нему, склонен к инстинктивной неосведомленной жизни. Древние считали, что все люди рождаются в их низшей природе как Шудры и только возрождаются посредством этической и духовной культуры, однако в своем высочайшем внутреннем Я являются Брахманами, способными к полноте духа и к божественности, теория, которая, возможно, недалеко от психологической истины нашей природы.

И все же, когда душа развивается, именно в этой Свабхаве и Дхарме трудов и служения закладываются некоторые из наиболее необходимых и прекрасных элементов нашего величайшего совершенства, здесь ключ ко множеству секретов высочайшей духовной эволюции. Ибо, способности души, которые принадлежат к полному развитию этой силы в нас, имеют величайшее значение, — это сила служить другим, воля сделать нашу жизнь работой на пользу

Богу и человеку, желание повиноваться, следовать и принимать любое великое воздействие и необходимую дисциплину, это любовь, которая посвящает себя служению, любовь, которая не просит никакого ответа, но тратит себя для удовольствия и радости того, кого мы любим, это способность снижать эту любовь и служение в физическую сферу и желание отдавать наше тело и жизнь, также как и нашу душу, ум, волю, энергию Богу и человеку, и, как результат, это движение полной самоотдачи, *atma-samarpana*, которое, будучи перенесенным в духовную жизнь, становится одним из величайших и наиболее действенных средств, открывающих замки свободы и совершенства. В этих качествах лежит безупречность этой Дхармы и благородство этой Свабхавы. Человек не смог бы завершить своего совершенства, если бы он не имел в себе этого элемента природы, который нужно возвысить до его божественной силы.

Ни один из этих четырех типов личности не может быть доведен до полной завершенности совершенства даже в его собственной сфере деятельности, если не вносить в него что-то от других качеств. Человек знания не может служить Правде со свободой и совершенством, если он не имеет интеллектуальной и моральной смелости, воли, дерзновения, силы открывать и завоевывать новые царства, иначе он становится рабом ограниченного интеллекта, слугой или в лучшем случае жрецом уже установленного знания [14](#); он не может применять свои знания для наилучшей практической пользы, если не имеет соответствующего умения приспособлять свои истины для практики жизни, в противном случае он живет только в идее; он не может осуществить полного посвящения своего знания, если в нем нет духа служения человечеству, Божественности в человеке и Владыке своего существа. Человек силы должен просвещать и возвышать свою силу и крепость, управлять ими посредством знания, влиять светом разума, религией и духом, иначе он становится просто сильным Асуром, — он должен иметь искусство, которое будет помогать ему лучше использовать, организовывать и регулировать его силу, делать ее созидательной, полезной и пригодной к его общению с другими, иначе это становится просто прогоном силы через поле жизни, штормом, который проходит, опустошает и разоряет, а не сооружает; он должен быть способен также и на послушание, способен обращать использование своей силы в служение Богу и миру, иначе он становится эгоистичным властителем, тираном, жестоким мучителем человеческих душ и тел. Человек производственного ума и работы должен иметь открытый вопрошающий ум, воображение и знание, иначе он двигается в рутине своих функций без расширяющегося роста, он должен иметь смелость и инициативу, должен вносить дух служения в свое получение и производство, для того чтобы не только получать, но давать, не только накапливать и наслаждаться своей собственной жизнью, но сознательно помогать плодотворности и полноте окружающей жизни, из которой он извлекает пользу. Человек труда и служения становится бесполезным поденщиком и рабом общества, если он не вносит знания, чести, стремления и мастерства в свою работу, поскольку только так с помощью открытого ума и воли, через понимание полезности своей работы он может подниматься к более высоким дхармам. Но еще большее совершенство приходит, когда человек расширяет себя настолько, чтобы включать все эти силы, даже если одна из них может вести другие, и открывает свою природу более все и более во всеобъемлющую полноту и универсальную способность четырехгранного характера. Человек не скроен по образцу только одной из этих дхарм, но все эти силы находятся в нем в работе, сначала в неразличимом беспорядке, но он формирует их одну за другой из рождения в рождение, развиваясь от одной к другой даже в течение той же самой жизни и идет к полному расцвету его внутреннего существования. Сама наша жизнь — это одновременно поиски истины и знания, борьба и битва нашей воли с самим собой и окружающими силами, постоянное производство, переделка, приложение умения к материалу жизни, посвящение и служение.

Эти вышеописанные способности являются обычными аспектами души, пока она

разрабатывает свою силу в природе, но когда мы добираемся ближе до наших внутренних я, тогда мы получаем также проблеск и переживание чего-то, что было вовлечено в эти формы, но может разобщить себя от них, стоять позади и вести их, как будто бы верховное Присутствие или Сила заставляла производить индивидуальную работу этой живущей и думающей машины. Это и есть сила самой души, возглавляющая и наполняющая силы своей природы. Разница в том, что первая часть пути персонифицирована в своем характерном отличии, ограничена и детерминирована в своем действии и форме, зависит от инструментария, а здесь появляется что-то безличностное в личностной форме, независимое и самодостаточное даже в использовании инструментария, неопределимое, хотя определяющее и себя, и явления, что-то, что воздействует с гораздо большей мощностью на окружающий мир и использует частную силу единственно как средства сообщения и влияния на человека и обстоятельство. Йога самосовершенствования выявляет эту душу-силу, придает ей самый большой размах, подхватывает ее четырехкратные силы и бросает их в широкий круговорот интегрального и гармоничного духовного динамизма. Божественное проявление, душа-сила знания поднимается до высочайшей степени, для которой индивидуальная природа может быть поддерживающим основанием. Развивается свободный ум света, который открыт по всякому виду откровения, вдохновения, интуиции, идеи, пронизательности, умственному синтезу; просвещенная жизнь ума беспрепятственно воспринимает все знание с восторгом от нахождения, получения и усвоения, с духовным энтузиазмом, страстью или экстазом; сила света, полная духовной мощи, блеска и чистоты работы показывает свои владения, *brahma-tejas*, *brahma-varcas*; бездонное спокойствие, безбрежная тишина разворачивает и поддерживает все сияние, движение, действие словно на некой скале веков, прочной, непоколебимой, несокрушимой, *asuta*.

Божественное проявление, душа-сила воли и стойкости поднимается до подобной же огромности и высоты. Абсолютное тихое бесстрашие свободного духа, безграничная динамическая смелость, которую никакая опасность, ограниченность возможности, стена противоположной силы не может удержать от выполнения работы, от устремления, наложенного духом; высокое благородство души и воли, нетронутых никакой мелочностью или низостью, идущих неизменным широким шагом к духовной победе, к успеху Богом данной работы, продвигаясь через любое временное поражение или препятствие; дух, который никогда не бывает подавлен, повергнут в уныние, или свергнут с высот веры и доверия к силе, что работает в существе, таковы знаки этого совершенства. Так же приходит к завершенности огромное божественное проявление, душа-сила оказания содействия, свободной траты самого себя и растраты таланта и имущества в работе, которую нужно сделать, душа-сила расточительная и щедрая в производстве, творчестве, в достижении и обладании, в получении выигрыша и полезной прибыли, имеющая мастерство, которое соблюдает закон и применяется к установленным соотношениям и соразмерностям, душа-сила, способная на великое принятие в себя ото всех существ и свободную отдачу от себя всем, на божественное общение, огромное наслаждение совместным восторгом жизни. И в конце концов, приходит к совершенству божественное проявление, душа-сила служения, всеобщая любовь, которая расточает себя, не требуя взаимности, объятие, которое прижимает к себе тело Бога в человеке и работает ради помощи и служения, самопожертвование, которое с готовностью переносит ярмо Хозяина и делает жизнь добровольной каторгой, подчиненной Ему и его указанию на исполнение потребностей его творений, самоотдача всего существа Владыке нашего существа и его работе в мире. Эти силы объединяются, содействуют друг другу и сливаются, становятся одной единой силой. Полное завершение приходит в самые великие души, наиболее способные к совершенству, но достаточно большого проявления этой четырехкратной души-силы следует искать всем, и оно может быть достигнуто всеми, кто практикует интегральную Йогу.

Таковы отличительные признаки, но за ними стоит душа, которая таким образом выражает себя в становлении природы. И эта душа есть выход наружу свободного Я освобожденного человека. Это Я не имеет характера, будучи безграничным, но несет и поддерживает игру всего характера, выявляет неразделимую, единую, однако составную индивидуальность, *nirguno guni*, оно в своем проявлении способно на бесконечное качество, *anantaguna*. Сила, которую оно использует, есть верховная и всеобщая, божественная и бесконечная Шакти, льющаяся в индивидуальное существо и свободно определяющая действие ради божественной цели.

14. Вот почему, возможно, именно Кшатрия, вносящий свою смелость, дерзновенность, дух завоевания в сферы интуитивного знания и духовного опыта, первым обнаружил великие истины Веданты.

В ЭТОЙ главе мы должны тщательно понять связь между Пурушой и Пракрити, выявляющуюся по мере того, как человек успешно продвигается в Йоге самосовершенствования. В духовной истине нашего существа сила, которую мы называем Природой, есть сила существования, сознания и воли, и следовательно, силой самовыражения и самостановления своего я, души или Пуруши. Однако для нашего обычного ума в неведении и для его переживания внешних явлений сила Пракрити имеет другую видимость. Когда мы смотрим на нее в ее всеобщем действии вне нас самих, мы воспринимаем ее сначала как механическую энергию в космосе, которая действует на материю, или действует в ее собственных ею созданных формах материи. В материи она развивает силы и процессы жизни, а в живой материи — силы и процессы ума. Через свои процессы она действует посредством постоянных законов, и в каждом созданном объекте показывает различные свойства энергии и законов процесса, который дает свой характер роду и виду, и далее в индивидуальном она развивает без нарушения закона вида второстепенные характеристики и различия со значительным последствием. Это та самая механическая видимость Пракрити, которой занят современный научный ум, по которой он выработал весь свой взгляд на Природу, и с таким же малым успехом эта наука все еще надеется и старается объяснить весь феномен жизни законами материи, а феномен ума — законами живой материи. Здесь душа или дух не имеет места, и природа не может быть рассмотрена как сила духа. Поскольку все наше существование представляется как механическое, физическое, ограниченное биологическим феноменом кратко живущего сознания, и человек — как творение и инструмент материальной энергии, духовная самоэволюция Йоги в таком представлении может быть только заблуждением, галлюцинацией, аномальным состоянием ума или самогипнозом. Во всяком случае, она не может быть тем, за что она себя выдает, раскрытием вечной истины нашего бытия и прохождением через ограниченную истину умственной, виталической и физической природы вверх к полной истине нашей духовной природы.

Однако, когда мы смотрим не на внешнюю механическую Природу, при этом исключая нашу индивидуальность, а на внутреннее субъективное переживание человека, умственного существа, наша природа принимает для нас совершенно другую видимость. Мы можем интеллектуально доверять даже и чисто механическому взгляду на наше субъективное существование, но мы не можем действовать на его основе или почувствовать его полностью реальным в нашем самопереживании. Ибо сознавая себя, мы ощущаем свое Я не тождественным с нашей природой, а способным отступить от нее, способным на беспристрастное наблюдение, критический разбор и творческое использование этого наблюдения, способным на волю, которую мы, естественно, представляем себе свободной волей; и даже если бы это ощущение было заблуждением, мы все же вынуждены в практике действовать так, как если бы мы были ответственными умственными существами, способными на свободный выбор наших действий, могущими использовать с пользой или злоупотреблять, обращать к более высоким или низким целям нашу природу. И мы даже, оказывается, боремся как с нашим окружением, так и с нашей собственной теперешней природой, и стараемся завладеть господством над миром, который налагает себя на нас и господствует над нами, и в то же самое время стараемся стать чем-то большим, чем мы сейчас являемся. Однако трудность заключается в том, что мы командуем, если вообще командуем, только малой частью нас самих, остальное, подсознательное или засознательное, остается вне нашего контроля; наша воля действует только в малом выборе

наших проявлений, наибольшая их часть — это процесс механизма и привычки, и мы должны постоянно бороться с самими собой и окружающими обстоятельствами, чтобы осуществить малейшее продвижение или самоулучшение. Кажется, что в нас двойное существо, Душа и Природа, Пуруша и Пракрити, словно пребывающие наполовину в согласии, наполовину в разногласии, Природа, налагающая свой механический контроль на душу, душа, пытающаяся изменить природу и завладеть ею. И вопрос о том, каков фундаментальный характер этой двойственности и где выход.

Философия Санкхья объясняет, что наше теперешнее существование управляется двойным законом. Пракрити инертна без контакта с Пурушой, действует только посредством соединения с ним, а также через постоянный механизм ее инструментов и качеств; Пуруша, отдельно от Пракрити пассивен и свободен, но из-за контакта с ней и согласия на ее работы, подчиняется этому механизму, живет в природном ограничении чувства эго и должен освободиться, отменив свое согласие и возвращаясь к своей собственной исходной основе. Другое объяснение, которое соответствует определенной части нашего существования, говорит о том, что в нас — двойное существо, животное и материальное, или шире говоря, низшая ограниченная природа, и душа или духовное существо, запутанное умом в материальное существование или в мир-природу, и чтобы освободиться, нужно сбежать из этой запутанности, свобода обретается возвращением души в свои родные сферы, возвратом Я или духа к его чистому существованию. Совершенство души, следовательно, должно быть основано совсем не в Природе, вне Природы.

Однако, в сознании более высоком, чем наше нынешнее умственное сознание, мы открываем, что эта двойственность — только внешняя видимость. Высочайшая и подлинная истина существования — это единый Дух, верховная Душа, Пурушоттама, и именно сила бытия этого Духа проявляет себя во всем, что мы переживаем как вселенную. Эта вселенская Природа не безжизненна, не инертна, не представляет собой несознающий механизм, но одушевлена и наполнена во всех своих движениях вселенским Духом. Механизм природного процесса есть только внешняя видимость, и реальность есть Дух, создающий, или проявляющий свое собственное бытие своей собственной силой бытия во всем, что есть в Природе. Душа и Природа в нас тоже являются только двойной видимостью одного существования. В нас действует вселенская энергия, но душа ограничивает себя чувством эго, живет в частичном и отдельном переживании ее работ, использует только очень небольшое и фиксированное действие вселенской энергии для своего самовыражения. Скорее кажется, что эта энергия владеет и пользуется душой, чем душа использует ее, поскольку душа идентифицирует себя с чувством эго, являющимся частью природного инструментария, и живет в опыте эго. Эго же, фактически, приводится в движение механизмом Природы, в котором оно — лишь деталь, и воля эго не свободна и не может быть свободной волей. Чтобы достигнуть свободы, господства и совершенства, мы должны вернуться к подлинному Я и внутренней душе, а также посредством этого вступить в наши подлинные отношения с нашей собственной и со всеобщей природой.

В нашем активном существе это возвращение выражается заменой нашей эгоистической, нашей отдельно личной, нашей индивидуальной воли и энергии вселенской и божественной волей и энергией, которая устанавливает наше действие в гармонии со вселенским действием и обнаруживает себя как прямая воля и все направляющая сила Пурушоттама. Мы заменяем низшее действие ограниченной, несведущей и несовершенной нашей личной воли и энергии действием божественной Шакти. Открыть себя ко вселенской энергии всегда возможно для нас, потому что она везде находится вокруг нас и всегда вливается в нас, она есть то, что поддерживает и снабжает все наше внутреннее и внешнее действие, фактически, у нас нет нашей собственной силы в каком-то отдельно обособленном значении, а только личностное выражение единой Шакти. И с другой стороны, эта вселенская Шакти находится внутри нас самих,

сконцентрированная в нас, поскольку полная сила присутствует в каждом индивидууме так же, как и во вселенной, и существуют средства и процессы, которыми мы можем пробудить огромную и потенциально бесконечную силу Шакти и высвободить ее для ее более великих работ.

Мы можем сознавать существование и присутствие вселенской Шакти в различных формах ее силы. В настоящее время мы осознаем только форму, выраженную в нашем физическом уме, нервном существе и телесном футляре, поддерживающую нашу различную деятельность. Но если мы однажды сможем забраться выше этого первого выражения силы путем какого-либо освобождения скрытых, неясных, подсознательных частей нашего существования посредством Йоги, мы начнем осознавать более великую жизнь-силу, праническую Шакти, которая поддерживает и наполняет тело и снабжает все физические и виталические действия, — поскольку физическая энергия является только модифицированной формой этой силы, — и так же снабжает и наполняет снизу наше любое умственное действие. Эту же силу мы чувствуем внутри себя, но мы можем чувствовать ее также вокруг нас и над нами, единую с той же самой энергией в нас, и можем тянуть ее внутрь или вниз, чтобы превысить наше обычное действие, или можем призвать и убедить ее излиться в нас. Это беспредельный океан Шакти, и силы будет изливаться столько, сколько мы сможем выдерживать в нашем существе. Эту праническую силу мы можем использовать для любых видов активности жизни, тела или ума с гораздо большей и эффективной мощью, превышающей любую из тех сил, которыми мы командуем в наших теперешних действиях, из тех ограниченных сил, каковыми они являются в физическом выражении. Применение этой пранической силы освобождает нас от этого ограничения до той степени, которая соответствует нашей способности использовать ее вместо связанной телом энергии. Это применение Праны может быть направлено на лучшее управление или исправление любого физического состояния или действия, на излечение болезни или избавление от усталости, и может раскрыть необычное огромное проявление ума, действие воли или блеск знания. Упражнения Пранаямы являются обычными механическими средствами освобождения и получения контроля над пранической энергией. Они также усиливают и освобождают психическую умственную и духовную энергии, которые обычно зависят в своей возможности действия от пранической силы. Однако то же самое может быть сделано умственной волей и тренировкой или посредством возрастающего раскрытия самих себя к более высокой духовной силе Шакти. Праническая Шакти может быть эффективно направлена не только на нас самих, но на других, или на внешние объекты и события для любых целей, которые устанавливаются волей. Ее действенность огромна, сама по себе она безгранична и лимитирована только дефектом силы, недостатком чистоты и универсальности духовной или другой воли, которая привлечена к этому; но все же, как бы велика и могущественна она ни была, это низшая форма выражения, связь между умом и телом, инструментальная сила. В ней есть сознание, присутствие духа, который мы ощущаем, но это осознание вправлено, завернуто, растворено в понуждении к активности. Это не то действие Шакти, на которое мы можем возложить всю тяжесть нашей деятельности; мы вынуждены или пользоваться выданной ею долей через нашу собственную просвещенную личную волю, или, кроме того, призывать к более высокому руководству; от себя она будет действовать с большей мощью, но все же согласно нашей несовершенной природе и главным образом посредством гонки и управления жизнью-силой в нас, а не согласно закону высочайшего духовного существования.

Обычная сила, посредством которой мы управляем пранической энергией — это сила воплощенного ума. Но когда мы достигаем высоты, превышающей уровень физического ума, мы можем также подняться над пранической силой к сознанию чистой умственной энергии, которая представляет собой более высокое выражение Шакти. Там мы осознаем вселенское

умственное сознание, тесно соединенное с этой энергией в нас, вокруг нас и над нами, — выше, так сказать, уровня нашего обычного умственного статуса, — дающее всю субстанцию и формирующее все виды нашей воли, знания и психического элемента в наших импульсах и эмоциях. Эту умственную силу можно заставить воздействовать на праническую энергию, эта умственная сила может наложить на праническую энергию окраску, форму, характер, направление наших идей, наше знание, наш более просвещенный волевой акт, и таким образом более эффективно приводить нашу жизнь и виталическое существо в гармонию с более высокими силами нашего существа, идеалами и духовными устремлениями. В нашем обычном состоянии эти два уровня, умственное и праническое существо и энергии, очень сильно смешаны и переплетены, и мы не можем четко различить их или обеспечить полную власть одного над другим, и таким образом действительно контролировать низшее более высоким и понимающим законом. Но когда мы размещаемся на высотах над физическим умом, тогда мы способны разделить ясно две формы энергии, два уровня нашего существа, распутать их работу и действовать на основе более ясного и дееспособного самопознания и просвещенной и очищенной воли-силы. Тем не менее, этот контроль не является полным, спонтанным, полновластным, пока мы работаем с помощью ума в качества нашей главной руководящей и контролирующей силы. Мы обнаруживаем, что умственная энергия сама является производной, низшей и ограниченной силой сознающего духа, которая действует только посредством разрозненных и комбинируемых осознаний, которая пытается видеть при несовершенном и неполном полусвете, принятом за полное и достаточное освещение, которая действует с несоответствием между идеей и знанием и осуществляющей действие волей-силой. И мы вскоре осознаем значительно более высокую силу Духа и его Шакти, скрытую или пребывающую над нами, сверхсознательную по отношению к уму или частично действующую через ум, силу, от которой все, есть низшее производное.

Пуруша и Пракрити на умственном уровне, как и в остальных уровнях нашего существа, тесно переплетены и сильно перепутаны друг с другом, и мы не способны ясно отличить душу и природу. Но в более чистой субстанции ума мы можем легче различить свою двойную породу. Умственный Пуруша естественно способен на своем собственном исконном умственном плане отделять себя, как мы уже видели, от работ своей Пракрити, и там, следовательно, имеет место разделение нашего существа между сознанием, которое наблюдает и может сберегать свою волю-силу, и энергией, наполненной субстанцией сознания, которая принимает формы знания, воли и чувства. Это отделение в своей наибольшей высоте дает определенную свободу от принуждения, навязанного душе ее умственной природой. Обычно мы мчимся в потоке нашей собственной и всеобщей активной энергии, который гонит и влечет нас за собой; барахтаясь в его волнах, мы то ныряем, то частично удерживаемся на поверхности, и кажется, что сами направляем свое движение или по крайней мере продвигаемся вперед посредством собственной хладнокровной мысли и напряжения умственной волевой силы; но теперь в нас есть часть, ближайшая к чистой сущности Я, которая свободна от потока, может спокойно наблюдать и, до некоторой степени, определять свое ближайшее движение и курс, и, в значительно большей степени, свое основное направление. Пуруша может по крайней мере воздействовать на Пракрити свойственной духу силой разрешения и контроля, пребывая наполовину в стороне, позади или вверху, как председательствующая личность или как присутствие, *adhyaksa*.

Что мы будем делать с этой относительной свободой, зависит от нашего стремления, нашего представления об отношениях, которые мы должны иметь с нашим высочайшим Я, с Богом и Природой. Для Пуруши возможно самому на умственном уровне пользоваться этой свободой для постоянного самонаблюдения, саморазвития, самоизменения, чтобы одобрять, отказывать, изменять, выявлять новые выражения природы и устанавливать тихое и

незаинтересованное действие, высокий и чистый саттвический баланс и ритм его энергии, укреплять индивидуальность, совершенную в саттвической первооснове. Это может доходить до разного итога, только лишь до высоко интеллектуализированного совершенства нашего теперешнего разума, этического и психического существа, или, кроме этого, сознавая более великое Я в нас, Пуруша может обезличить, обобществить, одухотворить свое самосознающее существование и действие своей природы и достигнуть или значительного спокойствия, или значительного совершенства одухотворенной умственной энергии своего существа. Возможно также для Пуруши отойти полностью и, отказывая в одобрении, позволить всему обычному действию ума истощиться, остановиться, израсходовать свой остающийся импульс привычного действия и впасть в молчание. Другим способом, это молчание может быть наложено на умственную энергию отказом от ее действия и постоянной командой быть спокойной. Душа может посредством утверждения этого успокоения и умственного молчания пройти в некое неизъяснимое, ничем не нарушаемое мирное спокойствие Духа и обширное прекращение активности Природы. Однако, возможно также сделать это молчание ума и способность приостанавливать привычки низшей природы первым шагом к обнаружению верховного выражения, более высокой градации статуса и энергии нашего существа, и прийти путем восхождения и преобразования в сверхразумную силу духа. И даже, хотя и с еще большей трудностью, это можно сделать, не прибегая к полному состоянию спокойствия обычного ума посредством настойчивого и развивающегося преобразования всех умственных сил в соответствующие им более великие сверхразумные силы и энергии. Ибо все, что есть в уме, происходит из сверхразума и является ограниченным, низшим, идущим ощупью, частичным или извращенным переводом в умственный уровень чего-то в сверхразуме. Однако, ни одно из этих движений не может быть успешно выполнено одной только индивидуальной, не имеющей поддержки силой умственного Пуруши в нас, любое из них нуждается в помощи, вмешательстве и руководстве божественного Я, Ишвары, Пурушоттама. Поскольку сверхразум есть божественный ум, то именно на сверхразумном уровне индивидуум достигает своего правильного, интегрального, светоносного и совершенного отношения с верховным и вселенским Пурушой и с верховной и всеобщей Пара Пракрити.

По мере того, как ум развивается и совершенствуется в чистоте, в способности к тишине или к свободе от поглощенности своим собственным ограниченным действием, он начинает сознавать и становится способным отражать, вводить в себя или входить в ощущаемое присутствие Я, верховного и всеобщего Духа, и он начинает сознавать также планы и силы духа более высокие, чем его собственные высочайшие сферы. Он осознает бесконечность сознания бытия, безбрежный океан всей силы и энергии беспредельного сознания, безбрежный океан Ананды, самодвижущегося восторга существования. Он может или осознать что-то одно из всего этого, ибо ум может отделить и воспринять исключительно поодиночке и обособленно исходные первоосновы, которые в более высоком переживании осознания являются нераздельными силами Единого, или он может чувствовать их в триединстве или в слиянии, которое открывает и достигает их единства. Он может придти к такому осознанию со стороны Пуруши или со стороны Пракрити. Со стороны Пуруши он открывает себя как Я или Дух, как Бытие, или как одно единое пребывающее Существо, божественный Пурушоттама, и индивидуальная Джива, душа может войти в полное единство с этим в своем вневременном Я или в своей всеобщности, или наслаждаться близостью постоянством, несходством, в котором нет раскола разделения, и также наслаждаться одновременно и единством бытия, и дающим восторг различием отношений в активной переживающей природе. Со стороны Пракрити сила и Ананда Духа выходят вперед, чтобы проявить эту Бесконечность в существах и индивидуальностях, в идеях, формах и силах вселенной, и тогда нам представлена божественная

Махашакти, первоначальная Сила, верховная Природа, держащая в себе бесконечное существование и создающая чудеса космоса. Ум начинает осознавать этот безграничный океан Шакти или как ее присутствие в высотах над умом, изливающее что-то из себя в нас, чтобы основывать все, чем мы являемся, что думаем, к чему проявляем волю, что делаем, чувствуем и переживаем, или он осознает ее всюду вокруг нас, а нашу индивидуальность — волной океана силы Духа, или он осознает ее присутствие внутри нас, и осознает ее действие в нас, основанное на нашей теперешней форме природного существования, но вышедшее из высших планов и поднимающее нас к более высокому духовному статусу. Ум также может подниматься и прикоснуться к ее бесконечности или слиться с ней в транце Самадхи, или может потерять себя в ее всеобщности, и тогда наша индивидуальность исчезает, наш центр действия тогда уже не в нас, он или вне наших воплощенных в теле я или нигде; наши умственные проявления тогда более не наши собственные, но они входят в этот каркас ума, жизни и тела из вселенной, прорабатывают сами себя и проходят, не оставляя никакого впечатления на нас, а сам этот наш каркас тоже представляет собой лишь несущественную случайность в ее космической громадности. Однако, совершенство, которого добиваются в интегральной Йоге, не заключается только в том, чтобы быть единым с ней в ее высочайшей духовной силе и единым с ней в ее вселенском действии, но достигнуть и завладеть полнотой этой Шакти в нашем индивидуальном существе и природе. Поскольку верховный Дух един, проявляясь и как Пуруша, и как Пракрити, как сознающее существо или сила сознающего существа, то точно также как Джива в сущности индивидуального я и духа едина с Верховным Пурушей, она со стороны Природы в силе индивидуального я и духа едина с Шакти, para prakṛtir jīvabhūta. Осуществление этого двойного единства составляет условие интегрального самосовершенствования. Джива тогда становится местом встречи и свободного проявления единства верховной Души и Природы.

Чтобы достичь этого совершенства, мы должны осознать божественную Шакти, тянуть ее к себе, призывать ее наполнить весь наш организм и принять нагрузку всех наших активных действий. Не будет тогда никакой отдельной личной воли или индивидуальной энергии, пытающейся вести наше действие, не будет чувства маленького личного я как делателя, не будет низшей энергии трех гун, умственной, виталической и физической природы. Божественная Шакти наполнит нас, будет вести нас, она примет всю нашу внутреннюю активность, нашу внешнюю жизнь, нашу Йогу. Она примет умственную энергию, которая является ее собственной низшей формацией, и поднимет ее к высочайшим, чистейшим и полнейшим силам интеллекта, воли и психического действия. Шакти изменит механические энергии ума, жизни и тела, которые сейчас управляют нами, в наполненные восторгом проявления ее собственной живой и сознающей силы и присутствия. Она проявит в нас и соединит между собой все различные духовные переживания, на которые способен ум. И как завершение этого процесса, она привлечет за собой вниз в умственные уровни сверхразумный свет, изменит материю ума в материю сверхразума, преобразует все низшие энергии в энергии ее сверхразумной природы и возвысит нас на уровень нашего гностического существа. Шакти раскроет себя как сила Пурушоттама, и это Ишвара будет проявлять себя самого в своей силе сверхразума и духа, будет хозяином нашего существа, действия, жизни и Йоги.

ТАКОВА природа божественной Шакти, что она бесконечная сила Всевышнего, которая проявляется во времени как вселенская всеобъемлющая энергия, создающая, основывающая, поддерживающая и направляющая все движения и работы вселенной. Это вселенская Сила наглядно видна для нас, во-первых, на низших уровнях существования как умственная, жизненная и материальная космическая энергия, от которой все наши умственные, виталические и физические активные действия являются рабочими процессами. Нам необходимо для нашей Садханы вполне основательно и до конца понимать эту истину, чтобы избавиться от давления ограниченного эгоистического видения, чтобы универсализировать себя даже на этих низших уровнях, где эго обычно господствует в полной силе. Видеть, что мы не являемся инициаторами действия, но что именно эта Сила действует в нас самих и во всех других, что не "я" и другие делатели, а единая Пракрити, это видение, которое составляет правило Карма-Йоги, является также верным правилом и здесь. Эго-чувство служит для того, чтобы ограничить, отделить, вполне определенно вычленив, выработать наибольшую часть индивидуальной формы, и оно имеет место потому, что оно необходимо для эволюции низшей жизни. Но когда мы поднимаемся вверх к более высокой божественной жизни, мы должны ослаблять силу эго и в конечном счете избавиться от него, — как для низшей жизни необходимо развитие эго, так для более высокой жизни обязательно это обратное движение исключения эго. Способность видеть наши действия как не наши собственные, но действия божественной Шакти, работающей в форме более низкой Пракрити на нижних уровнях сознающего существа, сильно помогает такому изменению. И если мы можем сделать это, тогда отделение нашего умственного, виталического и физического сознания от сознания других существ ослабевает и уменьшается; границы работы сознающего существа пока остаются, но они расширены и подняты в большое чувство и видение вселенских работ; специализированные и индивидуализированные различия Природы сохраняются для их собственной надлежащей им цели, но они более уже не тюрьма. Индивидуум ощущает свой ум, жизнь и физическое существование при всех различиях единым с другими существами и единым со всеобщей силой духа в Природе.

Это, однако, только стадия, а не все совершенство. Существование, как бы сравнительно огромно и свободно оно ни было, все еще подчинено низшей природе. Саттвическое, раджасическое и тамасическое эго уменьшено, но не устранено; когда кажется, что оно исчезло, оно только лишь пропало из виду, погрузившись в наше участие во всеобщей работе гун, еще вовлечено в них и еще действует в скрытой, подсознательной форме и может вырваться вперед в любое время. Садхака должен поэтому, во-первых, иметь представление, получить и сохранять осознание единого Я или духа во всех и за всеми этими работами. Он должен осознавать за Пракрити единого Верховного и вселенского Пурушу. Он должен не только видеть и чувствовать, что все сущее есть сотворение форм самой единой Силой, Пракрити или Природой, но что все ее действия являются действиями Всевышнего во всем, одного единого Бога во всем, как бы они ни затемнялись, видоизменялись и искажались при передаче через эго и гуны, ибо искажение происходит из-за перехода в низшие формы. Такое осознание далее будет ослаблять открытую или скрытую настоятельность требований эго и, если будет до конца реализовано, сделает трудным или невозможным для эго отстаивать себя, внося беспокойства и мешая дальнейшему прогрессу. Чувство-эго будет становиться, поскольку оно вмещивается во все, чуждой назойливой нотой, будет только клочьями тумана старого невежества, еще висящего на

украине сознания и его действия. И, во-вторых, вселенская Шакти должна быть осознана, воспринята, прочувствована и перенесена в мощной чистоте ее высокого действия, ее сверхразумных и духовных работ. Это более великое видение Шакти даст возможность нам избавиться от контроля гун, превратить гуны в их божественные эквиваленты и жить в сознании, в котором Пуруша и Пракрити едины, в котором они не отделены, не прячутся внутри или за друг другом. В таком сознании Шакти будет в каждом своем движении явной для нас, будет естественно, спонтанно и неотразимо ощущаться ничем иным, а только активным присутствием Божественного, выражением силы верховного Я и Духа.

Шакти в этом более высоком статусе существа открывается как присутствие или возможность бесконечного существования, сознания, воли, восторга, и когда человек таким образом видит и ощущает Шакти, он на любом пути обращается к ней со своим обожанием или волей устремления в своего рода притяжении меньшего к большему, чтобы познать ее, наполниться ею, принадлежать ей, быть единым с ней в чувстве и действии всей своей природы. Однако сначала, пока мы еще живем в уме, существует пропасть разделения между нами и, кроме того, двойное действие природы. Умственную, виталическую, физическую энергию в себе и во вселенной мы ощущаем как исходящую из верховной Шакти, но в то же самое время как сниженную, отдаленную и в некотором смысле иную работу. Реальная духовная сила может послать вниз к нижним уровням свои сообщения, свет или силу своего присутствия над нами, или может опускаться эпизодически и даже временно владеть нами, но тогда она смешивается с низшими работами, частично преобразует и одухотворяет их, а сама ослабляется и меняется в этом процессе. В этот период идет прерывистое более высокое действие, или двойная работа природы. Или мы обнаруживаем, что Шакти на время поднимает существо к более высокому духовному уровню и затем опускает его назад в нижние уровни. Такие чередования следует рассматривать как естественные смены в процессе преобразования из обычного в духовное существо. Для интегральной Йоги преобразование, совершенство не могут быть полными, пока связь между умственным и духовным действием не сформировалась, и пока более высокое знание не приложено ко всем активным действиям нашего существования. Этим связующим звеном является сверхразумная или гностическая энергия, в которой неисчислимая бесконечная Сила верховного бытия, сознания, восторга выражается как направляющая божественная воля и мудрость, свет и сила в существе, это сверхразумная энергия, которая формирует всякую мысль, волю, чувство, действие и заменяет соответствующие индивидуальные движения.

Эта сверхразумная Шакти может выражать себя как одухотворенный интуитивный свет и сила в самом уме, и это — великое, но все же умственно ограниченное духовное действие. Или она может полностью преобразовать ум и поднять все существо к сверхразумному уровню. В любом случае, первейшая необходимость этой части Йоги ~ избавиться от эго делателя, от идеи эго и чувства своей собственной силы действия, инициативы действия, от своего контроля результата действия, и растворить это чувство в чувстве и видении вселенской Шакти, дающей начало, формирующей, обращающей к своим целям действие и нас самих, и других людей, всех лиц и сил мира. И это осознание может стать абсолютным и полным во всех частях нашего существа, только если мы сможем чувствовать и видеть Шакти во всех ее формах, на всех уровнях нашего существа и мирового бытия как материальную, виталическую, умственную и сверхразумную энергию Божественного, но все это, все силы всех планов должны быть увидены и познаны как самовыражения единой духовной Шакти, бесконечной в бытие, сознании и Ананде. Нет такого неизменного правила, чтобы эта сила сначала бы проявлялась на нижних уровнях в низших формах энергии, а затем открывала бы свою более высокую духовную природу. И если она приходит именно так, сначала в своей умственной, виталической или физической всеобъемлющей полноте, мы не должны довольствоваться этим. Она может вместо этого сразу

прийти в своей более высокой реальности, в могуществе духовного великолепия. Тогда трудности будут в том, чтобы сносить и выдерживать Силу, пока она не возложила мощные руки и не преобразовала энергии низших уровней существа. Трудность будет относительно меньше, если мы смогли достигнуть большого спокойствия и ровности, samata, или осознать, чувствовать и жить в едином мирно спокойном, неизменном Я во всех, или кроме, были способны сделать искреннюю и полную самоотдачу самих себя божественному Владыке Йоги.

Необходимо всегда держать в уме три силы Божественного, которые присутствуют и должны быть приняты в расчет во всех живых существах. В нашем обычном сознании мы видим эти три силы как самих себя, Дживу форме эго, как Бога, — у нас может быть любая концепция Бога, — и как Природу. В духовном переживании мы воспринимаем Бога как верховное Я или Дух, или как Существо, от которого мы исходим и в котором мы живем и движемся. Мы видим Природу как его Силу или Бога как Силу, как Духа в Силе, действующей в нас самих и в мире. Джива тогда сам является этим Я, Духом, Божественным, so'ham, потому что он едина с Божественным в сущности его бытия и сознания, но как индивидуум он — только частица Божественного, индивидуальное я Духа, а в своем природном существе есть форма Шакти, сила Бога в движении и действии, para prakrtir jivabhuta. Сначала, когда мы начинаем сознавать Бога или Шакти, трудности нашего отношения с ними поднимаются из эгоистического сознания, которое мы вносим в духовное отношение. Эго в нас предъявляет свои претензии к Божественному, иные, чем духовное право, но эти притязания в известном смысле законны, однако, по мере того и в соотношении с тем, как они принимают эгоистическую форму, они грубеют и сильно извращаются, отягчаются ложью, нежелательными реакциями и последующими за ними бедствиями; отношение с Богом и Шакти может быть целиком правильным, счастливым и совершенным только, когда эти требования станут частью духовного запроса и потеряют свой эгоистический характер. Действительно, требование нашего существа к Божественному полностью выполняется только тогда, когда оно совсем перестанет быть требованием, а вместо этого становится проявлением Божественного через индивидуум, когда мы удовлетворены одним этим, когда вполне довольны восторгом единства в бытие, согласны предоставить верховному Я и Владыке существования вершить все по воле его абсолютной мудрости и знания через нашу все более и более совершенствующуюся Природу. Таково значение самоотдачи индивидуального я Божественному, atmasamarpana. Самоотдача не исключает волевого устремления к восторгу единства, к участию в божественном сознании, мудрости, знании, в свете, силе, совершенстве, к осуществлению божественной завершенности в нас, но воля, устремление является нашей, потому что это его воля в нас. Сначала, пока еще есть настояние нашей собственной личности, наша воля только отражает высшую, но становится более и более слитной с ней, менее личной и, в конечном счете, она теряет всякий оттенок отдельности, потому что воля в нас отождествилась с божественным Тапасом, действием божественной Шакти.

Равным образом, когда мы впервые осознаем бесконечную Шакти над нами, вокруг или внутри нас, эгоистическое чувство в нас порывается завладеть ею и использовать эту возросшую мощь для нашей собственной эгоистической цели. Это очень опасно, поскольку приносит с собой ощущение и некоторую прочную реальность великой, иногда титанической силы, и раджасическое эго, восхищенное этим чувством новой сверхъестественной силы, может не ожидая очищения и преобразования, броситься в неистовое и нечистое действие, и даже обращает нас временно или частично в себялюбивого и надменного Асура, использующего данную ему силу для его собственной, не для божественной цели; однако, этот путь, если в нем упорствуют, приведет в конце концов к духовной гибели и материальному крушению. И даже относиться к себе как к инструменту Божественного не составляет совершенного средства,

поскольку, когда сильное эго вмещивается в дело, оно искажает духовное отношение и под прикрытием превращения в инструмент Божественного в действительности склонно сделаться собственным, а не божьим инструментом. Единственное средство — это успокаивать эгоистическое требование любого вида, настойчиво уменьшать личное усилие и индивидуальное напряжение, которых даже саттвическое эго не может избежать, и вместо того, чтобы стараться завладеть Шакти и использовать ее для своей цели, скорее позволить Шакти завладеть нами и использовать нас для божественной цели. Сразу это не может быть сделано совершенно, это не может быть сделано надежно, если мы осознаем только низшую форму вселенской энергии, ибо тогда, как уже было сказано, должен быть некоторый другой контроль, или со стороны умственного Пуруши или свыше, но все ж это является целью, которую мы должны иметь перед собой, и которую можно до конца выполнить, когда мы станем устойчиво сознавать высочайшее духовное присутствие и форму божественной Шакти. Такая передача всего действия индивидуального я Шакти фактически представляет собой форму подлинной самоотдачи Божественному.

Уже было понятно, что наиболее эффективный путь очищения для умственного Пуруши — отойти назад, стать пассивным свидетелем, наблюдать и познавать себя и работы Природы в низшем, обычного уровня существе; однако для совершенства это движение должно быть объединено с твердым стремлением возвышать очищенную природу, воспитывать ее в более высокое духовное существо. Когда это сделано, Пуруша уже не является только свидетелем, но также становится властелином Пракрити, *дьюара*. Сначала неясно, как этот идеал активного самозавладения можно примирить с видимо противоположным идеалом самоотдачи и превращения в послушный инструмент божественной Шакти. Однако, фактически на духовном уровне нет трудности. Джива может реально становиться господином только по мере того, как он поднимается в единство с Божественным, кто есть его верховное Я. И в этом единстве, и в своем союзе со вселенной он во всеобщем Я един также с волей, которая направляет все процессы Природы. Но более непосредственно, менее трансцендентно, в своем индивидуальном действии также он есть частица Божественного и разделяет власть над своей природой с тем, кому он отдал себя. Даже как инструмент, он является не механическим, но сознательным инструментом. Со стороны Пуруши в себе он един с Божественным и разделяет с ним божественную власть Ишвары. Со стороны Природы в себе он в своей всеобщности един с силой Божественного, в то время как в своем индивидуальном природном существе он является инструментом вселенской божественной Шакти, потому что индивидуализированная сила существует в нем для того, чтобы выполнять цель вселенской Силы. Джива, как уже было показано, есть место встречи свободного проявления двойного аспекта Божественного, Пракрити и Пуруши, и в более высоком духовном сознании он становится одновременно един с обоими этими аспектами, и там он принимает и соединяет все божественные отношения, созданные их взаимодействием. Это именно то, что делает возможным такое двойное положение.

Есть, однако, возможность достигнуть этого результата без прохождения через пассивность умственного Пуруши, достигнуть посредством более настоятельно и преобладающе кинетической Йога. Или может быть объединение обоих методов, чередование между ними и окончательное их слияние. И здесь проблема духовного действия принимает более простую форму. В этом кинетическом движении есть три стадии. В первой стадии Джива осознает верховную Шакти, принимает в себя силу и использует ее под руководством Шакти, с определенным чувством, что является подчиненным работником, чувством меньшей ответственности за действие, — даже сначала это может быть ответственность за результат; но это чувство исчезает, поскольку результат кажется predetermined высшей Силой, и только

действие ощущается частично своим собственным. Садхака тогда чувствует, что это именно он думает, проявляет волю, делает, но чувствует также за собой божественную Шакти или Пракрити, ведущую и формирующую всякую его мысль, волю, чувство и действие: индивидуальная энергия в движении принадлежит ему, однако является лишь только формой и инструментом вселенской божественной Энергии. Властелин Силы может быть скрыт от него на время действием Шакти, или Садхака может явственно осознавать правление Ишвары время от времени или постоянно. В последнем случае три вещи представляются его сознанию, он сам как слуга Ишвары, Шакти за ним как великая Сила, восполняющая энергию, формирующая действие, выражающая результаты, и Ишвара над ним, определяющий своей волей все действие.

Во второй стадии индивидуальный делатель исчезает, но здесь нет необходимости в какой-либо тихой пассивности; здесь может быть полное кинетическое действие, только все делается самой Шакти. Это ее сила знания принимает форму мысли в уме; Садхака не ощущает себя думающим, но ощущает Шакти, думающую в нем. Воля, чувство и действие также являются ничем иным как выражением, процессом, деятельностью Шакти в ее непосредственном присутствии и полном владении всем существом Садхака. Он не думает, не проявляет волю, не действует, не чувствует, но мысль, воля, чувство, действие происходят в его существе. По линии действия индивидуум исчез в единстве во вселенской Пракрити, стал индивидуальной формой и действием божественной Шакти. Он еще осознает свое личное существование, но как Пурушу, который поддерживает и наблюдает все действие, сознает его в своем самопознании и своим участием дает возможность божественной Шакти вершить в нем работу и волю Ишвары. Владыка силы в этой стадии иногда скрыт действием силы, иногда проявляется, управляющий и вызывающий работы Шакти. Здесь тоже есть три вещи, представляющиеся сознанию, Шакти, несущая Ишваре все знание, мысль, волю, чувство, действие в инструментальной человеческой форме; Ишвара, Владыка существования, управляющий и вызывающий все ее действие; мы сами в качестве души, Пуруша индивидуального действия Шакти, наслаждающийся всеми отношениями с ним, возникшими при ее работе. Есть другая форма этого осознания, в котором Джива исчезает и становится единым с Шакти, и тогда есть только игра Шакти с Ишварой, Махадевы и Кали, Кришны и Радхи, Дэва и Деви. Это наиболее интенсивная из возможных для Дживы форм осознания себя проявлением Природы, силой бытия Божественного, para prakṛitī jīvabhūta.

Третья стадия приходит через усиление проявленности Божественного, Ишвары во всем нашем существе и действии. Она настает, когда мы постоянно и непрерывно сознаем его. Он ощущается в нас как властелин нашего существа, над нами как правитель всех работ нашего существа, и они становятся для нас ничем иным, кроме проявления его в существовании Дживы. Все наше сознание есть его сознание, все наше знание есть его знание, любая наша мысль есть его мысль, вся наша воля есть его воля, каждое наше чувство есть его Ананда и форма его восторга в бытие, все наше действие есть его действие. Различие между Шакти и Ишварой начинает исчезать; есть только сознательная деятельность Божественного в нас с великим Я Божественного за нами и вокруг нас и обладание этим; весь мир и Природа воспринимаются только так, но здесь это стало полностью сознательно ощущаемым, Майя Эго, стерта, и Джива существует в мире только как вечная частица его бытия, amsa sanatana, предназначенная для того, чтобы нести божественную индивидуализацию и живущая теперь, осуществив себя, в полном присутствии и силе Божественного, в полной радости Духа, проявленного в существе. Это — высочайшее достижение совершенства и восторга активного единства; за этим далее могло бы быть только сознание Аватара, самого Ишвары, принимающего на себя человеческое имя и форму для действия в Лила.

ТРИ составные части совершенства нашей инструментальной природы, основные черты которого мы до сих пор рассматривали, совершенства интеллекта, сердца, виталического сознания и тела, совершенства коренных сил души, совершенства самоотдачи наших инструментов и их действия божественной Шакти, зависят в каждый момент их продвижения от четвертой силы, которая является, скрыто и открыто, опорой и центром всего усилия и действия, от веры, *sraddha*. Совершенная вера — это согласие всего существа с истиной, принятой им или предложенной ему для принятия, и ее внутренняя — это вера души в свою собственную волю к становлению, в действительность стремления добиваться и осуществлять, уверенность в своем представлении о самой себе и внешних объектах, вера в свое знание, ее внешними проявлениями являются доверие интеллекта, согласие сердца и желание жизненного ума завладеть и воплотить. Эта душевная вера, в какой-то своей форме, необходима для всякого действия существа, и без нее человек не может совершить ни единого шага в жизни, а тем более продвигаться вперед к еще не осуществленному совершенству. Это настолько главная и существенная вещь, что Гита справедливо может говорить о том, что все то, что составляет *sraddha*, веру человека, то и есть он сам, *yo yaschraddhah sa eva sah*, и можно добавить, все, во что человек верит как в возможное в себе и для чего прилагает усилия, то он и может создать, тем и может стать. Есть один вид веры, который требуется в интегральной Йоге как обязательный, и он может быть описан как вера в Бога и Шакти, вера в присутствие и силу Божественного в нас и в мире, вера в то, что все в мире — это работа единой божественной Шакти, что все шаги Йоги, все ее усилия, страдания и неудачи, так же как ее успехи, удовлетворения и победы представляют собой настоящую потребность и практическую полезность ее работ, и что путем непоколебимого и твердого доверия и полной самоотдачи Божественному и его Шакти в нас мы можем достигнуть и единства, и свободы, и победы, и совершенства.

Врагом веры является сомнение, и все же в сомнении также есть польза и необходимость, потому что человек в его невежестве, долго и тяжело добывая знания, должен предаваться сомнению, иначе он останется в своем упрямом невежественном убеждении, в ограниченном знании, не будет способен избежать ошибок. Эта полезность и необходимость сомнения не исчезает вполне, когда мы вступаем на путь Йоги. Интегральная Йога стремится не просто к знанию некоего фундаментального принципа, но к знанию, гносису, которое будет прилагать себя ко всей жизни и покрывать все мировое действие, и в этом поиске знания мы вступаем на путь, и на этом пути нас очень долго сопровождают непереродившиеся действия ума, пока они не будут очищены и преобразованы более великим светом; мы несем с собой большое количество интеллектуальных представлений и убеждений, из которых далеко не все правильны и совершенны, и множество новых идей и предложений будет встречаться нам на пути и дальше, требуя нашего доверия, и было бы губительно хвататься и всегда придерживаться той их формы, в которой они приходят, не обращая внимания на их возможную ошибочность, ограниченность или несовершенство. И действительно, на первой стадии Йоги становится необходимым отказаться принимать как точную и окончательную любую интеллектуальную идею или мнение в любой интеллектуальной форме, держать идею в состоянии сомнения, пока светоносную форму истины и свое правильное место в духовном опыте, освещенном сверхразумным знанием. И еще в значительно большей степени мы должны проделать то же с желаниями и побуждениями жизненного ума, которые мы часто вынуждены условно принимать за непосредственный указатель временно необходимого действия, до того как мы получим высшее

руководство, но которые не всегда совпадают с полным душевным согласием; в конце концов все эти желания и побуждения должны быть отброшены или же преобразованы и заменены побуждениями божественной воли, наполняющей собой жизненные движения. Сердечная вера, эмоциональные верования, согласие чувств также необходимы на пути, но они не могут быть всегда надежными руководителями, пока они также не будут возвышены, очищены, преобразованы и, в конце концов, заменены освещающим согласием божественной Анандой, которая едина с божественной волей и знанием. Ни в чем в низшей природе от разума до виталической воли не может искатель Йоги выразить полную и постоянную веру, но только в конце в духовной истине, силе и Ананде, которые становятся в одухотворенном разуме его единственными руководителями, светилами и владыками действия.

И все же вера нужна во всем и на каждом шагу, поскольку она представляет собой необходимое согласие души, и без этого согласия не может быть движения вперед. Наша вера должна прежде всего оставаться верной сущностной истине и принципам Йоги, и даже если она затемнена в интеллекте, подавлена в сердце, потеряла надежду, измотана и истощена постоянным опровержением, неудачей и провалом желаний виталического ума, должно оставаться нечто, лежащее глубоко внутри в сокровенной душе, что держится за истину и возвращается к ней, иначе мы можем погибнуть на пути или сойти с него от слабости и неспособности переносить временные поражения, разочарования, трудности и опасности. В Йоге, как и в жизни, именно сам человек остается несломленным и стойким до конца перед лицом каждого поражения и разочарования, перед всеми противостоящими, враждебными и противоречащими событиями и силами, именно человек преодолевает и побеждает в конце, и находит, что его вера подтвердилась, потому что для души и Шакти в человеке нет ничего невозможного. Даже слепая и невежественная вера лучше скептического сомнения, которое отворачивается от наших духовных возможностей, и лучше, чем постоянные придирки и мелочная критика узких мест бесплодным интеллектом, асуа, который преследует наше усилие своей парализующей неуверенностью. Последователь интегральной Йоги должен тем не менее преодолеть оба эти несовершенства. Цель, которой он отдал свое согласие, и на успешное выполнение которой устремил свой ум, сердце и волю, божественное совершенство всего человеческого существа, представляется очевидной невозможностью для обычного интеллекта, поскольку она противоположна действительно существующим фактам жизни и долго будет противоречить сиюминутному опыту, как бывает со всеми отдаленными и трудными целями, и это совершенство отрицают также многие из тех, кто владеет духовным переживанием, но полагают, что наша теперешняя природа — это единственно возможная природа человека в теле, и что только через сбрасывание земной жизни или даже всего индивидуального существования мы можем получить или небесное совершенство, или освобождение, достигнутое прекращением цепи существований. На пути к нашей цели долго будет множество предлогов для возражений и придирок, асуа, этого несведущего, но упорного критикующего рассудка, который правдоподобно основывается на видимостях момента, на запасе удостоверенных фактов и на опыте, который отказывается пройти за них и подвергает сомнению обоснованность всех указаний и озарений, зовущих вперед; и если человек уступает этим узколобым внушениям, он или совсем не достигнет цели, или они будут серьезно мешать ему, и он будет надолго задержан на своем пути. С другой стороны, невежество и слепота в вере препятствуют большому успеху, приводят к утрате иллюзий и разочарованию, привязывают к ложным достижениям и становятся помехами в продвижении к более великим выражениям истины и совершенства. Шакти в ее проявлениях будет безжалостно бить по всем формам невежества и слепоты, и даже всем тем, что слепо и суеверно верят в нее, и мы должны быть готовы оставлять слишком упрямую привязанность к формам веры и держаться одной спасительной реальности. Огромная, широкая

духовная и интеллектуальная вера, вера умная, вера с пониманием, идущим от более высокого разума, который согласен с великими возможностями, — таков характер *sraddha*, нужный для интегральной Йоги.

Эта *sraddha*, — слово "вера" неадекватно выражает это понятие — является в действительности влиянием, идущим из сверхразумного Духа, и его светом, посланием из нашего сверхразумного существа, которое зовет низшую природу подниматься из ее мелкого настоящего к более великому самостановлению и самопревышению. И получает это влияние и отвечает призыву не столько интеллект, сердце или жизненный ум, но именно внутренняя душа, которая лучше знает истину своей собственной судьбы и предназначения. Обстоятельства, которые вызывают наше первое вхождение на путь, не являются реальным указателем того, что работает в нас. В них интеллект, сердце или желания жизненного ума могут занимать главное место, или даже это могут быть счастливый случай и внешние побудительные мотивы; и если это все, тогда не может быть уверенности в нашей верности призыву и нашей надежной стойкости в Йоге. Интеллект может отказаться от идеи, которая привлекала его, сердце может утомиться или обмануть нас, влечение жизненного ума может обратиться к другим целям. Но внешние обстоятельства составляют только наружный покров подлинных работ духа, и если дух был затронут, если внутренняя душа получила призыв, *sraddha* будет оставаться твердой и противостоять всем попыткам нанести поражение или убить веру. Это не означает, что сомнения интеллекта не могут нападать, сердце не будет колебаться, разочарованное желание жизненного ума, истощившись, не свалится на обочине. Такие состояния почти неизбежны время от времени, а возможно и часто, особенно с нами, детьми века интеллектуальности, скептицизма и материалистического отрицания духовной истины, детьми времени, которое еще не развеяло густых облаков, скрывающих лик солнца великой реальности, и еще противится свету духовной интуиции и сокровенному переживанию. Очень возможно, что будет много таких тяжелых и мучительных помрачений, на которые часто жаловались даже ведические Риши, называя их "длинными изгнаниями из света", и эти помрачения могут быть настолько беспросветны, ночь на душе может быть такой черной, что может показаться, что вера полностью покинула нас. Однако, через все это время дух внутри будет хранить свое невидимое влияние, и душа вернется с новой силой к своей уверенности, которая была только затемнена, но не погашена, потому что погаснуть она не может, если однажды внутреннее я получило знание и приняло свое решение [15](#). Божественное всегда поддерживает нас, Бог ведет нас за руку через все пути и, если кажется, что он допустил наше падение, то и оно только для того, чтобы поднять нас еще выше. Это спасительное возвращение мы будем переживать так часто, что в конце концов отрицания из-за сомнения будут становиться невозможными, и когда однажды основание ровности будет прочно заложено, и еще далее, когда солнце гносиса поднимется, сомнение само прекратится, потому что повод для него исчезнет, и его полезность закончится.

Требуется, кроме того, не только вера в основополагающий принцип, идеи и путь Йоги, но нужна день за днем работающая вера в нашу силу достигнуть цели, в шаги, которые мы предприняли, продвигаясь на пути, в духовные переживания, которые приходили к нам, в интуицию, в руководящие действия воли и побуждения, в приведенную в движение энергию сердца, стремлений и свершений жизни, которые являются средствами, условиями и стадиями расширения возможностей природы, стимулами или шагами душевной эволюции. В то же самое время следует всегда помнить, что мы продвигаемся от несовершенства и невежества к свету и совершенству, и наша вера должна быть свободна от привязанности к формам нашего усилия и к успешным стадиям наших достижений. Нужно переступить не только через то многое, что взметнется и взбунтуется в нас и будет извергнуто в ходе битвы между силами невежества и низшей природы и более высокими силами, которые должны заменить их, но должны быть

превышены и переживания, состояния мысли и чувства, формы осознания, которые полезны и должны быть приняты на пути, и которые могут казаться нам на время духовными завершениями, а далее оказываются шагами переходного периода, и работающая вера, поддерживавшая их, должна оставить их ради одобрения других более великих проявлений и более полных всесторонних осознаний и переживаний, которые заменят их, или в которые они будут включены в завершающем преобразовании. Нельзя искателю интегральной Йоги липнуть к местам отдыха по дороге, цепляться за пристанища на полпути; он не может быть удовлетворен, пока не заложит все великие и прочные основы своего совершенства, не прорвется в эти огромные, свободные бесконечные просторы, и даже там он должен постоянно ощущать в себе все более полные переживания Бесконечного. Его развитие — это восхождение от уровня к уровню, и каждая новая высота вносит новые перспективы, делает видным то наибольшее, что еще должно быть сделано, bhuri kartvam, пока наконец божественная Шакти возьмет на себя и наполнит собой все его старание, и ему останется только одобрять и радостно участвовать своим согласным единством в ее светоносных работах. То, что будет поддерживать его в этих изменениях, битвах, преобразованиях, которые без этой поддержки могли бы приводить в уныние, лишать мужества и расстраивать, — ибо интеллект, жизнь и чувство всегда чрезмерно хватаются за факты, спешат к преждевременной уверенности и склонны страдать и огорчаться, когда вынуждены отказываться от того, за что они держались, — это твердая вера в Шакти, которая работает, и доверие к водительству Господина Йоги, чья мудрость не в торопливости, и чьи шаги через все недоумения ума прокладываются уверенно, точно и безошибочно, поскольку они основаны на совершенно всестороннем охвате потребностей нашей природы.

Продвижение Йоги — это прохождение от умственного невежества через несовершенные виды к совершенному обоснованию и возрастанию знания, а на своих определенно положительных участках — движение от света к еще большему свету, и это продвижение не может прекратиться, пока мы не дойдем до величайшего света сверхразумного знания. Движения ума в его развитии неизбежно вынуждены смешиваться в большей или меньшей степени с ошибкой, и нам не следует разрешать своей вере смущаться, обнаруживая его ошибки, или воображать, что поскольку убеждения интеллекта, которые помогали нам, были слишком поспешны и самоуверенны, поэтому и фундаментальная вера в душе была как бы необоснованной. Человеческий интеллект слишком сильно боится ошибки именно потому, что он слишком сильно привязан к преждевременному чувству уверенности и слишком поспешному рвению к утвердительной законченности того, что, кажется завладело знанием. По мере того как наше самопереживание будет возрастать, мы убедимся, что наши ошибки были даже необходимыми движениями, приносившими с собой и оставлявшими нам их долю истины или предположения о истине, движениями, помогавшими ее открытию, поддерживавшими необходимое усилие, и что несомненные верования, которые мы сейчас должны оставить, имели все же свою временную обоснованность в развитии нашего знания. Интеллект не может быть умелым проводником в поисках духовной истины и осознания, и все же он должен быть использован в интегральном движении нашей природы. И пока, следовательно, мы должны отбрасывать парализующее неверие или более интеллектуальный скептицизм, ищущий рассудок должен быть приучен допускать определенное значительное сомнение, интеллектуальную честность, неудовлетворенную полуистинами, смесью заблуждений и приблизительности, и, что наиболее положительно и полезно, приучен к совершенной готовности всегда двигаться вперед от истин, уже освоенных и признанных, к истинам еще более точным, завершенным или превышающим прежние знания, к таким истинам, которые сначала интеллект был неспособен или, может быть, не имел склонности рассматривать. Необходима работающая вера интеллекта,

не суеверное, догматическое, ограниченное кредо, привязанное к любой временной подпорке, рецепту или формуле, но полнейшее согласие на последующие наставления, воздействия и шаги Шакти, вера, закрепленная на подлинных сущностях, продвигающаяся от меньших к более полным постижениям реальности и готовящаяся сбросить все строительные леса и обнажить огромный возводимый храм.

Постоянная *sraddha*, вера, согласие сердца и жизни также являются обязательными. Однако, пока мы пребываем в низшей природе согласие сердца окрашено умственным волнением, и жизненные движения сопровождаются волочащимся следом своих возбужденных и напряженных желаний, а умственное чувство и желание имеют склонность к беспокойству, более или менее грубо или тонко изменяют или извращают истину, и они всегда вносят некоторое ограничение и несовершенство в понимание истины сердцем и жизнью. У сердца тоже, когда оно тревожится за свои привязанности и верования, когда оно поставлено в тупик бросками назад, неудачами и осуждениями ошибок, или когда вовлечено в перепалки, которые сопровождают призыв продвигаться вперед, уходя от обеспеченных позиций, есть свои торможения, утомления, печали, возмущения и отвращения, затрудняющие развитие. Оно должно научиться более великой и надежной вере, дающей вместо умственных реакций тишину или продвинутое духовное принятие путей и шагов Шакти, вере, которая по своему характеру есть согласие углубляющейся Ананды со всеми необходимыми движениями и готовность оставить старые пристани и двигаться вперед к восторгу все большего совершенства. Жизненный ум должен дать свое согласие на последующие мотивы, побуждения и действия жизни, возложенные на нее руководящей силой и являющиеся помощью и сферами развития природы, и согласиться также с последовательностью внутренней Йоги, но он не должен быть привязан к чему-то из них, призывая остановиться где-либо, но должен быть всегда готов отказаться от прежних настоятельных побуждений и принять с такой же полнотой согласия новые более высокие движения и деятельность, и он должен научиться заменять желание широкой и яркой Анандой во всем переживании и действии. Вера сердца и жизненного ума, подобно вере интеллекта, должна быть способна к постоянной коррекции, расширению и преобразованию.

Эта вера в ее сущности есть тайная *sraddha* души, и она все более и более выносятся из глубин на поверхность, и там ей соответствует, ее подтверждает и увеличивает возрастающая надежность и несомненность духовного опыта. Здесь так же наша вера должна быть несвязанной, той верой, что сопутствует Истинам и готова изменять и расширять свое понимание духовных переживаний, исправлять ошибочные или наполовину верные представления о них, получать более просвещенные толкования, ставить на место недостаточных более полные интуиции, и растворять переживания, которые казались в свое время окончательными и завершающими, в еще более убедительных сочетаниях с новым опытом, превышающим и превосходящим все предыдущее. И особенно в физической и других средних сферах есть обширные возможности для заблуждения, а часто и для пленительной ошибки, и здесь даже полезно определенное количество позитивного скептицизма, и во всех случаях нужна большая осторожность и тщательная интеллектуальная прямота, но не скептицизм обычного ума, который доходит до калечащего, приводящего к неспособности отрицания. В интегральной Йоге психическое переживание, особенно тот вид, который ассоциируется с тем, что часто называют оккультизмом, и который имеет привкус сверхъестественного, должно всецело подчиняться духовной истине и служить ей для собственного же объяснения, освещения и одобрения. Но даже в чисто духовной сфере есть переживания, которые неполны, и как бы ни были они привлекательны, они получают всю свою обоснованность, значение или правильное понимание, только когда мы сможем продвинуться к

более полному опыту. И есть такие, которые сами по себе вполне обоснованы, полны и совершенны, но если мы ограничим себя ими, они будут мешать проявлению других сторон духовной истины и исказить цельность интегральной Йоги. Так, глубокая и поглощенная тишина беспристрастного мира, который приходит через успокоение ума, сама по себе совершенна и абсолютна, но если мы покоимся в ней одной, она исключит возможность сопутствия абсолютного, не менее великого, необходимого и подлинного блаженства божественного действия. Здесь также наша вера должна быть согласием получать весь духовный опыт, но всегда с широкой открытостью и готовностью ко все большему свету и истине, согласием без ограничивающей привязанности, не цепляющимся за формы, которые препятствовали бы идущему вперед движению Шакти к интегральности духовного бытия, сознания, знания, силы, действия и цельности единой, но многогранной Ананды.

Вера, которая требуется от нас как в ее общем принципе, так и в ее постоянном личном применении, равносильна огромному и всегда возрастающему, все более чистому, полному и глубокому согласию всего существа и всех его составных частей с присутствием и руководством Бога и Шакти. Вере в Шакти, пока мы не сознаем ее и пока не наполнимся ее присутствием, необходимо должна предшествовать или, по крайней мере, ее должна сопровождать твердая и мужественная вера в нашу собственную духовную волю и энергию и нашу силу продвигаться успешно к единству, свободе и совершенству. Человеку дана вера в самого себя, в свои замыслы и силы, вера в то, что он может работать и творить, подниматься к еще большим достижениям, а в завершение принести свою стойкость как достойное подношение на алтарь Духа. Этот Дух, говорит священное Писание, не будет завоеван слабым, *paum atma balahinena labhyaḥ*. Любое парализующее сомнение в себе, всякое сомнение в нашей силе совершенствоваться не следует одобрять, ибо это ложное согласие с неспособностью, воображение слабости и отрицание всемогущества духа. Теперешняя неспособность, каким бы тяжелым ни казалось ее давление, есть только испытание веры и временная трудность, и уступить чувству неспособности — это нелепость для искателя интегральной Йоги, ибо его целью является развитие совершенства, которое уже есть, сокрытое в существе, поскольку человек несет семя божественной жизни в себе самом, в своем собственном духе; возможность успеха уже включена и подразумевается в усилении, и победа обеспечена, поскольку за нами — призыв и водительство всемогущественной силы. В то же самое время, эта вера в самого себя должна быть очищена ото всякого прикосновения раджасического эгоизма и духовной гордыни. Садхаку следует, насколько возможно, помнить и держать в уме мысль о том, что его сила не является его собственной в эгоистическом смысле, но силой божественной вселенской Шакти, и все, что есть эгоистического в его использовании этой силы, не может не быть причиной ограничения и, в конце концов, препятствием. Сила божественной вселенской Шакти, которая стоит за нашим устремлением, безгранична, и когда она правильно призвана, не может ослабнуть, изливаясь в нас, не может не сдвинуть любую неспособность и препятствие, теперь или позднее; время же и продолжительность нашей борьбы, пока они в начале зависят, опосредствованно и частично, от силы нашей веры и нашего старания, все же, в конечном счете, в руках мудро определяющего тайного Духа, единственного Властителя Йоги, Ишвары.

Вера в божественную Шакти всегда должна стоять за плечами нашей силы, и когда она начинает проявляться, она должна расти и быть безоговорочной и полной. Нет ничего невозможного для той, кто есть сознательная Сила и вселенская Богиня, все создающая из вечности и вооруженная всемогуществом Духа. Все знание, все силы, весь триумф и победа, все искусство и работы находятся в ее руках, и руки ее полны сокровищами Духа, всеми совершенствами и Сиддхи. Она — Махишвари, богиня верховного знания, и приносит нам свое видение всей широты истины во всех ее видах, свою прямоту духовной воли, спокойствие и

страсть сверхразумной огромности, свое блаженство озарения; она — Махакали, богиня верховной силы, и с ней являются все могущества и духовная энергия, строгая простота Тапаса, стремительность битвы, победа и смех, *atta hasya*, который творит свет из крушения и смерти, а силы — из незнания; она — Махалакшми, богиня верховной любви и восторга, и ее дары — это милость Духа, привлекательность и очарование Ананды, покровительство и всякое, божественное и человеческое, благословение; она — Махасарасвати, богиня божественного искусства и трудов Духа, и ей принадлежит Йога, которая искусна в работах, *yoga karmasu kausalam*, и от нее полезность применения божественного знания и самоприложения духа к жизни, и удача жизненных гармоний. И во всех своих силах и формах она несет с собой высшее ощущение обладания и власти вечного Ишвары, быструю и божественную способность ко всем видам действия, какие могут требоваться от инструмента, чувство единства, участливую симпатию, свободное отождествление со всеми энергиями во всех существах, а потому спонтанную и плодотворную гармонию со всей божественной волей во вселенной. Глубокое чувство ее присутствия и ощущение ее сил, удовлетворенное согласие всего нашего существа с ее работами в нас и вокруг нас — таково последнее совершенство веры в Шакти.

А за Шакти стоит Ишвара, и вера в него представляет собой самый центр в *sraddha* интегральной Йоги. Мы должны иметь и развивать до совершенства веру, что все явления — это работы, под управлением всеобъемлющего верховного самознания и мудрости, что ничто в нас и вокруг нас не делается напрасно или без назначенного ему определенного места и обоснованного значения, что все возможно, если Ишвара, как наше верховное Я и Дух, наполняет собой действие, и что все, сделанное прежде, и все, что он сделает в будущем, было и будет частью его безошибочного, надежного и предвидящего руководства и предназначено к осуществлению нашей Йоги, нашего совершенства и нашей жизненной работы. Эта вера будет все более и более подтверждаться по мере того, как все более высокое знание будет открываться, мы начнем видеть огромные и малые значения, которые были недоступны нашему ограниченному умственному пониманию, и вера перейдет в знание. Затем наше видение превысит возможности сомнения в том, что все происходит внутри работы единой Воли, и в том, что эта Воля всегда была мудростью, поскольку будем видеть, что она развивает всегда правильные работы в жизни я и природы. Высочайшее состояние согласия существа, *sraddha*, осуществится тогда, когда мы будем чувствовать присутствие Ишвары и ощущать все наше существование, сознание, мысль, волю и действие в его руках, и будем согласны во всем каждой частью нашего "я" и природы с непосредственной, внутренне присущей и заполняющей волей Духа. И это высочайшее совершенство *sraddha* станет также возможностью и совершенным основанием божественной силы: будучи полным, оно заложит основание развитию, проявлению и работам светоносной сверхразумной Шакти.

15. *samkalpa vyavasaya*

ЦЕЛЬ Йоги — поднимать человеческое существо от сознания обычного ума, подчиненного контролю жизненной и материальной Природы и ограниченного целиком рождением, смертью и Временем, нуждами и желаниями ума, жизни и тела, к сознанию духа, свободного в своем Я и использующего обстоятельства ума, жизни и тела как допущенные или добровольно выбранные собственные установления духа, который пользуется ими в свободном самознании, свободной воле и силе существования, в свободном восторге бытия. Есть существенная разница между обычным смертным умом, в котором мы живем, и духовным сознанием нашего божественного и бессмертного бытия, которое является высочайшим результатом Йоги. Это коренное и полнейшее превращение, такое же великое и более великое, чем то изменение, которое, как мы предполагаем, должна была сделать эволюционная Природа в ее переходе от виталического животного к полностью умственно развитому сознанию человека. Животное имеет сознающий виталический ум, но в нем любые начинания чего-то более высокого являются только первоначальным проблеском, грубым и незрелым намеком на рассудок, который в человеке превращается в ослепительный блеск умственного понимания, воли, чувства, восприятий и разума. Человек, поднявшийся на высоты и проникший в глубины усилиями ума, осознает в самом себе нечто великое и божественное, к чему все устремляется, что-то, что есть в его возможностях, но чем он еще не стал, и он обращает силы своего ума, силу знания, свою силу воли, чувства и ощущения на то, чтобы отыскать это нечто, завладеть всем и постигнуть все, что может быть этим, чтобы становиться им и существовать целиком в этом более великом сознании, восторге, бытии и силе высочайшего становления. Однако, то, что он получает от этого более великого состояния в свой обычный ум — это только схематическое указание, начальный проблеск, слабый намек на ослепительный блеск, свет, славу и божественность духа внутри него. Полное превращение всех частей его существа в формы и инструменты духовного сознания требуется от человека прежде, чем он сможет сделать совершенно реальным, постоянно присутствующим это более великое сознание, в котором он сможет жить всецело, прежде чем он сможет стать тем, что теперь для него, в наилучшем случае, является лишь светлым стремлением. Он должен стараться развиваться и вращать все полнее в более великое божественное сознание с помощью интегральной Йоги.

Йога совершенства, необходимая для этого изменения, насколько мы ее рассмотрели, заключалась в подготовительном очищении умственной, виталической и физической природы, в освобождении от уз низшей Пракрити, в последовательной замене эгоистического состояния, всегда подчиненного невежественному и беспокойному действию души желаний, огромной и светлой статической ровностью, которая успокаивает рассудок, эмоциональный ум, жизненный ум и физическую природу и вносит в нас мир и свободу духа, и в динамическом замещении действия низшей Пракрити действием верховной и вселенской божественной Шакти под контролем Ишвары, — действием, полной работе которого должно предшествовать совершенство природных инструментов. И все это вместе, хотя еще и не вся Йога, составляет сознание уже более великое, чем теперешнее обычное, сознание духовное в своей основе и развитое более великим светом, силой и блаженством, и можно было бы легко оставаться удовлетворенным таким множеством свершений и думать, что все сделано, что было нужно для божественного превращения.

Важный вопрос, однако, поднимается по мере того, как свет растет, вопрос, через какой проводник должна божественная Шакти действовать в человеческом существе? Всегда ли

только через ум и на умственном уровне, или будет действовать в некотором более великом сверхразумном выражении, которое более подходит для божественного действия, и которое наполнит собой и заменит умственные функции? Если ум всегда должен быть инструментом, тогда, хотя мы будем сознать божественную Силу, вызывающую и ведущую все наше внутреннее и внешнее человеческое действие, тем не менее ум будет должен формулировать свое значение, волю, Ананду и все прочее в умственном изображении, а это значит, переводить их в низший вид функционирования, иной, чем верховные работы, присущие божественному сознанию и его Шакти. Ум, одухотворенный, очищенный, освобожденный, приведенный к совершенству внутри своих собственных границ, может подойти так близко, как только возможно, к верному умственному переводу, но мы обнаружим в конце концов, что это относительная точность и несовершенное совершенство. Ум из-за самой своей природы не может передавать с полностью точной правильностью или действовать в объединенной полноте божественного знания, воли и Ананды, потому что он является инструментом для работы с подразделениями конечного на основе расчленения целого, следовательно, вторичным инструментом, представленным для более низкого движения, в котором мы живем. Ум может отражать Бесконечное, он может раствориться в нем, он может жить в нем посредством огромной пассивности, он может принимать его внушения и выводить их наружу своим собственным способом, способом всегда фрагментарным, производным и подчиненным большей или меньшей деформации, но он сам не может быть прямым и совершенным инструментом бесконечного Духа, действующим в своем собственном знании. Божественная Воля и Мудрость, организующая действие бесконечного сознания и определяющая все согласно истине духа и закону его проявления, это Воля не умственная, а сверхразумная, и даже в своем ближайшем к уму выражении она настолько выше умственного сознания в своем свете и силе, насколько умственное сознание человека выше виталического ума низшего создания. Вопрос в том, как высоко совершенное человеческое существо может подняться над умом, насколько далеко продвинуться к своего рода сплавленному союзу со сверхразумным и построить в себе уровень сверхума, развитый гносис, посредством формы и силы которого божественная Шакти может действовать прямо, не через умственный перевод, но органично в своей сверхразумной природе.

Здесь необходимо в вопросе, столь отдаленном от обычных направлений нашей мысли и опыта, первым изложить, что такое вселенский гносис или божественный сверхразум, как он представлен в текущем движении вселенной, и каковы его отношения к теперешней психологии человеческого существа. Будет затем очевидно, что хотя сверхразум сверхрационален по отношению к нашему интеллекту, а его действия оккультны для нашего понимания, он совсем не является иррациональной мистикой, но скорее его существование и появление составляет логическую необходимость природы существования, если только мы при всех обстоятельствах соглашаемся, что не материя или один ум, но дух есть фундаментальная реальность и всюду всеобъемлющее присутствие. Все есть проявление бесконечного духа из его собственного бытия, из его собственного сознания посредством самореализующейся, самоопределяющейся, самовыполняющей силы этого сознания. Мы можем сказать, что Бесконечное организует силой своего самознания закон своего собственного проявления бытия во вселенной, не только материальной вселенной, представленной нашим органам чувств, но во всем, что лежит за ней на любых уровнях существования. Все организуется им не в силу какого-то несознательного принуждения, не по умственной фантазии или капризу, но в его собственной бесконечной духовной свободе согласно собственной истине его бытия, его бесконечным возможностям и его воле самосотворения из этих возможностей, и закон этой собственной истины есть необходимость, которая заставляет созданные существа и явления действовать и развиваться,

согласно своей природе. Этот Разум, — приведем неадекватное наименование, — этот Логос, который таким образом организует свое собственное проявление, есть, очевидно, нечто бесконечно большее, несравнимо более обширное в знании, неотразимое в собственной силе, премного более огромное и в восторге своего самосуществования и в экстазе своего активного бытия и работ, чем умственный интеллект, который для нас является высочайшей достигнутой степенью и выражением сознания. Он для умственного интеллекта есть бесконечность в себе, но свободно организующаяся и самопобудительно согласованная в своем самосотворении и своих работах, поэтому мы можем для нашей теперешней цели дать ему наименование божественного сверхума или гносиса.

Основная природа этого сверхума состоит в том, что все его знание является по происхождению знанием через отождествление и единение, и даже когда он делает бесчисленные видимые разделения и ограничительные видоизменения в себе, все же все знание, работающее в его действиях, даже в этих разделениях, основано и подкреплено, освещено и направлено этим совершенным знанием посредством тождественности и единства. Дух един везде, и он знает все явления как себя и в себе, и поэтому видит их всегда и знает их близко, полно, в их реальности так же, как в их видимости, в их истине и законе, видит полный смысл и значение, форму и изображение их природы и их работ. Когда он рассматривает что-то как объект познания, он все же видит это как себя и в себе, а не как нечто иное, чем он или отделенное от него, о природе, составе и действиях чего он сначала в силу отделения был бы неосведомлен и должен был бы узнать о них, подобно тому как ум сначала неосведомлен об объекте познания и должен узнать о нем, поскольку ум отделен от своего объекта, рассматривает и ощущает его, знакомится с ним, как с чем-то иным, чем он сам, и внешним по отношению к его собственному бытию. Доступное нам умственное осознание нашего собственного субъективного существования и его движений, как можно указать, не равнозначно этой тождественности и самознанию, поскольку то, что узнает умственное сознание, составляет умственное отображение нашего бытия, и оно не является глубочайшим и целостным, а только частичным, производным и поверхностным действием нашего собственного я, которое видимо нам, в то время как самые значительные, тайно побуждающие части нашего собственного существования скрыты от нашего умственного сознания. Сверхумный Дух имеет, в отличие от умственного существа, истинное, поскольку оно глубочайшее и полнейшее, знание самого себя и всей своей вселенной, всех объектов, что являются его творениями и самоизображениями во вселенной.

Вторая особенность верховного сверхума в том, что его знание — истинное, поскольку является полным знанием. Во-первых, в нем есть трансцендентальное видение, и он видит вселенную не только во вселенских пределах, но в ее правильном соотношении к верховной и вечной реальности, из которой она происходит и выражением которой она является. Сверхум знает смысл, истину и полное значение вселенского выражения, поскольку он знает всю сущность, всю бесконечную реальность и всю последовательную постоянную возможность того, что выражается по частям. Он правильно знает относительность, поскольку он знает Абсолют и все его полные проявления, с которыми связаны все относительные проявления, представляющие собой частичные, видоизмененные или скрытые изображения абсолютного. Во-вторых, он универсален и видит все индивидуальное в выражениях всеобщего так же хорошо, как в своих собственных индивидуальных выражениях, и удерживает все эти индивидуальные изображения в их правильном и полном соотношении со вселенной. В-третьих, отдельно в отношении к индивидуальным явлениям, он тотален в своем видении, поскольку знает каждую вещь в ее глубочайшей сущности, от которой все остальное является лишь последствием, знает в ее всеобъемлющей полноте, которая и есть ее совершенная форма, знает в ее частях, в связях и

взаимозависимостях этих частей, так же как в связях и зависимостях этой вещи от других явлений, и знает каждое явление как звено в цепи полных значений и полных выражений вселенной.

Ум, напротив, ограничен и недееспособен по всем этим направлениям. Он не может достигнуть отождествления с Абсолютом даже тогда, когда посредством напряжения интеллекта ум постигает идею, он может только исчезнуть в ней в замирании или угасании; ум может только иметь вид ощущения или указания о некоторых абсолютах, которые он посредством умственного представления перекладывает в относительную форму. Он не может понять всеобщее, но может только достигнуть некоторого представления об этом, расширяя индивидуальное или комбинируя по видимости отдельные вещи, и таким образом ум видит всеобщее или как неясную бесконечность, неопределенную или наполовину определенную огромность, или же понимает всеобщее только во внешней схеме и сконструированной форме. Неделимое бытие и действие всеобщего, представляющее собой его подлинную истину, ускользает от умственного понимания, поскольку ум продумывает его аналитически, принимая свои собственные разделения за единицы, и синтетически комбинируя эти единицы, но он не может понять и думать полностью ясно о сущностном единстве, хотя он может получить о нем представления и достигнуть определенных вторичных результатов. Он не может также знать верно и вполне даже индивидуальное и по видимости отдельное явление, поскольку он поступает с ним тем же самым способом, посредством анализа частей, составных элементов и свойств, и посредством их комбинации он создает схему этого явления, а она дает только его внешнее изображение. Ум может получить указание относительно глубочайшей сущностной истины своего объекта, но он не может жить постоянно и просветленно в этом сущностном знании и действовать на остальное изнутри наружу, так чтобы внешние обстоятельства появлялись в их внутренней сокровенной реальности и значении как неизбежный результат, выражение, форма и действие духовного нечто, которое и есть подлинная сущность объекта. И все это, что невозможно сделать уму, к чему возможно только стремиться, что может служить лишь прообразом, свойственно и естественно для сверхразумного знания.

Третья характеристика сверхразума, проистекающая из этой разницы, приводит нас к практическому различию между двумя видами знания. Сверхразум есть прямо сознающая истину божественная сила непосредственного, неотъемлемого и спонтанного знания, несущая свет Идея, поддерживающая все реальности и не зависящая от предписаний логических и других шагов следования от известного к неизвестному, подобно тому как зависит от этого ум, который является силой Неведения. Сверхразум вмещает все свое знание в самом себе, в своих высотах он есть божественная мудрость в вечном обладании всей истиной, и даже в своих низших, ограниченных или индивидуализированных формах должен только выявлять из себя наружу скрытую истину, — это то осознание, которое старые мыслители пытались выразить, когда говорили, что знание всего является в своем подлинном происхождении и природе только памятью внутренне существующего знания. Сверхразум постоянно и на всех уровнях сознает истину, он тайно существует даже в умственном и материальном бытии, обзирает и знает вещи, даже самые скрытые от умственного неведения, понимает, стоит позади и управляет умственными процессами, потому что все в уме происходит из сверхразума, — так и должно быть, поскольку все происходит из духа. Все умственное является частичным, видоизмененным, скрытым, подавленным и половинчатым отображением сверхразумной истины, искаженной и производной, несовершенной формой этого более великого знания. Ум начинается с неведения и переходит к знанию. Как фактическая реальность в материальной вселенной ум появляется из первоначального вселенского несознания, которое на самом деле есть инволюция все сознающего духа в его собственной растворенной и саморассеянной силе действия; и ум

появляется, следовательно, как часть эволюционного процесса, сначала от виталического ощущения к явственному восприятию, затем появление виталического ума, способного на чувство, далее, развивающийся из него ум чувственного переживания и желания, сознательная воля, растущий рассудок. И каждая стадия — это выход все большей скрытой силы тайного сверхума и духа.

Ум человека, способный на обдумывание, на скоординированное исследование и понимание самого себя, своей основы и окружения, приходит к истине, но на фоне первоначального неведения, к истине, ослабленной постоянно окутывающим туманом неуверенности и ошибки. Его несомненные факты относительно и по большей части случайны, или же это несомненные, но отрывочные данные несовершенного, неполного и несущественного опыта. Он делает открытие за открытием, получает представление за представлением, прибавляет переживание к переживанию, опыт к опыту, — но теряя, отказываясь и забывая, он должен возвращаться много раз к исходным позициям по мере того, как он развивается, — и он пытается установить связь между всем, что он знает, посредством расстановки логических и других последовательностей, серии принципов и их зависимостей, обобщений и их применения, и делает из своих схем структуру, в которой умственно он может жить, двигаться и действовать, радоваться и трудиться. Это умственное знание всегда ограничено по размеру; более того, в добавление к этой ограниченности, ум даже устанавливает еще и свои волевые барьеры, пропускающие по умственной схеме оценок определенные части и стороны истины и исключаящие все остальное, поскольку, если бы он допустил свободный вход и борьбу всех идей, если бы он допустил бесконечность истины, он бы потерял самого себя в несогласованном разнообразии, в неопределенной необъятности, и был бы неспособен действовать, неспособен приступить к практическим заключениям и эффективному творчеству. И даже тогда, когда умственное познание наиболее широко и полно, оно все же является непрямым знанием, знанием не вещи в себе, но ее изображений, оно — система представлений, схема обозначений, кроме, может быть, того случая, когда в определенных движениях ум превышает сам себя, идет выше умственной идеи к духовной тождественности, но ум убеждается, что чрезвычайно трудно идти выше нескольких изолированных и напряженных духовных осознаний, или привлекать их, или разрабатывать и организовывать правильные практические последствия из этих редких отождествлений, дающих подлинность знания. Более великая, чем разум, сила, требуется для духовного понимания и осуществления этого глубочайшего знания.

Именно сверхум, сокровенно знающий Бесконечное, один может делать это. Сверхум прямо видит дух и сущность, внешность и внутренность, результат и действие, первоосновы истины и обусловленные ею подчиненности как одно неделимое целое, и поэтому он может разрабатывать подробные результаты в силе сущностного знания, выражать разнообразия духа в свете его отождествлений, составлять видимые разделения в истине его единства. Сверхум — знаток и творец своей собственной присущей ему истины, ум человека — всего лишь знаток и творец, действующий в полусвете и полумраке смешанной истины и ошибки, а также творец вещи, идею которой он извлекает в измененном, переведенном, сокращенном виде из чего-то более великого, что превышает его. Человек живет в умственном сознании между огромным подсознанием, которое представляется его видению темным несознанием, и еще более огромным сверхсознанием, которое он склонен принимать за иное, светлое несознание, поскольку его представление сознания ограничено его собственным средним пределом умственного восприятия и рассудка. Именно в этом светлом сверхсознании находятся уровни сверхума и духа.

Сверхум, с другой стороны, поскольку Он наряду с тем, что владеет знанием, действует и творит, являет собой не только прямую истину-сознание, но просвещенную, прямую и

спонтанную истину-волю. Нет и не может быть в воле самознающего духа какого-либо противоречия, разделения или различия между его волей и его знанием. Духовная воля есть Тапас или просвещенная сила сознющего бытия духа, выполняющая безошибочно и надежно то, что пребывает там внутри нее, и она есть этот непреложный процесс явлений, действующих согласно их собственной природе, она — приведенная в действие работа энергии, производящей событие и результат согласно силе внутри нее, она — процесс действия, несущего в себе плод и исход, включенные в его собственный характер и цель, которые мы называем в ее различных аспектах законом Природы, Кармой, Необходимостью и Судьбой. Эти вещи представляются для ума действием силы, находящейся снаружи или над ним, в которое он вовлечен и в котором он находится только посредством способствующего личного усилия, которое частично преуспевает и достигает цели, частично терпит неудачу и ошибается, и которое даже в успехе сильно отклоняется от результатов, иных и во всяком случае более великих и значительно дальше идущих, чем его собственное намерение. Воля человека работает в неведении при частичном свете или чаще в мерцаниях света, которые вводят в заблуждение настолько же, насколько освещают. Его ум — это неведение, старающееся создавать стандарты знания, его воля — это неведение, старающееся создать стандарты права, и как результат, вся умственная система человека очень сильно напоминает дом, разделенный между владельцами, идея в конфликте с идеей, воля часто в конфликте с идеалом права или интеллектуальным знанием. Сама воля принимает различные формы: воля рассудка, прихоти эмоционального ума, желания и страсти виталического существа, побуждения, слепые и полуслепые понуждения нервной и подсознательной природы, — и все это ни коим образом не образует гармонии, но, самое лучшее, случайное и непрочное согласие среди разногласий. Воля ума и жизни везде ошибается в поиске правильной силы, правильного Тапаса, которого можно достигнуть целиком в его полном свете и верном направлении только через единство с духовным и сверхразумным бытием.

Сверхразумная природа, напротив, точна, гармонична и едина, там воля и знание — только свет духа и сила духа, сила, производящая свет, свет, освещающий силу. В высшем сверхразуме они тесно сплавлены вместе и даже не сопровождают друг друга, а являются одним движением, воля, освещающая сама себя и само себя исполняющее знание, и вместе они — единый струящийся поток существа. Ум знает только настоящее и живет в этом изолированном движении, хотя он пытается помнить и удерживать прошлое, и также предвидеть и подчинять будущее. Сверхразум владеет видением трех времен, *trikaladr sti*; он видит их как неразделимое движение, видит также каждое время, содержащее в себе другие. Он осознает все стремления, энергии и силы как разнообразную игру единения, знает их соотношение друг с другом в едином движении единого духа. Сверхразумная воля и действие — это, следовательно, воля и действие спонтанной самовыполняющейся истины духа, прямое и, на высочайшем уровне, безошибочное движение непосредственного и полного знания.

Верховный и вселенский Сверхразум — это активный Свет и Тапас верховного и вселенского Я, проявляющегося в качестве Господина и Творца, это то, что мы начинаем познавать в Йоге как божественную Мудрость и Силу, вечное знание и волю Ишвары. На высших уровнях Бытия, где все известно и все проявляется как существования единого существования, как сознания единого сознания, самосотворение восторга единой Ананды, где много истин и сил одной Правды, идет цельное, неделимое и интегральное проявление его духовного и сверхразумного знания. И на соответствующих уровнях нашего собственного существа Джива участвует в духовной и сверхразумной природе, живет в ее свете, силе и блаженстве. По мере того, как мы спускаемся ближе к тому, чем мы являемся в этом мире, присутствие и действие этого самознания уменьшается, но всегда сохраняется его сущность и характер, если не полнота

сверхразумной природы и его способ познания, проявления воли и действия, потому что это самознание все еще живет в сущности и в самом теле духа. Когда мы прослеживаем опускание я к материи, мы видим ум как ответвление, которое отходит все дальше от полноты я, полноты его света и бытия, и которое живет в разделении и отклонении, не в самом теле солнца, но сначала в его ближайших, а затем в его отдаленных лучах. Есть высочайший интуитивный ум, более близкий к сверхразумной истине, который воспринимает ее, но даже он уже является формацией, заслоняющей прямое и более великое подлинное знание. Есть интеллектуальный ум, который, подобно матовой наполовину светонепроницаемой крышке, прерывает и отражает льющийся свет, искривляет его лучи в своей светопреломляющей среде, скрыто видоизменяя истину, известную сверхразуму. Есть еще более низкий ум, построенный на фундаменте чувств, между ним и солнцем знания лежит плотное облако, эмоциональный и чувственный туман, через которое то тут, то там проходят вспышки и сверкания света. Есть виталический ум, который напрочь закрыт даже от света интеллектуальной истины, и еще ниже в подумственной жизни и материи дух полностью вовлекает себя как бы в сон и ночь, сон, погруженный в тусклое, но все же мучительное и беспокойное сновидение, в оцепенение механической сомнамбулической энергии. Именно в ре-эволюции духа из этого самого низкого состояния мы обнаруживаем себя на уровне, возвышающемся над более низким творением, принявшими его всего в себя и достигающими в нашем восхождении не далее, чем только света хорошо развитого умственного рассудка. Полные силы самознания и просвещенной воли духа находятся все еще выше ума и рассудка в сверхразумной Природе.

Если дух пребывает везде, даже в материи, — фактически материя сама является только скрытой и затемненной формой духа, — и если сверхразум есть вселенская сила духовного всемогущего самознания, организующая все проявления бытия, тогда в материи и везде должно присутствовать сверхразумное действие и, как бы ни было оно скрыто другим, низшим и непросветленным видом действия, все же когда мы посмотрим пристально, мы обнаружим, что действительно именно сверхразум организует материю, жизнь, ум и рассудок. И фактически, он есть то знание, к которому мы в настоящее время движемся. Есть даже вполне явное внутреннее действие сознания, постоянное в жизни, материи и уме, которое является чисто сверхразумным действием, подчиненным характеру и потребности низшего проводника, и которое мы сейчас называем интуицией по его наиболее очевидным характеристикам прямого видения и самодействующего знания, подлинного видения, рожденного от некоторой скрытой тождественности с объектом знания. То, что мы называем интуицией, однако, есть только частичное указание присутствия сверхразума, а если мы рассмотрим это присутствие и силу в ее широчайшем характере, мы увидим, что это именно та скрытая сверхразумная сила с самосознающим знанием в ней, которая наполняет все действие материальной энергии. Именно она определяет то, что мы называем законом природы, поддерживает действие каждой вещи согласно ее собственной природе, гармонизирует и развивает целое, которое иначе было бы случайным созданием, склонным в любой момент разрушиться в хаосе. Весь закон природы точен в неотвратимости его процесса, однако уже по причине этой неотвратимости неизменности правила, соотношения, сочетания, приспособления и следствия являются для нас необъяснимым явлением, в котором мы на каждом шагу наталкиваемся на тайну и чудо, и это должно быть или потому, что это проявление иррационально и случайно даже в его регулярности, или потому, что оно сверхрационально, поскольку его истина принадлежит к закону более великому, чем закон нашего интеллекта. Этот исходный закон — сверхразумный; этот, так сказать, спрятанный секрет Природы есть организация каких-либо проявлений из бесконечных возможностей самосуществующей истины духа, природа которых целиком очевидна только первоначальному знанию, рожденному и проистекающему из сущностной

тождественности, из постоянного самовосприятия духа. Все действие жизни также имеют этот характер, и все действие ума и интеллекта, — того интеллекта, который первым должен везде осознавать действие более великого разума и закона бытия, должен пытаться представить его посредством своих собственных концептуальных структур, хотя он не всегда воспринимает, что это работает нечто иное, чем умственный Интеллект, иное чем интеллектуальный Логос. Все эти процессы являются фактически духовными и сверхразумными в их тайном управлении, но они — умственные, виталические и физические в их открытом течении.

Внешняя материя, жизнь, ум не владеют этим оккультным действием сверхума, даже и в то время, когда захваченный и принужденный необходимостью он накладывается на их работы. Есть нечто, что мы иногда склонны называть разумом и волей, действующими в материальной силе и атоме, хотя эти наименования звучат ложно, поскольку это действующее нечто фактически не подобно нашей собственной воле и разуму, — давайте назовем это скрытой завуалированной интуицией самосуществования в работе, — однако атом и сила не осознают ее, и представляют собой только темное тело материи и силы, созданное ее первым усилием самопроявления. Присутствие такой интуиции делается более очевидным для нас во всем действии жизни, поскольку оно ближе к нашему собственному масштабу. И по мере того, как жизнь развивает такое открытое чувство и ум, как в животном создании, мы можем говорить более уверенно о жизненной интуиции, которая стоит за процессами жизни, и которая появляется в животном уме в ясной форме инстинкта, — инстинкт, автоматическое понимание, вселенное в животное, уверенное, прямое, самосуществующее, самонаправляющее, которое выражает где-то в его существе точное знание цели, связи, явления и объекта. Интуиция действует в жизненной силе и уме, но все же поверхностная жизнь и ум не владеют ею и не могут дать отчет о том, что она делает или контролирует, или на что распространяет силу по своей воле и желанию. Здесь мы наблюдаем две вещи, первая, что открытая интуиция действует только для ограниченной необходимости и цели, и что в остальных процессах природы есть двойное действие, одно — неуверенное и несведущее действие поверхностного сознания, другое — засознательное, заключающее в себе тайное не осознаваемое указание. Поверхностное сознание полно слепых исканий, неуверенных попыток, которые скорее возрастают, чем убавляются по мере того, как жизнь поднимается по ее лестнице и расширяется в охвате своих сознающих сил; однако тайное я внутри обеспечивает, вопреки исканиям виталического ума, действие природы и результат, нужный для настоящей потребности, цели и судьбы существа. Так продолжается на все более и более высоком подъеме по ступеням вверх до уровня человеческого рассудка и интеллекта.

Существо человека также полно физических, виталических, эмоциональных, психических и динамических инстинктов и интуиции, но он не полагается на них, как это делает животное, — хотя они в нем способны на значительно больший охват и большее действие, чем в животном и еще более низком создании по причине его более великого современного эволюционного развития и еще более великой возможности развития его существа. Человек подавил их, прекратил их полное и открытое действие до атрофии, — хотя эти способности не уничтожены, но, скорее, сдержаны или отброшены назад в неосознаваемое сознание, — и следовательно, эта низшая часть человеческого существа намного менее уверена в себе и намного менее доверяет указаниям своей природы, значительно чаще, вопреки большому размаху своих способностей, идет ощупью, блуждает и ошибается, чем животное в своих меньших границах. Это происходит потому, что подлинная Дхарма человека и закон бытия состоит в том, чтобы искать более великого самосознающего существования, самопроявления, не затемненного и управляемого невежественной потребностью, но просвещенного, сознающего то, что выражает себя и способного дать этому еще более полное и более совершенное выражение. И в конце концов, его

кульминация должна быть в том, чтобы отождествить себя со своим величайшим и подлинным Я и действовать, или, скорее, позволить ему действовать, поскольку природное существование человека представляет собой инструментальную форму выражения духа, в его спонтанной совершенной воле и знании. Человеку первым инструментом для такого перехода служит разум и воля разумного понимания, и человеком движет побуждение полагаться на разум по мере его развития для получения знания и руководства, и предоставить ему контроль над остальным своим существом. И если бы разум был высочайшим и величайшим, целиком достаточным средств Я и духа, человек мог бы, пользуясь им, знать совершенно и руководить совершенно всеми движениями своей природы. Этого он не может сделать полностью, поскольку его собственное я больше, чем его разум, и если бы человек ограничивал себя рациональной волей и интеллектом, он наложил бы капризное и деспотическое ограничение как на степень, так и на вид своего саморазвития, самовыражения, на знание, действие, на Ананду. Другие части его существа также требуют полного выражения в огромности и совершенстве человеческого я, и не смогут иметь этого, если их выражение видоизменено, подрезано и подрублено, произвольно приспособлено и механизировано в действии негибким механизмом рационального интеллекта. Божество разума, интеллектуальный Логос, есть только частичный представитель и заместитель более великого сверхразумного Логоса, и его функция в том, чтобы налагать предварительное частичное знание и порядок на жизнь создания, но подлинный заключительный и интегральный порядок может быть основан только духовным сверхразумом при его появлении.

Сверхразум в низшей природе наиболее сильно представлен как интуиция, и, следовательно, именно посредством развития интуитивного ума мы можем сделать первый шаг к самосуществующему, спонтанному и прямому сверхразумному знанию. Вся физическая, виталическая, эмоциональная, психическая, динамическая природа человека — это поверхностное схватывание внушений, которые поднимаются наружу из неосознаваемого интуитивного собственного бытия этих частей, и это попытка, обычно ощупью и часто окольно, ввести их в действие внешнего воплощения и силы природы, которая не освещена открыто внутренней силой и знанием. Возрастающий интуитивный ум имеет наилучшую возможность обнаружить то, что ищут остальные части существа, и возможность вести их к желаемому совершенству их самовыражения. Сам рассудок есть только особый осуществленный поверхностным согласующим интеллектом вид применения внушений, которые действительно приходят из скрытой, а иногда частично открытой и активной, силы интуитивного духа. Во всем его действии, в скрытой или наполовину скрытой начальной точке есть что-то, что не является созданием разума, но передано ему или прямо через интуицию, или косвенно через некоторую другую часть ума, для обращения в интеллектуальную форму и процесс. Рациональное суждение в своих заключениях и механическом процессе логического понимания, в своих ли более общих или в более развитых операциях, скрывает, пока разум развивается, подлинный источник и природную сущность нашей воли и мышления. Величайшими умами являются те, в которых эта вуаль становится прозрачной, но несомненно, что наибольшая часть интуитивного мышления часто, но не всегда, несет с собой огромное сопровождающее проявление интеллектуального действия. Как бы то ни было, интуитивный рассудок в современном уме человека никогда не бывает совершенно чист и полон, потому что он работает в проводнике ума, он одновременно захвачен и сплошь покрыт смешанным хламом умственного сознания. Он пока еще не выявлен, не развит, не усовершенствован так, чтобы быть достаточным для всех действий, теперь выполняемых другими умственными инструментами, не подготовлен, чтобы возвысить их и изменить их, или заменить их своими собственными, полнейшими, наиболее прямыми, уверенными и достаточными работами. Действительно, это может осуществиться только, если мы сделаем интуитивный ум промежуточным средством выявления самого тайного сверхразума,

умственным отражением которого он является, и средством формирования в нашем фронтальном сознании главной основы и инструмента сверхразума, что сделает возможным для Я и духа показать себя в своей собственной огромности и великолепии.

Нужно помнить, что всегда есть различие между верховным сверхразумом всеведущего и всемогущего Ишвары и тем сверхразумом, который может быть достигнут Дживой. Человеческое существо поднимается из неведения, и когда человек станет восходить в сверхразумную природу, он найдет ступени этого восхождения, и он должен первым делом оформить нижние стадии и ограниченные шаги, прежде чем он поднимется к более высоким вершинам. Там человеческое существо будет наслаждаться полным сущностным светом, силой, Анандой бесконечного Я через единство с Духом, но в динамическом выражении оно должно определять и индивидуализировать себя согласно той природе самовыражения, которой трансцендентный и вселенский Дух добивается от Дживы. Именно Богоосуществление и Боговыражение составляет цель нашей Йоги, а тем более ее динамической стороны; это божественное самовыражение Ишвары в нас, но при условиях человеческой природы и через ее обожествление.

ПОДЛИННАЯ сущность Сверхразума — это самосознание и все охватывающее сознание Бесконечности, вселенского Духа и Я, проявленного в объектах, сознание, организующее на основе и согласно характеру прямого самознания свою собственную мудрость и действенное всемогущество для разворачивающегося в определенном порядке действия вселенной и всего сущего во вселенной. Это, как мы можем сказать, гносис Духа, властелина своего собственного космоса, *atma, jnata, isvarah*. Как он знает себя, так же он знает и все сущее, ибо все сущее — это только становление его самого, знает прямо, полностью и изнутри наружу, спонтанно в деталях и устройстве, каждую вещь в истине ее сущности и природы и в ее связи со всеми другими вещами. И он знает подобным же образом все действие своей энергии в предыдущем, причину и обстоятельство проявления, результат и следствие, знает все вещи в безграничной и в ограниченной возможности, в выборе их действительности, в последовательности их прошлого, настоящего и будущего. Организующий сверхразум божественного бытия во вселенной будет иметь полномочия этого всемогущества и всеведения для успеха в сфере своего собственного действия и природы, и всего того, что входит в эту область. Сверхразум в индивидууме будет подобным же уполномоченным на любом уровне и в любой области. Но если в божественном он предназначен быть прямым и непосредственным представителем силы, неограниченным в себе и только лимитированным в действии, а в других отношениях неизменным в процессе, естественным для существа, всегда полным и свободным, то в человеке любое проявление сверхразума должно быть постепенным и сначала будет несовершенным, а по отношению к его обычному уму — деятельностью необычной и сверхнормальной воли и знания.

Сначала сверхразум не будет для человека врожденной силой, которой он всегда непрерывно обладает, но только скрытой возможностью, которая должна быть обнаружена, такой, для которой нет органов в его теперешней физической и умственной системе; человек должен или развить для него новый орган, или кроме, приспособить или преобразовать существующие органы и сделать их применимыми для этой цели. Человек должен не только обнаружить в неосознаваемых недрах своего тайного бытия спрятанное солнце сверхразума, или развеять тучу своего умственного невежества, скрывающую лик сверхразума в духовных небесах, чтобы светило засияло во всем своем блеске. Его задача намного более комплексная и сложная, поскольку человек — это эволюционное существо, и посредством эволюции Природы, частью которой он является, в нем был основан низший вид знания, и эта низшая, эта умственная сила знания образует своим упорным привычным действием препятствие для новой формации, более великой, чем его собственная природа. Действующий в своих пределах думающий интеллект, просвещающий ограниченный ум чувства, а также способность, не всегда хорошо использованная, к значительному расширению этого ума посредством использования рассудка, представляют собой силы, которыми он в данное время отличается ото всех других земных созданий. Этот чувствующий ум, этот интеллект, этот рассудок, как бы ни были они несовершенны, являются инструментами, которым человек научился доверять и посредством которых он соорудил себе определенные основы, нарушать которые он не слишком хочет, и прочертил границы, вне которых он чувствует полное замешательство, неуверенность и поджидающую опасность. Кроме того, переходный период к высшему принципу означает не только трудное изменение всего ума, рассудка и интеллекта, но в некотором смысле, перемену направления всех их методов. Душа, поднимающаяся выше определенной критической линии изменения, видит, что все ее прежние действия были низшими и несведущими, и должна

совершать другой вид работы, которая начинается от другой исходной точки, и пользуется совершенно другим видом возбуждения энергии существа. Если животный ум был призван сознательно оставить надежные и безопасные пределы чувственного импульса, чувственного понимания и инстинкта ради рискованных приключений рассуждающего интеллекта, он, встревоженный и несклонный к усилию, вполне мог вернуться назад. Человеческий ум здесь был призван сделать еще большее изменение, но сознавая себя и имея смелость и предприимчивость в кругу своих возможностей, он вполне мог придерживаться этого вместо выхода за границы своего круга и мог отказаться от рискованного путешествия. Фактически, изменение возможно только в том случае, если, во-первых, есть духовное развитие на нашем теперешнем уровне сознания, и это изменение может быть надежно осуществлено только тогда, когда ум осознал еще более великое я внутри, влюбленное в Бесконечное и уверенное в присутствии и руководстве Божественного и его Шакти.

Задача этого изменения сводится сначала к прохождению через промежуточный статус с помощью определенной силы, уже работающей в человеческом уме, силы, которую мы можем распознать как нечто сверхразумное по ее природе или, по крайней мере, по ее источнику, дара интуиции, силы, присутствие, работу и влияние которой мы можем чувствовать, когда она действует через ее высшую эффективность, свет, прямое вдохновение и мощь, но которую мы не можем понять или анализировать, как мы понимаем или анализируем работы нашего разума. Рассудок понимает себя, но не то, что выше его, — об этом он может составить только общее представление или образ; один сверхразум может различать методы своих собственных работ. Сила интуиции в настоящее время действует в нас по большей части в завуалированной форме, скрытая и вовлеченная в действие рассудка и обычного интеллекта, что главным образом и маскирует ее; если же она появляется в совсем отдельном действии, это появление имеет еще случайный, частичный, фрагментарный и прерывистый характер. Она проливает внезапный свет, делает освещающий намек или подкидывает один блистательный ключ к решению, посылает несколько разрозненных или же связанных догадок, блестящих прозрений, вдохновений и открытий, и она предоставляет рассудку, воле, умственному чувству или интеллекту делать все, что каждый может или хочет с этой крупницей помощи, которая заброшена к ним из глубин или высот нашего существа. Умственные силы немедленно приступают к завладению этими посланиями, начинают манипулировать ими и использовать их для наших умственных или жизненных целей, приспособлять их к формам низшего знания, покрывать их или пропускать через умственное вещество и предположение, часто изменяя их истину в этом процессе и всегда ограничивая их потенциальную силу просвещения из-за этих приращений и из-за этого подчинения крайностям низшего посредника, и почти всегда умственные силы делают сразу и слишком мало, и слишком много из этих посланий, слишком мало из-за того, что не дают им времени обосновать и расширить их полную сил освещения, слишком много потому, что настаивают на полученных посланиях или, скорее, на форме, в которую ум облекает их, исключая этим значительно большую истину, которая более согласованным использованием интуитивной способности могла бы быть получена. Таким образом, интуиция, вторгающаяся в обычные умственные процессы, действует освещающими вспышками, что озаряет пространство истины, но не дает постоянного солнечного света, ярко и ровно освещающего все пределы, все царство нашей мысли, воли, чувства и действия.

Сразу явствует, что есть две необходимые линии развития, которым мы должны следовать, и первая в том, чтобы расширять действие интуиции и делать его более постоянным, более устойчивым, регулярным и все обнимающим до тех пор, пока оно не станет таким обычным и свойственным для нашего существа, что сможет взять всю работу, сейчас совершаемую обычным умом, и занять его место во всей системе. Это не может быть полностью осуществлено, пока

обычный ум продолжает отстаивать свою силу независимого действия и вмешательства, или свою привычку захватывать свет интуиции и манипулировать им для своих собственных целей. Более высокая умственная способность не может быть полной и надежной, пока низший интеллект способен деформировать ее или даже вносить в нее что-либо из своей собственной мешанины. И затем каждого мы должны всецело успокоить, и интеллект, и интеллектуальную волю, и другую низшую деятельность, и оставить место только для интуитивного действия, или же мы должны возложить на низшее действие постоянное давление интуиции и тем преобразовать его. Или, кроме того, должно быть чередование и сочетание двух методов, чтобы интуиция могла стать наиболее естественным способом или вообще возможна. Современное состояние и опыт Йоги выявляет возможности нескольких методов или движений, ни один из которых сам по себе не производит полного результата в практике, хотя с первого взгляда может казаться, что логически каждый метод должен был или мог бы быть достаточным. И когда мы, научившись не настаивать ни на одном особенном методе, как единственно правильном, предоставляем все движение великому руководству, мы обнаруживаем, что божественный Владыка Йоги поручает своей Шакти использовать то или другое движение в разное время и все их сочетания согласно потребности, складу и природе существа.

Сначала мог бы показаться прямым и правильным путь, на котором стремятся привести к полному молчанию ум, успокоить интеллект, умственную и личную волю, ум желания, ум эмоции и ощущения, и в этой совершенной тишине позволить Я, Духу, Божественному раскрыть себя и предоставить ему освещать существо сверхразумным светом, силой и Анандой. И это в самом деле великая, полная силы дисциплина. Именно тихий, спокойный ум намного легче и быстрее, со значительно большей чистотой, чем ум возбужденный и активный, открывается к Бесконечному, отражает Дух, становится полным Я и ожидает, подобно освященному и очищенному храму, появления Владыки всего нашего существа и природы. Правда и то, что свобода этой тишины дает возможность шире развернуться интуитивному существу и без затруднений и суматохи умственного поиска и захвата позволяет появляться великим догадкам, вдохновениям, откровениям, которые выходят изнутри или опускаются сверху. Это, следовательно, огромное приобретение в развитии, если мы сможем достигнуть способности всегда по желанию располагать абсолютным спокойствием и тишиной ума, свободной от всякой настоятельности умственной мысли или движения и волнения и, покоясь в этой тишине, разрешить мысли, воле и чувству происходить в нас только тогда, когда этого хочет Шакти, и когда это необходимо для божественной цели. Это становится легче, если изменить манеру и характер мысли, воли и чувства. Тем не менее, это не является фактом, что посредством этого метода сверхразумный свет немедленно заменит низший ум и размышляющий разум. Когда внутреннее действие приступает к работе после установления тишины, даже если оно тогда станет преимущественно интуитивной мыслью и движением, старые силы все же будут вредить, если не изнутри, то через сотню внушений снаружи, и умственная деятельность низшего уровня будет примешиваться, будет подвергаться сомнению или препятствовать, будет пытаться завладеть более великим движением, снизить, затемнить, исказить или уменьшить его в ходе его развития. Поэтому необходимость процесса исключения или преобразования низшего уровня ума остается всегда обязательной, — или, возможно, нужны сразу оба, и исключение всего, что сродни низшему существу, уродующих случайностей, снижения ценности и искажения сущности и всего того, чему великая истина не может давать пристанища, так и преобразование выражения сущностных знаний, которые наш ум получает из сверхразума и духа, но представляет в форме умственного невежества.

Другое движение — это движение, приходящее естественно к тем, кто начинает Йогу с интуиции, что присуще для пути Бхакти. Для них свойственно отвергать и признавать негодным

интеллект и его действие и слушать голос, ждать побуждения или команды, *adesa*, повиноваться только идее, воле и силе Господина внутри них, божественного Я и Пуруши в сердце существа, *isvarah sarvabhutanam hrddese*. Это движение, которое должно склоняться все более и более к проникновению интуиции во все действия человеческой природы, ибо идеи, воля, побуждения, чувства, которые приходят от тайного Пуруши в сердце, имеют прямой интуитивный характер. Этот метод согласуется с определенной истиной нашей природы. Тайное Я внутри нас — это интуитивное Я, и оно присутствует в каждом центре нашего существа, физическом, нервном, эмоциональном, волевом, концептуальном или познавательном и в еще более высоких, непосредственно духовных центрах. И в каждой части нашего существа оно тайно вызывает интуитивное начало наших действий, которое несовершенно принято и исполнено нашим внешним умом и превращено в движения неведения во внешнем действии этих частей нашей природы. Сердце или эмоциональный центр думающего и желающего ума — это сильнейший центр в обычном человеке, оно собирает или, по крайней мере, влияет на представление фактов сознанию и является главным в системе. Именно оттуда Владыка Бог, пребывающий в сердце всех творений, направляет их, посаженных в колесницу Природы Майей умственного неведения. Возможно затем, путем передачи всей инициативы нашего действия этому тайному интуитивному Я и Духу, всегда присутствующему Божеству внутри нас, и замены этим влиянием инициативы нашей личной и умственной природы, вернуться от низшей внешней мысли и действия к другой, внутренней и интуитивной мысли, высоко одухотворенного характера. Тем не менее результат этого движения не может быть полным, потому что сердце не является высочайшим центром нашего существа, оно — не сверхразумный центр или центр, прямо получающий управление от сверхразумных источников. Интуитивная действующая мысль, направленная из него, может быть очень ясной и интенсивной, но она вынуждена быть ограниченной, даже узкой в своей интенсивности, смешанной с низким эмоциональным действием и, в лучшем случае, взволнованной и беспокойной, несбалансированной, преувеличенной из-за сверхъестественного или аномального характера своего действия, или, по крайней мере, многих своих сопровождений, что пагубно ущемляет гармоничное совершенство человека. Цель нашего устремления к совершенству должна заключаться в том, чтобы сделать духовное и сверхразумное действий более не чудом, даже не частым или постоянным чудом, или только светоносным вмешательством более великой, чем наша природа, силы, но обычным для существа и совсем естественным состоянием, и правилом всего его проявления.

Высочайший организационный центр нашего воплощенного существа и его действия в теле — это верховный умственный центр в макушке головы, изображаемый Йогическим символом тысячелепесткового лотоса, *sahasradala*, и именно на его вершине осуществляется прямая связь со сверхразумными уровнями. Возможно, следовательно, принять другой и более прямой метод, не передавать всю нашу мысль и действие Божеству, скрытому в сердце-лотосе, но отсылать ее к завуалированной истине Божественности над умом и получать все посредством некоторого вида опускания сверху, опускания, которое мы осознаем не только духовно, но и физически. Сиддхи, или полное завершение этого движения, может придти только, когда мы способны поднять центр мысли и сознательного действия над физическим мозгом и чувствовать его продолжающимся в тонком теле. Если мы можем ощущать, что думаем уже не мозгом, но выше и снаружи головы в тонком теле, то это означает надежный физический признак избавления от ограничений физического ума, и хотя такое мышление не будет полным и завершенным сразу и не принесет само по себе сверхразумного действия, ибо тонкое тело относится к умственному, а не к сверхразумному, все же эта тонкая и чистая способность мышления создает более легкую связь со сверхразумными центрами. Низкие движения еще будут неизбежно приходить, но

обнаружено, что тогда значительно легче подняться до быстрой и тонкой пронизательности, говорящей нам сразу о разнице движений, отличающей интуитивную мысль от более низкой интеллектуальной смеси, отделяющей ее от ее умственных слоев, отбрасывающей простые скорости ума, которые имитируют форму интуиции, не являясь ее подлинной сущностью. Будет легче видеть и быстрее распознавать более высокие уровни подлинного сверхразумного существа, призывать вниз их силу для выполнения желанного преобразования, легче отсылать к верховной силе и свету все низшее действие, которое он может забраковать и устранить, очистить и преобразовать, отобрать среди них свой верный материал для Правды, что должна быть организована внутри нас. Это раскрытие вверх к более высокому уровню и все более и более высоким его планам, это последовательное преобразование всего нашего сознания и его действия в форму и сущность их силы и светоносной способности заложена в практике, чтобы быть большей частью естественного метода, использованного божественной Шакти.

Четвертый метод является методом, который естественно предлагается развитому интеллекту и подходит для думающего человека. Это — развитие нашего интеллекта вместо его устранения, но с намерением не сохранять его ограничения, а повышать его способность, свет, интенсивность, степень и силу действенности, пока он не подойдет к границам того уровня, который превосходит его, и когда он может быть легко поднят и преобразован в это более высокое сознательное действие. Это движение тоже основано на истине нашей природы и входит в направление и движение полной Йоги самосовершенствования. Этот ход, как Я уже описал его, заключается в повышении и увеличении действия наших природных инструментов и сил, пока они не обоснуют в своей чистоте и неотъемлемой полноте подготовительное совершенство теперешнего обычного движения Шакти, что действует в нас. Разум с интеллектуальной волей, Буддхи, является сильнейшим среди этих сил и инструментов, разум — это естественный лидер остальных компонентов в развитом человеческом существе, наиболее способный помочь другим в развитии. Обычные активные силы нашей природы, а во всех из них есть польза для более великого совершенства, которое мы ищем, предназначены превратиться в материал для чистых сил, и чем значительнее и больше их развитие, тем плодотворнее подготовка для сверхразумного действия.

Интеллектуальное существо в процессе Йоги тоже должно быть подхвачено Шакти и поднято до его полнейших и высочайших способностей. Последующее преобразование интеллекта возможно потому, что все его действие скрыто проистекает из сверхразума, каждая мысль, каждое волеизъявление содержит некоторую истину сверхразума, хотя и ограниченную, измененную низшим действием рассудка. Преобразование может быть осуществлено устранением ограничения и исключением искажающего и извращающего элемента. Это, однако, не может быть сделано только повышением и увеличением интеллектуальной активности, поскольку она всегда будет неизбежно ограничена присущими разуму недостатками. Необходимо вмешательство сверхразумной энергии, которая может осветить и избавить разум от недостатков мысли, воли и чувства. Это вмешательство также не может быть полностью эффективным, пока сверхразумный уровень проявлен и действует только над умом, над его колпаком или над умственной вуалью, какой бы тонкой не была окутывающая разум вуаль, но будет действенным, когда проявится более постоянно в открытом и светлом действии, продолжаясь до тех пор, пока не взойдет полное солнце Правды, и ни единое облачко не будет омрачать ее ослепительного блеска. Нет необходимости развивать интеллект до полноты отдельно и, пока интеллектуальное развитие не завершится, не призывать вниз высшее вмешательство и раскрытие этим вмешательством сверхразумных уровней. Это вмешательство может придти и раньше, может сразу развить интеллектуальное действие и обратить его при этом развитии в более высокую интуитивную форму и субстанцию.

Наиболее широкое естественное действие Шакти сочетает все эти методы. Это создает иногда в начале, иногда на некоторой более поздней, возможно и на позднейшей стадии, свободу духовной тишины. Объединенное действие открывает тайное интуитивное существо внутри самого ума и приучает нас отсылать всякую нашу мысль, наше чувство, волю и действие к Божественной инициативе, к Великолепию и Силе, которые сейчас спрятаны в тайных глубинах сердца. Это действие, когда мы готовы, поднимает центр своих работ к умственной вершине, раскрывает сверхразумные уровни и развивается двояким образом посредством воздействия сверху вниз, наполняющего и трансформирующего низшую природу, и движения снизу вверх, поднимающего все энергии к тому, что над ними, до тех пор пока превосхождение не будет завершено, и изменение всей системы целиком будет выполнено. Шакти принимает и развивает интеллект, волю и другие природные силы, но постоянно привносит интуитивный ум, а впоследствии, и подлинную сверхразумную энергию, чтобы изменить и расширить их действие. Все это делается не в установленном и механически неизменном порядке, какого, к примеру, жесткость логического интеллекта могла бы потребовать, но свободно и гибко, согласно нуждам и запросам своей работы и потребностям природы.

Первый результат не будет созданием подлинного сверхума, но организацией преобладающе интуитивного или даже полностью интуитивного ума, достаточно сформированного, чтобы занять место обычного ума, и логически рассуждающего интеллекта развитого человеческого существа. Наиболее выдающимся изменением будет трансмутация мысли, усиленной и наполненной этой субстанцией концентрированного света, концентрированной силы, концентрированной радости света и силы, а так же той прямой точностью, которые являются знаками подлинного интуитивного мышления. Не только начальные откровения истин и быстрые заключения будет давать этот ум, но он также будет вести с тем же самым светом, силой, радостью верного и прямого спонтанного видения истины связующие и выявляющие операции, сейчас проводимые интеллектуальным рассудком. Воля также изменится и обретет тот же интуитивный характер, будет прямо, со светом и силой приступать к тому, что должно быть сделано, *kartavyam karma*, и будет быстрым видением возможностей и действительности расставлять их комбинации, необходимые для своего действия и цели. Чувства также будут интуитивными, владеющими правильными отношениями, действующими с новым светом, силой и радостной уверенностью, будут поддерживать только праведные и спонтанные желания и эмоции, пока они будут возникать, а когда они пройдут, все заменится светлой и спонтанной любовью и Анандой, которая знает и сразу завладевает подлинной *rasa* своих объектов. Все другие умственные движения будут подобным же образом освещены, даже и пранические, и сенсорные движения, даже и сознание тела. Обычно будет происходить и некоторое развитие психических способностей, сил и восприятий внутреннего ума и его чувств, не зависящих от внешнего чувства и рассудка. Интуитивный ум будет не только более сильным и более светлым, но способным и на значительно более широкое действие, чем обычный ум того же самого человека до этого развития Йоги.

Этот интуитивный ум, если бы его можно было сделать совершенным в его природе, отделить ото всякого низшего элемента, то даже и не сознавая свои собственные ограничения и огромность сверхума над ним он мог бы образовать другой определенный статус и установленный уровень развития, подобно определенному положению инстинктивного ума животного или рассуждающего ума человека. Но интуитивный ум не может быть постоянно совершенным и самодостаточным иначе, как через посредство открывающей силы сверхума над ним, и сверхум сразу показывает его ограничения и делает из него переходное действие, промежуточное между интеллектуальным умом и подлинной сверхразумной природой. Интуитивный ум — это все еще ум, а не гносис. Он в самом деле является светом сверхума,

но это свет — видоизмененный и ослабленный прохождением через вещество ума, в котором ум работает, а вещество ума всегда создает основу неведения. Интуитивный ум — это все еще не широко разлившийся свет солнца истины, но постоянная игра его вспышек, освещающая основное состояние неведения, полужнания и непрямого знания. Пока он несовершенен, он захвачен мешаниной несведущего ума, который противоречит его истине своей склонностью к ошибке. После того, как интуитивный ум достигнет более широкого природного действия, более свободного от этого смещения, даже тогда, поскольку вещество ума, в котором он работает, способно на старую интеллектуальную или низшую умственную привычку, он подчинен приращению ошибки, помрачению и многим другим видам рецидивов. Кроме того, индивидуальный ум не живет один и сам по себе, но пребывает во всеобщем уме, и все, что он отверг, бывает спущено в общий ум, излито в атмосферу вокруг него, и все это стремится вернуться и захватить его прежними внушениями и многими побуждениями старого умственного характера. Интуитивный ум, растущий или выросший, должен, следовательно, быть постоянно на страже против вторжений и приращений, на страже, чтобы отражать и устранять смещения, все более и более пронизывая интуицией все вещество ума, и это может быть доведено до конца только, если он сам будет освещен, трансформирован, поднят вверх в полный свет сверхразумного бытия.

Однако, хотя этот новый ум в каждом человеке является развитием теперешней силы его существа, новым и замечательным его развитием, его организация заключена в определенных пределах возможностей. Он может ограничить себя послушной работой на теперешнем уровне достигнутых способностей, но природа ума, открытого к бесконечному, должна развиваться, изменяться и расширяться. Ум, отважившийся выйти за эту границу, — там снова может попасть в прежние интеллектуальные блуждания в неведении, как бы он ни был уже изменен новой интуитивной привычкой; и это до тех пор, пока он не будет полностью превзойден проявленным действием более полной сверхразумной светоносной энергии, которая будет постоянно вести его. Действительно, природа этого ума в том, что он является связующим звеном и переходом между теперешним умом и сверхразумом, и пока этот переход не завершен, иногда идет тяготение вниз, иногда устремление вверх, колебания, вторжение и притяжение снизу, вторжение и притяжение сверху, и в лучшем случае образуется неопределенное и ограниченное пребывание между двумя полюсами. Подобно тому, как более высокий интеллект человека расположен между животным и обычным человеческим умом снизу и развивающимся духовным умом над ним, так и этот первый духовный ум расположен между интеллектуализированным человеческим умственным сознанием и более великим сверхразумным знанием.

Природа ума состоит в том, что он живет между полусветом и темнотой, среди вероятностей и возможностей, в частично схваченных аспектах явлений, между неопределенностью и полуопределенностью; ум — это невежество, которое хватается за знание, стремится расширяться и давит на скрытое тело подлинного гносиса. Сверхразум живет в свете духовной уверенности, он для человека открывает сам материк знания в его естественной лучезарности. Интуитивный ум сначала появляется как озарение умственных полусветов, его вероятностей и возможностей, его точек зрения, его неопределенных достоверностей, его представлений, как открытие истины, скрытой, полускрытой и полупроявленной этими умственными представлениями, а в своем более высоком действии интуитивный ум — это первое привнесение сверхразумной истины прямой непосредственностью видения, светлым указанием или памятью знания духа, чутьем, заглядыванием в окошко тайного вселенского самовидения и самознания бытия. Это первая несовершенная организация более великого света и силы, несовершенная потому, что сделана на умственном уровне, что не основана на собственной природной субстанции сознания, это постоянная связь, но еще не немедленная, не

постоянное присутствие. Осуществленное совершенство лежит выше на сверхразумных уровнях и должно быть основано на более решительном и полном преобразовании ума и всей нашей природы.

ИНТУИТИВНЫЙ ум — это немедленный перевод истины в умственные уровни, наполовину преобразованные излучающей сверхразумной субстанцией, перевод некоторого безграничного самознания, которое действует над умом в сверхсознательном духе. Этот дух мы начинаем осознавать как более великое я прямо над нами, в нас и вокруг нас, от которого наше теперешнее я, наша умственная, виталическая и физическая индивидуальность и природа есть незавершенная часть или частичное ответвление, или его низший и неадекватный символ, и по мере того, как интуитивный ум в нас растет, как все наше существо все более превращается в интуитивную субстанцию, мы чувствуем некоторое полупреобразование наших членов в природу этого более великого я и духа. Всякая наша мысль, воля, побуждение, чувство, даже, наконец, наши совсем внешние виталические и физические ощущения становятся все более и более прямыми передачами из духа и обретают другую, все более и более чистую, неволнуемую, мощную и светозарную природу. Это одна сторона изменения; другая состоит в том, что все, что еще принадлежит низшему существу, все, что пока кажется нам приходящим снаружи или пережитком действия нашей старой низшей индивидуальности, все это чувствует давление изменения и усиленно стремится измениться и преобразоваться в новую материю и природу. Более высокое сходит вниз и в значительной степени занимает место более низкого, но также и низшее изменяется, трансформируется в материал действия, становится частью субстанции более высокого существа.

Более высокий дух над умом появляется сначала как присутствие, свет, сила, источник, бесконечное, но все, что в нем для нас познаваемо — это бесконечная тождественность бытия, сознания, силы сознания, Ананды. Остальное приходит из этого познания, но не принимает определенной формы мысли, воли и чувства над нами в надумственном уровне, а пребывает только в интуитивном уме и на его уровне. Или мы чувствуем и разнообразно осознаем великую и бесконечную Пурушу, который и есть вечно живущая истина этого бытия и присутствия, великое и бесконечное знание, которое и есть сила этого света и сознания, великую и безграничную волю, которая и есть энергия этой силы сознания, великую и безбрежную любовь, которая и есть мощь этой Ананды. Однако, все эти силы известны нам только в какой-либо определенной форме, отдельно от подлинной реальности и глубокого результата их сущностного присутствия, поскольку они переведены в наше интуитивное умственное существо на его уровень и в пределах его границ. Однако, по мере того, как мы развиваемся и вращаем в более светлое и динамическое единение с тем духом или Пурушей, проявляется более великое действие знания и воли и духовного чувства, которое, кажется, организует себя над умом, и мы узнаем в этом подлинный сверхразум и подлинную природную игру бесконечного знания, воли и Ананды. Интуитивный ум тогда становится вторичным и низшим движением, сопровождающим эту более высокую силу, которая отвечает и соглашается со всеми ее освещенными и указаниями, передает их низшим членам, а когда они не достигают цели и не становятся немедленно очевидными, интуитивный ум часто пытается заменить, имитировать сверхразумное действие и выполнить насколько возможно работы сверхразумной природы. Он занимает фактически то же самое место и положение относительно этой более великой силы, какое занимал по отношению к интуитивному уму обычный интеллект на более ранней стадии Йоги.

Это двойное действие на двух уровнях нашего существа прежде всего усиливает интуитивный ум в качестве вторичного действия и помогает ему исключить вторжения и

разрастания неведения или его пережитков и полнее преобразовать их. Это действие все более и более усиливает сам интуитивный ум в свете знания и в конце концов превращает его в подобие самого сверхума, но, первоначально, в более ограниченном действии гносиса, где он принимает форму того, что мы могли бы называть светлым сверхумственным или святым разумом. Это тот святой разум, которым сверхум в самом начале процесса сам может проявлять свое действие, а затем, когда он изменит ум в свое подобие, он опускается и занимает место обычного интеллекта и разума. Тем временем более высокая сверхумственная сила, намного более мощная, уже появившаяся наверху, начинает осуществлять верховное руководство божественным действием в существе. Святой разум обладает более ограниченным характером, хотя в нем нет умственных штампов и хотя он является действием прямой реализации истины и знания, он является силой, направленной для исполнения ряда целей, хотя и более светлых, но все еще до определенной степени аналогичных целям обычной человеческой воли и разума; именно в еще более великий сверхум приходит прямое, вполне открытое и немедленное действие Ишвары в человеческом существе. Эти различия между интуитивным умом, святым разумом и еще более великим сверхумом, включая и другие переходные уровни внутри этих градаций, должны быть сделаны, потому что в конечном счете они имеют огромную важность. Сначала ум принимает все, что приходит сверху без разделения, как достаточное духовное освещение и даже принимает начальные состояния просвещения за окончательные, но после он обнаруживает, что отдыхать в этих состояниях означало бы задерживаться лишь в частичном осознании, и что человек должен продолжать возвышение и расширение пока, по крайней мере, не будет достигнута определенная полнота божественной широты кругозора и завершенность роста.

Трудно для интеллекта понять все, что имеется в виду под этими сверхумственными различиями; умственные выражения, в которых эти различия могут быть представлены, недостаточны или неадекватны, эти различия могут быть поняты только после получения определенного видения или после определенных приближений в переживании. Несколько указаний — вот все, что в настоящее время будет полезно дать. И первым будет достаточно взять из думающего ума определенные ключи, ибо именно там обнаруживаются эти некоторые из ближайших ключей к сверхумственному действию. Мысль интуитивного ума действует целиком за счет четырех сил, создающих форму истины, это интуиция, внушающая свою идею, интуиция различающая, вдохновение, которое несет свое слово и еще что-то из своей более великой сущности, и откровение, которое формирует видение самого лица и тела реальности. Эти силы не тождественны некоторым похожим движениям обычного умственного интеллекта, которые кажутся аналогами и легко, но ошибочно принимаются за подлинную интуицию при нашей первоначальной неопытности. Внушающая интуиция не тождественна умственной пронизательности быстрого интеллекта, интуитивное различение не тождественно быстрой оценке рассуждающего интеллекта; интуитивное вдохновение не тождественно вдохновленному действию одаренного воображением ума, как и интуитивное откровение — яркому свету чисто умственного глубокого понимания и опыта.

Было бы, возможно, правильно сказать, что эти вышеперечисленные проявления представляют собой умственные отражения более высоких движений, попытки обычного ума совершать то же самое или максимально близкие подражания функциям более высокой природы. Подлинные виды интуиции отличаются от этих эффективных, но недостаточных подделок по сущности их света, их действий, их метода познания. Интеллектуальные скорости зависят от пробужденности основного умственного неведения к умственным образам и представлениям истины, которые могут быть вполне действительными в их собственной сфере и для их собственной цели, но не являются необходимыми и из-за самой их природы ненадежны.

Они зависят в своем появлении от предложений, подсказанных умственными и сенсорными данными или от накопления прошлого умственного знания. Они ищут истину, как вещь, находящуюся снаружи, как объект, который должен быть найден, рассмотрен, сохранен как приобретение, и когда он найден, тщательно исследуют его поверхности, показатели и аспекты. Это исследование никогда не может дать совершенно полного и адекватного истине представления. Какими бы позитивными ни казались иногда эти умственные отражения, они в любой момент могут быть отставлены, отклонены и признаны несовместимыми с новым знанием.

Интуитивное знание, напротив, как бы ни было оно ограничено в своей области или в своем применении, внутри этой сферы надежно в немедленной, прочной и особенной самосуществующей несомненности. Оно может принять за начальную точку или скорее, за объект освещения и раскрытия в его подлинном значении, данные ума и чувства, и еще может возбудить ход прошлых мыслей и знания, направляя их к новым значениям и результатам, но оно зависит не от них, а от самого себя, и может вспыхнуть своим собственным светом, свободное от предыдущих предложений или данных; этот вид действия становится постепенно все более общим и присоединяет себя к другим, чтобы положить начало новым высотам и сферам знания. В любом случае всегда есть элемент самосуществующей истины и чувство абсолютности источника внушения, его происхождения от духовного знания через тождественность. Это — раскрытие знания тайного, но живущего в существе; это не приобретение, но нечто, что было всегда там и что можно обнаружить. Интуитивное знание видит истину изнутри и освещает этим внутренним видением все внешнее, оно также легко согласуется, если только мы интуитивно бдительны, с любой новой истиной, которая еще должна быть достигнута. Эти черты становятся более выраженными и интенсивными в возвышенных, собственно сверхразумных сферах; в интуитивном уме их не всегда можно узнать в их чистоте и полноте из-за примеси умственного вещества и его разрастания, но в святом разуме и более высоком сверхразумном действии они становятся свободными и абсолютными.

Внушающая интуиция, действующая на умственном уровне, внушает прямое и освещающее внутреннее представление о истине, идею, которая является ее подлинным образом и указателем, пока еще не полностью появившимся и видимым, она скорее по природе есть яркое воспоминание некоторой истины, вспыхнувшее узнавание своего знания тайны Я. Это представление, но представление живое, не идеативный символ, это отражение, но отражение, которое освещено чем-то от истины подлинной субстанции. Интуитивное различие — это вторичное действие, ставящее эту идею истины на правильное место и в правильное отношение к другим идеям. И пока существует привычка умственного вмешательства и приращения, оно старается также отделить умственное от более высокого видения, низшее умственное вещество, вызывающее затруднения своей примесью, от чистой субстанции истины, старается размотать спутанный клубок неведения и знания, лжи и ошибки. Если интуиция по природе является памятью, светлым воспоминанием самосуществующей истины, то вдохновение по природе — это слышание истины, это немедленное восприятие самого голоса истины, оно быстро доносит слово, которое совершенно воплощает истину, и оно несет больше, чем свет идеи истины; здесь схвачен некоторый поток его внутренней реальности и живое наступающее движение его субстанции. Откровение по природе — это прямое видение, *pratyaksa-drsti*, оно делает очевидным для теперешнего видения вещь в себе, изображением которой является идея. Откровение выявляет сам дух, само бытие и саму реальность истины и делает ее частью сознания и опыта.

В текущем процессе развития сверхразумной природы, предполагая что он следует с правильной постепенностью, можно увидеть, что две низшие силы выходят первыми, хотя не

обязательно они свободны от всякого действия двух высших сил, и по мере того, как они возрастают и становятся обычным действием, они образуют некоторый вид низшего интуитивного гносиса. Сочетание двух сил вместе необходимо для его полноты. Если интуитивная способность различать действует сама по себе, то это создает некоторый вид решающего озарения, которое действует на представления и восприятия интеллекта и разворачивает их таким образом, что ум может отделить их истину от их ошибки. В конце концов, это создает вместо интеллектуального суждения просветленное интуитивное суждение, вид решающего гносиса; однако, вероятно, оно несовершенно в новом освещающем знании и недостаточно создавать только такое расширение истины, каким является естественное следствие отделения от ошибки. С другой стороны, если внушающая интуиция работает одна без этого различения, действительно имеет место постоянное поступление новых истин и новых озарений, но они легко окружаются и затемняются умственными приращениями, и связь или гармоническое развитие каждой из них затрудняются и разбиваются этим вмешательством. Нормализованная сила активного интуитивного восприятия создана, но нет полного и ясного ума интуитивного гносиса. Две силы вместе снимают недостатки единоличного действия друг друга и строят ум интуитивного восприятия и различения, который может делать работу мыслительного ума, и значительно более, чем работа этого спотыкающегося, ошибающегося ума, и делать это с большим светом, уверенностью и с силой более прямой и безошибочной способности восприятия идей.

Две более высокие силы таким же образом создают более высокий интуитивный гносис. Действуя как отдельные силы в уме, они также сами по себе недостаточны без действий напарника. Откровение может действительно преподнести реальность, представить тождественность вещи в себе и добавить что-то от великой силы к переживанию сознающего существа, но у него может не быть воплощенного слова, выявляющейся мысли, связанного прослеживания всех отношений и следствий, и оно может остаться внутренним владением, не станет выраженным сообщением. Может быть присутствие истины, но не ее полное проявление. Вдохновение может дать слово истины, прорыв динамизма и движения, но это не будет полная истина, уверенная в своем воздействии, если не будет полного откровения всего, что оно в себе несет и ясно обозначает, если не будет откровения порядка всех ее связей и отношений. Вдохновенный интуитивный ум — это ум молний, вспышки которых освещают многое, что было темно, но свет нужно направить через определенные каналы и сделать постоянным и устойчивым потоком, который будет неослабной силой для ясного последовательного понимания. Более высокий гносис сам по себе в своих двух единичных силах был бы умом духовных ослепительных озарений, происходящих, главным образом, в своей собственной отдельной сфере, производящих свое, возможно незримое воздействие на внешний мир, но нуждающихся в связующем звене для более тесной и простой связи с обычными проявлениями ума, которые произведены низшим идеативным действием. Именно объединенное или даже сплавленное, приведенное к одному знаменателю действие четырех сил делает интуитивный гносис вполне и целиком снаряженным и оснащенным.

Правильное развитие, допуская некоторое одновременное проявление четырех сил, все же сначала создало бы в достаточно широком размере низший внушающий и критический интуитивный ум, а затем образовало бы над ним вдохновенный и доступный откровению ум. Затем правильное развитие подняло бы две низшие силы до силы и поля вдохновения и превратило бы все действие в единую гармонию, производящую одновременно объединенное — а при более высокой интенсивности неразличимо слитое в один свет, — действие трех сил. И последним исполнилось бы подобное же слияние с силой откровения интуитивного гносиса. На самом деле, в человеческом уме чистый процесс развития, вероятно, всегда более или менее

будет нарушен, спутан и превращен в своем ходе в нерегулярный, подверженный повторениям, неполным продвижениям, возвратам за чем-то невыполненным, не доведенным до конца или несовершенно выполненным, в процесс, обреченный на постоянные вмешательства и смещение существующих движений умственного полужнания, затрудненный препятствиями из-за умственного неведения. В конце, однако, может прийти время, когда процесс развития, поскольку он возможен в самом уме, может стать полной и чистой формой смягченного сверхразумного света, составленной из всех этих сил, ведущей или погружающей в свое собственное течение другие части человеческого существа. Это происходит в той точке развития, где интуитивный ум уже полностью сформирован в умственном существе и становится достаточно силен, чтобы доминировать, если еще не полностью заменить различные умственные действия, и далее делается возможным следующий шаг, поднятие центра и уровня действия над умом и преобладание сверхразумного рассудка.

Первый отличительный признак этого изменения — это полная перемена направления, поворот кругом, можно даже сказать, вверх дном всей жизнедеятельности. В настоящее время мы живем в уме и, главным образом, в физическом уме, но все же не целиком, как животные, вовлечены в физические, виталические и сенсорные работы. Напротив, мы достигли определенного умственного возвышения, с которого мы можем смотреть вниз на действия жизни, чувства и тела, обращаем более высокий умственный свет на них, размышляем, судим, используем нашу волю, чтобы видоизменить действие низшей природы. С другой стороны, мы смотрим с этого возвышения так же и вверх, обращаясь более или менее сознательно к чему-то над нами, и получаем оттуда прямо или через наше подсознательное или засознательное существо тайное сверхсознательное побуждение мысли, воли и других активных проявлений. Процесс этой связи завуалирован и затемнен, и люди обычно не осознают его за исключением некоторых высоко развитых натур; но когда мы продвигаемся в самознании, мы обнаруживаем, что всякая наша мысль и воля приходят сверху, хотя формируются в уме и там впервые становятся открыто активны. Если мы сбрасываем пути физического ума, который привязывает нас к мозговому инструменту и идентифицирует нас с телесным сознанием, если мы можем двигаться в чистом умственном сознании, это становится всегда ясным для восприятия.

Развитие интуитивного ума делает эту связь прямой, уже более не подсознательной и не затемненной; но мы еще живем умом, и ум еще смотрит вверх, и получает сверхразумное сообщение, и передает его другим членам. Работая так, он уже более не создает целиком свою собственную форму, поскольку мысль и воля нисходят на него, но все еще он видоизменяет, разбавляет и ограничивает их, налагает на них что-то из своего собственного метода. Все же он работает как получатель и передатчик мысли и воли, потому что, хотя и не создавая их иначе, как посредством тонких влияний, он запасает их или по крайней мере окружает их умственным веществом, дает им умственное оформление, опору и атмосферу. Когда же сверхразумный рассудок развивается, Пуруша восходит выше умственного подъема и теперь смотрит вниз на все действия ума, жизни, чувства, тела в совсем другом свете и окружении, смотрит полностью другим взглядом и понимает иначе, потому что он более не вовлечен в действие ума, смотрит со свободным и истинным знанием. Человек в настоящее время только частично высвободился из животной инволюции, — ибо его ум частично поднят, частично погружен в жизнь, чувства, тело и находится под их контролем, — и поэтому он не полностью свободен от умственных форм и ограничений. Но затем он поднимается к сверхразумной высоте, избавляется ото всякого контроля и управляет всей своей природой; сначала неотъемлемо и фундаментально это происходит только в его высочайшем сознании, поскольку всему остальному все еще предстоит быть преобразованным, но когда это сделано или, по мере того, как это делается, он становится свободным существом, господином своего ума, чувства, жизни и тела.

Второй признак изменения состоит в том, что формирование мысли и воли может теперь происходить целиком на сверхразумном уровне, и, следовательно, там закладывается начало полностью светлой и действенной воли и знания. Свет и сила в начале, возможно, не бывают полными, потому что сверхразумный рассудок — это только первичное выражение сверхразума, и потому, что ум и другие члены еще должны быть изменены в форму сверхразумной природы. Ум, истина, уже более не действует как видимый начинатель, выразитель или судья мысли, воли и всего прочего, но он все еще действует как передающий канал и, следовательно, в определенной степени, как получатель, становится затрудняющим ограничителем в передаче той силы и света, которые приходят сверху. Есть коренное и несоизмеримое различие между сверхразумным сознанием, в котором Пуруша теперь находится, думает и проявляет волю, и умственным, виталическим и физическим сознанием, через которое он должен приводить в исполнение этот свет и знание. Он живет и видит с совершенным сознанием, но он должен еще в своем низшем я сделать это сознание полностью практически применимым и эффективно работающим. Иначе Пуруша может действовать только с большей или меньшей духовной результативностью через внутреннюю связь с другими на духовном уровне и на более высоком умственном уровне, который легче всего подвергается воздействию высшего сознания, но воздействие это ослаблено и замедлено ниже расположенными уровнями и недостатком интегрального движения существа. Это может быть исправлено только сверхразумом, который завладевает и пронизывает собой умственное, виталическое и физическое сознание, трансформируя их, так сказать, в формы сверхразумной природы. Это осуществляется намного легче, если произошло то Йогическое приготовление инструментов низшей природы, о которых Я уже говорил; иначе останется много трудностей при избавлении от разногласия и несоразмерности между идеальным сверхразумным сознанием и умственными передающими инструментами, включая канал ума, сердце, чувства, нервное и физическое существо. Сверхразумный рассудок может сделать первую и довольно значительную часть, хотя и не всю работу этого преобразования.

Сверхразумный рассудок по своей природной сути является духовным, прямым, самоосвещающим, самодействующим интеллектом и волей, не умственным, *manasa buddhi*, но сверхразумным, *vijnana buddhi*. Он действует через те же четыре силы, что и интуитивный ум, но в нем эти силы активны в своей первоначальной полноте, они не видоизменены умственным веществом интеллекта, не заняты главным образом освещением ума, но работают в их собственной, присущей им манере и для их собственной природной цели. И различие характера этих четырех сил здесь едва ли узнается, ни одна из них не выступает как отдельная сила, но каждая постоянно присутствует в трех других и неотъемлемо определяет их собственное установление сфер и связей их знания. Есть три градации возвышения в этом разуме, первая, на которой действие того, что мы можем называть сверхразумной интуицией, придает форму и преобладающий характер его работе, на следующей высоте действует стремительное сверхразумное вдохновение, и на третьей высоте щедрое сверхразумное откровение ведет и полностью определяет собой характер всего действия; и каждая из этих высот приближает нас к средоточию сущности, поднимает к еще более высокому свету, способности и кругозору истины-воли и истины-знания.

Работа сверхразумного рассудка покрывает и превосходит все, что сделано умственным рассудком, но он начинает с другого конца и имеет соответствующий процесс прохождения. Сущностные истины Я и духа, первоосновы вещей не являются для духовного разума абстрактными идеями или тонкими бестелесными переживаниями, до которых он добирается, перепрыгивая через ограничения, это для него постоянная реальность и природный фон всякой его способности восприятия и формирования идеи и опыта. Он не достигает, подобно уму, но

раскрывает прямо как главные и всеобщие, так и частичные истины бытия и сознания, духовного и другого чувства, Ананды, силы и действия, — реальность, феномен и символ, действительность, возможность и случайность, то, что определено и то, что определяет, — и все это он раскрывает с самоосвещающей очевидностью. Он формулирует и приводит в порядок связи между мыслями, связи внутри сил и внутри действий, устраивает правильное соотношение между ними и доводит их до убедительной, ясной и понятной гармонии. Он включает в себя данные органов чувств, но придает им другое значение в свете того, что стоит за ними, но обращается с ними только как с самыми внешними указателями, поскольку внутренняя истина известна более великому чувству, которым он уже владеет. И он не зависит только от них даже в их собственной сфере действия внешних объектов и не ограничен пределом их возможности. У него есть свое собственное духовное чувство и ощущение; он принимает и соотносит с ним также и данные шестого чувства, внутреннего умственного чувства. И он принимает также озарения, живые символы и образы, привычные для душевного переживания, и устанавливает также и их связь с истинами Я и духа.

Духовный разум принимается также за эмоции и психические ощущения, устанавливает их отношения с их духовными эквивалентами и придает им значение возвышенного сознания и Ананды, от которой они происходят, видоизменением которой в низшей природе они являются, и он исправляет их искажения. Он берется подобным же образом за движения виталического существа и сознания, соотносит их с духовными движениями и придает им значения духовной жизни Я и его силы Тапаса. Он овладевает физическим сознанием, освобождает его от его темноты и Тамаса инерции и превращает его в отзывчивый, восприимчивый и чувствительный инструмент сверхразумного света, силы и Ананды. Он веден работу с жизнью, действием и знанием, как и с умственной волей и рассудком, но не начинает от материи, жизни и чувства и их данных, не соотносится с ними через представление истины более высоких вещей, но он начинает, напротив, от истины Я и духа и устанавливает с этим связь через прямой духовный опыт, принимая весь другой опыт, по мере того, как он формирует и практически осуществляет внешние проявления ума и души, жизни, чувства и материи. Он управляет намного более обширным регионом, чем обычный воплощенный ум, затворенный в тюрьме физических чувств, а также и большим, чем зона чистого ума, даже когда тот свободен в своих собственных владениях и действует с помощью душевного ума и внутренних чувств. И у него есть та сила, которой умственная воля и рассудок не обладают, поскольку у них нет верного самоопределения, и они не могут устанавливать и побуждать первоначально предопределенных явлений, это сила преобразования всего существа во всех его частях в гармоничный инструмент и проявление духа.

В то же самое время духовный разум действует главным образом через представляющую идею и волю в духе, хотя более великая и более сущностная истина является его постоянным источником, поддержкой и арбитром. Он, следовательно, есть сила света Ишвары, но не собственно сама сила его непосредственного присутствия в бытии; он есть его *surya-sakti*, а не вся его *atma-sakti* или *para sva prakrtih*, которая работает в духовном разуме. Сама непосредственная сила начинает свое прямое действие в более великом сверхразуме, и он поднимает все, что было прежде реализовано в теле, жизни, уме и в интуитивном существе, и все, что было реализовано посредством духовного разума; и он формирует все, что было создано, все, что было собрано, обращено в вещество опыта, сделано частью сознания, индивидуальности и природы работой умственного существа, в полнейшую гармонию с высокой бесконечностью и вселенской жизнью духа. Ум может иметь прикосновение бесконечного и вселенского, может отразить и даже потерять себя в них, но сверхразум один может дать возможность индивидууму быть полностью единым в действии со вселенским и трансцендентным Духом.

Здесь только одно всегда и постоянно присутствует, то, в чем человек вырос и в чем он живет всегда, это — бесконечное бытие и все, что в нем бытует, видится, ощущается, познается, существует как единственная субстанция единого бытия; это — бесконечное сознание, и все, что сознает, действует и двигается в нем, видится, ощущается, воспринимается, познается, существует как самопереживание и энергия единого бытия; это — бесконечная Ананда, и все, что в ней чувствует и ощущает, ощущается, видится, чувствуется, познается, воспринимается и переживается как форма единой Ананды. Все кроме есть только проявление и обстоятельство этой единой истины нашего существования. Нет более просто познающего или знающего, но есть само состояние Я во всем и всего в Я, Бога во всех и всего в Боге, и все видится как Бог, и это состояние теперь не является отдельным фактом, предложенным отражающему одухотворенному уму, но удержано, вмещено и пережито интегральным, всегда присутствующим, всегда активным осознанием в сверхразумной природе. Здесь есть мысль, и воля, и ощущение, и всякое проявление, принадлежащее нашей природе, но все преображено и поднято в более высокое сознание. Всякая мысль здесь видится и переживается как светящаяся плоть субстанции, светоносное движение силы, светозарная волна Ананды бытия; это не идея в пустой атмосфере ума, но мысль, пережитая в реальности и как свет реальности бесконечного бытия. Воля и побуждение подобным же образом пережиты как реальная сила и субстанция Сат, Чит, Ананды Ишвары. Всякое одухотворенное ощущение и чувство пережиты как чистые формы сознания и Ананды. Само физическое существо пережито как сознающая форма, и виталическое существо — как изливание силы и обладание жизнью духа.

Действие сверхразума в развитии должно проявлять и организовывать это высочайшее сознание так, чтобы существовать и работать более не только в бесконечных высотах, имея некоторые ограниченные, завуалированные или сниженные и деформированные проявления в отдельном существе и природе, но действовать мощно и полно в индивидууме как сознающее и самопознающее духовное бытие, живая и действующая сила бесконечного и вселенского духа. О характере этого действия, насколько это возможно выразить, будет сообщено более подробно впоследствии, когда мы начнем говорить о Брахманическом сознании и видении. В следующих главах мы будем рассматривать из этого только то, что касается мысли, воли, психики и других переживаний в индивидуальной природе. В данном случае необходимо сказать, что в сфере мысли и воли также имеет место тройное действие. Духовный разум поднят и расширен в более великое представляющее действие, которое формулирует для нас главным образом реальности существования Я в нас и вокруг нас. Затем есть более великое объяснительное действие сверхразумного знания, еще большего размаха, которое менее настаивает на реальностях, и которое раскрывает еще более великие возможности во времени, в пространстве и вне их. И наконец, есть высочайшее знание через отождествление, которое является входом в сущностное самоосознание, во всеведение и всемогущество Ишвары.

Не следует, однако, предполагать, что эти сверхналоженные стадии закрыты друг от друга в переживании. Я разместил их в правильном порядке восходящего развития для лучшего понимания в интеллектуальном изложении. Но Бесконечное даже в обычном уме прорывается через свою собственную вуаль и через свои собственные разделительные линии опускания и восхождения, и часто дает сообщение о себе тем или иным способом. И пока еще мы пребываем в интуитивном уме, сообщения с более высоких уровней приходят к нам и открываются нерегулярно, затем образуют, по мере того, как мы подрастает, чаще повторяемое и упорядоченное действие над интуитивным умом. Эти предчувствия становятся все более широкими и частыми к тому моменту, когда мы входим на сверхразумный уровень. Вселенское и бесконечное сознание всегда может окружить и захватить ум, и тогда, если это делается с определенной непрерывностью, быстротой или постоянством, ум может наиболее легко

преобразоваться в интуитивный ум, а тот в свою очередь в сверхразумное движение. Только по мере того, как мы поднимаемся, мы ближе и полнее входим в бесконечное сознание, и оно все полнее становится нашим собственным я и природой. То же самое и на другой, низшей стороне существования, которое, как могло бы показаться, станет тогда не только низшим, но и совсем чуждым для нас; даже когда мы живем в сверхразумном существовании, а вся природа уже сформирована в его форму, даже тогда нет нужды отрезать себя от знания и чувства тех, кто живет в обычной природе. Ниже стоящему и более ограниченному трудно понимать и чувствовать более высокого, но более высокий и менее ограниченный может всегда, если он пожелает, понять и отождествить себя с более низкой природой. Верховный Ишвара тоже не стоит в стороне от нас; он знает, живет в нас, отождествляется со всем, и все же он не подчинен реакциям, не ограничен в своем знании, силе и Ананде пределами ума, жизни и физического существования во Вселенной.

Переход от ума к сверхразуму является не только заменой мысли и знания более великим инструментом, но изменением и преобразованием всего сознания. Развита не только сверхразумная мысль, но и сверхразумная воля, чувство, ощущение, сверхразумные заменители для всех видов деятельности, которые сейчас выполняются умом. Все эти более высокие действия сначала проявляются в самом уме как снижения и нашествия высшей силы, как ее послания и откровения. По большей части они перемешаны с обычным действием ума, и не легко различить их при нашей первоначальной неопытности, разве только через их высший свет, силу и радость. Это смешение усиливается по мере того, как ум, возросший или возбужденный их частым приходом, убыстряет свое собственное действие и имитирует внешние характеристики сверхразумной деятельности; его собственное действие делается более быстрым, ясным, сильным и положительным, и он добивается даже некоторого вида подражательной, и часто ложной, интуиции, которая старается быть, но не является подлинно светлой, прямой и самосуществующей истиной. Следующий шаг состоит в образовании светлого ума интуитивного опыта, мысли, воли, чувства, ощущения, из которых постепенно устраняются примеси действий низшего ума и подражательной интуиции; это процесс очищения, *suddhi*, необходимый для нового образования и совершенства, *siddhi*. В то же самое время происходит раскрытие над умом источника интуитивного действия и все более организованного функционирования подлинного сверхразумного сознания, работающего не в уме, но на своем собственном более высоком уровне. Оно в конце затягивает вверх в себя интуитивный ум, который ранее оно создало как своего представителя, и принимает на себя изменение всей деятельности сознания. Этот процесс идет постепенно, и долгое время в нем пестрят примеси, происходят вынужденные возвращения в низшие движения для того, чтобы исправить и преобразовать их. Высокая и низкая силы действуют иногда попеременно, как сознание спускающееся снова с высот, которых оно достигло, на свой прежний уровень, но всегда с некоторым изменением, но иногда они действуют вместе и с некоторым видом взаимной консультации. Ум в конце концов полностью пронизывается интуитивным движением и существует только как пассивный проводник для сверхразумного действия; но это состояние также не является идеалом и представляет, кроме того, еще и определенное препятствие, поскольку более высокое действие все еще должно проходить через задерживающую и ослабляющую сознающую субстанцию, а именно физическое сознание. Завершающая стадия изменения настанет тогда, когда сверхразум до конца займет и пропитает собой все существо и обратит даже виталическое и физические оболочки в свои формы, отзывчивые, тонкие и преисполненные его силами. Тогда человек полностью становится сверхчеловеком. Наступает, наконец, естественный и интегральный процесс.

Следовало бы продолжать говорить полностью вне теперешних ограничений, чтобы попытаться дать что-либо подобное адекватному представлению всего характера сверхразума; и было бы невозможно дать полное представление, поскольку сверхразум несет в себе единство, но также огромность и разнообразие бесконечного. Все, что необходимо теперь сделать, это — представить несколько выдающихся особенностей с точки зрения текущего процесса превращения в Йоге, дать отношение к действию ума и принцип некоторых феноменов изменения. Основное отношение к действию ума таково: все действие ума производно и происходит от тайного сверхразума, хотя мы не знаем этого, пока не приходим к своему более высокому Я, и ум вытягивает из этого источника все, что он имеет от истины и истинной

ценности. Все наши мысли, желания, чувства, чувственные представления содержат в себе или в своих корнях элемент истины, который дает им начало и поддерживает их существование, хотя в действительности они могут быть извращены или ложно истолкованы, и за ними есть более великая неохваченная истина, которая если бы они могли понять ее, быстро объединила бы их, сделала бы гармоничными и, по крайней мере относительно полными. В действительности же, та истина, какую они имеют, уменьшена в масштабе, деградирована в низшее движение, разделена и фальсифицирована фрагментарностью страдает от неполноты, сочетается с извращением. Умственное знание не является интегральным, это всегда частичное знание. Оно постоянно добавляет деталь к детали, но ему трудно связать их правильно; также его итоги нереальны и неполны, и он силится заменить их более реальным и интегральным знанием. И даже, если ум достигнет некоторого вида интегрального знания, оно будет еще своего рода складыванием, умственным и интеллектуальным устройством порядка, искусственным объединением, а не сущностным и реальным единством. Если бы это было концом развития, то в нем предположительно ум мог бы достигнуть некоторого вида полуотражения, полуперевода интегрального знания, но его коренной недостаток был бы все еще в том, что это не подлинное знание, но только максимально возможное интеллектуальное представление. Та умственная истина всегда вынуждена быть интеллектуальным, эмоциональным и чувственным представлением, не прямой истиной, не самой истиной в своей плоти и сути.

Сверхразум может делать все, что делает ум, представлять и соединять детали и то, что можно было бы назвать аспектами или субординантами целого, но он делает это другим способом и на другой основе. Он, подобно уму, не вносит отклонений, ложных расширений и навязанных ошибок, и даже когда он дает частичное знание, он дает его в устойчивом и точном свете, и всегда за ним стоит заключенная в себе или открытая сознанию сущностная истина, от которой зависят детали, соподчиненные итоги или аспекты. У сверхразума есть также сила изображения, но его изображения не подобны интеллектуальным, они заполнены плотью и веществом света истины в ее сущности, они являются ее носителями, а не подставными фигурами. Есть такая бесконечная сила изображения у сверхразума, и она является той божественной силой, от которой сниженным представителем служит умственное действие. У изображающего сверхразума есть низшее действие, которое Я назвал сверхразумным рассудком, ближайшее к умственному уровню, куда ум легче всего может быть поднят, и есть более высокое действие в интегральном сверхразуме, которое видит все вещи в единстве и бесконечности божественного сознания и самосуществования. Но на любом уровне действия сверхразума отличны от соответствующего умственного действия, это прямое, светлое, надежное действие. Все низкое положение ума проистекает из того факта, что он является действием души после ее падения в неведение и незнание, и он пытается вернуться к самознанию, но делает это еще на основе неведения и незнания. Ум — это незнание, пытающееся знать, это неведение, получающее производное знание, это есть действие Авидья. Сверхразум всегда является раскрытием необъемлемого и самосуществующего знания, это действие Видья.

Второе отличие, которое мы знаем по опыту, составляет большая и спонтанная гармония и единство. Все сознание едино, но в действии оно предпринимает множество движений, и каждое из этих фундаментальных движений имеет массу форм и процессов. Формы и процессы умственного сознания отмечены беспокоящим и смущающим разделением и обособлением умственных энергий и движений, из-за которых первоначальное единство сознающего ума совсем не появляется или появляется только в расстроенном виде. Постоянно мы обнаруживаем в нашем уме противоречие, путаницу, залатанную связь или желание соединить различные мысли, и тот же самый феномен наблюдается в различных движениях нашей воли и желания, наших эмоций и чувств. Снова и снова наша мысль, наша воля и наше чувство не пребывают в

состоянии природной гармонии и согласии друг с другом, но действуют в их отдельной силе, даже когда они должны действовать вместе, они часто конфликтуют и ссорятся. Также имеет место неравное развитие одного за счет другого. Ум есть арена разлада, в котором для целей жизни установлен некоторый вид практической договоренности, представляющий собой скорее соглашение, чем удовлетворяющее согласие. Разум пытается достигнуть лучшего устройства, стремится к лучшему контролю, рациональной или идеальной гармонии, и в этой попытке он проявляет себя как представитель или заместитель сверхразума, и старается сделать то, что только сверхразум может делать в своем собственном праве; но он действительно не способен целиком контролировать остальное существо, и обычно существует значительное различие между рациональной или идеальной гармонией, которую мы создаем в наших мыслях, и движением жизни. Даже в лучшем случае соглашение, достигнутое разумом, всегда имеет в себе что-то от искусственности и навязанности, ибо в конце остаются только два спонтанные гармоничные движения, движение жизни, несознательное или сильно подсознательное, гармония, какую мы обнаруживаем в животном создании и в низшей Природе, и движение духа. Человеческое состояние — это стадия усилия и несовершенства, стадия перехода от одного к другому, это положение между природной и идеальной или духовной жизнью, и оно полно неуверенных поисков и беспорядка. Дело не в том, что умственное существо не может найти или, скорее, сконструировать некоторый вид своей собственной относительной гармонии, но в том, что оно не может сделать ее устойчивой, потому что она побуждается духом. Силой, пребывающей внутри него, человек вынужден быть работником более или менее сознательной самоэволюции, которая будет вести его к самоуправлению и самознанию.

Сверхразум в своем действии, напротив, есть проявление единства, гармонии и неотъемлемого порядка. Сначала, когда давление сверху опускается на умственное сознание, это не реализуется, и даже может не время появляться противоположный феномен. Это происходит по нескольким причинам. Первая, может возникнуть нарушение и даже расстройство, созданное ударом более великой трудно измеримой силы по низшему сознанию, которое не способно отвечать на это органично или даже не способно переносить давление. Сам факт одновременной и все же нескоординированной активности двух совершенно различных сил, особенно если ум настаивает на своем собственном способе, если он упорно и насильственно пытается использовать сверхразум, вместо того, чтобы предоставить себя ему и его цели, если он не достаточно пассивен и послушен высшему руководству, то сам этот факт может вести к огромному возбуждению силы, но также и возросшему беспорядку ума. Именно из-за этого предварительная подготовка и долгое очищение, которое чем полнее, тем лучше, успокоение и просто пассивность ума, тихо и широко открытого к духу, являются необходимостями Йоги.

Кроме того, ум, привычный действовать в ограничениях, может попробовать напитать себя сверхразумом по линии любой из его энергий. Он может развить значительную силу интуитивной полу-сверхразумной мысли и знания, но воля при этом не подвергнется преобразованию и будет вне гармонии с этим частичным полу-сверхразумным развитием думающего ума, и все остальное в существе, эмоциональное, нервное, тоже может продолжать оставаться таким же и далее не перерождаться. Или может быть очень большое развитие интуитивной или сильно вдохновленной воли, но при этом нет соответствующего подъема думающего ума или эмоционального и психического существа, или они поднимаются ровно настолько, чтобы не полностью затруднять волевое действие. Эмоциональный или психический ум может пытаться напитать себя интуицией и сверхразумом и сильно преуспеть в этом, но думающий ум все же остается обычным, скудным, ничтожным в своем хламе, в своем тусклом свете. Может быть развитие интуиции в этическом или эстетическом существе, но остальные могут сохранить свое прежнее состояние. Это причина того частого беспорядка или

односторонности, которые мы отмечаем в человеке гениальном, поэте, артисте, мыслителе, святом или в мистике. В частично впитавшей интуицию умственной деятельности может оказаться еще меньше гармонии и порядка вне ее специальной сферы, чем у сильно развитого интеллектуального ума. Требуется интегральное развитие, общее обращение ума; в противном случае все действие остается работой ума, использующего сверхразумный приток для своей собственной пользы и в своей собственной форме; и это разрешено для немедленной цели Божественного в существе, и может даже рассматриваться как стадия, достаточная для индивидуума в этой одной жизни; но это — состояние несовершенства, а не полная, успешная эволюция существа. Если, однако, будет происходить интегральное развитие интуитивного ума, то далее обнаружится, что великая гармония заложила свои собственные фундаменты. Эта гармония будет иной, чем гармония, созданная интеллектуальным умом, и действительно, она не может быть легко воспринята или, если она ощутима, все же она не поддается логическому интеллекту человека, поскольку он не может ее достигнуть, и она не поддается анализу посредством умственного процесса. Это будет гармония спонтанного выражения духа.

По мере того, как мы поднимаемся вверх от ума к сверхразуму, эта начальная гармония будет заменяться более великим и более интегральным единством. Мысли сверхразумного рассудка встречаются и понимают друг друга, и они приходят к естественному согласию, даже если начали движение с совершенно противоположных сторон. Движения воли, конфликтующие в уме, приходят в сверхразуме к своим правильным взаимоотношениям. Сверхразумные чувства также обнаруживают их собственную родственность и вступают в природное согласие и гармонию. На более высокой стадии эта гармония усиливается до единения. Знание, воля, чувство и все прочее становятся единым движением. Это единение достигает своей величайшей полноты в высочайшем сверхразуме. Гармония и единство неизбежны, потому что основа в сверхразуме — это знание с отличительным свойством самознания, знания Я во всех его аспектах. Сверхразумная воля есть динамическое выражение этого самознания, сверхразумное чувство — выражение светлой радости Я, и все прочее в сверхразуме — часть этого единого движения. На своем высочайшем уровне оно становится чем-то более великим, чем то, что мы называем знанием; там оно есть сущностное и интегральное самоосознание Божественного в нас; его бытие, сознание, Тапас, Ананда, все является гармоничным, объединенным светоносным движением этого единого существования.

Это сверхразумное знание первоначально или по существу не является мыслью-знанием. Интеллект не считает, что он знает вещь, пока он не сведет свое осознание этой вещи к выражениям мысли, пока, так сказать, не переложит это осознание в систему изображающих умственных понятий, и этот вид знания получает свою наиболее убедительную полноту, когда знание может быть изложено ясной, точной и четкой речью. Это правда, что ум получает свое знание главным образом посредством различных видов впечатлений, начинающихся от виталических и чувственных впечатлений, и поднимающихся к интуиции, но они принимаются развитым интеллектом только как данные и кажутся ему неопределенными и неясными сами по себе, пока он не заставит их отдавать все свое содержание мысли, и пока они не займут свое место в некоторой интеллектуальной связи или в упорядоченной последовательности мышления. Это правда также, что есть мысль и речь, которые скорее подсказывают намеками, чем дают окончательные определения, и в их собственном способе больше силы и богатства содержания, и этот вид уже граничит с интуицией; но еще есть в интеллекте требование выявлять в ясной последовательности и соотношении точное интеллектуальное содержание этих внушений, и пока это не сделано, он не удовлетворен полнотой своего знания. Мысль, работающая в логическом интеллекте, обычно кажется наилучшим организатором умственного действия, и дает уму чувство надежной определенности, уверенности и полноты в его знании и

его использовании знания. Ничто из всего этого вообще не является истиной сверхразумного знания.

Сверхразум знает наиболее полно и надежно не посредством мысли, но через тождественность, через чистое осознание самоистины вещей в себе и через себя, *atmani atmanam atmana*. Я получаю сверхразумное знание лучше всего отождествляясь с истиной, становясь единым с объектом знания; сверхразумное наполнение и интегральный свет приходят тогда, когда нет дальнейшего разделения между познающим, познанием и познанным, *jnata, jnapam, jneyam*. Я вижу познанную вещь не как объект вне меня самого, но как меня самого или как часть моего обобществленного я, содержащуюся в моем наиболее прямом сознании. Это ведет к высочайшему и полнейшему знанию; мысль и речь, будучи изображениями, а не таким прямым обладанием в сознании, являются по отношению к сверхразуму низшей формой и, если мысль не наполнена духовным осознанием, она фактически становится сокращением знания. Если предположить наличие сверхразумной мысли, то она была бы только частичным проявлением более великого знания, существующего в Я, а не представлялась бы в это время мгновенно активному сознанию. На высочайших уровнях бесконечного вообще не будет нужды в мысли, поскольку все будет переживаться духовно, в непрерывности и цельности, в вечном обладании, с полнейшей непосредственностью и полнотой. Мысль — только одно средство частичного проявления и представления того, что скрыто в этом великом самосуществующем знании. Тот верховный вид знания, действительно, не будет возможен для нас в его полном объеме и степени, пока мы не сможем пройти через многие градации сверхразума к этому бесконечному. Но все же по мере того, как сверхразумная сила появляется и возрастает в своем действии, что-то из этого высочайшего способа знания появляется и возрастает в нас, и даже члены умственного существа, пропитываясь интуицией и сверхразумом, развивают все более и более соответствующее действие на их собственном уровне. Есть прибывающая сила просветленных виталических, психических, эмоциональных, динамических и других отождествлений со всеми предметами и существами, которые являются объектами нашего сознания, и эти превышения пределов отдельного сознания приносят с собой много форм и значений прямого знания.

Сверхразумное знание или переживание через отождествление несет с собой, как результат или как вторичную часть себя, сверхразумное видение, которое не нуждается в поддержке образом, может конкретизировать то, что для ума абстрактно, и по своему характеру подобно взгляду, хотя его объект может быть невидимой истиной того, что имеет форму, или истиной бесформенного. Это видение может придти прежде, чем произойдет любое отождествление, как своего вида упреждающее излучение света из предстоящего отождествления, или может действовать независимо от него, как отдельная сила. Правда, или познанная вещь, тогда еще не всецело едина со мной, но она есть объект моего знания; но кроме того, она есть объект, субъективно воспринимаемый в Я или, по крайней мере, если даже она еще представляется отдельной и объективной для познающего, через Я, а не через любой другой вспомогательный процесс, но посредством прямого внутреннего завладения или проникающего внутрь и охватывающего, освещающего контакта духовного сознания с его объектом. Именно это озаряющее понимание и соединение составляют духовное видение, *drsii*. "Он видит", "*pasvati*", — постоянно говорят Упанишады о духовном знании; и о Я, постигающем идею творения, вместо "он думал", как бы мы ожидали, говорится "он видел". Для духа это то же, что глаза для физического ума, и человек чувствует прохождение через вполне аналогичный процесс. Как физический взгляд может представить нам действительное тело предметов, о которых у мысли есть только обозначение или умственное описание, и они становятся для нас сразу реальными и очевидными, *pratyakya*, так и духовный взгляд превосходит обозначения или представления мысли и может сделать я и истину всех вещей прямо очевидной для нас,

pratyaksa.

Чувство может дать нам только внешний образ предметов, и оно нуждается в помощи мысли, чтобы одушевить и наполнить образ жизнью, но духовный взгляд способен представить нам вещь в себе и всю правду о ней. Владующий таким видением не нуждается в помощи мысли, в ее процессе как в средстве познания, но только как в средстве представления и выражения, мысль для него является низшей силой и используется для вторичной цели. Если требуется дальнейшее расширение знания, он может получить его новым взглядом без медленных мыслительных процессов, которые составляют опору и поддержку умственного поиска и нащупывания истины; он делает это подобно тому, как мы рассматриваем предмет глазами, чтобы найти что-то незамеченное в первом наблюдении. Это переживание и знание через духовное видение есть мгновение пребывания в прямоте и величии сверхразумных сил. Это нечто большее, чем умственное видение, оно значительно более точное, глубокое, всестороннее и исчерпывающее, поскольку оно происходит прямо из знания через отождествление, и оно имеет то достоинство, что мы может сразу перейти от видения к отождествлению, и от отождествления к видению. Так, если духовное видение узрело Бога, Я или Брахмана, душа может затем войти туда и стать единой с Я, Богом или Брахманом.

Это может быть полностью сделано только на сверхразумном уровне или над нам, но в то же самое время духовное видение может принимать умственные формы самого себя, что должно помочь в этом отождествлении, каждая форма своим собственным способом. Умственное интуитивное видение или одухотворенный умственный взгляд, душевное зрение, эмоциональное видение сердца, видение в сенсорном уме — это части Йогического опыта. Если эти виды видения являются чисто умственными, тогда они могут, но не обязательно, быть правильными, ибо ум способен и на истину, и на ошибку, как на правильное, так и на ложное представление. Но по мере того, как ум пропитывается интуицией и сверхразумом, эти силы очищаются и исправляются еще более светоносным действием сверхразума и становятся сами формами сверхразумного и истинного видения. Сверхразумное видение, должно заметить, приносит с собой дополнительный опыт, который мог бы быть назван духовным слышанием истины и прикасанием к истине, — к ее сущности и через это к ее значению, — это, так сказать, схватывание ее движения, вибрации, ритма, схватывание ее скрытого присутствия, контакта и субстанции. Все эти силы подготавливают нас к единению с тем, что таким образом росло рядом с нами через знание.

Сверхразумная мысль — это форма знания через отождествление и это развитие истины, представленной сверхразумному видению в идею. Отождествление и видение одним взглядом дают истину в ее сущности, в ее массе и ее частях; мысль переводит это прямое сознание и немедленную силу истины в идею-знание и волю. Она не добавляет и не испытывает надобности в добавлении ничего нового, но воспроизводит, отчетливо выражает, приводит в движение тело знания. Там же, где отождествление и видение еще неполны, сверхразумная мысль имеет широкие обязанности, она показывает, объясняет или вызывает, как это бывало, из душевной памяти то, что они еще не готовы дать. И там, где эти более великие состояния и силы еще завуалированы, мысль выходит вперед, подготавливает и до определенной степени частично устраняет или же деятельно помогает в устранении этой вуали. Следовательно, в развитии из умственного неведения в сверхразумное знание эта просвещенная мысль приходит к нам часто, хотя не всегда, первой, чтобы открыть путь видению или же поддержать растущее сознание тождественности и его более великое знание. Эта мысль также является эффективным средством связи и выражения и помогает запечатлению или фиксации истины как на своем собственном низшем уровне ума и бытия, так и на подобном же уровне других существ. Сверхразумная мысль отличается от интеллектуальной не только тем, что она есть прямая

истина-идея, а не представление истины незнанию, — она есть истина-сознание духа, всегда представляющего себе свои собственные правильные формы, satyam и rtam по Ведам, — но отличается еще и своей яркой реальностью, потоком света и субстанцией.

Интеллектуальная мысль совершенствуется и возвышается до очищенной абстрактности; сверхразумная мысль, по мере того как она поднимается на свою высоту, возрастает до великой духовной конкретности. Мысль интеллекта представляется нам абстракцией чего-то, схваченного умственным чувством, и существует как бы в пустоте тонкой атмосферы ума, поддержанная неосязаемой силой интеллекта. Она вынуждена прибегать к использованию умственной силы образа, если она желает сделать себя более конкретно ощутимой и видимой душевным чувствам и душевным видением. Сверхразумная мысль, напротив, всегда представляет идею как светлую субстанцию бытия, светоносное вещество сознания, принимающее указывающую значение умственную форму, и она поэтому не создает того чувства пропасти между идеей и реальностью, какому мы бываем подвержены в уме, но она сама есть реальность, она есть идея реальности и тело реальности. Она получает как результат, связанный с этим, когда действует согласно своей собственной природе, феномен духовного света, иного, чем интеллектуальная ясность, великую реализующую силу и лучезарный экстаз. Это сильно ощутимая вибрация бытия, сознания и Ананды.

Сверхразумная мысль, как уже было обозначено, имеет три подъема своей интенсивности, высота прямой мысли-видения, высота объясняющего видения, которое дает указания и подготавливает к более великому раскрытию идеи-взгляда, третья высота изобразительного видения, которое призывает в духовное знание истину, вызванную непосредственно еще более высокими силами. В уме эти высоты принимают форму трех обычных сил интуитивного, — это различающая и подсказывающая интуиция, вдохновение и мысль, имеющая природу откровения. Выше они соответствуют трем вершинам сверхразумного бытия и сознания и, по мере того, как мы поднимаемся, нижняя призывает в себя более высокую, и затем бывает поднята вверх, таким образом на каждом уровне все три высоты возобновляются, но всегда там в мысленной сущности преобладает характер, который принадлежит собственной форме сознания и духовной субстанции этого уровня. Необходимо помнить это, иначе ум, смотрящий вверх в сферы сверхразума, когда они раскрывают себя, может подумать, что он получил видение высочайших высот, в то время как только самая высокая область низшей стадии восхождения была представлена его переживанию. На каждой высоте, sanoh, sanum, aruhat, силы сверхразума возрастают в интенсивности, протяженности и полноте.

Есть также речь, сверхразумное слово, в которое более высокое знание, видение или мысль могут облекаться внутри нас для выражения. Сначала, это может приходиться как слово, послание или вдохновение, которое спускается к нам сверху, или может даже казаться голосом самого Я или Ишвары, vani, adesa. Затем это проявление теряет свой отдельный характер и становится обычной формой мысли, когда она выражает себя во внутренней речи. Мысль может выражать себя без помощи какого-либо внушающего или развивающего слова, а только в светоносной субстанции сверхразумного восприятия, и при этом совершенно закончено, ясно и в своем полном содержании. Мысль может помочь себе, когда она не вполне ясна, подсказывающей внутренней речью, которая сопровождает ее, чтобы выявлять ее полное значение, Или мысль может прийти не как тихое восприятие, но как речь, саморожденная из истины, завершенная в своей собственной правильности, несущая в себе свое собственное видение и знание. Затем есть слово-откровение, вдохновленное или интуитивное, или еще более великого типа, способное нести бесконечное стремление или внушение более высокого сверхразума и духа. Это слово может оформляться в языке, тепер применяемом, чтобы выразить идеи, восприятия и импульсы интеллекта и чувствующего ума, но оно использует этот язык другим способом и с

интенсивностью, выявляющей интуитивные или откровенческие значения, на которые речь способна. Сверхразумное слово проявляется внутренне со светом, силой, ритмом мысли и ритмом внутреннего звука, что делает его естественным и живым телом сверхразумной мысли и видения, и оно изливается в языке, даже хотя и том же самом, что язык умственной речи, но отличном от его ограниченного интеллектуального, эмоционального или чувственного значения. Оно сформировалось и услышано в интуитивном уме или сверхразуме и сначала не имеет надобности, за исключением высоко одаренных душ, в непринужденном выражении речью и письмом, но и это тоже сможет свободно происходить, когда физическое сознание и его органы будут готовы, и эта способность является частью требуемой полноты и силы интегрального совершенства.

Сфера знания, охваченная сверхразумной мыслью, переживанием и видением, будет соразмерна всему, что будет открываться человеческому сознанию, не только на земном, но на всех планах. Соответственно будет убывать сфера мышления и умственного опыта. Центр умственного понимания — это эго, личность индивидуального мыслителя. Сверхразумный человек, напротив, будет думать в значительной степени со вселенским умом или даже может подняться над ним, и его индивидуальность будет скорее не центром, а фокусом излучения и узлом связи, в котором вселенская мысль и знание Духа будут сходиться в одну точку. Умственный человек думает и действует в радиусе, определенном размером его умственных способностей и опыта. Сфера сверхразумного человека будет вся земля и все, что лежит за ней на других планах существования. И наконец, умственный человек думает и видит на уровне теперешней жизни и, хотя в ней может быть возвышенное устремление, ему плохо видно в любую сторону. Главная основа его знаний и действия — это настоящее с неуловимым впечатлением от прошлого, с плохо понятым влиянием и давлением этого прошлого и невидящий взгляд в будущее. Умственный человек основывается на реалиях земного существования, во-первых, на фактах внешнего мира, — к которому он обычно имеет привычку относить девять десятых, если не все свое внутреннее мышление и существование, — затем на меняющихся текущих проявлениях более поверхностной части его внутреннего существа. По мере того, как развивается его ум, человек свободнее выходит за эти пределы к возможностям, которые, поднимаясь из них, превышают их; перед его умом раскрывается необъятное поле возможностей, но они по большей части предоставляют ему свой полный потенциал только в той степени, в какой они соотносены с существующим, и могут быть осуществлены здесь, теперь или в будущем. Сущность вещей он имеет склонность видеть, если вообще видит, только как следствие текущего существования, в связи и в зависимости от него, и поэтому он постоянно видит все в ложном свете и не целиком. Во всем этом сверхразумный человек должен исходить из противоположного принципа истины-видения.

Сверхразумный человек видит явления сверху в большом протяжении, с высот и из пространств бесконечного. Его взгляд не ограничен точкой зрения настоящего, но может видеть в продолжительности времени или над временем в неделимости Духа. Он воспринимает истину в свойственном ей порядке, сначала в сущности, затем в возможностях, которые проистекают из нее, и только последним в текущих проявлениях. Сущностные истины для его видения — это истины самосуществующие, самовидимые, не зависящие от доказательства той или иной действительности; потенциальные истины для него — это истины силы бытия в себе и в объектах, истины бесконечности силы, и для него они реальны вне связи с их прошлым или теперешним осуществлением в этой или той действительности, или от привычных внешних форм, которые мы принимаем за целое Природы; осуществившаяся действительность для него только выбор из возможных истин, которые он видит, выбор, зависящий от них, ограниченный и изменчивый. Тирания текущих событий, современности, немедленного ряда фактов,

немедленного побуждения и требования действия не имеет силы над его мыслью и его волей, и он, следовательно, способен обладать большей волей-силой, основанной на большем знании. Он видит вещи не с уровня, окруженных джунглями фактов и явлений, но сверху, видит не снаружи, вынося суждения по внешности, но изнутри, они видны ему из истины их сердцевины; поэтому он ближе к божественному всеведению. Он проявляет волю и действует с доминирующей высоты, с более длительным движением во времени и с большим рядом возможностей, следовательно, он ближе к божественному всемогуществу. Его существо не втиснуто в последовательность времени, но обладает полной силой прошлого и зримо протягивается через будущее; оно не замкнуто в ограниченном эго и персональном уме, но живет в свободе вселенной, в Боге, во всех существах и во всех объектах; оно пребывает не в тусклой плотности физического ума, но в свете Я и бесконечного духа. Он видит душу и ум только как силу и движение, а материю только как завершающую форму духа. Всякая его мысль будет развиваться из знания. Он воспринимает и осознает объекты проявленной жизни в свете реальности духовного бытия и силы динамической духовной сущности.

В начале перехода в это более великое состояние, в течение более короткого или более длительного времени, в большей или меньшей степени мысль будет продолжать двигаться по направлениям ума, но в ярких вспышках света, в расширенном пространстве и на свободе, совершая запредельные взлеты. Впоследствии свобода и запредельность в характере движения начнут преобладать; полный поворот умственного взгляда и преобразование умственного метода будет происходить в различных движениях мыслящего ума, чередуясь с подчиненностью каким-либо трудностям и рецидивам, пока не будет достигнута и полностью выполнена вся трансформация. По порядку сверхразумное знание будет организовываться первым и с наибольшей легкостью в процессах чистой мысли и знания, jнапа, потому что здесь человеческий ум уже имеет направленное вверх устремление и наиболее свободен. Затем и с меньшей легкостью он будет организовываться в процессах прикладной мысли и знания, поскольку там ум человека проявлен наиболее активно и более всего связан и предан своим низшим методам. Последним и наиболее трудным завоеванием, поскольку оно сейчас для человеческого ума лишь область предположения и чистый лист, станет знание трех времен, trikaladrsti. Во всех этих стадиях будет тот же самый характер духа, видящего и проявляющего волю непосредственно не только в теле, которым он владеет, но и в пространствах над и вокруг него, и во всех будет то же самое действие сверхразумного знания через тождественность, сверхразумное видение, сверхразумная мысль и сверхразумное слово, отдельно или в объединенном движении.

Таков будет общий характер сверхразумной мысли и знания, и таковы его главные цели и действие. Остается рассмотреть его особенный инструментарий, изменение, которое сверхразум произведет в различных элементах теперешнего человеческого умственного сознания и в специальных способностях, которые образуют составные части мысли, ее побуждения и данные.

СВЕРХРАЗУМ, божественный гносис, не есть нечто полностью чуждое нашему теперешнему сознанию; это верховный инструментарий духа, и все действия нашего обычного сознания являются ограниченными и низшими ответвлениями из сверхразумного сознания, потому что они — пробные попытки и построения, выполненные правильной и совершенной, спонтанной и гармоничной природой и действием духа. Соответственно, когда мы поднимаемся из ума к сверхразуму, новая сила сознания не отбрасывает, но поднимает, расширяет и преобразует действия нашей души, ума и жизни. Она возвышает и дает значительно большую реальность их силе и исполнению. Она не ограничивается трансформацией поверхностных сил и действий ума, элементов психики и жизни, но проявляет и преобразует так же и те более редкие силы, более великую мощь и знание, свойственные нашему засознательному Я, которые теперь кажутся нам явлениями необычайной психики, оккультными и аномальными. Эти силы становятся в сверхразумной природе не аномальными, но совершенно естественными и обычными, не только душевными, но духовными свойствами, не оккультными и странными, но прямыми, простыми, врожденными и спонтанными действиями. Дух не ограничен, подобно бодрствующему материальному сознанию, и сверхразум, когда он завладевает бодрствующим сознанием, дематериализует его, избавляет его от его ограничений, превращает материальное и психическое в природу духовного существа.

Умственная деятельность, которая может быть легче всего организована, это, как уже было сказано, деятельность чистого идеативного знания. Она преобразуется на более высоком уровне в истинное *jñāna*, сверхразумную мысль, сверхразумное видение, сверхразумное знание через тождественность. Сущностное действие этого сверхразумного знания было описано в предшествующей главе. Необходимо, однако, видеть также, как это знание работает во внешнем применении, и как оно вступает с фактами существования. Оно отличается от действия ума во-первых тем, что естественно производит те операции, которые для ума являются высочайшими и наиболее трудными, действуя в них или на них сверху вниз, без затрудненного напряжения ума вверх, без умственного ограничения собственными и еще более низшими уровнями. Более высокие процессы не зависят от содействия низших, но скорее низшие процессы подчинены более высоким не только в руководстве, но и в самом их протекании. Поэтому, более низкие умственные операции, трансформируясь, не только изменяются в характере, но становятся полностью второстепенными. И более высокие умственные процессы тоже изменяют свой характер, потому что пронизанные сверхразумом, они начинают получать свой свет прямо из высочайшего самознания или бесконечного знания.

Обычное мыслительное действие ума можно для этой цели разложить на три составляющих движения. Первое, самое низшее и наиболее необходимое для умственного существа в теле — это работа обычного мыслительного ума, который основывает свои понятия на данных, предоставленных чувствами и поверхностными познаниями нервного и эмоционального существа, и на привычных взглядах, сформированных образованием, внешней жизнью и окружением. Этот привычный ум тоже имеет два движения, одно — постоянное низовое течение механически возвращающейся мысли, всегда повторяющей себя в том же самом кругу физического, виталического, эмоционального, практического и обще интеллектуального представления и опыта, другое — более активно работающее на весь новый опыт, который ум вынужден допускать, и сводящее его к формулам привычного мышления. Умственное сознание среднего человека ограничено этим привычным умом и очень несовершенно вращается по его

наружному кругу.

Вторая ступень мыслительной деятельности — это прагматический идеативный ум, который поднимает себя над жизнью и действует созидательно как среднее звено между идеей и жизнью-силой, между истиной жизни и истиной идеи, еще не проявленной в жизни. Он вытягивает материал из жизни и выстраивает из него и на нем творческие идеи, которые становятся динамическими двигателями для дальнейшего жизненного развития; с другой стороны он получает новую мысль и умственный опыт с умственного уровня и, еще более основательно, от идеи-силы Бесконечного и немедленно обращает это в умственную идею-силу и силу для текущего бытия и жизни. Весь прагматический идеативный ум обращен к действию и опыту, внутрь так же как и наружу, внутреннее выбрасывает себя наружу ради более полной реализации действительности, внешнее втягивается во внутрь и возвращается после этого с усвоениями и изменениями для новых созиданий. Мысль интересна для души только или главным образом на этом умственном уровне в качестве средства для широкой сферы действия и опыта.

Третья градация мышления открывает в нас чистый идеативный ум, который отрешенно живет в истине идеи вне всякой зависимости от ее ценности для действия опыта. Он рассматривает данные чувств и неглубоких внутренних переживаний, но только чтобы найти идею, истину, о которой они свидетельствуют, и чтобы свести их доказательства в выражения знания. Тем же способом и для той же цели он наблюдает творческое действие ума в жизни. Он занят знанием, все его цель — пережить восторг восприятия идеи и формирования понятия, поиска истины, усилия познать себя, мир и все, что может лежать за его собственным и мировым действием. Этот идеативный ум — высочайший предел досягаемости интеллекта, действующего типичным образом для себя, в своей собственной силе и для своей собственной цели.

Трудно для человеческого ума соединить правильно и гармонизировать эти три потока мыслительной деятельности. Обычный человек живет главным образом в привычном мышлении, у него сравнительно слабо работает творческий и прагматический ум, и он испытывает огромные трудности в том, чтобы вообще использовать или выйти в движение чистого идеативного ума. Творческий прагматический ум имеет обыкновение слишком много заниматься своим собственным побуждением двигаться свободно и незаинтересованно в атмосфере чистого идеативного порядка, а с другой стороны, располагает недостаточной быстротой понимания реальностей, что вызвано привычным мышлением и препятствиями, которыми оно обложено, а также он неполно воспринимает другие движения прагматической мысли и действия, кроме тех, которые сам заинтересован построить. Чистый идеативный ум склонен конструировать абстрактные и условные системы истины, интеллектуальные анализы и идеативные поучения, и он или упускает практическое движение, необходимое для жизни, и живет только и главным образом в идеях, или не может действовать с достаточной силой и прямоотой в жизненной сфере и опасается этой разъединенности и слабости в мире прагматического и привычного мышления. Некоторые приспособления сделаны, но тирания преобладающего направления вредит полноте и единству думающего существа. Уму не удастся быть уверенным хозяином даже своей собственной полноты, поскольку секрет этой полноты лежит выше его в свободном единстве Я, свободном и потому способном на бесконечное разнообразие и несходство, и в сверхразумной силе, которая одна может привести органическое составное движение объединения я естественное совершенство.

Сверхразум при своей завершенности перевертывает весь порядок умственного мышления. Он живет не в феноменальном, но в сущностном, в Я, и видит все как бытие Я, как его силу, форму и движение, и всякая мысль, и процесс мысли в сверхразуме должны также иметь тот же

характер. Вся его фундаментальная способность восприятия и формирования идеи есть передача духовного знания, которое действует посредством тождественности со всем бытием, и передача сверхразумного видения. Он, первым делом, движется среди вечных, сущностных и всеобъемлющих истин Я, бытия и сознания, бесконечной силы и восторга бытия, не исключая всего того, что кажется нашему теперешнему сознанию не-бытием, а все его особенное мышление проистекает из силы и зависит от силы этих вечных истин; но, во-вторых, он также чувствует себя как дома среди бесчисленных аспектов и применений, последовательности и сочетаний истин бытия Вечного. Он, поэтому, существует на своих высотах во всем том, чего действие чистого идеативного ума силится обнаружить и достигнуть, и даже на его нижних уровнях все это для его светлой восприимчивости представлено близко, легко уловимо и доступно.

Высшие истины или чистые идеи являются для идеативного ума абстракциями, потому что ум живет частично в феноменальном, частично в интеллектуальных конструкциях, и должен использовать метод абстракции для достижения более высокой реальности; сверхразум живет в духе, и потому, в самой сущности того, что эти идеи и истины представляют, или чем они по основе являются, и он точно реализует их, не только думает, но в действии мышления чувствует и отождествляет себя с их сущностью, и для него они настолько вещественны, насколько возможно. Истины сознания и сущностного бытия суть для сверхразума само вещество реальности, совсем близкое и, так сказать, более телесное, чем внешнее движение и форма бытия, хотя они тоже для него являются движением и формой реальности, а не иллюзией, как они представляются для определенного действия одухотворенного ума. Идея для него — это реальность-идея, вещество подлинной сущности сознающего бытия, полное силы для вещественного перевода истины и, поэтому, для творения.

Далее, в то время как чистый идеативный ум склонен возводить произвольные системы, которые являются умственными и частичными конструкциями истины, сверхразум не связан никаким представлением или системой, хотя он может совершенно изображать, приводить в порядок и созидать в живой субстанции истины для практических целей Бесконечного. Ум, когда он освобождается от замкнутости в своем кругу, систематизации, привязанности к своим собственным построениям, оказывается в недоумении от безмерности бесконечного, воспринимает это как хаос, хотя и светоносный хаос, он не способен более формулировать и, следовательно, думать и действовать решительно, поскольку все, даже сильно отличающиеся или противоположные вещи, указывают на некоторую истину в этой бесконечности, и все же ничто, как он может думать, не дает полной истины, и все его формулировки ломаются под натиском новых предложений из бесконечного. Он начинает смотреть на мир как на фантасмагорию, на мысль — как на беспорядочность молний, посылаемых из сверкающей безбрежности. Ум, угнетенный огромностью и свободой сверхразумного, теряет себя и не находит твердой опоры в обширном просторе. Сверхразум, напротив, может в своей свободе созидать гармонии из своей мысли и выражения бытия на твердой почве реальности, при этом неся свою безбрежную свободу и наслаждаясь в своем я беспредельной огромности. Все то, что он думает, так же как и все то, чем он является, что делает, переживает, принадлежит истине, правде, простору, satyam, rtam, brhat.

Результат этой цельности состоит в том, что нет разделения или несовместимости между свободной сущностной способностью восприятия и формирования идеи у сверхразума, — которая соответствует такой же чистой умственной способности, — свободной, непредвзятой, освещающей, и его творческой, прагматической способностью восприятия и формирования идей, целеустремленной и определяющей. Бесконечность бытия естественно результирует в свободе гармоний становления. Сверхразум всегда воспринимает действие как проявление и

выражение Я, и творение — как открытие Бесконечного. Вся его творческая и практическая мысль — это инструмент становления Я, сила освещения этой цели, посредник между вечной тождественностью и беспрестанной новизной и разнообразием беспредельного Бытия, его самовыражение в мирах и жизни. Именно это сверхразум постоянно видит и воплощает, и пока его идеативное видение и мысль переводит для него беспредельное единство и разнообразие Бесконечного, чем он является посредством вечного тождества, и в чем он живет во всей своей силе бытия и становления, есть также и особая творческая мысль, объединенная с действием беспредельной воли, Тапасом, силой бытия, которая определяет, что он будет должен представлять, проявлять или созидать из бесконечности в ходе Времени, что он будет делать — здесь и теперь или на любом витке Времени, в любой сфере мира — из вечного становления Я во вселенной.

Сверхразум не ограничен этим практическим движением и не принимает частичный ход или полный поток того, чем он таким образом становится и что создает в своей мысли и жизни, за всю истину своего Я или Бесконечного. Он не живет только в том, что он есть, что думает и делает избирательно в настоящем или только на одном уровне бытия; он не питает свое существование только настоящим или непрерывной последовательностью мгновений, ритму которых мы даем это наименование. Он не видит себя только в качестве движения Времени или сознания во времени или как творение беспрестанного становления. Он осознает за проявлением вневременное бытие, от которого исходит все проявление, он осознает то, что вечно даже во Времени, он осознает многие уровни существования; он осознает прошлую истину проявления и многое из той правды бытия, что еще должна быть проявлена в будущем, но уже существует в самосозерцании Вечности. Он не путает практическую реальность, которая есть истина действия и изменения, с единственной истиной, но видит ее как постоянную реализацию того, что вечно существует. Он знает, что творение на уровне ли материи, жизни, ума или сверхразума есть и может быть только само-побужденным представлением вечной истины, откровением Вечного, и он явственно осознает досуществование истины любой вещи в Вечности. Это видение обуславливает всякую его практическую мысль и его результативное действие. Делатель в нем — это избранная сила зрителя и мыслителя, самостроитель — сила самозрителя, самовыражающая душа — сила бесконечного духа. Он творит свободно, и все более уверенно и решительно для этой свободы, из бесконечного Я и духа.

Он, следовательно, не заключен в своем особом становлении, не закрыт в своем кругу или своем направлении действий. В масштабе и степени, каких ум не может достигнуть, он открыт истине других гармоний творческого становления, даже и в то время, когда в своем собственном становлении он проявляет решительную волю, мысль и действие. Когда он вовлечен в действие, представляющее по своей природе борьбу, замену прошлой или другой мысли и формы, в становление тем, чему указано проявиться, он знает истину того, что он перемещает и выполняет даже при замене, также как истину того, что он замещает. Он не связан своим проявляющим, выбирающим практическим сознательным действием, но он обладает всей радостью особо творческой мысли и выбранной точностью действия, Анандой истины форм и движений одновременно и в равной степени от своего собственного и других становлений. Всякая его мысль, воля жизни, действия и творчества, богатая, многогранная, фокусируя истину многих уровней, освобождена и освещена неограниченной истиной Вечности.

Это творческое или практическое движение сверхразумной мысли и сознания приносит с собой действие, которое соответствует действию привычного или механического ума, но имеет все же совсем иной характер. Созданная вещь является самоустановлением гармонии, и сама соразмерность проступает в увиденных и приданных очертаниях, пульсирует в ритмических повторениях. Сверхразумная мысль, организующая гармонию проявленного существования

сверхразумного бытия, основывает ее на вечных принципах, формует ее по правильным линиям истины, которая должна быть проявлена, сохраняет, как характерные звуки, повторение постоянных элементов в опыте и действии, которые необходимы для составления гармонии. Есть порядок мысли, цикл воли, стабильность в движении. В то же самое время его свобода не дает ему впасть через эти повторения в рутину привычного действия, всегда механически вращающегося вокруг ограниченного запаса мышления. Он не поступает подобно привычному уму, который ассимилирует и отсылает всякую новую мысль и опыт к зафиксированной привычкой модели мышления, принимая ее в качестве своей основы. Его основа, та, к которой все отсылается, пребывает наверху, *upari budhne*, в огромности Я, в верховном основании сверхразумной истины, *budhne rtasya*. Его порядок мысли, его цикл воли, его устойчивое движение действия не заостенели в механизме или обычае, но всегда наполнены духом, не живут в замкнутости или враждебности к другим сосуществующим или возможным порядкам и циклам, но впитывают поддержку ото всюду, с чем соприкасаются, и усваивают это по своему собственному принципу. Духовная ассимиляция реальна, потому что все отсылается к огромности Я и его свободному видению сверху. Порядок сверхразумной мысли и воли постоянно получает новый свет и силу свыше и без затруднений принимает полученное в свое движение; движение сверхразумной мысли, как свойственно порядку Бесконечного, даже в своей стабильности неопределимо гибко и пластично, способно на восприятие и превращение отношений всех объектов друг к другу в Единое, способно на выражение Бесконечного, всегда и все более и более, на выражение в своей полноте, в своей собственной манере всего того, что действительно выразимо в Бесконечном.

Таким образом, нет разногласия, несоответствия или трудности регулирования в комплексном движении сверхразумного *jñāna*, но есть простота в сложности, уверенная легкость в многостороннем множестве, что приходит из спонтанной уверенности и всеобщности самознания духа. Препятствия, внутренняя борьба, разлад, трудности, несогласованность частей и движений продолжаются при трансформации ума в сверхразум только, пока действие, влияние или давление ума, настаивающего на своих собственных методах конструирования, продолжаются, пока умственный процесс построения знания или мысль и воля действия на основе начального неведения сопротивляются противоположному процессу сверхразума, организующему все как светоносное выявление наружу из Я и присущего ему и вечного самознания. Таким образом, это тот сверхразум, действующий как представляющая, объясняющая, открыто повелительная сила духовного знания через тождественность, обращающий свободно и неограниченно свет бесконечного сознания в субстанцию и форму реальности-идеи, творящей из силы сознающего бытия и силы реальности-идеи, стабилизирующий движение, который подчиняется своему собственному закону, но является еще простым и пластическим движением бесконечного, использует свою мысль и знание, а также волю, идентичную в субстанции и свете со знанием, чтобы организовать в каждом сверхразумном существе его собственное правильное проявление единого Я и духа.

Действие сверхразумного *jñāna*, составленное таким образом, явственно превосходит действие умственного рассудка, и мы должны видеть, чем заменяется рассудок в сверхразумном преобразовании. Думающий ум человека находит свое наиболее чистое и характерное удовлетворение и свою самую определенную и эффективную первооснову организации в рассуждающем и логическом интеллекте. Правда, человеком не управляет и не может управлять целиком один разум, ни в мысли, ни в действии. Его умственное сознание безысходно подчинено составному, запутанному и трудно идущему действию рассуждающего интеллекта, соединенному с двумя другими силами, с интуицией, в настоящее время только наполовину понятной в умственном сознании человека, скрытой за более отчетливо видимым действием ума

или завуалированной и измененной в действии обычного интеллекта, и с жизненным умом ощущения, инстинкта, импульса, который по своей собственной природе есть вид затемненной, скрытой интуиции, и который снабжает интеллект снизу первыми материалами и данными. Каждая из этих сил в своем собственном роде представляет собой сокровенное действие духа, работающего в уме и жизни, и имеет более прямой и спонтанный характер, и является более непосредственной силой для восприятия и действия, чем рассуждающий интеллект. Но все же ни одна из этих сил не способна организовать для человека его умственное существование.

Его жизненный ум со своими инстинктами и импульсами не является и не может быть самодостаточным и преобладающим, как это бывает в более низком создании. Он был захвачен интеллектом и глубоко изменен им даже там, где развитие интеллекта несовершенно, и сам жизненный ум настоятельно стремится к своему возвышению. Он потерял значительную часть своего интуитивного характера, и сейчас, фактически, он бесконечно богаче в качестве поставщика материалов и данных, но более не самостоятелен и не свободен в своем действии, поскольку наполовину рационализирован, зависит, по крайней мере, от некоторого, вселенного в него элемента, хотя бы и смутного, рассуждающей или интеллектуальной деятельности, и не способен действовать с добрым намерением без помощи разума. Его корни и оплот совершенства находятся в подсознании, из которого он восходит, задача же человека состоит в том, чтобы укрепляться все более и более в осознанности знания и действия. Человек, поворачивая назад к управлению своим существом через посредство жизненного ума, стал бы безрассудным сумасбродным, тупым и слабоумным, потерял бы существенный характер человечности.

Интуиция, с другой стороны, имеет свои корни и оплот совершенства в сверхразумном, которое теперь нам представляется сверхсознательным, и в уме у нее нет чистого и организованного действия, но она непосредственно смешена с действием рассуждающего интеллекта, не действует сама по себе, но ограничена, фрагментарна, разбавлена, засорена и зависит в упорядоченном использовании и организации своих внушений от помощи логического рассудка. Человеческий ум никогда не бывает совершенно уверен в своих интуициях, пока они не рассмотрены и не подтверждены суждением рационального интеллекта, именно в этом он чувствует себя наиболее прочно и надежно. Человек, венчающий свой разум интуитивным умом, чтобы организовать свою мысль и жизнь, уже превзошел бы свойственный человечеству характер и вступил бы на путь развития сверхчеловечества. Это может осуществиться только сверху, ибо попытки сделать это снизу приведут лишь к другим несовершенствам, где умственный рассудок является необходимым фактором.

Рассуждающий интеллект — это промежуточная сила, действующая между жизненным умом и еще неразвитой сверхразумной интуицией. Его задача посредника, с одной стороны осветить жизненный ум, сделать его сознательным, управлять и регулировать насколько возможно его действием, пока Природа не будет готова развить сверхразумную энергию, которая завладеет жизнью, озарит и сделает совершенными все ее движения, превращая неясные интуитивные побуждения желаний, чувства, восприятия и действия в духовно и просвещенно спонтанное жизненное проявление Я и духа. С другой, более высокой его стороны, его миссия — получать лучи света, приходящего сверху, и переводить их в выражения интеллектуального ума, принимать, рассматривать, развивать, интеллектуально использовать интуитивные внушения, которые преодолели барьер и спустились в ум из сверхсознания. Он осуществляет это, пока человек, расширяя все более умственное осознание себя, своего окружения и своего бытия, осознает также и то, что он действительно не может познать эти вещи своим разумом, но может только сделать умственное представление их своему интеллекту.

Разум, однако, в интеллектуальном человеке склонен игнорировать ограничения своей силы

и функции, и пытается быть не инструментом и посредником, но заменителем Я и духа. Становясь самонадеянным из-за своих успехов и превосходства, из-за относительной яркости своего собственного света, он считает себя первичным и абсолютным, уверяет себя в своей собственной совершенной истине и достаточности, старается стать тотальным правителем ума и жизни. Это ему не удастся, поскольку он зависит в своем собственном реальном содержании и своем существовании от более низкой жизненной интуиции и от завуалированного сверхума и его интуитивных посланий. Он может только себе показывать призрачное достижение цели, поскольку он сводит весь свой опыт к рациональным формулам, затемняет наполовину подлинную природу мысли и действия, стоящих за ним, и ведет бесконечное рассмотрение вопросов, которые прорываются из его формул. Избыток разума делает жизнь искусственной и размеренно механической, лишает ее спонтанности и живости, мешает свободе и расширению духа. Ограниченный и ограничивающий умственный рассудок должен сделать себя пластичным и гибким, стать открытым к своему источнику, способным получать свет сверху, научиться превышать себя и перейти через легкую безболезненную смерть преобразования в тело сверхразумного рассудка. На это время ему дана сила и водительство для организации мысли и действия на характерно человеческом уровне, промежуточном между подсознательной силой духа, организующей жизнь животного, и сверхсознательной силой духа, которая, становясь осознанной, может организовать существование и жизнь духовного сверхчеловечества.

Характерная сила разума при его полноте — это логическое движение, которое прежде всего удостоверяется обо всех имеющихся в распоряжении материалах и данных, наблюдая их и классифицируя, затем действует на их основе для получения результирующего знания, добытого, гарантированного и расширенного первым использованием рефлексивных сил, и наконец, уверяет себя в правильности своих результатов посредством более тщательного и правильного, более бдительного, обдуманного, строго логического действия, которое проверяет, отвергает или подтверждает их, согласно определенным надежным стандартам и процессам, развитым с помощью проб и обдумывания. Первое дело логического рассудка, следовательно, это правильное, тщательное и полное наблюдение доступных ему материалов и данных. Первая и легчайшая область данных, открытая нашему знанию — это мир Природы, физических объектов, ставших внешними по отношению к нему из-за разделительного действия ума, объектов, не являющихся нами и, следовательно, только косвенно познаваемых посредством истолкования наших чувственных восприятий, посредством наблюдения, накопленного опыта, выводов и заключений, отражающего мышления. Другое поле деятельности — это сфера нашего собственного внутреннего бытия и его движения, которые человек знает, естественно, внутренним действующим умственным чувством, посредством интуитивного восприятия и постоянного опыта и через рефлексивную мысль, направленную на очевидность нашей природы. Рассудок даже относительно этих внутренних движений наилучшим образом и вернее всего действует и знает, совершая самоотделение от них и устанавливая совершенно безличностное и объективное отношение к ним, движение, которое в Йоге знания завершается в восприятии нашего собственного активного бытия также в качестве "не я", в качестве механизма Природы, подобно остальному мировому существованию. Знание других мыслящих и сознающих существ стоит между этими двумя полями, но получено также косвенно с помощью наблюдения, эксперимента, посредством различных средств коммуникации и, пользуясь ими, путем размышления, выводов и заключений, в значительной степени основанных на аналогии со знанием нашей собственной природы. Другое поле данных, которое разум должен наблюдать, это его собственное действие и действие всего человеческого интеллекта, ибо без этого изучения он не может быть уверен в правильности своего знания или в правильности метода и процесса. Наконец, есть другие сферы знания, данные которых не так легко доступны, и которые

требуют развития аномальных способностей, — открытие объектов и сфер существования за видимостями физического мира и открытие секрета Я или первоосновы бытия человека и Природы. С первым логический рассудок может пытаться вести дело, принимая объект к исследованию тем же самым способом, как он поступает с физическим миром, какие бы данные ни становились доступны, но обычно он мало склонен рассматривать их, находя, что легче вопрошать, сомневаться и отрицать, и его действие здесь редко бывает уверено или эффективно. Второе он обычно пытается раскрывать и обнаруживать с помощью конструктивной метафизической логики, основанной на его аналитическом и синтетическом наблюдении феномена жизни, ума и материи.

Действие логического рассудка с данными всех уровней одинаково. Сначала интеллект собирает и накапливает наблюдения, ассоциации, восприятия объектов и их результаты, получает общие представления, наводит более или менее четкий порядок, делает классификацию объектов и отношений согласно их сходствам и различиям, и работает над ними, придавая законченный вид, увеличивая запасы, постоянно добавляя идеи, воспоминания, воображения, суждения; все это первоначально составляет характер активности нашего знания. Есть вид естественного расширения этой познавательной деятельности ума, продвигающегося с помощью своей собственной движущей силы, есть эволюция, все более и более поддержанная возделанной культурой, есть возрастание способностей, добытых культурой, становящейся в свою очередь частью природы по мере того, как эти способности приобретают более спонтанное действие, — результат развития не качества и сущностной силы интеллекта, но степени силы, гибкости, многогранности способностей, изящества и остроты. Есть исправление ошибок, накопление надежных идей и суждений, получение или формирование нового знания. В то же время встает необходимость в более точной и уверенной работе интеллекта, который будет избавляться от поверхностного характера своего обычного метода, будет подвергать проверке каждый шаг, тщательно исследовать в отдельности каждое заключение и приводить действие ума к хорошо обоснованной системе и порядку.

Это движение развивает совершенный логический ум и поднимает до высшей точки остроту и силу интеллекта. Более грубое и поверхностное наблюдение заменяется или дополняется тщательными анализами всех процессов, свойств, составных частей, энергий, образующих объект или относящихся к нему и его объединяющему построению в целое, что добавляет или чем в значительной части заменяется природное умственное понимание объекта. Объект более точно выделяется из всех других, и в то же самое время более полно обнаруживаются его связи с другими. Есть установление единообразия, схожести и родства, а также расхождений и различий, завершающееся с одной стороны восприятием фундаментального единства бытия и Природы, подобия и неразрывности их процессов, с другой — полной и точной классификацией различных энергий и видов существ и объектов. Собираение и приведение в порядок материалов и данных знания доведено до совершенства настолько, насколько возможно для логического интеллекта.

Память — это необходимый помощник ума, хранящий прошлые наблюдения, это память индивидуума, но также и память расы, то ли в искусственной форме собранных летописей, то ли общая расовая память, сохраняющая свои накопления постоянным повторением и обновлением, и недостаточно оцененный элемент памяти, скрытая память, которая может под давлением различных побуждений повторить при новых условиях прошлые движения знания для принятия решения с помощью возросшей информации и понимания. Развитый логический ум приводит в порядок действие и возможности человеческой памяти и тренирует ее, чтобы максимально использовать ее материалы. Человеческий рассудок естественно работает на этих материалах двумя способами, через более или менее быстрое и суммарное сочетание наблюдения и вывода,

творческое или критическое заключение, через пронизательность и мгновенную мысль, — этот способ в значительной степени является попыткой ума работать в спонтанной манере с непосредственностью, которая может быть надежно достигнута только через более высокую способность интуиции, но в уме это вызывает много ошибочных сообщений и ложную самоуверенность, — и посредством более медленного, но в конце интеллектуально более надежного, ведущего поиск, рассматривающего и подвергающего проверке суждения, которое развивается в точное логическое действие.

Памяти и суждению помогает воображение, которое, как функция знания, подсказывает возможности, активно не представленные или не подтвержденные другими силами, и открывает двери новым перспективам. Развитый логический интеллект использует воображение для предложений неожиданных открытий и гипотез, но старается подвергнуть испытанию все эти внушения посредством наблюдения и скептического или щепетильного разбирательства. Он настаивает также на испытании, насколько возможно, всего действия самого суждения, отвергает поспешное заключение, предпочитая упорядоченную систему дедукции и индукции, и убеждается во всех своих шагах и в справедливости, последовательности, совместимости, связности своих умозаключений. Слишком формализованный логический ум лишает мышление смелости, но свободное использование всего действия логического интеллекта может скорее усилить определенное действие непосредственной пронизательности, приблизить подход ума к более высокой интуиции, однако он не испытывает к этому безоговорочного доверия. Логический рассудок всегда старается с помощью независимой, беспристрастной и тщательно обоснованной методической системы избавиться от ошибки, от предубеждения умственной ложной самонадеянности и достигнуть надежной уверенности.

Если бы этот тщательно разработанный метод ума был бы действительно достаточен для истины, не было бы нужды в следующем шаге вверх в эволюции знания. Фактически, умственный метод увеличивает умственное влияние на сам ум и на мир вокруг него, и он дает огромную и неоспоримую выгоду, но ум никогда не может быть уверен, идут ли его данные на построение реального знания или только на каркас, полезный и необходимый для человеческого ума и воли в его собственной теперешней форме действия. Все более и более осознается, что знание феномена возрастает, но знание сущности ускользает из этого трудного процесса. Должно придти время, и оно уже настает, когда ум постигнет необходимость призыва о помощи и настоятельную потребность развития полной интуиции и всего великого ряда сил, что лежат, скрытые за нашим неточным использованием слова и смутным восприятием его значения. В конце он должен обнаружить, что эти силы могут не только помочь и завершить, но даже заменить его собственное надлежащее ему действие. Это будет начало раскрытия сверхразумной энергии духа.

Сверхразум, как мы уже видели, поднимает действие умственного сознания до интуиции, создает промежуточную интуитивную способность мышления, недостаточную саму по себе, но более сильную, чем логический интеллект, и затем поднимает и трансформирует и ее тоже в подлинное сверхразумное действие. Первое, в восходящем порядке, хорошо организованное действие сверхразума — это сверхразумный рассудок, не более высокий логический интеллект, но прямо освещенная организация сокровенно субъективного и глубоко объективного знания, более высокое buddhi, логическое или, скорее, логос, Виджняна, Сверхразумный рассудок делает всю работу рассуждающего интеллекта и делает еще многое другое, но с большей силой и в иной манере. Затем, он сам бывает поднят вверх в более высокую зону силы знания, и там также он ничего не теряет, но все дальше возвышается, расширяется, преобразуется в силу действия.

Обычного языка интеллекта не хватает, чтобы описать это действие, поскольку те же самые слова приходится использовать, обозначая некоторое соответствие, но фактически включать

неадекватно дополнительное значение иной вещи. Итак, сверхразум использует определенное чувство-действие, применяя, но не ограничиваясь физическими органами, которое по своей природе есть форма-сознание и контакт-сознание, но умственная идея и опыт чувства не может дать представление о сущностном и характерном действии этого пронизанного сверхразумом чувства-сознания. Мысль в сверхразумном действии тоже отлична от мысли умственного интеллекта. Сверхразумное мышление по его основе ощущается как сознательный контакт, единение или тождественность субстанции бытия познающего субъекта с субстанцией бытия познаваемого объекта, а его форма мысли — как сила осознания Я, открываемого встречей или единением, поскольку несет в себе определенную форму-знание содержания, действия, значения объекта. Поэтому наблюдение, память, суждение тоже означают каждый нечто иное в сверхразуме, чем то, что они представляют в процессах умственного интеллекта.

Сверхразумный рассудок наблюдает все, что находится в поле зрения интеллекта, и много более; и это, так сказать, делает вещь, которая должна быть познана, полем действия осознания, в определенном отношении объективным, что заставляет выявлять ее природу, характер, качество, работу. Но это не та искусственная объективность, посредством которой рассудок в своем наблюдении пытается вытеснить элемент личной или субъективной ошибки. Сверхразум видит все в себе, и его наблюдение должно поэтому быть субъективно объективным и намного более интимным, хотя не таким же, как наблюдение наших собственных внутренних движений, рассмотренных как объект знания. Не в отдельно личном я, не через его силу видит сверхразум, и поэтому ему не нужно быть настороже против элемента личной ошибки; эта ошибка вмешивается до тех пор, пока умственный нижний слой или окружающая умственная атмосфера все еще остаются и могут подбросить свое влияние, или пока сверхразум, чтобы изменить ум, действует еще посредством нисхождения. И сверхразумный метод работы с ошибкой — это устранить ее не любым каким-то способом, но через возрастающую самопроизвольность сверхразумного распознавания и постоянное возвышение своей собственной энергии. Сознание сверхразума — это космическое сознание, и именно в этом Я вселенского сознания, в котором познающий индивидуум живет, и с которым он более или менее тесно объединен, содержится перед ним объект знания.

Познающий в своем наблюдении — это очевидец и свидетель, и такое отношение, казалось бы, включает в себе отдельность и различие, но дело в том, что это не отрезанная отдельность или абсолютное различие, и она не приносит исключаящего понимания наблюдаемой вещи как полностью "не я", как это бывает в умственном видении внешнего объекта. Всегда есть глубинное чувство единства с познаваемым объектом, ибо без этого единства не может быть сверхразумного знания. Познающий, содержащий объект в своем обобществленном собственном я сознания, как вещь, остановленную перед его свидетельствующим взглядом, включает объект в свое собственное более широкое бытие. Сверхразумное наблюдение есть наблюдение вещей, с которыми мы едины в бытии и сознании, и способны познать их так, как мы знаем самих себя, силой этого единства; акт наблюдения — это движение к выявлению скрытого знания.

Первым, следовательно, появляется фундаментальное единство сознания, что представляет собой, более или менее сильно, более или менее полно и непосредственно, раскрытие содержания его кладовых знания соответственно нашему развитию, возвышению и интенсивности жизни, чувства и видения в сверхразумных сферах. Между познающим и объектом познания, как результат этого фундаментального единства устанавливается поток или мост сознательной связи, — приходится использовать неадекватные образы, — и как следствие, контакт или активное единение, дающее возможность человеку сверхразумно видеть, чувствовать, воспринимать то, что должно быть познано в объекте или вокруг него. Иногда этот поток или мостсвязи сознательно не ощущается в данную минуту, только результаты контакта

заметны, но поток всегда реально есть, и последующее воспоминание может дать нам осознание, что эта связь действительно все время присутствовала; по мере того как мы растаем в сферу сверхразума, эта связь становится постоянным фактором. Необходимость этого потока или этого моста связи исчезает, когда фундаментальное единство становится полным активным единством. Этот процесс есть основа того, что Патанджали называет samyama, сосредоточение, направление или удержание сознания, с помощью которого, говорит он, человек может осознавать все, что есть в объекте. Однако, необходимость сосредоточения становится незначительной или нулевой, когда активное единство растет; ясное осознание объекта и его сути становится более непринужденным, простым и обычным.

Есть три возможных движения этого вида у сверхразумного наблюдения. Первое, познающий может перенести себя в сознании на объект, почувствовать его знание в контакте или охватывая его, или проникая в него, и там, как бы в самом объекте, осознавать то, что он должен узнать. Или он может посредством контакта осознавать то, что есть в этом объекте или принадлежит этому объекту, как например, мысль или чувство другого существа, идущие от него и входящие в самого познающего там, где он сейчас находится как очевидец. Или он может просто познать в себе через вид сверхразумной познавательной способности в своем собственном месте наблюдения без какого-то перенесения или вхождения. Начальной точкой и исходной основой наблюдения может быть присутствие объекта для физических и других чувств, но для сверхразума это не обязательно. Вместо этого может быть внутренний образ или просто идея объекта. Простая воля знать может принести сверхразумному сознанию нужное знание, или, может быть, воля быть узанным или вступить в общение с объектом знания.

Тщательно разработанный процесс расчленяющего наблюдения и собирающего истолкования, принятый логическим интеллектом, не является методом сверхразума, и все же есть соответствующее этому действие. Сверхразум различает прямым видением и без какого-либо умственного процесса рассмотрения по частям особенности и подробности вещи, формы, энергии, действия, качества, ума, души, всего, что находится в поле его зрения, и он видит также с равной прямоотой и без какого-либо процесса собирания частей имеющую важное значение полноту целого, от которой эти особенности произошли. Он видит также Свабхаву, сущность вещи в себе, от которой и полнота целого, и частности являются лишь проявлениями. И далее, он видит, то ли через сущность, Свабхаву, то ли помимо ее, единое Я, единое существование, сознание, силу, мощь, от чего вещь представляет собой выражение нижнего уровня. Это может быть в какое-то время наблюдением только особенностей, но целое при этом подразумевается, и наоборот, — как например, всеохватывающее состояние ума, из которого поднимается мысль или чувство, — познание может начаться от того или другого и проследовать сразу через прямую подачу мысли к заключенному знанию. Сущность подобным же образом заключена в целом, а также в каждой или во всех особенностях, и там может быть тот же самый быстротекущий или немедленный, взаимно исключающий или чередующийся процесс. Логика сверхразума отлична от логики ума; он всегда видит я как то, что есть, сущность вещи как фундаментальное выражение бытия и силы я, а целое и частности как последовательное проявление этой силы и ее активное выражение. Таков постоянный порядок в полноте сверхразумного сознания и знания. Все восприятие единства, тождественности, различия, вида, уникальности, полученное сверхразумным рассудком, согласуется и зависит от этого порядка.

Это наблюдающее действие сверхразума применяется ко всем вещам. Его видение физических объектов не есть и не может быть только поверхностным или внешним обозрением, даже когда сконцентрировано на внешнем. Он видит форму, действие, особенности, но он сознает в то же самое время качества или энергии, guna, sakti, переводом которых является форма, и он понимает их не как заключение или дедукцию от формы или действия, но чувствует

и видит их прямо в бытие объекта и совершенно так же ярко, — можно сказать с мельчайшей конкретностью и выпуклой реальностью, — как форму или осязаемое чувствами действие. Он осознает также то сознание, которое проявляет себя в качестве, энергии, форме. Он может чувствовать, знать, наблюдать, видеть силы, направления, побуждения, объекты, абстрактные для нас, совершенно так же прямо и ярко, как объекты, которые мы теперь называем видимыми и осязаемыми. Он наблюдает тем же способом личности и существа. Он может принять за свою начальную точку или первое указание речь, действие, внешние признаки, но он не ограничен ими и не зависит от них. Он может знать, чувствовать, наблюдать само я и осознание другого, может или приступить к нему прямо через внешний указатель, или может в своем более мощном действии начать с сознания и сразу, вместо попыток знать внутреннее бытие через очевидность внешнего выражения, лучше понимать все внешнее выражение в свете внутреннего существования. Именно так, полностью, сверхразумное существо знает свое собственное внутреннее бытие и природу. Сверхразум может также действовать с равной силой и наблюдать с непосредственным переживанием то, что скрыто за физическим порядком; он может двигаться в иных, чем материальная вселенная, планах. Он знает я и подлинность явлений через тождественность, через переживание единства или через соприкосновение с единством и видение; видящее и осознающее восприятие идей, знание, зависящее или происходящее из этих осознаний, его мысленное представление истин духа есть выражение такого рода взгляда и опыта.

Сверхразумная память отлична от умственной, она — не хранение прошлого знания и опыта, но постоянное присутствие знания, которое может быть выдвинуто вперед или, что более характерно, предлагает себя, когда это нужно; она не зависит от внимания или от осознанного получения, ибо сообщения из прошлого фактически не известные или не замеченные, не могут быть вызваны из скрытого состояния действием, которое по существу все же есть воспоминание. Особенно на определенном уровне все знание представляется как воспоминание, поскольку все скрыто, или все присутствует в Я сверхразума. Будущее, подобно прошлому, представляет себя знанию в сверхразуме как память о заранее известном. Воображение, преобразованное в сверхразуме, действует с одной стороны как сила подлинного образа и символа, всегда образа и символа некоторого значения, ценности или другой истины бытия; с другой стороны, оно действует как вдохновение или понимающее видение вероятностей и возможностей, не менее точное, чем видение текущих или осуществившихся явлений. Все расставляется по местам, то ли с помощью сопутствующего интуитивного или объяснительного суждения, то ли взглядом, присущим видению образа, символа и возможности, то ли сверхвозвышенным откровением того, что стоит за образом и символом, или того, что определяет потенциальное и текущее и их соотношения, и, может быть, того, что отвергает и превосходит их, налагая конечные истины и высшую несомненность.

Сверхразумное суждение действует неотделимо от сверхразумного наблюдения или от памяти, присущей ему так же, как прямое видение или постижение ценностей, значений, произошедшего и последствий, связей и т. д., оно может следовать за наблюдением как освещающая, раскрывающая идея или внушение; то ли суждение может идти вперед, независимо от какого бы то ни было наблюдения, а затем объект, вызванный в памяти и рассмотренный, подтверждает визуальную истину идеи. Во всяком случае для своей собственной цели оно самодостаточно, оно располагает своим собственным свидетельством и реально не зависит в своей истине ни от какой помощи или подтверждения. Есть логика сверхразумного рассудка, но ее функция не в том, чтобы испытывать или тщательно исследовать, поддерживать, доказывать или обнаруживать и устранять ошибку. Ее функция — просто связывать знание со знанием, открывать и применять гармонии, согласования и отношения, организовывать движение

сверхразумного знания. Это она делает не через какое-то формальное правило или конструкцию выводов и заключений, но прямым, живым и непосредственным видением и размещением связей и отношений. Всякая мысль в сверхразуме восходит к природе интуиции, вдохновения или откровения, и все недостатки знания должны быть восполнены дальнейшим действием этих сил; ошибка предотвращается действием спонтанного и освещающего различения; движение всегда идет от знания к знанию. Это движение не рациональное в нашем смысле, но сверхрациональное, — оно делает полновластно то, что пытался сделать, спотыкаясь и несовершенно, умственный рассудок.

Сферы знания над сверхразумным рассудком, превышающие и превосходящие его, не могут быть полно описаны, и не обязательно здесь делать такую попытку. Достаточно сказать, что там процесс в значительно большей степени умелый, интенсивный, освещенный, повелительный, мгновенный, размах активного знания огромнее, путь к знанию через тождественность короче, мысль больше заполнена светоносной субстанцией самоосознания и всевидения и явно независима от любой другой низшей поддержки или помощи.

Должно помнить, что эти характеристики полностью не применимы даже к самому сильному действию интуитивного ума, но там видны только их первые проблески. Не могут они полностью и чисто проявиться до тех пор, пока сверхразумное сознание только формируется, встречаясь с низовым течением, смешиваясь с умственным действием или работая в его окружении. Только когда ум превзойден и уходит в пассивное молчание, только тогда может быть полное раскрытие и верховное и интегральное действие сверхразумного гнозиса.

ВСЕ инструменты, все виды деятельности ума имеют свои соответствующие силы в действии сверхразумной энергии, и там они возвышены и преобразованы, но там у них обратный порядок очередности и необходимой важности. Как только появляется сверхразумная мысль и сущностное сознание, так же появляется и сверхразумное чувство. В своей основе чувство не представляет собой действие определенного физического органа, оно есть контакт сознания со своим объектом, *sañjana*.

Когда сознание существа целиком оттянуто в себя, оно ощущает и постигает только себя, свое собственное бытие, свое собственное осознание, свой собственный восторг существования, свою собственную сконцентрированную силу бытия, и все это — не во внешних формах, оно в их сущности. Когда оно выходит из этого самопогружения, оно начинает сознавать или выпускать, или развивать из своего самопогружения свои энергии и формы бытия, сознания, восторга и силы. Тогда также, на сверхразумном уровне, его начальное осознание еще остается родственным и полностью схожим с самоосознанием духа, самознанием единого и бесконечного; это знание, которое знает все свои объекты, формы и действия исчерпывающим и всесторонним знанием через осознание их в своем собственном бесконечном я, которое знает внутренне через осознание их собственного я, которое знает абсолютно, сознавая их едиными в Я со своим собственным бытием. Все его другие способы знания являются проекцией этого знания через тождественность, его частями или движениями, или на самом низком уровне зависят от него в их правдивости и освещенности, окрашены им, поддержаны им даже в их собственном отдельном способе действия, и передаются ему на рассмотрение открыто и безоговорочно как своему властелину и источнику.

Действие, наиболее близкое к этому сущностному знанию через тождественность, это — огромное обнимающее сознание, особенно характерное для сверхразумной энергии, которое принимает в себя всю истину, идею и объект знания, и видит их сразу в их сущности, целостности, частях и аспектах, — *viñjana*. Его движение — это полное видение и понимание; это всесторонний охват и завладение в собственном я знания, и оно держит объект сознания как часть я, оно едино с ним, единение осуществляется спонтанно и прямо в акте познания. Другое сверхразумное действие отодвигает знание через тождественность на задний план и больше ставит ударение на объективности познанной вещи. Его характерное движение, спускающееся в ум, становится источником особенной природы нашего умственного знания, быстрого понимания, *prajñana*. В уме действие понимания вначале вызывает разделение и различие между познающим, знанием и познаваемым; но в сверхразуме движение понимания совершается в бесконечной тождественности или по крайней мере в космическом единстве. Только лишь, я знания доставляет себе удовольствие отстранить объект осознания от непосредственной близости первоначального и вечного единства, но всегда имея его в себе, и познать его снова другим способом так, чтобы установить с ним варианты отношений взаимодействия, которые звучат как нижние струны в гармонии игры сознания. Движение этого сверхразумного понимания, *prajñana*; становится подчиненным, третичным действием сверхразумного сознания, для полноты которого необходимы соприкосновение и слово. Первичное действие, поскольку оно имеет природу знания через тождественность или исчерпывающего понимания в сознании,

вполне закончено в себе и не нуждается в этих средствах формулирования. Сверхразумное понимание, будучи от природы истины-видения, истины-слышания и истины-воспоминания, хотя и способно быть достаточным в себе в определенном отношении, все же чувствует себя полнее осуществленным через мысль и слово, что придает ему реальность выражения.

Наконец, четвертый вид действия сверхразумного сознания завершает различные возможности сверхразумного знания. Оно еще сильнее подчеркивает объективность познаваемой вещи, удаляет ее от места нахождения переживающего сознания и снова приближает ее через объединяющий контакт, осуществленный или в прямой близости, в соприкосании, в единении или менее тесно с помощью моста или соединяющего течения сознания, о котором уже было упомянуто. Это соединение существования, присутствий, предметов, форм, сил, действий, но соединение их в веществе сверхразумного бытия и энергии, не в столкновениях при раздроблении материи и не через физические инструменты, что создает сверхразумное чувство, *saṁjñāna*.

Есть некоторая трудность в объяснении природы сверхразумного чувства уму, еще не знакомому с ним через расширенный опыт, поскольку наше представление о действии чувства руководствуется с ограниченным опытом физического ума, и мы предполагаем, что его основа — это впечатление, вызванное внешним объектом в физическом органе зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса, и что дело ума, теперешнего центрального органа нашего сознания, состоит в том только, чтобы получать физические впечатления и их нервные передачи и тем самым интеллектуально осознавать объект. Для того, чтобы постигнуть сверхразумное изменение мы должны ясно понять, во-первых, что ум есть единственно реальное чувство даже в физическом процессе; его зависимость от физических впечатлений является результатом условий материальной эволюции, но это не основа и необходимость. Ум способен видеть независимо от физического глаза, слышать независимо от физического уха, и так далее с действием всех других чувств. Он способен также на осознание, действующее через то, что кажется нам умственным впечатлением, на осознание предметов, не переданное или даже не подсказанное действием физических органов, — раскрытие к связям, событиям, даже формам, даже и к действию сил, о которых физические органы не могли иметь своих собственных показаний. Следовательно, начиная осознавать эти более редкие силы, мы говорим об уме как о шестом чувстве; но, фактически, ум — это единственный подлинный чувственный орган, а остальные являются не более чем его внешними приспособлениями и вторичными инструментами, хотя из-за его зависимости от них они стали его ограничителями, его чрезмерно повелительными и все остальное исключаящими поставщиками. Далее, мы должны ясно понять, — и это труднее всего допустить при наших обычных представлениях о материи, — что ум сам есть только характерный инструмент чувства, но само чувство, чувство в своей чистоте, *saṁjñāna*, существует за умом и над умом, который оно использует, и что оно есть движение я, прямое и первоначальное действие бесконечной силы сознания. Чистое действие чувства есть духовное действие, а само чистое чувство есть сила духа.

Духовное чувство способно познавать своим собственным характерным способом, иным, чем способ сверхразумной мысли, или рассудка, или духовного постижения, *vijñāna*, или знания через тождественность, способно познавать любые явления, материальные и то, что для нас нематериально, познавать все формы и то, что бесформенно. Все есть духовная субстанция бытия, субстанция сознания и силы, субстанция восторга; и духовное чувство, чистое *saṁjñāna*, есть контактно ощущаемое реальное осознание существом своей собственной протяженной субстанции я и всего, что в ней от бесконечной или вселенской субстанции. Возможно для нас не только знать через осознаваемую тождественность, через духовное понимание я, основ и аспектов, силы, игры и действия, через прямую, духовную, сверхразумную и интуитивную

мысль-знание, через сердечное духовно и сверхразумно просвещенное переживание, любовь, восторг, но также возможно для нас ощущать, иметь в точно литературном значении чувство — ощущение-знание или восприятие — Духа, Я, Бога, Бесконечного. Состояние, описанное Упанишадами, в котором человек видит, слышит, осязает, ощущает любым способом Брахмана и только Брахмана, ибо все объекты стали для сознания только этим и не имеют другого, отдельного или независимого существования, это не просто оборот речи, но точное описание основного действия чистого чувства и духовного объекта чистого samjāna. И в этом первоосновном исходном действии, — а для нашего опыта в действии преображенного, славного, бесконечно блаженного чувства, прямого восприятия Я снаружи, внутри, вокруг, везде, в действии ради того, чтобы обнимать, прикасаться и впитывать в себя все, что есть в его вселенском бытии, — мы можем начать осознавать самым живым и восхитительным способом Бесконечное и все, что есть в нем познаваемого, через теснейшее чувственное соединение нашего существа со всем бытием, со всем, что ни на есть во вселенной.

Действие сверхразумного чувства основано на этой подлинной истине ощущения; таково устройство этого чистого, духовного, бесконечного, абсолютного samjāna. Сверхразум, действуя через чувство, ощущает все как Бога и в Боге, все как проявленное прикосновение, зрение, слушание, вкушение, осязание, все как воспринятую чувствами, увиденную, прямо пережитую в ощущении субстанцию и силу, энергию и движение, игру, проникновение, вибрацию, форму, близость, давление, материальное изменение Бесконечного. Ничто не существует независимо для его чувства, но все ощущается как одно бытие и движение, и каждая вещь — как неотделимая от остальных, как содержащая в себе все Бесконечное, все Божественное. У этого сверхразумного чувства есть прямое ощущение и переживание не только форм, но сил, энергии и качества в вещах, божественной субстанции и присутствия, которое пребывает внутри них и вокруг них, и в которое они открываются и расширяются в своем тайном тонком я и тонких стихиях, простираясь в единстве в Беспредельное. Для сверхразумного чувства нет реальных ограничений; оно основано на восприятии всего в каждом и каждого во всем; его чувственное определение, хотя и более точное и полное, чем умственное, не создает перегородок разграничения; это эфирный океан чувства, в котором все особенное чувственное знание и восприятие есть лишь движение волны, или струйка, или капля, в которой однако сосредоточен весь океан, и которая от океана неотделима. Это эфирное чувство. Его действие есть результат расширения и вибрации бытия и сознания в сверхэфирном эфире света, эфире силы, эфире блаженства, Ананда Акаша по Упанишадам, которая есть нетронутая матрица вселенского выражения Я, — здесь в теле и уме, пережитый только в ограниченных пространствах и вибрациях, — и его действие есть проводник его подлинного переживания. Это чувство даже в его самой низшей силе освещено озаряющим светом, который несет в себе тайну переживаемого явления, и может поэтому быть начальной точкой и основой всего остального в сверхразумном знании, — сверхразумной мысли, духовного разума и понимания, осознаваемой тождественности, — и на своем высочайшем уровне или в своей полнейшей интенсивности действия оно раскрывается, вмещает в себя и сразу высвобождает знание тайны переживаемого явления. Оно сильно светоносной силой, которая несет в себе энергию самоосуществления, мощную и неограниченную результативность, и это чувство-переживание может, следовательно, быть отправной точкой импульса для творческого или исполнительского действия духовной и сверхразумной воли и знания. Оно переживает восхитительный и ослепительный восторг, и эти ощущения и восприятия становятся ключом к Ананде или сосудом божественной и бесконечной Ананды.

Сверхразумное чувство может действовать в своей собственной силе, независимо от тела, физической жизни и внешнего ума, и оно также выше внутреннего ума и его переживаний. Оно

может осознавать все вещи в любом мире, на любом уровне, в любой формации вселенского сознания. Оно может осознавать вещи материальной вселенной даже в трансе Самадхи, осознавать их так, как они есть или как представляются физическому чувству, или каково это представление в других состояниях переживания, в чистом виталическом, умственном, душевном, сверхразумном. Оно может в бодрствующем состоянии физического сознания представить нам вещи, скрытые от ограниченной восприимчивости или находящиеся за пределами действия физических органов, отдаленные формы, сцены и события, вещи, которые вышли из физического существования или еще не вошли в него, сцены, формы, события, символы виталического, душевного, умственного, сверхразумного, духовного миров, и все это — в их подлинной или смысловой истине так же ярко, как их внешнее проявление. Оно может использовать все другие состояния чувственного сознания и соответствующие ощущения и органы, добавляя им то, чего они не имеют, исправляя их ошибки и пополняя недостающее, поскольку оно является источником для других чувств, а они являются только низшими ответвлениями от этого более высокого чувства, этого подлинного и неограниченного samjñana.

2

Подъем уровня сознания от ума к сверхразуму и следующее за этим преобразование существа из состояния умственного в состояние сверхразумного Пуруши должно принести с собой, чтобы быть полным, трансформацию всех частей человеческой природы и всех ее деятельностей. Весь ум не просто переделывается в пассивный канал сверхразумных энергий, канал их опускания вниз в жизнь и тело, их изливания наружу или связи со внешним миром, материальным существованием, — это только первая стадия процесса, — но ум пронизывается сверхразумом вместе со всеми своими инструментами. Происходит соответственным образом глубокое преобразование в физическом чувстве, физическое зрение, слух, осязание и прочее пропитываются сверхразумом, что создает или открывает для нас совершенно иное представление, не просто о жизни и ее значении, но даже о материальном мире во всех его формах и аспектах. Сверхразум использует физические органы и поддерживает их способ действия, но он развивает за ними внутренние и более глубокие чувства, которые видят то, что скрыто от физических органов, и дальше он преобразовывает новое зрение, слух и другие новые чувства, таким образом созданные, переплавляя их в свою собственную форму и способ ощущения. Изменение таково, что ничто не убирается из физической истины объекта, но добавляется к ней его сверхфизическая истина, и стирается устранением физического ограничения элемент ошибки в материальном способе переживания.

Преобразование сверхразумом физического чувства приносит с собой результат, который в этой сфере чувств подобен тому, что мы переживаем в трансмутации мысли и сознания. Как только, например, зрение изменяется под влиянием сверхразумного видения, глаз получает новое и преобразованное восприятие вещей и мира вокруг нас. Его взгляд приобретает необычайную полноту, немедленную и охватывающую точность, в которой и целое, и каждая деталь выступают сразу в завершенной гармонии и яркости истинного смысла, обозначенного Природой в объекте и в его реализации из идеи в форму, исполненной в триумфе материального бытия. Это преобразование таково, как будто бы взгляд поэта и художника заменил грубую и тривиальную невосприимчивость обычного зрения, и взгляд необычайно одухотворенный и сияющий, — как будто бы в самом деле это взгляд верховного божественного Поэта и Художника, и мы в нем участвуем и там получаем полное видение его истины и его намерения в его замысле вселенной и каждой вещи во вселенной. Есть неограниченная интенсивность,

которая делает все, что воспринимается зрением, раскрытием славы идеи и качества, формы и цвета. Физический глаз словно начинает нести в себе дух и сознание, которое видит не только физический аспект объекта, но душу качества в нем, трепет энергии, свет и силу, духовную субстанцию, из которой объект создан. Так приходит через физическое чувство к общему чувственному сознанию внутри и за видением откровение души увиденной вещи и вселенского Духа, который выражает себя в объективной форме своего собственного сознающего бытия.

В то же самое время происходит тонкое изменение, которое позволяет зрению видеть в некотором четвертом измерении и особенность которого заключается в своего рода смотрении изнутри, в возможности видеть не только поверхности и внешние формы, но также того, что наполняет, одушевляет и тонко простирается вокруг объекта. Материальный объект становится для такого зрения чем-то отличным от того, что мы сейчас видим, не отдельным объектом на фоне или в окружении остального в Природе, но неделимой частью и даже, неизъяснимым образом, выражением единства всего, что мы видим. И это единство, которое мы видим, не только для более тонкого сознания, но и для простого чувства, для самого просвещенного физического зрения, становится единством тождественности Вечного, единством Брахмана. Для зрения, претерпевшего воздействие сверхразума, материальный мир и пространство, материальные объекты прекращают быть материальными в том смысле, который мы сейчас, на основании единственного свидетельства наших ограниченных физических органов и физического сознания, смотрящего через них, вкладываем в наше грубое восприятие, и который понимаем как наше представление о материи. Материальный мир и материальные объекты представляются и воспринимаются зрением как сам дух в форме самого себя и сознательного саморасширения. Целое есть единство, — единство, незатронутое многочисленностью объектов и деталей, — удерживаемое действием сознания в духовном пространстве, и вся субстанция есть сознающая субстанция. Это изменение и эта всеобщность способа видения приходит благодаря превышению ограничений нашего теперешнего физического чувства, потому что сила тонкого или психического зрения была влита в физическое зрение, и затем в эту психо-физическую силу видения было влито духовное зрение, чистое чувство, сверхразумное samjñana.

Все другие чувства подвергаются аналогичной трансформации. Все, что слышит ухо, раскрывает полноту своего звучащего тела, звуковое значение и все тона своей вибрации, обнаруживает также для единого и полного слушания качество, ритмическую энергию, душу звука и выражение звуком одного вселенского духа. Есть то же самое восприятие изнутри; чувство входит в глубину звука и находит там то, что наполняет, одушевляет и расширяет это звучание до слияния с гармонией всего звука, и не менее этого, с гармонией всей тишины, так что ухо всегда слушает Бесконечное в его звучащем выражении и голос его молчания. Все звуки становятся для слуха, претерпевшего воздействие сверхразума, голосом самого Божественного, переродившегося в звук, и ритмом созвучий вселенской симфонии. И есть также та же самая полнота, яркость, интенсивность, открытие я услышанной вещи и духовное удовлетворение я в слушании. Осязание, претерпевшее воздействие сверхразума, также соединяет или касается Божественного во всех вещах и познает все вещи как Божественное через сознающее я в соприкосновении; и есть также та же самая полнота, интенсивность, откровение всего, что есть в и за прикосновением для переживающего сознания. Происходит подобное же преобразование других чувств.

В то же самое время идет открытие новых сил во всех чувствах, расширяется сфера и протяженность физического сознания до невообразимой способности. Сверхразумная трансформация распространяет физическое сознание далеко за границы тела и дает ему возможность получать с совершенной конкретностью физический контакт с вещами на расстоянии. Физические органы становятся способными служить каналами психического и

других чувств так, что мы можем видеть физическим бодрствующим зрением то, что обычно бывает открыто в аномальных состояниях только психическому видению, слышанию или другому чувство-знанию. Это именно дух или внутренняя душа видит и чувствует, но тело и его силы сами одухотворяются и прямо участвуют в переживании. Чисто материальное ощущение подвергается действию сверхразума и начинает осознавать, — прямо и с участием физических инструментов, а в конце в единстве с более тонкими инструментами, — силы и движения, физические, виталические, эмоциональные, умственные вибрации объектов и существ, и чувствует их всех не только духовно или умственно, но физически в собственном я и как движения единого я в этих многих телах. Стена, которую ограничения тела и его чувств возвели вокруг нас, разрушена даже в теле и в чувствах, а на ее месте возникло свободное общение с вечным единством. Всё чувство, всё ощущение наполняется божественным светом, божественной силой и глубиной переживания, божественной радостью, восторгом Брахмана. И даже то, что теперь воспринимается нашим чувством как диссонанс и резкий неприятный звук, занимает свое место во всеобщем согласии вселенского движения, обнаруживает свою гаса, значение, замысел, и благодаря восторгу от его цели в божественном сознании и от его проявления своего закона и Дхармы, своей гармонии со всеобщим Я, благодаря восторгу от его места в проявлении божественного бытия, становится прекрасной и счастливой находкой для душевного опыта. Все восприятие становится Анандой.

Воплощенный в нас ум обычно осознает через посредство физических органов и осознает только их объекты и субъективные переживания, которые, кажется, вынуждены начинаться от физического опыта и принимать только показания физических органов, как бы ни были они маловероятны, в качестве основы и формы их истолкования. Всё остальное, всё, что не согласуется с ними, не является их частью или не подтверждается физическими данными, кажется уму скорее воображением, чем реальностью, и только в аномальных состояниях он открывается к другим видам сознающего опыта. Однако же, фактически, существуют безмерные пространства за пределами физических данных, которые мы могли бы осознавать, если бы мы открыли двери нашего внутреннего существа. Эти пространства уже введены в действие и известны засознательному я в нас, и многое даже в нашем внешнем сознании прямо спроектировано оттуда без нашего ведома об их влиянии на наше субъективное переживание внешних объектов. Есть за физическим сознанием область независимых виталических или пранических переживаний, засознательных и иных, чем внешнее действие витализированного физического сознания. И когда она обнаруживает себя или действует любым способом, бодрствующему уму открывается феномен виталического сознания, виталической интуиции, виталического чувства, не зависящего от тела и его инструментов, хотя оно может использовать их в качестве вторичного проводника и регистратора. Возможно открыть полностью эту область и, когда мы это совершаем, мы обнаруживаем, что ее действие есть работа сознающей жизненной силы, индивидуализированной в нас, работа, соединяющая вселенскую жизненную силу и ее процессы в объектах, событиях и лицах. Ум осознает жизненное сознание во всем этом, отзывается на него через наше жизненное сознание с непосредственной прямоотой, не ограниченной обычной связью через тело и его органы, записывает его интуиции, становится способным к переживанию существования как передачи вселенской Жизни или Праны. Сфера, которую виталическое сознание и виталическое чувство осознают в первую очередь не есть сфера форм, но прямо сфера действия сил; их мир — это мир игры энергий, а форма и событие ощущаются только вторично, как результат и воплощение энергий. Ум, работающий через физические чувства, может только конструировать вид и знание этой природы как идею в интеллекте, но он не может выходить за пределы физической передачи энергий, и он не имеет поэтому ни настоящего прямого переживания истинной природы жизни, ни действительной

реализации жизненной силы и жизненного духа. Именно посредством открытия этого другого уровня или глубины переживания внутри и через доступ к виталическому сознанию и виталическому чувству, ум может получить истинное и прямое переживание. Все же, даже тогда, пока происходит это на умственном уровне, переживание ограничено виталическими выражениями и их умственными изображениями, и остается неясность даже в этом возвеличенном чувстве и знании. Сверхразумная трансформация преобразует виталический уровень в сверхвиталический, показывает его как динамику духа, производит полное раскрытие и истинное откровение всей духовной реальности за и внутри жизненной силы и жизненного духа и всей его духовной так же как и умственной и чисто виталической истины и значения.

Сверхразум в его нисхождении в физическое существо пробуждает, если оно еще не разбужено предыдущей Йогической Садханой, сознание, — завуалированное или затемненное в большинстве из нас, — которое поддерживает и формирует виталическую оболочку, *prana kosa*. Когда она активизирована, мы более не живем только в физическом теле, но также в виталическом теле, которое пронизывает и окутывает физическое тело, которое чувствительно к импульсам иного рода, к игре виталических сил вокруг нас, наступающих на нас из вселенной, идущих от особых лиц, людей или предметов, или еще приходящих из виталических уровней и миров, существующих за материальной вселенной. Эти импульсы мы чувствуем даже теперь по их результату в некоторых прикосновениях и воздействиях, но не совсем или очень мало ощущаем их источники и их прохождение. Разбуженное сознание в праническом теле немедленно чувствует их, осознает проходящую виталическую силу иначе, чем физическую энергию, и может втягивать и получать из нее, чтобы увеличить виталическую силу и поддержать физические энергии, может прямо справиться с причинами нарушения здоровья и проявлением болезни средствами этого виталического притока посредством направления пранических течений, может осознавать виталическую и эмоционально-виталическую атмосферу других и иметь дело с ее изменениями, вместе со множеством других явлений, которые не ощутимы или не ясны для нашего внешнего сознания, но здесь становятся осознаваемыми и ощутимыми. Оно остро ощущает жизненную душу и жизненное тело в нас самих и в других. Сверхразум поднимает это виталическое сознание и виталическое чувство, помещает его на его верное основание и преобразует его раскрытием жизненной силы как самой силы духа, динамизированной для точного и прямого воздействия на тонкую и плотную материю, а через нее — для созидания и работы в материальной вселенной.

Первый результат заключается в том, что ограничения нашего индивидуального жизненного существа взламываются, и мы не живем более личной жизненной силой, или обычно не ею, но во вселенской жизненной энергии и ее действием в нас. Это вся вселенская Прана приходит, сознательно устремляясь в нас и через нас, именно в эту неотделимую от себя точку сосредоточения силы, в центр, хранящий ее пульсацию, в пункт связи и общения, поддерживает там динамический контактный круговорот энергий, постоянно чувствует этот центр с его силами и вливает их в деятельность мира вокруг нас. Эта жизненная энергия ощущается нами не просто как виталический океан и его волны, но как виталическое направление, форма, тело, изливание сознающей вселенской Шакти, и эта сознающая Шакти обнаруживает себя как Чит Шакти Всевышнего, Энергия трансцендентного и вселенского Я и Пуруши, для которой — или скорее для кого — наша обобщественная индивидуальность становится инструментом и каналом. В результате мы чувствуем единство своей жизни со всеми другими, себя — единым с жизнью Природы и всего во вселенной. Есть свободная и сознательная связь виталической энергии, работающей в нас, с такой же энергией, работающей в других. Мы осознаем их жизнь, как нашу собственную, или по крайней мере, как прикосновение, давление и сообщающиеся движения нашего жизненного существа к ним и их к

нам. Виталическое чувство в нас становится мощным, интенсивным, способным вынести все малые или большие, мельчайшие или безмерные вибрации этого живого мира на всех его уровнях, физическом и сверхфизическом, виталическом и сверхвиталическом, оно трепещет всеми его движениями и Анандой, осознает все и открыто ко всем силам. Сверхразум завладевает всей этой великой областью нашего опыта, и делает всю ее светлой, гармоничной, переживаемой не смутно и разрозненно, не подчиненной ограничениям и ошибкам от управления умственным незнанием, но открытой и целиком, и в каждом движении, в своей истине, полноте силы и восторга, и руководит великими и теперь ничем не ограниченными силами и способностями жизненного динамизма на всех его уровнях согласно простой и все же сложной, ясной и непосредственной и все же решительно закрученной воле Божественного в нашей жизни. Это делает виталическое чувство совершенным средством знания жизненных сил вокруг нас в физике форм и в ощущениях физической вселенной, и также совершенным каналом реакций действия жизненной силы через нас, работающих как инструмент самопроявления.

3

Феномен этого виталического сознания и чувства, этого прямого ощущения и восприятия, и отклик на игру сил, более тонких, чем физические, часто включают без их различения под заголовок душевного феномена. В определенном смысле это именно пробуждение души, внутренней души, сейчас опутанной и спрятанной целиком или частично под покровом внешней деятельности физического ума и чувств, именно это пробуждение выносит на поверхность погруженное или засознательное внутреннее виталическое сознание, а также внутреннее или засознательное умственное сознание и чувство, способное воспринимать и переживать прямо не только жизненные силы и их игру, результаты и феномен, но умственный и психический миры и все, что они вмещают, а также умственные процессы, вибрации, феномены, формы и образы этого мира, и способное устанавливать прямую связь между умом своим и умами других без помощи физических органов и без ограничений, которые они налагают на наше сознание. Есть, однако, два разных вида действия этих внутренних зон сознания. Первое — это более внешняя и спутанная деятельность пробуждающегося засознательного ума и жизни, и она засорена и подчинена более грубым желанием и иллюзиям ума и виталического существа, испорчена, несмотря на свою более широкую сферу переживания, силу и способности, огромной массой ошибок и деформаций воли и знания, наполнена ложными внушениями и образами, ложными и искаженными интуициями, вдохновениями и импульсами, и даже часто порочна и развращена вмешательством физического ума и его темнотой. Это низшая деятельность, которой ясновидящие, медиумы, спиритуалисты, оккультисты, искатели сил и Сиддхи очень подвержены, и к которой особенно относятся все предупреждения об опасностях и предостережения от ошибок в этом виде поиска. Искатель духовного совершенства должен пройти так быстро, насколько возможно, эту зону опасности, если он не может совсем от нее уклониться, и здесь спасительное и верное правило — не увлекаться и не привязываться ни к чему в этой зоне, но сделать духовное развитие своей единственной реальной целью, не доверяться безусловно другим стремлениям, пока ум и жизненная душа не очищены, пока свет духа и сверхразума или, по крайней мере, духовно освещенного ума и души не прольется и не осветит эти внутренние зоны переживания. Ибо когда ум успокоен и очищен, и чистая душа избавлена от настойчивого требования души желаний, в этих переживаниях нет никакой серьезной опасности, кроме, конечно, ограниченности и определенного элемента ошибки, которая не может быть полностью устранена, пока душа переживает и действует на умственном

уровне. Ибо тогда совершается чистое действие подлинного душевного сознания и его сил, чистое восприятие душевного переживания, свободного в себе от худших деформаций, хотя и подчиненного ограничениям представляющего ума, но способного на высокую одухотворенность и свет. Полная сила и истина, однако, могут придти только через открытие сверхума, пронизывающего своим действием умственное и душевное переживание.

Сфера душевного сознания и его опыта почти беспредельна, а разнообразие и сложность его феномена почти бесконечна. Только некоторые из его общих линий и главных черт могут быть отмечены здесь. Первое и наиболее выдающееся — это активность душевных чувств, из которых видение обычно наиболее развито и первым готово проявить себя с огромной щедростью, когда поглощающий покров в поверхностном сознании, мешавший внутреннему видению, сброшен. У всех физических чувств есть соответствующие им силы в душевном существе, есть душевный слух, осязание, обоняние, душевное вкушение; в самом деле, физические чувства являются в реальности только перенесением внутреннего чувства на ограниченное и воплощенное в материальную форму действие в феномене и через феномен грубой материи. Душевное зрение образно получает изображения, сформировавшиеся в тонкой материи умственного или психического эфира, *cittakasa*. Они могут быть воспроизведениями или впечатлениями от физических вещей, лиц, сцен, событий, всего, что есть, было, будет или может быть в физической вселенной. Эти изображения весьма различно видны в различных условиях: в Самадхи или в бодрствующем состоянии, а в последнем с глазами закрытыми или открытыми; в случаях, если они перенесены на или в физический объект, медиум, или видны как бы материализованными в физической атмосфере, или видны только в психическом эфире, обнаруживая себя через эту более грубую физическую атмосферу; если они воспринимаются самими физическими глазами в качестве вторичного инструмента и как бы при условиях физического видения, или через одно душевное видение и независимо от соотношения нашего обычного зрения с пространством. Подлинная действующая сила процесса — это всегда душевное зрение, и его сила обозначает, что сознание в психическом теле более или менее разбужено, с перебоями или нормально, более или менее совершенно. Возможно видеть этим способом воспроизведения или впечатления от объектов на любом расстоянии за сферой физического зрения или образы прошлого или будущего.

Наряду с этими воспроизведениями или впечатлениями душевное зрение получает умственные образы и другие формы, созданные постоянной активностью сознания в нас самих или в других человеческих существах, и эти формы и образы могут соответствовать характеру деятельности образов истины или лжи, или смешанных, частично верных, частично ошибочных, и могут быть также или просто пустой скорлупой и подобиями, или образами, внушенными современной жизнью и сознанием и, может быть, несущие в себе так или иначе некоторое благотворное или пагубное влияние, некоторое желательное или нежелательное воздействие на наш ум или виталическое существо, а через них даже на тело. Эти воспроизведения, впечатления, умственные и виталические образы, проекции сознания могут также быть изображениями или созданиями не физического мира, но виталического, психического или умственного миров превыше нас, увиденными в наших собственных умах или перенесенными из иных, чем человеческое, существ. И так же, как есть это душевное видение, некоторые из более внешних и обычных проявлений которого достаточно хорошо известны под названием ясновидения, так же есть и душевное слышание, душевное осязание, обоняние, вкус, — яснослышание, ясноощущение представляют только наиболее внешние проявления, — с совершенно таким же диапазоном каждый в своем собственном роде, те же самые сферы, способы, условия и многообразие их феномена.

Эти и другие феномены создают косвенный, изобразительный ряд душевного опыта; однако

душевное чувство имеет также силу устанавливать прямую связь с земными или сверхземными существами через их душевные я или психические тела, или даже с предметами, ибо предметы также имеют психическую реальность и души, или присутствия, поддерживающие их, которые могут вступать в сношение с нашим душевным сознанием. Самые достопримечательные из этих более сильных, но более редких феноменов те, которые сопровождают силу воплощения нашего сознания в материальные формы для различных видов действия, иных, чем в физическом теле, и где-то в другом месте, сопровождает общение в психическом теле или некоторую эманацию или репродуцирование психического тела в течение сна или транса, что наиболее часто, хотя никоим образом не обязательно, и установление отношений и связей различными средствами с обитателями другого плана существования.

Ибо, существует непрерывная лестница планов сознания, начиная с душевной и других зон, связанных с земным планом и зависящих от него, и продолжая через подлинно независимые виталические и психические миры к мирам богов, к высочайшим сверхразумным и духовным планам существования. И эти планы фактически всегда воздействуют на наши засознательные я, неизвестные нашему бодрствующему уму, и также с важнейшими последствиями воздействуют на нашу жизнь и природу. Физический ум — это только малая часть нас, и есть намного более значительная область нашего бытия, в которой присутствие, влияние и силы других планов активно влияют на нас и помогают сформировать наше внешнее существо и его действия. Пробуждение душевного сознания позволяет нам начать осознавать эти силы, присутствия и влияния на нас и вокруг нас; и в то время, как в неочищенном или еще невежественном и несовершенном уме этот незавуалированный контакт имеет свои опасности, он также дает нам возможность, если правильно использован и направлен, более не быть объектом, подчиненным им, но управлять ими и войти в сознательное и самоконтролируемое обладание внутренними секретами нашей природы. Душевное сознание обнаруживает это взаимодействие между внутренними и внешними планами, между этим миром и другими мирами, частично через ощущение, которое может быть постоянным, очень обширным, глубоким и ярким, их импульсов, внушений и связей с нашим внутренним мыслящим и сознающим существом, через осознание способности взаимодействия с ними в этой внутренней зоне, частично же через множество видов символических, воспроизводящих или изображающих образов, представленных различным душевным чувствам. Но также есть возможность общения более прямого, конкретно чувственного, почти материального, иногда действительно материального, — полная, хотя и временная физическая материализация кажется возможной, — с силами, энергиями и существами иных миров и планов. Может даже быть полное разрушение ограничений физического сознания и материального существования.

Пробуждение душевного сознания вызывает в нас прямое использование ума как шестого чувства, и эта сила может быть сделана постоянной и обычной. Физическое сознание способно соединяться с умами других людей и знать события мира вокруг нас только через внешние средства, знаки и указания, и у него за этим ограниченным действием стоит только неопределенное и непреднамеренное применение умственных более прямых способностей, скудный ряд случайных предчувствий, интуиции и посланий. Наши умы в самом деле постоянно действуют на умы и подвергаются воздействию умов других людей через скрытые течения, о которых мы не осведомлены, но мы не знаем и не контролируем этих посредников. Душевное сознание по мере своего роста позволяет нам ощущать огромную массу мыслей, чувств, внушений, желаний, толчков, влияний всех видов, которые мы получаем от других или посылаем другим, поглощаем и забрасываем в общую умственную атмосферу вокруг нас. Когда душевное сознание развивает силу, точность и ясность, мы приобретаем способность проследивать все эти проявления до их источников или немедленно чувствовать их истоки и прохождение через

нас, и направлять сознательно и с разумной волей наши собственные послания. Становится возможным осознавать, более или менее точно и пронизательно, деятельность умов, находящихся к нам физически близко или на расстоянии, понимать, чувствовать или отождествлять самих себя с их темпераментом, характером, мыслями, чувствами, реакциями; это происходит или через душевное чувство, или через прямое умственное восприятие, или через очень чувствительное и часто интенсивно конкретное получение от них посланий в наш ум или на его регистрирующую поверхность. В то же время, мы сознательно можем осведомлять по крайней мере внутренние я, и если они достаточно чувствительны, внешние умы других людей, о нашем собственном внутреннем умственном или душевном я, можем сделать их податливыми к мыслям, внушениям, влияниям нашего я или даже забросить его влияние или его активной образ в их субъективное, даже в виталическое или физическое существо, чтобы работать там как помогающая, формирующая или преобладающая сила и присутствие.

Все эти силы душевного сознания должны иметь и часто имеют не более чем умственную пользу и смысл, но душевное сознание может также быть использовано с духовным смыслом, светом и стремлением в нем и для духовной цели. Это может быть сделано внесением духовного значения и пользы в наш душевный взаимообмен с другими, и именно в значительной степени через душевно-духовный обмен этого вида мастер в Йоге помогает своему ученику. Знание нашей внутренней засознательной и душевной природы, сил, присутствий и влияний этой зоны и способность общения с другими планами и их силами и существами могут также быть использованы для цели более высокой, чем любое умственное или земное намерение, для владения и управления всей нашей природой и для прохождения промежуточных планов на пути к верховным духовным высотам существования. Но наиболее прямое духовное использование душевного сознания состоит в том, чтобы сделать его инструментом общения, связи и единения с Божественным. Мир душевно-духовных символов быстро раскрывается, освещая, усиливая и оживляя формы и инструменты, которые могут стать откровением духовных значений, поддержкой для нашего духовного роста и развития духовной способности и опыта, средством к духовной силе, знанию или Ананде. Мантра есть одно из этих душевно-духовных средств, сразу символ, инструмент и звучащее тело для божественного проявления, и таким же средством являются образы Божества и его олицетворения или сил, используемых для медитации или поклонения в Йоге. Великие формы или тела Божественного, через которые он проявляет нам свое живое присутствие, обнаружены, и мы можем легче через их значения сокровенно знать, обожать и отдавать себя ему и входить в различные Локи, миры его обитания и присутствия, где мы можем жить в свете его бытия. Его слово, команда, Адеша, присутствие, прикосновение, водительство могут придти к нам через наше одухотворенное душевное сознание и, как тонко конкретное средство передачи посланий от духа, оно может дать нам тесную связь и близость к нему через все наши душевные чувства. Они, и еще многое, составляют духовные применения душевного сознания и чувства, хотя и подверженные ограничению и искажению, — ибо все вторичные инструменты могут быть также, из-за нашей умственной способности к исключительному самоограничению, средствами частичного достижения, но в то же самое время помехами для более интегрального осознания, — они дают величайшую пользу на пути к духовному совершенству, а после, освобожденные от ограничения наших умов, преобразованные и пронизанные сверхразумом, станут штрихом роскошной подробности в духовной Ананде.

Подобно физическому и виталическому сознанию, душевное сознание и чувство также способны к сверхразумному преобразованию и получают посредством этого свою собственную интегральную полноту и значение. Сверхразум завладевает душевным существом, спускается в него, превращает его в форму своей собственной природы и поднимает его до сверхразумного состояния и до участия в сверхразумном действии, обращая в сверхдушевное существо

Виджняны Пуруши. Первое следствие этого преобразования — обоснование феномена душевного сознания на подлинном фундаменте вышперечисленных изменений внесением в него постоянного чувства, полного осознания, надежного обладания единством нашего ума и души с умами и душами других, с умом и душой вселенской Природы. Ибо всегда эффект сверхразумного роста состоит во вселенском обобществлении индивидуального сознания. Так же как сверхразумная трансформация заставляет нас жить, даже оставаясь в нашем индивидуальном виталическом движении и его связях, со всем вокруг нас, со вселенской жизнью, так же она заставляет нас думать, чувствовать и ощущать, хотя и через индивидуальный центр или инструмент, вместе со вселенским умом и психическим существованием. Это дает два результата великой важности.

Первый результат, феномен душевного чувства и ума избавляется от фрагментарности и непоследовательности, и кроме того, от трудного регулирования и часто совершенно искусственно навязанного порядка, который преследует их даже более, чем наши вполне обычные умственные действия поверхностного сознания, и они становятся гармоничной игрой вселенского внутреннего ума и души в нас, обеспечивают свое подлинное право, верные формы и соотношения, раскрывают свои истинные значения. Даже на умственном плане можно одухотворенностью ума достигнуть некоторого осознания душевного единства, но оно никогда не бывает действительно полно, по крайней мере, в его применении, и не достигает этого подлинного и совершенного права, формы, отношения, полной и неизменной истины и точности своих значений. Второй результат, деятельность душевного сознания теряет весь характер аномальности, исключительности, нерегулярности и даже опасного сверхнормального действия, часто влекущего за собой утрату влияния на жизнь, нарушение или повреждение других частей существа. Оно не только приобретает свой собственный правильный порядок внутри себя, но свое правильное соотношение с физической жизнью с одной стороны и с духовной истиной существа с другой, и целое становится гармоничным проявлением воплощенного духа. Именно всегда дающий начало сверхразум содержит внутри себя подлинные ценности, значения и соотношения других частей нашего существа, и его раскрытие есть условие интегрального владения нашим я и природой.

Полное наше преобразование приходит через надежное изменение не просто состояния равновесия или уровня нашего относительно сознательного я, или даже его закона и характера, но также всей субстанции нашего сознающего существа. До тех пор, пока это не сделано, сверхразумное сознание проявляется над умственной и психической атмосферой существа, — в которой физическое уже стало подчиненным и в большой степени зависимым способом нашего самовыражения, — и оно посылает вниз в эту атмосферу свою силу, свет и влияние, чтобы осветить и видоизменить ее. Но только когда субстанция низшего сознания уже изменена, мощно наполнена, чудесно преобразована, когда она влилась в более великую энергию и чувство существа, mahas, brhat, от которых она происходит и откуда испускается, мы действительно получаем завершенное, полное и постоянное сверхразумное сознание. Субстанция, сознающий эфир существа, в котором умственное или душевное сознание и чувство живут, наблюдают, чувствуют, переживают, есть нечто более тонкое, свободное, более пластическое, чем аналогичная субстанция физического ума и чувства. Пока над нами преобладает последнее, психический феномен может казаться нам менее реальным, даже подобным галлюцинации, но чем больше мы привыкаем к психической атмосфере и к эфиру существа, там живущего, тем легче мы начинаем видеть более великую истину и чувствовать более духовно конкретную субстанцию всего того, о чем большая и более свободная форма душевного переживания свидетельствует. Даже физическое может начать казаться самому себе нереальным и призрачным, — но это преувеличение и новая вводящая в заблуждение привилегия вызваны

перемещением центра и изменением действия ума и чувства, — или, во всяком случае, может представляться каким-то ненастоящим. Когда, однако, душевные и физические переживания хорошо соединены в их подлинном равновесии, мы живем сразу в двух взаимно дополнительных мирах нашего существа, имеющих каждый свою собственную реальность, но первенствует душевное раскрытие всего, что за физическим, душевный взгляд и опыт, превосходящий, просвещающий и объясняющий физическое видение и переживание. Сверхразумное преобразование снова изменяет всю субстанцию нашего сознания; оно вносит в него эфир более великого бытия, сознания, чувства, жизни, который доводит до душевного сознания также и его собственную недостаточность и побуждает его самому выявить себя как незавершенную реальность и только частичную истину всего, что мы собой представляем, чем становимся и чему свидетельствуем.

Все переживания душевного сознания принимаются и в самом деле поддерживаются в сверхразумном сознании и в его энергии, но они наполняются светом превышающей истины, субстанцией более высокого порядка. Душевное сознание сначала поддерживают и просвещают, затем наполняют сверхразумным светом, его силой и раскрывающей мощью его вибраций. Любое преувеличение, любая ошибка, порожденная отдельным случаем, недостаточно просветленным впечатлением, личным соблазном, вводящим в заблуждение влиянием и намерением или другими причинами, идущими от ограничения или деформирующих вмешательств в истину умственного и душевного переживания и знания, бывают обнаружены и исправлены, или исчезают, не имея силы выстоять в свете истины я — satyam, gam — явлений, личностей, событий, указаний, изображений, присущих этой более великой огромности. Все душевные связи, воспроизведения, впечатления, символы, образы получают их подлинное значение, занимают свое правильное место, приводятся в надлежащее им отношения. Душевное быстрое понимание и чувствительность освещены сверхразумным чувством и знанием, их феномен, промежуточный между духовным и материальным миром, начинает автоматически открывать их собственную истину и значение, а также ограничения их истины и значения. Образы, представленные внутреннему видению, слышанию, чувствам всех видов, заполнены и пронизаны громадным и мощным световым полем вибраций, превышающей субстанцией света и интенсивности, что вызывает в них то же самое изменение, как и в объектах физического чувства, дает большую цельность, точность, раскрывающуюся силу чувства-знания, принесенную в образе. И в финале, все захвачено и поднято в сверхразум и стало частью ничем не омраченного светлого сознания, знания и переживания сверхразумного существа, Виджняны Пуруши.

Состояние существа после этого сверхразумного преобразования будет во всех частях его сознания и знания состоянием бесконечного и космического сознания, действующего через индивидуального Пурушу, вошедшего в состояние всеобщности. Основная сила будет осознанием тождественности, знанием через тождественность, — тождественности бытия, сознания, силы бытия и сознания, восторга бытия; тождественности с Беспредельностью, с Божественным и со всем, что есть в Беспредельности, со всем, что является выражением и проявлением Божественного. Это осознание и знание как свои средства и инструменты будет использовать духовное видение всего, что знание через тождественность может заложить, сверхразумную истинную идею, мысль от природы прямого мышлевидения, мыслеслышания, мыслевспоминания, которая открывает, истолковывает и представляет к осознанию истину всех вещей, будет использовать внутренний голос истины, который выражает ее, и, наконец, сверхразумное чувство, которое обеспечивает отношение контакта в субстанции бытия со всеми предметами, людьми, силами и энергиями во всех уровнях существования.

Сверхразумное существо не будет зависеть от инструментария, например, от ощущения,

подобно тому как физический ум зависит от свидетельского показания наших органов чувств, хотя будет в состоянии сделать их начальной точкой для более высоких форм знания, а также будет способно на развитие прямо через эти более высокие формы и на превращение чувства только в средство формирования и объективного выражения знания. Сверхразумное существо преобразует и в то же самое время поднимет на свой сверхразумный уровень теперешнее мышление ума, видоизмененное в безмерно большее знание через отождествление, знание через всеобщее понимание, знание через точное восприятие детали и связи, знание прямое, немедленное, спонтанное, являющееся выражением уже существующего вечного самознания. Сверхразумное существо поднимет, преобразует, пропитает сверхразумом физическое чувство, способности ума на шестое чувство, душевное сознание и чувства, будет использовать их как средства высшей внутренней объективизации переживания. Ничто не будет действительно внешним для него, поскольку оно будет переживать все в единстве космического сознания, ставшего его собственным сознанием, в единстве бытия бесконечного, ставшего его собственным бытием. Оно будет переживать материю, не только грубую материю, но тонкую и тончайшую, как субстанцию и форму духа, переживать жизнь и все виды энергии как динамизм духа, пронизанный сверхразумом ум как средство или канал знания духа, сверхразум как бесконечное Я знания и силу знания, как Ананду знания духа.

ВСЕ бытие, сознание, знание движется тайно для нашего теперешнего поверхностного осознания и открыто для той его стадии, когда мы поднимаемся, превышаем поверхностное осознание и переходим к духовным и сверхразумным уровням между двумя состояниями и силами существования, между вневременной Бесконечностью и Бесконечностью, развертывающей в себе и организующей в себе все явления и объекты во времени. Эти два состояния противоположны и несовместимы друг с другом только для нашей умственной логики, постоянно спотыкающейся о ложную концепцию противоречий и противостояния вечных противоположностей. В реальности, как мы это обнаруживаем, когда видим вещи со знанием, основанном на сверхразумной тождественности и видении, и когда думаем с широкой, глубокой и гибкой логикой, свойственной этому знанию, эти два состояния существования всего лишь являют сосуществующий и совпадающий статус и движение той же самой истины Бесконечного. Вневременная Бесконечность несет в себе, в своей вечной истине бытия, превыше этого проявления, все, что она проявляет во Времени. Ее сознание времени также само бесконечно и содержится в самом себе сразу в видении всеобщности и частных, подвижной непрерывности и мгновенного ракурса, в устойчивом видении или постоянном целостном поле зрения то, что представляется нам как прошлое вещей, их настоящее и их будущее.

Сознание вневременной Бесконечности может быть доведено до нашего понимания и прочувствовано нами различными способами; наиболее обычно оно бывает наложено на наше умственное сознание посредством отражения и мощного впечатления, или еще, вызовом ощущения некоего присутствия над нашим умом, присутствия чего-то, что ум осознает, к чему он поднимается, но во что он не может войти, потому что сам живет только во временном чувстве и в последовательности мгновений. Если наш теперешний ум, непреобразованный сверхразумным влиянием, пытается войти во вневременное, он должен или исчезнуть и потеряться в трансе Самадхи, или, оставаясь сознающим, он чувствует себя растворенным в Бесконечном, где, возможно, есть чувство сверхфизического пространства, громадности, беспредельной протяженности сознания, но нет самого времени, движения времени или порядка времени. И если тогда умственное существо все еще механически осознает вещи во времени, оно уже не способно обращаться с ними в своей собственной манере, не способно установить правильное отношение между вневременным и объектами во времени, не способно действовать и проявлять волю из своей бесконечной Беспредельности. Действие, которое тогда остается возможным для умственного Пуруши — это механическое действие инструментов Пракрити, продолжаемое силой старого побуждения, привычки или непрерывным введением прошлой энергии, *prarabdha*, или еще действие, имеющее характер хаотического, нерегулируемого, нескоординированного, беспорядочного низвержения из энергии, в которой уже нет более сознающего центра.

Сверхразумное сознание, с другой стороны, основано на верховном сознании вневременной Бесконечности, но владеет также секретом развертывания бесконечной Энергии во времени. Оно может занять свое место в сознании времени и сохранять в осознании вневременную бесконечность как задний фон верховного и первичного бытия, от которого оно получает все свое организующее знание, волю и действие; или оно может, будучи сосредоточенным в своем сущностном бытии, жить в безвременном, но жить также и в проявлении во времени, которое оно чувствует и видит как бесконечное и как ту же самую Бесконечность, и может выявлять, поддерживать и развивать в одном то, что оно божественно содержит в другом. Его сознание

времени поэтому будет отличаться от сознания времени умственного существа, не будет беспомощно нестись в потоке мгновений и хвататься за каждый миг, как за отсрочку, за остановку быстро исчезающего приюта, но будет основано, во-первых, на своей вечной тождественности, пребывающей за пределами изменений во времени; во-вторых, на одновременной вечности Времени, в которой прошлое, настоящее и будущее существуют всегда вместе в самознании и в самосиле Вечности; в-третьих, на всеохватном видении трех времен как одного движения, воспринимаемого единым и неделимым даже в последовательности их стадий, периодов, циклов; и последнее, — и это только в инструментальном сознании, — на постепенной эволюции моментов. Оно, следовательно, будет иметь знание трех времен, *trikaladrsti*, — владение прошлым должно быть высшим знаком провидца и Риши, — не как аномальную силу, но как свой обычный способ знания времени.

Это объединенное и бесконечное сознание времени, это видение и знание составляют достояние сверхразумного существа в его собственном верховном регионе света и становятся полными только на высочайших уровнях сверхразумной природы. Но при восхождении человеческого сознания через возвышающий и преображающий эволюционный процесс Йоги, — процесс, так сказать, саморазвучивания, саморазвития, поступательного самосовершенствования, — мы должны принимать в расчет три следующих один за другим состояния, из которых все должны быть преодолены прежде, чем мы сможем продвигаться на высочайших уровнях. Первое состояние нашего сознания, то, в котором мы действуем сейчас, есть этот ум невежества, поднявшийся из несознания и неведения материальной Природы, — невежественный, но способный искать знание и находить его, по крайней мере, в серии умственных представлений, которые могут быть сделаны ключами к подлинной истине и, все более и более очищенные, облагороженные и просветленные через посредство влияния, проникновения и опускания света свыше, они подготавливают интеллект к раскрытию для вмещения подлинного знания. Вся истина для этого ума есть объект, которого у него первоначально не было, и которым он должен был завладеть, или еще должен завладеть, объект внешний по отношению к нему, который нужно приобрести с помощью опыта или путем следования определенным, установленным методам и правилам исследования, обдумывания, применения обнаруженного закона, истолкования символов и обозначений. Само его знание заключает в себе предыдущее неведение; этот ум — инструмент Авидьи.

Второе состояние сознания возможно только для человеческого существа и приобретается внутренним просвещением и преобразованием ума неведения; это то состояние, в котором ум предпочитает искать свой источник знания внутри, а не снаружи, и становится, любым каким-то способом, для своего собственного чувства и самопереживания, уже не умом первоначального неведения, но умом знания, позабывшим себя. Этот ум сознает, что знание всех вещей было спрятано внутри него или, по крайней мере, где-то в существе, и будучи завучиванным и позабытым, знание приходит к нему не как нечто приобретенное снаружи, но оно всегда тайно здесь, а сейчас сразу оно вспомнилось и узналось как истинное, — каждая вещь на своем собственном месте, в своем образе действий, в своем измерении и степени. Таково его отношение к знанию, даже когда поводом познания служит некоторое внешнее переживание, знак или указание, потому что они для него только случай, а его уверенность в истине знания исходит не от внешнего указателя или очевидности, но из внутренне подтверждаемого свидетельства. Подлинный ум внутри нас есть ум вселенский, а ум индивидуальный — это только его испускание наружу, и следовательно, это второе состояние сознания мы получаем тогда, когда индивидуальный ум идет все более и более внутрь и всегда сознательно или подсознательно близок и чувствителен к прикосновениям вселенского умственного сознания, в котором все содержится, принимается, все способно быть проявленным; или еще более мощно,

мы получаем его тогда, когда живем в сознании вселенского ума, а личный интеллект является только проекцией на поверхности, доской для пометок или переключателем связи.

Третье состояние сознания есть состояние ума знания, в котором все объекты и все истины воспринимаются и переживаются как уже присутствующие, известные и непосредственно доступные осознанию простым направлением на них внутреннего света, подобно тому, как человек обращает взгляд на вещи в комнате, уже известные и хорошо знакомые, — хотя и не всегда воспринимаемые зрением, потому что оно не внимательно, — и тогда он замечает их как объекты предсуществовавшего знания. Отличие от самозабывтого знания во втором состоянии сознания состоит в том, что здесь нет усилий или поисков нужных данных, но просто включение и поворот внутреннего света на любое поле знания, и поэтому оно — не воспоминание о вещах забытых и самоспрятанных от ума, но светлое представление сознанию объектов уже присутствующих, готовых и имеющихся в распоряжении. Это последнее состояние возможно только при частичной пронизанности сверхразумом интуитивного интеллекта и при его полном раскрытии к любому и всякому общению со сверхразумными уровнями. Этот ум знания по своей сущности есть сила потенциального всемогущества, но в текущей работе на уровне ума она ограничена в своем диапазоне и охвате. Характер ограничения относится к самому сверхразуму, когда он опускается в умственный уровень и работает в меньшей субстанции интеллекта, хотя и в своей собственной манере, силе, в своем свете, и ограничения продолжают существовать даже в действии сверхразумного рассудка. Это только воля и знание высочайшей сверхразумной Шакти, действующей в своих собственных сферах, работают всегда в беспредельном свете, со свободной способностью неограниченного расширения знания, подчиненные только таким ограничениям, какими являются ограничения, самоналоженные духом в его собственных целях и по его собственной воле.

Человеческий ум, развивающийся в сверхразум, должен пройти через все эти стадии, и в своем восхождении и расширении он может переживать многие изменения и различные приготовления сил и возможностей своего сознания и знания времени. Сначала человек в уме неведения не может ни жить в бесконечном сознании времени, ни управлять любой прямой и реальной силой тройного знания времени. Ум незнания живет не в неделимой непрерывности времени, а последовательно в каждый момент. У него есть смутное чувство непрерывности своего я и сущностной непрерывности бытия, чувство, источником которого является более глубокое я внутри нас, но поскольку ум не живет в этом я, так же он не живет и в тройной временной непрерывности, а только использует это смутное, но все же выделяющееся осознание, как задний план, поддержку и уверенность в том, что иначе было бы для него безостановочно несущимся, бездонным потоком его существования. В практическом действии его единственная поддержка, иная чем его место в настоящем времени, это граница, оставленная сзади прошлым и сохраненная в памяти, множество впечатлений, отложенных предыдущими переживаниями и, для будущего, уверенность в правильности опыта и сила предположения точно не известного, основанная частично на повторном опыте и хорошо проработанном выводе, частично на образном истолковании и догадке. Ум незнания полагается на надежный фундамент и основы обусловленных или моральных аксиом, но в остальном его главный способ вести дело — это рассматривать вероятности и возможности.

Это происходит потому, что ум в Неведении живет мгновением и двигается от часа к часу, подобно путешественнику, который видит только то, что близко и различимо в его прямом обзоре и вспоминает неясно, через что он прошел перед этим, но все, что впереди, за пределами его ближайшего поля зрения невидимо и неизвестно ему, и об этом он еще должен узнать. Поэтому, человек в своем самоневедении, двигаясь во времени, существует, по буддистской поговорке, только в последовательности мыслей и ощущений, в последовательности внешних

форм, представленных его уму и чувству. Его теперешнее преходящее я единственно реально для него, его прошлое я умерло или исчезает, или представляет собой только сохраненный в памяти результат и впечатление, его будущее я полностью не существует или только пребывает в процессе созидания и подготовки рождения. И мир вокруг него подчинен тому же самому правилу восприятия. Только современная форма мира, сумма случайностей и проявлений присутствует и совершенно реальна для человека; прошлое более не существует или настолько живет в памяти, в записи, насколько сохранилось во всем том, что оставило свои мертвые памятники или еще уцелело в настоящем; будущее еще совсем не вошло в существование.

Должно заметить, однако, что если бы наше знание настоящего не было ограничено нашей зависимостью от физического ума и чувства, такой разрыв времен не был бы целиком неизбежен. Если бы мы могли осознавать все настоящее, все действие физической, виталической, умственной энергий, работающих в данную минуту, то возможно, что мы смогли бы видеть также их прошлое, вовлеченное в них, и их скрытое будущее, или по крайней мере, исходя из знания настоящего перейти к прошлому и будущему знанию. И при определенных условиях это могло бы создать чувство реальной и всегда присутствующей непрерывности времени, жизни сзади и спереди так же, как посередине, и еще шаг дальше мог бы унести нас во всегда присутствующее чувство нашего существования в бесконечном времени и в нашем временном я, и его проявление в вечном времени могло бы затем стать действительностью для нас, и также могли бы мы чувствовать вневременное Я за мирами и подлинную сущность его вечного мирового проявления. Во всяком случае, вероятность иного, чем мы имеем в настоящем, сознания времени и знания трех времен покоится на возможности развития иного сознания, чем то, что свойственно физическому уму и чувству, на возможности взломать нашу заключенность в текущем мгновении, в уме неведения с его ограниченностью восприятия и памяти, с его выводами и предположениями.

В настоящее время человек не довольствуется одной лишь жизнью в настоящем, хотя именно в этом он наиболее настойчив, и именно это в нем ярко преобладает; им движет побуждение смотреть вперед и назад, знать так много, насколько возможно, о прошлом, пытаться проникнуть так далеко, насколько сможет, в будущее, как бы ни было оно неясно и скрыто. И у него есть определенные помощники в этой попытке, из которых некоторые зависят от его внешнего ума, а другие открыты к сообщениям из иного засознательного или сверхсознательного я, владеющего большим, более тонким и более надежным знанием. Его первая помощь — это помощь разума, который отправляется вперед от причины к следствию, назад от следствия к причине, обнаруживает закон энергий с их обеспеченным механическим процессом, допускает вечное единообразие движений Природы, устанавливает ее измерение времени, и таким образом рассчитывает на основе науки об общих направлениях и уверенных результатах прошлое и будущее. Определенная доля ограниченного, но достаточно впечатляющего успеха была достигнута этим методом в области физической Природы, и казалось бы, что тот же самый процесс может, в конечном счете, быть применен к движениям ума и жизни, и что он один, по меньшей мере, представляет для человека единственное надежное средство в любой сфере смотреть назад и вперед с определенной точностью. Но на самом деле, события виталической и еще более умственной природы не поддаются в очень большой степени методу расчета и вывода того гарантированного закона, который применяется в области физических знаний; он может прилагаться здесь только к ограниченному ряду упорядоченных событий и феноменов, а во всем остальном оставляет нас там же, где мы были, посреди перепутанной мешанины относительной несомненности, неопределенной вероятности и несчетных возможностей.

Это происходит потому, что ум и жизнь порождают чрезвычайную тонкость и сложность

движения, каждое осуществленное движение несет в себе комплекс сил, и даже если бы мы могли отделить все те, что так сказать просто действовали на или около поверхности, нам все еще мешало бы все остальное, что затемнено или скрыто, — спрятанные и все же мощные содействующие причины, скрытые движения и побудительные силы, неразвернутые возможности, неучтенные и не поддающиеся исчислению случайности изменения. Здесь становится практически невозможно для нашего ограниченного интеллекта осуществить аккуратный и уверенный расчет, как он проводится в физической сфере, от определенной причины к точному следствию, иначе сказать, от данного очевидного направления существующих условий к неизбежному суммарному результату последующего, или к необходимому предшествованию предыдущих условий. Именно по этой причине предсказания и предвидения человеческого рассудка постоянно опрокидываются и опровергаются исходом событий, даже когда собран максимум данных в их точке зрения и достигнута наибольшая точность в их обзоре вероятных последствий. Жизнь и ум — это постоянный поток возможностей, текущий между духом и материей, и на каждом шагу они вносят, если не бесконечные, то, по крайней мере, неограниченные возможности, и этого было бы достаточно, чтобы сделать всякое логическое исчисление неопределенным и относительным. Но в добавление к этому, пребывая за ними, господствует верховный фактор, вовсе не поддающийся учету человеческим умом, воля души и тайного духа, первая — неопределенно изменчивая, текучая и неуловимая, вторая — неограниченный, непостижимо настоящий и обязывающий, принуждаемый, если вообще это бывает, только самим собой и Волей в Бесконечном. Итак, только возвращение назад от поверхностного физического ума к душевному и духовному сознанию может дать полную возможность видения и знания трех времен, выхождения за пределы нашей ограниченности точкой зрения и кругозором одного момента.

Между тем, есть надежные врата, открывающиеся из внутреннего во внешнее сознание, которые делают редкую и недостаточную силу прямого обращенного назад видения прошлого, цельного видения настоящего, предвидения будущего даже в физическом уме, по меньшей мере, потенциально возможной. Первое, есть определенные движения умственного чувства и виталического сознания, которые имеют этот характер, — из них один вид, сильнее всех поражающий наше понимание, был назван предчувствием. Эти движения представляют собой инстинктивные ощущения, неясные интуиции чувствующего ума и виталического существа, и подобно всему инстинктивному в человеке, они были подавлены всепоглощающей активностью умственного интеллекта, сделались редкими, необычными, дискредитированы как ненадежные. Если бы им была разрешена полная свобода действий, они могли бы развиваться и снабжать данными, недоступными для обычного рассудка и чувства. Но все же, они не были бы сами по себе полезны, не стали бы совершенно надежными указателями, если их темнота не была бы просвещена истолкованием и руководством, которые обычный интеллект не может дать, но более высокая интуиция могла бы обеспечить. Интуиция, следовательно, есть второе и более важное возможное средство, доступное для нас, и действительно интуиция может и фактически иногда дает нам в этой трудной сфере мерцающий свет и путеводное направление. Но работая в нашем теперешнем мышлении, она подвергается таким помехам, что становится неуверенной и несовершенной в исполнении своего назначения, затемняется ложными подражательными движениями воображения, искажается ошибками умственного суждения, непрерывно захватывается обычным действием ума, который пользуется ею и смешивает ее со своими постоянными заблуждениями. Формирование организованного интуитивного ума, очищенного от этих недостатков, потребовало бы расширить и обеспечить эту возможность функционирования более высокого просветленного интеллекта.

Человек, поставленный перед этой неспособностью интеллекта и все же жадно желающий

знать будущее, прибегает к другим, внешним средствам, предзнаменованиям, волхвоству, снам, астрологии и многим другим утверждаемым без основания данным о прошлом и будущем, знания которых были в менее скептические времена оформлены как правдивые науки. Подвергнутые сомнению и опозоренные недоверчивым рассудком, они еще продолжают существовать и привлекать наши умы, они упорно держатся своего, подкрепленные не только нашим желанием, легковерием и предрассудками, но также и частой, хотя и неполной очевидностью истины, которую до определенной степени мы получаем из их притязаний на знание. Более высокое душевное знание показывает нам, что мир, фактически, наполнен множеством систем соответствий и указателей, и что эти вещи, как бы ими не злоупотреблял человеческий интеллект, могут на своем месте и при правильных условиях дать нам подлинные данные о сверхфизическом знании. Очевидно, однако, что только одно интуитивное знание может раскрывать и выражать их, — фактически, именно душевный и интуитивный ум первоначально сформулировал эти способы правдивого знания, — и будет заложено в практику, что только интуитивное знание, а не просто использование, не просто традиционное или случайное объяснение или механическое правило и формула, может обеспечить правильное применение этих указателей. В противном случае, истолкованные поверхностным интеллектом, они могут превратиться в непролазные дебри ошибок.

Истинное и прямое знание или видение прошлого, настоящего и будущего начинается с открытия душевного сознания и душевных способностей. Душевное сознание — это сознание того я, которое теперь часто называют засознательным [16](#), или это тонкое, призрачное я в индийской психологии, и его сфера потенциального знания, почти бесконечная, как было указано в предыдущей главе, содержит в себе очень большую силу и много форм проникновения как в возможности, так и в определенные фактические реальности прошлого, настоящего и будущего. Его первая способность, та, которая быстрее всего привлекает внимание, это его сила видения душевным чувством образов всех вещей во времени и пространстве. В том виде, как она была проявлена ясновидящими, медиумами и другими, она часто, а может быть обычно, представляет собой специализированную способность, ограниченную, хотя нередко точную и аккуратную в действии, и она не означает развития внутренней души, или духовного существа, или более высокого интеллекта. Эта дверь, открытая случайно, или благодаря природному дару, или действием некоторого вида напряжения между бодрствующим и засознательным умом, из-за чего стали доступны поверхности или окраины последнего, и только. Все вещи в некоторой силе и действии тайного вселенского ума представлены образами, — не одними визуальными, но и звуковыми, если можно воспользоваться таким названием, и другими образами, — и при надежном развитии тонких или душевных чувств становится возможным, — если нет вмешательства умственных истолкований и воображений, если, так сказать, искусственные или поддельные умственные образы не вторгаются, если душевное чувство свободно, искренно и пассивно, — получать эти изображения или записи с совершенной точностью и не столько предсказывать, сколько видеть за пределами физического чувства в их верных образах настоящее, прошлое и будущее. Точность этого видения зависит от его скованности изложением увиденной вещи, и попытка делать заключения, истолковывать или иначе выходить за визуальное знание, может вести ко множеству ошибок, если здесь одновременно не присутствует сильная душевная интуиция, светоносная, тонкая и чистая, или же здесь уже не достигнуто высокое развитие просветленного интуитивного интеллекта.

Более полное раскрытие душевного сознания ведет нас далеко за эту способность видения через посредство образов и подводит, если не к самому новому сознанию времени, то ко многим путям знания тройного времени. Засознательное или душевное я может возвращаться или переноситься в прошлые состояния сознания и опыта и предупреждать или предвидеть, или

даже оно, хотя это менее распространено, имеет силу перекинуть себя в будущее состояние сознания и опыта. Оно проделывает это временным вхождением или отождествлением своего существа или своей силы переживания знания с неизменными изображениями прошлого и будущего, которые хранятся в вечном сознании времени за нашей умственной зоной, или заброшены вечностью сверхума в неделимую непрерывность видения времени. Или оно может получить впечатление этих явлений и воссоздать записанное переживание их в тонком эфире душевного существа. Или душевное я может призвать прошлое из засознательной памяти, где оно всегда сокрыто, и придать ему в себе живую форму и своего вида обновленное, повторенное существование, и также оно может вызвать будущее из глубин скрытого состояния, где оно уже сформировано в существе, и подобным же образом сформировать его в себе и пережить будущее. Оно может посредством своего рода душевного мышлевидения или душевной интуиции, — это не то же самое, что более тонкое и менее конкретное мышлевидение просвещенного интуитивного интеллекта, — предвидеть или знать заранее будущее, или озарить сверкнувшей вспышкой этой душевной интуиции завуалированное прошлое и возратить его для теперешнего знания. Оно может развить символическое видение, которое передает прошлое и будущее посредством видения сил и значений, принадлежащих к сверхфизическим планам, но способных к созиданию в материальной вселенной. Оно может чувствовать напряжение Божественного, ум богов, все явления и объекты, их значения и указатели, что опускаются на душу свыше и определяют сложное движение сил. Оно может чувствовать также движение энергий, которые представляют или соответствуют давлению, — так же, как оно может воспринимать присутствие и действие, — существ умственного, виталического и других миров, касательных к нашим жизням. Оно может собирать со всех сторон все виды указаний о происшествиях в прошлом, настоящем и будущем времени. Оно может получить, прежде своего видения, эзотерическое тайное письмо, akasa-lipi, которое хранит регистрацию всех фактов прошлого, записывает все, что находится в действии, набрасывает эскизы будущего.

Все эти и множество других сил сокрыты в нашем засознательном существе, и с пробуждением душевного сознания они могут быть вынесены на поверхность. Знание наших прошлых жизней, — то ли прошлых душевных состояний, то ли личностей, то ли сцен и мест действия, происшествий, отношений с другими людьми, — прошлых жизней других людей, прошлого мира, будущего, знание фактов из настоящего, находящихся вне сферы наших физических чувств или за пределами досягаемости любых средств знания, доступных поверхностному интеллекту, предчувствия и впечатления не только от физических объектов, но и от действия прошлого, настоящего и будущего ума, жизни и души в нас самих и в других, знание не только этого мира, но и других миров или планов сознания, их проявлений во времени, их вторжений, воздействий и результатов их работ на земле, о ее воплощенных душах и их судьбах, — все это открыто лежит перед нашим душевным существом, поскольку оно внутренне близко ко вселенским указаниям и сообщениям, не поглощено только или главным образом непосредственно происходящим и не заключено в узкий круг чисто личного и физического переживания.

В то же самое время, эти силы подчинены тому неудобству, что они ни в коей мере не свободны от возможности заблуждений, путаницы и ошибок, и особенно самые низкие уровни и самые внешние работы душевного сознания подвержены опасным влияниям, сильным обманам чувств, замешательству, искажающим и извращающим внушениям и представлениям. Очищенный ум и сердце, сильная и прекрасная душевная интуиция могут сделать многое, чтобы защититься от погрешностей и ошибок, но даже наиболее высоко развитое душевное сознание не может быть абсолютно надежным до тех пор, пока психика не будет освещена и поднята более высокой силой, чем она сама, пока не будет окрашена и усилена освещающим интуитивным

умом, и все это снова не будет поднято к сверхразумной энергии духа. Душевное сознание не получает свое знание времени от постоянного проживания в неделимой длительности духа, которому вследствие этого не представляется возможность направлять ему совершенную интуитивную пронизательность или абсолютный свет более высокого истины-сознания. Оно получает свои восприятия времени, подобно уму, только по частям и деталям, оно открыто ко всем видам внушений, и так же как его последовательный обзор истины шире, так же и более разнообразны источники его ошибок. К нему из прошлого приходит не только то, что было, но и то, что могло бы быть, что пыталось осуществиться и не сбылось; не только то, что есть в настоящем времени, но и то, что может быть или желает быть теперь, толпится вокруг него; не только события и явления, предназначенные быть, но внушения, догадки, видения и образы многочисленных возможностей посещают его из будущего. И всегда вероятно также присутствие умственных конструкций и умственных образов, вмещающихся в истинную истину вещей, представленных душевному опыту.

Выходы сообщений засознательного я на поверхность и активность душевного сознания ведут, с возрастанием, хотя и не совершенно, к превращению ума неведения, с которого мы начинаем, в ум самозабывтого знания, постоянно освещенного указаниями, поднимающимися из внутреннего существа, antaratan, проблесками из все еще скрытого сознания своего полного я и его сокровенного содержания и из осознания, — представляющего себя здесь как вид памяти, воспоминания или выявления, — об неотъемлемом и постоянном, но сокрытом знании прошлого, настоящего и будущего, которое всегда несет в себе вечный дух. Но воплощенный в нас и основанный на физическом сознании ум неведения все еще упорно продолжает существовать как обуславливающее окружение, вторгающаяся энергия и ограничивающая привычная сила, вызывающая затруднения и смешивающаяся с новой формацией, даже в мгновения мощного озарения он тут же встает, как пограничная стена, он, как шаткий фундамент, передает свои слабости и просчеты следующим этажам. Представляется, что для исправления этой его настоятельности, первая необходимость состоит в развитии силы светлого интуитивного интеллекта, различающего истину времени и его события так же хорошо, как всякую другую истину, средствами интуитивной мысли, чувства и видения, обнаруживающий и выталкивающий своим природным светом пронизательности вторжения путаницы и ошибок.

Все интуитивное знание приходит, более или менее прямо, из проникающего в ум света самосознающего духа, из света духа, скрытого за умом и ощущающего все в себе, во всех своих я, всеведущего и способного на освещение невежественного или самопозабывшего ума то ли редкими проблесками, то ли постоянными всплывками, или же равномерным идущим из его всеведения сиянием. Это знание включает в себя все, что было, есть или будет во времени, и это всеведение не имеет ограничений, препятствий или помех из-за нашего умственного разделения трех времен, из-за нашего представления и переживания умершего и более не существующего, смутно припоминаемого или позабытого прошлого и еще не существующего, а потому непознаваемого будущего, что так повелительно действует в уме неведения. Соответственно, рост интуитивного ума может принести с собой способность знания времени, которая приходит к нему не из внешних побуждений, но изнутри вселенской души вещей, ее вечной памяти прошлого, ее неограниченных владений фактами настоящего и из ее предвидения или, как это было парадоксально, но многозначительно названо, из ее воспоминаний о будущем. Однако, эта способность работает сначала от случая к случаю, неуверенно и неорганизованно. По мере того как сила интуитивного знания растет, она получает большую возможность управлять использованием своей способности и регулировать до определенной степени выполнение ее функций и различных движений. Приобретенная сила может быть обоснована и упрочена тем, что она имеет в своем распоряжении материалы, общее и детализированное знание явлений и

объектов в тройном времени, но она обычно формирует себя как специальная или аномальная сила, и обычное действие интеллекта или большая его часть остается еще действием ума неведения. Это составляет очевидное несовершенство и ограниченность, и только когда эта сила займет положение нормального и природного действия ума, ставшего полностью интуитивным, только тогда можно будет сказать, что достигнуто совершенство способности знать тройное время, настолько глубокое, насколько это возможно в умственном существе.

Именно постоянным вытеснением обычного действия интеллекта, достижением уверенности полностью и всецело полагаться на интуитивное я, последовательным понижением проникновением интуиции во все части умственного существа, именно всем этим ум неведения может быть достаточно успешно и в значительной степени, если не целиком, заменен умом самосодержащего знания. Однако, — и это особенно важно для этого вида знания, — требуется прекращение умственных построений, воздвигаемых на фундаменте ума неведения. Разница между обычным и интуитивным умом состоит в том, что обычный ум, проводя поиски в темноте или, по большей мере, при неустойчивом свете собственного факела, во-первых, видит вещи только так, как они представляются в этом зыбком свете и, во-вторых, там, где он не знает, ум неведения с помощью воображения, с помощью ненадежных умозаключений и других своих помощников и временных средств создает свои измышления и с готовностью принимает за истину эту игру теней, эти воздушные замки и призрачные перспективы, обманчивые ожидания, возможности и вероятности, которые делают свою работу ради поддержания уверенности. Интуитивный ум ничего не конструирует таким искусственным способом, но становится приемником света, позволяет истине проявляться в этом свете и организовывать ее собственные построения. Но пока есть смешанное действие, а умственным истолкованиям и воображению позволено действовать, эта пассивность интуитивного ума, раскрытая к более высокому свету, к свету истины, не может быть полной, не может уверенно преобладать и не может, поэтому, быть устойчивой организацией знания тройного времени. Именно из-за этого препятствия и смещения эта сила видения времени, сила способности оглянуться назад, сила кругового обзора и предвидения, которая иногда характеризует освещенный ум, представляет собой не только аномальную силу среди других, но чаще является не частью самой текстуры умственного действия, а скорее представляется как случайная, частичная и часто сочлененная с невыявленной примесью или подменяющим я [17](#) вмешательством ошибки.

Умственные конструкции, совершающие свое вмешательство, бывают главным образом двух видов, первые и наиболее сильно искажающие те, которые происходят из-за давления воли, требующей видеть и определять, вторгающейся в знание и не позволяющей интуиции быть пассивно раскрытой к истине-свету, мешающей ей быть беспристрастным и чистым каналом истины. Личная воля, то ли принимающая форму эмоций, сердечных желаний или виталических страстей, то ли сильных динамических волевых приказаний или упрямых предпочтений интеллекта, есть явственный источник искажения, когда эти ее формы пытаются, проделывая это с обычным успехом, наложить себя на знание и заставить нас принять то, чего мы желаем и хотим, за такое явление, которое было, есть или должно быть. Они или не допускают подлинное знание к действию, или, если оно вообще показало себя, они хватаются за него, перекраивают его форму и делают полученное искажение оправдательной основой всей массы волей созданной лжи. Личная воля или должна быть отложена в сторону, или ее внушения нужно сдерживать, не давая им хода до тех пор, пока не сделана полная и безраздельная передача их на рассмотрение высшему безличностному свету и затем не получено разрешение или отказ, согласно той истине, которая приходит из глубины более глубокой или высоты более высокой, чем ум. Но даже если личная воля удерживается во временном бездействии, а ум пассивен и

открыт для восприятия, на нее могут наброситься и ей могут быть навязаны внушения, идущие ото всех видов сил и возможностей, которые борются в мире за реализацию и приходят представлять то, что брошено ими в поток их желания-быть, как истину прошлого, настоящего и будущего. И если ум отдаст себя этим обманным внушениям, признает их самооценки, если он не отложит их в сторону или не передаст их свету истины, тот же самый результат препятствия или искажения истины неизбежен. Есть возможность для воли быть полностью исключенной из действия, а для ума — быть тихим и пассивным регистратором более высокого светлого знания, и в этом случае становится вполне вероятным значительно более точное получение интуитивных восприятий времени. Однако интегральность существа требует волевого действия, а не только неактивного узнавания, и следовательно, большее и более совершенное средство состоит в том, чтобы постепенно заменить личную волю обобществленной волей, которая не настаивает ни на чем, что уверенно не прочувствовано ею как интуиция, вдохновение или откровение предстоящего, идущие от того более высокого свете, в котором воля едина со знанием.

Второй вид умственных построений принадлежит самой природе нашего ума и интеллекта и его поведению с объектами и обстоятельствами во времени. Все здесь видится умом как сумма осуществленных фактов с их предшественниками и естественными последствиями, как неопределенность вероятностей и, предположительно, хотя и не уверенно, чего-то, стоящего позади и определяющего, может быть, воли, судьбы или Силы, которое из многих возможностей одни отвергает, а другие санкционирует и принуждает осуществиться. Конструкции ума, следовательно, построены частично из выводов и заключений о фактически существующем, как в прошлом так и в настоящем, частично из волевого или воображаемого и предполагаемого выбора и сочетания возможностей, и частично из решающего рассуждения или предпочитающего мнения или настоятельной творческой воли-интеллекта, которая пытается закрепить среди массы фактически существующего и возможного окончательную истину и работает, чтобы обнаружить или определить ее. Все это, необходимое для нашей мысли или действия в уме, должно быть преобразовано или исключено, прежде чем интуитивное знание сможет получить возможность организовать себя на прочной основе. Преобразование возможно потому, что интуитивный ум должен делать ту же самую работу и трудиться на том же самом поле деятельности, но иначе управляя материалами и иначе освещая их значение. Исключение возможно потому, что все действительно содержится в истине-сознании, пребывающем над нами, а успокоение ума неведения, широкая и глубокая восприимчивость не находятся вне пределов наших достижений, в которых внушения, спускающиеся из истины-создания могут быть приняты с тончайшей или сильнейшей точностью, и все материалы знания могут быть увидены в их правильном месте и правильном соотношении. В практику будет заложено, что оба метода применимы попеременно или вместе для выполнения перехода от одного вида умственного сознания к другому.

Интуитивный ум, имеющий дело с тройным движением времени, вынужден понимать правильно в мысли-чувстве и видении три вещи: реальности, возможности и повеления. Есть первое основное интуитивное действие, которое, будучи развитым, видит, главным образом, поток последовательных фактов действительности во времени, так же как обычный ум, но с немедленной непосредственностью истины и спонтанной точностью, на что обычный ум не способен. Интуитивный ум видит их сначала через восприятие, мысль-действие, мысль-чувство, мысль-видение, которое сразу обнаруживает силы, воздействующие на личности и объекты, мысли, намерения, импульсы, энергии, влияния внутри и вокруг них, все это воспринимается или уже сформировавшимся в них, или в процессе формирования, а также воспринимается и то, что приходит или готово придти из окружения или их тайных источников, невидимых для

обычного ума; интуитивный ум выделяет быстрым интуитивным анализом, свободным от поисков и усилия, или синтезирующим целостным взглядом комплекс этих сил, различает эффективное от неэффективного или частично эффективное, и видит также результат, который должен возникнуть. Это интегральный процесс интуитивного видения реальностей, но есть и другие, менее полные по своему характеру. Далее, может быть развита сила видения результата без какого-либо предыдущего или одновременного восприятия сил в работе, или они могут быть восприняты только впоследствии, а результат один, сразу и первым, появляется в знании. С другой стороны, может быть частичное или полное восприятие комплекса сил при неуверенности в окончательном результате или только при постепенном достижении относительной уверенности. Есть стадии в развитии способности цельного и объединенного видения реальностей.

Этот вид интуитивного знания не представляет собой полностью совершенного инструмента знания времени. Этот вид знания движется обычно в потоке настоящего и видит правильно от мгновения к мгновению только настоящее, ближайшее прошлое и ближайшее будущее. Оно может, правда, перенести себя назад и точно воссоздать той же самой силой и способом прошлое действие, или оно может перенести себя вперед и правильно реконструировать что-то из более отдаленного будущего. Но такое перенесение нормальной силы мысли-видения вызывает крайнее и трудное напряжение, и обычно для более свободного использования этого самоперенесения требуется помощь и поддержка душевного видения. Кроме того, это знание может видеть только то, что будет наступать в ненарушенном процессе текущих событий, и его видение уже не применимо, если некий непредвиденный натиск сил или вторгающаяся сила сходит вниз из сфер, обладающих большим потенциалом возможностей, изменяя комплекс условий, а именно это постоянно происходит в действии сил в движении времени. Это знание может помочь себе, принимая вдохновения, что освещает ему эти возможности, и повелительные откровения, которые указывают, что в этих возможностях имеет решающее значение и его последствия, и этими двумя силами можно исправить ограничения интуитивного ума, воспринимающего реальные факты действительности. Однако, способность этого первого интуитивного действия иметь дело с этими великими источниками видения никогда не бывает полностью совершенной, как всегда и случается с низшей силой в ее обращении с материалами, данными ей из превышающего сознания. Значительное ограничение видения, вызванное тем, что первое основное интуитивное действие ставит ударение и придает особое значение именно потоку ближайших фактов действительности, всегда вынуждено быть характерной особенностью этого ума.

Возможно, однако, развить ум светлого вдохновения, который будет как дома среди великих возможностей движения времени, легче будет видеть отдаленные вещи и в то же самое время принимать в себя, в свой самый яркий, широкий и мощный свет, интуитивное знание реальностей. Этот вдохновленный ум будет видеть вещи в свете громадных мировых возможностей и уделять внимание потоку действительности как выбору и результату из массы полных сил вероятностей. Он будет, тем не менее, если его работа не сопровождается достаточным знанием повелительных откровений, подвержен нерешительности, у него будет прекращаться способность определяющего взгляда на различные возможные линии движения, или даже он будет доступен стремлению двигаться прочь от линии возможной действительности и следовать другому, уже не пригодному порядку. Помощь повелительных откровений, идущих свыше, будет уменьшать это ограничение, но здесь снова будет возникать трудность низшей силы, имеющей дело с материалами, данными ей из сокровища превышающего света и силы. Кроме этого, также возможно развить ум светлого откровения, который принимая в себя два низших движения, видит то, что предопределено за игрой

возможностей и реальностей, и рассматривает эти последние как средства развертывания своих повелительных решений. Интуитивный ум, таким образом, основанный и поддержанный активным душевным сознанием, может находиться в распоряжении очень замечательной силы знания времени.

В то же самое время, будет обнаружено, что он все же является ограниченным инструментом. На первое место он будет ставить высшее знание, работающее в веществе ума, облекать его в умственные формы и подчинять умственным условиям и ограничениям. Он будет опираться, всегда и главным образом, на последовательность мгновений настоящего как основу для своих шагов и непрерывной преемственности знания, как бы далеко оно ни заходило назад или вперед, — интуитивный ум будет двигаться в потоке Времени даже при более высоком действии откровения в нем и не будет видеть движения свыше или движений в равновесии вечного времени с их широкими кругозорами видения, и поэтому он будет всегда связан с побочным и ограниченным действием и с определенным ослаблением, ограничением и относительностью в своей деятельности. Кроме того, его знание будет не обладанием в себе, но получением знания. Он будет, самое наибольшее, создавать на месте ума неведения ум самопозабытого знания, которое постоянно напоминает и освещается скрытым я-осознанием и все-осознанием. Крут знания, его объем, обычные линии действия будут варьироваться согласно развитию, но оно никогда не может освободиться от очень сильных ограничений. И такое ограничение будет давать повод все еще существующему в окружении или подсознании уму неведения вновь заявлять о себе, бросаться вглубь или вверх, действуя всюду, где интуитивное знание отказывается или не способно действовать, принося с собой снова свои беспорядок, путаницу и ошибки. Единственной надежной безопасностью будет отказ от попыток получить знание или, по крайней мере, приостановка усилия получить знание до тех пор, пока высший свет не опустится и не расширит умственное действие. Такое самообуздание трудно для ума, а также при достаточной тренировке и применении оно может ограничить рост искателя. С другой стороны, если уму неведения будет снова разрешено появиться и вести поиски знания своей собственной спотыкающейся несовершенной силой, может происходить постоянное колебание между двумя состояниями или смешанное действие двух сил вместо определенного, хотя и относительного совершенства.

Выход из этой дилеммы состоит в еще большем совершенстве, по отношению к которому формация ума интуитивного, ума вдохновенного, ума откровения представляет собой только подготовительную стадию, и это совершенствование происходит благодаря постоянному втеканию все более возрастающей сверхразумной энергии во все умственное существо, благодаря нисхождению сверхразумного света и постоянному подъему интуиции и ее сил к их источнику в раскрытых сияющих небесах сверхразумной природы. Затем есть двойное действие интуитивного ума, который открывает, осознает и всегда передает на рассмотрение свое знание свету над ним для поддержки и подтверждения, и из этого света сам создает высочайший ум знания, — реально, само сверхразумное действие во все более преобразуемом веществе ума приходящей на нет настоящей зависимости от умственных условий. Возникает сформированное таким образом меньшее сверхразумное действие, ум знания, всегда стремящийся измениться в подлинный сверхразум знания. Ум неведения все более определенно исключается, замещается умом самопозабытого знания, освещенного интуицией, и сама интуиция, более совершенно организованная, становится способной ответить на все более звучный призыв к ней. Возрастающий ум знания действует как промежуточная сила и, по мере того, как она формирует себя, он воздействует на предыдущую стадию, трансформируя или замещая ее, и тем вынуждает дальнейшее изменение, которое осуществляет переход от ума к сверхразуму. Именно здесь начинается изменение в сознании времени и в знании времени, и

оно находит свою основу, полную реальность и значение только на сверхразумных уровнях. По этой причине проявления этого изменения могут быть более доходчиво объяснены в отношении к истине сверхразума, ибо ум знания — это всего лишь бросок, последний шаг в восхождении к сверхразумной природе.

КОНЕЦ

16. subliminal self

17. self-substituting